

Александр Федоров

БЕЛАЯ БАШНЯ

Хроники Паэтты

Александр Федоров

Белая Башня (Хроники Паэтты)

«SelfPub.ru»

2017

Федоров А. Н.

Белая Башня (Хроники Паэтты) / А. Н. Федоров —
«SelfPub.ru», 2017

Мэйлинн Айрига - воспитанница школы лиррийской магии Наэлирро. Однако жизнь её круто меняется, когда она ей не удастся пройти обряд пробуждения, чтобы стать полноправной магинею. Отныне вся её жизнь - поиски себя. Она верит, что в этом ей поможет таинственная Белая Башня, которая даст ответы на все вопросы. В пути Мэйлинн встретит множество опасностей, которые ей не удалось бы преодолеть без случайных попутчиков - неудачливого воришки; бывшего паладина, а ныне - горького пьяницы; великого мага и опаснейшего мастера Теней. Все они, так же как и Мэйлинн, потеряли смысл жизни. Для каждого из них Белая Башня - шанс познать себя. "Белая Башня" - роман-приключение, роман-путешествие, завораживающий читателя проработанностью вселенной, персонажей, сюжета.

Содержание

Часть первая	6
Глава 1. Бин	7
Глава 2. Мэйлинн	12
Глава 3. Урок географии	16
Глава 4. Рассказ Бина	21
Глава 5. Рассказ Мэйлинн	24
Глава 6. Дорожная философия	30
Глава 7. Латион	33
Глава 8. Олива	41
Глава 9. Кол	49
Глава 10. Новое знакомство	54
Глава 11. Трудный выбор	59
Глава 12. Колионская дорога	66
Глава 13. «Два петуха»	75
Глава 14. Симмерские болота	85
Глава 15. Варан	92
Глава 16. Погоня	99
Глава 17. Симмер	108
Глава 18. Бегство	115
Глава 19. Гончая Симмера	127
Глава 20. Пунт	133
Глава 21. Война	140
Глава 22. Пустыня Туум	147
Глава 23. Каладиус	152
Глава 24. Ловушка	161
Глава 25. Башня	174
Часть вторая	179
Глава 26. План путешествия	180
Глава 27. Подготовка к походу	187
Глава 28. Невольничий конвой	195
Глава 29. После боя	207
Глава 30. Синивица	214
Глава 31. Лоннэй	223
Глава 32. Город мертвецов	230
Глава 33. Борьба за жизнь	241
Глава 34. Окончание мора	248
Глава 35. Побег	258
Глава 36. Найр	267
Глава 37. Недоразумение	274
Глава 38. День объяснений	282
Глава 39. День рождения	291
Глава 40. День тревог	299
Глава 41. Вастиней	306
Глава 42. «Залётная»	313
Глава 43. «Нежданная»	321
Глава 44. Море	331

Глава 45. Шторм	337
Глава 46. Продолжение историй	344
Глава 47. Глаз дьявола	354
Глава 48. Банный день	363
Глава 49. Золотой Шатёр	369
Часть третья	379
Глава 50. Император	380
Глава 51. Мангил	388
Глава 52. Орден чернокнижников	395
Глава 53. Недостающее количество	403
Глава 54. Врата Блантура	411
Глава 55. Заклинатели демонов	418
Глава 56. Штурм	424
Глава 57. Допрос	433
Глава 58. На живца	440
Глава 59. Чистка	450
Глава 60. Казнь	458
Глава 61. Воссоединение	466
Глава 62. Куб	473
Глава 63. Ночные бродяги	479
Глава 64. Сеал	487
Глава 65. По памятным местам	495
Глава 66. Счастливый случай	503
Глава 67. Санн	511
Глава 68. Затерянный город	518
Глава 69. Голова Шуанна	525
Глава 70. Кинай	541
Глава 71. Старые знакомые	549
Глава 72. Серое море	558
Глава 73. Полумесяц	567
Глава 74. Ритуал	573
Глава 75. Найти цвет	581
Глоссарий	594
Благодарности	612

Часть первая

Глава 1. Бин

Пятки нещадно колотились о бугристый сельский просёлок. Жара в этом году стояла такая, что впору раздеваться до костей, и пыль на наезженной дороге была лёгкой и мелкой. Вот и сейчас она взвивалась под ногами четверых колонов, тянущих связанного и избитого Бина к месту его последнего в этом мире пристанища. Пыль вырывалась и из-под израненных пяток Бина, облепляла покрытые кровяной коростой ноги. Пыль забивалась в и без того забитую слюнями и соплями глотку Бина, из которой доносились звуки, мало напоминающие человеческую речь. Пыль забивала слезящиеся, припухшие глаза Бина, и от этой огненной слёзно-пыльной смеси их жгло так, будто там устроил привал с неперенным огромным огневищем целый отряд северных берсерков из-за Серого моря.

Бина волокли больно и бесцеремонно. Руки его были раскинута в стороны, а под сгибы локтей вдоль лопаток была пропущена длинная жердь, к которой он сам был привязан грубыми вожжами, впившимися в израненное тело и набухшими от его, Биновой, крови. За эту жердь, по двое с каждой стороны, и тянули его ходко и споро те самые колоны, которые всего какими-то тремя четвертями часа ранее и застали его за кражей. Жердь больно била в лопатки, пятки больно били в дорогу. Голова была бессильно запрокинута и висела, как говорится, «вниз головой», отчего мир казался перевёрнутым. В этом перевёрнутом мире, кроме жаркого солнца, душной пыли и огненной боли присутствовали ещё несколько оборванных мальчишек, с издевательским смехом бегущими впереди процессии. Они уже предвкушали то, что сейчас должно произойти.

Кто бы мог подумать, что эти ленивые и недалёкие колоны окажутся ещё и такими обидчивыми и скорыми на расправу? Конечно, этим летом стоит такая жара, что с урожаем можно уже распрощаться – возделанные некогда поля покрылись потрескавшейся коркой, из которой тоскливо торчат былинки, которым не суждено уже стать налитыми колосьями. Да и трава погорела, так что сена заготовить на зиму тоже будет сложновато. Всё это понятно, но разве это повод людям так звереть? Ну подумаешь – пытался увести пару коней... Да и какие же это кони??? Клячи – и то слишком доброе имя для двух костлявых трясущихся животных, которые и стали причиной всех Биновых бед.

Конечно, Бин знал, что эти клячи – две последние оставшиеся в селении лошади, и что с их исчезновением исчезнет и последняя надежда колонов протянуть этот год. Да, наверняка им, колонам, пришлось бы идти на поклон к окрестным сеньорам, а те не преминули бы взять их в крепость за те жалкие подачки, что помогут хотя бы половине детишек пережить зиму. Хотя, глядя на глумящиеся пыльные рожи бегущих впереди пареньков, Бин как-то не очень-то находил жалость к ним в своём сердце. Да и ничего бы страшного не случилось, – продолжал размышлять Бин, – ну стали бы ещё полсотни колонов крепостными... Годом раньше, годом позже... Не засуха, так дожди, не дожди – так холода... Пусть ещё скажут спасибо, что в окрестностях Латиона обыватели пока не видели на своих щеках лиловых пятен синивицы, от которой мрут сейчас на западе королевства!

Конечно, мы сейчас очень облагораживаем и систематизируем мысли Бина. Конечно, они были совсем не так связны. Конечно, в них сейчас было куда больше нытья и бранных слов. Но это и простительно для человека неполных двадцати лет, которого собираются вздёрнуть на сук через каких-нибудь пять минут.

Вообще-то говоря, Пыжи – деревенька, в которой схватили Бина – была всего в паре лиг¹ от Латиона, столицы королевства с одноименным названием. По всем правилам колоны, схватившие конокрада, должны были бы сопроводить его в город и сдать в Бурый Суд. Однако обозлённые поступком Бина колоны решили, что нечего беспокоить почтенных судей по пустякам. Кроме того, им и самим хотелось выплеснуть хоть часть своей злобы

и безнадёги. Они не могли отомстить жгучему солнцу, они не могли отомстить тучам, что упорно не хотели переползать через невысокие Анурские горы на востоке, чтобы благословить живительной влагой страдающий Латион. Но они могли отомстить этому мальчишке, что едва не обрёк деревню на крепость или голодную смерть.

Следует пояснить, что в Латии насчитывалось четыре суда, которые имели столь длинные и витиеватые названия, что они уже давно забылись, а люди звали их просто по цветам мантий, в которые рядились те или иные судьи. Так вот, имелся в Латии Белый Суд – он судил меж собой знатных лендлордов, сеньоров и придворных. Был Алый Суд, где решались дела свободных сословий, во всяком случае тех из них, что имели достаточно доров² в кармане, дабы оплатить его услуги. Бурый Суд занимался всякой дрянью – городскими подонками и нищелюдами, а также низшими сословиями, к коим, конечно же, причислялись и сами колоны. Крепостных судил, естественно, сеньор. Самым таинственным и зловещим был Чёрный Суд. Под его юрисдикцию попадало жречество всех трёх официально разрешённых в Латии культов, а также маги.

Дабы не сильно отклоняться от повествования, остальные пояснения будут приведены в свой черёд в более уместных местах, а сейчас возвратимся к несчастному Бину, которого как раз уже подтаскивали к трактиру Пыжей, стоящему почти ровно посередине деревни. Рядом с трактиром росли огромные яблони, которые в более благоприятный год к этому времени уже были бы увешаны созревающими плодами, а сейчас уныло трепетали пожухшей листвой. Лучшего антуража для повешения, пожалуй, придумать было бы сложно.

Через толстый сук одной из яблонь, стоящей всего в нескольких ярдах³ от покосившегося крыльца трактира, уже болталась выдавшая виды верёвка с петлёй на конце. Другой конец был примотан к коновязи у крыльца, а рядом стоял здоровенный детина – не иначе кузнец. Именно он в нужный момент потянет за верёвку, оторвав тело несчастного Бина от грешной земли. Весьма жестокий способ повешения – при такой методе шейные позвонки останутся неповреждёнными, и Бину предстоит долгое и мучительное удушение.

На крыльце стоял краснолицый седой колон – наверняка староста деревни. Рядом с крыльцом ошивалось около десятка мужиков и баб из числа тех, что не поленились выйти на улицу в такую жару. Вообще-то их могло быть и побольше – работы теперь всё равно практически никакой не было. Из окна трактира лениво смотрел разморённый жарой купчиха из разряда тех, что торгуют с лотка разными безделицами, перемещаясь вдоль трактов. Купчиха, вероятно, был весьма доволен, что попал на такое вот развлечение там, где и не чаял.

Стенающего и хрипло воющего Бина подтащили к крыльцу и бросили в пыль. Жердь больно упёрлась в лопатки, затылок весьма чувствительно долбанул по утопанной земле. Ничего – всего несколько минут, и лишняя шишка перестанет иметь какое бы то ни было значение. Однако при мысли об этом легче почему-то не стало.

– Свободные граждане Латии! – зычно начал свою речь староста. – Мы собрались здесь сегодня для того, чтобы судить этого мерзкого преступника и конокрада, – узловатый палец указал на распятого на земле Бина.

– Это... несправедливо... Королевский суд... – кое-как выдавил из сжатого спазмами горла Бин.

Толпа присутствующих колонов глумливо зашумела.

– О каком королевском суде говорит этот подлец? – громко возопил староста. – Какой королевский суд станет мазать руки о такую падаль? И, да позволено будет напомнить, – это он уже обратился к присутствующим. – Да позволено будет напомнить, многоуважаемые свободные граждане Латии, об эдикте, изданном нашим славным Владыкой Матониусом Вторым две недели тому назад, в котором говорится о том, что всякое преступление, совер-

шённое в ситуации такой великой жары, карается так, как при военном положении. А при военном положении за мародёрство – виселица!

Толпа одобрительно загалдела, а одна немолодая уже колонка даже выступила вперёд и яростно плюнула в Бина. Правда, плевков не долетел до него добрых пару шагов, но баба, вероятно, почувствовала большое облегчение, потому что вернулась «в строй».

– Итак, с благословения Владыки Латиона, Коррэя и Санна, его величества Матониуса Второго Благословенного, по решению схода свободных людей деревни Пыжи, этот недостойный приговаривается к смерти через повешение.

Староста даже не потрудился узнать имя Бина – да и действительно, к чему оно уже было нужно?

Тем временем молодцы, что тянули Бина к месту казни, размотали вожжи и освободили его руки. Жердь вынули из-под несчастного парня, причём сделали это намеренно жёстко, так что Бин в очередной раз застонал от боли. Затем так же бесцеремонно он был подхвачен под руки и подтащен к яблоне. Пока двое держали обвисшее мешком тело, третий быстро и сноровисто накинул петлю на шею юноши и ловким движением затянул её.

– К сожалению, так уж случилось, – было видно, что староста ни капельки не сожалел. – Что сейчас в нашей деревне нет ни одного жреца. Преподобный Клаусс, жрец Великого Белого Арионна, нынче по делам отъехал в Латион. А жрецов Чёрного Асса и Перво-создателя в нашей честной деревне отродясь не водилось. Так что получается, сынок, что некому тебя сопроводить к Белому Пути. Да и толку-то – Белый Арионн ни за что не простит такого как ты, что хотел пустить по миру целую коммуну! Придётся тебе, парень, помирать без покаяния!

Сказать по правде, Бину было абсолютно всё равно, как помирать – что с покаянием, что без, ведь конец-то всё равно один. Поэтому он просто продолжал бессвязно ныть, уже не произнося отдельных осмысленных слов, а лишь тоскливо мыча разбитыми губами.

– Давай! – коротко махнул староста детине и тот, отвязав конец верёвки от коновязи и намотав её себе на руку, коротко крикнув, начал тянуть.

В Бине, молодом парне неполных двадцати лет, едва набиралось сто двадцать фунтов⁴ весу, включая одежду и сапоги, да и то в случае, если живот его был как следует набит. А учитывая, что сейчас сапог на нём не было, одежда изрядно потратилась в предшествующей потасовке, а ел (если можно назвать едой две полоски вяленой рыбы с полпинтой дрянного пива из «Папаши Карпа») он в последний раз вчера вечером, то в нём было и того меньше, так что для дюжего кузнеца вздёрнуть его было сущим пустяком.

Мгновение – и ноги Бина уже оторвались от земли. Он тут же ухватился руками за петлю, пытаясь хоть как-то её ослабить, и отчаянно замолотил ногами воздух. Из груди стали рваться прерывистые хрипы – на крики дыхания уже не хватало.

– Отпусти верёвку, парень, так проще будет, – как-то даже немного сочувственно про-басил кузнец, продолжая тянуть. Вот расстояние от земли до пяток Бина увеличилось уже до пары футов⁵.

Бин продолжал бороться. Он никогда не был особенным бойцом по жизни – частенько сбегал, когда начинало пахнуть жареным, и не особенно стремился, как говорится, «поймать удачу за вихры». Так, скорее просто плыл по течению. Но сейчас в нём проснулась какая-то отчаянная жажда жизни, иррациональное желание пусть ещё одно мгновение, но побыть на этой земле. Поэтому он продолжал хвататься руками за петлю, оттягивая жёсткую верёвку от шеи. Помогало это слабо, так как петля всё туже затягивалась под его весом, поэтому с каждым выдохом новый вдох получался всё труднее и короче. Голова наполнилась каким-то шумом, в глазах возникла пелена. Появилось ощущение, будто всё это происходит сейчас не с ним, а с каким-то другим Бином Танисти, никогда не жившем в Кривом проулке

Складского квартала Латиона, не имевшим двух младших сестёр и новорождённого брата, и не пытающегося заключить этот злосчастный контракт с Гильдией Теней.

Бин настолько сроднился с этой мыслью, что даже не сразу заметил, что всё вокруг как-то неожиданно стало меняться. Сначала он услышал какой-то странный гул – далеко, будто на другом конце мира. Этот гул поначалу был неслышен из-за шума в ушах, но в конце концов Бин обратил на него внимание.

Обратили на него внимание и славные жители Пыжей, которые вдруг стали как-то тревожно озираться по сторонам. А затем здоровяк-кузнец вдруг взвыл и разом выпустил верёвку из рук. Бин, в очередной уже раз, преобольно шмякнулся об утопанную землю с высоты трёх футов. А здоровяк стал дико махать руками, бить себя по бокам, при этом уж совсем не степенно визжа. Самое интересное, что вскоре к нему присоединились и другие жители. Купчишка поскорее захлопнул ставень, но вскоре по истошным крикам стало понятно, что напасть настигла и его.

И тут Бин оставшимся ему краешком сознания понял причину переполоха. Шершни. Целый рой большущих шершней кружил над разбегающимися колонами и нещадно жалил их. Было крайне удивительно, насколько свирепо атакуют летающие насекомые. При этом Бин даже как-то не удивился – а почему, собственно, шершни не жалят его, Бина. Пока он просто лежал и с наслаждением втягивал через ноющую гортань такой вкусный пыльный воздух.

Тут поле зрения Бина загородила серая тень. Серебряной молнией сверкнул клинок, значительно укоротив верёвку, висящую на его шее, так что от неё остался обрубок длиной не более двух футов.

– Идти можешь? – услышал он напряжённый высокий голос.

В ответ Бин смог лишь невнятно промычать что-то и с усилием оперся в землю руками. Кажется, несмотря на все побои, у него ничего не сломано. Всё болит чертовски, конечно, но когда это мешало Бину Танисти уносить ноги от неприятностей? Так что вместо ответа Бин сделал сначала несколько неуверенных шагов, затем перешёл на быстрый шаг, затем на рысцу. Конечно, ему очень хотелось бы перейти на более быстрый способ бега, но тут его организм окончательно воспротивился такому насилию. Так что, кряхтя, охая, и смешно припадая сразу на обе ноги, Бин лёгкой трусцой кинулся вглубь яблоневого сада, каким-то чудом (не иначе как милостью снисходительного Арионна) перемахнул через плетень, пробежал по улице мимо ещё нескольких домов, ставни которых были плотно закрыты от жары, и наконец оказался на околице.

Всего в паре сотен ярдов от деревни начиналась небольшая рощица, и, за неимением большего, Бин припустил к ней. Там можно будет перевести дух, а затем, конечно, нужно как можно быстрее оказаться в Латионе. Уж там-то, в зловонных лабиринтах Складского квартала, Бина Танисти не найти ни одной ищейке. Там ему знаком каждый камешек в сточной канаве, каждый кустик крапивы, каждая щёлочка в заборе.

Оказавшись под сенью осин, Бин наконец плюхнулся на землю, привалившись спиной к стволу. Но не успел он закрыть глаза, как рядом снова оказалась та самая серая тень. Теперь, когда его зрение очистилось от предсмертной пелены, Бин увидел, что это – никакая ни тень, а совсем юная девушка, пожалуй, года на три-четыре моложе самого Бина. Причём чуть присмотревшись, Бин понял, что это не просто девушка, т.е. не девушка людской расы, а лирра. Лирры были очень похожи на людей, разве что глаза у них были заметно больше и расположены несколько странно – задние уголки этих миндалевидных огромных глаз были подняты на черепе заметно выше тех, что находились у переносицы, и зрачки их были куда больше человеческих. Также лирр отличали заметно более удлинённые тонкие пальцы и слегка заострённые кверху уши.

Волосы лирры были цвета тёмного каштана, прямые, чуть длиннее плеч. Глаза цвета тёмного гречишного мёда, черты лица тонкие и правильные, что, в общем-то, характерно для всех лирр, независимо от пола. Роста лирра была невысокого, пожалуй, долговязому шести-футовому Бину она была бы едва по плечи. Одета она была в просторную серую одежду, скрывавшую фигуру, но Бин знал, что стройностью фигуры с лиррой может поспорить редкая девушка из людей. И тут глаза Бина словно остекленели, а рот глупо приоткрылся, да так, что из него тоненькой струйкой стекла на подбородок подкрашенная красным слюна. Бин уставился на шею лирры, которую украшала тёмная татуировка в виде некого кружевного ошейника. А это означало, что лирра была не из простых, а самая что ни на есть воспитанница Школы Наэлирро.

Между тем лирра убрала в ножны недлинный кинжал, который до сих пор, с момента, когда она перерезала верёвку, всё ещё был в её руке, лёгким движением отбросила прядку волос с лица, улыбчиво глянула в лицо спасённого ею человека и просто сказала:

— Привет, я Мэйлинн.

Глава 2. Мэйлинн

Мэйлинн присела рядышком со спасённым ею человеком и быстрым взглядом оценила его. Длинный как жердь, и такой же тощий, будто не ел нормально уже много недель. Весь покрыт запёкшейся кровью и пылью. Спутанные окровавленные волосы, если их помыть, наверное, окажутся светло-русыми. Молодая мягкая щетина юноши, редко пользующегося бритвой, покрывала щёки и подбородок. Выглядело это скорее смешно, чем мужественно. Глаза светло-серые. Грудь впалая. Далеко не красавчик, хотя после всего, что ему пришлось пережить, ещё и не так сойдёшь с лица... Но определённо что-то в нём есть. Мэйлинн была уверена, что после того, как он с полминуты провисел между небом и землёй, да ещё и с предварительно намятыми как следует боками, он идти не сможет, не то что бежать. А вон, погляди-ка, припустил так, что... Мэйлинн мысленно осеклась: продолжением этой фразы напрашивались слова «я едва за ним поспевала», но это, конечно, было не так. Мэйлинн была уверена, что буде парнишка в своей лучшей форме, она легко обогнала бы его в беге. Хотя и хвастать тут нечем – лирры славятся лёгкостью и быстротой бега, так что редкий человек может составить им конкуренцию.

Судя по тому, что паренёк тупо уставился на её шею, приоткрытую благодаря распущенной шнуровке блузы (такая-то жарница!), он уже понял, что она – одна из Наэлирро. Небось, уже обделался, бедняга. Надо как-то разрядить обстановку.

– Где же ваше вежество, сударь, – смешливо спросила Мэйлинн. – Кажется, я не далее как пять минут назад спасла вам жизнь, а теперь вы не хотите ни представиться, ни поздороваться со мною. Я уж не говорю о том, чтобы поблагодарить меня за мой поступок.

Парень наконец заморгал глазами, его рот смешно закрылся, затем открылся снова, но звуки, которые оттуда донеслись, больше походили на сипение сдуваемого кожаного меха. Тогда парень сильно закашлялся сухим кашлем без пяти минут повешенного человека, затем перевёл дух и выдавил:

– Привет, я – Бин... Спасибо... вам... что спасли мне жизнь...

– Да ну, не за что! – легко отмахнулась Мэйлинн. – На моём месте любой поступил бы так же.

На этот счёт у Бина были весьма серьёзные сомнения. Точнее, он был совершенно убеждён в обратном. Более того, слегка покраснев он вдруг подумал о том, как бы он поступил сам, увидев, что кто-то собирается повесить эту юную лирру. В лучшем случае прошёл бы мимо, подумалось Бину. А всего скорее ещё бы и остановился поглазеть. Да и между лиррами и людьми не было особой любви, так что поступок этой конкретной лирры был мягко говоря непонятным.

– Мне кажется... вы заблуждаетесь... – просипел Бин.

– На счёт чего? – всё с той же очаровательной непосредственностью спросила Мэйлинн, словно она действительно свято верила в то, что сказала только что.

– Я не думаю, что каждого озаботила бы... моя смерть... А тем более... – Бин стушевался.

– А тем более лирру, хотите вы сказать? – испытующе заглянув ему прямо в глаза, спросила Мэйлинн.

– Да... Лирру... Тем более, из школы магов... – пролепетал Бин.

А ведь он нравится ей всё больше и больше, подумалось Мэйлинн. Он говорит, что думает, тогда как большинство известных ей людей и лирр обычно слишком думают, что говорят, отчего говорят чаще всего не то, что думают. Нет, определённо, она не ошиблась, уступив первому порыву жалости.

– Наверное, ты прав, – как-то просто вдруг переходя на «ты» отозвалась Мэйлинн. – Мы, лирры, не очень-то жалует людей, да и вы отвечаете нам взаимностью. И ты прав, я действительно обучалась в Наэлирро. Но это в прошлом.

– Так почему же тогда? – продолжал допытываться Бин, к которому постепенно возвращалась жизнь, по мере того, как он отдыхал и переводил дыхание.

– Не люблю, когда мучают кого бы то ни было, – помрачнела Мэйлинн. – Человека, лирру, гнома... Да хоть гоблина с Симмерских болот. Эти деревенщины были весьма жестоки.

– Надо признать, что не без причины, – неожиданно для себя ляпнул Бин. – Вообще-то я чуть не украл их последних лошадей.

– Да, понимаю... Без лошадей у них не осталось бы другого выхода, как податься в рабство к какому-нибудь сеньору.

– Не в рабство! В крепость! – поправил Бин.

– Как будто есть разница! – резко возразила Мэйлинн.

– Ты права... – немного подумав, согласился Бин, подхватывая от Мэйлинн обращение на «ты».

– Ну так, выходит, не нужно было тебя спасать? – лукаво улыбнулась Мэйлинн.

– Почему же. Нужно. Спасибо тебе ещё раз. А как ты вообще оказалась тут, в какой-то занюханной людской деревушке? – полюбопытствовал Бин.

– Да так же, как и все оказываются в каком-то месте – ногами, – насмешливо проговорила Мэйлинн. – Я шла по своим делам, остановилась в тени тех прекрасных яблонь, решив не заходить в кабаки и лишний раз не светиться. И невольно стала свидетелем того, как тебя хотели повесить. Ну вот мне и стало как-то неприятно от этого.

– И это ты напустила на них этих шершней?

– Ну а кто же ещё? Сами они бы уж точно не прилетели, тем более, все вместе.

– Так ты их наколдовала? – с некоторой робостью спросил Бин.

– Вот ещё!.. – фыркнула Мэйлинн. – В этом старом саду было несколько гнёзд, я их заприметила, ещё когда остановилась на отдых. Ну а потом – просто симпровизировала. Всего-то и нужно было, что направить шершней на нужных людей.

– Да уж... Мне следует вознести молитву Арионну за такие чудесные совпадения! – произнёс Бин.

– Ты веришь в совпадения? Я вот – нет! – мотнула головой Мэйлинн. Затем она легко и изящно поднялась с корточек на ноги. – Ну что, отдохнул?

– Меньше, чем хотелось бы, но, думаю, достаточно, чтобы идти, – ответил Бин.

– Ну тогда нам пора двигаться. Не хватало ещё, чтобы сюда нагрянули разъярённые селяне!

– А разве ты не справишься с ними своей магией? – спросил Бин, с надеждой взглянув на Мэйлинн.

– Не говори ерунды! Я не стану сверх меры причинять неприятности этим несчастным людям! Кроме того, мои возможности не так уж велики... – как-то грустно закончила Мэйлинн.

– Ну да... У лирры из школы магов... – недоверчиво протянул Бин, но Мэйлинн его тут же осекла:

– Не время сейчас об этом говорить. В своё время всё узнаешь, если на то будет моя воля. А пока давай-ка делать ноги отсюда.

– Если хочешь, мы можем пойти в Латион, ко мне домой. Там переждём и отдохнём, – робко предложил Бин.

– С чего ты взял, что у нас с тобой общий путь? – прищурилась Мэйлинн.

– Ну ты же сказала, что *нам* надо уходить... – смешавшись, промямлил Бин.

– Потому, что не хочу, чтобы мои труды были напрасны, а не потому, что жажду путешествовать с таким бравым рыцарем! – насмешливо ответила Мэйлинн. – Я просто хочу удостовериться, что ты в безопасности, а затем я пойду своей дорогой.

– И куда же лежит твоя дорога? – нарочито сухо спросил Бин, крихтя, поднимаясь на ноги. – Ежели это не секрет, конечно...

– Секрета нет, – легко ответила Мэйлинн. – Я иду к Белой Башне.

Бин аж фыркнул:

– Куда? К Белой Башне? Может быть, ты ещё хочешь найти там Золотого Единорога, пасущегося в её тени?

– Не говори ерунды! Золотых Единорогов не существует!

– Так же, как и Белой Башни! Это сказки для детей! – Бин сделал несколько шагов и скривился от боли.

– Кажется, в общении с тобой самой частой моей фразой станет «Не говори ерунды»! – рассмеялась Мэйлинн. – Не говори ерунды, Бин! Если я говорю о Белой Башне, то я знаю, о чём говорю!

– Да? – с издёвкой обернулся к ней Бин. – Может быть, ты её и сама видела?

– Видела! – отчеканила Мэйлинн.

Бин приостановился и взглянул на лирру с видом человека, которого на мякине не проведёшь, и который ясно видит, что его пытаются надуть:

– Достопочтенная Мэйлинн! Я, может быть, простой парень из трущоб Латиона. Может быть, я мало образован, поскольку сумел окончить лишь полтора класса школы при храме Белого Арионна. Я многого не знаю, многомудрая лирра. Но одно я знаю точно: Белой Башни не существует!

– Только полный дурак будет убеждать, что он знает что-то точно! – беззлобно фыркнула Мэйлинн. – Ты можешь мне не верить, Бин, но я своими глазами видела Белую Башню не далее как шесть недель тому назад! Я видела её так, как вижу сейчас тебя. Ну, не совсем, конечно... – Мэйлинн слегка пожала плечами. – Я увидела её из своего окна в Наэлирро. Она была далеко-далеко на горизонте, но при этом казалась такой близкой.

– Ты видела башню Главного храма Арионна в Латиионе! – на повышенных тонах возразил Бин.

– Не. Говори. Ерунды. Бин, – отдельно и с явной издёвкой произнесла Мэйлинн. – И вообще, давай, шевели ногами, если не хочешь вторично повиснуть под прекрасными яблонями той деревеньки.

Бин послушно двинулся в путь.

– От школы Наэлирро до Латиона шесть недель пути! Я это знаю, потому что ровно столько мне понадобилось, чтобы прийти сюда, – продолжила Мэйлинн. – По-твоему, на таком расстоянии возможно увидеть какую бы то ни было развысокую башню?

– Ну так значит это была башня в каком-то другом храме, недалеко от этого твоего Наэлирро! – не сдавался Бин, пробираясь к краю чащи в направлении Латиона.

– Там нет никаких башен! Точнее, башни, конечно, есть, ведь рядом с Наэлирро стоят сразу два больших города: Торрон и Варс. Но та Башня возникла из ниоткуда. Вчера её не было, а сегодня – вот она. А через какой-то час её опять не стало!

– Значит, многоуважаемая Мэйлинн просто перепробовала каких-то лирровых эликсиров, отчего стала видеть то, чего нет! – усмехнулся Бин.

– Не говори ерунды, Бин! – в очередной раз отрезала Мэйлинн. – Во-первых, надо говорить «лиррийских эликсиров». Во-вторых, к тому моменту я уже много недель не принимала ни одного эликсира, потому что... Ну, неважно... – осеклась лирра. – Ну а в-третьих, я – не дура и могу отличить то, что я вижу от того, что мне видится. И я говорю тебе, глупый Бин, что я видела Белую Башню!

Разговаривая, Бин и Мэйлинн всё дальше уходили от злополучной деревеньки. Хвала Арионну, погони не было – видно колонны здорово струхнули от такого внезапного нападения и теперь, сидя по своим лачугам, стенам пытались какими-нибудь примочками из мочи облегчить боль от укусов насекомых.

Глава 3. Урок географии

– Не хочешь попробовать двигаться побыстрее? Если хочешь поспеть в Латион хотя бы к началу Последней Битвы Арионна с Ассом, – язвительно осведомилась Мэйлинн, глядя, как Бин, кривясь, ковыляет по дороге. Сейчас, когда заряд адреналина пошёл на убыль, парню становилось всё тяжелее.

– Да уж иду, как могу! – огрызнулся Бин. – Я бы посмотрел на тебя, кабы тебя отлупили по чём зря проклятые колонны!

– Вообще-то я, в отличие от тебя, в пешем пути уже шесть недель! И, как видишь, вполне себе бодра и полна сил! – парировала Мэйлинн.

– Кстати об этом, – Бину очень досаждала боль, и захотелось отвлечься от неё разговором. – Ты говорила, что идёшь от самого Варса?

– Ну почти так. Наш Наэлirro стоит как раз между Варсом и Торроном.

– Никогда не слышал о Торроне, – признался Бин.

– Ну он, конечно, не такой большой, как Варс, хотя тоже немал. Около пяти тысяч жителей. Большой купеческий двор. Есть храмы и Арионна, и Асса и Первосоздателя. Красивый город. Мне нравился больше Варса.

– А я никогда не был нигде, кроме Латиона. Сказать по правде, я и за городом-то сегодня, считай первый раз, – Бину было неловко признаваться в этом рядом с лиррой, которая была заметно моложе его, а уже успела побывать в стольких местах. – А как же ты путешествуешь? Ты раньше уже бывала в Латионе?

– Никогда, – дёрнула плечиком Мэйлинн.

– А как же ты добралась сюда? Ведь это так далеко!.. – Бин только сейчас вдруг осознал, насколько далеко забралась эта хрупкая лирра, и проникся к ней неподдельным уважением.

– Да очень просто. У меня же есть карта...

– Карта?.. – недоверчиво протянул Бин. – Я никогда не видел карт. А покажи! – вдруг попросил он.

– Да пожалуйста, – ответствовала Мэйлинн. – Давай-ка вон присядем под тем деревцем, всяко какая-никакая, а тень. Заодно и передохнёшь. – несколько злорадно, как показалось Бину, добавила лирра.

– Да я не устал совсем! – взвился было парень, но вдруг как-то стушевался и неожиданно даже для самого себя добавил: – Мне просто очень больно...

Всякое злорадство, если оно и было, тут же спорхнуло с лица Мэйлинн. Она даже чуть сбавила шаг, примериваясь к неровной походке Бина. Так они оказались под чахлой липкой, которая почти не давала тени, так как листья её свернулись в буроватые трубочки.

Мэйлинн сунула руку в дорожную сумку, висящую на плече, и выудила оттуда свёрнутый кусок пергамента, обвязанного ещё и холщовой тканью. Бережно размотала холстину, развязала шёлковый шнурок и развернула желтоватую кожу, положив её на сухую траву.

Бин с восторгом смотрел на карту. Очень качественно нарисованная разными чернилами, так что сразу было видно – где вода, а где горы. Некоторые города (в том числе и Латион) были отображены не просто точками, а небольшими изображениями зданий. Коренной латионец, Бин сразу же узнал очертания Главного храма Арионна. Вероятно, и другие здания были изображениями главных достопримечательностей иных городов.

– Это и есть наш мир? – восхищённо выдохнул Бин.

– Ну что ты... – снисходительно ответила Мэйлинн. – Наш мир гораздо больше. Это только наш материк, на котором мы находимся.

– И как он называется? – Бину было мучительно стыдно, что в свои почти двадцать он совершенно ничего не знал об окружающем его мире.

– Паэтта, – почему-то Мэйлинн и не думала насмехаться и издеваться. Напротив, она даже как-то посерьёзнела. – А ещё есть Калуя, ниже, на юге. Там живут удивительные чёрные люди и огромные животные – каждое размером с дом. Вот тут, на западе, если бы карта была побольше, мы бы увидели Эллор, самый большой материк нашего мира. Он отделён от нас Загадочным океаном. К сожалению, большая часть его неизведана, т.к. на нём живут страшные магические существа, и повелевает всем империя чёрных магов Тондрон во главе с колдуном-императором Гурром...

– Я слышал о нём, – снизив голос, перебил Бин. – Мужики на складе, где я работал, когда роняли себе на ногу ящик, или когда господин Вуйе задерживал недельное жалование, частенько восклицали: «Да чтоб тебя Гурр взял!».

– Наше счастье, что пока Гурр всерьёз не заинтересовался нашими землями. Что самое удивительное, он пока даже не трогает наши поселения на восточном берегу Эллора.

– И кому охота жить под боком у чёрных магов? – поразился Бин.

– Ну вообще там несколько колоний. Есть и наша, Латионская. Называется Поволье. Туда едет народ, который не видит перспектив здесь, где всё больше свободных колонов попадают в крепость к сеньорам. Там, в Поволье, нет сеньоров, нет крепостных. Зато там много рудников. В том числе и мангиловые.

– Ааа, тогда всё понятно, – протянул Бин. – Мангил ценится в десятки раз дороже золота. Небольшой кусочек может обеспечить безбедную жизнь целой семьи в течение года, а то и больше.

– Не говоря уже о том, что мангил – единственный металл, который подчиняется зачарованию, – добавила Мэйлинн. – Нет, конечно, зачаровать можно и самую обычную железку, но только вот сила этого зачарования будет весьма небольшой, и продлится оно хорошо если три-четыре дня. Небогатые бароны могут позволить себе мага средней руки, который способен вот так вот зачаровывать стальные мечи, да только на зачарование одного меча требуется больше суток. Такими темпами много мечей и копий не зачаруешь. А ведь нужно делать это непосредственно перед битвой, а то ещё прошляпишь – и весь наговор к нужному моменту сойдёт на нет. Уж чего только не пробовали – и рунную магию, и магию крови, и при варке стали эликсиры разные пробовали добавлять... Ничего не помогает. А мангиловый меч, единожды зачарованный, останется таким навсегда. Не говоря уж о том, что мангил куда как прочнее стали, и не подвержен рже.

– Да уж, только позволить себе мангиловый меч может только король... – проворчал Бин.

– Ну не только король, положим, – ответила Мэйлинн. – У Лорда-ректора Наэлирро имеется мангиловый меч, сама видала. А у императора Саррассы так и вовсе есть целый мангиловый доспех! А у нас в Латионе все паладины вооружены мангило-стальными мечами. Конечно, там на ведро стали капля мангила, но и этого хватает, чтобы сталь стала гораздо прочней и зачаровывалась аж на несколько месяцев.

– И откуда ты всё это знаешь? – с лёгкой завистью спросил Бин.

– Так этому нас в Наэлирро учили всему. Так же, как и географии, кстати, – лукаво добавила Мэйлинн. – Вернёмся к карте.

– Я бы всё равно не поплыл под бок к Гурру, – проворчал Бин. – Ну давай, рассказывай дальше!

– Хорошо. Остался последний материк, Тайтан. Он находится очень далеко на севере, дальше всех других материков. И абсолютно безжизнен. Там нет ничего, кроме льдов. Учёные разных государств пытались изучить хотя бы прибрежные районы Тайтана, но большинство этих экспедиций так и не вернулись. Даже летом там такие холода, что, говорят, плевков замерзает, не успев долететь до земли.

– Что же тогда там творится зимой! – поёжился Бин.

– Зимой, говорят, у людей замерзают глазные яблоки, – замогильным голосом провыла Мэйлинн, и тут же рассмеялась. – Да не знаю я, но наверняка там черрртовски холодно!

– Значит, нам очень повезло, что мы родились именно на Паэтте, да? – спросил Бин.

– Наверное, – ответила Мэйлинн. – Всё-таки это самый приспособленный к жизни материк. Не даром же здесь столько государств. Пустых, ничейных земель тут просто нет. Даже самые жуткие пустыни или там самые комариные топи – и те принадлежат тому или иному государству. Вот Калуя заселена довольно слабо, в основном, только на севере. Юг её – непроходимые джунгли, где людям не выжить. Наверное, когда-нибудь люди, или другие расы сотрут эти убийственные джунгли с лица земли и на их месте разобьют прекрасные парки и построят величественные города. Но пока даже местные жители не рискуют уходить вглубь джунглей дальше чем на полдня ходьбы. Ну а что касается Эллора... – Мэйлинн помрачнела. – Я надеюсь, что мы никогда не услышим о нём. Будь моя воля, я эвакуировала бы оттуда всех поселенцев, взорвала бы все шахты. «Не буди лихо, пока оно тихо». Хотя империи чёрных магов уже много тысяч лет, и Гурр правит ею последние пару тысячелетий, и пусть до сих пор он никак не замечал нас, я очень боюсь, что скоро всё изменится. Ты слышал о Ночных бродягах?

– Слышал ли я о Ночных бродягах?... – несмотря на жару Бин вдруг передёрнулся как от внезапного холода. – Да кто ж о них не слышал? У нас в Латионе говорят, что недавно население целой деревни, кажется, называлась она Дрозды, или как-то так, просто исчезло в одну из ночей. Около ста душ растворилось в воздухе. Так же, как и все собаки, козы и куры. И говорят, что ночью накануне, недалеко от деревни на тракте видели двух Ночных бродяг на чёрных конях.

– Они всегда носят чёрные плащи и закрывают лица капюшонами. Они никогда открыто не появляются в населённых пунктах, не общаются с людьми. Их всегда видят лишь издали и всегда только ночью. Никто не слышал их голоса и не видел лица. Хотя, может такие и были, но они уже точно ничего никому не скажут. Мы даже не знаем – сколько этих Бродяг шатается по нашим трактам. Они редко появляются больше чем по двое-трое, так что их может быть и не больше полудюжины, носящейся туда-сюда. А может быть – их сотни. Но в Наэлирро убеждены, что они как-то связаны с Тондроном. Я думаю, что они – как раз и есть те самые чёрные маги, которые посланы Гурром то ли на разведку, то ли для начала тихой войны. Твои Дрозды – не единственная деревня-призрак. А уж сколько купеческих караванов, сколько припозднившихся гуляк не вернулись домой – о том и Арионн не знает, наверное. Одно знаю: сколько ни пытались паладины выслеживать, охотиться, обкладывать их как зверей – ничего не выходит. Ночные бродяги исчезают, будто туман, избегают любых ловушек и засад. Никто даже не знает – смертны ли они, телесны ли. Возьмёт ли их сталь, или хотя бы мангил. Можно ли заточить их в темницу, чтобы изучить.

– И несмотря на всё это, ты в одиночку бродишь по трактам? – изумился Бин.

– Ну у меня есть кой-какие средства, чтобы избегать лишних встреч, – уклончиво ответила Мэйлинн. – Хотя, конечно, от этого никто не застрахован. Но мне просто очень нужно...

– Знаю, найти Белую Башню, – перебил Бин. – Вот я удивляюсь – ты столько всего знаешь, такая умная, а веришь в детские сказки.

– Вернёмся к карте, – Мэйлинн решила пропустить мимо ушей высказывание Бина.

– Да. Расскажи мне о Паэтте. О государствах и городах, – попросил Бин.

– О, это займёт очень много времени. У нас столько нет. Так что я расскажу только самое основное.

Мэйлинн разгладила кусок пергамента руками и продолжила:

– Смотри, Паэтта омывается со всех сторон океанами. С запада, как я уже говорила, это Загадочный океан. Назвали его так, думаю, потому, что за ним лежит таинственный материк Эллор. Да и в самом океане иногда случаются загадочные явления – то небесные свечения,

то подводные свечения, то возникающие и исчезающие острова... С юга нас омывает тёплый Калуйский океан. Он же омывает и Калую. На востоке – Великий океан. Он настолько велик, что никто из мореплавателей ещё не достиг его восточных берегов. Учёные в этом плане разделились на два лагеря. Одни убеждены, что наш мир имеет форму шара, и если долго плыть на восток, то можно приплыть к западной оконечности Элнора. Другие же доказывают, что наш мир плоский, и что за Великим океаном либо предел мира, либо ещё какой-то неизвестный нам материк. На севере Паэтты вечно бушующее Серое море, длинное и узкое, как змея. По ту сторону Серого моря – острова Келли, пристанище северных племён, что частенько беспокоят наших соседей палатийцев. А севернее островов Келли лежит Студёный океан, и плавающие льды у берегов Келли постепенно сменяются вечным льдом по мере продвижения к северу.

– А вот это место похоже, будто огромный трёхпалый зверь оставил свой след! – ткнув пальцем в пергамен, воскликнул Бин.

– Да, этот залив так и называется – заливом Дракона, потому что действительно похож на драконью лапу. А эти заливчики называют Пальцами Дракона – Верхним, Средним и Нижним. Ах, какие вкусные устрицы привозили нам в Наэлирро из залива Дракона! Но продолжим...

Смотри, с севера на юг наискосок пересекают Паэтту Анурские горы. Они не очень высоки, но тем не менее слишком круты, так что переход через них возможен лишь в нескольких местах. По крайней мере, для крупных караванов. Так-то, наверное, козых троп или гномьих тоннелей будет побольше. Но по первым могут передвигаться либо пастухи, либо козы, а во вторые гномы весьма неохотно пускают посторонних. То, что восточнее Анурских гор, называется Загорьем. Там, беря начало в ледниках Анур, протекает река Дорон. По обеим берегам её лежат два государства: Пунт – севернее и Дория – южнее.

Пунт – зелёная сельскохозяйственная страна, славящаяся своими пашнями и садами. И люди там подстать – спокойные и трудолюбивые. Дория же, напротив, земля степей. И там живут кочевые народы, частенько беспокоящие как пунтийцев, так и южных соседей саррассанцев. Столица Пунта Лоннэй, и столица Дории Саин стоят в пределах дня пути по обе стороны Дорона. И по какому-то негласному договору, во время частых стычек между этими государствами, ни та ни другая сторона не покушается на эти города.

Раз уж начали с Загорья, то продолжим дальше. Вот тут, где степи переходят в пустыню Туум, кончаются земли Дории и начинается великая империя Саррасса. Она простирается по всему Загорью до Калуйского океана, но главные её земли, конечно же, лежат перед Анурскими горами. Собственно, Саррасса является нашим южным соседом. Это очень богатая империя, которая ведёт обширную торговлю с народами Калуйи и привозит на наш материк всевозможные диковины с юга. Также отмени Калуйского океана близ Саррассы богаты чёрным жемчугом. Да и сама империя производит лучшие шелка в мире. Столица империи, город Золотой Шатёр стоит на тёплом побережье Калуйского океана. Этот город весь построен из розового камня и позолоты. Саррассанцы очень любят производить на всех впечатление.

Ну, севернее Саррассы начинаются земли Латиона. Через сам город Латион протекает великая река Труон. Конечно, у Латиона Труон ещё не так широк, а вот ближе к устью, в землях Палатия, Труон растекается почти на две тысячи ярдов в ширь. А начало он берет в прекрасном озере Прианон, богатом подводными ключами. Вот тут, юго-западнее Латиона. Вода в нём настолько чистая, что даже сквозь толщу в двадцать футов воды можно легко разглядеть рыб на дне. Я видела это озеро. Оно поистине прекрасно.

А вот другое озеро, Симмер, на северо-востоке от города, недалеко от отрогов Анурских гор, совсем иное. Вокруг него лежат знаменитые Симмерские болота. Крайне неприятное место. Да и само озеро Симмер не назовёшь прекрасным. Вода в нём тёмная, берега

покрыты лесом. Зато оно даёт начало третьей реке Паэтты – Алийи. Она бежит на север и вот здесь сливается с Труоном. Именно на слиянии этих рек построен Шинтан – столица королевства Палатий. Палатийцы – замечательные торговцы. У них необычная монархия – государством правит король, но его избирает Палата Гильдий, куда входят крупнейшие представители торговых гильдий страны.

На западе к Латиону примыкают две страны – герцогство Коррэй и воеводство Санн. Небольшие, в общем-то земли. Когда-то, при деде нынешнего короля Латиона Матониуса, между ними началась война. Оба государства были к ней не готовы, и так уж случилось, что они независимо друг от друга попросили помощи у восточного соседа. Король Амманиус Четвёртый, дед Матониуса, недолго думая ввёл свои войска к обоим соседям и пользуясь внутренними и внешними противоречиями во враждующих странах, повернул всё так, что оба стали доминионами Латиона. В них сохранилась традиционная система правления – в Коррэе правит династия герцогов Коррэйских, а в Санне управляют коннетабли. Но по сути, и у тех и у других законный правитель – король Латиона. У него и титул официальный звучит как «Его королевское величество, король Латиона, Коррэя и Санна». Большого толку нам от этих земель нет, но и давать им независимость короли Латиона пока не спешат.

Ну и последнее княжество, лежащее западнее наших земель, на побережье Загадочного океана, называется Кидуа. На входе в залив Дракона расположена столица Кинай. Кидуанцы – известные на весь мир мореходы. Именно они открыли все известные нам сейчас материки. Именно они первыми поселились на Эллоре. Именно от них мы узнали о Тондроне и его страшных правителях.

И я забыла рассказать только об одном месте. Вот тут, почти посередине Анурского хребта, где сходятся границы Саррассы, Латиона и Дории, находится гномский анклав Дак Анбур с подземной столицей Дуондур. Эти земли формально принадлежат империи, но гномы давно заключили соглашение, по которому имперцы не претендуют на них, а гномы платят богатую дань самоцветами и металлами.

Мэйлинн остановилась и перевела дух. Последние полчаса она болтала почти без умолку, даже взмокла. Удивительно, но Бин всё это время зачарованно следил за пальцем лирры, порхающим над картой, и старался не упустить ни одного слова.

– Что-то мы заболтались, – Мэйлинн изящно поднялась, отряхнулась и стала не спеша скручивать карту. – Нам уже пора. Надеюсь, ты отдохнул. Вставай давай, да пойдём дальше.

Бин нехотя встал на ноги, слегка скривившись. Ноги затекли от долгого неподвижного сидения, и сейчас кровь болезненно возвращалась в мышцы.

– Спасибо за урок, – совершенно серьёзно поблагодарил он лирру.

– Да не за что, – отмахнулась та. – Всегда приятно блеснуть знаниями. Ну, пошли, что ли...

Глава 4. Рассказ Бина

– А ты же, помнится, говорила, что нам с тобой не по пути, – через пару минут ходьбы подал голос Бин.

– Говорила, – легко согласилась Мэйлинн. – Но вообще-то нам с тобой пока по пути. Я как раз направлялась в Латион. Нужно сделать кой-какие дела и пополнить кой-какие припасы.

– Понятно... Наверное, что-то магическое... – буркнул Бин.

– А когда у лирр бывает по-другому? – отшутилась Мэйлинн.

Ещё пара минут в тишине.

– Так какой бес потянул тебя в эту деревеньку? – на этот раз молчание нарушила Мэйлинн. – И зачем тебе вообще понадобились те клечи?

– Да мне они без надобности, – ответил Бин. – Я просто пытался выполнить задание мастеров Гильдии Теней.

– Ничего себе... – протянула Мэйлинн, взглянув в лицо Бину. – Так ты состоишь в Гильдии Теней?

– Не состою. Как раз собирался. Это и было моё вступительное задание...

– Вступительное задание? – поинтересовалась лирра. – Как это?

Теперь Бин заглянул ей в глаза – не издевается ли?

– Ты ведь такая мудрая, и столько всего знаешь... А вот того, что знает любой мальчишка Латиона – не ведаешь? – недоверчиво спросил он.

– Если ты ещё не заметил, то я – не любой мальчишка Латиона, – фыркнула Мэйлинн. – Я выросла в других, куда более приличных местах и ни о каких вступительных заданиях Гильдии Теней слыхом не слыхивала. Так что прошу тебя просветить меня в этом вопросе. А ещё лучше – Расскажи мне о себе, Бин. Хочу узнать, что за человека я сегодня спасла от смерти, и стоил ли он того... Тем более, дорога дальняя, а так – всё веселей.

– Согласен, если после ты расскажешь свою историю, уважаемая Мэйлинн.

– Согласна. Начинай.

– Не думаю, что это будет равноценный обмен, – начал Бин. – Моя история проста и скучна. Уж куда скучнее истории лирры, воспитывавшейся в знаменитой школе магов...

– Ладно, хватит ложной скромности! – прервала Мэйлинн. – Не бойся, я на многое и не рассчитываю.

– Ну тогда ладно, – ответил несколько задетый за живое Бин. – Слушай. Родился я в Латионе, и, как уже говорил тебе, более нигде и не был. Дом мой стоит в Складском квартале города. Это в Восточном конце. Квартал бедноты. Там только трущобы да купеческие склады. Дом у нас небольшой, на четыре семьи. Наша живёт в двух комнатах.

– Расскажи о семье, – попросила Мэйлинн.

– Да что там рассказывать... Семья как семья. Отец, мать, две сестры и брат-младенец. Отец работает на складе господина Вуйе грузчиком. Туда же устроил и меня, когда мне минуло пятнадцать. В принципе, работёнка неплохая. Платил господин Вуйе справедливо – мне выдавал два доррина в неделю, а моему отцу даже два с половиной. Работёнка не сложная – перетаскивай тюки да ящики. В общем, на жизнь худо-бедно, но хватало. Мама сидит с Мартином – это мой младший брат. А вообще она – замечательная белошвейка. Даже сейчас иные знатные дамы Латиона присылают к ней свои заказы. Ну и две сестры – Алика, ей скоро будет восемнадцать, и Нара. Нара – моя любимица с самого детства. Ей сейчас четырнадцать. Алика по осени выйдет замуж и переедет.

– Ну так а как же ты оказался-то связан с Гильдией Теней? – поинтересовалась Мэйлинн.

– Да вот так вышло, что Мартин заболел алой лихорадкой. Госпиталя у нас в квартале, конечно, нет, так что обратились к местному знахарю. Тот, хвала Арионну, помог, но запросил за это непомерную цену в половину дора. У нас, конечно, были некоторые накопления, но не столько. Пришлось занимать. Отец взял ссуду у господина Вуйе в рост, так что мы с отцом на двоих теперь приносили два доррина в неделю. Сама понимаешь, что на это не очень-то проживёшь. Тем более, за ребёнком уход нужен, снадобья... Да и проценты у Вуйе такие, что долг почти и не уменьшается... Вот и решил я поискать более прибыльной работы...

– У мастеров Теней? – с некоторым осуждением спросила Мэйлинн.

– А почему нет? Говорят, сами мастера живут не хуже иных дворян, а то и королей. Да и ученики и подмастерья тоже не бедствуют. Я слышал, что даже ученик может в неделю заработать до двенадцати дорринов.

– Но каким способом!.. Ведь в лучшем случае – это банальное воровство. А в худшем... Я знаю, что мастера Теней не гнушаются и наёмными убийствами, – Мэйлинн нахмурилась.

– Ну что тут скажешь... Лучше воровать, чем умирать от голода и смотреть, как умирают твои родные. Другой работы нам с отцом было не найти. А сестры... Не выставлять же их на потеху мужчинам... А наниматься прачками за доррин в неделю тоже большого смысла нет.

– Ладно, не нужно оправдываться. Каждый сам выбирает свою дорогу. И кто я, чтобы судить? Продолжай. Мне вот интересно – а как у вас вербуют в Гильдию Теней? Есть, что ли, такая контора – приходишь, заполняешь формуляры... – с лёгкой насмешкой спросила Мэйлинн.

– Нет, конечно, – Бин не принял игры, он наоборот стал ещё более хмурым. – Возле рыночной площади есть дворик в глубине небольшой аллеи. Там стоит скамья. Если хочешь принять участие в испытании мастеров Теней, приходишь и остаёшься ночевать на этой скамье. Утром находишь записку в урне недалеко от скамьи. Там – задание...

– Постой, а если человек не умеет читать? – заинтересовалась лирра.

– Ежели человек не умеет читать, то ему точно нечего делать в Гильдии Теней. Пусть промышляет по карманам на рынке. Да и то ровно до той поры, пока его дорожка не пересечётся с Гильдией. А это случится, скорее всего, весьма скоро, – ответил Бин и в его голосе прорезалась плохо скрываемая гордость.

– Ну ты-то как раз грамотный ровно настолько, чтобы воровать что-то крупнее, чем мелочь у зевак, – не преминула поддеть Мэйлинн.

– Да ну тебя! – обиделся Бин.

– Ладно, извини. Продолжай.

– Ну вот. Получаешь записку. Выполняешь то, что там написано. Если справился – дают второе задание, посложней. И во второй раз сами Мастера предупреждают городскую стражу о готовящемся преступлении. И вот если ты и со вторым заданием справляешься, то в третьей записке уже получаешь адрес и пароль.

– Кстати, о страже. Если все всё знают об этом – почему бы страже не устроить засаду у этой самой лавочки?

– А зачем? Подобных лавочек в Латионе много. Прикроют одну, тут же появится следующая. Но дело даже не в этом. Во-первых, Гильдия Теней баснословно богата. Так что городская стража кормится с их рук. Во-вторых, Гильдия избавляет город от мелкой шушеры, от которой и страдает большинство горожан. Как я уже говорил, Гильдия не приветствует «дикарей», и если таковые находятся, то очень быстро теряются в водах Труона. Ну и в-третьих, слишком многие пользуются услугами Мастеров Теней. И купцы, которым нужно выбить долги, и политики, которым нужно убрать надоедливую конкуренцию. И даже жёны, которым очень мешают ревнивые мужья.

– Всё ясно. Ну так, значит, ты прилёг на этой самой скамеечке...

– Я прилёг на этой самой скамеечке, а утром достал записку, где требовалось увести двух коней из деревни Пыжи и привязать их в роще у Весёлых ворот.

– Ну поскольку я застала только финал этой истории, расскажи уж, как ты так попался.

– Да как... Я специально решил увести лошадей среди бела дня, потому что знаю, что в такую жару селяне обычно сидят по домам, предпочитая делать свои дела с заходом солнца. Поначалу всё было хорошо. Когда я пришёл в деревню, она действительно казалась вымершей. Я нашёл конюшню, заглянул через щели. Как мне показалось, там никого не было. Ну я и зашёл... Но как стал уже перерезать верёвки, понял, что ошибся. В углу, в соломе, дремал конюх. Я его сразу-то не заметил, а он, видать, проснулся...

– Наверное, ты слишком громко сопел, – решила вновь поддеть Бина Мэйлинн.

– Наверное, – Бин не поддался на провокацию. – Как бы то ни было, режу я верёвку, и тут слышу сзади: «Эй, ты чего?». Не успел обернуться, как эта деревенщина схватила меня за плечо. Я так растерялся, что даже забыл, что у меня в руках нож...

– И слава Арионну, что забыл! – проворчала Мэйлинн. – Ты что – мог бы зарезать человека?

– Нет, не мог бы, – признал Бин. – В общем, пока я очухался, он уже тащит меня из конюшни. Ну я начал было вырываться, да куда там! Он так по уху-то зазвездил, что я думал, что у меня сейчас череп схлопнется. А потом он стал кричать, звать народ. Вот и набежало ещё трое его товарищей. И вчетвером они меня здорово отлупили. Думал, прямо там и порешат, да один из них сказал, что меня, мол, судить надобно прилюдно. Послал мальчика какого-то к старосте, велел готовить суд. После они меня ещё какое-то время пометелили для закрепления эффекта, затем привязали к жердине и поволокли. Ну а дальше ты видела...

– Ну а дальше я видела, – согласилась Мэйлинн. – Видок у тебя был тот ещё. Да, в общем-то, как и сейчас. Ну теперь-то, думаю, дорога в Гильдию Теней тебе заказана?

– Теперь уж наверняка... – понурился Бин. – На кой им недотёпа, который не смог у тупых колонов кобыл увести! Если вторично теперь в аллейке этой покажусь, боюсь, что нынешняя головомойка мне материнской лаской покажется.

– Ну, что не делается – всё к лучшему! Не стал ты вором – и на том спасибо! – весело резюмировала Мэйлинн.

– Да уж... К лучшему... Вот только как теперь с долгами расплачиваться?.. Хоть в крепость иди!.. – в отчаянии бросил Бин.

– Ну ты погоди пока глупости говорить, – Мэйлинн положила ему руку на плечо, но тут же убрала. – Может и придумаем, как беде твоей помочь.

Лирре показалось, или Бин действительно даже хлюпнул носом? Но когда она испытующе наклонила голову, чтобы заглянуть в его лицо, он сам повернулся к ней. Конечно, лицо его было искажено от боли и волнения, но слёз, кажется, не было. Может, просто текло из расквашенного носа... Хотя чувствовал себя он явно неловко, поэтому поспешно предложил:

– Ну теперь твой черед рассказывать о себе!

– Я не против, – легко согласилась Мэйлинн.

Глава 5. Рассказ Мэйлинн

– Уверена, ты маловато знаешь о лиррах, – начала Мэйлинн. – Хотя мы испокон веков живём вместе с людьми... точнее, «не рядом с людьми, а среди них», как говорят сами лирры, отношения между нашими расами нельзя назвать очень уж тёплыми. Слава Арионну, до войн и открытых столкновений дело не доходит, но неприязнь между людьми и лиррами заметна невооружённым взглядом.

– Возможно, её бы не было, если бы не знаменитое высокомерие лирр, – пробурчал Бин.

– Или, возможно, дело в извечной зависти людей? – Мэйлинн не оскорбилась, напротив, ещё раз отметила про себя, что парень не таит мыслей за пазухой. – Ведь ваш век вдвое короче нашего, да и способностями природа нас не обделила.

– Ладно, все хороши, – примирительно проговорил Бин.

– Согласна. Ну я продолжаю. Родилась в достаточно знатной семье. Поскольку я была второй дочерью, родители с радостью отдали меня в Школу Наэлирро. Ты же знаешь, что лирры очень плохо размножаются, в отличие от вас, людей, поэтому по закону в Наэлирро можно отдавать только вторую или последующую дочь. В общем, как только мне исполнилось шесть, родители отвезли меня в замок Наэлирро. С тех пор я больше их не видела. Они регулярно присылали мне открытки два раза в год, но... Теперь у меня была другая жизнь и другая семья.

– Это печально... – сочувственно пробормотал Бин.

– Да нет, – ответила лирра. – Ты просто не представляешь, что для лирр означает обучение в Школе. Это очень великая честь для семьи, чьи отпрыски оказались в Наэлирро.

– А правда, что в вашей Школе обучают только девочек? – спросил Бин.

– Конечно, правда. Так уж получилось, что у лирр очень мощный магический потенциал, но вот лирры-мужчины не способны *почувствовать возмущение*.

– Почувствовать *что?*.. – озадаченно переспросил Бин.

– *Возмущение*. Ты, я вижу, не знаком с основами магии?

– Ну как же... Конечно знаком. Просто позабыл о них после сегодняшних побоев, – съязвил Бин.

– Да, извини. Когда постоянно общаешься в кругу магов, как-то забываешь, что есть и обычные люди.

– Ну так просвети меня, если это не тайна!

– Никакой тайны. Это можно прочесть в самой заваливающей книжонке о ярморочных фокусах. Но это снова будет долго, уж извини.

– А мы разве куда-то торопимся? – хмыкнул Бин. – Точнее, мы-то конечно, торопимся, но беседа дороге не мешает.

– Ты прав. Ну тогда слушай всё с самого начала.

Много-много эпох назад мира не было. Не было вообще ничего. А то, что было, было Ничем. Ни тьмой, ни светом, ни пустотой, ни веществом. Просто ничем. Абсолютным Покоем. Отсутствием любого движения. Но что-то случилось, и в этом Ничто зародилось какое-то движение. Оно нарушило существующий порядок и стало вовлекать в себя окружающее. Начав двигаться, Оно приобрело нечто, отличное от всего остального. Из движения возникла сила, а из силы – разум. Так появился Неведомый, Творец Сущего.

Неведомый стал творить. Он сотворил и тьму, и свет, и пустоту, и вещество. По сути, Он сам становился всем этим. Он стал как бы раздувающимся шаром внутри Ничто. И чем больше Он становился, тем больше первоначального Ничто преобразовывалось и вовлекалось в создание. Однако, тут же возник главный Парадокс Создания. Созданное Неведомым

уже не было Абсолютным Покоем. Это был Хаос. Конечно, Неведомый упорядочивал этот Хаос как мог, но после оказалось, что Хаос стал существовать сам по себе, независимо от воли Творца. И в этом случае он часто приобретал новые, более разрушительные формы.

Далее, как утверждают жрецы Белого Арионна и Чёрного Асса, Неведомый создал двух своих сыновей. Как ты уже понял, одним из них был Белый Арионн в образе белого Единорога, а вторым – Чёрный Асс в образе чёрного Василиска. И затем, как утверждают жрецы, Неведомый исчез, растворился в Покое. Он это сделал, чтобы предотвратить Сферу Создания от дальнейшего разрастания и, как следствие, от увеличения Хаоса внутри. Ну а работу продолжили Его сыновья.

Вместе они стали творить внутри Сферы новые формы – миры, солнца, звёзды. И очень скоро стало понятно, что для сохранения баланса сил братья должны противодействовать. Так, например, если Арионн создавал день, то для того, чтобы Хаос не усилился, Ассу нужно было создать ночь. Ну и так далее.

– Постой-ка... Ты сказала «миры». Так, стало быть, наш мир не единственный? – удивлённо прервал лирру Бин.

– Наверняка, конечно, этого никто не знает, ведь мы не можем оказаться за пределами своего мира, но учёные сходятся во мнении, что миров огромное количество. Ведь трудно представить, чтобы такие могущественные сущности как Арионн и Асс ограничились бы созданием лишь одного мира. Или что Сфера Создания так мала.

– Ничего себе... А как ты думаешь, когда-нибудь мы сможем увидеть другие миры? Ну не мы с тобой, а вообще – обитатели нашего мира.

– Не знаю. Это ведь только ты, Бин, можешь утверждать, что знаешь что-то «точно». А я могу лишь предполагать. Но я думаю, что – да. Однажды это станет возможно. По крайней мере, маги, жрецы и учёные бьются над этой проблемой долгими столетиями. У нас в Наэлирро есть отдельный факультет Сфероисследования, одной из задач которого является именно поиск путей в другие миры. Кстати, некоторые учёные утверждают, что какие-то пути открыты уже сейчас. Ты же слышал о саррассанских заклинателях демонов? Они призывают демонов и джиннов, исполняющих желания. Есть такое мнение, что демоны и джинны – это как раз существа иных миров, которые посредством магии удаётся вызвать к нам. Ну а раз так, то рано или поздно можно будет научиться путешествовать в другую сторону.

– Вот уж не хотел бы отправиться в путешествие в мир, населённый демонами! – воскликнул Бин.

– Этого бы никто не хотел, я думаю. Ну разве что парочка свихнувшихся учёных. Но ведь важен сам принцип. Если понять принцип связи с миром демонов, на его основе можно организовать связь и с другими мирами. Мирами, где, возможно, живут такие же люди, как ты, или такие же лирры, как я. Может быть, есть в Сфере миры, где нет войн, нет болезней. Где лирры живут душа в душу с людьми и гномами. Может быть, там есть другие расы, ещё более удивительные и прекрасные... – на лице Мэйлинн появилось мечтательное выражение.

– Да, это было бы здорово. Ну так что там было дальше с сотворением Сферы?

– После того, как миры были сотворены, боги стали замечать, что они прекрасны, но пусты. И они стали творить Жизнь. Сначала это были растения, затем – насекомые, животные. Ну и, наконец, разумные расы. Нужно ли говорить, что Ассу параллельно с Жизнью пришлось тут же создать и Смерть. Наряду с цветением – увядание, в пару здоровью – болезни.

И поняли братья, что Неведомый невольно обрёл их на соперничество и борьбу. То, что делал один, второй вынужден был искажать, переиначивать, чтобы сохранить баланс и сдерживать Хаос. И решили они разойдись в разные полюса Сферы, чтобы быть максимально

далеко друг от друга. Горько было братьям, ведь они понимали, что никогда не смогут увидеться. Но ещё горше им стало, когда они осознали, что одна встреча им всё же предстоит. Они вдруг поняли, Хаос внутри Сферы постепенно станет увеличиваться, и когда-то захватит всю её целиком. И чтобы не допустить этого, её в один прекрасный миг придётся очистить от всякого движения, вернуть в исходное состояние. И сделать это придётся именно им, двум братьям, любящим друг друга, но обречённым на битву, в которой погибнут они оба, а с ними и всё сущее.

Приняв решение, Арионн и Асс, последний раз взглянув друг на друга, разлетелись в разные полюса. Но между ними возникло *возмущение*. Оно потянулось от одного полюса Сферы к другому, подобно той силе, которая возникает между двумя концами магнитного бруска. Это *возмущение* мы и называем магией. Некоторые живые существа оказались способны ощущать это *возмущение* и использовать его. Так возникли маги.

У нас, лирр, существует чёткое разграничение, которого нет ни у каких других рас: лишь только женские особи способны ощущать *возмущение*. Мужчины же лишены этого. По крайней мере, в той форме, которую мы называем магией. Хотя лирры-мужчины часто проявляют сверхъестественные способности в бою – их стрелы летят без промаха, а сами воины могут уворачиваться от вражеских стрел. Я слыхала о знаменитом воине-лирре Волотоне, который мог отбиваться сразу от семи противников, будучи лишён возможности видеть и слышать что-либо. Ему надевали на голову специальный глухой шлем, но это не мешало ему отражать любые удары.

Что же касается женщин-лирр, то у них есть способности к магии, и они огромны, но они находятся в спящем состоянии. И вот чтобы *пробудить* их, девочки-лирры отдаются на обучение в Школу Наэлирро или, если перевести название, Школу Лиррийской магии.

Девочек отдают в возрасте шести лет. Как я уже говорила, что в Школу могут попасть только девочки, у которых есть сестры. Если в семье только одна девочка, по закону обучаться в школе она не может, поскольку прошедшие обучение Наэлирро, к сожалению, становятся бесплодными. Отличительным знаком воспитанниц Наэлирро является особая татуировка, сделанная вокруг шеи, так называемый ошейник Наэлирро. Узор его индивидуален у каждой девочки. Этот узор по традиции наносит гном, причём эта обязанность передаётся от отца к сыну. Мой ошейник, как и ошейники многих до меня, создавал мастер Баддай. Это было очень торжественно... и очень больно... Но так начинается путь магини-лирры.

Может показаться странным, но из всех преподавателей Школы Наэлирро только одна женщина-магиня. Она преподаёт Сосредоточение – заклинания, пассы и тому подобное. Все остальные – только мужчины. Именно они готовят эликсиры, именно они ведут беседы о предстоящем *пробуждении*. Не говоря уже, что мы изучаем и все остальные науки, не связанные с магией.

С шести лет девочек готовят. Они должны пить определённые эликсиры, *пробуждающие* их магические способности. Они учат пользоваться *возмущением*. Ведь его мало почувствовать, его нужно направить себе на пользу. Со временем это будет делать очень просто, это станет естеством. А поначалу мы заучиваем определённые заклинания. Это своего рода мантры, которые позволяют сосредоточиться на *возмущении*. Произнося определённые слова с определёнными интонациями, мы как бы настраиваемся. Но потом они становятся не нужны, и магини-лирры способны творить магию одними только мыслями.

Но всё же главное в учёбе – это подготовка к *пробуждению*, как мы это называем. То есть к тому моменту, когда девочка-лирра станет магиней. Эта подготовка – исключительно психологическая. Дело в том, что *пробуждение*... это очень своеобразный процесс.

Он наступает у каждой девочки индивидуально, но всегда – с первой лунной кровью. Именно в этот момент первого в жизни девочки кровотечения организм, заранее подготовленный эликсирами, преобразуется. Причём весьма жестоко. В отличие от людей, лирры

должны платить за право пользоваться магическими способностями. И платить немалую цену. Причём, чем выше цена, тем больше будет даровано. У моей подруги-однокурсницы Оливы выпали все зубы и волосы. Вот прямо так, в один момент. Но вообще за время обучения в Наэлирро я видела и более жуткие вещи.

Мне было девять, когда я увидела одну из воспитанниц, которая накануне перенесла *пробуждение*. Её глазные яблоки были молочно-белыми, будто сваренными. И кричала она так, будто они до сих пор варились в кипятке, хотя после *пробуждения* прошло уже больше суток. А ещё у одной кости на руках и ногах скрутило дугой в прямом смысле слова. Рассказывают, что самая могущественная из магинь-лирр Дайтелла вообще полностью парализована. Якобы она не может пошевелить вообще ничем – не моргает, не может сглатывать слюну и даже дыхание её поддерживается лишь силой её магии.

– Да в гробу я видал такое могущество!.. – скривился Бин. – Что толку от него, если ты лежишь целыми днями, как бревно?

– Не скажи. Многие отдали бы всё ради этого. Собственно, они всё и отдают. Если по одному мановению твоей мысли расступаются воды в море, если ты читаешь в душах людей всё самое сокровенное, даже если они находятся во многих милях⁶ от тебя...

– Толку-то читать, если сказать об этом ты не можешь... – фыркнул Бин.

– А для чего говорить? Если тебе будет нужно, твой голос громом раздастся в головах тысяч людей. Ты можешь создать огненные письма прямо в небе, и их увидят миллионы.

– То есть, ты бы тоже так хотела? – посмотрел на лирру Бин.

– Вероятно, нет, – несколько растерянно ответила Мэйлинн. – Понимаешь, никто точно не знает, какие факторы влияют на то, *как* даются способности магиням, и *чем* за это они должны платить. Считается, что всё это во власти самой лирры. Каждая имеет какие-то амбиции и хочет стать более или менее сильной магиней. Главное – на *что* ты готова решиться ради этого. Ну и что ты хочешь получить взамен. Как у нас говорят: «Рушить горы или заборы?». В конечном итоге решаешь, наверное, именно ты. Только вот это решение лежит не в плоскости рассудка, а где-то гораздо-гораздо глубже. Именно поэтому с шести лет нас и готовят к *пробуждению*. Нам честно показывают все те телесные увечья, которые постигают магинь. Но и демонстрируют возможности, которые они приобретают.

За годы в Наэлирро я видела почти три десятка выпускниц. Конечно, большинство из них отделяется какими-нибудь выпавшими зубами, как Олива, или там чесоткой. Но и магические способности их будут невелики. Так – предсказания на ближайший день, или, к примеру, вызвать дождь над полем... У одной магини после *пробуждения* загнила грудь. Она покрылась чёрными жилами, а из сосков постоянно сочился гной. Её магические силы будут не в пример сильнее.

В общем, нам показывали обе стороны медали, и дальше уже каждая из нас, где-то в глубинах подсознания, наверное, решала – что же ей ближе. Наиболее сильные и фанатичные уже в шесть лет мечтали стать такими, как Дайтелла. Но говорить, что хочешь и хотеть – не одно и то же. Поэтому за время моего пребывания в Школе никого подобного не возникло, хотя и появилось несколько сильных волшебниц, как я только что сказала.

– Но по тебе не видно никаких изменений... – растерянно проговорил Бин. – Или у тебя ещё... – он покраснел и стушевался.

– У меня уже были лунные кровотечения, если ты об этом. Но... Я не стала магиней. В этом-то всё и дело. Я – первая в истории лирры из Школы Наэлирро, которая не *пробудилась*, – с отчаяньем воскликнула Мэйлинн и даже закрыла лицо руками.

– Может, ты просто не заметила? – робко, с явной попыткой утешить пробормотал Бин и сделал шаг к лирре с явным желанием если и не обнять, то хотя бы положить руку ей на плечо. Однако Мэйлинн резко отдернулась и повернулась к Бину с какой-то даже злостью.

– Не заметила??? Не говори ерунды!!! Что ты можешь об этом знать? Как я могла такое не заметить? *Пробуждение* сразу чувствуется! – в её глазах вскипели слёзы. Видно, она давно давила в себе эти чувства, но вот они вырвались наружу.

– Прости меня, я идиот! – в полном отчаянии вскричал Бин и глупо остановился, так и не решив, что ему делать дальше – бежать подальше или всё-таки обнять плачущую лирру.

Как не странно, но именно это комичное отчаяние сработало. Мэйлинн вдруг засмеялась сквозь слёзы.

– Ты не идиот, Бин, – тепло сказала она. – Просто ты многого не знаешь.

– Ну да. Но я исправлюсь! – Бин понимал, что несёт чушь, но сейчас он готов был на любую выходку, лишь бы Мэйлинн больше не плакала.

Так они стояли некоторое время – он, заискивающе глядя ей в глаза и, должно быть, пытаясь прочитать в них какие-то инструкции, и она – утирая слёзы широким серым рукавом и смеясь сквозь слёзы.

– Ну пошли, что ли? – шмыгнув носом, спросила Мэйлинн.

– Да, пошли. Прости меня ещё раз, – горячо попросил Бин.

– Да брось ты! Я не сержусь, потому что ты ни в чём не виноват. Это я. Просто до сих пор не было возможности ни с кем об этом поговорить вот так вот, просто... Вот и расклеилась.

– А как же твои подруги? Преподаватели?

– С подругами после этого я не виделась ни разу. Меня тут же поселили в отдельном флигеле. Наверное, чтоб не смущала остальных, – горько добавила лирра. – А преподаватели... Они скорее допрашивали, чем разговаривали. Смотрели на меня, как на какую-нибудь неведомую зверюшку. Я же – феномен! Наверное, дай им волю, они бы и вскрыли меня, чтоб посмотреть, что внутри. Да и вопросы задавали – один ужасней другого. От самых невинных – не выливала ли я эликсиры, вместо того, чтобы принимать их, до, например, вопроса, не было ли у меня соития с кем-либо, или же не было ли у моей матери любовника из числа людей... Представляешь? Задавать такие вопросы двадцатилетней лирре!

– Что?? – Бин даже споткнулся. – Тебе двадцать?

– А ты думал, сколько?

– Ну... Думал, что не больше шестнадцати...

– Ну ты забыл, что мы живём гораздо дольше вас. Поэтому и созреваем мы чуть медленнее. Увы, лирры гораздо позже людей приобретают возможность зачать потомство.

– Так твоё неудачное *пробуждение* было недавно? – вновь поразился Бин.

– Ну да, около трёх месяцев тому назад, – теперь Мэйлинн откровенно забавлялась растерянностью Бина. – Я имею в виду, что моя первая лунная кровь была примерно три месяца назад.

Бин стал красным, как рак. Он даже зашагал в два раза быстрее. Но поплатился за это почти сразу же, подвернув ногу и рухнув в пыль (в какой уже раз за сегодня?).

Мэйлинн расхохоталась над бормочущим проклятия юношей и, подойдя к нему, протянула руку. Бин затравленно посмотрел на неё, и, не приняв руки, тяжело поднялся сам, что ещё больше усилило веселье лирры.

– Ну чего ты хохочешь? Не видела, как люди падают? – ворчал Бин, отряхивая пыльные колени. – Пошли, чего уж...

Пару минут они шли в тишине. Смех лирры стих, и теперь она шагала рядом с притихшим Бином.

– А ты славный! – вдруг сказал Мэйлинн. – Смешной и славный.

Бин снова вспыхнул и решил скрыть неловкость продолжением разговора:

– Ну а как теперь быть? Я имею в виду, с твоим *пробуждением*. Это как-то можно исправить? – как можно более деловым тоном осведомился он.

– Не знаю, – честно призналась Мэйлинн. – На самом деле, я сама не понимаю, что со мной. Потому что я вроде как *пробудилась*, но как будто не до конца. С моим телом не случилось никаких изменений, но кое-какая магия оказалась мне доступна. Самая простая.

– Ничего себе – простая! Как ты этих шершней натравила на колонов! – попытался подбодрить её Бин.

– Ну ты сравнил! – фыркнула Мэйлинн. – Ты же не станешь восхищаться фехтовальным искусством человека, который насадил на нож кусок мяса, чтобы его съесть! Так и здесь. Управление низшими организмами – это совершенно примитивный вид магии.

– Ну так если ты почти *пробудилась*, может, вскоре ты *пробудишься* до конца?

– Мои преподаватели говорят, что такого быть не может. Хотя я ума не приложу – откуда они могут это знать, если я – единственный в истории подобный инцидент.

– Ну вот видишь! Они просто сами ничего не знают!

– Но я не собираюсь сидеть в запертой комнате до конца лет и ждать, когда же они узнают. Для меня унинительно их отношение ко мне. Ещё вчера они называли меня «милая госпожа Мэйлинн», а сегодня говорят просто: «Присядьте», «Расскажите», «Разденьтесь». Даже по имени не окликали. Я словно перестала быть живой лиррой.

– Так ты сбежала? – изумился Бин.

– Ну конечно же сбежала! Или ты думаешь, что Лорд-ректор лично благословил меня на поиски Белой Башни?

– Ну вообще как-то так примерно я и думал... – промямлил Бин. – Так а зачем тебе Белая Башня?

– Потому что Белая Башня может ответить на все вопросы и направить на путь. А то я сейчас либо недоделанная магиня, либо переделанная лирра... Не хочу такой оставаться.

– И кем бы ты предпочла стать? – полюбопытствовал Бин.

– Не знаю... – поникла Мэйлинн. Затем, после недолгого молчания вдруг встрепенулась: – Да кого я обманываю! Конечно же, я всегда знала ответ на этот вопрос. Я не хочу быть магиней, и никогда не хотела. Наверное, именно поэтому так странно сработало *пробуждение*.

– Ну так зачем тогда тебе Белая Башня? – горячо воскликнул Бин. – Ты же сейчас не изменена. Ты, в общем-то, осталась такой, какой и была, разве что ещё и колдовать немного научилась!

– Ты ничего не понимаешь, Бин... – грустно ответила Мэйлинн. – Я сейчас нахожусь в очень неприятном положении. Не знаю, с чем и сравнить. Как если бы у роженицы ребёнок бы застрял где-то на полпути. Несостоявшееся *пробуждение* гложет меня изнутри. И, как будто, с каждым днём всё хуже и хуже. И я даже не знаю, что из всего этого получится, потому что до меня этого ещё ни с кем не случалось! – переходя на нервный крик окончила лирра.

Снова молчание.

– Но что ещё хуже, я теперь опозорила свой род... – вдруг снова жалобно заговорила Мэйлинн. – Сначала – неудавшаяся магиня, потом и вовсе – беглянка... Так что мне нужно прийти к какому-то этапу, определиться. Стать кем-то...

– Я помогу тебе, – неожиданно для самого себя вдруг ляпнул Бин.

Лирра грустно и как-то даже с нежностью посмотрела на человека и тихо произнесла:

– Помоги сначала самому себе, дурачок, – и улыбнулась.

Глава 6. Дорожная философия

– Всё-таки хорошо, что мы встретились, – некоторое время спустя произнёс Бин, глядя в противоположную от лирры сторону.

– Ещё бы, – хихикнула та. – Учитывая, что если бы не я, ты сейчас медленно вялился бы на солнышке, болтаясь между небом и землёй.

– Вообще-то, по крайней мере у нас, людей, не принято так часто напоминать об оказанной услуге... – насупился Бин.

– А что здесь такого? Я ведь не совершила никакого плохого поступка. Почему бы мне об этом не говорить?

– Да, и я уже несколько раз поблагодарил тебя. И ещё раз благодарю.

– А я уже в очередной раз говорю, что не стоит, – весело ответила Мэйлинн.

– Вообще-то я хотел сказать, что сегодня узнал столько нового и интересного благодаря тебе!

– Я всегда рада рассказать то, что знаю. Ты только спрашивай.

– Вообще-то у меня есть ещё вопрос. Вот ты рассказала об Арионне и Ассе. Кое-что я, конечно, слышал от нашего преподобного, но не в таких подробностях. Меня вот интересует Первосоздатель. Кто это? Когда я спросил об этом преподобного Мэлла, он просто посоветовал не забивать голову ересью и глупостями. Мол, никакого Первосоздателя нет и не было. А больше спросить мне не у кого – в нашем квартале нет храмов Первосоздателя, и среди моих знакомых нет его адептов.

– Я всё больше удивляюсь тебе, Бин. Сколько любопытства в простом складском грузчике! – проговорила Мэйлинн.

Бин хотел было обидеться на последние слова, но затем понял, что лирра «ничего такого» не имела в виду, и сказала это всё как есть, от чистого сердца. Ведь кто он, как не простой складской грузчик, да ещё неудавшийся вор впридачу! Так что Бин неожиданно для себя увидел фразу, которую только что принял за оскорбление, в совершенно новом свете, как искреннюю похвалу. И это было очень приятно.

– Ну грех не воспользоваться ситуацией, – польщённо пробормотал он.

– С удовольствием расскажу тебе о Первосоздателе. Около тысячи лет назад жил в Кидуе богослов, Ирвин Кинайский, из расы людей. Он изучал священные тексты о Сфере Создания, а также различные предания об Арионне и Ассе. И вот он пришёл к выводу, что тот, кого принято называть Неведомым, и которого люди считали безвозвратно растворившемся в Покое, не мог никуда деться из Сферы. Ведь первоначально Он и был Сферой, и затем создал Арионна и Асса как частицы Себя. Поэтому Ирвин Кинайский объявил людям, что Неведомый никуда не делся, и что он по-прежнему с нами. Просто Он стал триединым богом: в одной ипостаси – Сфера, в другой – Арионн и в третьей – Асс. То есть Арионн и Асс, по сути, являются не самостоятельными богами, а лишь аватарами Неведомого. И богослов назвал его Первосоздателем. Отсюда и пошло начало протокреаторианства. Позже последователи Ирвина пошли ещё дальше, и выдвинули теорию, что Арионн и Асс – даже не аватары, а словно два лица Первосоздателя. И, образно говоря, там, где люди по невежеству видели двух разных сущностей, была всего одна, но с двумя головами.

Долгое время жрецы Арионна и Асса совместными усилиями боролись с протокреаторианцами. Их бросали в тюрьмы, жгли на кострах, травили дикими зверьями. Кстати, сам Ирвин окончил свои дни также весьма печально – он читал свою проповедь на площади Примирения в Кинае, где рядом, напротив друг друга стояли сразу два храма – и башня Арионна, и храм Асса. Кстати, и по сей день это – единственное место на всей Паэтте, где храмы двух богов соседствуют между собой. Так вот, во время проповеди разъярённая толпа при-

хожан сразу обоих храмов накинута на несчастного Ирвина, и он был буквально разорван на мелкие кусочки. Городская стража нашла лишь несколько фрагментов тела и огромную лужу крови.

И вот подобные ужасы продолжались, пока около восьмисот лет назад, в 927 году от смены эпох, дюк Кидуи Эйнин II Корский своим эдиктом не признал протокреаторианство культом, официально управляемым и признанным в государстве Кидуа. Вскоре за вольнодумной Кидуей, Первосоздателя признали и в Пунте и Палатие. Ну а дальше уж Латион, правители которого всегда мнили себя просвещёнными, объявил протокреаторианство равноправным по отношению к культам Арионна и Асса. Не все были этим довольны, конечно, но как-то свыклись со временем. Хотя и по сей день и адепты Арионна, и адепты Асса ворочают носы от последователей Ирвина Кинайского. Адепт Арионна скорее побратается с адептом Асса (кстати, это и не редкость, ведь есть даже семьи, где муж и жена принадлежат разным храмам), но ни один из них никогда не признает Первосоздателя.

– А ты сама? – любопытствовал Бин. – Ты несколько раз упоминала Арионна. Значит, ты – арионнитка? Лично я и вся моя семья – арионниты.

– Нет, Бин, я не арионнитка. И не ассианка. Мой род, как и большинство лирр, принадлежат к протокреаторианству. Так что – видишь – у тебя появился первый знакомец-протокреаторианец, – улыбнулась Мэйлинн.

– Ну... Я... Вообще-то, мне совершенно всё равно, к какому храму ты принадлежишь, – поначалу несколько стушевавшись, ответил Бин. – Я считаю, что вера – личное дело каждого. Тем более, ты столько всего знаешь, и твоя вера, уж конечно, куда осмысленней моей. Мне-то просто в детстве матушка сказала, что все добрые люди верят в Арионна.

– Ты молодец, Бин! – искренне похвалила его лирра. – Я не перестаю тебе удивляться. Побольше бы таких людей!

– Так почему ты всегда поминаешь Арионна, а не Первосоздателя? – недоумевал Бин.

– Ну это уже вопрос скорее не религиозный, а философский, или даже мировоззренческий. Я верю, что бог – един, но некоторые Его проявления мне не нравятся. И если Он одной рукой созидает, а другой разрушает, я буду благословлять Его первую руку и проклинать вторую, пусть даже умом я и понимаю, что вторая рука действует во благо Сферы. Поэтому я почитаю Первосоздателя-Арионна, и стараюсь не думать о Первосоздателе-Ассе.

– Ну вот видишь! Об этом я и говорил! – воскликнул Бин. – Я хочу тоже узнать об этом как можно больше, чтобы в один прекрасный день тоже осмысленно принять веру в одного из богов!

– Ну ты уже встал на этот путь сегодня. Осталось только следовать по нему.

– Ну тогда я хотел бы задать ещё один вопрос. Вот у нас сейчас 1711 год от смены эпох. А я вот никогда не понимал – что это за эпохи, и как они сменяются...

– Ну, благодарение Арионну, я и тут могу тебя просветить, – шутливо поклонилась Мэйлинн.

– Благодарю, достопочтенная госпожа, – вернул такой же поклон Бин, не забыв расшаркаться босой ногой по пыльной дороге.

Мэйлинн фыркнула в кулачок, но затем продолжила уже более серьёзным тоном:

– Считается, что перед исчезновением Неведомый запечатал Сферу двадцатью четырьмя Рунами, которые должны были до срока сдерживать Хаос в разумных пределах. Каждые четыре тысячи лет одна из Рун сгорает, и путы Хаоса слабеют. Богословы утверждают, что когда Рун не останется вовсе, или останется слишком мало, чтобы сдерживать Хаос, как раз и случится Последняя битва Арионна и Асса. Вот мы и отсчитываем эпохи каждой из двадцати четырёх Рун. Я не стану перечислять тебе их все, хотя нас в Наэлирро заставляли заучивать их наизусть. Скажу только, что мы живём в эпоху Руны Кветь, и длится

она, как ты понял, уже тысячу семьсот одиннадцать лет. Соответственно, чуть больше, чем через две тысячи лет сгорит и эта Руна, и начнётся следующая эпоха.

– А много там ещё осталось этих Рун? – поинтересовался Бин. – Не то, чтобы я планирую жить больше двух тысяч лет, но всё же приятно было бы осознавать, что миру пока ничто не угрожает.

– На этот счёт можешь не беспокоиться, – засмеялась лирра. – Кветь – всего лишь шестая Руна. Так что ближайшие сорок тысяч лет ты можешь вообще ни о чём не волноваться.

– Но ведь с каждой снятой печатью Хаос будет становиться всё сильнее? – заметил Бин.

– Думаю, что так. Он и так уже усилился, и это становится заметно, если знать, куда смотреть, – мрачно проговорила Мэйлинн.

– Например?

– Ну вот, судя по летописям, в прошлую эпоху продолжительность жизни лирр (обычных, не магинь) была свыше двухсот лет. Сейчас мы в среднем доживаем лишь до ста пятидесяти. Может быть, к двадцатой Руне жизнь в нашем мире вообще выродится, и лирры потеряют способность говорить, и будут жить двадцать-тридцать лет. И вполне возможно, что в первую эпоху лирры могли жить полтысячи лет и больше. Сейчас это доступно лишь магиням.

– Что, магини живут гораздо дольше обычных лирр?

– Конечно. Даже магиня небольшой силы, такая, как моя подруга Олива, например, и то проживёт лет триста. А вот Дайтелла – помнишь, я о ней говорила? – вышла из ворот Наэлирро в первый год эпохи Кветь.

– Так ей что – почти две тысячи лет? – поразился Бин.

– Да. Причём я не удивлюсь, если она доживёт и до следующей эпохи. Вообще, говорят, что самые сильные маги у всех рас появляются именно на стыке эпох. Так что пусть тебя это не удивляет.

– Вообще меня больше удивляет другое. Как можно прожить две тысячи лет, не имея возможности даже моргнуть? – Бин казался поражённым до глубины души.

– Тебе сложно об этом судить. Она – существо совсем другого плана. Можно сказать, что она уже не лирра. Наши радости и насущные проблемы кажутся ей бликами на росистой траве. И поверь, если бы она когда-нибудь снизошла до того, чтобы хотя бы мгновение подумать о тебе, она была бы удивлена не меньше твоего тем, как можно жить, не имея в себе ни капли магии. Для неё твоя жизнь будет казаться пустой, бесцветной и мимолётной как жизнь бабочки-однодневки.

– Возможно, ты права, – медленно проговорил Бин, хотя было видно, что его уязвили слова лирры. Он вдруг подумал, что когда он, Бин, умрёт, будучи глубоким шестидесятилетним старцем, Мэйлинн будет выглядеть немногим старше, чем она выглядит сейчас, и перед нею будет ещё целая Бинова жизнь, а то и несколько, учитывая, что она всё-таки не простая лирра.

– Ну что, у тебя есть ещё вопросы, о мой ученик? – Мэйлинн, вероятно, почувствовала, что задела Бина и решила шуткой сгладить этот острый угол.

– Да нет. Пожалуй, я за сегодняшний день узнал столько, что моя бедная голова вот-вот лопнет на части. Давай поговорим о чём-то менее глобальном.

И остаток пути до Латиона они провели в обычной болтовне, рассказывая друг другу забавные случаи из своей жизни.

Глава 7. Латион

Они стояли у стен Латиона. Многовековые стены, казалось, накалились на солнце до красноты, хотя Бин знал, что это – всего лишь красный гранит. Над стенами возвышались отдельные здания, но доминировали над городом, конечно, белые башни Арионна, традиционно выполненные в виде витых рогов единорога. Они торчали то там, то здесь, и создавалось впечатление, что в городе живут сплошь арионниты. Но это, конечно, было не так. В Арионне было предостаточно храмов Асса, но чёрный бог предпочитал приземистые и разлапистые храмы, больше похожие на капища, окружённые чёрными колоннадами и покрытые чёрной плоской каменной крышей. Естественно, что из-за стен и домов их было не разглядеть.

Также не было в Латионе недостатка и в храмах Первосоздателя, хотя их было заметно меньше остальных. Эти храмы были повыше Ассовых, и имели разновысокие башенки, увенчанные золочёными полусферами, символизирующими одну из ипостасей бога. А в центре храма всегда возвышалась самая высокая башня, которую венчал луковичный купол, состоящий из сплетённых чёрных и белых полос. Одна чёрная и одна белая полосы из этого множества продолжались выше, и свивались над куполом в символ Первосоздателя – переплетённые между собой полосы белого и чёрного металлов, увенчанные золотой сферой.

Но самым высоким зданием в городе всё-таки был Главный храм Арионна. Эта колоссальная белая, словно сахарная, башня возвышалась на двести сорок футов и, казалось, разрезала бледно-голубое горячее небо, словно гигантский сталагмит.

– Ничего себе! – выдохнула Мэйлинн, глядя на это великолепие.

– Поражает, да? – с такой гордостью, будто он лично воздвигал эту башню, ответил Бин. – Ты погоди ещё. Вот подойдём вплотную, тогда ты ещё не так удивишься! Знаешь, стоя рядом с башней, можно даже упасть, если будешь задирать голову так высоко, чтобы увидеть шпиль. А в дождливые дни половины башни не видно из-за туч!

– Да уж... Такого, конечно, я ещё не видела, – покачала головой Лирра.

– Ну пойдём, чего смотреть! – как можно небрежнее произнёс Бин, хотя его просто распирало от гордости за свой город. Утёр-таки нос этой всезнайке!

Они вошли в город через Весёлые ворота – те самые, недалеко от которых Бин должен был оставить уведённых у колонов лошадей. Назывались они так потому, что за ними начинался Весёлый квартал. Он изобиловал тавернами, игорными домами и борделями, но все они были низкого пошиба, поскольку и Весёлый квартал, и прилегающий к нему Складской, были населены сплошь беднотой.

Высшее же общество давно облюбовало правый берег Труона. Когда-то, много сотен лет назад, когда Латион ещё не был таким крупным городом, он весь помещался на левом берегу. Тогда богатые граждане стали строить на противоположном берегу виллы. Со временем вилл стало больше, затем появились и более крупные особняки. Следом туда же переехала королевская резиденция. Были возведены целых два каменных широких моста, проведены хорошие мощёные дороги, возникли храмы... Вот и готов очередной квартал города, который, не мудрствуя лукаво, назвали Заречным. Квартал был обнесён крепостной стеной, а поскольку к тому времени город оброс новыми посадками, то стена, та самая, красногранитная, камень для которой непрерывным потоком везли от Анурских гор, прошла вторым эшелонном, вобрав в себя старый город с новыми предместьями. Старую стену (она теперь так и называлась горожанами) разбирать не стали – кто знает, как жизнь повернётся, ведь в те времена соседи были куда беспокойней нынешних. Так и делился теперь Латион на Новый и Старый города. И хотя Новый город насчитывал уже около тысячи лет, название ему уже не меняли.

Кварталы Старого города считались более престижными, хотя и улочки там были уже, и дома по нынешним меркам считались не такими удобными. Но именно там располагался и Храмовый квартал, центром которого была громадная башня Арионна, и Академический квартал, который был по сути городом в городе и целиком принадлежал известной на весь мир Латионской Академии Высоких Наук. За столетия до нынешних дней Старый город был расчищен от старых трущоб и застроен заново. Теперь там жили достаточно уважаемые граждане, которым не хотелось вдыхать по утрам вонь городских трущоб. Под Старым городом, так же, как и под Заречным кварталом, была выкопана целая система канализационных катакомб, и нечистоты стекали в Труон где-то в миле выше по течению от города. Нужно ли говорить, что Новый город подземной канализации был лишён, и сточные канавы, выкопанные вдоль улиц, источали весьма убойные миазмы, не говоря уже о полчищах зелёных мух и легионах крыс.

Но Бина, коренного горожанина, уроженца Кривого проулка Складского квартала, это нимало не смущало. Наоборот, он постоянно оглядывался на идущую позади лирру, ожидая увидеть всё растущий восторг на её лице. Хотя пока, к своему огорчению, видел скорее безразличность и отвращение.

Сейчас Весёлый квартал был практически безлюден. Большинство таверн заплывут посетителями лишь к вечеру, когда окончится рабочий день и спадёт немилосердная жара. Из ближайшего игорного дома слышался стук костей и голоса, но, судя по всему, там сейчас находилось не больше пяти посетителей. Ну а в борделях были закрыты даже ставни, и барышни, вероятно, в большинстве своём спали, готовясь к очередной бессонной ночи. Последнему, кстати, Мэйлинн была очень рада, поскольку даже фривольные вывески на борделях заставляли её недовольно хмурить брови и отворачиваться. Лишь одна вывеска заставляла её вспылить. На ней было указано (и снабжено соответствующими изображениями), что в этом весёлом доме можно найти себе пару любого пола и расы.

— Не может быть, чтобы хоть одна лирра согласилась работать в подобном заведении! — яростно воскликнула Мэйлинн, сжимая кулаки.

— Увы, но соглашается... — чуть виновато ответил Бин. — И не одна.

— Пойдём прочь отсюда! — выкрикнула Мэйлинн. — Далеко нам ещё?

— Ну сначала мы зайдём ко мне домой, я хочу познакомить свою семью с лиррой, спасшей мне жизнь. А затем уже отправимся по твоим делам. А дом мой уже недалеко.

К облегчению Мэйлинн публичные и игорные дома скоро сменились длинными деревянными постройками, вокруг которых жизнь кипела, даже не смотря на жару. Наша парочка наконец добралась до Складского квартала.

Здесь Бин снова нашёл возможность попытаться произвести впечатление на спутницу. Пытаясь показать, что здесь он — свой парень, и что он уже совсем взрослый, он стал здороваться со встречающимися ему людьми как с близкими знакомыми. Кому-то он степенно кивал головой, кому-то энергично махал рукой, кому-то кричал что-то вроде «Эй, Дугер, привет! Опять лентяйничаешь?», а к двум-трём наиболее солидным грузчикам даже подбежал, чтобы пожать руку. Правда, Мэйлинн заметила, что большинство отвечало на его приветствия как-то рассеянно, скорее всего, даже не узнавая, кто перед ними, а один из тех, кому Бин пожал руку, вообще озадаченно остановился и стал поглядывать на эту странную парочку. Но Бин ничего этого не замечал, он всё больше раздувался от важности. Лирра на всякий случай потуже затянула шнурки блузы на высоком воротнике, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания.

Так они миновали склады и углубились в узкие запутанные лабиринты трущоб. Мэйлинн с каким-то удивлением разглядывала окружающий её мир. Казалось невероятным, что здесь может жить и развиваться разумное существо. И тем более казалось невероятным, что это разумное существо может развиваться в кого-то вроде Бина.

– О, вот мы и дома! – радостно воскликнул Бин, когда они подошли к очередной развалюхе.

Как и говорил Бин, это был достаточно небольшой, двухэтажный домик. Возможно, когда-то он был построен целиком из досок, но с тех пор прошло много времени, и владельцы дома неоднократно латали прорехи в стенах чем придётся, поэтому сейчас дом больше напоминал причудливый чешуйчатый и замшелый валун, топорщащийся какими-то деревяшками, хлопающий тряпками и звенящий кусками прибитой проржавленной жести. Небольшие покосившиеся окошки зияли на этом многообразии как жерла пещер. Мэйлинн поймала себя на мысли, что в их Наэлирро лачуги рабов-прислужников выглядели бы дворцами рядом с этим жилищем.

Входная дверь, ведущая в общую проходную и на лестницу второго этажа, была открыта. И на покосившихся ступеньках низенького крылечка, прячась от солнца в жиденькой тени навеса, сидела девушка лет четырнадцати и пришивала пуговицу к женской рубашке довольно тонкой работы. Мэйлинн сразу же догадалась, кто перед ней. И Бин секундой спустя подтвердил её правоту:

– Эй, Нарка! – весело крикнул он. – Если будешь постоянно сидеть на солнце, то тебя, такую чёрную, после никто из Заречного квартала замуж не возьмёт!

Девушка встрепенулась и, увидев брата, вскочила и крикнула в провал входной двери:

– Маа! Бин вернулся!

– Ему лучше бежать отсюда подальше, потому что я собираюсь сломать кочергу о его спину! – сверху раздался голос, в котором слышался гнев пополам с огромным облегчением. – Я научу его, как пропадать ночами! – на лестнице второго этажа показалась крупная тень. – Я его, паршивца...

Из двери вышла немолодая уже, около сорока лет, женщина. Очень полная, причём было видно, что эта одутловатая полнота обусловлена не недостатком пищи в доме, а какими-то внутренними нарушениями организма. На ней была простая ночная рубаша, вся пропитанная потом, и чепец, из-под которого выбивались седые волосы. В одной руке женщина действительно держала кочергу, но другая теребила ткань рубашки на груди, и Мэйлинн точно знала, что там у неё на бечёвке висит кулон в виде рога единорога – символ Арионна. И сейчас, увидев, в каком состоянии её сын, женщина осеклась на полуслове.

– Что с тобой, сынок? – воскликнула она, и кочерга со звоном упала на крыльцо.

– Всё в порядке, ма, небольшие проблемы. Но всё уже в прошлом. Давай-ка пройдем в дом, и я всё расскажу.

– А это кто? – несмотря на подслеповатый взгляд, мать Бина разглядела, что рядом с сыном стоит лирра. Кулаки непроизвольно сжались, и за ними следом сжалось материнское сердце, почуяв какую-то беду.

– Мама, это Мэйлинн, – лирра при этом галантно присела в неглубоком реверансе, слегка разведя руки в стороны, как и подобает знатной юной особе, к тому же воспитанной в Наэлирро. – Она спасла мне жизнь.

Настороженное лицо госпожи Танисти тут же преобразилось в нечто умильно-подобающее.

– Так чего же мы тут стоим? Прощения просим, прекраснудушная сударыня, что не приняла вас сразу, как подобает... – затараторила она, отступая от дверного прохода и освобождая его для Бина и Мэйлинн. – Прошу вас, проходите, поднимайтесь на второй этаж. Только будьте осторожны – ступеньки-то уже гнилые, так что ступайте полегче.

– Не беспокойтесь, сударыня, – учтиво ответила лирра, чем окончательно растопила сердце матери Бина, – Право же, не стоит так беспокоиться из-за меня. Я с величайшей признательностью воспользуюсь вашим гостеприимством.

И все направились в дом. На пороге, пропуская лирру вперёд, Бин шепнул ей:

– Позволь, я расскажу им свою версию событий.
– А как же иначе? – весело шепнула в ответ Мэйлинн и погрузилась во влажный вонючий полумрак коридора.

***

В небольшой темной комнате витал стойкий, въевшийся во всё поры этого дома, запах жареного лука и застарелого пота. Посреди комнаты стоял стол, за которым едва могли уместиться шесть человек. Собственно, сейчас за ним умещалось четверо, хотя мать Бина габаритами вполне могла сойти за трёх лирр. В тёмном углу стояло что-то вроде колыбели, в которой сейчас беспокойно ворочался ещё не до конца оправившийся от болезни младенец.

На столе стоял глиняный кувшин и несколько стаканов с водой. Больше ничего. Хотя за стеной, где находилась общая кухня, что-то шкворчало. По звуку оно больше всего напоминало жарящееся на сковородке сало. Запах тоже соответствовал данному предположению. Так что вполне можно было сделать вывод, что скоро все присутствующие смогут отведать это самое сало. Мэйлинн, кстати, эта перспектива не особенно радовала, поэтому она старалась отвлечься на рассказ Бина.

Надо сказать, что она с крайним интересом выслушала ту версию, что Бин рассказал домохозяевам. Естественно, в этой версии не было ни полсловечка ни о какой Гильдии Теней. Также в ней не нашлось места жителям славной деревни Пыжи и их многострадальным лошадам. Бин довольно обтекаемо сообщил, что со вчерашнего вечера он пытался найти подработку, и что наконец «наклюнулось одно дельце». Дальше выяснялось, что это самое «дельце» было как-то связано с Верхним кварталом Старого города, где живут зажиточные и респектабельные буржуа, и что его помощь потребовалась одному «довольно влиятельному человеку». Бин мастерски избегал всяческих деталей и напускал туману, так что и мать, и сестра (старшей, кстати, дома снова не было – она сейчас куда больше времени проводила в доме будущего мужа) остались в полной уверенности, что их храбрый и благородный Бин совершил этой ночью нечто поистине героическое.

Мэйлинн с интересом ожидала того момента, когда события подведут к её появлению на сцене. И каково же было её удивление, когда вдруг выяснилось, что она, ни много ни мало, спасла Бина от нескольких (сколько точно – Бин не уточнял) до зубов вооружённых грабителей, которые напали на него по дороге домой и отняли (не без урона для себя, ибо уж кто-кто, а Бин за себя постоять всегда может!) у него аж пятнадцать (да-да, вы не ослышались!) дорринов, честно заработанных ночным трудом.

Надо отдать должное Бину, он самыми сочными красками и самыми жирными мазками расписал отвагу и самоотверженность юной лирры, так что к концу рассказа госпожа Танисти крепко сжимала изящные удлинённые ладони лирры в своих красных опухших ладонях, а юная Нара и вовсе повисла сзади на её плечах, так и норовя поцеловать её волосы.

– Ах, как же мне благодарить вас, моя прекрасная госпожа, моя несравненная Мэйлинн? – кудахтала госпожа Танисти и в глазах у неё стояли слёзы, крупные, как сарраассанский жемчуг.

– Пожалуйста, не нужно никаких благодарностей, – Мэйлинн мягко пыталась освободить руки, но сделать это ей не удалось. – Я просто сделала, что должна была.

И мать с сестрой продолжали заливаться умильными слезами, не видя очевидных белых ниток в рассказанной им истории, как то, например, что кровоподтёки Бина не выглядели так, будто его побили совсем недавно, или что он весь вымазан не жирной чёрной грязью, коей полны улицы Складского квартала, а покрыт светлой дорожной пылью, которую можно найти только в пригородах. Ну а синяк на шее Бин легко объяснил удавкой, накинутой на него одним из бандитов, хотя ширина следа могла бы ввести в недоумение любого здраво-

мыслящего человека, ведь было сложно себе представить, что кто-то разгуливает по городу с доброй верёвкой вместо удавки. Да, было видно, что в этой семье Бина просто обожают.

– Ах ты, Арионн Всемогуший! – вдруг спохватилась госпожа Танисти. – Моё сало! – и она со скоростью, которую трудно было ожидать в столь объёмном теле, вылетела на кухню.

Через секунду там послышался железный грохот, будто кто-то сторяча ухватился за раскалённую сковороду, и тут же выронил её. Вслед за грохотом послышались сдавленные ругательства, где слова «Гуррово отродье» были, пожалуй, самими безобидными. А ещё через несколько секунд появилась сама виновница всего этого переполоха, держащаяся пальцами правой руки за мочку уха.

– Наше сало... – только и смогла она вымолвить, после чего горько разрыдалась.

– Ничего, матушка, позавтракаем хлебом! – бросились утешать мать Бин и Нара.

– Я целую трёшку⁷ потратила на это сало! – причитала госпожа Танисти, утирая лицо рукавом.

Единственная, кто был рад такому исходу событий, была, конечно же, наша лирра. Однако она успешно скрывала свою радость под скорбной маской. Выждав небольшой промежуток тишины между громкими всхлипами почтенной женщины, Мэйлинн произнесла:

– Если дорогие хозяева не побрезгуют, я бы предложила вам своей еды.

Всхлипы прекратились как по мановению волшебной палочки. Все трое уставились на Мэйлинн. Затем Бин как-то покраснел, точнее, пошёл какими-то красными пятнами, и сказал:

– Спасибо тебе, конечно, но мы уж как-нибудь сами...

– Не говори ерунды, Бин, – вспомнила свою любимую фразу Мэйлинн. – У меня есть еда. Её достаточно, и сейчас, находясь в городе, я рассчитываю пополнить запасы. Я не вижу проблемы в том, чтобы поделиться своей едой с друзьями.

– Что ты, Бин, мой мальчик, – зачастила госпожа Танисти. – Зачем так воспринимать благородное предложение юной госпожи? Где же твоя вежливость? Спасибо вам, госпожа Мэйлинн...

– Просто – Мэйлинн, – поправила лирра.

– Спасибо вам, *госпожа* Мэйлинн, – с нажимом повторила женщина. – За всё: и за сына, и за щедрое предложение. Мы с благодарностью принимаем его.

Бин зыркнул на мать, но перечить не стал. Мэйлинн подошла к столу, взяла свою дорожную сумку и...

Обычная на вид сумка, с какими каждый день путешествуют по трактам Латиона сотни людей. Только вот вдруг оказалось, что внутри она куда больше, чем снаружи. Так что Мэйлинн извлекла оттуда половину пшеничного хлеба, укрытого в холщовый мешок, затем нечто, очень похожее на жареную куропатку, завернутую в большие листья, напоминающие виноградные. Вслед на свет божий были извлечены несколько варёных куриных яиц, пара луковиц и кусок твёрдого белого сыра. И последней на стол была поставлена бутылка в полгаллона⁸, на две трети полная молоком, которое не только не скисло на такой жаре, но было даже прохладным.

Неизвестно, вид чего поразил почтенное семейство больше – то ли бездонной сумки, то ли таких яств, которые вряд ли когда-то здесь видели. Нет, по отдельности и не в таких количествах – пожалуйста. Но *вместе*, и *столько*!...

Затем госпожа Танисти вдруг вышла снова на кухню, и спустя короткое время вернулась, неся в руках краюху чёрного, как печное дно, хлеба. Она молча положила этот кусок рядом с остальной снедью, затем поклонилась Мэйлинн, и произнесла:

– Пожалуйста все к столу!

И лирре всё это показалось вдруг настолько возвышенно-благородным, что у неё перехватило дыхание. Вот откуда в Бине эта жила – подумалось ей, когда она, вместе с остальными, садилась за стол.

– Сначала мы должны вознести хвалу Великому Арионну, – строго сказала госпожа Танисти, когда все уселись, и особенно пристально посмотрела на Мэйлинн. Вольнодумие лирр было хорошо известно всем. Наверное, это была одна из причин (и далеко не самая последняя) вечного разлада между народами лирр и людей. Было видно, что, несмотря на глубокое почтение, которая женщина питала к Мэйлинн, она всё-таки не допустит в своём доме святотатства.

– Если достопочтенная хозяйка позволит, я бы хотела произнести молитву Белому Арионну на правах гостя, – смиренно попросила Мэйлинн, и лицо достопочтенной хозяйки просветлело.

– Для нас это будет великая честь, госпожа, – благодарно проговорила она.

Скрестив руки с раскрытыми ладонями на груди, как это делают все арионниты, лирра негромко произнесла:

– Мы благодарим тебя, Великий Арионн, за все блага и радости, что ты даёшь нам, а также за эту трапезу, которую мы разделим с моими друзьями во имя твоё. Приклони к нам и нашим близким лице своё, дабы не оставил ты нас в милости своей. И отврати же взор свой от недругов наших, дабы лишились они благодати твоей. Во славу твою преломляем мы хлеб сей. Да будет так.

– Прекрасная молитва, – со слезами в голосе прошептала госпожа Танисти. – Я ещё раз благодарю вас, прекрасная госпожа.

Лирра лишь преклонила голову. Удивительно, но она была растрогана почти до слёз. Между тем хозяйка дома взяла принесённый ею хлеб, и разломил его на четыре приблизительно равные части. Первую она с глубоким почтением протянула лирре, и та, ещё раз преклонив голову, приняла этот чёрный кусочек, словно величайший дар самого короля Матониуса. Второй кусок достался Бину, как будущему главе семьи, третий лёг на ладони Нары, а четвёртый госпожа Танисти оставила себе. И именно она откусила первый кусок, что стало сигналом для остальных. Даже лирра, чьё нёбо не привыкло к подобной пище, которая и в дороге, как мы видим, баловала себя пусть не изысканной, но вполне приличной едой, даже она сейчас откусила и прожевала свой кусочек. Более того, этот хлеб показался Мэйлинн достаточно вкусным. Хотя всё же она осторожно и незаметно положила недоеденный кусок на стол и потянулась, чтобы отломить от своего каравая.

Такая сказочная трапеза очень быстро вернула веселье за общий стол. Начались разговоры, смех. Нара ещё и ещё раз, с обожанием глядя на лирру, расспрашивала её о подробностях якобы совершенного ею подвига. Мэйлинн лишь улыбалась и кивала на Бина, мол, пусть он расскажет. А Бин заливался соловьём! С каждым разом история обрастала всё новыми подробностями, становилась всё драматичней и невероятней. В конце концов Мэйлинн стала мягко осаживать завравшегося юношу, пока его не ухватили за язык.

– А вы живете в Латионе, госпожа, или проездом? – осведомилась мать Бина.

– Я здесь по делам. Вскоре я покину город.

– Как жаль! – воскликнула Нара. Лирра подозревала, что младшая сестрёнка уже грезит погулять на их с Бином свадьбе, и это почему-то совсем не раздражало высокородную лирру, а только лишь смешило. Она не могла вспомнить ни одного случая подобного брака за всю историю мира.

– То-то я и подумала, что такой благородной госпоже делать в Складском квартале? – простодушно произнесла госпожа Танисти, ведь она по-прежнему пребывала в уверенности, что Мэйлинн выскочила откуда ни возьмись, и спасла её дорогого сына где-то совсем

неподалёку от дома. – А откуда вы, позвольте полюбопытствовать, и что за дела привели вас в наш город? – поинтересовалась почтенная матрона.

– Я из Варса, – Мэйлинн, по-прежнему глухо зашнурованная, не спешила делиться своей тайной. – Мне нужно посетить отделение банка «Каннели, Каннели и Валленштейн», где на моё имя отцом открыт неограниченный кредит. А затем мне нужно навестить друга, и кое-что разузнать. В зависимости от того, что я узнаю, я либо задержусь в городе на какое-то время, либо покину его сразу же.

– А с какой же целью столь благородная госпожа путешествует по нашему славному королевству одна, и так далеко от дома, если позволено мне будет спросить, – продолжала спрашивать госпожа Танисти. На секунду в Мэйлинн вскипела лиррийская кровь – да какое право она имеет расспрашивать так бесцеремонно благородную лирру? Но спустя секунду девушка поняла, что пожилой женщиной движет отнюдь не праздное любопытство, а участие и тревога за неё, Мэйлинн.

– Я ищу кое-что очень важное для себя, – мягко ответила лирра. – К сожалению, я совершенно не знаю, где это искать, и сколько времени потребуется на поиски.

– И всё это время вы будете путешествовать одна? – воскликнула госпожа Танисти. И тут Бин понял, что подходящий момент настал:

– Матушка, я бы хотел просить твоего позволения отправиться, чтобы сопровождать Мэйлинн. Если, конечно, она не против... – быстро добавил Бин и залился краской. – Я обязан ей жизнью, и должен вернуть долг.

Лирра просто онемела от таких слов. Госпожа Танисти же стала вдруг торжественно-серьёзна и ответила:

– Ты не был бы моим сыном, если бы не предложил этого, мальчик мой. А я не была бы твоей матерью, если бы запретила тебе делать то, что должен.

– Позвольте! О чём вы вообще? Бин, не говори ерунды! Какой долг, какое «обязан»? Не нужно меня никуда сопровождать!.. – хотя самой себе Мэйлинн вынуждена была признаться, что протестует далеко не так горячо, как ожидала.

– Помнишь, ты сказала, что не веришь в совпадения? – улыбнулся ей Бин. – Так вот, теперь я в них тоже больше не верю. Знаешь, что я думаю? Что ты спасла меня для того, чтобы я помог тебе.

Чем неудавшийся воришка без особых талантов мог помочь молодой и богатой лирре, получившим образование в Наэлирро, было, конечно, не совсем ясно, но дело было не в этом. Главное – это порыв. И Мэйлинн его оценила.

– Ты же *понимаешь*, – многозначительно подчеркнула она это слово. – Понимаешь, что наше путешествие может... гм... затянуться?

– Понимаю, – с той же интонацией ответил Бин. – И пусть! – беспечно добавил он.

– Тогда я принимаю твою помощь, – торжественно, но без лишнего пафоса ответила лирра. – Спасибо тебе, Бин!

Нара от восторга захлопала в ладоши. Нет, она положительно мечтает нас поженить, – про себя усмехнулась лирра. Знала бы ты, девочка, куда мы идём, и *зачем*... Хотя... Собственно говоря, а знаешь ли ты сама, многомудрая лирра, куда и зачем ты идёшь? Или же ты просто бежишь? От самой себя и от своей судьбы?.. Но Мэйлинн, тряхнув головой, отогнала от себя эти мысли. Она точно знает, зачем идёт. Она ищет Белую Башню. А значит – ей уже пора.

– Скоро свечереет, а значит, нам пора, – нарочито деловым тоном сказала она. – Бин, если ты ещё не передумал, пойдём сейчас.

– Как – сейчас? – встрепелась госпожа Танисти. – Да куда же он в таком виде-то? А ну-ка, марш в свою комнату и быстро приведи себя в порядок! Вымойся и переоденься! И

чтоб через четверть часа стоял, готовый, на пороге! Не заставляй госпожу Мэйлинн ждать такого недотёпу, как ты!

Мэйлинн видела, что в глазах женщины стоят слёзы, и под бравым тоном скрывается мука, которую может испытывать только материнское сердце, когда расстаётся со своим ребёнком. В отличие от Нары, госпожа Танисти уловила оттенки интонаций лирры, и не строила иллюзий на быстрое возвращение своего Бина. Но она скорее умерла бы сейчас, чем стала рыдать на плече уходящего сына.

После ухода Бина наступило неловкое молчание. Госпожа Танисти, было, бросилась собирать остатки обеда, чтобы уложить их обратно в сумку Мэйлинн, но та мягким движением руки остановила её.

– Не нужно, оставьте! У меня есть ещё, а кроме того я всё равно буду пополнять свои запасы. Оставьте, скоро с работы придёт ваш усталый супруг, ему же нужно что-то поесть!

Все прекрасно понимали, что пора ненужных показных отказов осталась позади, поэтому женщина просто благодарно кивнула и оставила всё на столе, прикрыв лишь куском ткани от мух.

– Да, и вот ещё что... – решила наконец Мэйлинн, и голос её снова предательски дрогнул. – Я очень прошу вас принять вот это, – она вынула руку из кармана, в котором уже на протяжении нескольких минут держала монету.

На её раскрытой вспотевшей ладони лежал серебряный дор.

– Ну что вы, госпожа Мэйлинн! Зачем так обижаете нас? – горестно воскликнула мама Бина.

– Я и в мыслях не держала обидеть вас, почтенная госпожа! – горячо ответила лирра. – Но я забираю у вас кормильца и оставляю вас в весьма трудном положении. Я бы хотела дать больше, если бы точно не знала, что вы отвергнете большую сумму. Я боюсь, что даю вам слишком мало, ведь – и вы должны это знать – я совсем не знаю, как долго продлится моё путешествие. Может статься, что вы не увидите сына много месяцев. И это – слишком малая плата за ту услугу, что он мне оказывает.

– Я возьму эти деньги, – немного подумав, госпожа Танисти протянула лирре руку ладонью вверх. – Потому что грешно отказываться от того, что предлагается с таким чистым сердцем. Я буду молиться за вас каждый день, благородная Мэйлинн. Вы – добрый дух-хранитель нашей семьи. Я этого никогда не забуду, и внукам своим накажу, чтобы те наказали своим внукам, а те своим – помнить и молиться за вас, госпожа.

И высокородная лирра, воспитанница замка Наэлирро, бросилась в объятья простой бедной горожанки, одетой в пропитанную потом ночную рубаху.

– Ну что, пошли? – на пороге стоял улыбающийся Бин.

Глава 8. Олива

Относительно чистый, хотя и весь в синяках и ссадинах, Бин шагал рядом с лиррой и улыбался. Ещё вчера он был обычным жителем городских трущоб без особого будущего, с висящим на нём долгом и без чёткого понимания, что же делать дальше. Ещё несколько часов назад его тащил за петлю дюжий пыжанин, и у жизни, казалось, нет не только перспектив, но и самого продолжения. А вот теперь он идёт рядом с симпатичной лиррой, и впереди его ждёт целый мир приключений. Голова кружилась от пьянящего предвкушения встреч с другими городами, новыми людьми, новыми загадками и ответами к ним.

– А о каком друге ты говорила? – полюбопытствовал он.

– Об Оливе. Помнишь, я рассказывала – моя подруга по Наэлирро. Мы почти четырнадцать лет прожили в одной комнате.

– А, это та, беззубая! – воскликнул Бин.

Мэйлинн прыснула от смеха:

– Не стоит говорить такие вещи о магинях, чтоб ты знал, Бин! А то вдруг она каким-то образом прознает о твоих непочтительных словах, и, чего доброго... – Мэйлинн задумалась на секунду. – Нашлёт на тебя двухнедельную икоту! – лирра вновь засмеялась.

– Да, это страшное наказание! – в тон ей продолжал Бин. – Не уверен, что выдержу больше трёх дней!

– В общем, Олива после *пробуждения* уехала в Латион. Она из столь же богатого рода, как мой, поэтому родители купили ей особняк в Верхнем квартале. Она всегда мечтала стать придворной магиней, хотя, боюсь, вряд ли её услуги будут интересны его величеству.

– А как она отнеслась к... твоей ситуации? – спросил Бин.

– Её *пробуждение* случилось на пару месяцев раньше моего, так что в тот момент её уже не было в Наэлирро. По правилам Школы *пробудившаяся* магиня не может оставаться в стенах замка больше, чем на сутки.

– Ну, надеюсь, она будет рада тебя видеть, – пожал плечами Бин.

– Я в этом уверена! – воскликнула Мэйлинн. – Мы были лучшими подругами, хотя и характеры у нас совершенно разные.

– Ну и славно! – заключил Бин. – Ну а банк? Ты знаешь, где он расположен?

– Без малейшего понятия. Я думала – ты у нас коренной житель Латиона!

– Ну да, но я просто обычно пользуюсь услугами другого банка, – с сарказмом парировал Бин.

– И что же делать? – несколько растерянно спросила лирра.

– А что ты собиралась делать, когда шла в Латион? До того, как встретила меня? – резонно спросил Бин.

– Ну, собиралась спросить у прохожих...

– Ну вот, давай этим и займёмся. Мой вид, к сожалению, не очень располагает к откровенности, так что спрашивать будешь ты. Вон, как раз, пара стражников. Уж они-то должны знать!

Лирра придала своему лицу самое очаровательное выражение, на которое была способна, и, подойдя к изнывающим от зноя стражникам, медленно бредущим по улице, учтиво обратилась к старшему из них:

– Простите мою назойливость, милостивый государь, но не могли бы вы помочь провинциальной путешественнице, попавшей в столь огромный и блистательный город?

Бин решил было, что Мэйлинн перегнула палку, и начал всерьёз опасаться, как бы стражники не приняли слова лирры за издёвку, но, слава всем богам, её речь, напротив, польстила немолодым воякам.

– Что требуется досточтимой юной лирре? – вероятно, старый солдат решил перещеголять в галантности саму Мэйлинн.

– Видите ли, господин, я ищу отделение банка «Каннели, Каннели и Валленштейн», – захлопала ресницами юная проказница. – Не затруднит ли вас указать мне дорогу?

– А, банк Каннели! – воскликнул второй стражник. – Как не знать? Это, поди, самый крупный банк в стране! И его отделение в Латионе каждая собака знает!

Мэйлинн метнула насмешливый взгляд на Бина, и тот сморщился, как от резкой зубной боли.

– Мы бы сами проводили вас, досточтимая госпожа, но, изволите ли видеть – служба! – извиняющимся тоном заговорил первый стражник. – Однако найти его не составит никакой сложности. Вот прямо по этой улице вы можете дойти до Старого города. Дальше пройдёте прямо до улицы Короля Увилла, и затем по ней – направо, до Делового квартала. Ну а там уж любой прохожий укажет вам особняк Каннели.

– Моя благодарность вам безмерна, милостивый государь, – лирра склонилась в низком реверансе. – Да ниспошлёт могучий Асс несокрушимость вашим алебардам!

– Спасибо на добром слове, прекрасная госпожа! Приятно видеть подобную благовоспитанность у столь юной особы, – стражники расплылись в улыбках и, сняв полушлемы с потных голов, галантно поклонились Мэйлинн.

– Пойдём! Ты всё слышал? – подходя к Бину, спросила лирра. Стражники всё ещё сияли улыбками ей вслед.

– Да, я понял, где это, – несколько пристыженно подтвердил Бин. – Слушай, а как ты узнала, что они – ассианцы?

– Проще простого. Мне кажется, все военные люди – ассианцы, ведь Асс – покровитель воинов и отец самой войны, – ответила лирра и Бин лишь кивнул головой. Век живи – век учись.

Они двинулись в указанном направлении. Вскоре появилась Старая стена, и путники вступили в Старый город. Он довольно разительно отличался от того, что успела повидать Мэйлинн ранее, и перемены эти были явно к лучшему. По крайней мере, здесь были настоящие мостовые, и не было сточных канав. А поскольку это были окраины прежнего Латииона, где в стародавние времена располагались трущобы, которые позже были сровнены с землёй и застроены новыми домами, то и улицы здесь были не в пример шире центральных улиц Старого города.

Улица, по которой шли наши друзья, по прямой пересекала весь Старый город, так что им нужно было идти и идти, пока не дойдут до её пересечения с улицей Короля Увилла. Это путешествие заняло чуть больше четверти часа, после чего, как и было велено, они повернули направо.

– Я собирался больше не задавать тебе вопросов на сегодня, но всё-таки не могу удержаться, чтобы не спросить о твоей сумке, – нарушил молчание Бин. – Она что – волшебная?

– Конечно волшебная, – подтвердила Мэйлинн.

– А откуда она у тебя?

– А что – сложно догадаться? Из Наэлирро, конечно, – дёрнула плечиком лирра.

– Вам выдают такие сумки? – восхитился Бин.

– Скажешь тоже – выдают!.. – фыркнула Мэйлинн. – Я её украла.

– Украла?.. – протянул Бин.

– Как видишь, я более преуспела в воровстве, чем ты.

– А как же ты её украла? Я хочу сказать, неужели её никто не охранял? – недоумевал Бин.

– Представь себе! И вообще у нас в Наэлирро нет стражи. Точнее, у нас есть стражники, которые охраняют замок и его обитателей. Но у нас нет... надзирателей, следящих

за воспитанницами. Я думаю, ты понимаешь, что за всю историю Школы ещё ни одна её ученица ни то что не бежала, а даже и не помышляла об этом. Так что для меня не было никакой проблемы взять что нужно и уйти.

– А ты не знаешь, как работает эта твоя сумка? – спросил Бин, и глаза его загорелись в предвкушении новой порции знаний.

– К сожалению, очень плохо. Я знаю, что это как-то связано со сворачиваемостью пространства, но точные науки никогда мне не давались. Но я могу сказать, что это – магия очень высокого порядка. Даже сильная магиня не сразу и не вдруг такое может сделать. Этим артефактом у нас в Школе очень гордились, – как-то печально усмехнулась Лирра.

– И много ещё таких штук ты стащила? – поинтересовался Бин.

– Достаточно, – уклончиво ответила Мэйлинн и весьма демонстративно стала изучать неприхотливую архитектуру окружающих зданий. Бин понял намёк и замолчал.

До Делового квартала они добрались ещё через десять минут. Это действительно был деловой центр Латиона, где располагалась Биржа, всевозможные банки, а также Королевское казначейство. Вокруг сновали сплошь деловые серьёзные люди в тёмных глухих одеждах, не смотря на жару. День катился к закату, поэтому если улицы Весёлого квартала сейчас только начинали заполняться народом, то Деловой квартал, напротив, понемногу начинал пустеть. Но Бину и Мэйлинн даже не пришлось спрашивать дальнейшую дорогу: большой трёхэтажный особняк с гордой надписью «Банк Каннели, Каннели и Валленштейн» не заметить было нельзя.

Это был новодел, построенный, наверное, не более двадцати лет назад, и резко контрастирующий с так называемой исторической застройкой квартала. Дерзкие, даже кичливые формы так и вопили о безудержном богатстве его владельца. На сегодняшний день владельцем особняка (и всего банка) был Малио Каннели, потомок тех самых Каннели, чьи имена красовались на фасаде. Теперь он был единоличным владельцем дела, ибо господин Валленштейн был, вероятно, куда более богат латорами, чем потомками, так что бизнес этого самого крупного банка Латиона уже несколько поколений принадлежал лишь семье Каннели. Однако, надо отдать им должное, фамилия сооснователя банка по-прежнему продолжала жить, хотя бы только в названии.

На входе, прислонясь к стенке и скрестив руки на груди, стоял охранник – типичный громила, каких обычно нанимают для охраны, и лениво жевал соломинку. Однако его ленивая истома была лишь видимостью. Лирра заметила, с какой холодной внимательностью устремился на них взгляд бугая из-под полуопущенных век. Видно, Малио Каннели знал толк в подборе персонала. У охранника не было видно никакого оружия, и это как раз, почему-то, пугало больше всего.

– Побудь-ка здесь, – попросила Мэйлинн Бина, и тот даже не подумал перечить.

Бин присел на лавочку на противоположной стороне улицы, и принялся глазеть по сторонам. Прежде ему не приходилось бывать в этом районе. Да и вообще в Старом городе он был считанное количество раз. Не то, чтобы там не жаловали таких, как он, но всё же в своих трущобах он чувствовал себя куда увереннее.

Лирра мягкой походкой, без каких бы то ни было резких движений, подошла к охраннику:

– Мне нужно снять деньги со своего депозита.

Охранник слегка кивнул головой, и Мэйлинн вошла в здание. Внутри царила прохлада – не иначе, как господин Каннели содержал ещё и мага. Мэйлинн улыбнулась идущему ей навстречу клерку и повторила:

– Я бы хотела снять немного денег со своего депозита.

Клерк дежурно улыбнулся и указал рукой на одну из внутренних дверей:

– Прошу пожаловать сюда, госпожа.

***

Бин успел заскучать – лирры не было уже около двадцати минут. Но вот она появилась на пороге – лицо мрачнее тучи, движения раздражённые, резкие. Вслед за ней семенил тот же клерк, поминутно кланяясь и рассыпаясь в извинениях, но вежливая обычно Мэйлинн лишь досадливо кивала головой. Она пошла вдоль по улице, даже не убедившись, что Бин последовал за ней.

– В чём дело? – осведомился он, догоняя рассерженную лирру.

– Мой депозит заморожен по личному распоряжению отца, – гневно ответила Мэйлинн. – Теперь мало того, что мы остались почти без денег, так ещё и, уверена, в самое ближайшее время будет послана весть в Наэлирро, а также моему отцу о том, что я объявилась в Латионе. Надо срочно уходить из города. Сейчас идём к Оливе, разговариваем, и тут же уходим. Я планировала, возможно, остаться у неё на несколько дней, но это стало слишком опасно. Хорошему магически заряженному голубю три-четыре дня лёта до Наэлирро, и столько же обратно. А затем вся городская стража будет охотиться за мной, – мрачно закончила лирра.

И несмотря на то, что до обещанной лиррой охоты было ещё несколько дней, оба как-то ссутулились, опустив лица, словно их уже разыскивал весь город.

От Делового квартала до Верхнего было не так уж далеко. Теперь они находились в самом центре Старого города, где испокон веков селились весьма зажиточные люди. Аристократический шик не покинул до конца эти улицы, хотя сейчас здесь жили преимущественно не знатные дворяне, а богатые буржуа. Дома тоже выглядели весьма респектабельно.

Уже темнело, и фонарики деловито зажигали свои светляки по краям улицы. Город погружался в индиговые тона и приобретал какое-то необъяснимое очарование. Немало способствовало этому и то, что жара потихоньку отпускала город из своих хищных когтей, чтобы вцепиться в него с новой силой следующим утром. И Мэйлинн, и Бин невольно залюбовались окружающей их картиной. Бин, кроме того, ещё и с удовольствием вдыхал полной грудью вечерний воздух – всё ещё горячий, зато напрочь лишённый так привычных ему запахов гниющих отходов и испражнений.

– Пришли, – лирра указала на небольшой уютный двухэтажный особнячок, по убранству которого сразу становилось понятно, что владелица его – совсем ещё молодая особа.

– Мне снова ждать снаружи? – обречённо спросил Бин.

– Да нет, зачем же, – возразила Мэйлинн. – Я же говорю: Олива – моя лучшая подруга!

Поднимаясь на крыльцо, лирра распустила шнуровку на шее, так что её ошейник стал явственно виден. Она надеялась, что это избавит её от лишних вопросов прислуги. Затем она решительно дёрнула шнурок, висящий рядом с входом. При этом обратило на себя внимание отсутствие дверного молотка.

Внутри дома прокатился приятный переливчатый звон, который явно не мог бы издать обычный колокольчик. Очевидно, магии Оливы вполне хватало на такие мелкие чудеса.

– Олива в своём репертуаре! – усмехнулась Мэйлинн. – Не может без показухи.

Едва она произнесла фразу, дверь мягко распахнулась и перед ней предстал престарелый дворецкий, одетый с иголочки и всем своим видом демонстрирующий весь шик данного дома.

– Чем могу служить почтенной госпоже? – очевидно, что дворецкий сразу же увидел знак Наэлирро, но его бесстрастно-вежливое выражение лица не изменилось ни на гран.

– Передайте своей госпоже, что её хочет видеть её подруга Мэйлинн, – бросила лирра.

– Сию минуту, госпожа. Прошу пройти в гостиную, там сейчас будут предложены кофе и пудинг вам и вашему спутнику, – слуга был вышколен идеально, поэтому даже в отноше-

нии помятого и бедно одетого Бина он не позволил ни малейшего изменения тона. – Госпожа Нуаль спустится к вам, как только сможет. Уверен, она не заставит долго себя ждать.

– Благодарю вас, – вежливо поблагодарила Мэйлинн, и они оба вошли в дом Оливы Нуаль.

Убранство дома удивительно успешно балансировало на грани изысканной роскоши и кричащей безвкусицы. Каждая вещица, казалось, находится здесь с одной единственной целью – оповещать всех гостей о богатстве и молодости своей хозяйки. Бин не переставая вращал головой во всех направлениях, не забывая верха и низа. Мэйлинн наоборот оглядывала всё с изрядной долей иронии.

Подали обещанный кофе. Бин не стал ожидать повторного приглашения, и тут же ухватил блюдце с пудингом. Повертев в руках странного вида двузубую серебряную вилку, он неловко отковырнул кусок пудинга и с наслаждением отправил его в рот. Мэйлинн же коротким жестом отказалась от предложенных угощений и принялась ходить по гостиной, рассматривая её убранство.

Так прошло несколько минут. Бин уже покончил со своей порцией пудинга, с шумом втянул в себя сразу всё содержимое миниатюрненькой чашечки с, очевидно, обжигающим кофе, и теперь так же увлечённо приканчивал порцию Мэйлинн.

– Мэйлинн? – раздался мелодичный голос с лестницы, ведущей наверх.

Бин повернулся на голос, да так и застыл, не донеся вилки до рта. Наконец-то он увидел молодую лирру, не задрапированную в дорожные одежды!

На лестнице стояла невысокая, пожалуй, даже пониже Мэйлинн лирра со снежно-белыми волосами, опускающимися до самых ягодич. Черты лица такие же правильные и красивые. Те же большие тёмные глаза. Ярко-алые, чуть припухлые губы. Белое обтягивающее платье во всей красе демонстрировала пресловутую статью лирр. Платье было довольно смело открыто, демонстрируя не только ошейник Наэлирро, но и куда более интересные для Бина вещи.

– Ли! – воскликнула Мэйлинн и бросилась навстречу подруге. Однако явная холодность, и даже отчуждённость, проявившиеся во всём образе Оливы, охладили её пыл. Мэйлинн так и застыла у подножия лестницы, занеся ногу лишь на первую ступень.

Они так ярко контрастировали между собой – одетая во всё тёмное и нарочито свободное, с тёмными же волосами Мэйлинн казалась каким-то жалким воронёнком рядом с прекрасным лебедем. Хотя ещё недавно Бин был уверен, что в жизни своей не видел никого прекраснее неё.

– Кто это с тобой? – так же отчуждённо спросила Олива, слегка кивнув на растерявшегося Бина. Тот поспешно вскочил, не заметив, как так и не съеденный кусочек пудинга шмякнулся на прекрасный дорогой ковёр.

– Это мой друг, Бин, – в тон подруге ответила Мэйлинн, продолжая испытующе смотреть на Оливу.

– Человек? – с каким великолепным оттенком презрения это было сказано! Причём, как видно, Оливу в меньшей степени смутил даже явно бедный вид Бина.

– Ты видишь, – ещё холоднее ответила Мэйлинн и отступила на шаг от лестницы. Теперь Олива спустилась.

– Мы можем поговорить наедине? – спросила Олива.

– Хм... Ну давай наедине, – согласилась Мэйлинн и обернулась к Бину. – Побудь здесь, хорошо? Сейчас тебе принесут ещё пудинга, – лёгкий кивок Оливы стоящему неподалёку дворецкому, и тот тут же исчез.

– Да... Хорошо... Рад был познакомиться... Госпожа... – смущённо лепетал Бин.

– Я тоже рада, – по тону этого никак не скажешь. – Пойдём в мой кабинет, – это уже было сказано Мэйлинн, но тон при этом не особо изменился в лучшую сторону.

– О, у тебя есть свой кабинет! – натянуто-шутливо протянула Мэйлинн, но на лице подруги не дрогнул ни один мускул, и лирра тоже замолчала.

***

– Ты же понимаешь, насколько ты компрометируешь меня своим визитом? – уже более оживлённо спросила Олива, когда они остались одни.

– Так ты уже слышала... – протянула Мэйлинн. – Ну извини, ладно? – она сделала ещё одну попытку сломать лёд. – Когда я видела тебя в последний раз, ты была брюнеткой! – Мэйлинн шутливо улыбнулась, словно ожидая, что до сих пор Олива просто её разыгрывала.

– Когда ты видела меня в последний раз, я была лысой как колено! – бросила в ответ Олива. – И ты прекрасно знаешь, что это – просто парик! Ненастоящее! Так же, как и это! – и она постучала перламутровым ноготком по своим передним зубам.

– Да что с тобой такое! – взорвалась Мэйлинн. – Мы четырнадцать лет спали на соседних кроватях, вместе мечтали о будущем, зубрили уроки, обсуждали наших преподавателей... Куда ты дела мою подругу Ли? Я хочу её видеть!

– Да это с тобой что такое!!! – вскричала Олива. – Ты не *пробуждаешься* с первой кровью, затем бежишь из Наэлирро, выставив дураком Лорда-ректора, да ещё и похитив несколько ценнейших артефактов! А теперь ты вваливаешься в мой дом с каким-то оборванцем-человеком, и ждёшь, что я буду с тобой мило щебетать о погоде??? – лицо магини даже побагровело и стало вдруг каким-то некрасивым.

– Ты будто бы обвиняешь меня в том, что я не *пробудилась*! – Мэйлинн кричала вслед за Оливой.

– Так ты угадала! Я действительно обвиняю тебя! Ты ведь с самого начала не хотела быть магией! Помнишь, как вечерами, лёжа в кровати, ты рассказывала мне о путешествниках, о которых ты вычитывала в своих дурацких книжках? Помнишь, как ты мечтала оказаться на их месте? А то, как ты говорила о том, что магия – не самое главное в жизни? Я ничего из этого не забыла! Но тогда я считала тебя просто ненаигравшейся дурочкой. А теперь я вижу, что ты – гораздо хуже! Поэтому я прямо говорю – ты не хотела своего *пробуждения*, ты боялась его!

– Это кто здесь говорит о страхе? – немедленно вскинулась Мэйлинн. – Уж не моя ли подруга Ли, которая при *пробуждении* лишилась нескольких клоков волос и пары зубов? – с сардонической усмешкой продолжила она. – И которая теперь может разве что зачаровывать идиотские дверные колокольчики в своём безвкусном домишке?! Да ты боялась *пробуждения* не меньше меня!

– Не смей так говорить со мной!!! – с недавно ещё таких прекрасных, а теперь судорожно исказившихся губ Оливы летела слюна, на горле вздулись голубоватые жилы, а глаза почти заполнились расширившимися потемневшими ещё больше зрачками.

Мэйлинн вдруг испугалась. Ведь, что ни говори, перед нею сейчас стояла магиня, пусть довольно слабая, но ведь для того, чтоб убить человека банальным огнешаром много таланта и не нужно. Кроме того, Ли всегда была страшно себялюбивой и болезненно гордой. И вот эту самую гордость глупенькая Мэйлинн сейчас с особой жестокостью втаптывает в грязь, говоря подруге то, что та сама страшилась сказать себе всё это время. Ведь никакая ложь и клевета, даже самая гнусная, не может ранить больше, чем правда, которой страшишься. Но ведь Ли всегда была хорошей подругой. Да – тщеславной, да – эгоистичной, но ведь она искренне была привязана к Мэйлинн. И, говоря откровенно, сейчас Мэйлинн нуждалась в Оливе куда больше, чем Олива в ней.

– Мне кажется, мы неправильно начали нашу встречу, – заставив себя говорить более-менее спокойно, произнесла Мэйлинн. – Ли, мы не виделись уже почти полгода, со дня тво-

его *пробуждения*. И вместо того, чтобы обняться, как это делали в своё время Мэй и Ли, мы, лучше подруги, за пять минут умудрились наговорить друг другу огромную кучу гадостей!..

– Мы *были* подругами, – отчеканила Олива. – А теперь я – магиня, а ты... А кто ты, Мэйлинн? Да, ты права, у меня было *пробуждение*. Может быть, не самое внушительное, но было. А у тебя? У тебя была обычная менструация, которая бывает у самых завшивленных человеческих самок!

Ногти Мэйлинн глубоко впились в ладони. Она стиснула зубы так, что те хрустнули. Но она всё-таки она заставила себя успокоиться.

– Ты права, Олива, – срывающимся от напряжения голосом проговорила Мэйлинн. – Ты теперь – магиня, а я – никто. Я и сама не знаю, кто теперь я. Но я попала в беду...

– Ты не попала в беду, ты прыгнула в неё с восторженным визгом, как деревенские девки прыгают в холодный пруд! – перебила её Олива.

– Я оказалась в беде по собственной вине, признаю это, – вытолкнула с усилием эти слова Мэйлинн и глаза её потемнели так же, как и у Оливы до того. – Но в память о нашей *прошлой* дружбе я прошу тебя о помощи. Я бы хотела, чтобы ты организовала мне встречу с одной из старших магинь. Я знаю, что в Латионе живёт несколько очень сильных и довольно... древних, – Мэйлинн не удалось подобрать подходящего слова, да сейчас это уже и не имело значения. – Мне нужно задать один очень важный для меня вопрос...

– Ты сама-то слышишь, о чём меня просишь? – делано захохотала Олива. – Ты хочешь, чтобы я, полноправный член лиррийского магического общества, связалась бы с тобой, беглянкой, наплевав на свою карьеру??? Да и не просто связалась, а ещё и свела бы тебя с «древней» сильной магиней? Может быть, сразу уж с самой Дайтеллой? А, извини, она же не живёт в Латионе, а так бы – конечно... Ну, может быть моя *дорогая подружка Мэй* довольствуется главной придворной магиней Балинной? Её возят на специальном кресле, потому что у неё отсохли и отвалились ноги под самый корень, а руки превратились в две жалкие сухие веточки. Такое *пробуждение* тебя удовлетворит? Или она *тоже* чересчур труслива для тебя??? – Олива кричала так, что уже сорвала голос.

– У тебя истерика, *подружка*, – тихо, с презрительной насмешливостью произнесла Мэйлинн. Она больше не злилась и не боялась. Накатила усталость, и ей хотелось лишь одного – поскорее уйти отсюда. – Считаю, что я просто нанесла тебе визит вежливости в память о былых деньках. А теперь мне, пожалуй, пора.

Олива вновь засмеялась, но на этот раз уже зло, по-настоящему:

– Ты не выйдешь отсюда! Я уже послала голубя в Наэлирро, самое позднее – через десять дней сюда придут, чтобы забрать тебя. А пока ты будешь заперта в этой комнате. Я уже отправила человека, чтобы оповестить городскую стражу. Тебя будут охранять, но не так, как в Наэлирро. И, кстати, можешь забыть о магии! Я, может быть, и не шибко какая сильная магиня, но уж защиту дома выстроить могу!

– Ты, вроде бы, магиня всего-то с полгода, но уже что-то подзабыла, как оно живётся, когда не можешь использовать магию, – злорадно прошипела Мэйлинн и с огромнейшим наслаждением нанесла подружке мощный короткий удар кулаком в нос.

Олива рухнула как подкошенная, кровь хлынула рекой и на белые искусственные волосы, и на белое платье, и на белый пушистый ковёр под ногами. Не теряя ни секунды, Мэйлинн выскочила из кабинета, пулей пролетела по коридору и оказалась напротив входа в гостиную, где Бин неподвижно и смирно сидел на софе под напряжённым взглядом дворецкого. Оба, вероятно, слышали доносящиеся вопли, и оба ожидали какого-то неприятного продолжения. Вот и дождались.

– Бежим! – коротко бросила Мэйлинн и Бин, надо отдать ему должное, понял её с полуслова.

Престарелый дворецкий даже не пытался заступить им дорогу, однако он тут же шмыгнул в одну из дверей, и оттуда слышались голоса. Вероятно, там находились наготове слуги, которые должны были помочь задержать беглецов.

Бин и Мэйлинн выскочили на тёмную улицу. Позади слышался топот нескольких пар ног, а впереди, как заметила Мэйлинн, мерцали факелы наряда стражи, вызванного Оливой.

– Куда? – так же коротко спросила она Бина.

– Нам бы добраться до Нового города. Там нас не найдут, – озираясь, ответил Бин.

– Веди, – всё так же лаконично выдохнула Мэйлинн, не сбавляя темпа.

Бин припустил в ближайший тёмный проулок, и лирра без труда последовала за ним. Оливины слуги, слава богам, отстали довольно быстро, а стража ещё только подходила, и ей ещё требовалось время, чтобы разобраться в ситуации. Это дало беглецам небольшую фору.

К сожалению, Бин слабовато разбирался в планировке Старого города, поэтому они долгое время просто метались вслепую, стараясь держаться тёмных боковых улочек и при этом двигаться в сторону Старой стены. Одетые в доспехи стражники, конечно, не могли догнать беглецов, но на их стороне было численное превосходство. Позади Бина и Мэйлинн то и дело раздавались трели стражевых свистков, и то впереди, то с боков возникали всё новые и новые группы преследователей в колышущемся свете факелов.

Прошло около получаса такой вот бестолковой беготни. Бин дышал уже заметно тяжело, лирра же до сих пор не проявляла никаких признаков усталости. Но она тревожно поглядывала на Бина, гадая, сколько ещё он сможет выдержать.

– Есть! – вдруг выдохнул Бин. – Ворота!

Слава Арионну, ворота Старой стены хоть и держались в исправном состоянии, но уже много столетий не запирались по ночам, так что беглецы легко проскользнули наружу. Теперь Бин чувствовал себя гораздо уверенней, у него даже, казалось, прибавилось сил.

– Сюда! – коротко махнул он рукой, и они свернули в очередной проулок неподалёку от шумной таверны.

И увидели впереди четверых стражников. Правда, они просто стояли, держа в руках факелы и алебарды, шагах в сорока впереди, и не принимали участия в погоне, (да, наверняка, даже не знали о ней), но рисковать было нельзя.

– Давай, в канаву! – коротко скомандовал Бин и, не мешкая, сам прыгнул в придорожную сточную канаву. Однако там он споткнулся обо что-то большое, и, пытаясь сохранить равновесие, сделал ещё шаг вперёд. Его подошвы наступили на что-то мягкое, и тут же, словно из-под земли, раздался голос:

– Ассова задница! А ну-ка слезь с моей руки, парень!..

Потрясённый Бин неловко соскочил, и шлёпнулся прямо в грязь.

Глава 9. Кол

Сан Брос, больше известный под прозвищем Кол, в очередной раз валялся лицом в сточной канаве. В какой по счёту раз – он уже и сосчитать не мог. Во всяком случае, на один раз больше, чем он давал себе обещание больше так не делать. Чтобы уравнять счёт, Кол вновь поклялся себе, что сегодня – это был последний раз.

Теперь, лёжа побитым лицом в чьих-то фекалиях, можно и поразмыслить о жизни. Если подумать, то для подобных размышлений лучшего места и не сыщешь. Это как раз такое место, которое не даёт раздуться гордыне – главному врагу Сана Броса. Ну, если не считать ещё дешёвого пойла, которое все трактирщики мира обычно разливают под гордым именем вина. Да, пожалуй, больше врагов у него нет. Ну разве что ещё этот хмырь Тан Горбун, чьи ребята давеча отметили Кола и кинули в эту самую канаву, благослови её Асс. Да, вот она – святая троица его главных врагов!

Однако сейчас, хлюпая окровавленным носом, и не в силах пока даже пошевелиться – отчасти из-за хмеля, тёкшего сейчас по его венам вместо крови, отчасти от особенно чувствительных в этот раз побоев (видно крепко осерчал проклятый Горбун!), – Сан Брос по прозвищу Кол вдруг отчётливо осознал, что в очередной раз пытается себя обмануть. Казалось бы – лежишь весь в дерьмище, только что пузыри не пускаешь в зловонном потоке, ну неужели можно унизиться ещё сильнее? И чего, казалось бы, стесняться ещё можно. Зачем юлить? Но с накатывающими вдруг слезами пришло ясное ощущение, что он, Сан Брос, бывший легионер Седьмого Коррэйского легиона, бывший паладин его королевского величества, малодушно и трусливо пытается сейчас обмануть сам себя. Потому что его *главным*, наиглавнейшим врагом был он сам, Сан Брос по прозвищу Кол.

Разве это легат Парри взашей выгнал его из Седьмого тринадцать лет назад без права восстановления (правда, потом всё-таки восстановили за былые заслуги – нашлось, кому замолвить словечко)? Конечно нет. Он сам себя выгнал постоянными пьянками и дебошами. Легат Парри (да не икнётся ему на том свете!) стал лишь орудием, но движущей силой этого позора был он, Кол.

А потом, семь лет назад, когда его торжественно приняли в Гвардию паладинов его королевского величества – по личной рекомендации всё того же легата Парри... Не он ли в ту же ночь нажрался так, что под утро не явился на свой первый караул? И если бы не славный Гутто, прикрывший его и придумавший какую-то фантастическую историю с отравлением, то не кончилась бы его паладинство, едва начавшись?

Надо признать, что он и так, возможно, стал самым быстротечным паладином в истории. То, что должно было случиться на следующий день, случилось через четыре месяца. Подумать только – он умудрился не пить почти четыре месяца... И ведь нужно было напиться – из-за чего??? Из-за этой шлюхи Вилии! Все кругом твердили дураку, что она изменяет ему налево и направо, но ведь не верил! Уже и кольцо купил – подумать стыдно!.. И как не пришиб тогда эту тварь – не иначе как Асс с Арионном вместе за руки держали, да ещё и Первосоздателя с Гурром попросили пособить. Зато этот юристик поганый три пролёта кувырком летел! А как потом голышом улепётывал! Надо было и *эту* следом пустить... Да гордость не позволила. В свою... *их* комнату он больше не возвращался никогда. Зато дорогу в кабак нашёл очень даже просто... И когда на четвёртый день, помятый, он наконец явился в казарму, то ему и оставалось только, что собрать личные вещи и уйти даже без выплаты месячного жалования. Это хорошо ещё, что от карцера Асс уберёт...

А устроиться громилой к Тану Горбуну! Это ж надо было выдумать! Паладин... бывший паладин Латииона занимается вышибанием мелких долгов для главного процентщика и

сутенёра квартала! Вот эти три года он бы вообще вычеркнул бы из памяти... Никогда бы не подумал, что человек способен на некоторые вещи. Кабы сам их не творил...

Ну потом были вольные хлеба, попытка начать жизнь с чистого листа. Благо, сбережений, скопленных за годы лихой работы, было более чем достаточно. И опять – кто виноват, что выгодный бизнес по торговле саррассанским жемчугом сгорел в один день? Поверил бывшему сослуживцу Талию Плинту («мы, из Седьмого, своих не забываем!»), ввязался в эту дурацкую аферу с таможенниками... Как результат – полная конфискация имущества и три года на казённых хлебах его величества. Плинт, кстати, сухим из воды вышел, да ещё и свидетельствовал против Кола в Алом суде.

И вот уже после отсидки – очередная попытка встать на ноги. Ну тут уж вообще верх идиотизма – взять у Горбуна пять доров в рост. На эти деньги снял комнатку, занялся столярничеством (хоть чему-то полезному в тюрьме выучился!). На жизнь кое-как хватало даже с учётом драконовских процентов, что он платил Горбуну. Казалось бы – вот она, новая жизнь! Ан нет! Пожар, какие часто случаются в городских трущобах. Ну хоть тут не он виноват! Однако ж, долго горевать ему не дали. В назначенный день с убийственной аккуратностью к нему пришли за очередным платежом для Горбуна. В тот месяц он ещё смог расплатиться – из небольшой заначки, что лежала на чёрный день, благо огонь не уничтожил медяки, спрятанные под очаговым камнем. А дальше... Тан Горбун снова звал к себе на работу, но Кол знал, что скорей сунет голову в петлю, чем ещё раз вернётся на этот путь. В следующем месяце платить было нечем, и парни Горбуна перестали быть вежливыми. И вот уже второй месяц бывший паладин его величества с завидной регулярностью бывает бит. Судя по всему, таков метод Горбуна – сломать Кола, заставить приползти на коленях и умолять взять его на работу, если это благородное слово вообще можно применить к тому, чем Горбун заставит его заниматься. Копить деньги Сан больше и не пытается. Мелочь, получаемую за чёрную подённую работу на складах, в доках или ещё где, тут же оставляет в ближайшем кабаке. Удивительно, как ребята Горбуна умудряются находить его по самым разным значным местам! И вот такова теперь вся его жизнь: склад – кабак – канава. Или, для разнообразия: док – кабак – канава. Обидно, что итог, в общем-то, всегда был один...

Вспомнилось, как лет пятнадцать назад, девятнадцатилетним юнцом он был принят в легендарный Седьмой. Хотя легион традиционно назывался Коррэйским, но он уже лет шестьдесят как не квартировал в Коррэе. Когда в Седьмой пришёл Кол, он как раз был переброшен на северо-запад Палатия, к побережью, где особо яростными тогда стали набеги северян с Келли. Молоденький, едва обусевший рядовой Брос попал, как говорится, с корабля на бал.

Особенно жёстко пришлось в бою недалеко от какой-то рыбацкой деревеньки – то ли Бережки, то ли Пески, то ли ещё как-то. Тогда сразу несколько драккаров с чёрно-золотыми парусами внезапно подошли к берегу, и на лагерь легионеров хлынули по меньшей мере четыре сотни берсерков. Казалось бы, что такое четыре сотни против полнокровного легиона? Но то-то и оно, что на этот момент в лагере оставалось всего четыре когорты, изрядно прорежённые боями, так что способных держать оружие было меньше тысячи. Остальные когорты легиона растянулись почти на двадцать миль побережья – людей катастрофически не хватало. Сами палатийцы неохотно воевали за свои собственные земли, предпочитая платить тем, кто не прочь помахать мечами. Так вот и сейчас Палатий от северян защищали три латионских легиона – Седьмой, Второй и Пятый, и лишь один сводный отряд платийцев тысяч на восемь. Но дело сейчас не в этом. А в том, что четыреста закалённых боями северных дикарей собирались напасть на неполную тысячу латионцев. Один берсерк к примерно двум легионерам – весьма неприятный расклад, особенно в чистом поле.

Ну да делать нечего – быстро построились в боевые порядки, сомкнули щиты, лучники отошли на вторую линию. В их числе был и молодой легионер Брос. Место было не очень

удачным, особенно для лучников, поскольку побережье на мили вокруг было плоским как стол. Так что вставшие впереди копейщики полностью загораживали собой всю картину боя. Футах в пятистах справа сбились в кучку около сотни конников – всё, что смогли наскрести.

Эх, как бы сейчас уютно было бы за мощным деревянным частоколом, опоясанным рвом! Но деревья в этом унылом месте были явлением едва ли не более редким, чем ясные солнечные дни. Голая степь с какими-то кустарниками, которые и огня-то давали меньше, чем дыма. Местные вообще топили свои печки жирной морской рыбой, но для латионских носов запах горящего рыбьего жира был просто непереносим. Однако, и не об этом сейчас нужно думать. Кол, вытягивая шею, смотрел вперёд.

Вдруг раздался мощный, леденящий душу вой. Кол увидел, как пехотинцы пришли в движение. Он понял – первые ряды плотней сдвинули щиты, вторые ряды упёрлись в спины первых, дабы выдержать натиск, а следующие четыре ряда дружно опустили длиннющие копья на плечи впередистоящих товарищей. Оставалось лишь надеяться, что в рядах щитов не найдётся слабого звена. Тогда есть шанс пережить этот день.

По команде лучники натянули тетивы и прицелились в серое небо, висевшее низко и вот-вот готовое разверзнуться над головами сражающихся. Отмашка – и четыре сотни стрел ушли вверх жужжащей рассерженной тучей. Туча дугой обогнула стоящих впереди пехотинцев и пропала из виду. Наверное, кто-то попал. Может быть, даже и сам Кол. Но времени на подобные размышления не было – выхватить новую стрелу, и бить вверх уже без команды. Как можно больше стрел! Ах, было бы у них побольше пространства! Кол бы с удовольствием сейчас пустил стрелу в задницу тому умнику-командиру, что разместил лагерь так близко к морю.

Рёв всё нарастал, а затем вдруг грянул мощный крик сразу многих сотен плоток – столкновение! Зазвенел и заскрежетал металл. Раздались первые жалобные крики. Лучники пустили ещё один-два залпа, но теперь стрелять уже было просто опасно – не задеть бы своих. Поэтому луки были убраны за плечи, а в руках появились короткие латионские мечи. Идти с такими против двуручников северян – самоубийство. Но не такое глупое, как идти вовсе безоружными, так что выбор невелик.

Кол оглянул ряды пехоты. Ура! Кажется, первый натиск выдержали вполне удачно – строй нигде не прорван. Кол прекрасно понимал, что сейчас творится на передовой. Щитовосцы, сжавшись в тугие комки, изо всех сил удерживают высокие, почти в рост человека щиты. Поддерживающие их мечники из второй шеренги изо всех сил упираются в спины, но при этом посматривают – не подойдёт ли кто слишком близко. Тогда – короткий тычок мечом. На такой близкой дистанции копейщикам бить несподручно. Ну а сами копейщики тычут вслепую своими копьями, надеясь не подпустить врага. Жаль, народу маловато и нельзя поставить дублёров – воинов, которые будут поочерёдно сменять первые две шеренги, давая отдохнуть, или заменяя павших. Но что есть, то есть.

Пока что наблюдение сзади было довольно однообразным. Шуму, конечно, много, но вот особого движения нет. Стоят, топчутся на месте люди – и всё. Лучники подошли ближе к пехотинцам. Раз стрелять нельзя – так, может, ещё чем удастся пособить. Да теми же дублёрами поработать!

И точно – хорошие мысли приходят в разные головы одновременно! – их командир отдаёт приказ двум первым шеренгам лучников просочиться сквозь ряды копейщиков и занять места за мечниками. Черт! Кол как раз во второй шеренге!!! Конечно, боя на всех хватит – минут через десять командиры наверняка сменят бойцов, но... Как не хочется туда, на передовую! Уж и не вспомнить все те идиотские юношеские мечты о боях и славе, которые бередили его душу, пока он работал на отцовской ферме, с которой и сбежал, чтобы записаться в легион. Нет уж – сейчас бы он предпочёл соху или колун.

Кол протискивается сквозь ряды потных сосредоточенных копейщиков. Те привычно чуть расступаются и тут же смыкаются за его спиной. Вот он проходит все четыре шеренги и оказывается за спиной мечника, который, пыхтя, упирается в спину щитоносца. Тот, в свою очередь, всем весом навалился на щит, удерживая его в вертикальном положении. А за стеной щитов беснуются заросшие лица. Вот копье угодило прямо в раззявленный рот одного из берсерков, но его место тут же занял новый. Мощные двуручные мечи бьют по древкам копий, и хотя те сделаны из крепчайшего железного дерева, но то тут, то там копья всё-таки разлетаются. Те же мечи бьют в окованные железом щиты, и те стонут от их ударов, так же как и люди, которые эти щиты держат. Однако же пока наши копья внушают должное почтение варварам, и те в большинстве своём топчутся за пределами их досягаемости, воя и злобно кусая края своих деревянных круглых щитов.

Кол легонько бьёт по плечу поддерживающего мечника впереди себя. Тот, даже не оборачиваясь, понимает условный сигнал и отступает. Его место тут же занимает сам Кол. Упирается в металлическую спину щитоносца одной рукой, другой поднимает наизготовку меч. Из рта рвётся бешеный крик – то ли ужаса, то ли восторга. Как-то одновременно сразу хочется, чтобы эти дикари и подошли ближе, и держались подальше.

Вот один соломенноголовый ловко поднырнул под копья и оказался у самого края щитов. В его руке был большой боевой молот с острым металлическим клювом. Замах – и этот молот гулко опускается именно на его, Колов, щит. И, кажется, что гулкий звон удара на мгновение перекрывает все остальные звуки боя. Щитоносец подседаёт со страдальческим стоном, но выдерживает. А берсерк, дико скалясь, уже заносит молот для нового удара.

– Ах ты ж, курва! – бешено орёт Кол и тыкает своим коротким мечом в лицо варвара. Попадает куда-то под подбородок. На руку брызгает кровь, но Кол уже не смотрит, что будет дальше. Скорее пригнуть голову, укрыться за спасительной стеной и ждать! Ну что, рядовой Сан Брос, твой счёт открыт! И пока всё не так уж и страшно!

И тут – крик ужаса и отчаянья, слитый с воплем торжества где-то слева. Прорвались, стервецы! – сердце падает куда-то на мочевой пузырь, вызывая страшное желание обмочиться. Шеренги зашевелились. Сейчас попытаются заткнуть дыру, пока ещё возможно. Но нет. Кол видит, что шагах в двадцати от него копейщики наскоро отбрасывают копья, хватаясь за мечи. Значит, прорыв не ликвидирован... Ну теперь держись! Сейчас начнётся настоящая рукопашная...

Шеренги слева быстро ломаются и распадаются под натиском беснующихся северян. Крики, проклятия, звон... Увы, когда в стене щитов появилась брешь, вся конструкция становится бесполезной. Да и построение, такое удобное при щитовой обороне, теперь стало опасным – слишком скученны бойцы. Поэтому каждый спешит либо отбежать подальше от опасного места, либо хотя бы дать себе больше пространства для манёвра. Ассова задница, где же конники??? Прошляпили момент, мать их! Теперь много ли толку от них в общей куче-мале?..

... Кол плохо помнил, что было дальше. Всё смешалось в какое-то пятно, из которого лишь изредка выхватывались чьи-то лица – то своих, то врагов. Кол рубил и колол, отступал и наступал, падал и вставал... Как и все на этом проклятом залитом кровью пятачке. Ещё он помнил ливень, который обрушился на головы сражающихся, словно перевёрнутое вверх дном море. Потоки воды просто оглушали, так что на какое-то время сражение просто заглохло – и легионеры, и берсерки могли лишь беспомощно моргать глазами и утирать лица.

Долгой ли была схватка – того Кол сказать не мог. По солнцу не определишь – тучи чёрные вокруг. По усталости – опыта пока маловато, чтоб понимать. Ясно Кол понимал лишь одно – бой окончен, а он всё ещё жив. Пара синяков на рёбрах от ударов северных щитов, да порез на левом плече, который он, признаться, нанёс себе сам своим же мечом в суматохе боя, парируя выпад северянина.

В тот день из четырёх когорт, вступивших в бой, к концу дня едва можно было составить одну полнокровную. Свыше двухсот легионеров ушли в чертоги Асса, и почти пять сотен были более или менее серьёзно ранены, причём минимум полсотни вряд ли переживут нынешнюю ночь. И счастливчик Кол оказался в числе как раз наименее серьёзно раненых. Так что первое настоящее боевое крещение вышло – просто на загляденье!..

...Мысли Кола вернулись из далёких прибрежных степей Палатия в сточную канаву Латиона. Эх, Ассова задница! Как можно было дойти до такого? Что сказали бы сейчас твои боевые товарищи, увидев, как ты лежишь в чужом дерьме (а то, может, ещё и в своём – пока не прошло алкогольное и болевое онемение в теле, он не мог сказать наверняка), избитый какими-то шлюхиными детьми из городских трущоб. Да в те времена – что ему были эти пятеро недоумков? Смех, да и только!

И Кол действительно засмеялся. Тихонько, почти одними губами. Только вот смех этот был больше похож на всхлипывания.

Всё! С завтрашнего дня завязываю с вином! – наверное, в сотый раз пообещал себе Кол. Никакого вина! Никаких кабаков, никаких канав! Уеду из Латиона – Гурра лысого этот горбатый ублюдок меня выследит! Да хоть в колоны подамся! Или в какой-нибудь другой город подальше отсюда...

В груди Кола нарастало воодушевление. И Кол искренне верил ему сейчас, хотя всё это он переживал уже многократно. Но сейчас, лёжа лицом в жидкой грязи, он действительно верил, что жизнь ещё может наладиться. Конечно, ведь со дна любой канавы есть лишь один путь – наверх! Вот сейчас только полежу немного ещё...

Наверху раздался какой-то шум, шорох, и в его канаву кто-то скатился. Да так неуклюже, что споткнулся о его, Коловы, ноги, а после и вовсе встал на кисть откинутой в сторону руки. Боль пронзила пальцы и Кол, дёрнувшись, крикнул:

– Ассова задница! А ну-ка слезь с моей руки, парень!..

Глава 10. Новое знакомство

– Что там у тебя случилось? – зашипела Мэйлинн. Даже страх быть пойманной не смог заставить высокородную лирру нырнуть на дно городской клоаки, так что она элегантно распласталась на откосом бережку канавы. Не конспиративно, конечно, но валяться в помоях – увольте!

– Тут кто-то есть... – растерянно пролепетал Бин.

– Конечно же, тут кто-то есть, – пьяно пробормотал Кол. – Как же не быть... Тут есть я...

– Какой-то пьяница, – резюмировал Бин. – Надо уходить...

– Зачем? – прошептала в ответ лирра. – Чем он тебе мешает?

– Чем я тебе мешаю, парень? – обиженно проворчал Кол. – Лежу себе тут, никому не мешаю... Почему ты говоришь, что я тебе мешаю?..

– Да тише ты! – цыкнул на него Бин. – Ты мне не мешаешь, только, ради Арионна милосердного, говори тише!

– Да я вообще молчал... – оскорбился Кол. – Это вы прибежали в мою канаву, и теперь тут болтаете. А ты вообще мне все пальцы отдал! – почему-то Кол в доказательство потряс совсем другой рукой.

– Помолчите, пожалуйста, оба! – сердито встряла в спор Мэйлинн.

– Извините... – тихонько икнул Кол и действительно замолчал.

Лирра напряжённо прислушивалась. Хвала богам, погони не было слышно. То ли стражники почему-то считали, что искать их нужно только в Старом городе, то ли, всего скорее, просто не хотели без нужды соваться ночью в бедные кварталы. Как говорится, не бросай камни в мутные воды, если не знаешь точно, что оттуда может выплыть. Городские стражники страшно радовались, когда выпадало караулить кварталы respectable Старого города, и не особенно горели желанием покидать его уютные улочки.

Та же четвёрка стражей, что была впереди, постояв немного (один из них рассказывал какую-то донельзя забавную историю), наконец двинулись дальше, оглашая округу взрывами хохота. Хвала всем богам, они двигались не в сторону наших беглецов.

– Кажется, в этот раз прорвались, – облегчённо шепнула Мэйлинн.

– Да, похоже на то... – согласился Бин, кряхтя, выбираясь из канавы.

– Да, наверное, прорвались, – неожиданно согласился с ними и пьянчуга.

– Да лежи ты там! – беззлобно огрызнулся Бин. – Ну что, пойдём? – обратился он к лирре.

– Постой. А как же этот несчастный? – Мэйлинн заглянула в темноту канавы, но смогла рассмотреть лишь смутные очертания тела, хотя лирры славились отличным ночным зрением. – Нельзя же его так оставить. Он ведь умрёт тут...

– Послушай, девочка! – заворочался Кол, безуспешно пытаясь приподняться. – Да эта канавка – мой дом родной! Если бы ты знала, сколько раз я ночевал в таких вот канавах!.. Да эта, кстати, очень даже ничего... – Кол приподнялся на руках, но они скользнули по чёрной жиже, и бывший паладин его величества плашмя рухнул лицом в грязь.

Лирра ничего не могла разглядеть, но она услышала шлепок и бульканье, поэтому сориентировалась молниеносно:

– Бин! Живо доставай его оттуда!

Бин, кряхтя и проклиная всё на свете, ухватил пьяницу за шиворот и потащил вверх. Тяжёлый, зараза! Фунтов под двести, или около того. Тот же лишь нелепо сучил руками, никак не помогая парню. Но ничего – Арионн, видать, пособил – вытянул. Кол с хрипом стал втягивать в себя воздух.

- Видишь, его нельзя оставлять тут! – яростно шепнула Мэйлинн.
- И куда же нам его девать? – в той ей ответил Бин.
- Ну тут же харчевня под боком. Отведём туда, – предложила лирра.
- В таком виде? Да от него несёт, как из отхожего места!
- Эй, парень, ты сейчас очень меня обидел!.. – отплёвываясь, прохрипел Кол.
- От тебя, боюсь, несёт не лучше! – парировала Мэйлинн.
- И правда, парень... – снова встрял Кол. – Ты ужасно воняешь! Что это с тобой?..
- Значит, надо помыться! – ответил Бин.
- Парень, у тебя золотая голова!.. – растроганно бурчал Кол. – Ты мне всегда нравился, ты знаешь?..
- Да иди ты к Гурру! – Бин начинал по-настоящему злиться.
- Ну отлично! Тогда пойдём к реке, там и помоешься! – решила лирра. – Поднимай этого человека, и пошли!
- Как – поднимай?.. – опешил Бин. – Мы что, возьмём его с собой?
- Куда – с собой?.. Я не хочу с собой... – лепетал Кол, и его голова вновь стала клониться вниз.
- Соberись, Бин, ты, кажется, начинаешь терять нить разговора! – прикрикнула Мэйлинн.
- Мне тоже так кажется... – раздражённо ответил Бин. – Напомни, когда это мы решили, что должны отмывать этого бугая?
- Ну как же! – воскликнула Мэйлинн. – Мы собирались отвести его в харчевню, но ты сказал, что он слишком плохо пахнет. Поэтому мы и решили его помыть!
- Кажется, я ничего такого не решал, – начал было Бин. – Я имел в виду, что это мне надо помыться...
- Прекращай, Бин! *Я сказала*, что мы берём его с собой! – пресекла его Мэйлинн неожиданно жёстким, не допускающим возражений тоном.
- И почему ты не можешь просто взять и уйти? – раздражённо ворчал Бин, пытаясь как-то половчее взять пьянчугу, чтобы поднять на ноги. Тот вроде и не сопротивлялся, просто обвис мешком, что-то бормоча себе под нос.
- Может быть, мне стоило *просто взять и уйти* сегодня в Пыжах? – обернувшись, неожиданно зло ответила Мэйлинн. – Или просто сидеть себе спокойненько под яблонькой, и смотреть, как ты весело дрыгаешь ногами?
- Бин замолчал. Видно было, что обиделся. Но зато обида придала ему новых сил, он рванул Кола и, наконец, поставил его на ноги.
- Шагай давай! – зло буркнул Бин Колу и сам подал пример. Лирра шагала рядом.
- Извини, – спустя некоторое время вдруг услышал Бин и поразился: в голосе лирры были слышны слёзы.
- Что ты, Мэйлинн! Это ты меня извини! Я был не прав! – горячо возразил он, пытаясь от натуги, потому что пьяный громила всем своим весом навалился на него.
- Нет, это ты меня извини, парень! – снова подал голос Кол. И Бину почудилось, что в этот раз в голосе пьянчуги было куда меньше хмельной дури. Кажется, он действительно просил прощения!
- В молчании прошло некоторое время. До реки было довольно далеко, так что Кол успел слегка протрезветь. Достаточно, чтобы чувствовать удручённость от всей этой странной ситуации. Кол, к сожалению, уже привык, что его бьют, обманывают, или, в лучшем случае, просто не замечают. А вот пытались помочь ему впервые за много лет.
- Давайте знакомиться, что ли? – предложил он. – Да и отпусти ты меня, парень. Видишь, я уже могу идти сам! – и тут же споткнулся о собственную ногу и, упав, больно ударился коленом.

– Да не дёргайся ты! – досадливо рявкнул Бин. Вот ведь, нашли на свою голову!..

– Я – Мэйлинн. А это – Бин, – тем временем, как ни в чём не бывало, представилась лирра.

– Ну а я Сан. Сан Брос, хотя все зовут меня просто Кол.

– Почему «Кол»? – любопытствовала Мэйлинн, причём Бин вдруг понял, что ей это действительно интересно. Нет, ну что за... удивительная лирра!

– Вообще-то у меня есть недурная шутка на этот счёт, – заговорщически снизив тон, сообщил Кол Бину и выразительно кивнул головой в область своего паха. – Но она недостойна общества столь прекрасной дамы... Так что придётся сказать правду, – Кол слегка усмехнулся, с лёгкой ностальгией, как показалось Бину. – Ещё когда мальцом был, как-то забрался в погреб и решил попробовать отцовской браги. Просто из интереса. Но случайно уронил бутылку на пол, даже не успев отпить из неё... Здоровенная такая бутылка, на пару галлонов! Куда её такому мальцу-то удержать!.. Мать услышала, прибежала. А как поняла всё, так схватила хороший кол, и стала гонять меня по всему двору. Ух и досталось же мне тогда! А дружки-то мои это всё увидели, вот и пошли дразнить: Кол, да Кол! Я сначала злился, а потом как-то привык. После и с фермы родной ушёл, казалось бы – новая жизнь позволяет избавиться от этого имени. А оказалось – прикипел, понравилось. Так и стал по жизни Колом.

– Какая интересная история! – искренне восхитилась Мэйлинн, хотя Бин не мог взять в толк – чего же в ней интересного. А вот моя история про Гильдию Теней ей интересной не показалась! – с лёгкой ревностью вдруг подумал он.

– Вы – очень странные люди, Мэйлинн и Бин, – вдруг совершенно серьёзно заявил им Кол. – Вам когда-нибудь говорили об этом?

– Мне постоянно об этом говорят, – засмеялась лирра.

– А вот мне до сегодняшнего дня – ни разу! – буркнул Бин.

– Ладно, парень, я серьёзно – можешь меня отпустить. Я дойду, всё в порядке. Пойду домой, отосплюсь, – Кол вновь сделал успешную попытку освободиться, и на этот раз действительно устоял на ногах.

– Никуда ты не пойдёшь, Кол! Точнее, пойдёшь с нами! – отрезала Мэйлинн. – И нет у тебя никакого дома!

– С чего ты это взяла? – опешил Кол. – Есть у меня дом...

– Почему же тогда я слышу фальшь в твоём голосе? – любопытствовала лирра. – Идём, и без разговоров! Я обещала тебе таверну, и я тебя туда отведу!

– Не перечь ей, дружище, это бессмысленно, – Бин всё-таки стал придерживать неуверенно бредущего Кола за локоть. – Понимаешь, это у неё такое хобби – спасать людей. Не поверишь – сегодня она вытащила меня из петли. Причём в прямом смысле слова.

– Ну ничего себе! – восхитился Кол и, внезапно остановившись, уставился на тёмную тень, которой сейчас была лирра. – Нет, ты положительно самая странная девушка из всех, которых я видел. А ведь я однажды видел женщину с тремя грудями!

Мэйлинн фыркнула, чуть не подавившись хохотом, к ней тут же присоединился Кол, а спустя мгновение, неожиданно для самого себя, их поддержал и Бин. Так они и хохотали, как сумасшедшие, стоя посреди темной грязной улочки, и этот хохот, казалось, вымывает из них всю усталость и все передраги минувшего дня. Пару раз смех вроде бы стихал, но то Мэйлинн, то Кол вдруг взрывались новым приступом хохота, моментально заражая остальных.

Отхохотавшись, Кол картинно отёр глаза, и весело воскликнул:

– Ну что, пошли купаться?

***

Когда они добрались до реки, уже перевалило за полночь. На протяжении пути Кол сыпал прибаутками, рассказывал всевозможные истории из личной жизни, половина из которых была очевидной для Бина и Мэйлинн выдумкой, но которые были так уморительны, что Бин то и дело держался за бока, а Мэйлинн тёрла ладонями скулы, которые уже болели от постоянного смеха. Лёд между ними и Колом растаял без следа, и даже Бин сейчас искренне радовался такой отличной компании.

Труон открылся нашей троице, когда они вышли из-за угла последнего прибрежного дома. Весь левый берег, насколько хватало глаз, был застроен деревянным настилом, по сути – длинным полумильным причалом. Днём тут кипела жизнь. Это были так называемые Доки, ещё один район Нового города, получивший название от прибрежных построек, служивших и складами, и ремонтными мастерскими.

Бин глядел на это место с завистливой неприязнью. Между складскими и докерами всегда существовала определённая вражда. Дело в том, что поскольку Труон был наиболее простым и удобным путём в Шинтан, то и основной товарооборот с этой столицей торгового мира происходил именно водным путём. Да и саррассанские товары шли по широкой мощёной дороге лишь до озера Прианон, а оттуда отправлялись дальше на север вплавать. Поэтому в доках были совсем другие объёмы и совсем другие барыши, нежели на складах, которым доставались купцы попроще. На каждый вырученный складами доррин доки отвечали полновесным дором. Соответственно, и плата работникам тут была в два-три раза выше, чем на складах. Только вот устроиться сюда докером было практически нереально. Это было своеобразное кастовое общество, где отец передавал своё место сыну, а тот – своему. Редкий чужак мог попасть на это прибыльное место. Нет, конечно чёрной работы хватало, и можно было, как Кол, допустим, вывозить протухшую рыбу, или варить дёготь для просмолки судов... Но за это платили те же гроши, что и везде. И уж давно заказан был доступ сюда для выходцев Складского квартала. Неприязнь между складскими и докерами распространилась и на их районы, так что на пустырях за Доками, или же за Складами мальчишки этих двух кварталов устраивали побоища. В своё время и Бин был участником этих сражений – не сказать, что особенно активным, скорее просто не мог отказаться.

Здесь, на освещённой набережной Труона, Кола ждало ещё одно поразительное открытие:

– Так ты – лирра??? – возопил он, едва смог получше разглядеть спутников.

– Более того, – усмехнулся Бин. – Ты на шею её глянь!

– Наэлирро?.. – поперхнулся Кол. – Что же вы, госпожа, сразу не сказали? Простите мне...

– Прекрати, Кол! – отмахнулась Мэйлинн. – Какая я тебе госпожа?

– Ну как же... Госпожа магиня... – без подобострастия, но с глубоким почтением пояснил Кол. – Я хоть человек и маленький, а с магинями знаком. Ну... Не знаком, конечно, но видел. Когда был паладином при дворе его величества, то знал там и госпожу Балинну, и госпожу Калиэн, и госпожу Дайону. Конечно, вряд ли они замечали простого паладина, особенно госпожа Дайона, у которой совсем не было глаз... – Кол позволил было себе усмешку, но тут же осёкся, с некоторой опаской взглянув на Мэйлинн.

– Успокойся, Кол! – твёрдо проговорила Мэйлинн. – Это были совсем *другие* лирры. Не такие, как я. Я – не магиня...

– Но... Как же знак Наэлирро?.. – смешался Кол.

– Это долгая история, и я расскажу её тебе позже. А сейчас – марш в реку, а то от тебя разит, как от мусорной кучи!

– Да, госпожа Мэйлинн! – почти по-армейски гаркнул Кол и трусцой направился к причалу.

– Ещё раз назовёшь меня госпожой, припалю тебе задницу! – бросила вслед лирра, приспособливаясь к языку бывшего легионера. Кол ничего не ответил, но втянул голову в плечи и, прибавив ходу, с разбегу прыгнул в воды Труона. Секунду спустя из темноты послышалось довольное фырканье, и звук мощных гребков.

– Давай за ним, – кивнула Мэйлинн в сторону воды. В принципе, Бина и не нужно было упрашивать – за время, что прошло с момента его барахтанья в городских стоках, его одежда высохла, покрывшись омерзительной вонючей коркой. Удивительно, но после всех злоключений одежда самой лирры была почти в полном порядке, разве что слегка припылилась.

Спустя четверть часа счастливые Кол и Бин лежали, растянувшись, на дощатом настиле в двух шагах от воды. На обоих не было ничего, кроме портов, а остальная одежда, раскинутая, лежала и сохла рядом. Лирра так и не захотела лезть в воду, которая вблизи оказалась не такой уж чистой – кое-где в ней плавали неприятно пахнущие маслянистые пятна, да и вообще от воды тянуло какой-то тухлятиной. Поэтому она сейчас просто сидела рядом, обняв руками свои согнутые ноги и уткнувшись подбородком в колени, и смотрела на отражение прибрежных огней, пляшущее по волнам. Так, в ленивых разговорах и молчании прошло с полчаса.

– Ну и денёк! – довольно сонно протянул Бин, лёжа на спине, раскинув руки, и глядя на звёзды над головой. – Уж и не думал, что он когда-то закончится! Мне кажется, он был так же долог, как вся моя предыдущая жизнь... С тобой каждый день будет таким, Мэй? – он приподнялся на локте, и взглянул на лирру.

Мэйлинн усмехнулась, услышав из его уст своё сокращённое имя, каким обычно звала её *бывшая* подруга Олива. Наверное, услышал его во время их с Ли... гм... напряжённого разговора. Мэйлинн не очень пока понимала – нравится ли ей такое обращение от Бина. Она видела, что он сейчас осознанно пытается сломать какой-то очередной барьер, сделать шаг ближе. Неужели влюбился? – с каким-то смешанным приятно-неприятным чувством подумала лирра. В итоге она решила не придавать значения, и ответила как обычно:

– Я бы не стала этого исключать, Бин... Кроме того, наш день ещё не окончен.

Глава 11. Трудный выбор

– Ну конечно, – недовольно проворчал Бин, вновь падая на спину. – Как я мог забыть – кабак...

– Я ещё раз повторяю, что не стоит обо мне больше беспокоиться, – Кол уже полностью протрезвел. – Вы и так много сделали для меня, ребята.

– Может быть Бин и готов ночевать на этих досках, воняющих рыбой и дёгтем, но я бы предпочла более уютное место. – возразила Мэйлинн. – Я и так достаточно наночевалась по лесам и оврагам. Пока есть возможность, хочу спать хотя бы на чём-то отдалённо напоминающем постель.

– Да мне сейчас бы только глаза закрыть... – пробормотал Бин, и было действительно заметно, что он уже всю борется со сном.

– И тем не менее, – решительно поднялась на ноги Лирра. – Давайте-ка, одевайтесь, и потопали! А ты, Кол, прекращай действовать мне на нервы. Ты идёшь с нами, и точка!

– Погоди немного, она тебе ещё скажет, что наша встреча не была совпадением, – ворчал Бин, натягивая сырую ещё одежду. Надо сказать, что купание не смогло окончательно решить проблему чистоты и запаха, так что Бин, одеваясь, весьма недовольно морщил нос.

– Конечно же не была! – тут же ответила лирра. – Совпадений не бывает. Любое совпадение – непостижимая пока закономерность.

– Увы, подруга, ты сейчас рассказываешь историю всей моей жизни, – вздохнул бывший легионер, также облачаясь в свои довольно жалкие одёжки.

– Ладно, напomini мне, чтобы я пожалела тебя попозже, а пока – ты мог бы подыскать нам небольшую гостиницу? Не шикарную, конечно, но и не так, чтобы клоповник. И, желательно, не слишком многолюдную, где не станут задавать лишних вопросов, – обратилась к нему лирра.

– Тебе повезло, красавица! – ответил Кол. – Мы в Доках, а здесь есть несколько гостиниц для приезжающих купцов – как раз то, что тебе нужно. Купцы обычно люди довольно прижимистые, но при этом и требовательные. Так что будет тебе гостиница не слишком дорогая, но при этом всё чин по чину. Вопрос вот только в деньгах... – замылся он.

– Ну немного денег у меня ещё осталось. К сожалению, пополнить кошелёк не получилось, но, тем не менее, кое-что в запасе ещё есть, – сказала Мэйлинн, извлекая из своей сумки изящный кожаный кошель. – Вот.

На широкую ладонь Кола высыпались металлические кругляки. Кол взглянул на них, и хотя света тусклых фонарей едва хватало, глаза его стали такими же круглыми, как монеты. На его ладони блистали два латора, пять или шесть доров, и кучка дорринов.

– Да за эти деньги я свожу тебя на край мира и обратно, красавица! – воскликнул Кол, сыпая деньги назад в кошель.

– Сколько же ты хотела ещё взять в банке? – потрясённо спросил Бин. – И, главное – зачем? Хотела купить замок в пригороде?

– Ну, когда я вышла из Наэлирро, у меня было больше пяти латоров. Как видишь, запасы оскудели. А путешествие предстоит долгое. Думаю, десяток-другой латоров карман бы не утянули. – Бин на это лишь присвистнул. Его воображения не хватало, чтобы представить такое количество денег.

– Я возьму у тебя двенадцать дорринов. Этого хватит и на ночлег, и на обед. Мы ведь будем есть? – жалобно спросил Кол, и его живот, словно из солидарности с хозяином, весьма громко заурчал.

– После всей этой беготни поесть просто необходимо! – ответила лирра. – Так что води нас в своё приличное место!

– Да тут недалеко! – просиял Кол. – Почитай, пять минут ходу.

Действительно, не более, чем через пять минут наша компания стояла у дверей достаточно чистого и приличного с виду дома, над дверью которого висела освещаемая отдельной лампой вывеска с весьма нескромной надписью: «"Предел мечтаний" – гостиница для порядочных людей».

– Не люблю я такие названия, – проворчала Мэйлинн. – Обычно чем более громкое и бахвальское название, тем ужасней оказывается дыра.

– Ты как всегда права, подруга, – немедленно ответил Кол. – Помнится, в бытность свою легионером, останавливался я в кабаке с названием «Кухня богов». Более мерзкого жаркого я не пробовал за всю свою жизнь! Я именно так и сказал хозяину, прежде чем разбить ему нос кружкой... Но зато племянница у него была!.. – Кол многозначительно подмигнул, но не Бину, а Мэйлинн. Видно, он уже полностью освоился в компании лирры из Наэлирро. – Но насчёт этой гостиницы ты ошибаешься. Я-то сам тут не был, но слышал, как сарраассанские купцы друг другу её рекомендовали.

– Ладно, стучи, – согласилась Мэйлинн.

Кол несколько раз ударил по двери раскрытой ладонью. Довольно быстро послышался металлический лязг, и откинулась дверца небольшого зарешёченного оконца на двери. Оттуда смотрели заспанные слезящиеся глаза.

– Кого бесы принесли в такой поздний час? – раздался старческий недовольный голос.

– Открывай, отец! Посетители мы! – ответил Кол.

– Приличные посетители уже давно в номерах своих спят, а в такой час одни разбойники шастают, – продолжалось ворчание. – Учтите, у меня арбалет!

И действительно, из-за двери послышался щелчок курка, снятого с предохранителя.

– Это так-то принимают в этой гостинице! Ничего себе! А мне её так рекомендовали, так хвалили... А уж таких жареных цыплят, говорил мне один весьма почтенный человек, как в «Пределе мечтаний» больше во всём Латионе не предложат... Ну да ладно, друзья, – нарочито громко обращаясь к Бину и Мэйлинн продолжил Кол. – Благодарение богам – деньгами они нас не обидели, а уж гостиниц-то тут полно. Как там, бишь, её, другую-то, что нам называли? – спросил он у Бина, на что тот лишь глупо раскрыл рот и уставился на Кола.

– Погодите, господа, не спешите! – засуетился человек за дверью. – Уж простите великодушно – времена нынче такие...

Дверца захлопнулась, а мгновением позже заскрежетал засов. Затем дверь отворилась, и за ней стоял седовласый хозяин в ночном халате с лампой в руках. При виде входящих Кола и Бина, сомнения, вероятно, вновь закрались в его голову, поскольку он беспокойно глянул на стоящую рядом тумбочку, где лежал оставленный им взведённый арбалет. Однако Кол, не останавливаясь, сыпанул ему в ладонь пару медяков, и это окончательно вернуло хозяину доброе расположение духа.

– Проходите, уважаемые гости, проходите, – приговаривал он. – Что будет желательно в сей час достопочтенным господам... и даме? – увидев лирру, добавил он. Мэйлинн вновь закрыла шею воротником, так что особого фурора своим появлением не вызвала.

– Нам будет желательно как следует покушать, – ответил Кол. – А затем переночевать.

– Конечно же, дама предпочтёт отдельную комнату? – в глазах старика заплескали искорки: мол, знаем мы таких вот полночных посетителей с прекрасными дамами.

– Конечно же, дама предпочтёт отдельную комнату, – ледяным тоном отчеканила Мэйлинн, и старик разом притушил свою смешливость.

– Ну а мы с моим приятелем – люди не гордые, пожалуй, поспим в общей комнате. Две лежанки – нам большего и не нужно, – продолжил Кол.

– У нас очень респектабельная гостиница, господин, для людей небедных, так что у нас не предусмотрена общая комната, – словно даже оскорбился хозяин.

– Ну тогда нам – самую дешёвую комнату на двоих... Хотя нет – дайте просто ещё одну комнату на одного, а я смогу поспать на полу.

– Хозяин, нам нужна одна комната на одного для меня, и одна комната на двоих для этих вот господ, – вмешалась Мэйлинн, и затем прошипела отдельно Колу: – Я, кажется, просила больше не действовать мне на нервы!

– Слушаюсь, моя госпожа! Пожалуйте за мной! – в голове старика наконец-то сложилось понимание происходящего – просто богатая лирра путешествует в обществе двух слуг. Теперь, когда всё стало ясно, он окончательно повеселел.

– Прикажете накрыть ужин в столовой, или отужинаете в своих комнатах? – осведомился хозяин, после того, как они подошли к конторке для регистрации и оплаты.

– Я бы предпочла, чтобы еду доставили в комнаты, – ответила Лирра.

– Будет исполнено сей же час, – поклонился хозяин. – А пока соблаговолите вписать свои достойные имена в книгу.

Бину совершенно незачем было скрывать своё имя, поэтому он аккуратно накарябал неровными буквами: «Бин Танисти». Кол тоже ничего зазорного в своём имени не углядел, поэтому ниже появилась уверенная и ровная подпись: «Сан Брос». Мэйлинн же, на секунду задумавшись, вывела: «Кандилия Палли». Затем Кол, с достоинством, по одному отсчитал девять дорринов, и, выдержав паузу, положил десятый со словами: «За беспокойство». С учётом двух дорринов, полученных на входе, итог вышло двенадцать. Хозяин несколько сморщился – он надеялся, что удастся получше пожить за счёт новых гостей. Но, привыкнув иметь дело с довольно прижимистыми купцами, он сразу понял, что на большее здесь рассчитывать не придётся. Справедливости ради нужно отметить, что двенадцать дорринов – это была вполне приличная цена. Поэтому, показав гостям их комнаты на третьем этаже, хозяин направился будить прислугу, чтобы те грели ужин.

Не успели Кол и Бин как следует расположиться на довольно мягких и удобных кроватях (куда мягче и куда удобнее любой другой кровати, на которой когда-либо приходилось спать Бину), как раздался лёгкий стук в дверь, а затем в комнату мягко скользнула лирра.

– Подожду ужина у вас, – сказала она и села на кровать Бина. Тот поспешно подтянул ноги под себя.

Теперь, при свете двух ламп (Мэйлинн принесла свою из комнаты) она наконец смогла как следует рассмотреть Кола. Немолодой уже, но и не стар. Ростом, пожалуй, не ниже Бина, но гораздо шире в плечах. Однако про него не скажешь, что он – гора мышц. Обычное телосложение крепкого мужчины за тридцать. Вон и животик приличный заметен. Хотя, конечно, заметно, что он, должно быть, силен как бык. Мощная шея – пожалуй, даже слишком, так что голова кажется немного маловатой. Короткие, по-армейски ёжиком постриженные серые волосы, в которых годы и опыт оставили немало седых волос. Гладко выбритое лицо, что даже как-то удивительно при его образе жизни. Серые, стальные глаза, могли бы казаться весьма жёсткими, если бы не смешливые морщинки вокруг них. Лицо, если не считать ссадин и синяков, очень даже приятное. Из тех, которые запоминаются сразу и которые потом узнаешь где угодно. Скуластое, с мощным, будто высеченным из камня подбородком. В общем, Кол производил своим видом самое благоприятное впечатление.

Тот, в свою очередь, так же цепко и внимательно изучал своих новых друзей. Лирра отметила, что на ней он задерживает свой взгляд куда дольше, чем на Бине.

– Ну и как же вы оказались в моей канаве? – любопытствовал Кол, закончив изучать лирру.

Мэйлинн вкратце рассказала всё, что случилось в доме Оливы и после, до того момента, как они укрылись в канаве, которую Кол называл своей. Кроме того, пришлось

дать некоторые сопутствующие объяснения касательно её бегства из Наэлирро. Правда, в отличие от Бина, Кол получил гораздо более урезанную версию.

– Ну ты даёшь, девочка! – воскликнул Кол, когда рассказ был окончен. – Святая простота! Неужели ты всерьёз рассчитывала на помощь этой Оливы? Да никакая дружба не пройдёт испытание высотой. Чем выше запрыгнет один, тем дальше для него станет другой.

– Не суди всех своей меркой! – огрызнулась уязвлённая Мэйлинн.

– Ладно, положим... Пусть твоя Олива бы прыгнула к тебе в объятия и облобызала бы тебя своими сахарными устами. Пусть даже она и согласилась бы тебе помочь... Как только о тебе стало бы известно любой магине, твоя судьба была бы решена. Ты бы сейчас уже лежала, спелёнатая, или обездвиженная магией, в какой-нибудь изящной коробочке, и катила бы в свой Наэлирро, перевязанная розовым бантиком. Разве ты не понимаешь, что любая лирра теперь – твой враг?

Лицо Мэйлинн болезненно исказилось. Видимо, под таким углом она ещё не смотрела на ситуацию.

В дверь постучали. После приглашения в комнату вошёл хозяин.

– Вот вы где, прекрасная госпожа, – с излишним подобоострастием пропел он. – А я стучу-стучу в ваши покои... Ужин готов.

– Вносите весь сюда, – распорядилась лирра.

– Как вам будет угодно. Не взыщите – ничего приготовить сейчас мы не можем, так что вам придётся довольствоваться тем, что осталось на кухне, – старик развёл руками.

– Не беспокойтесь. Нам это вполне подойдёт, – Мэйлинн теперь полностью взяла общение с хозяином на себя, дабы подтвердить сложившийся у него образ.

Вошла молодая служанка с подносом и у всех троих наших героев тут же обильно выступила слюна. Из прямоугольной металлической ёмкости, стоявшей на подносе, доносился божественный запах жареной курицы. Рядом лежал нарезанный ломтями хлеб, на тарелке – крупно нарезанные куски сыра. Также стоял глиняный горшочек, закрытый крышкой.

– Специально для вас, моя госпожа, тушёный кролик под ягодным соусом. Последняя порция осталась, так что уж не взыщите, господа...

Господа поспешили заверить хозяина, что они уж точно не взыщут. Также на подносе стояла бутылка тёмного, почти непрозрачного стекла.

– Пожалуйста, уберите вино, – попросила лирра. – Если можно, я бы попросила взамен молока. И воды.

Она пристально посмотрела на Кола, и тот мотнул головой, мол, да пожалуйста! Хотя взгляд, которым он проводил исчезающую бутылку, был куда красноречивее.

Поставив поднос на стол, пожелав приятного аппетита и осведомившись, не нужно ли чего-то ещё, хозяин и служанка удалились. Последняя, впрочем, вернулась через несколько минут, принеся кувшин с молоком и другой – с водой. После этого наша компания вновь осталась наедине.

На некоторое время разговор естественным образом прекратился. Мужчины отдавали должное жареным цыплятам, которые действительно были превосходны, а Мэйлинн аккуратно ела из горшочка восхитительного кролика. Кол с явной неохотой отхлёбывал воду из красивого стеклянного стакана.

После того, как голод был утолён, Кол решил, что пришла пора возобновить разговор.

– А можно поинтересоваться, что ты планируешь делать дальше? – обратился он к лирре. – Какое-то время можно бежать *от чего-то*, но рано или поздно придётся решить – *к чему* ты бежишь.

– Я прекрасно понимаю тебя, славный мой Сан, – ответила та. – И так уж вышло, что я сразу бежала не от чего-то, а к чему-то.

– Правда? Так я чего-то не знаю? – заинтересовался Кол, засовывая в рот ломоть хлеба с лежащими на нём кусочками сыра.

– Ну да. Дело в том, – Бин при этих словах Мэйлинн пристально уставился на Кола, ожидая его дальнейшей реакции. – Дело в том, что я иду к Белой Башне.

К огромному удивлению Бина, Кол не зашёл в приступе хохота, не разинул рта и даже не выпучил глаз. Он лишь присвистнул и тихонько проговорил:

– Однако же...

– Да, именно так, – ответила лирра.

– А ты не ищешь простых целей, да, девочка? – неожиданно серьёзно спросил Кол.

– Эй, только не говори, что ты веришь в эти сказки! – не стерпел Бин.

– В этом мире есть много такого, что любому покажется сказкой, – несколько меланхолично ответил Кол, откидываясь спиной к стенке. – Я, дружище Бин, изрядно потоптал Паэтту в разных направлениях за эти годы. Приходилось бывать и на севере, и на юге; мёрзнуть в северных палатийских степях и иссыхать в сердце пустыни Туум. Я видел разное, Бин, и понял, что в нашем мире весьма глупо употреблять слово «невозможно».

– Ты, наверное, сейчас скажешь, что тоже видел Белую Башню! – сварливо буркнул Бин.

– Нет, не скажу. Я люблю рассказывать небылицы, но для них есть своё время. Сейчас – не оно. Я никогда не видел Белой Башни, и не знаю ни одного человека, который её видел. Однако же, я ни разу в жизни не видел и драконов, хотя точно знаю, что они живут в горах Эллора. Кроме того, я слышал, что Башня является лишь достойным этого. Ну а я себя к таковым не причисляю.

– Да ну вас, в самом деле! – Бин в сердцах бросил на стол недоеденный хлеб.

– Так ты, Мэйлинн, значит, хотела встретиться со старшей магией, чтобы та натолкнула тебя на какую-то идею о поиске Башни? – как ни в чём не бывало, продолжил разговор Кол.

– Да, именно так, – ответила лирра. – Я видела Башню, клянусь тебе в этом всеми богами, но я не знаю, как мне найти её.

– Я верю тебе, – ответил Кол. – Уж если и есть в этом мире кто-то, достойный увидеть Башню, так это ты. Однако, надеюсь, ты уже поняла, что обращаться к магиям для тебя равносильно тому, что просто поехать и сдаться Наэлирро.

– Поняла, – опустила голову Мэйлинн.

– Но выход есть! – поспешил добавить Кол.

– Правда? – лирра подняла на него свои прекрасные огромные глаза.

– Конечно! – Кол хлопнул себя по коленке. – Или магии-лирры – единственные маги в мире?

– Ты предлагаешь... – начала Мэйлинн.

– Я предлагаю обратиться к какому-нибудь человеческому магу, – воскликнул Кол.

– Но человеческие маги живут не столь долго, как лирры, и, боюсь, накопленные ими знания менее глубоки.

– А ты разве не слышала о Каладиусе? – наклонившись вперёд, спросил Кол.

– Каладиус? Легендарный человеческий маг, живущий уже более тысячи лет? Самый сильный из когда-либо живших человеческих магов? – переспросила лирра.

– Ну вообще здорово! – фыркнул Бин. – Теперь мы ещё заговорили о Каладиусе! Сегодня, похоже, день сказочных историй! Кол, послушай...

– Нет, это ты послушай, мальчик! – неожиданно грянул Кол так, как он, бывало, орал на поле боя сигнал к атаке, будучи командиром когорты. Комната зазвенела, резонируя с этим мощным звуком. За стенкой раздались раздражённые бормотания других постояльцев, разбуженных посреди ночи. – Так вот, слушай меня, Бин, – Кол вновь продолжал тихим

голосом, обращаясь к обмершему парню. – Ты прожил на свете ещё не так много зим, чтобы столь безапелляционно судить всех и вся. Тебе нужно научиться слушать тех, кто видел и знает больше тебя. И так уж получилось, что я – один из них. Ибо я своими глазами видел Каладиуса, когда служил в Седьмом легионе. Моя когорта была отряжена для охраны его замка от дорийских кочевников.

– Зачем такому великому магу солдаты? – природный скепсис победил робость, и Бин даже решил, что наконец уличил Кола в обмане.

– Вот скажи мне, Мэйлинн, – проговорил Кол. – Когда магиня хочет есть – она просит служанок приготовить обед, или же колдовством вызывает стол, полный яств?

– Надо полагать, просит служанок, – улыбнувшись, ответила лирра.

– Вот тебе ответ, Бин, – повернулся к юноше Кол. – Зачем использовать магию там, где вполне можно обойтись несколькими десятками золотых монет?

– Так ты знаешь, где обитает Каладиус? – воспрянув духом, спросила Мэйлинн.

– Конечно же. Его замок стоит в оазисе на северном краю пустыни Туум, недалеко от дорийских степей.

– И ты думаешь, что он сможет мне помочь?

– Каладиус – легендарный маг. Легендарный настолько, что многие уже считают его сказкой, – насмешливо покосился на насупившегося Бина Кол. – Уж если кто-то из людей знает что-то о Белой Башне, так это – он. Опять же, его отношения с магинями-лиррами абсолютно нейтральные, если не сказать – отчуждённые. Ему совершенно плевать, откуда ты сбежала. Скорее даже это сыграет тебе на руку. Убеждён, что Каладиусу до смерти захочется встретиться с лиррой, нарушившей многовековой порядок вещей. Насколько я знаю, его всегда интересовали разные диковины.

– И ты проведёшь нас туда? – с надеждой взглянула на Кола лирра.

Кол задумался, застывшим взглядом глядя на танцующий огонёк пламени в лампе. Может быть, вот он – тот самый шанс, которого он давно ждал? Попробовать снова начать жизнь с чистого листа. Оставить позади этот грязный Латион с его сточными канавами и горбатыми сутенёрами, оставить позади его жалкие попытки подняться на ноги вопреки всему. Он ведь частенько вспоминал кочевую легионерскую жизнь, и вспоминал не без ностальгии. У него есть шанс вновь просыпаться утром у тлеющих углей, умываться в быстрых холодных ручьях и есть перепёлок, сбитых из лука и зажаренных на деревянном прутке.

Но другая часть Кола трусила. Здесь у него была пусть дерьмовая, но устоявшаяся и предсказуемая жизнь. В этом было определённое спокойствие. Даже регулярные избиения казались определённой частью системы. Кроме того, ну ведь не будет же это продолжаться вечно! Однажды всё наладится – он найдёт работу и сумеет рассчитаться с долгами. Да и Тан Горбун ведь может помереть! Все смертны, а особенно те, что днями напролёт курят дурную траву и пьют вино. И у кого столько же недругов, сколько у Горбуна. А не будет Горбуна – некому будет возвращать долг, и про Кола наконец-то забудут. В конце концов, можно на время уехать из города, но зачем же так радикально – в Загорье, в Туум...

Кол сидел и смотрел на огонёк. Мэйлинн и Бин столь же зачарованно смотрели на Кола. По его лицу невозможно было понять, о чём он думает, но лирра, вероятно, умела читать глубже, поскольку её лицо то разглаживалось, то вновь туманилось. Так прошло несколько долгих минут. Наконец Кол как-то устало вздохнул.

– Да, – уронил он одно единственное слово и Мэйлинн тут же, вскочив, обняла его за шею. Это был секундный порыв, после чего она вновь села на кровать Бина, но и этого было достаточно, чтобы ликование Бина сменилось непонятным ему раздражением.

– Я же говорила, что совпадений не бывает! – весело крикнула лирра в лицо Бину. Тот смог лишь криво ухмыльнуться.

– Ну, значит, сейчас – всем спать, а завтра отправимся в дорогу, – долгим взглядом посмотрев на Бина, провозгласил Кол.

– Спокойной ночи, мальчики! – с этими словами враз повеселевшая лирра выпорхнула из комнаты.

Глава 12. Колионская дорога

Минувший день был весьма напряжённым, так что Мэйлинн позволила себе проваляться в постели до глубокого утра. Облав и преследований она не опасалась: Наэлирро – пока – не знает о её нахождении в Латионе, а Олива вряд ли обладает достаточным влиянием в городе, чтобы инициировать тотальные поиски беглянки. Так что, уже проснувшись, лирра какое-то время просто нежилась в мягкой чистой постели, словно пыталась запастись этими ощущениями впрок. Она потягивалась, изгибаясь, словно кошка, затем вновь смеживала веки, чтобы пролежать так несколько минут. Через стенку доносился мощный храп. Значит, Кол ещё спит, подумала Мэйлинн.

Однако, через какое-то время, сделав над собой некоторое усилие, лирра отбросила одеяло и встала. В углу стоял умывальник, и Мэйлинн с наслаждением умылась прохладной водой. Она плескала воду себе в лицо полными пригоршнями, позволяя ей стекать по шее на грудь. Затем, насухо вытершись мягким полотенцем, она быстро переделалась в дорожный костюм. Ночная рубашка, которой лирра весьма редко пользовалась в последние недели, была аккуратно свёрнута и помещена в сумку.

Однако же, сколько можно спать? Лирра вышла в коридор и решительно постучала в дверь своих спутников, из-за которой по-прежнему раздавался богатырский храп Кола.

– Открыто, – Мэйлинн была озадачена, поскольку голос явно принадлежал Колу, однако, храп не прекращался.

Войдя в комнату, лирра увидела обоих друзей уже одетыми. Однако, судя по всему, они просто и не раздевались ночью и спали прямо на застланных кроватях. При этом Кол лежал, скрестив руки на груди, и меланхолично смотрел в потолок, а Бин, раскинувшись на кровати, блаженно храпел. Сложно было представить, что столь тщедушная грудь способна порождать такой мощный храп.

– Я передумал, – грустно сообщил вошедшей Мэйлинн Кол. – Я с вами не поеду. Не уверен, что выдержу ещё одну ночь рядом с этим парнем!

– Да ну брось ты! – фыркнула лирра, и стала тормошить Бина за плечо.

Предыдущий день, похоже, действительно дорого дался парню, потому что пробудился он далеко не сразу, и вид имел весьма недовольный.

– Вставай давай, соня! – посмеивалась Мэйлинн видя, как Бин мужественно пытается разлепить глаза. – А ты, Кол, сходи к нашему доброму хозяину, и попроси, чтобы нам подали завтрак сюда. Ни к чему лишний раз светиться. – с этими словами она распахнула небольшое окно, впустив в комнату шум давно проснувшегося города пополам с более-менее свежим воздухом (более, чем был в комнате, но менее, чем ей бы хотелось).

Спустя четверть часа наша компания уже завтракала. Кол, искушённый в долгих пеших переходах и путешествиях, не стал брать на завтрак всевозможные каши, тосты и булочки. По сути, это были всё те же цыплята, сыр и варёные яйца вкрутую, а также хлеб и варёный картофель. Неизвестно, когда придётся поесть в следующий раз, поэтому всегда нужно набивать желудок максимально сытной пищей.

Уже за едой начали обсуждать предстоящее предприятие.

– Во-первых, нам необходимо купить лошадей, – начал Кол. – Быть может, юная лирра и способна неделями топтать пешком без опаски втоптать ноги в задницу, но я – старый больной человек, а путь не близок.

– Я не умею держаться на лошади! – тут же запротестовал Бин. – Я пойду пешком!

– Ну тогда уж не пойдёшь, а побежишь, – возразил Кол. – Причём придётся бежать очень быстро, чтобы нас догнать!

– Мэйлинн путешествует пешком! Она, наверное, тоже не ездит верхом! – попытался ухватиться за соломинку Бин.

– В Наэлирро преподаётся верховая езда, в том числе спортивная и даже боевая. Большинству выпускниц это, конечно, не пригодится – многие из-за полученных увечий и на лошадь-то никогда не сядут, но правила таковы, – ответила Мэйлинн. – Я путешествовала пешком только лишь потому, что мне хотелось, чтобы прошло побольше времени с момента моего побега до того момента, когда я окажусь в Латионе. Ведь очевидно же, что в крупных городах меня стали бы искать прежде всего.

– Решено, парень! – подытожил Кол. – Либо ты учишься ездить верхом, либо отращиваешь себе лошадиные ноги.

– Не волнуйся так, Бин, – полусочувственно, полунасмешливо проговорила Мэйлинн. – Уверена, ты быстро научишься! Вряд ли для тебя станет проблемой то, что легко даётся шестилетним девочкам!

– Так, это решено. Значит, сударыня Мэйлинн, будь добра отсчитать четыре дора. Этого хватит на четырёх лошадей средней паршивости.

– А зачем четыре? – удивился Бин.

– Ну как же – одна пристяжная, на всякий случай. Ну а пока поклажу повезёт, – разъяснил Кол.

– Ну тогда она и не понадобится! – ответил Бин. – Поклажу Мэйлинн повезёт!

– Эй, ты совсем с ума сошёл, дружок? – воскликнул Кол. – За такое ведь можно и по уху получить!

– Скажи ему, Мэй! – с отчаяньем воскликнул Бин, очевидно, восприняв угрозу всерьёз.

– Бин имеет в виду, что у меня есть волшебная сумка, которая внутри гораздо больше, чем снаружи, – пояснила Мэйлинн.

– Т.е. туда можно затолкать целого кабана? – полюбопытствовал Кол.

– Наверное, можно. Если разделить на части, – с сомнением произнесла лирра.

– И что – он совсем не будет ничего весить?

– Ну не то, чтобы совсем, но, во всяком случае, значительно меньше, чем должен.

– И как же такое вообще возможно? – недоумевал Кол.

– Ну я плохо в этом всём разбираюсь. Но, насколько я помню из курса естественных наук, пространство – это проявление массы, которая суть проявление силы. Когда мы сворачиваем пространство, происходит эффект антагонизма масс, то есть массивные силы частиц пространства будут как бы направлены друг против друга, как сталактит и сталагмит. В итоге эти силы уравниваются и внутри этого свёртка пространства будет почти полная невесомость. Но не полная, хотя почему – не знаю.

– Здорово! – восхитился Кол. – Однако лошадей нужно четыре. Мы всё-таки отправляемся в весьма дальний поход. Лошадей много не бывает. Как, кстати, и оружия. Мы не можем путешествовать безоружными.

– У меня есть кинжал, – ответила Мэйлинн.

– Ну и отлично! Тогда если на нас нападут, мы с Бином спрячемся в твоей сумке, а ты будешь отбиваться от бандитов кинжалом!

– Да, ты прав. Вам нужно оружие, – согласилась Мэйлинн.

– Значит, придётся докинуть ещё два дора. А лучше – два с половиной. Не стоит экономить на клинках.

– Я поняла. Значит, после завтрака я вручаю тебе семь доров, и ты отправляешься за лошадьми и оружием.

– Кроме того, нам нужно запастись провизией. Приятно, конечно, баловать свой желудок жареными цыплятами, но в дорогу, боюсь, придётся взять побольше солонины, вяле-

ного мяса и сухарей. То, что не испортится как можно дольше. Тем более, по такой жаре, – продолжал Кол.

– На этот счёт также не волнуйся. У моей чудо-сумки есть ещё кой-какие полезные свойства. По крайней мере, в ближайшие три-четыре дня там не пропадут и жареные цыплята, – ответила лирра.

– Всё это, конечно, замечательно, но давайте будем более рачительными. Питаться всё время жареными цыплятами выйдет несколько накладно. Так что дай мне ещё пару-тройку дорринов, чтобы прикупить сухарей и вяленого мяса. Хотя не нужно. Уж три доррина я выкрою из тех семи доров, что ты мне дашь. Надо экономить, а то когда в кармане целая куча денег, легко впасть в соблазн мотовства.

– На этом всё? – осведомилась Мэйлинн.

– Ещё одно. Тебе нужно купить что-то вроде плаща с капюшоном.

– Это ещё зачем? – изумилась лирра. – К чему плащ в такую-то жару?

– Ну, если не считать того, что через неделю тебя начнут искать по всем окрестностям Латиона, есть ещё один, более неприятный момент. Ты до сих пор была только в западном Латионе, где традиционно тысячелетиями проживали лирры, и люди свыклись с их соседством. Но с каждой милей на восток от столицы, ситуация будет меняться всё больше. Понимаешь ли, дорогая, восток нашего славного королевства – места довольно дикие в смысле нравов. И путешествующая лирра может вызвать не только ненужные вопросы, но и ненужные проблемы. Поэтому было бы весьма кстати, если бы никто не заподозрил в тебе лирру.

– Я поняла, – нахмурилась Мэйлинн.

– Вот и замечательно! Хотя, должен признаться, я несколько забежал вперёд. Я уже настроился на путешествие на восток, хотя есть и другой путь. Надеюсь, вы представляете себе расположение Латиона и Туума?..

– Зачем представлять, когда у меня есть карта? – ответила Мэйлинн, и извлекла уже известный нам кусок пергамента.

– Как здорово! – обрадовался Кол. – Ну тогда вот, смотрите. Вот приблизительно здесь, на северной границе пустыни Туум, находится замок Каладиуса. Вот Латион. К цели нашего путешествия ведут два пути. Конечно же, сразу напрашивается южный путь. Действительно, посмотрите, насколько он удобнее: прямо отсюда, с набережной, мы можем отплыть на небольшой лодке на юг. Конечно, придётся погresti против течения, но это мелочи. Дальше нам нужно будет пересечь озеро Прианон. Вот тут, на южном его берегу, находится городок Сеал. От него до Золотого Шатра идёт отличная, вымощенная каменными плитами, Великая имперская дорога. Через каждые десять миль – трактиры, постоянные дворы и почтовые станции. По ней денно и ночно идут караваны торговцев в обоих направлениях. Но нам, кстати, даже и не придётся идти до самого Шатра. Вот здесь Великую имперскую дорогу пересекает дорога, ведущая на восток, к Анурским горам, точнее, к Делианскому перевалу. Конечно, эта дорога не чета Великой имперской, но тоже весьма неплоха. Преодолев перевал (это не составит никакого труда даже для беременной коровы), мы окажемся в преддверии пустыни Туум. Да, нам придётся пройти через самое её жерло, но и это будет не так сложно, поскольку мы двинемся по Лоннэйскому торговому тракту. Он проложен таким образом, что проходит через основные оазисы пустыни, а также поселения баининов – жителей пустыни Туум. Так что мы найдём там и воду, и пищу, и ночлег. Кстати, сразу за Делианским перевалом мы сможем продать лошадей и купить верблюдов – так будет проще путешествовать через пустыню. В общем, этот путь куда как длиннее, но удобнее. Не пройдёт и четырёх недель, как мы окажемся в гостях у старика Каладиуса.

– Но, однако же, как я поняла, ты против этого пути? – лирра вглядывалась в карту, будто пыталась увидеть в ней причину этого отказа.

– Ты очень проникательна, девочка, – кивнул Кол. – И если ты подумаешь, то и сама сможешь сказать – почему.

– Слишком людно, – тут же ответила лирра, взглянув на Кола.

– Точно. Слишком людно для лирры, которую разыскивает Наэлирро. Кроме того, ведь мы будем в относительной близости от Школы, в краях, где проживает много лиррийских семей.

– Это правда, – печально склонилась Мэйлинн. – На западном берегу озера Прианон находятся земли моего отца...

Лирра притихла, и Кол не стал нарушать её мрачного молчания.

– Ты прав. Этот путь нам не подойдёт, – после непродолжительной паузы решительно сказала Мэйлинн.

– Поэтому-то остаётся второй путь. Если смотреть по карте, он выглядит заметно короче. Но на деле мы можем потратить на него почти столько же времени, как и на южный, поскольку кое-где придётся пробираться практически по бездорожью. Значит так. Из Латина мы движемся на восток по Колионской дороге. Она малолюдная и вдоль неё не так много трактиров. Если будем двигаться достаточно бодро, то через три дня доберёмся до городка Колиона. Ничего особенного в этом городишке нет, да он нам и ни к чему. Мы обогнём его слева, и по старому тракту направимся к Танийскому перевалу. К сожалению, придётся пройти вдоль Симмерских болот. Местность дикая и почти безлюдная. Но для нас это скорее плюс. Хотя я бы предположил на этот путь порядка двух недель, пусть он и выглядит таким недлинным. Пройдя по Танийскому перевалу, мы окажемся в Пунте. После этого наша дорога станет легка и приятна. Путешествовать по зеленеющим садам Пунта, к тому времени уже изобилующим плодами, попивать местное вино и есть жирных пунтских кроликов – одно удовольствие! Дней за десять доберёмся до Лоннэя, пересечём Дорон по прекрасному мосту и меньше чем за неделю доберёмся до пустыни Туум, только с севера.

– Ну что ж, значит, двигаемся на Колион, – решила Мэйлинн. – А сейчас, не теряя времени, отправляйся за покупками, – обратилась она к Колу.

– Я тоже пойду! – вызвался Бин. Он чувствовал себя весьма уязвлённым тем, что вдруг оказался отодвинут на второй план каким-то пьянчужой.

– Не возражаю, – хлопнул его по плечу Кол.

– Ну а я буду ждать вас здесь, – произнесла лирра.

***

Уже несколько часов скучающая Мэйлинн осторожно выглядывала в окно. Внизу тёк людской поток, слышались крики, разговоры, из недалёких доков доносились самые разнообразные шумы. Иногда проходили наряды стражи, но всегда – со скучающими лицами. Значит, это плановые обходы, а не методичный поиск. Жара вновь придавила изнывающий город. Однако же, пора бы этой неугомонной парочке и вернуться! Теряем время...

Наконец они появились в конце улицы. Оба – слава богам! – в сёдлах, ведя на поводу каждый ещё по одной лошади. Когда они подъехали к дверям гостиницы, Мэйлинн сбежала вниз:

– Ну что вы так долго-то?

– Да вот, пришлось потратить пару часов на то, чтоб посадить этого парня в седло, – хохотнул Кол. – Зато теперь он в нём держится, будто влитой!

– Да скажешь тоже! – смущённо проговорил Бин, неуклюже слезая с лошади. – Не падаю больше – и то хорошо.

– Я уж боялся, придётся покупать дамское седло для нашего кентавра. Но как только я об этом заикнулся, он вдруг научился сидеть в мужском.

– Какие замечательные лошади! – лирра оглядела всех четверых. Все они оказались кобылками дорийской породы, славящейся не только лёгкостью и быстротой хода, но и красивым караковым цветом шерсти.

– Да, лошади очень даже приличные! Конечно, я не стал брать саррассанских скакунов, поскольку это вызвало бы к нам ненужное внимание. А дорийки – быстрые и неброские. На таких ездят сотни людей к востоку от Латиона.

– Ну а что с оружием? – осведомилась Мэйлинн.

– Тоже полный порядок, – Кол хлопнул себя по ножнам, болтавшимся на новенькой перевязи. Он выбрал короткий легионерский меч – привычное и безотказное оружие. Бин же гордо вынул наполовину из ножен средних размеров кинжал – чуть длиннее, чем у самой Мэйлинн.

Затем Кол снял со спины одной из лошадей мешок:

– Здесь провизия. Как и обещал. И, кстати, даже сдача осталась. Вот, держи, – и Кол вынул из кармана несколько медных монет.

– Оставь себе, – ответила лирра. – Вдруг пригодятся.

– Если они мне пригодятся, то сегодня мы никуда не выедем, – мрачно проговорил Кол. – Так что – на, держи.

Лирра кивнула и ссыпала монеты в карман.

– Я тут подумал, и мне кажется, что лучше будет выступить вечером, ближе к закату, – проговорил Кол. – И вообще, было бы разумней двигаться ночами, по крайней мере, первое время, до Колиона. Во-первых, не жарко, а во-вторых – меньше любопытных глаз.

– Согласна, – ответила Мэйлинн. – Значит, сейчас идём отдыхать, а выедем на закате.

– Но прежде я хотел бы снова навеститься к оружейнику. Когда я приглядывался к мечу, заметил там весьма интересную вещицу. Небольшой лёгкий двухзарядный арбалет. Как раз для такой хрупкой девушки, как ты. Всё-таки в нашем положении разумней будет не доводить дело до рукопашной в случае чего. И тогда арбалет сможет стать веским доводом оставить нас в покое. А уж об умении лирр бить из луков и арбалетов в подброшенные доррины ходят легенды!

– Признаться, легенды привирают, – улыбнулась Мэйлинн. – Но вообще идея хорошая. И сколько же?

– Ну, недёшево... – признал Кол. – Арбалет и двадцать болтов к нему – два дора... А что ты хотел! – обратился он к присвистнувшему Бину. – Это тебе не какая-то армейская дурында, которую нужно взводить целую минуту, и которая весит все пять фунтов! Игрушка тонкая, но при этом – надёжная и мощная. И зарядить его никакой сложности не составит даже на скаку.

– Убедил, – рассмеялась лирра и полезла за кошелём. – Тогда мы с Бином – наверх, а ты возвращайся, и тоже ложись. Вечером отужинаем, и – в дорогу.

***

Они выехали, когда солнце уже касалось верхнего края крепостной стены. Неподалёку был мост, ведущий в Заречный квартал, а там можно было выйти через Восточные ворота. Однако Кол настоял на том, чтобы сделать лишний крюк и проехать вдоль реки на юг до Висельных ворот. В кварталах Нового города они привлекали куда меньше внимания.

Выехав через Висельные ворота (когда-то давно здесь вдоль стены стояли виселицы, на которых развешивали особо опасных преступников в назидание остальным), друзья проехали ещё с полмили вдоль реки, и добрались до паромной переправы. За пятёрку немолодой паромщик тут же перевёз их на другой берег. Двигаясь дальше по просёлку, они вскоре выехали на Колионскую дорогу. Здесь они пустили лошадей лёгкой рысью и двинулись на восток.

Уже начинало смеркаться. Мэйлинн скакала впереди, к ней присоединился Кол, к седлу которого были приторочены поводья четвертой лошади. У неё всё-таки висели дополнительные седельные сумки с провизией (чтоб другим лошадям не обидно было – как сказал Кол лирре). Бин, который до сих пор весьма плохо держался в седле, и уже страдал от болей в своей филейной части, держался позади, болезненно морщась.

Однако, вскоре стало заметно, что куда больше физических, его одолевают душевные муки. Кол и Мэйлинн, скачущие в двадцати шагах впереди, вели оживлённую беседу. Бывший легионер, не переставая, засыпал лирру всевозможными баснями о своих армейских похождениях, о всех историях, случающихся с ним (либо выдуманных только что) во время привалов и ночёвок. Мэйлинн смеялась, почти не переставая. Иногда она делала разные замечания, чаще всего – ловя Кола на какой-нибудь несуразице. Кол легко и серьёзно тут же признавал свой «прибрёх», как он выражался, и от этого лирра смеялась ещё звонче. Однако Бину все эти побасёнки смешными вовсе не казались. Точнее, он понимал, что в другое время и при других обстоятельствах он бы по земле катался от хохота, но сейчас ему смеяться совершенно не хотелось. Он со всё возрастающим раздражением смотрел на скачущую впереди парочку, отмалчивался, либо отвечал невпопад, когда те обращались к нему. Спустя некоторое время он стал намеренно осаживать лошадь, так что расстояние между ними увеличилось до пятидесяти шагов. Он словно давал понять: вы хотите уединиться, вот вам уединение!

Но более всего задевало, рвало душу то, что Мэйлинн словно бы и не замечала ничего. Несколько раз она обернулась, чтобы подогнать Бина, но когда тот хмуро мотал головой, она вновь возвращалась к оживлённому разговору с Колом. А уж эта скотина-Кол и вовсе не обернулся ни разу. Хорохорился, как петух, только что не гарцевал вокруг юной лирры. Со всей неотвратимой ясностью Бин вдруг осознал, что он по уши влюбился в свою вчерашнюю знакомую, да так, словно знал её уже много-много лет.

Хвала Арионну, скоро стало совсем темно. Нет, света растущей луны и звёзд хватало, чтобы видеть белеющее полотно дороги, но вот сладкая парочка, наконец, исчезла из виду. Хотя ночной воздух ещё более предательски разносил окрест бесконечный трёп Кола и нежные переливы смеха Мэйлинн. Ну, по крайней мере, теперь можно было дать волю чувствам не боясь, что кто-то увидит его лицо.

Лето двигалось к окончанию, на дворе был увиллий⁹, и до месяца жатвы оставалось не более трёх недель. Поэтому ночи становились всё длиннее и прохладнее. К концу этой ночи Бину хотелось выть от боли физической и моральной. Казалось, что никакая сила не удержит его в седле ещё хотя бы секунду, однако ярды плавно перетекали в мили, мили – в лиги, а Бин всё сидел. Спина и задница одеревенели, и теперь вместо острой боли он ощущал лишь сводящую с ума ноющую тяжесть. Однако в этом была и хорошая сторона – боль принесла благодатное оупение, и любовные переживания пока отошли на задний план.

Когда небо уже заметно посветлело, Кол, оглядев местность, скомандовал привал. Вокруг были довольно густые леса, за всю ночь компания не встретила ни одного путника (редкие деревушки, которые они проезжали, казались совершенно пустыми), так что теперь было самое время углубиться в лес, найти уютную полянку, и как следует отдохнуть.

Искомая полянка нашлась ярдах в пятистах от дороги. Небольшая, опрятная, укрытая лапами сосен от палящих лучей – то, что нужно! Бин мешком свалился с лошади и понял, что не встанет больше никогда и ни за какие богатства мира. Лирра соскользнула с седла и принялась готовить завтрак – из её чудесной сумки были извлечены хлеб и цыплята, закупленные ею в «Пределах мечтаний». Кол же стреножил лошадей и обтёр их ветошью. Затем он разжёг небольшой костёр, потому что сейчас, на рассвете, воздух был уже весьма прохладным.

Кое-как втолкнув в себя пару кусков цыплёнка и запив водой, Бин провалился в тяжёлый сон.

***

И проснулся оттого, что кто-то толкал его в плечо. Кое-как приподнявшись, Бин увидел, что Мэйлинн спит недалеко от костра, уютно свернувшись клубочком, а рядом с ним сидит Кол, тормоша его за плечо.

– Вставай-ка, дружище. Пойдём, поможешь набрать сушняка для костра.

– Какой сушняк? – Бин со сна очень плохо соображал, но нелогичность предложения оценил сразу. – Костёр уже, вон, погас, а хворосту и здесь предостаточно.

– Всё равно. Много – не мало. Вдруг пригодится. Поднимайся, пошли, – и, не ожидая очередной порции возражений, Кол встал и пошёл к краю поляны.

Кряхтя, охая и вздыхая, Бин кое-как встал на ноги. Голова была тяжёлой, мышцы всего тела стонали от боли. Не до конца понимая, что вообще происходит, Бин уныло побрёл вслед за Колом. Неподальёку стреноженные лошади пощипывали травку, гораздо более зелёную, нежели на открытых местах.

Он догнал Кола ярдах в ста пятидесяти от лагеря. Тот сидел на замшелом стволе поваленного дерева спиной к нему.

– Присядь-ка, – не оборачиваясь, похлопал по стволу рядом с собой Кол. Бин всё так же отупело и послушно плюхнулся на тёплое мягкое сидение.

– Мне показалось, или у тебя возникли какие-то проблемы? – без обиняков начал Кол. Всё ещё не понимая, Бин уставился на него.

– Всё дело в ней? – прямо, в упор спросил Кол, глядя прямо в глаза юноше.

По голове словно ударили чем-то мягким и тяжёлым. Муть, колыхающаяся в мозгу, словно выплеснулась от этого удара. Бин ясно и зло смотрел на собеседника.

– Угадал? – всё так же спокойно спросил Кол.

– Угадал. Всё дело в ней, – резко ответил Бин, пытаясь встать.

– Сядь! – мягко, с ленцой проговорил Кол и, ухватив Бина за плечо, вновь придавил к столу. – Давай поговорим, как мужчины.

– Хочешь, как мужчины? Давай! – выпалил Бин. – Ты слишком стар для неё!

– А ты – слишком молод, – без малейших признаков волнения или недовольства ответил Кол.

– Оставь её в покое!

– А разве я её беспокою? Мы просто дружески общаемся. Ты, кстати, мог бы общаться с нами, вместо того, чтобы уныло тащиться позади и жечь мне спину своим безумным взглядом.

– Я смотрю на тебя так, как ты того заслуживаешь. И зачем я только спас тебя вчера? – злобно воскликнул Бин. – Просто оставь её, слышишь? Она – не твоя!

С этими словами Бин вскочил и направился назад в лагерь.

– Постой, парень, – Кол двумя шагами догнал его и положил руку на плечо.

И тут Бин вдруг резко повернулся и его кулак врезался в покрывшуюся уже лёгкой щетиной скулу Кола. Однако Кол лишь мотнул головой.

– Ах ты, щенок! – от ответного удара Бин отлетел и стукнулся спиной о ствол дерева.

Его глаза заволокла красная горячая пелена, с губ сорвалось хриплое рычание, и Бин ринулся на врага. Кол, как видно, старался щадить юнца, поэтому его движения были крайне скупы, и он скорее лишь отталкивал Бина. Тот же, в свою очередь, молотил руками и ногами без каких-либо правил, просто с горячим желанием задеть ненавистного пьянчугу. Два-три раза ему это удалось. Но за эти попадания он и сам заплатил весьма болезненными затрецинами.

Споткнувшись о какую-то корягу, Кол завалился на спину, и Бин, вскочив ему на грудь, сомкнул руки на горле бывшего паладина. Ненависть душила Бина, и тот, в свою очередь, душил Кола. Кол поначалу пытался просто отжать душащие его пальцы, но те держались намертво. Кол начал хрипеть, его лицо налилось кровью. И тогда он нанёс полноценный удар, который пришёлся Бину в ухо. Бин тут же отлетел вверх тормашками и, упав, застыл, потеряв сознание.

Очнулся он от того, что кто-то смачивал его лицо холодной мокрой тряпкой. Этот кто-то, конечно же, был Кол. Резко оттолкнув его руку, Бин уселся на землю и молча уставился на носки своих ботинок. Вздыхнув, Кол сел рядом. Какое-то время оба молчали.

– Как же всё-таки кстати нас с тобой поколотили вчера, – произнёс наконец Кол, потирая щеку. – Надеюсь, на этом фоне новых ссадин Мэйлинн не заметит.

Бин лишь хмыкнул в ответ, продолжая изучать свою обувь.

– Послушай, друг, мне очень жаль, но у тебя ничего с ней не получится, – тихо проговорил Кол.

– А у тебя что – получится? – снова взвился Бин.

– И у меня не получится, – мягко и немного грустно ответил Кол. – Понимаешь, Бин, она – лирра, а мы – всего лишь люди. Мы слишком разные. Несочетаемые...

– И что делать? – всхлипнув, спросил Бин.

– А что тут сделаешь? Нужно просто принять это как данность.

– Я люблю её... – пробормотал Бин. Казалось, он вот-вот заплачет.

– В твоих же интересах поскорее избавиться от этого чувства. Смотри на неё, любуйся ей, восхищайся... Но люби человеческих девушек. Так будет лучше.

– А ты сам? – наконец-то Бин оторвал взгляд от ботинок и взглянул на Кола.

– Знаешь, Бин, я уже слишком стар для любви с первого взгляда, – не отводя глаз, ответил Кол. – Она мне нравится. Чертовски нравится. Она – самая необычная девушка, которую я встречал...

– Знаю, несмотря на то, что ты видел женщину с тремя грудями! – неожиданно для себя фыркнул Бин.

– Разве я сказал, что их было три? – делано удивился Кол. – Да нет же, у неё было целых четыре огромные сиськи! – Кол даже руками показал, насколько они были велики.

И тут Бин захохотал. Не только и не столько над этой незамысловатой шуткой, сколько над всей нелепостью своих недавних поступков. Он плакал и смеялся одновременно, и на душе вдруг стало спокойно-спокойно. Кол, по-доброму посмеиваясь, глядел на Бина.

– Прости меня, Кол, – проговорил Бин, чуть успокоившись.

– Да что ты! Никаких обид! – тут же возразил Кол. – Будь я лет на пятнадцать моложе, я бы и не таких бы дров ещё наломал! Уж я бы не забыл о кинжале, висящем на моём поясе!

Второй раз за два дня он забывает об оружии, имеющемся у него – подумал Бин. И эта мысль ему неожиданно очень понравилась. Он вспомнил, как отреагировала Мэйлинн, как встревожилась, что он мог бы зарезать того конюха. Нет, он умрёт, но не разочарует её! Ах, Мэйлинн...

– Как же мне её разлюбить? – грустно и растерянно спросил Бин.

– А ты подумай вот о чём, друг, – помолчав какое-то время, откликнулся Кол. – Подумай о том, о чём думаю и я сам. Да, такая девушка как Мэйлинн могла бы дать мне очень много, могла бы превратить мою жизнь в один сплошной праздник... Но вот что я мог бы дать ей? И я понимаю, что обмен бы у нас вышел неравноценный: она мне – всё, а я ей – ничего. А ведь это не по-мужски, согласись? Так что не нужно быть эгоистом, Бин.

– Почему же я ничего не могу ей дать? Я могу ей дать свою любовь! – пылко возразил Бин.

– Хорошо. Допустим. Предположим даже на мгновение, что ты бы любил её так, как никто и никогда не смог бы её любить. Но что дальше? Пройдёт двадцать пять – тридцать лет, – совсем немного по лирийским меркам! – и ты превратишься дряхлеющего старца. Из свежего яблока можно получить много сока, но из засушенного не получишь ни капли. А Мэйлинн едва-едва подойдёт к своему расцвету. И что прикажешь ей делать? Кормить тебя с ложечки и выносить судно по утрам? Ты готов обречь свою любимую на это?

Бин вновь уткнулся лицом в колени. Было видно, что каждое слово Кола доставляет ему невыносимую муку.

– Кроме того, подумай ещё вот о чём. За всю историю нашего мира не было ни одного случая союза лирры и человека. Ты можешь себе представить, как отнесутся к нему люди, и, особенно, как отнесутся к нему лирры? Вы станете изгоями, чужими для всех. А ваши дети?.. Жалкие полукровки, у которых не будет друзей, у которых не будет дедушки и бабушки, которые бы нянчили их на коленях... У этих детей не будет будущего...

– Хватит, я понял... – глухо прорыдал Бин.

– Вот и славно. Держи это в своей голове, как я держу в своей – и всё будет в порядке! В отличие от меня, у тебя ещё вся жизнь впереди, друг мой Бин! Радуйся хотя бы этому!

Снова воцарилось молчание, нарушаемое лишь редкими всхлипываниями Бина. Кол же сидел, тяжело и сурово глядя куда-то вдаль. Близкие друзья, возможно, заметили бы, как ему сейчас больно, но Бин пока ещё не был таковым, поэтому он лишь в очередной раз дивился этому ледяному спокойствию.

– Спасибо, друг, – проникновенно произнёс Бин, утирая лицо. – И прости меня ещё раз!

– Я не держу на тебя сердца, друг! И я очень рад, что мы всё выяснили сейчас, а не затаили ненависть друг к другу. Ну что – пойдём обмоемся, что ли? Надеюсь, Мэйлинн ничего не заметит.

Когда они вернулись в лагерь, лирра спала так же сладко, как и при их уходе. Бин и Кол легли на траву неподалёку от неё.

– А ты заметил, что на этой поляне совсем нет комаров? – спросил Кол, не открывая глаз.

– Я заметил, что в лесу их навалом! – проворчал, почёсываясь, Бин.

– Не иначе – опять наша подружка постаралась! – усмехнулся Кол.

– Не иначе, – засыпая, пробормотал Бин.

Глава 13. «Два петуха»

Бин проснулся. Его разбудили странные звуки. Рядом кто-то возился и стонал. Причём стонала, однозначно, Мэйлинн. Резко повернув голову, Бин увидел лежащую на земле, извивающуюся лирру и навалившегося на неё Кола. Мгновение – и Бин уже оказался на ногах. Вжикнула сталь, высвобождаясь из ножен – в третий раз он о кинжале не забудет! Нет, только не в этот раз!

– Ах ты, животное! – взревел Бин, кидаясь к Колу.

Он уже замахнулся кинжалом, готовый бить без жалости и промедления, как вдруг Кол повернул к нему искажённое от боли и напряжение лицо, и выдал:

– Помоги!..

На секунду Бин опешил, и этой секунды хватило, чтобы увидеть ситуацию более трезво. То, что он принял за изнасилование, на поверку оказалось экстренной помощью. Хрупкое тело лирры били и ломали жестокие судороги. Её гнуло дугой, било о землю всеми конечностями. Из горла неслись сдавленные стоны. И Кол, как мог, старался помочь. Навалившись своими двумя сотнями фунтов, он пытался, хотя не всегда успешно, удерживать лирру более-менее неподвижно, не давая ей калечить себя. Более того, Бин увидел, что лирра впилась зубами в левое предплечье Кола, причём кожаный нарукавник не спас руку от острых зубов.

Отбросив в сторону кинжал, Бин кинулся к Мэйлинн и прижал колотящиеся ноги к земле. Прошло несколько томительно долгих минут, пока судороги постепенно прекратились. Лирра как-то обмякла и впала в глубокое забытье. Кол и Бин тяжело поднялись на ноги. Осторожно сняв нарукавник, Кол оглядел рану. Укус был весьма глубокий, кожа вокруг посинела и опухла, из ран лилась кровь.

– Ассова задница! – только и выговорил Кол.

– Что это было? – тяжело дыша, спросил Бин.

– А я почём знаю? – ответил Кол. – Я проснулся, услышав, как она бьётся в судорогах. Бросился помочь. Вот, побоялся, что прикусит язык, а под руками ничего подходящего не было. Решил сунуть в рот хотя бы предплечье. Надеюсь, что кожа нарукавника выдержит. Но у неё челюсти, как у калуянского крокодила!

– Надо промыть рану! – Бин кинулся к фляге с водой.

– Надо, – согласился Кол. – И желательно – не только водой.

Специально для таких целей Мэйлинн наполнила одну из фляг ржаной водкой. Сейчас эта фляга была извлечена. Кол открутил крышку, и первым делом сделал хороший глоток.

– Обезболивающее, – прохрипел он Бину. Затем, оторвав кусочек ветоши, Кол смочил его водкой и приложил к ране. Шумно втянул воздух сквозь крепко стиснутые зубы. – Забинтуй, а?.. – попросил он Бина.

Бин коротко кивнул, взял ветошь, и стал отрывать от неё длинные полосы. Затем кое-как забинтовал руку товарища.

– Туже давай! Не хочу, чтобы туда что-то попадало, – приговаривал Кол.

Наконец перевязка была закончена, и приятели сели недалеко от потухшего кострища. Солнце давно перевалило за полдень, но до вечера было ещё несколько часов. С тревогой они ожидали, когда очнётся Мэйлинн.

Спустя менее получаса лирра вышла из обморока. Она застонала, и пошевелилась. Кол при этом просто повернулся к ней, Бин же подскочил стрелой, держа в руках открытую флягу с водой.

– Это опять случилось... – не спрашивая, а утверждая, слабо пробормотала лирра.

– Тише! Выпей вот воды! – заботливо ответил Бин. Он приподнял голову Мэйлинн, и та сделала пару глотков.

– Ничего, не пройдёт и часа, как я буду вновь на ногах. Я знаю... – прошептала лирра и вновь отключилась.

Но, действительно, прошло не более трёх четвертей часа, как она открыла глаза и села. Никаких особых признаков слабости уже не было. Мэйлинн несколько виновато улыбнулась своим спутникам:

– Прошу прощения, что вам пришлось это увидеть.

– Что это вообще было, во имя Асса? – вскричал Кол.

– Я толком сама не знаю. Это началось у меня после неудачного *пробуждения*. Первый приступ случился почти сразу после него. Было ещё несколько. Правда, в последние недели они стали чаще. Это – пятый приступ за последние три недели. Мои преподаватели не смогли объяснить причины моей болезни, и не смогли найти лекарства. Сказать по правде, я не знаю, что будет дальше. Боюсь, что со временем будет только хуже. Именно поэтому мне необходимо как можно скорее найти Белую Башню.

– Ты сможешь продолжить путь сегодня вечером? – тревожно спросил Бин.

– Конечно смогу. Эти приступы начинаются внезапно, бывают очень жестокими, но очень скоро они проходят почти бесследно. В принципе, я уже и сейчас могла бы держаться в седле. Не забывайте, что я ведь добралась как-то из Наэлирро в Латион, и у меня не было под боком таких верных помощников! – Мэйлинн тепло улыбнулась обоим, и Бин почувствовал, как глупо расплывается его рот в широченной улыбке.

– Ну тогда отдохнём ещё часа три, и – в путь! – подытожил Кол.

***

Следующая ночь выдалась особо ничем не примечательной. Неожиданно для себя Бин вполне смог усесться в седло. Конечно, его зад болел, но не так сильно, как он ожидал. Так что путешествие продолжилось.

Теперь все трое ехали рядышком. Более того, Бин и Кол образовали своеобразную коалицию, и постоянно подтрунивали над Мэйлинн по любому поводу. Мэйлинн не очень догадывалась (а, может, и догадывалась) о причинах таких перемен, но они её, однозначно, очень радовали. Так что она с удовольствием служила объектом незлобивых насмешек друзей. По общему молчаливому согласию, о недавнем происшествии не говорилось ни слова.

Как и в прошлую ночь, путешественники не встретили ни одной живой души. Под утро они так же нашли удобное место для ночёвки в небольшом уютном овражке.

Следующий день принёс перемены в погоде. С востока подул резкий сильный ветер, и на небе впервые за долгие недели появились кучевые облака. Сначала их было немного, но затем они почти целиком закрыли небо, так что солнце, которое ещё совсем недавно безраздельно царило на небосклоне, теперь лишь изредка показывалось из-за бегущих облаков, которые, кстати, приобретали всё более тёмный оттенок и скоро уже начали смахивать на тучи. Как только исчезло солнце и появился ветер, стало довольно прохладно, так что путники разожгли большой костёр, накидав туда несколько толстых веток, которые должны были гореть несколько часов, пока все будут спать.

В этот раз разбудил наших друзей дождь. Крупные, кажущиеся белыми, капли тяжело падали с неба. Сначала их было немного, но уже спустя пару минут путников, едва укрытых ветвями деревьев, хлестал настоящий ливень. Троица жалась друг к другу и дрожала под холодными струями воды, лошади ржали. Вокруг было темно, почти как ночью. Ливень разметал костёр, и теперь он только едва дымил.

– Эх, вот тёплой одеждой мы не запаслись! – орал в ухо Бину Кол, стараясь перекрыть рёв дождя. Только Мэйлинн куталась в плащ, купленный ей, правда, совсем для других целей. Ведь ещё два дня назад совершенно ничего не предвещало такой перемены в погоде.

Вскоре овраг пришлось покинуть – сбегающие вниз потоки дождя, смешанных с грязью, стали угрожать путникам. Выбрались на тракт – решили поскорее добраться до Колиона, чтобы разжиться одеждой по сезону. Однако и дорога сейчас вся набухла от воды, так что лошади иногда оскальзывались на жирной грязи.

Слава Арионну, довольно скоро разрушительный ливень пошёл на спад, и вскоре сменился дождём – довольно сильным, но всё же вполне терпимым. Промокшие до нитки, замёрзшие друзья уныло пробирались вперёд. Наконец сквозь серую пелену дождя впереди проступили крыши хат.

– Отлично, мы сможем переждать дождь у селян, если тут не найдётся постоянного двора! – воспрянул духом Кол.

Постоялый двор, однако, нашёлся. Он стоял примерно в полумиле от окраины деревни. Большой и, вероятно, когда-то знавший лучшие времена. Он похож на меня – внезапно подумалось Колу, – такой же опустившийся пьяница. Постоялый двор был огорожен небольшим тыном, а над аркой ворот, вероятно, не закрывавшихся уже много лет и полусгнивших, поскрипывая на цепях, мокла деревянная доска, на которой с трудом можно было прочесть название: «Два петуха». С каждой стороны надписи было изображено по петуху – когда-то, должно быть, очень ярких и красочных, а теперь серых и едва различимых.

Наверное, этот постоялый двор нечасто видел путешественников, но внутри горел свет, из волокового окна под крышей шёл дым, а это всё, что сейчас было нужно нашим промокшим друзьям. Они въехали во двор, завели лошадей в большой сарай, который сейчас весь тёк из десятков дыр в крыше, но всё же давал хоть какую-то защиту. Затем они направились к дому. Кол толкнул дверь, и она отворилась. Путники вошли внутрь.

Они оказались в большой зале, освещённой, в основном, очагом, который находился в центре, а также несколькими лампами, которые чадили отвратительным запахом горелого жира. Очаг топился по-чёрному, поэтому в помещении было полно дыма. Длинные столы стояли в два ряда, так же несколько гораздо меньших столов были приставлены к стенам. Стойка у дальней стены, за которой стоит сам хозяин – разбойничьего вида дородный малый с бритой налысо головой и серьгой в ухе. За одним из общих столов сидела компания – человек шесть-семь, вероятно, местные жители. Скучно накрытый стол состоял большей частью из кружек, и лишь пары больших тарелок с жареной рыбой.

При появлении нашей компании шумный разговор стих. Все уставились на вновь прибывших. Не обращая внимания ни на это, ни на потоки воды, стекавшие с одежды прямо на грязный пол, друзья направились к стойке.

– Приветствуем честную компанию, – громко заговорил Кол. – Мы – добрые путники, застигнутые непогодой по пути в Колион. Нам нужен огонь, чтобы обсушиться, еда и комнаты, чтобы переждать непогоду. Кроме того, в вашей конюшне стоят наши лошади, о которых нужно позаботиться и задать им овса.

– А есть ли деньги у почтенных путников? – осведомился хозяин, облакачиваясь о стойку.

– А как же! – ответил Кол, кивая Мэйлинн. Та достала кошелек и прежде, чем Кол успел хоть что-то сделать или сказать, высыпала часть его содержимого себе на ладонь. Глаза хозяина по-волчьи сверкнули, когда он увидел такое богатство.

Заметив это, Кол немедленно накрыл монеты своей ладонью, и, забрав их у лирры, ссыпал обратно в кошель. Затем он убрал его в свой карман, причём именно в тот, который был под висящим мечом, довольно красноречиво приподняв ножны, дабы удобнее было сунуть кошель.

– Хорошо, почтенные господа, – чуть изменившимся голосом проговорил хозяин. – Вас рады приветствовать в «Двух петухах» – лучшей гостинице к востоку от Латиона! Все ваши пожелания будут исполнены! Эй, Жмых, Щербатый! Ну-ка живо в конюшню, позаботьтесь о господских лошадках!

Двое из сидевшей за столом компании нехотя поднялись и направились к двери. Перечить хозяину, видно, тут было не принято.

– Марушка! Тащи окорок из погреба! И забей пару кур! – продолжал распоряжаться хозяин.

Из соседней комнатки выскочила неопрятного вида полная женщина лет тридцати и, не поднимая глаз, прошла в другую комнату, где, вероятно, был вход в погреб.

– Не взыщите, господа, изысканных яств у нас тут не найдётся, – усмехнулся хозяин. – Сами видите – мы сейчас не в лучшем положении.

– Не беспокойтесь, почтенный хозяин, – слегка поклонился Кол. – Мы – люди привычные. Нам бы, главным образом, обсушиться да обогреться. Есть ли у вас комната с очагом?

– Ну что вы, что вы, господа? – всплеснул руками здоровяк. – Я подготовлю вам каждому по отдельной комнате, и каждую – с очагом!

– Не нужно утруждать себя, добрый хозяин, уж простите, что не называю вас по имени. Мы с удовольствием расположимся в *одной* комнате, – вежливо, но с нажимом возразил Кол.

– Зовут меня Иануш, господин, хотя люди привыкли кликать Кабаном. Извольте, воля ваша. Одна комната, так одна. Сейчас Марушка освободится, и подготовит её вам. А пока – милости прошу поближе к очагу, обсухайтесь! А ну-ка, отбросы, взяли стол и лавки, да подтащили ближе к огню! – гаркнул он на оставшихся в комнате выпивох. Те послушно подскочили, взяли небольшой стол у стены и перетасили его к очагу. Туда же поставили лавку, на которую уселись наши друзья.

– Извольте вина? – осведомился Кабан.

– Нет, спасибо, господин Иануш! Довольно будет воды, – ответила Мэйлинн. Она до сих пор плотно куталась в плащ и не снимала капюшона. Напротив, она надвинула его ещё сильнее на глаза, так что её лицо полностью скрывала тень.

– У нас есть клюквенный морс! – предложил хозяин.

– Да, это было бы весьма кстати, хозяин! – обрадовался Кол. – Принесите-ка нам лучше морсу!

– Будет исполнено! – на этот раз Кабан лично зашёл в какую-то каморку прямо за стойкой, и вскоре вернулся с большим глиняным кувшином и тремя кружками.

Путники, блаженно подставив спины жаркому огню, начали потягивать морс из кружек. Вернулась Марушка, неся большой подкопчённый свиной окорок и каравай чёрного хлеба.

– Сейчас пойду забью куриц, – буркнула она. – Через час будут готовы.

– Не утруждайте себя, почтенная Марушка, – ответил Кол. – Этой пищи нам вполне достаточно. Будьте добры подготовить комнату.

Даже не кивнув, Марушка удалилась. Разговор за соседним столом в это время как-то подпритих. Колоны изредка перебрасывались фразами и периодически зыркали на приезжих. Через несколько минут с улицы вернулись промокшие Жмых со Щербатым.

– Всё сделано! – бодро крикнул один из них.

– Добро! – ответил хозяин. – Не желают ли ещё чего гости?

– Спасибо, не желаем, – ответил Кол, прожёвывая кусок ветчины.

– Как ты можешь есть? – тихонько спросил Бин. Он положил кинжал в ножнах на столешницу рядом с собой, и постоянно опасно косился на компанию неподалёку. – Ты только посмотри на них – это ж отъявленные разбойники!

– Угу, а атаманом у них знаешь – кто? – с набитым ртом спросил Кол и стрельнул глазами в сторону Кабана.

– Хозяин?.. – глаза Бина расширились, а пальцы лирры так сильно сжали кружку, что даже побелели. – И что делать? – прошептал Бин.

– А что тут сделаешь? Конкретно сейчас надо есть, пока есть такая возможность. Может быть, они и не нападут. Всё-таки нас трое, и мы вооружены.

– Трое, из которых одна – девушка, – в отчаянии прошептала Мэйлинн.

– Девушка, которая стоит любых троих из этих недоумков, – усмехаясь, ответил Кол. – Не волнуйтесь прежде времени. Просто держитесь наготове.

– И что – мы останемся тут ночевать? – с тихим ужасом спросила Мэйлинн.

– Да вот даже и не знаю... – признался Кол. – С одной стороны – страшно не хочется мокнуть под дождём. С другой – глупо искать себе лишние неприятности.

– Давай уедем! – взмолилась Мэйлинн. – Я уж лучше помокну немного.

– Я тоже! – поддержал Бин.

– Ну хорошо, тогда сейчас поедим, подсохнем немного, и – в путь, – решил Кол.

Повеселевший враз Бин тут же схватил кусок окорока, положил его на ломоть хлеба, и принялся жевать, запивая морсом. Они уже почти закончили с едой, когда вновь появилась Марушка и объявила, что комната готова.

– Спасибо вам, любезная хозяйюшка, но мы, к своему сожалению, вынуждены отказаться от вашего гостеприимства. Неотложные дела ждут нас в Колионе, – поднимаясь, сказал Кол.

– Ну что же вы, гости дорогие! В такую непогоду, так внезапно! Разве не вы заказывали комнату? – кивнув головой своим товарищам, громко спросил Кабан. Шестеро разбойников встали и направились к двери. Только теперь Кол обратил внимание, что у дверей стоял ещё один стол, погруженный в темноту, и теперь выяснилось, что на этом столе лежали длинные мясницкие ножи и дубинки – оружие головорезов. Марушка мгновенно исчезла за одной из дверей.

– Мне очень жаль, любезный хозяин, но мы всё же будем вынуждены вас покинуть, – всё так же нарочито спокойно отвечал Кол, одновременно с этим вынимая легионерский меч из ножен. Бин вскочил и вынул свой кинжал. Мэйлинн тоже встала, но за оружие не бралась.

– Ну а как же заплатить, драгоценные гости? – с издёвкой осведомился Кабан.

– Мы и не думали уйти, не заплатив, – ответил Кол. – Мы очень благодарны вам, любезный господин Иануш, за стол и очаг, а также за наших лошадей. Мы щедро заплатим, вы не останетесь в накладе.

– Да уж надеюсь, – рассмеялся Кабан. – Думаю, пара латоров меня вполне устроит. Платите – и можете уходить.

– При всём моём уважении, любезный хозяин, но таких денег я бы не заплатил, даже если бы мне прислуживал за обедом лично его величество Матониус Второй, – уже не скрывая враждебности, отвечал Кол. – И я надеюсь, что древние законы гостеприимства не позволят тебе и твоим людям напасть на гостей в собственном доме.

– А вот это мы сейчас и проверим, – проговорил Кабан, доставая из-под стойки топор, причём сразу видно, что не плотницкий и не колун.

– Вы выпустите нас отсюда по-хорошему, или же эта жалкая хибара рассыплется в прах! – неожиданно воскликнула Мэйлинн, срывая с себя капюшон.

– Вы только гляньте-ка! – насмешливо протянул Кабан. – Да, никак, это лиррка! Ну вообще, братцы, здорово! А вы всё гадали – откель такой ураган пришёл. Ясно теперь? Лиррка на хвосте принесла!

– Не какая-нибудь там «лиррка», а магиня из Наэлирро! – воскликнула Мэйлинн, резким движением обнажая шею так, чтобы открылся ошейник.

Было видно, что разбойники оторопели. Слухи и сказки о ведьмах Наэлирро были популярными страшилками в этих краях. Стоявшие у двери переминались с ноги на ногу, не зная, как поступить. Даже Кабан стёр с лица самодовольную ухмылку и растерянно смотрел на лирру.

– В ней нет магии, – неожиданно раздался женский голос и в комнату вновь вошла Марушка. В руках её был нож с широким лезвием. – Я не чувствую в ней магии лирр.

– Ай, да Марушка! Ай, молодец! – воскликнул Кабан, видя, как смешалась Мэйлинн. – Значит, говоришь, магиня? – издевательски переспросил он у лирры. – А по мне – ты обычная лиррская шлюха!

– Заткни пасть! – взорвался Бин.

– Ишь ты, защитник выискался! – захохотал Кабан. – Иди-ка молоко оботри с губ, сосунок! Что, жаришь лиррку-то? Или тебе она ещё не даёт?

– Ты наговорил сегодня слишком много пустых и ненужных слов, Кабан, – спокойно проговорил Кол, тогда как Бин, казалось, сейчас взорвётся от ярости. – Боюсь, как бы Асс не покарал тебя за них.

– Что – правда? – хохотнул Кабан. – А ну, ребята, хватай их! Лиррку постарайтесь не убить – ещё пригодится нам сегодня!

– Стоять! – резанул воздух голос Мэйлинн. В её руках был арбалет, направленный в приближающихся бандитов. – Ещё шаг, и двое из вас проглотят по болту.

Они и впрямь остановились, глядя на арбалет и ту, что его держала. Рука лирры не дрожала, оружие смотрело прямо и твёрдо.

– Вы что, пёсьи потроха, испугались этой мелкой ведьмы? – взвизгнула Марушка. Она сейчас по полукругу пыталась зайти за спину попавшей в беду троицы. Следом подходил и вооружённый топором Кабан. – Да она ни за что не выстрелит, идиоты!

Бандиты ломанулись вперёд, коротко тренькнул арбалет и то ли Жмых, то ли Щербатый рухнул, прижимая руки к окровавленному животу. Остальные нерешительно остановились.

– Бежим! – кратко крикнул Кол, и они, быстро добежав до ближайшей комнатухи, захлопнули за собой дверь. В крошечной тьме Кол и Бин нащупали засов и закрыли за собой дверь. И вовремя – в неё уже ломились озверевшие бандиты.

– Вам некуда бежать, идиоты! – прокричал Кабан из-за двери. – Вы в кладовой!

– И что же нам делать? – спросил Бин.

– Дверь долго не выдержит, – отвечал Кол. – Я, пожалуй, справлюсь с тремя, но вот остальные... Особенно меня беспокоит баба. Она что – колдунья? – спросил он у Мэйлинн.

– Наверное, какая-нибудь ведьма-самоучка. От поноса лечить, да мужей привораживать. Магию мою не учуяла, дура!

– А что бы ты могла сейчас сделать? – спросил Кол. – Есть что-то в арсенале?

– Ну, магиня могла бы зачаровать дверь так, чтобы её не пробил ни один топор, а засов бы стал весить как добрый буйвол...

– А что можешь *ты*? – Кол нервничал: в дверь ломились всё сильнее. Было видно, что пока Кабан жалеет пустить в ход топор, но сколько это продлится?

– Сейчас – только бежать... Ну и стрелять из арбалета... Кстати говоря... – лирра зашуршала полами плаща, и через некоторое время раздался щелчок взводимого арбалета. – И впрямь хорошую игрушку ты прикупил, Кол! Спасибо!

– Потом поблагодаришь, – отмахнулся Кол. – Итак, что мы имеем. Семеро нападающих. Двух ты можешь убрать из арбалета. Остаются пятеро. Трое – моих, и по одному на каждого из вас. Да уж, неприятно... Не говоря о том, что там ещё и ведьма...

– За неё не беспокойся, – ответила лирра. – Если бы она что-нибудь могла, то уже сделала бы. Так что либо она слишком слаба, либо ей требуются долгие ритуалы и вспомогательные предметы. В общем, я бы больше беспокоилась о том, насколько ловко она владеет тесаком.

Судя по щелям вокруг двери, которые при каждом ударе светились всё ярче, было очевидно, что дверь поддается натиску.

– Так, Мэйлинн, ты отходи вглубь кладовки. Когда дверь распахнется, стреляй, и старайся не промазать. Ты должна мне двух мёртвых бандитов. Я встану слева от двери. Так мне будет сподручней бить мечом. Бин, ты становись справа. Постарайся не попасть мне под мазах. Ну и вообще – особенно не рискуй. Все всё поняли?

– Все поняли, – ответил Бин, занимая своё место.

– Ближний ко мне – мой, – предупредил Кол лирру. Та угукнула в ответ и навела арбалет на дверь. Все трое затаили дыхание.

Между тем дверь уже ходила ходуном. Видно, бандиты использовали лавку в качестве тарана. И вот при очередном ударе скоба, удерживающая засов, отлетела и дверь резко распахнулась. Для привыкших уже к темноте друзей дверной проём казался ярко освещённым, бандиты же, напротив, видели лишь тёмный провал.

Щёлк! Щёлк! Два выстрела почти слились в один, и двое бандитов, всё ещё державшие лавку, свалились. У одного болт застрял под ключицей, у другого – навывлет пробил шею. Однако больше у двери никого не было – остальные бандиты держались в стороне. В том числе, не видно было и Кабана с Марушкой. Однако слышался голос Кабана:

– Вам конец! Я растяну вас на ваших же кишках!

Однако ситуация для разбойников была патовой – ломиться в тёмный провал кладовой им не хотелось – путники оказались бы в преимуществе. Но и ждать, пока лиррийская ведьма перезарядит арбалет, не хотелось. Кол, было, уже начал думать, что всё складывается не так уж и плохо, как вдруг в кладовую влетела небольшая скляница и разбилась, ударившись о пол. Не было ни дыма, ни огня – вообще ничего, но Кол отреагировал мгновенно:

– Наружу, живо! – и сам бросился первым.

Кол не дослужился бы до командира когорты, и даже не дожил бы до этого дня, если бы не был отличным бойцом. Годы пьянства и гражданской жизни, конечно, притупили его навыки, но сейчас тело само всё вспомнило. Выбегая из комнаты, он инстинктивно наклонился, будто подныривая под невидимое препятствие. И не напрасно – над его головой просвистела дубина. Сделав полный разворот на триста шестьдесят градусов, Кол веерным движением подрубил бившему колено. Тот с воем рухнул на пол. А Кол уже двигался в сторону размахивающего топором Кабана, которого он счёл самым опасным соперником.

Сзади следовал Бин. Сейчас он размашистыми движениями махал кинжалом перед ещё одним бандитом, также вооружённым ножом. Однако было видно, что парень совершенно не владеет холодным оружием, в отличие от его соперника. Но на помощь Бину уже спешила Мэйлинн. В одной руке у неё был кинжал, другую она обмотала плащом. Арбалет, вероятно, остался в кладовке. Жаль. Хотя, конечно, толку от него, разряженного, было чуть.

Оказавшись перед лицом двух противников, бандит слегка запаниковал. Его движения стали более резкими и необдуманными. И он недооценил Мэйлинн, похожую на пятнадцатилетнюю девчонку. За то и поплатился – гибкая и сильная лирра проскользнула прямо рядом с лезвием и, подобно Колу, совершила разворот с одновременным ударом кинжала. Лезвие распорол бандиту всё лицо слева-направо от нижней челюсти до виска. Схватившись за лицо, разбойник упал навзничь.

Отлично, отметил Кол, их осталось всего трое. Нет, даже двое, поскольку последний из подручных Кабана бросился бежать. Марушка же, после того, как бросила свою скляницу в кладовую, отбежала к столу, и сейчас что-то исступлённо и хрипло шептала, закатив глаза.

Ладонь её правой руки обильно кровила, разрезанная тесаком, и своей кровью ведьма чертила какие-то знаки на грязной липкой столешнице.

Бин, увидев это, метнул свой кинжал в Марушку. Только оказалось, метал он ещё хуже, чем бился, поэтому кинжал пролетел в футах от ведьмы и плашмя стукнулся о стенку. Однако это на секунду отвлекло Марушку от ритуала. Понимая, что всё равно не успеет, она прекратила наговор, и снова ухватилась за тесак. Но скользкая от крови ладонь сослужила ей плохую службу – рукоять ножа неудобно скользнула в руке. Марушка перехватила рукоять, и повернулась от стола, чтобы напасть на Бина, но перед ней серой тенью уже стояла лирра. Её кинжал на все десять дюймов¹⁰ его длины погрузился в жирный живот ведьмы. А затем – ещё и ещё раз, пока тесак не выпал из обезволенной руки.

В это время Кол, подняв на уровень глаз руку с мечом, кружил вокруг Кабана. Тот выписывал круги своим топором, щеря гнилые зубы и рыча, словно зверь. Он видел, какая судьба постигла его соратников, и понимал, что теперь он оказался в весьма невыигрышном положении. Видел это и Кол.

– Тебе конец, Кабан, – рычал он. – Надеюсь, ты это понимаешь. Ты ещё можешь спасти свою жалкую жизнь, если бросишь топор. Обещаю – мы сразу же уйдём, и ты сможешь оказать помощь своим раненым и похоронить мёртвых.

– Поменьше болтай, – посоветовал Кабан, перехватывая топор поудобней. – Или я вгоню свой топор в твой разинутый рот.

– Что ж, – ухмыльнулся Кол. – К счастью для меня, в своё время в северном Палатие я порубил немало засранцев, вооружённых топорами. А там были ребята и посерьёзнее тебя, – Кол сделал обманный выпад, но Кабан на него не повёлся.

– Ты был в северном Палатие? Воевал? Какой легион? – Кабан медленно, по-кошачьи, переступал с ноги на ногу, плавно обходя Кола.

– Седьмой Коррэйский.

– Ничего себе – Седьмой?! А я был в Пятом! Под Скабеем.

– Ха! Вас тогда славно прижало, да?

– И не говори, друг, – Кабан неожиданно махнул топором, но Кол ловко отпрянул назад. – Спасибо вам, вовремя подошли. Ещё денёк, и нас бы растёрли в порошок.

После выпада Кабана Бин было дёрнулся на помощь Колу, но тот сделал резкий жест остановиться, так что Бин застыл на месте.

– Я тоже был под Скабеем. Жаркое было дельце! – смертельный танец продолжался. Если бы не направленное друг на друга оружие, и периодические обмены ударами, могло бы показаться, что беседуют два бывших сослуживца, случайно встретившиеся в трактире.

– Ещё бы! Мне тогда какой-то ублюдок разрубил печёнку. Коновалы вообще сказали, не жилец. Списали. Я полгода провалялся в каком-то борделе – одна шлюха меня выхаживала. Потом пытался вернуться – не взяли. Так и остался без гроша в кармане.

– Ладно, твою историю я понял, сейчас заплачу от жалости, – Кол подумал про себя, что его история, вообще-то, ничуть не радостней. – Плохие ребята заманили тебя в плохую компанию. Бросай топор, легионер, и разойдёмся миром. Я, центурион второго ранга Сан Брос, приказываю тебе.

– Да видишь ли, какая штука, – ответил Кабан. – Вы ведь вроде как порешили жёнку мою и ребят моих. Так что мне покоя не будет в Ассовых чертогах, если сейчас топор сложу.

– Понимаю, – проговорил Кол. – Мне жаль.

Кол внезапно поднырнул под топор и попытался нанести удар снизу, но Кабан каким-то невероятным образом парировал выпад, и меч, звякнув, отлетел на несколько шагов в сторону. Доводящим ударом разбойник пытался достать Кола, но это ему не удалось. Кол перекатился по полу в сторону меча, и Кабан, заноса топор, последовал за ним.

Щёлк! – и между лопаток Кабана с глухим стуком врезался болт. Вероятно, были раздроблены позвонки, потому что здоровяк упал, как подкошенный. Бин ошарашенно обернулся. Неподалёку стояла Мэйлинн. Нижняя половина её лица была обмотана плащом, а в руках был разряженный арбалет. Пока все были увлечены поединком, лирра, предварительно обмотав лицо, нырнула в кладовую и нашла там брошенный самострел.

Кол тяжело поднялся на ноги, утирая пот с лица.

– Ну ты даёшь, девочка! – выдохнул он. – Никогда бы не подумал, что ты такая... беспощадная... Мне-то казалось, что ты и мухи не обидишь.

– Как видишь, ты ошибался, – Мэйлинн была бледна, как смерть, но смотрела твёрдо. – Когда надо, я могу быть беспощадной. Сегодня было *надо*.

Кол оглядел поле боя. До сих пор подвывал, держась за рассечённое колено, его первый соперник. Побулькивая, всхлипывал тот, кому Мэйлинн рассекла лицо. Да стонал то ли Жмых, то ли Щербатый, получивший болт в живот.

– Надо осмотреть раненых, – сказал он.

– Конечно же, нужно оказать им помощь! – согласилась лирра, снова став похожей на прежнюю Мэйлинн.

– Да к Гурру их! Добить! Они бы с нами не церемонились! – зло прошипел Бин.

– Тише, тише, вояка! – хохотнул Кол. – После драки машут кулаками только слабаки и трусы. А мы – не те и не другие.

Кол подошёл к двери, где лежали трое – его первый соперник и двое, уложенные Мэйлинн.

– Ну-ка, парень, дай взглянуть, – сказал он, подходя к первому. Разжал руки, держащиеся за кровоточащую рану. – Дааа, дело, конечно, дрянь. Ты извини, приятель, но я, кажется, разбил тебе коленный сустав. Если у вас здесь найдётся приличный лекарь, то ногу можно будет спасти. Но ходить уже, опираясь на неё, – извини! – не сможешь.

Бандит вновь обхватил раздробленное колено руками и завыл ещё сильнее. Тем временем Кол подошёл к двум другим.

– Ну этого и смотреть нечего, – сказал он о том, которому болт попал в шею. – Мёртв как сушёная рыба. Так, а этот? – пощупал шею. – Вроде ещё дышит, но, похоже, не жилец. Да... Лёгкое пробито, ребро раздроблено. Да он уже и не в сознании...

Кол перешёл дальше, к бандиту, раненому Мэйлинн.

– Ну-ка, что там у нас? Приятель, отними руки-то от лица, дай глянуть! Да отними, кому говорю! Вот ведь, Ассова задница... Здорово ты его, – повернувшись, обратился он к Мэйлинн. – Давай-ка попробуем перевязать – авось не истечёт кровью. Хотя я бы поставил дор против десятки, что он не увидит завтрашнего утра.

Мэйлинн, всхлипнув, бросилась к раненому:

– Потерпи немного, слышишь? Бин, да не стой столбом! Тащи тряпья, да побольше! Посмотри – может простыню или скатерть найдёшь!

Сама же она, сунув руку за корсаж, достала небольшой тёмный флакончик, висящий на бечёвке. Осмотревшись по сторонам, она схватила кружку с недопитым морсом и, открыв флакон, капнула в морс три янтарных капли. Взболтав кружку, она стала тонкой струйкой лить её содержимое на лицо раненого, стараясь попадать на зияющую рану. Удивительное дело – кровь остановилась прямо на глазах! Кажется, раненому даже полегчало, поскольку он задышал ровнее, и глаза (точнее, глаз, т.к. второй глаз сейчас больше был похож на кровавое месиво) стали смотреть более осмысленно. Тут подоспел Бин, неся довольно грязную простыню. Лирра кинжалом распорол её на полосы и стала бинтовать раненого врага.

– Теперь с ним всё будет хорошо! – уверенно проговорила она.

– Вот теперь ты снова стала моей недавней знакомицей Мэйлинн! – воскликнул Кол. В то время, пока лирра возилась с раненым, он оглядел Марушку и Кабана. Оба, как он и ожидал, были мертвы.

Мэйлинн взглянула на Кола и улыбнулась.

– Эй, а этот, кажись, помер, – Бин кивнул на Жмыха-Щербатого, который действительно перестал стонать.

Кол подошёл к нему, наклонился:

– Да, точно. Готов. Итак, выходит, у нас тут пятеро мертвецов, двое раненых и один сбежавший. А мы сами как?

– У меня ни царапины, – ответил Бин.

– У меня тоже, – добавила лирра, закончив перевязку.

– Как ни странно, но у меня – тоже. Вот это счёт! Даже не верится!

– Ага, не верится, – подтвердил Бин.

– Но во что я вообще никак не могу поверить, что всех пятерых уложила наша святая Мэйлинн, не считая ещё этого красавца в бинтах, который ещё неизвестно, выживет ли...

– Этот выживет! – вновь твёрдо ответила лирра. – Может быть, даже и шрама почти видно не будет. Только что глаз, конечно, уже не вернуть.

– Ничего себе! Так ты потратила такой ценный эликсир на этого подонка? – вскричал Бин. – Ну ты точно...

– Ты точно – самая удивительная девушка в мире! – перебил его Кол, сердито сверкнув глазами. – Да и не весь же эликсир она потратила! Так что нечего ныть!

Бин сердито замолчал. Особенно болезненно он ощущал свою почти полную бесполезность во всей этой заварухе и то, что эта хрупкая лирра, которую он мысленно клялся себе защищать до самой смерти, взяла и спасла их всех, причём даже не прибегая к волшебству. Это было унижительно.

– Теперь нужно решить, что делать дальше, – продолжил Кол.

– Как – что? – удивился Бин. – Нужно уезжать, пока не поздно. А то сейчас прибежит тот беглец, да приведёт с собой ещё десяток товарищей.

– А я думаю, что стоит остаться здесь до утра, – возразил Кол. – Во-первых, есть шанс переждать непогоду. Во-вторых, нужно отдохнуть лошадям – им сложно будет пробираться через такое месиво. А что касается подмоги – то её я не опасюсь. Ты же видишь, места здесь малолюдные, небогатые. Откуда взяться большим разбойничьим шайкам? Они и эти-то – разбойники поневоле. Небось, урожай погиб от жары, вот и одичали людишки. А тот, что сбежал, наверняка сейчас сидит где-нибудь в подвале и трясётся от ужаса. Вряд ли он сунется сюда в ближайшее время.

– Кроме того, нужно похоронить мёртвых и позаботиться о раненых, – ввязалась в спор Мэйлинн.

– Это что – мне ещё и могилы теперь копать придётся? – возмутился Бин.

– Ну если не хочешь ночевать среди мертвецов – то придётся, – отрезал Кол и пошёл искать заступ или лопату.

Глава 14. Симмерские болота

Взрывать дёрн под проливным дождём – занятие то ещё. Поэтому Бин, не переставая, в голос ругался, втыкая заступ в неподатливую почву. Рядом кряхтел Кол, выбрасывая землю лопатой. Ещё до того, как были закончены четыре могилы, подошла Мэйлинн и сообщила, что нужно копать пятую – как и предсказывал Кол, малый с болтом в рёбрах умер. Изначально Кол заикнулся было о том, чтобы сжечь Кабана по обычаю ассианцев, но при таком дожде об этом не могло быть и речи.

Через несколько часов всё было кончено. Трупы свалили в неглубокие, около трёх футов, ямы, предварительно вынув из тел болты, которые ещё могли пригодиться. Лирра со слезами на глазах прочла отходную молитву по обычаю протокреаторианцев – ведь вера мертвецов осталась неизвестной.

В одной из комнат лежали раненые бандиты. Лирра пожертвовала ещё каплю эликсира на второго разбойника, так что оба теперь тихо спали. Наши же друзья весьма плохо провели ночь – практически не смыкая глаз, но хоть в сухости и тепле. К сожалению, надежды Кола не оправдались – утром дождь шёл всё с той же силой, что и накануне. Однако оставаться дольше в этом месте никто не хотел. Поэтому хмурые и усталые путники двинулись дальше по Колонскому тракту.

Дальнейшая дорога до Колона превратилась в одну сплошную тягомотину, смешанную из грязи, дождя, холода и мерзкого настроения. Все трое уже громко шмыгали носами, а у Мэйлинн кроме того начался кашель. Хорошо ещё, что её таинственные приступы больше не повторялись. Друзья почти не разговаривали. Они ехали, понутив головы и глядя на шеи своих лошадей, погружённые в печальные мысли. Бин, имея много времени для размышлений, заметил, что острая фаза его влюблённости в Мэйлинн вдруг прошла, чему, наверное, немало способствовало чувство стыда, которое поселилось в нём после схватки в «Двух петухах». Нет, он всё ещё любил её, но, по крайней мере, горячее желание нести её на руках, падать на колени и целовать ей ноги прошло.

На ночлег остановились в придорожном селе, заплатив молодому колону пятёрку за возможность переночевать в сенном сарае – благо тот был почти пуст из-за многонедельной жары, спалившей травы на корню.

Увы, но на следующий день с неба всё ещё сеяло, варьируясь от хорошего ливня до мелкого дождика. Тучи, которые так долго томились по ту сторону гор, не хотели так просто отступать. Можно было бы, конечно, сказать им, этим тучам, что они уже опоздали недель этак на пять и что сейчас от них уже больше вреда, нежели пользы, да только разве им было до этого хоть какое-то дело?

Лишь на пятый день пути отчаявшиеся путники достигли Колиона. Если в первоначальных планах было обогнуть город, не заезжая, то сейчас они направились напрямик к первому же постоялому двору в черте города (хватит с них вертепов!). Кол сказал, что непогода не сможет продлиться долго – дождь, льющий целую неделю без перерывов не могли припомнить даже старожилы. Кроме того, если Колионская дорога стала почти непроходимой от дождей, то старый Танийский тракт сейчас наверняка и вовсе будет непролазным. Никто, даже Мэйлинн, не возразили ему ни полусловом. Всем хотелось лишь одного – напиться горячего, обжигающего отвара и залечь в постель, желательно неподалёку от огня.

Цены в Колионе, в отличие от столичного Латиона были куда более демократичными, так что день проживания в гостинице «Надежда путника», вкуче со столом, обходился друзьям всего в шесть с половиной дорринов. В этот раз они не стали привередничать, и взяли одну комнату на троих. Хозяин гостиницы посмотрел неодобрительно – несмотря на то, что Мэйлинн была укутана в плащ, а на лицо был натянут капюшон, изящные женские формы

лирры скрыть было нельзя. Однако, нравы тут были несколько проще, чем на западе, деньги постояльцы заплатили как положено, поэтому – кому какое дело?

Здесь же, впервые за несколько дней, Кол, рыча, снял повязку со своего левого предплечья. Увы, промокшая грязная тряпица, которой была завязана рана, плохо способствовала заживлению. Рука вокруг укуса опухла весьма заметно и приобрела какой-то лилово-красный оттенок.

– Это что ещё? – тревожно спросила Мэйлинн. Пришлось рассказать ей историю происхождения раны.

– Ах ты, идиот! – вскипела лирра. – Почему ты сразу ничего не сказал? Ты посмотри, у тебя же, наверное, уже заражение началось! – Колу оставалось лишь мямлить в ответ какие-то бессвязные фразы.

Лирра схватила флягу с водой, и, несмотря на шипение и богохульства Кола обмыла рану от сукровицы и гноя. Затем достала свой заветный флакончик и капнула одну каплю прямо во фляжку, а затем стала поливать укус, как она ранее делала в «Двух петухах».

– Надо же, на меня ты потратила всего одну каплю, – не преминул съёрничать Кол. – А тому деревенщине отлила аж целых три.

– Во-первых, мне лучше знать, как этим пользоваться, – отрезала Мэйлинн. – А во-вторых, эти капли на идиотов вообще не действуют! Это надо же было додуматься – совать руку мне в рот!

– А что мне было делать? – возразил Кол. – Позволить тебе откусить язык?

– Вот! – лирра широко открыла свой рот и, вынув язык, повертела им. – Ну что? Много укусов ты видишь? Как же я жила-то до тебя?

– Ну я же не знал, – смешался Кол. – Ой, да ну тебя! В следующий раз и пальцем не шевельну, хоть голову сама себе отгрызи!

– Ладно, извини, – Мэйлинн неожиданно погладила его по раненой руке. – Это просто нервы. Конечно же, я должна тебя благодарить. До сих пор ещё никто не жертвовал ради меня своей рукой! – лукаво улыбнувшись, добавила она. Бин, наблюдавшей за всей этой картиной, хмыкнул и отвернулся.

– Так это ещё один подарочек, заимствованный тобой в Наэлирро? – поспешил сменить тему Кол.

– Ну да, вроде того, – усмехнулась Мэйлинн.

– И много там ещё осталось? А то такими темпами скоро ведь и кончится! – забеспокоился Бин.

– А вы постарайтесь не влипать в истории, и всё будет в порядке. Не поверите – он у меня уже около двух месяцев, а воспользовалась им я в первый раз лишь пару дней назад.

– Ага, чтобы вылечить этих никчёмных бандюг, – проворчал Бин.

– Неужели ты бы бросил их без помощи? – изумилась Мэйлинн. – Я в это не верю. Не так тебя воспитывала твоя мать!

Бин осёкся, и только лишь хмыкнул ещё выразительней, чем в прошлый раз. Лирра откинулась спиной к стене и вдруг снова закашлялась.

– Кстати, – тут же заговорил Кол. – Я бы просил тебя прилечь, предварительно выпив какого-нибудь согревающего отвара. Тебе никак нельзя болеть.

– Да ты и сам, вон, постоянно шмыгаешь носом! – парировала Мэйлинн. – Нам всем нужно отлежаться!

– Это точно. Этим мы и займёмся. Но вообще, пока мы тут застряли, я бы хотел немного позаниматься с тобой, парень, – обратился Кол к Бину. – То, как ты владеешь кинжалом – никуда не годится. Машешь им, как деревенская девчонка!

Бин покраснел, но проглотил обиду, поскольку не мог не признать, что товарищ абсолютно прав.

– А ты, подруга, где так научилась-то владеть кинжалом? – обратился Кол к Мэйлинн.

– Где же, как не в Школе? – пожала плечами лирра, не очень-то стремясь развивать тему.

– И зачем же будущих магинь, часть из которых потом не сможет даже самостоятельно передвигаться, обучать фехтованию? – удивился Кол.

– Всё очень просто. Девочек берут в Наэлирро в шесть лет – и ни годом позже. Говорят, это нужно, чтобы тело приспособилось к эликсирам *пробуждения* до... созревания... – смущённо запнулась лирра и это сразу было отмечено Бином: со мной она не столь смущённо говорила на эти темы. – Ну так вот, в среднем обучение длится четырнадцать лет. Как ты думаешь, Кол, чему можно учить девочек четырнадцать лет? Конечно, с нами несколько раз в неделю проводили беседы о предстоящем *пробуждении* – с каждой по отдельности, и иногда – со всеми вместе. Конечно, каждый день мы занимались *сосредоточением* – учили какие-то пассы, заклинания, которые позволяют сосредоточиться на *возмущении*. Но всё равно оставалась целая уйма времени. Так что мы изучали множество наук, а кроме того – и фехтование, и верховую езду, и геральдику всех государств Паэтты, и – Арионн знает, что ещё. Мы изучали даже рукопашный бой. Причём не для того, чтобы драться в будущем, «ибо пошло использовать грубую силу, когда владеешь магией», – явно передразнивая кого-то из своих преподавателей, прогнусавила Мэйлинн. – А просто для того, чтобы держать своё тело и свой дух в бодрости и силе.

– У тебя были отличные преподаватели, Мэйлинн! – ответил Кол. – Должен сказать, ты поступила несколько неблагодарно, покинув их таким способом!

– Ничего страшного! Не думаю, что они там рыдают обо мне! – отрезала лирра.

– Ну ладно, тогда, значит, сегодняшний остаток дня и ночь мы отдыхаем, греемся и пьём побольше жидкости, а завтра я начну делать из тебя бойца! – и почему последнее слово всегда остаётся за Колом? – Тебе страшно повезло, дружище! Твоим учителем станет бывший паладин его королевского величества, он же бывший центурион второго ранга Седьмого легиона Сан Брос!

Куда бежать от свалившегося на меня счастья? – подумал Бин и упал на подушку. Не прошло и десяти минут, как в комнате все крепко спали. Даже храп Бина, на удивление усилившийся ещё больше из-за насморка, не в состоянии был пробудить измученную троицу.

***

– Крепче держи рукоять! Расслабь кисть, она должна плавать! Будь крепким и гибким! Ноги подогни! Да не подсаживайся ты, дубина стоеросовая! Просто преврати ноги в пружины, – уже битый час Кол надсаживал горло на заднем дворе гостиницы, а вспотевший и красный Бин, как мог, старался выполнять жёсткие команды товарища. Кол снова был центурионом Бросом, и горе было тому новобранцу, что пытался отлынивать от его уроков.

Однако, надо отдать должное Бину – он и не пытался. Он с невероятной упёртостью раз за разом повторял одни и те же движения, наносил удары и парировал, кидался в атаку и уходил от невидимого клинка. Рука ныла, ныли плечи и даже ноги, но когда становилось совсем тяжело, Бин вновь вспоминал, каким скользким, текучим ударом Мэйлинн спасла его от неминуемой, в общем-то, смерти в трактире, и он с удвоенной силой продолжал колоть и резать воздух.

Ещё через час Кол подвёл его к столбу и приказал бить изо всех сил. Однако от первого же удара кинжал выскочил из потной рукояти.

– Вот так вот на моих глазах полегло немало молодых ослов! – распинался Кол. – Мало держать кинжал, его нужно ещё и удержать в момент удара. Особенно, если твой удар парирует сильный соперник. Давай! Почувствуй дрожь кинжала, приноровись к ней! Пускай удар перетекает во всю руку, а не в одни пальцы!

Что ж, так прошло ещё немало времени. Столб был изрезан, расщеплен, исколот тысячами ударов, пока Кол не счёл, что это стало выглядеть вполне терпимо.

Потом были и спарринги на обструганных палках, после которых болью пульсировали отбитые пальцы, ныли истыканные рёбра и болело от напряжения всё тело. Однако, уже к вечеру первого дня тренировок Кол впервые похвалил своего ученика. Причём, что особенно отрадно, похвалил при Мэйлинн. Но у Бина хватило сил лишь на то, чтобы наскоро, даже не замечая вкуса, проглотить ужин, и завалиться спать.

Ночью – хвала богам! – дождь перестал. Не пошёл он и на следующее утро, и днём. Небо всё ещё было затянуто плотными облаками, но чувствовалось, что погода налаживается.

– Ещё пара дней без дождя – и можно попробовать двигаться дальше, – сказал Кол во время завтрака.

Все чувствовали себя лучше – Мэйлинн, благодарение Арионну, не заболела серьёзно, и дело ограничилось лишь кашлем, уже отступавшим, и насморком. Предплечье Кола после капли лирийского эликсира заживало просто с непостижимой скоростью. Уже в тот же день спала опухоль и кожные покровы почти вернули свой естественный цвет. Укус больше не гноился и выглядел так, как выглядит любая заживающая рана. У Бина снова ныло всё тело после целого дня тренировок, но он был полон решимости продолжать.

Так прошли отведённые Колом два дня. За это время небо почти расчистилось, вернулось солнце, уже не такое яростное, как прежде, но всё ещё горячее. Ранними утрами стояли плотные туманы – земля спешила избавиться от пресытивших её вод. В конце концов, на четвёртый день пребывания в Колионе, троица наконец смогла продолжить свой путь.

Старый Танийский тракт, как и ожидалось, был размыт дождями. Он блестел от множества глубоких и не очень луж. Будь у наших путешественников фургон, надежду на проезд тут можно было бы оставить. В конце концов, друзья направили своих лошадей по обочине вдоль тракта – дёрн, скреплённый тысячами корешков, плыл под ногами куда меньше.

– Я вот думаю о том, – промолвила лирра, – Что с момента нашего отъезда прошло уже семь дней. За это время почтовый голубь почти наверняка долетел до Наэлирро и вернулся обратно. Интересно, погоня уже пущена?

– Я тоже думал об этом, – признался Кол. – Однако, надеюсь, что если погоню и пустили, то вряд ли она двинется в нашу сторону. Мы, я надеюсь, были вполне осторожны, особых следов после себя не оставляли...

– Да уж, особенно в «Двух петухах», – проворчал Бин.

– Да, там, конечно, мы наследили... – мрачно согласился Кол. – И если дело дойдёт до властей, то, пожалуй, они свяжут два и два, узнав, что там была лирра. Мэйлинн, наверное, первая лирра за десятилетия, побывавшая в этих местах. Догадаться будет несложно...

– Говорил же – надо было добить!.. – воскликнул Бин.

– Мы поступили совершенно правильно, – немедленно ответила Мэйлинн. – Тот, кто проявляет жестокость сверх необходимости, рано или поздно ответит за это перед богами. А те несчастные, я думаю, вряд ли побегут куда-то докладывать. Иначе им придётся ответить на много неудобных вопросов.

– Думаю, что Мэйлинн права, – согласился Кол. – Будем стараться меньше попадаться на глаза, тем более, что сейчас это не будет проблемой. Тут и деревень-то – раз-два и обчёлся. А уж городов с магистратами и вовсе нет. Я вообще сомневаюсь, что здесь бывают какие-то другие чиновники, кроме сборщиков налогов. Но всё же я предлагаю по возможности не останавливаться ни в постоянных дворах, ни в деревнях.

За время пребывания в Колионе Кол закупился тёплыми плащами для всех троих, а также купил два куска парусины примерно десять на десять футов каждый, чтобы в случае

непогоды можно было соорудить что-то вроде навеса. Так что все согласились с его предложением.

– А я вот никак не могу понять, – спустя какое-то время вернулся к этому разговору Кол. – Почему это магини Наэлирро не могут найти тебя при помощи заклятий поиска?

– Ну, это довольно сложно сделать, – ответила лирра. – Во-первых, для этого необходим слепок ментальных эманаций человека. Проще всего его взять, если магиня непосредственно делает это при общении. Но в Наэлирро никогда не было беглянок, поэтому никому не приходило в голову делать слепок будущей магини. Ведь это бы означало возможность контроля в будущем...

– Но ведь ты захватила с собой несколько весьма мощных, как я понимаю, артефактов, – заметил Кол. – Неужели нельзя отследить их?

– Неодушевлённые предметы отследить гораздо сложнее, даже если они магические. Для этого необходим направленный поиск, то есть нужно довольно точно представлять направление, в котором ищешь. Кроме того, радиус таких поисков ограничен всего несколькими милями. Так что пока рядом с нами нет других магинь, мы можем быть спокойны.

– Но всё же как-то можно отследить человека? Или лирру. По тем вещам, которыми она пользовалась... Я ведь знаю, что многие маги этим занимаются и даже зарабатывают на этом. Пусть даже они не сделали этого самого слепка, но ведь в их руках осталась куча вещей, которыми ты пользовалась почти всю свою жизнь... – продолжал Кол.

– Ну вот если бы ты дал договорить мне в прошлый раз, то я как раз собиралась сказать «во-вторых», – ехидно заметила Мэйлинн. – Так вот, во-вторых, отследить меня практически невозможно благодаря вот этому, – лирра вновь сунула руку за воротник, и извлекла небольшой слегка розоватый кристалл, висящий на металлической цепочке с характерным тёмно-фиолетовым отливом.

– Это что – мангил? – присвистнул Кол. Бин вытянул шею – он ни разу в жизни не видел мангила, хотя и слышал о нём.

– Да, потому что только мангиловая цепь способна удержать этот кристалл. Так вот он полностью блокирует меня от заклятий поиска, по крайней мере, от всех известных на сегодняшний день. А иначе – как, ты думал, я всё это время не попалась? – самодовольно спросила Мэйлинн.

– Да уж, хотел бы я посмотреть, что ты ещё там прячешь! – пробормотал Бин, и вдруг зарделся, осознав определённую двусмысленность своей фразы. Кол тоже её заметил, но, на удивление, смолчал. Мэйлинн же, как ни в чём не бывало, ответила:

– Да вы уже почти все мои секреты увидели. А остальное увидите в свой час, хотя я от души надеюсь, что этого не случится, – и она вновь спрятала кристалл.

Так наши путешественники двигались дальше на восток, коротая время разговорами. Кола очень интересовало всё, связанное с Наэлирро. В свою очередь, он и сам служил неисчерпаемым источником всевозможных историй, из которых, если их как следует очистить от шелухи прикрас и откровенной выдумки, можно было узнать много интересного о местах, где в своё время бывал легионер Брос. Бину же, к его досаде, почти нечем было удивить друзей. Все его истории, которые ещё недавно казались ему такими захватывающими и удивительными, сейчас виделись мелкими и скучными на фоне того, что повидали на своём веку лирра и бывший паладин.

И вот так вот в течение недели искатели Белой Башни двигались почти без остановок – лишь перекусить, переночевать, да дать короткий отдых лошадям. Кол задавал такой темп, чтобы и лошади не слишком-то уставали, и их наездникам хватало сил целый день проводить в седле. Бин вполне свыкся с седлом, и ему вообще стало казаться, что той, другой жизни, жизни до невероятной встречи в деревне Пыжи, вовсе не существовало. Что Мэйлинн всегда

была рядом, а он всегда был в седле. И они всегда искали. Белую Башню. В которую он, похоже, теперь тоже верил.

Каждую стоянку он использовал для того, чтобы совершенствоваться во владении кинжалом. Теперь он уже вполне сносно попадал в дерево с десяти шагов и всегда – с пяти. В рукопашной он, конечно, не мог бы составить достойной конкуренции Колу, но, окажись он сейчас на улицах Нового города, он бы наверняка прослыл одним из самых опасных парней.

Спустя неделю пути местность стала довольно заметно меняться. Леса стали сменяться редколесьем, деревья стали заметно ниже и корявее. Земля под ногами то и дело хлюпала, хотя сильных дождей не было уже больше недели. Но главное – вдали виднелась уже не ломаная синеватая полоска. Теперь было видно, что это – горный хребет. Кол указал на него спутникам:

– Анурские горы. А мы, друзья мои, достигли Симмерских болот.

Симмерские болота длились на многие-многие лиги с юга на север, окаймляя широким гнилым кругом чёрное озеро Симмер. Не все они представляли собой непроходимые топи. Кое-где вдоль Алийи стояли деревушки, жители которых умудрялись даже возделывать землю. Хотя они располагались в достаточной удалённости от озера. Да и здесь, на южной оконечности болот, было достаточно вполне пригодных для жизни участков.

Однако, редкие поселенцы селились в этих краях. Разве что охотники, что добывали шкуры бобров и нутрий на продажу, да и те обычно жили не в постоянных поселениях, а в охотничьих лагерях, которые оставляли, набрав достаточно добычи. И дело было не только в сонмищах гоблинов, населяющих эти болота. Эту-то напасть, как раз можно было бы побороть отловом и прочными заграждениями.

Было в этих землях нечто, что заставляло самых твёрдых сердцем, прожжённых трапперов возвращаться, так и не закрепившись. Что-то недоброе витало над озером Симмер и его болотами. Словно какое-то Зло свило гнездо под гнилыми корягами в глубине его чёрных вод.

Через какое-то время Бин заметил, что с каждой пройденной милей Мэйлинн становилась всё бледнее и печальней. Она постоянно скидывала голову, будто слышала что-то, но не могла понять – что. Кроме того, она всё чаще тёрла виски, будто у неё болела голова.

– В чём дело? – тревожно спросил он лирру.

– Я точно не знаю. Но здесь очень плохое место. Что-то давит на меня, и давит всё сильнее. Словно мы приближаемся к чему-то очень страшному, – отрывисто проговорила Мэйлинн, и глаза её были полны боли. – Кол, скажи, неужели нет другой дороги?

– Другая дорога есть, – медленно проговорил Кол. – Но она, увы, лежит через Латион. Это имперская дорога. Мне кажется, будет весьма недальновидно повернуть назад. Я не думаю, что у нас есть реальная причина волноваться. Что ни говори, а здесь всё-таки проходит тракт, ведущий к Танийскому перевалу. Хоть и нечасто, но здесь проходят торговые караваны. Да и люди живут. И ничего.

– Просто люди в большинстве своём не способны чувствовать *возмущение*. Поэтому и не могут ощутить опасности этих мест...

– Как же – не могут! – проворчал Бин. – Да у меня все волоски на теле дыбом стоят!

– Мне тоже не по себе, – признался Кол. – Но другой дороги всё равно нет.

– Весьма странно, что единственная дорога в Пунт находится в таком запустении! – с робкой надеждой проговорил Бин. – Может, всё-таки есть более удобный и людный тракт?

– Основная часть товаров из Пунта попадает к нам через Палатий. Палатийцы ведут бойкую морскую торговлю с Пунтом и затем распродают купленное по всей Паэтте, – ответил Кол. – Увы, неудачное взаимное расположение Танийского перевала и Симмерских болот делает весьма непривлекательным сухопутное сообщение между нашими странами. Давайте

надеяться на лучшее. Если не произойдёт... ничего неприятного, меньше чем через три дня мы будем у перевала.

– Да охранит нас Арионн, – шепнула Мэйлинн, низко склонив голову.

Глава 15. Варан

– Итак, для вас есть дело, мастер Варан, – прошелестел тщедушный старик, тонувший в роскошном чёрном кресле.

– Я весь внимание, Командор, – изящно, с уважением, но без подобострастия поклонился Варан.

– Должен вам сообщить, что не далее, как два часа назад у меня был разговор с госпожой Дайоной, – неспешно, и как-то даже с натугой проговорил старик.

Вообще было похоже, что он тяжело болен и скончается прямо во время этого разговора. Но только не для Варана – сколько он помнил Командора, он всегда был точно в таком же здравии – не лучше и не хуже. За минувших шесть лет он, кажется, не постарел ни на волос. Варан бы не слишком удивился, даже если бы ему сказали, что Командор всегда был таким, и таким и родился. Варан усмехнулся про себя, но лицо его продолжало сохранять всю ту же почтительность.

– Вы говорите о госпоже Дайоне – придворной лиррийской магине? – мягким голосом осведомился Варан. В его речи слышался лёгкий сарраассанский акцент, от которого так и не удалось избавиться полностью.

– Я говорю именно о ней, мастер Варан, – в голосе Командора не слышалось ни сарказма, ни даже нетерпения. Варан слегка склонил голову, чтобы дать понять, что он осознает всю важность разговора. – Госпожа Дайона попросила нас об одном деле, и Гильдия не сочла возможным отказать. В награду мы *получили*, – Командор надавил на это слово. – Мы получили две тысячи латоров. Естественно, вы, как мастер шестого круга, получите десять процентов этой суммы в случае выполнения задания.

Варан вновь поклонился. Это уже интереснее. Нечасто его труд оценивался столь высоко.

– Дело несколько щекотливое, – продолжал Командор. В Гильдии все знали, что он иногда часами мог вводить в курс дела, цедя слово за словом. – Некоторое время назад из замка Наэлирро сбежала воспитанница, – Брови Варана при всей его выдержке поползли вверх. – Должен ли я напоминать, что вся услышанная вами информация строго конфиденциальна? – булабочные глазки уставились на Варана и тот, как всегда при этом, поёжился. Казалось бы – этого старикашку можно раздавить двумя пальцами. В нём уж и крови, поди, не осталось – один песок в жилах. Но при этом вся могущественная Гильдия Теней уже почти тридцать лет трепетала перед нынешним Командором.

– Я прекрасно помню это, Командор, – вновь поклонился Варан.

– Хорошо. Сегодня утром госпожа Дайона получила информацию, что беглянка находилась в Латионе восемь дней назад. Где она сейчас – неизвестно, но пожелание Лорд-ректора Наэлирро, переданное через госпожу Дайону, заключается в том, что мы должны найти эту юную лирру и препроводить в Замок. Вы слышите, мастер Варан? – старик слегка подался вперёд. – Найти и препроводить. Ни единого волоска не должно упасть с её головы. При том, что она может оказать серьёзное сопротивление. Она прошла обряд *пробуждения*, примите это к сведению!

– Но, позвольте спросить, Командор, – растерялся Варан. – Для чего бежать из замка лирре, которая уже *пробудилась*? Они ведь и так его покидают практически тут же.

– Я говорю лишь то, что передала мне госпожа Дайона. Вероятно, у Наэлирро какие-то свои тайны и секреты, которыми они не спешат делиться. Они сообщили нам лишь то, что нам требуется знать.

– То есть мне нужно схватить лиррийскую магиню и доставить в Наэлирро? – несколько ошеломлённо переспросил Варан.

– Всё именно так, как вы сказали, мастер Варан, – кивнул старик. – Именно потому я и обратился к вам, а не к кому-то ещё. Все знают вас, как лучшего охотника за головами на Паэтте.

Конечно, Варан был польщён, хотя эти слова полностью соответствовали истине, и он это знал. Тем не менее, сейчас его слава играла против него. Неожиданно двести латоров уже не показались такой уж справедливой наградой, хотя Варан прекрасно знал, что в Гильдии не принято торговаться насчёт вознаграждения.

– А вам не сообщили, насколько сильные способности приобрела магиня? – спросил он.

– Сообщили, что весьма невеликие. Но, – добавил Командор, видя, как облегчение промелькнуло в глазах подчинённого. – Но ситуация осложняется тем, что при побеге она похитила несколько весьма мощных артефактов, из которых есть парочка боевых. Опять же, к сожалению, госпожа Дайона не сочла возможным распространяться на эту тему, однако предупредила, чтобы мы были весьма и весьма осторожны. Ещё она сказала, что, увидев голубое свечение, нужно бежать как можно дальше.

– Приму к сведению, – холодно поклонился Варан. – Какие ресурсы мне разрешено задействовать?

– Вы получите мандат на использование любых ресурсов, которые вам потребуются. В разумных пределах, разумеется, – добавил Командор.

– Разумеется, – в очередной раз поклонился Варан.

– Итак, вы можете приступить к поискам, мастер Варан, – Командор ещё глубже ушёл в кресло. – Искомую зовут Мэйлинн из рода Айрига. Последняя, кто её видел, была её бывшая подруга по Школе Олива из рода Нуаль. Именно от неё пришёл сигнал, так что советую начать свои поиски там. Госпожа Олива живёт в Верхнем квартале, по улице Каштанов. Можете идти.

Варан, отвесив очередной неглубокий поклон, вышел.

***

Варан попал в Гильдию Теней пятнадцатилетним мальчишкой. Его, жителя северной Саррассы, продали в рабство проходящему мимо торговому каравану собственные родители, пытаясь спасти от голодной смерти девятерых его братьев и сестёр. Надо сказать, что Варан (тогда его звали иначе, но сейчас он уже не мог вспомнить этого имени) не был в обиде на родителей. В их поступке не было ничего личного. Более того, они сперва предлагали купцам его старшую сестру, затем одну из младших. Но купцы, трое довольно пожилых уже людей, вероятно, не искали плотских утех. Зато им был нужен носильщик взамен одного из умерших накануне. Рослый и сильный Варан подходил как нельзя лучше. И родители без колебаний обменяли его на две серебряные короны¹¹. Это были хорошие деньги и поэтому Варан вполне их понимал. Кроме того, именно благодаря этому он и оказался в королевстве Латион, а позднее – в Гильдии.

Уже во время сплава по Труону пришлось убить своих хозяев. Всех троих. И ещё двух рабов из числа охранников. Оказалось, что один из купцов, не позарившийся на его красавиц-сестёр, весьма заинтересовался смуглым стройным юношей. Он приказал привести его в свою каюту. Жить ему с этого момента оставалось всего около трёх минут. Варан просто свернул ему шею. Затем он убил стоящего у дверей на страже раба красивым позолоченным кинжалом, который убитый купец носил больше для красоты. Сняв перстни и украшения с купца, Варан решил, что ему пригодятся ещё кой-какие средства для начала новой жизни. Так была решена участь двух других.

Последний из купцов успел поднять тревогу перед смертью. На палубу высыпали люди. Варан на бегу рассёк ближайшему врагу горло и затем прыгнул в воды Труона. По

нему стреляли из арбалетов, но, к счастью, не попали. С ладьи были спущены шлюпки и около полутора десятков вооружённых людей устремились в погоню.

Варан плохо плавал, но был силен и ловок, поэтому сумел добраться до берега раньше преследователей и рванулся в прибрежный кустарник. Началась охота, травля дикого зверя. Больше суток измотанный, голодный мальчишка плутал по незнакомой стране, пытаясь запутать следы. Но сил становилось всё меньше, и погоня настигала. И тогда появился он.

Он скакал на вороном саррассанце, весь в чёрном. Куда и зачем он тогда направлялся – так и осталось для Варана тайной. Важно было другое. Увидев изодранного, валящегося с ног от усталости мальчишку с нелепым позолоченным кинжалом в руке, он придержал коня, и протянул руку. Взлетев, Варан оказался позади своего спасителя, и чёрный как ночь жеребец помчался стрелой.

Проскакав около трёх лиг, и при этом не сказав ни слова, спаситель остановился в придорожном трактире. Купив себе жареную щуку, а Варану – целую кучу всевозможной снеди, он, наконец, заговорил. Мастер Чёрный – так он себя назвал. Причём он говорил по-саррассански, хоть и не очень хорошо.

Затем они говорили, долго говорили – и пока Варан ел, и после, когда он уже сидел с туго набитым животом. Варан рассказал свою историю, и мастер Чёрный был впечатлён. Он предложил отправиться с ним в Латион. Конечно же, Варан согласился. Мастер Чёрный рассказал о Гильдии Теней. Конечно же, Варан захотел к ней присоединиться. Кроме рекомендаций мастера четвёртого круга (как оказалось впоследствии), у парня был приличный вступительный взнос, тянувший на пару десятков латоров.

Так Варан стал учеником мастера Чёрного – одного из охотников за головами Гильдии Теней. Кстати, имя своё юноша назвал лишь однажды, когда его специальным шифром, известным лишь избранным, занесли в специальную книгу. Теперь у тебя нет имени, парень, – сказал ему тогда мастер Чёрный. Никто из Гильдии не будет его знать. Возьми себе имя, какое захочешь. Так отныне и будут тебя окликать.

Недолго думал юноша. Он взял себе имя Варан в честь больших ящериц, проживавших на его родине. Они были настолько опасны, что даже хищники старались обходить их стороной. Укус варана был смертелен из-за гнилостного яда, который попадал в кровь, и при всей своей кажущейся неуклюжести, варан мог быть быстрым, как сама смерть.

Так он стал Вараном. Пока ещё – просто Вараном. Но в учениках он походил недолго – уже через полгода мастер Чёрный официально объявил Варана своим подмастерьем. У парня было невероятное чутьё, острый ум и сильное, безотказное тело. Было очевидно, что недалёк тот день, когда Варан войдёт в Круг мастеров.

И действительно, это произошло всего через три года – раньше, чем кто бы то ни было до него. Во время посвящения Варану было предложено выбрать, к какому из Цехов Гильдии он хотел бы примкнуть – Ворам, Телохранителям, Охотникам за головами или Наёмным убийцам. Причём сам мастер Чёрный, хоть и был охотником за головами, но признавал, что из Варана выйдет именно непревзойдённый убийца. Казалось бы – чего решать? Наёмные убийцы были элитой Гильдии Теней, отбор туда был жесточайшим, поскольку убийца должен был обладать поистине уникальными качествами. Однако Варан сделал свой выбор уже давно – ещё на той самой дороге, когда держался, стараясь не упасть, за чёрные одежды. Он избрал для себя именно путь охотника за головами. Кстати, в подражание ли своему учителю и кумиру, или же в силу личных предпочтений, Варан также всегда носил только чёрное и для передвижения выбирал исключительно вороных как ночь саррассанских жеребцов.

Ещё в бытность Варана мастером первого круга о нём уже заговорили и в Гильдии, и даже за её пределами (конечно же, в весьма узких и специфических кругах). Ему пророчили, что когда-нибудь он станет Командором Гильдии Теней, хотя эта перспектива юношу совершенно не прельщала. Ему нравилось проводить месяцы в дороге, выискивая тех, кого ему

приказывали разыскать; нравилось устраивать хитроумные ловушки, обставлять похищения так, что даже самые дотошные друзья и родные жертв до самой смерти жили в убеждении, что их близкие пропали по каким-либо естественным причинам.

Конечно же, Варан быстрыми прыжками проскочил с первого до шестого круга, на некоторых не задерживаясь и пары месяцев. И вот шесть лет назад он стал мастером шестого круга, получив возможность вживую увидеть Командора. Именно Командор, и только Командор имел право приобщить мастера к седьмому кругу. Но это был случай исключительный – в Гильдии обычно было не больше четырёх мастеров седьмого круга – по числу Цехов, и, как правило, в седьмой круг кого-то вводили лишь после того, как там освобождалось место. Это был своеобразный генералитет Гильдии, и Варан туда не особо стремился, понимая, что тогда о работе «в полях» придётся забыть. Сейчас Варану было только двадцать шесть, и он считался самым перспективным мастером всей Гильдии Теней.

Не обделили его боги не только талантами, но и внешностью. Смуглый тонкокостный красавец с горящими чёрными глазами и чёрными же, чуть выющимися волосами средней длины. По меркам Паэтты он был среднего роста – пять футов и восемь дюймов. Крупные ровные зубы казались идеально белыми на фоне смуглой кожи. Он не выглядел крупным, скорее наоборот, но его сила, ещё более опасная, поскольку ничто в его фигуре её не предвещало, была хорошо известна слишком многим.

И вот сейчас именно этот человек должен был разыскать Мэйлинн и вернуть её в *alma mater*. Самый опасный человек не только всего Латиона, но и, может быть, всего мира Паэтты. Охотник за головами, до сих пор не знавший поражений и провалов.

***

Варан задумчиво стоял на пороге дома Оливы. Рядом был его верный подмастерье Окорок. Окорок был уникальным малым – здоровый, словно медведь, и такой же сильный, он мог быть гибким и ловким как леопард. Но что более всего радовало в нём Варана – это то, что Окорок был нем с тех самых пор, как слуги одного весьма знатного сеньора вырвали ему язык раскалёнными щипцами.

Тогда Окорок был куда моложе и куда горячее. Однажды он возвращался в свою деревню, сидя на возу с сеном, когда сзади его догнал экипаж. Кучер стал кричать, чтобы Окорок свернул с дороги, но тот, весьма флегматичный и спокойный малый, продолжал ехать, будто ничего не случилось. Тогда из телеги выскочил какой-то хлыщ, который стал размахивать коротким хлыстом и кричать, брызжа слюной. И Окорок ответил. Что уж он там сказал – мы точно не знаем, но сеньор просто рассвирепел. Он подскочил к телеге и хлестнул Окорока по необъятной ляжке (за что тот и получил своё прозвище). Обиженный Окорок вырвал хлыст и ударил им обидчика по лицу. Что бы он с ним сделал дальше – так и останется загадкой, потому что на него, словно свора на медведя, налетело с полдюжины слуг, вооружённых дубинками. Сумятица вышла знатная, но силы были неравны. Окорока отделали так, что долгое время деревенский знахарь вообще весьма сомневался по поводу его выздоровления. Сначала сеньор хотел вообще прибить дерзкого колона, но не захотел иметь лишние неприятности. Однако же, за предрезостные слова, коими презренный смерд смертельно оскорбил благородного дворянина, тут же, на месте, не поленившись распалить костёр, его лишили языка.

Отлежавшись, Окорок направился на испытания в Гильдию Теней. Без малейшего труда справился с первым. Гильдия оценила потенциал парня, и вторым заданием было убийство. Причём того самого хлыща. Задание было с двойным дном. Мастера хотели посмотреть, как поведёт себя испытуемый. И Окорок справился блестяще. Он не оставил после себя изувеченного тела, моря крови и тому подобных проявлений своей мести. Нет – сеньор просто неудачно вылезал из большой бадьи, в которой принимал ванну, поскольку

нул, ударился головой о край и захлебнулся. Ни у кого не возникло даже тени сомнения относительно этой версии.

Варан употребил всё своё влияние, но сумел добиться того, что Окорок стал именно его учеником и не попал в Цех наёмных убийц. И с тех пор ни разу об этом не пожалел. Весьма скоро Окорок дослужился до подмастерья. Сказать по правде, его уже хоть сейчас можно было вводить в Круг мастеров, но нынешнее положение удивительным образом устраивало обоих – Окорок был лишён каких бы то ни было карьерных амбиций, а Варану было крайне жаль терять такого бесценного помощника.

Особенно Варану нравилось, что Окорок никогда его не перебивал, не докучал вопросами, не выдвигал идиотских гипотез. Он просто молчал и слушал. Многие люди в минуты раздумий любят разговаривать с собой. Варан делал точно так же, пока у него не было Окорока.

– Итак, вопрос номер один – кто этот простолюдин, который был с лиррой у госпожи магини, – обратился Варан к Окороку, но тот даже ухом не повёл, хорошо зная привычки мастера. Он понимал, что Варан сейчас, по сути, просто рассуждает вслух. – И это – очень хороший вопрос, хотя кто-то мог бы не придавать этому факту никакого значения. Но мы-то с тобой знаем, приятель, что мелочей не бывает. Откуда он взялся, и кто он – вот мой первый вопрос.

Варан потёр подбородок и стал медленно сходить с крыльца. Окорок тенью направился за ним.

– Второй вопрос. Куда направилась лирра после того, как оторвалась от погони. Надо бы найти стражников, которые принимали в этом участие и расспросить их, – Варан достал небольшой потёртый блокнотик и сделал пометку на первой странице. На первой, поскольку всякий раз, закончив задание, он вырывал исписанные листки. Причём не из соображений секретности. Для него это был своего рода ритуал освобождения памяти. Он не просто выбрасывал исписанные листки – он выбрасывал предыдущее дело из своей головы, чтобы в следующий раз начать новое буквально с чистого листа.

– Если она была с простолюдином, то логично предположить, что они постарались выбраться из Старого города. Возможно, направились к нему домой. Госпожа Нуаль сказала, что беглянка искала встречи со старшими магинями. Значит, ей что-то нужно в городе. Однако, логично предположить, что после такого приёма, который она получила в этом доме, к другим магиням она не сунется. Что она будет делать дальше? И кто, во имя всех джиннов пустыни, этот простолюдин?

Поиски надо с чего-то начинать. Сейчас в блокноте Варана, кроме имени беглянки, кое-каких примет и ещё нескольких одному ему понятных закорючек, было лишь два слова. «Простолюдин», обведённое жирным кругом и с восклицательным знаком рядом, а также «стражники». Что ж, второе было значительно проще, поэтому он отправился в одну из штаб-квартир, принадлежавших Цеху охотников за головами.

– Позовите мастера Тесака, – бросил Варан, входя в залу, где находилось несколько учеников, этаких мальчиков на посылках. Один из них тут же сорвался с места и взбежал по лестнице на второй этаж.

– Я вам нужен, мастер Варан? – вскоре раздался оттуда хриплый простуженный голос.

– Как и всегда, мастер Тесак, – проговорил Варан. – Я попрошу вас отправиться в кордегардию городской стражи и разузнать, кто из стражников участвовал в облаве на лирру в Старом городе девятого увиллия. Затем нужно поговорить с каждым из них и выяснить любые подробности. Где их потеряли, куда они могли бы двигаться. Были ли они по-прежнему вдвоём, или лирра оставалась одна. Ну, не мне вас учить.

Мастер Тесак молча поклонился и вышел.

– Кто этот простолюдин? Откуда он взялся? – Варан вновь обратился якобы к Окороку. Он сел в кресло, закинув ногу на ногу, и подпер голову рукой. В таком положении он собирался провести довольно длительное время, поскольку заметил, что для плодотворной работы его мозга необходим полный покой его тела.

– Если уважаемый мастер позволит обратиться... – робко начал один из учеников.

– Если по делу, то позволит, – кратко ответил Варан.

– В тот день, девятого увиллия, произошло ещё одно несколько странное событие. Возможно, оно как-то связано с вашим делом.

– Ближе к делу, любезный, – подстегнул Варан.

– В этот же день один из соискателей в Гильдию провалил вступительное испытание недалеко от города. Он был схвачен, и селяне уже собирались его повесить, как вдруг на них налетел целый рой шершней, отчего они были вынуждены спастись бегством. А парнишка исчез.

– Где это было? – Варан стал похож на гончую, взявшую след.

– Деревня Пыжи, милях в пяти-шести от Латиона.

– Значит, на людей ни с того ни с сего напал целый *рой* шершней? – уже больше для самого себя повторил Варан. – А разве шершни роятся?

– В том-то и дело, уважаемый мастер. Как я уже докладывал, это довольно странное событие. Похоже, что была задействована магия.

– Готов заложить своё месячное жалование, что этот растяпа – и есть наш простолюдин! – с лёгким возбуждением обратился Варан к Окороку. Тот, как обычно, невозмутимо промолчал. – Наверняка ведь о нём предварительно собрали сведения? – обратился он к ученику.

– Думаю, да, – ответил тот. – Но если сведения и сохранились, то они будут только в канцелярии.

Канцелярия Гильдии располагалась в Деловом квартале под прикрытием небольшой нотариальной конторы. Варан не видел никакой проблемы, чтобы прогуляться туда. Ему нравилось ходить пешком.

– Пошли, – кратко сказал он Окороку.

Сама канцелярия представляла собой довольно небольшую тёмную комнатку. Попасть в неё можно было только через контору, если, конечно, посетителя знали в лицо охранники и парочка... в том числе – и нотариусов тоже. В самой комнатке всё ещё было жарко и душно, хотя в последние дни погода резко изменилась.

– Да, у нас есть такая информация, – ответил Варану самого благодушного и респектабельного вида человек. – Мы собираем информацию о каждом соискателе. Вон, в том шкафу, второй ящик сверху – это дела провалившихся соискание. Дело того чудика будет лежать на самом верху.

Варан вынул то, что канцлер громко именовал делом. Обычный, сложенный вчетверо лист бумаги. Внутри – кое-какие сведения типа адреса, состава семьи и иных пометок. А снаружи большими буквами выведено: «Бин Танисти».

Варан бегло пробежал глазами содержимое:

– Ага... Складской квартал... Мать, отец, две сестры и брат... Не женат... Грузчик... Спасибо, господин канцлер, вы мне очень помогли, – поклонившись, Варан вышел, не забыв вернуть листок на место.

Вернувшись назад в штаб-квартиру, Варан обратился к тому самому ученику, который с ним заговорил:

– Спасибо, ваша информация мне очень помогла. Будьте уверены, я не забуду сообщить об этом вашему наставнику, – ученик покраснел от удовольствия – шутка ли, сам Варан хвалит! – Но я попросил бы вас ещё об одной услуге. Отправляйтесь в Складской квартал,

найдите там кого-нибудь из наших осведомителей, кто хорошо знаком с семейством Танисти. Пусть наведаются к ним в гости и постараются ненавязчиво выведать – не видели ли они какой-нибудь лирры в последнее время, и где сейчас находится их сын Бин. Желательно, чтобы это была какая-нибудь женщина. Причём результат мне нужен как можно скорее.

Ученик вскочил, всем своим видом источая усердие, и, резко кивнув головой, рванул наружу. Роем землю, рвётся вверх, – подумал Варан. Вряд ли из него получится хороший охотник. Хотя... В голове не пусто, может, ещё не всё потеряно.

Сейчас Варан позволил себе слегка надеяться на то, что лирра каким-то чудом окажется довольно глупа, и будет до сих пор скрываться в городе. Тогда есть шанс, что она может быть у этого недоумка Танисти. Правда, эту вероятность Варан всё же отметал. Ну не может лирра из одного из величайших родов Айрига, всю свою жизнь сладко евшая и мягко спавшая, поселиться в каких-то городских трущобах. Неясно, правда, пока ещё – что связывает лирру из Наэлирро и посредственность вроде этого грузчика Танисти. Но скорее, всё-таки, если лирра и скрывается в городе, то искать её нужно в гостиницах.

Понятное дело, это не будут гостиницы высшего уровня. Огласка лирре ни к чему. Вообще маловероятно, что она поселится в черте Старого города, где умудрилась так на шуметь. Но и селиться в занюханных кабаках на соломенном тюфяке она тоже не станет.

– Господа, – обратился Варан к притихшим ученикам, старающимся ничем не помешать столь именитому мастеру. – У меня будет задание для вас. Соберите пару десятков учеников – можно даже из других Цехов, благо мой мандат мне это позволяет, – и прочешите все мало-мальски приличные гостиницы в черте города. Только без лишнего шума, чтобы никто ничего не заподозрил. Ищите, не проживает ли в одной из них юная лирра, или не проживала ли в последние восемь дней. Скорее всего, она будет не одна. С ней будет молодой парень – длинный и светловолосый, зовут Бин Танисти. Саму лирру зовут Мэйлинн Айрига. Если что-то накопаете – во имя всех богов не поднимайте шум! Просто как можно скорее уведомите меня. Я останусь здесь и не покину этого здания до тех пор, пока что-то не найдётся, либо пока не будет проверен последний постоялый двор. Не жалейте денег – все ваши издержки возмещу лично я сам.

Уже через несколько секунд в комнате остались лишь Варан и Окорок.

Глава 16. Погоня

Ученик, посланный в Склады, вернулся даже раньше, чем ожидал Варан. Действительно, благодаря тщеславию Бина, половина грузчиков видела его в обществе лирры. Более того, уже несколько дней Складской квартал гудел, обсуждая новость, которую младшая сестрёнка Бина Нара по смертельному секрету рассказала своей лучшей подружке. Естественно, вскоре этот секрет был известен самой последней шелудивой собаке квартала. Люди горячо обсуждали, что Бин Танисти собирается жениться на лирре. Конечно, подавляющее большинство только посмеивалось над этой нелепостью. Остальные же разделились на три неравных лагеря. Большая часть (в основном, мужчины) говорили, что это – его личное дело, что он – мужик, и сам разберётся, что к чему. Вторая по численности группа, состоявшая в основном из подружек Нары и других девочек примерно её возраста, с придыханием и закатыванием глаз щебетали о любви до гроба, о романтике и непреодолимых препятствиях, которые разобьёт вдребезги юный рыцарь. И небольшая, но весьма шумная третья группа, преимущественно состоящая из старых кумушек и всевозможных ханжей, громко и с надрывом вздыхали, восклицая: «Куда катится этот мир?». Наиболее оригинально выразилась одна прачка, известная всему кварталу своей склочностью: «Если бы Арионн хотел этого брака, он создал бы лирр людьми!».

От той же Нары стало известно, что Бин и Мэйлинн отправились в какое-то путешествие, «но, вернувшись, уж точно поженятся!». Так что всю нужную информацию удалось получить от первого же спрошенного осведомителя, не прибегая ни к каким сложностям. Счастливый ученик вернулся в штаб-квартиру и обо всём подробно рассказал мастеру Варану.

Надо сказать, Варан был настолько уверен в своей правоте, что не испытал даже особой радости от того, что его выводы подтвердились. Если «логично предполагать», по любимому выражению самого Варана, то всегда можно думать на шаг, а то и два вперёд. Так что теперь он, подобно рыбаку, раскинувшему сразу несколько сетей, терпеливо ждал, что же в них попадётся. И почти не сомневался, что что-то попадётся наверняка.

Так и есть. На следующий день (как и обещал, Варан по-прежнему пребывал в штаб-квартире, и даже почти не сходил со своего кресла) один из учеников, принадлежащих Цеху воров, появился на пороге и сообщил, что зацепка найдена.

– Это в районе Доков, мастер, – почтительно, даже немного робко сообщил немолодой уже мужчина – либо лишь недавно решивший начать новую жизнь, либо совсем бесперспективный, – Гостиница под названием «Предел мечтаний».

– За мной, – кинул Варан Окорку, незаметно и недвижимо стоящему в углу. Мимоходом мастер даже подумал: а что было бы, если бы ожидание затянулось на несколько дней? Успел бы Окорок покрыться пылью, или нет? – Вы тоже, – добавил он стоящему навытяжку ученику.

До района Доков было недалеко, и уже через четверть часа быстрой ходьбы Варан добрался до нужной гостиницы. Окорок и ученик-вор остались у входа, а Варан под видом постояльца (ни к чему лишний шум поднимать) приобрёл самый дорогой номер на целую неделю вперёд. Естественно, обезумевший от радости хозяин лично сопровождал столь дорогого – в прямом смысле – гостя.

– Присядьте, любезный хозяин, – попросил Варан, указывая хозяину на кровать. Сам же он остался стоять.

Хозяин растерянно посмотрел на странного постояльца.

– Прошу, садитесь, – повторил Варан. – Я не отниму у вас много времени. Более того, сразу после нашего разговора я покину гостиницу, оставив вам как плату за номер, так и право сдавать его по вашему усмотрению.

Тут хозяин, вероятно, смекнул, кто перед ним, связав появление странного щедрого господина с недавним разговором с человеком из Гильдии. С выражением готовности выполнить любую прихоть постояльца, хозяин плюхнулся на кровать.

– Скажите, любезный хозяин, – начал Варан. – Останавливалась ли в вашей гостинице восемь дней назад некая юная лирра в компании молодого человека?

– Да, так и есть, милостивый государь, – закивал хозяин. – Я так и сказал вашему человеку. Только юная лирра была в компании *двух* людей. Один действительно ещё молод, очень худой и длинный. А второй – другое дело. Во-первых, он гораздо старше их обоих – лет около сорока. Во-вторых, он весьма велик телом и, наверное, очень силен. И он показался мне весьма опасным человеком.

– Не затруднит ли вас, любезнейший, принести книгу регистрации? Я хотел бы взглянуть на их имена.

Хозяин буквально растворился в воздухе, и спустя короткое время возник вновь, держа в руках большой грессбук.

– Вот, милостивый государь, извольте видеть, – старик судорожно перелистнул пару страниц и ткнул в бумагу искривлённым артритом пальцем.

Варан взял грессбук и посмотрел туда, куда указывал хозяин. Первое, что бросилось ему в глаза, было имя «Бин Танисти», выведенное большими, корявыми, словно ребёнком написанными буквами. Имени «Мэйлинн Айрига» он не нашёл, да и не рассчитывал на это. Там была зарегистрирована некая Кандилия Палли, но у Варана даже тени сомнения не возникло в том, кто скрывается под этим именем на самом деле. А между этими двумя именами сильной уверенной рукой было выведено «Сан Брос». Неспешно вынув из кармана блокнот, Варан на всякий случай записал себе это имя, хотя оно уже впечаталось в его память... ровно до окончания этого дела.

– Как долго пробыли у вас эти люди? – Варан не знал, как по-другому обозначить группу из двух людей и одной лирры. – И куда они отправились?

– Пробыли они один день, – с готовностью ответил старик. – Ввалились ко мне уже поздно ночью, часа через два после полуночи. А уехали незадолго до заката.

– Уехали? – переспросил Варан.

– Днём здоровяк и тощий надолго отлучились, и вернулись с четырьмя лошадьми, а также при оружии.

– Четыре лошади на троих, и оружие... – пробормотал Варан. – Стало быть, они собирались в долгое путешествие? Они не говорили, куда направляются?

– Нет, они об этом не распространялись, милостивый государь, – с сожалением произнёс хозяин.

– А в какую сторону отъехали?

– О, этот вопрос куда проще! – просиял хозяин от того, что в чём-то мог оказаться полезным. – Они направились вдоль по улице туда, – махнул он в южном направлении. – Прямо вдоль набережной.

– Спасибо, любезный хозяин, – в руках Варана сверкнула серебряная монета. – Вот, примите за то, что я оторвал вас от работы. Кроме того, ещё раз напоминая, что вы вольны распоряжаться этой комнатой как посчитаете нужным – мне она без надобности.

Старик рассыпался в благодарностях. Он гнул свою негнущуюся спину, прижимал к груди руки и только что не валился на колени. Непрестанно уверяя Варана в своей безграничной преданности, он семенил за охотником до самой входной двери, которую же и открыл сам перед мастером Гильдии Теней.

– Я попрошу вас, сударь, взять нескольких человек и пройти по набережной вдоль Труона, расспрашивая, не видел ли кто неделю тому назад трёх всадников на четырёх лошадях, – обратился Варан к ожидавшему его ученику. – Насколько я помню, в этом направлении можно попасть к Висельным воротам?

– Собственно говоря, можно попасть и к Весёлым, и к воротам Браха Победителя, да и ко всем остальным, если покрутиться, но вы правы – ближе всех будут Висельные ворота, – ответил ученик.

– Опросите стражников у Висельных ворот, не видели ли они нашу лирру. Куда можно направиться через Висельные ворота?

– Опять же – куда угодно, мастер. Особенно ежели запутываешь следы. Там идёт южный тракт, но он пересекается множеством дорог, так что можно оказаться и на востоке, и на западе, и на юге. Да и на север попасть не мудрено.

– Что-то я сомневаюсь, что они станут запутывать следы, – покачал головой Варан. – Мне кажется, они не ожидали погони.

– Тогда они направились либо на юг, что вероятнее всего, либо на восток, – пожал плечами ученик.

– Вы слишком много разговариваете, любезный, – с некоторой неприязнью процедил Варан. Всё-таки ему больше нравилось общаться с Окором. – В общем, выполняйте задание: двигайтесь по ближайшему пути к Висельным воротам, опрашивая стражников, торговцев, в общем – всех, кто много времени проводит на улице. Выйдя из Висельных ворот, не поленитесь проехать несколько миль, а лучше – лиг, расспрашивая хозяев постоянных дворов и трактиров. Уверен, что следы разыщутся. А размышления оставьте мне. Где меня найти – вы знаете. Ах, да! И ещё одно... – окликнул он уже повернувшегося мужчину. – Попросите, пусть кто-то разузнает всё, что возможно, о человеке по имени Сан Брос.

Ученик поклонился и поспешил исчезнуть.

– Ну что, дружище Окорок, – парочка двинулась назад к штаб-квартире. – Неужели ты тоже считаешь, что они запутывают следы? Нет-нет, друг мой, по моему опыту люди, путающие следы, ведут себя не так... гм... вызывающе. Значит, они действительно собирались ехать именно через Висельные ворота, и именно туда, куда ведёт дорога от Висельных ворот. А куда она ведёт? На юг? Ты прав, этот ответ напрашивается просто сам собой, – хотя Окорок, естественно, не проронил ни звука и даже не реагировал на речи мастера, просто двигаясь рядом с абсолютно каменным лицом. – Но я думаю, что ты ошибаешься – при всём моём к тебе уважении. Потому что если бы им было нужно на юг, они просто наняли бы лодку и поплыли бы по Труону. Это было бы куда проще и дешевле, чем покупать четырёх лошадей. Да и вряд ли лирра захочет опять объявиться вблизи Наэлирро, а юго-запад Латина – это их зона влияния. Так что – нет, любезный мой Окорок, что бы ты мне не говорил, но юг – это неверное направление.

Окорок слегка улыбнулся и кивнул.

– Тогда, скорее всего, остаётся только восток. Через Заречный квартал они ехать не решились – хоть на это хватило их благоразумия. Ближайший мост выше по течению будет лигах в пяти, но не думаю, что они будут делать такой крюк. Скорее всего, переправятся на каком-нибудь из ближайших паромов. Уверен, что этот умник вскоре мне об этом и сообщит. Хотя... Зачем нам ждать их, любезный мой подмастерье? Пока они обрышут все улицы до ворот, может миновать день. Не хочешь совершить небольшую поездку за город?

Окорок лишь немного наклонил голову в знак согласия.

– Ну и отлично. Тогда пойдём, возьмём себе лошадей. Обещаю, что поездка не будет долгой.

Лошади для одного из самых влиятельных членов Гильдии нашлись быстро – не пришлось даже возвращаться в штаб-квартиру. И не прошло и четверти часа, как охотники уви-

дели хижину паромщика. Тот, приняв из рук Варана доррин (более мелких монет у мастера просто не было), охотно подтвердил, что недавно (да-да, сударь, ровно как седмица тому!) перевёз на другой берег трёх путешественников, в числе которых была лирра.

– И куда ведёт дорога на том берегу? – осведомился Варан.

– Дак она идёт только до Колионской дороги, – отвечал паромщик.

Варан слегка покачал головой. Значит, Колионская дорога... Пора собираться в путь.

***

Варан тщательно упаковал свой небольшой мешок. Ещё тщательнее он подошёл к выбору оружия. Длинный, полуторафутовый кинжал, шесть метательных ножей и полуторный меч, который Варан носил за спиной по обычаю воинов его родины. Также молча и сосредоточенно собирался в дорогу Окорок. Кроме того, Варан решил взять с собой ещё четверых охотников за головами, причём всё – мастера, пусть и первого-второго круга. Выходило шестеро опытных воинов – по два человека на каждого беглеца. Не то, чтобы Варан так всерьёз воспринимал своих противников, но всё же среди них была магиня, которую, к тому же, требовалось захватить живьём и провезти почти через всю страну.

– Мастер Варан, – прервал его сборы вошедший ученик. – Тут человек, у которого есть информация о Сане Бросе.

– Я сейчас спущусь, – кинул через плечо Варан. Сборы практически завершены – зачем прерывать их из-за какого-то оборванца.

Однако, внизу оказался не оборванец. Вполне прилично одетый, подёрнутый жирком благополучия, разве что одно плечо выше другого. Варан знал этого человека. Его считали (и он сам себя считал) довольно крупной рыбой в городских трущобах. На самом деле, конечно, он целиком и полностью контролировался Гильдией, точнее, работал в жёстко отведённых ему рамках, за которые не мог бы выйти безнаказанно, кем бы он там себя не считал.

– Тан Горбун, – не спрашивая, а утверждая обратился к нему Варан.

– Так точно, мастер Варан, – согнулся в почтительном поклоне посетитель.

– Вы знаете меня? – удивление было лёгким, но всё же несколько неприятным.

– Ваша слава идёт впереди вас, милостивый государь, – льстиво улыбнувшись, ответил Горбун. – Каждый уважающий себя человек знает имя мастера Варана.

– Значит, мне пора на пенсию, – процедил сквозь зубы Варан и улыбка Горбуна вдруг потухла. – Вы хотели что-то сообщить мне о человеке, называемом Саном Бросом?

– Именно так, хотя я не совсем понимаю, как такой отброс может заинтересовать...

– А вот об этом уже позвольте судить мне! – резко осадил Горбуна Варан. – Ваше дело – изложить информацию, получить награду и уйти.

Варан нарочно говорил с Горбуном самым презрительным тоном, который он никогда не позволял себе в отношении даже самого последнего ученика Гильдии. Но Горбун был ему инстинктивно неприятен. Даже отвратителен. И поэтому Варан решил включить строгого и недостижимого для простых смертных мастера на полную катушку. Надо сказать, Тан Горбун сразу почуял, что в данном случае ему нужно держаться тише воды и ниже травы. У него было обострённое чувство самосохранения, без которого, наверное, и невозможно было бы дожить до его положения.

– Я понял вас, мастер, – низко склонил голову Горбун. – Прошу прощения за мою несдержанность, и готов отвечать на любые вопросы.

– Мой первый вопрос – кто такой этот Сан Брос? – ледяным тоном осведомился Варан.

– С вашего позволения он – никто, – с нескрываемым презрением ответил Горбун, но видя, что лицо Варана вновь темнеет, поспешно продолжил. – Кол... Простите, милостивый государь, я хотел сказать – Сан Брос... Просто его так никто не зовёт, с вашего позволения. Все называют его Колом. Так вот, Сан Брос – самый обычный пьянчуга, которых тьма в

нищих кварталах. Он должен мне около трёх доров, но отдать их не может, поскольку его дело прогорело. В прямом смысле слова, – хихикнул было Горбун, но тут же принял самый строгий вид, едва взглянув на хмурого Варана. – Вообще-то он из бывших военных, и я как-то брал его работать на меня. Силы и ума у него не отнять, кабы он не глушил их вином. В общем, мы с ним не сработались...

– Из бывших военных? – Варан не давал Горбуну отклониться от намеченной линии разговора.

– Точно так, милостивый государь. Видите ли, он даже был одно время паладином королевской гвардии, но был уволен за дебоши и пьянство. Хотя он не особенно любил распространяться на эту тему.

– Паладин... – задумчиво протянул Варан. – Видишь, друг Окорок, у нас появился ещё один достойный соперник. А ты ещё сомневался – стоит ли брать целых четверых мастеров...

Окорок, который даже если в чём-то и сомневался, то никогда об этом не говорил, лишь слегка искривил губы, дав понять, что слышал, что к нему обратились.

– Паладин, – с готовностью подтвердил Горбун. – А до того он служил в Седьмом Коррэйском. Дослужился до командира когорты. Об этом он как раз очень любил поговорить, когда перебирал, то есть почти каждый день, – на этот раз сутенёр позволил себе лишь улыбку.

– Седьмой Коррэйский... Славный легион! Дослужиться в нём до центуриона – дорогого стоит, а, Окорок? Может, ещё парочку мастеров возьмём на всякий случай?

Окорок молчал, уставившись в одну точку.

– Ты прав, пожалуй... Я тоже думаю, что вшестером мы вполне справимся. Один ты, друг мой, стоишь трёх центурионов! Но вообще сведения эти будут нелишними. Будем считать, что у нас два весьма серьёзных противника...

– Это Кол-то – серьёзный противник? – хохотнул, не сдержавшись, Горбун. – Да мои ребята чуть не каждый день отделявали его, как котлету. Конечно, пару раз не обошлось без разбитых носов и сломанных рук, но в последнее время он почти и не сопротивлялся.

– Ты плохо разбираешься в людях, Горбун! – голос Варана вновь налился металлом. – Я вообще весьма удивлён, что при такой некомпетентности ты до сих пор не плаваешь кверху брюхом где-нибудь ниже по течению Труона, – Горбун побледнел как смерть и даже пошатнулся, едва устояв на ногах. – Даже из твоего глупого клёкота я уже понял, что за человек этот Сан Брос. Он – человек чести. И если он позволял себя бить твоим отморозкам, то лишь только потому, что считал их *вправе* это делать.

– Да, вы совершенно правы, мастер Варан, – посиневшими губами пролепетал Горбун.

– Ну что ж, господин Горбун, – резко меняя тон, продолжил Варан, но почему-то от этой медоточивости в его голосе Горбуна затрясло. – Спасибо вам за оказанное содействие. Примите эту награду, – Варан швырнул под ноги шестёрки серебряный дор, хотя не так давно он из рук в руки передал монету простому паромщику. – И оставьте нас. Если мы вами *заинтересуемся*, вы об этом узнаете, – с леденящей улыбкой закончил он.

Горбун чисто автоматически подобрал монету и на негнущихся ногах выскочил на улицу.

***

Они выехали в тот же день, под вечер. Все шестеро – на саррассанских скакунах. Варан, естественно, на чёрном.

– Я думаю, господа мастера, что наша цель стремится попасть в Пунт, – перед отъездом объявил Варан. При этом обращении никто из присутствующих не изъявил ни малейшего неудовольствия, хотя Окорок не был мастером. Однако все знали, что он давно заслужил это

звание, и мастера низших кругов давно относились к нему как к равному. – Зачем ей это нужно, я сказать не могу, да это и не важно. Важно другое – не дать ей пересечь Анурские горы. Будет лучше всего, если мы захватим её на территории нашего славного королевства. Слава всем богам – местность для этого будет более чем подходящая. В нашу пользу играет тот факт, что из Латиона к Танийскому перевалу лежит лишь одна дорога, так что нам нужно всего лишь двигаться быстрее нашей цели и перехватить её без лишнего шума. Сколько, по вашему, времени нужно, чтобы добраться до перевала?

– При хорошей погоде и имея сменных лошадей – неделя, – ответил мастер второго круга Дор. – Не имея смены лошадей – не менее десяти дней. По такой погоде, учитывая, что дороги размыты дождями – минимум две недели.

– Сменных лошадей нам взять будет негде. Во всяком случае, приличных лошадей, – ответил Варан. – Но наша цель находится в таком же положении. Кроме того, она, судя по всему, не слишком опасается погони, поэтому будет двигаться достаточно медленно. Так что, я думаю, что им для достижения перевала понадобятся все пятнадцать, а то и двадцать дней. Не будем забывать, что они попали в самую грозу, и неизвестно, сколько дней потеряли из-за этого. Так что будем поспешать не торопясь. Нужно беречь наших лошадей и беречь силы для операции. Среди этой троицы двое, на мой взгляд, весьма опасны – сама лирра и старший, по имени Сан Брос. Он – бывший паладин, а до того – центурион Седьмого легиона. Имейте это в виду. Третий, скорее всего, совершенно не опасен. Однако не нужно недооценивать никого из них.

Коротко кивнув, мастера вскочили в сёдла и отправились в путь. Им не было нужды прятаться, поэтому кавалькада пронеслась по улицам Заречного квартала и через Восточные ворота сразу вышла на Колионскую дорогу. Таким образом, им не пришлось делать крюк, который до того были вынуждены сделать наши герои.

***

Преследователи двигались более ходко, чем их жертвы. Они проскакали почти всю ночь, затем остановились на несколько часов отдохнуть и поспать, и снова продолжили путь. Таким образом, уже во второй половине следующего дня они достигли печально известного нам постоянного двора.

– Мастер Двенадцатый, – осаживая коня, обратился Варан к одному из спутников, на несколько лет моложе его мастеру первого круга, который всегда всем рассказывал о своей маменьке, которая родила и подняла на ноги шестнадцать детей. «Я у неё был двенадцатым сыном!» – выпив, стучал себя в грудь мастер Двенадцатый. В итоге и мудрствовать над прозвищем он тоже не стал. – Пожалуйста, справьтесь у хозяина этого постоянного двора о нашей цели.

Мастер соскочил с лошади и направился внутрь. Прошла пара минут, но его всё не было.

– Господа, наверное, нам стоит проверить, куда пропал наш коллега, – спрыгивая с лошади, сказал Варан. Все последовали его примеру.

Они уже почти подошли к двери, когда из них вышел мастер Двенадцатый.

– Трактир пуст, мастер Варан, – растерянно разведя руками, пробормотал он. – Видимо, несколько дней назад тут была хорошая драчка.

Мастера Теней вошли в тёмное помещение. Их встретил неприятный и хорошо знакомый запах: запах застарелой, плохо замытой крови.

– Зажгите лампы, – распорядился Варан, мягко ступая в сторону стойки. Его меч бесшумно выскользнул из ножен.

Загорелись несколько ламп и из мрака выступили следы прошедшей битвы. Поваленная мебель, валяющиеся на полу тарелки и кувшины, куски окровавленных тряпок. В

нескольких местах опытный глаз Варана разглядел тёмные пятна на полу, не оставляющие сомнений в их происхождении.

– Что-то мне подсказывает, что здесь побывали наши друзья, – бормотал Варан скорее самому себе. – Должно быть, они нарвались на неприятности. И немудрено – места тут дикие, лирр здесь явно недолгоблiviaют. Неужели они были так беспечны?.. Или это было ограбление?.. Собственно, неважно. Важно другое – чья это кровь и что случилось с лиррой. Господа, – обратился Варан к остальным. – Я прошу вас обыскать сверху донизу этот трактир и отыскать любые следы, которые помогли бы нам чётче установить картину случившегося.

Пять безмолвных теней исчезли в полумраке. И почти сразу же откуда-то раздался голос:

– Есть! Сюда!

Варан отправился на голос, и оказался в одной из комнат для постояльцев. На пороге стоял звавший их мастер, рядом уже сосредоточились несколько подоспевших людей. Варан вошёл в комнату. Запах там стоял самый отвратительный – запах перегара, грязного тела и человеческих испражнений. А на грязной, испачканной кровью, смятой постели лежал человек с ногой, перевязанной кровавой тряпкой. Он был смертельно пьян – повсюду валялись пустые бутылки.

– А вот ещё один, – проговорил подходящий мастер Дор, толкая перед собой ещё одного, не менее пьяного субъекта. У этого малого был знатный шрам через всё лицо. Странно, подумал Варан, при таком ранении он должен был бы валяться в горячке, а ещё скорее – умереть. Однако, шрам выглядел так, будто рана была нанесена уже довольно давно, и уже заживала. Должно быть, хватанул её в какой-то другой стычке месяцем раньше.

– Давайте обоих в общую залу, – распорядился Варан. – И приведите их в чувство. Мне нужно задать им пару вопросов.

Парня с рубцом усадили на лавку – он хотя бы был в сознании. Второго, калеку, уложили на стол и окатили водой из бадьи. Помогло – тот открыл глаза и весьма недовольно стал кричать о том, что он думает по этому поводу.

– Что здесь произошло? – спросил Варан тихим ровным голосом, не обращаясь конкретно ни к одному из раненых.

– А ты вообще кто такой тут? – приподнявшись на локтях, выкрикнул тот, что с перебинтованным коленом.

– Господин Окорок, прошу вас, – тихонько сказал Варан.

Окорок, постояв секунду и окинув лежащего перед ним человека взглядом, каким художник оценивает объём предстоящей работы, вдруг стремительным движением схватил и крепко сжал окровавленное колено наглеца. Нечеловеческий вопль коротко метнулся по тёмной зале, и одноногий, как его про себя называл Варан, потерял сознание. Однако второй, со шрамом, словно бы внезапно протрезвел, вскинув голову и тревожно глядя на неожиданных гостей.

– Мне повторить вопрос? – мягким, кошачьим голосом спросил его Варан.

– Н... Не надо, в-ваша честь... – заикаясь то ли от страха, то ли от опьянения пролепетал парень. – Я в-всё ск... кажу...

– Тогда тебе лучше бы уже начинать, – не меняя тона, проговорил Варан, а Окорок одним плавным движением вдруг оказался за спиной Шрама (для простоты Варан решил называть его так).

– Несколько дней назад... сколько точно – не скажу... гроза ещё была... здесь появились трое... два парня... и лирра... – сбивчиво, задышавшись, начал Шрам. Варан переглянулся с остальными. – Они... хотели переждать... грозу... комнату заказали... но Кабан... решил их пощипать... они при деньгах были...

– Кабан – это?.. – начал мастер Двенадцатый.

– Хозяин притона, он же вожак, – оборвал Варан. – Это не имеет отношения к делу. Продолжай, друг мой.

– М-мы... напали... лиррка пригрозила колдовством... но Марушка... сказала... что лиррка – не магичка...

– И сколько вас было? – поинтересовался Варан.

– Нас было... восемь человек, ваша честь... ежели с Марушкой считать.

– Что случилось с лиррой?

– А что с ней... станется... она – дьяволица... уложила троих наших... прежде чем нам удалось с ними... переведаться...

– Магией уложила?

– Зачем – магией?.. Из самострела... Потом они спрятались... в кладовке... Марушка их выкурила... каким-то своим снадобьем... ну и понеслось... Меня вон лиррка ножиком по морде чиркнула... и я больше ничего не помню... А только Змареку потом рассказывал, – кивнул Шрам в сторону распластанного Одноногого. – Что лиррка и Марушку порешила... а потом и Кабана завалила... из самострела...

– Ты хочешь сказать, что одна лирра убила пятерых ваших? – Варан ещё более выразительно посмотрел на окружающих.

– Так и было... ваша честь...

– А что же мужчины?..

– Да мелкий-то... он вообще не знает, каким концом нож-то держать... я б его порешил в момент, кабы не лиррка проклятая... А здоровый... Он-то Змареку коленку развалил... Потом с Кабаном рубиться стал, да только без лиррки-то не одолел бы Кабана...

Варан слегка пожал плечами. Он был, признаться, весьма удивлён. Если бы ему сказали, что Брос порезал всю эту шайку, он бы не удивился нисколько. Паладинами просто так не становятся, и Варан не сомневался, что Брос смог бы справиться и с вдвое большим отрядом подобного отребья. Но то, что он услышал, очень удивляло. А Варан не любил удивляться.

– А где же ваш восьмой? Вас же было восемь, как ты сказал?

– Да Корж, скотина, сбежал... как жареным запахло... Так больше тут и не показывался... сидит, небось, под юбкой жёнки своей прячется...

– Мне кажется, ты что-то темнишь, друг мой, – неожиданно надвинувшись на сжавшегося в комок Шрама прошипел Варан. – Твоему шраму – месяц самое меньшее, а то и больше! Так зачем ты говоришь, что это лирра тебя порезала?

– Да подавиться мне своим языком, если вру! – заныл Шрам. – Как есть – лиррка меня и распорол... Уж потом, после заварухи, здоровый тот вообще сказал... что я не жилец... Тогда лиррка рожу мою чем-то полила, и боль прошла... И рана стала заживать быстро... Она и Змареку коленку мазала...

Варан быстрым движением сорвал кровавую тряпку с колена лежащего Змарека. Да уж, нехорошая рана... Колено раздроблено, наверняка, куча осколков осталось... Военный лекарь бы уже давно ногу отнял бы, не думая... Но здесь было что-то странное. Да, рана выглядела плохо, но *должна была* выглядеть ужасно. За прошедшее время, без ухода, она уже должна была начать гнить. Здесь же всё выглядело так, словно за ней постоянно ухаживали. Никаких следов гангрены, даже гноя не так, чтобы много.

– Какой замечательный эликсир! – прокомментировал Варан. – Прямо-таки – бесценный эликсир. Удивительно, что она потратила его на двух таких никчёмных людишек...

– Да... я тоже не ожидал такого от лиррской ведьмы... – прошептал Шрам. Было видно, что против своей воли он всё-таки чувствует благодарность к ней.

– Ну и что было дальше? – вернулся к допросу Варан.

– Дальше они похоронили... наших мертвяков, переночевали...

– Здесь переночевали? – изумился Варан.

– Ну да... На улице лило как из ведра, и здоровяк сказал, что лучше остаться тут. Они переночевали в одной из комнат. Нас положили в другую, и лиррка... ухаживала за нами... весь вечер... – по лицу Шрама прошла очередная судорога.

– Беспечны до идиотизма... – прошептал Варан. – Значит, на следующий день они уехали?

– Точно так... Ливень всё не прекращался, но утром они сели на лошадей и поехали дальше.

– Куда? – на всякий случай спросил Варан, хотя наверняка знал ответ.

– Они говорили, что едут в Колион.

– Ну что ж, – Варан встряхнулся и его подчинённые тотчас же встрепенулись тоже. – Не будем больше отнимать ваше драгоценное время. Упивайтесь до смерти дальше. Удивительно, друг Окорок, как люди совершенно не ценят такой бесценный дар, как жизнь... Вот эти два недоумка получили второй шанс, которого они не заслуживают. И как они употребили его? Целую неделю беспробудно пьют. Даже почти не едят. Бьюсь об заклад, что ещё через неделю здесь останутся только два гниющих трупа. А местные жители, кажется, сюда давненько не заходят... Ну да не будем философствовать на пустом месте, – одёрнул он сам себя. – На коней, господа! Охота становится всё интересней.

Глава 17. Симмер

Прошедшая с момента выезда из Колиона неделя протекала вполне благоприятно. Несколько раз накрапывали небольшие дожди, но в целом погода была благосклонна к путникам. Неприятных встреч, подобных той, что произошла в «Двух петухах», больше не случилось, да и в целом край выглядел практически безлюдным. Последняя деревня встретилась около трёх дней пути назад. В общем, наши друзья неплохо проводили время в разговорах. За это небольшое, казалось бы, время они стали друзьями не разлей вода. Каждый из них уже смутно вспоминал, как жилось раньше, без остальных. Конечно, дорога была плохой, есть приходилось предусмотрительно запасённую солонину, но это мелочи. Так что путешествие вполне могло бы сойти за увеселительную прогулку, если бы не одно «но». За эту неделю у Мэйлинн случилось два припадков. Причём оба произошли в последние три дня. И каждый был пусть ненамного, но продолжительнее предыдущего. Мэйлинн всё больше мрачнела, хотя друзья, как могли, поддерживали её, пытались развеять тёмные мысли.

Сейчас же, с началом Симмерских болот, вблизи от самого озера Симмер, самочувствие лирры ещё больше ухудшалось. Вернёмся в тот самый день, когда мы оставили нашу троицу в непосредственной близости от Симмерских болот.

Мэйлинн сегодня тревожилась куда больше обычного. Время от времени она резко поворачивала голову то в одну, то в другую сторону (но чаще – на север, туда, где милях в двадцати отсюда раскинулось озеро Симмер), словно ей постоянно слышались какие-то звуки. Однако ни Кол, ни Бин ничего не слышали. На виски давила тяжесть, словно их стиснул в огромных тисках пыточных дел мастер. Глаза от этого слезились, а лоб стал горячим.

То Кол, то Бин, видя неважное состояние Мэйлинн, предлагали сделать привал и отдохнуть. Но лирра лишь молча мотала головой, ещё сильнее стискивая зубы. Бин от этого страдал едва ли не так же, как сама Мэйлинн. В его глазах стояло такое горе, что лирра, глядя на него, старалась превозмочь свою боль и улыбнуться. Но за то небольшое время, которые Бин знал Мэйлинн, он немного уже научился видеть глубже маски, поэтому лишь криво улыбался в ответ, но тоска из взгляда так и не уходила.

Конечно же, Кол тревожился не меньше. Страшнее всего было то, что никто не знал, что будет дальше. Когда человек болен, пусть даже жуткой синивицей, он всё же не мучается неопределённостью. Он знает, как будет протекать его болезнь и чем она закончится. Да, можно возразить, что синивица – это лотерея, где шестеро из десяти умрут. Но каждого больного грела надежда, что он окажется в числе тех четырёх счастливчиков. Что же касается болезни Мэйлинн, то здесь вообще невозможно было даже просто гадать о вероятных исходах, и это угнетало более всего. Что будет дальше? Что будет завтра? Или через час? Встанет ли она после очередного припадков? Станет ли магинею? Или умрёт? Или излечится и останется обычной лиррийской девушкой? Десятки вопросов, и ни одного ответа...

Так бо́льшую часть дня проехали в тяжёлом молчании. Лишь под вечер завязался разговор, который хотя и был не из приятных, но хоть как-то отвлек всех от состояния Мэйлинн.

– Скоро начнёт темнеть, – проговорил Кол. – Предлагаю найти участок земли посуше и поуютнее и располагаться.

– Как ужасно не хочется ночевать в таком месте, – с некоторым усилием проговорила лирра.

– Согласен. Но ехать всю ночь мы тоже не можем. Хотя бы из-за лошадей – им нужен отдых. Нам придётся потерпеть. До Танийского перевала осталась пара переходов. Увы, но завтра мы всё ещё будем двигаться по южной границе Симмерских болот. Так что нет смысла долго продолжать путь. А главное – тебе необходимо отдохнуть, – с глубокой нежностью добавил Кол.

– Я не уверена, что для меня это станет отдыхом, – вздохнула Мэйлинн.

– А как же гоблины? – тревожно поинтересовался Бин. – Ведь говорят, что Симмерские болота ими кишмя кишат! Что если они нападут на нас сегодня ночью?

– Ну, этого я боюсь меньше всего, – отмахнулся Кол. – Гоблины не так опасны, как о них обычно рассказывают. Да и что в них может быть страшного – обычные лягушки-переростки!

– Мне кажется, ты слегка утрируешь, – Мэйлинн ввязалась в разговор просто для того, чтобы опять не окунуться в тяжёлое молчание.

– Да видел я их! Ещё в бытность легионером. Как раз, когда мою когорту отрядили в помощь Каладиусу. Вот и познакомился я с этими жабоголовыми. Обычные зверюшки, совершенно неразумные. Да, укусят могут, но это если их подпустить близко. А справиться с ними проще простого. Видел бы ты их, дружище: маленькие, тшедушные, росточку в них – во! – Кол раздвинул руки примерно на три фута. – Да их простой палкой можно отогнать. Да и огня они боятся. Конечно, нападают они оравами по пятьдесят-сто штук за раз, но... В общем, ничего страшного. Всё равно, что драться с пятилетними детишками.

– А чем они вооружены? – поинтересовался Бин.

– Да ничем они не вооружены! – отмахнулся Кол. – Ну камень кинут в тебя, если рядом будет валяться. Да силёнок у них маловато, так что разве что шишку лишнюю поставят. Хотя говорят, что вблизи озера проживают какие-то другие гоблины. Те, якобы, вооружаются дубинками и более разумны. Но таких я не видал.

– Кстати, многие учёные считают, – вновь вступила в разговор Мэйлинн. – Что нет никаких двух видов гоблинов. Возможно, это всё – один и тот же вид гоблинов, только вот некоторые из них словно управляются какой-то могущественной силой, которая и внедряет нестандартные модели поведения. То есть, те гоблины так же неразумны, как и их собратья, а лишь находятся под влиянием чьей-то воли.

– Это вроде как ты в Пыжах натравила шершней на селян? – усмехнулся воспоминанию Бин.

– Вроде того, – Мэйлинн тоже слегка улыбнулась. – Только эта магия более высшего порядка.

– И кто же этот кто-то? – поинтересовался Кол.

– Ну точно этого никто не знает, – ответила Мэйлинн. Оседлав любимого конька, она даже несколько ожила. – Возможно, неподалёку от озера живёт какой-то очень сильный маг-отшельник. Но скорее всего, в озере или его окрестностях живёт какая-то более древняя и сильная сущность, которая и повелевает гоблинами. Я склоняюсь именно к этому, поскольку я каждой клеточкой своего тела ощущаю что-то древнее, невероятно сильное и весьма недоброе. Причём всего пару тысяч лет назад этого либо не было, либо оно не было враждебно. Ведь ещё в прошлую эпоху здесь проходил настоящий торговый тракт. Тогда Латион мог торговать с Пунтом напрямую, без посредников. И местность была куда более оживлённой. Скорее всего, когда сгорела предшествующая Руна, высвободившийся Хаос как-то повлиял на то, что живёт у озера Симмер. И вот теперь некогда важный торговый путь захирел и почти исчез. И кто знает, что будет в следующие эпохи. Вполне возможно, Симмерские болота будут всё разрастаться, подминая под себя обжитые земли.

– Слава Ассу, я до этого не доживу! – то ли в шутку, то ли всерьёз сказал Кол.

– И всё-таки, хотелось бы вернуться к гоблинам, – напомнил Бин. – Как нам сегодня ночевать-то?

– Так же, как ночуют все охотники и путешественники в этих местах – окружив стоянку кольцом костров. И – да, придётся по очереди нести караул. Но это всего пару дней! Зато, как только начнутся земли Пунта, можно будет расслабиться и наслаждаться жизнью!

– Уж поскорей бы! – мечтательно закатил глаза Бин.

На этом разговор как-то сам собой затих. Все ехали, понутив голову, придавленные тяжестью этого места. Солнце уже коснулось верхушек деревьев на горизонте за спиной путешественников.

– А вот скажи-ка, Мэйлинн... – Кол повернул голову к лирре, и лицо его вдруг побледнело. – Мэйлинн!

Мэйлинн ехала, уронив голову на грудь. Причём, было видно, что это – не простая задумчивость. Голова её вяло тряслась в такт шагам лошади, а тело медленно кренилось в сторону.

– Мэйлинн! – Кол птицей слетел с лошади, чуть ли не прыжком преодолел те несколько шагов, что отделяли его от лирры, схватил её за одежду и, потянув на себя, подхватил на руки недвижимое тело.

– Что с ней? – рядом уже был Бин, отбросивший поводья и тянувший руки к безвольному телу. – Снова припадок?

– Не похоже, – озадаченно ответил Кол, бережно укладывая бесчувственную лирру на сырой дёрн. – Судорог нет...

– Может, просто уснула? – с надеждой спросил Бин.

– Не знаю, – раздражённо ответил Кол, расшнуровывая верхние шнурки блузы. Нашупал сонную артерию – пульс редкий и слабый, но ровный. Дыхание тоже очень слабое, почти не видно, как вздымается грудь.

– Попробуем разбудить? – предложил Бин.

– А ты знаешь, что с ней? – обернулся Кол. – Можно ли её будить вообще? Больше похоже на какой-то транс. Одно могу сказать – дальше мы сегодня не едем. Останься с ней, а я соберу хвороста для костров. Сегодня понадобится очень много хвороста...

***

Много эпох назад, когда Асс и Арионн создавали разумных существ, они придавали им самые различные формы. Но также они наполняли их и самым разным содержанием, причём не материальным, а духовным. Разные существа несли в себе разную искру творения. Поэтому, когда боги разошлись по полюсам сферы, не все разумные расы смогли чувствовать *возмущение*. Кому-то это давалось лучше, кому-то хуже. Кому-то, наверное, не давалось вовсе. Усиление проявлений Хаоса внесло фактор случайности, так, что даже представители одной расы частью имели эту способность, а частью – нет.

Но ещё более удивительные процессы начались чуть позже, когда в мощном поле *возмущения* стали возникать завихрения силы. Были ли они порождены Хаосом, или же это был непреложный закон Неведомого – кто знает? Но эти завихрения уплотнялись, и стали плотными настолько, что неосязаемое *возмущение* в этих местах приобрело свойства материи. Они не стали материальным в полном смысле слова, но их стало можно увидеть, услышать и даже коснуться. Более всего эти аномалии возникали в мирах, в которых сильна магия.

Так возникли новые сущности Сферы Создания, которые не были непосредственно созданы братьями-богами. Эти сущности не просто ощущали *возмущение* – они сами были им. И это давало им огромные возможности. Не будучи частью процесса создания, сущности-аномалии не вполне соответствовали логике и порядку остального сущего – им были чужды многие понятия, известные иным разумным расам. Но наблюдая за ними, сущности учились. И многие из них переняли чувства и стремления других разумных существ. Иногда – лучшие, но гораздо чаще – худшие. И так во многих мирах возникли новые божеества – жестокие, кровавые, требующие жертв и почитания. Своим магическим влиянием они создавали вокруг себя собственный мирок, который подчинялся их прихотям. Они посылали дожди или засухи, насылали болезни и моры, могли вытолкнуть из земных недр богатства для верных адептов...

Усиливающийся Хаос делал эти аномалии более нестабильными, что в свою очередь выражалось в ещё более крайних формах проявления «божественности». Во многих мирах сущности-аномалии стали настолько сильны, что населяющие их разумные расы забыли Арионна и Асса, и стали поклоняться новым богам. Эти божества были столь велики и сильны, что вбирали в себя всё целиком, приобретая полный контроль над миром. Однако же, по сути своей они оставались всего лишь паразитами, тянувшими свою силу из *возмущения*.

Слава Арионну и Ассу, в мире Паэтты ничего подобного не произошло. Сущности, населяющие мир, были не настолько сильны, чтобы назваться богами. Однако они были, и ждали своего часа.

***

Мэйлинн открыла глаза. Удивительно – ещё секунду назад она ехала по дороге со своими друзьями, а заходящее солнце освещало им спины, делая их тени длинными и причудливыми. Затем она почувствовала внезапную дурноту, и вот уже вокруг неё глубокая ночь с неестественно чёрным небом, неестественно яркими звёздами и луной. Но, что самое страшное, она была одна. Исчезли Бин и Кол, исчезли лошади. Мэйлинн стояла одна на дороге и слышала шёпот. Невнятный, словно слепленный из тысячи шёпотов, он пугал и манил одновременно. И лирра понимала, что доносится он со стороны озера Симмер.

Мэйлинн не знала, что ей делать. Она страшилась шёпота, она страшилась того, кто её призывал, но вместе с тем она и ждала встречи с ним, желала его, испытывая почти физическое возбуждение. Перед лиррой будто бы возникли две дороги, и она, стоя на распутии, никак не могла решиться сделать шаг по одной из них.

Мэйлинн мыслила достаточно трезво для того, чтобы осознать, что всё, что она сейчас видит – какое-то колдовство и наваждение. Она осознавала, что находится сейчас, скорее всего, не совсем в своём мире, а, возможно, в какой-то его проекции. Поэтому она постаралась мыслить более холодно и расчётливо. Как ни странно, это помогло. Особенно радовало, что отпустило, хотя и не до конца, это постыдное возбуждение, туманящее мозг. Мэйлинн поняла, что единственной её надеждой вырваться отсюда будет встреча с тем, кто наслал это наваждение на неё.

– Я иду! – громко сказала она и странное эхо множество раз повторило её слова разными интонациями – от истерически испуганных до истекающих похотью; от нежных до садистски жестоких. Кровь застыла в жилах лирры – она слышала свой голос, но интонации, казалось, были ей совершенно чужды. Или нет? И вот это было самым страшным – вдруг это всё на самом деле есть в ней, но она просто об этом не знает? Пока...

Как только отгремело эхо, Мэйлинн вдруг взвилась в небо. Она винтом вкручивалась в звёздную черноту над собой, так что в конце концов звезды слились в яркие окружности, а луна, находясь строго в центре всего этого безумия, увеличивалась, словно скалясь, и наливалась красным светом.

Мэйлинн даже прикрыла лицо руками, словно действительно боялась удариться о приближающееся светило. Но вознесение вдруг остановилось. Затем лирра помчалась на север с немыслимой скоростью, всего за несколько секунд покрыв расстояние в двадцать миль. И вот она увидела под собой блестящее зеркало озера, окружённое коростой гнилого редколесья и болот.

И тут Мэйлинн стала стремительно падать. Она летела плашмя, раскинув руки и задыхаясь от беззвучного крика. Она пыталась повернуться ногами вниз, или хотя бы сжаться, но тело перестало ей повиноваться. Она просто падала, или это озеро летело к ней с умопомрачительной скоростью.

Мэйлинн застыла в дюйме от водной глади. Резко и даже немного больно. Теперь она висела над озером, всё так же распластавшись и раскинув руки крестом. Удивительно, но ни одежда, ни волосы не купались сейчас в озёрной воде. Напротив, волосы продолжали струиться вдоль её тела, и даже слегка подниматься вверх, словно от озера шёл лёгкий воздушный поток. Так же и свободные полы плаща слегка вздымались и колыхались над парящей лиррой.

Мэйлинн, чей нос почти касался воды, смотрела на озеро, занявшее всё её поле зрения. Поверхность была ровной, без малейшей ряби и волн. Она была гладкой и прозрачной, зеркальной. От неё отражались яркие звезды и луна. Но только не лирра. Почему-то себя Мэйлинн не видела. Хотя, как говорится, лицом к лицу лица не разглядеть. Может, в этом всё дело?

– Ну здравствуй, дочь лесов! – раздался голос прямо из глубин. – Разрешаю тебе говорить!

– Почему – дочь лесов? – как только голосовые связки вновь стали повиноваться, спросила Мэйлинн.

– Какой странный вопрос! – усмешка. – Странный для любого, но не для тебя. Потому что ты сама – очень необычна. И я отвечу тебе. Ты, конечно, этого не знаешь, но твой народ жил в лесах этого мира, который вы называете Паэттой, много-много тысячелетий назад. До тех пор, пока сюда не пришли люди. Тогда ваши вожди решили связать свою жизнь с этим гордым и жестоким племенем. Вы стали строить каменные дома, подобно гномам и людям. Вы стали жить с ними на расчищенных от леса равнинах, пользоваться огнём, выращивать зерно. Так вы предали себя много эпох назад и обрекли на вечную вторую роль.

– Народ лирр никогда не был и не будет на вторых ролях! – крикнула Мэйлинн прямо в глубокие недвижные воды. – Кто ты, и откуда знаешь всё это?

– Кто я? Это очень сложный вопрос. Обитатели этих мест называют меня Симмером. А откуда я знаю?.. Я живу здесь с самого начала этого мира. Я видел его взлёты и падения.

– Так ты – озеро? – спросила лирра. – Живое озеро?

– Озеро – это я, но я – это не озеро, – пришёл ответ. – То, что ты видишь, это лишь видимая часть моей сути.

– Но как же тогда Алийа? – озадачилась Мэйлинн. – Она тоже часть тебя?

– Нет. Это просто вода. Я растворен в воде озера, или же она растворена во мне. Но лишь неподвижная и стоячая. Текучая вода – это просто вода.

– А откуда ты знаешь, кто я? – задала Мэйлинн мучающий её вопрос.

– Позволь спросить сначала – а *ты*-то сама откуда знаешь, кто ты? – спросил Симмер. Вопрос был не в бровь, а в глаз. Мэйлинн смешалась, и не знала, что ей ответить.

– Вот видишь! – продолжил Симмер. – Ты не знаешь, кто ты, именно потому ты не можешь увидеть своего отражения в моих водах. Но я могу показать тебе!

– Не надо, – непонятно почему жалобно воскликнула лирра. Казалось бы, она топтала ноги именно ради этого ответа, но сейчас она страшилась его. Наверное, главным образом потому, что не доверяла тому, что ей могла явить эта таинственная сущность.

Однако протест Мэйлинн не был услышан, или же не был принят во внимание. Лирра вдруг увидела себя в водах озера, хотя, казалось бы, что увидишь с такого расстояния? Тем не менее, Мэйлинн видела всё прекрасно. Она увидела себя, но не такую, какой она висела сейчас над пропастью озера. Она видела себя в чёрно-алых нарядах, с большой мангиловой короной на голове. Та, другая Мэйлинн сидела на странном чёрном троне, состоящем, казалось, сплошь из изломанных линий. И эти линии выглядели пугающе. Хотя, не так пугающе, как сидящая на троне лирра. Жестокий, холодный взгляд, которым она уставилась на Мэйлинн, пробирал насквозь. Королева-Мэйлинн медленно подняла чёрный жезл и указала им на наблюдающую Мэйлинн. И расхохоталась. Это был жуткий смех сумасшедшего...

...И тут же она исчезла. А на её месте оказалась другая Мэйлинн – магиня. От неё так и веяло силой, хотя никаких телесных увечий видно не было. Магиня стояла у ворот какого-то города. Какого – Мэйлинн не знала. Но вот она подняла руки кверху, на секунду застыла, и затем просто опустила их. И вдруг толстые каменные стены города разлетелись на миллиарды осколков...

...И на смену тут же пришла новая картина. Обычная Мэйлинн, в почти таком же дорожном костюме, как сейчас, стояла на палубе корабля. Ветер трепал ещё более короткие волосы, чем обычно. Та Мэйлинн смотрела куда-то вдаль и смеялась. На этот раз смех был чистым и радостным. Наверное, подумалось нынешней Мэйлинн, она достигла какой-то новой неизведанной земли...

...И вот уже вместо палубы корабля – аляповато и безвкусно обставленная комната. На широченной кровати сидит голый плотоядно ухмыляющийся немолодой толстяк. А рядом... У Мэйлинн выступили слёзы. Рядом она увидела себя. Та, другая Мэйлинн была почти полностью обнажена, если не считать небольших чёрных кожаных аксессуаров. Более того, она стояла на четвереньках, а на шее её был надет массивный кожаный ошейник с длинными металлическими шипами. Цепь от этого ошейника была в руках того самого толстяка. Мэйлинн поняла, что это – публичный дом. Может быть, даже тот самый, в Латионе, где можно найти партнёра любой расы и пола...

...Хвала богам – картинка сменилась на белую ярко освещённую комнату. Посередине стоял стол, подобный тем, которые используют медикусы Латионской академии для препарирования трупов. И на этом столе лежала Мэйлинн. Её руки были плотно прихвачены к столу ремнями. На её обнажённое тело небрежно была наброшена белая простыня, кое где покрытая пятнами крови. А у стола возились несколько человек, в которых Мэйлинн узнала некоторых своих преподавателей из Наэлирро. Распятая на столе Мэйлинн жутко кричала, потому что прямо сейчас ей в вену через полую прозрачную трубку вливали какой-то бурый раствор...

– Хватит! – полным мук голосом воскликнула Мэйлинн и что было сил ударила по водной глади кулаками. В брызгах и кругах изображение исчезло, а когда рябь улеглась, Мэйлинн видела лишь себя – с искажённым лицом и полными слез глазами.

– Вот видишь, – удовлетворённо проговорил Симмер. – Я совершенно не знаю – кто ты, Мэйлинн Айрига! Потому что ты можешь стать одной из них, или не стать ни одной из них. Твою судьбу сейчас не предсказал бы сам Первосоздатель.

– Я знаю – кто я! – яростно возразила лирра. – Я – Мэйлинн. И пока этого вполне достаточно. Я найду свою дорогу...

– А я помогу тебе её отыскать, – перебил Симмер. – Я стану твоим путеводителем, а ты станешь моей провозвестницей. Вместе мы сотворим новый мир, и он будет таким, каким захочешь ты, Мэйлинн. Ты сама не представляешь, насколько ты уникальна. Я помогу тебе понять это. И стать настолько могущественной, насколько ты сама захочешь.

– Что можешь ты, если все эти тысячелетия просто проплескался тут, среди гнилых болот? – со всем презрением, на какое была способна, спросила лирра.

– Я могу очень многое, но не всё. И именно для этого мне нужна ты.

– Ну тогда у меня плохие новости для тебя. Ты меня не получишь! – резко ответила Мэйлинн. – Я ведь прекрасно понимаю, что сейчас я нахожусь совсем не здесь, и ничего этого нет вокруг меня. Ты как-то пробрался в мою голову, как подлый домушник через незапертую заднюю дверь. Но в таком виде я для тебя бесполезна, и тебе придётся вернуть меня в тело. И как только это произойдёт, я уйду туда, где тебе меня не достать. Я ведь знаю, что твоё влияние невелико – ты смог дотянуться до меня лишь тогда, когда я подошла достаточно близко.

– Что ж, я предполагал такой исход событий, – проговорил Симмер. – И подготовился к нему. Мои гоблины уже близко. Они возьмут тебя и принесут сюда. Здесь, на берегах озера, я найду средства заставить тебя передумать. Я не позволю тебе глупо пропасть! А это неизбежно. Знаешь ли ты, самоуверенная Мэйлинн, что меньше чем в миле от того места, где пребывают твои друзья и ты, сейчас находятся шесть человек, которые прибыли, чтобы захватить тебя и доставить в Наэлirro? Это очень опасные люди. Они без труда убьют твоих спутников и схватят тебя. Ты окажешься в замке, а что там с тобой сделают – ты сама прекрасно знаешь. Так что – выбор за тобой. Я бы на твоём месте не противился моим гоблинам. Тогда твои спутники останутся целы. Если, конечно, их не прикончат те, кто пришёл за тобой. А теперь – возвращайся обратно. Но я буду ждать тебя!

***

– Слава Арионну! Мэйлинн! Кол, она очнулась! – Бин схватил руку лирры и прижал к себе. – Что с тобой было? Мы чуть с ума не сошли от волнения.

– Говори за себя, – спокойно произнёс Кол, вставая с колен и отряхивая руки. Он как раз разжёл очередной костёр. – Лично я знал, что всё будет хорошо! – не смотря на видимое спокойствие, было заметно, какую радость и какое облегчение испытывает бывший легионер.

– Гоблины! – Мэйлинн резко села.

– Что? – бледнея, переспросил Бин.

– Гоблины... – за лирру ответил Кол, глядя на недалёкие заросли кустарника. Они словно зашевелились, а затем оттуда появились первые гоблины.

Глава 18. Бегство

– Они неподалёку, – тихонько доложил Варану вернувшийся из разведки мастер Книгочей. – Разбили лагерь.

В последние дни отряд Варана несколько раз натыкался на стоянки беглецов. Судя по их взаимному расположению, лирра не слишком-то торопилась. Даже без смены лошадей охотники за головами покрывали в день вдвое, а то и втрое большие переходы. В очередной раз Варан мысленно поблагодарил саррассанцев за выведение такой бесподобной породы лошадей. Варан рассчитал, что встреча с целью как раз должна произойти сегодня. И не ошибся.

Сегодня охотники двигались медленнее обычного. Во-первых, чтобы не попасться на глупой торопливости. Во-вторых, потому что операцию решено было проводить ночью – с преследуемых станется ночевать и без караула! Вообще Варану было даже несколько обидно. Ему и раньше приходилось выслеживать беглецов, но ни один из них не вёл себя столь опрометчиво и безалаберно. Но догнать лирру мало, – тут же одёргивал он себя, – куда важнее схватить её живой и доставить по месту назначения.

Итак, солнце уже садилось, будущие жертвы разбили лагерь. Нужно выдвигаться на позиции – подготовить всё к операции. Только идиот ломится напролом. Поэтому, оставив лошадей привязанными к деревьям, шестеро охотников легко и скрытно двинулись к лагерю беглецов. Предварительно Варан ещё раз провёл инструктаж своих людей. Лирру – живой и невредимой. Остальных – по ситуации. Старший, Брос, может быть очень опасен. С ним держать ухо востро. Все мастера молча кивнули в знак того, что поняли.

Прошли уже больше полумили. Чуткий нос Варана уловил запах дыма. Кажется, в этот раз костёр значительно больше предыдущих. Или, скорее всего, костров несколько. Старый приём защиты от гоблинов. Что ж, это слегка усложняет задачу. Одно дело – подойти к трём спящим людям вокруг одного костра, другое – пробраться в круг костров. Причём, старый вояка Сан Брос наверняка ещё и установит непрерывный караул... Эх, неудача! Кабы догнать их на день раньше!.. Но, впрочем, Варан не привык сетовать на обстоятельства. Он был из тех людей, которые предпочитали не приспособливаться к ситуации, а создавать её.

Охотники шли скрытно, кроме того, они подбирались к добыче с запада, так что в случае чего Варан рассчитывал и на садящееся солнце, которое скроет их от целей. Вот до предполагаемого места стоянки осталось не более пары сотен ярдов. Здесь запах дыма был уже весьма ощутим – всё-таки вблизи болот было довольно сыро, поэтому даже сушняк дымил весьма прилично. Варан как раз поднял руку, чтобы лишний раз предостеречь спутников от лишнего шума, как вдруг впереди раздались крики и какой-то странный улюлюкающий визг. Неужели заметили? – мелькнула мысль. Но Варан тут же её отмёл, как абсолютно невозможную. Кроме того, он уже понял причину шума.

– Гоблины напали! – вставая во весь рост и обнажая меч воскликнул Варан. – Все за мной! Помните: с головы лирры не должен упасть даже волос!

Шестеро бросились на помощь тем, кого собирались захватить или убить. Вот уже видны отблески костров между деревьями, явственно слышны визги наседающих гоблинов, перемежающиеся с бранью людей. Вот уже видны мелькающие между деревьев мелкие тени, вооружённые дубинками и рогатинами. Но вдруг оранжевый свет костров стал постепенно тонуть в нарастающем голубоватом сиянии. Варан моментально вспомнил свой последний разговор с Командором и дико крикнул:

– Все назад! Живо!!! – и сам бросился бежать.

И тут сзади раздался грохот, перекрываемый гулким треском ломающихся стволов и истошным визгом гоблинов. Ещё спустя секунду что-то толкнуло Варана в спину, подняло

его над землёй и швырнуло, словно куль с зерном. Подбородок с неприятным хрустом врезался в землю, и Варан отключился.

***

– Не волнуйтесь, – подчёркнуто спокойно поигрывая мечом, словно взвешивая и примеряясь к нему, проговорил Кол. – Это всего лишь маленькие поганцы. Они не смогут причинить нам вреда. Да они к нам даже не подойдут – слишком боятся огня.

– Но они вооружены! – тревожно ответил Бин. Он уже начал было считать, что вполне сносно владеет кинжалом, но сейчас вдруг вновь чувствовал растерянность и беспомощность.

– Да... Вижу... – мрачно процедил Кол.

Действительно, гоблины, которых уже сейчас было видно несколько десятков, держали в руках либо грубые деревянные рогатины длиной около шести футов, либо короткие увесистые дубинки. От наших друзей их отделяли какие-нибудь двадцать-тридцать шагов. Пока что зелёные твари не спешили подбираться. Они постепенно окружали добычу, организовав что-то вроде полукольца. Гоблины противно улюлюкали и визжали. И от этого становилось страшно. Несчастные лошади, привязанные к веткам, ржали и бились, пытаясь освободиться.

– Они пришли за мной, – сказала Мэйлинн.

– В каком смысле? – не понял Кол.

– Они хотя забрать меня и унести к нему... – плечи лирры поникли.

– К кому это – к нему? – раздражённо воскликнул Кол. – Ты не могла бы пока перестать говорить загадками?

– Сейчас я разговаривала с Симмером. Он сказал, что я ему нужна, и что он послал гоблинов за мной.

– Симмер – это озеро, что ли? – озадаченно переспросил Кол.

– Да... Нет... Не знаю... – почти простонала Мэйлинн. – Наверное, это какой-то демон древних времён. И ему зачем-то нужна я. Кстати, он сказал, что за нами охотятся какие-то люди, которые хотят отвезти меня в Наэлирро.

– Ассова задница... – прошипел Кол. – И почему я, дурак, решил, что никто не станет нас преследовать? Надо было спешить – мы бы уже были в Пунте...

– Ты не виноват... – ответила лирра.

– Они подходят! – подал голос Бин.

И действительно, гоблины (теперь их было по самым скромным прикидкам около сотни) стали потихоньку приближаться. По их мордам было видно, что они жутко боятся огненной стены, отделяющей их от людей, но какая-то воля, куда более сильная, чем их собственная, неуклонно толкала их вперёд. С оскаленных зубов, мелких, но острых, капала слюна, глаза жутко отсвечивали в свете костров. Подвывая, может быть даже и от ужаса, гоблины шаг за шагом приближались к горстке людей.

– Ладно, будем решать проблемы по одной. Сначала нужно разобраться с гоблинами, – громко, чтоб вселить уверенность в друзей, воскликнул Кол. – Хватайте горящие ветки из костров. Старайтесь держать их на расстоянии и бить по одному.

– Наши лошади! – вскричал Бин.

Действительно, гоблины подошли довольно близко к лошадям, и те просто взбесились. С их губ срывались хлопья пены, глаза яростно вращались, ржание было хриплым и надрывным. И вдруг одна из ветвей, к которым были привязаны лошади, не выдержала и сломалась. Сразу две лошади оказались на свободе. Кол, громко помянув Асса, рванул, пытаясь ухватить спасающихся лошадей под уздцы. Но ничего не вышло. Зато он оказался слишком близко к гоблинам, и несколько штук тут же набросились на него.

Широко махнув горячей ветвью, Кол отогнал нападающих от себя. Гоблины взвыли и отпрянули, а Кол вновь поспешил в центр огненного круга. Теперь расстояние между ними и гоблинами составляло не более десяти-пятнадцати шагов. Гоблины были уже у самой огненной границы, и было ясно, что достаточно одного отчаянного порыва, одного усилия жестокой воли Симмера, чтобы эта граница была сметена.

– Встаньте как можно ближе ко мне! – прокричала Мэйлинн. В её руке, поднятой высоко вверх, лежал небольшой фиал, словно вырезанный из куска горного хрусталя. Внутри билось холодное голубоватое свечение. Очевидно, это был ещё один трофей из Наэл-ирро.

Кол и Бин послушно сбились в кучу, выставив вперёд оружие и горящие ветви.

– Во что бы то ни стало, не отходите от меня ни на шаг! – кричала, стараясь перекрыть вой и визжание гоблинов, Мэйлинн. – Если вы отойдёте хотя бы на пару шагов, вам будет очень плохо!

С этими словами она сжала кулак. Фиал казался весьма прочным, однако же сейчас он неожиданно легко хрустнул. Осколки впились в руку лирры, хлынула кровь. Та поморщилась, но тут же сильным и звучным голосом произнесла несколько слов по-лиррийски. И тут голубоватое сияние стало быстро растекаться полусферой вокруг прижавшейся друг к другу троицы. Это было похоже на движение голубоватой прозрачной стены. Вот она достигла оставшихся привязанных лошадей, и потащила их, несмотря на то, что те пытались упирались копытами в землю. В конце концов лошади просто упали и их поволокло по земле. Так же стена разметала костры. Искры, уголья и горящие ветки разлетались в стороны, осыпая визжащих гоблинов. Но теперь и сами гоблины упирались в стену, и та отжимала их всё дальше от центра сферы. В конце концов вокруг друзей образовался купол с радиусом около двадцати ярдов.

– Сейчас будет самое неприятное, – как-то чересчур спокойно и буднично произнесла лирра. – Поле начнёт сжиматься обратно, выбрасывая при этом огромную энергию. Это будет похоже на очень мощный взрыв.

– А как же мы? – воскликнули хором мужчины.

– Защитная стена не будет давать энергии взрыва проникать внутрь сферы. Внешние слои будут сгорать, но следующие будут защищать нас. Чем меньше будет радиус сферы, тем меньше энергии будет высвобождаться. Так что мы с вами почувствуем лишь лёгкий удар. Но те, кто сейчас за стеной... Им не поздоровится...

И тут начало происходить то, о чём предупреждала Мэйлинн. Раздался мощный звук, похожий на звук взрыва, и пространство вокруг друзей полыхнуло голубым. Сфера стала стремительно схлопываться с непрекращающимся грохотом. Кол видел, как деревья словно взрываются изнутри, расщепленные стволы разлетаются во все стороны. Та же судьба постигла и гоблинов. Их тела тонули в голубом свечении, которое обжигало и корёжило их.

Когда сфера уменьшилась до размеров ладони, Кол действительно почувствовал неприятный удар, словно бы даже не снаружи, а изнутри тела. Конечности тут же онемели, словно были долго перетянуты верёвкой. В голове стало шумно и темно, и все трое рухнули на землю. А у Мэйлинн начались судороги. Это был очередной припадок. Третий за минувшие три дня.

***

Варан постепенно приходил в себя. Ему казалось, что он, кружась, падает в пустоту. Однако, кое-как разлепив глаза, он увидел, что всё ещё лежит на земле лицом вниз. Звон в ушах стоял такой, словно его поместили в самый центр большущего колокола, кои любят вешать в своих храмах протокреаторианцы. Рот был полон крови – при падении он врезался в землю нижней челюстью, да так, что раскрошилось несколько передних зубов. Кроме того,

он прокусил язык, лишь чудом не откусив его полностью. Также резко болела рука, подмятая его телом. Варан попытался перекатиться на спину, и рука отозвалась ещё более сильной болью. Сломана, понял мастер Теней. Кое как оглядев руку, почувствовал облегчение. Перелом закрытый.

Однако, нужно вставать. Мастер шестого круга не может позволить себе валяться на земле, как барышня в будуаре. Сцепив зубы, Варан заставил себя сесть, опираясь на здоровую руку. Мир вокруг плясал в сумасшедшем танце, земля норовила выскользнуть из-под раненого мастера. Однако, посидев не более минуты, Варан с глухим стоном поднялся на ноги. Его шатало, подкатывала тошнота (не иначе, как ещё и сотрясение мозга), но Варан упрямо стоял. Благо, рядом торчало чахлое болотное деревце, о которое можно было опереться здоровой рукой.

Постояв некоторое время, Варан приказал себе идти. Нужно было найти своих людей. Во время взрыва они были позади него. К сожалению, не сумели быстро среагировать на столь неожиданную команду командира. Теперь нужно посмотреть, что с ними. Варан медленно зашагал в сторону эпицентра взрыва.

Первым он увидел мастера Книгочей. Он лежал, вытянувшись, на земле – руки впереди, словно он собирался нырять куда-то. Но – увы! – больше выпивохе-философу Книгочей не понырять. В спине его торчал большой кусок дерева, отщепившегося от одного из разорванных стволов. Варану не нужно было нагибаться, чтобы понять, что тот совершенно и бесповоротно мёртв.

Совсем недалеко от Книгочей лежал Окорок. Точнее, он даже полусидел, опираясь на свои руки. Поперёк него, в области таза лежал ствол дерева. Не очень толстый – около фута в толщину и около десяти – в длину. Варан сначала даже не понял – что мешает такому дюжему малому, как Окорок, просто откинуть в сторону эту деревяшку. Но взгляд, которым Окорок смотрел на ствол и свои ноги за ним, дал страшный ответ на немой вопрос.

Не говоря ни слова (да и что он мог сейчас сказать прокушенным языком?), Варан мягко подошёл к старому другу и присел рядом с ним на корточки. Взглянул прямо в глаза. Окорок в ответ как-то виновато улыбнулся и вновь перевёл взгляд на ноги. Варан вынул кинжал (кстати, он только сейчас вспомнил, что его меч валяется где-то, а он даже забыл о его существовании на время) и легонько ткнул Окорока в голень. Тот отрицательно покачал головой. Всё было понятно и так, но Варан отчего-то никак не хотел в это верить. Он снова ткнул кинжалом, на этот раз куда сильнее. Из укола засочилась кровь. Всё так же спокойно и несколько виновато Окорок пожал плечами и вновь покачал головой. Затем он указал на кинжал Варана и провёл себе пальцем по шее.

Варан резко и сильно замотал головой из стороны в сторону.

– Я... эпя... баху... – сплёвывая кровь, кое-как промычал он: «Я тебя вытащу».

Несмотря на это, Окорок понял смысл слов своего мастера. И в третий раз помотал головой. Они понимали друг друга без слов. «Даже если вы меня вытащите, что маловероятно, поскольку вы и сами сильно ранены; даже если мы доберёмся домой, что опять же кажется не слишком вероятным сейчас; но что, в таком случае, я буду делать? Всю жизнь лежать в кровати, мочиться под себя и вспоминать славные деньки?». «Мы обязательно выберемся, дружище, ведь мы – лучшие из лучших! Потом мы найдём самого талантливого медикуса, который поставит тебя на ноги. Если нет – обратимся к магам. Не может быть, чтобы ты навеки остался прикован к кровати!». «Вы сами не верите в свои слова. В глубине души вы осознаете, что смерть – единственное для меня лекарство сейчас. Я точно знаю, что если бы вы были на моем месте, вы просили бы меня о том же».

Варан медленно и тяжело кивнул, встал и подошёл к Окороку сзади. Вновь присев на корточки, он крепко обнял друга здоровой рукой, державшей кинжал. В ответ Окорок положил на его руку одну из своих ладоней и приободряюще похлопал по ней. Так они

сидели несколько секунд, затем Окорок легонько сжал предплечье Варана и убрал руку. А через долю секунды он захрипел, а на грудь хлынула кровь. Варан резким движением убрал руку, которой обнимал товарища, при этом клинок рассёк тому горло. Окорок завалился на спину, но перед смертью всё-таки успел улыбнуться ещё раз. И закрыл глаза.

Какое-то время Варан просто отупело смотрел на мёртвого друга. Красное пятно на его груди, казалось, увеличившись, застилало Варану взгляд. Но в конце концов мастер всё же двинулся с места. Оставалось найти ещё трёх товарищей.

Мастер Двенадцатый быстро и мелко дышал, лёжа на спине. Его правая нога была покрыта кровью, вокруг натекла уже огромная лужа. Сам мастер был бел, как снег. Глаза его были закрыты и было непонятно – в сознании ли он. Беглого взгляда хватило, чтобы понять, что у двенадцатого сына в семье разорвана бедренная артерия. И что жить ему осталось считанные минуты, а скорее даже, судя по размерам кровавой лужи, считанные секунды. И действительно, Варан только наклонился, чтоб приложить руку к щеке Двенадцатого в последнем прощании, как тот, передёрнувшись, перестал дышать.

Боковым зрением Варан увидел какое-то движение неподалёку. Тренированное тело отреагировало, несмотря ни на какие раны. Быстро развернувшись, Варан стал в боевую стойку. И увидел бредущего к нему мастера Дора. Тот шатался и шёл, приложив к ушам руки, из-под которых текли струйки крови. Мутным и невидящим взглядом мастер Дор взглянул на своего начальника. Он раскрывал рот, пытаясь что-то сказать, но лишь сипел. Слава богам – хоть один жив! Контужен, конечно, но это поправимо. Варан увидел, что неподалёку от Дора, позади него было что-то вроде небольшой берлоги, образованной выкорчеванным с корнем деревом. Причём дерево упало задолго до взрыва, по каким-то своим причинам. Видимо, именно туда успел нырнуть мастер Дор, что и спасло ему жизнь.

Что ж, осталось найти последнего. Увы, мастер Гвоздь оказался ближе всех к эпицентру взрыва. Тут уже валялись и искорёженные тельца гоблинов. Тело Гвоздя представляло собой один огромный кровоподтёк, словно все его сосуды и мышцы просто лопнули. Впрочем, скорее всего, так оно и было.

Вот он, итог пути, поначалу казавшегося таким до обидного лёгким. Четверо из шести мертвы, а те, кто выжил, вряд ли смогут связать сейчас даже козлёнка, не говоря о магине, способной на такое. И Варану было абсолютно наплевать – своими ли способностями она этого достигла, или какими-то мощными артефактами. Было очевидно, что сейчас, в данный конкретный момент, он не способен задержать лирру.

Мастер шестого круга Варан славился тем, что он не провалил ни одного задания. И в первую очередь потому, что умел трезво оценить ситуацию и не лезть на рожон. Когда отступаешь по собственному разумению, это уже не отступление, а тактический манёвр. Также поступали вараны на его родине – скрывались от опасности в зарослях травы, а затем наносили стремительный удар по приблизившемуся слишком близко преследователю.

Сделав жест мастеру Дору, приглашая его присесть на землю, сам Варан осторожно двинулся дальше. Нужно было выяснить, что случилось с лиррой и её спутниками. Здесь уже взрыв поработал на славу – деревья были поломаны и искорёжены, даже трава полегла. Повсюду – ошмётки гоблинов, ветки, расщепленные стволы. Варан, забыв про боль, змеёй приблизился к эпицентру, насколько было возможно, то есть примерно на тридцать-сорок шагов. Дальше была лишь голая земля. Отсюда он отчётливо видел цели своего преследования. Они были так близко... И их было всего двое...

***

Кол очнулся от резких болезненных ударов. Ещё не открыв глаза, он узнал источник этих ударов. Мэйлинн. У неё снова припадок, и сейчас она колотится о землю, а также об Кола и Бина, поскольку все трое лежали вповалку. Кол привычным уже движением нава-

лился на несчастную лирру, прижимая её к земле. Бин тоже очухался и занял своё место в ногах девушки. Обоим было очень плохо, но это сейчас было не главным.

В конце концов судороги прекратились, и мужчины устало скатились с притихшей лирры на землю. Сумерки были уже довольно плотными. Вокруг стояла удивительная, испуганная тишина. Вероятно, всё живое в округе либо погибло, либо бежало, либо забилось в самые глубокие норы, которые смогло отыскать. Очевидно, что все гоблины были мертвы. А преследователи?..

Несмотря на слабость и боль, Кол моментально вскочил на ноги и стал напряжённо озираться по сторонам. Вокруг было тихо, никого видно не было. Правда, в спустившихся сумерках можно было разглядеть не более, чем на пятьдесят шагов.

– Мэйлинн сказала, что нас преследуют... – хрипло проговорил Кол Бину. Тот тоже поднялся на ноги.

– Может, они тоже погибли? – с робкой надеждой спросил Бин.

– Может быть. Но пока мы этого не знаем наверняка, нам нужно как можно быстрее двигаться к Пунту. Сейчас мы не можем оказать серьёзного сопротивления.

– Как нам двигаться к Пунту, когда мы остались без лошадей? – с тихим отчаяньем спросил Бин.

– Я не думаю, что те две лошади, что убежали, уйдут далеко. Уверен, что они вскоре вернутся поближе к людям. Надо только поискать.

– Сейчас? Ночью?

– Увы, но нужно сейчас. Надо как можно быстрее покинуть это место. Где-то неподалёку люди, которые разыскивают нас, не говоря уж о том, что Симмер может прислать новых гоблинов. А уж после того представления, что устроила наша подружка, самый глухой и слепой охотник найдёт нас в два счета.

– А как же Мэйлинн? – тревожно спросил Бин.

– Кажется, она снова впала в транс... Должно быть, Симмер вновь пытается её заманить... – приглядевшись, ответил Кол. Действительно, лирра вновь находилась в необычном забытии, не похожем на те, что бывали после припадков. Правда, в этот раз оно не было похоже и на предыдущий транс. Тогда Мэйлинн лежала не шевелясь, и почти не дыша. Теперь же её зубы тихонько стучали, словно лирру бил озноб, а глазные яблоки под неплотно прикрытыми веками быстро и хаотично двигались.

– Надо её разбудить! – вскричал Бин, бросаясь на колени рядом с Мэйлинн.

– Попробуй. Хотя не думаю, что у тебя получится... – пробормотал Кол. – Только не здесь...

Бин, не смотря на эти слова, принялся тормошить лирру, звать по имени, даже бить по щекам. Но ничего не помогало. Мэйлинн находилась в глубоком транс.

– Ладно, ты оставайся с ней, а я, пожалуй, поищу лошадей. Надеюсь, они не слишком далеко ушли, – Кол поудобней перехватил меч и двинулся в том направлении, в котором убежали обезумевшие от ужаса лошади.

Бин не оставлял тщетных попыток привести лирру в чувство. Он с отчаяньем смотрел в её лицо, представляя, как она сейчас мучается в смертельной борьбе с жутким демоном. А он в очередной раз ничем не мог ей помочь!.. В бессилье Бин положил голову на грудь Мэйлинн, и по его щекам потекли слёзы.

Через некоторое время Бин вдруг почувствовал чьё-то присутствие рядом. Должно быть, Кол вернулся.

– Ну что, не нашёл? – поднимаясь, и утирая щеки, спросил он.

В десяти шагах стоял человек. Его правая рука висела плетью. В левой был зажат кинжал. Лицо и грудь были покрыты кровью. Видно, человеку очень досталось, но Бин ни на

секунду не сомневался, что от этого тот не стал менее опасным. Тем не менее, Бин вскочил, выставив вперёд кинжал, и загородил собой Мэйлинн.

– Ты её не тронешь! – как можно более грозно попытался сказать он. Однако срывающийся от страха и слабости голос, а также дрожащие руки, испортили всё впечатление.

Варан, слегка прихрамывая, двинулся вперёд. Он даже не смотрел на Бина. Этот мелкий щенок (пусть он всего на несколько лет моложе самого Варана, но всё же он просто мелкий щенок) совершенно не заботил охотника. Его тьяканье в другой момент даже позабавило бы Варана, но сейчас ему было не до смеха. Он был ранен, собственноручно убил лучшего друга, его ждал долгий переход с опасной лиррой на руках. Поэтому сейчас Варан видел лишь бесчувственное женское тело (дай ему боги как можно дольше оставаться бесчувственным!).

Расстояние между Вараном и Бином сократилось до пары-тройки шагов. Бин был в растерянности. Он уже чувствовал себя героем в борьбе со стволами деревьев, но сейчас перед ним стоял сильный и опасный враг. Всё, чему учил Кол, выветрилось из головы, остался лишь страх за себя и Мэйлинн. И бьющееся где-то на краешке сознания понимание, что он не может её подвести. Поэтому, когда до врага осталось не более двух шагов, Бин нанёс удар. Однако Варан коротким взмахом кинжала, зажатого в левой руке, парировал этот удар и вышиб оружие из дрожащей руки парня. Затем он просто ударил Бина в лицо кулаком, в котором была зажата рукоять. Убивать мальчишку не хотелось – хватит на сегодня смертей.

Бин, отлетев на пару шагов, рухнул и затих. Варан подошёл к лирре. Без сознания, но при этом глаза бегают под опущенными веками, а зубы выстукивают дикий ритм. Какой-то магический транс, понял Варан. Хорошо это или плохо для него – этого он понять пока не мог. Будем надеяться, что использование магического артефакта выпило силы из лирры, и она надолго останется в таком состоянии.

Проклятая рука! Придётся каким-то образом действовать левой. Но для этого кинжал пришлось убрать в ножны. Затем Варан наклонился, чтобы поднять лирру и закинуть себе на плечо. Девушка была миниатюрной и худенькой, но в теперешнем состоянии это стало для Варана тяжёлой задачей. Он подсел, пытаясь поудобней подхватить обмякшее тело. Проклятая правая рука рефлекторно пыталась помогать, отчего всякий раз её пронизывала нестерпимая боль, и Варан легонько стонал. Однако, нужно спешить. Второй, этот центурион Брос, может вернуться в любой момент...

Резкая боль пронзила правую нижнюю часть спины где-то в области почки. Варан машинально протянул туда руку и с удивлением обнаружил рукоять кинжала, который торчал в его боку. Он повернул голову. В четырёх шагах от него стоял Бин. Из губы его сочилась кровь, но лицо было искажено торжеством и ненавистью.

– Я же предупреждал, чтобы ты её не трогал! – прокричал Бин.

Варан попытался было подняться, но ноги предательски подломились, и он рухнул прямо на распростёртую перед ним лирру. Внезапно боль ушла из его тела, вместо неё по жилам растеклось неожиданное тепло. Однако спустя лишь секунду ледяной холод сковал его конечности и стал двигаться к сердцу. Он пытался дотянуться до кинжала в своих ножнах, но рука ему более не повиновалась. А затем наступила тьма.

***

На сей раз не было ни звёзд, ни луны, ни даже земли. Мэйлинн стояла посреди клубящегося ничто. Ни верха, ни низа не было. Она стояла, борясь с тошнотой и стараясь не смотреть под ноги, поскольку разум бунтовал против возможности стоять на пустоте. Поэтому поначалу Мэйлинн просто стояла с закрытыми глазами, стараясь вернуть себе хотя бы подобие присутствия духа. Удивительно, но это у неё получилось. Теперь вот глаза были открыты. Ещё немного, и она заставит себя смотреть вниз. Затем – идти. Конечно, именно

идти будет страшнее всего, но стоять на месте Мэйлинн не собиралась. Ещё вот и Симмер молчит, словно его тут и нет. Мэйлинн уже даже слегка соскучилась по его болтовне, поскольку это давало хоть какую-то определённости.

Через какое-то время, старательно смотря чуть выше воображаемого горизонта, Мэйлинн осторожно сделала шаг вперёд. Когда не видишь, что под ногами ничего нет, идти вполне можно. По ощущениям ничем не отличается от обычной земли. Главное – не смотреть вниз. Шаг, другой... Шаг, другой... Куда идти – абсолютно неважно, ведь повсюду одна и та же клубящаяся хмарь. Сейчас главное – спровоцировать Симмера проявить себя. Поэтому – шаг, другой...

Снизу стало разрастаться оранжевое сияние. Непроизвольно взглянув туда, Мэйлинн обмерла: где-то далеко внизу раскинулось словно бы озеро расплавленной магмы. Не смотреть, просто идти вперёд – только и успела приказать себе лирра, как пустота перестала её держать. Испуганная лирра рухнула вниз, прямо во вспухающую огненными пузырями массу.

Как и в прошлый раз, падение прекратилось незадолго до поверхности. Мэйлинн вновь парила, распластавшись вдоль поверхности кипящей магмы, и горячие серные испарения дышали ей прямо в лицо. Поднимающиеся потоки раскалённого воздуха разведали волосы и одежду.

– Вот ты снова здесь, – наконец-то послышался голос Симмера.

– Мы оба знаем, что я не здесь, – как можно небрежнее ответила лирра.

– Это не так уж и важно, – ответил Симмер. – Я держу в плену твою душу, а тело рано или поздно всё равно станет моим. Признаться, не ожидал от тебя такой мощи. Но она ведь не твоя, верно?

– Какая разница, раз посланные тобой гоблины мертвы? – Мэйлинн старалась впустить в свой голос побольше царственной холодности, но не была уверена, что у неё получалось.

– Да, разницы нет, – согласился Симмер. – Но если ты думаешь, что у меня не хватает гоблинов – ты ошибаешься. Уж в чём-чём, а в гоблинах на болотах недостатка нет. Через пару часов новый отряд будет на месте. Не думаю, что твои друзья смогут за это время далеко уйти, да ещё и неся твоё тело на себе.

Мэйлинн презрительно хмыкнула, хотя внутри всё леденело от ужаса.

– Но даже если мои гоблины и не преуспеют, ты навеки останешься здесь! – пророкотал Симмер. – Твоя душа будет томиться в этом мире, затем, когда она сойдёт с ума, я выпущу её в болота. Ещё один злобный дух там не помешает. Ты не знаешь, на что я способен, когда мне перечат! Согласись – и ты ни в чём не будешь знать отказа. Я научу тебя всему. Мы сломаем этот нелепый дефект твоей природы, который мешает тебе владеть магией даром, не принося себя в жертву. И самые сильные колдуны этого мира будут подвывать в ужасе, вспоминая твоё имя.

– Но если ты откажешься, – продолжал демон. – Тебя ждёт поистине ужасная участь. Я стану пытаться и насиловать твою душу. Поверь, телесные муки по сравнению с этим – ничто. Я заставлю тебя скулить, я заставлю тебя забыть речь, забыть своё имя, забыть, что ты – разумное существо. От твоей души ничего не останется, и это ничего я скомкаю и растреплю в локуты. Ты будешь завидовать самому последнему гоблину, самой последней пиявке в этом болоте.

– Ты слишком много говоришь, но это – признак слабости, – на этот раз с совершенно искренним презрением ответила лирра. Ей стало вдруг совсем не страшно. – Ты древний и могучий, но могущество твоё не распространяется дальше гнилой лужи вокруг тебя. Ты можешь много говорить и много пугать, но ты ничего не можешь сделать. Признаюсь, поначалу я страшилась тебя. И тогда, возможно, я бы хоть на секунду задумалась над твоими словами. Но теперь они меня лишь смешат! Смотри! – и с этими словами Мэйлинн сунула

руку прямо в кипящую магму. Однако обжигающее варево отпрянуло от белой кисти лирры, обнажая под собой всё ту же пустоту. Всё это огненное озеро было не более чем мороком.

Мэйлинн расхохоталась, потому что услышала гневный рёв Симмера. Её вновь понесло вверх, затем вниз, затем её стало швырять из стороны в сторону, как ребёнок треплет свою игрушку, но лирра лишь смеялась. Теперь-то она твёрдо знала, что, во всяком случае пока, Симмер не имеет над ней власти. Кто знает, что будет, если он добудет её тело, но Мэйлинн была уверена в своих друзьях. Она знала, что Кол и Бин её спасут.

Когда ярость демона стихла, Мэйлинн оказалась лежащей на каком-то каменном полу. Было ли это подземелье – трудно сказать, потому что ни стен, ни потолка не было видно из-за гнилостно-желтоватого тумана. Мэйлинн, хотя и была уверена в своих силах, однако не знала, как долго её душа сможет сопротивляться столь могучему существу. Поэтому она решила, что будет бороться из последних сил. Встав на ноги, Мэйлинн бросилась бежать. Неважно куда, но бежать как можно дальше и дольше. И тогда рано или поздно выход найдётся.

***

Бин сидел на земле, положив подбородок на поджатые колени, и, не отрываясь, смотрел на убитого им человека. Теперь он лежал примерно в десятке шагов от Мэйлинн, и между ними горел огромный костёр. Стало уже почти совсем темно. Кола не было около трёх четвертей часа. Однако нельзя сказать, что Бин сильно волновался. Его разум сейчас блуждал где-то, пока глаза уставились, не мигая, в одну точку.

Из этого транса его вывел топот множества ног. Бин двумя прыжками подскочил к Мэйлинн, готовый сражаться и умирать за неё. Он взгляделся в темноту, ещё более густую за пределами света костра.

– Эй, парень, всё нормально! Это я! – послышался голос Кола и Бин чуть не рухнул на землю от облегчения.

И действительно, вскоре появился Кол, верхом на лошади. Но это была не их лошадь. Более того, Бин увидел, что бывший паладин ведёт на привязи ещё пять лошадей.

– Ничего себе! – присвистнул Бин. – Откуда они у тебя?

– Да видишь ли, – ответил Кол, спрыгивая на землю. – Наших-то лошадок я разыскал, но они так обезумели от страха, что подойти к ним я так и не смог. Они только ржали и убегали от меня. Кстати, как она? – спросил он, перебивая сам себя.

– Так же... – буркнул Бин.

– Так, давай-ка, собирайся. Мы отъезжаем. Сегодня придётся ночь провести в седле.

Бин с готовностью подхватил дорожную сумку Мэйлинн, повесил её на себя.

– Опа... А это кто ещё? – вдруг спросил Кол, увидев лежащего Варана.

– Он хотел забрать Мэйлинн. Я его убил, – почему-то у Бина не было никакой охоты расписывать свой подвиг. Он до сих пор не мог до конца поверить, что совсем недавно взял и убил человека.

– Ясно. Он из Гильдии Теней. Один из тех, о ком говорила Мэйлинн, – Кол подошёл к телу и легонько толкнул его носком сапога. – Да, мёртв... Их было шестеро...

– Шестеро? Где они? – тревожно воскликнул Бин.

– Все мертвы, – ровным голосом ответил Кол. – Четверо погибли от взрыва. Одного убил я...

– Ты? – широко распахнул глаза Бин.

– Да, я, – снимая седло с одной из лошадей – великолепного вороного скакуна – ответил Кол. – Он был контужен, у него полопались перепонки. Он сидел, обхватив руками голову. Я подошёл сзади и убил его. Я не горжусь этим, парень, – поспешно добавил Кол. – Но я не

хотел рисковать. Я сразу понял, что эти ребята – из Гильдии. Наверняка из числа охотников за головами. С ними шутки плохи.

Сняв седло, Кол отбросил его в сторону, хотя оно было очень хорошим и явно дорогим. Затем он распустил уздечки четырёх лошадей и привязал каждую к седлу предыдущей. Самую первую он привязал к седлу лошади Бина.

– А зачем ты снял седло? – недоуменно спросил Бин.

– А как прикажешь везти Мэйлинн? – спросил Кол. – Перекинуть её через лошадь, как крепостную девку, которую заприметил сеньор? Я посажу её перед собой и буду крепко держать. Но с седлом это будет сложновато. Я везу Мэйлинн, на тебе – остальные лошади. А ну, помоги-ка...

Вместе они подняли Мэйлинн и аккуратно забросили на лошадь. Затем Кол вскочил верхом на жеребца, и Бин поневоле позавидовал, как легко ему это далось, при том, что не было стремян. Усевшись, Кол, с помощью Бина, усадил лирру, прислонив её к себе. Одной рукой он держался за уздечку, другой – приобнимал Мэйлинн.

– Давай, прыгай в седло, да поехали. Не удивлюсь, если вскоре сюда нагрянет ещё один отряд гоблинов!

При упоминании о гоблинах Бин сразу же вскочил на лошадь и пустил свой мини-караван рысью. Через несколько секунд с ним поравнялся Кол.

– Всё в порядке? – спросил он Бина. – Не слишком устал?

– Всё в норме, – ответил Бин. – Лучше уж ночь в седле, чем ещё одна встреча с гоблинами. Так ты не дорассказал, откуда ты добыл этих лошадей?

– А, ну да! Так вот, пока я, как сопливый деревенский конюшонок, гонялся за нашими лошадками, я вдруг услышал, что когда наши ржут, им кто-то откликается из лесочка. Ну я и пошёл туда тихонечко. Смотрю – а эти красавцы стоят, привязанные к деревьям. Рядом никого не было, хозяева их, как я уже знал, были мертвы, так что я и забрал их с собой.

– Как удачно получилось! – обрадовался Бин.

– Да. Я бы сказал, что это было отличным совпадением, если бы одна знакомая не убедила бы меня, что совпадений не бывает, – ответил Кол, искоса взглянув на лирру, которую он прижимал к себе.

Надо сказать, что Бин вновь почувствовал уколы ревности. Ему страшно хотелось быть на месте Кола... Прижимать Мэйлинн к себе... Девичье тело такое мягкое, словно лишённое костей. Как было бы славно чувствовать его своей грудью, своей рукой, своими бёдрами... Вдыхать запах мягких чёрных волос – пусть толком не мытых уже неделю, но всё-таки дивно пахнущих, в этом Бин не сомневался. Иногда, словно случайно, прижиматься губами к её затылку... Бина обожгла мысль, что всё это теперь выпало на долю Кола. Но нужно отдать ему должное – Бин тут же взял себя в руки. Он помнил о том эмоциональном разговоре, который случился у него с Колом. Он помнил, что сказал ему Кол. И он понимал, что Кол прав. И вообще – главное, что все целы, и *она* цела. И сейчас она, по крайней мере, не рискует свалиться с лошади вместе со своим горе-всадником Бином, – усмехнулся парень.

– А расскажи-ка что-нибудь весёлое, дружище Кол! – попросил он.

– А я рассказывал уже, как мы с моим приятелем Джоком просились на ночлег к одной бабёнке в Пунте? – немедленно откликнулся Кол.

– Не, не рассказывал, – улыбнулся Бин.

– Ну так вот, слушай. Был у меня приятель Джок, правда, все звали его Пуком. Ну ты понимаешь, почему, – засмеялся Кол. – Уж как он умел подпустить сунса! Стены дрожали! А от запаха глаза щипало! – Бин захохотал. – И вот, когда моя когорта шла через Пунт в Дорию, к Каладиусу, мы остановились на ночлег в одной деревушке. Мы с Пуком попросились на ночлег к одной вдовушке. Не молодка, конечно, была баба, но ещё вся в соку! И вот...

Великолепные сарраассанские кони словно проглатывали мили. Вроде бы их особо и не понукали, и шли они рысью, как и раньше. Но если дорийские лошадки рысили как-то неровно, словно семена ногами, то сарраассанцы словно летели, не касаясь земли. Да и седло было куда лучше того, что купил Кол в Латионе. Это не седло, а настоящий трон, – блаженно думал Бин, в пол-уха слушая болтовню Кола и то и дело заливаясь смехом. И почему-то верилось, что теперь-то уж всё наверняка будет хорошо.

***

Мэйлинн бежала. Слава Арионну, в этом мире не играли роли ни сила её ног, ни объем лёгких. Здесь важна была сила духа, а этого добра у Мэйлинн было хоть отбавляй. Поэтому она, не снижая темпа, бежала вперёд и вперёд, стараясь никуда не сворачивать, хотя прекрасно понимала, что в таком тумане она, вполне вероятно, просто кружит на одном месте.

Сколько прошло времени – Мэйлинн сказать не могла. Здесь время как-то не ощущалось. А сколько его прошло в реальном мире – этого она не знала и давно. Симмер больше не являл себя, не строил козней, не чинил препятствий. Наверное, ждал, когда она выдохнется. И с чувством удовлетворения Мэйлинн ощущала, что теперь он даже несколько её побаивается.

Вдруг ей показалось, что где-то вдаль забрезжил какой-то свет. Может быть, это очередная уловка демона, но выбирать не приходилось. Мэйлинн рванула туда. Долгое время казалось, что свет не приближается. Воздух становился всё более тягучим и густым. Наверняка – очередные проделки Симмера. Может быть, это действительно выход, и демон пытается её удержать? Лирра ещё больше поддала ходу.

Вскоре каменная брусчатка под её ногами стала вязнуть, словно расплавленный сахар. Через некоторое время оторвать ступни от пола стало очень сложно, и наконец Мэйлинн рухнула, не сумев вовремя переставить ногу. Упав, она оперлась на руку, и та также стала медленно тонуть в каменной мостовой.

На секунду лирра поддалась панике и забилась сильнее, но от этого увязла ещё больше. Однако, затем она вспомнила лавовое озеро.

– Придумай что-то поумней! – яростно крикнула она в туман и выдернула руку. Затем встала, и с усилием переставила одну ногу. Затем другую. Каждый новый шаг давался легче предыдущего, и вскоре ноги снова оказались на твёрдом покрытии.

– Тебе меня не удержать! – обернувшись через плечо, кинула Мэйлинн невидимому Симмеру. А затем снова бросилась к источнику света, который теперь стал постепенно приближаться. Он напоминал далёкое оконце в тёмном подвале. И Мэйлинн точно знала, что там выход. Потому что в светящемся проёме она на мгновение увидела две такие родные фигуры.

Демон стал выть и реветь. Туман разлетался клочьями от этих звуков, словно от порывов сильного ветра. Теперь она слышала в его голосе не только угрозу, но и страх и мольбы. И это заставляло её улыбаться.

И вот он – светящийся проход! На полном бегу Мэйлинн нырнула туда...

***

Около полутора сотен гоблинов подошли к тому месту, где разыгрались предыдущие события. Повизгивая от страха, некоторые из них приблизились к догорающему костру. Гоблины становились на четвереньки и обнюхивали землю. Но всё, что они нашли – это тело Варана.

Вероятно, Симмер всё понял. Что добыча ускользнула от него, причём на лошадях, так что никакие гоблины их уже не догонят. Что он проиграл... Волна жуткой ненависти прокатилась окрест озера Симмер.

Затем десяток гоблинов подхватил тело Варана и понёс его на север. За ними направилась ещё пара десятков гоблинов. Остальные же вдруг как-то обмякли, затем побросали палки, которые держали в руках, и с голодным визгом набросились на останки своих сородичей, искорёженных силой магии лирр. Симмеру они стали неинтересны.

Глава 19. Гончая Симмера

Глаза никак не хотели открываться. Всё тело словно существовало отдельно от разума – не удавалось пошевелить даже мизинцем. Варан пришёл в себя несколько минут назад, но до сих пор никак не мог понять – где он, и когда. Вместо памяти была чёрная дыра. И Варан просто лежал, давая себе время.

Постепенно из черноты стали кристаллизовываться обрывки воспоминаний. Поначалу это были робкие фрагменты, словно небольшие камешки, осыпающиеся со склона – сначала один, затем несколько... А затем на него камнепадом обрушились события последнего времени. Точнее, он не мог сказать, как давно всё это было, и сколько он был без сознания. Но он вспомнил всё, что с ним произошло, вплоть до кинжала, который этот щенок метнул ему в спину. Вот уж, поистине: милосердие – удел слабых и дураков.

Что ж, значит он всё-таки жив. Или так выглядят чертоги Асса? Однако же, что-то подсказывало Варану, что он ещё не до конца умер. А это значило, что есть шанс побороться. Но для этого нужно как-то открыть эти проклятые глаза...

Это было сложно. Сложно возвращать контроль над телом, которого едва не лишился. Но Варан с детства привык к сложностям. Так что, сделав невероятное усилие, он приподнял веки. Однако, легче от этого не стало – вокруг по-прежнему была темнота. Какая-то странная, лоснящаяся тьма разливалась вокруг него. А ещё Варан чувствовал странный запах. Пахло какой-то одновременно гниловатой и свежей сыростью, словно он лежал на берегу озера. Сомнений не оставалось – он находится у озера Симмер. Как он здесь оказался, и, главное, зачем – всё это станет известно в своё время. Пока же нужно встать.

С ощущением тела возвращалась боль. Ноющая, тянущая боль в спине, там, куда пришёлся удар кинжала, такая же ноющая, но более сильная боль в сломанной кости. Болел распухший, едва помещавшийся во рту язык. Да, в общем-то, болело всё. Но Варан сейчас радовался этой боли, потому что она давала ощущение жизни. И ощущение тела. Кажется, он уже готов был взять контроль над телом в свои руки и постараться подняться.

Варану удалось приподнять голову, и... Голова окунулась в холодную воду. От неожиданности Варан отпрянул, но так и не ударился затылком о землю. Потому что не было никакой земли. И тут охотник вдруг понял, что он не лежит. Он, непонятно каким образом, висит над самой поверхностью озера лицом вниз. Но, что удивительно, даже капли воды с его лица сейчас ползли вверх, словно бы он лежал на спине.

– Я вижу, ты очнулся, – раздался голос. Он словно шёл из глубины.

– Кто ты? – дрожащими, непослушными губами спросил Варан.

– Я – Симмер, хозяин этих земель. Но для тебя важнее будет узнать, что я тот, кто спас тебе жизнь.

– Ты спас мне жизнь?... – тупо повторил Варан. Ему не как не удавалось обуздать пляшущие в голове мысли.

– Ты был мёртв. Но я успел перехватить твою душу, поскольку я повелеваю всем в этих местах. Затем мои гоблины принесли твоё тело... И вот – ты снова жив.

Какое-то время Варан просто молчал, собирая мысли в порядок. Значит, он был мёртв и воскрес?

– Я благодарю тебя, Симмер, – наконец ответил он. – Твоя услуга неоценима, и...

– Моя услуга имеет совершенно конкретную цену, – перебил голос. – Ты должен выполнить для меня одно задание.

– Какое задание? – напрягся Варан.

– Ты должен захватить лирру, за которой охотишься, и доставить её ко мне.

– Но, если ты многое обо мне знаешь, то должен знать также и то, что я охочусь на лирру, чтобы передать её моим работодателям, – помолчав, заговорил Варан, взвешивая каждое слово. – Я не могу выполнить твоё задание, не провалив другого. А я не привык к этому.

– Ты уже провалил своё задание, – спокойно возразил голос. – Ты умер. Мёртвые не способны никого поймать. Так что у тебя больше нет никакого задания.

– Подобные рассуждения недостойны истинного мастера, – проговорил Варан. – У меня есть задание, которое необходимо выполнить. Это не обсуждается. Если ты не можешь этого принять, то лучше будет сразу отнять у меня жизнь.

– Хорошо, – без тени гнева или раздражения заговорил Симмер. – Давай попробуем поговорить без всех этих красивых жестов. Ты – мастер Теней. Я знаю, что ты храбр, и что у тебя есть свой кодекс чести, но честь – маска слабых. Ею они пытаются прикрыться от внезапных ударов тех, кто сильнее. Создают какие-то искусственные препоны и надеются, что другие станут их придерживаться. Словно дети, которые закрывают глаза ладонями и убеждают себя, что чудовище из-под кровати их больше не видит. Сильные плевали на честь! Сильные делают то, что им вздумается, потому что они – сильные. Потому что им плевать, что о них думают другие. Ты – сильный. Неужели ты хочешь всю свою жизнь выполнять чужие приказы и жить на подачки? Или ты хочешь быть хозяином себе и всему миру? Что ждёт тебя дальше? Ты сам это прекрасно знаешь. Пройдёт ещё какое-то время, и ты станешь мастером седьмого круга. И тогда вся твоя жизнь будет состоять из вонючей темной комнаты и вороха бумаг. Ты будешь на вершине, но ты будешь заперт на ней. Неужели тебе этого хочется?

Варан внимательно слушал Симмера, и, против своей воли, осознавал, что тот прав. Кроме того, он понемногу адаптировался к сложившейся ситуации, и она уже не казалась ему чересчур ужасной или сверхъестественной. Он понимал, что разговаривает с великой магической сущностью, но его это несколько не волновало.

– А что можешь предложить ты? – глухо спросил он.

– Стать хозяином. Стать властелином. Повелителем этого мира! – голос говорил всё громче и настойчивее.

– Это – слова, – скривился Варан. – Ты говоришь мне о могуществе и владении миром, а сам скрываешься в этих болотах.

– Справедливые слова, и мне они нравятся, – ответил Симмер. – Вижу, что я в тебе не ошибся. Ты действительно силен и бесстрашен. Но у меня есть, что тебе ответить. Скажи, ты слышал когда-нибудь о Драонне?

– Нет, я никогда не слышал этого имени, – проговорил Варан.

– И неудивительно, ведь он жил много тысяч лет назад. Но зато ты наверняка слышал о его внуке – Гурре.

– Если это – тот самый Гурр...

– Это тот самый Гурр. Император Тондрона. А его дедом был Драонн, основатель империи чёрных магов. И история этого Драонна весьма занятная. Тебе будет полезно выслушать её.

– Я всегда был не прочь узнать что-то новое, – ответил Варан. – Тем более, не уверен, что у меня есть особенный выбор.

– Более семи тысяч лет назад корабли Паэтты достигли Эллора, – игнорируя сарказм Варана, продолжил Симмер. – В то время на Паэтте стояли государства, чьи названия сейчас уже забыты. Это были могучие империи, которые постоянно сражались между собой за новые земли. Одной из таких империй была Кидуа. Сейчас это сравнительно небольшое государство, а много раньше именно им принадлежала большая часть земель западного Латиона. В древней Кидуе, как и сейчас, очень тесно жили между собой люди и лирры. Но в то время между ними была война.

Лирры были куда могущественнее людей, но их было значительно меньше. Поэтому они повсеместно отступали, уходя в глухие лесистые места, в надежде, что люди оставят их в покое. Однако тогдашние правители людей поклялись истребить племя лирр, и люди не знали пощады. Именно тогда лирры стали заниматься изысканиями, которые позднее привели к возникновению Школы Наэлирро. Они искали способы, как можно пробудить магию во всех лиррах без исключения, а не только в некоторых. Да, в то время магии среди лирр появлялись так же нечасто, как и среди людей. Причём многие из них не выдерживали *пробуждения* и погибали в муках.

Одним из лиррийских принцев тогда был Драонн. Его земли лежали на севере Кидуи. Когда люди пришли, чтобы уничтожить его семью и его подданных, Драонн дал бой. В этом бою погибла его жена, а также дочь, которая сама была магинею. Драонн с остатками своих воинов сел на корабль и отплыл на запад в надежде, что однажды он вернётся и отомстит.

Его корабль благополучно миновал Загадочный океан и пристал к новым берегам. Так был открыт Эллор. Лирры создали поселение на берегу. Постепенно они стали уходить всё дальше на запад в поисках добычи. Драонн, который был сам не свой с момента, как увидел гибель своей семьи, вёл себя не как принц. Он отделился от своего народа и жил отшельником, добывая пропитание охотой. Вскоре остальные лирры перестали даже пытаться вернуть его в общину.

А Драонн забредал всё дальше на запад, туда, куда не добирались другие охотники. И там, в скалистых горах Эллора, он встретил Бараканда. Точнее, это Бараканд приманил Драонна к себе.

– Бараканд – это тоже озеро? – спросил Варан.

– Нет, Бараканд – не озеро, – ответил Симмер. – В вашем мире Бараканд выглядит огромным чёрным орлом. Бараканд спустился к Драонну и заговорил с ним. И Драонн остался жить в горах, внимая мудрости Бараканда. И именно Бараканд сделал так, что Драонн первым и последним из мужчин-лирр сумел ощутить *возмущение*. То есть, он стал магом. Единственным лиррийским магом, так как Бараканд сказал ему, что ни с кем другим никогда этого повторить не удастся.

Став магом, величайшим из всех, Драонн вернулся к своему народу, чтобы призвать их к себе. Но большая часть лирр в ужасе отшатнулась от Драонна, точнее, от того, кем он стал. Они были слишком слабы и пугливы, и не могли оценить величия Бараканда. Тогда Драонн позволил им уплыть назад, на Паэтту. Остальные же (их осталось всего двенадцать) лирры, среди которых была лишь одна женщина, отправились вглубь Эллора, поближе к обители Бараканда.

Бараканд не мог сделать их магами так же, как и Драонна, но у него были другие методы. Он изъём души лирр и долгими десятилетиями преобразовывал их самыми страшными и жестокими методами. По сути, он лишил их сущности лирр, они превратились в демонов. Тогда он вернул души в тела. Так возникли Двенадцать Герцогов, которые помогали Драонну создавать собственную империю. Земли Эллора были совершенно безлюдны – там не жили никакие разумные существа. Но Драонн и Герцоги, с помощью Бараканда, стали творить гомункулов, которые и стали их подданными.

Так возникла империя Тондрон. В месте, где находится гнездо Бараканда, была основана столица империи Оф. В огромном чёрном замке, высеченном в цельной скале высотой в две тысячи футов, – той самой скале, на которой Бараканд тысячелетия назад свил своё гнездо, – воссел император Драонн. И правил империей около трёх тысяч лет. Затем императором стал Баун, его сын, а после него – Гурр.

– А откуда же у него взялся сын? – полюбопытствовал Варан. – Или он женился на той Герцогине?

– Герцогиня – всего лишь демон, помещённый в мёртвое, по сути, тело. От лирры в ней ничего не осталось. И она не могла родить. Нет, гораздо позже, когда жители Паэтты стали понемногу заселять восточное побережье Элнора, подручные Драонна стали похищать для него женщин из числа лирр, людей и даже гномов. Увы, почти все они погибали. Значительная часть умирала ещё во время зачатия, другие – на первых же неделях беременности. Редко кому удавалось доносить ребёнка до родов, и лишь одна женщина из племени людей смогла родить. Точнее, ребёнка достали из уже мёртвого тела. Так на свет появился Баун-полукровка, и так же, спустя пару тысяч лет, родился Гурр, кстати, тоже от человеческой женщины. Уверен, что сейчас и он пытается родить себе наследника, но пока всё тщетно. Найти подходящий сосуд – дело не одного тысячелетия.

– Так, по-твоему, лирра – и есть этот сосуд?

– Нет, что ты! – ответил Симмер. – Может быть, она и стала бы идеальным сосудом, но я ни за что не подарю её Гурру и Бараканду. Я надеюсь, что лирра станет *моим* Драонном. Она – уникальна, в ней есть особый дар.

– А меня, стало быть, ты хочешь сделать Герцогом при ней? – саркастически спросил Варан. – Вынешь мне душу, и превратишь в демона?

– Это не потребуется. Ты ведь – человек. Пойми, люди в магическом плане совсем не похожи на лирр. Лирры – они как застывшая глина. Может быть, это – великолепная ваза, может быть – просто комок у дороги. Но они уже застыли, их не переделать. Люди – как сырая глина. Из них можно лепить, что угодно. Я сделаю тебя магом, не вынимая твоей души. И ты будешь сотни лет жить при Мэйлинн. А ваши потомки будут править всей Паэттой.

– Ничего себе, куда ты хватил! – усмехнулся Варан. – Потомки...

– Да, потомки, – повторил Симмер. – Ты станешь основателем новой великой династии, перед которой затрепещет даже сам Гурр.

– А ты, стало быть, подомнёшь под себя Бараканду?

– Конечно, нам двоим будет тесно в этом мире. Кроме того, его золотое время уже позади.

– А если я откажусь? – спросил Варан.

– А ты откажешься?

– Нет, – неожиданно для самого себя ответил бывший охотник за головами.

– Я так и думал, – удовлетворённо отозвался Симмер. – Я бы сказал, что твоё появление тут стало счастливой случайностью, но мы оба знаем, что совпадений не бывает.

– И когда мне выдвигаться? – спросил Варан. – Мы теряем время.

– Сначала мне нужно восстановить твоё тело. В таком состоянии ты не сможешь пройти и мили. Кроме того, Мэйлинн уже довольно далеко отсюда. Скоро они покинут Симмерские болота. Но ты – охотник за головами. Ты – лучшая гончая этого мира. Ты найдёшь их след. Теперь, когда они считают тебя мёртвым, они вновь будут вести себя непредусмотрительно.

– Тогда я отправлюсь, как только смогу.

– Конечно, – подтвердил Симмер. – И вот ещё что. Я знаю, что ты – сложный человек, и в будущем, оказавшись вдали от меня, ты можешь изменить условия нашего договора. Поэтому я подстраховался. Твоя душа запечатана в теле особой руной. Эта руна сгорит в первый день зимы, и тогда ты умрёшь. Если, конечно, до тех пор не доставишь мне лирру. Обрати внимание, насколько я щедр. Я даю тебе больше трёх месяцев. Это более, чем тебе потребуется.

– Я ценю это, – буркнул Варан. Действительно, ему приходила уже в голову мысль, что сейчас главное – выбраться отсюда, а там посмотрим.

– Ну вот и замечательно. А теперь мне потребуется несколько дней, чтобы поставить тебя на ноги. Так что – давай, засыпай...

***

Глаза никак не хотели открываться. Снова то же полное ощущение отсутствия собственного тела, и тот же запах озёрной воды. Кроме того – лёгкое шуршание тростника вокруг. Однако, на этот раз возвращение ощущения тела не сопровождалось болью. Точнее, боль была, но по ощущениям это была скорее боль уставших мышц, чем боль сломанных костей и проткнутых внутренностей. Такое пробуждение нравилось Варану определённо больше.

Глаза открылись. Не сразу и не вдруг, не без усилий, но открылись. И причина этого тяжкого открывания стала ясна. Варан лежал, погруженный в грязь. В прямом смысле – с головой. Точнее, его лицо находилось на поверхности, но и оно было обмазано жирным, пахнущим тиной и гнилью илом. С отвращением Варан понял, что этим же илом забит и его рот. Он стал отплёвываться, и вдруг понял, что язык больше не болит. Точнее, почти совсем не болит.

Варан постарался вырваться из грязевого плена, но не преуспел. Сил и так было немного, а ил держал очень цепко. Дёрнувшись раз, другой, и не добившись видимых успехов, он даже слегка забеспокоился. Стало очевидно, что ему не выбраться из этой грязевой ловушки. Однако Варан тут же подумал, что вряд ли Симмер стал бы заморачиваться с его оживлением и лечением только для того, чтобы забальзамировать его заживо в прибрежном глее.

И действительно – почти сразу появилось четверо гоблинов, которые принялись деловито его раскапывать.

– Ты же не думал, что я оставлю тебя здесь умирать! – прямо в голове раздался голос Симмера. – Эта грязь нужна была, чтобы исцелить тебя. Заметь, что прошло всего три дня, но ты уже сейчас можешь пользоваться своей правой рукой. А ещё через неделю и вовсе ничто не напомнит тебе о травме.

– Спасибо, – сплёвывая грязь, прохрипел Варан.

– Вот! Видишь, ты уже вполне сносно владеешь языком, а ведь он у тебя буквально болтался на ниточках. Теперь войди в мои воды, омойся, и будешь готов к путешествию.

Варан так и сделал. Он осторожно и медленно вошёл в холодную неподвижную воду – казалось, она расходится перед ним и тут же смыкается, словно это и не вода, а какая-то гораздо более вязкая субстанция. Зайдя по грудь, Варан задержал воздух и несколько раз присел, окунувшись с головой. Что-то необычное было в этой воде – она наполняла его силами, снимала боль и усталость, делала мысли более простыми и лёгкими.

Выходить из чудесной купели не хотелось, но Варан всё же вышел. Вода стекала с него тягучими струями.

– Отлично. Теперь ты готов. Увы, мои гоблины слишком глупы, чтобы поймать для тебя лошадь, а твоих лошадей увели спутники Мэйлинн, так что до перевала придётся идти пешком. Силы, которую ты впитал сейчас, тебе хватит, чтобы идти без остановок всю ночь и весь следующий день. Немного пищи есть в мешке, который лежит неподалёку от тебя. Но главное – я нашёл твой меч.

– Хорошая новость, – ответил Варан, наклоняясь, и поднимая клинок. Обтерев его о рукав, он сунул его в ножны, которые так и оставались висеть у него за спиной. – Ну что ж, долгие проводы – лишние слёзы. Я отправляюсь.

– Отправляйся. И помни, что через несколько дней начнётся осень, а за нею придёт зима.

– Лучшее напутствие, которое я слышал, – пробормотал Варан, пробираясь через прибрежные заросли. – Я вот-вот расплачусь. Да, дружище Окорок, ввязались мы с тобой в историю!

Варан прекрасно помнил лёгкую улыбку Окорока, кровавое пятно, расплывающееся на его одежде, но привычка брала своё. Собственно, Окорок и раньше не отвечал, так что и сейчас ему будет не в тягость быть собеседником Варана. Странно, но Варан почти не чувствовал горечи по поводу утраты друга. Ему постоянно казалось, что стоит сейчас обернуться, и он увидит каменное лицо здоровяка. Закрадывалось лишь лёгкое сожаление, что Симмер не догадался захватить заодно и его душу, пока та топталась у ворот Ассовых чертогов. Ну да дарёному коню в зубы не смотрят, как говорится. Сам жив – и то хорошо. Хотя, конечно, конь бы сейчас был очень кстати.

Варан быстрым шагом двигался на юго-восток. Каким-то чутьём он ощущал, где расположен тракт. Вполне вероятно, в этом была заслуга примолкшего Симмера. Ладно, сейчас главное – выбраться на дорогу. Затем просто идти до перевала. А уж там – Варан в этом не сомневался, – он легко разыщет следы беглецов. Хотя, конечно, было бы неплохо разыскать и их самих, да побыстрее. Варан почти физически ощущал, как где-то в его внутренностях медленно истаивает руна, державшая на привязи его душу. Не стоит отчаиваться – у него есть целых три месяца. За это время можно обрыскать всё Загорье и вернуться обратно. Только бы добраться до Пунта. Золота и серебра у Варана хватает, благо кошель остался при нём. Он снова – идеальная гончая, которая вот-вот выйдет на след. И нет такого следа, который бы простыл достаточно, чтобы мастер Варан его не унюхал.

Глава 20. Пунт

Глаза Мэйлинн широко распахнулись. Тело её изогнулось дугой, а из груди вырвался хриплый выдох пополам с беззвучным криком. Зрачки были расширены так, словно она находилась в темноте.

– Очнулась! Кол! Она очнулась!!! – раздался восторженный крик Бина.

Мэйлинн очумело озиралась по сторонам. Она лежала в каком-то полузакрытом фургоне на ворохе каких-то тряпок. Судя по мерному покачиванию, фургон двигался по вполне приличной дороге. Впереди маячила спина Бина, который правил лошадьми. Точнее, сейчас он бросил вожжи и с обожанием смотрел на лирру. Раздался цокот копыт, а вслед за ним голос:

– Что, проснулась, соня? – вслед за этим показалась голова Кола, который перегнулся с седла и заглянул в фургон.

– Вроде того, – выдохнула, садясь, Мэйлинн. Перед её взором до сих пор стояло подземелье, клубящийся туман и светящийся проем выхода. И всё ещё стоял в ушах жуткий, отчаянный рёв Симмера.

– Тяжко было? Да останови ты повозку, – прикрикнул Кол на Бина. – Я сейчас из седла выпадую!

Бин поспешно ухватил вожжи и потянул их на себя, заставляя лошадей встать.

– Тяжко, – согласилась Мэйлинн. Кол вскочил в фургон, на ходу свинчивая крышку с фляги и протягивая его лирре. – О, вот за это спасибо!

Мэйлинн жадно припала губами к горлышку и, захлёбываясь, стала глотать воду. Вода текла по её подбородку на грудь, но лирре было всё равно. А Бин снова горько подумал о том, почему Кол всегда лучше знает, что нужно Мэйлинн, тогда как он только и может, что тарашиться на неё и восторженно вопить.

– Сколько я была в отключке? – почти опорожнив фляжку, спросила Мэйлинн.

– Больше двух дней, – ответил Кол.

– Так мы уже...

– В Пунте.

– А что это за фургон? И что вообще случилось? Расскажите мне, а? Только сначала дайте чего-нибудь съесть, пока я не напала на наших лошадей.

– Один момент! – Кол вынырнул из фургона и меньше чем через минуту вернулся снова. – Я привязал свою лошадь к фургону. Давай, дружище, двигай дальше, а я пока покормлю нашу принцессу.

Бин хлопнул вожжами по крупу лошади, и та двинулась в путь. Кол, между тем, достал походную сумку Мэйлинн и извлёк из неё свежий ароматный пшеничный каравай, какую-то жирную копчёную рыбку и кусок жареного мяса, завернутые в плотную бумагу, яблоки и бутылку молока. Последнему лирра особенно обрадовалась – она обожала молоко.

– Ничего себе! Вот это пир! – восхитилась она.

– Да, у нас теперь так всегда! – ухмыльнулся Кол. – Вкусно кушаем, ночуем только в хороших гостиницах. Да и передвигаемся, как видишь, с комфортом. Я же говорил – только бы добраться до Пунта!

– Ну так расскажите, что там было после того, как я отключилась? – не стыдясь говорить с набитым ртом, попросила Мэйлинн.

***

Они скакали всю ночь, последовавшую после нападения гоблинов. Тревожность всё росла. То и дело то Бин, то Кол вскидывались, словно слыша отвратительные визги тварей,

посланных в погоню. Возможно, эти звуки и не были плодом их воображения, поскольку гоблинов в округе вполне могло быть предостаточно. Но это были обычные гоблины – лишённые разума двуногие животные. Без довлеющей воли Симмера они были абсолютно не опасны для наших друзей, а Симмер не мог вот так вот быстро и на таком расстоянии подчинить достаточно для поимки стаю.

Рассвет принёс некоторое облегчение. По крайней мере, беглецы перестали бояться, что на них нападут незаметно. Кроме того, за ночь они покрыли вполне приличное расстояние, оказавшись достаточно далеко от озера. Конечно, дорийские кобылки, хотя и были вполне достойными животными, но тягаться в скорости и выносливости с саррассанцами не могли. Анурские горы уже доминировали над окружающей местностью. Очевидно, до перевала оставалось совсем немного.

Каким бы мягким и текучим ни был аллюр лошадей, каким бы удобным ни было седло, но почти восемь часов в седле могли dokonать и более опытного наездника, нежели Бин. Да и Кол, которому приходилось скакать вовсе без седла, сейчас держался лишь усилием воли. Было видно, как на его лице перекатываются желваки, как он мученически закатывает глаза и стискивает зубы. Иногда сквозь них прорывались даже стоны, хотя Кол старался держаться молодцом. И продолжал крепко прижимать лирру к себе, хотя было件нятно, чему его это стоило. Наверное, мышцы на его руке одеревенели не меньше, чем на заднице. Естественно, что последние часы приятели ехали в гробовом молчании.

Как только стало достаточно светло, чтобы видеть на полмили вокруг, Кол скомандовал привал. Бину пришлось помочь ему спустить Мэйлинн на землю, поскольку его руки затекли и онемели. Также Бину пришлось помочь спуститься и самому Колу. Тот же, едва коснувшись земли, рухнул и долго лежал, не шевелясь. Затем с мучительными стопами он стал потихоньку распрямлять занемевшие члены.

Бин, как мог, поухаживал за недвижимым другом и Мэйлинн. Он приготовил кой-какой завтрак, который не хотелось есть ни ему, ни Колу. Он аккуратно обтёр лошадей, хотя расседлать их не было ни сил, ни желания. Да и делать долгий привал они не собирались. Тем не менее, пришлось задержаться на несколько часов. Кол утверждал, что до перевала осталось не более четырёх часов хода, так что к вечеру они вполне могли успеть не только достичь гор, но и перевалить через них.

– Я уму... – не открывая глаз, простонал Кол.

– За неё можно умереть, – тихо, но так, чтобы услышал Кол, пробормотал Бин. Он теперь тоже лежал на земле, раскинув руки, и наслаждался минутами покоя.

– Да? – протянул Кол, не делая при этом ни одного движения. – А что ж ты сам тогда такой несчастный? Где же твой энтузиазм по поводу твоих страданий во имя принцессы Мэйлинн?

– Если бы мне не было так лень встать, я бы дал тебе в морду, – лениво проговорил Бин.

– Вот в этом-то всё и дело, – непонятно к чему пробормотал Кол. Через минуту послышался его лёгкий храп. Бывший центурион спал без задних ног.

Бину больше всего хотелось последовать его примеру, но он опасался гоблинов. Кроме того, подумал он, вот она – возможность поступить по-мужски, защитить любимую девушку. Поэтому Бин кое-как сел, скрестив ноги, и принялся смотреть по сторонам, выглядывая, не колыхнутся ли где кусты. Однако вскоре это ему надоело, и тогда он стал смотреть на Мэйлинн.

Сейчас ей было, кажется, уже лучше. Движение глазных яблок всё ещё выдавало беспокойство её сна, но хоть нижняя челюсть больше не колотилась о верхнюю.

А она похудела, – вдруг заметил Бин. Осунулась. Немытые несколько дней волосы свалились в сосульки. Но именно сейчас она казалась Бину даже прекраснее, чем в первый день их знакомства. Он был уверен, что увидь он её в распрекрасном вечернем платье, вроде

того, в котором щеголяла её подруга Олива, тщательно вымытую и надушенную, с модно уложенной причёской и осыпанную драгоценностями, – она не показалась бы ему столь восхитительной, как сейчас, в этом запылённом сером дорожном костюме.

Всё-таки легко Колу говорить «забуди её», а вот как это сделать?.. С внезапной режью в солнечном сплетении Бин подумал, а что будет, когда их путешествие закончится? Неужели они больше не увидятся?.. Или он всё-таки наберётся смелости и скажет ей о своих чувствах, и предложит провести вместе остаток жизни? *Его* жизни, – с горечью подумал Бин. Нет, Кол, конечно же, абсолютно прав – нельзя быть таким эгоистом... Бин вздохнул, и на секунду закрыл глаза...

Когда он их открыл, солнце уже перевалило за полдень. Вокруг была тишина, нарушаемая лишь птицами и насекомыми. Можно было бы, конечно, жестоко корить себя за то, что не удержался и заснул, но Бин изменился за время путешествия. Он понимал, что отдых был ему необходим, а раз ничего страшного не произошло, то, значит, всё это было только к лучшему. Но теперь уж наверняка пора будить Кола.

– Эй, приятель, давай-ка просыпайся, – он стал расталкивать ворчащего и бормочущего друга. – Прошло много времени, и нам уже пора, если мы хотим до вечера добраться к перевалу.

Кол наконец открыл глаза:

– Сколько сейчас времени?

– Не знаю, – честно признался Бин. – Часа два пополудни, может чуть больше...

– Ты что? Зачем позволил мне столько дрыхнуть? А как сам-то?.. – Кол взглянул в заспанное лицо Бина и всё понял. – А, понятно... Хорош часовой...

Бин пытался было оправдываться, но Кол лишь махнул рукой. На самом деле, он не был сердит, скорее даже наоборот. То, что Бин нуждался в отдыхе, было очевидно.

– Ну что, будем обедать? – спросил Кол обречённым голосом.

– Что-то не хочется, – пробубнил в ответ Бин.

– Ну вот и мне не хочется. Значит, давай двигать дальше. Лошади хорошо отдохнули, так что можно будет сейчас немного подогнать их, чтобы достичь перевала как можно скорее. А там уж останется не больше полутора-двух часов, и мы окажемся по ту сторону Анурских гор. И никакой Симмер нас там не достанет!

– Мне нравится план, – улыбнулся Бин, подавая приятелю руку. Тот, кряхтя, кое-как поднялся.

– Когда это всё закончится, ни за что в жизни больше не сяду на лошадь! – пообещал себе Кол. В этот раз он уже не столь изящно взобрался на своего коня. Он подвёл его к невысокому валуну, обросшему мхом, влез на него и уже с него кое-как взгромоздился на лошадь. Затем они вдвоём кое-как втащили и Мэйлинн, которая всё ещё пребывала без сознания.

После того, как Бин занял своё место в седле, они пустили лошадей быстрой рысью – Кол не рисковал уходить в галоп, боясь не удержаться на крупной лошади без седла. Они снова двигались на восток.

Анурские горы надвинулись как-то стремительно. Ещё недавно казалось, что они где-то там, а вот уже они закрыли собой половину неба.

– Добрались, – выдохнул Кол, утирая пот со лба. Путь занял у них чуть больше двух часов.

Переход через перевал был несложен. Танийский перевал в самом высоком месте не достигал и шестисот футов. Кавалькада двигалась по хорошо утоптанной, широкой дороге сначала постепенно вверх, а затем – так же плавно вниз. Дорога почти не петляла – Танийский перевал был словно прореха в плотном ряду зубов Анурского хребта.

Вскоре после начала спуска Бин увидел раскинувшиеся впереди земли. Они так резко контрастировали с оставленными ими землями Симмерских болот, что Бин невольно мыс-

ленно сравнил Танийский перевал с Белым Мостом, который, если верить жрецам Арионна, разделяет мир живых и мир мёртвых. За тем Мостом начинался Белый путь – винтовая дорога, похожая на скрученный в спираль рог единорога, ведущая к Белому полюсу Сферы. Кстати, именно поэтому все храмы Арионна строились в виде башен, которые снаружи обвивала винтовая лестница, ведущая на вершину. Это, во-первых, придавало им больше сходства с рогом единорога, а во-вторых, служило символом Белого пути. По большим праздникам жрецы и паломники поднимались пешком до самого пика, символизируя восхождение душ.

Так вот Бин сейчас ощущал себя так, словно он возвращался из мира мёртвых в мир живых. Позади была чахлая гниловатая зелень, корявые деревца, изморённая засухой земля. Впереди – цветущий край садов, бушующей зелени и желтеющих нив. Бин был просто поражён.

Местность за перевалом была обитаема. То здесь, то там виднелись небольшие аккуратные деревни, окружённые возделанными, готовыми к жатве полями и садами, полными плодов. Друзья проехали по хорошей дороге, которая вела от перевала к Лоннэю, всего несколько миль, и въехали в первую из придорожных деревень. Здесь же располагался и постоянный двор, который хотя и не мог похвастаться обилием постояльцев, тем не менее, содержался в чистоте и порядке. В этот день путешественники решили больше никуда не ехать – пренебречь отдыхом в гостинице было выше их сил.

На следующее утро в этой же деревеньке Кол сумел сбыть четырёх лошадей вместе с сёдлами (одно, правда, он оставил для своего вороного скакуна), а взамен приобрёл вполне добротный четырёхколёсный фургончик с парой тягловых лошадей, несколько тюфяков, которыми устелили пол фургона, да ещё и осталось вполне достаточное количество денег, чтобы ни в чём себе не отказывать в пути. Дорога впереди была лёгкой и очень хорошей, так что не позднее, чем через десять дней, Кол планировал быть в Лоннэе.

***

Теперь наша компания с большим комфортом продолжала двигаться на юг. Бин, которому неожиданно для него самого осточертело сидеть на козлах, пересел на саррассанского жеребца, а править повозкой стала Мэйлинн. Она всё ещё чувствовала слабость, но старалась не подавать вида. Хотя её бледность выдавала её с головой. Кол же с наслаждением гарцевал рядом с фургоном на своём вороном, которого он прозвал Ураганом.

Днём путешественники наслаждались пасторальными пейзажами, грызли яблоки и весело болтали. Ближе к вечеру они останавливались на каком-либо постоялом дворе. Ужинали всегда с размахом. Радужные хозяева выставляли на стол всё, чем богата была земля Пунта, и всё самое свежее, самое вкусное. После подобного ужина друзья затем ещё около часа просто сидели за столом, не в силах подняться. Несколько осунувшиеся за время предыдущего путешествия лица постепенно возвращались к прежнему виду.

Мэйлинн особенно радовал тот факт, что Кол практически не притрагивался к вину. Нет, изредка он мог пригубить стаканчик, «чтоб не обидеть хозяина», когда оный хозяин в экстазе описывал несравненные качества своего вина, утверждая, что такого они больше нигде не попробуют. Тогда и Кол, и Бин действительно осушали по стаканчику вина, но затем Кол решительным жестом отвергал предложение хозяина оставить бутылку, одновременно благодаря его и восхваляя (всегда – абсолютно искренне) его винодельческий дар. Сама же лирра никогда не притрагивалась к вину, предпочитая молоко, которое в Пунте неизменно было вкусным, жирным и сладким.

Также у мужчин не было отбоя и от иных предложений. Почти на каждом постоялом дворе Бин, и особенно Кол привлекали внимание слабой половины человечества. Юные смуглые красотишки призывно улыбались им, как бы невзначай касались их бёдрами и грудью,

поднося еду, а некоторые и вовсе делали недвусмысленные предложения. Однако оба товарища, обычно незаметно взглянув на Мэйлинн, неизменно отказывались от подобных предложений, приводя местных красавиц в отчаяние.

Кстати, Кол, сбросивший за время похода несколько килограмм, и, главное, избавившись от отёчности бывалого выпивохи, словно даже помолодел на несколько лет, и выглядел весьма эффектно. И вот сейчас он почему-то тратил свою эффектность впустую. Бывший легионер сам себе удивлялся – в былые годы он бы не пропустил ни одной из этих юных прелестниц, тем более, что это не стоило бы ему ни доррина. Теперь же, несмотря на мудрые советы, которые он в своё время дал Бину, он чувствовал, что Мэйлинн занимает в его жизни слишком особенное положение. Веду себя, словно женатый, – усмехался про себя Кол.

Однажды он даже решил это прекратить, начав флиртовать с смазливой пышногрудой брюнеткой на одном из постоянных дворов. Он чувствовал всю искусственность ситуации и попытался разжечь в себе огонь, посадив девушку к себе на колени. Та весело рассмеялась, и это привлекло на секунду внимание Мэйлинн, которая в этот момент увлечённо болтала с Бином. Лирра обернулась, в её глазах заплескались смешливые искорки, и она тут же вернулась к прерванному разговору, но Кола как обожгло. Он довольно грубо столкнул девушку с колен, затем пробормотал несколько извинений невпопад и, поднявшись, вышел на улицу «подышать», как он хмуро бросил своим товарищам.

Выйдя на высокое крыльцо, Кол облокотился на перила и стал тупо разглядывать шелестящие неподалёку деревья. Были лёгкие сумерки, небо на западе полыхало закатом, воздух был свеж и немного прохладен.

– Что-то случилось? – в его щеку словно дохнул тёплый молочно-яблочный ветерок.

– Угу, – прежде, чем мозг успел хоть что-то сообразить, язык уже выдал ответ.

– Хочешь об этом поговорить? – Мэйлинн также, не отрываясь, глядела на вечерний сад, опираясь не перила.

– Нет, – слава Ассу, на этот раз язык и мозг были солидарны.

– Хорошо, – в голосе лирры слышалось плохо скрываемое облегчение.

Кол повернул голову и взглянул на точёный профиль Мэйлинн.

– Всё будет хорошо, – совершенно искренне сказал он.

– Я в этом уверена, – Мэйлинн также посмотрела ему в лицо и улыбнулась. Её ладонь накрыла руку Кола. – Ты – отличный друг! Я рада, что ты с нами!

– Ты тоже, – пробормотал Кол, не найдя других слов. Затем, помолчав, прибавил:

– Я не доставлю тебе проблем.

– Я знаю, – вновь улыбнулась Мэйлинн.

И они вновь замолчали, вдыхая густой яблочный запах.

– А она симпатичная, эта Долли, – с улыбкой в голосе прервала молчание Мэйлинн.

– Не в моем вкусе, – буркнул Кол, поняв, о ком идёт речь.

– Жаль, – в голосе лирры слышалось искреннее огорчение.

– Мне тоже... – и они вновь погрузились в молчание.

– Эй, вы чего тут? – несколько минут спустя открылась дверь, и оттуда послышался голос Бина. – Сколько вас ждать?

– Иди к нам, приятель! – с облегчением позвал его Кол.

– Погляди, какая красотища! – подхватила Мэйлинн.

Бин пристроился рядом с Мэйлинн, и все трое стали наблюдать, как переливаются багряным золотом листья яблонь в лучах закатного солнца. Всем троим было хорошо, и даже мрачность Кола сменилась лёгкой приятной грустью.

Так наши друзья и продолжали своё путешествие. Они особенно не торопились, растягивая приятные деньки. Кол рассказал Мэйлинн о судьбе её преследователей вскоре после её пробуждения. Лирра была опечалена, что из-за неё погибли люди, но всё же чувствовала

облегчение, что погони больше не будет. Поэтому они и не стремились как можно скорее достичь цели путешествия, последний этап которого мог быть не столь приятным.

Так и наступил месяц жатвы¹², тёплый и ласковый в Пунте. До Лоннэя оставалось не более трёх дней пути.

***

На девятый день месяца жатвы Варан оказался в Пунте. Ему потребовалось почти ровно две недели, чтоб добраться сюда от озера Симмер. При том, что первый день он действительно шёл весьма быстро, не уставая, благодаря силе Симмера. Но затем её действие стало уменьшаться, тем более, что Варан уходил всё дальше от озера. Еды, которая оказалась в его мешке, было достаточно лишь для того, чтобы не умереть от голода, не более. В день он съедал несколько узких полосок сушёного мяса и пару-тройку сухарей. Запивал всё это водой из многочисленных ручьёв. Пару раз ему удавалось убить болотную водяную крысу или бобра, тогда он ел печёное на камнях мясо.

Вообще для мастера Теней это не было какой-то серьёзной проблемой, но учитывая положение Варана, вернувшегося с того света, ему приходилось довольно тяжело. Переходы его становились всё короче, а время для отдыха – всё продолжительнее. Ноги болели от долгих переходов, правая рука хоть и слушалась своего хозяина, но ныла, особенно по утрам, когда воздух был холодный и сырой. Ещё сильнее тянула болью спина в том месте, где в неё вонзился кинжал. На месте раны был лишь кровавый струп, рана заживала замечательно, не гноилась и не раскрывалась, но всё же она причиняла боль.

Но наконец нога Варана ступила на землю Пунта.

– Ну что, дружище Окорок, вот мы и на месте, – устало садясь прямо на землю, пробормотал Варан.

Была вторая половина дня, с неба накрапывал небольшой дождик, но было довольно тепло. Теперь всё пойдёт значительно проще. Позволив себе полчаса отдыха, Варан вновь встал и направился вдоль дороги, чтобы найти первую же деревню, в которой можно будет раздобыть лошадь, а также получить сведения о беглецах. Хотя Варан ни секунды не сомневался, что они будут двигаться к Лоннэю. Однако, была вероятность, что они направятся к портовому Найру, до которого было ближе. Поэтому было важно найти их следы, а они непременно останутся.

И действительно, в первой же деревне, лежащей у тракта, Варан узнал, что лирра, находящаяся без сознания, и два её спутника останавливались тут на ночь. Также он выяснил, что они продали здесь четырёх саррассанских лошадей. Варан незамедлительно направился к торговцу лошадьми, собираясь честно купить одну из них, но тот заломил такую цену, что у Варана просто не осталось выбора. Вообще-то, у него была нужная сумма, но потратить он её, дальше пришлось бы побираться или промышлять воровством. Поэтому Варан купил лишь седло, а лошадь просто увёл, дождавшись ночи и проникнув в конюшню. К его разочарованию, он не обнаружил своего Суховея – так он называл всех своих лошадей. Зато он узнал лошадь Окорока. Вот и память о друге, – усмехнулся про себя Варан и осторожно вывел лошадь, проведя её мимо лежащего без чувств сторожа.

Варан теперь точно знал, что Мэйлинн направляется на юг, очевидно, к Лоннэю, как он и предполагал. Он узнал, что лирра была здесь довольно давно – больше двух недель тому назад. Значит, теперь она уже наверняка в Лоннэе, если это конечная цель её путешествия, либо уже покинула его. К счастью, Лоннэй – не такой большой город, как, например, Латион, так что и там лирра не сможет укрыться от великого охотника за головами Варана. Ну или отыщутся её следы.

– Ну, Суховой, давай, мчи! – давая шпоры коню, проговорил Варан. Новонаречённый Суховой рванул с места в галоп. Всадник слился с лошадыю в одну летящую стрелу, которая, пронзая ночь, полетела на юг.

Глава 21. Война

Приятное путешествие последних дней было внезапно омрачено очередным припадком Мэйлинн. Её вновь крутило и било о пол и стенки фургона, она вновь стонала так, словно душа её рвалась наружу. И снова этот припадок был продолжительнее предыдущих, и вновь после него Мэйлинн была измучена и обессилена настолько, что несколько часов не могла подняться. Бину пришлось вновь пересест в фургон и править им, пока лирра безучастно лежала, уткнувшись носом в стенку. Становилось очевидным, что Мэйлинн с каждым разом становилось всё хуже и хуже, и было совершенно неясно, что же будет дальше. Та короткая передышка, которая была у них после прошлого беспамьтства, когда она боролась с Симмером, дала друзьям смутную надежду, что всё, быть может, понемногу налаживается. Однако, стало ясно, что это не так. Болезнь слегка отступила назад, чтобы взять лучший разгон.

К раздражению Бина скорость их передвижения замедлилась. Дороги в окрестностях Лоннэ оказались заполнены повозками, подводами, фургонами и телегами всех размеров и цветов. А также сотнями и сотнями людей. Все они брели с потухшим взором на север, и вокруг зловонием витало слово «война».

– В чём там дело? – ворчливо спрашивал Бин.

– Дорийцы снова нападают на приграничные области, – хмуро ответил Кол.

– Значит, идёт война? – встревожился Бин.

– Да тут, почитай, что ни год, то война, – отмахнулся Кол. – Повидал я уже этого. Дорийцы раз в год-два обязательно совершают набеги на Пунт. Обычно длятся они не более двух-трёх месяцев, после чего кочевники возвращаются обратно с награбленной добычей. И так – до следующего раза.

– А мы, значит, направляемся в самую гущу? – Бин беспокоился всё сильнее.

– Да не волнуйся, нас это, скорее всего, никак не коснётся. Эти их междоусобица. Да и война эта – так, одно название. Так что не волнуйся. Самое неприятное, что нас ждёт – забитые народом дороги.

– Ну этого тоже немало, – проворчал чуть успокоенный Бин, бросив через плечо взгляд на спящую Мэйлинн. – Нам бы уж поскорее добраться до твоего чародея. Да надеяться, что он чем-то поможет Мэйлинн.

– Доберёмся, – лаконично отозвался Кол. – Но сперва нам надо добраться до Лоннэ.

И они добрались. Правда, чуть позже, чем планировали. Наш фургончик въехал в ворота Лоннэ пятого дня месяца жатвы.

Мэйлинн слегка оправилась от очередного приступа, и сейчас она сама правила фургоном. Кол и Бин скакали впереди, постоянно окрикивая прохожих и требуя проезда. Столица королевства Пунт была некрупным городом с неширокими улицами и невысокими домами. Как и вся страна, она утопала в зелени. Наверное, прибудь путешественники в другое время, они были бы восхищены тишиной и уютom этого городка, больше похожего на какой-то провинциальный город, нежели на столицу. Но сейчас город был переполнен людьми, на улицах стоял постоянный шум, толкотня и беспорядок.

Кол когда-то раньше бывал в Лоннэ, но сейчас совершенно не узнавал города, поэтому правил лошадь в направлении центра, справедливо полагая, что там будет проще найти ночлег. Он раздражённо покрикивал на беженцев, заполонивших улицы. Мэйлинн постоянно делала ему замечания на этот счёт.

– Это несчастные люди, – говорила она. – Зачем умножать их несчастья своей бранью?

И Кол на время смирял себя, хотя было видно, что он имеет собственное мнение на этот счёт.

– Как ужасно, что такое славное государство постигла такая жестокая война! – приговаривала Мэйлинн.

– Да для них эта война – привычное дело! – откликнулся Кол. – Это уже, своего рода, традиционная забава в Пунте.

– Забава, во время которой гибнут люди, – жёстко осадил его Мэйлинн. – Как ты можешь такое говорить?

– Пойми, эта война – она словно игрушечная, – пытался отстоять свою точку зрения Кол. – Ну вот посмотри сама: что это за война, во время которой ни одна из враждующих армий не стремится захватить столицу своего врага? Что это за война, если государство, которое чуть ли не ежегодно подвергается нападению, не делает никаких попыток уничтожить логовище врагов? Пунтийцы прогоняют дорийцев за Дорон, а точнее даже дорийцы, награвив вдоволь, уходят сами. Но армия Пунта почти никогда не переходит реку. Да и что это за война, во время которой почти не жгут деревень, да и убивают лишь тогда, когда других средств уже не остаётся?!

– Тогда откуда здесь столько несчастных? – воскликнула лирра.

– Ну так никто не хочет испытывать судьбу. Как только становится известно, что орды дорийцев переходят реку, колонны из приграничья стараются уйти подальше, да унести побольше. Но помани моё слово: большинство из них через месяц или два вернутся в родные края, и проживут в тех же хатах, в которых жили до этого.

– А тем, чьи хаты лошадаки-таки сожгут, государство выплатит субвенцию, – неожиданно вмешался невысокий, лысоватый немолодой уже человек плотной комплекции, прислонившийся к стене у открытой двери и, видимо, слышавший разговор. – Поэтому эти бездельники в накладе не останутся, уж поверьте, сударыня!

– Мне кажется, вашего мнения никто не спрашивал, – холодно ответила Мэйлинн, бросив неприветливый взгляд на горожанина. Улица в этом месте была узкой, так что их разделяло всего каких-то три-четыре шага.

– Весьма невежливо незнакомцу вмешиваться в чужой разговор, любезнейший, – так же холодно процедил Кол, смерив человека взглядом. На разбойника тот, вроде, не походил, а там – поди разбери!

– Нижайше прошу прощения у многоуважаемых путешественников! – тут же раскланялся тип. – Позвольте представиться. Зовут меня мэтром Бабушем. Просто я заметил, что вы, должно быть, прибыли издалека, и подозреваю, что вы ищете, где бы остановиться на ночь.

– А если и так, то что с того? – всё так же неприветливо осведомился Кол.

– Так я мог бы предложить вам ночлег в своей гостинице! – воскликнул мэтр Бабуш, хлопая рукой по стене.

– Что-то как-то не тянет это на гостиницу, – недоверчиво протянул Бин.

– Ну так потому, что вы смотрите на неё со стороны чёрного хода! Ежели вы сейчас завернёте за угол, то окажетесь на нашей славной площади Урожая, и оттуда будет центральный вход в мою гостиницу! Одну из лучших, не побоюсь сказать! Гостиница «Песнь малиновки» – приличная гостиница! В ней вы не встретите всего этого сброда, понаехавшего сейчас из Приречья. Отличные номера, мягкие постели, добрый стол – всё, что только можно представить! У меня как раз есть свободные номера!

Кол вопросительно посмотрел на лирру. Он видел, что хозяин гостиницы произвёл на неё не лучшее впечатление, поэтому решать предстояло ей. Но Мэйлинн чувствовала себя неважно, поэтому ей очень хотелось поскорее прилечь, так что она не стала привередничать. Она молча кивнула Колу.

– Мы примем ваше предложение, любезнейший, – проговорил тот.

Хозяин при этих словах просиял:

– Позвольте, я провожу вас, уважаемые господа! – залебезил он, выбегая вперёд. – Вот, пожалуйста, прямо сюда.

И действительно, фургончик выкатился на небольшую площадь. Теперь друзья видели и вывеску и богато украшенный вход в гостиницу.

– Прошу вас, любезные господа! – кланялся мэтр Бабуш. – Пожалуйста, входите внутрь! Сейчас мои конюхи позаботятся о ваших лошадях! Они ни в чём не будут знать недостатка! Такие превосходные скакуны! С ними будут обращаться, точно с королевскими!

Кол спрыгнул с лошади и помог спуститься Мэйлинн. Бин тоже уже был тут как тут. Они направились ко входу в гостиницу, когда Мэйлинн обратила внимание на девочку, державшую на руках ребёнка. Девочке на вид было не больше двенадцати, а ребёнку – едва ли больше годика. Девочка была одета в поношенное платье, которое несмотря на всю заботу о нем, видимо, доживало последние денёчки: в нём было полно прорех. Темные волосы были сбиты в один давно нечёсанный и немытый колтун. Она сидела прямо на мостовой, глядя перед собой невидящим взглядом. Машинально она покачивала младенца. Тот не спал, но и не шевелился, и даже не плакал. Он также безучастно смотрел куда-то на стену позади девочки, держа во рту большой палец. Было видно, что девочку заметно потряхивает то ли от озноба, то ли от голода. Но поскольку в начале месяца жатвы в Лоннэе ещё всю властвовало лето, то Мэйлинн предположила именно второе.

– Бедное дитя! Что с тобой? – подходя к девочке, спросила лирра.

– О, не извольте беспокоиться, сударыня! – тут же встрял мэтр Бабуш. – Это всего лишь беженка из Заречья. Они – сироты, пришли в наш город и теперь ошиваются вблизи моей гостиницы. Попрошайничают, а то, может, и приворовывают. А ну пошла прочь! – рявкнул он нищенке. Та вздрогнула, словно очнувшись ото сна, с трудом сфокусировала взгляд на разгневанном хозяине гостиницы, и вяло дёрнулась, пытаясь подняться на ноги.

– Да как вы смеете! – воскликнула Мэйлинн. Её лицо вспыхнуло, заливаясь краской гнева, а глаза засверкали так, что несчастный мэтр Бабуш даже стушевался. – Как вы смеете так говорить? Вы разве не видите, что она умирает от голода?

– Понимаете ли, сударыня, – с трудом подбирая слова, замямлил трактирщик. – Эти беженцы все получают субвенции от государства в качестве возмещения ущерба. Эта девочка получит вдвойне, раз её родители погибли. Поверьте, хотел бы я, чтобы мне кто-то вот так вот за здорово живёшь отсыпал денег! Я ей не раз говорил, чтобы она шла к магистрату и оформила там заявление на получение субвенции. Но она, как видите, тупа, словно пробка...

– А вы бесчувственны, словно чурбан! – казалось Мэйлинн сейчас вцепится в волосы почтенного мэтра. – У несчастных малюток умерли родители! А вы так цинично об этом рассуждаете! О каких деньгах и этих ваших субвенциях вообще может идти речь?! Да неужели нельзя было хотя бы просто покормить их? Пусть даже и объедками! Это бы вам ничего не стоило!

– Может, и не стоило бы, да и то – как сказать... Объедки-то я скармливаю домашней птице, которую затем подаю на стол постояльцам. Но дело даже не в этом. Если сегодня я задаром покормлю одну попрошайку, завтра у моих дверей их будет сидеть уже две. Потом – четыре. А потом всё проклятое Приречье при каждом удобном случае будет за дарма столноваться у глупого добряка Бабуша! Знаю я этих нищих!

– Я не хочу оставаться в этой гостинице ни секунды! – отчеканила Мэйлинн, прожигая Кола таким взглядом, будто лично он был виноват и в гибели родителей несчастной девочки, и в самой войне, и в том, что мэтр Бабуш – такой отъявленный негодяй. Тот нехотя кивнул и, обернувшись, перехватил поводья своей лошади из рук расторопного конюха, который уже пытался отвести лошадей в конюшню.

– Воля ваша, прекрасная госпожа, – изменившись в лице и явно обидевшись проговорил мэтр Бабуш. – Да только вряд ли вы найдёте такую же достойную гостиницу, как моя. Я

вижу, вы весьма утомлены дорогой и, должно быть, голодны. А на моей кухне как раз готов великолепный обед. Да и ценами я вас не обижу. Спросите кого угодно в квартале, каждый скажет, что мэтр Бабуш – честный человек. А если вас так огорчает судьба этой нищенки, то – так и быть, я прикажу вынести ей поесть.

– По-моему, он прав, Мэйлинн, – тихонько проговорил Кол на ухо лирре. – Ты неважно выглядишь, и тебе нужно немного покоя. Сразу видно, что у него хорошая гостиница. А то что он сам – сволочь... То и тут бы я поспорил. Он – обычный человек, как и большинство других. Мало кто готов вытаскивать оборванцев из петли или городской клоаки. Большинству на них просто наплевать. Тем более, что его, как налогоплательщика, конечно задевает, что его деньги идут на выплаты несчастным, обездоленным войной.

– Вы совершенно правы, милостивый государь! – подобострастно кланяясь, подхватил мэтр Бабуш, расслышавший последние слова. – Если и есть что-то, что выводит меня из себя, так это политика нашего короля в отношении этих грязных кочевников. Мы сидим, прошу прощения, поджав хвосты, когда они приходят, а затем просто платим тем, кто от них пострадал, – достойный буржуа, похоже, оседлал любимого конька и сейчас гнал его всё быстрее. – Двойные убытки! И всё это – налоги, налоги и ещё раз налоги, которые платят такие люди, как я! Вы не представляете, какой уютный и красивый город Лоннэй! Но сейчас его заполняют беженцы, которые не хотят работать, а целыми днями либо попрошайничают, либо творят ещё чего похуже. А затем они уйдут, получив от государства деньги, и оставив после себя кучи мусора, нечистот и вшей! И так – до следующего раза!

Мэтр Бабуш наконец-то остановился и перевёл дух. Его лицо покраснелось так же, как недавно у Мэйлинн, кулаки были сжаты, волосы торчали клоками, лысина блестела от пота. И это почему-то выглядело так забавно, что гнев Мэйлинн как-то сам собой растворился. Уж что она умела делать прекрасно, так это ставить себя на место других. И сейчас она вдруг поняла этого человека. А понять – это уже почти значит простить.

– Хорошо, хозяин, – сохраняя холодный тон, проговорила она. – Мы останемся в вашей гостинице, хоть вы и крепко меня обидели, – просиявший было Бабуш вовремя сделал скорбное, кающееся лицо. – Но только при одном условии. Эта девочка и её братик пойдут с нами. Мы оплатим их стол и постель, – продолжила лирра, увидев потемневшее лицо трактирщика. – И они останутся здесь на столько, насколько им это потребуется.

– Если вы готовы за них платить, то я не против, – выдавил из себя мэтр Бабуш. Было видно, что он недоволен, но, с другой стороны – деньги есть деньги.

– Пойдём со мной, милая, – протянув руку девочке, нежно сказала Мэйлинн. Та же просто смотрела на лирру, не понимая, что происходит. Тогда Мэйлинн, засмеявшись, подошла и подняла её, обняв за плечи. – Пойдём. Пока хозяин будет готовить нам обед и комнаты, мы помоём тебя и твоего братика. Найдётся ли у вас горячая вода? – обратилась она к хозяину таким тоном, словно она была королевой, а перед ней стоял проштрафившийся подданный.

– На кухне мы постоянно кипятим воду! – с готовностью закивал головой Бабуш. – Уверен, что нам вполне хватит, чтобы наполнить лохань.

– Это хорошо, – кивнула Мэйлинн. – Кстати, чуть позже и я была бы не прочь принять горячую ванну.

– Всё сделаем, прекрасная госпожа! – низко кланяясь, ответил мэтр Бабуш.

– Ну вот и славно! Ведите! – и, взяв за руку до сих пор ничего не понимающую девочку, Мэйлинн двинулась вслед за трактирщиком.

***

После все ели за общим столом. Девочка-сирота, которая до сих пор не произнесла ни одного слова, выглядела совсем иначе: вымытая, расчёсанная, в новом платье, за которым Мэйлинн послала служанку в соседнюю лавку. Платье, правда, было великовато, но когда

Мэйлинн предложила девочке его снять, чтобы заменить на что-нибудь другое, та вцепилась себе в плечи тонкими пальцами, прижимая скрещённые руки к груди, и лирра поняла, что платье она не снимет ни за что. Так что Мэйлинн и не стала настаивать.

Сейчас сиротка большой ложкой загребала в себя кашу, приправленную большим куском масла и сдобренную мёдом. Каша была обжигающе горяча, и в глазах девочки стояли слёзы, но, несмотря на все увещевания Мэйлинн, она продолжала есть, почти даже не жуя. Сама же Мэйлинн почти не притрагивалась к еде, хотя и была голодна. Она держала на коленях вымытого мальчика и давала ему размоченный в теплом молоке хлеб. Мальчик чмокал и давился, притягивал пальцы лирры, держащие хлеб, ко рту маленькими ручонками, и на глаза присутствующих наворачивались слёзы.

– И всё же я никак не могу понять – почему король Пунта не соберёт огромное войско, и не разгромит дорийцев? – глядя на девочку, доедающую вторую миску каши, тихо спросила Мэйлинн.

– А как их разгромить? – откликнулся Кол, как-то очень подозрительно прочистив горло перед этим, словно там стоял комок. – Дорийцы – кочевники. Их уклад жизни не похож на тот, к которому мы привыкли. Они практически не строят городов. По сути, у них есть лишь одно поселение, которое мы могли бы назвать городом – их столица Саин. Но и она мало общего имеет с любым другим городом на Паэтте. С империя по месяц дождей¹³ этот город почти совсем безлюден, поскольку в это время его жители кочуют по дорийским степям, сбиваясь в орды-кланы. Да и выглядит он, скорее, как большая деревня. Там нет многоэтажных домов, в основном только одноэтажные глинобитные жилища. Даже великий хан Дории не живёт в Саине летом. В общем, идти большим войском в Дорию просто бессмысленно. Конные отряды кочевников будут просто разбегаться в стороны, подобно тому, как стая мальков рассыпается при виде щуки, чтобы собраться вновь, как только она уплывёт.

– Ну тогда – поставить кордоны и заслоны по всему левому берегу Дорона! – не сдавалась Мэйлинн.

– Да есть они – и заслоны есть, и кордоны. Да только толку большого нет.

– Это ещё почему? – недоумевала Мэйлинн.

– Хорошо. Хочешь знать моё мнение? Я ведь какое-то время пробыл в этих местах, и, мне кажется, кое-что понял. Так вот, по-моему, королей Пунта просто устраивает такое положение вещей.

– Как это? – теперь лирра просто опешила, даже не донеся кусочек хлеба до рта ребёнка.

– Знаешь, с недавнего времени в Латионе для богатых горожан, страдающих ожирением, появилась модная забава. Они ходят в так называемые атлетические залы, где специально обученные люди заставляют их много двигаться. Заниматься атлетикой, борьбой и тому подобным. И стоит это огромных денег, которых многие богачи не жалеют, стараясь сбросить лишний вес. Так вот, мне кажется, что Дория для Пунта – это как раз такой вот специально обученный человек, который не даёт ему разжиреть.

– Что за чушь? – возмутилась Мэйлинн. Мысль о том, что правители могут намеренно позволять своим подданным гибнуть, не укладывалась в голове.

– А ты послушай, не перебивая. Смотри – содержать большую армию, которая всё равно не может разгромить врага, это всё равно, что покупать очень-очень дорогое решето, чтобы носить в нём воду. Если дорийцев не злить, то они обычно довольствуются лишь грабежами, своего рода – взимают дань. Им ведь самим невыгодно палить поля и убивать людей, которые их кормят, – Кол слегка запнулся, взглянув на сидевшую неподалёку сиротку, но та была полностью поглощена поеданием сливового пирога. – Земля в Пунте – благословенная. Такая плодородная, что, как шутят сами пунтийцы, у них даже заборы весной цветут. Вырастает огромное количество зерна и других продуктов. Потребить всё это государство не

в состоянии, продать столько тоже не могут. К чему это приведёт? К избытку, из-за которого упадут цены. Кому это выгодно? По большому счету, никому. А так – есть кому забирать излишки, сохраняя неизменно высоким спрос на пунтское продовольствие. А в этом году внешние цены и подавно поползут вверх, и этому будет вполне достоверное оправдание. Значит, торговцы останутся с барышами.

Видя, что лирра недовольно морщится от подобных циничных рассуждений, Кол продолжил:

– А главное – наличие внешнего врага сплачивает народ. Когда в государстве всё слишком хорошо, оно быстро жиреет и, в конечном счёте, умирает. Ты же знаешь историю лучше меня – помнишь, почему развалилась с таким ужасным грохотом Кидуанская империя? Потому что она стала такой огромной, такой мощной и величественной, что люди, населявшие её, позабыли все другие заботы, кроме плотских утех. И тогда пришли северные варвары, более злые, более голодные и более целеустремлённые, и от великой Кидуи остался лишь лоскуток на западе. Так вот я думаю, что мудрые правители Пунта надеются не допустить чего-то подобного у себя. Пусть жители государства всегда боятся и ненавидят своих диких соседей! Иметь внешнего врага удобно ещё и потому, что тогда граждане задают куда меньше вопросов правителю. Зачем нужны новые налоги? Чтобы выплачивать субвенции беженцам! Ты думаешь иначе, не согласен с нами? Значит, ты пособник лошадников! Значит, ты хочешь ослабить свою родину!

Голова Мэйлинн поникала всё ниже и ниже с каждой фразой. Почему-то всё сказанное выглядело вполне логичным. Ей хотелось придаться к чему-то, найти логическую ошибку, за которую можно было бы зацепиться, но ничего не получалось.

– Я надеюсь, что ты не прав, – в конце концов тихо сказала она, и по щеке её скатилась слеза. – Потому что иначе я не знаю, как мне смотреть в глаза этим детям...

***

Два дня пробыли друзья в Лоннэе. За это время Мэйлинн как будто бы полегчало. Всё своё время она уделяла двум сироткам. К её отчаянию, девочка так и не сказала ни одного слова. Мальчик же, напротив, довольно быстро начал улыбаться лирре, лопотать что-то. Он не отпускал её ни на миг, и у Мэйлинн разрывалось сердце от предстоящего расставания.

Мэтр Бабуш также оказался совсем не таким подлецом, как сначала думала лирра. Уже через день он собственноручно предлагал детишкам засахаренные фрукты и лишь молча махал рукой, когда Мэйлинн предлагала их оплатить. Он искренне переживал, что лирра и её друзья отправляются на юг, и не только потому, что не хотелось терять выгодных клиентов.

– Да куда же вы сейчас сунетесь? – восклицал он. – Там, на юге, видали, что делается? Всё Приречье полыхает. Давненько такого не было. Лошадники как с цепи сорвались! Переждите пару месяцев, а там всё уляжется, тогда и поедете! Я согласен вдвое сократить плату за постой!

Мэйлинн в избытке чувств даже чмокнула невысокого мэтра в лысую макушку, отчего тот аж зарделся.

– Нам всё же придётся уехать, любезный мэтр Бабуш, – проговорила она. – Мы должны как можно скорее добраться до пустыни Туум. Вы за нас не волнуйтесь!

– Да как же не волноваться! – возражал старый трактирщик. – Это ж надо – в Дорию идти! К этим дикарям! Да эти кочевники, если люди не врут, спят с кобылами, и потом у тех рождаются кентавры!

– Не говорите ерунды, дорогой мой мэтр! – фыркнула Мэйлинн. – Распорядитесь лучше, чтобы подали наших лошадей и фургон.

– Сию секунду, – затем он вдруг схватил лирру за рукав. – А насчёт деток не переживайте! Пусть живут у меня! По хозяйству помогут. И платы мне никакой не нужно! Мне, старику, всё ж веселее будет, коли уж своих не нажил!

Мэйлинн вновь не сдержалась и крепко обняла мэтра Бабуша.

Отъезд вышел довольно печальный. Безымянная девочка молча стояла и глядела вслед удаляющемуся фургону сухими глазами. Больше всего Мэйлинн боялась, что эти глаза уже никогда не наполнятся слезами. Зато малыш, разрываясь, плакал на руках у всхлипывающего мэтра Бабуша.

– Да уж, умеешь ты заводить друзей, – буркнул Кол, смотря куда-то в сторону. Бин же, да и сама Мэйлинн, не скрывали своих слёз.

***

Дальнейшее путешествие к пустыне прошло без особых происшествий. Через несколько часов друзья достигли моста через Дорон. На левом берегу их встретил конный разъезд пунтийцев, но особого внимания к ним не проявили. Кратко расспросив о цели путешествия, они пожелали спокойного пути и направились дальше. Так путешественники вступили на земли Дории.

На протяжении последующих двух часов они не встретили ни одного дорийца, пока не прибыли в Саин. Как и описывал Кол, во всём городе, который раскинулся довольно широко по окрестным холмам, сейчас проживало совсем немного людей. Путешественники проехали по его улицам, встретив едва пару десятков человек, в основном стариков или детей.

Ну а дальше были несколько дней пути по степям Дории. Пару раз они натыкались на кочевья той или иной орды, но дорийцы не выказывали никакой враждебности. Напротив, они с удовольствием предлагали на продажу вино (явно пунтское), хлебные лепёшки и странный очень солёный сыр, сделанный из кобыльего молока.

На четвёртый день пути с Мэйлинн вновь случился приступ. Он терзал её не меньше получаса, после чего измождённая лирра впала в беспамятство, из которого вышла лишь на следующий день. Она с трудом могла вставать, глаза глубоко запали. Она выглядела так, словно перенесла тяжёлую многомесячную болезнь.

– Завтра мы должны быть на месте! – сцепив зубы, проговорил Кол Бину. – Придётся подогнать наших лошадок. За своего Урагана я не волнуюсь, но вот насчёт тягловых лошадей... Однако, нам осталось совсем немного, главное сейчас – это добраться до места, а остальное уже неважно. Если потребуется – загоним лошадей.

Бин лишь мрачно кивнул и подстегнул лошадей, и такдвигающихся быстрой рысью. Неизвестно, сколько они смогут держать подобный темп, но выбора не было. Бин боялся, что Мэйлинн умирает.

Глава 22. Пустыня Туум

Местность вокруг заметно поменялась. Буйное разнотравье дорийских степей постепенно переходило в скудные земли, где усыхающая трава была ниже и жёстче. Всё чаще виделись проплешины желтовато-коричневой земли, на вид очень твёрдой. Исчезли мелкие ручейки и болотца, которые то там, то здесь попадались путешественникам ранее. Воздух становился всё горячее. Хотя на дворе была уже середина месяца жатвы, здесь, в преддверии пустыни Туум, стояла почти такая же жара, как та, что месяцем ранее терзала Латион. Путники давно сняли с себя плащи и другую тёплую одежду, и всё равно истекали потом. Особенно тяжело приходилось Мэйлинн.

Лирра лежала на дне своего возка, совершенно безучастная ко всему. Она молча отказывалась от еды, а воду Кол вливал ей в рот чуть ли не насильно. Чаще же ограничивался просто тем, что смачивал ей воспалённые губы. Мэйлинн то страдала от жары, то её вдруг бросало в озноб.

Кол привязал свою лошадь к фургону, и теперь неотлучно находился возле Мэйлинн. Бину же волей-неволей приходилось довольствоваться ролью кучера. Увы, но всем купцам давно известно, что скорость каравана определяется скоростью самой медленной лошади, так что сейчас именно скорость повозки определяла, как быстро путешественники приближались к цели. И эта скорость определённо не радовала ни Кола, ни Бина.

Когда солнце поднялось к зениту, и жара стала просто непереносимой, местность изменилась окончательно. Теперь самому неискущённому взгляду было очевидно, что вокруг находилось безраздельное царство пустыни. Нет, не было никаких золотистых песчаных барханов и редких колючек среди них. Просто земля стала твёрдой и негостеприимной, как камень, так что редкие растения умудрялись пробить её своими настырными корнями. Поэтому и растения эти здесь были озлобленными и жестокими – исковерканными сухими горячими ветрами, обезумевшими от вечной жажды. Отдельные низкорослые деревца, напоминающие акацию, были покрыты длинными шипами. Бин с содроганием подумал, что было бы, если бы пришлось пробираться через целые заросли этих то ли кустарников, то ли деревьев. Если ещё недавно проплешины голой земли пятнали ковёр жухлой травы, то теперь трава отвоёвывала у земли лишь отдельные островки.

– Почти добрались, – промямлил истекающий потом Кол. – Теперь осталось лишь найти становище баининов, чтобы там нанять проводника.

– А зачем нам проводник? – спросил Бин, утирая лоб мокрым от пота рукавом.

– К дворцу Каладиуса не ведут дороги. Так что если мы попробуем отыскать его сами, то просто сгинем в этой проклятой пустыне. Так что сейчас нужно найти оазис. К счастью, их тут довольно много. Ну а там – постараемся договориться.

Дороги теперь практически не было. Слабая белёсая колея изредка появлялась, словно из ниоткуда, и также внезапно исчезала. В принципе, это не было проблемой, поскольку земля была тверда как камень, почти лишена растительности и довольно ровная, если не считать множества трещин, испещривших её поверхность. Однако друзья боялись заблудиться. Дорога однозначно привела бы их к людям, а по бездорожью можно было бы плутать днями, которых у Мэйлинн уже могло бы и не быть. Поэтому Кол приказал изменить направление, и вместо южного они теперь выбрали восточное, двигаясь вдоль границы пустыни, где шанс найти оазис и людей был выше.

Действительно, не прошло и часа, как впереди показались настоящие зелёные деревья, разительно отличающиеся и цветом, и размером от коренных обитателей пустыни. Вскоре в тени этих деревьев стали видны белёсые полотняные шатры, служившие жилищем для баининов.

Оазис был невелик, поскольку родник, который бил в его сердце, был не слишком сильным. Поэтому здесь проживало не более трёх десятков баи尼нов. Почти все они вышли навстречу подъезжающим гостям. И мужчины, и женщины были одеты практически одинаково – выбеленные длинные свободные одежды, на головах – широкие капюшоны и куски материи, которыми люди обматывали нижнюю часть лица, оставляя лишь глаза.

Кол медленно ехал впереди фургона, держа руки перед собой на уровне головы. Около полудюжины мужчин-баи尼нов держали в руках натянутые луки. Не то, чтобы они всерьёз опасались нападения, поскольку взять у них было нечего, но всё-таки определённую осторожность соблюдали.

– Барха! – со странным гортанным выговором крикнул Кол. – Прака к’и ун¹⁴!

Вперёд вышел немолодой, статный баи尼н. Из-под капюшона выбивались густые седые волосы. Он поднял руку и прокричал несколько слов на том же гортанном языке.

– Он просит меня приблизиться одного, чтобы поговорить, – через плечо бросил Кол, спрыгивая с коня. – Не беспокойтесь, это ненадолго. Баи尼ны не мастера длинных речей.

Он степенно, с достоинством подошёл к высокому баи尼ну, и они какое-то время разговаривали, причём Кол пару раз указал на повозку. Вскоре его собеседник коротко кивнул головой и повернулся к Колу спиной, возвращаясь назад. Кол же вернулся назад:

– Давай, рули в оазис.

Когда лошади и фургон оказались в скудной тени деревьев, Бину показалось, что с него сняли огромный раскалённый валун. Здесь тоже было очень жарко, но эта жара, по крайней мере, уже не убивала. К фургону подошли две женщины, несущие в руках кувшины. В кувшинах оказалась вода. Она была тёплой и имела несколько странный запах, но Бин с удовольствием напился, поскольку собственную воду они сэкономили.

Затем женщины смочили тряпки и стали обтирать потный лоб Мэйлинн. Та лишь стояла. В последние пару часов она находилась в каком-то пограничном состоянии, между беспомощностью и бодрствованием. Увидев это, женщины ловким движением расстегнули пуговицы на блузке лирры, обнажив шею и грудь. Бин резко отвернулся, покраснев до кончиков ушей. По шуршанию ткани он слышал, что женщины снимают с Мэйлинн одежду и обтирают её мокрыми тряпками. Вероятно, у неё был сильный жар, и таким образом они пытались несколько сбить его. Бин, готовый провалиться сквозь эту неподатливую каменную землю, буркнул что-то себе под нос и быстрым шагом направился туда, где Кол продолжал разговор со старейшиной.

Оба сидели в тени на груди козых шкур. Старейшина держал в руке странную длинную изогнутую трубку, которой время от времени затягивался, и затем выпускал изо рта и носа сизоватый дым. По долетевшему до Бина запаху он вдруг понял, что в трубке у баинина набита дурная трава, которой так любят заглушать боль и груз дневных забот обитатели Нового города. К счастью, Кол лёгким движением головы отказался от затяжки, когда старейшина протянул ему трубку.

К Бину подошёл мальчик лет восьми и восхищённо уставился на кинжал, висящий в ножнах на его поясе. Заметив это, Бин с улыбкой вынул кинжал и протянул мальчонке. Тот просиял так, словно его осыпали конфетами с ног до головы, и осторожно принял оружие. С видом знатока провёл большим пальцем по лезвию, проверяя остроту, затем внимательно осмотрел рукоять, и после неохотно вернул кинжал Бину. Бин, порывшись за пазухой, вытащил бумажный кулёк с несколькими засахаренными сливами, которыми его снабдил мэтр Бабуш. Он протянул сливы мальчику, невольно подумав, что именно так наверняка поступила бы Мэйлинн. Мальчик схватил кулёк, прокричал несколько слов на своём языке и пулей умчался куда-то в тень деревьев, вероятно, чтобы без помех насладиться невероятным лакомством.

Спустя минуту Кол, что-то удовлетворённо проговорив, полез за пазуху и извлёк оттуда кошель. Положив на заскорузлую ладонь старика пару монет, он поднялся и двинулся к Бину.

– Он даст нам проводника, – Кол достал фляжку с водой и сделал долгий глоток. – Можем выдвигаться хоть сейчас. До места нам часа четыре или пять. В общем, к закату доберёмся. Как Мэйлинн?

– Не знаю, – снова покраснел Бин. – Там баининки её обтирали.

– Да, знаю, Палла-Ха мне сказал. Женщины сообщили ему, что у неё сильный жар. Они что-то дали ей, говорят, что это поможет на время сбить температуру, но нам нужно спешить.

– А откуда ты выучил баининский? – направляясь к фургону, спросил Бин.

– Так я ведь больше полугода тут прожил, когда Каладиус нас нанял, – ответил Кол. – А у него все слуги – баинины. Волей-неволей научишься.

Когда Бин уже занял место на козлах, украдкой взглянув в глубь фургона и убедившись, что Мэйлинн вновь одета, рядом с ним вдруг взгромоздился молодой баинин, почти ровесник, или чуть старше. Он тут же расположился вполне по-хозяйски, и стал указывать вперёд, что-то говоря Бину.

– Это наш проводник, – видя растерянность в глазах Бина, откликнулся Кол. – Поедет с нами до места.

– А как же он доберётся назад? – озадачился Бин.

– На твоей лошади, – невозмутимо ответил Кол.

– Как? – на время Бин потерял дар речи. – А как же деньги, что ты заплатил?

– Деньги – это была плата за услугу, – пояснил Кол. – А конь – подарок Палла-Ха в знак признательности.

– Ничего себе – подарочек! – проворчал Бин. – Да за такие деньги он должен был лично на себе тащить нас до самого Каладиуса, да ещё и обмахивать пальмовыми листьями, чтоб нам было не слишком жарко! И что он станет с ним делать? Держать в этом богами забытом оазисе, кормя этой жухлой травой? Несчастный конь погибнет раньше, чем кончится месяц!

– Ну это уже не нашего ума дело, – отмахнулся Кол. – Ты – парень молодой, поэтому не знаешь, как делаются дела здесь, на востоке. Они вполне могли бы не только не дать нам проводника, а и выставить из своего оазиса куда подальше. Так что можешь считать, что это – мой первый бесплатный урок дипломатии.

– Да уж – бесплатный!.. – уныло протянул Кол, трогая лошадей. – Что мне теперь, вечно на этом фургоне сидеть?

– Ты погоди, мы сперва хоть до Каладиуса доберёмся, – обрубил Кол. – Я вот вообще пока не строю никаких планов насчёт того, что будет дальше. Как там, кстати, наша подружка?

– Кажется, ей лучше, – обернувшись, ответил Бин.

Действительно, Мэйлинн теперь больше походила на спящую, нежели на бредящую. Что бы не дали ей женщины-баининки, это дало свой эффект. Хотя бы даже и временный. Но сейчас каждый час был на счету. Только бы найти этого Каладиуса.

– А ты уверен, что Каладиус всё ещё тут? – в продолжение своей мысли спросил Бин.

– А куда ему деться? – ответил Кол. – Если он просидел тут последние лет двести, то сложно себе представить, что именно сейчас он куда-то вдруг отправится. Да и Палла-Ха знал бы. Его племя бывает в тех краях.

– А он нас примет? – продолжал Бин. Чем ближе была цель их путешествия, тем более нервным он почему-то становился.

– Примет, – беззаботно ответил Кол. – Во-первых, он же не зверь какой-то, не оставит несчастных путников жариться у себя на пороге. А во-вторых, убеждён, ему будет чрезвычайно интересно пообщаться с нашей необычной лирой.

– Где мы? – раздался слабый голос из фургона. Да, всё-таки Мэйлинн стало заметно лучше.

– Мы уже почти приехали, – с готовностью ответил Бин, оборачиваясь. – Через несколько часов будем на месте. Вот этот человек, – Бин кивнул в сторону безмятежно сидящего рядом кочевника, – Этот человек вызвался быть нашим проводником. А ты ничего не хочешь? Может, поесть? Или пить? – с надеждой спросил Бин.

Но Мэйлинн лишь слегка покачала головой, и вновь прикрыла глаза.

Так прошли несколько часов. Солнце с издевательской медлительностью опускалось к западному горизонту, постепенно краснея. Однако жара пока ещё не спадала. Кроме раскалённого шара солнца, потоки удушливого тепла извергала и раскалённая голая земля. Все ехали молча. Бину говорить совершенно не хотелось, казалось, что солнечные лучи превратились в сверкающие каменные колонны, придавившие его к сидению. Кол тоже помалкивал, рыся чуть в стороне от фургона, чтобы не глотать поднимаемую им пыль. Ну а проводник-баинин и вовсе словно ушёл в себя. Мэйлинн же, вроде как, спала. Несколько раз Бин подносил к её губам фляжку, просто чтобы несколько освежить её, но лирра делала не более двух глоточков.

И вдруг в этой гнетущей тишине прозвучал голос. От неожиданности Бин вздрогнул. Проводник указывал куда-то вперёд и что-то говорил.

– Что он бормочет? – кое-как разлепив губы, спросил Бин.

– Говорит, приехали, – хрипло ответил Кол, привставая на стременах.

Впереди была какая-то невысокая гряда то ли холмов, то ли барханов. Именно к ней и направлялись путешественники. Но никакого дворца не было и в помине.

Через четверть часа повозка добралась до гряды. И Бин увидел, что за этой грядой находится огромный кратер, больше двухсот ярдов в диаметре и около десяти – в глубину. На дне этого кратера бушевала зелень, среди которой прятались небольшие постройки. Опять же, никакого дворца не наблюдалось.

– Он обманул нас! – воскликнул Бин.

– Нет, всё верно, – ответил Кол. – Мы действительно на месте. Это и есть дворец Каладиуса!

– И где же он? – Бину казалось, что его разыгрывают.

– Да вон, впереди, – Кол указал рукой.

Там, почти строго в геометрическом центре кратера стоял домик. Симпатичный, сложенный из белого камня, но никак не тянущий на дворец.

– Шутишь? – прищурился Бин.

– Вовсе нет, – ухмыльнулся Кол. – Погоди, скоро сам всё увидишь.

Вдруг появилась дорога, по которой фургон плавно спустился на дно кратера. Там их уже поджидали несколько человек, явно баининов, но одетых в какие-то мешковатые серые одежды. Кстати, Бин отметил, что в кратере было заметно прохладнее.

– Кто вы, и зачем пожаловали? – на ломаном имперском¹⁵ спросил один из встречавших. Бин вряд ли назвал бы их стражниками, так как у них не было при себе никакого оружия. Однако, интуитивно он понимал, что от этого они не становятся менее опасными. Поэтому он предоставил вести переговоры Колу.

– Мы путешественники из Латиона, – отвечал Кол. – И у нас есть очень важное дело к мессире Каладиусу.

– А почему вы уверены, что мессир захочет встретиться с вами? – не спуская с Кола прищуренных чёрных глаз, спросил тот же человек.

– Среди нас есть лирра, с которой, я уверен, он очень захочет встретиться. Весьма необычная лирра, именно так ему и передайте. А ещё скажите, что я – центурион Кол. Надеюсь, он вспомнит.

– Он помнит вас, центурион, – слегка поклонился человек. – И просит войти.

Охранники расступились, давая дорогу фургону, который по дорожке направился к тому зданию, которое Кол назвал дворцом. Проводник же, легко спрыгнув с фургона и сказав несколько слов Колу, отвязал обещанного коня и, вскочив в седло, не говоря больше ни слова, умчался прочь.

Когда фургон подъехал к месту назначения, его встречали четверо слуг, держащие что-то вроде носилок.

– Вы можете поместить лирру сюда, – указал всё тот же человек, сопровождавший их до самого дворца. – Её аккуратно понесут. Также мы позаботимся о ваших лошадях.

– Большое спасибо, – ответил Кол, отдавая поводья одному из слуг. – Мессир Каладиус, как всегда, очень предупредителен и гостеприимен.

– Несомненно, – поклонился человек, открывая перед ними дверь.

Первым внутрь вошёл Кол, затем слуги внесли носилки с Мэйлинн, которая пыталась приподняться на локте, чтобы всё получше видеть. И вслед за ними в дверь вошёл Бин. И остановился, глупо разинув рот от изумления.

Глава 23. Каладиус

Перед Бином лежала широкая лестница, уходящая куда-то вниз. Широкая, не меньше десяти ярдов в ширину, и, должно быть, весьма длинная. Дворец Каладиуса находился под землёй, а постройка на земле была не более чем прихожей. Кол, глядя на своих спутников, довольно посмеивался. Видимо, в своё время это произвело эффект и на него самого, и теперь ему приятно было видеть изумление друзей.

– Прошу вас, пройдите вниз по лестнице, – проговорил сопровождающих их человек, делая приглашающий жест рукой.

Мэйлинн пыталась прикинуть, на какую глубину они в конце концов опустились. По её примеркам выходило, что не меньше, чем на сто футов. Да уж, кто-то явно умел строить. Не иначе, как работа гномов. Лестница была освещена светильниками – не магическими, но совершенно бездымными и источающими приятный аромат.

Наконец друзья оказались на широкой ровной площадке перед двустворчатой дверью. Дверь наверняка была не из обычных – Мэйлинн почувствовала вибрации магии, исходящие от неё. На каждой створке был изображён вставший на дыбы грифон, и на мгновение Мэйлинн показалось, что оба чудовища окинули её зорким взглядом. Судя по тому, что Бин, остановившись, ошарашенно замотал головой, ему привиделось то же самое.

– Прошу вас, друзья мои, входите! – раздался глухой голос из-за двери, а затем обе створки картинно распахнулись, причём не издав ни единого скрипа, и вообще двигаясь так, словно они почти ничего не весили.

Перед путешественниками стоял старик. Он ничем не походил на тех магов, которых обычно изображали в книгах или театральных постановках. Никаких чёрных плащей, длинных бород и кустистых бровей. Невысокий, не выше Мэйлинн, абсолютно лысый и гладко выбритый человек, которому можно было дать не больше пятидесяти. Загорелое лицо, на котором странно смотрелись выбеленные солнцем и временем брови. Морщинистая кожа не была похожа на дряблую кожу стариков, скорее она походила на крепкую древесную кору. Да и всё лицо казалось вырезанным из дерева. Ни унции¹⁶ лишнего жира (пожалуй, даже несколько фунтов жиру не стали бы тут лишними): старик выглядел скорее тощим. Очень необычного цвета глаза – какого-то светло-зелёного оттенка – сияли ярко, словно у восемнадцатилетнего юноши. В таком же идеальном порядке были и зубы, которые хозяин с удовольствием демонстрировал в радушной улыбке. Та же серая мешковатая одежда, что и на его слугах – удобная и практичная. Единственное, что выдавало в нём мага – тяжёлое мангиловое ожерелье: никаких драгоценных камней, только ровные, гладко отполированные кругляши мангила, связанные между собой мангиловой же цепочкой.

– Добро пожаловать в моё скромное жилище, – улыбнулся старик, делая шаг в сторону, чтобы пропустить гостей внутрь. – Разрешите представиться: я – Каладиус, – старик явно нарочно опустил слово «мессир», общепринятое титулование магов. – Вас я тоже знаю, можете не представляться. Особенно мой старый приятель центурион Брос. Рад вас видеть, милейший друг.

Кол, который на протяжении пути десятки раз убеждал спутников в том, что Каладиус его вспомнит, тем не менее, похоже, сам верил в это не до конца, и сейчас он был явно обрадован и польщён:

– Благодарю вас, мессир, – поклонился он. – Мне весьма лестно, что вы вспомнили своего недостойного охранника.

– Брось, дружище! – нарочито фамильярно возразил Каладиус. – Во-первых, никаких «мессиров», ты же помнишь! Первые полтысячи лет это ещё приятно и весело, но теперь уже надоело. А во-вторых, перестань расшаркиваться и бляеть о недостойности, точно баран.

Помнится, за бутылочкой-другой старого пунтского ты был очень даже достойным... гм... собутыльником!

– Что правда, то правда! – рассмеялся Кол. – Я рад, что вы этого не забыли. Я тоже с удовольствием вспоминаю те денёчки.

– Ну ладно, у нас ещё будет дело покудахтать над былыми временами, – махнул рукой Каладиус. – А сейчас – прошу вас, друзья, не стойте, проходите. А то я своей болтовнёй скоро вас совсем утомлю. Госпожа Мэйлинн из рода Айрига, я счастлив приветствовать вас у себя дома, – и Каладиус невероятно галантно склонился над носилками и поцеловал руку несколько растерянной Мэйлинн. Тем не менее, та пробормотала в ответ несколько слов о том, как она рада, и счастлива, и прочая, и прочая...

– А это, надо полагать, достойнейший господин Бин из рода Танисти, – не спрашивая, а утверждая, обратился к Бину чародей. – Я также рад приветствовать вас у себя. Прошу вас, располагайтесь как дома.

– Спасибо, мессир, – млея от восторга поклонился Бин.

– Ну теперь-то ты видишь, что он – настоящий, – не преминул подпустить шпильку Кол. Бин мгновенно стал пунцовым.

– Ааа, стало быть, молодой человек сомневался в моем существовании? – весело протянул Каладиус. – Ну что ж – это издержки статуса легенды. Когда в молодости ты вращаешь мир в своих руках, заставляя его плясать по своей воле, а потом вдруг исчезаешь неизвестно куда, – нужно быть готовым, что через сотню-другую лет тебя объявят сказкой для ребятни.

– Неужели вам действительно больше тысячи лет? – не удержалась Мэйлинн.

– Так гласят легенды, – рассмеялся Каладиус. – Но я чувствую, что через какое-то время между нами не будет тайн, так что должен признаться, что легенды несколько преувеличивают. Если быть более точным, то где-то на триста лет. Мне всего что-то около семисот пятидесяти. Точнее, увы, сказать не сумею. Просто когда ты молод и амбициозен, тебе хочется заявить о себе в полный голос. Вот я и приписал себе лишних триста лет в своё время, чтобы производить большее впечатление. Ну а теперь-то уж это дела столь минувших лет, что давным-давно даже те, кто знали мой истинный возраст, забыли об этом, а скорее вообще перестали думать обо мне. Ведь это лирийские магини – ну зачем им забивать голову каким-то человеческим колдуном?

– Вы знаете, что мы прибыли к вам за помощью, – Мэйлинн решила не терять времени.

– Конечно знаю, – быстро перебил Каладиус. – Но я вижу, что некоторая помощь необходима вам прямо сейчас. И я вполне неблагоразумно дал вовлечь себя в беседу, хотя должен был немедленно направляться с вами в лабораторию, ибо вижу, что вы серьёзно больны. Но что поделаешь – я так редко могу наслаждаться обществом гостей... Однако же, – перебил сам себя волшебник. – Я снова начинаю болтать. Прошу вас, друг мой Кол, друг мой Бин, располагайтесь. Ешьте, пейте, отдыхайте. Мои слуги исполнят любую вашу просьбу. А мы с госпожой Мэйлинн направимся в мою лабораторию, если она не возражает.

– Конечно, я не возражаю, – ответила Мэйлинн. – Надеюсь, вы сможете мне помочь.

– Я в этом нисколько не сомневаюсь, – блеснул улыбкой маг. – Ведь я же – легендарный Каладиус.

***

Наступило утро. По крайней мере, Бин проснулся, и по его ощущениям было утро. В подземном дворце, понятное дело, время по солнцу определить было нельзя. Бин от души потянулся. Он лежал в кровати в небольшой, лаконично обставленной комнате. Собственно говоря, кроме кровати и пары стульев, на которых сейчас была в беспорядке набросана его одежда, никакой другой мебели не было. Пара лампадок, таких же, как и везде – довольно ярких и бездымных – светилось по углам, разгоняя мрак. Где-то слышались голоса, и Бин

решил, что пора вставать. Несмотря на то, что вчера вечером он весьма плотно поужинал, сейчас он чувствовал, что с удовольствием бы не менее плотно позавтракал.

Одевшись и кое-как пригладив пятерней всклокоченные волосы, Бин вышел за дверь. Он оказался в большом круглом холле. В этот холл выходило около дюжины дверей, расположенных по одной стороне, а на другой стороне было огромное окно, освещавшее холл мягким светом. Бина очень удивило, что в пустыне имелся такой шикарный водопад, на который выходило это окно. Но спустя мгновение он вдруг осознал, что находится сейчас глубоко под землёй, и, следовательно, никакого водопада он бы не смог увидеть, даже будь он рядом. Окно явно было магическим.

– Впечатляет, да? – услышал он голос Кола.

Приятель сидел на мягком кожаном диване в центре холла. Диван этот представлял собой незамкнутое кольцо, причём сидеть можно было как с внутренней его стороны, так и с внешней. Внутри него стоял круглый стол чёрного дерева, на котором дымился завтрак.

– Впечатляет, – согласился Бин, подсаживаясь к столу и хватая из огромной тарелки что-то неизвестное, но чрезвычайно, как выяснилось, вкусное.

– Не так, конечно, как твой храп, – хмыкнул Кол. – Нет, серьёзно, друг, ты что – специально этому где-то учился? Я, знаешь ли, слышал в своей жизни немало храпунов, пока ютился по казармам. Но всем им до тебя далеко. Ты – просто король храпунов! Сомневаюсь, что обитатели дворца сегодня хоть на миг сомкнули глаза.

Бин сидел с набитым ртом и молча принимал сомнительные похвалы друга. Он давно приучился пропускать колкости Кола мимо ушей, и сейчас лишь следил за тем, чтобы рот не пустел. Он брал какие-то неведомые яства то с одной, то с другой тарелки, и заталкивал их в рот. Одни из них были сладкими, другие – солёными или даже горьковатыми. Но все неизменно были вкусны, причём что в отдельности, что все вместе.

– Интересно, как там дела у Мэйлинн, – задумчиво сказал Кол, откидываясь на мягкую спинку.

Челюсти Бина перестали перемалывать пищу. Чувство стыда, что он даже не вспомнил о Мэйлинн, укололо его в самое сердце. Однако вслед за ним тут же появились оправдания: действительно, не каждый день оказываешься в волшебном дворце самого легендарного мага в мире!

– Угу, – только и выдавил он, схватив бокал, чтобы поскорее проглотить еду.

– Я думаю, что нужно навестить Каладиуса, – вставая, сказал Кол. Бин поспешно вскочил за ним.

Тут открылась одна из дверей, и в холл вошёл слуга. Он обратился к ним с какой-то фразой на баининском. Кол что-то ответил. Тогда слуга, судя по тону, что-то почтительно возразил. Кол, кивнув, сел. Бин, ничего не понимая, просто плюхнулся следом.

– В чём дело?

– Слуга просил передать, что мессир Каладиус вскоре сам навестит нас, и просил подождать.

– Понятно. Значит, будем ждать, – ответил Бин и, подумав немного, взял со стола ещё кусочек чего-то сладенького.

Ждать мессира Каладиуса пришлось не меньше часа. За это время Бин успел дважды подкрепиться, благо слуги не уносили тарелки со снедью, а также детально изучить пейзаж за магическим окном. Ожидание заметно тяготило его. Кол же, как и всякий бывалый солдат, привык к многочасовым ожиданиям, поэтому просто сидел, безучастно глядя в окно, и думая о чём-то своём. Разговаривать не хотелось ни тому, ни другому.

– Ну что, господа мои, как выспались? – послышался голос мага, а вслед за ним возник и сам Каладиус, выйдя из одной из дверей, которые, как и все двери в этом дворце, открывались абсолютно бесшумно.

– Спасибо, хорошо, – ответил, вставая Кол.

– Да уж, я слышал, – хитро поглядывая на Бина, ответил волшебник. – Мои слуги доложили мне, что на дворец напала целая стая пустынных львов.

Кол залился весёлым смехом, к которому присоединился и сам Каладиус, Бин же стоял, потупившись и покраснев, готовый провалиться сквозь землю.

– Ну-ну, не обижайтесь на меня, любезный мой господин Бин, – примирительно подняв руки, воскликнул маг. – Как по мне, то любое умение, доведённое до совершенства, должно вызывать лишь глубокое восхищение.

Новый взрыв смеха, а Бин покраснел так, что в ушах зашумело, а в глазах выступили слёзы.

– Что там с нашей Мэйлинн? – отсмеявшись, спросил Кол.

– С ней всё в порядке, – тут же ответил Каладиус. – И она, думаю, сейчас сама вам об этом скажет.

И действительно, почти в ту же секунду в холл вошла лирра. Вошла сама, без поддержки. И хотя походка была ещё не совсем уверенной, совершенно очевидным было то, что Мэйлинн чувствовала себя значительно лучше. Лихорадочный румянец последних дней покинул её ввалившиеся щеки. А на обветренных губах вновь играла улыбка.

– Мэй! – забыв обо всем, Бин бросился навстречу лирре, заключая её в объятия. Мгновением позже их обоих заграбастал в свои объятия Кол.

– Наконец-то ты в порядке! – кричал он в самое ухо лирре.

– Да уж, спасибо мессире Каладиусу! – легонько отстраняясь, ответила Мэйлинн. – Да не кричи же ты так, а то я оглохну! – засмеялась она.

– Ну, вы, увальни, дайте даме присесть! – прикрикнул Каладиус. – Она ещё довольно слаба.

Бин с Колом под руки отвели Мэйлинн к дивану и стали наперебой рекомендовать угощения. Бин, который перепробовал уже всё не по одному разу, подносил лирре то одно, то второе. К их полному счастью Мэйлинн не отказывалась ни от чего. Она откусывала от подносимых ей кусков, не боясь испачкать лицо и пальцы, мычала, закатив глаза, чтобы выразить восхищение, и смотрела на присутствующих счастливыми глазами. В ответ её прожигали две пары обожающих глаз.

– Ну что, теперь, я полагаю, нам нужно поговорить? – взял инициативу на себя Каладиус, видя, что присутствующие изнывают от желания задавать вопросы. – Спрашивайте, и я стану отвечать по возможности полно и ясно.

– Я излечилась? – тут же спросила Мэйлинн, взглянув старому волшебнику в глаза.

– Нет, – спокойно ответил Каладиус. – И сомневаюсь, что ваше излечение вообще возможно. *Полное* излечение, я имею в виду. Мне удалось лишь купировать вашу... *гм...* болезнь, но, уж будьте уверены, я это сделал на совесть.

– Ясно, – Мэйлинн стоически приняла это известие. – А что вообще со мной было и чего мне ждать в будущем?

– Как бы вам объяснить?... – несколько смешался Каладиус. – Вот! Представьте, что мы, говоря утрированно, состоим из тела и души. Так вот тело ваше совершило перерождение, или, как называете его вы, лирры, – *пробуждение*, а вот душа – нет. Отсюда возник своеобразный парадокс, который и привёл к нарушению работы вашего организма. Очень опасный парадокс, должен вам сказать. Без преувеличения – великое счастье, что вы вовремя попали ко мне. Сомневаюсь, что вы протянули бы больше пары недель. Может, месяц. Да и то, скорее всего, большую часть этого времени вы провели бы в коме. Если опять вернуться к грубым аналогиям, то ваше тело просто исторгло бы неподходящую душу. Вы ведь знаете, что обычно тело лирры претерпевает весьма существенные физические изменения. В вашем случае этого не произошло, поскольку тело не может уничтожить себя само, а душа воспро-

тивилась *пробуждению*. Если хотите, вы были похожи на роженицу, которая никак не может разрешиться от бремени. И так же, как она, должны были умереть.

– Значит, я обречена? – тихо спросила лирра, опустив голову. В комнате повисло гробовое молчание.

– Ну почему же сразу «обречена», милое дитя? – отозвался Каладиус. – Вовсе нет. Как я уже сказал, я купировал проблему. Я не в состоянии объяснить вам всё так, как есть на самом деле, поэтому вновь прибегну к упрощениям. Представьте, что после *пробуждения* ваше тело стало некой особой магической сущностью, или, скорее, в нём поселилась некая новая магическая сущность. А точнее, конечно, – *пробудилась*. Эта магическая сущность вступила в конфликт с вашей душой. И вот я, грубо говоря, изловил эту сущность и запечатал её в клетку внутри вашего тела. И клетка эта запечатана намертво – уверен, мои коллеги из Наэлирро отдали бы на отсечение все свои конечности, чтобы взглянуть на то, как я это сделал, – самодовольно усмехнулся маг. – То, что эта сущность навеки останется в вас – факт. И открыть клетку тоже возможно. Правда, это могу сделать только я. А я, как вы понимаете, этого никогда не сделаю. Так что вы теперь можете жить самой обычной жизнью, как вы жили *до* вашего *пробуждения*.

– Значит, я не стану магией? – с лёгким разочарованием спросила Мэйлинн. Вот ведь странность: она никогда не хотела этого, а теперь вот чувствовала какую-то горечь утраты.

– Увы, – ответил Каладиус. – Конечно, вы будете ощущать какие-то вибрации *возмущения*, ибо вы – лирра, а лирры весьма чувствительны к этому. Но использовать *возмущение* вы не сможете.

– Да и хвала богам! – встрял Кол. – Не стоит об этом печалиться, подруга! Разве ты не убеждала нас, что никогда не хотела быть магией? Вот, твоя детская мечта сбылась! Радуйся! А главное – ты теперь здорова!

– Согласен с моим другом Колом, – кивнул Каладиус. – Вы должны быть весьма благодарны, что мне удалось вам помочь. Не так много магов в нашем мире, способных на такое. Да и вообще – нам ещё повезло, что наш мир, скорее всего, находится довольно далеко от полюсов сферы, а иначе я мог бы оказаться бессилён.

– Как это? – глаза у Мэйлинн вновь загорелись, любознательность заглушила на время все остальные чувства. – Почему вы считаете, что наш мир находится далеко от полюсов? И почему в противном случае вы были бы бессильны?

– Ну, это, конечно, лишь мои мысли и рассуждения, но я почти уверен, что они верны, – охотно отозвался Каладиус. Было видно, что он истосковался по общению и возможности блеснуть своими знаниями. – Представьте себе – уж извините, я снова использую аналогию – два магнитных бруска. Если положить железную монетку рядом с одним из брусков, она притянется к нему, поскольку возмущение, создаваемое магнитом, в этой точке будет достаточно велико. Но если положить монетку строго посередине между двумя брусками, то она не сдвинется с места. На неё будут действовать одинаково две разнонаправленные силы, что, по сути, будет аналогично тому, как если бы на неё вовсе не действовала никакая сила. Этот мысленный эксперимент вполне может показать нам и то, как работает магия в нашей Сфере. Чем ближе мы будем приближаться к какому-то из полюсов, тем сильнее будет возмущение. И тем больше магии будет в мирах. Не удивлюсь, если в мирах, близких к полюсам, даже растения – и те способны распоряжаться магией. И уж конечно, в таких мирах пробудившаяся в вас сущность была бы куда как сильней, и справиться с нею у меня могло бы и не получиться. И, напротив, в мирах, близких к плоскости экватора Сферы, магии может не быть вовсе, или она будет в столь мизерных масштабах, что её невозможно будет использовать.

– Миры без магии? Разве такое возможно? – недоверчиво протянул Бин.

– Это вполне возможно, мой юный друг! – без малейшего высокомерия или превосходства, как равному, ответил маг Бину. – Более того, я твёрдо убеждён, что именно так оно и есть. В нашей Сфере есть множество миров, в которых напрочь отсутствует магия.

– И что же – там кто-то живёт? – всё так же недоверчиво спросил Бин.

– Конечно же, эти миры обитаемы. И, может быть, ровно в этот момент какой-нибудь молодой человек вроде вас, житель такого вот мира, безапелляционно заявляет своему более умудрённому собеседнику, что магии не существует в природе! – Каладиус усмехнулся.

– Как же они там живут, бедные? – пробормотала Мэйлинн.

– О, юная госпожа, я бы не стал их жалеть! – горячо воскликнул Каладиус. – Напротив, в чём-то им повезло куда больше, чем нам.

– Как это может быть? – теперь разговор задел за живое и Кола.

– Да очень просто. Вот наш мир полон магии, и многое можно получить, не прилагая никаких усилий. Казалось бы, это замечательно. Но посмотрите вокруг – разве мы увидим множество счастливых людей? Разве в нашем мире побеждена бедность, болезни, войны? Нет, нет и нет. Всё это имеется в избытке, несмотря на магию. Но, с другой стороны, магия и тормозит развитие нашего общества. Зачем выдумывать что-то новое, когда замечательно работает старое, а если нет – всегда можно наколдовать что-то. Наш мир похож на великовозрастного дитя, которого держит на коленях, не отпуская, кормилица-магия. Мы припали губами к её сосцам, и никак не можем оторваться. Не можем сделать самостоятельно ни одного шага.

Я прожил на этом свете больше семисот лет. Как вы думаете, что изменилось в мире за это время? Ни-че-го! Возникло ли что-то новое? Ничуть не бывало! Да, изменилась мода, изменились государства, кареты теперь делают на рессорах... Но это всё – мелочи и ерунда. Другое дело – миры без магии. Они – словно беспризорники, промышляющие на городском рынке, чтобы не умереть с голоду. Они найдут десяток способов оставить вас без кошелька. Сильные, злые, голодные... Или вот: вспомните деревья, которые растут в моем оазисе. Мощные, зелёные, прекрасные. Но стоит любое из них пересадить в пустыню, оно тут же погибнет. Но вот те жуткие скрюченные акации, на которых шипов куда больше, чем листьев, они живут в самом огненном жерле пустыни, хоть это и кажется невероятным.

Так и миры без магии. Разумные существа, населяющие их, должны будут очень постараться, чтобы выжить. Ведь они не смогут развести огонь щелчком пальцев, или возвести двухсотфутовую башню всего за пару лет. Им придётся изобрести способы, которые помогут им строить не менее величественные здания, перемещаться по миру, быстро передавать сообщения. Наверное, это будут какие-то неведомые нам механизмы, которые по сути своей будут являться куда большим чудом, нежели любые магические экзерсисы, – довольно откидываясь на спинку дивана, Каладиус перевёл дух. Было видно, что он страшно любил говорить, и страшно любил себя слушать.

– Я никогда об этом не задумывалась, – задумчиво проговорила Мэйлинн. – Но мне кажется, что вы на самом деле правы. Но вот что не даёт мне покоя: а как же жители тех миров узнают о существовании бога, если они не в состоянии ощутить его присутствие?

– Наверное, действительно – никак, – чуть задумавшись, ответил Каладиус. – Действительно, им не дано почувствовать возмущение между полюсами Сферы, являющееся свидетельством божественного творения. Скорее всего, они просто изобретут собственных богов, ведь само их существование в какой-то мере является достаточным доказательством. И, может, придумав себе богов, они со временем превзойдут их.

– Общаться с вами – необыкновенное наслаждение, мессир Каладиус, – учтиво проговорила Мэйлинн, и старик расплылся в довольной улыбке.

– Вы тоже – отличный собеседник, прекрасная госпожа Мэйлинн, – промурлыкал он, словно кот, которого почесали за ушком.

– Мне очень интересно, откуда у вас столь обширные знания по различным вопросам. Особенно меня интересует, как вы смогли излечить меня, тогда как в Наэлирро лучшие преподаватели лишь пожимали плечами, когда я спрашивала, что со мной. Извините, но меня всегда учили, что человеческие маги – весьма ограничены, поскольку их век несоизмеримо короче века магинь, – смущённо закончила Мэйлинн.

– Я ничуть не обижен на вас, моя дорогая, – благодушно ответил Каладиус. – А об этих... гм... рассуждениях достойных магинь я, конечно же, слышал. Но подумайте: а действительно ли более короткий век – это проклятие нашего рода?

– Конечно, – буркнул Бин, и вдруг замолчал, спрятав взгляд, сообразив, что сказал это вслух.

– Ну мне тоже кажется, что более длинная жизнь – это благо, – осторожно ответила Мэйлинн, надеясь, что никого этим не обидит.

– А я вот позволю себе с вами не согласиться, дорогие друзья, – улыбнулся Каладиус. – И не потому, что сам разменял восьмую сотню. В своё время я ведь не знал, что проживу так долго, ведь большинство моих коллег едва переваливает за две сотни лет. Но тем не менее, все вы слышали более или менее правдивые легенды о моих деяниях. Я совершил всё это, будучи довольно молодым магом – мне едва минуло сто лет. А знаете, почему я это сделал? – Каладиус обвёл присутствующих долгим взглядом. – Потому что боялся умереть. Боялся, что не успею сделать всё, что задумал и на что, как я считал, был способен. Именно этот страх толкал меня вперёд, заставлял действовать, не теряя ни года, ни часа, ни минуты. Именно поэтому раса людей заняла доминирующее положение в нашем мире. Мы – гипер-активны, потому что наш век недолог. А ещё мы – любопытны. В своё время общаясь с различными великими магами различных рас, я заметил одну особенность. Человеческие маги иногда задавали совершенно неуместные, странные, парадоксальные вопросы. И тогда волшебники других рас смотрели на них со смесью снисхождения и удивления, так, словно бы те громко пукнули в приличном обществе. Но со временем из этих нелепых вопросов развивались гениальные теории, менявшие представления о магии и мире. Ваш покорный слуга неоднократно бывал в подобном положении. Благодаря неуёмному любопытству, присущему нашей расе, я постиг многие сокровенные тайны. Вот, кстати говоря, милая, в вас я вижу то же любопытство, столь нехарактерное для ваших сородичей. Стань вы магиней, вы могли бы превзойти саму Дайтеллу, уж поверьте мне на слово!

– Ну, этого мы уже никогда не узнаем, – несколько помрачнела Мэйлинн. – И всё же, откуда вы знаете о магии лирр такие вещи, которые не знают сами лирры?

– Прежде всего, дорогая, позвольте мне усомниться в мнимом неведении ваших преподавателей по поводу вашей болезни. Да, многие из них, конечно же, были искренни. Но не все. Скажите, вы слышали когда-нибудь об Ордене Лианы?

– Нет, ничего такого ни разу не слышала, – подумав мгновение, отозвалась Мэйлинн.

– И неудивительно, – кивнул маг. – Это весьма таинственный лиррийский орден.

– Лиррийский? – изумилась Мэйлинн.

– Именно так. И этому ордену уже более семи тысяч лет. Он возник как раз в пору гонений на лирр, когда люди поклялись истребить ваше племя с лица земли. И тогда могущественные лиррийские вожди, воины и магини создали Орден Лианы, главная цель которого была в том, чтобы перехватить инициативу у людей и добиться доминирующего положения лирр на Паэтте. Примерно в то же время пришли вести о Драонне и его империи... Вы же знаете, кто такой Драонн, дорогая?

– Знаю, – буркнула Мэйлинн. – Чёрное пятно на совести всех лирр.

– Ну тогда вы знаете, что Драонн был аномалией – единственный *пробудившийся* из мужчин-лирр. Магистры Ордена Лианы сочли, что если бы Драонн находился на Паэтте, он коренным образом мог бы изменить положение лирр. Однако властелина чёрной империи

было не достать, поэтому магистры решили, что им необходимо разыскать ещё одну аномалию. Кстати говоря, главным образом именно для этого и была создана знаменитая Школа Наэлирро. Магистры набрали туда отбитых у людей сироток-рабынь. Поскольку те носили рабские ошейники, и кожа на их шеях была обезображена этими ошейниками...

– Знаю, – перебила Мэйлинн. – Основатели Наэлирро нанесли первым воспитанницам татуировки в виде ошейников, сказав, что отныне это – единственные ошейники, которые станут носить лирры. Эту историю нам подробно рассказывали в Школе, хотя ни о каком Ордене Лианы там не говорилось.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся Каладиус. – Позднее Орден тщательно вычистил из книг любые упоминания о себе. Так вот, тысячелетиями Орден проводил изыскания на предмет обнаружения аномалии и её воздействия на магические процессы. На эту тему было написано много трактатов, недоступных широкой публике.

– Тогда откуда вы всё это знаете?

– У меня были свои способы узнать, – хмыкнул маг. – Я же говорил вам, юная госпожа, что любопытство – один из главных моих пороков. Я видел многие из этих трактатов. Кое-что даже в оригинале, хотя большинство – в списках. И то, что происходило недавно с вами, там тоже было описано весьма подробно. Я даже зауважал невольно магистров Ордена – так точно предугадать симптомы, течение болезни, и главное – способы лечения. Так что, дорогая моя, должен вас огорчить: когда ваши так называемые преподаватели расписывались в собственной беспомощности, говоря, что не знают, что с вами и не могут помочь, они, мягко говоря, лукавили.

– То есть... – начала лирра.

– То есть, вы и есть та самая аномалия, которую Орден ждал целых семь тысяч лет. И магистры Ордена, работающие в Наэлирро (а там работали только лучшие из лучших, поверьте!) отслеживали каждое изменение, происходящее в вас, всё это записывали и анализировали. Им необходимо было убедиться в своей правоте, прежде чем раскрывать вам карты и начинать создавать из вас лиррийскую мессию.

– Но как же тогда они могли проворонить такую ценную пленницу? – воскликнул Кол.

– А вот тут, друзья мои, начинается самое неприятное. Поскольку я не могу утверждать наверняка, что бегство нашей юной знакомой было случайным. Вполне возможно, это была часть плана Ордена.

– И в чём этот план заключается? – неживым голосом осведомилась Мэйлинн.

– Хотел бы я знать! Но не знаю. А спекулировать на эту тему сейчас не хотелось бы. Тем более, что, может быть, это – не более чем мысли старого параноика.

– Но если бегство Мэйлинн было частью плана Ордена, значит ли это, что они и сейчас наблюдают за ней, или же ей в самом деле удалось от них скрыться? – почёсывая небритый подбородок, спросил Кол.

– Увы, но я снова хочу повторить, что мне не хотелось бы сейчас оперировать одними догадками. Подождём и посмотрим. Пока вы здесь – вы в безопасности.

– Как вы можете это утверждать наверняка? – вскинулась Мэйлинн. – Вы же сами говорили, что многого не знаете.

– Да, но того, что я знаю, пока вполне достаточно, – совершенно не обиравшись, ответил Каладиус. – Например, мне известно, что не так уж далеко отсюда находится человек, который идёт по вашему следу. Это – один из мастеров Теней, с которыми вы столкнулись на Симмерских болотах. Скорее всего, завтра он будет здесь.

Троица друзей ошарашенно раскрыли рты, глядя на волшебника.

– Но мы же, кажется... всех убили... – пробормотал Кол.

– Выходит, что нет, – усмехнулся маг.

– И он найдёт нас? – тихо спросила Мэйлинн.

– Уверен, что да. Наверняка Гильдия послала на это дело лучших из лучших.

– Так, может, тогда как-то сделать так, чтобы он... исчез? – дрожащими губами спросил Бин. Он сейчас очень ясно видел перед собой человека, которого он, как ему думалось, убил. Почему-то Бин ни на секунду не сомневался, что речь идёт именно об этом человеке.

– Напротив, – азартно сверкнул глазами мессир Каладиус. – Мне думается, что будет куда интереснее, если он всё-таки нас найдёт.

Глава 24. Ловушка

Варан гнал лошадь вперёд. Все эти дни он большую часть времени проводил в седле, давая себе на отдых ровно столько времени, сколько его требовалось лошади. А всё потому, что он буквально чувствовал, как быстро исчезает отведённое ему время. Он физически ощущал, как медленно, но методично разрушается наложенная Симмером руна, как истончается перегородка, отделяющая его от небытия. И это сводило с ума.

Поначалу он твердил себе, что это лишь выводит его из себя. Но сейчас он понимал, что просто боится. Причём долгие годы до этого Варан был твёрдо убеждён, что не боится смерти. Он не раз глядел в лицо опасности, и чаще всего даже не слишком волновался по этому поводу. Холодный, бесстрастный, бесстрашный. И куда только он теперь подевался, этот прежний Варан? Сейчас мысль о надвигающейся смерти всё больше заполняла его сознание. Она зудела, как укус комара. Варан никогда не считал страх смерти чем-то постыдным. Наоборот, он позволял сохранять трезвую голову, правильно оценивать ситуацию. Он помогал остаться в живых. Но этот, новый страх – он был иным. Он парализовывал волю, туманил сознание, заставлял фокусироваться лишь на себе.

Кусая губы, Варан пытался понять, как такое могло с ним произойти. И понял. Он понял, что раньше осознание смерти никогда не было неотвратимым. Даже в бою, даже в самой серьёзной переделке выживание всегда зависело от него – от его силы, реакции, ума. А себе Варан доверял всегда и во всём. Именно поэтому смерть оставалась чем-то абстрактным, ненастоящим. Теперь же он понимал, что смерть – вот она, прямо здесь, словно змея обвивает его шею холодными кольцами. И он почти ничего не может с этим поделать. Разве что ещё сильнее подгонять несчастного коня, пытаясь до минимума сократить расстояние до лирры.

Именно поэтому путь, который у Мэйлинн и её друзей занял одиннадцать дней, Варан преодолел за четыре. Никакой другой конь, кроме чистокровного саррассанца не был бы способен на такой подвиг. Да и Суховой уже, было видно, сдавал свои позиции. Варан понимал, что ещё несколько дней такой скачки, и бедное животное падёт. Однако он продолжал с маниакальной жестокостью загонять и себя, и своего коня, в надежде отыграть у судьбы хоть один лишний день.

Однако страх смерти не до конца отбил у мастера Теней желание и возможность «логично предполагать». Варан неотступно вертел в голове одну и ту же мысль: куда направляется лирра? Что за странный маршрут, который она избрала для себя? Может ли быть, чтобы ей зачем-то было нужно в этот занюханный Лоннэй, эту столицу козопасов и садоводов? Что может быть нужно там Мэйлинн и компании? Неужели просто затеряться в богами забытом месте? Но можно ли затеряться в Лоннэе, тем более – лирре? Варан весьма в этом сомневался.

Тогда – что? Двигаться по Дорону на восток, чтобы сесть на корабль в каком-либо порту? Чушь! Если бы так, то незачем было бы делать такой крюк. Вполне можно было бы от Танийского перевала двинуться сразу к Найру. Это и ближе, и кроме того, Найр – крупнейший порт Пунта. Оттуда можно отплыть куда угодно, хоть даже на сам Эллор.

Значит – двигаться дальше на юг? Куда? Уж ясно, что не к дорийцам. У тех искать вообще нечего. Тогда – Саррасса? Но вся загорская Саррасса – одна сплошная пустыня до самого побережья.

Вообще одна неприятная мысль вертелась на краешке сознания, но Варан, обычно такой рассудительный, сейчас упорно отгонял её, не давая ей возможности оформиться в нечто внятное. И всё же ему пришлось впустить эту мысль, потому что она очень многое объясняла. А уж то, что она не по нраву Варану, ещё не говорит о том, что она неверна.

Дело в том, что была одна безумная на первый взгляд ассоциация с пустыней Туум. В Гильдии поговаривали, что где-то там, на северной границе пустыни, свил себе гнездо знаменитый маг Каладиус, некогда – самый могущественный и влиятельный человек на всей Паэтте, а ныне – спрятавшийся от мира отшельник. И вот чутье охотника за головами, которому Варан безоговорочно доверял, сейчас говорило ему, что есть лишь одно разумное объяснение странному путешествию лирры. И объяснение это донельзя огорчало. Потому что если лирра действительно направилась к старому колдуну, то схватить её будет ох как непросто! Более того, так и напрашивалось слово «невозможно», хотя Варан отмахивался от него изо всех сил. Ибо если так, то тогда проще сразу перерезать себе глотку.

С такими мрачными мыслями Варан прибыл в Лоннэй. Город кишмя кишел беженцами, и это весьма усложняло задачу. Варан ожидал, что каждый встречный-поперечный тут же вспомнит, что да, дескать, видел тут одну лирру, отправилась туда-то. Однако в такой толчее, которая творилась на улицах города, спрашивать кого-то о чём-то было абсолютно бессмысленно.

Варан стал расспрашивать хозяев встречающихся гостиниц, но те, совершенно ошалевшие от суеты последних дней, лишь разводили руками. Более того, Варан сомневался, что лирра захочет остановиться в этих переполненных вонючих гостиницах. А значит надо искать где-нибудь ближе к центру города, где гостиницы дороже и, следовательно, менее доступны селянам из занятых войной районов.

Проверив около полудюжины гостиниц, и сочтя их все негодными для проживания лирры, Варан наконец оказался на площади Урожая, рядом с известной нам гостиницей «Песнь малиновки». Опять же, при виде неё у Варана слегка заныл, словно от мороза, висок, что было верным признаком того, что его знаменитое охотничье чутье что-то зацепило. Поэтому Варан с важным видом подъехал к гостинице и, привязав коня к открытой ставне, вошёл внутрь. Ему открылась общая столовая, где сейчас сидело с полтора десятка постояльцев. Комната была наполнена ароматами, заставившими желудок мастера Теней жалобно заурчать. Хорошо, что никто этого не услышал.

Цепким взглядом Варан охватил всё помещение. Лирры и её приятелей здесь не было. Почему-то Варан был в этом уверен, иначе не стал бы так открыто заявляться сюда. Но также он был почти уверен в том, что лирра всё-таки побывала здесь. Постояльцы не обратили на нового посетителя никакого внимания. Лишь девочка лет двенадцати, сидящая у лестницы, ведущей на второй этаж, и держащая в руках младенца с бутылочкой молока в руках, пристально уставилась на Варана.

Подскочил немолодой раскрасневшийся хозяин, держащий в обеих руках по подносу:

– Сию минуту, господин, – отдуваясь, проговорил он. – Сейчас вот только доставлю заказ, и буду здесь.

Действительно, ловко протиснувшись между столами, старик поставил подносы на стол, перекинувшись несколькими словами с людьми, сидящими за ним, и затем, утирая лицо и руки фартуком, ринулся навстречу Варану.

– Чего изволите, милостивый государь? – подходя, спросил он.

– Мне бы комнату получше, любезный хозяин, – Варан знал, как общаться с трактирщиками – начини задавать им вопросы в лоб, они просто прикинутся дурачками. Нет, сначала им нужно показать монету.

– Вы обратились по адресу, сударь! – ответил мэтр Бабуш (думаю, мы все уже узнали его). – Лучшие комнаты в этом городе – как раз в моей гостинице! На сколько же дней вам нужна комната, позвольте полюбопытствовать?

– Я ещё сам точно не знаю, уважаемый, – пожав плечами, сказал Варан. – Дело в том, что я должен встретиться тут со своим другом, но не знаю, когда он прибудет.

– Может быть, ваш друг уже здесь? – услужливо проговорил мэтр Бабуш. – Как зовут этого достопочтенного человека?

– Его зовут Сан Брос. Но он мог представиться просто Колом.

– Кол? – воскликнул трактирщик, просияв. – Ваш приятель – Кол? Тогда, господин, вынужден вас огорчить – вы разминулись с ним.

– Как разминулись? – Варану понадобилось всё его самообладание, чтобы изобразить разочарование.

– Да, – сокрушённо закивал мэтр Бабуш. – Были они здесь, действительно, пробыли дня три, но уехали, – старик, подняв глаза, зашамкал губами, загибая пальцы. – Да, уж шесть дней тому. Однако, Кол ни полусловом не обмолвился, что он собирался с кем-то встречаться здесь.

Варан заметил подозрение, мелькнувшее в глазах старика. Сейчас надо действовать осторожно, но наверняка. Необходимо расположить старика к себе. И Варан понял, что деньги тут не помогут. Он слышал ту теплоту, с какой трактирщик говорил о Сане Бросе, и понял, что они успели сдружиться. Так что надо действовать не столь грубо.

– Ох уж этот старый бродяга Кол! – рассмеялся Варан. – Я, наверное, даже знаю, в чём дело. Он ведь был с Мэйлинн, не так ли?

– Да, именно так, – при упоминании этого имени старик расцвёл, а сидевшая у стены девочка резко повернула голову, вглядываясь в Варана.

– Ну тогда всё ясно! – со смехом продолжил Варан. – Вы, должно быть, заметили, что он по уши влюблён, – Варан бил наугад, так как понятия не имел, какие отношения связывали Кола с Мэйлинн, однако был уверен, что всё получится – либо это окажется правдой, либо он просто продолжит свой блеф.

– Как не заметить! – отчески усмехнулся мэтр Бабуш. – Это было видно и слепому. И он, и Бин – они глаз с неё не сводили! Да и не удивительно! Будь мне годков на двадцать поменьше, я бы пел ей серенады под окнами каждую ночь!

– Ну я так и думал, что Мэйлинн настолько вскружит ему голову, что он забудет обо всём! – Варан подмешал к доброй насмешке некоторую долю огорчения, как раз такую, чтобы трактирщик почувствовал себя неловко.

– Да уж, нехорошо получилось, – кивая, проговорил старик. – Однако же, вы можете попытаться догнать их. Конь у вас добрый, хотя и несколько усталый, как я погляжу. А они станут двигаться небыстро, поскольку бедняжка Мэй немного прихворала. Кроме того, у них фургон. Но если хотите – можете остаться здесь. Друзья Кола и Мэйлинн – мои друзья. Вы ни в чём не будете испытывать нужды, уверяю вас!

– Благодарю, мой добрый хозяин, – поклонился Варан. – Но я всё-таки постарался бы догнать эту бестолочь-Кола, хотя бы затем, чтобы как следует хлопнуть его по лбу! Может это вобьёт немного ума в его старую голову! Вы не подскажете, куда они направились?

– Ну точного места они мне не называли, – огорчённо развёл руками мэтр Бабуш. – Однако я знаю, что их путь лежит куда-то к северным границам пустыни Туум. Может быть, вы лучше меня знаете, куда они направляются?

– Боюсь, что да, – пробормотал Варан, опуская голову. Значит, он был прав. Они едут к Каладиусу.

– Что вы сказали? – переспросил мэтр Бабуш.

– Я сказал, что действительно знаю, куда они едут, и постараюсь нагнать их там, – громко ответил Варан, направляясь к выходу. – И всенепременно передам им привет от вас, – губы охотника разошлись в широкой улыбке, и Бабуш увидел, что у него зияет дыра на месте передних зубов.

– Обязательно передайте, милостивый государь! – трактирщик, раскланиваясь, бросился вдогонку, проводя гостя до лошади.

Махнув мэтру Бабушу напоследок рукой, Варан пустил уставшего Суховея вскачь.

***

Суховой пал на следующий день. За это время Варан оставил позади бо́льшую часть дорийских степей. Как назло, поблизости не было видно ни одного дорийца, у которого можно было бы купить или отнять лошадь. Сцепив зубы, Варан пешком двинулся к югу. Он жестоко корил себя за то, что столь неосмотрительно загнал лошадь. Теперь эта стратегия – мчать, сломя голову, пока возможно – казалась довольно сомнительной. Проклятая жара, невыносимая даже для саррассанца, делала шансы ещё более призрачными. Варан невесело усмехнулся: может статься, что руна Симмера опоздает.

Несколько часов по изнуряющей жаре сделали своё дело: ноги мастера Теней стали заплетаться, а дыхание сбилось окончательно. Язык, казалось, распух и забил собою весь рот, но Варан экономил последнюю флягу с водой. Уже далеко, за несколько миль до сюда, в степи остались лежать плащ и другие не слишком нужные вещи. Но теперь и сапоги казались чересчур тяжёлыми, а главное – всё более неподъёмным казался меч, висящий за спиной. Но Варан твёрдо пообещал себе, что меч станет последней вещью, с которой он расстанется. Хотя нет – последней станет жизнь.

Несколько точек в облачке пыли показались вдали. Пошатывающийся Варан огляделся по сторонам – вокруг степь, ровная как стол. Спрятаться негде. Как назло, именно в этом месте не было даже чахлах кустиков. Да и бес с ними! Варан всё равно был рад этой встрече, поскольку она несла избавление от неопределённости. Вскоре охотник за головами либо получит лошадь, либо будет мёртв. В данный момент времени обе перспективы казались достаточно соблазнительными.

Не доставая меча, Варан стал ждать, пока приблизятся всадники. Их было семеро. Это были дорийцы. Увы, в отличие от тех же пунтийцев жители Дории не говорили на имперском. А дорийского Варан не знал. Но сейчас это и не имело значения.

Семеро приблизились и, сделав несколько кругов вокруг стоящего Варана, взяли его в кольцо. Один из них, видимо, старший, начал что-то резко и гортанно кричать, но Варан лишь пожал плечами и покачал головой. Затем он пальцем указал на лошадь под одним из всадников и для верности прохрипел:

– Лошадь, – затем ткнул пальцем себе в грудь.

Кочевники что-то залопотали между собой, затем тот, на чью лошадь указал мастер, что-то ответил с явной издёвкой в голосе. Варан сунул руку за пазуху и вынул кошель. Высыпал всё его содержимое на ладонь, протягивая её вперёд. Возможно, сейчас его просто убьют. Зачем кому-то обменивать лошадь на деньги, если эти деньги можно просто отнять?

Однако вид серебра и золота возымел действие. Двое кочевников соскочили с лошадей и сделали несколько шагов навстречу Варану. Один из них протянул руку, недвусмысленно предлагая отдать деньги ему.

– Лошадь, – замотав головой и сжимая ладонь в кулак выдохнул Варан. Он прижал руку с монетами к груди, глядя на кочевников воспалёнными глазами. Наступал момент истины. Мышцы напряглись, готовые выхватить меч. Отчего-то вдруг Варану захотелось продать свою жизнь подороже. Будь он в своей лучшей форме, эти семеро не стали бы серьёзной преградой. А сейчас...

Краем глаза Варан заметил движение. Резко повернувшись, он увидел, что ещё трое дорийцев соскочили с коней и движутся к нему, надеясь застать врасплох. В ту же секунду ладонь, держащая монеты, разжалась. Прежде, чем первый дор коснулся земли, меч уже занял привычное место в руках. Сейчас Варан держал его двумя руками.

И началось. Дорийцы выхватили кривые мечи и те трое, что нападали со спины, бросились на Варана. Неожиданно для него самого, Варан вдруг преобразился. Будто не было

позади этих долгих жарких миль. Пелена перед глазами исчезла, мышцы налились пружинистой силой, мозг предугадывал каждое движение врага. Одно длинное, плавное движение, словно замысловатое па какого-то дикого танца – и двое врагов уже корчатся на земле. Один пытается пальцами стянуть края разошедшегося горла, второй ладонями зажимает окровавленное лицо. Прежде чем красный веер крови достигает земли, Варан, крутанувшись на сто восемьдесят градусов, не глядя, наносит колющий удар третьему кочевнику, находясь к нему спиной. Он не видит умирающего врага, он смотрит на приближающихся живых.

Лёгкое движение, и меч плавно выскальзывает из тела дорийца. Вовремя – ему приходится парировать сразу два нацеленных на него клинка. И снова – никаких проблем. Дорийцы плохо приспособлены к фехтованию, они всё больше на конях. Сделав шаг вперёд, Варан оказывается сразу между двух нападающих. Крутится волчком – у одного распорот живот, у другого рука повисает на каких-то недорезанных жилах. Не гася инерцию движения, Варан колющим ударом снизу вонзает клинок прямо под подбородок безрукого.

Теперь быстрый отскок в сторону. Рядом проносится лошадь. Возле самого уха слышится свист воздуха, рассекаемого сталью. Варан подсекает и успевает ударить мечом по задней ноге лошади – сейчас не время для рыцарства и благородства. Дико заржав, лошадь проседает на задние ноги и дориец, не удержавшись, вылетает из седла вперёд спиной. Прямо под меч Варана. Глухой удар, упруго передавшийся по кисти в предплечье, и голова кочевника, кувыряясь, летит вверх, извергая потоки алой крови. Шестеро готовы, на всё ушло едва ли больше половины минуты.

Варан быстро огляделся. Седьмой всадник, сделав широкую дугу, теперь мчался на него, вращая своим широким изогнутым мечом. Варан встал в верхнюю оборонительную стойку – клинок на уровне глаз. Он замер, ожидая приближающегося врага. Когда до лошади оставались считанные шаги, Варан неожиданно прыгнул в сторону. Но не от, а в сторону лошади. Разминувшись с конскими копытами не более, чем на фут, Варан оказался по другую сторону от вращающегося меча. Противник не успел среагировать так быстро. Варан же, не гася энергии прыжка, совершил резкий разворот, распоров бок животного, и заодно почти отрезав ногу врага. Конь и всадник, дико закричав, рухнули на жухлую траву. Лошадь била копытами, отчаянно пытаясь подняться, и подминала под себя седока, который, запутавшись в стремени, никак не мог выбраться.

Без жестокой медлительности Варан в два прыжка оказался возле всадника и мощным ударом пригвоздил его к земле. Затем, коротко взглянув на бьющуюся на земле лошадь, Варан нанёс ей колющий удар чуть пониже ушей. Раздался треск, лошадь последний раз коротко и высоко взоржала и затихла. Всё было кончено.

Варан вытер лезвие меча об одежду убитого дорийца и вернул клинок в ножны. Оглянулся. Встревоженные лошади, оставшиеся без седоков, разбежались на несколько сот футов от места боя, испуганные предсмертными криками своих раненых сородичей. Ничего, вскоре они успокоятся, и Варан без проблем возьмёт себе одну из них. А пока он без зазрения совести обшарил трупы. Его интересовала вода. Он заметил, что фляжки с водой приторочены к седлу убитой лошади. Значит, и у остальных должно быть то же самое. Аккуратно собрав рассыпанные им ранее деньги, Варан, посвистывая, направился к ближайшей лошади:

– Суховей! Иди ко мне, хорошая девочка!

Варан с детства ухаживал за лошадьми и знал, как с ними нужно обращаться. Лошадь, фыркала и косила на него глазом, но с места не двигалась. Положив руку на луку седла, Варан облегчённо выдохнул. Потрепал дорийского скакуна по шее, провёл ладонью по мягким губам, дав вдохнуть свой запах. Убедился, что к седлу приторочены две полные фляги воды.

– Ну что, Суховей, в путь!

Легко вскочив в седло (он словно омылся в этой короткой битве, смыв усталость и тоску), Варан послал лошадь рысью. Больше он не повторит своей ошибки. Вновь идти пешком он не собирался.

***

Весь следующий день Варан продвигался на юг. Дорийская лошадь не могла сравниться ни в скорости, ни в выносливости с саррассанцем, поэтому скорость продвижения сильно упала. Приходилось делать более частые остановки. Во время одной из них удалось пополнить запасы воды из небольшого ручейка, выбивающегося из-под огромного валуна, неведомым каким образом попавшего в это царство степей.

И лишь на четвёртый день с момента его выезда из Лоннэя, Варан достиг одного из оазисов на границе пустыни Туум. Это был не тот оазис, куда попали наши друзья, т.к. Варан взял западнее. Однако там проживали баинины, не менее чтущие традиции, нежели наш знакомый вождь Палла-Ха, поэтому не только кошель Варана полегчал на несколько монет, но и исчезла привычная тяжесть на поясе – вождь запросил в качестве подарка кинжал. Однако мастер Теней не противился. Ему было важнее попасть к Каладиусу.

В отличие от Кола, Варан не знал баининского языка, но его выручило то, что баинины в значительной степени позаимствовали свой язык у жителей Саррассы, так что с грехом пополам охотнику удалось объяснить, что ему нужен «великий белый шаман, живущий в пустыне». И вот Варан, пополнив запасы воды, а также купив у баининов сушёного козьего мяса и хлеба, выпекаемого из сердцевины каких-то колючек, произрастающих в пустыне, на вкус больше похожего на коровьи лепёшки, направился вслед за проводником навстречу своему самому главному делу жизни.

Ему казалось смешным, что когда-то он считал это дело плёвым, и был уверен, что легко заработает те двести латоров, что причитались ему в качестве процента. Теперь это вспоминалось как события из прошлой жизни, к которым он отныне не имеет никакого отношения. Даже встреча с Симмером, которая произошла меньше месяца тому назад, сейчас казалась чем-то далёким и нереальным. Иногда Варан ловил себя на мысли: а правда ли было всё это – лирра, Командор, Симмер?.. И в такие секунды иррациональная, болезненная мысль пронзала его: что я здесь делаю? Как я оказался здесь, в этой забытой богами пустыне? И на какую-то секунду он совершенно искренне не мог дать себе ответа на этот вопрос. Он просто *не помнил*, почему он находится именно здесь, а не в Латионе. Но затем всплывало понимание. Сперва – всегда в виде руны, которая, невидимая и невесомая, тем не менее была где-то внутри, становясь с каждым днём всё слабее. Затем в памяти вставал чёрный провал озера, боль в правом боку от вонзившегося кинжала... Скрипнув зубами, Варан снова всё вспоминал. Секундное блаженное неведение заканчивалось, сменяясь пыткой ожидания смерти.

Во второй половине дня Варан достиг оазиса Каладиуса. Он остановился примерно в миле от него, укрывшись в скупой тени чахлах колючих акаций. Что делать дальше, мастер просто не представлял. Ворваться в оазис, перебить охрану, убить Каладиуса и захватить лирру?.. Пожалуй, этот шаг мы оставим напоследок. Ждать? Но чего, и сколько? Только сейчас Варан вдруг осознал, что его запасов хватит лишь на два-три дня ожидания. А что будет дальше? Умереть от жажды под палящим солнцем? Прийти в оазис и прикинуться заблудившимся путником? Но мальчишка тут же узнает его, Варан в этом не сомневался. Да и не тот человек Каладиус, чтобы легко верить в сказки.

Жуткая безнадёга охватила Варана. Он понял, что вся его безумная гонка последних недель была абсолютно напрасной. У него, наверное, был шанс исполнить поручение Симмера, если бы он не впал в эту истерику, не позволил бы своему разуму пропитаться ужасом надвигающейся смерти. Если бы он остался бы прежним хладнокровным и рациональ-

ным Вараном. Но он всё испортил, и теперь его ждёт за это вполне закономерное наказание. Глупо умереть в двух шагах от цели – это всё, на что он сейчас способен. Слёзы текли по пыльным щекам Варана, человека, который не плакал даже тогда, когда родители продавали его в рабство. Сейчас Варан был скорее похож на подраненного шакала. Он сидел, покачиваясь и обхватив голову руками, и тихонько скулил. Впервые за всё это время Варан был рад, что Окорок мёртв и не видит, во что превратился его хозяин. Варан был сломлен, растоптан и раздавлен.

Терзаемый жалостью к себе, Варан не сразу заметил отряд из трёх человек, выехавший из оазиса. Сморгнув слёзы и вытерев глаза рукавом, Варан вгляделся в медленно движущихся путников. И боялся поверить своему счастью.

Первым он узнал своего Суховея. Настоящего Суховея, не того (точнее, ту), что стояла сейчас недалеко от него, безучастно опустив голову. Вороной, как сама смерть, сильный и лоснящийся Суховой вёз на своей спине дюжего молодца. Варан ни на секунду не сомневался, что это и есть тот самый Сан Брос, откликающийся на Кола. Рядом с ним, также на сарраассанских лошадях, ехали никто иные как лирра Мэйлинн из рода Айрига, и тот самый парнишка Танисти, который метнул нож ему в спину. Кстати, Варан не испытывал ни вражды, ни обиды в отношении паренька. Тот поступил совершенно правильно. Если кто и виноват, так это только сам Варан.

В одно мгновение шакал исчез, уступив место волку. Пружинисто вскочив на ноги, Варан впился взглядом в лирру. До неё было меньше мили, и двигались они куда-то в западном направлении, в направлении далёких Анурских гор. На губах Варана появилась улыбка, напоминающая звериный оскал. Не иначе, как сам Асс помог своему слуге. Теперь осталось только пропустить эту троицу подальше, а затем двинуться вслед за ней. Эх, жаль, что до ночи ещё далеко! Эта проклятая пустыня такая ровная, что, кажется, приглядишься получше, и увидишь Калуйский океан. Но это уже не важно. На то Варан и мастер Теней, что заметить его, если он сам того не захочет, не сможет никто. Он станет тенью, которая не потревожит и самый зоркий глаз.

Словно в насмешку над этими мыслями, троица вдруг свернула с пути и направилась напрямик к тому месту, где располагался Варан. Это было весьма странно, но охотник не был склонен связывать это событие с собой. Ну мало ли – сначала выбрали не то направление, теперь вот спохватились. Может быть, они на самом деле планируют возвращаться в Пунт. Варан, пригнувшись, подбежал к лошади и перевёл её так, чтобы она не попала на глаза людям. Сам же вернулся на свой наблюдательный пост, распластавшись на каменной земле. Всё будет в порядке, шептал про себя Варан, они не смогут меня заметить.

Расстояние сократилось до нескольких сотен ярдов. Варан уже различал лицо лирры, элементы её одежды. И внутри всё росло беспокойство. Эта троица двигалась будто бы по ниточке, конец которой был привязан прямо к нему, Варану. Но этого ведь просто не может быть! Откуда им знать, что он здесь?

Однако, когда расстояние между ними сократилось до какой-то сотни ярдов, а всадники по-прежнему продолжали править прямо на колючую рощицу, Варан занервничал по-настоящему. Он стал отползать, стараясь укрыться за зарослями. Обдирая одежду о длинные колючие шипы, он полз, уходя из поля видимости всадников. У него всё ещё оставалась надежда, что они движутся по каким-то своим делам, и не знают о его присутствии.

Вдруг приблизительно в футе от его головы в воздух с шипением ударил столб земли и пыли высотой в два человеческих роста. Тонкий и узкий, он напоминал некое живое копье, вонзившееся рядом. От неожиданности Варан отпрянул, и тут же рядом с ним вырвался второй столб. Затем они стали появляться один за одним, и вскоре охотник оказался запертым в своеобразную клетку, прутьями которой были эти непонятные пылевые столбы.

Варан стоял уже в полный рост – было очевидно, что его заметили давно, и охотник сам стал жертвой. Он пытался коснуться одного из столбов, и с криком отдёргнул руку: на ладони остался след, словно он стер её о острый камень. Пойман, понял Варан. Глупо и по-детски. Его, мастера шестого круга, схватили за шиворот, словно нагадившего котёнка, спрятавшегося в шкафу. Что ж, хотя бы проиграть он сумеет с достоинством.

Троица друзей приблизилась на расстояние двадцати шагов, после чего они спешили. Варан, не отрываясь, смотрел на тех, кого он собирался преследовать и над кем рассчитывал взять верх. Они, все трое, шли сейчас прямо к нему. Но тут вдруг началась новая странность. Лица, да и весь облик подходящей троицы стал словно осыпаться, или таять, и к клетке подошли уже три довольно немолодых баинина, одетых в одинаковые серые одежды. Всё ясно – это всего лишь искусно наведённый морок. Значит, тут замешан и старик Каладиус. Да уж, угодили же мы в ловушку, дружище Окорок! А баинины меж тем подошли к самым прутьям, только что не касаясь их лбами. Лица их были так комично серьёзны, что Варан засмеялся. Смех этот перерос в хохот, а тот – в истерические визги. Самый известный мастер Теней Латиона истерически хохотал, слегка наклонившись и упёршись руками в бедра.

Но вдруг смех его захлебнулся. Точнее, Варан резко закашлялся, поскольку один из подошедших баининов, тот самый, что ехал верхом на его Суховее, вдруг резко поднёс ладонь к губам и дунул. Что-то желтовато-коричневое, похожее на ту же пыль, что была под ногами, лёгким облачком порхнуло в лицо Варана, и спустя секунду он рухнул лицом вниз. На его счастье, за миг до этого пыльные столбы вдруг потеряли свою форму и твёрдость, и осыпались вниз простыми струями песка. Сверху на эти небольшие песчаные горки и рухнул потерявший сознание Варан.

***

Память вернулась к Варану прежде, чем он открыл глаза. Тем удивительнее было не ощущать пут на своём теле. Более того, он чувствовал, что лежит на чём-то мягком, словно на перине. Причём, открыв глаза, он понял, что оказался прав. Он лежал в широкой кровати, укрытый мягким одеялом, а под головой у него было словно свернувшееся облачко – любая подушка, на которой он спал до того, теперь показалась бы дубовым чурбаком. Комната была небольшая, собственно, кроме кровати и пары стульев в ней не было ничего. Приятный, благовонный полумрак окутывал Варана. И – ни души. Что-то неправильное было во всём этом. Не так должны приходить в себя схваченные пленники.

Несколько минут Варан лежал, прислушиваясь. Иногда он слышал какие-то голоса – спокойные, доброжелательные. Пару раз раздался серебристый смех, явно женский. Слов было не разобрать, но Варан понял, что голоса, скорее всего, принадлежат лирре и её товарищам.

Наконец охотник за головами встал с кровати. И его ждало очередное удивление – он был вымыт, и переодет в белоснежно-чистое шёлковое бельё, сидящее на нём так, словно было сшито по его мерке. Более того, полнейшее изумление вызывала его собственная одежда, аккуратной стопкой сложенная на одном из стульев, и, судя по виду, тщательно вычищенная и отстиранная. Но более всего сражал тот факт, что к стулу был аккуратно представлен его меч, вдетый в ножны. Да что они, во имя всех преисподен, о себе возомнили? Настолько уверены в себе, что оставили оружие мастеру Теней? Как бы не пришлось об этом жестоко пожалеть!

Варан оделся в свою одежду, отметив, что она мастерски зашита в тех местах, где её подрали шипы акации или другие, не менее «приятные» предметы. Задумавшись на секунду, он всё-таки взял перевязь с ножнами и надел её на себя. Глупо не использовать лазейки, оставленные врагом. Пусть даже он и считает это ловушкой. Там уж мы разберёмся, кто хитрее и сильнее. Подойдя к двери, Варан на мгновение остановился, собираясь с духом. Затем,

выдохнув, легонько толкнул дверь. Совсем легонько, даже недоверчиво. Он был уверен, что дверь крепко заперта. И, тем не менее, она отворилась. Легко, можно сказать – невесомо. Без малейшего звука.

Перед Вараном открылся большой круглый холл с широким окном, выходящим на живописный водопад. Да уж, силён мессир Каладиус, коли сумел создать такое посреди пустыни! Откуда он берет столько воды? Но не об этом сейчас нужно думать – одёрнул себя Варан. Необходимо отмести все посторонние мысли в преддверии схватки, благо вот они – его враги, сидят и улыбаются, хотя, надо признать, весьма натужно. Разве что этот лысый старикан, не иначе как сам Каладиус, широко растягивает губы, словно увидел после долгой разлуки своего лучшего друга.

– О, я вижу, что наш дорогой гость проснулся? – подал голос старик, источая столько радости и радушия, что их хватило бы на то, чтобы осчастливить целый сиротский приют.

– Гость, или всё-таки пленник? – хрипло спросил Варан, мелкими шагами подходя ближе.

– Мне больше по вкусу «гость», – легко ответил маг. – Но если ваш вкус отличается от моего, то вы вольны именовать себя так, как вам будет угодно.

– Естественно, ведь от игры слов суть дела не изменится, – поморщился Варан. Он подошёл к компании, сидящей по противоположную сторону круглого стола, и Каладиус жестом пригласил его сесть.

– Трудно с этим не согласиться, – закивал маг. – Поэтому мне кажется, что необезоруженный, несвязанный и незапертый человек в чужом доме вполне уместно может именоваться гостем.

– Допустим, – садясь, и пристально глядя на людей, сидевших с другой стороны стола, проговорил Варан. – Но как тогда назвать человека, которого силой и недобровольно приводят в чужой дом?

Сейчас надо говорить. Пусть ни о чём, но говорить, и как можно больше. Это даст возможность разработать план, найти слабое место и ударить именно туда. Разговаривающий враг – это лишь половина врага.

– Хорошо, пусть так, – рассмеялся Каладиус. – Ничто не мешает нам остаться каждому при своём мнении. Но мне хотелось бы поговорить с вами откровенно. Однако, прежде всего нам необходимо представиться, ибо разговаривать незнакомым людям неудобно и невежливо. Итак, я – Каладиус. Убеждён, вы слышали обо мне кое-что.

– Я слышал достаточно, чтобы понимать, что передо мной – величайший маг среди людей, – поклонившись, ответил Варан. – А меня зовут Варан. И можете не трудиться представлять мне ваших товарищей, мессир, я их прекрасно знаю. Моё почтение, уважаемая Мэйлинн из рода Айрига! – ещё один поклон. – Приветствую вас, почтенный господин Брос. Ну а с вами, господин Танисти, мы уже встречались, – эти слова сопровождались самой медоточивой улыбкой, на какую только был способен мастер Теней.

Все трое по-разному отреагировали на слова Варана. Мэйлинн, изящно склонив голову, когда он её поприветствовал, теперь смотрела на преследовавшего её человека внимательно, но без страха. Кол лишь слегка кивнул, и всем своим видом источал ледяное спокойствие человека, всегда готового к бою. Бин же совершенно смешался, то краснея, то бледнея. Ему единственному не хватило силы воли взглянуть в глаза Варану. Впрочем, это легко можно было объяснить.

– Я правильно понимаю, что вы – мастер Теней? – Каладиус взял инициативу по ведению диалога в свои руки.

– Я *был* мастером Теней, так будет вернее, – ответил Варан.

– Как это понимать? – кажется, даже Каладиус был слегка озадачен таким ответом.

Варан подумал, что для него нет никакой резонной причины скрывать что-то – это никак не могло повредить делу. А поскольку нужно было продолжать разговор, то все эти рассказы могли только помочь выиграть время.

– Я действительно *был* мастером Теней, – начал он. – Мастер шестого круга, охотник за головами, лучший в Латионе. И именно я был послан, чтобы найти госпожу Мэйлинн и доставить её назад в Наэлирро. Однако по дороге случилось кое-что, что изменило этот расклад, – Варан замолчал, вынуждая Каладиуса превращать монолог охотника в диалог.

– Что же это было? – охотно включился в игру волшебник.

– Я умер, – как можно более бесстрастно ответил Варан, пристально глядя на Бина. Тот, казалось, мечтал просто исчезнуть. Он съёжился, пытаясь врасти в кресло.

– Весьма любопытно, – оживился Каладиус. – Ежели вы умерли, то как вы можете говорить сейчас с нами?

– Потому что я воскрес, – так же лаконично ответил Варан.

– Всё интересней, и интересней! – восхитился маг. – А вас не затруднит рассказать поподробнее? Я, знаете ли, далеко не первую сотню лет живу на этой земле, однако до сих пор ни разу не удавалось ни то что поговорить, а даже увидеть воскресшего человека!

– Извольте, мессир, – усмехнулся Варан. Отлично, маг клюнул на приманку. Теперь нужно только лишь заговорить им зубы и выбрать удобный момент. Никто из них не вооружён. Если первым убить мага, то может выгореть. – Так уж вышло, что когда мы настигли многоуважаемую Мэйлинн, то попали под воздействие её магического удара, и почти весь мой отряд, кроме одного человека, погиб. Сам я был контужен, но всё-таки сумел добраться к госпоже, которая в тот момент была без сознания. И тогда вот этот молодой человек убил меня, метнув нож мне в спину.

Бин сидел, обливаясь потом и не поднимая глаз. Остальные же внимательно смотрели на Варана, словно боясь упустить хотя бы одно движение его губ.

– Я был мёртв, но затем меня воскресил Симмер.

– Симмер? – перебил Каладиус. – Демон, выдающий себя за озеро?

– Именно он. Его гоблины нашли моё тело и принесли к озеру. А сам Симмер сумел вовремя уловить мою душу, не дав ей переступить мост в царство мёртвых. А затем он вернул мою душу в тело, и запечатал её особой руной, которая постепенно разрушается и полностью исчезнет в первый день зимы. Затем он исцелил мои раны с помощью волшебной грязи его озера. И вот я снова жив.

– Невероятно интересный рассказ, – всплеснул руками Каладиус. – Но у меня есть вопрос. Вероятно, Симмер потребовал что-то взамен, за то, что воскресил вас? Раз он использовал саморазрушающуюся руну?

– Вы правы, мессир, – ответил Варан. – Он потребовал, чтобы я доставил госпожу Мэйлинн ему. И успел сделать это до начала зимы.

– И вы согласились?

– А разве у меня был выбор? – парировал Варан.

– То есть вы презрели данное вам задание, и стали служить Симмеру? – без малейшего осуждения, просто констатируя факт, спросил маг.

– Это сложный вопрос, мессир. Мастер Теней Варан, которому было дано задание Гильдией, умер. Я – человек, который живёт исключительно благодаря милости Симмера. И я оказываю ответную услугу.

– Лихо! – впервые прервал молчание Кол. Всем своим видом он давал понять, насколько он презирает подобную философию. Варан же лишь улыбнулся, но не удостоил эту реплику ответом.

– Ну а зачем же нужна юная Мэйлинн Симмеру, он случайно не сообщал? – продолжил Каладиус.

– Как же, сообщал, – без промедления ответил Варан. – Он хочет сделать её владычицей мира, подобно тому, как его приятель Бараканд создал императора Тондрона Драонна. А меня он планирует сделать её мужем, – усмехаясь, продолжил он, наблюдая, как вскипают яростью лица Бина и Кола. – Так мы вместе создадим династию повелителей Паэтты.

– Какой чудесный план! – воскликнул Каладиус. Мэйлинн смотрела широко раскрытыми глазами, видимо, не понимая – плакать ей, или смеяться. Внутри Кола бушевала холодная буря, словно бы свинцовые волны, крушащие ледяные берега. Бин же, бледный как полотно, вперился в Варана яростным взглядом, сжимая кулаки и стискивая зубы. Варан не удержался и послал ему очередную приятную улыбочку.

– Так значит, выходит, вы либо умрёте до начала зимы, либо станете властелином мира? – откровенно насмешливо осведомился Каладиус.

– Именно так, мессир, – спокойно ответил Варан. – Поэтому, как вы видите, у меня нет выбора. Если я не доставлю госпожу Мэйлинн Симмеру, я умру. Я думаю, вы согласитесь, что у меня нет иного выбора, кроме как бороться за неё.

Говоря эти слова, Варан медленно, на волосок, наклоняясь, постепенно переносил вес тела на напряжённые ноги. Теперь всё будет зависеть от его реакции и быстроты. Вскочить на стол, вынуть меч и снести голову колдуну – теоретически на это уйдёт меньше секунды. Есть шанс, что старик не сумеет так быстро среагировать. Ну а если уж с магом удастся покончить, остальные не станут серьёзным препятствием. Никто из троих не вооружён. А слуги... Варан был твёрдо уверен, что справиться с кучкой баибинов ему не составит никакого труда.

– Погодите, любезный мастер, – спокойно подняв руку ладонью вперёд, сказал Каладиус. – Прежде чем срубите мне голову, позвольте кое-что сказать.

Поняв, что раскрыт, Варан с неожиданным бессилием вновь откинулся на спинку дивана. Кол и Бин встрепнулись. Кол озирался по сторонам, пытаясь, вероятно, решить, что из окружающих предметов можно приспособить под оружие. Бин же побелел ещё больше, хоть это и казалось невозможным. Зрачки его расширились, он вцепился ногтями в обивку дивана, с ужасом уставившись на Варана.

– Прошу вас, мессир, – устало и равнодушно сказал охотник.

– Что ж, не стану томить вас неведением, и сразу перейду к сути дела. Возможно я вас несколько разочарую, но вы – не воскресали.

– В каком смысле «не воскресали»? – Варан был искренне озадачен и сбит с толку. Он ожидал услышать многое, но никак не это.

– В самом прямом, любезный мой господин Варан, – весело ответил Каладиус. – Вы, должно быть, действительно уникальный человек, но, увы, не настолько. Под нашим солнцем ещё не было человека, который бы умер и воскрес. И вы – не исключение.

– Но я же...

– Вы не могли воскреснуть, поскольку вы не умирали. И это объясняет многое. Никто, даже если он силен, как Симмер, не способен воскресить живое существо. Да, вы наверняка слышали о некромантах, которые изредка встречаются в Саррасе и некоторых других местах, но это – совсем другое. Некромант не воскрешает, он поднимает мёртвых, сложными заклятиями и ритуалами вгоняя в неживое тело какого-нибудь мелкого беса или демона. Согласитесь, это – не то же самое. Повторюсь, я убеждён, что никакая магия в этом мире не способна воскресить живое существо.

– Но... – Варан чувствовал, что мир вокруг него начинает кружиться всё быстрее. Он прижался спиной к спинке дивана, радуясь, что не может упасть.

– Я скажу вам, как было дело. Я не видел этого и не могу ручаться за подробности, но в общих чертах я не ошибусь. Итак, после того, как наш доблестный Бин проткнул вас кинжалом, вы не умерли, как думали мои друзья, и в чём убедил вас Симмер. От болевого шока вы

впали в бессознательное состояние, скорее даже кому, так что внешне мало чем отличались от мёртвого. Гоблины Симмера учуяли, что вы живы, передали эту информацию хозяину, и он решил вас использовать. Он приказал принести вас к берегу, где действительно вполне могут быть особые целебные грязи – всё-таки Симмер на самом деле весьма могущественен. Пока ваше тело восстанавливалось под воздействием магической грязи, Симмер проник в ваш разум. Это он отлично умеет делать, можете спросить об этом нашу юную госпожу. И вот там-то он и наплёл вам с три короба. Конечно же, неискущённому человеку поверить в это было проще простого.

– С чего бы мне вам верить? – веки Варана смежились, мир вертелся вокруг с бешеной скоростью, к горлу подкатывала тошнота.

– Ну, во-первых, когда я осматривал вас после... гм... задержания, я не нашёл в вас никаких признаков той руны, о которой вы только что изволили говорить. А уж магическое вмешательство *такой* силы, простите, не заметить было бы просто невозможно. Это всё равно, как если бы вы не заметили солнца, висящего прямо у вашего носа. В вас нет никаких рун. Да, видно, что ваши раны залечены и восстановлены магическим способом, но в этом нет ничего удивительного. У нашей милой Мэйлинн при себе имеется эликсир, который действует сходным образом, хотя, конечно, по силе он не чета способностям Симмера. Ну а во-вторых...

Во-вторых, мой юный друг, Симмер, разумеется, весьма могущественен, и в чём-то его силы значительно превосходят силы любого мага этого мира, или даже всех их, вместе взятых, поскольку он сам является, по сути, чистым, кристаллизованным *возмущением*. Но загвоздка в том, что его могущество распространяется на весьма ограниченную территорию. Ведь если бы это было не так, то с его-то амбициями – разве не подмял бы он под себя всю Паэтту? Очевидно, что он не может этого сделать. Его чары могущественны в окрестностях озера, но совершенно нежизнеспособны вдали от него. Если бы в вас действительно была его руна, она рассыпалась бы в прах вскоре после того, как вы миновали бы Анурские горы.

– Не может быть, – прошептал Варан, боясь поверить в то, что слышал. Ему казалось, что над ним просто насмеются, издеваются, и стоит ему поверить, как Каладиус расхохочется и объявит, что это всё было не более, чем забавной шуткой.

– Вам никогда не приходило в голову, почему столь могущественная империя Тондрон, в которой правят невероятно сильные маги, и которая может за месяц налечь на легионы гомункулов, до сих пор не завоевала весь мир? Ведь, казалось бы, что им может помешать? Но они до сих пор этого не сделали. И не сделают, во всяком случае до тех пор, пока значительно не усилятся Хаос. Потому что всемогущий Бараканд всемогущ лишь в своих скалах. Там он может почти всё. Здесь же он был бы слабее самого распоследнего ученика мага, ковыряющего в носу вместо штудирования книг. Поэтому Гурр только и может, что посылать своих шпионов, этих Ночных бродяг, которым для их чёрных дел требуются мощнейшие артефакты.

– Значит, я не умираю? – несмотря на головокружение, Варан резко сел, глядя на мага и пытаясь по его лицу прочесть его истинные намерения.

– Умираете, так же, как и любой из нас, – чуть печально улыбнулся Каладиус. – Ибо вечная жизнь невозможна так же, как и воскрешение из мёртвых. Но можно с уверенностью сказать, что вы не умрёте ни в первый день зимы, ни в последующие. Разве что по каким-то иным причинам. Так что, как вы видите, у вас нет ни малейшего резона бросаться на нас с эфемерной – обратите внимание на это слово! – надеждой убить всех и схватить госпожу Мэйлинн.

– И что же мне делать? – в голове Варана было сейчас так пусто, что произнесённые им слова запрыгали там, словно мячики, ударяясь о стенки черепа.

– У вас есть два *разумных* пути, молодой человек, – серьёзно ответил маг. – Первый. Вы дадите нам слово, что не станете более преследовать госпожу Мэйлинн, и затем покинете мой дом, отправившись в любое удобное для вас место. Я дам вам с собой воды и еды, снабжу лошадьми и всем необходимым. Я могу дать вам деньги. Много денег, которых хватит на годы безбедной жизни где-нибудь на виноградниках Пунта.

– А второй путь? – осторожно спросил охотник.

– Вы идёте с нами туда, куда идём мы, – отозвался Каладиус. – Предварительно, конечно, дав нам слово, что не станете нападать ни на кого из нас, не попытаетесь захватить госпожу Мэйлинн и вообще – станете нашим добрым товарищем.

– Что??? – одновременно вскричали недоуменные Кол и Бин, но чародей резким жестом призвал их к молчанию.

– Слово? – с издёвкой прокричал Варан. – Какое же слово вам надобно? Слово мастера Теней, охотника за головами, находящегося на задании? Слово, которое стоит дешевле сухой травы под ногами. Или слово человека, который отступился от выполнения задания, предал свою Гильдию? Или, может быть, слово человека, который без всякого принуждения и пыток разболтал все секреты своего хозяина? Чьё слово вы предпочтёте, мессир?

– Я не знаю никого из этих людей, сударь. Но мне кажется, что я знаю *вас*, – веско проговорил Каладиус. – Поэтому мне будет более чем достаточно *вашего* слова.

Варана словно срезало стрелой. В его голове произошла настоящая революция. Десятки мыслей роились, сталкивались, взрывались и рвали на части его разум. Он понимал, что возвращение в Гильдию для него заказано. Лучше всего, если его сочтут мёртвым, потому что в противном случае остаток жизни придётся провести, поминутно оглядываясь. Возвращаться к Симмеру также не хотелось. Об этом эпизоде своей жизни Варан бы вовсе предпочёл накрепко забыть. Будущее представлялось пустыней без конца и края.

– А куда вы направляетесь, мессир? – тихо спросил Варан.

– Мы направляемся на поиски Белой Башни, сударь, – без тени улыбки ответил маг.

Варан пристально посмотрел в глаза Каладиуса, пытаясь понять – шутит ли он. Но он определённо не шутил. Что же, Белая Башня – как раз тот самый ориентир, который нужен человеку, оказавшемуся в беспросветной пустыне.

– Я даю вам слово, – обращаясь ко всем разом, тихо, но твёрдо сказал Варан. – Я даю вам слово, что не только не посягну на жизнь и свободу кого-либо из вас, но положу свою жизнь, чтобы защитить их. Я даю вам слово, что приложу все усилия, чтобы завоевать вашу дружбу, хотя считаю себя недостойным её. Я даю вам слово подчиняться во всем, быть клинком в ваших руках. Призываю в том свидетели Чёрного Асса. И я прошу вас позволить мне отправиться с вами на поиски Белой Башни.

Глава 25. Башня

А теперь нам нужно будет вернуться на один день назад, в тот же самый холл, к тому разговору, который состоялся между нашими друзьями и волшебником Каладиусом, и который мы прервали, чтобы поведать о злоключениях мастера Теней Варана. Пропустим ту часть разговора, в которой Каладиус изложил свой план поимки Варана. Этот диалог получился весьма оживлённым, поскольку и Бин, и Кол горели желанием лично принять участие в операции. Тем не менее, Каладиус настоял на наведении морока, поскольку, как он сказал разгорячённым собеседникам, с мастером Теней шутки плохи. Точку в разговоре поставила Мэйлинн, безапелляционно заявив, что никуда не отпустит «своих мальчиков», как бы они не просили. Мужчинам пришлось вновь капитулировать.

– Так, значит, весьма вероятно, что за мною сейчас наблюдают члены Ордена Лианы? – вернула разговор в прежнее русло Мэйлинн.

– Я бы не стал исключать такого поворота событий, – кивнул Каладиус. – Орден весьма древний, и на протяжении всего своего существования он только и делал, что составлял планы на случай возникновения аномалии вроде вас, дорогая моя. За это время они могли разработать комбинации, где после каждого шага прорабатывались несколько вариантов развития, где у каждой ситуации было второе, и даже третье дно. Вполне возможно, что Ордену было нужно, чтобы вы встретились со мной. Боюсь, на протяжении всей последующей вашей жизни, всякий раз, принимая решение, вы будете невольно задумываться: а *ваши* ли это решение, или же кто-то сделал его за вас ещё сотни лет назад.

– Тогда может стать, что Ордену выгодна и цель моего путешествия? – запинаясь, спросила лирра.

– А в чём цель вашего путешествия, госпожа? – прищурился Каладиус. – Я вынужден спросить, хотя мне кажется, что знаю ответ.

– Белая Башня, – почти одними губами выдохнула Мэйлинн. Её жгла мысль о том, что вся её мечта, вся её идеальная цель могли оказаться лишь чьей-то тщательно выверенной фикцией.

– Да, именно так, – маг обвёл взглядом присутствующих. – Это – достойная цель.

– Я видела Белую Башню из своего окна в Наэлирро, находясь в заточении, – тихо проговорила лирра. – Скажите, мессир, это мог быть морок, созданный магами Ордена?

Каладиус долго всматривался в бледное лицо Мэйлинн, её расширившиеся зрачки, следил за дрожащими пальцами, беспокойно теребившими прядку волос. Кол и Бин, напряжённо наклонившись вперёд, затаив дыхание ждали слов мага.

– Я не стал бы этого исключать, достопочтимая госпожа, – медленно, взвешивая слова, заговорил наконец Каладиус. – Более того, если бы речь шла о любой другой лирре, я бы не испытывал бы не малейших сомнений. Но вы... – маг взял Мэйлинн за её беспокойную руку и принялся разглядывать кожу её ладоней. – Вы – настолько особенная лирра... Если уж кому-то и выпадет возможность узреть Башню, то только вам.

– Именно так я ей и сказал! – хлопнув ладонью по колену, вскричал Кол. Ему захотелось как-то разрядить ситуацию, поскольку на Мэйлинн было жалко смотреть. – Лично я *уверен*, и готов биться об заклад хоть на собственную душу, что Мэйлинн видела истинную Белую Башню!

– Я тоже уверен! – поспешил поддержать его Бин.

– Да ты даже не веришь в неё! – легонько усмехнулась Мэйлинн.

– Почему это – не верю? – вскинулся Бин. – Теперь – очень даже верю! Я понял, что мир намного больше и сложнее, чем мне казалось.

– Какой похвальный прогресс, молодой человек! – с лёгким налётом иронии похвалил юношу маг. – Вам выпала поистине уникальная судьба. Вы были вовлечены в орбиту такой блистательной звезды, как наша глубокоуважаемая лирра, и теперь ваша жизнь пойдёт совсем по другому пути.

– Я благословляю за это Арионна каждый день! – пожалуй, более пылко, чем требовалось, воскликнул Бин.

– Но вернёмся к нашему разговору, – продолжил Каладиус. – Позвольте полюбопытствовать, госпожа Мэйлинн, а что вы вообще знаете о Башне?

– Мне кажется, что Белая Башня – земной аватар Арионна, – ответила лирра.

– Тогда Чёрная Башня – аватар Асса? – с видом учителя, задавшего каверзный вопрос талантливому ученику, спросил маг.

– Я думаю – да...

– Но я ведь не ошибусь, если предположу, что вы – протокреаторианка?

– Вы не ошибётесь, мессир, – кивнула Мэйлинн, и по её лицу пробежала тень понимания. – То есть, вы хотите сказать...

Каладиус молчал, пристально глядя на лирру и выжидающе улыбаясь. Он уже видел, что Мэйлинн всё поняла, и теперь ждал, что она это скажет.

– Вы хотите сказать, что нет ни Белой, ни Чёрной башен? – продолжила Мэйлинн. – Именно поэтому вы всегда употребляете просто слово «Башня»? Я это заметила, мессир, но не придала значения.

– Конечно, юная госпожа, – прервал молчание маг. – Для меня это всегда было очевидно. Башня – это действительно своеобразный аватар Первосоздателя. А уж будет ли она Белой или Чёрной – зависит лишь от того, кому она будет явлена. Поэтому вы ищете *Башню*, а найдёте её *цвет*.

– Но она хотя бы существует? – в отчаянии воскликнула Мэйлинн.

– Я просто убеждён в этом, хотя на сей счёт существуют самые разные спекуляции. Многие считают Башню выдумкой, поскольку почти никто и никогда её не видел.

– Но как же мне её разыскать? Я надеялась, что вы дадите мне совет...

– Возможно, я его действительно дам, – улыбнулся Каладиус. – Феномен Башни почти не изучен наукой, поскольку наиболее авторитетные и именитые учёные и маги, – мессир произнёс это с хорошо заметным сарказмом. – Давно уже вынесли свой вердикт по этому поводу. Поэтому изучение Башни – удел сумасшедших, вроде меня.

– Так вы изучали этот вопрос? – воспламеняясь надеждой, воскликнула лирра.

– Помните, милая, что я говорил недавно: любопытство – мой главный порок, – засмеялся маг. – Но оно же – моя основная добродетель. Когда живёшь на земле значительно дольше положенного срока, тянет заниматься даже такой ерундой, которой никто заниматься не хочет. А уж Башня – преинтереснейший феномен, причём не только магиологический, но и культурный и философский.

– И что же вы узнали? – почти перебила его Мэйлинн, но тут же смешалась. – Простите мне моё нетерпение.

– О, поверьте, дорогая, я его очень хорошо понимаю. Поэтому не стану вас томить. Я узнал, что, по сути, единственный труд по изучению феномена Башни был написан почти пять тысяч лет назад безумным философом и чародеем Биаллом Пивилийским. Увы, первоисточник теперь уже безвозвратно утерян, но в мире сохранилось некоторое количество списков с этого труда, и уж конечно я приложил все усилия, чтобы заполучить один из них. Вот он.

С этими словами Каладиус коротким движением провёл рукой над поверхностью стола, и на ней тут же возник довольно объёмный фолиант в потёртой золотистой обложке. Бин от неожиданности даже присвистнул. А Каладиус довольно захихикал:

– Одна из привилегий магов заключается в том, что не нужно стаптывать ноги, постоянно бегая туда-сюда в библиотеку.

– Так вы любой предмет можете так же сюда доставить? – восхищённо спросил Бин.

– К сожалению, нет. Ведь для этого мне нужно довольно точно сфокусироваться на этом предмете. В библиотеке у меня идеальный порядок. За те многие десятилетия, что я провёл в этом обиталище, я настолько хорошо стал ориентироваться в ней, что могу найти любую книгу с закрытыми глазами. Со временем из этого стало можно извлечь пользу.

– И что же в этой книге? – Мэйлинн упорно возвращала разговор в нужное ей русло.

– Биалл Пивилийский утверждает, что нашёл способ вступить в контакт с Башней. Правда, ему никто не поверил – он и до этого слыл сумасшедшим.

– И как же он это сделал? – пропуская ненужную ей информацию, Мэйлинн фокусировалась лишь на важных для неё фразах.

– Он утверждает, что для этого достаточно вполне материальных практик, – Каладиус картинно плюнул на указательный палец, и стал перелистывать толстые страницы. – Вот, я цитирую: «И взял я Голову Шуанна, и, заточив её в мангиловый куб, прибыл к *вспучиванию* на Полумесяце. И там извлёк я Голову Шуанна и поместил её в фокус *вспучивания*. И явилась мне Башня Белая, но была она нематериальна. И медитировал я сорок дней, глядя на Башню, и стала она. И был я в Башне Белой, но описать увиденное не в силах разум мой» ... Ну, дальше оно уже к делу не относится.

– Я вообще ничего не понял, – почёсывая тяжёлую челюсть, пробормотал Кол.

– Уверена, что мессир Каладиус нам сейчас всё объяснит, – Мэйлинн перевела взгляд на мага.

– Вне всякого сомнения, – волшебник ухмыльнулся персонально Колу. – Дело в том, что я прочитал вам уже, так сказать, концовку приготовлений. А до тех пор там всё было весьма подробно расписано. Вы же видите, какой толстый том! Так вот, Голова Шуанна – это какой-то весьма могущественный артефакт. К сожалению, Биалл не даёт описания этого артефакта. Видимо, в те времена каждая собака знала, что такое эта Голова Шуанна. Но совершенно очевидно, что артефакт этот столь могущественен, что для экранирования его энергии необходим ящик из мангила. Вот тут он тоже очень подробно описан. Длины всех его граней равны точно полутора футам. Вероятно, эта Голова не такая уж и маленькая. Толщина стенок должна быть не меньше десятой доли дюйма. Я посчитал ради интереса, сколько же мангила понадобится. Без малого – тридцать три фунта чистого мангила!

Кол коротко всхлипнул, челюсть Бина упала на грудь, а у Мэйлинн кровь отлила от лица.

– Да, это чудовищное количество, – согласился Каладиус. – Сомневаюсь, что все колонии, вместе взятые, сейчас производят столько мангила за год. Ума не приложу, где Биалл смог раздобыть его в таком количестве! Разве что в древние времена мангил просто валялся под ногами.

– Но даже *если* мы и раздобудем такое количество, – по тону Мэйлинн было ясно, что она ни на секунду не верит в вероятность такого события. – Выковать куб из мангила под силу только гномам. Причём – лучшим из них.

– Не просто лучшим, а *самым* лучшим, – подчеркнул Каладиус. – Ибо куб необходимо покрыть сигилами¹⁷ как снаружи, так и изнутри. Сами сигилы начертаны в книге, и я, как специалист, могу сказать, что некоторые из них невероятно сложны. Смещение даже одной линии на волос может лишить сигил его силы. Однако, если мы сумеем добыть столько мангила, – мастера найдутся, в этом я ручаюсь.

– Хорошо, допустим, – видя, что Мэйлинн совсем скисла, проговорил Кол. – А что там за *вспучивания* полумесяца?

– Всё очень просто. Полумесяц – название самого восточного острова архипелага Келли. На нём есть место силы. Одна из аномалий в *возмущении*. В те времена их называли «вспучиваниями».

– Место силы? – нахмурился Кол. – Аномалия? Это что же, ещё один приятель Симмера?

– К счастью, нет, – отмахнулся Каладиус. – Симмер и Бараканд – две особые аномалии нашего мира. Быть может, есть и другие в необитаемых и неизведанных краях, но я в этом сомневаюсь, потому что за такое время подобная сущность нашла бы способ привлечь первооткрывателей. Но в *возмущении* много других уплотнений, не столь грандиозных и не обладающих собственным разумом. Их несколько в пределах нашего мира. И вот одно из таких уплотнений находится как раз на Полумесяце.

– А я вот ещё не понял, что значит «стала она»? – приняв умный вид, решил поучаствовать в разговоре Бин. – Чем стала? Там пропущены слова, что ли?

– Ничего подобного, мой юный друг, – снисходительно ответил Каладиус. – Там говорится ровно то, что имеется в виду. Что Башня сперва была нематериальна, лишь видима Биаллу. Но благодаря его эзотерическим практикам Башня материализовалась, то есть, «стала», как он выразился.

– Понял, – покраснел Бин. Вот ведь надо же так – в очередной раз выставил себя дураком перед Мэйлинн!

– Весьма странная процедура, – пробормотал Кол. – Если Башня – проявление богов на земле, то к чему все эти сложности? Как это может помочь?

– А как, любезный мой центурион, вам может помочь думать почёсывание в затылке? – откликнулся Каладиус. – Ведь очевидно же, что – никак. Однако люди тысячелетиями продолжают чесать затылок, когда задумываются. Так и здесь. Я убеждён, что есть и другие способы найти Башню, но нам они, увы, не известны.

– А этот способ мы что – уже признали удачным? – саркастически усмехнулся Кол.

– Да, молодой человек! – довольно резко отрезал маг. – Поскольку он – единственный из известных нам.

Бин хотел было съязвить по поводу соотнесения понятий «Кол» и «молодой человек», но решил, что на сегодня он уже достаточноставлял себя на посмеище, начиная ещё с его легендарного храпа. Так что он вовремя прикусил язык, продолжая внимать разговорам более сведущих собеседников.

– И за все эти пять тысяч лет никто не пытался повторить опыт Биалла Пивилийского? – тихо спросила Мэйлинн, отрываясь от тяжёлых раздумий.

– Наверняка пытались, – тут же ответил Каладиус. – Мне, во всяком случае, известен как минимум один такой случай, поскольку это было на моей памяти. Лет этак четырёхста-пятьсот назад Латионская Академия Высоких Наук организовала беспрецедентную экспедицию. На неё были выделены просто чудовищные средства. Академикам удалось добыть нужное количество мангила, в точности воспроизвести все манипуляции Биалла. Можно сказать, они пошагово исполнили каждую строчку из этого фолианта...

– И что? – видя, что маг замолчал, почти одновременно спросили все трое.

– Естественно, ничего! – усмехнулся Каладиус. – У них ничего не вышло. Но не отчаивайтесь, госпожа, – воскликнул он, видя, как поникла лирра. – По моему разумению у них ничего и не могло получиться. Я был убеждён в этом с самого начала.

– Это почему же? – полюбопытствовал Кол.

– Да потому, что Башня не может являться «из научного интереса»! – хлопнув ладонью по книге, вскричал маг. – Нельзя заставить бога явить себя лишь затем, чтобы несколько книжных червей написали об этом научные трактаты!

– Но ведь Биалл...

– Биалл искал Башню, а уж затем описал это, а не наоборот! Он действительно её искал, как сейчас это делает наша дорогая Мэйлинн. И поэтому то, что не вышло у этих горе-учёных, может получиться у нас!

– У нас? – удивлённо подняла глаза Мэйлинн.

– Ну конечно же! – вставая, сказал Каладиус. – Неужели вы хотите, чтобы я продолжал сидеть в своём подземелье и смотреть на этот водопад, пока вы станете искать самое невероятное чудо в мире? Конечно, я пойду лишь в том случае, если вы, дорогая, мне позволите.

– О, мессир! – вскакивая, воскликнула Мэйлинн. – Я не только позволяю, я прошу вас отправиться с нами, если для вас это не будет в тягость!

– Ну, значит тогда и договорились! – хлопнув в ладоши, довольно сказал маг.

– Ну теперь-то я просто уверен, что у нас всё получится! – от души хлопая Бина по плечу, воскликнул Кол. Бин смог лишь ухмыльнуться, потирая ушибленную руку.

Часть вторая

Глава 26. План путешествия

– Я с ним никуда не пойду! – в голосе Бина звенели истерические нотки.

– Не волнуйся, дружок, – Варан ощерился беззубой улыбкой. – Я вовсе не держу на тебя зла за то, что продырявил мне спину.

– Послушай, *дружок*, – Кол буквально выплюнул последнее слово. – В твоём положении я бы вёл себя тише воды и ниже травы. Ты сам только что произнёс тут пафосную речь о том, что тебе нельзя верить. Кстати, мог бы и не распинаться – лично я и без того не поверил бы тебе ни на йоту. Я достаточно повидал таких как ты на своём веку. Человек без совести и принципов может сколько угодно клясться, вот только клятвы его ничего не стоят. Если хотите знать моё мнение, – обратился он уже к остальным. – То его ни в коем случае нельзя брать с собой. Путешествие и так может выдаться опасным, и мне не хотелось бы ежесекундно оглядываться, чтобы проверить, не заносит ли кто-то из моих спутников кинжал за моей спиной. Я буду говорить честно. Будь моя воля, я бы предпочёл просто убить этого человека. И это не доставило бы мне удовольствия. Но я бы чувствовал себя спокойней. Точно так же, как я прикончил твоего подельника, *дружок*, – взглянув прямо в глаза Варану, закончил свою речь Кол.

– Его звали мастер Дор, – ядовито улыбнулся Варан. Он чувствовал себя крысой, загнанной в угол. Шансы пережить этот день казались ничтожными, поэтому его вдруг захлестнуло какое-то залихватское желание умереть красиво. – Спасибо, что сообщили мне его судьбу, центурион Брос, а то я, признаться, слегка волновался. Мне ведь пришлось оставить его столь неожиданным образом, – очередная убийственная ухмылка в адрес Бина.

– Жаль, что я не добил тебя тогда! – брызжа слюной, закричал Бин.

– Я тоже сожалел об этом, не скрою. Но теперь уже нет, – Варан постарался изобразить ещё более леденящий душу оскал. Ему даже стало несколько смешно – он словно бы участвовал в некоем гротескном конкурсе лицедеев, где главным призом была смерть.

– Уверен, что вскоре ты будешь жалеть об этом ещё с большей силой! – Кол, обычно такой взвешенный, совершенно вышел из себя. Он вскочил, его кулаки были судорожно сжаты, на скулах вздулись желваки от яростно стиснутых зубов, а на лбу запульсировала вздувшаяся вена.

– Кол, прекрати! – воскликнула Мэйлинн. – Перестань! Ты же видишь, он провоцирует тебя!

– Дорогой друг, действительно, – заговорил Каладиус. – Признаться, не ожидал от *вас* подобной реакции. Вспыльчивость нашего юного друга Бина вполне понятна и простибельна. Но вы... Где же ваша рассудительность? Неужели вы не видите, что происходит? Нет, дорогая моя Мэйлинн, это не любезный мастер Варан провоцирует ваших друзей. Точнее, не он один. Это они первыми спровоцировали его, загнали его в угол, заставили показывать зубы, – Каладиус сделал вид, что не заметил, что его слова о зубах выглядели скорее как насмешка. – Любезный мастер Варан искренне, я убеждён, от всего сердца принёс нам клятву верности, но у вас, любезный Кол, и у вас, мой юный Бин, не хватило широты души и благородства принять её. И что же прикажете делать человеку, чьи искренние уверения в верности и дружбе пропали втуне? Он просто надел на себя ту маску, которую *вы* хотите видеть!

– Благодарю, мессир, что выступили в качестве моего адвоката, – насмешливо поклонился Варан, но ни от Каладиуса, ни от Мэйлинн, ни даже от Кола не укрылась искусственность, натянутость этой насмешливости, под которой крылось искреннее смущение.

– Не стоит, мастер, – вернул поклон маг. – Поверьте, я искренне мечтаю о том моменте, когда смогу назвать вас своим другом. Убеждён, что дружба с вами значительно обогатит меня, – на эти слова Варан ответил очередным молчаливым поклоном.

– Господин Варан, – вмешалась Мэйлинн. – Я прошу простить моих друзей. Их недоверчивость легко объяснима – они очень переживают за меня. Но вскоре, я уверена, вы убедитесь, насколько славные это люди! Что же касается меня, то я с благодарностью принимаю ваше предложение. Поверьте мне, я весьма неискусна во лжи, и сейчас говорю совершенно искренне.

– Спасибо вам, госпожа, – было слышно, что Варан действительно тронут словами Каладиуса и Мэйлинн. – Я и не думал оскорблять вас своим недоверием. Насколько я смог узнать вас, вы действительно – совершенно необычная лирра. Также я не сомневаюсь в лучших качествах ваших спутников. Что же касается меня, то тут нельзя не согласиться, что я даю маловато поводов доверять мне. Что ж, тем хуже для меня – тем сложнее мне будет заслужить ваше доверие. Надеюсь, мне удастся сделать это. Если же нет – то, повторюсь, тем хуже для меня. Я это заслужил.

– Прежде чем будут сказаны новые слова, я предложил бы желающим высказаться как следует обдумать их, – быстро заговорил Каладиус, видя, что Бин уже открыл рот, чтобы что-то сказать. – Я же хочу сказать вам вот что. Я убеждён, что сегодняшняя встреча совершенно неслучайна. Что с самого начала судьбою было определено встретиться нам пятерым. И что в предстоящем путешествии госпожи Мэйлинн каждый из нас сыграет свою роль. Я не могу предсказать, какая это будет роль и как она отразится на ходе событий. Но я глубоко убеждён, что убрав из этой цепочки хотя бы одно звено, мы поставим под угрозу всё предприятие.

– Вы хотите сказать, что для... мастера Варана также уготована роль в судьбе Мэйлинн? – недоверчиво переспросил Кол.

– А как же иначе? – обернулся к нему Каладиус. – Подумайте. Ведь все мы собрались здесь совершенно неслучайно. Неужели то, что многоуважаемая госпожа Мэйлинн оказалась неподалёку от того места, где пытались казнить господин Бина – простая случайность? Или то, что из бессчётного множества всех сточных канав Латиона они оказались именно в той, где пребывали вы, любезный друг, – тоже случайность? И то, что это были именно вы, то есть человек, когда-то встречавшийся со мной – случайность? Нет, нет, и ещё раз – нет! И я более, чем убеждён, что то, что именно мастер Варан был отряжён в погоню за вами – далеко не случайность. То, что он единственный, кто выжил на Симмерских болотах – тоже не случайность. И его встреча с Симмером, его якобы «оживление», то, что Симмер послал его в погоню за госпожой Мэйлинн – я не вижу в этом ни доли случайности. Мой вывод прост: мы *должны* были собраться впятером, потому что это необходимо, чтобы наша юная лирра достигла своей цели. А теперь каждый, кто считает нужным, может высказаться. Надеюсь, у них было время всё обдумать.

Удивительно, но Бин смолчал и даже сел на место. Кол же за время спича, произнесённого магом, совершенно взял в себя в руки, и вновь стал тем же спокойным, слегка насмешливым ветераном, которого ничем не проймёшь.

– Мне сложно спорить со столь авторитетным мнением, как мнение мессира Каладиуса, – начал он. – Я – простой солдат, и мысли мои прямы и просты, словно копейные древки, – Кол явно лукавил, но в данной ситуации никто не старался оспорить его слов. – И вот сейчас я подумал, что в нашей компании есть люди, куда более искушённые в размышлениях, куда более знающие и мудрые, нежели я. Поэтому я обещаю, что не стану ставить под сомнения решения этих людей, – Кол выразительно посмотрел на Каладиуса и затем на Мэйлинн. – Так же, как будучи простым легионером, я никогда не оспаривал и не обсуждал решения командующих. Если мессир Каладиус и Мэйлинн доверяют вам, мастер Варан, то я не вижу для себя ни одной причины, чтобы продолжать испытывать к вам недоверие.

Однако тон бывшего паладина давал понять Варану, что при всём своём доверии он не будет забывать и о безопасности себя и своих друзей, откуда бы не пришла эта самая опасность.

– Спасибо, центурион Брос, – кивнул Варан. – Ваши слова очень много значат для меня.

Насколько мог судить Кол, слова бывшего мастера Теней были вполне искренни. Тем не менее, бывший легионер дал себе слово, что не спустит глаз с этого нового союзника, посланного судьбой. Пока же он, постаравшись улыбнуться как можно искреннее, проговорил:

– Зовите меня просто Колом. Так зовут меня все друзья.

– Тронут вашим доверием, Кол, – мягко, не размыкая губ, чтобы не было видно отвратительной дыры в зубах, улыбнулся в ответ Варан. – Постараюсь оправдать его. Надеюсь, что мы с вами быстро поладим. Не считите за оскорбление, но, на мой взгляд, мы во многом схожи.

– Тогда я сразу предлагаю перейти на «ты», – Кол решил, что Варан ни за что не перецеголяет его в любезности.

– Согласен.

– Вот и славно! – искренне обрадовалась Мэйлинн. Конечно, она чувствовала и подводные камни, и второе дно этого диалога, но решила, что худой мир всё-таки лучше доброй войны.

Воцарилась короткая пауза, в течение которой все присутствующие испытующе уставились на насупленного Бина. Тот сидел, скрестив руки на груди, и, не отрываясь, смотрел на стол перед собой, словно изучая древесный рисунок столешницы.

– Ну а что я? – наконец не выдержал он. Голос Бина по-прежнему дрожал то ли от негодования, то ли от страха. – Раз уж все всё решили, то какое значение может иметь моё мнение?

– Твоё мнение имеет огромное значение для меня, Бин, – мягко сказала Мэйлинн, положив руку ему на предплечье. – Ты мой друг, ты выручал меня много раз и с тобой мы уже многое прошли вместе. Для меня важно, что ты думаешь. Я не хочу, чтобы ты держал камень за пазухой. Поэтому я хочу услышать, что ты скажешь.

– А чего говорить? Этот человек был послан, чтобы убить нас и схватить тебя. Он – мастер Теней. Неужели вы думаете, что для него что-то значат обещания, которые он дал? Для него это не более, чем военная хитрость. И в один прекрасный момент он воспользуется случаем, чтобы исполнить то, ради чего сюда пришёл. Кроме того, я ведь пытался его убить! Вряд ли он так просто это забудет! – на несколько истерической ноте закончил Бин.

– Всё сказанное вами, господин Танисти, совершенно справедливо, – подчёркнуто вежливо заговорил Варан. – И я повторяю, что не жду, что вы тут же мне поверите. Более того, если мессир Каладиус знает какие-либо заклятия, которые смогут убить меня, если я совершу неверное движение, я без колебаний позволяю, и даже прошу их наложить на меня, если это будет способствовать вашему душевному покою. Что же касается того инцидента, о котором вы упомянули... – Варан сделал паузу, но на этот раз в ней не было издёвки. Скорее, он просто подбирал нужные слова. – Клянусь вам всем, что для меня свято, что я не держу на вас ни малейшего зла. Вы поступили так, как должны были. Так, как поступил бы я на вашем месте. Поэтому предлагаю вообще забыть об этом. Однако, хотелось бы добавить пару слов вслед тому, что говорил мессир Каладиус о нашем предназначении. Ведь вы не станете отрицать, что в тот день я легко мог бы убить вас. Вы замахнулись на меня кинжалом, но я лишь обезоружил вас и попытался лишить сознания, но не жизни, хотя у меня была такая возможность. Я до сих пор не мог себе объяснить – что же остановило меня тогда. Но после слов мессира всё встало на свои места. Не знаю, как для вас, а для меня это – вполне веское доказательство неслучайности всего происходящего.

– Я помню, что вы оставили мне жизнь, – нехотя проговорил Бин. – И я благодарен вам за это. Я хочу надеяться, что вы сейчас вполне искренни с нами. Я многого не понимаю, но как сказал Кол, у нас есть те, кому положено понимать и принимать решения. А я буду их исполнять.

– Нет, Бин, – вновь обратилась к нему Мэйлинн. – Не так... Я бы хотела, чтобы *все* мы вместе пришли к согласию по этому вопросу, а не прикрывались бы чужими решениями. Я прошу тебя высказать своё мнение. Согласен ли ты, чтобы мастер Варан был с нами? Обещаю, если ты сейчас ответишь отрицательно, я лично буду просить мастера Варана воспользоваться первым путём, предложенным ему мессиром. И мастер Варан, я уверен, пообещает нам уйти и более никогда не пытаться искать встречи с нами.

– Я клянусь, что если вы попросите меня об этом, я приложу все усилия, чтобы исполнить ваше желание, – подтвердил Варан.

Повисла тишина. Все смотрели на Бина, внутри которого сейчас велась нешуточная борьба. Искушение сказать «нет» было настолько велико, что лишь огромным усилием воли Бин заставлял себя размышлять и взвешивать. Он поочерёдно смотрел то на Мэйлинн, то на Варана, то на остальных присутствующих. Но в конце концов он остановил свой взгляд на лире, и долго и пристально смотрел на неё.

– Да, согласен, – наконец выдавил он. – Пусть даже я пока не совсем доверяю мастеру Варану, но я целиком и полностью доверяю тебе.

– Спасибо тебе, Бин! – Мэйлинн обняла его и чмокнула в макушку, отчего Бин сразу стал смотреть на мир куда менее мрачно.

– Спасибо вам за доверие, мистер Танисти, – твёрдо и торжественно проговорил Варан.

– Я думаю, что нам будет лучше тоже перейти на «ты», – приободрённый объятьями Мэйлинн, Бин решил ни в чём не отставать от Кола.

– Без вопросов! – улыбнулся Варан.

– Ну тогда и меня примите в свою компанию! – засмеялась Мэйлинн.

– Это честь для нас, – в тон ей ответил Варан.

– Ну вот и замечательно, друзья мои! – воскликнул Каладиус. – Теперь, когда мы стали одной командой, необходимо определиться с планом нашего путешествия. Только сначала прикажу принести поесть, потому что уверен, что мастер Варан умирает от голода. Да и остальные, думаю, не откажутся подкрепиться.

– От вашей снеди – никогда! – засмеявшись, откликнулся Кол. – По ней я буду скучать больше всего во время нашего похода. Да, клянусь Ассом, я уже скучаю по ней!

Все рассмеялись, включая Варана, но смех выглядел тем натужней, чем более искренне пытались смеяться собеседники. Нужно отдать должное слугам Каладиуса – не успели отзвучать последние фальшивые аккорды веселья, как на столе стали появляться всевозможные блюда, кувшины и вазы. Все присутствующие дружно набросились на еду.

Спустя некоторое время Каладиус заметил, сколько неудобств причиняет Варану отсутствие передних зубов.

– Я бы хотел оказать вам одну любезность, дорогой мастер Варан, – заговорил он. – Я отметил, какие трудности вызывает у вас приём пищи, поэтому хотел бы предложить сделать вам протезы передних зубов. Если вы посмотрите на мои зубы, то увидите, что они в полном порядке. Однако, признаюсь, что среди них нет ни одного настоящего. Довольно давно, много сот лет назад, когда мои собственные зубы покинули меня, я решил, что будет нелишним освоить искусство протезирования зубов. С тех пор я поднаторел в этом деле. Загляните в рот любому из моих слуг – они ослепят вас белизной и ровностью своих зубов.

– Я был бы весьма признателен вам, мессир, – проговорил Варан. – Мне действительно весьма досаждают эти дыры в зубах. Иногда мне кажется, что это – дыра в моей душе. Кроме

неудобства в еде весьма огорчает шепелявость, которую я приобрёл. Да и улыбка моя вызывает больше отвращения, чем положительных эмоций.

– Значит, решено! Завтра же займёмся вашими зубами! Кстати, ежели у кого-то из присутствующих есть проблемы с этим – занимайте очередь!

Все, кроме Мэйлинн, у которой зубы были в образцовом порядке, кивнули.

– Ну а теперь, когда первый голод утолён, предлагаю обсудить некоторые детали, – продолжил маг. – И первая среди них – время отправления.

– А что тут думать? – ответил Кол. – Чем скорее, тем лучше!

– А вы что скажете, дорогая Мэйлинн? – поинтересовался Каладиус.

– Я целиком доверяю в этом вопросе вам, мессир, – ответила лирра. – Скажите, как считаете вы, и тогда уже мы решим вместе, как будет лучше.

– Хорошо, – удовлетворённо кивнул Каладиус. – Тогда позволю себе не согласиться с нашим торопливым другом. Дело в том, что наше путешествие, по моим прикидкам, займёт не меньше двух месяцев, а скорее даже больше. Если мы выступим прямо сейчас, то на Полумесяце мы окажемся в ассии или примиионе¹⁸. Архипелаг Келли и летом довольно суров, если сравнивать с нашими широтами. А уж зимой там и вовсе неуютно. Более того, если мы отправимся сейчас в Саррассу через пустыню Туум, то путешествовать придётся при весьма некомфортной жаре. Так что моё мнение – нам нужно обождать как раз два-три месяца, чтобы двинуться в путь приблизительно в том же ассии. Тогда температуры в пустыне и Саррассе будут куда более комфортными для нас, а к тому времени, как мы доберёмся к северу, настанет весна. На самом деле, я бы предпочёл выждать три-четыре месяца, тогда мы могли бы путешествовать в полном комфорте, но прекрасно понимаю, что столько ждать никто из вас не захочет.

– Ждать четыре месяца? – переспросила Мэйлинн.

– Ну, ждать – не совсем удачное слово, – ответил Каладиус. – Можно заменить его на «готовиться». Ведь наше путешествие будет довольно долгим и, возможно, опасным. Будет нелишне как следует подготовиться к нему.

– А как вообще будет проходить наше путешествие, позвольте полюбопытствовать? – осведомился Кол.

– Всё очень просто. Сначала нам придётся наведаться в Саррассу, ибо если где-то мы и можем получить необходимое количество мангила, то только там. Затем мы поднимемся вдоль Анурского хребта к Дуондуру – столице гномского анклава Дак Анбур. Там мы получим из мангила необходимый нам куб. Затем наш путь будет лежать в леса Санна. Там мы разыщем мёртвый город Шеар, в котором во времена Биалла Пивилийского хранилась Голова Шуанна. Насколько я понимаю, там было некое специализированное хранилище для неё, поскольку именно там артефакт был взят членами экспедиции Латионской академии, о которой я вам рассказывал. Не уверен, что эти господа вернули Голову на место, но всё же, насколько я помню, с их приездом в Латионе не появилось никаких мощных артефактов, поэтому будем надеяться на лучшее. Если нет – придётся обшаривать запасники Академии. Ну а дальше, заполучив Голову, двинемся по Труону на север, а там, зафрахтовав корабль, отправимся на Полумесяц.

– Насыщенный план, – подал голос Варан, и все непроизвольно уставились на него. – У меня лишь одна поправка. Если нам всё равно некуда спешить, то почему бы нам не направиться отсюда на север, в Пунт? Добравшись до Дорона, доберёмся до его устья, а значит – до портового города Пранта. Оттуда мы либо сразу наймём какое-нибудь каботажное судно, следующее в Саррассу, поскольку они иногда заходят туда, либо по морю доберёмся до Найра, а уж там недостатка в кораблях не будет. В итоге мы, конечно, потеряем сколько-то времени, но значительно выиграем в комфортности передвижения.

– Мне нравится идея! – тут же подхватил Кол. – Признаться, мысль о том, что придётся пересекать пустыню, вызывает у меня уже сейчас головную боль. Пока я сидел в Латионе и разглядывал карту, эта идея не казалась слишком безумной, но сейчас, испытав это на своей шкуре, я понимаю, что стал слишком стар для подобных прогулок.

– Я бы с радостью согласилась на это! – с загоревшимся взором воскликнула Мэйлинн. – Я так мечтаю увидеть океан и пройти под парусом!

– Что ж, мастер Варан, как видите, уже принёс пользу своим присутствием, – кивнул Каладиус. – Мне вот подобная мысль в голову бы не пришла. А между тем она имеет свои преимущества! Кроме того, благодаря этому мы сможем выступить в поход раньше, а при-
быть в Сарраппу позже.

– А как быть с Орденом Лианы? – спросил Кол. – Не доставят ли они нам проблем?

– Вот этого предсказать не берусь, – пожал плечами маг. – Тут ведь возможны несколько сценариев. Если всё, что происходит, действительно является частью плана Ордена, то вряд ли они станут чинить нам препятствия. Ежели нет... Тогда встаёт вопрос – а смогут ли они нас разыскать?

– Меня им разыскать не удастся, благодаря моему амулету, – проговорила Мэйлинн, вновь демонстрируя свой кристалл на мангиловой цепочке. Каладиус немедленно им заинтересовался, хотя не стал просить снять его и дать в руки.

– Какая занятная вещица! – воскликнул он. – Если вы не будете против, моя госпожа, я бы хотел поподробней изучить этот изумительный артефакт. Возможно, мне удастся создать нечто подобное для защиты всех нас. Вообще, конечно, общие принципы мне известны, и, например, мой дворец вполне надёжно защищён от заклятий поиска, но поместить столь мощное заклинание в такой миниатюрный предмет... Это весьма интересное решение!

– А зачем нужно защищать от поиска всех нас? – удивился Бин. – Кто станет нас искать?

– Все, кому требуется найти госпожу Мэйлинн, – быстро ответил Варан. – Мне хватило нескольких часов, чтобы выяснить имена спутников разыскиваемой лирры. Так что вы теперь хорошо известны как Гильдии, так и всем остальным, кому Гильдия сочтёт необходимым передать эти сведения.

– А это значит, что те, кто не могут выследить меня, смогут выследить моих спутников, – побледнела Мэйлинн. – Применив самые обычные заклятия поиска по личным вещам.

– Ну, положим, мои личные вещи им вряд ли удастся раздобыть, – хмыкнул Кол. – Разве что лужу-другую блевотины возле какого-нибудь трактира.

– Зато у нашего друга Бина предостаточно личных вещей, – проговорил Варан.

Бин вскочил, словно на него вылили ведро кипятка. Его глаза были выпучены, а тело била дрожь. Видно, до этого момента он почитал себя в полнейшей безопасности.

– Настолько точны эти заклятия поиска? – подчёркнуто спокойно поинтересовался Кол у Мэйлинн, но ответил ему Каладиус:

– Не слишком точны, плюс-минус миля, а то и больше. Но в нашем случае такая точность и не требуется. Не так уж сложно отследить и просчитать путь в этих местах. Не беспокойтесь, мой юный друг, – обратился он непосредственно к Бину. – В моем жилище вы можете быть абсолютно спокойны. Здесь вас никто не выследит. Другое дело, что если слежка всё же велась, то они уже давно поняли, где вы находитесь.

– И что же? – пролепетал Бин. – Они придут сюда?

– Ну вообще-то на нас пока работает тот факт, что милейший мастер Варан всё ещё числится в Гильдии на задании. Конечно, когда от него долгое время не будет вестей, его нанимателям придётся показать себя. Насколько мне известно, Орден Лианы содержит под своим началом небольшой отряд ассасинов из числа лиррийских воинов, то есть одних из наиболее опасных воинов в мире. Но посмеют ли магистры послать их сюда?.. Вот этого сказать не могу. Подозреваю, что за прошедшие два века, в течение которых я был не у дел, слава моя

несколько потускнела. Вполне могу допустить, что нетерпеливые магистры Ордена могут пустить по нашему следу свою свору. И если мы будем к этому готовы, то, я убеждён, мы сумеем с ними совладать. Но если они застанут нас врасплох...

– Они могут захватить нас? – спросила Мэйлинн.

– Только не у меня дома, – хмыкнул маг. – Двух десятков лирр-ассассинов будет мало-вато, чтобы взять мой дворец. Но снаружи... Вот видите – это лишнее доказательство тому, что нам необходимо задержаться хотя бы на то время, которое понадобится мне, чтобы разгадать принцип работы вашего амулета. Конечно, совсем сбить со следа ищеек Ордена у нас не получится, но усложнить им задачу – вполне.

– Значит, на том и порешим! – подытожил Кол. – Задержимся здесь на столько, на сколько понадобится, а затем направимся в Пунт. Если мы будем защищены от заклятий поиска, то лучше уж проживём несколько недель в какой-нибудь гостинице в Найре, чем будем сидеть в норке и ждать, пока все кошки сбегутся, чтобы нас сцапать. Ну а что касается меня, то я постараюсь использовать этот временный отдых, чтобы как следует выспаться и отъестся. Постараюсь, словно медведь, запасти побольше жира на предстоящую зиму, тем более, что в отличие от медведя, мне зимой много спать не придётся.

Глава 27. Подготовка к походу

Следующие дни протекали для наших героев совершенно по-разному. Кол и Бин откровенно блаженствовали, древоугодничая и просыпая по десять часов в сутки. Кол научил Бина игре в кости, а также нескольким простым карточным играм, весьма распространённым среди легионеров, которые не прочь были скоротать часы во время дежурств, и теперь оба от души резались в эти игры. В такие минуты по всему дворцу время от времени раскатывались вопли Бина, который оказался весьма азартным игроком, и весьма бурно переживал как победы, так и проигрыши, а также хохот Кола, который каждое действие своё или же Бина сопровождал множеством прибауток.

Изредка к ним присоединялся Варан, и тогда шум стихал. Бин при мастере Теней становился тихим и нервным. Он с трудом подбирал слова в ответ на реплики бывшего охотника, чаще отделяваясь какими-то жестами и односложными фразами. Кол, напротив, говорил за двоих, перешучиваясь и пересмеиваясь с Вараном, но за этой лавиной слов скрывалась настороженная холодность, которую можно было разглядеть в глазах бывшего легионера. Варан был неизменно любезен, вежлив и достаточно сдержан. Он легко отвечал на шутки Кола, демонстрируя завидное остроумие, охотно смеялся и пару-тройку раз даже вступал в игру, но и в нём ощущалась настороженная сдержанность, словно у старого слуги, ставшего почти другом, но всегда помнящего своё место.

Однако чаще Варан пребывал где-то в иных местах. Одним из излюбленных была обширная библиотека мага, где было собрано огромное количество книг со всего мира, причём, далеко не все из них имели отношение к волшебству. Варан раскопал старинную книгу, называющуюся «События великих дней, или история походов Увилла Великого», и с огромным интересом читал её, зачастую возвращаясь назад и перечитывая некоторые фрагменты, которые показались ему непонятными, или же особенно занятными.

В библиотеке же он иногда пересекался с Мэйлинн, которая тоже захаживала сюда. Совершенно очевидно, что её интересовала более всего «Искания Белой Башни» Биалла Пивилийского, но несколько раз, входя, Варан замечал, что Мэйлинн при его появлении поспешно захлопывала и отодвигала от себя какую-то книгу. Мастеру Теней не требовалось читать название, чтобы понимать, что это – одна из тех книг, которые были написаны магистрами Ордена Лианы. Очевидно, Мэйлинн искала в ней ответы на мучающие её вопросы. И также очевидно было, что найденные ею ответы мучали её не меньше. Варан, после памятной встречи с Симмером, очень хорошо понимал, что творилось на душе юной лирры. Быть чьей-то марионеткой – участь весьма незавидная. А в случае с Мэйлинн всё усугублялось полнейшей неизвестностью и неопределённостью происходящего. Если Варан точно знал, чей марионеткой он был, то Мэйлинн мучилась вопросом – а были ли они вообще, эти невидимые нити, тянущиеся к коварным кукловодам?

Единственный, кто каждодневно кипел какой-либо деятельностью, был Каладиус. В тот же день, когда состоялся их первый разговор с Вараном, маг попросил у Мэйлинн её амулет, который он незамедлительно унёс в свою лабораторию, по пути бормоча какие-то слова на одному ему известном, по всей видимости – древнеимперском, языке.

Не забыл волшебник и своего обещания, данного Варану. Ежедневно мастер Теней на час или два уходил в лабораторию мага, и буквально на пятый день он вышел оттуда, блистая белозубой улыбкой.

– Вы просто волшебник, мессир! – воскликнул он и тут же рассмеялся, поняв глупость сказанных им слов. – Как же мне не доставало этих зубов! Вот прямо сейчас пойду и попрошу самого жёсткого и сухого мяса, которого только смогут раздобыть ваши слуги, и стану с наслаждением рвать его зубами.

– Спасибо, дорогой мой, – улыбнулся в ответ маг. – Однако, должен вас разочаровать: в моем доме вы не сумеете найти достаточно жёсткого мяса, чтобы удовлетворить своё желание.

Варан счастливо рассмеялся, и направился куда-то, насвистывая простой мотивчик. Может быть, действительно на кухню. По дороге он встретился с лиррой и широко улыбнулся ей. Увидев его, Мэйлинн отметила, насколько он сразу похорошел. Точнее, он был красив и раньше, но дыра в зубах портила весь вид, словно огромная бородавка, или чирей, уродующие самое прекрасное лицо. Лирра совершенно искренне поздравила Варана с приобретением, и тот весьма тепло поблагодарил её.

Вообще Мэйлинн была, наверное, единственной, кто действительно искренне тепло относился к мастеру Теней. Конечно, Каладиус, кажется, совсем не отставал от неё в радушии и теплоте, но Варан почему-то не мог до конца поверить в его искренность, хотя даже такой отличный физиономист как он, не мог отыскать в глазах мага ни капли лицемерия. А вот Мэйлинн – это было другое дело. Варан мог бы поклясться, что она совершенно искренне улыбалась ему, когда они встречались в библиотеке или других местах. Она нечасто заговаривала с бывшим охотником, но всякий раз от этих коротких диалогов его душа словно оттаивала. В общем, Варану не удалось избежать общей участи всех людей, которым удавалось пообщаться с этой удивительной лиррой. Нет, он не влюбился в неё подобно Бину или Колу – Варан вообще сомневался, способен ли он влюбляться. Но всякий раз, когда рядом появлялась Мэйлинн, ему казалось, что в его жизни восходит тёплое и ласковое солнце.

Кроме всего прочего, Мэйлинн старалась по возможности чаще заглядывать в лабораторию Каладиуса. Маг вроде бы ничего не скрывал от любопытной лирры, охотно рассказывал об экспериментах, над которыми он работал, делился своими впечатлениями относительно его исследований анти-поискового амулета.

– Удивительный кристалл, – сообщил он лирре в первый же день. – Он явно выращен искусственно – я ни разу не встречал подобного камня и убеждён, что это не какой-то природный минерал. И теперь мне совершенно ясно, что моей главной задачей станет именно понимание процесса выращивания этого кристалла. Дело в том, что создание подобного заклятия, блокирующего поиск, требует создания мощных контуров зеркалирования. Это вполне можно реализовать для крупных структур, таких, как мой дворец, например. Мастера, создававшие дворец, внедряли эти контуры по моим чертежам, и по сути они представляют собой мангиловые вкрапления, расположенные определённым образом. Можете себе представить, дорогая, что на постройку этого дворца у меня ушло порядка двадцати фунтов мангила! Чего мне только это стоило! Но, возвращаясь, к вашему амулету, при всей моей хвалёной любознательности я почему-то никогда не задумывался, как можно создать вот такой миниатюрный блокиратор. Теперь я вижу, что здесь применена технология мнимых зеркалирующих контуров. Это весьма любопытное решение... Но вам, должно быть, невероятно скучно слушать все эти теоретические рассуждения. Главное, что я хотел сказать, это то, что ваш кристалл – суть сосредоточение мощнейшей магической энергии, а мангиловая цепь играет роль своеобразного предохранителя, без которого вся система окажется нестабильна. Кстати, вы, вероятно, не знали, что этот амулет может стать весьма разрушительным оружием одноразового действия. Высвобожденной энергии вполне хватит, чтобы разнести на куски небольшой каменный дом.

– Я догадывалась об этом, – кивнула Мэйлинн. – Хотя нам ни о чём подобном не говорили, но моего понимания основ магии хватало, чтобы предполагать нечто подобное. Ну а что скажете – вы сможете вырастить подобные кристаллы?

– Конечно смогу! – с великолепной уверенностью ответил маг. – Надеюсь, что через несколько дней я уже буду понимать общий принцип, ну а на само выращивание, подозреваю, уйдёт не менее трёх недель.

– Три недели... – протянула Мэйлинн.

– Понимаю, что вы хотите сказать, дорогая. Вы опасаетесь следующего хода Ордена Лианы. Но, думаю, у нас есть время. Даже если Бина действительно отслеживали, то его внезапное исчезновение может быть трактовано в нашу пользу. Вполне вероятно, что наш драгоценный мастер Теней сумел настигнуть и устранить цель. Поэтому какое-то время в Наэлирро ещё будут ожидать возвращения господина Варана. Конечно, если они вздумают отследить и исполнителя задания, то их, наверное, весьма озадачит и отсутствие мастера Варана. Однако, в любом случае я считаю, что игра стоит свеч. Кристаллы сделают нас невидимыми для поиска, что может в будущем дать нам важное стратегическое преимущество.

– Хорошо, мессир, я охотно прислушиваюсь к вашим советам, поскольку они исходят от столь мудрого человека. Будем ждать. Кстати, давно хотела спросить: как вы додумались до того, чтобы сделать своё жилище подземным?

– Да очень просто, – маг всегда был рад поговорить с Мэйлинн и охотно отвечал на любые её вопросы. – Когда я покинул двор Латиона, то решил, что стану затворником. Мне совершенно не хотелось видеть людей после того, какой чёрной неблагодарностью они мне отплатили, – по сдвинутым бровям и скупому падающим словам Мэйлинн поняла, что поднимать этот вопрос пока не стоит. – И вот я решил поселиться здесь, среди этой дикой негостеприимной земли, где соседями мне были бы лишь несколько сотен баининов – простых и наивных, словно дети. Я решил заглянуть к дак-анбурским гномам, поскольку кто лучше них умеет работать с камнем? Побывав в Дуондуре, я проникся идеей подземного жилища, ведь это особенно актуально в жаркой пустыне – не нужно тратить лишние силы на поддержание приятного микроклимата в доме.

Пустыня Туум стоит на огромной плите из песчаника. Для гномов, сумевших создать город внутри гранитных скал, пробить коридоры и комнаты в песчанике не составило ни малейшего труда. Конечно, трудились они под моим пристальным руководством. Как я уже говорил, на строительство дома я потратил свыше двадцати фунтов мангила. Он был истолчён в пыль и вкраплен определённым образом в стены, полы и потолки, образуя контуры защиты, силовые контуры и иные фигуры, которые должны были сделать моё пребывание здесь комфортным и безопасным. Представьте, что внутри дома я могу даже телепортироваться в три точки: сюда, в лабораторию, затем – в библиотеку, а также в потайную комнату, смежную с моей спальней. Вот, посмотрите сюда, на пол. Видите, этот узор? Он почти ничем не отличается от каменного узора, коим украшен пол, однако, на самом деле это – весьма сложная магическая фигура, выписанная измельчённым мангилом. При желании я могу переместиться в эту точку из любого места во дворце.

– Как удивительно! – с искренним восхищением воскликнула Мэйлинн. – Сколько же лет вы потратили на строительство?

– В общем и целом – порядка шести. Вы не поверите, дорогая, первое время мне приходилось жить в простой пещере, выдолбленной в песчанике, полной пыли и гномов!

– Представляю себе это зрелище! – засмеялась лирра. – А откуда у вас взялось такое количество мангила?

– Понимаю, что вы хотите спросить, – усмехнулся маг. – Нет ли у меня ещё где-нибудь в заначке залежей магического металла? Увы, но нет. Точнее, у меня наберётся мангиловых артефактов фунтов на десять-двенадцать, но я не могу поступить с ними подобным образом – это было бы кощунством. А в те времена... Я ведь был самым могущественным магом Латиона. Я возвёл на трон династию Пантатегов, которая рухнула вскоре после моего ухода, уступив место династии Освалионов, потомком которой является и нынешний король Мато-

ниус Второй. Так что денег у меня было с преизбытком, и значительную часть их я потратил на покупку мангила. Но на сегодняшний день я едва смогу наскрести один-два фунта мангила.

– А мы найдём необходимые нам тридцать фунтов? – спросила Мэйлинн.

– Конечно же найдём, – отмахнулся Каладиус. – В нашем мире можно найти всё, что угодно, имея достаточно денег. А уж за двести лет затворничества я сумел скопить изрядное количество этого мусора. Собирал, сам не зная – зачем. На всякий случай. Который, хвала Первосоздателю, наконец представился. Ну а, имея деньги, дальше всё просто. Саррассанцы просто помешаны на магии, поэтому там собрана чуть ли не половина всех мировых запасов мангила. Убеждён, что нам недолго придётся искать продавца. Хотя можно для начала заглянуть в Золотой Шатёр. Не так давно, лет пятнадцать назад, я оказал императору одну весьма значительную услугу. Быть может, людская благодарность не ограничивается одними лишь заверениями в вечной преданности, и мы сможем раздобыть то, что нам нужно, гораздо более простым путём.

Спустя пару дней Каладиус сообщил друзьям, что он направил в Лоннэй небольшой караван с золотом на общую сумму порядка двадцати тысяч золотых имперских корон.

– Ничего себе! – воскликнул Кол. – Вы что – собираетесь купить Пунт?

– Вовсе нет, мой дорогой друг, – усмехнулся Каладиус. – Я лишь надеюсь, что этого более или менее хватит, чтобы купить нужное нам количество мангила.

– А зачем же тогда вы направили эти деньги в Пунт, а не в Саррассу? – спросил Бин.

– Всё очень просто, мой юный друг. Путешествовать с таким количеством золота нам было бы весьма накладно. Чтоб вы понимали, двадцать тысяч золотых марок – это больше ста сорока стоунов¹⁹ золота. Но поскольку там монеты не только Саррассанской империи, но и других государств Паэтты, то я бы предположил все сто шестьдесят стоунов. Мои слуги в Лоннэйском отделении Главного имперского банка, а также в нескольких других отделениях крупных банков Паэтты обменивают металл на банковские векселя, с которыми мы и направимся в путешествие. Небольшой сундучок с бумагами куда предпочтительнее, нежели мешки с монетами.

– А столь крупный вклад не привлечёт ненужного внимания? – спросил Варан. – Наверняка о нём будет сообщено императору. Да и десятки клерков будут в курсе, каждый из которых сможет донести эту информацию до самых разных ушей.

– Вы совершенно правы, мастер Варан, но, к счастью, я тоже подумал об этом. Мои слуги совершат вклады через десятки подставных лиц и не сразу. Конечно, сам факт того, что в сельском Лоннэе вдруг всплывёт такое количество золота, не сможет не удивить, но я надеюсь, что этот факт никак не свяжут ни со мной, ни с вами. Кроме того – в Пунте до сих пор идёт война, мало ли, кто решает сбросить свои активы и убраться подальше!

– Не знаю, как вас и благодарить, мессир, – проговорила Мэйлинн. – Вы стольким жертвуете ради меня...

– Что вы, дорогая моя! – перебил её маг. – Во-первых, эта жертва совсем не так велика, как вам кажется. Да, с точки зрения многих из вас эти двадцать тысяч – громадные деньги. Когда-то давно и я так думал. Сейчас же я смотрю на свои сундуки, забитые золотыми монетами разных стран и разных лет чеканки, и вижу лишь глиняные черепки. Ровно такую ценность они и имеют для меня. А во-вторых, это путешествие не менее важно для меня, нежели для вас. Вы ведь обратили внимание, друзья мои, что для каждого из нас предстоящее путешествие – это искание, причём, искание самих себя. Не только наша дорогая Мэйлинн попытается найти ответы в Башне. Да, скорее всего, мы не будем допущены в Башню, но сам путь к ней станет для нас ответом на главный вопрос – кто мы, и зачем. Ведь мы, да не обидят вас мои слова, – отщепенцы этого мира. Каждый из нас потерял себя. Именно поэтому мы сейчас здесь. И если для нас есть шанс обрести самих себя, то он сейчас перед нами. Поэтому

не вам благодарить меня, моя прекрасная госпожа, а я должен сказать вам спасибо за то, что дали мне столь высокую цель.

Эти слова, кажущиеся излишне патетическими и драматичными, упали в благодатную почву, ибо откликнулись в самой потаённой глубине сердец каждого из присутствующих. Разговор затих, потому что каждый глубоко задумался. В глазах лирры стояли слёзы, у Варана над переносицей появилась суровая складка, Бин отстранённо пощипывал поросль на своём подбородке, а на губах Кола играла лёгкая рассеянная улыбка.

— Готовьтесь, друзья мои, — продолжил маг. — Каждодневно готовьтесь к предстоящему исканию. Думайте о нём постоянно. Потому что наше путешествие уже началось. Мне думается, что тот путь, что мы пройдем ногами — не главный. Будь мы готовы, Башня явилась бы перед нами прямо здесь и сейчас. Так что наш главный путь пройдет внутри каждого из нас. И если мы выдержим этот путь, то сумеем исполнить своё предназначение.

***

Уже на следующий день дрожащим от торжества голосом Каладиус объявил, что им раскрыт секрет кристалла Мэйлинн.

— Это поистине гениально! — восклицал в совершенно не свойственной себе манере маг. — Впервые вижу нечто подобное! Знаете ли, дорогая, что представляет собой ваш кристалл? Это — кристаллизованное *возмущение*!

— Как это? — опешила Мэйлинн.

— Да, я тоже был удивлён, — торжествуя улыбнулся Каладиус. — Представьте себе, что определёнными манипуляциями *возмущение* может быть доведено до кристаллической формы! Как только я додумался до этого, мне стала очевидна и методика. Она лежала на поверхности, просто я был чудовищно слеп, поскольку даже и помыслить не мог в данном направлении. Ай да лирры! Многие века я считал магинь заржавевшими консерваторшами, не способными уйти дальше данного им дара. Теперь я готов признать, сколь глубоко заблуждался!

— И сколько же времени у вас уйдёт на воссоздание этого кристалла? — осведомился Кол.

— Если мои предположения верны, то — ровно двадцать четыре! Как двадцать четыре меридиана Сферы! Мне необходимо ограничить область *возмущения* по всем двадцати четырём степеням свободы...

— Вы уже стали заговариваться, мессир, — усмехнулся Кол. — Боюсь, ваши рассуждения нам не понятны, а потому — неинтересны. Но мы целиком и полностью полагаемся на ваш гений.

— Уж можете положиться! — воскликнул Каладиус, потирая руки. — Готовьтесь! Через двадцать четыре дня мы будем готовы выступить в путь!

***

Отпущенные магом двадцать четыре дня почти истекли. За эти дни друзья видели Каладиуса не больше, чем по часу в день. Он неизменно был на взводе, глаза лихорадочно блестели. Постоянно потирая руки, он бормотал какие-то фразы, большая часть из которых оставалась за гранью понимания присутствующих, включая и лирру. В общем, он стал абсолютно невыносимым собеседником. Если в первые дни он пару раз даже находил время поиграть в кости с Колом и Бином, то теперь все завтраки и обеды проходили без него. Разве что на ужин он мог прибежать, взвинченный и нетерпеливый, выкрикивал несколько реплик, быстро проглатывал содержимое тарелки, и вновь исчезал в лаборатории, куда с некоторого времени категорически отказался впускать даже Мэйлинн, ссылаясь на нестабильность вызревающей субстанции.

И лишь за три дня до окончания эксперимента маг вновь стал похож на себя прежнего. Он вновь стал спокоен, стал говорить на понятном окружающим языке, интересоваться делами друзей. На недоуменные вопросы собеседников он отвечал, что теперь уже всё готово, результат абсолютно и достоверно известен, а поэтому его творческий пыл сошёл на нет.

– Готовы ли вы к путешествию? – спросил он друзей, впервые за долгое время разделяя с ними обеденную трапезу. – Ведь мы вполне сможем выйти уже через четыре дня.

– Готовы давным-давно, – похлопал себя по заметно округлившемуся брюшку Кол. – Я запасаю жиром на несколько месяцев вперёд.

Присутствующие добродушно рассмеялись. Надо сказать, что за минувшее время произошли некоторые перемены и в отношениях Варана с Колом и Бином. Бин больше не робел в его присутствии, и даже изредка сам обращался к нему с вопросами или другими репликами. Он, конечно, по-прежнему не доверял бывшему мастеру Теней, но всё-таки, кажется, стал верить в *возможность* искренности со стороны Варана.

В свою очередь, Кол и Варан, казалось бы, вообще стали приятелями. Во многом они были похожи, у них было множество общих тем для разговоров. А уж с того времени, как Варан стал постоянным партнёром по карточным играм, последний лёд, казалось, и вовсе был сломан. Однако Варан прекрасно осознавал, что это не так. Он высоко ценил усилия друзей, направленные на то, чтобы поверить ему и сдружиться с ним. Он чувствовал, что пока ещё рано говорить, что всё получилось, однако надеялся, что со временем это станет возможным.

Иногда Варан пытался проникнуть в самые глубокие и тёмные уголки собственной души. Насколько искренен *он* в отношении остальных? Не остался ли где-то там, на задворках, недобитый у Симмерских болот мастер Теней Варан, который выскочит оттуда в самый неподходящий момент? Не проснётся ли его самолюбие – самолюбие человека, не привыкшего проигрывать и терпеть неудачи в делах? Может быть, он лишь затаился до времени, чтобы позже исполнить-таки взятое на себя обязательство?

Нужно отдать должное Варану – он искренне и полным пристрастием ковырялся в самых дальних закоулках своей души. Он не собирался обманывать себя. Более того, у него было стойкое намерение в случае, если он всё-таки найдёт в себе гнильцу, тут же сообщить об этом остальным. Однако, к своей радости, Варан ничего не находил. Он действительно был привязан к своим новым друзьям и, кажется, действительно решил оставить прошлое прошлому.

Но мы несколько отвлеклись от разговора, происходящего за обедом.

– А я вот хотела спросить, как быть с этим, – Мэйлинн ткнула себе в шею, туда, где красовался вытатуированный много лет назад ошейник. – Может быть, вы, мессир, сможете что-то с этим сделать? Как-нибудь замаскировать?

– Это будет весьма сложно, дорогая, – ответил Каладиус. – Наложить морок на небольшую часть человеческого тела непросто. Могут возникать коллизии восприятия у окружающих. Вы ведь не хотите, чтобы у вас вдруг оказалось две шеи, например? Кроме того, поддержка подобного заклинания будет весьма заметна, что тоже для нас будет излишним. Так что, думаю, что вам больше подойдут другие, типично женские уловки – крема, притирки, пудра...

– Когда наш легион квартировал в Палатие, у нас там был своеобразный передвижной публичный дом, – несколько задумчиво вдруг ляпнул Кол.

Все недоуменно повернули головы к бывшему легионеру, а Варан хмыкнул:

– Весьма своевременное и уместное воспоминание, дружище!

– А в Палатие зимой бывало дьявольски холодно, – как ни в чём не бывало продолжал Кол. – И наши барышни, танцующие для солдат в местном кабаке, выходили из положения,

одевая специальные обтягивающие одеяния телесного цвета. В нужных местах они делали прорезы и отверстия, но остальное тело было защищено от холода. С трёх шагов уже нельзя было понять – одето ли на барышне что-либо, или же она полностью обнажена.

– Я понял вашу мысль, дорогой мой центурион! – рассмеялся Каладиус. – И нахожу, что это – отличная идея!

– А я нахожу, что вполне можно было бы обойтись без этих экскурсов в историю, – недовольно буркнула Мэйлинн. – Боюсь, этот образ мне будет очень сложно выбросить из головы.

Но Кол, тем не менее, сидел, цвета самой довольной улыбкой. Было очевидно, что именно на такой эффект он и рассчитывал.

– Значит, до Лоннэя мы доберёмся так, а там найдём для вас, любезная Мэйлинн, такую ткань и скроем ваш знак от нескромных глаз, – резюмировал Каладиус.

– Да, подружка, и тогда, глядя на тебя, я буду вспоминать свои весёлые денёчки! – промурлыкал Кол, вызвав новую бурю негодования у пунцовой от стыда Мэйлинн и новую бурю хохота у всех остальных.

***

– Всё готово! – объявил, входя, Каладиус. В руках его была шкатулка чёрного дерева, а на лице застыло выражение триумфатора-демиурга.

– Покажите же нам его, мессир, – откликнулся Варан. – Право же, мы сгораем от нетерпения!

– Погорите ещё немного, – буркнул Каладиус, однако было видно, что он польщён. – Прежде всего хочу объявить, что мне удалось усовершенствовать идею моих сестёр по науке. Заклинание, которое я вложил в кристалл, куда мощнее и эффективнее того, что было в кристалле Мэйлинн. Я смог добиться радиуса зеркалирования в двадцать четыре фута! Это значит, что любой, кто будет находиться к нашей лирре ближе этих самых двадцати четырёх футов, будут полностью защищены от всяческих заклятий поиска. Теперь мы поистине станем отрядом невидимок!

– Вы гениальны, мессир! – без тени иронии заявила Мэйлинн. Затем она подбежала к магу и быстро чмокнула его в щеку.

– Спасибо, милая, – расцвёл Каладиус. – Польстила старику. Вот, любуйтесь!

С этими словами маг протянул шкатулку лирре. Та быстро открыла её и извлекла красивый кристалл близкой к шарообразной формы, удивительного сиреневого оттенка. Он был оправлен в мангиловый обруч, висящий на мангиловой цепочке.

– Какая красота! – восхитилась Мэйлинн. – Да вы – истинный художник, мессир! Это же настоящее произведение искусства!

– Сто сорок четыре грани! – млея от восторга похвалился волшебник. – Шесть по двадцать четыре! Совершенная мощь!

– Если бы было можно, я носила бы его поверх одежды! – примеряя амулет, воскликнула Мэйлинн.

– К сожалению, это никак невозможно, – огорчённо проговорил Каладиус. – С таким же успехом можно было путешествовать под знамёнами, рассылая вперёд герольдов, чтобы объявляли о нашем приезде. Но вам очень идёт, милая Мэйлинн.

– Ты потрясающе выглядишь, Мэй! – воскликнул Бин, сверкающими глазами глядя на лирру.

– Спасибо, Бин, – улыбнулась Мэйлинн.

– Прости, что не выразил своё восхищение первым, – проговорил Варан, прижимая руку к сердцу. – Я просто сначала онемел от восторга.

– О, спасибо огромное! – Мэйлинн также прижала ладони к груди.

– Ну и когда же мы отправляемся? – осведомился Кол таким тоном, словно всей предыдущей сцены и не было.

– О, суров, как истинный солдат! – рассмеялся Варан.

– Что есть, то есть, – невозмутимо ответил Кол.

– Что ж, – заговорил Каладиус. – Если никто не против, то можем выдвигаться завтра утром.

– Думаю, что никто не против, – оглядев друзей, сказал Кол.

– Ну и отлично! Тогда пойдём готовиться к завтрашнему утру! – Каладиус забрал пустой футляр из рук Мэйлинн и вышел из комнаты. Вслед за ним направился Варан. Мэйлинн сказала, что ещё немного побудет в холле.

– Пойдём, дружище, – хлопнул Бина по плечу Кол. – Оставим даму одну.

Однако уже в дверях он на секунду остановился и оглянулся. Как он и ожидал, Мэйлинн с улыбкой смотрела ему в след.

– Ты прекрасна! – одними губами проговорил Кол, подняв оба больших пальца на руках кверху.

Мэйлинн засмеялась и послала ему воздушный поцелуй. Улыбнувшись, Кол тихонько прикрыл за собой дверь.

Глава 28. Невольничий конвой

В путь выступили с рассветом. Был четырнадцатый день месяца дождей, поэтому рассветы стали довольно поздними, равно как и закаты каждый день случались всё раньше. Пожалуй, это пока было единственным свидетельством надвигающейся зимы, поскольку жара в пустыне продолжала оставаться весьма ощутимой. Быть может, она уже не была столь убивающей, но всего через пару часов после выезда путешественники уже обливались потом, несмотря на то, что солнце висело ещё довольно низко.

Каладиус изначально хотел взять с собой десяток слуг, однако был вынужден уступить мнению большинства, которые считали, что слуги в дороге большой пользы не принесут, а столь внушительный отряд привлечёт куда больше ненужного внимания.

– Мы добрались сюда втроём, – убеждал Кол. – Варан вон и вовсе в одиночку. А теперь нас пятеро, включая самого могущественного мага и лучшего охотника за головами!

Некоторое преувеличение, которое позволил себе Кол, тем не менее, сыграло свою роль. Польщённый Каладиус, задумавшись на мгновение, согласился. Однако он поставил условие, что с ними отправится его личный повар.

– Уж простите старику его слабость, – усмехнулся он. – Не хватало только мне на старости лет начать питаться сушёной рыбой!

Против этого возражать не стал никто, тем более, что и Кол, и Бин, да и Варан с Мэйлинн с некоторой грустью предвкушали переход с изысканнейших наивкуснейших блюд на сухари и солонину.

Варан, кроме всего прочего, получил ещё один неожиданный подарок. Когда они подошли к конюшне, он увидел своего Суховей и не смог сдержать радостного крика. Конь же, в свою очередь, также узнал старого хозяина и разразился приветственным ржанием.

– Суховей, друг мой! – воскликнул Варан, подходя и глядя скакуна по лоснящейся вороной шее.

– Так это твой конь? – спросил Кол, подходя следом. – Вообще-то я так и думал. Он был лучшим из всех.

– Точно. Это – Суховей. Мы с ним уже больше года вместе, – во внезапном приливе нежности Варан потёрся лбом о морду сарраसानца.

– Ну тогда, думаю, тебе на нём и скакать, – с некоторым сожалением проговорил Кол, который тоже уже успел привязаться к сильному и умному животному. – Сомневаюсь, что теперь он согласится нести меня и отзываться на Урагана...

– Спасибо, приятель! – ответил Варан и тут же вскочил в седло. – А вот седло-то не моё!

– Ну уж не обессудь... – хмыкнул Кол. – Ежели охота, поезжай к Симмерским болотам. Там оно и валяется.

– Да уж как-нибудь обойдусь, – откликнулся Варан, заставляя Суховей плясать под собою и вставать на дыбы.

В итоге Кол не остался сильно в накладе, поскольку Каладиус обеспечил всех чистокровными саррасанскими скакунами. Кроме этого он приказал снарядить громадный рыдван, в котором легко могли бы поместиться восемь человек. Он имел двойное дно для хранения припасов, а также имел полотняную перегородку, разделяющую его на две неравные части. Задняя, меньшая «комнатка» была специально отведена под спальню Мэйлинн. Переднюю же часть лирра немедленно окрестила «гостиной» и сказала, что будет рада принимать гостей в любое время.

В рыдване была даже небольшая печка, которая могла пригодиться в Пунте, где уже могло быть довольно прохладно. Правил громадной каретой тот самый повар-слуга.

Сам Каладиус, хотя и взял для себя скаковую лошадь, сразу предупредил, что планирует большую часть путешествия провести в уюте «гостиной».

Новый транспорт Мэйлинн был не чета старому. Раза в три больше, гораздо тяжелее – его тянули сразу четыре сильных тяжеловоза. Внутреннее убранство тоже выгодно отличалось от кучи несвежих тюфяков. Кроме того, у рыдвана были мощные и мягкие рессоры, которые должны были сделать путешествие в нём лёгким и приятным. Конечно, повторить полностью путешествие наших друзей на нём было бы невозможно – дороги восточного Латиона оказались бы ему не по зубам. Но, хвала Арионну, дорийские степи и широкие ухоженные тракты Пунта были самым лучшим местом для путешествия на подобном транспорте. Естественно, скорость подобного передвижения не могла быть высокой, но, как мы помним, это было скорее даже достоинством, нежели недостатком.

К вящей радости Мэйлинн, был изменён план маршрута. Единогласно было решено, что в условиях войны между Пунтом и Дорией путешествие по Дорону станет если и не опасным, то, во всяком случае, неудобным и неприятным. Прибрежные районы наверняка выметены подчистую, жителей там почти не осталось, а от тех, кто остался, возможно, целесообразнее будет держаться подальше. Поэтому путешественники решили, что они будут следовать до Лоннэ, а оттуда уже, по хорошему широкому тракту – до Найра. Для Мэйлинн это означало ещё одну, вероятно, последнюю встречу с полюбившейся ей малышкой и её братиком, а также со старым трактирщиком мэтром Бабушем.

Первый день путешествия прошёл вполне обычно. Весёлые разговоры, остроты, в которых теперь соревновались Варан и Кол, ранее бывший неоспоримым лидером в этом деле. Бин довольно быстро выбыл из этой острой пикировки, поскольку понял свою полнейшую несостоятельность в этом вопросе. Поэтому он держал своего коня поближе к рыдвану, прислушиваясь к разговорам, которые вели Мэйлинн и Каладиус, который довольно быстро загнал своего повара на собственную лошадь, а сам удобно устроился на козлах. Мэйлинн села рядышком, и они, временами отвлекаясь на шутовскую дуэль, очень оживлённо болтали о всякой космогонической ерунде, представляя, как могут выглядеть миры, близкие к полюсам Сферы, а также те миры, в которых, по мнению Каладиуса, начисто отсутствовала магия.

За время пребывания у мага, Мэйлинн прочла довольно много всевозможных книг, причём большинство из них были связаны с Орденом Лианы, историей Наэлирро, а также историей Драонна, первого чёрного императора-мага. Однако она весьма редко и неохотно говорила на эти темы, и было видно, что они доставляют ей определённые страдания. Поэтому Каладиус вполне охотно и много говорил о самых отвлечённых вещах.

Четырежды за день маг громко командовал привал, объявляя, что ужасно голоден. Слуга-баинин тут же соскакивал с лошади и начинал суетиться, извлекая на свет божий всевозможные ингредиенты и готовя своему хозяину обед (или полдник, или ужин). Пригодились и сумка Мэйлинн, в которой поместилось довольно много мяса и других продуктов. Довольно быстро разводился костёр из колючих акаций, которые маг валил, просто заставляя их ломаться у корня. Дальше слуга проворно разделял несчастные деревца топором.

Еда всегда была свежей. Когда Кол заикнулся о том, что можно приготовить сразу побольше, чтобы хватило на весь день, Каладиус посмотрел на него таким взглядом, будто бы центурион предложил ему глотать колёсные оси их рыдвана.

– Пока мы не стеснены во времени, молодой человек, – назидательно уставив свой палец чуть ли не в лицо Кола, проговорил маг. – Мы не станем питаться, словно варвары. Лично вы можете есть вчерашнюю еду, можете грызть сухари или ловить тушканчиков – мне всё равно. Но я, а также госпожа Мэйлинн и остальные господа, уверен, предпочтут приличную трапезу.

Остальные господа, которым, в общем-то, было совершенно всё равно, что есть, тем не менее, поддержали Каладиуса. Действительно – торопиться некуда, так почему бы не порадовать желудок? Надо сказать, что и Кол во многом получил выволочку незаслуженно, поскольку он-то как раз был совсем не прочь есть так хоть всю оставшуюся жизнь. Можно сказать, что он поплатился за свой военный прагматизм.

Так прошёл первый день путешествия. Пустыня, ещё не до конца отпустив путешественников, тем не менее, уже осталась позади, под ногами лошадей стелилась довольно жухлая трава Дории. Температура постепенно снижалась, но здесь по-прежнему всё ещё царило жаркое лето. Полностью опровергая название месяца, небо было лишено малейшего облачка. Сюда, на юг Дории, в предпустынье, дожди придут не раньше, чем через месяц, а холод – и вовсе никогда.

Солнце подобралось к полудню, и Каладиус, по-прежнему составляющий компанию Мэйлинн, уже хотел было командовать привал, чтобы отобедать, когда Варан вдруг, привстав на стременах, стал вглядываться в горизонт впереди.

– Что там? – немедленно отреагировал Кол.

– Кажется, там дым, – ответил охотник за головами. – Или, возможно, пыль.

– А я вот ничего не могу разглядеть, – с лёгкой завистью проговорил Кол. – Глаза уже не те, что прежде.

– Я вот тоже ничего не вижу, – проворчал Бин, прикрывая ладонью глаза от солнца. – Хотя, вроде бы, со зрением всё в порядке.

– Нет, точно, я тоже вижу! – подтвердила Мэйлинн. Она встала в полный рост и напряжённо вглядывалась вдаль. – По-моему, это пыль, которую поднимает большое количество людей.

– Дорийцы! – сквозь зубы процедил Кол.

– Этого ещё не хватало... – пробормотал Бин.

– Ничего страшного, – поспешил успокоить Каладиус. – Уверен, что они нас не тронут. Как правило, дорийцам нет дела до путешественников. Вы ведь и сами в этом убедились, когда следовали ко мне.

– Да уж, – хмыкнул Варан. – Вижу, что только мой опыт общения с дорийцами отличается от остальных.

– Что поделать, друг мой, – ответил Каладиус, уже знавший историю Варана. – Вы и сами были достаточно опрометчивыми, показавшись слабым этим людям, которые признают только силу, да ещё и искушая их серебром. Однако же мы не выглядим слабыми, и не будем искушать этих наивных, по сути своей, чело^веков. Просто разойдёмся, как в море корабли.

– Так, может, лучше свернуть? – тревожно спросила Мэйлинн.

– Не стоит, друзья мои! – авторитетно заявил маг. – Уж вы мне поверьте, я на своём веку достаточно общался с кочевниками.

– Да уж, я помню, – несколько скептически хмыкнул Кол. – Не так давно я и моя когорта как раз защищали ваш оазис от этих наивных *чело^веков*, – центурион нарочно передразнил Каладиуса.

– Не спорю, бывает и так, – не сдался волшебник. – Иной раз на дорийцев словно нисходит какое-то безумие, и они действительно утрачивают контроль над своей природной жадностью. Однако, это крайне редкий случай. Тот набег, о котором вы изволили вспомнить, дорогой мой, случился по вине одного из мелких ханов дорийцев, которому кормилица в детстве нарасказывала сказок о несметных богатствах белого колдуна, живущего в пустыне. Вот он и повёл свою орду на подвиг. Жаль, что об этом я узнал гораздо позднее, потому что тогда бы я смог решить проблему куда быстрее и проще, не обращаясь за помощью к легату Коррэйского легиона.

– И тогда я никогда не встретился бы с вами, а значит, не смог бы привести к вам Мэйлинн, – усмехнулся легионер.

– Да, вы как всегда правы, дорогой друг! – откликнулся Каладиус. – И это в очередной раз подводит меня к мысли, что всё, что происходит в этом мире, отнюдь не случайно.

– Не хочется прерывать ностальгическую беседу старых друзей, но как всё-таки быть с кочевниками? – напомнил Варан.

– Всё очень просто, – ответил маг. – Движемся, как ни в чём не бывало.

– А куда же они направляются? – задумчиво спросил Кол. – Возвращаются в своё кочевье после набегов на Пунт?

– Позади нас нет никаких кочевий, – отрезал Каладиус. – Так далеко на юг дорийцы не селятся. Вы же видите, какая тут трава. Боюсь, я знаю, зачем эти кочевники забрались так далеко от своих привычных мест обитания.

– И зачем же? – лицо Кола приняло встревоженное выражение. – Вы предполагаете, что они вновь хотят попробовать отхватить от золотых запасов белого колдуна пустыни?

– Нет, этого я как раз не боюсь. А вообще, подождём – увидим, – неохотно ответил маг. – Надеюсь, что я всё-таки ошибаюсь в своих предположениях.

Привал, конечно, пришлось отменить. Путешественники продолжили двигаться на север. Вскоре клубы пыли на горизонте стали отчётливо видны на фоне белёсо-голубого неба. Все были в напряжении: иногда кто-нибудь пытался отвлечь товарищей, заговаривая о чём-либо, но разговор быстро затухал, а взоры всех, против их воли, то и дело обращались к облачкам пыли на горизонте.

Прошло около часа, и вот уже расстояние между путешественниками и ордой сократилось настолько, что стало отчётливо видно, кто же поднимает такие тучи пыли. Судя по помрачневшему лицу мага, именно это он и предполагал. Однако же, он молчал, предпочитая, чтобы кто-то другой произнёс вслух очевидную для всех вещь.

– Невольничий конвой, – скривив губы, пробормотал Кол.

Действительно, теперь было совершенно очевидно, что навстречу друзьям двигался караван невольников. Порядка двух сотен людей всех возрастов и обоих полов, грязные, худые, с одинаково обречёнными лицами и сгорбленными фигурами, каждая из которых могла бы послужить монументом отчаянья. Больше всего в колонне было, конечно же, женщин, однако кое-где мелькали и мужские лица, числом не более трёх или четырёх десятков. Совсем уж стариков среди невольников не было, так же, как и не видно было грудных младенцев. Однако дети возрастом лет около десяти и старше были. Может быть, с разрывающей сердце жалостью подумала Мэйлинн, в начале их пути в колонне были и старики, и малые дети...

Колонна сопровождалась верховыми дорийцами, которых было едва ли более двух десятков. Их лошади медленно шагали по бокам колонны, примеряясь к шагу измождённых людей. Оружие было убрано – дорийцы, видимо, совершенно не опасались своих пленников. Позади колонны двигались пять или шесть подвод, запряжённых волами. На них громоздились огромные бочки, видимо, для воды, а также мешки, вероятно, с пищей для пленников.

– Куда они ведут этих несчастных? – невольно понизив голос, хотя до каравана было ещё несколько сот ярдов, спросил Бин.

– Куда же, если не в Саррассу! – ответил Кол. – Единственная страна на Паэтте, где сохранилось рабство!

– Ой ли! – немедленно отозвался Варан. Не то, чтобы его задевало, что кто-то нелестно отзывался о его бывшей родине, просто хотелось восстановить справедливость. – А чем же крепостничество Латиона отличается от саррассанского рабства?

– Может быть тем, что у нас запрещено убийство крепостных? – темнея лицом, ответил Кол. – Или тем, что крепостной имеет шанс выкупиться из крепости?

– По мне, так лучше использовать иноземных рабов, чем порабощать собственных граждан, – пожал плечами Варан.

– Ладно, ни к чему сейчас эти ненужные споры! – поспешил пресечь назревающую перепалку Каладиус. – Рабство отвратительно в любом своём проявлении. Однако, в данном случае всё может быть ещё хуже. К тому времени, как эти несчастные переберутся через пустыню Туум, те из них, кто выживут, будут в таком ужасном состоянии, что на них не позарится ни один покупатель, как бы невзыскателен он ни был. Поэтому дорийцы обычно продают своих пленников сарраассанским магам и некромантам.

– И что же с ними сделают некроманты? – дрожащим голосом спросила Мэйлинн.

– Их тела станут вместилищами для демонов, пойманных этими магами смерти. Но сначала их будут ритуально мучать, поскольку для призыва демонов нужны не только кровь и огонь, но и эманации боли и ужаса, – с каждым произнесённым словом Каладиус мрачнел всё больше.

– Ассова задница! – Кол ударил себя кулаком в раскрытую ладонь. – Разве можно такое допустить?

– А что ты предлагаешь? – тут же отреагировал Варан. – Напасть на конвой? Перебить охрану?

– Да, дьяволы их раздери! Именно это я и предлагаю. Нельзя оставить это вот так. Неужели ты сможешь спать ночами, осознавая, что не сделал ничего, чтобы это остановить?

– Поверь, дружище, я видел куда более жуткие вещи, но это никогда не лишало меня сна, – усмехнулся Варан.

– Охотно верю, – маска доброжелательности в отношении Варана, которая уже успела, казалось, прирасти к лицу Кола, начала понемногу сползать. – Но, хвала богам, тут далеко не все придерживаются столь приспособляющейся жизненной философии.

– Я согласен! – подхватил Бин. – Мы должны что-то сделать.

За прошедшее время Бин старательно пытался хотя бы выглядеть взрослее и серьезней. Он упорно отпускал свою светлую мягкую бородёнку, тщаь придать лицу больше мужественности, хотя эта юная, не бритая ни разу бородка наоборот придавала ему ещё больше какой-то детской наивности. Бин старательно копировал манеры своих старших товарищей. Вот и сейчас он пытался придать своей фигуре больше значимости и спокойствия, но мелко дрожащие руки выдавали его с головой.

– Мы должны что-то сделать! – повторила Мэйлинн. Глаза её были наполнены слезами, а нижняя губа прикушена до крови.

– Подумай вот о чём, – отозвался Варан. – Ну отобьём мы этих несчастных. Возможно, это даже не составит для нас ни малейшего труда, учитывая, что с нами великий маг. Но что ты станешь делать с ними дальше? Возглавишь колонну и поведёшь их назад, через Дорию? До Пунта два дня пути, но они преодолеют этот путь, самое меньшее, за неделю. Ты будешь сражаться с каждой ордой, что попадётся тебе по дороге? Не говоря уж о том, сколько внимания ты к себе этим привлечёшь!

Каждый довод Варана, словно нож, вонзался в сердце Мэйлинн, и она поникала всё ниже, а по щекам разливалась смертельная бледность. Видя это, вновь не выдержал Кол:

– Да уж! Речь, достойная мастера Теней, способного думать только о собственной шкуре! Мессир! – в отчаянии обратился он к магу. – Ну почему вы ничего не скажете на это? Неужели и вы тоже согласны с доводами нашего *приятеля*?

– В данном случае моё мнение ничего не значит, – покачав головой, проговорил Каладиус. – Поскольку это – не мой поход и не моё *искание*. Мы – лишь инструменты Мэйлинн, служащие лишь одной цели – её поиску Башни. Поэтому в такие моменты нам должно лишь исполнять её волю. Я лишь позволю себе напомнить, что путь к Башне – это не есть простая совокупность шагов к некоей географической точке.

Варан поморщился, поняв, что у него нет союзников в этом споре. Глядя на Мэйлинн, в её решении сомневаться не приходилось.

– Может быть, мы просто выкупим их? – с надеждой спросила Мэйлинн, поднимая голову.

– Глупости! – фыркнул Варан. – Они возьмут деньги, но уже к вечеру все эти люди вновь будут брести на юг.

– Не считая того, что имеющихся у нас денег может и не хватить, – добавил Каладиус.

– Но мы всё-таки должны попытаться, – твёрдо сказала Мэйлинн. – Прежде чем...

Она не договорила, но каждому было понятно, каково было бы продолжение фразы. Варан тяжело вздохнул и быстрым движением проверил, легко ли вынимается меч из ножен. Затем похлопал себя по бокам, убеждаясь, что метательные ножи на месте. Поскольку расстояние до дорийцев сократилось до пары сотен футов, наши путешественники остановились, поджидая надвигающийся караван.

Дорийцы, которые тоже давно заметили рыдван и всадников, выдвинулись вперёд. Лишь с полдюжины кочевников остались по бокам вереницы пленников, остальные же, пока не обнажая оружия, обогнали свой караван шагов на пятьдесят, приблизившись к путешественникам.

– Вы могли бы поговорить с ними, мессир? – робко спросила Мэйлинн, видимо, ожидая в ответ очередную тираду о поисках, исканиях и башнях. Однако, к её облегчению, Каладиус коротко кивнул и спрыгнул с козел рыдвана на землю.

Медленно шагая, держа руки так, чтобы всем было видно, что они пусты, Каладиус направился к ожидавшим его дорийцам. Те, в свою очередь, остановились, дав также знак остановиться и колонне невольников. Затем от их плотного отряда отсоединился один из дорийцев – дородный, высокий, с правильными чертами лица.

– Кто вы? – выкрикнул он, когда расстояние между ним и Каладиусом сократилось до двадцати ярдов.

– Мы – путешественники, – на очень хорошем дорийском языке отвечал маг. – Направляемся в Пунт.

– Что за дело у вас в Пунте? – с лёгкой насмешкой произнёс предводитель. – Там сейчас смерть и разрушение.

– Наши дела касаются только нас, – Каладиус знал, как говорить с кочевниками, которые уважали любое проявление силы. – Но у нас есть дело и к вам. Меня зовут Каладиус. Как мне обращаться к тебе, воин?

– Я – Кухрат, стремянный хана Патыра.

– Да продлятся твои дни на этой земле, почтенный Кухрат, – маг при этих словах протянул вперёд руку с раскрытой к небу ладонью, как это делают при приветствии дорийцы.

– И твои также, достопочтенный Каладиус, – так же ответил кочевник. – Вижу, ты знаком с нашими обычаями.

– Я много путешествовал, и бывал в разных местах, почтенный Кухрат.

– Какое же дело у тебя к нам, уважаемый?

– Моё дело – у тебя за спиной. Эти люди, жители Пунта. Я хочу купить их у тебя.

– Что ж, это дело хорошее, – холодно улыбнулся Кухрат. – Если уважаемый Каладиус заплатит сполна, мы продадим их. Но для чего тебе столько рабов?

– Разве торговец, продавая лошадь, станет спрашивать покупателя, что тот намерен с ней делать?

– Ты прав, конечно не станет. Только двадцать дюжин рабов – это не лошадь.

– Сложно не согласиться, – поклонился Каладиус. – Что ж, я хочу освободить их. Моим спутникам претит такое обращение с людьми.

– Они – слабые люди, поэтому должны быть рабами, – на лице кочевника проявилась брезгливость. – Посмотри туда, уважаемый, среди этого стада есть даже мужчины, если можно их так назвать. У них была возможность умереть, сражаясь, но они предпочли сдаться без боя.

– Они – простые колоны, доблестный воин, – Каладиус тщательно постарался, чтобы в его голосе не прорезалась ирония. – Их дело – соха и серп. Они – не воины.

– Все мужчины должны быть воинами! – отрезал Кухрат.

– Хорошо, оставим этот спор, ведь он ничего не меняет. Я предлагаю сделку. согласишься ли ты на неё?

– Я уже сказал, что соглашусь, если мы сойдёмся в цене.

– И какова будет твоя цена, уважаемый Кухрат?

– Мы планировали выручить за них в Саррассе сто золотых корон.

– Недурно! – одобритительно кивнул Каладиус. – Я мог бы предложить вам тридцать.

– Ты смеёшься надо мной, почтенный? – воскликнул кочевник. – Да я лучше перережу их прямо сейчас, чем отдам за такую ничтожную цену!

– Подумай лучше, уважаемый Кухрат. До Саррассы ты будешь идти, самое меньшее пару месяцев. За это время три четверти этих несчастных будут уже мертвы. За оставшихся некроманты не дадут и десяти корон.

– Я не первый раз вожу караваны в Саррассу. И я знаю, что приведу туда шестерых из каждых десяти рабов. И получу за них сто золотых корон. Я готов сбросить двадцать корон, поскольку ты избавишь меня от утомительного перехода, но более убавить не могу. По возвращении я должен отдать шестьдесят корон хану Патыру. Мне и моим людям тоже должно что-то перепасть. Поэтому восемьдесят – моя окончательная цена.

– Я должен посоветоваться со своими друзьями, – дёрнув щекой, проговорил Каладиус.

– Хорошо, только недолго. Ты сам говоришь, что путь у нас впереди долгий. Незачем удлинять его лишним ожиданием.

– Это займёт не более двух минут, – заверил Каладиус, направляясь к карете.

– Ну что? – спросил Кол.

– Они требуют восемьдесят золотых корон, – глухо ответил маг.

– Вот это да! – усмехнулся Варан. – Весьма недурно!

– У нас есть такие деньги? – с надеждой спросила Мэйлинн.

– Даже если я вытрясу всё до последнего медяка, я едва наберу половину нужной суммы, – мотнул головой маг.

– А как же векселя, о которых вы нам говорили? – вспомнил Бин.

– Они в Лоннэ, – поморщился Каладиус. – Кто же знал, что так получится. Кроме того, для нас сейчас они не имели бы никакой ценности. Сложно представить, что достопочтимый Кухрат направится в какое-нибудь отделение Имперского банка, чтобы обналичить бумаги!

– Значит, остаётся драться? – ровным голосом спросил Кол. У Мэйлинн последняя кровь отхлынула от щёк.

– Остаётся драться, – кивнул Каладиус. – Однако, я хочу попробовать убедить их. Я скажу ему, кто я такой, может быть это вселит в него больше сговорчивости.

– И когда это вы стали таким мягкотелым, мессир? – усмехнулся Варан. – Если верить легендам, раньше вы были куда более решительным и даже жестоким! Не лучше ли нам ударить неожиданно? Всё-таки у них, самое меньшее, четырёхкратное преимущество перед нами.

– Спасибо, что напомнили мне, мастер Варан, – сухо ответил Каладиус. – Что я должен оставаться человечным сейчас, коли хочу искупить свои былые поступки.

– Вы правы, мессир! – воскликнула Мэйлинн. – Попробуйте их убедить, попробуйте их запугать. Лишь бы не допустить крови.

– Я попробую, дитя моё, – мягко кивнул Каладиус. – Но я бы попросил вас быть готовыми к бою. Скорость и решительность могут стать решающими факторами.

Мэйлинн поникла головой, мужчины лишь скупой кивнули. Каладиус повернулся и медленно зашагал обратно к дорийцам.

– Ну что решили ваши спутники? – прищурившись, осведомился кочевник.

– Я скажу прямо, почтенный Кухрат, как и должно говорить с воином. У нас нет тех денег, которые ты назвал. Но нам всё равно необходимо освободить этих несчастных. Если придётся, мы сделаем это силой.

– Вас всего лишь шестеро! – засмеялся работорговец. – Среди которых один старик и одна женщина!

– Я – не просто старик, – маг посмотрел прямо в глаза кочевнику. – Я – знаменитый маг Каладиус. Ты мог слышать обо мне. Я – великий белый колдун, что живёт в пустыне Туум. А женщина – тоже не просто женщина. Она – могущественная лиррийская магния. Поэтому вы не сможете тягаться с нами. Сбереги своих людей, почтенный Кухрат, уступи нам свою добычу.

– На старости лет мой дед убеждал всех встречающих, что он – сын Звёздной Кобылицы²⁰, – осклабился Кухрат. – Вот только я всегда точно знал, что он – обычный беззубый старый хрен.

– Это твоё последнее слово, воин? – тяжело сдвинул брови Каладиус.

– Нет, – рыкнул кочевник. – Вот моё последнее слово!

С этими словами он выхватил кривую саблю и замахнулся на мага. Расстояние между ними составляло около двадцати шагов, так что этот жест был скорее рисовкой, нежели реальной угрозой. Однако Кухрат пустил своего коня вскачь, а вслед за ним, увидев финал переговоров, с места сорвались, улюлюкая, остальные кочевники.

Каладиус сделал быстрое движение руками, и из земли вырвалась стена песка и мелких камней, похожая на те песчаные струи, что пленили Варана. Лошадь Кухрата налетела на эту преграду, пронзительно заржав. Спустя мгновение и лошадь и всадник под действием набранной инерции перевалились через, а скорее даже провалились сквозь эту стену. Однако, они оба были уже бесповоротно мертвы. И всадник, и лошадь были обезображены так, словно их неделю болтали в бочке, наполненной мелкой каменной крошкой.

Ширина воздвигнутой Каладиусом песчаной стены не превышала двадцати футов, так что остальные кочевники просто обогнули её с двух сторон. Однако Каладиуса уже не было на месте – он спешил назад, к рыдвану. Кол, Бин и Варан, а также слуга-повар, уже готовились принять удар. Мэйлинн, находясь в карете, достала свой арбалет.

Безумно вопящие дорийцы быстро приближались, размахивая своими саблями. Пятёрка наших бойцов сосредоточилась близко друг к другу. Воевать с дорийцами верхом – чистое безумие. Да и вообще – встретить грудью мчащихся лошадей – тоже поступок не из самых умных. Однако, выбирать не приходилось.

– Ну же, мессир! – воскликнул Кол. – Покажите, на что вы способны! Иначе они сомнут нас!

И мессир показал. Никаких эффектных пассив руками, никаких магических формул, произнесённых на непонятном языке. Какое-то нервное, короткое движение рукой, и два ближайших всадника вдруг словно сметаются порывом ветра вместе с лошадьми. Словно две нелепые игрушки, они пролетают в паре футов над землёй, причём одна из лошадей по пути цепляет ещё одну, мчащуюся навстречу. Конечно, это не то, чего хотел бы Кол – он бы, несомненно, предпочёл сейчас небеса, рухнувшие на врагов, землю, разверзшуюся под их ногами, или, на худой конец, полчища каких-нибудь крылатых бестий, сожравших бы дорийцев вместе с их лошадьми. Увы, пока Каладиус никак не походил на самого легендарного мага в истории.

Тренькнул арбалет, а затем – ещё раз. Молодец Мэйлинн! – два дорийца слетели с седел. Но остальные наконец добрались до обороняющихся. Бин только и сумел, что отпрыгнуть в сторону, дабы не попасть под копыта. Варан оказался более результативным. Уже получивший ранее навык борьбы с всадниками, он в последний момент плавно ушёл от столкновения с лошадьё, не забыв полоснуть её и всадника. Кол успел лишь подставить меч, парируя удар сабли, и от силы этого удара упал на одно колено. Однако и всадник, не рассчитав сил, рухнул вслед за ним, упав в трёх шагах позади, однако тотчас же вскочив на ноги. Началась рукопашная, в которой, однако, дориец оказался далеко не так удачлив, вскоре рухнув с раскрытым черепом.

Весьма необычное оружие имел слуга Каладиуса. В его руках появилось нечто, напоминающее посох, но оба конца его оканчивались недлинными лезвиями около пяти дюймов в длину. Немолодой уже слуга вертел этот посох с такой скоростью и с такой удивительной лёгкостью, что буквально загипнотизировал своего противника, который, скача на своего врага, тем не менее, так засмотрелся на завораживающие движения этого удивительного оружия, что спохватился, наверное, лишь тогда, когда один из бритвенно-острых концов полоснул его по горлу. Однако, было уже поздно, и кочевнику только и осталось, что слететь с лошади и забиться в агонии неподалёку от своего убийцы.

Остальные дорийцы проскакали мимо, чтобы развернуться и пойти на следующий круг. Однако судьба их товарищей не могла не озадачить кочевников, поэтому они решили проявить больше осторожности и не приближаться к людям, оказавшимися столь хорошими воинами.

Каждый из дорийцев был вооружён коротким луком, перекинутым через плечо. Теперь же они, остановившись примерно в полусотне шагов от своих противников, быстрыми движениями скинули луки и натянули тетивы. Дело принимало дурной оборот. На таком расстоянии маленький арбалет Мэйлинн был не слишком-то эффективен, поскольку был предназначен для ближнего боя. За отведённое время лирра успела перезарядить своё оружие и выстрелить. Но миниатюрные и достаточно лёгкие болты с трудом преодолели расстояние, при этом довольно сильно уйдя с траектории. Один болт всё-таки попал в лошадь, отчего та вздыбилась и заржала. Второй же безвредно шлёпнулся где-то в желтеющую траву.

И вот десяток стрел, сорвавшись, полетел в наших друзей. Дорийцы просверливают в наконечниках стрел небольшие отверстия, отчего стрела начинает весьма неприятно выть, или, скорее, визжать в полете. Чтобы не попасть под стрелы, обороняющиеся рванули под защиту рыдвана. Хвала богам, все стрелы прошли мимо, не задев ни людей, ни лошадей.

Тут же в ответ хлестнул очередной пылевой пояс, зацепив ещё одного всадника, истрепав его вместе с лошадьё. Очевидно, Каладиус испытывал предпочтение к стихийной магии земли. Мэйлинн это немного удивляло, поскольку для лирр наиболее простой формой магии всегда считалась стихийная же магия огня. Будь она сама сейчас в магической форме, скорее всего, просто метала бы огнешары. Конечно, управлять ими невозможно, равно как и точно целиться, но зато они расходуют минимум сил на *сосредоточение*. Однако, каждый маг сам решает, что для него лучше, и Мэйлинн не собиралась учить Каладиуса, что ему делать.

– Они перестреляют лошадей! – воскликнул Кол.

Действительно, одна из стрел второго залпа угодила в тягловую лошадь. Та забилась в упряжи, пугая остальных. Лошади рванули с места, однако, как оказалось, слуга мага успел поставить ручной стопор колёс, поэтому тяжёлый рыдван, дёрнувшись с места, вновь встал. Однако из-за резкого рывка Мэйлинн не удержалась на ногах и упала на землю. А кочевники вновь готовили стрелы для третьего залпа.

– Мессир! – взревел Кол, однако Каладиуса не нужно было подгонять.

На этот раз маг не ограничился небрежными взмахами рукой. Он поднял обе руки вверх, полuzакрыв глаза. И спустя мгновение вокруг спрятавшихся за каретой людей на рас-

стоянии около двадцати шагов зашевелилась трава, словно от внезапно набежавшего ветра. Только ветер этот дул строго по окружности, центром которой был Каладиус. Спустя короткое время вокруг путешественников бешено вращался самый настоящий торнадо. Он без труда унёс стрелы, пущенные кочевниками. Поднятая пыль и вырванная с корнем трава взмывали в воздух, отчего окружающий мир словно пожелтел и выцвел.

– Быстро на лошадей и туда! – выкрикнул Каладиус. – Я удержу смерч ещё несколько секунд, а когда он закончится, вся надежда на ваш натиск.

Надо отдать должное сарраассанским скакунам. Возможно, все они ранее использовались в кавалерии, либо были вымуштрованы самим магом, но происходящее вокруг не вызывало в них слишком уж сильной истерики. Они, конечно, нервно переступали ногами, хрипя и скаля зубы, но сбегать, похоже, не собирались. Подстать коням были и всадники. Не успели отзвучать слова мага, как Варан уже был в седле. Ненамного отстали от него Кол и баинин-повар. Последним в седло запрыгнул Бин.

– Бин, останься! – крикнула поднимавшаяся уже Мэйлинн. По виску её стекала тоненькая струйка крови, видимо, при падении она ударилась об экипаж, однако она уже заряжала свой арбалет, готовясь стрелять, как только представится возможность.

– Вот ещё! – Бин взглянул с такой обидой, что лирра даже опустила глаза, сосредоточившись на оружии.

– Вперёд! – воскликнул Кол, бросая коня навстречу врагу. Четыре всадника поскакали к воздушной стене, отделявшую их от дорийцев. Однако, спустя какие-то пару секунд вслед за ними помчалась пятая лошадь. На её спине сидела лирра, сжимая в руке арбалет.

Ещё через секунду смерч резко стих. Вниз посыпалась трава, пыль оседала куда медленнее. Преграда сыграла свою роль, скрыв от кочевников то, что происходило внутри, поэтому когда из пылевого столба выскочили пять лошадей, для них это стало полнейшей неожиданностью. Дорийцы наскоро пустили свои стрелы, но, к счастью, все они прошли мимо. А ещё через несколько секунд произошло столкновение.

Бин и Кол, не имевшие навыков кавалерийского боя, просто направили своих более мощных и крупных, нежели дорийские лошади, коней прямо на врага. Те сшиблись грудью с оторопевшими дорийками, отчего последние, печально заржав, едва не повалились на землю. С большим трудом кочевникам удалось удержаться в сёдлах, однако парировать удары они уже не смогли. Легионерский меч Кола ударил наотмашь, глубоко врезавшись в плечо дорийского воина чуть ниже шеи. Лишь невероятным усилием Кол сумел не выпустить рукоять из рук, когда поверженный враг стал валиться с лошади. Бин же ткнул своего врага кинжалом в грудь, но попал куда-то подмышку. Дориец ухватился за руку Бина, и они оба рухнули вниз. Буквально в последний момент Бин сумел высвободить правую ногу из стремени.

Варан на удивление ловко действовал своим полуторным мечом. На полном скаку он ударил своего врага, однако тот успел заблокировать клинок луком. Твёрдое гладкое дерево не поддалось, лезвие скользнуло по крутому изгибу вниз, найдя на своём пути пальцы кочевника. Вниз полетело три пальца – два из них были срублены под корень, от безымянного же на руке дорийца осталась лишь одна фаланга. Кочевник взвыл от боли, лук выпал из рук, но лишь для того, чтобы беспальный схватил свою саблю. Однако ему пришлось действовать левой рукой, поскольку правая была искалечена ударом. Варан резко осадил Суховея, заставив его совершить какой-то немыслимый кульбит, но тем не менее ему удалось спустя какое-то мгновение оказаться за спиной окровавленного противника и, не мешкая, вонзить ему меч между лопаток. Молниеносное движение – и клинок, обгагрённый кровью, вновь оказался на свободе, а тело дорийца мешком повалилось на траву.

Повар держал своё оружие, словно лёгкое копье на уровне головы. Его противник, так же, как и противник Варана, не успел сменить лук на саблю, поэтому баинин беспрепят-

ственно резким колющим ударом пронзил врага. Острый посох мелькнул, словно змеиный язык – на долю мгновения погрузившись в плоть дорийца, и тут же вернувшись обратно. Ещё один враг был мёртв. Ловко перехватив посох в другую руку, повар нанёс размашистый режущий удар по кочевнику, чью лошадь ранила Мэйлинн, и который сейчас стоял на земле, натягивая лук и целясь в баинина. Стрела сорвалась на мгновение раньше и глубоко вонзилась в плечо слуги мага, буквально пригвоздив руку к туловищу, однако его оружие, уже готовое к удару, успело прочертить кровавую полосу на лице дорийца. Затем посох выпал из ослабевшей руки, а сам повар стал медленно крениться на бок, пока не завалился совсем. Увы, он, вероятно, был уже без сознания, поскольку не сумел вынуть ногу из стремени, и скачущий конь поволок раненого по степи. Благодарение Арионну, конь был приучен к подобным схваткам, поэтому, замедляя ход, он проскакал ещё пару сотен футов, а затем остановился, подёргивая боками, словно пытаясь освободиться от неудобного груза.

Мэйлинн не стала пускать своего коня напрямик на врагов. Ей это было и не нужно. Она прыгнула в седло, чтобы приблизиться на убойное расстояние, чего она и добилась с успехом. Лирра оказалась быстрее и точнее, чем дорийцы. Те ещё только натягивали тетивы, чтобы пронзить девушку стрелами, когда она, на полном скаку, дважды спустила курок. Два кочевника рухнули с лошадей. Сама же Мэйлинн стрелой промчалась мимо, не дав возможности врагам взять её на прицел. В очередной раз она мысленно поблагодарила Кола за столь удачное приобретение. Отпустив поводья и целиком доверившись лошади, она ловко стала перезаряжать своё оружие, чтобы затем пойти на новый смертоносный круг.

Очередная пылевая лента хлестнула ещё одного дорийца, начисто содрав бок лошади, так что ярко забелели рёберные кости. Но не менее жёстко она обошлась и с всадником – его правую половину словно стесало огромным точильным кругом. Было очевидно, что Каладиус также не выбыл ещё из игры, несмотря на то, что поддержание пылевого смерча далось ему заметно тяжело.

На поле боя осталось всего три врага. Да ещё один, раненый, возился сейчас на земле, сплетаясь в смертельный клубок с Бином. На помощь Бину немедленно пришёл Кол – сразу же, покончив со своим врагом, он осадил коня и соскочил на землю. Подбежав к дерущимся, он, боясь зацепить Бина, ударил рукоятью меча по голове дорийца. Тот, ослабил хватку и, слегка оглушённый, откатился на бок. Тут же Кол пригвоздил его к земле. Затем он подбежал к ошалело поднимающемуся Бину. Тот был весь в крови, однако порезов и ран, как будто бы, не было. Скорее всего, вся эта кровь натекла из раны, которую Бин нанёс врагу кинжалом. Однако же Бин, кривясь от боли, держался бицепс правой руки, и в этом месте на рубашке также расплывалось небольшое кровавое пятно.

– Что случилось? – встревоженно крикнул Кол.

– Этот гад меня укусил! – словно сам не веря своим словам, выдохнул Бин. Он был бледен, как мел, видимо, никак не мог прийти в себя после этой неожиданной рукопашной.

– Ладно, это не страшно! – облегчённо засмеялся Кол. – Ну поздравляю тебя, дружище! Теперь ты – настоящий воин!

Бин вдруг согнулся, и его обильно вырвало.

Видя полнейший разгром, оставшиеся трое дорийцев погнали коней на север, мимо рыдвана, мимо оторопевших невольников, к кочевьям хана Патыра. Правда, далеко уйти им не дали. Варан и Мэйлинн уже мчались им вслед. Когда кочевники поравнялись с экипажем путешественников, очередной удар нанёс и Каладиус. Снова мощная воздушная волна, сбившая с ног одного из всадников и протащившая его, вместе с лошадью, около полусотни футов. Варан соскочил с лошади, чтобы добить несчастного, но это уже не потребовалось: он был весь переломан собственной лошадью.

Оставшиеся двое кочевников успели доскакать до тупо стоящей толпы рабов, и даже почти добраться до стоящих в конце колонны воловьих упряжек, но дальше уйти они уже

не смогли. Сарраसानец Мэйлинн сумел сократить расстояние до убегающих настолько, что она вновь смогла воспользоваться своим арбалетом. Болты врезались в спины кочевников, сбросив их на землю. Всё было кончено. Все дорийцы были убиты, либо тяжело ранены.

Глава 29. После боя

Бой закончился, и пришло время подвести его итоги. В целом они были более чем впечатляющими. Все враги разгромлены, потери – минимальны. Каладиус, Мэйлинн, а вслед за ними и Кол с Бином тут же помчались к раненому баинину. Он так и лежал на земле рядом со своей лошастью, а нога его всё ещё находилась в стремени. Он был совершенно неподвижен.

Подбежав, Кол первым делом аккуратно освободил ногу повара от стремени, а затем бережно положил его так, чтобы стрела торчала вверх, и рана была максимально доступна для осмотра. Баинин был без сознания.

Каладиус начал осмотр. Первым делом он нашёл пульс и с облегчением понял, что слуга ещё жив. Теперь необходимо было осмотреть рану. Стрела, пущенная с расстояния в два-три шага, могла уйти очень глубоко. Но и тут после беглого осмотра маг испустил вздох облегчения. Стрела действительно ушла глубоко, но, хвала богам, первой на пути ей попала рука. Рука была прошита насквозь, а наконечник застрял где-то между рёбрами, однако было очевидно, что он засел неглубоко. Прислушавшись к дыханию, волшебник определил, что лёгкие не задеты. И вообще, похоже было, что рана совсем не так опасна, как казалось вначале, а обморок объяснялся болевым шоком и потерей крови.

– Ну как он? – Мэйлинн по лицу мага видела, что дела не так ж плохи, и потому рискнула задать вопрос.

– Хвала Первосоздателю, милая, кажется, рана не смертельна, – поднял глаза Каладиус.

Мэйлинн быстро поднесла к губам скрещённые указательный и средний пальцы правой руки, и поцеловала их. Бин впервые за всё время увидел, чтобы лирра возблагодарила Первосоздателя этим протокреаторианским знаком.

– Могу я попросить у вас каплю вашего чудодейственного эликсира, дорогая? – осведомился маг.

– О, конечно же! – воскликнула Мэйлинн, быстрым движением извлекая фиал.

– Но сначала неплохо было бы извлечь стрелу, – хрипло проговорил Кол. – Если позволите, у меня в этом деле немалый опыт.

Маг, кивнув, уступил своё место легионеру. Тот, достав кинжал, присел на корточки рядом с раненым. Стрела торчала из руки примерно на полтора фута. Плотно сжав губы, Кол крепко зажал в кулак основание стрелы, затем, вдавив большим пальцем другой руки лезвие кинжала в древко чуть выше, шумно выдохнув, резко, но осторожно сломал стрелу. Но, насколько бы аккуратно не была проделана операция, она, должно быть, причинила немалую боль раненому, поскольку он застонал и открыл глаза.

– Спокойней, друг, – заговорил Кол. – Потерпи немного. Скоро всё будет хорошо. Как зовут этого воина? – обратился он к Каладиусу.

– Пашшан.

– Спасибо тебе, Пашшан, – проговорил Кол на какой-то смеси баининского и имперского, кладя руку на раненое плечо. – Ты – настоящий воин и отличный друг! Не говоря уж о том, что ты – просто превосходный повар.

С этими словами Кол, твёрдо удерживая обломок стрелы между рукой и туловищем раненого, резко дёрнул руку баинина вверх, освободив её от стрелы, оставшейся торчать в теле. Из сквозной раны хлынула кровь, но тут уже наготове был Каладиус. За то время, пока Кол возился со стрелой, он успел смешать каплю эликсира Мэйлинн с водой в своей фляге, и теперь стал обильно поливать обе ранки получившимся раствором. Как всегда, он сработал великолепно – кровотечение стало заметно слабеть, а судорожно сжатый кулак Пашшана разжался, поскольку боль в руке отступала.

– Ну, друг Пашшан, тебе сказочно повезло! – между тем продолжил Кол, оглядев рану. – Стрела не задела ребра, да и вошла-то всего на каких-нибудь пару дюймов, не больше. Считай, что ты – невероятный везунчик. Будь это саррассанская стрела, её пришлось бы вырезать из раны, а тут...

Резкий, но точно рассчитанный рывок, сдавленный болезненный крик баинина – и обломок стрелы уже в руке Кола. В следующее же мгновение Каладиус стал поливать рану снадобьем, которое, как обычно, не подвело. Не прошло и минуты, как раненый стал дышать ровно, с глаз упала мутная пелена боли, а щеки стали слегка розоветь.

– Отлично! Мастерская работа, центурион! – без тени иронии похвалил маг.

– Я тоже так думаю, – без ложной скромности ответил Кол. – Теперь нужно перенести его в наш экипаж.

Кол осторожно подхватил было Пашшана под мышки, а Бин уже приготовился взять его под ноги, когда раненый, поняв, что с ним собираются делать, начал что-то протестующе лопотать на баининском, пытаясь освободиться от хватки бывшего паладина.

– Ишь, чего выдумал! – на имперском воскликнул Кол. – Так я тебе и позволю идти самому!

Однако Пашшан был настроен весьма решительно, и в конце концов пришлось ему уступить. Надо сказать, что он без особых проблем встал на ноги, и довольно бодро зашагал к рыдану, даже без поддержки сердобольного Кола.

Друзья здорово воспрянули духом – сражение завершилось весьма и весьма успешно. С лёгкими сердцами все двинулись вслед за баинином, и обратили внимание, что навстречу им идёт Варан, обтирающий лезвие своего меча куском какой-то ветоши.

– Удачный бой, – подходя к остальным, проговорил Варан. – Я, было, уж засомневался в его исходе.

– И то верно, – подхватил Кол. – Мессир, признаться, я ожидал большего от столь могущественного мага!

– Обычный дилетантский подход, – фыркнул Каладиус. – Люди, не знакомые с основами магии, обычно считают, что великий маг может заставить расступиться воды моря или повелеть земле поглотить вражеское войско. А вы никогда не задумывались, любезный друг, что будь это так, то люди вашей профессии остались бы без работы? Ну действительно – к чему тратиться на содержание войска, если его затем одним ударом приشلёпнет какой-нибудь чародей?

– И что же вам мешает приشلёпнуть войско одним ударом? – смутившись, полюбопытствовал Кол.

– Законы природы, – веско ответил маг. – Или законы Первосоздателя, или же Неведомого – тут уж каждый имеет право сам выбрать себе точку зрения. Но в мире ничего не возникает из пустоты, для всего надобна первопричина, для всего надобна энергия. Магу дано бесконечное в своём могуществе поле *возмущения*, но черпать из него каждый может лишь в силу своих возможностей. Ведь каждое действие имеет своё противодействие, и чем больше ты хочешь получить, тем больше должен потратить. Лирры частично решили эту проблему, точнее, боги решили её за них. Лиррийская магия несколько отлична от магии других рас, поскольку лирры изначально много жертвуют ради неё. Однако и это не означает, что великие лиррийские магии – всесильны. Даже если они сами о себе говорят такое. Я слышал много различных небылиц о той же Дайтелле, но должен вас разочаровать – значительная часть рассказов о её бесконечном могуществе – вранье. Что же касается меня, то сегодня я затратил значительное количество своих сил, подчиняя *возмущение*, поэтому надолго бы меня уже не хватило. Конечно, имей я возможность подготовиться, усилив своё волшебство зачарованными артефактами или определёнными сигилами, я смог бы больше, но только вот

в условиях реального боя далеко не всегда есть возможность прибегнуть к столь сложным инструментам.

– И тем не менее, вы очень помогли нам сегодня, мессир! – вмешалась Мэйлинн.

– Вне всякого сомнения! – подтвердил Кол. – Однако же, теперь надо посмотреть, что там с нашими противниками, ведь кто-то из них мог быть просто ранен.

– Да нечего смотреть, – отмахнулся Варан. – Тут всё в полном порядке. Было шестеро раненых...

– Что значит – было?.. – нехорошо сощурившись, процедил Кол.

– Ровно то, что ты подумал, Кол, – нимало не смущаясь, ответил охотник за головами. –

Их было шестеро, но теперь они все мертвы.

– Ты добил раненых? – лицо центуриона потемнело.

– Ну я как-то сразу понял, что *ты* их добивать не станешь. А кому-то было надо...

– А тебе не пришло в голову посоветоваться с остальными? – казалось, Кол с трудом сдерживает себя.

– Конечно пришло. Но я решил, что вы вновь начнёте их выхаживать в духе того придорожного клоповника, где вы схлестнулись с селянами. Глупо тратить время и ценное снабдьё Мэйлинн на подобные отбросы. Если тебе интересно, то те два субчика, которых вы пытались спасти от ран, наверняка уже мертвы от того количества спиртного, которое они вылакали после вашего отъезда. И стоило ли так стараться ради них?

– Я всё больше и больше восхищаюсь тем, какого напарника мы себе избрали! – вид Кола целиком противоречил его словам.

– Да уж конечно. Я тоже считаю, что в столь чистой и благородной компании должен быть человек, который станет делать за всех грязную работу, потому что кто-то должен её делать, да только все боятся запачкать руки! – кажется, Варан тоже стал понемногу выходить из себя, хотя старался не показывать этого.

– Ах, так ты ещё и благодетель, оказывается! – всплеснув руками, воскликнул Кол. – А мы, неблагодарные скоты, этого не ценим! Только вот я вовсе не считаю, что грязная работа так уж необходима. Я натворил в своей жизни немало зла, но всегда старался действовать правильно и – да, пусть это прозвучит пафосно – благородно.

– Сказал человек, изгнанный из гвардии паладинов, – ядовито усмехнулся Варан.

– Я был изгнан за пьянство, – тяжело отчеканил Кол. – Пьянство – не признак подлости.

– Да, это признак слабости, – парировал мастер Теней.

Все, стоящие сейчас рядом, и не смеющие проронить слова, поскольку это был один из тех моментов, когда вмешиваться нельзя, услышали, как скрипнули зубы легионера.

– Если ты хочешь спровоцировать меня, у тебя ничего не выйдет, – помолчав несколько секунд, выговорил Кол.

– Да меньше всего я хочу тебя провоцировать! – взорвался вдруг Варан. – Наоборот, я хочу стать частью вашей команды, я хочу, чтобы вы приняли меня! Но я убеждён, что подобные отношения нельзя построить на лицемерии. Думаешь, я поверил твоим улыбкам? Ты по-прежнему брезгуешь моим обществом, ты по-прежнему видишь во мне врага! А мне надоело делать вид, что проблемы не существует! Я делаю шаги в вашем направлении, но и вы должны делать ответные шаги! Иначе какой во всём этом смысл?..

– А что касается раненых дорийцев, – помолчав немного и взяв себя в руки, продолжил Варан. – То их нужно было убить. И не потому, что «они бы поступили с нами так же» – мне плевать на эту чушь! Но я не хотел подвергать опасности наш отряд ради их никчёмных жизней. Бьюсь об заклад, что наша святая Мэйлинн тотчас бы принялась врачевать их своим эликсиром, а это значит, что в какой-то критический момент она не смогла бы спасти кого-то из нас. Кроме того, это было бы бессмысленно, потому что эти люди так или иначе умерли бы в ближайшие дни. Их убила бы или степь, или, что вернее, их убили бы эти, – Варан

небрежно кивнул головой в сторону пунтийцев, всё ещё тупо стоящих там, где оставили их погонщики.

– Они не стали бы их убивать, – не так уверенно, как хотелось бы, возразил Кол. – Они – простые колоны. У них не хватит духу.

– Самые жестокие люди на свете – слабаки, – сверкнув свежевставленными зубами, парировал Варан. – Те, кого долго унижали и истязали, никогда не простят своих истязателей. Эти колоны не способны были поднять нож, чтобы защитить свою жизнь, но они зубами разорвали бы этих дорийцев, оставь мы их наедине.

– Ладно, что было – того не изменить, – выдохнув, заговорил Кол. – Дорийцы мертвы, и тут уж ничего не поделаешь. А по поводу лицемерия... Ты неверно меня понял. Да, ты мне не нравишься, и я тебе по-прежнему не доверяю. Но «мои улыбки», как ты их назвал – это вовсе не лицемерие. Это и есть как раз те самые шаги, которые я делаю навстречу тебе. За тебя поручились Мэйлинн и мессир Каладиус. Пока мне этого вполне достаточно. Но я буду продолжать следить за тобой, так что просто старайся не давать мне повода.

– Постараюсь, – пообещал Варан, поворачиваясь спиной и отходя.

– Ну что, – Каладиус выдохнул, будто долгое время был вынужден задерживать дыхание. – Пойдёмте к нашим спасённым. Что теперь нам с ними делать? Мастер Варан прав – мы не можем сопровождать их до Пунта, это крайне неразумно.

– Мы дадим им оружие, и мы дадим им шанс добраться домой. Большого они от нас потребовать не могут, – бросил Кол.

Мэйлинн снова поникла головой, но возражать не стала.

– Добрые люди, – подходя к толпе пленников, громко заговорил Каладиус. – Теперь вы свободны и можете отправляться назад, домой.

В толпе послышался ропот, какие-то вздохи, стенания и рыдания. До людей словно только что дошло, что же произошло на самом деле. Многие просто бессильно опускались в пыль, обхватывая голову руками. Другие обнимались – видимо, друзья или родственники. Мужчины хмуро выходили вперёд.

– У вас есть еда и вода, – продолжал Каладиус. – Теперь у вас есть и оружие. Два десятка сабель и два десятка луков – этого вполне хватит, чтобы постоять за себя. Есть ли среди вас те, кто держал оружие раньше?

Из рядов мужчин вышли двое. Один, седой уже колон с измождённым лицом, а также мужчина помоложе, лет сорока, но однорукий, причём ранение, видно, было получено не слишком давно.

– Я состоял в армии его величества, – заговорил первый. – Но уж двадцать годков, как уволен со службы.

– Я – рядовой Западного пограничного корпуса Лайл Станиш, – представился тот, что моложе. – Был ранен в сражении у Грушовки месяца полтора назад. Меня vyhаживал сельский знахарь, когда нагрянули лошатники.

– Отлично, рядовой Станиш, – откликнулся маг. – Я вижу, что ваша правая рука всё ещё при вас, поэтому, думаю, вы сможете держать саблю.

– Пика мне, конечно, привычней, но и с саблей совладаю, – усмехнулся Станиш.

– Вот и отлично! Значит, вам и быть командиром. А в помощники вам назначаю... Как величать вас, отец? – забавно было слышать это обращение от человека, разменявшего восьмое столетие к человеку, вряд ли дожившему до шестидесяти.

– Бабушем кличут, ваше благородие, – ответил старик.

– Бабуш? – воскликнул Кол. – А нет ли у тебя, часом, родича в Лоннэе? Такой, знаешь, пройдоха, владелец гостиницы на площади Урожая?

– Нет у меня родичей, ваше благородие, – откликнулся старик. – Сыновья померли, жинка померла, братьев и сестёр Арионн не дал. Так что тот Бабуш ко мне никакого родства не имеет. Да и не удивительно – у нас в Пунте это очень распространённая фамилия.

– Жаль, – усмехнулся Кол. – Вот бы порадовал старого скрягу, что родственничка его от рабства спас!

– Ну как-нибудь в другой раз, – пообещал Каладиус. – А пока назначаю вас, господин Бабуш, помощником командира. Что, удержите-то ещё саблю в руках?

– Как не удержать! – самодовольно отозвался однофамилец мэтра Бабуша. – Руки-то, чай, ещё крепкие! И топор держат, и плуг, и косу!

– Вот и славно! Нам бы ещё одного помощника, на всякий случай...

– Я могу, – выдвинулся из рядов рослый мужик, годами близкий к рядовому Станишу. – Я оружия много в руках передержал, разве что владеть им не доводилось. Я – кузнец. Приходилось и пики ковать, и кистени, и даже мечи. Так что знаю, с какого конца за них браться!

– Отлично! Как звать?

– Пал Даруш. Можно просто Гном.

– А не великоват ты для гнома-то? – рассмеялся Кол.

– Да это просто как-то раз на спор выковал я цветок из железа. А тут как раз проезжал один купец мимоходом, завидел его, и стал меня же убеждать, что цветок этот только гномы могли выковать. Так меня люди Гномом и прозвали.

– Добрый мастер! – одобрительно проговорил Каладиус. – Жаль было бы, кабы сгинул-то! А чего ж за себя не постоял, когда дорийцы напали?

– Да струсил я, – простодушно повинился Гном. – Страшно стало за себя, за жену, за деток.

– А где же они? – полюбопытствовал Кол.

– Жинка – тут. И сын старший – тоже, – махнул рукой в сторону толпы кузнец. – А доченька... – в одно мгновение сильное, грубоватое лицо словно размякло и на пыльных щеках показались две светлые дорожки от слёз. – Не выдержала она, померла пять дней тому... Мала была ещё совсем...

– Сочувствую твоей утрате, – склонил голову Кол, услышав, как рядом всхлипнула Мэйлинн. – Но теперь-то трусить не станешь?

– Больше – не стану! – лицо кузнеца вновь стало жёстким, словно выкованным из металла.

– Ну добро! – подытожил Каладиус. – Итак, у нас есть командир и два его заместителя. Все мужчины, способные держать оружие, а также женщины, желающие защищать свою свободу, должны собрать и разделить между собой оружие дорийцев. Затем вам придётся двигаться на север, в Пунт. Дабы избежать ненужных встреч, я бы советовал сперва забирать на запад, до самого предгорья. Сейчас там вряд ли встретятся орды, большинство из них кочуют восточней. Вдоль гор и станете двигаться, пока не доберётесь до Дорона. У самых гор он неширок, хотя и быстр. Но там много бродов, уверен, вы сумеете отыскать один из них. Ну а попадёте в Пунт – там уж будете в безопасности.

– Ты, добрый человек, видно, не знаешь, что творится сейчас в Пунте, – покачал головой старик Бабуш.

– Ну отчего же не знаю, – возразил маг. – Что война идёт – ведаю, и вы – лучшее тому подтверждение. Но я также знаю, что недолго осталось быть той войне. Кочевники, думаю, уже сейчас в большинстве своём ушли назад, в степи.

– Да ладно, коли бы одна война! – вздохнул рядовой Станиш. – С войной-то мы уж как-то смирились, да научились жить. Хотя, конечно, в этом году лошадики чересчур озверели. Но вы верно сказали – война близится к завершению. Иная напасть теперь в южном Пунте. Синивица пришла...

– Быть не может! – воскликнул Кол, но не потому, что не верил в эту возможность, а, скорее, от неожиданности.

– Эх, кабы так... – вновь вздохнул Станиш. – Да только правду я говорю. Откуда пришла – лишь Асс ведает. Говорят – из-за гор. Вроде как в Латионе сейчас мор. А может – беженцы из Приречья принесли. Но как бы то ни было, уже тысячи людей больны и сотни – мертвы.

– А как Лоннэй? – упавшим голосом спросила Мэйлинн.

– Там-то всё и началось, – махнул рукой Станиш. – Город-то был переполнен беженцами. Сейчас город в карантине. Король с семейством уехал на север, в Прайнон. Там, говорят, пока болезни нет. На дорогах кордоны, людей с юга не пускают никуда. Тяжёлые времена ждут нашу страну.

– Плохие вести сообщил ты, рядовой Станиш, – почёсывая подбородок, проговорил Каладиус. – Синивица очень усложняет дело. Трудновато будет пробраться в Найр.

– Трудновато!.. – воскликнул Станиш. – Скажите сразу – невозможно! Дорога в Найр охраняется войсками – мышь не проскочит! Его величество велел разворачивать всех, кто движется с запада, и стрелять, ежели не подчинятся.

– Что ж, и тем не менее нам нужно будет попасть сперва в Лоннэй, а затем – в Найр, – скорее своим спутникам, нежели рядовому Станишу, пробормотал маг.

– Уверен, что вы что-нибудь придумаете, мессир! – не слишком-то уверенно ответил Кол.

– Придётся, – невесело усмехнулся Каладиус. – Ну что ж, молодцы, не будем терять времени, – обратился он уже к освобождённым пунтийцам. – Собирайте оружие, и двигайтесь на запад. Авось всё обойдётся!

– И вот ещё что, – добавил Кол. – Соберите-ка тела в одном месте. Надобно похоронить.

– Будет сделано, – козырнул здоровой рукой рядовой Станиш. – А теперь не могли бы вы назвать нам свои имена, чтобы мы знали, за кого молиться?

– Прости, брат, – ответил Кол. – Но лучше будет, если наши имена останутся при нас. Более того, в благодарность мы просили бы вас не распространяться о нашем отряде. Будет лучше, если вы вообще не упомянете о нас. Это сохранит нас почище всякой молитвы.

– Как будет угодно, – пожав плечами, ответил Станиш. – Думаю, Арионн и так поймёт, за кого мы будем молиться. Я поговорю со своими, чтобы они держали рты на замке.

– Ну вот и отлично! А теперь прикажи людям собрать трупы! – Кол повернулся и встретился взглядом с Вараном. Тот вновь криво ухмылялся.

– У тебя и на этот счёт есть какое-то особое мнение? – холодно осведомился Кол.

– Разумеется, есть, – ответил Варан. – Я не понимаю, зачем нам их хоронить? Просто потеряем время и силы.

– Я отвечу, – кивнул Кол. – Мы их похороним, потому что *должны*. Потому что так делают порядочные люди. Я не хочу, чтобы меня преследовали их призраки.

– Никакие призраки никого преследовать не станут, – усмехнулся Варан. – Единственные, кто могут тебя преследовать – это фантомы, созданные твоей же совестью. Люди, у которых совесть нечиста, склонны видеть знамение там, где есть простое событие, и возмездие там, где есть простое совпадение. Каждую свою неудачу они охотно объясняют мстью неуспокоенных призраков. Но эти призраки – лишь порождения совести. Освободи свою совесть от ненужного груза – и призраки исчезнут сами.

– Хорошо сказано, – холодно улыбнулся Кол. – Только вот на этот раз будет по-моему.

– Нисколько не сомневаюсь, – хмыкнул Варан. – Интересно, почему ты не озаботился похоронить меня там, на Симмерских болотах?

– Я и сам жалею об этом, – с ледяной улыбкой ответил Кол. – К сожалению, тогда у меня просто не было на это времени.

Ещё раз хмыкнув, Варан резко повернулся и зашагал к рыдвану. Какое-то время Кол и Каладиус молча смотрели ему вслед.

– Придётся очень постараться, чтобы выкопать могилы в этой почве, – пробормотал Кол, обращаясь к Каладиусу. – Насколько я знаю, дорийцы ведь хоронят своих людей в земле?

– Да, чтобы те стали травой для Звёздной Кобылицы. Ладно, так уж и быть, – засмеялся маг. – Помогу тебе ещё раз. Яма с меня! Только уж, не обессудь, одна на всех. И засыпать придётся руками.

– Не вопрос, – усмехнулся в ответ центурион. – Уж чего-чего, а рук у нас в избытке!

Глава 30. Синивица

После того, как общая могила дорийцев была засыпана землёй, а Мэйлинн произнесла короткую отходную молитву, недавние невольники медленно двинулись в сторону Анурских гор. Некоторые из уходящих подходили к своим освободителям, горячо благодаря и благословляя их, но основная масса людей словно и не поняла, что произошло. С той же тупой покорностью, с какой они брели навстречу своему рабству, брели они теперь навстречу зыбкой свободе. Два десятка мужчин, вооружённых кривыми дорийскими саблями, скакали на дорийских же лошадях неподалёку от колонны.

– Несчастные, сломленные люди, – прокомментировал Кол. – Навряд ли они когда-нибудь оправятся от этого потрясения.

– Оправятся, – ответил ему Каладиус. – Люди и не от такого оправляются. И этим они также выгодно отличаются от остальных рас.

Мэйлинн ничего не ответила на это. Она лишь печально смотрела вслед уходящим. Замыкал колонну новоиспечённый командир Станиш. Напоследок он горячо пожал руку всем членам освободившего их отряда, включая лирру. Затем, вскочив на коня и отъехав на несколько сот ярдов, он вновь повернулся к путешественникам, которые уже сели на лошадей и продолжили движение на север, чтобы в последний раз отсалютовать им. Друзья в ответ помахали ему руками. На этом каждый из отрядов направился своей дорогой.

Путешествие продолжалось в тягостном молчании. Каладиус словно забыл, что он незадолго до встречи с кочевниками планировал привал. На самом деле, есть сейчас никому не хотелось. Да и повар Пашшан был пока довольно слаб и не мог готовить. Он лежал сейчас в «гостиной» Мэйлинн, погруженный Каладиусом в сон, поскольку оказался весьма неугомонным пациентом, не желающем отдыхать и беречь себя. Кол и Варан на какое-то время оставили игру в приятелей и хмуро скакали по разные стороны рыдвана. Бин, которого всё ещё несколько лихорадило от пережитого, присоединился к Колу. Лирра и маг вновь устроились на козлах рыдвана.

– Ну, парень, я всегда говорил, что из тебя выйдет толк! – просто чтобы что-нибудь сказал, обратился Кол к Бину.

– Угу, – отчего-то Бину совсем не хотелось эту тему.

– Ты повёл себя очень мужественно! – не отставал Кол. – Конечно, тебе нужно ещё потренироваться, но ты неплохо справился со своим противником! Хотя будем теперь иметь в виду, что кинжал – не лучшее средство для конного боя. При случае прикупим тебе меч, тогда вообще станешь непобедимым!

Бин вновь лишь хмыкнул в ответ.

– Представь: скачешь ты такой, весь из себя – конь белый, меч на поясе... Все девки твои...

– Отстань, а, – неожиданно огрызнулся Бин, пуская коня вскачь и обгоняя Кола.

– Переживает парень, – поймав взгляд Мэйлинн, покачал головой Кол. – А зря. Он себя сегодня повёл молодцом!

– Дай ему время, – ответила лирра. – Всё-таки сегодня он испытал на себе, что такое рукопашная. И был ближе, чем когда бы то ни было к смерти. Ему нужно привыкнуть к этой мыслию.

– А вот ты не перестаёшь меня поражать, – пристально глядя на Мэйлинн продолжал Кол. – Ты ведёшь себя, словно заправский легионер. Неужели этому тоже учат в Наэлирро? Вот так вот воспринимать сражения?

– Нет, – усмехнулась Мэйлинн. – Просто я, кажется, очень быстро повзрослела. Порой мне уже кажется, что я всегда вот так вот путешествовала, вот так вот убивала... Боюсь, моё сердце довольно быстро черствеет и ожесточается...

– Ну это вы уж загнули, милочка! – не выдержал Каладиус. – Сдаётся мне, что скорее в пустыне Туум начнут лить дожди и цвести сады, чем ваше сердце хоть сколько-нибудь очерствеет! Так что на этот счёт не беспокойтесь. Просто вы, действительно, чересчур быстро взрослеете и, наверное, становитесь философом. На мой взгляд, это более пристало таким старикам, как я, но, возможно, это и есть тот самый отпечаток Башни, лежащий на Её искателе.

– Я убила сегодня шестерых человек... – помрачнела Мэйлинн. – Но самое ужасное даже не в этом, а в том, что я не схожу с ума, не терзаюсь по этому поводу.

– Может быть, это потому, что ты спасла сегодня две с лишним сотни душ? – парировал Кол. – В таком случае убийство шестерых – наименьшее зло.

– Может быть, – как-то без особого воодушевления согласилась лирра. – Однако мне бы хотелось, чтобы меня возмущало само понятие наименьшего или наибольшего зла.

– Увы, моя милая, в нашем мире есть и иные оттенки, кроме чёрного и белого. Поэтому выбор между наименьшим и наибольшим злом неизбежен. Боюсь, вам не раз ещё предстоит сделать подобный выбор.

– Когда перед человеком стоит подобный выбор, это уже хорошо, – философски заметил незаметно подъехавший Варан. – Большинство людей даже не утруждают себя подобным.

– Это точно, – не удержался от шпильки Кол.

– Удивительная победа, – задумчиво проговорила Мэйлинн. – Вроде бы мы победили, но почему тогда у меня такое нехорошее чувство?

– Привыкай, подруга, – вздохнув, ответил Кол. – Меня это чувство преследовало всю мою легионерскую жизнь. После каждого сражения, когда уйдёт опьянение боя и радость от того, что остался жив, накатывает чувство бессмысленности происходящего. А когда в победе нет смысла, она мало чем отличается от поражения.

– Что-то у нас какие-то мрачные разговоры, – хмыкнул Варан. – А ведь мы всё-таки победили!

– И то верно! Хватит вешать нос, Мэйлинн! Всё хорошо – едем дальше. Через пару дней увидишь детишек!.. – тут Кол вдруг осёкся, вспомнив о страшной вести, которую они услышали от пленников.

– Неизвестно ещё, что с ними, – уныло ответила Мэйлинн, также вспомнив о синивице.

– Неизвестно ещё, пустят ли нас в город, – заметил Варан.

– Неизвестно ещё, нужно ли нам туда, – проговорил Каладиус.

– То есть как? – Мэйлинн изумлённо уставилась на мага.

– А вот так, – не смущаясь, ответил тот. – Не вижу смысла понапрасну рисковать жизнью. Лично мне, конечно, придётся навеститься в Лоннэй, поскольку нам нужны банковские бумаги. Но остальным, я думаю, там делать нечего. Обождёте меня где-нибудь в тихом малолюдном местечке.

– Вот ещё! – выпятила нижнюю губу лирра. – Не вы ли недавно говорили, что в этом походе все решения остаются за мной? Я не могу проехать мимо Лоннэя, не узнав, что стало с крошками и мэтром Бабушем.

– В данном случае, боюсь, мне придётся поменять правила. И на этот раз решать буду я. А я решил, что поеду в город один и пробуду там не дольше, чем это будет необходимо.

– Какая интересная игра, – усмехнулся Варан. – Правила меняются, когда это вам угодно.

– Это не игра, мастер, – несколько жёстко ответил маг. – Я не собираюсь играть в игры, где ставкой будут ваши жизни. Я не думаю, дорогая, – уже обращаясь к обиженной Мэйлинн, Каладиус смягчил тон. – Что от того, попадёте ли вы в город или нет, решится судьба поисков Башни. Поэтому вам лучше будет не рисковать. Если для вас это так важно, я обещаю, что наведаюсь в ту гостиницу и узнаю судьбу детей.

– Мне кажется, мессир, что вы чересчур вольно толкуете мою роль в нашем предприятии, – неожиданно твёрдо заговорила Мэйлинн. – Если мне позволено принимать решения лишь в той степени, в какой они согласуются с вашими представлениями, то не становятся ли мои решения вашими? И не становится ли мой поиск вашим? Я бы просила вас быть более последовательным, или же в определённый момент эта непоследовательность может создать для всех нас ненужные сложности.

Маг, которого, по сути, только что отчитали на глазах нескольких человек, не только не разозлился, а даже скорее наоборот. Он взглянул на лирру с лёгкой улыбкой, а в глазах его плясали огоньки, говорящие о его отличном настроении. Он выглядел словно учитель, чья ученица только что выдержала сложный экзамен.

– Вы совершенно правы, моя юная госпожа, – с ненаигранным почтением произнёс он. – И хотя я по-прежнему против этой затеи, но решение, конечно же, останется за вами.

– Спасибо, мессир, – робко улыбнулась Мэйлинн. – Простите, если обидела вас.

– Ну что вы, дорогая моя! Напротив, вы ещё больше укрепили мою веру в успех всего нашего предприятия. Ежели, конечно, мы не сляжем все от синивицы, – Каладиус не смог удержаться от вполне закономерного скепсиса.

– Не может быть, чтобы великий Каладиус не знал бы, как нам уберечься от заразы! – воскликнул Кол.

– Если бы великий Каладиус знал бы, неужто вы думаете, друг мой, что он не поделился бы своим знанием с миром? – возразил маг. – Увы, тут мы почти ничем не будем отличаться от простых смертных. Единственное, что могу сказать, что болезнь эта, скорее всего, является следствием низкой культуры личной гигиены среди населения Паэтты. Станем чаще мыть руки и лицо специальными бальзамами, поменьше контактировать с людьми – и, ежели на то будет воля Первосоздателя, не заразимся.

– Что ж – и то совет! – с несколько излишней бравурностью ответил Кол.

***

Путь через дорийские степи протекал вполне спокойно. Казалось, что с каждым часом движения на север жара постепенно шла на убыль. Разнотравье степей уже и тут имело вполне ощутимый желтоватый оттенок, только теперь уже это действительно было признаком осени, а не испепеляющей жары.

Пару раз путешественникам встречались небольшие орды, не более пяти дюжин всадников, плюс женщины и дети. Колу до зуда хотелось разузнать, не была ли одна из них ордой хана Патыра, но узнать ему это было не суждено. Бин сильно нервничал и непроизвольно то и дело хватался за рукоять кинжала. Ему мерещились подозрительные взгляды кочевников, словно об их вчерашнем сражении уже знала вся Дория. В такие мгновения к нему поближе подъезжал Кол и тихонько увещевал друга вести себя менее подозрительно. Однако блуждающий взгляд Бина продолжал метаться, выискивая мнимые опасности.

К счастью, кочевники, как обычно, вели себя с людьми, не являющимися жителями приграничных к ним областей, вполне терпимо и даже доброжелательно. Малыши, которым по возрасту ещё не полагалась лошадь, задорно махали пыльными ручками проезжающему рыдвану, что-то весело крича вслед. Мэйлинн с совершенно искренней улыбкой отвечала им тем же, иной раз даже давая подвернувшимся под руку детишкам какие-нибудь угощения.

Мужчины-дорийцы принимали самый невозмутимый вид, лишь украдкой разглядывая небольшую кавалькаду. Женщины же даже не смели поднять глаз, занятые своими делами. В патриархальном обществе дорийцев место женщины было обозначено весьма однозначно и жёстко – всё их существование было необходимо лишь для того, чтобы делать жизнь их повелителя-мужчины максимально комфортной и полной удовольствия.

Так проходил час за часом, утекала миля за милей. Кстати сказать, здоровье почтенного Пашшана улучшалось не по дням, а по часам. Уже на следующий день после ранения, как следует отоспавшись, он уже был в седле, а также вновь баловал своих спутников гастрономическими изысками. Раны в руке и груди будто бы совсем не беспокоили его, хотя иногда, совершив какое-то неловкое движение, он всё же морщился от боли, причём больше всего его беспокоила, очевидно, именно рука.

Следующий после столкновения с дорийцами день прошёл без каких-то особенных происшествий. Ничего такого, что стоило бы упоминания, не происходило. Также не стоил упоминания и весь оставшийся путь до моста через Дорон, которого путешественники достигли ближе к вечеру на четвёртый день с момента отъезда.

– Добрались, – произнёс Кол, хотя особой радости в его голосе не слышалось. Весть о синивице сильно подпортила радость от предстоящей встречи.

– Рано ещё радоваться, – заметил Варан, вглядываясь в противоположный берег. – Если зрение мне не изменяет, там, на том берегу, что-то вроде пропускного пункта.

Действительно, Дорон в этом месте был не шире пятисот футов, поэтому на том берегу хорошо были видны деревянные рогатки, палатки и люди, явно вооружённые.

– Карантинные отряды, – поморщившись, проговорил Каладиус. – Чего доброго, ещё не впускают в страну...

Действительно, миновав совершенно пустой мост, рыдван уткнулся в импровизированный шлагбаум, перегораживающий дальнейший путь. В несколько рядов вдоль берега стояли деревянные рогатки, которые должны были воспрепятствовать движению тех, кто рискнёт обогнуть преграду.

– Они бы так от дорийцев защищались! – сварливо процедил Кол.

Навстречу отряду вышли два человека – сержант и рядовой. В руках сержанта был обнажённый палаш, на плече рядового – внушительных размеров алебарда. Синий жгут, сделанный из скрученной синей тряпки, обвивал руки обоих чуть выше локтей. Действительно, это были карантинные отряды, как и предполагал маг. Каладиус, понимая, что предстоит непростой разговор, знаком приказал всадникам двигаться позади рыдвана, сам же, правя лошадьми, подъехал настолько близко, что первая пара тяжеловозов едва не уткнулась носами в жердь, перегородившую мост.

– Куда направляетесь, сударь? – вежливо осведомился сержант, подошедший к шлагбауму с противоположной стороны.

– Мне бы хотелось попасть в ваш добрый Лоннэй, господин сержант, – как можно более радушным тоном ответил Каладиус.

– Увы, сударь, сомневаюсь, что у вас это получится, – с вполне искренним сожалением отозвался сержант. – Уж не ведаю – знаете ли вы, что у нас тут творится?

– Как не знать, – сокрушённо закивал маг. – Слышал и о войне с лошадиниками, и о синивице.

– Это хорошо, – удовлетворённо кивнул воин. – Тогда мне будет проще объяснить вам, что по специальному указу его королевского величества Аллана Девятого въезд на территорию королевства Пунт без специального разрешения невозможен до окончания эпидемии.

– И где же можно добыть это разрешение?

– Чего не знаю, того не знаю, – пожал плечами сержант. – Моё дело маленькое – спрашивать разрешения, да не пропускать тех, у кого его нет.

– И много народу приходит с разрешениями? – поинтересовался Каладиус.

– Да пока никого не было. Вообще сейчас этой дорогой народ не ходит. Там – дорийцы, здесь – эпидемия. За много дней вы – первые, кто проезжает по этому мосту.

– Но как же нам быть, почтенный? – воскликнул Каладиус. – Мне совершенно необходимо в Лоннэй, но разрешения у меня нет.

– Коли нет разрешения, то не о чем и говорить, – опять же не грубо, а просто констатируя факт, ответил сержант.

– Но моё присутствие в Лоннэе необходимо, – возразил маг. – Я – лекарь из Саррассы. Прослышав о несчастьи, постигшем вашу благословенную землю, я бросил всё, чтобы помочь страждущим. Неужели вы не пустите меня?

– Моя бабка больше похожа на саррассанца, чем этот старик, – довольно громко пробурчал солдат. Вероятно, он хотел сказать это тихо, так, чтобы услышал лишь сержант, но благодаря природной силе голосовых связок не сумел этого сделать.

– Ты прав, почтенный, – при этих словах Каладиуса лицо солдата приняло сконфуженное выражение. – Я сам родом из Латиона, но уже много лет проживаю в Саррассе. Посмотри, мои слуги – тоже частью латионцы, но среди них есть и саррассанец, и баинин. Я – космополит.

– Зачем же лекарю столько слуг? – с лёгким недоверием спросил сержант, очевидно озадаченный последним сказанным магом словом.

– Люблю, знаете ли, путешествовать с комфортом, – пожал плечами маг. – Благо, достаток позволяет.

– И что же, сударь, вы знаете, как излечить синивицу? – спросил сержант, и в его голосе явно прорезалась надежда.

– Увы, друг мой, синивица пока считается неизлечимой болезнью, – искренне вздохнул Каладиус. – Однако у меня есть способы облегчить страдания больных, а главное – средства, которые помогут не заболеть здоровым.

– Можно ли вам верить, сударь? – с сомнением пробормотал сержант, разрываясь между долгом и совестью.

– Посудите сами, почтенный: ну зачем мне вам лгать? Неужели вы думаете, что я направляюсь в Пунт с недобрыми замыслами? Для чего мне может понадобиться пробраться в ваше славное королевство? Я вполне осознаю опасность, которой подвергаю себя и своих спутников, но, тем не менее, я хотел бы проехать. А если вам нужны ещё какие-то доказательства, то вот... – Каладиус порылся за пазухой, и показал сержанту нечто, лежащее на раскрытой ладони.

Почти все спутники мага, за исключением разве что Пашшана, вытянув шеи с любопытством вглядывались в вещицу. Это оказался крупный золотой перстень с большим черным ониксом. Варану не нужно было разглядывать камень вблизи, чтобы знать, что он представляет собой искусно вырезанный человеческий череп. Мастер Теней хорошо знал эти перстни: их носили чернокнижники – высший магический орден Саррассы.

Чернокнижники – орден, поставивший себе задачу докопаться до самой сути вещей, до самой сути бытия. Когда-то очень давно маги-радикалы этого ордена, пытающиеся постичь основы и глубины смерти, как весьма существенной части бытия, стали заниматься некромантией. Позднее некроманты и чернокнижники разошлись, хотя особой вражды между ними не было, но методы некромантов казались большинству чересчур нетрадиционными. Ныне маги-чернокнижники пользовались в Саррассе огромным почтением, и право вступить в орден необходимо было заслужить.

– Что это? – сержант был, видимо, менее просвещён, нежели Варан.

– Это знак ордена чернокнижников, к которому я имею честь принадлежать, – довольно высокопарно ответил Каладиус.

Словосочетание «орден чернокнижников» произвело должное действие – пусть пунтский сержант никогда не видел ониковых перстней, но о самом ордене слышали все.

– Стало быть, мессир не только лекарь, но и маг? – с глубоким почтением осведомился сержант, слегка кланяясь под весом вновь открывшихся обстоятельств.

– Именно так, – важно кивнул головой Каладиус.

– Я думаю, что вам нужно говорить с нашим лейтенантом. Сейчас он отправился с разездом на восток вдоль реки, но скоро должен вернуться. Я бы пропустил вас, мессир, но не могу взять на себя такую ответственность.

– Я понимаю вас, мой друг, – мягко улыбнулся маг. – Я согласен обождать вашего лейтенанта, если вы позволите нам сделать это на берегу. Знаете, чувствую лёгкий дискомфорт от того, что подо мною бежит глубокая река.

– Я открою проход, – поразмыслив некоторое время, решился сержант. – Но поклянитесь, мессир, что вы не сделаете попыток уехать, не поговорив с лейтенантом.

– Несколько прискорбно видеть в вас такое недоверие ко мне, – обиженно выпятил губу Каладиус. – Однако же я дам такую клятву. Клянусь, что ни я, ни мои спутники не сделают шага на север без позволения вашего лейтенанта.

Добряк-сержант вместе с подчинённым солдатом бросился оттаскивать жердину, перегородившую мост. Видно, что ему было стыдно за то, что посмел не доверять такому могущественному человеку, поэтому он старался делать всё как можно быстрее. Таким образом, спустя минуту весь отряд уже стоял на пунтской земле.

Пользуясь случаем, Каладиус приказал повару приготовить что-нибудь, «чтобы скрасить ожидание». Мэйлинн, вновь накинув на себя плащ с капюшоном, решила остаться в рыдване. К ней присоединились Каладиус и Бин. Кол с Вараном же направились к находящемуся неподалёку бивуаку пунтийцев, где гостеприимно дымил костёр и булькала похлёбка в котелке. Не прошло и четверти часа, как оба уже были «своими в доску» парнями для всей дюжины бойцов, коротающих время у костра. Кол было вынул фляжку с вином, хотя сам уже давно старался не притрагиваться к спиртному. Однако солдаты с сожалением были вынуждены отказаться по долгу службы. Но сам жест немедленно вознёс Кола в их глазах на новую высоту.

Лейтенант вернулся, когда солнце опустилось уже довольно низко. К тому времени Пашшан уже приготовил свой великолепный обед, которым с удовольствием угостились не только сами путешественники, но и солдаты. Мэйлинн и Каладиус продолжали держаться особняком, все же остальные давно присоединились к общему кругу, откуда то и дело разносился многоголосый хохот. Языковых барьеров словно и не существовало. Жители Латиона довольно быстро принаровились к несколько необычному, певучему пунтскому выговору; пунтийцы также не привередничали, слыша более резкое и шипящее произношение знакомых слов. Даже баинин Пашшан, который вряд ли понимал хотя бы одно слово из десяти, степенно сидел в общем кругу и время от времени расплывался в широченной улыбке.

Кол был в ударе – он превзошёл себя в количестве и качестве бакк. Несколько раз заслуженная слава рассказчика доставалась и Варану. Бин же подсел к молодому безумному солдатику, его ровеснику, и теперь напропалую врал, описывая свои похождения. Довольно сложно было оставаться в рамках легенды, предложенной Каладиусом, и несколько раз Бин явно сбалтывал лишнего, но пунтийский парнишка едва ли что заметил – он во все глаза смотрел на Бина, казавшегося ему едва ли не самым великим воином со времён Увилла Завоевателя, и слушал во все уши. Бин же упивался славой.

Увы, с тех пор, как в их компании появился сначала Кол, а затем Варан, парню пришлось довольствоваться вторыми и третьими ролями. Он теперь не всякий раз мог улучшить минутку, чтобы поболтать с Мэйлинн, поскольку та была основательно узурпирована Каладиусом, а когда старый хрыч отступал, тут же возникали Кол или Варан. Бин очень тяготился

своим положением в компании, своим возрастом, отсутствием опыта. Он смотрел на всех, даже на Мэйлинн, как ребёнок смотрит на взрослых вокруг. Все они, независимо от числа прожитых лет, прожили такие огромные жизни, что и не снились Бину, который все свои двадцать лет не отлипал от материнской юбки. И вот сейчас Бин полной горстью вкушал сладость славы и обожания, пусть даже от этого зелёного пацана. Хвала Арионну – впервые за долгое время Бин находился рядом с человеком, ещё более неопытным в жизни, чем он сам.

Однако же, мы отвлеклись. Итак, лейтенант вернулся, когда солнце уже вот-вот готово было коснуться горизонта. Поначалу он был страшно недоволен открывшейся ему картиной – солдаты вверенного ему взвода сидели вперемешку с какими-то гражданскими, громко хохотали и вообще вели себя неподобающе. Сержанта, видимо, ждала серьёзная головомойка, но тут из рыдвана показался Каладиус. После недолгого разговора, обязательного показывания ониксового перстня и нескольких реплик сержанта, лейтенант сменил гнев на милость. Более того, он пообещал собственноручно написать подорожную, которая должна была избавить мага от будущих проволочек. Несмотря на то, что Каладиус втайне сомневался, что писулька какого-то лейтенантика будет иметь хоть сколько-нибудь серьёзный вес, он вежливо поблагодарил офицера и выразил ему свою признательность.

В свою очередь лейтенант посоветовал переночевать в лагере.

– Ночью дороги могут быть небезопасны, – пояснил он. – Кое-где в лесах прячутся колонны-погорельцы, которые теперь промышляют недобрым. Кроме того, при свете дня вы хоть различите лица встречающих – не больны ли они.

К восторгу Кола, Варана, и особенно Бина, Каладиус согласился, после чего удалился в рыдван, ибо негоже великому магу-чернокнижнику ночевать под звёздами посреди собственных слуг.

***

– А вы и взаправду – чернокнижник, мессир? – это был первый вопрос Варана, заданный после того, как путешественники отъехали на достаточное расстояние от лагеря карантинного отряда.

– Что значит «взаправду»? – вроде как даже обиделся Каладиус. – Неужели я похож на человека, который станет лгать и присваивать себе то, что ему не принадлежит? Конечно же я – чернокнижник! Посвящён в орден больше трёх сотен лет назад.

– Ничего себе! – присвистнул Кол. – Они, должно быть, уже и забыли о вашем существовании!

– Они ничего и никого не забывают, друг мой, – возразил Каладиус.

– А как же вы попали в этот орден? – любопытствовала Мэйлинн. – Я думала, что он – исключительно сарраассанский.

– Так и есть, – охотно ответил Каладиус. – Но для великого мага Каладиуса в своё время им пришлось сделать исключение. Скажем так, в то время я был не из тех людей, которые спокойно принимают отказы, – Каладиус вроде бы улыбнулся, но так, что ни у кого не возникло желания продолжать этот разговор.

Прошло какое-то время. Солнце светило вовсю. Здесь, в Пунте, в самый разгар месяца дождей стояла совсем не осенняя погода. Было достаточно тепло, чтобы не носить тёплую одежду, и только ночи были уже по-осеннему прохладными. Все наслаждались поездкой. Тепло, но не жарко, буйные пейзажи вокруг. Сейчас леса уже оделись багрянцем и золотом, однако довольно ещё было и зелёной листвы, и деревья отнюдь не спешили оголяться. Умиротворение и покой были буквально разлиты по окрестностям, и казалось совершенно удивительным, что где-то тут совсем недавно прокатилась война, что где-то рядом бушует свирепая болезнь.

Дорога шла через восхитительно прозрачную рощу, полную золотых листьев и пения птиц. Треснувший было мост показательной дружбы между Колом и Вараном, казалось, был снова восстановлен, и их голоса эхом отражались от бестрепетных деревьев. Мэйлинн в кои-то веки сидела и общалась с блаженствующим Бином, поскольку Каладиус выразил желание размять кости и прокатиться верхом. И именно его каркающий голос внезапно прервал всю эту идиллию.

– Стойте! – тревожно воскликнул маг. Бин тут же натянул поводья, а остальные осадили коней.

– В чём дело? – спросил, подъезжая к магу, Кол.

– Впереди, – коротко ответил маг, указывая рукой.

В нескольких десятках шагов впереди роща заканчивалась, а чуть далее, в паре сотен ярдов была видна опрятная деревушка. Тракт проходил аккуратно через неё, и Кол даже вспомнил, как они проезжали тут, когда искали Каладиуса.

– Деревня, – озвучил очевидное Кол. – И что? Насколько я помню, там даже есть вполне приличный постоялый двор. Можем остановиться ненадолго...

– Внимательней посмотри, – мрачно перебил маг.

– Что там? – пристально вглядываясь, спросил Кол.

– Синивица, – тихо проговорил подъехавший сзади Варан.

– Да с чего вы взяли? – недоумевал Кол. Всё-таки зрение его действительно было уже не то что прежде.

– Приглядишься. Не доезжая деревни, – указывая рукой, сказал Варан.

– Будто арка какая-то, – заметил подошедший Бин. – А на ней тряпка болтается.

– Вот именно, – сурово кивнул Каладиус. – Такие опознавательные знаки ставят перед въездом в деревни, поражённые эпидемией.

Теперь и Кол смог разглядеть то, о чём все говорили. Два грубо отёсанных нетолстых ствола были врыты по обе стороны дороги под углом так, что образовывали перекрёщённую в наверху арку. И с этого перекрёстия свисала грязно-синяя тряпица, более похожая на заношенную рубаху какого-нибудь пахаря, коей она, скорее всего, и являлась когда-то. Ныне же она служила грозным предупреждением, что деревня охвачена синивицей.

– Что будем делать? – спросила Мэйлинн. Она, так же, как и Кол, не усидела на козлах и теперь напряжённо вглядывалась вперёд.

– Хорошо бы объехать как-то... – предложил Варан.

– Да как тут объедешь? – возразил Каладиус. – Вряд ли тут есть какие-то объездные дороги, а коли и есть, так наш рыдван по ним не пройдёт. Ничего страшного – быстро проедем через деревню, никто и оглянуться не успеет.

– Да я больше опасюсь не из-за них, – мотнул головой в сторону домов Варан. – Вон кто меня беспокоит, – кивок в сторону Мэйлинн. – Ведь стоит ей увидеть больного человека, а особенно ребёнка, она же бросит всё и кинется спасать.

– Эт точно! – хохотнул Кол. – Так она и сделает! Так что лучше сразу завязать ей глаза.

– Никто никого не бросится спасать! – строго, обращаясь прежде всего к лирре, произнёс Каладиус. – Раз уж установили предупредительные знаки, значит, деревня поражена весьма тяжко. Никого тут мы спасти уже не сможем. Они сами либо умрут, либо выздоровеют. Поэтому мы просто проедем мимо. Бояться нечего, разве что жители деревни накинутся на нас и начнут о нас тереться и облизывать. Кстати, – насмешливо продолжил маг. – Помнится, ещё недавно все вы горели желанием проникнуть в поражённый мором Лоннэй, а уж там-то всё будет обстоять куда хуже, нежели в этой небольшой деревеньке. Так чего же вы тогда так перепугались?

– Да а кто перепугался-то? – пренебрежительно фыркнул Кол, хотя слегка расширившиеся зрачки выдавали его волнение.

– Вот именно! – поддакнул Бин, демонстративно развернувшись и вразвалочку зашагав к рыдвану.

– Вообще-то это именно вы, мессир, подняли тревогу, – не преминул поддеть Каладиуса Варан.

– Ну тогда – вперёд, мои храбрецы! – осклабился маг, понукая своего коня.

Деревня, названия которой никто так и не вспомнил, встретила путников гробовым молчанием. На улице не было ни души, но, что более удивительно, не было видно даже самой разобыкновенной курицы, коих всегда полно на деревенских улочках. Деревня была невелика – десятка три домов, вытянувшихся вдоль тракта одной длинной улицей, постоялый двор в дальнем от путешественников конце деревни, а также даже небольшое святилище, сколоченное из досок в грубом подобии башни Арионна.

Не слишком быстро, но и не медля, отряд проехал по деревне. Несколько раз путникам казалось, что они видят какое-то движение в мутных подслеповатых окошках хат, однако же из домов так никто и не вышел. То ли большинство жителей были мертвы или обессилены болезнью, то ли ушли подальше от заражённой местности. Выехав за околицу все, даже Каладиус, облегчённо вздохнули. Какое-то время никто не прерывал повисшего молчания, все тяжко задумались о том, что ждало их впереди.

По дороге к Лоннэю друзья проехали ещё пару-тройку деревень, однако они, хвала богам, не имели страшных синих тряпок на столбах при въезде. Наверняка и в них не обошлось без заболевших, однако пандемии избежать удалось. Тем не менее, путешественники решили нигде не останавливаться и двигаться до самой столицы.

Несколько раз им встречались небольшие конные разъезды по пять человек – четверо солдат в сопровождении сержантов. Один из этих разъездов отчего-то вовсе не обратил внимание на движущуюся кавалькаду, остальные же вполне довольствовались подорожной, выписанной сердобольным лейтенантом, что крайне удивило Каладиуса.

От каждого такого разъезда друзья получали весьма удручающие новости. В столице – настоящий мор, туда никого не впускают и не выпускают. Мёртвых не успевают хоронить и просто палят на городских площадях. Король – на севере и мало чем помогает несчастным подданным. Каждая такая весть встречалась горестными вздохами и тихими проклятиями.

Наконец, когда солнце уже близилось к полудню, впереди показался Лоннэй. Над городом поднималось около десятка черных дымных столбов и то и дело звонил колокол, вероятно, принадлежавший какому-нибудь храму Первосоздателя. Всё это создавало жуткое впечатление. Казалось, город находится при смерти.

Глава 31. Лоннэй

Неподалёку от городских ворот за последнее время возник стихийный палаточный лагерь. Десятки, если не сотни людей, которых карантин застал за городской чертой, тиснились попасть обратно. Периодически солдаты вяло гоняли несчастных, большую часть которых составляли либо мелкие торговцы, либо городские простолюдины. Однако идти людям было некуда, поэтому через некоторое время после таких вот имитаций облав они возвращались обратно, поправляли порушенные солдатами палатки, и вновь продолжали свой нехитрый быт.

Палаточный городок был типичным лагерем беженцев – грязный, вонючий, шумный. Видно, люди находились тут не первый день, поэтому это шатёрное стойбище всё больше начинало напоминать город в миниатюре – небольшой рынок, мелкие ремесленники, и даже уже успели появиться попрошайки и мелкая криминальная шушера. Конечно, сам по себе этот городок представлял отличную питательную среду для синивицы, и, по-хорошему, его нужно было бы самыми решительным образом извести под корень, но поспешный отъезд короля и последовавшая за этим почти полная анархия не лучшим образом сказывались на моральном духе солдат. Две сотни людей из карантинного отряда, словно брошенные тут, у стен умирающего города, не слишком-то спешили всерьёз ссориться с обитателями лагеря.

Удивительно, как быстро люди способны терять человеческий облик в подобные минуты. Вероятность скорой смерти, почти полное отсутствие власти – всё это срывало покровы цивилизованности с людей, и так не слишком-то обременённых излишней культурностью. Брезгливо отвернувшись, всадники проехали мимо совсем ещё молодого мужчины, открыто испражняющегося в двух шагах от дороги прямо за крайней палаткой. При этом, что рядом с этой самой палаткой возились с какими-то обломками веток двое детей не старше пяти лет, скорее всего – дети этого самого мужчины. Неподалёку две некрасивые, рано постаревшие женщины самого неопрятного вида громко и нецензурно выясняли отношения по поводу пропавшего ночью котелка. Тракт перерезал лагерь надвое, поэтому нашему каравану пришлось проехать через всё это великолепие. Несмотря на то, что дорога была замощена, сейчас она представляла собой чавкающую под ногами навозно-грязевую жижу.

Мэйлинн и Каладиус заперлись в рыдване, посадив на козлы Пашшана. Лирра плотно закрыла оконце, стараясь изолировать себя и от предстающей картины, и от тяжёлого зловония. Всадники держались как можно плотнее к экипажу, на всякий случай демонстративно держа руки на эфесах. Все без исключения жители палаточного городка смотрели на проезжавшую кавалькаду, но грозные взгляды Кола и Варана заставляли их держаться на почтительном расстоянии.

– Поверить не могу, во что превратились эти, недавно ещё такие милые люди, – ворчал, озираясь по сторонам Кол.

– Никто из них не уверен в том, что переживёт эту осень, – откликнулся Варан. – Уж не знаю, каким чудом они ещё до сих пор не вымерли от синивицы в этом рассаднике заразы! Я больше удивлён, как это они до сих пор не смяли солдат и не открыли ворота...

– Наверное, не до такой степени ещё отчаялись, – ответил Кол. – Да и к чему им ломиться в город, в котором свирепствует болезнь?

– Да уж, – несколько жалобно протянул Бин. – У меня вот тоже всё меньше желания соваться туда.

– Я тебя отлично понимаю, дружище! – согласился Кол. – У самого поджилки трясутся.

Бин окинул друга недоверчивым взглядом. Не очень-то было похоже, что Кол настолько уж испуган. Но, тем не менее, Бин был очень благодарен товарищу за то, что поддерживал и не стал насмехаться.

Проехав ещё три сотни ярдов, путешественники остановились у солдатского кордона. Неглубокий, не более ярда в глубину, ров с невысоким валом выброшенной земли, тянулся в обе стороны от дороги. За ровом шла полоса деревянных рогаток, а также какие-то мешки, вероятно, с землёй, иной строительный мусор, сваленный в виде небольших баррикад. Тут же стояли солдатские серые палатки, около которых бродили хмурые, если не сказать – испуганные солдаты. В глазах их явно читался тоскливый страх, а пальцы добела стискивали древки пик и алебард.

– Мы хотели бы поговорить с вашим командиром, уважаемый, – максимально дружелюбно обратился Кол к ближайшему солдату.

Тот как-то несколько затравленно посмотрел на возвышающуюся над ним конную фигуру, мелко кивнул и засеменил к одной из палаток, стоящих ближе всего к городской стене. Вскоре оттуда показался офицер. Он на ходу приводил себя в порядок, поправляя шлем и плохо пригнанные пластины доспехов.

– Чем могу служить? – офицер старался говорить как можно более суровым и спокойным голосом, однако тонкое ухо Варана явно чувствовало дрожь.

– Мой господин хотел бы попасть в город, – как ни в чём не бывало сообщил Кол. Он старался говорить буднично, будто бы совершенно не осознавал абсурдность своей просьбы.

– Но это невозможно! Город закрыт на карантин! – офицер был явно изумлён.

– Увы, господин капитан, мой хозяин крайне не любит слово «невозможно». Я бы постарался не употреблять его в присутствии мессира.

– Ваш господин – маг? – кажется, офицер побледнел ещё больше.

– Не просто маг, господин капитан! Он – магистр ордена чернокнижников! Слыхали о таком?

– Как не слышать! – испарина выступила на низком лбу капитана. – Однако, будь он даже сам король, я не смог бы впустить его в город, поскольку ворота опечатаны и закрыты накрепко.

– Что я слышу? – раздался глухой голос из рыдвана, а затем сухопарая рука с огромным черным перстнем на пальце открыла дверцу. – Кажется, здесь говорят, что я не могу проехать дальше?

Каладиус осторожно, чтобы не запачкаться, вышел наружу. Сейчас он был одет в чёрный плащ, подбитый чернобуркой, на голове его было нечто вроде чёрной тиары, по которой змеились золочёные письмена на неизвестном языке. Лицо мага было абсолютно спокойно, однако ноги офицера ослабели, так что он был вынужден опереться на придорожный столб.

– Не извольте гневаться, мессир! – тут же заговорил Кол, соскакивая с коня. – Уверен, что ситуация вскоре разрешится. Не так ли, господин капитан?

– Но я не могу... – лепетал офицер.

Кол про себя отметил, что этот капитан был куда жиже, чем вчерашний лейтенант. Видимо, он впервые попадал в подобную передрагу. Возможно, вообще переброшен из какой-либо тыловой части. Что ж, тем лучше – проще будет добиться своего. Кол видел, что на этого человека можно давить.

– Я не могу открыть ворота, – продолжал бляеть капитан. – У меня нет ключей. Ворота – заперты и опечатаны королевской печатью. До окончания карантина вскрыть их невозможно.

– Разве есть в этом мире что-нибудь невозможное? – несколько напевно произнёс Каладиус, делая ещё один шаг к офицеру. Маг, очевидно, пришёл к тому же выводу, что и Кол, и отменно играл свою роль.

– Но меня казнят, если я открою ворота! – отчаянно сопротивлялся капитан. – Помилуйте, ваша светлость!

– Что ж, – Каладиус решил, что он уже достаточно надавил на несчастного. – Отрадно видеть такую преданность долгу в наше время! Я всё понимаю, господин капитан, и не стану настаивать, чтобы вы изменили своей присяге, но и вы войдите в моё положение – мне совершенно необходимо попасть в город.

– Я прекрасно понимаю вас, мессир, – часто, словно деревянный болванчик, замотал головой офицер, краснея от облегчения. – Но помочь вам – не в моей власти.

– Разве? – чуть насмешливо поднял бровь маг. – А мне, напротив, кажется, что в окрестности десятков миль отсюда вы сейчас – высшее должностное лицо королевства! Наверняка ведь всё ваше начальство подалось на север вслед за королём?

– Это так, мессир, – с явно слышащейся в голосе обидой согласился капитан. – Все старшие чины покинули Лоннэй. Однако...

– Зачем нужны все эти «однако» в разговоре? – перебив офицера, обратился Каладиус к Колу. – Будь моя воля, я бы под страхом смерти запретил слово «однако»! Это слово, за которым люди скрывают свою лень и нежелание.

– Вы совершенно правы, мессир, – низко поклонился Кол, с удовлетворением наблюдая, как воспрявший было капитан вновь покрывается бледностью.

– Извините, что перебил вас, любезнейший, – обратился маг к офицеру. – Но давайте всё-таки поговорим как серьёзные люди. Я обращаюсь к вам, как к высшему должностному лицу, с просьбой. Прежде, чем отказывать и говорить «однако» – попробуйте обдумать всё хорошенько, и, быть может, вы всё-таки найдёте способ мне помочь.

– А какое дело у вас в городе? – прочистив горло, хрипло спросил капитан. Вероятно, он действительно попытался включить «начальника».

– Не думаю, что обязан давать вам в этом отчёт, господин капитан, – строго произнёс Каладиус, но решил смягчиться, видя, как мелко задрожал стоящий перед ним человек. – Однако, как высшему должностному лицу, я сообщаю, что прибыл, дабы оказать посильную помощь страждущим жителям города. Если вам угодно, у меня есть специальное разрешение, позволяющее мне беспрепятственно передвигаться по вашей стране. Это разрешение, между прочим, выдано мне вашим начальством! Надеюсь, вы не станете перечить вице-королю южного Пунта?

С этими словами Каладиус вынул из широкого кармана ту самую бумажку, которую вчера ему выдал лейтенант пограничной заставы. Не разворачивая, он поистине царственным жестом протянул её капитану. Тот, дрожа и потя, неловко схватил бумагу, не сразу из-за сильного волнения развернул её, пробежал по строчкам невидящим взором и поспешно вернул магу. Все знающие свидетели этого напряглись в этот момент, ожидая, что капитан начнёт возмущаться подсунутой ему писулькой младшего по рангу, однако расчёт Каладиуса оказался верен. Вряд ли несчастный разобрал хоть строчку из того, что было написано. Более того, ему совершенно не пришло в голову, откуда сейчас здесь взяться вице-королю, который со всем своим семейством также отбыл в Прайнон.

– Повторюсь, ваша светлость, что я бы рад был помочь вам, да только не знаю – как, – заверил мага офицер. – Тем более, что дело ваше благородное.

– Вот именно! – вмешался Кол. – Тогда, быть может, вы всё-таки сообразоволяете открыть ворота?

– Никак не возможно, сударь! – вновь взмолился офицер. – Поймите, ведь казнят меня за это! Да и, кроме того, разбегутся ведь людишки-то из города! Разнесут заразу дальше.

– Он прав, – неожиданно согласился маг. – Действительно, стоит открыть ворота, и сотни заражённых окажутся на свободе.

– Так точно, мессир! – с громадным облегчением подтвердил капитан.

– Но ведь должен же быть другой способ попасть в город? – испытующе поглядел на него Каладиус. – Ведь доставляют же как-то продовольствие горожанам?

– Продовольствия в городе достаточно! – неожиданно воспрянул духом офицер, словно ему в голову пришла идея. – Продовольствия хватает, но по приказанию королевских медиков в город дважды в неделю поставляются бочки с сосновым настоем.

– А для чего же нужен тот настой? – заинтересовался Каладиус.

– Медикусы утверждают, что ежели принимать по кружке соснового настоя в день, то синивица не возьмёт.

– Что за мракобесие! – фыркнул маг. – С таким же успехом они могли порекомендовать прикладывать ко лбу апельсиновые корки или нагишом танцевать при свете полной луны! В общем, сказали, только лишь чтобы что-то сказать. Сами-то, небось, все на севере прохлаждаются сейчас?

– Часть медиков осталась в городе. Но основная масса, вы правы, мессир, уехала вместе с королевским двором.

– Ну если кто-то остался, уже хорошо! – удовлетворённо кивнул маг. – Это возвращает немного мою веру в людей. Значит, ещё не всё потеряно. Если в городе есть медикусы, то я смогу научить их делать отвар, который действительно поможет людям не заболеть. Ну а как же эти бочки попадают в город?

– В этом-то всё и дело! – от усердия капитан даже хлопнул себя по нагруднику. – Примерно в полумиле отсюда колонны заготавливают сосновые ветки, которые затем отваривают и наполняют отваром бочки. А бочки эти везут вон туда, – он указал рукой на участок стены в нескольких сотнях ярдов от ворот. – Там установлен специальный подъёмный механизм. Мы загружаем бочки на специальную платформу, а затем поднимаем её на верх стены при помощи специальной системы зубчатых колёс и пары тяжеловозов.

– Отличная идея! – похвалил Каладиус. – Конечно, таким образом попадать в города мне ещё не приходилось, но всё когда-то приходится делать впервые.

– Только есть одна загвоздка, – смутился капитан. – Когда мы начинаем поднимать бочки, там частенько скапливаются горожане, пытающиеся вырваться из города. Несмотря на наши приказы, некоторые горячие головы поначалу запрыгивали на платформу, чтобы спуститься сюда...

– И что же вы предпринимали?

– А что тут предпринять? Приказ чёткий – никого не выпускать...

– Постреляли? – прищурился Кол.

– Постреляли, – просто согласился офицер. – Раза три такое было, одиннадцать человек пришлось убить. Теперь пока больше на платформу не лезут, но у стены всё равно толпятся.

– Значит, нам нужно будет пробраться так, чтобы никто не знал. Лучше всего, думаю, сделать это ночью, – сказал Каладиус.

– Да, ночью было бы лучше всего, – согласился офицер.

– Ну, так значит – до ночи! – маг, сделав спутникам знак следовать за рыдваном, забрался внутрь, и экипаж тронулся подалее от ворот и грязного лагеря неподалёку от них.

Только отъехав от города не менее, чем на милю, путешественникам перестало казаться, что их преследует ужасный смрад. Остановившись на небольшом пригорке, окружённом красивыми осенними деревьями, Каладиус и Мэйлинн вышли из рыдвана. Остальные также, спешившись, подступили к ним.

– Да уж, – поёжился Кол. – У меня до сих пор такое ощущение, будто я весь пропитался вонью и болезнями.

– И не говори, – Бина даже передёрнуло от отвращения. – Как вспомню тот лагерь...

– Но ведь вы же понимаете, что внутри всё будет *гораздо* хуже? – мрачно спросил Каладиус.

Все промолчали. Подтверждать очевидное никому не хотелось.

– Поэтому я ещё раз хочу спросить, – маг обвёл товарищей тяжёлым взглядом. – Может быть, я пойду один?

– Что касается меня, то всё остаётся в силе, – первой отозвалась Мэйлинн, поскольку именно её решение являлось основополагающим.

– Тогда и я иду! – быстро добавил Бин.

– Я думаю, что мы все по-прежнему собираемся идти, – мягко улыбнулся Варан.

– Однако, кому-то придётся остаться, – проговорил Каладиус.

– Как? Зачем? – послышались удивлённые возгласы.

– Всё очень просто – кто-то должен присмотреть за нашим экипажем, вещами и лошадьми. Мы не можем пронести всё это в город, но и бросить здесь также не можем. Подозреваю, что, попав в город, нам придётся дожидаться окончания карантина, а это займёт не меньше двух недель. Поэтому кто-то должен остаться здесь, найти безопасное место, где наше имущество останется в неприкосновенности до нашего возвращения.

– Резонно, – кивнул Варан. – И поскольку у меня нет никаких личных мотивов, влекущих меня в Лоннэй, то я сразу же вызываюсь в качестве хранителя. Признáюсь, я весьма рад, что не нужно будет лезть в этот город мертвецов.

– Хорошо, – улыбнулся маг. – Но одного недостаточно, пусть даже это сам мастер Теней. Кто-то ещё должен остаться. Я считаю, что это должен быть Бин.

– Что? – в глазах юноши вспыхнули слёзы обиды. – Почему это я? Я что – ребёнок, что вы все так обо мне печётесь?

– Ты доказал, что ты – совсем не ребёнок, Бин, – мягко проговорила Мэйлинн. – Но кто-то должен остаться, чтобы помочь Варану.

– А почему сразу я? – яростно вскричал Бин. – Я хочу с тобой! Вон пусть Пашшан остаётся!

– А ведь верно, – вдруг поддержал приятеля Кол. – Наш Пашшан, что ни говори, а ещё не оправился до конца от ранения. Нечего ему ползать по стенам. Пусть побалуёт Варана своей стряпней!

Пашшан охотно закивал головой – ему, вероятно, тоже совсем не улыбалось соваться в заражённый город. Варан хлопнул баинина по здоровому плечу. Каладиус поморщился – видно было, что ему не хочется расставаться с поваром, однако же он нехотя кивнул.

– Хорошо, пусть остаются Пашшан и Варан. Найдите укромное место и ждите там, пока не откроют городские ворота. После этого пусть Пашшан каждый день дежурит у ворот, пока не дождётся нас.

– Мы славно проведём время, приятель! – обратился Варан к баинину, на что тот что-то проговорил на своём наречии. – Заодно и подучишь меня своему языку!

– Ну что ж, а нам нужно готовиться к предстоящему предприятию, – обратился Каладиус к неразлучной троице. – Запомните, что от того, насколько точно вы будете выполнять мои указания, будет зависеть ваше здоровье и даже жизнь.

– Мы будем внимать вам, как самому Арионну, мессир, – улыбнулся Кол, прижимая к себе одной рукой Мэйлинн, а другой – Бина.

– В городе вы постоянно должны носить перчатки и вот эти маски. Старайтесь максимально ограничить любые контакты с людьми. Ничего не касайтесь без нужды. Как можно чаще мойте руки и лицо эликсиром, которым я вас снабжу. Пейте лишь ту воду, что мы возьмём с собой, или ту, которую прокипятят на ваших глазах. То же самое касается пищи – если есть возможность, даже обычный кусок хлеба лучше подержать над огнём.

– Фу! – поморщился Кол, понюхав плотный кусок ткани, который дал им Каладиус в качестве масок. – Почему так воняет?

– Поверь, язвы от синивицы воняют ещё хуже! – отрезал Каладиус. – Каждый вечер подходите ко мне, чтобы я обработал ваши маски раствором. Каждый вечер кипятите ваши перчатки в воде. А ещё лучше – кипятите всю одежду. Если со мной что-то случится...

– Что за мысли, мессир! – снова перебил Кол. – Неужели великого Каладиуса может одолеть какая-то жалкая болячка?

– Если со мной что-то случится, – отчеканил маг. – Все нужные эликсиры вы найдёте в этом ларчике. Всё понятно?

– Всё понятно, мессир, – подтвердила Мэйлинн, а вслед за ней и Кол с Бином подтвердили, что всё поняли.

– И ещё одно, – серьёзно сказал Варан. – Люди в городе доведены до отчаяния. Вы видели, что творится тут, у городских стен. Но это ничто в сравнении с тем, что творится внутри. Поэтому будьте готовы ко всему. Никогда и нигде не появляйтесь без оружия. И отбросьте излишнее милосердие – оно вполне может вас погубить. Если придётся – бейте первыми.

– Мастер Варан абсолютно прав, – согласился Каладиус. – Мы должны иметь это в виду. Ну а теперь, если никто ничего не хочет добавить, то я собираюсь прилечь и как следует выспаться до вечера, потому что кто знает, что ждёт нас этой ночью. Вам, друзья, я порекомендовал бы то же самое. А когда я встану, – обратился он уже к баинину. – Я хотел бы получить такой ужин, чтобы мой желудок запомнил его на всё то время, что я буду вынужден провести, поедая горелую солонину.

Баинин улыбнулся и кивнул. Сейчас же он бросился собирать дрова для костра, благо сушняка вокруг было порядочно. Вскоре огонь уже жарко пылал, что было совсем не лишним, поскольку осеннее тепло было весьма зыбким – стоило облаку закрыть солнце, и становилось очевидно, что воздух уже достаточно свеж. Тем не менее, Кол и Бин улеглись спать на земле у костра, завернувшись в спальные мешки. Мэйлинн и Каладиус же направились в рыдван – лирра в свою «спальню», маг – в «гостиную».

Вечером, когда оранжевое солнце уже пряталось за вершинами деревьев, друзья собрались для прощального ужина. Пашшан действительно превзошёл сам себя. Он даже умудрился набить нескольких кроликов в окрестностях. Каладиус, как истинный гурман, отведал каждое блюдо, блаженно урча, словно сытый кот. Все наперебой хвалили скромно сидящего в сторонке баинина. Разговоры велись на самые отвлечённые темы – никто не упоминал ни Лоннэй, ни предстоящую разлуку, ни, тем более, опасности, которые поджидали впереди. Каждый старался повеселиться, хорошенько покушать и приятно провести эти часы.

Уже в темноте Каладиус, Кол, Бин, Мэйлинн и Варан сели на коней. Варан должен был пригнать лошадей обратно. Без лишних слов четверо направились к городским воротам. Там Кол нашёл и позвал всё того же капитана, который в сопровождении полдесятка солдат отправился с ними к подъёмному механизму.

Механизм этот выглядел довольно пугающе. Это была конструкция из колёс, толстых кожаных ремней, цепей и блоков. Рядом с платформой на вертикальной оси было установлено колесо диаметром около десяти футов. К нему были припряжены два пожилых тяжёловогоза, уныло понурившие свои косматые головы.

Маг и его спутники взошли на платформу. Поскольку она была предназначена для подъёма бочек, бортики были низкими, едва достигающими до колен. Поначалу это не показалось проблемой. Но когда лошади, понукаемые солдатом, стали медленно идти по кругу, приводя в движение колесо и связанные с ним зубчатые колеса, и платформа, дёрнувшись, стала отрываться от земли, все четверо смельчаков тут же стремительно сели на свои пятые точки, стараясь вжаться в дощатый настил.

Со скрипом, шатаясь и дёргаясь, платформа стала подниматься вверх. Все напряжённо вглядывались вверх, на зубцы стены – не появятся ли там чьи-нибудь лица. Но всё было спокойно – жители не ожидали сегодня бочек, поэтому стена была пуста.

Подъем был недолог. Через минуту или две платформа остановилась на уровне верха невысоких зубцов. Первым на стену мягко прыгнул Кол, держа наготове меч. Но он не понадобился – поблизости никого не было. Следом соскочил Бин, тут же подавший руку Мэйлинн. Последним, кряхтя, на стену ступил Каладиус. Почти сразу же сзади раздался скрип – платформа стала уходить вниз. Четверо храбрецов остались одни. У их ног чёрным провалом лежал Лоннэй – город мертвецов.

Глава 32. Город мертвецов

Спуск со стены оказался всего в дюжине шагов от места, где разгружались бочки. Спускаться по узкой и крутой каменной лестнице в кромешной тьме – удовольствие не из приятных. Первым на лестницу ступил Кол. Осторожно, нащупывая ногой каждую новую ступеньку, он стал спускаться. Правой рукой он держал обнажённый меч, левой – руку Бина. Тот в свою очередь держал за руку Мэйлинн, а она – Каладиуса. Такой вот цепочкой друзья стали медленно спускаться в темноту города. Бин в очередной раз порадовался, что стены Лоннэя едва достигают половины высоты латионских стен.

– Я на земле, – прошипел Кол, и тут же гораздо громче. – Ассова задница!

– В чём дело? – быстро спросил Каладиус.

– Тут кто-то лежит, – зашептал Кол.

Лёгкий белый огонёк затрепетал в руке мага – пришлось применить волшбу, поскольку факелов не было, да и зажигать их казалось безумием. При тусклом неверном свете стало ясно, что лежащих как минимум двое – второй лежал головой на коленях того, о которого споткнулся Кол. Свет выхватил также валяющиеся тут и там бочки с вышибленными днищами – вероятно, сосновый настой раздавали тут же, на месте.

Кол было наклонился, чтобы оглядеть лежавших, но его остановил резкий, как шипение змеи, шёпот мага:

– Стоять! Не трогай!

Каладиус осторожно спустился с последних ступеней лестницы, подойдя ближе к лежащим, и наклонился так, чтобы огонёк приблизился к лицу второго – тот, о которого споткнулся Кол, лежал ничком, уткнувшись лицом в грязь. Бледный, мертвенный свет обнажил скрытые темнотой синюшно-фиолетовые язвы на лице несчастного. Язвы уже не сочились, черновато-горчичный гной уже засох. Эти двое, похоже, были мертвы уже много часов. Кол знал, что если бы не маска, закрывающая сейчас его лицо до самых глаз, он ощущал бы отвратительную сладковатую вонь, исходящую этими язвами.

Резкое движение сзади – Мэйлинн закрыла лицо руками, слегка всхлипнув. Несмотря на то, что она жила большую часть жизни на западе Латиона, где синивица является весьма частым гостем, приходя, вероятно, из Кидуи, Мэйлинн ни разу до сих пор не встречалась с этой смертельной болезнью воочию. Колу, конечно, уже приходилось видеть подобное, так же, как и Бину, на детство которого пришёлся знаменитый мор 1698 года, когда почти треть жителей Латиона умерла от синивицы. Семья Бина тогда чудом спаслась, успев выбраться из охваченного паникой города – помог господин Вуйе. Наверное, Латион в те дни выглядел даже ужасней, чем Лоннэй сейчас, но Бин этого уже не видел. Однако и перед бегством, и позже он не раз замечал людей, отмеченных печатью синивицы.

– Нужно идти дальше, – меж тем скомандовал Каладиус. – Я пойду первым. Внимательно смотрите под ноги и по сторонам. И, ради милости Первосоздателя, ничего не трогайте!

Медленно двинулись вперёд. Улица была завалена всевозможным мусором – больше всего было разбитых бочек, каких-то палок. В одном месте валялась перевёрнутая телега со сломанной осью, словно она пыталась переехать какое-то непреодолимое препятствие. Ворох тряпья валялся у телеги, основательно втоптаный в грязь. Однако никого живого, или даже мёртвого видно не было.

Было очевидно, что Каладиус не раз бывал в этом городе. Не то, чтобы он без труда находил дорогу, но, по крайней мере, он понимал, в каком направлении нужно двигаться. Учитывая, что улицы были темны, это уже вызывало определённое восхищение. В городе стояла почти полная тишина – не было слышно ни лая собак, ни голосов гуляк. Главным

источником шумов служил ветер. Он время от времени что-то легонько перекатывал, покачивал, чем-то шуршал, от чего нервы крадущихся в ночи натягивались до предела.

Друзьям необходимо было пробраться почти в самый центр города. Там находился дом, давным-давно купленный Каладиусом через подставных лиц. Именно в этом доме его должны были дожидаться слуги и стопки банковских векселей.

Поначалу казалось, что город выглядит вполне мирно. Если не считать двух трупов у городской стены, пока что больше их не попадалось. Начинало уже казаться, что всё не так уж и плохо, и, возможно, опасения за судьбу жителей Лоннэя оказались сильно преувеличенными. Однако, внезапно тусклый магический огонёк представил перед путешественниками очередную неприглядную картину.

Они шли по узенькой улочке, ничем не отличающейся от любой иной подобной улочки на окраине любого иного города Паэтты. Между домами едва ли будет три ярда, никакой мостовой, бедные, обветшалые дома – обычные деревянные, лишь оштукатуренные снаружи грязно-белой штукатуркой. Однако сейчас эта штукатурка была не белой. Вокруг дверных и оконных проёмов она была копчено-чёрной. Стало видно, что в окнах нет стёкол, а двери выбиты. И так было в нескольких домах.

– Чернь в своём репертуаре, – процедил Каладиус, оглядывая результаты погрома. – Стоит только чуть ослабить над ними контроль, и они теряют человеческий облик. Страшно представить, что творилось на этих улицах две-три недели назад, когда всё только начиналось.

– Страшно представить, что творилось в центре города, учитывая, что здесь-то и поживиться особо нечем, – озабоченно добавил Кол.

Все помрачнели. Каладиус, несомненно, задумался о судьбе его дома и, главное, его сбережений. Причём, очевидно, пугала его не потеря двадцати тысяч золотых корон в ценных бумагах, а то препятствие, которое эта потеря может представлять для осуществления их плана. Остальные же приуныли, представляя, во что могла превратиться сейчас «Песнь малиновки» достойного мэтра Бабуша, и, конечно же, ужасно переживая за судьбу и его самого, и оставшихся на его попечении детей.

– Кто бы мог подумать, когда мы уезжали, что так всё обернётся! – горько пробормотала Мэйлинн. Её будто бы терзало чувство вины, что она невольно обрекла детей на такое жуткое испытание.

– Никто не мог подумать, – несколько резко ответил Кол. – В Загорье синивицы-то почти никогда не знали, и уж более спокойного и приятного места, чем Лоннэй я до недавнего времени и представить не мог. Так что не нужно себя винить, – Кол тоже почувствовал интонации лирры. – Мы всё сделали правильно. Если бы не ты, эти детишки вообще погибли бы от голода. А так у них хотя бы есть шанс.

Мэйлинн молчала, но по её щекам текли слёзы, однако темнота заботливо прикрывала их от взоров остальных.

Увы, вскоре на улицах стали появляться трупы. Их было немного, видимо, их всё-таки собирали специальные команды. Однако, проходя мимо окон первого этажа одного из домов, расположенных достаточно низко, Кол уловил из разбитого окна запах, который ни с чем нельзя спутать – запах разлагающегося тела. Возможно, небольшое количество трупов на улице объяснялось лишь тем, что бо́льшая часть людей умирала в собственных домах. Да и сложновато представить, что санитарные команды будут соваться в эти кварталы без крайней нужды.

И всё же было крайне удивительно и пугающе, что улицы города казались полностью вымершими. Ни звука, который мог бы произвести человек, не доносилось до ушей четырёх крадущихся людей. Лишь раз из-за хлипкой стены очередного дома послышались мучительные стоны. Видно, кто-то тяжело умирал там. Но где те тысячи людей, которые навод-

няли город в прошлый приезд наших друзей, было совершенно непонятно. Неужели все они погибли?

Несмотря на всю эту тревогу, компания ощущала определённое облегчение от того, что им никто не попадаетеся по пути. Никому не хотелось лишних неприятностей и моральных дилемм. Тем более, что по мере приближения к центру города, становилось ясно, что опасения Кола были более, чем оправданны.

Здесь уже было видно, что огонь и разруха погуляли вовсю. Многие здания рухнули почти полностью, поскольку выгорели их деревянные перегородки. Улицы стали шире, но были сильно захламлены. Более того, смрад гниющих тел был здесь настолько силен, что пробивался сквозь неприятно пахнущие повязки. Кроме того, здесь уже временами доносились какие-то звуки явно рукотворного характера. Какие-то шорохи в полном безветрии, временами даже словно бы звуки приглушенных шагов. Если улицы на самой окраине казались покинутыми людьми, то здесь не отпускало тревожное ощущение, что темнота вокруг полна недобрыми взглядами.

Бин судорожно, так, что побелели костяшки, сжимал рукоять обнажённого кинжала. Кол, внешне спокойный, внутренне был сжат, как пружина. Он был готов разить любого, оказавшегося к нему ближе совокупной длины его руки и недлинного легионерского клинка. Для себя он уже всё решил – он не станет медлить ни секунды, он не станет раздумывать ни одного мгновения. Он не подвергнет жизнь своих друзей опасности из-за жалости. Пусть лучше потом мучают угрызания совести. Это он как-нибудь переживёт.

Мэйлинн держала наготове взведённый арбалет. Остро заточенные острия болтов поблёскивали в свете магического огонька. Лирра сейчас вела внутри себя страшную моральную борьбу. Мысли её были схожи с теми, что носились в голове Кола, однако же она не могла себя заставить так же легко, как легионер, отмахнуться от чужой жизни. И боялась, что в критический момент может засомневаться. Десятки раз приказывала себе подавить свою гипертрофированную гуманность, как она это делала в «Двух петухах» или в дорийской степи. Но каждый раз понимала, что в этот раз всё будет сложнее, потому что, возможно, придётся стрелять ещё *до того*, как против них будут совершены по-настоящему агрессивные действия.

Каладиус двигался впереди. Одна рука его была отведена вперёд и над нею примерно в полуфуте плыл призрачный огонёк. Другая рука держала длинный кинжал наподобие того, каким пользовался Бин, только куда более вычурный и явно более дорогой. Но главным своим оружием маг сейчас почитал собственные глаза. От того, как быстро он успеет распознать опасность, будет зависеть жизнь четырёх человек. Он уже понял, что сбываются самые мрачные его прогнозы – охваченный эпидемией и анархией город потерял всякий человеческий облик. Маг не сомневался, что здесь их могут убить в любую секунду и без малейшего повода.

– Мне кажется, что за нами наблюдают, – едва слышно прошептала Мэйлинн.

– Мне тоже так кажется, – до рези в глазах Кол вглядывался в окружающую тьму. Из-за крохотного светильника в руках мага окружающая тьма казалась ещё гуще и непроглядней, однако и погасить его было нельзя, поскольку тогда был велик шанс сломать себе ногу или наткнуться на гниющий труп.

– Будем надеяться, что они сохранили остатки инстинкта самосохранения и не бросятся на четверых вооружённых людей, – по голосу Каладиуса было слышно, что он сам сомневается в сказанном.

– Далеко ещё? – тревожно спросил Бин.

– Сложно сказать, – отозвался маг. – Я слабо ориентируюсь в Лоннэе, да ещё и в темноте.

– По-моему, мы уже пришли, – странным голосом сказал Кол, указывая вперёд.

Там, уже за границей света, слабо угадывалось какое-то крупное препятствие. Судя по всему, это была баррикада, перегородившая улицу.

– Вероятно, жители центральных кварталов отгородились от окраин и беженцев, наводнивших город, – прошептал Каладиус.

– Интересно, как нам перебраться на ту сторону? – озадаченно почесал в затылке Кол.

– Может, поищем другой путь, – предложил Бин.

– Не вижу смысла. Наверняка все улицы, ведущие к центру, так же перегорожены.

– Я попробую перебраться, – предложила Мэйлинн. – Вы же знаете, насколько ловкими бывают лирры.

– И что? – поинтересовался Кол. – Дальше ты пойдёшь одна? Нам-то ведь нужно перебраться всем вместе...

– Посмотрим поближе, – предложил Каладиус. – Может, всё не так плохо.

Они едва успели сделать несколько шагов, как из-за баррикады послышался зычный голос:

– Ещё шаг, и мы будем стрелять!

– Постойте! – немедленно вскинул руки Каладиус. – Мы не те, за кого вы нас принимаете!

– И кто же вы? – поинтересовались с той стороны.

– Мы путешественники, которые только сегодня прибыли в город. И нам очень нужно попасть в центр города, где у нас есть дела.

– Только сегодня прибыли в город? – насмешливо повторил голос. – Что-то я не слышал, что ворота открыли. Или его сраное величество Аллан Девятый наконец-то притащил сюда свою задницу, чтобы помочь своим подданным?

– Мы прибыли в город довольно необычным путём, – спокойно ответил Каладиус. – Нас подняли на платформе, на которой к вам поднимают бочки. Но, хотя я и не король Пунта, однако, возможно, смогу быть сейчас куда более полезен, чем он. Я – маг и алхимик, и у меня есть рецепт снадобья, которое может защитить от синивицы.

– Эх, где ж ты был три недели назад, маг, – с горечью произнёс всё тот же голос.

– Лучше поздно, чем никогда, – возразил Каладиус.

– Что верно, то верно. Что ж, вы явно не из голытьбы, так что, думаю, мы можем вас впустить. Кроме того, мне просто позарез хочется узнать, по какому такому делу человек способен добровольно отправиться в самую преисподнюю. На этой улице прохода нет, но на соседней есть дверь, через которую можно спуститься в подвал и оказаться на нашей стороне. Пройдите назад до перекрёстка, поверните направо и идите до следующей улицы. Затем двигайтесь до завалов, а там уже вас будет ждать наш человек. Только будьте осторожны – тут беспокойно.

– Спасибо. Ждите, мы скоро будем.

С этими словами отряд двинулся в указанном направлении. До перекрёстка было шагов сто, или около того. Весь этот путь друзья проделали без малейших осложнений. Узкий проулок между двумя улицами они также преодолели без проблем. Однако дальше начались сложности.

Их было двое. Две тени стояли посреди нужной улицы. У каждого в руках что-то было, но что именно – не разобрать. Может быть, обычные палки, а может – и что похуже. Увидев их, отряд остановился.

– Ассова задница! – ругнулся Кол. – Вот почему оно всегда так получается?

– Кто это здесь прогуливается так поздно? – голос звучал болезненно и устало, но всё-таки с издёвкой.

– Уйдите с дороги, и мы не причиним вам вреда! – проговорил Каладиус, направляя руку с кинжалом в сторону говорившего. – Нам нужно пройти.

Кол чертыхнулся про себя: опять начались разговоры. Как бы он не убеждал себя, что надо бить, не раздумывая, но, видно, некоторые привычки не избыть. Интересно, подумал он, а через какое время я дошёл бы до скотского состояния, окажись на их месте? Быть может, эти двое в прошлой жизни были вполне добропорядочными горожанами или же колонами. Однако, вон оно как повернулось. В том, что эти двое стоят тут явно не с добрыми намерениями, у Кола сомнений почему-то не возникало.

— Что, правда? — второй голос, и явно женский. Более того, явно нетрезвый. — Может, у вас есть и ещё какие-нибудь желания? Если так, то только дайте знать. За бутылочку водки я...

— Нам не нужно ничего больше, — быстро перебил пьянчужку Каладиус. — Будет довольно, если вы просто уйдёте с нашей дороги.

— Представляешь, до чего мы дожили, Малька, — дурашливо проговорил мужчина своей напарнице. — Нам уже в своём родном городе нельзя ходить, где вздумается. Мало того, что эти проклятые толстосумы не пускают нас в центр, так они и здесь уже ставят нам условия!

— Да дерьма валила я на их условия! — резко вскрикнула та, которую назвали Малькой. — Пусть убираются на свою половину, и там указывают своим шалавам, что им делать!

Надо прекращать этот разговор, лихорадочно думал Кол. Чем больше мы тут болтаем, тем выше вероятность, что на шум сбегутся другие отморозки. Но ноги его предательски приросли к земле, и он не мог заставить себя сделать несколько шагов и нанести два смертельных удара.

— Мы пройдем, и если вы окажетесь в досягаемости от моего меча, пеняйте на себя! — хриплым от волнения голосом проговорил он, делая шаг вперёд.

— Да мне поспать на это, мальчик! — взвизгнула Малька. — Я и так скоро подохну, так что чихать я хотела на твой меч.

С этими словами она сама стала быстро приближаться, вскоре оказавшись в круге белого света. Фиолетовые пятна на её лице в этом освещении выглядели ещё более жутко. Язвы ещё не вскрылись, но это дело одного-двух дней. Конечно, совсем не обязательно, что женщина погибнет — в среднем синивица убивала шестерых из каждой десятки. При отсутствии эпидемии, если дело касалось единичных случаев, то шанс на выздоровление и вовсе возрастал до восьми случаев на десять заболевших. Но здесь, в Лоннэе, шансов у Мальки действительно было маловато.

— Осторожно, она заражена! — воскликнул Кол, непроизвольно делая шаг назад, и тут он вновь услышал уже знакомые резкие и сухие щелчки.

Мальке болт угодил прямо в лицо и силой удара её швырнуло назад. Мужчина медленно осел на землю, держась за грудь.

— Вперёд! — голос лирры был неожиданно резок. — Пока другие не подошли.

Все четверо шагом, быстрым настолько, насколько это позволяла захламлившая дорога, двинулись вперёд. Проходя мимо упавшего мужчины, Кол успел заглянуть в его лицо при слабом свете огонька. На коже убитого не было следов синивицы. Это, конечно, не значило, что он был здоров, особенно учитывая его близкое общение с заражённой Малькой. Однако же факт оставался фактом.

Бин же в это время, как ни странно, думал о том, кто были эти двое. Наверное, они были мужем и женой — думалось Бину. Заразившись, женщина решила устроить по себе поминки, пока была такая возможность. Муж, несмотря на то, что жена была смертельно заразной, не оставил её и, похоже, даже решил разделить её судьбу. Может быть, просто боялся или не хотел оставаться один. Может быть, они были славными людьми. Может быть, у них были дети, а соседи, встречая их на улице, уважительно раскланивались. Может быть, до мора он был булочником, а она — портнихой, как его мама... Задумавшись, Бин не заметил обломок какой-то балки и, споткнувшись, больно ударился коленом.

– Вставай, парень, нечего разлёживаться! – Кол, обернувшись, протянул ему руку, и Бин, подавляя стоны, встал, а затем, заметно хромая, двинулся дальше.

Проклятая улица казалась бесконечной, но наконец, хвала богам, показалась баррикада. Тут же от стены отделился человек. Мужчины одновременно приняли боевые стойки, готовые разить молниеносно и безжалостно.

– Спокойно, я – ваш провожатый, – поспешно воскликнул ожидавший их человек. – Я должен отвести вас на нашу сторону.

– Отлично, – с невероятным облегчением воскликнул Кол. – Ведите нас поскорей!

– Сюда, – лаконично ответил человек, указывая на не слишком приметную дверь в торце здания.

За дверью оказались с десяток ступенек, которые вели в подвал. Мужчина крепко запер за собой массивную дверь на пару металлических засовов и пару мощных металлических щеколд. Затем все вместе прошли по неосвещённому подвалу до другой лестницы, находящейся в противоположном конце подвала. Поднявшись, мужчина специальным образом постучал, и через несколько секунд дверь открылась. Друзья оказались в довольно уютном дворике, усаженном какими-то кустарниками.

– Вы в безопасности, – проговорил тот, что сопровождал их. – А теперь пойдёте со мной.

– Спасибо вам, друг мой, – от всего сердца поблагодарил Каладиус.

А Мэйлинн вдруг уткнулась в грудь Кола и горько разрыдалась. Она не произносила ни единого слова, но все и так прекрасно понимали причину её слёз.

– Ты всё сделала правильно, – шептал Кол, крепко прижимая лирру к себе. – Ты спасла нас. В очередной уже раз.

– Он совершенно прав, дорогая моя, – поддакнул Каладиус. – Неизвестно, как бы всё повернулось, если бы они подошли в упор. Вы поступили совершенно правильно.

Бин просто молчал, угрюмо глядя на то, как крепко и нежно Кол обнимает Мэйлинн. Ужасно болело колено, но, естественно, никто даже и не думал поинтересоваться его самочувствием. Но больше колена болела мысль, что Мэйлинн в тяжёлую минуту выбрала Кола, а не его. Она всё ещё видит во мне ребёнка, – с горечью думал Бин. Со мной можно поболтать о какой-нибудь ерунде, посмеяться, но если случится что-то серьёзное, она всё равно выберет Кола.

Провожатый спокойно ждал, пока лирра выплечется. Когда она оторвалась наконец от промокшей куртки Кола, виновато улыбаясь, словно извиняясь за сцену, которую пришлось наблюдать окружающим, он тактично спросил:

– Мы можем идти?

– Да, – всё ещё срывающимся голосом ответила Мэйлинн. – Простите меня, пожалуйста. Ведите нас.

Они направились за горожанином: впереди – Каладиус, за ним – Мэйлинн, затем – Кол, и замыкающим – Бин. На выходе из дворика Мэйлинн вдруг приостановилась на секунду и, обернувшись к Колу (и, как хотелось бы надеяться Бину – и к нему тоже) тихонько произнесла:

– Я стала слишком легко убивать людей.

Кол в ответ лишь покачал головой, а Бин только жалко улыбнулся, но его улыбку скрыла окружающая темнота.

Отойдя совсем немного от дворика, путешественники увидели впереди небольшую группу людей, человек пять или шесть, освещённую факелом.

– Вижу, вы успешно добрались! – раздался всё тот же голос. – Возникли сложности, насколько я знаю?

– Небольшие, – лаконично ответил Каладиус, не желая развивать тему.

– Ну что ж, главное, что вы справились. Меня зовут Влад Копаш, я – второй начальник стражи нашего маленького королевства. Было бы любопытно узнать ваши имена.

– Во-первых, разрешите поблагодарить вас, господин Копаш, за то, что оказали нам гостеприимство, – начал Каладиус. – Насколько я понял, нам было бы сложновато дотянуть до утра за пределами ваших стен.

– Ну до утра-то вы, скорее всего, дотянули бы. Вся штука заключалась бы в том, чтобы пережить завтрашний день.

– Ещё раз – спасибо! – поклонился Каладиус. – А что касается наших имён, то с вашего позволения мы хотели бы сохранить инкогнито, ибо на то у нас есть веские причины. Я лишь могу сказать, что я – весьма хороший маг и принадлежу к ордену чернокнижников. Это же – мои друзья.

– Вы ставите меня в весьма затруднительное положение, мессир, – ответил Копаш. – Как начальнику стражи, мне довольно сложно смириться с нахождением на нашей территории неизвестных посторонних. Но поскольку у нас всё-таки не война, точнее, война лишь с голытьбой, то я не думаю, что кто-то извне проникнет в город с какими-то дурными намерениями. Если вы – действительно маг, и если у вас действительно есть способ помочь с болезнью, мы будем рады.

– У меня действительно есть способ помочь, – ответил маг. – Вы видите, наши лица закрыты масками. Эти маски обработаны эликсиром моего собственного изобретения. Его несложно изготовить, и если им обрабатывать маски, мыть с ним лицо и руки – никакая синивица не страшна.

– Это очень пригодится, в первую очередь, нашим медикусам и санитарным командам. Когда вы сможете изготовить свой эликсир?

– Я займусь этим нынче же ночью, и к утру он будет готов. Я поделюсь рецептом и особенностями приготовления со всеми желающими.

– Спасибо, мессир. Жаль только, что вас не было здесь три недели назад.

– А кто же руководит сейчас обороной, господин Копаш? – полюбопытствовал Каладиус. – Ежели вы представились, как второй начальник стражи, стало быть, у вас сформирована некая правящая иерархия. А это значит, что кто-то должен быть на вершине этой пирамиды. Я прав?

– Вы правы, мессир. Действительно, у нас есть вождь, человек, который спас центральный Лоннэй от участи, постигшей его окраины. Человек, который не допустил здесь паники, мародёрства и насилия. Человек, благодаря которому удалось обуздать эпидемию и не допустить массового мора.

– И как же зовут этого героя? Надеюсь, мы сможем его увидеть?

– Его зовут Друд Паллаш, но, как вы понимаете, все зовут его Палашом. До мора он был обычным аптекарем, но когда всё это случилось, он был одним из немногих, кто не потерял голову. И так он смог организовать и возглавить оборону, когда беженцы стали творить бесчинства в городе. А что касается встречи с ним, то она, конечно же, неизбежна. Я бы отвёл вас к нему прямо сейчас, но не хочу тревожить его сон, хотя я и не уверен, что он сейчас спит. Однако, поскольку ему крайне редко выпадает возможность спокойно отдохнуть, я не стану рисковать.

– Вы совершенно правы, господин Копаш! – немедленно согласился Каладиус. – Более того, я сейчас хотел бы, не мешкая, приступить к изготовлению эликсира, чтобы при разговоре с господином Паллашем иметь уже нечто полезное в своём активе. Я бы попросил разместить моих товарищей, чтобы они могли поспать. А мне понадобятся некоторые ингредиенты, найти которые не составит труда в любой аптеке. Список я сейчас напишу...

– Всё будет исполнено, мессир, – ответил Копаш. – Для ваших друзей будет подготовлено помещение. А свой список вы можете передать вот этому человеку, – Копаш ткнул

пальцем в одного из стоящих с ним рядом. – Смотри, Карш, чтобы всё, что будет указано, было тут же доставлено мессиру!

– Будет сделано!

– Я не хочу спать, мессир, – вмешался Кол. – Давайте, я помогу вам.

– Хорошо, – легко согласился Каладиус.

– Я тоже могу помочь, – вызвалась Мэйлинн.

– Мне было бы весьма приятно ваше общество, милая, но вам нужно отдохнуть. А вы, друг мой, – обратился он к Бину, который, кажется, тоже собирался вызваться в помощники. – Вас я попрошу побыть с нашей юной госпожой. Ей сейчас нужно, чтобы рядом был хороший друг. Кроме того, вам нужно побереечь ваше раненое колено.

Бин готов был расцеловать старика. Все горести и обиды исчезли. Пусть этот болтун Кол идёт варить лекарство, а он, Бин, будет тем, кто станет утешать Мэйлинн.

– Пойдём, – Бин нерешительно протянул руку Мэйлинн и даже слегка удивился, когда она вложила свою ладошку в его ладонь.

– А меня прошу проводить туда, где есть очаг и хотя бы нечто, напоминающее тигель, – проговорил Каладиус. – Пойдёмте, мой друг, нас ждёт весьма увлекательная ночь.

***

Утро в обессиленном болезнью городе было весьма необычным. Никакого оживления, людской суеты и шума толпы. Тишина, но не мирная и желанная, ради которой едешь в безлюдные места, а тяжёлая и гнетущая.

Как только рассвело, а с учётом того, что месяц дождей уже перевалил за середину, это было не так уж и рано, в комнату, где находились Бин и Мэйлинн, пришёл человек и сообщил, что мессир маг ожидает их. Быстро собравшись, оба направились туда, где их ожидали Каладиус и Кол. Каладиус выглядел вполне довольным:

– Мы приготовили не меньше пяти галлонов эликсира! Но самое главное – мы научили готовить его ещё нескольких человек, которые станут заниматься этим каждодневно. Надеюсь, что вскоре новых случаев заражения больше не будет. Хорошо было бы передать эликсир за ограждение. Надеюсь, господин Паллаш поспособствует этому. Кстати, нам пора на аудиенцию. За нами уже присылали человека.

Они отправились вслед за ожидавшим их мужчиной, который привёл их в невысокий двухэтажный особняк, ничем особым среди прочих не выделяющийся, разве что небольшой белой вывеской, на которой красными буквами было выведено: «Аптека Паллаша».

Бин представлял себе мэтра Паллаша таким убеждённым благородными седидами старцем с пронзительными глазами и громовым голосом – нечто среднее между Каладиусом и мэтром Бабушем. Каково же было его удивление, когда он увидел довольно невысокого и несколько рыхлого человека, по возрасту едва ли много старше Варана. Несколько одутловатое лицо, хранящее следы усталости, мягкие, едва ли не женственные черты. Однако глаза на этом лице были совершенно удивительными. Их словно бы переставили с лица какого-нибудь древнего воителя. Это были глаза народного трибуна, вождя. Они обладали таким магнетизмом, что Бин, едва взглянув в них, уже почувствовал непреодолимое желание слушать сидящего перед ним человека и во всём ему повиноваться. Наверное, когда он был аптекарем, то у него никогда не было проблем с продажей товаров.

– Наконец-то я вижу людей, о которых в моем лагере уже слагают легенды, – в голосе Паллаша тоже не было ничего особенного. Довольно низкий, ещё не старый голос, но никак не похожий на трубный глас.

– Мы тоже рады приветствовать человека, чьё имя овеяно столькими легендами, – вернул любезность Каладиус.

– Уверен, что вы знаете моё имя, однако же я не знаю ваших.

– И это отнюдь не признак неуважения, а лишь мера предосторожности, сударь, поскольку у нас есть причины желать, чтобы наше местоположение оставалось тайной для определённых лиц.

– Что ж, я не стану настаивать, мессир, – Палаш пристально взгляделся в перстень, который Каладиус не позабыл нацепить на палец. – Я слышал, что вы – чернокнижник?

– Именно так. Этот перстень удостоверяет сие.

– Я – человек маленький и мало что слышал о чернокнижниках. Но мне всегда казалось, что в этом ордене состоят лишь саррасанцы.

– И вы совершенно правы, сударь, но я довольно долго прожил в Саррасе и сумел заслужить это право.

– Прошу вас не называть меня сударем, – без всякой рисовки попросил Палаш. – Я – человек не благородный, лишь волею случая ставший кем-то большим, чем обычный аптекарь. Мои люди зовут меня мэтром Паллашем, а кто поближе – Палашом.

– Хорошо, мэтр Паллаш, – слегка поклонился Каладиус.

– Должен заметить, что я не мог не обратить внимание, что ваша юная спутница – лирра. Ваш народ – нечастые гости в наших краях, сударыня. Что привело вас сюда?

– Это ещё одна вещь, которую мы хотели бы сохранить в тайне, – быстро вмешался маг. – Было бы лучше, если бы как можно меньше лиц знало о том, кто моя спутница. Поверьте, это не просто наша блажь.

– Я понял. Хорошо. Если вы, сударыня, не станете снимать капюшона, возможно, удастся скрыть ваше происхождение от окружающих. Ладно, довольно об этом. Я слышал, мессир, вы изготовили некий эликсир, который должен противостоять заражению синивицей?

– Именно так. И первая партия уже должна была поступить в распоряжение ваших медиков и санитарных команд.

– К счастью, эпидемия идёт на спад. С каждым днём мы фиксируем всё меньше заболевших. Надеюсь, такими темпами где-то через неделю мы и вовсе придём к тому, что новых заражённых не будет.

– С моим эликсиром их не будет уже завтра.

– Надеюсь, это нечто лучшее, чем сосновый отвар, которым нас хотели пичкать придворные медикусы? – в голосе Палаша слышалось едкое презрение.

– Уж можете мне поверить! – закивал Каладиус. – Уж не знаю, какой умник додумался до такой глупости, но мой эликсир совсем иной.

– Знаю, мне уже принесли рецепт. Удивительно – все ингредиенты веками продаются в наших аптеках, но почему-то никто не додумался до такой компиляции.

– Не вините себя. Даже в Латионе, где синивица куда более частый гость, чем в Загорье, единицы знают подобный рецепт. И не потому, что я его тщательно скрываю – напротив, я готов раздавать его всем желающим. Но беда медиков в том, что они довольно консервативны.

– Даже *слишком* консервативны, – фыркнул Палаш. – Я бы лично отрезал голову тем идиотам, что выдумали эту ерунду с сосновым отваром! От него больше вреда, чем пользы! Именно тогда, когда стали передавать эти проклятые бочки, в городе произошёл главный взрыв заболеваемости. Сотни больных, смешиваясь с тысячами здоровых в очереди за отваром, превращались в тысячи больных. Я запретил своим людям навещать туда. У нас было собственное средство для того, чтобы не заразиться.

– Можно ли полюбопытствовать – какое?

– Смесь сушёного лука и чеснока, перетолчённые с киноварью и суриком. Все наши медикусы и санитары носят специальные маски с длинными носами. В эти носы мы и засыпали эту мою смесь, так что люди дышали воздухом, очищенным от заразы.

– Должен сказать, мэтр Паллаш, что вы, к сожалению, являетесь куда лучшим вождём, нежели аптекарем, – лицо Каладиуса стало весьма тревожно.

– Что вы хотите этим сказать? – Палаш, видимо, совсем не ожидал подобных слов.

– Сначала скажите вы: не страдают ли ваши медикусы и санитары от кашля и жжения в носоглотке? Наверняка, случались и приступы рвоты, и головная боль?

– Да, есть такие симптомы. Однако уж лучше покашлять немного, чем...

– Немедленно отдайте приказ уничтожить все эти маски. А также дать им обильное питье и вот эти препараты, – Каладиус судорожно, рвя бумагу огрызком карандаша, написал несколько слов. – Увы, если кто-то ежедневно по несколько часов ходил в ваших масках все эти три недели, то, боюсь, спасти их уже не получится.

– Что вы хотите сказать? – Палаш был бледен, но на щеках ярко полыхали пятна румянца.

– Удивительно, что вы не знали, насколько ядовитой является киноварь. Да и сурик тоже не особенно полезен. А уж дышать ими ежедневно по многу часов... Это ужасно.

Надо отдать должное Палашу – он не стал кричать, рвать на себе волосы или же доказывать свою правоту. Более того, поначалу он даже вскочил, словно сам собирался бежать за необходимыми препаратами. Но тут же взял себя в руки и вызвал человека, находящегося в соседней комнате.

– Клош! Немедленно двигай ко мне на склад, пусть там отыщут препараты, указанные в этой бумаге и начнут выдавать их всем, кто носил клювы. Но первым делом беги и распорядись, чтобы все клювы, какие у нас есть, собрали и сожгли где-нибудь подальше от людей.

– Слушаюсь, – Клош взял бумажку и исчез.

– Спасибо вам, мессир, – Палаш подошёл к магу и затряс его руку. – Если бы не вы...

– Не нужно благодарить, мэтр Паллаш. Каждый из нас оказался на своём месте. Увы, я – гораздо позже, чем нужно.

– Как подумаю, что я своими руками...

– А вы и не думайте, друг мой. Вы и так спасли очень и очень многих в этом городе. А уж иных – не спешите хоронить прежде времени! Надеюсь, что они не успели получить смертельную дозу. Я беру на себя их лечение. Уверен, что мы их выходим!

– Я буду вечный ваш должник, мессир! – воскликнул Палаш. – И, раз уж речь зашла об этом, то я слышал, что у вас есть дела в нашем городе, настолько неотложные, что вы даже были вынуждены пробраться сюда сквозь заслоны карантинных отрядов.

– Это так. У нас здесь действительно есть дела. В первую очередь меня интересует, какая ситуация сейчас на улице Чайных Роз.

– Эта улица под нашим контролем, если вы об этом.

– А как дома на этой улице? Не было ли мародёрств, поджогов?

– В первый день я приказал повесить двоих за мародёрство. И ещё троих на следующий день. До остальных, вроде бы, дошло. Так что думаю, что дома там нетронуты. А что – у вас там дом?

– Да, у меня там дом, и, более того, там хранятся весьма ценные вещи, которые мне необходимы.

– Убеждён, что с вашими вещами ничего не случилось. Вы сможете забрать их в любое удобное время.

– Рад это слышать. А теперь мои друзья хотели бы кое-что узнать.

– Скажите, господин Паллаш, в чьих руках сейчас находится площадь Урожаев? – подала голос Мэйлинн.

– Она находится в наших руках, сударыня, – голос Палаша смягчился при обращении к лирре. Видимо, он уже начал подпадать под её очарование.

– Не пострадали ли заведения на этой площади во время погромов?

– Хвала богам – нет. А какое из заведений вас интересует? Возможно, я смогу дать более точные справки.

– Нас особо интересует гостиница «Песнь малиновки».

– А, берлога старого Бабуша! Она в целости и сохранности.

– Ах, вы просто не представляете, какую счастливую весть вы нам сообщили! – вскричала Мэйлинн, прижимая руки к груди. Лица Кола и Бина, до того достаточно хмурые, озарились чистыми и искренними улыбками. – А вы не знаете судьбу самого мэтра Бабуша?

– Как же не знать! Он теперь – староста своего квартала. Отвечает за порядок, безопасность. Старый Бабуш удивил всех, предложив часть своей гостиницы под госпиталь для больных. Мы видимся с ним довольно часто, он приходит сюда время от времени. Может быть, зайдёт и сегодня. Но лучше вы сами сходите, и всё увидите. Сейчас больных в нашей части города стало гораздо меньше, так что его гостиница, вроде бы, свободна от заболевших.

– Надеюсь, сам мэтр Бабуш не пользовался вашими «клювами», – при этой фразе Каладиуса улыбки окружающих враз потухли.

– Я этого не знаю... – понурился Палаш.

– Ну вот и узнаем! – постарался смягчить грозность своих слов Каладиус. – Отправляйтесь-ка, друзья мои, к своему знакомцу, а я, пожалуй, осмотрю тех несчастных, что отравились киноварью. Позже приходите в мой особняк на улице Чайных Роз. Уверен, вам покажут дорогу. Найдёте двухэтажный дом с красной черепичной крышей и кованой калиткой. Если меня ещё не будет, то, надеюсь, там будут мои слуги. Они подготовят вам комнаты и пищу. Кстати, вы уже вполне можете идти без масок на лице – я думаю, что риск заражения минимален.

– В любое время можете приходите ко мне, друзья, – радушно заключил Палаш. – Буду всегда рад видеть вас.

После этого все направились по своим делам: неразлучная троица – навестить Бабуша и детей, Каладиус – спасти жизни, а Палаш – управлять своим маленьким королевством.

Глава 33. Борьба за жизнь

Улицы Лоннэя здесь уже почти позабыли ужасы первых дней мора. Они уже оправились от шока, а разбитых окон и сожжённых домов здесь не было и в помине. На улицах даже встречались люди. Их было не так много, как в прошлый приезд, однако они были. Более того, основная их масса занималась вполне повседневными делами. Шла баба с корзиной грязного белья, булочник открывал свою лавку, из которой уже доносился запах испечённого ночью хлеба. Апофеозом всего этого был пожилой мужчина, аккуратно подкрашивающий штакетник вокруг своего дома нежно-салатовой краской. Всё это настолько контрастировало с бедными кварталами города, через которые путешественники проходили этой ночью, что могло показаться настоящим издевательством, если бы не осознание того, что эти люди в прямом смысле слова добились права печь хлеб и красить заборы, вместо того, чтобы громить чужие дома и убивать без причины.

Наша неразлучная троица шла этим, уже совсем по-осеннему прохладным утром, с двоякими чувствами. С одной стороны, они ощущали радость предстоящей встречи, с другой – не давала покоя тревога за судьбу детей, а также слова Каладиуса о ядовитой маске. Однако по мере того, как они приближались к знакомой площади, сердца начинали биться всё сильнее, когда память услужливо вытаскивала из своих запасников те или иные подробности и воспоминания. Вот тут они впервые увиделись с мэтром Бабушем, и какой же порядочной скотиной он тогда показался! Мэйлинн даже слегка улыбнулась этому воспоминанию. Наконец они завернули за угол и оказались на площади Урожая. И первый, кого они увидели, был сам мэтр Бабуш, собственной персоной, который разговаривал с двумя какими-то мастеровыми.

Трактирщик поначалу лениво пробежался взглядом по приближающимся фигурам. Действительно – люди здесь ходят обычно всё одни и те же, поэтому никого интересного Бабуш увидеть, естественно, не ожидал. Вероятно, в первое мгновение добрый хозяин даже не осознал того, что увидели его глаза, поскольку, мельком взглянув на приближающуюся троицу, он вновь перевёл взгляд на собеседников. Но затем, похоже, до него дошло то, что он увидел.

Это было невероятно комичное зрелище – глаза старика внезапно выпучились, рот раскрылся, и он опять взглянул на подходящих ближе друзей. Целая гамма чувств – от полного недоверия до безумной радости – отразилась на его лице. С криками, расталкивая своих собеседников, мэтр Бабуш бросился навстречу Мэйлинн. Захлёбываясь слезами и восторженными воплями, он сграбастал лирру в охапку и так прижал к себе, словно та была его давно утерянным и вдруг обрётённым ребёнком. Не сдерживая себя, трактирщик смачно расцеловал Мэйлинн в обе щёки, а затем та же участь постигла и двух её спутников, которые, однако, не слишком-то и сопротивлялись этому.

– Как вы?.. Откуда вы?.. – от радостного волнения мэтр Бабуш, похоже, не был способен закончить ни одно из начатых предложений.

– Да вот, решили навестить вас, старый вы пройдоха! – ухмыляясь во весь рот, ответил Кол. – Поглядеть – соскучились ли вы тут по нам?

– Соскучились??? – взревел мэтр Бабуш. – Да не было и часа, чтобы мы о вас не вспоминали!!!

– И мы вспоминали вас, добрый мэтр Бабуш, – утирая слёзы, отвечала Мэйлинн, вновь попавшая в объятия старика.

Мэйлинн, очевидно, боялась задать мучающий её вопрос, так что Колу пришлось прийти на помощь:

– Здоровы ли детишки? – чуть срывающимся голосом спросил он.

– Здоровы, здоровы, золотые вы мои! – отвечал размякшим голосом трактирщик. – Благодарение Арионну, минула нас беда. И Шайла здорова, и Астур.

– Шайла? Астур? – Мэйлинн хохотала от облегчения, но эти имена её удивили.

– А как же! Заговорила наша девочка! Недельки через две после того, как вы уехали!

– Как славно! Наверное, вы были для них ласковым отцом! – лирра не удержалась и чмокнула трактирщика в морщинистую щеку.

– Скажете тоже – отцом... – расплылся в счастливой улыбке старик. – Скорее уж дедушкой. – Но пойдёмте же в дом! Чего мы тут стоим-то?

Не выпуская лирры, да ещё и заграбастав второй рукой Бина, неизменно счастливый Бабуш направился к дверям гостиницы. Он ещё не осознал до конца, что же произошло. Для него такое чудесное явление Мэйлинн и остальных посреди запертого морового города было объяснимо лишь милостью и прямым вмешательством богов. Но, надо сказать, что старого простака такое объяснение вполне устраивало. Проходя мимо двух мастеровых, он прокричал им прямо в лицо что-то насчёт того, чтобы они разбирались сами, шли куда-то к мельнице, а он, мол, позже подойдёт. Нисколько не интересуясь, поняли ли его указания, Бабуш исчез за дверьми своей гостиницы.

Мэйлинн очень бы хотелось, чтобы прямо на пороге её встретила девчушка, которую, как оказалось, зовут Шайлой, держащая на руках маленького Астура. Но большая зала была пуста.

– Спят, поди, ещё детишки-то? – Колу тоже не терпелось их повидать.

– Спят наверное, – махнул рукой Бабуш. – Шайла-то допоздна не ложится, всё хлопочет. Сейчас, правда, как вы понимаете, с постояльцами негусто, но она и за гостиницей присматривает, и за продуктами бегают. Но главное – при госпитале помогает...

– Вы позволили ей находиться среди больных? – взвилась Мэйлинн.

– «Позволили»... – проворчал трактирщик. – Ей запретишь!.. Да не волнуйтесь, дорогая моя, кто ж её пустит-то к больным? Так – где постирать, где принести... Я пытался не пускать, да куда там! Эх, и характер у нашей Шайлы! – такая гордость сквозила в голосе старика, будто бы девочка была его родной дочерью. – Тут ведь у меня тоже одно время госпиталь-то был. С нашего квартала больных собирали. Весь второй этаж я под это дело оформил. И тогда Шайла постоянно санитарам помогала. Они её прогонять пробовали. Одному руку прокусила так, что любо дорого поглядеть! Волчица, а не девчонка!

– А вы-то сами, почтенный мэтр, когда врачеванием тут занимались, не одевали маску с клювом? – вспомнив давешний разговор, быстро спросил Кол.

– Да из меня-то какой лекарь? Так, на подхвате... Ну пару раз маску одевал, когда помогал заносить больных... А так... Ни к чему она была мне.

– Вот и славно! – воскликнул Кол, а остальные облегчённо вздохнули. – А Шайла, надеюсь, такую маску тоже не одевала?

– Да ей-то она тоже без надобности! Я её старался подальше от больных держать.

– Всё же не стоило бы её подпускать к заразе... – уже нерешительней проговорила лирра.

– Да а как не попускать-то... У нас ведь, милочка, зараза-то, почитай, повсюду была. Одно время вообще не верилось, что живы останемся... Люди мёрли, что твои мухи... – помрачнел Бабуш.

– Что, тяжело было? – спросил Кол, понимая, насколько глупо звучит его вопрос.

– А то! Я за эти три недели, почитай, три жизни прожил!

– Что здесь было, можете рассказать? – поинтересовался Кол.

– Отчего ж не рассказать, – вздохнул Бабуш. – Особенно, ежели за бутылочкой винца. Ежели вы не торопитесь.

– Мы-то точно никуда не торопимся, а вот вы, вроде как, теперь большой человек в городе? – не поймёшь – то ли серьёзно, то ли с ехидцей воскликнул Кол.

– Да какое там! Народ успокоил во время бунта, вот и назначил меня Палаш старостой. Теперь вот приходят люди со своими проблемами. В мельнице, видишь ли, жёрнов треснул – и снова ко мне прибежали! А я что теперь должен – новый жёрнов работать?..

– Серьёзный вы человек, мэтр Бабуш! – улыбнулся Кол. – Ну, так и быть! Посидим, да поговорим! Авось, и без вас разберутся там – как-то же раньше обходились! А я даже ради такой встречи с вами стаканчик-другой хлопну! Как думаешь, Бин, поддержим компанию?

– Отчего ж не поддержать? – сверкнул зубами Бин, не ожидая приглашения, направляясь к столу.

Бин был счастлив. Практически до этой минуты он всё ожидал, что случится что-то плохое; сначала – что Бабуш будет смертельно отравлен киноварью, потом всё ждал, что Бабуш разрыдается и скажет, что детей забрала синивица. Но, к его какому-то подсознательному удивлению всё, кажется, было хорошо. Ему даже показалось, что солнце ярче осветило помещение гостиницы. Поэтому он действительно не прочь был сейчас хлебнуть немного вина.

Мэйлинн, как обычно, отказалась и спросила молока. Однако мэтр Бабуш был вынужден её разочаровать – как раз с молоком сейчас было очень и очень плохо. В самом городе коров почти не было, а коз хотя и было побольше, да молока было также почти не достать. Шайла каждый день бегала к одной старушке, живущей через восемь кварталов отсюда, чтобы принести четверть галлона козьего молока для Астура. Трактирщик предложил лирре яблочного сока, и та охотно приняла предложение.

Мэтр Бабуш сам сбегал на кухню и вскоре вернулся с тёплым ещё завтраком – яичница, варёное мясо, хлеб. Словно извиняясь, объяснил, что одна служанка, увы, умерла от синивицы, другая сейчас работает санитаркой в госпитале, а новую пока не нанял, поскольку постояльцев всё равно нет. Да и еда, было очевидно, являлась недоеденным завтраком самого трактирщика, который он, возможно, приберёт на обед.

Друзья уселись за столом и воздали должное угощению. Правда, несмотря на то, что Кол сам заговорил о вине, он позволил плеснуть себе в кружку не более чем на несколько глотков, после чего жестом остановил Бабуша. Бин, у которого за плечами не было буйного алкогольного прошлого, с удовлетворением наблюдал, как слегка пенящаяся красная жидкость почти до краёв наполнила его собственную кружку. Себе трактирщик также налил не более трети стакана, сославшись, что ему ещё сегодня многое предстоит сделать. После чего, чокнувшись и возблагодарив богов за встречу, все отглотнули тот напиток, который был налит у каждого в кружке. Затем, поскольку Бабуш уже позавтракал, то, пока остальные работали челюстями, он начал свой рассказ.

– Всё началось примерно три недели назад, может, чуть больше, – задумчиво заговорил он. – Асс её знает, откуда взялась эта синивица, ведь у нас тут её отродясь не бывало. Говорят, возможно, она пришла с восточного побережья, куда её могли занести те же кидуанские моряки. Моё мнение, что пришла синивица в Прант, а оттуда её уже понесли приречные беженцы. В общем, так или иначе, а прозевали мы заразу, и вот оказалась она у нас в Лоннэе.

Сперва было не очень много заболевших, и всё среди беженцев. Как только весть о синивице распространилась, всех заболевших стали направлять в храм Первосоздателя. Так его жрецы предложили. Там же они и ухаживали за ними. Но беженцев было столько, что на улицах было просто не продохнуть. Опять же – грязь, нечистоты... Ну и пошло-поехало. Сперва люди заболевали десятками, затем – сотнями, а уж где-то на третий или четвёртый день болезнь стала косить тысячами. Храм Первосоздателя уже не вмещал и десятой доли заболевших. Другие храмы подключились, но и это не спасало. Люди лежали на площадях, на улицах, с ними контактировали тысячи здоровых.

Паника началась, когда появились первые умершие. Их было очень много, так что от обычных похорон пришлось отказаться довольно быстро. Заключённые городской тюрьмы получили предложение обрести свободу взамен на работу в санитарных отрядах. Они рыли огромные рвы, в которые сносились сотни трупов. На улицах к тому времени уже начались столкновения – коренные горожане требовали убрать из города беженцев. Часть их действительно, было, стали вывозить, но очень скоро стало ясно, что размещать их нигде, а отпускать на все четыре стороны – нельзя, чтобы не разносить болезнь дальше. Так что эвакуацию, можно сказать, не начав, прекратили.

И вот тут произошло то, чего никто не ожидал. Одной из ночей король со всей семьёй и практически всем своим двором тайно покинул город, отправившись в Прайнон. Конечно, тайны никакой не получилось, поскольку множество людей даже ночами оставались на улицах города. Королевский кортеж из десятков карет сложно было не заметить. Если бы не солдаты, наверное, и короля, и всю его свиту тут же разорвали бы на клочки. Однако тех, кто пытался приблизиться к кортежу, солдаты избивали или даже убивали. После того, как последний экипаж покинул город, его покинули войска, а ворота были заперты снаружи. Мы оказались в западне.

Утром, когда весть об этом распространилась, начался главный кошмар. Испуганные, озверевшие люди сначала бросились к воротам и на стены, в надежде найти выход. Затем начались погромы. Горожане стали убивать беженцев, беженцы стали убивать горожан... Через какое-то время беженцы уже убивали беженцев, а горожане – горожан. Люди убивали просто от безысходности, или чтобы не быть убитыми.

А затем голытьба ломанула в центр города, в надежде хотя бы перед смертью урвать больше богатств, еды, одежды, или чего там они ещё хотели. Тут бы, наверное, и конец всему пришёл, кабы не наш Палаш. Как только стало известно, что король покинул столицу, он стал призывать людей баррикадировать улицы, чтобы превратить центр в крепость. Опять же, мы бы, конечно, не успели настроить баррикад за те несколько часов, что нам оставались, но, хвала Арионну, большая часть улиц и так уже была загорожена, поскольку нам не хотелось, чтобы больные беженцы рвались к центру. Так что нам оставалось не так много работы – завалить те улицы, что были ещё свободны, сделать баррикады более неприступными, и заложить окна и двери домов, чтобы через них нельзя было проникнуть вглубь центра.

В общем, более или менее успели. Поэтому, когда на окраинах начались побоища и люди стали ломиться к центру, мы уже встретили их как полагается. Я не слишком-то горжусь этим, ведь там, в толпе, было полно женщин, детей, стариков. Но, если бы потребовалось, я поступил бы так снова. Потому что только так мы спасли тысячи людей от смерти.

Увы, пришлось стрелять в толпу. У нас было вдоволь луков и самострелов, и нам приходилось быть безжалостными. Каюсь, и мои руки в крови. Я – неважный стрелок, но раза три или четыре я попадал в цель...

Мы выдержали несколько приступов в этот и следующий день. Спать и отдыхать тогда почти никому не пришлось. Голытьба пыталась закидывать баррикады факелами, так что постоянно приходилось поливать их водой. С той стороны тоже кое-кто имел оружие, другие метали камни из пращей, да или просто – голыми руками, так что без потерь и у нас не обошлось. Да и заболевшие были, и немало. В общем, иной раз казалось, что уже и не выжить.

Но в конце концов голытьба всё-таки сдалась. Отошли назад, смирились. Что творилось там, в бедных кварталах, страшно даже и представить. Прямо на наших глазах, день или два спустя трое ублюдков насильовали совсем молодую девушку, почти девочку. Крики были слышны далеко вокруг. Мы били из арбалетов, но впустую – далеко. А эти нелюди ещё и усмехались над нами, видя наше бессилие. Потом, когда они ушли, девочка так и осталась лежать. Лежала она и на другой день, и лишь на третий её кто-то унёс...

Нам пришлось с нуля воссоздать власть на нашей части города. Палаш был объявлен вождём, а вокруг него сплотились люди, которые не потеряли головы в критический момент. Они и стали его помощниками по охране, по снабжению, по борьбе с эпидемией... Во главе каждого квартала назначили старосту, который отвечал за безопасность жителей. Заработали санитарные команды, очищающие улицы от мертвецов. Нам удалось даже очистить улицы с той стороны баррикад, насколько это было возможно.

Поскольку с похоронами теперь дело обстояло скверно – вывозить мертвецов за город было больше нельзя, решили их просто жечь. На всех площадях устроили такие кострища. Если вы выглянете в окно, то увидите и на нашей площади горелое пятно. Хвала богам, уже несколько дней никого не жгли, сейчас уже мало умерших. А ещё неделю назад ежедневно сжигали два-три десятка тел. А две недели назад – полсотни и больше. А там, за баррикадами, наверное, в день на одном костре и по несколько сотен сжигали. По крайней мере, у них дымит вообще постоянно.

Если бы мне месяц назад кто-то сказал, что здесь произойдёт такой кошмар, и что я его переживу, и даже не сойду с ума, я бы не поверил, что способен на такое. А оказалось, что способен. Как видите, выжил, да и даже хватает сил душевных утром с кровати вставать. Благодарю Арионна и вас, что дали мне деток. Лишь ради них и жил все эти дни...

Мэтр Бабуш закончил свой сбивчивый рассказ, заливаясь слезами. Всё это время его слушали, не перебивая. И эти простые, неказистые слова обычного трактирщика так глубоко западали в души слушателей, что они словно наяву видели всё то, о чём он рассказывал. И без того большие глаза лирры сейчас были просто огромны, и из них безудержно лились слёзы. Кол, хмурясь, вертел руками по столу кружку, из которой он больше так и не отхлебнул. Бин каким-то пустым, потерянным взглядом, не отрываясь, смотрел в одну точку где-то над головой мэтра Бабуша. Все были настолько потрясены, что, когда трактирщик замолчал, они даже этого не осознали. Они продолжали находиться в этом кошмаре, который бесхитростно и жёстко описал старик.

– Да, досталось же вам, отец, – глухим, надтреснутым голосом проговорил наконец Кол, отставляя наконец злополучную кружку подальше от себя.

– Да уж, выпало на старости лет... – невесело усмехнулся Бабуш. – Не представляю, как теперь я буду дальше жить в этом городе... Как буду смотреть на эти улицы, на эту площадь... Мне кажется, это обгорелое пятно никогда не исчезнет. И вонь горящих тел – тоже. Но больше всего я не знаю, как смогу потом смотреть в глаза тем людям, что остались там...

– Теперь всё самое страшное позади, – срывающимся голосом заговорила Мэйлинн. – А вам надо будет жить дальше. И не только ради малюток, но и ради себя, и ради этого города. Потому что то, что случилось, не должно быть забыто...

– А как же вы теперь встретите вашего короля, когда он вернётся? – слегка заплетающимся от вина голосом вдруг задал вопрос Бин, оторвав, наконец, взгляд от противоположной стены.

– Сказать по правде, я бы этого короля... – Бабуш замолчал на какое-то время. – Я даже не знаю, какое наказание я бы посчитал достойным для этого негодяя. Останься он в городе, с нами, ничего этого бы не случилось. Вся эта кровь – на его руках. Но... Когда он вернётся... А как мы его встретим? Что сделаем? Разве у нас есть выбор? Проглотим, утрёмся, и будем жить дальше.

– А почему бы его не свергнуть? – сверкая глазами, воскликнул Бин.

– И утопить город в новой крови? – скривившись, Бабуш помотал головой. – До короля нам не дотянуться. А всех, кто попытается – просто убьют. Так что я смысла никакого не вижу. Остаётся лишь надеяться, что на другом конце Белого Пути ему воздастся за всё. Если

есть на свете справедливость, то сейчас все демоны самых глубоких преисподен копают яму ещё более глубокую, куда и сбросят эту гнилую душонку.

– Мэтр Бабуш прав, – кладя руку на плечо Бина, проговорил Кол. – Будем надеяться на правосудие богов. Потому что революционеры из нас – так себе... Но сколько же можно спать? – резко меняя тему, встрепенулся он.

– Да идите, разбудите этих сонь! – тепло улыбнулся Бабуш, вспомнив о своих воспитанниках. – Уж как они рады-то будут!

– Пусть одна Мэйлинн сходит пока, – решил Кол. – А то ввалимся сейчас всей толпой, перепугаем детишек.

– Хорошо! – улыбнулась, вставая Мэйлинн. Было видно, что ей уже давно не терпелось.

– Там, по коридору, вторая дверь налево, – махнул рукой Бабуш.

Кивнув, лирра удалилась.

– Ну что, ещё по одной? – подмигнув, спросил Кол, хотя он не выпил даже мизерного содержимого первой кружки.

Бин, чья кружка уже почти опустела, с готовностью пододвинул её трактирщику. Тот, задумчиво поглядев на пустое дно своей кружки, словно сомневаясь, вдруг решительно ухватил бутылку и налил по полной и себе, и Бину. Кол вежливо прикрыл свою ладонью. Однако же, когда все, не чокаясь, стали пить, отхлебнул ещё один глоточек.

***

Мэйлинн, едва приоткрыв дверь, тихонечко проскользнула в небольшую комнатку, уже вполне освещённую осенним солнцем. Комнатка была скромно, но с большой любовью обставлена мебелью, во всей обстановке чувствовалась рука её маленькой хозяйки.

Сама хозяйка безмятежно спала на довольно широкой кровати, свернувшись почти клубком, как могут лишь дети, и подложив ладошку под щеку. Рядом, поперёк кровати, раскинув руки и ноги так, словно он был полновластным хозяином всего ложа, спал младенец Астур. Мэйлинн невольно замерла у входа, залюбовавшись зрелищем и не решаясь нарушить сон братика и сестры. На глазах лирры вновь появились слёзы, но на сей раз это были чистые и тёплые слёзы счастья. Если бы было можно, она тотчас же бросилась бы к этим двум существам и, горячо обняв, ни за что не отпускала бы их уже никогда.

Вместо этого Мэйлинн тихонечко, на цыпочках, подошла к кровати, осторожно присев на самый краешек. В луче солнца, врывающемся в окно, танцевали сияющие пылинки. Скоро, когда солнце поднимется выше, этот луч скользнёт чуть вниз, и тогда он окажется прямо на лице Шайлы, наверняка разбудив её. Но пока же она мирно спала и, как мы уже упоминали, её щёчка покоилась на ладошке.

И вот тут Мэйлинн пришлось зажать себе рот, чтобы подавить крик отчаяния, готовый вырваться из груди. Глаза лирры округлились, в них застыл ужас, смешанный с неверием. И глухое рыдание всё же вырвалось из зажатого рта, разбудив девочку. Она подняла голову над подушкой, и синее, чуть отливающее фиолетовым пятно на щеке стало ещё заметней.

– Мэйлинн! – едва разглядев сидевшую рядом лирру, вскричала Шайла, разбудив криком брата, который тут же начал легонько похныкивать.

– Тише, малышка! – Мэйлинн не знала, как себя вести. Она очень хотела обнять девочку, но боялась сделать это.

Шайла разрешила эту дилемму за неё – она просто взлетела с кровати и бросилась на шею лирры, целуя её в обе щеки и неся обычный нежный бред, который в таких случаях несут дети. Внутри Мэйлинн же что-то оборвалось. Вот и всё... Теперь, наверное, и она тоже заражена. Или ещё можно вымыть лицо эликсиром Каладиуса?..

Девочка же теперь ощутила какую-то неживую неподвижность Мэйлинн и, чуть подавшись назад, в упор посмотрела на неё.

– В чём дело? – недоуменно спросила она.

– Ты знаешь, что у тебя на щеке? – помертвевшим голосом спросила Мэйлинн.

– Ах, это! – Шайла легкомысленно потрогала синее пятно. – Да это я дня три назад в потёмках на дверной косяк налетела. Теперь вот фингал...

Если бы на плечи Мэйлинн сначала поставили всю «Песнь малиновки», а затем вдруг её сняли, она и то вряд ли почувствовала бы большее облегчение.

– Фингал??? – Мэйлинн хохотала, целовала, обнимала и хохотала вновь. Шайла, наверное, поняв, в чём дело, хохотала, целовала и обнимала в ответ. Даже маленький Астур больше не хныкал, а смеясь, тянул ручонки к лирре.

– А кто это тут не спит? – послышался голос сзади и в комнату, распахнув дверь, ворвался Кол. Шайла взвизгнула от восторга и одним прыжком оказалась у него в объятиях, дав возможность Мэйлинн подхватить братика.

Следующим зашёл Бин. Глаза его блеснули то ли от выпитого вина, то ли от радости, то ли от слёз, то ли от всего вместе. Кое-как отлепил Шайлу от Кола и крепко-накрепко прижал к себе. Возможно, в этот момент он вспоминал свою Нарку, которая была совсем немногим старше Шайлы.

Счастливый мэтр Бабуш уже не помещался в комнате. Он стоял, прислонившись к дверному косяку, глаза на мокром месте, и молился про себя, чтобы этот момент чистого, незамутнённого счастья никогда не заканчивался. В эту секунду для шестерых людей, находящихся в этой комнате, не существовало ни синивицы, ни дорийцев, ни «его сраного величества» короля Аллана Девятого.

Глава 34. Окончание мора

Почти до самого вечера пробыли друзья в «Песни малиновки». Мэтр Бабуш всё-таки был вынужден уйти. Дважды в дверь просовывались чьи-то слегка растерянные лица, ищущими глазами окидывающие помещение и теряющие растерянное выражение, лишь наткнувшись взглядом на трактирщика. Эти лица лепетали что-то о каких-то проблемах, разговаривая полупросительным, полувопросительным тоном. И дважды мэтр Бабуш, закалившийся и заматеревший за последние три недели, рывкал в ответ, заставляя эти лица исчезнуть. Однако, где-то в глубине души он, вероятно, решил, что на этом его лимит исчерпан, поэтому, когда третий проситель заглянул в чуть приоткрытую дверь, трактирщик молча подхватил свою куртку, и, коротко попрощавшись с друзьями, обещая вернуться как только сможет, вышел наружу.

Дети весь этот день не отлипали от Мэйлинн. Астур деловито сидел на её коленях, лопоча что-то на одном ему известном языке и посасывая свой большой палец. Шайла сидела рядышком, обняв руку лирры и прижавшись к ней щекой. Она отнимала голову лишь затем, чтобы влюблённым взглядом посмотреть на обожаемую Мэйлинн, если та что-то говорила девочке, или о чём-то её спрашивала.

Кол сидел рядышком, усмехаясь предстающей картине и наслаждаясь бездельем. Именно он был главным инициатором разговоров, рассказывая Шайле необыкновенно преувеличенную и приукрашенную версию их путешествия, заставляя девочку то и дело раскрывать рот – то от восторга, то от удивления, а то и от ужаса. Несколько раз Мэйлинн цыкала на завирающегося центуриона, но замороженная Шайла умоляла продолжать дальше.

Пьяненький Бин блаженно развалился за столом, глупо улыбаясь и чувствуя себя бесконечно счастливым человеком. Время от времени, встречаясь взглядами с Астуrom, он корчил ребёнку уморительные рожи. Младенец был вполне благодарным зрителем и одобрительно хохотал, приводя Бина в полный восторг. Но гораздо интересней и любопытней были редкие взгляды, которые Шайла исподтишка бросала на юношу. В этих взглядах было нечто, что заставляло невольного свидетеля заподозрить в девочке некие особые чувства, которые она, судя по всему, питала к Бину. Надо сказать, что от Мэйлинн эти взгляды не ускользнули, поэтому она всякий раз легонько улыбалась, глядя на это зарождение нового чувства. Бин же не замечал ничего – он видел в Шайле всего лишь маленькую девочку, почти сестрёнку. Хорошо хоть хватало ума не корчить ей рожи.

Ближе к вечеру Шайла-таки отпустила нашу троицу, предварительно взяв с Мэйлинн страшную-престрашную клятву обязательно прийти завтра. Мэйлинн пообещала, даже упомянула вскользь, что постарается привести с собой и Бина, чем тут же вызвала лёгкий румянец на смуглых щёчках девочки. Надо сказать, что, несмотря на обещания, мэтр Бабуш так и не появился дома, но Шайла сказала, что это – совершенно обычное дело, и что он «хорошо если не сильно затемно явится». Мэйлинн предложила девочке пойти с ними, но та отказалась, сославшись на уйму дел, которые нужно ещё переделать по дому.

Без особого труда друзья разыскали улицу Чайных Роз, а на ней совсем несложно оказалось найти нужный особняк. Он, действительно, выглядел совершенно нетронутым минувшими событиями, был аккуратно ухожен и чист. Даже газоны были тщательно очищены от опавшей листвы. Пройдя через кованую калитку, Кол постучал в массивную дверь.

Через небольшое время дверь открыл баинин, на неискушённый взгляд Кола ничем не отличимый от Пашшана. Он молча отошёл в сторону, пропуская гостей в дом. Колу удалось немного расспросить слугу и выяснить, что хозяин уже заходил, удостоверился в благополучии дома и слуг, а также в сохранности ценных бумаг, после чего вновь ушёл, просив

передать, чтобы гости размещались в доме, мылись, ужинали и отдыхали. Мессир обещал вернуться до того, как они лягут спать.

Собственно, дважды просить никого из наших друзей не пришлось. Все они с огромным наслаждением приняли ванну, причём каждый из них сделал это в собственной комнате, где у каждого за небольшой перегородкой оказались большие деревянные бадьи, которые имеющиеся в доме слуге довольно быстро заполнили парящей водой и какими-то благоуханиями. Мэйлинн вообще казалось, что никакая сила больше не заставит её выбраться из ванны. Но даже Кол и Бин, довольно равнодушные к удобствам и гигиене, были на вершине блаженства.

Затем распаренные, порозовевшие счастливики по одному спустились в гостиную, где их ожидал вполне изысканный ужин. Видно, слуги как следует готовились к приезду хозяина, поскольку совершенно очевидно, что эти припасы хранились в ледяных погребах заранее. К восторгу Мэйлинн, на столе стояла бутылка с настоящим коровьим молоком. Где в разорённом городе баинины умудрялись добыть молоко – осталось загадкой. Однако лирра особо и не спрашивала – довольно было того, что оно было. Несмотря на то, что друзья не так давно поужинали в «Песни малиновки», они немедленно воздали должное ужину в доме Каладиуса.

– В такие вот минуты я очень жалею, что у меня всего один рот и один желудок, – Кол откинулся на спинку стула, потирая туго набитый живот и одновременно с некоторой грустью разглядывая изобилие снеди, остававшееся на столе.

Бин, который, судя по всему, наелся так, что еда едва не вываливалась изо рта обратно, тем не менее мужественно сражался с куском сочного тыквенного пирога. Он понимал, что не может втолкнуть себя даже маленький кусочек, но также он понимал, что никогда не простит себе, если сейчас откажется от великолепного лакомства.

Мэйлинн, естественно, была более умеренна в еде, но и она сейчас сидела, откинувшись и чувствуя тяжесть в животе. Мысли после столь сытного обеда стали ленивыми, словно осенние мухи. И сейчас в голове лирры нехотя жужжала лишь одна мысль: как при таком постоянном изобилии еды и очевидном чревоугодии Каладиус оставался таким сухощавым? Неужели он добивался этого магическими практиками? В общем, хотя фигурку Мэйлинн десять опрошенных из десяти назвали бы идеальной, она всё равно чувствовала некоторую зависть к старому магу, который ежедневно мог баловать себя такими обедами и при этом не полнеть.

Сам объект зависти появился, как и обещал, уже ближе к ночи. К тому времени друзья уже выползли из-за стола и с переменным успехом боролись со сном, утопая в мягких креслах гостиной. Что ни говори, а Каладиус был явным сибаритом во всём, что относилось к домашнему уюту.

Маг стремительно влетел в гостиную и самодовольно плюхнулся за стол. Не прошло и пары минут, как появились слуги, неся дымящиеся тарелки. Кол готов был биться об заклад, что слуги всё это время постоянно держали пищу на медленном огне, не давая ей остыть.

Каладиус жестом пригласил друзей к столу, но даже Бин с лёгким стоном покачал головой, не найдя сил подняться на ноги. По какому-то лишь ему одному известному правилу этикета, маг сперва набил полный рот еды, а затем заговорил:

– Ну что ж, всё в порядке! – конечно, из-за набитого рта это звучало совсем иначе. После этого волшебник замолчал, вынуждая собеседников самих спросить, что же, собственно, в порядке.

– Умоляю вас, мессир, пощадите наши несчастные головы, – театрально простонал Кол. – Что касается моей, то она целиком забита вкуснейшей жареной курятиной и тушёной картошкой. Я просто не могу сейчас воспринимать ваши намёки и решать ваши загадки.

– Что ж, так и быть, – ничуть не обиделся маг. – Тогда я просто сообщу вам, что все лекари и все санитары благополучно мною спасены. Хвала богам, никто из них не надыхался киновари до смерти. Теперь их всех отпаивают моим лекарством. Через пару недель, или чуть больше, они будут в порядке.

С этими словами Каладиус отсалютовал троим товарищам бокалом прекрасного вина, тёмного настолько, что оно казалось почти черным и густым, как смола. Отпив добрую половину, маг с увлечением взялся за очередное блюдо. Глядя, с каким аппетитом он поглощает пищу, в Бине даже шевельнулось нечто вроде завистливого голода. Однако, как только он подумал о том, чтобы встать и подойти к столу, чтобы откусить от этого истекающего соком мяса или зачерпнуть полной ложкой густого наваристого гарнира, как его начало мутить. Так что, вздохнув, Бин продолжил сидеть, и вся его внутренняя борьба не выразилась даже в минимальном движении тела.

– Также спешу сообщить, что большое количество моего антисинивичного эликсира изготовлено фармацевтами по моему рецепту, – маг, было, для пущего драматического эффекта посмотрел на друзей сквозь бокал с вином, но поскольку разглядеть сквозь эту жидкость ничего не представлялось возможным, то он, чуть сконфузившись, поставил бокал на стол. – Эликсир раздают по всему Внутреннему городу и уже завтра все его жители будут пользоваться этим средством. Так что, можно сказать, синивица уже побеждена.

– А как же жители окраин? – спросила Мэйлинн, пристально глядя на мага.

– А что – жители окраин? – пожал плечами Каладиус.

– Но им ведь тоже необходимо это средство, – спокойно, словно не чувствуя пренебрежения в голосе мага, проговорила лирра.

– С этим трудно спорить, дорогая моя, – так же терпеливо ответил Каладиус. – Только вот ведь вопрос – как им доставлять это средство? Вы же сами видели, до какого градуса дикости дошла чернь. Они растерзают любого, кто высунется из Внутреннего города. Поэтому я убеждён, что не найдётся человека, который бы рискнул передать эликсир туда.

По лицу мага было видно, что, уже произнося последнюю фразу, он отчётливо понимал, какая реплика последует дальше. Внутренне Каладиус не замедлил обругать себя за то, что попался в подобную ловушку. Надо было уходить от темы, – запоздало думал он. Однако, слова были сказаны и ответные также не заставили себя ждать.

– Такой человек уже нашёлся, – спокойно и без рисовки, просто констатируя факт, сказала Мэйлинн. – Я.

– Ну зачем же, сразу вы, дорогая? – Каладиус явно чувствовал себя не в своей тарелке. – Думаю, у господина Паллаша найдутся люди, которые выполнят данную задачу.

– Вы только что сказали, что таких людей здесь нет, – припечатала мага Мэйлинн. – Кроме того, я не хочу, чтобы кто-то рисковал жизнью из-за меня. Если я решила доставить эликсир за баррикады, то и выполнять это должна я. Завтра же утром я планирую сообщить об этом командующему.

– Вот что же с вами такое, дорогая Мэйлинн? – скорее задумчиво, чем насмешливо проговорил Каладиус, пристально глядя в лирру. – Откуда у вас такая паталогическая страсть помогать всем окружающим? Насколько я мог заметить за свои семьсот с лишним лет, эта черта совершенно не характерна ни для людей, ни для лирр, ни для гномов. Вы всегда были такой, или это пришло вместе с неудачным пробуждением?

– Когда мне было девять, служанка, убирающая нашу с Оливой комнату в Наэлирро, случайно зацепила зеркало – большое, дорогое зеркало, висящее на стене. Бечёвка, на которой висело зеркало, не выдержала, и оно упало и разбилось. Испуганная служанка, пытаясь убрать осколки, глубоко, до кости разрезала несколько пальцев на правой руке. Когда мы с Оливой вбежали в комнату, она рыдала, сидя на полу, а вокруг её руки растекалось кровавое пятно. И вот пока Ли причитала и закатывала глаза, я помогла служанке перевязать руку,

затем я убрала осколки, а после этого сама убралась не только в своей комнате, но и в четырёх других, в которых бедная женщина не успела прибраться.

– Что ж, тогда всё ясно, – кивнул маг. – Я и так это предполагал, а теперь и вовсе убеждён, что если вы вознамерились кому-то помочь, свернуть вас с этого пути уже не выйдет.

– Я рада, что вы это поняли, мессир, – Мэйлинн едва улыбнулась уголками губ. – Значит, завтра утром мы идём к господину Паллашу?

Завтра утром мы идём к господину Паллашу, – покорно повторил Каладиус, поднимаясь из-за стола. Видно, у мага совершенно пропал аппетит. – А сегодня, прошу прощения, я очень устал, потому вынужден проститься со всеми. Доброй ночи. Надеюсь, сегодня вы будете спать не хуже, чем спали в моем дворце.

– После жёсткой дорийской травы я где угодно буду спать с наслаждением, – кряхтя, поднялся и Кол. – Тем более, что прошлой ночью поспать почти не удалось.

– Всем спокойной ночи! – проходя мимо стола Бин всё-таки не удержался, и подхватил с одного из блюд пару штук чего-то, напоминающего шоколадные кексы.

– Спокойной ночи, – ласково улыбнувшись, проговорила Мэйлинн.

***

Палаш сидел за столом и с мрачным выражением лица ерошил свои растрёпанные волосы обеими пятернями. Его взгляд перескакивал то на Мэйлинн, то на Каладиуса, временами достаивая кратким визитом и Кола с Бином.

– Вы действительно убеждены, что это необходимо? – в очередной раз переспросил он лирру.

– Я полностью убеждена, господин Паллаш, – мягко ответила та. – Я точно знаю, что за баррикадами находятся точно такие же люди, как мы... – лирра чуть запнулась от очевидной нестыковки сказанного. – Такие же люди, как вы. И они точно также, и даже больше, болеют и умирают. И им также, и даже больше необходима наша помощь.

– Но вы же знаете, насколько это опасно? – продолжал давить Палаш.

– Я знаю, что через несколько дней мор прекратится, ворота откроются и город будет *вынужден* вернуться к обычной жизни. Я думаю, что мосты к ней лучше начать налаживать уже сейчас. Вы не сможете до конца своих дней жить за этими завалами.

– Хорошо, – медленно проговорил Палаш. – Наверное, вы правы. Но зачем идти туда именно вам? Я прикажу своим молодцам. У них это получится лучше.

– У них получится лучше пустить стрелу в живот, или разрубить голову, – покачала головой Мэйлинн. – За минувшие три недели все жители этого города пережили столько, что иным хватит на несколько жизней. Соответственно, и вражда ваша, пусть ей всего три недели от роду, сильна и глубока так, словно длится годами. Там сейчас нужен кто-то, кто не будет видеть в жителях окраин врага.

– Если вам будет интересно моё мнение, господин Паллаш, то я скажу, что юная госпожа целиком и полностью права, – неожиданно поддержал лирру Каладиус.

– Что ж, надеюсь, что позже я не раскаюсь в своём решении, – мотнул головой Палаш. – Будь по-вашему. Клош, распорядитесь, чтобы восемь бочонков с эликсиром были доставлены к южным воротам.

Адъютант молча кивнул и тут же исчез.

– К южным воротам? – переспросил Кол.

– Ну это то самое место, через которое вы попали к нам, – усмехнулся Палаш. – Так мы громко называем тот подвал, через который можем выходить наружу.

Кол кивнул головой в знак того, что понял, а Мэйлинн задала очередной вопрос:

– А как нам сообщить людям снаружи о том, что мы будем с ними говорить?

– Ну в этом-то как раз никакой сложности нет. Всего-то и надо, что пара глоток полужёней. Не волнуйтесь, к тому моменту, как вы будете на месте, с той стороны уже будут знать об этом.

– А когда я могу отправляться туда?

– Да хоть сейчас. К вашему приходу там уже всё будет готово.

– Тогда я иду сейчас, – решительно сказала Мэйлинн.

– Я с тобой! – воскликнул Бин и внутренне возликовал, поскольку он на какие-то доли секунды опередил наконец Кола.

– Я тоже пойду с вами, дорогая, – Каладиусу некуда было спешить, ведь он не участвовал в этих безуспешных состязаниях за сердце лирры.

– Спасибо вам, – растроганно сказала Мэйлинн.

– Если моё мнение может иметь для вас значение, мессир, то я бы попросил вас остаться внутри, – проговорил Палаш. – Ваше присутствие здесь будет гораздо важнее вашего похода туда.

– Я понимаю вас, любезный господин Палаш, и если таков ваш приказ, то я останусь.

– Это не приказ, мессир, а только лишь просьба.

– Которой я беспрекословно повинуюсь, – тонко улыбнулся маг.

– Благодарю, – вставая, ответил Палаш.

Все пятеро вышли наружу. Палаш отдал ещё один приказ околачивающемуся неподалёку мужчине, который тут же бросился куда-то, вероятно, к тем самым пресловутым южным воротам. Друзья же не спеша двинулись в том же направлении. Через некоторое время стали слышны крики: «Переговоры! Переговоры!».

– Да уж, глотки действительно лужёные! – уважительно крикнул Кол. Палаш лишь усмехнулся в ответ.

Все нервничали, хотя никто не хотел показать виду. Бин принялся насвистывать какой-то мотивчик, и к нему тут же присоединился Кол. Каладиус шёл внешне абсолютно спокойно, но кулаки его были крепко сжаты. Мягкое, почти женственное лицо Палаша сейчас было несколько перекошено от волнения. Мэйлинн же, казалось, полностью ушла в себя, не реагируя ни на шутливое пересвистывание друзей, ни на встречающихся то и дело людей.

Через какое-то время они подошли к тому самому дворику, через который проникли позавчера во Внутренний город. Там собралось уже некоторое количество народа, среди которых можно было заметить десятка полтора вооружённых людей, а также несколько слегка запыхавшихся мужчин, у ног которых лежали только что принесённые бочонки с эликсиром Каладиуса. Что происходило с той стороны стены – было неясно, однако двое молодцов, высывающихся из окон второго этажа того самого дома, чей подвал служил переходом, по очереди зычно выкрикивали одно и то же слово «Переговоры!».

– Есть там кто? – окликнул их Палаш.

– С десяток есть, – откликнулся один из них. – Должны ещё подойти.

– Подождём? – обратился Палаш к Мэйлинн.

– Подождём, – согласилась она.

– Эй, там! Скажете, когда их там станет хотя бы три-четыре дюжины.

Ждать пришлось не более четверти часа. Сверху крикнули, что народа по ту сторону стены собралось не менее пяти десятков.

– Пора, – сказал Палаш, делая знак бойцам, стоящим неподалёку. Среди них, кстати, затесался и наш знакомый второй начальник стражи Влад Копаш. Именно с ним перекинулся несколькими тихими фразами Палаш.

– Зачем нужны солдаты? – недовольно спросила Мэйлинн.

– Они понесут бочонки, – невинно ответил Палаш.

Возразить на это было нечего, поэтому Мэйлинн, грустно кивнув, стала спускаться в подвал, куда уже спустились Кол и Бин. Вслед за ней направился десяток солдат с бочонками. Однако уже в подвале Копаш окликнул лирру:

– Погодите, госпожа! Первыми пойдём мы.

– Вы останетесь здесь, в подвале, – решительно ответила Мэйлинн. – Мы пойдём втроём. Я не хочу, чтобы те несчастные видели вооружённых людей.

– По счастью или несчастью, но приказы мне отдаёте не вы, при всём моем уважении, госпожа, – вежливо поклонился Копаш. – А приказ Палаша был прост и ясен. Поэтому первыми выходим мы, и это не обсуждается.

Мэйлинн хотела было начать протестовать, но Кол, положив ей руку на плечо, покачал головой:

– Это бесполезно. Кроме того, я думаю, так действительно будет лучше. Мы не знаем, что ждёт нас с той стороны двери.

Лирра молча кивнула и поникла головой. Бин, нежно взяв её ладонь в свои, проговорил:

– Мы будем с тобой.

– Спасибо, Бин, – улыбнулась Мэйлинн.

Лязгнули засовы и щеколды, а затем в подвал брызнул солнечный свет – по-осеннему не слишком яркий, однако заставивший зажмуриться. Воины, наскоро побросав бочонки, с арбалетами наперевес высыпали наружу. Вслед за ними в дверь выскользнули верные друзья Мэйлинн. Сделав глубокий вдох и выдох, следом за ними последовала и она.

Солдаты стояли выпуклым полукольцом, целясь арбалетами в толпу, стоящую шагах в сорока от них. Напряжение в воздухе можно было резать ножом, в него можно было втыкать арбалетные болты. Более всего Мэйлинн боялась, что у кого-нибудь из солдат сейчас просто сдадут нервы и они чуть сильнее надавят на спусковой крючок. Но эти люди, хоть и стали солдатами поневоле, видно, уже проскочили этап зелёных новобранцев. Сделав небольшое усилие над собой, лирра медленно пошла вперёд, выйдя за оцепление солдат. Какое-то время она молчала, не зная, как начать.

– Я скорблю о ваших утратах и о всех тяготах, которые вы пережили, – наконец начала она срывающимся голосом. – Но я здесь, чтобы предложить вам лекарство, которое может спасти тех, кто пока ещё не заразился.

Толпа колыхнулась, расступилась, и вперёд вышел совсем уже пожилой человек. Одежда его выглядела так, словно её никогда не то что не стирали, а даже и не снимали. Длинные седые волосы были спутаны и засалены. Более того, лицо его хранило следы пережитой синивицы. Старик выжил, неясно каким чудом, когда умирали и куда более молодые и сильные. Однако, он выжил. Более того, он, кажется, был весьма уважаем окружающими его людьми.

Вслед за старцем вышли ещё трое – крепко сбитая женщина средних лет, лысый дородный мужчина, также покрытый заживающими синеватыми язвами, и ещё один, длинноволосый, лицо которого скрывали немытые космы.

– Кто ты, и зачем пришла сюда? – довольно глухо проговорил старик. Не будь здесь сейчас такой гнетущей, плотной тишины, вряд ли его слова донеслись бы до лирры.

– Я не думаю, что вам важно, кто я, – ответила Мэйлинн, чьё лицо было скрыто тенью капюшона. – А зачем я пришла – я уже сказала. Мой друг – великий маг и алхимик. Он создал эликсир, который спасает от заражения синивицей. И по доброй воле людей, живущих во Внутреннем городе, мы хотим дать его вам.

– Негоже вести переговоры, скрывая лицо, – возразил старик. – За всё это время мы не видели ничего доброго с той стороны стены, поэтому нет у нас веры твоим словам. Дай взглянуть в твоё лицо, женщина, или же мы не станем говорить с тобой.

Выдохнув, Мэйлинн скинула капюшон. Вздых изумления прокатился с обеих сторон – лирра предпочитала не светиться и во Внутреннем городе.

– Лиррка! – раздался истеричный возглас, принадлежащий, судя по всему, совсем молодому пареньку.

– Вот откуда мор у нас в городе! – взвизгнул другой парень, стоящий в первом ряду.

Толпа было начала роптать, когда мощный голос, принадлежавший лысому здоровяку, рявкнул, перекрыв собой всё:

– Заткнись, щенок! Кто дал тебе право вякать?

Толпа мгновенно замолчала, а паренёк поспешил раствориться в ней, поспешно сделав несколько шагов назад.

– Лирра... – протянул старик, словно смакуя это слово на вкус. – Я прожил длинную жизнь, лирра, но сегодня впервые вижу кого-то твоего племени. Что занесло тебя в наши края?

– Я попала в ваш город всего два дня назад, – честно призналась Мэйлинн. – Потому что у меня и моих друзей здесь были неотложные дела. Узнав, что в городе карантин, мы договорились со стражей, и нас переправили сюда на подъёмнике для бочек. И одной из причин для этого было то, что мой друг хотел изготовить лекарство.

– Лекарство... – усмехнулся старик. – Добрый батюшка король уже снабжает нас лекарством. Я вон, иной раз кажется, уже ссу сосновыми иголками. Хотя, быть может, оттого и жив остался. Ваше лекарство так же полезно? – в голосе старика слышалась горькая насмешка.

– Наше лекарство – настоящее лекарство, – отрезала лирра. – Оно поможет всем здоровым людям остаться здоровыми и не заразиться. Достаточно лишь мыть с этим эликсиром лицо, стирать одежду, а ещё лучше – пропитывать им тряпки и обматывать лица.

– Посмотри на людей за моей спиной, лирра. Восемь из каждой их десятки переболели синивицей. Может быть, у вас там, за завалами, полно людей, которым нужен ваш эликсир, но здесь таких давно уже нет.

– Позвольте нам помочь! – в отчаянии крикнула Мэйлинн. Именно такого поворота событий она никак не ожидала. – Ведь среди вас ещё есть люди, которые не заразились. Если они будут пользоваться эликсиром, они и не заразятся.

– Эпидемия уже на спаде, – невозмутимо отвечал старик. – Бóльшая часть заболевших уже померла. Сейчас уже заражаются единицы. Скоро мор будет окончен. Ежели охота помочь, так распорядись, чтобы нам дали еды, чтобы нас впустили внутрь. Это и наш город тоже!

Мэйлинн стояла, бессильно поникнув головой. По щекам текли слёзы разочарования. Она никак не могла поверить, что какой-то полубезумный старик лишал пока ещё здоровых людей шанса. Сколько их там ещё, по счастливой случайности не подхвативших жуткую болезнь? Несколько сотен? Тысяча? Две? А теперь кто-то из них заболеет и умрёт... Сейчас, когда уже почти всё закончилось... Мэйлинн душила ярость, но она молчала, потому что не знала, что сказать – казалось, что хочется сказать очень много, но ни одну мысль не удавалось облечь в словесную форму.

– Зачем ты просишь девушку о том, в чём она не властна, отец? – раздался голос сверху. Лирра тут же узнала его – это был голос Палаша. Не оборачиваясь, она точно знала, что он сейчас смотрит на них сверху, из окна дома. – Если так, то лучше тебе поговорить со мной.

– Откуда мне знать, в чём она властна, а в чём – нет, – сварливо ответил старик. – Вы сами орали на весь город «Переговоры! Переговоры!», а затем выпустили к нам эту пигалицу. Приходится говорить с тем, кого видишь перед собой.

– Девушка желала вам помочь. Видят боги, я отговаривал её от этого, но она настояла. Но вы ещё глупее, чем я думал.

– Если собираешься оскорблять нас, прикрываясь арбалетчиками и стенами, то мы лучше пойдём по своим делам, – старик повернулся, будто собираясь уходить.

– Нет! – голос Палаша не был очень уж сильным, или громким, но сейчас он ударил, словно плеть. – Я не собираюсь вас оскорблять. Я хочу поговорить.

– Ну так выйди сюда, господин хороший, – старик сделал приглашающий жест рукой. – Неужели ты окажешься трусливей лирийской девчушки?

– Я и отсюда прекрасно всё вижу и слышу, так что останусь здесь. А вы, госпожа, возвращайтесь назад, прошу вас. Вы видите, что здесь вам больше не о чем говорить.

Мэйлинн почувствовала прикосновение – это Кол тихонько взял её за руку и повёл обратно. Лирра не сопротивлялась.

– Итак, вы просите открыть для вас Внутренний город, – продолжал Палаш. – Увы, и я говорил вам уже об этом много раз, но это невозможно. Я не могу поставить под удар людей, находящихся здесь. Внутри черты нам удалось обуздать болезнь, и мы не можем рисковать, впуская новых людей.

– Однако вы впустили лирру и её спутников.

– Да, и на то были причины. Однако, я не желаю говорить более на эту тему, так как мне показалось, что этот вопрос мы решили ещё тогда, на двадцать седьмой день месяца жатвы.

– Да, я хорошо помню наши тогдашние переговоры, – криво ухмыльнулся старик. – Ваши аргументы в виде арбалетных болтов были весьма весомы.

– Придёт день, и я отвечу за это перед Арионном Милосердным, – гордо бросил Палаш. – Но это будет не сегодня и не перед тобой, старик. Что же касается еды, то я обещаю, что, начиная с этого дня, мы будем ежедневно и до самого снятия карантина выставлять вам от нашей доброй воли двадцать бушелей²¹ пшеницы, а также определённое количество овощей и мяса, сколько сможем.

– Обеды! – каркнул старик. – У вас там полные кладовые припасов, а вы бросаете нам жалкие обеды.

– Негоже считать чужое добро, старик. У вас тоже хватало складов и кладовых. Кто виноват, что вы пожгли и пограбили всё это в первые же дни? А здесь – это наше, и если мы делимся этим с вами, то лишь по нашей доброй воле.

– Мне есть, что ответить тебе на это, аптекарь! – вдруг выступила вперёд та самая женщина, стоящая позади старика. Насколько можно судить, её лицо было чисто от синивичных пятен. – Я знаю тебя, и, уверена, ты знаешь меня. Город наш не так велик, чтобы ты не знал, кто я.

– Я знаю вас, госпожа Велла Саваш, – спокойно ответил Палаш.

– Да, я именно та, кто ты сказал – Велла Саваш, проживавшая в девятом доме Яблоне-вой улицы, – женщина стояла, твёрдо уперев руки в крутые бёдра. – Этот дом находится там, за вашей стеной, не так ли? Там же, наверное, обретается мой непутёвый муженёк. Только вот я-то здесь! Так что не нужно *мне* говорить про «ваше» и «наше»!

– Я признаю вину, госпожа Саваш, – проговорил Палаш. – Могу вас заверить, что ваш дом, как и дома некоторых других горожан, оказавшихся за пределом баррикад, стоят в полной сохранности и ждут своих хозяев. Как только окончится мор, вы сможете вернуться, – на эти слова женщина отреагировала язвительным «Вот спасибо!». – Что же касается вашего мужа, то у меня дурные вести – он умер от синивицы.

– Да и поделом старому козлу! – воскликнула госпожа Саваш. – Поди, ему и дела не было, что жена не вернулась домой! По мне, так сдохните вы хоть все там, за эту вашу проклятую стену!

Мэйлинн сейчас стояла с внутренней стороны стены, отрешённо глядя на завал перед собой. Она не видела ни Палаша, ни госпожи Саваш, но от одного голоса женщины её пробирала дрожь. Какая неизбывная ненависть слышалась в этом голосе! Как, о боги, *как* эти

люди смогут жить дальше, когда откроются ворота и разберут баррикады? Как они станут смотреть друг другу в глаза, встретившись на улице? Неужели через некоторое время господин Паллаш будет спокойно продавать микстуры госпоже Саваш, так, словно ничего и не было? Или эта вражда теперь навсегда, и город просто пожрёт сам себя? Лирре казалось, что она вся покрыта какой-то липкой вонючей жижей, и больше всего на свете хотелось оказаться сейчас в сотнях лиг отсюда, хотелось до красноты драть кожу жёсткой губкой, пытаться смыть эту дрянь.

– Я предлагаю начинать забывать разногласия, – как ни в чём ни бывало отвечал тем временем Палаш. – Близок тот день, когда карантин будет окончен, и мы должны будем научиться жить, не ненавидя друг друга. Сейчас самое время налаживать мосты, – Палаш почти слово в слово повторял то, что недавно говорила ему Мэйлинн.

– Мы не станем отказываться от еды, потому что она нам нужна, – видя, что женщина вновь хочет что-то крикнуть, старик резко дёрнул её за рукав. – Но это не значит, что мы прощаем вас за вашу стену и за ваши стрелы.

– Боги рассудят нас, старик, – несколько устало ответил Палаш. – Боги, да ещё его королевское величество.

Казалось, при последних словах Палаш едва поборол желание сплюнуть. Его собеседник не был столь терпелив, поэтому он не только плюнул на мостовую, но и сопровождал это весьма нелицеприятными словам в адрес августейшей особы.

– Через час здесь же мы выставим обещанные продукты, а также бочонки с эликсиром. И так будет каждый день, пока в том будет необходимость. Ну а мне больше нечего вам сказать. Ступайте прочь! – с этими словами Палаш исчез из оконного проёма.

***

Как и было обещано, каждый день жители Внутреннего города выставляли за стены мешки с зерном, корзины с овощами и бочонки с эликсиром. Несмотря на резкие слова старика-переговорщика, ожидавшие там люди уносили всё, и это очень радовало Мэйлинн.

Сама лирра каждый день пропадала в гостинице Бабуша. Они наводили чистоту в комнатах, штопали белье, стирали и готовили вместе с Шайлой. Кроме того, частым гостем там был и Бин. Он по-прежнему не замечал, с каким интересом на него глядела девочка, будучи полностью поглощён Мэйлинн. Однако Шайла, видя всё это, совсем не ревновала к обожаемой ею лирре. Детская приязнь, казалось, лишь крепла от того, что тот, кто нравился девочке, был влюблён в ту, которую девочка боготворила. В общем, время проходило весело.

Обедать чаще всего бегали в особняк Каладиуса, где частенько заставляли Кола и изредка – самого мага. Кол, пару дней пробездельничав, наконец стал скучать и в итоге каждое утро стал уходить с магом в аптеку Паллаша, чтобы участвовать в жизни города.

Как и предсказывал Каладиус, новых случаев заражения больше не было; также значительно уменьшилось число летальных исходов – умирали лишь совсем уж тяжело больные, а остальных волшебник чуть ли не силком вытаскивал с того света.

Мэйлинн при каждой встрече с Палашом заводила один и тот же разговор о том, чтобы сделать границы Внутреннего города более проницаемыми хотя бы для детей, находящихся снаружи. Но Палаш твёрдо стоял на своём, хотя было очевидно, что душевные муки терзают и его тоже.

Дни стали совсем холодными, а вскоре и вовсе зарядили зябкие осенние дожди. Лоннэй стоял, съёжившийся, дрожащий, посеревший от горя и болезней. Лирра всё больше замечала, насколько тягостен стал ей этот город. Она мечтала о том дне, когда ворота наконец будут открыты и она сможет вырваться из этой огромной братской могилы. Втайне она лелеяла мысль, что удастся увезти с собой мэтра Бабуша и малышей (про себя она называла их малышами, хотя Шайле было уже тринадцать, что по человеческим меркам вполне соответ-

ствовало двадцатилетию Мэйлинн, хотя бы физиологически). Она надеялась, что без проблем получится убедить Каладиуса купить для них небольшой домик в Найре.

И вот счастливый день настал. Двадцать четвёртого дня месяца дождей, спустя почти ровно месяц с начала карантина, ворота города наконец были открыты. Внутреннему городу об этом возвестил грохот барабанов и истошное визжание труб. В полумёртвый город входили войска. Его королевское величество Аллан Девятый отлично понимал, что творится в столице, потому озаботился стянуть сюда почти все силы, бывшие в его распоряжении, благо, набеги дорийцев уже практически прекратились. Само же королевское величество решило провести зиму в Прайноне, где климат, конечно, был не таким мягким, но зато не было смрадного духа гнилой или горелой плоти, а главное – не было тысяч людей, желающих его смерти. Конечно же, большинство придворных приняли мужественное решение разделить судьбу короля. Лишь те, кому долг или служба не позволяли отсиживаться на севере, несколько нехотя возвращались назад. Но так или иначе, а в Лоннэй понемногу возвращалась мирная жизнь.

Глава 35. Побег

Распахнутые настежь северные ворота Лоннэя напоминали брешь в плотине, через которую в город хлестала вода, а точнее – армия. Настороженно продвигающиеся по улицам города кирасиры ошалело озирались по сторонам, волей-неволей ощущая себя воинами-захватчиками во вражеском городе. Даже те из солдат, кто до мора проживал в столице, сейчас с трудом узнавали родной город. Подкопченные, кое-где обвалившиеся дома, улицы, заваленные всяким хламом, разлагающиеся мёртвые тела, лежащие то здесь, то там, поскольку у живых уже не было сил их хоронить. Картину усугублял унылый холодный дождь, накинувший серую вуаль на обезображенную личину города.

Бравурные барабаны и трубы как-то сами собою стихали по мере углубления в городские кварталы. Наступала тишина, которую старались не нарушать даже кованые солдатские сапоги, ступавшие на брусчатку. Стекающиеся навстречу люди, выжившие жители Лоннэя, также молчали, исподлобья глядя на проходящие мимо вымокшие колонны. Они отнюдь не походили на радостных обывателей, в очередной раз спасённых доблестной королевской армией. Поэтому солдаты на всякий случай держали алебарды наготове.

Большая часть жителей выглядели совершенно измождёнными, и подавляющее большинство их носило на лице печать пережитой болезни. Многие нетвёрдо держались на ногах. Кое-где в толпе были заметны дети. Те, что постарше, стояли в живой цепи наравне со взрослыми, а малыши – молча сидели на руках матерей, или отцов, или вообще каких-то других людей, если отцы и матери были мертвы.

В хвосте колонны, особенно не торопясь, ехал полковник Пауш, командир второго кирасирского полка. Так уж вышло, что сейчас он был самым высокопоставленным начальником в округе, поскольку все более высокие чины под разными предлогами остались в Прайноне. Совершенно очевидно, что будь у полковника Пауша возможность, он поступил бы так же, отправив вместо себя кого-то рангом пониже, но такой возможности Паушу никто не предоставил.

Второй кирасирский прибыл к Лоннэю накануне открытия ворот. Полковник Пауш, не зная, как себя вести, провёл полную инспекцию окрестностей и, в частности, сделал страшный разнос за лагеря беженцев, расположенные, как оказалось, не только у южных ворот, через которые в город пытались попасть наши друзья. Лагеря, естественно, тут же были в очередной раз разметены, однако полковник смягчил свои действия обещаниями, что не завтра, так послезавтра ожидающие у ворот люди смогут вернуться домой.

Полковник вступил в город, когда его полк уже растёкся по его улицам. Тем не менее, он ощущал вполне понятное волнение, если не сказать – беспокойство, глядя на негустую толпу горожан. Знаком Пауш подозвал одного из адъютантов:

– Нюхачей отправили?

– Так точно, господин полковник! Вот-вот должны вернуться.

И действительно вскоре после этого разговора к лошади полковника подошли двое людей из полковой разведки, которых в армии прозвали нюхачами, коль уж те должны всё разноухивать.

– Ну что? – останавливая коня, но не спешиваясь спросил полковник.

– Всё довольно плохо, господин полковник, – поморщившись, ответил тот, что был старше чином. – Огромное количество людей померло. По нашим самым скромным подсчётам – не менее тридцати тысяч, но я думаю, что вполне будет и все сорок. В городе повсюду следы погромов, но не это самое интересное.

– А что же? – заинтересовался Пауш.

– Судя по всему, после введения карантина тут вспыхнула небольшая гражданская война. Жители богатых центральных кварталов отгородились от окраин баррикадами, убили некоторое количество тех, кто пытался прорваться. Вроде бы они там создали что-то вроде государства в государстве, с собственным правителем, армией, министрами.

– Весьма интересно, – недобро сощурился Пауш. – Значит, даже с собственным правителем? И кто он, вы не выяснили?

– Какой-то местный аптекарь по прозвищу Палаш, – ответил разведчик. – Он заправляет тем, что люди называют Внутренним городом.

– Что ж, – полковник вновь легонько понукнул лошадь, заставив её двигаться неспешным шагом. – Интересно будет взглянуть на этого Палаша. Заодно и напомнить ему, что вместе с нами в город вновь возвращается правление его королевского величества.

***

Палаш и Каладиус, а также ещё несколько горожан стояли у того самого окна, из которого вождь Внутреннего города вёл переговоры об эликсире и хлебе, и хмуро глядели на королевских кирасиров, приблизившихся к завалам. Казалось, вокруг солдат возникли небольшие ореолы. Это дождь устроил подобную шутку – мелкие частые капельки, ударяясь о медные кирасы, разбрызгивались, образуя водяную пыль, которая и казалась наблюдателям удивительным светящимся ореолом.

– У меня создаётся впечатление, друг мой, – тихо проговорил Каладиус. – Что нам с вами неплохо было бы исчезнуть из города, и желательно – как можно быстрее.

– Поразительно, мессир, но я думал сейчас ровно о том же.

– Хорошо, это значит, что вы – умный человек, – Каладиус умудрился сказать это так, что у Палаша не осталось ощущения, будто пожилой премудрый учитель хвалит неожиданно правильно ответившего ученика.

– Я понимал это с самого начала, – продолжил Палаш. – В тот самый момент, когда эти несчастные люди впервые назвали меня предводителем и вождём, я уже тогда понял, что моей спокойной жизни в этом городе навсегда пришёл конец. Его величество весьма ревнив ко всему, что относится к его власти.

– Не говоря уж о том, что на вас повесят все грехи этого города, включая грехи самого короля. Вас сделают крайним. Хотя это будет не сегодня, и, возможно, даже не завтра. Пока что слишком опасно трогать вас – авторитет короля здорово пошатнулся в последнее время.

– Спросите любого горожанина, и он вам скажет, что понятия не имеет, что такое авторитет короля, – усмехнулся Палаш. – Король подтёрся своим авторитетом, да и раньше он был невелик.

– Однако, вы же, как умный человек, не подадите вида, что имеете такое мнение о вашем повелителе?

– Разумеется, мессир. Именно теперь, пережив мор, я стал до смешного дорожить головой.

– Рад это слышать. Что же касается меня, то я вообще предпочёл бы не светиться перед глазами нового начальства. Буду весьма признателен, если как можно меньше людей станут упоминать меня и моих спутников.

– Я понимаю вас, мессир. Так, быть может, вам будет уютней сейчас где-нибудь в другом месте, подальше от меня?

– Вы правы, как всегда. Я как раз хотел сказать то же самое. Вы знаете, где находится мой особняк. Я буду там. Как только шумиха уляжется и представится такая возможность, мы покинем город. Хотите с нами?

– А куда вы направляетесь?

– Сейчас – в Найр. Думаю, в этом городе вы без труда растворитесь так, что никакому королю вас не найти.

– Я подумаю над вашим предложением, мессир, – Палаш коротко кивнул.

– Хорошо. Эту ночь мы проведём в моем особняке, а завтра, если удастся, выберемся из города. Надеюсь, кордоны не будут слишком строгими. В любом случае, мы ждём вас до завтрашнего утра, и если не дожидаемся, то будем считать, что у вас возникли иные планы.

– Договорились, – Палаш пожал руку мага. – А теперь идите. Вон, видите, на коне? Наверняка это и есть новое начальство.

– Удачи, Палаш, – Каладиус впервые за всё время назвал предводителя его прозвищем.

– Спасибо, мессир, – с этими словами Палаш сделал решительный шаг к окну, так, чтобы скудное осеннее солнце осветило его, и он стал виден с улицы. Каладиус же, напротив, отступил в тень и, наскоро попрощавшись с присутствующими, удалился.

– Приветствую доблестную армию его величества короля Аллана Девятого, да продлятся его годы на этой земле! – как и полагает радушному хозяину, Палаш первым обратился к гостям.

Кирасиры в ответ лишь молча пялились на него, постепенно расступаясь перед лошадью полковника Пауша.

– Должно быть, вы и есть тот самый Палаш, о котором я столько слышал? – не здороваясь, и довольно надменным тоном спросил Пауш, подъехав вплотную к баррикаде.

– Вижу, слава моя идёт впереди меня, – усмехнулся Палаш. – Да, я и есть он. А как мне называть вас, уважаемый господин?

– А почему армии короля в городе короля дорогу преграждает какой-то... завал? – не отвечая на вопрос, вновь спросил Пауш, не поленившись придумать более обидный синоним к слову «баррикада», мол, людишки накидали мусор на дороге и считают, что создали фортификационное сооружение.

– Прошу прощения, господин полковник, – Палаш всё же разглядел знаки отличия на эполетах. – Однако, в своё оправдание должен сказать, что прибыли вы несколько... неожиданно. Мы просто не успели... прибраться, – очевидно, слово «прибраться» Палаш специально подобрал в пару к «завалу».

– Ну так приберитесь, дьяволы вас побери! Перед моим полком стоит задача добраться до королевского дворца, а весь этот хлам препятствует выполнению поставленной задачи.

– Мы немедленно приступим, господин полковник, – как заправский солдат отрапортовал Палаш. – Только вот... Нам тут работы на весь день. Может, ваши солдаты подсобят?

– Как вы смеете, наглец?.. – побагровел Пауш.

– Ну нет, так нет, – невинно улыбнулся Палаш. – Вы там тогда располагайтесь пока поудобней. Мы постараемся к вечеру управиться.

– Сержант! – чуть подумав, рявкнул Пауш. – Отрядите людей, чтоб через час и следа не осталось от этого недоразумения! А вы, господин Палаш, – полковник выплюнул это имя, словно кусок подтухшего мяса. – Извольте дождаться меня для беседы. И имейте в виду, мне понадобятся очень веские аргументы для всего происходящего.

– Слушаюсь, господин полковник! – Палаш уже откровенно дурашливо козырнул и вытянулся во фрунт. – Пойду готовить речь.

С этими словами Палаш исчез из окна, оставив полковника кипеть от бессильной злости и лелеять месть.

– Друзья, – обратился он к людям, находящимся в комнате. – Для меня было большой честью пережить эти страшные дни вместе с вами. Однако, как вы видите, сейчас наступает время, когда наши с вами достоинства легко могут обратить в недостатки болваны вроде того, что сидит там, под окнами. Что-то подсказывает мне, что если я останусь в городе, то через неделю меня вздёрнут на одной из площадей. И вся чернь соберётся, чтобы плюнуть

напоследок мне в лицо. Поэтому я вынужден бежать из города. И мне кажется, что вам было бы тоже лучше исчезнуть хотя бы на время.

– Может ты и прав, Палаш, – ответил довольно пожилой уже мужчина. – Да только у нас тут семьи, дома. Авось, пронесёт как-нибудь. Мне лично не улыбается бежать из этого города после того, что я пережил. Я заслужил право жить здесь! Думаю, остальные меня поддержат.

Нестройный хор голосов согласился с говорившим, разве что один или двое, молодых и ещё не успевших укорениться как следует, явно задумались.

– В таком случае – валите всё на меня! – довольно весело воскликнул Палаш. – Мол, люди мы подневольные, делали, что велели. Не бойтесь, говорите всё, что захотят услышать. Я попадаться не собираюсь, так что мне всё равно, в чём меня соизволит обвинить его королевское величество. Не бойтесь умалить свою честь – это будет нашей военной хитростью! Уж не глупей же мы этих фанфаронов в эполетах!

– Спасибо тебе, – ответил всё тот же мужчина. – Век не забудем тебя, молиться о тебе станем, да надеяться, что ещё пересекутся дорожки наши, – остальные также присоединились к этим благодарностям.

– Ну тогда последняя просьба, друзья. Когда солдаты начнут меня разыскивать, скажите, что я тайными путями уже выбрался из города, что поздно меня уже тут разыскивать. Не хочется, чтобы они перекрыли все выходы и перевернули вверх дом все дома.

– Хорошо. Уж мы их убедим, не волнуйся. Они уже до сегодняшнего вечера все окрестности рыть начнут.

– Ну тогда – добро, – Палаш по очереди пожимал руки каждому из присутствующих. – Не поминайте лихом! Да охранит вас Арионн!

***

Сегодня все были в сборе в особняке Каладиуса. Мэйлинн не ушла в «Песнь малиновки», поскольку барабанный бой предвещал перемены. Когда в дом вернулся маг, все сидели в гостинной, напряжённые и задумчивые. Странно – казалось бы, надо радоваться, ведь страшный карантин наконец завершён. Но на деле все осознавали, какими неприятностями может обернуться новое положение дел.

– Завтра мы уходим, – с порога объявил Каладиус.

– Почему не сегодня? – спросил Кол.

– Потому что сегодня не получится, – отрезал маг.

– Мне кажется, что вполне можно было бы воспользоваться суматохой... – начал было Кол, но Каладиус его тут же оборвал.

– Сегодня не получится. Кроме того, я обещал господину Паллашу, что мы будем дожидаться его здесь до завтрашнего утра.

– Это другое дело, – Кол был несколько уязвлён резким тоном мага, но объяснение показалось ему убедительным.

– Да, сегодня в городе будет суматоха, – смягчил тон Каладиус, – Но сегодня, я думаю, будет довольно сложно выбраться, поскольку повсюду солдаты, а главное – солдаты у ворот. А у нас в компании, попрошу не забывать, наверное, единственная лирра в Загорье. Хотелось бы, чтобы это осталось за пределами внимания солдат, а ведь наверняка каждого выходящего из города станут осматривать на предмет заразы.

– Да, правда, – сникла Мэйлинн. – И что же делать? Я не могу замотать лицо, потому что это вызовет ещё больше подозрений.

– Вот именно, – согласился маг. – Поэтому у меня есть план. Он может показаться несколько... экстравагантным, но другого выхода я не вижу.

– И в чём заключается ваш план, мессир? – спросила лирра.

– Прошу прощения, дорогая, но я предлагаю вывезти вас из города в гробу... – смущённо ответил Каладиус.

– В гробу? – изумлённо вскричал Кол, тогда как Мэйлинн просто застыла, раскрыв рот.

– Именно так, – ответил маг. – И не просто в гробу, а в гробу заколоченном. Мы скажем, что там кто-то, кто умер от синивицы, и мы хотим похоронить его в родной деревне недалеко от города. Сомневаюсь, что кто-то из стражников потребует вскрывать гроб.

– Это, конечно, весьма оригинальное решение, – недовольно протянул Кол. – Однако, мне кажется...

– Я согласна! – перебила его Мэйлинн. – Мессир прав, это весьма удачный способ! Только вот нам понадобится гроб...

– Это не проблема, – ответил Каладиус. – Я думаю, что вы можете обратиться за помощью к вашему приятелю Бабушу. У него наверняка есть знакомые гробовщики.

– Это точно, – нехотя кивнул Кол. Идея заколотить в гроб Мэйлинн ему по-прежнему активно не нравилась. – Кроме того, я только что вспомнил, что у нас ведь было ещё одно дело в Лоннэе, о котором мы совершенно позабыли из-за всех этих событий.

– Что за дело? – нахмурился, пытаюсь припомнить, маг.

– Помните, мы говорили о воротнике, который должен скрыть знаки Наэлирро на шее Мэйлинн?

– А ведь точно! – воскликнула лирра. – Я и забыла совсем. Ну я думаю, что среди знакомых мэтра Бабуша сыщется и ткачиха.

– Вот и славно, – подытожил Каладиус. – Значит, на сегодняшний день у нас есть занятия. Кстати, я подумал, что неплохо было бы заказать гроб побольше – тогда там же мы смогли бы спрятать и векселя.

– Отличная идея, мессир! Действительно, простолюдины с кипами банковских бумаг могли бы показаться слегка подозрительными, – одобрил Кол.

– Я хотела бы поговорить о мэтре Бабуше, – смущаясь, начала Мэйлинн.

– Вы хотите просить разрешения взять его с собой?

– Да, мессир. Его и двух сироток. Только до Найра. А там, я надеюсь, вы поможете приобрести для них небольшой домик. Я понимаю, что это – наглость с моей стороны...

– Ну что вы, милая, – расплылся в добродушной улыбке маг. – Для меня это не составит никакого труда. С нашими средствами мы вполне можем без особенного ущерба потратить небольшую часть денег на дом. На задаток хватит, а уж остальную сумму всегда можно будет привезти из моего дворца. А вы говорили об этом с трактирщиком?

– Нет ещё. Но, надеюсь, он не станет возражать.

– Что ж, тогда идите к мэтру Бабушу, договаривайтесь обо всём, а после сообщите мне.

– Спасибо, мессир! Бин, Кол, идёте со мной?

– Я, пожалуй, останусь, – ответил Кол. – Хочется последний денёк побездельничать.

– А я с тобой! – немедленно вызвался Бин.

– Отлично, пойдём!

В этот момент раздался стук в дверь. Каладиус жестом приказал всем оставаться на местах. К двери подошёл слуга.

– Кто? – с ужасным акцентом произнёс он.

– Палаш, – прозвучало из-за двери.

По кивку мага слуга немедленно распахнул дверь. На пороге стоял Палаш:

– Я с вами, мессир, – улыбнувшись, проговорил он.

– Вот и славно! Мудрое решение. Да не стойте, заходите! А что же заставило вас так скоро принять решение? Признаться, у меня были сомнения, что вы решитесь.

– У меня тоже были сомнения, но их развеял один не в меру ретивый полковник, который сейчас разбирает наши баррикады. По его тону я понял, что он уже воспылал ко мне

чересчур нежными чувствами. Я решил не ждать, пока он велит арестовать меня за мятеж против его величества.

– И правильно! Что ж, друзья мои, похоже, что нам потребуются два гроба.

Глядя на комично вытянувшееся лицо Палаша, друзья рассмеялись, а затем объяснили ему смысл столь странной фразы. Палаш был просто в восторге, поскольку всю дорогу сюда он тщетно ломал голову над тем, как бы ему незаметно покинуть город. А, как оказалось, всего и нужно-то, что два гроба, старая телега, да какая-нибудь кляча, чтобы это всё дотащить.

Мэйлинн и Бин ушли к мэтру Бабушу. Оставшиеся же решили провести несколько весёлых часов за игрой в карты.

***

К огорчению Мэйлинн Бабуш категорически отказался уезжать.

– Я, конечно, помогу и с гробами, и с портнихой, и телегу с лошастью достану. Но уехать не могу. Этот дом принадлежал ещё моему отцу, а основал гостиницу мой дед. Сюда столько вложено заботы, столько пота пролито, что мои предки не подадут мне руки на Белом Пути, если я брошу всё это. Да и не хочу я никуда уезжать. Пройдёт какое-то время, и Лоннэй станет прежним тихим и спокойным городом. Я подожду. А вот детишек забирайте, если они согласны, – старому трактирщику тяжело дались эти слова, поскольку он всей душой прикипел к сироткам.

– Я останусь с бабушкой! – решительно проговорила Шайла, которая, как обычно, сидела в обнимку с Мэйлинн. – Я его не оставлю. Кто же по хозяйству-то ему поможет?

Из глаз трактирщика брызнули слёзы, которые он попытался скрыть, отвернувшись и начав перебирать какие-то безделушки. Мэйлинн тоже глотала слёзы: до сих пор она убеждала себя, что и мэтр Бабуш, и дети отправятся с ними хотя бы до Найра. Она чувствовала, как предстоящее расставание раздирает ей душу. Глаза Шайлы оставались сухими, хотя она и очень страдала от предстоящего расставания. Она, не отрываясь, глядела на Бина, но тот был поглощён вознёй с Астуром, пытаясь этим заглушить душевные терзания.

– Вы побудете ещё с нами? – глухим голосом спросила Шайла.

– Мы будем с вами до самого вечера, дорогая! – обняла девочку лирра. – Чем бы ты хотела заняться сегодня?

– Расскажите мне как можно больше о том, как вы жили в детстве, – попросила Шайла. – О своих семьях, о своих друзьях, о том, где вы жили. Я хочу больше узнать о школе лирр и о Латтоне.

– Хорошо, – чуть подумав, согласилась Мэйлинн. – Поговорим об этом.

Мэтр Бабуш тем временем примерно на час исчез из дома, чтобы, вернувшись, сообщить о том, что он нашёл и гробы, и телегу, и даже лошадь. Также он принёс кусок тонкой эластичной материи, цветом довольно близко похожим на цвет кожи.

Мэйлинн взялась за шитьё. На удивление оказалось, что и эту премудрость воспитанницы Наэлирро осваивали в должном объёме. За шитьём плавно текла беседа. До самой поздней темноты то Мэйлинн, то Бин рассказывали какие-то истории из своего прошлого. Шайла с одинаковым вниманием слушала как истории об обучении Мэйлинн в Наэлирро, так и истории о семье Бина, о его мальчишеских проделках на улицах Нового города. Мэтр Бабуш, который с возвращением королевской армии перестал быть старостой квартала, всё это время находился рядом, то слушая рассказы, то хлопоча по дому.

Лишь когда стало уже совсем поздно, Бин и Мэйлинн вынуждены были проститься со стариком и двумя детьми, ставшими им почти родными. Было пролито невероятное количество слёз, были произнесены все возможные клятвы, начиная от обещаний никогда не забывать, заканчивая заверениями в будущих встречах. Никто не мог решиться первым пре-

рвать эти прощания, поэтому они затянулись на продолжительное время. Наконец Мэйлинн, собравшись с последними силами, напоследок поцеловав всех троих в щеку, решительно направилась прочь от гостиницы. Бин, также расцеловавшись, бросился ей вдогонку. Он взял лирру под руку, и они быстрым шагом пошли к дому Каладиуса, ни разу не обернувшись. Ночь скрывала крупные слёзы, которые текли по их щекам.

***

– Стоять! Кто, куда и зачем? – бородатый кирасир решительно преградил дорогу раздолбанной телеге, которую тащила худющая печальная кобылка.

Как и ожидалось, у городских ворот стояли солдатские кордоны. Кирасиры старались близко не подходить, но, тем не менее, довольно дотошно всматривались в выезжающих, пытаясь обнаружить признаки болезни. Не избежала этой участи и телега, гружёная двумя грубыми гробами из едва оструганных досок. На телеге сидели двое – старик с посеревшим от скорби лицом и потерянного вида малец, едва ли лет двадцати. Старик, правивший лошадью, послушно натянул поводья, и флегматичная животиная так же послушно встала.

– Сосновские мы, – глухо проговорил старик. – И возвращаемся, стало быть, обратно в Сосновку. Вот везу двух своих сынов... Дьявол дёрнул направиться на рынок аккуратно перед этим... как его... карантисом. Поехали вчетвером, а возвращаться выпало уже вдвоём. Асс-несправедливец прибрал двух старших, толковых, а оставил меня-старика, да младшего-идиота. Весь мор, почитай, пережили, а на днях-то уж померли...

– Не возводи напраслину на Асса, отец, – подходя, заговорил второй стражник, видимо, философ в душе. – Чёрный Асс – он, считай, и есть справедливость. Что смерть, что болезни одинаково уравнивают всех – и старых, и малых, и богатых, и бедных. Старый вояка Асс просто мечет кости, не выбирая себе ни любимчиков, ни постылых. То, что тебе выпало жить – за это благодарить надобно, а не хулить.

– Прости, мил человек, – старик утёр выступившую слезу. – Я – человек неграмотный, таких вещей не разумею. Прости мне горе родителя, пережившего собственных детей.

– Да чего там, отец, не винись. Я скорблю о твоей утрате. Пропусти их, Понюха, – обратился он к бородачу. – Видишь, чистые они.

– Проезжайте, – махнул рукой, отходя в сторону, тот, кого называли Понюхой.

– Благодарствую, милостивые государи, – кивнул старик, трогая лошадь. Сын-идиот так и продолжал пялиться куда-то в сторону, изредка подёргивая головой.

Отъехав не менее, чем на полмили, старик наконец позволил себе выпрямить спину и поднять лицо:

– Ну что, вот и выбрались! – самодовольно проговорил он.

– Да вы просто лицедей, мессир! – восхищённо проговорил Бин.

– Вы тоже отлично справились со своей ролью, юноша, – похвалил маг. – А как там наши пассажиры? – повысив голос, обратился он к гробам.

– Спасибо, неплохо, – раздался глухой голос Палаша.

– Я тоже, – из второго гроба донёсся голос Мэйлинн.

– Потерпите ещё чуть-чуть, – сказал Каладиус. – Отъедем до условленного места, и там выберетесь.

– Да ничего, – ответил Палаш. – Лично я могу так и до самого Найра ехать.

– Думаю, это не понадобится, – усмехнулся Каладиус, понуждая лошадь двигаться чуть быстрее.

– У вас там хотя бы дождя нет, – проговорил Бин, и было неясно, чего больше в этой реплике – шутки или же зависти.

– Путешественник должен философски принимать любые невзгоды, – наставительно произнёс Каладиус, но стало ясно, что он просто подтрунивает над Бином.

– А когда должен вернуться Кол? – парень решил сменить тему.

– Если он без проблем выберется из города, а я не вижу причин, почему бы ему этого не сделать, и если Пашшан будет ждать его, как мы договаривались, а я в этом ни капли не сомневаюсь, то к вечеру они уже должны быть на месте.

Надо сказать, что телега Каладиуса выкатилась из Лоннэя через северные ворота, поскольку, во-первых, именно туда лежал их путь, а во-вторых – дабы случайно не наткнуться на того капитана, который переправил их в город, ведь тогда вся легенда рухнула бы в одночасье. А так Каладиус надеялся, что инстинкт самосохранения заставит капитана держать рот на замке и не распространяться перед начальством на тему таинственного мага, нелегально проникшего в закрытый город.

Но поскольку был договор, что Пашшан станет ожидать их у южных ворот, то туда пешком отправился Кол. Он должен был встретиться с баинином, а затем отправиться к стоянке Варана и направить их в условленную точку сбора. Это место подсказал Бабуш, который знал о нём от своих постояльцев. Это был лагерь лесорубов, который сейчас уже должен был пустовать, поскольку сезон валки деревьев был приостановлен до зимы. Находился этот лагерь в двух лигах к северу от Лоннэя, и чтобы добраться до него, нужно было уйти с тракта на просёлок сразу за той самой Сосновкой, куда по легенде ехал потерявший двух сыновей старик.

Лошадь шла неходко, поэтому до лагеря лесорубов добирались почти два часа, причём чуть ли не час ушёл, чтобы пролезть пару миль по разъезженному и сырому просёлку. Каладиус хмурился – у него были серьёзные сомнения по поводу того, получится ли провести тут рыдван, однако в конце концов он успокоил себя, что четыре ухоженных тяжеловоза всяко справятся с той задачей, которая оказалась по силам заморённой колонской кляче.

Едва свернув на просёлок, маг и Бин освободили гробовых узников, и вовремя: по таким ухабам люди внутри тесных деревянных ящиков получили бы немало шишек и синяков. В конце концов, чтобы облегчить труд лошадки, один из гробов был вовсе сброшен в кусты у обочины. Сбросить второй не представлялось возможным, ибо там находились ценные бумаги.

Наконец добрались до лагеря. Стонущие пассажиры, морщась и держась за пятые точки, кое-как слезли с телеги. Лагерь представлял собой с пяток избушек, скорее даже полуземлянок, однако там оказалось тепло и, главное, сухо. Вскоре в небольшой железной печке гудело пламя, и путешественники с наслаждением протягивали руки к жару.

Пообедать пришлось весьма скудно, так что кислое выражение не покидала лица Каладиуса, когда он жевал жёсткие полоски сушёного мяса. Приправой к этому мясу было лишь предвкушение того, что, когда появится Пашшан, ему будет, чем порадовать своего господина. Остальные, естественно, были менее привередливы, хотя последний месяц и приучил их к вкусной изысканной еде сперва во дворце Каладиуса, а затем – в его лоннэйском особняке.

Остаток дня друзья провели в блаженном ничегонеделанье, ожидая приезда остальных. И только уже ближе к вечеру, когда солнце уже совершило большую часть своего дневного круга, со стороны дороги послышались жалостливые скрипы приближающегося рыдвана. Несчастное произведение каретного искусства словно стонало, пробираясь по узкому ухабистому просёлку. Все поспешили наружу, благо, дождь на время прекратился.

Вскоре показались забрызганные грязью лошади, на двух из которых восседали Кол и Варан, а остальных они держали на поводу. Следом за ними медленно продвигался рыдван, на козлах которого сидел невозмутимый Пашшан.

– Ну и забрались же вы! – воскликнул Кол, подъезжая и спешиваясь. – Старый мошенник Бабуш! Эх, будь моя воля, я бы заставил его лично прокатиться по этой милой дорожке!

– Чего ворчишь? – рассмеялась Мэйлинн. – Тебе хотя бы не пришлось ехать заколоченным в гробу!

– И на том спасибо! – засмеялся в ответ Кол.

– Рад видеть вас в добром здравии, друзья! – соскакивая с коня, воскликнул Варан.

– Мы тоже по тебе соскучились! – обнимая бывшего мастера, проговорила Мэйлинн.

– Скучновато, поди, пришлось жить с моим Пашшаном? – усмехаясь, спросил Каладиус, пожимая Варану руку.

– Моим лучшим другом в последние годы был немой, мессир, – улыбнулся в ответ Варан. – Я люблю молчунов. А Пашшан, кроме того, научил меня немного изъясняться на баининском. Так что скучать нам точно не пришлось!

– Не говоря уж о том, что он каждый день баловал вас своей стряпней!

– И это тоже! – Варан похлопал себя по плоскому животу. – Мне кажется, я страшно разжирел за это время!

– Ты на себя клеветешь! – рассмеялся Кол, живот которого не мог похвастаться столь же строгими формами.

– Что же касается меня, то я не страдаю столь чёрной неблагодарностью, как наш друг, поэтому, дорогой Пашшан, – обратился Каладиус к подъехавшему как раз баинину. – Давай-ка, принимайся за стряпню. А то я сегодня был вынужден жевать нечто, больше похожее на подошвы моих сапог.

Баинин молча кивнул и, спрыгнув с козел, стал вынимать из багажного отсека рыдвана нужные продукты.

– Не будем мешать Пашшану колдовать над нашим ужином, пойдёмте пока в дом! – предложил Каладиус, беря под руку Варана. – Сегодня переночуем тут, а завтра с утра отправимся в путь.

Глава 36. Найр

Путешественники добрались до того самого места, где сходились «этот» и «другой» Пунт. Вокруг было широкое поле, уже сжатое и убранное трудолюбивыми колонами. Но теперь это поле, словно рубцами, было обезображено рвами, выгребными ямами и канавами для нечистот. В общем, типичная картина для места длительной стоянки военного лагеря. Земля была испятнана кострищами, истыкана заострёнными кольями, истоптана сотнями пар кованых сапог. Солдаты снялись с места так же стихийно, как и появились, оставив хлопоты по приведению поля в порядок местным жителям.

Демаркационная линия представляла собой неглубокий ров, глубиной примерно в две трети человеческого роста и шириной в два роста. Казалось бы, и по одну и по другую сторону этого рва одно и то же серое дождливое небо, одна и та же жухлая трава, одна и та же страна, в конце-то концов. Но на деле всё обстояло совсем иначе. За спиной путешественников лежала земля, истощённая ужасом смерти, этой самой смертью изглоданная почти до костей. Земля пустых деревень, земля погребальных костров, которые почти не горели, а лишь чадили, поскольку количество мёртвых тел в них значительно превышало количество топлива.

Впереди ждала совсем другая земля. Земля, в которой колоны наконец-то наслаждались завершением полевых работ, где у добрых хозяев уже вовсю бродило вино нового урожая. Земля, где с ужасом ожидали, что холод вскоре вновь погонит полчища мышей из полей напрямик в амбары. Даже это поле, истерзанное солдатней, на самом деле выглядело более счастливым, чем многие поля, которые встречались путешественникам ранее, поскольку это поле было убрано. Нет тоскливей картины, чем поваленные, подгнивающие стебли с чернеющими колосьями на них. Жутка была участь людей, что не собрали урожай, который растили до этого с такой любовью и трудолюбием.

Именно на такой философский лад настраивала картина, представшая перед шестью мужчинами и одной девушкой, оказавшимися в эту позднюю осеннюю пору на найрском тракте.

— Ну что ж, дамы и господа, — провозгласил Каладиус — Добро пожаловать в нормальную жизнь. За этим полем — прежний Пунт, нетоптанный дорийцами и неиспятнанный синивицей.

К этому моменту рыдван находился в дороге уже почти два дня. Истекали последние дни месяца дождей, а чем севернее забирали путешественники, тем явственней становилось дыхание поздней осени. Ночами было очень холодно, да и днём было холодно и сыро. Утром и к вечеру изо рта уже клубился белый парок.

Прошлую ночь переночевали в полузапустелом селении. Большинство жителей её не были убиты синивицей, в эту деревню она и вовсе не забралась. Но на волне общей паники часть колонов просто ушла на север от греха подальше. Оставшиеся жители говорили, что остальные вот-вот вернутся. Тем не менее, многие хаты были пусты или полупусты, так что с ночлегом проблем не возникло, тем более, что наши друзья весьма щедро расплатились за постой.

К исходу нынешнего дня, давно проехав границу карантина, кавалькада въехала в большое селение, дворов на сто пятьдесят. Естественно, сыскался там весьма приличный постоялый двор, где охотно приняли столь важных и богатых путешественников. Друзья сняли сразу четыре комнаты — три комнаты на двоих и одну — для Мэйлинн. Варан тут же вызвался в пару к Пашшану — после недели, проведённой вместе, мастер Теней, очевидно, проникся большой симпатией к молчаливому баинину, видимо, тот напоминал ему о другом молчуне.

Кол и Бин, конечно же, решили ночевать вместе. Ну а Каладиус и Палаш, давно проникшие друг к другу уважением и симпатией, получили третью комнату.

Расположившись, друзья спустились в большую общую столовую. Поздний вечер собрал здесь довольно много народу, среди которых хватало и местных обывателей, и проезжих, в числе которых были и торговцы, и мастера, и даже парочка юристов. В зале было оживлённо и весело. Носились три молодые официантки с пышными формами, разнося подносы с едой и выпивкой. Постояльцы сидели группами, громко разговаривая и смеясь.

Поскольку наши герои всего несколько дней назад вырвались из полумёртвого Лоннэя, они ожидали, что все разговоры сейчас во всех гостиницах, трактирах, корчмах и кабаках королевства ведутся на одну тему – тему чудовищного мора, поразившего юг Пунта. Каково же было их изумление, когда стало ясно, что здесь говорят о чём угодно, только не о судьбе столицы. Точнее, город всплывал в разговорах несколько раз. Один торговец жаловался, что пришлось сбывать товар частями по пути, потому как дорога в Лоннэй закрыта. Тема была вяло подхвачена собеседниками, но очень скоро всё свелось к тому, что из-за набега лошади-ников вновь на время, скорее всего, взлетят налоги.

Также ещё пару раз всплыла тема минувшей войны с Дорией, но и тут разговор вёлся как-то вскользь. И лишь раз один из приезжих упомянул о синивице, что, мол, вроде как на юге есть заболелые – и всё. Наши друзья, слушавшие всё это, не могли прийти в себя от шока – ведь всего в нескольких часах езды от этой гостиницы проходила граница карантина. Всего в сутках езды отсюда стояли вымершие деревеньки. Можно ещё понять местных колонов – большинство из них за всю жизнь едва ли отъезжали от родной деревни больше чем на две-три лиги, но вот то, что творилось в головах торговцев, объяснить было сложнее.

Судя по всему, государственная пропаганда сработала очень чётко. Король Аллан весьма не хотел, чтобы весь масштаб трагедии стал известен далеко за пределами поражённой территории. Опять же, учитывая неблагоприятность его поступка, король, вполне вероятно, ожидал мятежа в покинутой столице, поэтому сейчас крайне важно было подготовить плацдарм для возможной информационной войны. Если лоннэйцы всё же взбунтуются, всегда можно будет преподать этот бунт как некую блажь зажравшихся столичных жителей. Такая позиция будет весьма близка провинциальному селянину или горожанину. Только так можно будет избежать настоящей революции. Именно поэтому королевская армия поставила непробиваемый заслон между северным и южным Пунтом, через который на север не проникали почти никакие вести. Вместо объективной информации о том, что творилось, упорно распространялась полуправда, где весьма искусно были сплетены факты (набеги дорийцев, появление синивицы, отъезд короля) и откровенная ложь, чаще всего выражающаяся в недомолвках и приуменьшениях: да, набеги были, но не больше, чем обычно; да, синивица действительно есть, но случаи заражения единичны, а королевские медикусы вполне успешно борются с заразой; да, король уехал, но это была заранее запланированная поездка в связи с капитальным ремонтом главного королевского дворца.

Особенно больно было, конечно, Палашу. Он понял, какими брошенными и забытыми всеми были жители Лоннэя и других населённых пунктов юга. Смерть всех его товарищей казалась ещё более циничной и бессмысленной на фоне всех этих полунасмешливых разговоров, в которых сквозило извечное отношение провинции к столице: так им и надо! Лицо бывшего предводителя Внутреннего города потемнело, глаза налились кровью, а кулаки были судорожно сжаты. Казалось, ещё секунда, и он оттолкнёт от себя тяжёлый стол, вскочит и начнёт дробить эти зубоскалящиеся лица. Но твёрдая рука и не менее твёрдый взгляд Каладиуса каким-то чудом удерживали его на лавке.

– Они не виноваты, друг мой, – мягко увещевал маг дрожащего от ярости Палаша. – Они говорят о том, что вливают им в уши приближенные короля. Не их вина, что они не

знают истинных масштабов. Пойдёмте наверх, поужинаем там, – предложил он бывшему аптекарю.

Тот, молча кивнув тяжёлой головой, поднялся. Вслед за ним встал маг, а затем поднялись и остальные. Всем им было не менее тяжело выносить происходящее вокруг. Хотя становилось очевидно, что к этому придётся привыкать. Ни у кого уже не оставалось ни тени сомнения, что в Найре, куда не добирались беженцы с юга, вряд ли вообще хоть что-то известно о произошедшем кроме того, о чём сообщили глашатаи его величества. Тем не менее, передав хозяину, чтобы ужин подняли наверх, вся компания дружно вышла из общей залы.

***

Одиннадцать дней путешественники провели в дороге. Путешествие по найрскому тракту было весьма приятным. Эта дорога была ещё лучше, чем та, по которой наша троица ехала от Танийского перевала: ещё ровнее и ухоженнее сам тракт, ещё больше зажиточных и радушных селений вдоль дороги, ещё богаче и комфортабельнее придорожные гостиницы. Конечно, теперь Пунт выглядел не так жизнерадостно, поскольку деревья сбросили наконец свою листву, а небо чуть ли не ежедневно сеяло на землю холодный дождь.

Ничего особенно интересного в эти дни не происходило. Каждый день был похож на предыдущий и последующий – бо́льшая часть дня проходила в дороге, остальная – в отдыхе на постоянных дворах. Постремий²², последний из осенних месяцев, всё больше вступал в права. Снег в Пунте выпадает поздно – позднее даже чем в более южных широтах Латиона, и редко бывают сугробы, поскольку снег обычно тает, едва выпав. Однако, высокая влажность, ветры и частые дожди делают зиму в Пунте ненамного привлекательнее, чем в том же Палатие.

Мэйлинн и Каладиус теперь бо́льшую часть времени проводили внутри, где уже топились небольшая металлическая печка. Время от времени к ним заглядывали озябшие друзья, посидеть, выпить чашечку чая, отогреться и поболтать. Лирра с некоторого времени стала замечать определённую тревожность в лице мага. Поначалу она всё ждала, что он поделится с ней своими мыслями, но, так и не дождавшись, сама прямо спросила:

– Вас что-то беспокоит, мессир?

– Признаться, да, дорогая, – пробормотал маг. Он потёр переносицу, словно что-то обдумывая, и затем продолжил. – Сейчас, когда у меня появилось много свободного времени, я стал больше размышлять. Я шаг за шагом вспоминал всё, что с нами случилось, пытаюсь это анализировать. Не допустили ли мы где-то ошибок, например. Или – как эти шаги приблизят нас к поискам Башни. И вот между делом я заметил одну оплошность, которую мы допустили.

– И что это за оплошность? – спросила Мэйлинн.

– Она связана с тем амулетом, что я сделал для вас. Когда нам пришлось разделиться в Лоннэ, мы упустили из виду, что наш друг Варан более не мог быть укрыт от заклятий поиска. Причём, это продолжалось довольно долгое время, так что если кто-то пытался его отыскать, то он это сделал. А это значит, что наши преследователи вполне могут знать, что мы побывали в Лоннэ.

– Вы думаете, что Орден может отслеживать и Варана?

– Его исчезновение наверняка уже известно нанимателям. Кто знает – как они на это отреагировали? Мне кажется, что мы не можем позволить себе роскошь надеяться на недалёковидность или глупость наших врагов. А это значит, что нужно исходить из того, что Орден знает о том, что мы были в Лоннэ.

– Это сильно осложнит нам жизнь? – у переносицы Мэйлинн залегла складочка, а сама Лирра нервно теребила пальцами нижнюю губу.

– Поживём – увидим, – неопределённо ответил Каладиус.

***

Город Найр широко раскинулся на берегу одноименной бухты Великого океана. Именно здесь всего в нескольких милях от берега проходило тёплое подводное течение, поэтому море у Найра никогда не замерзало. Это же течение определяло климат всего Пунта, и самого Найра тоже. Погода здесь была весьма переменчивой, зима – относительно тёплой, по крайней мере, снег редко залёживался больше, чем на неделю. Город был довольно велик и ему никак не подходило определение провинциального по отношению к Лоннэю. Скорее наоборот – Найр был более суетливым, более деловым, и однозначно более похожим на столицу, чем тихий зелёный Лоннэй. Когда-то давным-давно так оно и было, но в итоге пунтийцы решили, что импульсивные дорийцы являются лучшими соседями для столицы королевства, нежели хмурые келлийцы.

Но главным в Найре был его порт. Настоящий порт, не какая-нибудь парочка гниловатых причалов, как в том же Пранте. Лишь Кинай, да, наверное, Золотой Шатёр могли глядеть свысока на найрский порт. Однако это нисколько не умаляло его величия. Десятки, а то и сотни кораблей и корабликов толпились у двух десятков длинных, на четверть мили уходящих в море причалов. Огромнейший рынок, где можно было купить любой товар из любой части света. Многотысячная многоязыкая толпа, словно ещё одно море, бьющееся о пирсы и портовые сооружения. Город торговцев, город моряков, город удовольствий – таков был Найр. Он столь же не походил на другие города Пунта, сколь чистокровный скаковой жеребец не походит на колонских лошадок.

Найр принял наших путешественников в свои влажные, пахнущие морем объятия. Улицы города были полны народом почти так же, как улицы Лоннэя в ту пору, когда троица проезжала через него в первый раз. Но если на улицах Лоннэя толпа казалась чужеродным телом, возмущающим и нарушающим гармонию, то здесь она была неотделимой частью самого города, и он без неё казался бы пустым и неполным. Найр был во многом похож на Латион, что вызвало определённую ностальгию в Коле, и особенно в Бине.

Поскольку планировалось пробыть в Найре некоторое время, быть может, даже и целый месяц, то нужно было найти гостиницу поприветнее. Хотя Каладиусу не давала покоя мысль о том, что ассасины Ордена уже вполне могут начать распутывать ниточку, ведущую к лирре, исходя из того, что им удалось определить положение Варана. Тем не менее, он пока решил не отказываться от первоначального плана и пробыть в Найре достаточно времени, чтобы прибыть в жаркую Саррассу в разгар зимы.

– Я думаю, что стоит пожертвовать определённым комфортом в пользу большей анонимности, – сказал Каладиус, вновь восседая на козлах рыдвана. – Поэтому я бы посоветовал искать гостиницу не в самых богатых кварталах – подальше от центра и подальше от порта.

– Позволю себе не согласиться, – возразил Варан. – Напомню, что у меня имеется койка какой опыт в розыске людей, поэтому хочу сказать одно: если нас ищут, то обязательно найдут. Так зачем же отказывать себе в удобствах?

– Мне трудно спорить с вашим жизненным опытом, – не сдавался маг. – Однако, на мой взгляд, иной раз большее значение имеет не сам факт разыскивания, а время, за которое этот факт свершится. Нам нужно выиграть время.

– И если бы речь шла о нескольких днях, то я бы с вами не спорил. Однако, если мы планируем провести здесь месяц, а то и более – те лишние два-три дня, что мы выиграем, поселившись на отшибе, не сыграют никакой роли. Я бы предпочёл комфорт.

– Я и сам – большой поклонник комфорта, и вы это прекрасно знаете. Но можно найти уютную тихую гостиницу и подальше от людных мест.

– Для человека, который знаком с городом – да, – Варан продолжал упорно отстаивать свою точку зрения. – Однако, в нашем случае мы гораздо больше привлечём к себе внимания, слоняясь по немногочисленным улочкам такой оравой. Нас запомнит и опознает каждая собака.

– Что скажете, дорогая? – Каладиус решил поставить точку в споре, обратившись к сидящей рядом лирре.

– Прошу прощения, мессир, – Мэйлинн сидела, наклонив голову, полностью скрыв от прохожих лицо своим безразмерным капюшоном. – Но в данном вопросе я предпочту положиться на мнение профессионала. Варан столько раз разыскивал нужных ему людей, что лучше остальных знает, как можно укрыться от этих розысков, и можно ли. Как говорится, дерево лучше прятать в лесу. Так что, думаю, на полнолюдных улицах и в переполненных гостиницах мы сможем затеряться не хуже, чем в небольшом постоялом дворе с дюжиной постояльцев.

– Воля ваша, – Каладиус понял, что нет смысла искать одобрения своего плана и у других членов команды. – Тогда ищем самую приличную гостиницу.

– Вот это разговор! – тут же приободрился Кол. – Побывать в Найре и прожить в занюханном трактире – то же самое, что побывать на королевском балу и станцевать лишь со старым мажордомом.

– Ты непревзойдённый мастер аналогий, – фыркнул Варан, а Бин и вовсе закатился хохотом, вероятно, представив себе, как Кол отжигает мазурку со стариком в огромном парике.

– Как мне будет не хватать твоего остроумия, приятель! – с лёгкой грустью воскликнул Палаш.

– Так оставайтесь с нами! – тут же предложила Мэйлинн.

– Увы, моя госпожа, но я – простой аптекарь, волею судьбы вдруг ставший кем-то большим. Но предел моих внутренних сил уже исчерпан, и я не могу себе даже представить, чтобы совершить то путешествие, которое вас ожидает. Нет уж, я осяду здесь. В Найре столько жителей, из которых огромное количество моряков, путан и других субъектов, ведущих нездоровый образ жизни, так что аптекари тут всегда будут в почёте. Даже такие неважные, как я.

– Жаль, – искренне ответила Мэйлинн.

– Мне тоже, – немного печально улыбнулся Палаш.

– Ну так куда мы сейчас всё-таки направляемся? – поскольку Каладиус правил рыдваном, он всё-таки решил до конца добить вопрос проживания.

– Предлагаю сразу в портовый квартал, – отозвался Варан. – Думаю, это единственное место в Пунте, где люди не станут, выпучив глаза, пялиться на лирру.

– В мои планы не входит раскрывать свою внешность, – предупредила Мэйлинн.

– Конечно же. И тем не менее, если это вдруг произойдёт, то пусть лучше это будет где-то в окрестностях порта.

– Ну тогда, значит, едем в портовый квартал, – подытожил Каладиус.

В большинстве городов мира портовые кварталы – это грязь, вонь тухлой рыбы и гнилых водорослей, кабачки и питейные дома самого низкого пошиба, шлюхи и чернорабочие. В общем, криминальные грязные районы. Но только не в Найре. Для Найра порт – это ворота, витрина. Большинство гостей попадают в город именно через него. Поэтому портовый квартал Найра был одним из самых шикарных кварталов города. Это целые улицы гостиниц, игорных домов, ресторанов, где чашку чая подадут вам не меньше, чем за доррин. Это разноцветные уличные фонари, искушающие приезжих окунуться в соблазнительную ночную жизнь города. Конечно, за всем этим ярким лоском скрывались и грязные закоулки, и вонючие трущобы, и бесконечные склады, но Найру удивительным образом удавалось маскиро-

вать всё это подобно престарелой кокетке, скрывающей старческие пятна на коже пудрой и румянами.

Гостиницы Найра в прямом смысле боролись за постояльцев. Не успел рыдван въехать на улицу, где стояли отели, как к нему наперерез бросилось с десятков людей в ливреях разных цветов и стали наперебой предлагать остановиться именно в их гостинице, увлекая всевозможными посулами и соблазнами – начиная от скидок и заканчивая совершенно недвусмысленными предложениями в организации определённого вида досуга. К такому навязчивому сервису, кажется, никто из присутствующих не был готов, поэтому всадники с недовольными лицами жались всё ближе к карете, а Каладиус с негромкими проклятиями то и дело осаживал лошадей, дабы они не растоптали своими широкими копытами не в меру ретивых зазывал.

По мере того, как рыдван проезжал всё дальше, зазывалы один за другим отставали, возвращаясь к дверям своих отелей. Из чистой вредности Каладиус решительно направил лошадей к одной из гостиниц, от которой, как оказалось, никто к нему не подбежал просто потому, что никакого зазывалы возле неё не было. Тем не менее, стоило экипажу приблизиться, как из стеклянных дверей выскочил портье в идеально сидящей ливрее, который, однако, с известным достоинством осведомился у путешественников, что им угодно. Каладиус несколько сварливо ответил, что им угодно получить четыре номера на довольно продолжительный срок – два двухместных и два одноместных. Портье ответил, что у них есть именно то, что ищут господа, тут же вызвал трёх конюхов, чтобы те препроводили экипаж и лошадей в конюшню, а затем распахнул двери для входящих гостей обещая, что в течение четверти часа весь багаж будет доставлен им прямо в номера.

Внутри было довольно уютно. Было видно, что гостиница дорожит своей репутацией, и это согрело душу мага. Номера оказались на четвёртом этаже, что весьма восхитило Бина, который, хотя и был типично городским жителем, нечасто видел и ещё реже бывал в многоэтажных домах. В данном отеле номера делились на эконом-класс, бизнес-класс, люксы и королевские люксы, причём королевских люксов было всего четыре, но они занимали весь пятый этаж. Четвёртый и третий этажи были полностью отданы под люксы, второй, соответственно, под бизнес-класс, и на первом этаже ютилось небольшое количество низкобюджетных номеров, скорее просто для того, чтобы называться гостиницей, удовлетворяющей любому вкусу, нежели из практических соображений.

Номера, доставшиеся путешественникам, в самом деле были шикарны. Каждый номер на одного был в два, а то и три раза больше, чем вся квартира семейства Танисти, а в номерах на двоих и вовсе можно было бы разместить, не потеряв в комфорте, жителей половины квартала латионских трущоб. На месяц всё это стоило небольшого состояния, но, как мы помним, друзья отнюдь не были стеснены в средствах.

– Ну что, друзья мои, – обратился Варан к Колу, Бину и Пашшану, собравшимся вместе в комнате Кола и Бина. – Этот город так и ждёт, чтобы мы его покорили. Предлагаю сегодня, ни о чём не думая, ни о чём не вспоминая, окунуться в красивую жизнь Найра. Давайте заберёмся в какую-нибудь таверну и оставим там все воспоминания последних дней!

– Вообще-то я не пью, – начал Кол, заставив Варана слегка нахмуриться. – Однако, – Варан начал улыбаться. – Однако и мне не терпится немного расслабиться! Думаю, кружка вина меня сегодня не убьёт!

– Золотые слова, друг! – расцвёл Варан. – Идёмте, я угощаю!

Пашшан наотрез отказался идти. Во-первых, он всё-таки был слугой Каладиуса, и его долг был находиться рядом с магом, а во-вторых баинин был самым настоящим аскетом. Было удивительно, как он умудрился научиться так невероятно готовить, когда сам, казалось, вполне может есть сушёных тараканов. Таким образом друзья пошли втроём – по выражению самого Варана, «окунуться в красивую жизнь Найра».

Глава 37. Недоразумение

Едва расположившись в своих покоях, Каладиус приказал прислать ему на пробу все блюда, которые готовил гостиничный повар. Тем самым маг надеялся решить сложную задачу: позволить местной кухне обслуживать его тонкий гастрономический вкус, или же полностью положиться на умения Пашшана. И вот теперь они на пару с Палашом отведывали из каждой тарелки, которую расторопные слуги с похвальной быстротой доставляли прямо в номер. Мэйлинн отказалась участвовать в этом празднике живота, и сейчас с огромным интересом любовалась раскинувшимся перед ней городом через просторное окно.

Разговор главным образом касался достоинств того или иного блюда, поэтому лирра большей частью молчала. Лишь когда разговор зашёл о дальнейшей судьбе Палаша, она вновь включилась в беседу, ненавязчиво убеждая аптекаря присоединиться к ним. Однако тот оказался непреклонен. Он твёрдо решил обосноваться в Найре. Конечно же, тех скромных сбережений, что успел прихватить с собой Палаш, не хватило бы на покупку дома. Да что там – их едва хватило бы на то, чтобы снимать более-менее приличное жильё в течение нескольких месяцев. Поэтому Палаш без ложной скромности согласился принять от Каладиуса шестьсот пятьдесят золотых имперских корон в банковских бумагах. Этого могло хватить на первоначальный взнос за дом и закупку оборудования и сырья.

Каладиус решительным жестом пресёк уверения Палаша в том, что тот со временем всё отдаст:

– Если бы вы знали, друг мой, сколько у меня денег и сколь мало они ценны для меня, – с несколько меланхоличной улыбкой произнёс он. – То, право слово, не стали бы беспокоиться из-за подобных пустяков. Если я и не даю вам больше, то лишь потому, что это может в будущем затруднить наше предприятие. Кроме того, я убеждён, что в умелых руках эти деньги – настоящее сокровище, которое принесёт замечательные плоды.

– Уверен, что так и будет, мессир, – Палаш был глубоко тронут. – Жаль лишь, что я так и не знаю вашего имени, чтобы поминать его в молитвах.

– Уверен, что боги и так поймут, о ком вы говорите, – усмехнулся Каладиус. – Что же касается имени, то я не сообщаю его лишь по той причине, что не хочу, чтобы оно тяжким камнем легло на вас. Ибо моё имя – как раз из таких.

– Если дело лишь в этом, и вы не храните тайну имени от меня по иным соображениям, то я прошу оказать мне честь и назваться, мессир, – голос Палаша дрожал от волнения.

– Что ж, если вы настаиваете, – пожал плечами маг. – Я думаю, что вы не раз слышали моё имя ранее, однако считали, что речь идёт о мифическом персонаже. Ведь вы слышали истории о маге Каладиусе?

– Так вы – тот самый Каладиус? – глаза Палаша буквально вылезли на лоб. – Никогда бы не подумал, что в моей жизни будет подобная встреча! Вы правы, я считал вас выдумкой.

– Не вы первый, не вы последний, – усмехнулся маг. – Надеюсь, так останется и впредь. Прошли те времена, когда я жаждал славы и поклонения. Сейчас мне, напротив, хочется сохранять инкогнито и в силу собственных привычек, и для блага нашего путешествия.

– Моя тайна умрёт вместе со мной! – в порыве чувств Палаш даже прижал руки к груди.

– Да я особенно этого и не требую. Думаю, даже если бы вы стали рассказывать обо мне на каждом углу, вас сочли бы просто сумасшедшим фантазёром. Лет через десять-пятнадцать вы и сами станете сомневаться в собственных воспоминаниях, или же в моих словах. Однако я всё же попросил бы хранить нашу тайну хотя бы в течение ближайших нескольких месяцев, поскольку есть определённые силы, которым крайне важно выследить нас.

– Я уже сказал, мессир, и не стану повторять, – гордо ответил Палаш.

– Что ж, спасибо, мой друг. А теперь, прошу, отведайте вот этого жареного осетра. Как по-вашему, он не чересчур суховат?

В общем, итоги этого дегустационного пира оказались неутешительны для местного шеф-повара. Хотя Каладиус признал блюда вполне съедобными, хотя большинство менее привередливых клиентов назвали бы их превосходными, маг всё же решил, что он по-прежнему станет есть блюда, приготовленные его баинином, благо обилие продуктов давало тому поистине неисчерпаемые возможности для удовлетворения самых изысканных запросов хозяина.

Обед был закончен. Все трое сидели в креслах в номере Каладиуса, проводя время в прощальной беседе. Маг и Палаш мелкими глоточками потягивали лучшее пунтское вино из изысканных бокалов, лирра сидела в кресле, втянув на него ноги и положив подбородок на колени. Беседа велась неспешно: Палаш словно оттягивал минуту прощания, а Каладиус и Мэйлинн охотно помогали ему в этом. Уютно потрескивали дрова в большущем камине.

– Впервые с тех пор, как я покинул дворец, я чувствую себя вполне уютно, – блаженно проговорил Каладиус.

– Вы клевете на свой лоннэйский особняк, мессир, – с улыбкой возразила Мэйлинн.

– Что вы, дорогая, – отмахнулся Каладиус. – Это – не более, чем лачуга, хибара, годная лишь на то, чтоб защищать от падающего с неба дождя.

И Мэйлинн и Палаш расхохотались от такого вопиющего приуменьшения.

– Ну что ж, – Каладиус, кряхтя, переменил позу в кресле. – Полагаю, стоило бы уже дать распоряжения Пашшану, чтоб начинал готовить нам ужин...

– Я распоряжусь, мессир, – вскакивая, произнёс Палаш.

В этот момент дверь в номер распахнулась, и на пороге возник запыхавшийся Бин. Несмотря на то, что он раскраснелся от бега, было видно, что под этими пятнами румянца он смертельно бледен.

– На нас напали! – выпалил он, пытаясь отдышаться.

Каладиус моментально вскочил на ноги, не заботясь, что дорогой бокал с дорогим вином разбился, упав на пол. Мэйлинн, бледная и с расширившимся зрачками, также оказалась на ногах. Палаш, как мы уже упоминали, и так стоял.

– Нашли... – прошипел маг, озираясь, словно ища какое-то оружие.

– Нет, – замахал руками Бин. – Драка... В таверне... На нас напали... Колу голову разбили... А потом их городская стража забрала...

– Неужели так сложно было не вляпаться в неприятности? – несмотря на злость, в голосе мага слышалось и облегчение. – Где они сейчас? И что вообще произошло? Веди нас, – от волнения Каладиус даже перешёл на «ты». – По дороге расскажешь...

***

– Запоминай дорогу, приятель! Если что, потащишь нас назад! – Кол приобнял шагающего рядом Бина за плечи и потрепал по порядком отросшим волосам.

– Ты ж вроде как завязал? – улыбнулся Бин.

– Завязал, развязал... – засмеялся Кол. – Поживём – увидим.

– Кто кого ещё потащит, – подмигнул Бину Варан. – В сегодняшней попойке я больше рассчитываю на тебя, дружище!

– Дожили... – притворно вздохнул Кол. – Старика Кола уже заранее списывают со счетов ещё до начала пьянки! Слышали бы тебя сейчас жители Нового города!

– Ну так докажи, что ты ещё чего-то стоишь! – весело подначивал Варан.

– Докажу! А вон, гляди, вроде вполне приличное место! Может, сюда и завалимся?

– Приличное место! – фыркнул Варан. – Мы же в найрском порту, недотёпа! Пусть меня сожрут кракены, или как там ругаются моряки, если я пойду в какое-то «приличное место»!

Нет уж! Сегодня – самый просоленный, самый злачный вертеп! Чтоб с бардами, шлюхами, танцовщицами и моряками со всего света! И с таким вином, что кабана с ног валит!

– Что ж, уговорил! – рассмеялся Кол, которого, собственно, и не нужно было особенно-то уговаривать. – Тогда давай прямо в порт!

Широко шагая, друзья любовались городом, который даже в пасмурный день обладал определённым шармом. Все они, за исключением Бина, повидали городов на своём веку, но даже такие города, как Латион, в чём-то уступали Найру. Было удивительно, что на такой сугубо сельской земле, как Пунт, могла уродиться такая жемчужина торговли, роскоши и распутства.

Людей вокруг становилось всё больше, всё усиливался запах моря, и без того разлитый по улицам города. Значит, порт был уже неподалёку. Теперь предстояло найти ту самую таверну мечты Варана. И вскоре друзья услышали голос, который, надрываясь, пытался перекрыть многоголосую толпу:

– ...наказаны будут грешники! Ибо противны светлomu взору Арионна те, что пьют вина без меры, те, что играют в азартные игры и те, что сношаются без любви. Не дано им преодолеть Белого Пути! Оскользнутся ноги их, яко по льду, и станут падать они в глубины самых глубоких преисподен Хаоса! И демоны станут сосать их кровь, и дьяволы станут грызть их плоть. И погибнут души их, не преподобившись ни Белому Арионну, ни даже Чёрному Ассу...

Слушая эти проклятия на чьи-то головы, друзья подошли ближе. Наконец они увидели весьма странного человека. Был он не молод, но ещё и не стар, хотя судить об этом было довольно сложно, поскольку был он немой, нечёсан и небрит. Серое рубище трепыхалось на ветру, светясь множеством прорех, сквозь которые то и дело виднелось костлявое тщедушное тело. Несмотря на холод, человек был бос, но, похоже, это его нисколько не смущало. Он стоял на деревянном ящике неподалёку от входа в одну из таверн, и громко вещал небольшой группе людей, то ли по велению сердца, то ли от скуки слушающей его проповеди.

– Его же тут побьют, – пробормотал Бин.

– Не, не побьют, – качнул головой Варан. – Не поверишь, приятель, но нет более богобоязненных людей, чем грешники. Вот если его кто и побьёт, так стражники по приказу тех же жрецов-арионнитов.

– Как так? – выпучил глаза Бин.

– Да очень просто, – встрял Кол. – Знаю я подобный народец – что-то типа странствующих проповедников, святых и блаженных. Клеймят одинаково и забулдыг из таверн и жрецов, погрязших в роскоши. Простой народ-то как раз их побаивается и уважает, и именно поэтому их гоняют жрецы.

– Вот-вот, – поддакнул Варан. – Но, друзья мои, если мы и должны что-то взять из проповеди этого преподобного, так это то, что вот она, та самая таверна, которую мы искали! По-моему, это – лучшая рекомендация, какую только могут дать подобному заведению.

– Ну тогда войдём! – предложил Кол. – Хотя бы нам и пришлось получить порцию проклятий на свою голову.

– Именно это я и хотел предложить! – осклабился Варан.

И друзья решительно направились к дверям таверны с вполне нейтральным названием «Три кита». Как раз перед ними туда же вошла компания из трёх человек. Когда они подошли к дверям, проповедник возвысил голос, напрямую обращаясь к трём заблудшим овцам. Однако те, чуть втянув головы в плечи, прошмыгнули внутрь. Нашим же друзьям подобные обличения казались сущими пустяками в сравнении со всем тем, что им уже пришлось пережить, поэтому они, гордо подняв головы, приблизились к дверям.

– Всегда хотелось распахнуть двери таверны, как настоящий моряк! – с чисто юношеским азартом воскликнул Бин.

– Не забывай, что ты не моряк! – напомнил Кол.

– А кто об этом знает? – весело ответил Бин и от души толкнул обе деревянные створки дверей.

Двери оказались хорошо смазанными, так что Бин слегка не рассчитал сил. Створки распахнулись так широко, что ударили по стенам с внутренней стороны. Бин, конечно же, не ожидал подобного, поэтому был крайне сконфужен. Красивого входа бывалого матроса у него так и не вышло – против воли юноша опустил голову, стараясь не смотреть на тех, кто находился внутри. Так вот пристыженно он и вошёл, а друзья, пытаясь сохранять невозмутимый вид, прошли следом.

Бину казалось, что все взгляды посетителей устремлены сейчас на него. Наверное, так оно и было. Солнце уже давненько перевалило за полдень и портовые таверны понемногу начинали заполняться народом. В этой таверне было полно пустых столов, но за некоторыми уже сидели компании. Бардов и танцовщиц, правда, ещё не было, хотя некоторое подобие сцены указывало, что всё это имеет место быть, зато несколько явно распутных девиц околачивались внутри, в основном, обхаживая посетителей в надежде, что им перепадёт монетка. Шумное появление Бина не прошло незамеченным ни для кого. Хотя помещение было не слишком хорошо освещено, пунцовые щеки Бина были заметны всем.

– Давайте-ка туда, – Варан говорил тихим голосом, указывая на свободный небольшой стол, за которым как раз вполне уютно могли расположиться три человека. Кроме того, рядом с ним было ещё несколько пустых столов.

За большим столом, находящимся как раз по пути от столика, выбранного друзьями, к стойке, за которой стоял хозяин, сидела компания человек из восьми, довольно здоровых и высоких. Возможно, это была артель портовых грузчиков, на сегодня оставшаяся без работы, отчего они решили скоротать вечерок за элем и мясом. Так же, как и все, при грохоте створок эти люди обернулись к входу и лицезрели явление нашей троицы. Но сейчас большинство из них вернулись к своим делам, за исключением одного.

Этот не слишком-то походил на грузчика – на добрый фут ниже Бина, и такой щуплый, что, казалось, взявшись за его предплечье пальцами, его можно сломать, словно тростинку. Неправильные черты некрасивого лица выдавали в нём потомственного алкоголика в нескольких поколениях – наверняка и он, и его родители, а, может, и родители его родителей были зачаты спьяну. Кроме того, он был очень подвижен – постоянно ёрзал на скамье, тогда как остальные его собутыльники спокойно сидели на своих местах. И вот сейчас этот коротышка вперил свой злобный взгляд в вошедших, и особенно в Варана.

– Э, поглядите-ка, дорийская шлюшка! – глумливо воскликнул он своим друзьям, явно намекая на Варана и с таким расчётом, чтобы тот наверняка услышал. – Что, девочки, пришли перекусить после работы?

Вскочив, коротышка похабно повилил бёдрами вперёд-назад, недвусмысленно намекая на то, о какой работе идёт речь. И ему удалось добиться своего – все его товарищи как по команде повернулись в сторону Варана.

Ради справедливости нужно сказать, что Варан, как и все жители северной Саррассы, имел много общего с дорийцами и их вполне можно было спутать.

– Не обращай внимания, – Кол положил тяжёлую руку на напрягшееся плечо товарища. – Знаю я подобных людишек. Типичное говнецо, которое много воняет, но в случае чего тут же прячется за спины товарищей. А товарищей у него много, и не хотелось бы проверять их на прочность. Ребята, вроде, серьёзные.

Варан, чуть скрипнув зубами, кивнул и сел. Былого мастера Теней подобные выходки лишь позабавили бы, но Варан потерял тогда в пустыне нечто очень важное, нечто, что отличает мастера Теней от обычного человека. Хмурые Кол и Бин также сели за стол.

– Гляньте-ка, ребята, до чего мы дошли! – продолжал верещать коротышка. – Дорийцы добрались и до нашего славного Найра! А один и вовсе припёрся в приличное заведение, да ещё и со своим конём и своей подружкой!

Теперь уже скрипнули зубы Кола, поскольку конём, очевидно, был он, а подружкой – худощавый Бин с отросшими растрёпанными волосами.

– Не обращай внимания, – зубы Варана иронично блеснули в полутьме.

– Завали рот, приятель, если не хочешь, чтобы я позвал стражу! – рявкнул на недомерка проходящий мимо него трактирщик, направляющийся к друзьям, чтобы принять заказ.

Коротышка примолк и сел за стол, но, вероятно, продолжал плоско острить в адрес вошедших, поскольку из-за этого стола то и дело раздавался хохот, а сидящие за ним грузчики то и дело оборачивались на трёх приятелей.

– Что угодно господам? – трактирщик словно случайно встал так, чтобы загородить своим откормленным телом глумящуюся компанию. – И, прошу, не обращайтесь внимания на этих людей. Знаю я эту компанию. Все они – люди нормальные, кроме того недоделанного засранца.

– Не беспокойтесь, любезный хозяин, – улыбнулся Варан. – Если бы за всякое оскорбление, что я слышал в свой адрес, мне давали бы по медяку, я бы уже был миллионером. Слова не режут. А угодно нам – самого лучшего вина, которого только сыщется в ваших погребах, а также закуски к нему. Наверное, какие-нибудь дары моря, раз уж мы в порту, – с этими словами Варан передал трактирщику целый серебряный дор. – Вот вам, друг мой. Всё, что останется с этого дора после нашей пирушки, вы сможете оставить себе.

– Благодарю вас, любезный господин! – трактирщик засиял не хуже начищенного дора. – Всё будет по высшему разряду! Наша таверна специализируется на морских дарах! Всё – наисвежайшее, прямиком с рыболовецких лодок!

Надо сказать, что трактирщик ничуть не удивился латионской монете. Здесь, в найрском порту все трактирщики, хозяева гостиниц, содержатели борделей и игральные домов по совместительству были ещё и менялами. Каких только монет не ходило здесь, и все они совершенно спокойно принимались и менялись прямо в тавернах или гостиницах. Так что хозяин без всяких вопросов принял дор, лишь тайком попробовав его на зуб. Затем он развернулся и быстро направился на кухню, отдать распоряжения.

– У меня прямо дежавю, – исподтишка поглядывая на веселящуюся компанию буркнул Кол. – Словно я опять в «Двух петухах».

– «Два петуха», «Три кита»... – проговорил, посмеиваясь, Варан. – Вероятно, не везёт тебе, приятель, с неодинокими животными. Так, глядишь, попадёшь в какие-нибудь «Четыре зайца», где тебя и порешат!

– Да пошёл ты! – огрызнулся Кол. – Не до смеха. Будь моя воля, я бы вообще ушёл от греха подальше.

– А что нам мешает? – робко осведомился Бин, который до сих пор не находил себе места от дурных предчувствий и раскаяния.

– Да вот он, – кивнул Кол на Варана. – Его же отсюда лошадьё не стащишь теперь!

– Это точно! – подтвердил Варан. – Мы пришли в лучшую таверну Найра и не уйдём отсюда из-за каких-то недоносков.

И Кол, и Бин практически синхронно вздохнули.

В это время служанка принесла кувшин и три кружки. Кроме того, она принесла большое блюдо с устрицами.

– Посмотрим, насколько хорошее вино тут подают! – Варан налил три кружки почти до краёв.

– А это что нам принесли? – Бин подозрительно покосился на блюдо. – Улитки, что ли?

– Попробуй! Это деликатес! – усмехнулся Варан, подхватывая одну из раковин.

– Вот ещё! – скривился Бин. – Подожду чего-нибудь посьедобнее.

– Ну тогда выпьем пока за удачу! – протянул свою кружку Варан.

Остальные взяли свои и со словами «За удачу» чокнулись. Несмотря на предыдущую бравату, Кол лишь слегка пригубил вина, тогда как остальные отхлебнули от души. Затем Кол и Варан принялись за устриц, а Бин лишь с надеждой поглядывал в сторону кухни – не несут ли чего посущественней. И наконец он дождался. Служанки принесли блюда с жареной и запечённой рыбой, огромное блюдо, наполненное варёными креветками, средних размеров маринованного осьминога и несколько тарелок с другими деликатесами. Теперь уж Бин мог воздать должное еде.

В то же время за столом, где сидел коротышка со своей компанией, не утихал смех, подогреваемый его визгливым голосом. Мелкий поганец продолжал сыпать плоскими и похабными шутками в адрес Варана и его спутников. Этот совершенно незамысловатый юмор вызывал взрывы хохота среди его непритязательных дружков. Причём, если сам недомерок вёл себя явно вызывающе, то остальные смеялись скорее по простоте душевной, нежели из явного желания досадить. Видя, что трое друзей никак не реагируют на его выходки, коротышка говорил всё громче и громче, так что теперь на него оборачивались все посетители таверны. Надо сказать, что часть из них вполне благосклонно относились к подобного рода шуткам и подбадривающе посмеивались.

После очередного окрика хозяина, коротышка на время умолк, но надолго его не хватило. Его мерзкий голос действовал на нервы уже сам по себе, не говоря уж о его словах. Наконец Варан не выдержал.

– Неохота больше вина, пойду лучше пива попрошу, – раздражённо отодвинув от себя полупустую кружку, процедил он, вставая.

– Зачем идти? – попытался остановить его Кол, вероятно, уже поняв то, что происходило на душе товарища. – Позовём хозяина...

– Я сам схожу, – отчеканил Варан и мягким шагом двинулся к стойке.

Увидев, что объект насмешек приближается, коротышка, было, заткнулся, но затем решив, что преимущество на их стороне, начал вновь:

– Я, кажется, понял, чего этот лошадиный заблудился у нас! – хлопнув себя по лбу, громко сообщил он товарищам. – Надоело, поди, трахать кобыл, вот приехал сюда в надежде, что ему даст хоть какая-нибудь уродина с двумя ногами вместо четырёх.

Собутыльщики коротышки вновь загоготали, будто слышали что-то донельзя смешное, однако этот смех стих, когда раздалось шипение Варана:

– Послушай внимательно, огрызок, потому что повторять я не стану. Если ты скажешь ещё хотя бы слово, я вобью тебе его обратно в глотку вместе с зубами!

И, как ни в чём не бывало, Варан двинулся дальше. За столом повисло гробовое молчание. Что-то такое было в лице и голосе Варана, что семеро дюжих молодцов и один огрызок, как назвал его Варан, на какое-то время потеряли желание смеяться. Однако, уязвлённая гордость, обильно смоченная алкоголем, в конце концов взяла своё. Коротышка начал что-то горячо, но тихо втолковывать друзьям, а те в ответ заворчали, соглашаясь.

Через пару минут, когда Варан возвращался с кружкой, доверху наполненной пенным напитком, он неожиданно споткнулся о внезапно вытянутую ногу недомерка. Возможно, мастер Теней ожидал чего-то подобного, или просто сработали нажитые годами рефлексy, но только он сумел удержаться на ногах и даже почти не пролить пива. Коротышка, видимо, был убеждён, что Варан упадёт, и сейчас был несколько растерян, однако, он самым издевательским голосом произнёс фразу, очевидно заготовленную заранее:

– Что-то потеряла, моя цыпа?

На этот раз смеха не последовало. Восемь пар глаз, а на самом деле – даже больше, напряжённо наблюдали за Вараном. Тот спокойно вернулся к столу, за которым сидел обид-

чик, и, словно какой-нибудь официант, аккуратно поставил кружку на стол. Сидящий коротышка, съёжившись, глядел на него снизу-вверх. На какое-то мгновение все люди, находящиеся в таверне, застыли. А затем, словно кобра, метнулась рука Варана. Он обхватил затылок коротышки и с силой припечатал его лицом в столешницу. Так же молниеносно рука вернулась назад. Коротышка остался в том же положении – сидел, уткнувшись носом в стол и, видимо, лишившись сознания. Наступила мёртвая тишина, так что вновь стало слышно, как гугнит на улице босоногий проповедник, призывая кары небесные на всех, кто находился в таверне. И, вероятно, на этот раз Арионн услышал своего слугу.

Как один, вскочили все семеро товарищей коротышки. С рёвом они оттолкнули лавки, выбираясь в проход. Не теряя времени, Варан схватил свою кружку и саданул ею в голову ближайшего бугая. Тот пошатнулся, но не упал, а лишь привалился к столу, опираясь на него одной рукой, а другой схватившись за мокрую от пива и крови голову.

– Сиди здесь! Не лезь! – гаркнул Кол оторопевшему Бину, а сам бросился на помощь товарищу.

Завязалась рукопашная. Все посетители харчевни мигом подбежали к дерущимся. Однако, разнимать их никто и не думал. Двое или трое выпивох бросились на подмогу приятелям коротышки – то ли знакомые, то ли просто любители помахать кулаками. Остальные же не спешили влезать в драку, тем более, что там становилось жарко.

На стороне Кола и Варана было умение, но на стороне их противников – грубая сила. И охотник за головами, и бывший центурион наносили один удар за другим, причём практически все они достигали цели, однако лишь некоторые удары сокрушали соперника хотя бы на время. Изрядно выпившие и тяжёлые горожане, напротив, практически не задевали двух бойцов, но когда Кол зазевался ненадолго, оглушающий удар прилетел ему прямо в ухо. Легионер лишь чудом устоял на ногах, однако на некоторое время полностью потерял инициативу, и мог лишь неловко уклоняться от пудовых кулаков.

Трое соперников, не считая коротышки, мирно лежали на залитом вином и заваленном раздавленной едой полу, однако остальные явно теснили двух друзей. Некоторый урон претерпел и Варан – из разбитой верхней губы на подбородок сочилась кровь.

Вокруг кружком сбились посетители. Среди них стоял и растерянный Бин. С одной стороны, он понимал, что нужно помочь друзьям, но с другой в его голове набатом отдавались последние слова Кола: «Сиди здесь! Не лезь!». «Сиди здесь! Не лезь! Сиди. Здесь. Не. Лезь. Сиди! Здесь! Не! Лезь!!!» – машинально повторял Бин. Он пытался протиснуться ближе к дерущимся, но его постоянно отпихивали зрители. И Бин всячески старался убедить себя, что он не лезет именно потому, что Кол велел не лезть. Хотя коленки ужасно дрожали, а мочевого пузыря, казалось, вот-вот расслабится.

Один из верзил схватил скамью и, ухнув, сделал ею неловкий полукруг. Это тут же заставило толпу раздаться в стороны. Пьяница ещё пару раз махнул скамьёй, но вскоре понял, что смысла от этого нет никакого – соперники играючи уходили от медлительных ударов, да и была вероятность зацепить своих. Поэтому, выждав момент, когда Кол отвернулся, чтобы уйти от очередного удара, здоровяк просто запустил скамью в него. И по какому-то роковому стечению обстоятельств – попал. Тяжёлая скамья, сколоченная из двухдюймовых досок, торцом ударила Кола в затылок. Тот упал как подкошенный. Голову легионера тут же залила кровь.

Пара противников тут же набросилась на неподвижное тело Кола, начав избивать его ногами, но тут подоспел Варан. Сам держащийся из последних сил, он, тем не менее, нанёс несколько мощных ударов, заставив стервятников отступить. Однако Варану приходилось совсем плохо, и исход боя был уже предрешён, тем более, что Бин по-прежнему зачарованно стоял на месте, тихонько бормоча под нос: «Не лезь, не лезь...». Но подмога пришла совершенно неожиданно. Два человека в форме матросов военного флота Саррассы неожиданно

ворвались в круг импровизированной арены, держа в руках увесистые бутылки темно-зелёного стекла, и набросились на нападавших на Варана, дав тому возможность слегка перевести дух.

– Прекратить! – голос, рывнувшийся от дверей, перекрыл даже шум драки. Все обернулись, как по команде. В дверях стоял наряд городской стражи, а рядом – раскрасневшийся хозяин.

Зрители тут же рассыпались по залу, а стражники, держа алебарды наперевес, бросились к дерущимся, которые, конечно же, к этому моменту также перестали драться.

– Бросьте всё! – скомандовал начальник стражи, держа в руках короткий меч. – Именем короля вы арестованы за учинение беспорядков! Взять всех! – последняя команда относилась уже к стражникам.

Никто и не подумал сопротивляться вооружённым солдатам. Варан бессильно опустил голову, обмакивая кровь с губ порванным рукавом. Оба саррассанца бросили бутылки и сейчас пытались что-то втолковать стражникам. Оставшиеся на ногах бугаи безропотно протягивали руки одному из стражников, который ловко застёгивал наручники на их запястьях.

Варан, подняв глаза, увидел Бина, растерянно стоящего поодаль. Легонько мотнув головой в сторону выхода, Варан сам подошёл к стражнику, подставляя запястья. Бин же, поняв, что имел в виду Варан, тихонько выскользнул из таверны, со всех ног бросившись обратно в гостиницу.

Глава 38. День объяснений

– Вы останетесь здесь, – выходя, бросил лирре Каладиус и ему не нужно было объяснять причину этих слов. Мэйлинн лишь кивнула в ответ, хотя было видно, как ей хочется отправиться со всеми.

Они пошли вчетвером – маг, Бин, Палаш и Пашшан. Начинало вечереть, и каждый человек мог оказаться сейчас нелишним. Найр никогда не слыл городом разбойников и воров, но главным тихоней тоже не был. Широким шагом компания добралась до злополучных «Трёх китов». Сейчас там уже ничего не напоминало о произошедшем – перевёрнутые столы были подняты, раздавленная рыба убрана, а кровь соскоблена с досок пола. В таверне было полно посетителей, звучала музыка, которую выдували из себя три музыканта с дудками и свирелями, и им аккомпанировал малый с бубном. Появились и танцовщицы, призывно вихляющие обнажёнными бёдрами. Тела их были прикрыты ровно настолько, чтобы будить фантазию и вожделение. Вот теперь «Три кита» в полной мере соответствовали тому идеалу, который искал на свою голову Варан.

Маг в компании Бина и Палаша обосновались в углу у самых дверей, стараясь не привлекать особого внимания. Баинин же направился, чтобы привести хозяина. Через несколько минут он вернулся, а за ним шествовал уже знакомый нам трактирщик. Неизвестно, что сказал ему баинин, да и сказал ли вообще что-то, учитывая его скудный запас имперских слов, однако лицо хозяина было несколько тревожно и он чуть нервно вытирал красные пухлые руки о свой передник.

– Вы хотели поговорить со мной, милостивый государь? – опытный трактирщик безошибочно определил, к кому нужно обращаться.

– Да, милейший, – кивнул Каладиус. – Недавно у вас здесь произошло одно... гм... недоразумение, в которое оказались вмешаны мои друзья.

– Вы говорите об этой драке? – ещё больше помрачнел трактирщик. – Я пытался её предотвратить, но тот мелкий недоносок всё цеплялся к вашим друзьям...

– И вы вызвали стражу, – ледяным голосом проговорил маг.

– А что мне было делать? – что-то в голосе Каладиуса заставило трактирщика подбостранно лепетать, словно перед судьёй. – Я – всего лишь трактирщик, и у меня нет собственной охраны, чтобы разбираться с подобными вещами. Одно дело – вышвырнуть за дверь перепившего бедокура, совсем другое – разнимать такую заваруху.

– Я не обвиняю вас, друг мой, – снисходительно махнул рукой Каладиус. – Вы поступили совершенно правильно. Однако, стража, как мы знаем, не любит разбираться в степени виновности людей на месте, предпочитая перевешивать эту обязанность на королевский суд. А мне бы очень не хотелось, чтобы дело дошло до суда. Поэтому я попросил бы вас хорошенько объяснить мне, как я могу найти то место, где сейчас содержатся мои друзья.

– Ах, это проще простого! – облегчённо выдохнул трактирщик, поняв, что никто не собирается наказывать его за промах. – Это была портовая стража, поэтому они увели всех участников драки в Портовый форт. А найти его проще простого – стоит выйти на улицу, как вы увидите его башни – они очень высокие. Полчаса ходу – и вы будете на месте. Заблудиться просто невозможно.

– Что же, любезнейший, спасибо, – вставая, поблагодарил маг.

– Ну что вы, господин! Не за что! Прошу вас, передайте вашим друзьям, как я сожалею, что доставил им столько хлопот!

– Непременно передам, хозяин. Всего доброго!

Действительно, едва выйдя на улицу и обратив взгляд на северо-запад, Каладиус увидел мощные стены форта, черные на фоне пасмурного закатного неба. Трактирщик не обма-

нул – менее, чем через полчаса маг и его спутники стояли у входа в форт. На посту дежурили четверо стражников.

– Я хотел бы поговорить с кем-то из ваших начальников, друзья, – обратился Каладиус к солдатам.

Такая простота и вежливость подкупала, поэтому вместо грубого ворчания один из солдат снизошёл до кивка и исчез в проёме ворот. Его не было всего пару минут, а затем он явился в сопровождении сержанта, вероятно, начальника караула. Каладиус слегка поморщился – когда он говорил о начальниках, то имел в виду кого-то рангом повыше. Тем не менее, он по-прежнему был сама любезность.

– Господин сержант, простите за беспокойство, но у меня есть весьма важное дело к начальнику гарнизона.

Сержант, который, похоже, только что сладко спал, уже открыл было свой укрытый черными усищами рот, чтобы подробно разъяснить этим невежам, кто они, и куда должны идти, но его зоркий, даром что заспанный взгляд вдруг ухватил манящий блеск серебра. Рот сержанта захлопнулся почти с таким же грохотом, с каким, должно быть, запирались ворота форта, а рука с готовностью выпросталась вперёд, приглашающе развёрнутая ладонью вверх. После того, как пальцы крепко сжались на серебряном доре, сержант, откашлявшись, осведомился:

– Могу я узнать цель вашего визита? Это необходимо по уставу, – почти извиняясь, добавил он.

– Конечно же, вы можете узнать цель нашего визита, – расплылся в улыбке Каладиус. – Мы явились сюда, чтобы ходатайствовать о наших друзьях, по недоразумению попавших к вам. На них напали, и они были вынуждены защищаться, однако подоспевший наряд арестовал всех – и правых, и виноватых.

– Так оно обычно и бывает, – усмехнулся сержант. – Хорошо, вы можете пройти. О вас доложат капитану стражи.

– Благодарю вас, друг мой, – вежливо ответил Каладиус, ступая в распахнутый зев форта.

Им предложили обождать во внутреннем дворе, мрачном и неприветливом. И на этот раз ожидание длилось заметно дольше. Бин сильно нервничал и уже до крови сгрыз ногти на обеих руках. Пашшан держался настолько невозмутимо, будто был вырезан из дерева. Палаш то и дело зыркал глазами по огромному колодцу форта и, похоже, чувствовал себя весьма неуютно. От фигуры Каладиуса же словно веяло спокойствием и могуществом. Так бы, наверное, стоял здесь сейчас его королевское величество Аллан Девятый, оглядывая форт, как свою собственность.

Наконец появился рядовой, который предложил пройти за ним. Судя по всему, апартаменты капитана находились в одной из башен, поскольку поднимались они довольно долго. У непривычных посетителей уже началась одышка, разве что двужильный баинин не выказывал особых признаков усталости. Солдат же шёл вполне непринуждённо – вероятно, за годы службы успел привыкнуть к беготне по лестницам. Лестницы эти, к слову сказать, освещены были довольно скудно, так что несколько раз то один, то другой посетитель неловко оскальзывались на выщербленных, стоптанных поколениями служак ступеньках.

Наконец они оказались у двери, из-под которой выбивалась полоска яркого света. Деликатно постучав и дождавшись приглашения, солдат отворил дверь и шагнул назад, пропуская мага и его спутников.

Каладиус вошёл в помещение и увидел капитана стражи. Немолодой плотный мужчина с длинными, убелёнными сединой усами и ярко сияющей в свете свечей лысиной, приподнялся с кресла, за которым сидел.

– С кем имею честь? – сухим скрипучим голосом, выдававшим в нём отъявленного курильщика, осведомился капитан.

– Я – путешественник, прибывший сегодня в ваш великий город в компании нескольких помощников и друзей. Однако, двое из них угодили в довольно скверную историю, пусть и не по своей вине. В итоге они были арестованы доблестными стражниками и препровождены сюда.

– Ваш ответ одновременно и избыточен, и недостаточен, – холодно проговорил капитан. – И вы до сих пор не назвали ни себя, ни своих спутников.

– Мы живём в таком мире, господин капитан, в котором имена могут разить, словно арбалетные болты. Я путешествую инкогнито, и, поверьте, у меня есть весьма веские причины для этого. Однако, чтобы убедить вас, что я – не какой-то проходимец, – проговорил Каладиус, видя, как начинает хмуриться командир гарнизона. – Вот, прошу взглянуть.

Каладиус вынул из кармана уже знакомый нам ониксовый перстень, позволив ему мрачно блеснуть в свете свечей.

– Надеюсь, вам не нужно объяснять, что это? – Каладиус филигранно владел голосом – он добавил в него небольшую толику ледяного металла, как раз достаточную, чтобы послать капитану нужный сигнал.

Вероятно, сигнал был получен и расшифрован верно, поскольку капитан вдруг закашлялся, да так, что на глазах его даже выступили слёзы. Чуть отдышавшись, он наконец выдал:

– Я знаю, что это такое, мессир. Однако, несмотря на всё моё почтение, я не могу выпустить ваших друзей, если они виноваты.

– Весьма справедливо, и даже похвально, господин капитан! – теперь в голос мага подмешалось немного снисходительного покровительства. – Но, хвала богам, друзья мои невиновны. Вот этот молодой человек был свидетелем событий, и он сейчас кратко расскажет вам, как было дело.

Бин, сбиваясь и заикаясь, кое-как рассказал капитану о том, что произошло, стараясь ничего не утаивать. Тот слушал, слегка кивая в такт словам.

– Да, если так всё и было, то совершенно очевидно, что ваши друзья стали жертвами нападения и не могут быть осуждены, – когда Бин закончил, произнёс капитан.

– *Если?* – глаза Каладиуса сверкнули, а от его тона съёжился даже сам Бин.

– Я имел в виду совсем не это! – смешался капитан, покрывшись испариной. – Извините, я не очень хорошо умею выражать мысли. Конечно же, я не ставлю под сомнения слова вашего друга, мессир! И мы сейчас же пойдём в казематы. Не пройдёт и четверти часа, как ваши друзья будут на свободе!

– Спасибо, дорогой господин капитан! – сладким, словно сахарная голова, голосом поблагодарил Каладиус.

Затем снова были длинные, едва освещённые лестницы, теперь ведущие куда-то вниз. Затем был опять тот же внутренний двор, в котором они дожидались аудиенции. А затем были казематы. К ним, конечно, слабо подходило словосочетание «каменные мешки», однако и приятного было мало – воняло мочой и гнилой соломой, и было довольно-таки холодно. Казематы Портового форта не были тюрьмой – это был своеобразный отстойник, где отсыпались местные пьяницы и дебоширы, а также ждали перевода в более серьёзные заведения схваченные преступники. Поэтому и не было нужды делать их излишне уютными.

Постояльцев тут было не так уж и много – большая часть камер пустовала. Из звуков чаще всего слышался храп, кашель и бормотания. Однако среди них довольно скоро выделился совсем иной звук – голос Кола. Он, как обычно, болтал. О чём – пока ещё было не ясно, но по тембру голоса было очевидно, что он заливал очередную байку, ответом на которую был периодический гогот нескольких глоток.

Вскоре речь стала разборчивой, и Бин понял, что Кол действительно травит одну из своих любимых историй о службе в Седьмом Коррэйском. Сам Бин слышал её уже несколько раз, но нынешние слушатели легионера, естественно, слышали её впервые, поэтому просто надрывались от смеха.

– А вот и они, – капитан указал на решётку, заменяющую стену камеры.

Там, почти в полной темноте и слышался голос Кола. Солдат, несущий факел, приблизил его к решётке и трепещущий свет выхватил Кола и Варана, сидящих на полу у стены. Кол замолчал и моргал, ослеплённый светом.

– А вот и вы, друг мой! – проговорил Каладиус, подходя к решётке.

– Мессир! – вскричал Кол, пытаюсь вскочить на ноги. Однако от долгого сидения, а также, возможно, от слабости после удара по голове, ему удалось лишь, кряхтя, встать. Варан оказался проворней.

– Прошу, отворите дверь, – обратился Каладиус к капитану.

Тот собственноручно вставил ключ в замок и отпёр камеру.

– А кому ты тут байки свои травил? – Бин пытался говорить спокойно и независимо, будто ничего не случилось, но голос подводил.

– Да вон, наши новые приятели, – Кол указал на камеру, противоположную собственной.

Оказалось, там сидели те самые недавние соперники из таверны. Бин даже углядел коротышку, который, правда, сидел несколько в стороне ото всех и выглядел неважно. Сейчас здоровяки оробели и примолкли.

– Ну что, пойдём? – поворачиваясь к выходу, проронил Каладиус.

– Мессир, – чуть нерешительно начал Кол. – Могу я просить вас...

– Освободить этих пьяниц? – пренебрежительно бросил маг.

– Ну... В общем... Да... – Кол был смущён, но решил довести дело до конца.

– Зачем?

– Они – отличные ребята, мессир, – горячо проговорил Кол. – Чуть погорячились, конечно... Но это – с кем не бывает! Вообще это всё вина вон той какашки, что сидит в углу. Если бы не он, ничего бы и не случилось.

– Они – не моя проблема, Сан, – строго проговорил Каладиус. – Я пришёл за вами, и остальное меня не интересует. С ними пусть разбирается магистрат, или королевский суд, или кто угодно. Но не я.

– Кроме того, у меня могут быть неприятности, если я выпущу всех, – встрял капитан.

– Да оставь, дружище! – прогудел из соседней камеры один из верзил, возможно, тот самый, о голову которого Варан разбил кружку. – Мы тут не впервой, да и вряд ли в последний раз. Отоспимся, завтра нас осудят на сто часов работ, тем дело и кончится.

– А что, если мы внесём залог? – предложил капитану Кол.

– Друг мой, я прошу вас, оставьте этих людей здесь! – жёстко сказал маг. – Пойдёмте наружу, прошу вас! От этих подземелий у меня ноют кости!

– Всё путём, друг! – заверили Кола из-за решётки. – Без обид! Извини, что так всё вышло! Может, как-нибудь свидимся за кружечкой эля, и узнаем, наконец, отчего же так чесалась задница этого вашего Баммера.

– Ага, точно... Ну бывайте, парни! – глухо сказал легионер и быстрым шагом направился вперёд. Остальные двинулись за ним.

– А вы что же, друг мой, не прониклись братской любовью к этим отбросам? – желчно осведомился Каладиус у Варана.

– Да вы же знаете, мессир, я плохо схожусь с людьми, – пожал плечами мастер Теней. – А наш друг, похоже, просто переживает последствия травмы головы.

– Что, ему очень досталось? – тон мага продолжал оставаться вполне равнодушным, словно речь шла о цвете брюк Кола.

– Царапина, – дёрнул щекой Варан.

– Вы ведёте себя так, словно чувствуете себя виноватым, – прищурившись, Каладиус взглянул на охотника за головами.

– Так и есть, – бесцветным голосом ответил Варан.

– Что же, умный человек из всего сумеет извлечь полезный урок.

– Вы как всегда правы, мессир.

Выйдя во внутренний двор, Каладиус учтиво поблагодарил капитана, который в свою очередь рассыпался в заверениях преданности, после чего шестеро друзей покинули форт.

– Идти сможете? – спросил Каладиус Кола.

– Я в полном порядке, – кисло ответил тот.

– Ну что, может, заглянем в ещё какой-нибудь вертеп? – улыбнувшись, неловко пошутил Варан.

– Нет уж, спасибо! – поспешил воскликнуть Бин. – Кажется, на сегодня уже достаточно!

– Абсолютно с вами согласен, друг мой, – кивнул Каладиус. – Что касается меня, то мне просто жизненно необходима сейчас горячая ванна, подогретое вино и приличный ужин. Хотя на последнее рассчитывать не приходится, учитывая, что Пашшан весь вечер вместе со мной вызволял двух неудачливых гуляк из кутузки.

И Кол, и Варан сочли за лучшее промолчать.

***

В этот день о произошедшем больше не говорили, поскольку чувствовалось, что настроение мага к этому не располагает. Каладиус, демонстративно морщась, поглощал фаршированных кальмаров в подливке из морских гребешков, время от времени сообщая, что по его ощущениям он жуёт старый боцманский ремень. Остальные, напротив, были очарованы блюдом, однако возражать никому не хотелось. Почему-то именно сейчас этот старичок, к которому они, казалось бы, уже привыкли, действительно был похож на того самого легендарного Каладиуса, сокрушителя царств и низвергателя надежд.

Однако следующий день положительно стал днём объяснений, когда каждый из участников заварушки непременно пожелал объясниться с остальными, даже Кол, которому, уж казалось бы, объяснять ничего и не нужно было.

Утром настроение Каладиуса было весьма благодушным, поскольку завтрак ему готовил уже Пашшан. И теперь, когда у его товарищей больше не возникало ощущения, что он вот-вот метнёт в них молнию или превратит в лягушек, Варан решил, что пришла пора объясниться.

– Пока мы все здесь, я бы хотел извиниться за вчерашнее, – прокашлявшись, заговорил он.

– Да брось, дружище! Ты ни в чём не виноват! – воскликнул Кол, хотя его голову украшала свежая повязка.

– Кто бы говорил, – хмыкнул Варан. – Из-за меня тебе голову разбили!

– Ну почему это сразу из-за тебя!.. – возразил было Кол.

– Друг мой, ну что вы всё никак не даёте человеку сказать! – обратился к Колу Каладиус. – Если ему хочется облегчить душу, так дайте ему такую возможность!

– Спасибо, мессир, – кратко поклонился Варан. – И я хочу сказать, что, что бы там не говорил Кол, но я виноват. Во-первых, именно я повёл вас именно в эту таверну...

– В любой другой могло случиться то же самое! – вновь не сдержался Кол.

– Во-вторых, я проявил непростительную для меня несдержанность, – словно не замечая, продолжил Варан. – Мой наставник, будь он здесь, уже придумал бы для меня какое-нибудь суровое наказание, а мои подчинённые перестали бы меня уважать, узнай они, что какой-то мелкий засранец сумел вывести из себя мастера шестого круга. Не уверен, что тут есть чем гордиться, но я, тем не менее, всё равно горжусь, что весьма многие в Латионе считали меня лучшим охотником за головами на всей Паэтте. Но то, что случилось вчера, недостойно даже ученика на втором месяце обучения. Я сорвался, и тем самым подставил товарищей. Хвала богам ещё, что у Кола черепашка что твой чугунный котёл!

– Благодарю, – шутовски поклонился Кол.

– В общем, я хотел бы просить прощения у всех, и в первую очередь – у Кола. Однако же, простите меня и вы, мессир, поскольку вам пришлось вытаскивать нас из тюрьмы, прости, Мэйлинн, что заставил переживать, прости, Бин, что втянул тебя во всё это...

– Нет, это вы меня простите! – неожиданно прорвало Бина. – Я стоял и смотрел, как вас избивают...

– Потому что я велел тебе не вмешиваться! – тут же вставил Кол.

– Нет, потому что я струсил! – лицо Бина стало пунцовым, но он уже не мог остановиться. – Пришло время посмотреть правде в глаза. Я – трус. Да такой, каких свет ещё не видывал. И я боюсь, что в какой-то момент я всерьёз подведу всех вас лишь потому, что струшу...

На глаза Бина навернулись слёзы. Сложно сказать, чего в них было больше – раскаяния или стыда за то, что его друзья, а особенно Мэйлинн, разделяют его точку зрения.

– Помнишь тот день, когда мы встретились? – тихонько спросила Мэйлинн, пристально глядя ему в глаза.

– Помню, – шмыгнул носом Бин.

– Когда ты сидел, весь такой избитый и несчастный, в той рощице неподалёку от деревни, где тебя едва не повесили, я, глядя на тебя, удивлялась твоему мужеству. Когда я перерезала верёвку, я боялась, что тебя придётся нести, однако ты нашёл в себе силы и мужество идти самостоятельно. А как храбро ты вёл себя после истории с Оливой! Я уж молчу про дальнейшее путешествие!

– Вспомни «Двух петухов»! – подхватил Кол. – Когда ты со своим ножиком кинулся на того головореза, хотя едва знал, за какой конец ножа нужно браться. Вот это была храбрость, так храбрость! Я бы так не смог, это точно!

– А как ты встал между мною и Мэйлинн у Симмерских болот! – заговорил Варан. – Ты, мальчишка, и я – мастер Теней. Ты ведь наверняка понимал, что мне хватит мгновения, чтобы убить тебя. Но ты не отошёл, прикрывая собой друга!

– Не говоря уж о том, что у вас хватило смелости обвинить себя в трусости, мой юный друг, – подытожил Каладиус. – А на это редко осмеливаются даже признанные смельчаки.

– Я очень благодарна судьбе за то, что встретила тебя, Бин, – вновь заговорила Мэйлинн. – Потому что с тобой мне было спокойней лезть в самые опасные авантюры. Я знала, что ты всегда прикроешь и всегда защитишь.

Бин молчал, оглушённый градом похвал, просыпавшимся на него. Он не в силах был поднять голову. Он понимал, что эти похвалы содержат в себе значительную часть преувеличений. Достаточно было вспомнить, как он повёл себя в тех же «Петухах» или в Дории, чтобы понять, что друзья несколько преувеличивают его значимость. С другой стороны, он чувствовал искренность их слов. Они, похоже, вполне верили в то, что говорили, и осознание этого доставляло одновременно и радость, и муку.

– Но самое главное, – заметил Каладиус. – Что если бы вы безрассудно влезли бы в эту глупую драку, то некому было бы сообщить мне о том, что случилось, и я потратил бы кучу собственного времени и сил, чтобы выяснить это. Вот тогда я бы вам этого точно не

простил бы! Приятно, что в нашей компании есть человек, который думает чуть больше, чем некоторые другие.

Кол и Варан, поскольку именно они были теми самыми «некоторыми другими», расплылись смущёнными улыбками. Бин наконец поднял голову и тоже улыбнулся. Человеку свойственно верить тому хорошему, что говорят о нём другие, пусть даже сам он уверен в обратном. Конечно, Бин не стал считать себя храбрецом, но в эту конкретную минуту он почти сумел простить себя.

– А я, когда пришёл в себя на вонючем полу с расшибленной головой... – начал вдруг Кол.

Каладиус при этом мученически закатил глаза, мол, вот ещё один кающийся на мою голову. Остальные же с некоторым изумлением взглянули на Кола – уж, казалось бы, ему единственному не в чем было упрекнуть себя.

– Так вот, у меня тогда было время подумать, – продолжил, как ни в чём не бывало Кол. – И я понял, под какой удар мы чуть не подставили Мэйлинн. Признаюсь, когда я лежал там, все мои мысли были о тебе, подружка. О том, как тебе тяжело путешествовать с такими вот болванами, как мы. Ведь, боюсь, мы ещё не раз и не два влезем в разные приключения и, не дай боги, втянем тебя. И ладно бы эти двое, – Кол кивнул на Варана и Бина. – Они ещё довольно молоды, кровь горячая... Но я-то, тёртый жизнью калач, битый и перебитый ею, всё равно продолжаю наступать на одни и те же грабли. Я ведь прекрасно знал, что Варан пошёл отнюдь не за пивом. Я знал, что последует дальше. Но я не остановил его. Потому что мне так обрыдли идиотские шуточки того мелкого поганца, что я и сам с удовольствием припечатал бы его к столу. И вот я позволил товарищу сделать это за меня, хотя должен был отговорить.

– Да уж... – вздохнул Каладиус. – Ежели у нас сегодня день откровений, то позвольте и мне сказать кое-что...

Все замерли, гадая, что же такого мог натворить маг. В глазах Мэйлинн читалась явная тревога: уж если сам Каладиус в чём-то винится, то это, наверняка, что-то очень страшное.

– Так вот, я хочу признаться, что мне порядком надоело это ваше нытье и самобичевание! – усмехнувшись, продолжил Каладиус и все дружно выдохнули, поняв, что это была такая шутка. – Что было, то было, и иного уже не будет. Надеюсь, произошедшее станет для всех хорошим уроком, и обещание этого будет лично для меня куда полезнее любых ваших извинений!

– Я всё понял! – тут же воскликнул Кол.

– И я! – добавил Бин.

– Для меня этот урок дался дорогой ценой, тем ценнее он будет! – проговорил Варан.

– Ну вот и славно! А теперь – кыш отсюда, не мешайте спокойно переваривать завтрак! – весело воскликнул Каладиус. – Не хватало ещё заработать несварение желудка на старости лет!

***

Последующие дни в Найре текли легко и приятно. Наступившая мокрая и холодная поздняя осень, предвещающая скорую зиму, не слишком тревожила наших друзей, наслаждавшихся гостеприимным теплом гостиницы. Палаш, который поначалу очень много времени проводил в компании Каладиуса, примерно через неделю после приезда торжественно объявил, что наконец приобрёл приличный двухэтажный домик в рассрочку на десять лет, и что начал уже закупать аптекарское оборудование. Пообещал, что не позднее, чем через пару недель пригласит на новоселье. С тех пор он стал бывать в гостинице значительно реже.

Удивительно, но Кол на следующий же день после драки нашёл своих бывлых недругов и внёс за них залог. Правда, не за всех. Надо сказать, что семеро новых приятелей Кола

не слишком-то тужили о своём низкорослом дружке. Более того, Кол стал ежедневно встречаться с этими парнями, проводя по несколько часов в тавернах. Варан, пожав плечами, предположил, что бывший центурион просто соскучился по непритязательному казарменному общению, которое его нынешние друзья просто не могли ему дать. Так или иначе, но Кол стал всё больше времени уделять своим новым приятелям.

Поначалу это скорее озадачивало, нежели беспокоило его друзей, пока с некоторого времени тонкий нюх Варана не стал замечать слабый запах вина, примешивающийся к дыханию Кола. Кол отмахивался на это, что, мол, только пригубил, и поначалу, наверняка, так оно и было. Однако, уже на третий день Кол вернулся в номер заметно навеселе. Печально и встревоженно поглядела на него Мэйлинн, однако говорить ничего не стала. Всё-таки Кол до сих пор не давал повода сомневаться в том, что он завязал с алкоголем.

Но ещё через несколько дней Кол вернулся с посиделок пьяным. Конечно, он шёл сам, и шёл достаточно твёрдо, чтобы не завалиться в сточную канаву, даже если бы они были неподалёку от гостиницы, однако он был именно пьян – не «чуть тёпленьким», не «выпившим» и даже не «пьяненьким». Он что-то невнятно крикнул Варану, и сам же похихикал над одному ему понятной шуткой. Затем он хлопнул по плечу Бина, который беспомощно смотрел на него, стоя у двери в их общий номер, и с блаженным вздохом повалился, не раздеваясь, на кровать. Через минуту он уже храпел.

Утром Кол был хмур. Причём это было не похмелье, а именно угрызения совести.

– Ассова задница! Я ведь три месяца был в завязке! Думал, что уже завязал... – буркнул он Варану, неподвижно сидящему на соседней убранной постели, прислонясь спиной к стене.

– Демоны так просто не отпускают, – философски пожал плечами Варан.

– К демонам демонов! – рыкнул Кол. – Она меня видела?

– Нет.

– Хвала богам! – выдохнул Кол. – Но она в курсе?

– Несомненно.

– А мессир?

– Естественно.

– Я не выйду отсюда... – Кол вновь рухнул на подушку.

– Мне кажется, одного идиотского поступка с тебя более чем достаточно.

– И то верно, – Кол круговыми движениями пальцев вдавливал глаза в глазницы так, словно хотел размолоть глазные яблоки. – Где все?

– Собираются завтракать у мессира. Меня послали будить спящую красавицу.

– Ну тогда давай, быстрее целуй уже меня, да пойдём, – хмуро буркнул Кол, не делая попыток открыть глаза.

– Обойдёшься. У тебя изо рта несёт так, что все окрестные помойки завидуют. Я пойду к остальным, а ты приводи себя в порядок и подтягивайся.

– Да пошёл ты... – беззлобно огрызнулся Кол.

Когда спустя четверть часа Кол, постучав, вошёл в комнату Каладиуса, все уже были за столом. Каждый пытался вести себя непринуждённо, отчего всё выглядело до тошноты фальшиво.

– Садитесь, друг мой, пока всё не остыло! – Каладиус указал на пустующий стул.

– Спасибо, – не глядя ни на кого, Кол плюхнулся на сидение и стал усердно ковырять в тарелке.

– Однако же, вы заметили, что господина Паллаша не было уже два дня, – очевидно, что только для того, чтобы разрубить тишину, заговорил Каладиус.

– Наверное, всё возится в своей новой аптеке, – вяло ответил Бин.

– Ну вот и хорошо, – печальный голос Мэйлинн слабо вязался со смыслом сказанной фразы.

– Прости меня, – не поднимая головы, выдавил Кол, однако все поняли, к кому он обращается. – Я опять тебя подвёл.

– Не говори ерунды, – поморщилась Мэйлинн. – Подумаешь, великое дело! С кем не бывает!

– В том-то всё и дело, что со мной такое бывало сотни раз! – яростно поднял голову Кол. – В том-то всё и дело, что теперь я не могу себе доверять. Я ведь всё это время хвалил себя – вот, мол, молодец, как легко соскочил! Просто вот взял – и прекратил! И больше не тянет. А, оказывается, тянет! И что будет дальше? В какой момент я опять сорвусь? Будет ли это тот момент, когда ты будешь больше всего во мне нуждаться?

– Я столько раз наблюдала, как ты отказываешься от вина, и всякий раз, наверное, ждала, что ты не выдержишь. Но ты выдерживал раз за разом. Ты действительно очень сильный человек. Поэтому я думаю, что этот раз ничего не значит. И это не перерастёт в проблему.

– Я больше шагу не сделаю из этой гостиницы! – поклялся Кол. – И отныне стану пить только воду.

– Вот это мудрое решение! – одобрил Каладиус, отхлёбывая из бокала гранатово-красное вино.

– Я больше не подведу никого из вас, – проговорил Кол.

– Я бы не стал зарекаться, хотя намерение похвальное, – вновь кивнул маг.

– К дьяволам этот Найр! – пробурчал Кол, отбрасывая вилку, так и не проглотив ни кусочка. – Скорее бы уж убраться отсюда!

– Ну не знаю, не знаю... – немного по-кошачьи улыбнулся Варан. – А мне тут нравится. Кроме того, вино и собутельники есть повсюду, так что нечего пенять на город!

– А кстати, мессир, – обратилась к магу Мэйлинн. – Действительно, сколько мы пробудем здесь?

– Что ж, посчитаем, – маг аккуратно обмакнул губы салфеткой. – Сегодня у нас, ежели не ошибаюсь, двадцатый день постремия. Чтобы прибыть в Саррассу к началу слидия²³, нужно выехать из Найра в первую декаду примииона – подозреваю, что для того, чтобы обогнуть юго-восточную часть Паэтты, потребуется около месяца. Ну а коли так, то мы задержимся в Найре ещё минимум на месяц, а то и больше, что лично меня вполне устраивает.

– Ничего себе! – разочарованно протянул Кол. – А почему бы не выйти пораньше?

– Как я уже объяснял ранее, мой нетерпеливый друг, я бы предпочёл путешествовать в максимальном комфорте. Если говорить о Саррассе, то оптимальные температуры там как раз в примиионе – слидии. Но, прибыв туда в слидии, мы, вероятней всего, окажемся в районе Латииона и Санна где-то в месяце весны²⁴, где в это время будут вполне приемлемые температуры, а к импирию будем на островах Келли. Конечно, я бы предпочёл, чтобы мы оказались там ближе к лету, но это уже *слишком* долго ждать. Кроме того, мы ведь понятия не имеем, что с нами стрясётся в пути, и, вполне возможно, что эти сроки окажутся сильно преуменьшенными.

– Что ж, значит, ещё полтора месяца торчать в гостинице, – проворчал Кол.

– Что, приятель, не передумал насчёт своей клятвы? – поддел его Варан.

– Да пошёл ты! – уже не столь беззлобно, как в первый раз, ответил Кол, выходя из-за стола.

Глава 39. День рождения

Шли дни. Отшумело, если можно так выразиться, новоселье Палаша. Кол, верный своему слову, по-прежнему днями просиживал в гостинице, и его едва удалось убедить выйти, чтобы сходить в новый дом аптекаря. Варан же, напротив, стал довольно часто гулять по городу. Особой причины для этого, вроде бы, не было, что дало возможность Колу и Бину вновь вспомнить свои былые подозрения в отношении бывшего мастера Теней. Бин всё порывался попытаться проследить за Вараном, однако Кол решительно отмёл это предложение.

– Ты всерьёз собираешься следить за охотником за головами? – спросил он Бина, и тот был вынужден признать, что это – весьма глупая затея.

– Но с чего вдруг так резко изменилось его поведение? – подозрительно спрашивал себя и друга Кол. – Первые дни он почти не выходил из дому.

– Но ведь именно он повёл нас тогда в таверну! – робко возразил Бин. – Может быть, ему тоже нравится хорошо проводить время. Ведь он, в отличие от тебя, не давал идиотских обетов.

– Мал ты ещё, чтоб меня оценивать! – добродушно огрызнулся Кол. – Но, что ни говори, а я не верю нашему приятелю. Вроде бы уже столько вместе пережили, а всё равно где-то в глубине души живёт червячок сомнений. А сейчас он, я тебе скажу, немало разжирил, питаюсь моими подозрениями.

– Ты думаешь, он по-прежнему пытается схватить Мэйлинн?

– А почему нет? Ты же слышишь, с какой гордостью он обычно упоминает о своей былой профессии. А теперь представь, как должна быть уязвлена гордость подобного профессионала!

– Эх, не надо было его с собой брать! – досадливо поморщился Бин.

– А кто нас с тобой спрашивал-то? – довольно-таки несправедливо заметил Кол.

– Спрашивать-то спрашивали, да решение всё равно за нас приняли. Теперь вот сиди и жди, откуда прилетит...

– Да уж... Наверняка в Найре есть какие-то люди Гильдии... Может, уже готовят какой-нибудь план.

– И что делать? Скажем мессире? – предложил Бин.

– Да вроде как рано ещё – ведь ничего, кроме подозрений, у нас пока нет. А мессир и сам – мужик умный. Думаю, что какие-то ниточки он уже и без нас в голове связывает. Давай-ка пока будем просто смотреть в четыре глаза, авось чего и подметим. А я попробую сегодня разговорить нашего приятеля.

Варан вернулся уже ближе к ужину. Кол полулежал на кровати и вроде бы дремал. Осенний вечер был тёмный, но в комнате горел лишь камин, немного разгоняя сумрак.

– А ты чего тут? – спросил Варан, правда, без особого удивления.

– Да вот, играли с Пашшаном в карты, но его вызвал мессир, – указав рукой на рассыпанную колоду, ответил Кол. – Вот, жду.

– И давно?

– Давно... Уже задремать успел.

– Так, может, не стоит ждать? – Варан между делом стягивал покрытые грязью сапоги.

– Наверное, – Кол притворно зевнул. – Просто встать пока лень. Посижу ещё минут пять.

– Как знаешь, – Варан обул мягкие сафьяновые сапожки, которые обычно носил в гостинице. Кол прикрыл глаза, словно вновь погружаясь в полудрёму.

– Ну как погулял? – через мгновение, не размыкая глаз, словно бы из чистой вежливости поинтересовался Кол.

– Погода – дрянь, – проворчал Варан, сбрасывая мокрый плащ. – Уж лучше бы снег шёл! А так, эта хмарь уже действует мне на нервы.

– Так чего бы не остаться тут? – как удачно складывается разговор – вопросы подгоняются один к одному, словно кирпичики в стене.

– Скучно, – лениво махнул рукой Варан. – Чего сидеть в номере, когда мы в Найре? Когда ещё такая возможность выпадет?

– И что же ты там делаешь?

– Да по-разному, – подёрнул плечами Варан, подсаживаясь к огню и протягивая к нему озябшие руки. – Таверны, игорные дома, бордели...

– Бордели? – искренне удивился Кол.

– А что такого? – лукаво улыбнулся Варан. – Не все же такие аскеты, как ты!

– Да я всё понимаю, но... *бордели*???

– Бордель борделью рознь, друг мой. Уж конечно, я посещаю не те заведения, в которых полупьяная потаскуха проходит за день через десяток рук, подхватывая от них самые экзотические болячки. Тут есть такие бордели, в которых, поговаривают, и голубых кровей особы захаживают. Причём, обоих полов. И всё там по самому высшему классу.

– То есть ты каждый день просто ходишь пропивать и прогуливать деньги? – кажется, Колу удалось поглубже упрятать недоверие в голосе, однако, кто его знает, этого хитрого лиса – вдруг учует?

– А что такого? Я обет воздержания не давал. Пока есть возможность наслаждаться жизнью – нужно это делать. А ежели делать это с умом, так можно избежать и всяческих драк, и пьянства, – шпилька явно в адрес Кола.

– А на что гуляешь? – Кол постарался, чтоб вопрос звучал как можно небрежней.

– Да уж в чём-чём, а в деньгах у меня недостатка нет, – ухмыльнулся Варан. – Ещё не потратил те, что брал с собой в дорогу в Латионе.

– И что, нашёл себе приятелей по этому делу? – Кол незаметно скосил глаза на Варана, пытаясь заметить какие-то признаки обмана в его фигуре, раз уж лицо обращено к камину.

– А в этом деле приятели не нужны, – Варан сам обернулся к Колу и ослабил зубы.

– Да я не об этом! Но ведь пить в одиночку ты же не станешь!

– Плохо ты меня знаешь! – усмехнулся Варан. – Я весьма разборчив в плане собутыльников, и стараюсь пить лишь в хорошей компании. Ну а раз вы с Бином больше со мной не ходите, то приходится пить в компании единственного оставшегося приятного мне человека – себя самого.

– Так ты нас и не звал никогда! – брякнул Кол.

– Ну тебя, вроде бы, звать бесполезно – сам же говорил! А Бина я приглашал, да только он, я гляжу, не слишком-то рвётся теперь на улицу.

Кол прикусил губу – а ведь верно... Вот ведь, когда пожалеешь о своей идиотской клятве! А сейчас согласишься вдруг – Варан может и заподозрить что-то. Да и что ему будет стоить реально потаскать Кола пару дней по значным местам? Нет, эта игра – слишком грубая.

– Ну да, правда твоя... – нехотя признал он. – А не надоело ли тебе ещё развлекаться?

– Да уж не больше, чем тебе – валяться на кровати целыми днями! – парировал Варан.

Хитёр же дьявол! Кол понял полную бесперспективность данного разговора. Разговорить Варана – легче уж просто придавить его к стенке и заставить сознаться! Но делать что-то нужно. Кто знает, что он задумал, и когда он решит исполнить задуманное? Наверное, Бин прав – нужно поговорить с Каладиусом.

***

– Так, может быть, он действительно шляется по кабакам? – усмехнувшись, спросил Каладиус.

– Исключено, мессир! – Кол убеждённо покачал головой. – Уж я-то знаю, как пахнет от тех, кто ходит по кабакам. Да и после борделя, тем более, настолько фешенебельного, как он утверждает, должны остаться ароматы.

– И что же вы предлагаете, друг мой? – маг пристально посмотрел на Кола.

– Не знаю, – честно признался тот. – Поэтому и пришёл к вам. Может, у вас есть какие-то магические способы вывести правду.

– О, способы есть, уверяю вас! Уж если в чём-то маги и преуспели за все эти тысячелетия, так это в способах вредить ближнему своему. Но если он ни в чём не виноват?

– Это просто невозможно, мессир! Я готов обе руки и обе ноги дать на отсечение! Он что-то замышляет!

– Спасибо ещё, что вы не напоминаете, что предупреждали меня об этом с самого начала, – усмехнулся Каладиус.

– Зачем повторять очевидные вещи? Да и разве это сейчас важно? Нужно как можно скорее принять меры, пока у нас ещё есть хоть какое-то преимущество. И *если* оно у нас ещё есть...

– Ну, что за пессимизм! – на удивление беззаботно воскликнул Каладиус. – Уверен, что у нас ещё есть время. Но – вы правы, медлить нельзя! Где он сейчас?

– В нашем номере. Отдыхает и сушится у огня.

– Отлично. Будьте добры, пригласите его ко мне.

– И что вы сделаете? – полюбопытствовал Кол.

– Увидите в своё время. Только, пожалуйста, не нужно резких движений. Позвольте мне действовать самому.

– Конечно, мессир! – заверил Кол. – Я своё место знаю.

– Ну вот и славно. Тогда – ведите сюда нашего друга.

Кол кивнул и вышел за дверь. Через минуту послышался стук.

– Звали, мессир? – заглядывая, спросил Варан, и в этот момент Каладиус сделал короткий пасс правой рукой, и охотник застыл, а взгляд его остекленел.

– Что с ним? – протискиваясь следом, спросил Кол.

– Это называется гипноз. Я подчинил себе его волю, и теперь мы можем задавать ему любые вопросы и давать любые приказы. Он просто не сможет не подчиниться.

– Вот это здорово! – восхитился Кол. – Так мы, если что, можем просто заставить его самого сигануть в окно?

– Вполне, – усмехнулся Каладиус.

– Ну так, может, после того, как он сознается, так и сделаем? – предложил Кол. – И вроде бы мы и не при чём!

– Давайте сперва подождём, чтобы он сознался, а уж затем будем думать, что с ним делать. Войдите, друг мой, – обратился Каладиус к Варану, и тот послушно вошёл в комнату.

– Скажите, вы действительно все последние дни проводили в увеселительных заведениях? – сразу же начал допрос маг.

– Нет, – без колебаний ответил Варан.

– Ага! – восторжествовал Кол. – Я был прав!

Однако Каладиус жестом остановил legionera, призывая потерпеть и помолчать.

– Где же вы были? – вновь обратился он к Варану.

– Неподалёку от гостиницы. Осматривал и оценивал её окрестности, наблюдал.

– То есть, вы выполняли чьё-то задание?

– Да.

– И это задание напрямую связано с Мэйлинн?

– Да.

– Вот ведь гад! – вновь не сдержался Кол, но Каладиус вторично призвал его к молчанию

– И кто же дал вам это задание, господин Варан?

– Вы, мессир.

– Что??? – глаза Кола полезли на лоб от изумления и ужаса. Выходит, маг и мастер Теней были заодно! Вот откуда такая настойчивость в желании взять Варана с собой!

Кол сделал неясное движение – то ли попытался бежать, то ли броситься на Каладиуса, естественно, не имея почти никаких шансов ни на то, ни на другое. Магу хватило одного лёгкого движения, и тело почти перестало повиноваться Колу. Он вроде как ощущал его, но, словно во сне, даже простая попытка переставить ногу оказывалась почти невыполнимой, словно он завяз в густом киселе. Полнейшая беспомощность едва не свела бывшего легионера с ума. Ещё полсекунды бы, и он, быть может, успел... А теперь... Мысль о Мэйлинн вызвала невероятную волну ярости и отчаяния, но даже она не помогла взять контроль над телом. Оставалось лишь тупо таращиться на коварного мага.

– Ну что же вы такой прямолинейный, друг мой? – усмехнулся Каладиус. – Почему, как только речь заходит о нашей милой лирре, так мир для вас сразу же делится лишь на чёрное и белое? Простите, что мне пришлось обездвижить вас, а то ведь, не ровен час, вы бы и прибили бы меня ненароком. Прошу вас, дослушайте финальную часть моего вопроса. Итак, дорогой господин Варан, прошу вас, сообщите – в чём состояло моё задание?

– Патрулировать окрестности гостиницы, выявлять подозрительных личностей, которые могут быть агентами Ордена или наёмниками Гильдии.

Если можно чувствовать себя бóльшим болваном, услышав подобные слова, то только в том случае, если ты ещё при этом и застыл в нелепой позе. Колу повезло прочувствовать это на себе.

– Я сейчас сниму с вас стазис, Сан, и попробуйте меня не убить, – Каладиус сделал лёгкий пасс и тело дрожью и покалыванием сообщило Колу о своём присутствии. Центурион шумно выдохнул и пошатнулся, удерживая равновесие.

– Ну что, друг мой, остались ли у вас вопросы к нашему уважаемому мастеру, или я могу снять с него гипнотическое состояние? – чуть насмешливо осведомился маг.

Кол, не в силах вымолвить слова, лишь махнул рукой. Грудь душили спазмы, и хотелось кашлять до тех пор, пока лёгкие не окажутся снаружи. Поэтому Кол сейчас был занят борьбой с этой неприятностью.

– Вы что-то хотели, мессир? – чуть настойчивее спросил Варан. Видимо, он не помнил ничего, что произошло после того, как он заглянул в комнату, поэтому не понимал, что тут происходит.

– Я хотел сказать, что наш приятель Сан – малый не промах, и сумел раскусить нас с вами, – улыбнулся Каладиус.

– Горе мне, – усмехнулся в ответ Варан. – Похоже, я безнадежно теряю квалификацию.

– Да зачем вообще нужно было городить огород? – выкашлял Кол. – Конспираторы... хреновы...

– Простите ещё раз, друг мой, за причинённые неудобства, – попросил Каладиус. – Увы, заклятие стазиса весьма некомфортно для цели. Однако, уверяю, что это скоро пройдёт. Что же касается вашего вопроса... Признаю, это была идея господина Варана.

– Прости, дружище, – хлопнул Кола по плечу Варан. – Если бы сообщили об этом, ты бы непременно захотел бы участвовать. А вдвоём мы с тобой стали бы вдвое заметнее. А может быть и вчетверо, уж не обижайся. У меня всё-таки в таких делах опыта больше.

– Так ты целыми днями студил себе задницу на улице у гостиницы? – ошарашенно спросил Кол.

– Ну почему сразу «студил задницу», – рассмеялся Варан. – Я прогуливался. Уходил, приходил, заходил в лавки, гостиницы и таверны. Даже в театре был. Ты представляешь – тут неподалёку есть настоящий театр! В общем, старался не сильно примелькаться.

– Но всё равно... Это же дико тяжело – каждый день-то...

– Ну что тут сказать... Считай, что я возвращаю долги, – открыто улыбнулся Варан, и сейчас почему-то Кол верил этой улыбке.

– А для чего вообще это нужно-то? Неужели ты так будешь дежурить до самого отъезда? – недоумевал Кол.

– Видишь ли, мессир всерьёз рассматривает вероятность, что во время вашей Лоннэйской истории меня могли подцепить заклятием поиска, ведь я находился долгое время вдали от защищающего кристалла Мэйлинн. Поэтому мессир ждёт гостей. Ну а я, как верный пёс, постараюсь подать голос раньше, чем они приблизятся.

– Постойте-ка, я правильно понял, что за Вараном, возможно, идут по следу, а он при этом спокойно живёт в двадцати шагах от Мэйлинн? – Кол переводил взгляд то на одного, то на другого.

– А что ты предлагаешь? – осторожно спросил Варан.

– Ты должен жить отдельно!

– А ты? – этим вопросом Варан явно поставил Кола в тупик.

– Я?... – замялся Кол. – А я почему?

– А ты уверен, что они не выследили тебя?

– От меня им ничего найти не удастся, чтобы привязать заклятие, – тем не менее, тон Кола был не слишком уверенным.

– Ничего-ничего? – прищурился Варан.

– Ну... – Кол окончательно смешался.

– А Бин? – продолжал давить Варан.

– Да Бин, считай, от Мэйлинн и не отходит! – при этих словах Кол против воли почувствовал лёгкий укол ревности. – Он всегда в поле кристалла!

– Ночью – нет! – отрезал Варан.

Ещё бы и ночью! – невольно подумалось Колу, и он сжал челюсти. Да, если так подумать, то почти каждый из них может быть опасным соседом для лирры.

– И что делать? – кажется, это прозвучало даже немного жалко, и Кол вновь стиснул зубы.

– Да ничего особенного, любезный друг! – ответил Каладиус. – Будем жить, как жили. Наш друг, – маг кивнул на Варана. – Будет продолжать свою нелёгкую работу. Станем надеяться на то, что когда-нибудь позже мы весело посмеёмся над моей старческой паранойей.

– Они будут стараться взять Мэйлинн без шума, и в этом наш шанс, – добавил Варан. – Им нужно будет осторожничать и перестраховываться на каждом шагу. Мы же будем бить жёстко и грубо, и это роскошь, которую они себе позволить не смогут. Прорвёмся!

– Хочется верить... – проворчал Кол. Легкие наконец-то стали нормально слушаться и кашель прекратился. – Один последний вопрос, мессир.

– Какой?

– Какого дьявола нужно было разыгрывать весь этот спектакль? Нельзя было просто сказать всё, как есть?

– Ну, дорогой мой, – рассмеялся Каладиус. – Многого вы хотите от скучающего старика!

– Скучно, так книжки читайте! – буркнул Кол, который не очень-то оценил желание мага развлечься за его счёт.

– А чем, по-вашему, я занимался последние семьсот лет? – хихикнул Каладиус. – Ну-ну, не обижайтесь на меня, друг мой! Простите мою невинную шалость. Скажите уж спасибо, что я не стану настаивать на том, чтобы вы остаток жизни проползали, словно червяк!

– В каком смысле? – Кол непонимающе смотрел на мага.

– Не вы ли давали руки и ноги на отсечение, что правы? – совсем по-детски хихикнул Каладиус.

– Да ну вас! – чуть обиженно махнул рукой Кол.

Варан, который в силу объективных причин не очень-то понимал, о чём идёт речь, тем не менее, хладнокровно помалкивал, поглядывая в окно.

– Послезавтра первый день зимы... – задумчиво проговорил он, глядя на мелкие капельки, медленно ползущие по стеклу.

– Да уж, время бежит... – пробурчал Кол, не расположенный сейчас к светским беседам.

– Если Симмер не соврал, мне осталось жить чуть больше суток, – по тону Варана совершенно нельзя было понять – шутит ли он.

– Успокойтесь, друг мой! – заговорил Каладиус. – Я говорил, и повторяю вновь – вам абсолютно нечего опасаться! Эта зловонная лужа, претендующая на господство над миром, не имеет никакой власти над вами! Забудьте её, как страшный сон!

– Я верю вам, мессир, – Варан резко отвернулся от окна и взглянул на обоих собеседников. – Однако приглашаю всех вас послезавтра на празднование моего второго дня рождения!

– Почему бы и нет! – глаза Каладиуса весело блеснули. – Будет весьма приятно немного развлечься.

– А когда твой первый день рождения, кстати? – поинтересовался Кол.

– Если я когда-то и знал это, то давно забыл, – равнодушно пожав плечами, ответил Варан.

***

Мэйлинн с радостью ухватила за идею Варана. Она даже упросила Каладиуса разрешить ей пройтись по городу в поисках подарка. Бин вызывался сопровождать её, но сомнения Каладиуса более или менее рассеялись лишь после того, как с Кол объявил, что тоже пойдёт с ними. По большому счету, Мэйлинн не слишком рисковала – промозглая холодная погода более чем оправдывала её безразмерный тёмный капюшон и наглухо задрапированный плащ.

Утром, в первый день ассия, встретившись в коридоре с Каладиусом, Варан преувеличенно спокойным голосом сказал всего лишь три слова:

– Вы были правы.

Ближе к вечеру Мэйлинн украсила комнату Варана цветочными гирляндами, которые источали мягкий сладковатый аромат, а также натыкала всюду свечей, заливая номер тёплым оранжевым светом. Пашшан расстарался на кухне, и ради своего товарища, с которым они вдвоём провели немало дней, сотворил маленькое волшебство.

Вечер прошёл великолепно. Между Колом и Вараном наконец-то по-настоящему сломалась какая-то ледяная перегородка. Кажется, Кол наконец поверил бывшему мастеру Теней. Бин, хотя и без особой охоты, последовал примеру старшего товарища, хотя в его отношении к Варану явно осталась ещё парочка подводных камней. Но, во всяком случае, на приятном тоне общей беседы это никак не сказывалось, тем более, что, как мы уже заметили, Бин в присутствии мага и Варана вообще чаще просто отмалчивался.

Мэйлинн преподнесла Варану подарок от всех друзей – невероятно красивый, и при этом абсолютно функциональный сарраассанский кинжал с немного волнистым, отливаю-

щим темной синевой лезвием. Рукоять была довольно простой, без сложной гарды и резьбы, однако характерный рисунок на стали лезвия давал понять, что это – самый настоящий сар-рассанский кинжал, выкованный гномьими мастерами Дак Анбура. Подарок был поистине бесценным. Варан, чей кинжал до сих пор валялся где-то в окрестностях симмерских болот, был невероятно тронут. Навершие рукояти было украшено некрупным, но ярким изумрудом удивительного желтовато-зелёного оттенка.

– Глаз Варана! – указывая на мягко блистающий камень, проговорил Варан. – Таково будет имя моего кинжала!

– Тогда уж – «Жало Варана»! – усмехнулся Кол, указывая на острейший клинок.

– У варанов нет жала, тупица! – подначил Варан.

– Сам ты тупица! – дружески огрызнулся Кол.

– Он такой опасный... – зачарованно прошептал Бин, немигающим взглядом глядя на отливающую синевой сталь.

– В умелых руках – смертельно опасен! – подтвердил Каладиус.

– Бесценный подарок, друзья мои! – даже как будто несколько растроганно проговорил Варан. – Однако ваша дружба – стократ бесценней!

– О, это уже похоже на тост! – воскликнул Каладиус, вознося бокал с вином. Остальные последовали его примеру, хотя в бокале Мэйлинн было молоко, а в бокале Кола – и вовсе вода.

– Мы рады, что ты не умер сегодня, приятель! – возвестил Кол, отпив глоток и поставив бокал обратно.

– Вряд ли так же сильно, как я, – Варан крикнул, опорожнив свой до дна.

– Почти так же, – весело улыбнулась Мэйлинн.

***

И вот целая последующая неделя протекала приятно и легко. Варан по-прежнему большую часть дня пропадал в городе, перемещаясь то в порт, то в центральные районы, то на окраины. Время от времени он заходил в какие-нибудь кабачки, чтобы согреться бокальчиком вина и жареным мясом, или в игорные дома, где порой проигрывал по мелочи в карты. Под видом потенциального постояльца он заглаживал в различные гостиницы от шикарных до самых что ни на есть захудалых. Он толкался на рыночных площадях, прислушиваясь к сплетням торговков. Ходил в театр и даже на бой быков – удивительное зрелище, завезённое в Найр из Кидуи.

Так прошла неделя и началась следующая. Если каждый день Варана был насыщен событиями и делами, то остальные изнывали от безделья. Несколько раз в неделю Каладиус позволял выходы, и тогда Мэйлинн в сопровождении двух своих верных рыцарей могла провести несколько интересных часов в городе. Но всё остальное время они проводили в номере гостиницы. Бину это настолько обрыдло, что он уже посмеивался над своими прежними мечтами провести всю свою жизнь в каком-то сказочном дворце рядом с Мэйлинн. Он понял, что даже рядом с Мэйлинн сойдёт с ума от скуки, если такое сидение в четырёх стенах продлится заявленный Каладиусом срок.

И фортуна смилостивилась над несчастным Бином. Правда, в свойственной ей манере.

Наступил двенадцатый день месяца ассия. Совсем недавно миновал полдень, и наши друзья, за исключением Варана и Пашшана, проводили время в обычной вялой беседе. В сотый уже раз Каладиус описывал путь, который им предстоял. Кол уже всерьёз начал беспокоиться за свои челюсти, которые он вот-вот мог свихнуть, зевая, как в дверь вдруг постучали. На приглашение войти дверь приоткрылась, и показался портье.

– Прошу прощения, милостивый государь, – смущаясь, обратился он к Каладиусу. – Но к вам посетитель... Точнее, посетительница...

– Весьма интересно, – протянул Каладиус. – А она не назвала себя? Я не ждал никаких посетителей, а, тем паче, посетительниц.

– С вашего позволения, она себя не назвала, однако... – портье окончательно смешался.

– Однако? Не тяните, друг мой, это выводит из себя! – одёрнул его маг.

– Дело в том, что я бы сказал, что она – девица лёгкого поведения, господин, – потупив глаза, пролепетал портье.

– Вы ничего не попутали, любезнейший? – сварливо спросил Каладиус, тогда как с мест, где сидели лирра и остальные, послышались тихие, сдержанные смешки. – С чего бы ко мне приходить девице лёгкого поведения? Это что – шутка?

– Нет, милостивый государь, я не шучу. Эта девушка пришла, и спросила именно господина Беллеатео Баррта. Ведь это же вы, не так ли?

– Беллеатео Баррта – это, несомненно, я, но я по-прежнему ничего не понимаю.

– Она просила передать, что её прислал некто... э... Варан... – портье замешкался, видимо, припоминая необычное слово.

– Так что ж вы сразу не сказали? – воскликнул Каладиус. – Неужели нужно было столько времени лепетать весь этот вздор?

– Я не думал, что это важно... Я подумал – кто этот Варан? Наверное, её сутенёр... Если прикажете, я велю гнать её...

– Немедленно проводите её в мой номер! – грянул Каладиус, вскакивая. – *Немедленно!*

Испуганный портье исчез. Озадаченные и встревоженные друзья смотрели друг на друга, не произнося не слова. И вот в дверь вновь постучали.

Глава 40. День тревог

Как обычно, Варан проснулся рано, когда на улице ещё была холодная темень. Мастер Теней никогда не любил долго спать, вот и сейчас он не собирался изменять привычкам. Поэтому так же, как и в былые времена, он соскочил с кровати, двигаясь легко и бесшумно, поскольку даже Пашшан ещё спал. Варан быстро привёл себя в порядок, быстро оделся и вышел. Единственное послабление, которое он себе позволял сейчас, когда больше не являлся агентом Гильдии – возможность не завтракать рано утром. Для него всегда было проблемой втолкнуть в себя пищу в такую рань, однако раньше он делал это, поскольку род службы не позволял спрогнозировать дальнейший день. Теперь же бывший охотник за головами выходил на улицу, не завтракая, прогуливался час или два, а затем уже заходил в какую-нибудь сонную таверну, едва-едва раздравшую заспанные окошки, и там уже с удовольствием подкреплялся.

Вот и сейчас Варан, пройдя привычным маршрутом к порту, затем – к главному портовому рынку (пусть он сейчас и был пуст), и затем уже по ломаной линии улиц и переулков Найра двинулся в окрестности своей гостиницы. Побродив с четверть часа в пределах видимости гостиницы, Варан решил, что пришла пора подкрепиться. За последнее время у него появилось несколько любимых местечек, где можно было посидеть в тепле, выпить приличный кофе, съесть богато сдобренную беконом яичницу с горячим, только что из печи, хлебом. Там же, притворившись полусонным горожанином, можно было послушать первые сплетни мастеровых, заходящих подкрепиться перед работой.

Войдя, Варан кивком ответил на приветствие хозяина, который уже узнавал в лицо нового посетителя. Съев привычный завтрак, и немного отогревшись, охотник вышел на улицу. Уже вполне рассвело, улицы понемногу наполнились людьми, съёжившимися от сырого холодного воздуха. В очередной раз мысленно прокляв эту сырость, Варан направился в порт.

Порт, как всегда, жил своей многоголосой жизнью. Матерились грузчики, зазывали торговцы, смеялись встретившиеся знакомцы, ругались за лучшие места нищие. С утреннего улова возвращались рыбацкие шхуны, и в воздухе стоял густой и вязкий запах свежепойманной рыбы. Порт был полон народу, и людское море плескалось в нескольких шагах от моря настоящего.

И вдруг Варан ощутил нечто, что он не смог бы описать при всём желании, но значение чего он понял незамедлительно. Это щекочущее ощущение, что за тобой кто-то наблюдает. Варан был, и в значительной степени остался профессионалом, поэтому он не стал метаться, вертеть головой и пытаться найти того, кто за ним следит. Внешне его поведение совсем никак не изменилось, разве что рука непроизвольно погладила плащ в том месте, где под ним уютно спрятался, ожидая своего часа, Глаз Варана.

Мастер Теней направился к стихийному рынку, где рыбаки предлагали ещё трепещущийся серебристый товар любому желающему. Внимательно изучая прилавки, Варан бросал краткие взгляды по сторонам, пытаясь найти что-то необычное. Благодаря хаосу расположенных лотков, охотник мог беспрепятственно поворачиваться на все триста шестьдесят градусов. Варан славился своим пресловутым чутьём среди всех мастеров Гильдии, и эта слава была заслуженной. Вот и сейчас он был убеждён, что ему будет достаточно двух-трёх минут, чтобы определить тех, кто за ним следит. Однако, его ждало разочарование. Да, его чутья хватало, но лишь на то, чтобы ощутить слежку. И дело было не в обилии людей вокруг и не в обилии мест, где могли затаиться неприятели. Просто эти люди (если это были люди) были настоящими профи.

Теперь нужно было выработать план действий. Варан не сомневался ни секунды, что следят именно за ним, так что оставался шанс, что о местоположении других им не известно. На самом деле, Варан, конечно же, уже не один десяток раз прорабатывал в голове возможные варианты на этот случай, поэтому сейчас оставалось лишь несколько скорректировать этот план с учётом конкретных обстоятельств, а затем аккуратно придерживаться его.

Не спеша, тем же прогулочным шагом Варан направился прочь из порта. Однако путь его лежал не к той гостинице, где находились друзья. Пришла пора навестить те самые бордели, о которых он недавно рассказывал Колу. Правда, мастер Теней выбрал заведение попроще. Для его целей этого было вполне достаточно.

Войдя внутрь, Варан легонько кивнул клюющему носом здоровяку, который сидел на небольшом диванчике на случай неприятностей с клиентами. Время для посещения было не слишком обычным, поэтому кроме него в комнате никого больше не было. Лениво вздохнув, охранник медленно потянулся к шнурку колокольчика, и пару раз вяло звякнул. Через несколько минут за плотными пунцово-красными портьерами раздались шаги, и в комнату вошла, на ходу поправляя причёску, хозяйка заведения – не слишком красивая дама средних лет, лицо которой, словно зеркало, отражало всю её бурно прожитую молодость.

– Что вам угодно? – хриплым, однако на удивление приятным голосом осведомилась она.

– А разве есть много причин мужчине прийти сюда? – холодно спросил Варан.

– Я здесь не затем, чтобы угадывать, – раздражённо бросила мадам. – Он тоже, – кивнула она на сдвинувшего брови охранника.

– Мне нужна девушка.

– Они ждут вас в соседней комнате. Сможете выбрать на свой вкус. Прошу, – хозяйка приотдвинула портьеру, приглашая Варана внутрь.

В комнате, где располагались девушки, витал слабый запах дурной травы и алкоголя, забиваемый духами и благовониями. Около десятка едва одетых девушек сидели на креслах и софах. При появлении Варана все они дрессированно улыбнулись. Охотник окинул их быстрым взглядом. Были среди них и симпатичные, и не очень. Пара была совсем юными, а одна – возможно, даже старше Кола. Брюнетки и блондинки, высокие и низкие, полные и худые. Но Варан искал в их лицах не это.

– Вон та, – ткнул он пальцем в весьма хорошенькую брюнетку не старше двадцати лет. В её глазах Варан увидел ум и понятливость, а также желание заработать. То, что нужно.

– Её зовут Лань, – одобрительно качнула головой Мадам. – Она – одна из лучших моих девушек, и будет стоить недёшево.

– Не имеет значения.

– Тогда оплатите двадцать дорринов, и в течение часа она будет вашей.

– Я оплачу три часа, – при этих словах девушки в комнате разразились одобрительными восклицаниями и смешками.

– Что ж, тогда прошу, следуйте за Ланью, – но при этих словах мадам ловко перегородила дорогу своей рукой с протянутой ладонью.

Варан отсчитал необходимое количество меди, добавив несколько дорринов сверху, и затем, когда преграждающая путь рука исчезла, направился за Ланью, которая, призывно виляя бёдрами, стала подниматься вверх.

Когда дверь номера за ними затворилась, Лань, резко повернувшись к нему, начала было раздеваться.

– погоди, – жестом остановил её Варан. – Это потом. А для начала скажи, хочешь ли ты заработать дор?

– А что нужно? – девушка среагировала мгновенно.

Варан про себя подумал, что сделал правильный выбор. Он оглядел комнату – единственное окошко плотно зашторено. Это хорошо. Стены выглядят достаточно толстыми, чтобы глушить даже довольно громкие звуки, а Варан не собирался говорить громко.

– Во-первых, мне нужно, чтобы ты отправила кого-то в ближайшую гостиницу, чтобы снять для меня номер на несколько дней.

– А сам почему не можешь? – Лань уселась на кровать, но не с целью обольстить, а просто, чтоб было удобней разговаривать.

– Тебе этого знать не нужно, – резко ответил Варан, оставаясь стоять. – Есть ли у тебя такая возможность?

– Конечно. У нас работают служанки, и я могу отправить одну из них.

– Хорошо. Зови!

Через несколько минут в комнату вошла полная женщина.

– Чего изволите?

– Саритта, будь добра, сходи в «Зелёного пса» и сними там комнату для этого господина.

Служанка была явно озадачена.

– Послушай, Саритта, – вступил Варан. – Я заплачу тебе десять дорринов, если ты сходишь туда, куда сказала Лань, и снимешь комнату для меня. На неделю. А ключ прине-сёшь мне.

– Хорошо, – кивнула Саритта.

– Вот тебе полдора. Этого вполне хватит. Всю сдачу сможешь оставить себе! Ключ должен быть у меня в течение этого часа.

– Всё поняла, – сграбастав деньги, служанка исчезла.

– И это всё? – спросила Лань, хотя по выражению её лица было ясно, что она понимает, что это ещё не всё.

– Нет, иначе это не стоило бы дора. Сейчас я напишу письмо, которое ты должна будешь отнести по указанному мной адресу.

– И всё?

– Да, тогда будет всё. Как видишь, ничего сложного. Легкие деньги.

– По моему опыту ничто не даётся сложнее, чем лёгкие деньги, – Лань сидела, задумчиво поигрывая своим локоном.

– Это не тот случай. Я обещаю, что этот дор будет самым легко заработанным в твоей жизни!

– Хорошо, – решила Лань. – Тогда сейчас велю принести бумагу, перо и чернила.

– Не надо, – остановил Варан. – Никому не нужно знать, чем мы тут с тобой занима-емся.

– А как же ты напишешь?

– У тебя есть помада?

– Там, в столике, – Лань кивнула в сторону небольшого ночного столика.

– Отлично, – Варан нашёл необходимую баночку, а также мягкую кисточку для нанесе-ния помады на губы. Затем он взял подушку, снял с неё наволочку и резким движением разо-рвал её. Затем он продолжил рвать до тех пор, пока не разделил две половинки наволочки.

– Ты чего? – ойкнула Лань. – С ума сошёл?

– Ничего страшного, – отмахнулся Варан. – Купишь новую. А теперь не мешай мне.

Варану ещё никогда не приходилось писать женской помадой по наволочке, и, как выяснилось, это – дьявольски сложное занятие. По крайней мере, Варан представлял это себе куда проще. Однако, мастер Теней не собирался сдаваться из-за мелочей. Он аккуратно начал выводить букву за буквой. Лань, не таясь, заглядывала ему за плечо, однако Варан даже не обращал на это внимания – всё равно ведь прочтёт. Не сейчас, так потом.

«Мессир, случилось. Я это чувствую, хотя доказательств пока нет. Вероятно, нужно планировать отъезд. Думаю, у нас есть несколько дней, пока они будут со мной. Надеюсь, о вас ничего не известно. Я буду жить в гостинице «Зелёный пёс» – подательница письма разъяснит. Через неё можно будет сообщить об отъезде. Будьте осторожны. Всем привет».

– Ты не против заработать ещё больше денег в случае чего? – осведомился Варан.

– Кто же против заработать? – фыркнула Лань.

– Отлично, тогда слушай внимательно. По истечении этого часа я уйду. Ты обождёшь ещё час, а затем отправишься по адресу, который я укажу, спросишь господина Беллеатео Баррта и передашь ему это. Скажешь, что тебя послал Варан. Только не забудь, это крайне важно! На словах объяснишь, где искать мою гостиницу. Также объяснишь, как найти этот бордель. Возможно, в какой-то момент мои друзья захотят связаться со мной, и тогда они сделают это через тебя. Если сделаешь всё, как я сказал, заработаешь денег и не наживёшь проблем. Однако, если вдруг ты случайно сболтнёшь лишнего... – лицо Варана приняло скучающий вид. – Те люди, которые ищут меня, будут искать очень тщательно. Если они только заподозрят тебя, ты будешь обречена. Поэтому одно неверное слово может стать для тебя последним.

– Поверь, дружок, первое, чему нас тут учат – не болтать, – усмехнулась Лань. – И этот урок я вызубрила до конца дней.

– Вот и отлично! Значит, все останутся довольны. Я сразу понял, что ты – умная девочка.

– Что есть, то есть, – улыбнулась Лань. – Ну а что мы теперь будем делать? У нас ещё больше получаса.

– Ну, учитывая, что я заплатил за три, – плотоядно улыбнулся Варан. – Должна же ты отработать хотя бы часть этих денег!

– Обещаю, ты не пожалеешь каждого потраченного доррина! – деловая Лань мгновенно уступила место Лани-соблазнительнице.

Саритта, вернувшаяся минут через десять после этого, решила, что будет лучше просто просунуть ключ под дверь.

***

Дверь открылась, и в комнату вошла девушка. Читатель легко узнал бы в ней Лань. Несмотря на плащ, укутывающий девушку, её профессия почему-то легко читалась во всём её облике. Держалась Лань независимо и даже несколько нагло.

– Вас прислал ко мне Варан, дитя моё? – спросил Каладиус.

– Именно так... папаша, – развязно ответила Лань.

– А почему он сам не пришёл? – поморщился маг.

– Не мог. Как я поняла, за ним следят. Он отправился в гостиницу «Зелёный пёс», а мне велел передать вам письмо.

– Где же оно? – Каладиус поднялся и сделал шаг к девушке.

– Вот оно, – Лань вынула из-за пазухи уже известную нам ткань с красными буквами.

– Что это? – недоуменно спросил Каладиус.

– Это письмо, – невозмутимо ответила девушка.

– Он писал на ткани чем-то красным, – вглядевшись, сказал Кол.

– Неужели это кровь? – воскликнула Мэйлинн, побледнев.

– Это помада! – фыркнув, ответила Лань, при этом пристально поглядев на лирру, и даже не сумев как следует скрыть удивления. – Вы – лирра?

– Да, – коротко ответила Мэйлинн, а затем поднявшись, отошла к окну, и стала смотреть на окружающий её город, стоя спиной к госте. Её переполняло чувство омерзения, которая она едва могла скрыть.

– Буквы размазались, – озабоченно пробормотал Каладиус, оглядывая послание. – Однако прочесть вполне можно.

– Что там? – нетерпеливо воскликнул Кол.

– Терпение, друг мой! – прочитав, ответил Каладиус. – А на словах господин Варан что-то передал? – обратился он к Лани.

– Просил разъяснить, как найти его гостиницу. А также сообщить адрес нашего публичного дома.

– А это ещё зачем? – резко повернулась Мэйлинн.

– Он просил передать, что какие-то сообщения ему можно будет передавать через меня. Он будет ежедневно приходить ко мне.

Мэйлинн, вероятно, пыталась подобрать какие-то слова, но в итоге лишь презрительно фыркнула и вновь повернулась к окну.

– Меня вы сможете найти в Доме терпимости мадам Кейсы каждый день. Просто спросите Лань, – не обращая внимания, продолжила девушка. Затем она подробно объяснила, как разыскать этот самый дом терпимости, а также гостиницу «Зелёный пёс».

– Что ж, спасибо большое за помощь! – вежливо поблагодарил её Каладиус. – Не смеем больше вас задерживать.

– Вообще-то Варан сказал, что вы заплатите мне серебряный дор! – вообще-то Варан ничего такого не говорил, и сам честно уплатил обещанную монету перед уходом, однако Лань решила ковать железо, пока оно горячо.

– За то, что прошлась несколько кварталов? – воскликнул Кол. Вообще-то Лань прошла гораздо больше, чем *несколько* кварталов, но сейчас это казалось несущественным.

– За то, что оказала вам жизненно важную услугу, – парировала Лань. – За то, что рисковала, чтобы предупредить. И за то, что готова оказывать услуги и в будущем.

– Вы заслужили награду, юная госпожа, – Каладиус порылся в одном из своих карманов и извлёк оттуда пригоршню монет. – Держите, и будьте осторожны.

Простая, казалось бы, ничего не значащая фраза – дежурное напутствие, не более того, но отчего-то Лань сжалась, словно над ней занесли кулак. Вроде бы и тон мага не изменился, вроде бы и выражение лица оставалось таким же благодущным, но что-то такое услышала юная путана в двух последних словах, отчего её продрал мороз. Она прекрасно поняла, что хотел сказать старик и на что он намекал.

– Спасибо, – пролепетала она. Спесь мигом слетела с этой самоуверенной девушки. Она схватила серебряную монетку и тут же выскочила из номера.

– Так что же там такое? – вновь спросил Кол.

Все с нетерпением ждали объяснений. Мэйлинн с уходом Лани сразу же отошла от окна и приблизилась к Каладиусу. Бин даже приподнялся со стула и пожирал глазами испачканную красной помадой тряпицу. Тревога витала в воздухе – все понимали, что случилось нечто из ряда вон выходящее.

– Варан думает, что его выследили, – стараясь говорить спокойно, ответил Каладиус, вновь сядя за стол. – Он не уверен в этом, но решил не возвращаться в гостиницу. Он снял себе номер в другой гостинице и будет пытаться выследить тех, кто следит за ним. Нам же он советует немедленно готовиться к отплытию. Я думаю, что он прав. Если они напали лишь на его след, то у нас есть какое-то количество времени.

– Я совсем не прочь отсюда уехать! – с некоторым облегчением воскликнул Кол.

– И я! – Бин не мог себе объяснить, почему его так угнетал этот город, но он всей душой мечтал поскорее его покинуть.

– Итак, что касается Бина, то вам, молодой человек, придётся максимально много времени проводить неподалёку от нашей дорогой Мэйлинн и её кристалла. Вы же, друг мой, направляйтесь в порт и зафрахтуйте нам небольшой, но приличный кораблик, который бы отвёз нас в Саррассу. Мне же нужно кое-что подготовить на случай появления непрошенных гостей...

***

– Мы не возвращаем денег! – предупредила мадам спускающегося по лестнице Варана.

– А я и не прошу, – ответил тот. – Однако же, в ближайшие два часа Лань – моя. Так что проследите за тем, чтобы она не досталась кому-то ещё.

– Это ещё что за выдумки? – недовольно выпятив губу, спросила мадам.

– Такие вот у меня выдумки, – бросил Варан. – Разве это должно вас заботить? Я оплатил время, и это уж моё дело, как я им распорядюсь.

Женщина чуть обиженно пожала плечами.

– Сюда кто-то заходил за последний час? – спросил Варан, выйдя в комнату с охранником и обращаясь сразу к обоим.

– Мы не разглашаем информацию о наших клиентах! – тут же отозвалась хозяйка.

– Хорошо, спрошу иначе: никто не спрашивал обо мне после моего прихода?

– Никто не спрашивал, – мадам взглянула на охранника и тот отрицательно качнул головой.

– Вот и замечательно. До скорого свидания! – Варан чуть приподнял шляпу и вышел.

«Зелёный пёс» и правда оказался в двух шагах от борделя. Не прошло и пары минут, как мастер Теней оказался у искомой гостиницы. И, кстати, стоило выйти на улицу, как вновь появилось знакомое чувство – слежка продолжалась, но настолько профессионально, что засечь её не получалось даже охотнику за головами.

Подойдя к гостинице, Варан понял, откуда взялось такое идиотское название. Неподалёку от входа стояла бронзовая статуя сидящего пса. Сразу бросалось в глаза, что скульптор явно не был мастером своего дела, поэтому пёс был в равной степени похож как на пса, так и на кота, и даже медведя. Тем не менее, судя по названию гостиницы, это был именно пёс. Причём Варан подумал, что ранее, наверное, гостиница называлась как-то иначе – возможно, «У пса», или что-то такое. Но со временем бронза покрылась мощным зеленоватым налётом, и тогдашний остроумный хозяин, вероятно, решил, что проще переименовать гостиницу, чем отчистить несчастное животное.

Уверенным шагом мастер Теней вошёл в гостиницу. У стойки было широкое окно, так что те, кто за ним наблюдали, вполне могли его видеть. Варан приветственно махнул рукой сидящему за стойкой хозяину с таким видом, словно расстался с ним совсем недавно. Тот же, в свою очередь, недоуменно поднял глаза на странного незнакомца.

– Чем могу служить? – осведомился он.

– Здравствуйте, добрый хозяин, – Варан вальяжно привалился к стойке так, словно вёл душевный разговор со старым знакомцем. – Я – ваш новый постоялец из номера четырнадцать. С полчаса назад служанка сняла для меня этот номер.

– Ах, это вы, господин? – фальшиво улыбнулся хозяин. – Пожалуйста, зарегистрируйтесь в книге! – и он сделал жест, чтобы достать грессбух.

– Постойте, любезный хозяин! – остановил его Варан. – У меня будет к вам деликатная просьба.

– В чём дело? – несколько скис хозяин, начиная подозревать худшее.

– Во-первых, я бы не хотел сам регистрироваться в вашей книге. Вы можете сделать это вместо меня, только через некоторое время после того, как я отсюда отойду. Я награжу вас за неудобство, – Варан приподнял ладонь от стойки, и трактирщик увидел тускло поблёскива-

ющую серебряную монету. – Зовут меня Беллеатео Баррта, я – вольный купец из Саррассы. Впишите меня через четверть часа.

– Хорошо, господин Баррта, – кивнул хозяин, поглядывая на ладонь, вновь прикрывшую монетку.

– А во-вторых, любезнейший, я хотел бы, чтобы вы знали, что я живу в вашей гостинице уже целый месяц, или даже чуть больше. Не забудьте пометить это в вашей книге. Возможно, для этого вам придётся внести туда какие-то изменения, но я готов компенсировать ваши труды, – словно у фокусника, под ладонью Варана теперь было две серебряных монеты.

– Я понял вас, господин Баррта, – чуть хрипло проговорил хозяин «Зелёного пса».

– И главное, – продолжил Варан. – Если кто-то будет прямо или косвенно спрашивать обо мне, вы должны отвечать, что я живу у вас с начала месяца дождей. Поскольку я по вашим глазам вижу, что вы – человек необычайной честности, то, дабы заглушить ваши душевные терзания от нашей маленькой лжи, я буду каждый день платить вам по одному дору. Мне кажется, что это вполне достойная плата за то, чего может и не случиться.

– Конечно, вы правы, – улыбнулся трактирщик. – А плата пойдёт, полагаю, уже с нынешнего дня?

– Несомненно, – факир-Варан приподнял ладонь, и там лежало три серебряных дора. – Так мы договорились?

– Конечно, господин Баррта, всё будет выполнено в лучшем виде! Не извольте беспокоиться!

– Благодарю вас, любезный хозяин! – Варан ловко пожал руку трактирщика и монеты переключевали в его потную ладонь. – Приятного вам дня! Я сам найду номер, не утруждайте себя напрасно. Пришлите ко мне прислугу, и я сообщу всё, что мне потребуется.

И, беззаботно насвистывая, Варан отошёл от стойки.

Глава 41. Вастиней

Казалось, для Бина в Найре наступили золотые деньки – он почти весь день проводил в компании Мэйлинн. Они постоянно о чём-то разговаривали – о самых пустячных пустяках, которые, казалось, не имели никакого значения ни для него, ни для неё. Какие-то истории прошлого, какие-то мысли о будущем, какие-то размышления на различные темы. И вроде бы лирру совершенно не тяготило общество Бина, да и он чувствовал себя совершенно комфортно. Иногда они молчали, думая каждый о своём, или занимаясь каждый своим делом, но это молчание не вызывало чувства неловкости. Мэйлинн была неизменно ласкова и весела, всегда радовалась появлению Бина и никогда не выражала желания отдохнуть от него. И, тем не менее, Бин не чувствовал себя счастливым.

Да, он был счастлив в те минуты, когда видел Мэйлинн перед собой и слышал её голос. В такие минуты ему казалось, что цель жизни достигнута и больше нечего желать, разве что ещё больше её глаз, её волос и её голоса. Однако, когда он оставался один, на него медленно, но неумолимо накатывало тёмное отчаяние. Он понимал, что ничего не изменилось. Мэйлинн по-прежнему относится к нему как к другу, а порой ему ещё казалось, что – как к младшему другу, хотя они и были с ней одного возраста. И тогда ему начинало казаться, что именно сейчас, когда они как никогда близки, видятся и общаются постоянно, именно сейчас он особенно усердно роет пропасть между ними. Пропать, в которую суждено свалиться всем его мечтам и надеждам.

Более того, в глубине души Бин понимал, что так – правильно. Безжалостные слова Кола не лезли из головы. Бин прекрасно понимал, что никакого совместного будущего у него и Мэйлинн быть не может. В такие минуты он твердил себе, что даже если бы случилось чудо, и Мэйлинн влюбилась бы в него без памяти, он должен был бы прекратить всякое общение с ней, прервать эти отношения, потому что они в итоге причинили бы куда больше боли, чем радости, причём для них обоих. Но, конечно, Бин сам слабо верил себе. Более того, иногда, когда он в очередной раз принимал очередной взгляд, улыбку, фразу Мэйлинн за признак влечения, он с трудом сдерживал себя, чтобы не ляпнуть какую-нибудь глупость. Его останавливал лишь страх потерять то, что уже есть.

В общем, Бин не чувствовал себя на седьмом небе от счастья. Недодавленные вовремя надежды копошились в его душе подобно умирающим змеям, бьющимся в спазматической агонии, и постоянно теребящим душу мыслями «А вдруг?». Вот именно это «вдруг» и стало главным врагом Бина; иррациональное «вдруг» на фоне рационального «никогда». И как у любого инфантильного человека, эта борьба двух противоположных начал вызвала в Бине приступы раздражительности.

Его настроение стало понемногу меняться. Сперва он стал всё более молчаливым, затем – раздражительным. Своё раздражение он с мстительной жестокостью вымещал на Мэйлинн. Ему доставляло мрачное удовольствие видеть, как она тщетно пытается понять причины его внезапной перемены, как растерянно улыбается, когда он грубовато обрывает её попытки поговорить и понять. Жалость к себе, любовь к Мэйлинн, злость на себя и неё, а также на всех богов, какие только есть в Сфере за то, что не создали их равными – всё это давило на Бина, делая его всё мрачнее.

Кроме прочего, его очень сильно подавляло его нынешнее положение в группе. Ведь когда-то всё было совсем по-другому – был он, и была Мэйлинн, и они были вдвоём. Причём Бин совершенно искренне позабыл, что это «вдвоём» длилось менее суток. Ему, напротив, казалось, что был некий период, когда у Мэйлинн был только он, и вот тогда всё было замечательно. Пока не появился Кол, а потом ещё Каладиус, а потом и Варан...

Уже Кол оттеснил Бина от Мэйлинн – более взрослый, более опытный, более умный и компанейский. Но между ним и Колом как-то не было особой границы, несмотря на разницу в возрасте. Бин не стеснялся Кола, не тушевался в его присутствии. Скорее даже наоборот – когда они были вдвоём, Бин зачастую даже ощущал поддержку Кола, когда тот своим присутствием сглаживал и скрадывал неловкости.

Однако в обществе мага и охотника за головами Бин так и не научился чувствовать себя комфортно. И тот, и другой подавляли его, заставляя отдаляться в самую дальнюю тень и молча взирая на них. Каладиус ужасал своей легендарностью, своей инаковостью, которая сквозила через его подчёркнуто простое общение. Рядом с ним Бин чувствовал себя червяком, который случайно упал с ветки на профессорскую шапку. Иногда он встречал в разговоры Каладиуса с тем же Колом, но ровно настолько, чтобы в любой момент безопасно отступить. Однако дерзнуть завести разговор самому Бин не смел. Более того, он и предположить не мог, что бы такого он мог сказать, чтобы это было интересно магу.

Но ещё хуже было с Вараном. Бин не мог перенести уединения с ним, и, если такое случалось, под любыми предлогами исчезал из комнаты. Варан, хотя был всего на несколько лет старше самого Бина, казался ему чуть ли не ровесником Каладиуса. Бин так до конца и не поверил мастеру Теней. Но особенно терзало Бина воспоминание о кинжале, который он воткнул в спину Варана. В нём поселился какой-то необъяснимый страх, что Варан затаил обиду и злобу на своего неудачливого убийцу. Более того, Бин против собственной воли чувствовал какую-то своеобразную симпатию к этому человеку, своего рода даже некое преклонение, словно перед небожителем, но снова он ощущал себя незначимой пылинкой, которая никак не может быть интересна такому человеку.

Поэтому Бин теперь почти всё время молчал в присутствии Варана и Каладиуса, предоставляя возможность говорить «взрослым». Бину отчаянно хотелось, чтобы он был старше лет на десять, чтобы за его плечами была армия, как у Кола, или Гильдия, как у Варана. Чтобы к нему относились не как к ребёнку, которого по необходимости таскают за собой родители. На самом деле, конечно, никто так к нему и не относился, но Бин крепко втемяшил себе это в голову, и переубедить его было невозможно. Если бы кто и пытался, то лишь утвердил бы его в этой мысли – мол, утешают, утирают слюны...

Теперь, мы думаем, читателю стало вполне понятно, почему Бин с такой радостью воспринял возможность выбраться из Найра. Для него это означало даже не столько освободиться от постоянного присутствия Мэйлинн, сколько освободить её от своего постоянного присутствия, которое, как он был убеждён, её несколько стесняло, за что он был зол и на себя, и даже на неё.

***

Другой невольник Найра, Кол, также имел все основания ощущать себя здесь не в своей тарелке. И дело было даже не в том добровольном заточении, на которое он сам себя обрек. Кола подкосила собственная уязвимость перед соблазнами этого города. Он перестал себе доверять. Ведь он действительно искренне верил, что его алкогольная зависимость осталась в мутном прошлом, а оказалось, что это не так. И с тех пор он постоянно пытался убедить самого себя, что Мэйлинн может по-прежнему всецело ему доверять и целиком на него полагаться, однако он не слишком верил в эти заверения. Это сводило с ума. Внешне спокойный, самоуверенный и умудрённый, внутри Кол ощущал свою полнейшую беспомощность.

Отдельной песней был их своеобразный любовный треугольник. Кол, который сам поучал не раз несчастного Бина, тем не менее не мог не отдавать себе отчёта в том, что он по уши влюблён в свою юную спутницу. И если в пути это не было такой уж проблемой, потому что каждый день подкидывал всё новые и новые задачки, которые приходилось

решать, то сейчас, пролеживая бока на мягкой удобной кровати, Кол не мог не думать об этом. Не думать о ней.

Конечно, бывший центурион полагал, что у него хватит твёрдости затолкать свои чувства под самый дальний и пыльный коврик в самой дальней и пыльной кладовке своей души. Конечно, он прекрасно понимал, что у его чувств нет перспектив. Но свободная от иных забот голова упорно перемешивала одни и те же мысли, взбивая их в плотную пену, заполнявшую всё.

Кол нечасто навещал Мэйлинн. Отчасти потому, что ему до сих пор было стыдно, что он сорвался, проявил слабость. Но другой причиной был Бин. Тот-то имел полное право, чуть ли не обязанность проводить всё своё время с лиррой. И уж он-то этим правом пользовался по полной. Хотя Кол прекрасно понимал, что Бин – совсем не пара для Мэйлинн, но он не мог не видеть того, что сам он является ещё худшим кандидатом.

Опять же, тогда, в дороге, когда они были втроём, Кол совершенно спокойно относился к общению Бина и Мэйлинн. Тогда они были плотно спаянной троицей. После того, как их трио было разбавлено мессиром магом и Вараном, что-то в их отношениях изменилось – в отношениях Кола и Мэйлинн. Или в отношении Кола к Мэйлинн. Увы, но Кол сам не мог себе ответить – что именно. Он просто списывал всё на своё нынешнее безделье, которое и порождало все эти ненужные мысли.

Именно поэтому Кол с огромной радостью воспринял известие о том, что они уходят из Найра. Конечно же, он был крайне встревожен сообщением Варана о возможной слежке, особенно напрягало то, что Варан никак не мог засечь этих таинственных шпионов. Однако Кол ухватился за отплытие, словно за соломинку, которая должна была враз разрешить все проблемы.

***

Закутавшись в тёплый плащ, Кол, чуть съёжившись, шагал по направлению к порту. В первой половине дня погода, казалось, наладилась, и, вроде как, тучи стали понемногу рваться на клочья, которые тут же уносил ветер, а в разрывах сияло нежаркое зимнее солнце. Однако же, как это обычно и бывает в Найре, особенно в зимнее время, всё изменилось буквально за час. С океана налетел новый легион тяжёлых туч, которые подгонял ледяной, бьющий словно бич, ветер. Сначала, как обычно, с неба посыпалась какая-то водяная пыль, однако теперь пошёл самый настоящий дождь. Иногда он превращался в почти снег, но на большее морозного дыхания севера уже не хватало. Тёплое течение, омывающее берега Паэтты в этом месте, стояло на страже остатков тепла. Хотя – и в этом Кол был солидарен с Вараном, – лучше бы уж была нормальная зима! Лучше бы мороз, лучше бы снег, чем такая вот леденящая слякоть.

Кол был плохим мореходом. Он вдосталь навидался свинцовых волн Серого моря и келлийских драккаров среди них; он даже сам пару раз выходил в море на небольших шлюпах, чтобы переправиться из одного места дислокации в другое. Но в кораблях он не понимал ровным счётом ничего. Однако так уж вышло, что именно ему предстояло найти подходящее судно.

Дождь загнал большую часть обитателей порта в близлежащие таверны, где было не в пример уютней и теплей, и можно было ворчать в мокрые от эля усы, прислушиваясь к барабанившим по крыше каплям. Для Кола, возможно, это было плюсом – все моряки в одном месте. Однако, он боялся купить кота в мешке – ведь вряд ли кто-то из мореходов будет таскать с собой в кабак свой корабль! С другой стороны, Кол слабо представлял себе – на что вообще нужно обращать внимание при выборе корабля. Так что лучше уж так, за столом, за доброй чарочкой... Никаких чарочек! – тут же резко оборвал он ход своих мыслей. Он больше не повторит этой глупости!

Из-за внезапной непогоды на улице стало довольно темно, поэтому некоторые харчевни зажгли лампы над входом, призывающие заблудших моряков подобно маякам. Над дверьми одной из таких харчевен Кол увидел впечатляющих размеров якорь – настоящий корабельный якорь, высотой под три фута, прилаженный к стене. Он был густо покрыт окаменелым налётом каких-то ракушек – возможно, долго провалялся где-нибудь на мелководье, прежде чем его нашли и водрузили на почётное место. Вкупе с названием «Старый боцман», этот якорь давал понять прохожим, что тут собираются моряки. То, что нужно для Кола! Непроизвольно съёжившись, проходя под висящей железякой, словно опасаясь, что та не выдержит и свалится ему на загривок, Кол зашёл в таверну.

Приятный оранжевый сумрак окутал Кола пахнувшим жареным луком теплом. В таверне было довольно многолюдно, причём Кол сразу понял, что попал по адресу, поскольку в подавляющем большинстве присутствующих внешний вид сразу выдавал моряков. Правда, теперь Кол растерялся ещё больше, не слишком понимая, как поступить дальше. В конце концов он решил воспользоваться помощью хозяина заведения. Может он сможет свести его с нужными людьми?

Легионер подошёл к большой стойке, вдоль которой сидело несколько выпивох. Через некоторое время, освободившись на мгновение, к нему подошёл хозяин таверны.

– Чем могу служить? – осведомился он.

– Я хотел бы нанять корабль, но не знаю, к кому обратиться, – не лукавя, тут же выдал Кол.

– Хм, – мотнул седой головой трактирщик. – Не скажу, что вы выбрали лучшее время для морских путешествий, сударь. Тут полно моряков, но любой скажет вам, что раньше середины примииона в море лучше не соваться.

– Не каждый может ждать середины примииона, любезный, – возразил Кол. – Неужели среди всех этих людей не найдётся человека достаточно храброго, или достаточно жадного для того, чтобы рискнуть?

– Спроси Шэда Кошку, мил человек, – вмешался пожилой моряк, сидевший за стойкой по соседству. – Вон тот, в углу, видишь? С бородой, как у гнома. Пожалуй, его «Мурена» сдюжит. Другое дело, конечно, согласится ли он. Но я слыхал, он давненько на мели, так что, думаю, у тебя есть шанс.

– Спасибо, приятель! – Кол хлопнул моряка по плечу. – Налей ему за мой счёт, хозяин! – и он бросил на стойку доррин, а сам направился к тому самому Шэду Кошке.

Надо сказать, что выпивоха если и преувеличил, то ненамного. Действительно, этот человек выделялся среди окружающих чёрной окладистой бородой до самого живота. Несколько золотых монет с дырочками посередине были вплетены в кончики его бороды. При всём этом возрастом шкипер вряд ли превосходил самого Кола.

– Ты Шэд Кошка? – на всякий случай осведомился Кол.

– Точно, это я. А кто спрашивает? – Кошка угрюмо взглянул на Кола из-под густых бровей.

– Меня зовут Сан, хотя все кличут Колом. Но главное не это. Мне нужен корабль. Сказали, что у тебя есть то, что я ищу.

– Корабль-то у меня есть, – неспешным голосом ответил Шэд. – Но хотелось бы узнать – зачем он нужен.

– Могу я присесть? – вежливо спросил Кол.

– Тут, брат, свободная страна – каждый садится там, где ему вздумается, – махнул рукой на соседнее место Шэд.

– Вот спасибо! Могу я предложить тебе выпить? – Кол решил ходить с козырей.

– Предложить-то можешь, но хотелось бы узнать твоё дело. Для чего корабль понадобился?

- Надо срочно выдвигаться к Саррассе.
- Эк ты сказанул! – крикнул Шэд. – А отчего ж не сразу к морскому дьяволу?
- Потому что туда мне пока без надобности, – парировал Кол. – Ну так что?
- Подходи через месяцок, а ещё лучше – через два. Тогда я отвезу тебя хоть в Саррассу, хоть к морскому дьяволу, коль появится нужда.
- Но мне ведь нужно сейчас.
- Ты вообще видел, что на улице происходит?
- Ты про дождик? И что? Мне сказали, что твоя «Мурена» сдюжит.
- Кабы в дождике дело... – покачал головой моряк. – Ты слыхал о Вастинее?
- Это кто ещё?
- А, вот то-то же!.. – Шэд поскрёб бороду. – Оно и видно, что ты не в курсе. Вастиней – так называется тёплое течение, которое проходит мимо Найра, и которое не даёт морю замерзать.
- А, ну так славно же! Не придётся покупать твоей «Мурене» коньки! – попытался пошутить Кол, только Шэд Кошка не рассмеялся.
- А ещё так называют страшный шквалистый ветер, который гуляет вдоль восточного побережья Паэтты в это время года. Ты когда-нибудь видал, как если зимой приотворить окошко, начинает дрожать воздух?
- Видал конечно.
- Так вот – это дрожит тёплый воздух, попадая в холод. А теперь представь, если такое вот окошко, да размером с добрую часть моря. Представляешь, как там будет воздух дрожать? Никому бы не хотел пожелать того увидеть!
- Я пока не до конца понимаю, о чём ты, – честно признался Кол.
- Всё просто. Вастиней – это то же тёплое окошко. Когда он продирается сквозь ледяные воды Великого океана, начинают возникать воздушные потоки. Особенно сейчас, когда с материка ещё поддувают тёплые ветры, а с севера уже несутся холода. Именно сейчас Вастиней-ветер особенно силен и непредсказуем. Поэтому на сковородке у дьяволов преисподней сейчас будет уютней, чем в океане. И поэтому, приятель, в ближайший месяц ты не найдёшь желающих направиться на верную погибель. Вот потом, когда Паэтта покроется снегом и станет холодной, когда чуть остынет сам Вастиней, тогда воздух перестанет так колебаться, и даже уже в примиионе можно будет попробовать пройти. Это будет опасно, но хотя бы не самоубийственно.
- Спасибо за урок, дружище, – усмехнулся Кол. – Но я пришёл не за этим. Несмотря на всё это, мне совершенно необходимо отправиться в Саррассу.
- Ну так отправляйся посуху, в чём проблема? – пожал плечами Шэд.
- Проблема в том, что на суше мне может быть опасней, чем в море, даже несмотря на этот твой Вастиней, – сквозь зубы процедил Кол. – Я слыхал, что ты сейчас на мели. Я заплачу вдвойне. Представь, что может быть приятней, чем перезимовать в Золотом Шатре, да ещё и с полными карманами денег?
- Я на мели, но у меня есть добрый корабль, – покачал головой шкипер. – И я буду трижды дураком, если поставлю на кон его и жизнь свою и своих людей. Да даже если ты заплатишь мне впятеро!..
- А если вдесятеро? – Кол не был уверен, что у него есть подобные полномочия, но его охватил какой-то азарт. Ему захотелось во что бы то ни стало нанять этого человека.
- Я скажу нет, – было видно, что Шэд заколебался, но всё-таки остался при своём мнении. – Мертвецам золото без надобности.
- Это твоё последнее слово? – поднимаясь, спросил Кол.
- Последнее.
- Что ж, – скривившись, проговорил Кол. – Пойду поищу кого-то похрабрее.

– Удачи! – невозмутимо кивнул Шэд и поднёс к губам глиняную кружку.

Первый блин оказался комом, но он придал Колу уверенности. Окинув взглядом окружающие лица, он выбрал себе очередную жертву. Весьма колоритного вида человек, одно ухо которого было увешано невообразимым количеством золотых колец. Однако, тут Кола постигло разочарование – это был обычный матрос. Всё-таки глаз бывшего центуриона был совсем не намётан на поиск настоящих капитанов. Пришлось вернуться к Шэду, что, конечно, чуть подпортило эффектность ухода.

– А не мог бы ты, приятель, посоветовать, к кому здесь ещё можно было бы обратиться? Чисто теоретически, – поспешил добавить Кол, увидев, что Шэд снова собирается затягивать ту же песню.

– Ну у Бока есть свой корабль... У Плотвы тоже... Стархан сейчас на ремонте, это я точно знаю... Ещё вон тот, саррасанец, кстати. Не знаю, как зовут, но знаю, что у него очень хорошее судно.

– Спасибо, друг, – сердечно поблагодарил Кол.

– Помнится, ты обещал меня угостить, – прищурился Шэд.

– Без вопросов! – в Коле вновь возродилась надежда. Он с готовностью присел и пома- хал рукой официантке.

– Если ты думаешь, что я передумал – забудь, – тут же предупредил Шэд.

Кол, тяжело вздохнув, молча поднялся и, бросив на стол пару медных монет, пошёл искать удачи у названных Шэдом капитанов.

Однако слова «нет» и «Вастиней» стали в этот вечер самыми распространёнными среди собеседников Кола. Удивительно, но никто из капитанов не зарился на многократную плату, щедро предлагаемую центурионом. Видя безнадёжность дела, Кол уже торговался без оглядки, и маленькому сухопарому капитану по прозвищу Плотва он предложил двадцатикратную плату, но тому всё-таки удалось унять алчную дрожь в руках и отказаться.

Кол в какой-то момент времени и сам перестал понимать – зачем он настаивает на своём. Ведь совершенно очевидно, что все эти люди были далеко не робкого десятка, и коль уж они не рисковали уходить от Найра дальше, чем на милю, то, наверное, для того были веские причины. Однако не хотелось вернуться назад ни с чем, а затем бессильно объяснять про Вастиней Каладиусу или, тем более, Мэйлинн.

Он в третий раз подошёл к Шэду, как к человеку, который уделит ему внимания куда больше остальных, но на этот раз тот лишь с усмешкой покачал головой, едва завидел пробирающегося к нему Кола. Кол всё же подошёл и предложил двадцать оплат, но услышал вполне предсказуемый отказ.

Разочарованный, Кол плюхнулся за свободный стол и тупо сидел, обхватив голову руками. Нужно было собраться с духом, чтобы побитым вернуться назад.

– Эй, старичок, какие дела? – услышал он высокий надтреснутый голос.

Кол поднял голову. За столом сидели двое – оба помоложе Кола, жилистые и худощавые. Оба – рыжие и веснушчатые. Похоже – братья.

– Чего надо? – довольно неприветливо буркнул он.

– Нам-то ничего, – ухмыльнулся тот же, кто только что обращался к нему. – А вот тебе, мы слышали позарез нужен корабль.

– И чего? – мрачно спросил Кол. Ему активно не нравились эти парни, так и хотелось найти повод, чтобы начистить им рыло.

– Ну так у нас есть корабль!

– Тут у половины присутствующих есть свой корабль, – Кол взглядом обвёл зал. – Да только толку-то...

– Старичок, ты, по ходу, туговато всасываешь, – поморщился рыжий. – У нас есть корабль, и мы готовы доставить тебя в Саррасту.

– Сейчас?.. – тупо спросил Кол, у которого от неожиданности выветрились из головы все мысли.

– Да хоть сейчас, ежели монета при тебе! – осклабился второй. Голос у него был почти неотличим от первого, но он заметно шепелявил. Когда он раздвинул губы в улыбке, причина шепелявости стала очевидна – у него не было передних зубов.

– Вы серьёзно? – Кол понимал, что говорит чушь, но его не оставляло ощущение, что над ним просто насмеются.

– Отчего же не серьёзно? – воскликнул первый. – Ежели, конечно, ты действительно готов выложить двадцать крат, как мы слышали.

– А сколько это, по-вашему? Если считать в дорах?

– В дорах неудобно будет, – усмехнулся первый. – Сотня латоров честного латионского золота, и мы в полном твоём распоряжении, старичок.

– Ничего себе! – присвистнул Кол. – А не слишком ли? Как насчёт двадцати? Это в несколько раз больше обычной платы!

– Хорошо. Недели через три отвезём и за двадцать.

– Ясно... – Кол нахмурился. – Мне нужно посоветоваться с друзьями.

– Ну советуйся сколько надо, старичок, мы будем здесь. Но я не думаю, что ты найдёшь ещё других таких отчаянных парней, как мы. Так что, если надумаешь – ищи нас тут. Я – Трип, а это – мой брат Кирп. У нас своя шхуна «Залётная» – крепкий двухмачтовик, любой шторм нипочём. Безбашенная команда, которая за нами пойдёт хоть в огонь. Так что, если созрешь – дуй напрямик сюда.

– Если что, сегодня вечером я вернусь, – пообещал, вставая, Кол.

Надо же, как всё получилось! Однако Кол вместе с радостью ощущал и большую тревогу. Во-первых, неизвестно, как отнесётся Каладиус к запрошенной сумме. Конечно, деньги для него не были проблемой, но всё же. Во-вторых, теперь, когда перспектива морского путешествия стала почти реальной, Кол всё мрачнее припоминал страшилки моряков, которых он наслушался за сегодняшний день. Видения бушующего ревущего моря вызывали ужас. Утонуть в ледяных водах океана – брр... Предложи Колу выбирать – он бы выбрал смерть от стрелы или меча.

– Эй, приятель, – внезапно окликнул его Шэд, когда Кол проходил мимо.

– Чего тебе? – неприветливо спросил тот.

– Чего от тебя хотели эти хмыри?

– Вообще-то они предложили доставить меня до места. Как видишь, далеко не все боятся этого Вастиней до усрачки.

– Мой тебе совет – откажись, – Шэд подался вперёд. – Я не знаю, что это за ребята, но чую в них что-то не то. Они околачиваются тут не больше недели, откуда взялись – никто не знает. Но парни говнистые – чуть ни каждый день в истории встречаются. Не нравятся они мне.

– Не нравятся – не женись, – отмахнулся Кол. – Или ты передумал насчёт моего предложения? Они, например, просят сто золотых монет. Может, тебе они нужнее?

– Губа не дура у щенков, – присвистнул Шэд. – Деньги просто отличные! Но я уже сказал своё слово, и даже за десять сотен золотых не изменю его.

– Ну тогда мы просто переливаем из пустого в порожнее, – в сердцах отмахнулся Кол. – Значит, у меня просто нет выбора.

– Смотри за ними во все глаза, приятель, – на прощание сказал Шэд.

Кол лишь досадливо кивнул и, резко развернувшись, направился к выходу, по пути натягивая на голову капюшон.

Глава 42. «Залётная»

В комнате Каладиуса находились вся компания, за исключением Варана, который ютился сейчас в гораздо менее комфортабельной гостинице, оттягивая на себя внимание возможных наблюдателей. Вернувшись, Кол подробно рассказал обо всём, и теперь необходимо было принять решение. После того, как отзвучали последние слова центуриона, в комнате повисло тяжёлое мрачное молчание. Всем нужно было время, чтобы переварить полученную информацию.

– А стоит ли соваться в море? – подал голос Бин. Он нарушил своё обыкновение отмалчиваться, поскольку опасался, что этого, самого простого вопроса никто другой может и не задать. – Раз уж даже бывалые моряки предпочитают отсидеться на суше.

– Я вот думаю о том же, – неожиданно поддержал его Кол.

– Все мы думаем о том же, друг мой, – мягко возразил Каладиус. – И каждый из нас не хочет оказаться в слепой власти ветра и волн. Но ведь на то мы и взрослые люди, чтобы разделять необходимость и желательность. Я по-прежнему считаю, что выход в море необходим. Если наш друг Варан прав, то за нами уже ведётся слежка, если не сказать – охота. В море у нас есть шанс оторваться от неё, хотя бы на время. Насколько я понимаю, нашим преследователям придётся очень попотеть, чтобы найти судно, которое рискнёт отправиться за нами.

– За нами – куда? – брови Кола сошлись к переносице. – На морское дно?

– Зачем смотреть на мир так мрачно, друг мой? Я знаю наверняка, что полностью морское сообщение между Пунтом и Паэттой не прерывается никогда. Военные суда империи выходят в море в любое время года. Да и торговцы, те что поушлей и посмелее, водят свои суда вдоль восточного побережья даже зимой. Главное, чтоб корабль был хороший, да капитан – мастер. И тогда нет ничего невозможного. Вон Серое море постоянно беспокойно, но келлийцы продолжают плавать по нему на горе Палатия.

– Неужели стоит так рисковать? – тихо проговорил, почти прошептал Бин. Затем увидев, что всё внимание обратилось на него, заговорил громче. – Мы можем тихо уйти обратно на юг. Пройдём тем же путём, пройдем пустыню, и окажемся там, где и хотели, не рискуя утонуть.

– Но зато подвергаясь риску куда более страшному, – возразил Каладиус. – Море слепо и неразумно. Оно не будет вести целенаправленной охоты за нами. В отличие от тех, кто идёт по нашему следу. А эти некто, как вы заметили, поставили в тупик даже нашего именитого мастера Теней. Боюсь, с ними не удастся так же легко расправиться, как с полудикими кочевниками.

– Но кто бы они не были – они всего лишь люди! – в отчаянии воскликнул Бин. – А море – это бескрайняя стихия, с которой мы ни за что не сможем совладать!

– Я уже говорил, но могу повторить, – слегка нахмурился Каладиус. – Пусть немногие, но корабли всё-таки ходят через зимний Великий океан. Выходят из одного порта, приходят в другой, а затем возвращаются обратно. Целыми и невредимыми. Всё зависит от умения капитана и крепости судна.

– Да, но что мы знаем о капитане и судне? – задумчиво протянул Кол.

– А вот это, как раз, второй вопрос, – немедленно отозвался маг. – Что бы вы сказали о тех ребятах, друг мой?

– Что у меня постоянно чесались кулаки от желания съездить им по роже, – мрачно ответил Кол. – Они мне ужасно не понравились. Скользкие, как морские угри.

– Думаете, они пираты? – Каладиус пристально взглянул Колу в глаза.

– Да дьяволы их разберут! – в сердцах ответил тот. – Как по мне, так в той таверне каждый второй – вылитый пират! Ежели не каждый первый.

– И тем не менее, тот капитан, Кошка, посоветовал вам держаться от них подальше?

– Потому, что они ему незнакомы и слишком вызывающе себя ведут, – пожал плечами Кол. Как-то так получилось, что он уже выступал как будто в роли защитника идеи, которая ему изначально не нравилась.

– Ну это ничего не говорит об их мореходных качествах. И они сказали, что у них двухмачтовая шхуна?

– Да, причём крепкая.

– Ну то, что они ведут себя как отморозки, нам, скорее всего, даже на пользу, – проговорил Каладиус. – Потому что, похоже, благоразумие порождает излишнюю осторожность в других капитанах. А что касается их мерзких характеров – лично я и не планировал заводить с ними дружбы. Уверен, что при желании мы вполне сможем избежать общения с ними во время путешествия.

– А что насчёт платы, которую они установили? – поинтересовался Кол.

– А разве это те деньги, из-за которых стоит беспокоиться? – беспечно ответил Каладиус. – Если они благополучно доставят меня в Золотой Шатёр, не утопив и не попытавшись ограбить по дороге, я готов заплатить им ещё столько же. Вот это, как раз, волнует меня в наименьшей степени.

– Значит, вы настаиваете на морском пути? – наконец подала голос молчавшая до сих пор Мэйлинн.

– Я уже говорил, что в этом путешествии решаю не я, но да – мой голос за путь морем. Только так мы имеем шансы оторваться от преследователей. Если же выберем сухопутную дорогу, подозреваю, что финал нашей одиссеи будет далёк от ожидаемого.

– Значит, один голос за, – резюмировала Мэйлинн.

– И один – против, – тут же воскликнул Бин. – Если, конечно, это кому-то интересно.

– Это интересно всем, – ответила Мэйлинн. – Каждый голос будет учтён. Кол?

Кол на некоторое время задумался, потирая ладонью подбородок.

– Я уверен, что пожалею об этом тысячу раз, – медленно проговорил он наконец. – Но я, пожалуй, соглашусь с мессиром. Кажется, в этот раз нас пасут настоящие профи, и справиться с ними на авось уже не выйдет. Вы думаете, мессир, что это могут быть ассасины Ордена?

– Я *опасаюсь* этого, – ответил маг. – Но даже если и нет, то эти ребята, боюсь, нам не по зубам.

– Тогда два голоса за, – окончательно решился Кол.

– Три, – как будто даже несколько смущённо сказала Мэйлинн. – Всю жизнь мечтала совершить настоящее морское путешествие...

Бин только фыркнул на это, однако возражать не стал. Было ясно, что дело решено окончательно.

– Так что мы теперь делаем? – Кол встrepенулcя, будто с его плеч упал тяжкий груз сомнений и выбора.

– Во-первых, вы, друг мой, отправляетесь назад в тот кабак. Я попрошу вас договориться с этим вашим Шэдом Кошкой, чтобы он согласился осмотреть судно. Если его вердикт будет положительным – платите сотню золотых вперёд, и обещайте столько же по прибытии. А вообще – поговорите с Кошкой ещё раз. Предложите пятьсот латоров. Предложите тысячу. Предложите полтысячи имперских корон. Вдруг он всё же согласится.

– Сомневаюсь, – проворчал Кол, покачивая головой, хотя такой водопад золота слегка ошеломил даже его, не говоря уж о Бине.

– И всё же. Ну а если нет – договаривайтесь об отплытии на завтра с этими братьями, и возвращайтесь сюда, поскольку нам нужно будет организовать перевозку багажа. А ещё нам необходимо послать весточку нашему другу Варану. Однако для этого мы должны знать точное время отплытия, чтобы он прибыл в самый последний момент. Как видите, работы много, а времени мало. Так что, прошу вас, друг мой, поспешите!

Не заставляя повторять дважды, Кол вновь закутался в плащ и выбрался наружу. Дорога в таверну не заняла много времени, тем не менее, к моменту, когда он вновь увидел прилаженный к стене якорь, город окутала сырая тьма.

Братья Трип и Кирп, как и обещали, были на месте. Так же, как и Шэд Кошка, флегматично потягивающий эль из очередной кружки.

– О, старичок, ты вернулся! – через весь зал крикнул Трип, приветственно маша рукой. Кол, метнув взгляд на Шэда, направился к братьям.

– Ну что скажешь, старичок? Плывём, или как? – осклабился рыжий.

– Сперва нужно поглядеть вашу лохань, – как можно небрежнее ответил Кол. – А то вы её тут нахваливаете, а, может, там куча дров.

– Желание клиента для нас – закон! – дурашливо раскланялся Трип. – Когда желаешь осматривать?

– Сейчас, – холодно уронил Кол.

– Сейчас? – на лице братьев выразилось искреннее удивление. – Посреди ночи?

– Именно так. А завтра к вечеру мы должны быть в море, – Колу показалось, что он поймал верный тон общения с этими подонками. По крайней мере, Трип перестал пока называть его «старичком», и это уже радовало.

– Но... – лица близнецов вытянулись. – Но надо же подготовить судно...

– У вас есть почти сутки, и у вас есть сотня золотых, – отрезал Кол. – Если этого вам недостаточно, то вы, должно быть, не те парни, что нам нужны.

– Нет, мы именно те парни! – быстро взял себя в руки Трип. – А когда мы получим нашу сотню?

– Как только я решу, что вы нам подходите. И ещё сотню получите от меня в тот момент, когда я буду сходить по трапу в Золотом Шатре.

– Приятно работать с деловым человеком! – волнение Трипа выдавали лишь маслянисто заблестевшие глаза и чуть трясущиеся руки, тогда как его братец глупо отвесил нижнюю челюсть и выпучил глаза. – Идём?

– Да, только возьму ещё одного человека, – и Кол направился к столу Шэда.

– Всё-таки поплывёшь с ними? – вместо приветствия спросил тот.

– Если ты не передумал. Мой друг просил передать, что он готов заплатить пятьсот имперских корон, если ты согласишься.

– Чертовски хорошие деньги, – Шэд отставил кружку. – Но, повторюсь, мертвецам они ни к чему. Я надеюсь дожить до старости.

– Но ведь корабли ходят по Великому океану и зимой, – возразил Кол.

– Военные барки и фрегаты империи? – усмехнулся Шэд. – Да, на таком я бы рискнул. Только вот моя «Мурена» не фрегат, и не линкор.

– Но и торговцы, говорят, как-то умудряются, – Кол понимал, что всё бесполезно, но продолжал хвататься за зыбкую надежду.

– Те, кому золото застило мозги. Из десяти ушедших едва пять вернётся назад.

– Ясно, я понял, – сдался наконец Кол. – Тогда у меня к тебе будет просьба. Ты – единственный, кого я тут знаю, и к кому могу обратиться. Сможешь осмотреть посудину этих хмырей и сказать, чего она стоит?

– Нужна веская причина, чтобы выгнать меня в холод из этого уютного местечка.

– Вот это, полагаю, достаточно веская? – на стол, звякнув, упала золотая монета.

– Хм... Пожалуй, не совсем... – усмехнулся Шэд. – Я так понимаю, денег у тебя куры не клюют, так что грех этим не воспользоваться. Кинь ещё пару, тогда договоримся.

– Да ты настоящий пират! – воскликнул Кол, но поскольку ответной реакции не последовало, он, глубоко вздохнув, вынул ещё две монеты.

– Да не переживай! – приободрил, вставая Шэд. – Посмотри на это с другой стороны: по крайней мере, эти три красавца останутся на брэнной земле, а не сгинут в пучине вод.

– Мне стало заметно легче, – криво ухмыльнулся Кол и сделал знак рыжим братьям следовать за ним.

«Залётная» оказалась пришвартована на одном из самых дальних причалов, так что четверо мужчин порядком продрогли и вымокли, добравшись туда. На корабле оказалось всего четверо матросов – остальные проводили время на берегу. Всего пара фонарей, качаясь на ветру, освещала шхуну, однако после резких криков и ругательств братьев дежурные запалили ещё несколько.

Надо сказать, что Шэд уважительно крякнул, едва увидев обводы судна в темноте.

– Что, неплоха ласточка? – услышав, самодовольно спросил Трип.

– Если они и вблизи так же хороша, как издали – пожалуй, я начну по-чёрному завидовать, – ответил тот.

Признаться, это вселило в Кола некоторую надежду.

– Ну так готовься, старичок! – без тени сомнений воскликнул Трип.

Шэд не меньше часа лазал по кораблю – то стучал по обшивке бортов, то дёргал за какие-то канаты, то скрёб ногтями древесину. С фонарём дотошно проползал весь трюм, пытаясь отыскать слабые места. Придирчиво осмотрел мачты и свёрнутый по случаю стоянки такелаж. Он непрестанно бормотал что-то себе под нос, и для Кола сам тон этих бормотаний был божественным пением. Потому что Шэд даже не пытался скрыть восторг.

– Вот это кораблик! – наконец воскликнул он. – Сразу видно – кидуанский, да?

– А то! Вся обшивка – кидуанский дуб!

– Поди, двойная обшивка? – Колу показалось, или в голосе Шэда слышалось почти благоговение.

– Угадал! Но врать не буду – внутренняя обшивка – сосновая, – Трип хлопнул ладонью по борту.

– Ты что – воюешь на нём, что ли? – без тени шулки осведомился Шэд.

– Да всякое бывало... – уклончиво ответил Трип.

– А киль и корпус чем пропитывал?.. – Шэд забыл, зачем пришёл.

Однако Кол быстро ему об этом напомнил:

– Поболтаете об этом позже, девочки! А пока скажи мне – стоит этот корабль того, чтобы отдать двести латоров?

– Скажу так: если тебе действительно приспичило пободаться с Вастинеем, то в этом порту ты вряд ли найдёшь лучшее судно!

– Отличная рекомендация, старичок! – воскликнул Трип. – Я польщён до слёз! Ну так как, приятель, по рукам? – обратился он к Колу.

– По рукам, – почти радостно ответил тот. – Вот обещанные сто монет. Все сразу, – Кол достал весьма увесистый мешок. – Ещё столько же – по прибытии. Будьте завтра весь день на месте – мы пришлём людей с багажом. Сами прибудем ближе к вечеру. Выходим в семь вечера, когда будет уже совсем темно. Успеете подготовиться?

– Шутишь? – Трип стал неожиданно серьёзен. – Начнём прямо сейчас!

– Вот и славно! Тогда – до завтра!

Махнув на прощание руками, Кол и Шэд зашагали назад, тогда как близнецы остались на корабле.

– Ну что, изменил своё мнение? – с лёгкой насмешкой спросил Кол.

– Держи с ними ухо остро, приятель, – Шэд вновь был флегматичен и хмур. – Такие корабли, как у них, не строят, чтобы возить финики из Саррассы.

– Хочешь сказать, они – пираты? – у Кола вдруг засосало под ложечкой.

– Хочу сказать, что не стоило махать красной тряпкой у глаз быка. Твои фонтаны золота могут неблагоприятно сказаться на чьей-нибудь неустойчивой психике. Если есть возможность – вооружись до зубов; если у тебя есть преданные люди – возьми всех, кого сможешь. Да, на этом корабле можно пережить Вастиней, но только если тебя раньше не порешит собственная команда.

– Спасибо за предупреждение, приятель, – искренне поблагодарил Кол. – Надеюсь, что всё будет хорошо.

– Огульные надежды – удел идиотов, – громко сморкнувшись на дощатый настил причала, проворчал Шэд.

***

Кол вернулся в гостиницу довольно поздно, однако было решено, что нужно незамедлительно послать сообщение Варану. А это значило, что кому-то придётся прогуляться до публичного дома, в котором работала Лань. Кол категорически отказался снова идти «морозить себе задницу»; Бину, как мы помним, было велено не отходить от Мэйлинн. В итоге было решено, что если написать небольшую записку, то отнести её может кто угодно.

Кол вышел из номера, и через четверть часа вернулся с молодым парнишкой-портье, едва ли семнадцати лет от роду.

– Вот, мессир, его зовут Занк, и его смена уже окончена, – презентовал он юношу магу. – А главное – он не прочь заработать.

– Сможете выполнить одно простое поручение, юноша? – спросил у портье Каладиус.

– Да, мой господин, – незамедлительно ответил тот.

– Вы должны будете отправиться в одно... гм... заведение, найти там нужного человека и передать ему эту записку. На всё у вас уйдёт не больше часа, а по возвращении вы получите серебряный дор.

У юноши загорелись глаза – это было его жалование почти за полтора месяца.

– Я готов, мой господин! – отпрапортовал он. – Куда нужно идти?

– Вы отправитесь в один дом терпимости, – Каладиус подробно описал, как найти заведение. – И там спросите девушку по имени Лань. Запомните хорошенько: Лань, и никого другого! Если девушка будет занята – подождите прямо там. Затем незаметно передадите ей записку. Скажите, что если Варан не появится утром, пусть кто-то отнесёт сообщение ему. А затем спокойно возвращайтесь за заслуженной наградой!

– Но, мой господин... – юноша залился краской. – Чтобы меня допустили к этой Лани, мне нужно заплатить...

– Вы правы, и вот вам двадцать дорринов, – Каладиус пересыпал медные монеты в потную ладонь портье. – Насколько мне известно, вам потребуется именно столько. И учтите: я не буду ждать слишком долго! Вы идёте туда *только* за тем, чтобы передать сообщение! – Каладиус склонился над парнем, и тот густо покраснел.

– Я понял, мой господин, – пролепетал портье. – Могу я идти?

– Конечно, друг мой! – маг отчески улыбнулся и указал рукой на дверь.

После ухода портье все погрузились в ожидание. За это время Кол ещё и ещё раз рассказывал о «Залётной», о том, в каком восторге от неё остался Шэд, и, конечно же, о тех подозрениях, которые скипер высказал в отношении братьев.

– Что ж, значит будем держать ухо остро, – резюмировал Каладиус. – Уж надеюсь, что полтора десятка недотёп не станут серьёзной проблемой для шестерых бойцов вроде нас. А

может быть мы и вовсе зря беспокоимся! Всё будет хорошо! – последняя фраза относилась главным образом к хмурому Бину.

– Надеюсь, – Бин хотя и несколько повеселел, узнав, что их шансы выжить в море значительно повысились, но угроза пиратов вновь нагнала на него хандру.

– Вот что я скажу вам, мой юный друг, – Каладиус даже приобнял Бина за плечи. – Были времена, когда целые армии приходили в уныние, когда ожидали, что им придётся встретиться в бою с самым великим магом Каладиусом! А эти бедолаги, наверное, и вовсе в штаны бы наделали, узнай, кто плывёт с ними на корабле! Так что не будем беспокоиться.

– Что-то дорийцев вы не поразили громом небесным, насколько я помню, – Бин был настолько расстроен, что даже не заметил собственной дерзости.

– Ничего, теперь-то я буду готов! – рассмеялся Каладиус.

Так прошло порядка трёх четвертей часа, и в дверь раздался лёгкий стук. Это вернулся юный посланец.

– Как всё прошло? – поинтересовался Каладиус.

– Всё прошло хорошо, мой господин, – ответил парень. – Я сделал всё, как вы сказали. Передал записку девушке по имени Лань, сказал ей всё, что вы просили передать.

– И тут же ушёл? – добродушно подначил Кол.

– Да, господин, – парень потупил глаза и вновь залился краской.

– Вы полностью заслужили ваше вознаграждение, мой юный друг, – Каладиус протянул серебряную монету.

– А я даже знаю, на что ты его потратишь, – Кол заговорщически подмигнул и рассмеялся, а бедный парень даже не нашёлся, что ответить, тем более, что было очень похоже, что Кол угадал.

– Ну, хвала богам, каждый человек сам решает, на что ему тратить деньги, – проговорил Каладиус. – Вы можете идти, друг мой. Нужно ли мне говорить, что всё это должно остаться между нами?

– Нет, мой господин, – парень преданно взглянул на мага. – Я всё понимаю.

– Ну вот и славно! А теперь ступайте, друг мой!

Когда дверь за юношей закрылась, Каладиус обратился к присутствующим:

– Ну а нам, полагаю, стоит отправиться спать. Нам предстоит не самый лёгкий день. Если всё пройдёт без сбоев, завтра в это же время мы уже будем в море.

Было интересно наблюдать за тем, какие чувства отразились на лицах нашей троицы. Глаза Мэйлинн непроизвольно загорелись, и губы тронула мечтательная улыбка. Вот-вот должна была исполниться мечта её детства, и она сейчас плевать хотела на всяческие Вастиней и всяческих там пиратов. Бин напротив потемнел лицом, а в расширившихся глазах явно читался страх. Однако он, как мог, старался придать себе спокойный вид, и даже нашёл в себе силы улыбнуться Мэйлинн. Губы Кола были плотно сжаты, а в глазах читалась тревога. Причём он не слишком-то задумывался о возможных штормах – какой смысл думать о том, над чем ты не властен? Было видно, что он пытался предугадать ходы двух рыжих братьев и их команды. И было видно, что большинство вариантов видятся ему в весьма мрачном свете.

***

За час до полудня следующего дня Каладиус распорядился погрузить их багаж в нанятый неприметный фургон, чтобы отправить его на погрузку. Рыдван, кстати, было решено подарить мэтру Паллашу, который к этому времени уже начал аптечный бизнес, хотя пока без особого успеха.

Кол направился вместе с фургоном, чтобы лично наблюдать за погрузкой. Сейчас, в районе полудня, город был достаточно оживлён, чтобы в плотном потоке людей и всяческого гужевого транспорта их фургон не привлекал никакого внимания.

При свете дня «Залётная» выглядела ещё эффектней, чем ночью. Оба рыжих брата стояли, опершись на фальшборт. Увидев подъезжающего Кола, Трип, как обычно, заорал какие-то приветствия своим неприятным голосом, и бросился по трапу вниз, на причал.

Сейчас вся команда уже, судя по всему, была в сборе.

– Вот вся моя команда, – махнул рукой в сторону суетящихся моряков Трип. – Двенадцать человек, практически семья! Ну и мы с братом: я – шкипер, а мой недалёкий братец – боцман. Ты, кстати, можешь отгадать, старичок, куда этот придурок дел свои передние зубы? Теперь, когда знаешь, что он – боцман?

– Понятия не имею, – было заметно, что мысли Кола заняты другим, поэтому он слабо вслушивался в болтовню Трипа.

– А между тем всё очень просто! – заржал Трип. – Как-то во время сильной качки не удержался наш Кирп на ногах, да рожей о палубу шмякнулся. А он как раз в зубах дудку держал. Зубы долой, кровяца хлещет, а он – возьми и захрапи!

– Да я просто бухой был в говнище! – возмущённо прошепелявил Кирп. – А так не родилась ещё та волна, что сможет меня скопытить с ног!

– Да, это очень смешно, – даже не улыбнувшись, сказал Кол. – А почему не ведётся погрузка продовольствия?

– Так ведь погрузили уже всё... – развёл руками Трип.

– Всё? – сощурился Кол. – Так быстро? Хотелось бы взглянуть...

– Да пожалуйста, – с видом оскорблённой невинности Трип вновь направился к трапу. – Эй, лентяй! А ну-ка помогите господину разгрузить его багаж!

– Не надо, – быстро возразил Кол. – Со мной люди, которые сами отнесут всё куда нужно. Вы только покажите, где наши каюты.

– Каюты, – поправил Трип. – На нашем корабле только одна каюта. Наша с братом. Зато она просторная! Вы будете жить там, а мы, так и быть, перекантуемся с командой в трюме.

– Ну, так даже лучше, – если они задумают напасть, лучше быть всем вместе. – Тогда пусть покажут каюту, а мои люди разгрузят всё сами.

Не хватало ещё, чтобы эта матросня хватала вещи, среди которых, между прочим, был сундучок, набитый вексельями. Несколько задетый за живое Трип отдал нужные распоряжения, и приехавшая с Колом пара носильщиков стала бойко перетаскивать багаж. Кол же вместе с Трипом спустился в грузовой трюм.

– Но тут совсем немного продовольствия, – Кол был не специалистом в морских путешествиях, зато он хорошо представлял, сколько потребуется еды двадцати человекам в течение месяца. – Едва ли хватит на неделю...

– Ну, тут ещё не совсем всё, – глазки Трипа забежали. – Должны ещё подвезти. А вообще – запасёмся по ходу. Зайдём в Прант по пути.

– Я не знаю, будем ли мы заходить в Прант по пути, – ледяным голосом ответил Кол. – Но я знаю одно: к моменту, когда корабль отойдёт от причала, в его трюмах должно быть столько еды, чтобы можно было два месяца ни о чём не беспокоиться, если вдруг нас даже унесёт в открытое море. А главное – должно быть в достатке воды. Из расчёта – по галлону на человека в день. На два месяца.

– Да на кой столько воды – тонуть в ней, что ли? – удивился Трип. – Это ж бочек десять! Да лучше взять чего покрепче, а?

– А вот этого не будет! – отрезал Кол. – Весь алкоголь, что найду – отправлю за борт!

– Да ты с ума сошёл, старичок? – скорее изумился, чем возмутился Трип. – Да как же так? Что я скажу парням?

– Всего два слова: двести золотых, – тон Кола давал понять, что спор исчерпан. – Если не тупые – поймут. Повторю для невнимательных: еды и воды должно хватить на два месяца. И ни капли спиртного!

Трип, вроде бы, хотел что-то возразить, но затем передумал, и лишь безнадежно махнул рукой.

– Так ты всё понял насчёт еды и воды? – ещё раз поинтересовался Кол.

– Да чего ж не понять, – уныло ответил Трип. – Сейчас распоряжусь.

– И давай-ка не эконошь! Ты на мне и так наварился на пять лет вперёд!

– Будет сделано, – особого энтузиазма в голосе Трипа слышно не было, и Кол это подметил.

– Думаю, побуду-ка я тут пару часиков, – решил он. – Посмотрю, что да как.

Трип, шедший впереди, обернулся, и Кол заметил, как злобно блеснули его глаза в свете фонаря Кола. В ответ Кол лишь улыбнулся, хотя в душе обругал себя последними словами за то, что не додумался захватить меч. А вообще всё происходящее заставляло крепко задуматься.

Глава 43. «Нежданная»

Только после того, как на причал, у которого стояла «Залётная», потянулись подводы с продовольствием и водой, а матросы и грузчики, поминутно матерясь, принялись втаскивать всё это на борт, Кол отправился в гостиницу. Было уже около трёх часов пополудни, и времени оставалось совсем немного.

Вернувшись, Кол первым делом узнал о том, что в его отсутствие здесь была Лань, которая сообщила, что Варан получил их записку, и что он прибудет на причал примерно за десять минут до отплытия. Это была хорошая новость, которая позволяла не беспокоиться на этот счёт. Зато беспокойства по поводу предстоящего путешествия, и особенно по поводу компании, в которой его предстояло совершить, хватало с лихвой. Мэйлинн и Бин занимались последними приготовлениями, и Каладиус с Колом говорили наедине.

– Так вы говорите, что продовольствия было слишком мало? – насупив брови, переспросил Каладиус.

– По моим прикидкам – едва ли на неделю, а то и меньше, – сурово кивнул Кол.

– За неделю мы вряд ли доберёмся даже до Пранта.

– Я тоже так думаю, мессир.

– Значит?..

– Значит, они не планировали плыть достаточно далеко, я так думаю, – кулаки Кола непроизвольно сжались.

– То есть нас вывезли бы подальше от Найра, а затем просто пошвыряли бы в море? Это вы хотите сказать?

– Боюсь, что да, мессир. Поплавав несколько денёчков, благополучно вернулись бы в Найр, пропивать наши денежки.

– И как вы предлагаете поступить, друг мой?

– Прежде всего – нужно сообщить об этом всем, – начал Кол.

– Это само собой разумеется, – кивнул Каладиус.

– Дальше, я думаю, мы должны вооружиться до зубов. Причём – вооружиться так, чтобы это было заметно. Вам, мессир, не худо было бы надеть свой перстенёк. Пусть видят, что мы – опасная добыча. Может быть, тогда всё обойдётся?

– Очень сомневаюсь! – хмыкнул Каладиус. – Если люди изначально не были настроены на то, чтобы плыть через бушующее море, они и не станут этого делать. Может, попробовать поискать другой корабль?

– Это бессмысленно. Мы потеряем уйму времени, но не найдём ничего подходящего. Я думаю, что надо продолжать придерживаться плана. Уж если мы не боимся бросить вызов этому Вастинею, то чего нам бояться кучки этих недобитков? Главное, что мы предупреждены.

– Но если мы уйдём достаточно далеко до того, как начнётся мятеж, и если нам придётся значительно проредить доблестные ряды нашей команды – как мы поступим дальше? Без капитана, без боцмана?..

– Сомневаюсь, что им захочется уходить достаточно далеко, – мрачно качнул головой Кол. – Думаю, сегодняшняя ночь станет решающей.

– Вообще-то я тоже так думаю, – согласился маг. – Более того, может быть нам самим подстегнуть события? Перехватить инициативу?

– Вы хотите напасть на команду сами, мессир? – удивился Кол.

– Нет, конечно! – чуть улыбнулся Каладиус. – Но мы можем постараться заставить их раскрыться. Тогда, если дело кончится большой дракой, мы сможем направить корабль назад даже без капитана. Довольно будет нескольких матросов.

- Что ж, я всегда говорил, что если драки не избежать – надо бить первым.
- Но тогда, может быть, нам не стоит сразу раскрывать все наши карты? – глаза Каладиуса хитро блеснули.
- Что вы имеете в виду, мессир?
- Посмотрите на нас со стороны, глазами этих самых матросов, друг мой. Кого вы увидите?
- Ну... – замялся на секунду Кол.
- Вы увидите старика, – Каладиус ткнул себе в грудь, – Юную девушку – почти девочку, такого же зелёного юнца, немолодого ссохшегося баинина и всего двух мужчин, которые, *возможно*, чего-то стоят в драке.
- Я понял, – улыбнулся Кол. – Им будет проще раскрыть свои карты, если мы припрячем свои до поры.
- Именно так! Неожиданность – главный союзник, так зачем же её прогонять? – Каладиус также улыбался, и было видно, что его даже несколько захватил азарт предстоящего боя.
- Значит, мы либо силой принудим этих разбойников везти нас в Саррассу...
- Либо пошлём их ко всем дьяволам, и найдём других желающих походить на таком замечательном корабле!
- Да уж... – с уважением протянул Кол. – Смотрю я на вас, мессир, и страшусь представить – каким вы были несколько сотен лет назад.
- Вы льстите старому чудаку, друг мой, – хитро засмеялся Каладиус.

***

Около шести часов вечера, когда сумрак уже укутал причалы, путешественники прибыли на место. Кажется, что корабль был полностью готов к отплытию. Несколько матросов сновало по палубе, наводя последний марафет. Трое висели на вантах или ползали по реям и что-то кричали вниз – вероятно, проверяли паруса. Оба брата разгуливали по палубе, время от времени давая какие-то короткие команды. Но, когда подошёл экипаж, они оба бросились к трапу, чтобы встречать гостей, о которых они до сих пор ничего не знали.

Первым из экипажа выбрался Кол. Он обошёл карету сзади и снял какое-то приспособление, оказавшееся инвалидной коляской. Затем он по пояс окунулся в открытую дверь экипажа и, очень бережно поддерживая, помог выбраться из него Каладиусу, который старательно разыгрывал роль немощного старца. Мага усадили на коляску и укрыли тёплым пледом. Он сидел, сгорбившись и тряся понуренной головой. Кол покатил коляску к трапу, а тем временем из кареты выпрыгнул Бин и подал руку Мэйлинн, наглухо укутанной в плащ, которая с неловкой осторожностью выбралась наружу. Последним шёл Пашшан, неся в руках небольшую ручную кладь, которая ещё оставалась.

– Господа, – вскатив коляску по трапу, Кол изрядно задохнулся. – Разрешите представить вам моего почтенного отца. Он – весьма влиятельный сеньор, владеющий большими факториями в южном Латионе. А это – мой младший братец. По молодости и глупости всё ещё надеется, что получит серьёзное наследство, – Кол рассмеялся, когда Бин негодуяще фыркнул на него. – И моя сестрёнка. Она очень застенчива, так что не любит показывать посторонним своего лица, но можете мне поверить – она невероятно красива! Достаточно вам посмотреть на меня, чтобы это понять! – теперь рассмеялись и члены команды. – Ну а там – старый слуга нашей семьи.

– Для нас большая честь приветствовать на борту «Залётной» столь славное семейство! – на голове Трипа была нахлобучена широкополая шляпа, которую он галантно приподнял, кланяясь. – Сожалею, что не можем предоставить вам условий, приличествующих столь высоким гостям, но постараемся сделать всё, чтобы ваше путешествие стало прият-

ным и незабываемым. Меня зовут Трип, и я – шкипер этого корабля. Брат мой, по имени Кирп – наш боцман. Кроме нас на борту ещё двенадцать матросов, некоторых из которых вы можете видеть тут. А вон тот весьма любопытный субъект, – Трип кивнул на невысокого полного человека, прислонившегося к фок-мачте, скрестив на груди руки. – Это наш судовой кок. Именно он будет отвечать за нашу и вашу кормёжку. Обратите внимание – он одноногий! Это – гордость нашего корабля! Настоящий одноногий моряк! У него палка вместо правой ноги! Когда-то во время шторма сорвалась рея с грота, и раздробила ему ногу в труху! Эй, Джорн, ковыляй-ка сюда! Поздоровайся с господами!

Одноногий кок, отлепившись от мачты, похрамывая, приблизился к гостям и, неловко поклонившись, произнёс несколько приветственных слов простуженным голосом.

– Зовут этого оригинала Джорн Серебро, – отрекомендовал кока Трип. – Хотя по мне он – чистое золото! Обожаю его стряпню! Ладно, парень, давай-ка топай на камбуз! Удиви наших гостей сегодня вечером!

Джорн Серебро, молча кивнув, направился прочь.

– Ну что – не пора ли поднимать якорь? – осведомился Трип.

– Не пора, – ответил Кол. – Мы договаривались на семь, в семь и отойдём. Тем более, что мы ждём ещё одного человека. Он прибудет за несколько минут до отплытия. Впрочем, как только он ступит на корабль – тут же можно убирать трап и отчаливать.

– Ещё один родственничек? – поинтересовался Трип.

– Приятель, – пожал плечом Кол. – Ладно, теперь, когда все познакомились, ведите нас в каюту!

Каютa оказалась действительно очень просторной, но довольно убогой. Пахло в ней не слишком приятно, толстое стекло в окнах довольно сильно искажало вид, да и мебели почти не было. Тем не менее, Мэйлинн была в восторге. Лёгкое покачивание пола под ногами уже приводило Бина в уныние, но Мэйлинн, похоже, была на седьмом небе. Она, кажется, и думать забыла о грозящих ей опасностях.

– Пашшан, друг мой, – как только дверь каюты затворилась, Каладиус встал с кресла. – Прошу вас, принимайтесь за готовку. Провалиться мне на месте, если я отведаю хоть ложку стряпни этого Джорна Серебро! По-моему, если они не дураки, то воспользуются самым верным способом избавиться от нас. Так что я настоятельно требую, чтобы никто из присутствующих не ел и не пил ничего, что бы вам не предложили.

– Что касается меня, то я не буду есть до самой Саррасы, – кисло протонал Бин. – Меня уже тошнит.

– Я, вроде, пока в порядке, – сообщил Кол. – Но, подозреваю, когда пойдут настоящие волны, буду блевать, не переставая.

– Когда прибудет Варан? – спросила между делом Мэйлинн, порхая по каюте. К своему восторгу она нашла кипу карт и большой медный компас, и теперь увлечённо шуршала пергаментом.

– Думаю, что минут через двадцать-тридцать, – взглянув на часы, ответил Кол. – Пойду-ка на палубу, чтобы не прозевать.

– Кинжал у вас с собой? – тут же спросил Каладиус.

– С собой, – Кол похлопал рукой там, где под свободным плащом висел его кинжал. – Но не думаю, что он мне пока понадобится. Мы ведь ещё не в море.

– И всё же будьте осторожны, друг мой! Если что – не стесняйтесь звать на помощь.

– Уж будьте покойны! Если я только почувствую, что моей драгоценной шкуре что-то угрожает, буду верещать, как раненый заяц! – улыбнувшись, Кол вышел на палубу.

Действительно, прошло около получаса. До семи часов вечера оставалось меньше десяти минут, когда на борт по трапу скользнула чёрная тень.

– Эй, кто это? – тревожно воскликнул Кирп.

– Свои, – отозвалась чёрная тень голосом Варана.

– Это тот самый приятель, о котором я говорил, – Кол быстро подошёл к Варану и пожал ему руку. – Ну что, капитан, ждать нам больше некого, поэтому командуйте отход! Лучше прямо сейчас.

– Понял, – кивнул Трип и принялся раздавать команды.

Следом засвистела боцманская дудка Кирпа. Матросы стали взбираться на мачты, выпуская на свободу паруса. Вскоре раздался мягкий толчок, и корабль медленно стал отходить от причала. Морское путешествие началось.

– Ну что, как у вас дела, друг мой? – осведомился Каладиус, как только Варан вошёл в каюту. – Удалось напасть на след преследователей?

– К сожалению – нет, мессир, – устало ответил Варан. – Я уверен, что слежка за мной велась, но так и не смог никого заметить. Хотя сегодня я устроил им славную прогулку. Получив ваше послание, я решил попытать счастья ещё раз. Я взял в аренду лошадь и отправился за город. Уж там-то, как я думал, мне удастся скорее их обнаружить. Но – увы! Я скатался к водяной мельнице, стоящей в паре миль от города, попил там молока, полакомился мочёными яблоками, и, никого не заметив, отправился обратно. Иногда ощущение слежки возникало вновь. Я то гнал коня во всю мочь, то останавливался, пытая услышать топот копыт – но всё бесполезно. Неужели есть существа, способные на такое?

– Возможно – ассасины Ордена, – пожал плечами Каладиус.

– А может быть всё гораздо проще, – вдруг проговорила Мэйлинн. – И Варан чувствовал магическую слежку? Это многое бы объяснило.

– А ведь вы правы, дорогая! – Каладиус даже хлопнул себя по лбу. – Вот ведь я, старый болван! Ведь это же – классическая картина! Ну конечно же, друг мой, за вами следили при помощи магии!

– Орден? – спросил Варан.

– Должно быть, они, – согласился маг. – Но такое сильное и неотвязное заклятие можно объяснить только одним – маг, который осуществлял слежку, где-то неподалёку. Почти наверняка – в самом городе.

– Вот дьявол! – выругался Варан. – Значит, я напрасно два часа петлял по городу, пытаюсь сбить слежку со следа? Я был почти уверен, что мне это удалось...

– Вполне возможно, вам это удалось, друг мой, – успокоил Каладиус. – Подобная слежка – узконаправленна. Маг должен довольно точно представлять направление, в котором вас нужно искать. Так что ваша беготня, возможно, была отнюдь не бесполезной. Может быть, этот маг... или, скорее – магиня потратят ещё много-много времени, пытаясь понять, куда вы исчезли, учитывая, что вы теперь под надёжной защитой медальона Мэйлинн.

– Ну, хвала богам! – облегчённо выдохнул Варан. – Так, значит, всё уже позади?

– Увы, друг мой, всё ещё только начинается, – мрачновато улыбнулся Каладиус.

– Ты поспел к самой заварухе, приятель, – усмехнулся Кол. – Вон, кстати, там можешь взять свой меч. Боюсь, скоро он тебе понадобится.

– Что ещё случилось? – удивился Варан.

– Да не знаю даже, с чего и начать, – Кол с притворной задумчивостью почесал затылок. – С того ли, что мы собираемся плыть через страшнейший ураган, который можно только себе представить, на этом вот корыте? Или, может, с того, что команда этого корыта только и ждёт удобного момента, чтобы всех нас вырезать к дьяволам?..

– В смысле?.. – более умного вопроса Варану в голову сейчас не пришло.

– В прямом смысле, – подтвердил Каладиус. – Боюсь, друг мой, вы попали, как говорится, с корабля на бал!

– Скорее уж с бала на корабль, – усмехнулся Бин и широко заулыбался, когда его незамысловатой шутке ответил дружный хохот.

- Значит, будет драка? – Варан снова был хладнокровен.
- Хотелось бы надеяться, что нет, но, как сказал один мой знакомый, огульные надежды – удел идиотов, – развёл руками Кол.
- Да уж, с вами не соскучишься! – Варан взял свой меч с ножнами, чтобы приладить его за спину.

По мере того, как скорость корабля увеличивалась, усиливалась качка. Вскоре это в полной мере почувствовал Бин, которого стало тошнить. Вообще из всей компании на кораблях до сих пор ходили только Каладиус и Кол, да и то последний ни разу не выходил в открытое море, да и кораблями назвать те судёнышки было сложно. Тем не менее, Варан и Мэйлинн не проявляли никаких признаков морской болезни. Несколько позеленел лицом Пашшан, но он продолжал флегматично молчать, смешивая что-то в походном котелке.

– На улице темень – хоть глаз коли! – выглянул в окно Варан. – Если придётся драться в такой темноте – они будут иметь преимущество, поскольку хорошо знают свой корабль.

– Если дойдёт до драки, я освещу корабль не хуже королевского дворца в разгар карнавала! – пообещал Каладиус.

– Предлагаю немного отдохнуть и подготовиться, а затем я пойду пощупать почву, – проверяя, легко ли выходит меч из ножен, проговорил Кол.

***

– Мы наготове, – хлопнув Кола по плечу, произнёс Варан. – Как только решишь, что пора – бросай.

Речь шла о небольшом флаконе, который дал Колу Каладиус.

– Этого флакона хватит, чтобы корабль засиял, словно гигантская свечка, – сказал он. – Просто разбейте это о палубу. Это же станет и сигналом для нас.

Кроме того, Каладиус дал напиться Бину и Пашшану какого-то весьма горького настоя, который, однако, позволял вполне сносно удерживать внутренности внутри. И Бина, и Пашшана уже пару раз рвало, отчего и без того несвежий воздух каюты приобрёл характерный кисловатый запах. Тем не менее, сейчас оба выглядели настолько бодро, насколько это было возможно.

– Удачи, Кол, – проговорила Мэйлинн. Её пальцы побелели, стискивая арбалет.

– Мы не подведём! – твёрдо сказал Бин, держа в руках обнажённый клинок.

– Не сомневаюсь, – кивнул ему Кол и, не раздумывая, вышел наружу.

Погодка была та ещё – какая-то холодная морось стояла в воздухе, отчего все снасти, все деревянные и металлические части корабля были покрыты влагой. Ветер то налетал, то на время успокаивался. Волны шумели за бортом, пока ещё не слишком большие.

– Что, не сидится в тепле, старичок? – раздался голос сверху, с капитанского мостика.

– Да вот решил подышать перед сном, – вяло ответил Кол, поднимаясь по лестнице туда, где у штурвала стоял Трип.

– Уже спать собрались? – словно удивился Трип. – Девяти ведь нет ещё. Скоро ужин поспеет.

– Да мы уже поужинали, – ответил Кол.

– Что, брезгуете нашей едой? – какая-то волчья ухмылка рассекла лицо Трипа.

– Да просто иной раз бывает, что от незнакомой еды у людей так животы скрутит, что потом только в ящик и заколачивай, – Кол оперся о фальшборт неподалёку от Трипа, повернувшись к нему спиной.

– Да, я слышал о таком, – хрипло ответил шкипер. – А чего это у тебя там топорщится под плащом?

– А, это? – Кол взглянул так, словно сам только что заметил, что рукоять меча, выпирая, топорщит плащ. – Да так, фамильная драгоценность. Цепляю иной раз, чтоб девчонкам понравиться.

– Уж не меня ли ты за девчонку принял, старичок? – фальшиво рассмеялся Трип. – Или тебе наш Джорн Серебро так приглянулся?

– Да это я забыл снять просто, ещё как из города вышел, – отмахнулся Кол.

Трип промолчал, сделав вид, что поверил, хотя чётко помнил, что когда Кол поднялся на борт, никакого меча на нём не было. Помолчали. Трип исподтишка косился на Кола, тот же встал так, чтобы быть вполоборота к рыжему разбойнику. Было темно – луна была в самом начале роста, да и небо было укрыто плотными тучами. Несколько фонарей, горящих на шхуне, бросали слабые блики на воду, и волны хищно блестели, попадая в эти небольшие круги света.

– Холодная, должно быть, водичка, – сплюнув за борт, заговорил Кол.

– Да уж, должно быть, – согласился Трип. – А что – вздумалось поплавать?

– Да по своей-то воле я туда ни в жизнь не полезу, – Кол вдруг распрямился и взглянул прямо в лицо капитана. – Но ты же знаешь, *старичок*, как оно бывает... Попадутся иной раз вздорные соседи по кораблю, да решат силой искупать...

Какое-то время мужчины молча мерили друг друга взглядами. Трип отвернулся первым.

– Эй, братан! Поди-ка сюда, – крикнул он куда-то в темноту.

– Как я уважаю такую вот чистую братскую любовь! – насмешливо воскликнул Кол. – И минуты друг без дружки не проведут!

Послышались шаги – Кирп поднимался на мостик.

– Ты ведь давно понял, что мы не пойдём в Саррассу, – не спрашивая, а утверждая проговорил Трип.

– Угу, – Кол ограничился кивком.

– Но всё равно притащил на корабль всё своё семейство... – Трип покусал ноготь большого пальца правой руки. – Ты не кажешься дураком, но с самого начала вёл себя, как последний идиот. На что ты рассчитывал?

– Наверное, на то, что в мире есть люди, для которых данное слово что-то значит, – Кол напряжённо вглядывался в подошедшего к брату Кирпа, пытаясь понять – есть ли у того оружие.

– Слова в этом мире значат меньше, чем брызги, разлетающиеся от носа корабля, старичок! – Трип змеиным взглядом буравил Кола. – Что ты знаешь о себе такого, чего не знаем мы? Почему сунулся, зная, что это – засада?

– Ну, многие люди полны сюрпризов, – Кол положил руку на рукоять меча. – Может, и ты удивишь меня, согласившись всё-таки не дурить, а честно выполнить свою часть сделки. Ведь ты получишь немыслимые деньжищи, когда доставишь нас к месту!

– Мы похожи на идиотов? – прохрипел Кирп. – На кой дьявол нам переться в Саррассу? Разве тебе не рассказывали о Вастинее?

– А деньги и так, и так уже наши, старичок, – одарил Кола ледяной улыбкой Трип. – Они ведь на нашем корабле. Мой шнобель чует, что там куда больше двух сотен золотых!

– Значит, договориться – никак? – Кол медленно стал вынимать меч.

– Посмотри на нас, старичок, – Трип так же, не спеша, распахнул плащ и взялся за большой нож с широким лезвием. – Мы – умные люди. Вот и реши – станут ли умные люди за две несчастных сотни монет рисковать шкурами, плывя куда-то за тридевять земель? Или они поплавают денёк-другой неподалёку от гостеприимного Найра, а затем вернутся туда с полными кошельками?

– Тут сложно возразить, – согласился Кол. Меч был полностью свободен от ножен, и сейчас Кол легонько вращал им, грея кисть. – Но ведь есть вероятность, что деньги станут защищать.

– Кто? – фыркнул Кирп, извлекая на свет, или, скорее – на тьму, два тонких длинных кинжала, которыми обычно пользуются фехтовальщики для защиты. Однако Кирп, похоже, умел использовать их и для нападения. – Кто станет защищать? Старик? Девка? Пацан? Если даже посчитать вашего слугу – вас трое против четырнадцати! Или ты – живое воплощение Асса?

– Кто знает? – улыбнулся Кол. – Божьи пути неисповедимы.

– Ну так проверим, – с этими словами боцман сунул в рот свою дудку и издал несколько резких сигналов. Очевидно, это были условные сигналы к началу нападения.

И тут же Кол саданул о доски палубы флакон, который ему дал Каладиус. Это было прекрасное зрелище! Мириады зеленоватых огоньков разбежались по палубе, бортам, мачтам и парусам, заставляя весь корабль красиво мерцать мягким изумрудным светом. Свечение было не настолько ярким, чтобы слепить глаза, но на корабле моментально стала видна каждая щёлочка, каждая капелька воды.

И в этом зелёном свечении из трюма на палубу стали выползать тени. Эти тени были вооружены, и, судя по всему, очень опасны. Навстречу им из каюты выскочили другие тени. Их было всего пять, но, похоже, их это несколько не волновало.

– Всем стоять! – перекрывая шум волн и ветра, гаркнул Кол.

И почему-то все остановились. Так всегда бывает в большой драке насмерть – каждый ждёт момента, и каждый старается хотя бы ещё секунду задержаться в этом не залитом кровью затишье. Кроме того, моряки были поражены неожиданным волшебством.

– Пока ещё никто не умер, я предлагаю договориться, – голос Кола гремел над светящимся кораблём.

– То, что никто ещё не умер – это ненадолго! – яростно прошепелявил Кирп и бросился на Кола.

Глупец, вероятно, до конца не осознал серьёзность положения. В его недалёком мозгу ниточки так и не сплелись в один узор. Он по-прежнему видел в Коле изнеженного сынка богатого старого сеньора. Звук стали, рассекающей плоть, был не слышен в шуме стихий, и всё произошедшее было похоже на игру актёров в театре. Кирп, поднимая руки с кинжалами, ринулся к Колу, тот сделал скупой и выверенный взмах мечом, и тело боцмана, неловко повернувшись, мешком рухнуло на палубу. Кровь, веером вырвавшаяся из раны, казалась чёрной в сюрреалистическом свете.

– Ах ты... – Трип не успел сказать больше не слова.

Кол понимал, что пока кто-то из братьев ещё жив, о дальнейших переговорах можно и не помышлять. Поэтому он, едва тело Кирпа повалилось ему под ноги, одним прыжком оказался у штурвала и с силой вонзил клинок в грудь Трипа. Удар был так силен, что сталь на добрых пять дюймов вышла между лопаток пирата. Нож выпал из ослабевшей руки, а Кол, протаскив Трипа к борту, с силой толкнул его. Взмахнув руками, Трип беззвучно (или это ветер украл его последние слова?) рухнул в чёрную воду.

– Может, теперь поговорим? – задыхаясь, крикнул Кол оторопевшим пиратам.

– Вы отправитесь к дьяволам! – словно для того, чтобы усилить мелодраматический эффект, на мгновение стих шум ветра, поэтому негромкий каркающий голос Джорна Серебро был услышан всеми участниками фантасмагории. – Вперёд, парни!

Взревев, моряки ринулись на казавшихся беззащитными пассажиров. Старик, девка и пацан. Даже два старика. И лишь двое мужчин. Расклад ясен.

Но вот старик махнул рукой, и волна, тонкая и тугая, будто змея, хлестнула через всю палубу. Да с такой силой, что корабль накренился к левому борту. Сразу четверо матросов,

в числе которых был и корабельный кок, были сбиты с ног. Их, словно тряпичных кукол, ударило о палубу, затем о фальшборт, который, не выдержав удара, проломился, и выбросило в море.

Несколько матросов в растерянности остановилось, но трое или четверо продолжали бежать, подняв топоры, тесаки и сабли. Один за другим, двое из них вдруг подломились, словно наткнувшись на невидимые препятствия. Мэйлинн опустила арбалет и сноровисто, без спешки, стала его перезаряжать.

Бин, который устал чувствовать себя трусом, с яростным криком выскочил вперёд, прежде чем его смогли удержать. Он выставил вперёд клинок, закрывая им голову. На меч тут же обрушился abordажный топор. Кисть руки Бина неловко вывернулась, и меч, звякнув, отлетел в сторону. Бин вскрикнул от боли и ужаса, видя, как бородатый пират заносит над ним страшное оружие. Но тут его схватил и дёрнул назад Варан, сам змеей перетекая под таким неуклюжим и медленным топором. А затем Глаз Варана алчно вонзился в горло врага, и борода пирата вмиг промокла от крови.

Четвёртый нападающий, видя, что остался в одиночестве, резко затормозил, но оскользнулся на мокрых досках. Он проехал почти под ноги к стоявшим Каладиусу и Пашшану. Баинин занёс было свой полустест-полукопье, намереваясь пригвоздить разбойника к палубе, но маг проворно схватил слугу за руку. Пират с расширенными от ужаса, безумными глазами, стал отползать назад, скользя подошвами сапог. Тесак, который он держал в руке, выпал и отлетел в сторону, задетый судорожно скребущей палубу рукой.

Теперь силы вновь стали неравны, однако изменчивая фортуна качнула чашу весов в другую сторону. Шестеро путешественников противостояли всего пятерым оставшимся в живых разбойникам. И исход этого противостояния не вызывал ни малейших сомнений у всех участников конфликта.

– Теперь поговорим? – Кол спустился на палубу с мостика. Меч его был опущен, но не убран в ножны.

Все матросы, как по команде, закивали головами. В их лицах читались обречённость и ужас. Всё оружие они побросали на светящуюся мертвенным светом палубу.

– Ваша подлая затея провалилась! – прокричал Кол. – Вы проиграли и живы лишь по нашей милости. Осознаете ли вы это?

Нестройный хор заискивающих голосов подтвердил, что они всё осознают.

– Понимаете ли вы, что каждый из нас способен убить нескольких таких, как вы? – сурово спросил Кол и вновь получил полное согласие.

– Мы должны вернуться в Найр. Сможете ли вы управлять судном впятером?

– С парусами сложновато будет управиться... – промямлил один.

– Я помогу! – тут же воскликнула Мэйлинн. Кол машинально отметил, что в её лице было не так много сожаления по поводу двух новых жизней, которые она отняла. Сейчас лирра с воодушевлением и восторгом представляла, как полезет по вантам.

– Я тоже могу помочь, – бережно оттирая с клинка мельчайшие частички крови, проговорил Варан.

– Что ж, вас пятеро, да нас трое – этого должно быть более, чем достаточно! – подытожил Кол. – Главное – объясняйте нам, что делать, на понятном языке. Чтоб никаких там фок-бизань-рей и форштевней с румбами! В крайнем случае подойдёт матерщина.

– А я уверен, что вполне неплохо смогу управиться со штурвалом, – потёр руки Каладиус.

– Да у нас, считай, готовая команда! – усмехнулся Кол. – Может, идём на Саррассу?

– Легко! – весело откликнулась Мэйлинн.

– Ладно, пора приниматься за работу! – картинно засучил рукава Кол. – А ну, разбойнички, командуй!

***

Ветер был противный, поэтому обратный путь занял почти три часа. Наконец сквозь сырую темень показался свет найрского маяка, а затем и огни на башнях, и городские огни. Сама «Залётная» к тому времени совершенно перестала светиться.

Удивительно, но наши друзья весьма неплохо справились с задачей. Конечно, руки были в мозолях, кто-то защемил или ушиб пальцы, да и усталость была просто изматывающей, но они действительно сделали это! Мэйлинн была на седьмом небе от счастья. Она даже ни разу не вспомнила об убитых ею матросах, которых побросали за борт после схватки.

Каладиус приказал бросить якорь примерно в трёх кабельтовых от причала, от которого они отчалили всего несколько часов назад. Была почти полночь, и маг предложил отправиться на берег на следующий день, однако Кол был убеждён, что времени терять нельзя. Так что на воду была спущена шлюпка, в неё сели Кол с Пашшаном, а также двое матросов-гребцов, и они отплыли к берегу.

Почти через час после полуночи Кол вошёл в таверну «Старый боцман». Народа здесь было уже немного, официантки убрали со столов и протирали залитые элем доски. Лишь с десяток посетителей всё ещё упорно не хотели уходить. Кол вздохнул с облегчением – среди этого десятка он увидел привалившегося спиной к стене и подрёмывающего Шэда Кошку.

– Привет, приятель! – подойдя, Кол слегка толкнул стол, за которым сидел Шэд, носком сапога.

Кошка немедленно раскрыл глаза.

– Ты? – непонимающе прохрипел он. Видно, спросонья, да после нескольких кружек эля, мысли довольно медленно ворочались в его черепушке.

– Я, – широко улыбнулся Кол.

– Но ты же ушёл с этими рыжими недоносками на их шхуне...

– Как ушёл, так и вернулся.

– Что – не подошли они тебе? – Шэд уселся ровно и пригладил позвякивающую золотыми бородами.

– Не очень, – печально вздохнул Кол. – Сперва-то всё было неплохо. До тех пор, пока они не попытались нас прирезать.

– Ну я же говорил! И что ты теперь будешь делать?

– Как обычно – искать человека, который отвезёт меня в Саррассу.

– Я уже сказал, что не возьмусь.

– Но ты ещё не слышал моего нового предложения, – хитро улыбнулся Кол.

– Сразу неинтересно! Что бы там ни было, я не выйду в море на радость рыбам! – проворчал Шэд.

– Но ты же говорил, что с Вастинеем можно пободаться, кабы ты был на «Залётной»...

– Если бы, да кабы... – Шэд заглянул в свою кружку, в надежде найти на её дне хотя бы немного эля.

– Ну так вот моё предложение, – Кол отнял кружку у Шэда, чтобы тот сосредоточил всё своё внимание на нём. – Я даю тебе «Залётную», а ты доставляешь меня в Золотой Шатёр.

Челюсть у Шэда отвалилась, и золотые монеты звякнули по столешнице.

– Что?.. Что ты сказал? – кое-как выдал он.

– То, что ты теперь – капитан «Залётной», если, конечно, тебя это интересует.

Какое-то время Шэд неподвижно сидел, немигающим взглядом глядя на лыбящегося Кола. Но затем его лицо вновь стало мрачным.

– Ну что? – воскликнул Кол. – Что тебя опять не устраивает?

– Название, – хрипло произнёс Шэд. – Мой корабль не будет называться «Залётной»! Теперь эту красавицу будут звать «Нежданная»!

Глава 44. Море

Новоиспечённый капитан «Нежданной» оказался весьма расторопен. Той же ночью он прибыл на борт своего корабля, успев по пути прихватить пятерых своих матросов. Вместе они вновь подвели шхуну к причалу. Шэд придирчиво оглядел запасы, сделанные его предшественником и попросил Каладиуса дать ему двенадцать часов, чтобы пополнить недостающее. Маг согласился, но весьма неохотно. Соседство с таинственной магией заметно действовало ему на нервы. Только ли Варан находился у неё на крючке, и действительно ли мастеру Теней удалось стряхнуть с себя слежку перед тем, как пробраться на корабль? Однако плыть, не подготовившись как следует, было довольно глупо. Так же, как и плыть с не полностью укомплектованной командой.

Шэд объявил, что вся команда «Мурены» перейдёт на «Нежданную». Пятерым пиратам, оставшимся в живых, милостиво предложили выбор. Каладиус не хотел связываться с властями, поскольку это привело бы к ненужной задержке и лишним расспросам, а марать руки новой кровью никому не хотелось. С благословения Каладиуса Шэд предложил этим пятерым либо присоединиться к новой команде, либо проваливать на все четыре стороны.

Надо сказать, что выжившие, судя по всему, обладали достаточным благоразумием – трое из пяти, не раздумывая, попросились на берег. Избежав смерти в бою, они не хотели расстаться с жизнью в море. Ещё один молча размышлял некоторое время, но в итоге тоже присоединился к своим трём товарищам. И лишь один из моряков – тот самый, которого едва не убил Пашшан и спас Каладиус – решительно попросил разрешения остаться.

– Вы, вроде как, мне жизнь спасли, мессир, – просто объяснил он. – И это вопреки тому, что мы вас перебить собирались. Так что я, выходит, ваш должник.

– Хорошо, ты в команде, – кивнул головой Шэд. – Но я буду хорошенько присматривать за тобой, парень. И, не дай боги, мне хотя бы *покажется*, что с тобой что-то не так...

– Да, капитан! – моряк приложил руку к засаленной матросской шапочке и слегка склонил голову.

– А сейчас – марш кровищу убирать! Чтоб утром, как взойдёт солнце, мой корабль выглядел так же невинно, как юная пастушка на лугу!

– Да, капитан! – на лице бывшего пирата не выразилось ни малейшего недовольства. Снова козырнув, он направился за щёткой.

– Боюсь, мессир, что не все мои ребята решатся на такое плавание, – озабоченно произнёс Шэд.

– А разве вы не можете приказать?

– Даже если бы и мог – не стал бы. Или вам оказалось недостаточно одной беспокойной команды?

– Сможете найти недостающих людей?

– Думаю, что смогу, мессир. Это станет ясно завтра, когда я пойму, скольких людей мне не хватит.

Наутро у «Нежданной» вновь началась суета. Шэд точно указал, чего недостаёт в трюмах корабля, и теперь ящики и бочки подвозились и разгружались дюжими молодцами, среди которых Кол со смешанным чувством радости и неловкости узнал ту самую компанию, с которой они в своё время знатно переведались в «Трёх китах», а затем с ними же он провёл несколько угарных вечеров. Однако теперь эти парни (среди них, кстати, уже не было мелкого вонючки, из-за которого разгорелся весь сыр-бор) лишь дружелюбно кивнули Колу и Варану, и тут же принялись за работу, соблюдая субординацию между простыми портовыми грузчиками и хозяевами судов.

Довольно быстро подтянулась команда «Мурены» – моряцкая «почта» сработала очень оперативно. К радости Шэда лишь несколько моряков, потупившись и покраснев, отказались от похода. Остальные же – либо связанные преданностью и словом, либо обуреваемые жадной золотой, которое щедро обещал капитан – согласились. А поскольку «Мурена» была трёхмачтовой шхуной, то и команда там была поболе, чем требовалась «Нежданной», так что капитану Шэду даже не пришлось трудиться, чтобы подыскать новые кандидатуры – согласившихся матросов хватало с избытком.

Интересно, что «Нежданная», имея на одну мачту меньше «Мурены», не так уж сильно уступала ей по водоизмещению. А уж по качеству сборки и, судя по всему, по ходовым качествам – намного превосходила. Поэтому матросы вели себя, словно дети, заглядывая в разные углы, трогая всё вокруг, и только что не пробуя на зуб. А уж Шэд Кошка, счастливый владелец целых двух судов, и вовсе был на седьмом небе от счастья.

– Чувствую себя почти адмиралом! – с мостика прокричал он слоняющемуся по палубе Колу. – Почаще бы таких клиентов – так, глядишь, лет через десять собрал бы собственную эскадру!

– Когда отчаливаем? – в ответ крикнул Кол.

– Да, думаю, через час-полтора уже можно, – ответил Шэд. – Последние штрихи остались!

Действительно – трое краснодеревщиков сейчас упорно трудились, латая пробитый фальшборт, и работы оставалось максимум на час. Палуба шхуны была выскоблена и вымыта, так что следов вчерашнего побоища найти было невозможно. А тут вдруг ещё появилась пара кузнецов, которые на тележке привезли две доски, на которых красовались металлические буквы, складывающиеся в слово «Нежданная».

– Красота какая! – просияв, воскликнул Шэд. – Давайте-ка, крепите к носу!

«Залётная», по обычаю кидуанских корабелов, имела лишь широкую кормовую доску с названием, которая была уже содрана, а место, на которой она красовалась, было тщательно обработано и покрыто лаком. Шэд же заказал себе две носовые доски – по одной с каждого борта, как это обычно делалось в Пунте.

– Ну вот теперь всё готово! – удовлетворённо констатировал Шэд, когда обе доски заняли свои почётные места, а фальшборт был отремонтирован так, что лишь более светлый тон дерева выдавал то место, где недавно была дыра. – Разрешите отчаливать, мессир?

– В путь! – весело махнул рукой Каладиус.

***

Шхуна, слегка подрагивая, бежала вперёд. Как и накануне, ветер был попутным, так что Шэд не мог нарадоваться ходовым качествам своего нового судна. Зимнее солнце по низкой дуге скользнуло на небосклоне, и сейчас приближалось к кромке суши. Переменная погода подарила путешественникам красивую и весьма символическую картину – почти чистое от туч небо над Найром было пронизано бледными и прозрачными солнечными лучами, а прямо по ходу, со стороны океана небеса чернели низкими жирными тучами, предвещая непростое путешествие. И именно в эти тучи бежала по волнам «Нежданная».

Мэйлинн стояла на носу корабля. Она вглядывалась вперёд со смешанным чувством тревоги и восторженного возбуждения. Холодный, пахнущий солью ветер трепал её волосы – теперь она позволила себе снять капюшон, ведь путешествовать предстояло около месяца, и в течение этого времени утаить то, что она – лирра, в таком небольшом пространстве было просто невозможно. Матросы косо поглядывали на неё, некоторые откровенно дичились, но никаких вопросов или комментариев никто себе не позволял. Шэд же и вовсе сделал вид, что ничего особенного не произошло.

– Прорвёмся, – раздался рядом голос Кола.

– А кто сомневается? – задорно ответила она.

– Пойдём в каюту, – чуть помолчав, вновь заговорил Кол. – Холодно.

Мэйлинн и правда уже замёрзла, поэтому без лишних возражений последовала за Колом.

При помощи кусков парусины каюта была разделена на три части. Две «комнаты» в дальней стороне у окон были отданы Мэйлинн и Каладиусу. Остальные постелили себе спальные мешки на полу оставшейся части каюты. Благодаря стараниям Мэйлинн и Каладиуса воздух в помещении стал куда приятней и свежее. Пашшан, несмотря на то, что он продолжал маяться от морской болезни, был отправлен на камбуз. Для Каладиуса, видимо, не существовало достаточно веских причин для того, чтобы пропустить ужин.

Другая жертва моря – Бин, – прикрыв глаза лежал в спальном мешке, иногда судорожно сглатывая и морщась. Незадолго до этого он попросил у Каладиуса ещё того зелья, которое помогло справиться с тошнотой во время боя.

– Увы, друг мой, – покачал головой Каладиус. – Злоупотребление сим эликсиром будет иметь для вас самые печальные последствия. Поэтому вам придётся привыкать к качке. Поверьте – проблема у вас в голове. Чем быстрее вы смиритесь с тем, что в ближайший месяц вам суждено провести в болтающемся по волнам судне, тем быстрее излечитесь.

Хвала богам, но ни Пашшан, ни Бин не страдали чрезмерно. Так что стоило надеяться, что в ближайшее время им удастся адаптироваться к этим новым условиям.

– Что нас ждёт в ближайшие дни, капитан? – осведомился Каладиус у Шэда, когда тот зашёл, чтобы узнать, как обстоят дела у его пассажиров.

– Не думаю, что что-то очень хорошее, – хмуро пожал плечами Шэд. – Сам я ни разу не бывал в море в это время года, так что могу судить лишь по рассказам, скорее всего – несколько преувеличенным. Но если верить тому, что говорят, нам стоит начать молиться.

– Но, если станет совсем жарко – разве нельзя причалить к берегу и переждать шторм? – спросил Кол.

– Ни в коем случае! – возразил Шэд. – Во-первых, мы не знаем здешних берегов, поэтому нас либо выбросит на берег, либо посадит на мель, либо разобьёт о подводные камни. А во-вторых, во время шторма кораблю лучше быть подальше от берега.

– Это ещё почему? – озадачился Кол. – Мне-то казалось, что лучше быть ближе, чтобы в случае чего суметь добраться вплавь...

– В этой воде ты не проживёшь и четверти часа, – покачал головой Кошка. – А на отмелях вблизи берега волны гораздо больше и опасней, чем в открытом море.

– Так мы выйдем в открытое море? – спросила Мэйлинн.

– Нет, госпожа, на это я не решусь. Да нам это и не требуется. Пойдём в виду берега – так будет проще всего. И наша задача – добраться восточной оконечности Дорийского полуострова. Как правило, моряки именно эту точку считают границей безопасности. Южнее Вастиней нам уже будет не страшен. Там море достаточно тёплое до сих пор. Но вот Доронский залив... Пожалуй, это будет самое тяжкое место.

– И когда мы до него доберёмся? – спокойно, словно речь шла о соседней деревушке, осведомился Каладиус.

– Если ничего не изменится – дней через шесть.

– А что может измениться? – поинтересовался Кол.

– Здесь? – Шэд взглянул так, словно вопрос его удивил и позабавил. – Да всё, что угодно! В это время года ветер вдоль течения Вастиней дует словно во все стороны сразу. Пока он сопутствует нам, но это может измениться в любую секунду. И куда вздумается ему дуть тогда – не ведают даже духи моря. Да и волна пока не сильная. Дальше будет хуже.

Бин мученически застонал.

– Что, друг, укачивает? – полусочувственно-полунасмешливо осведомился Шэд, но ответа так и не получил. – Ничего, это скоро пройдёт. А пока, если совсем плохо, мой тебе совет – оденься потеплее, да выйди на палубу. Там качать будет меньше. Сядь к гроту – там качает ещё меньше. Моряки говорят, что хорошо элем лечить морскую болезнь. Не знаю – не пробовал... Меня от этой напасти Арионн уберёт.

Бин полежал-полежал, обиженно сопя, но затем вдруг встал и стал неуклюже напяливать на себя тёплый плащ, поминутно стелая сквозь зубы.

– Я с тобой, – тут же вызвалась Мэйлинн, вновь запахивая свой плащ, который ещё даже не успела снять.

– Ты же ещё не согрелась! – запротестовал Кол.

– А ты мне что – отец? – усмехнулась Мэйлинн и, показав Колу язык, выпорхнула на палубу.

Следом, вздыхая, вывалился Бин. На негнущихся ногах он доковылял до грот-мачты, и мешком плюхнулся на задницу. Прикрыл глаза, подавляя новый приступ тошноты. Да, кажется, здесь и правда укачивает куда меньше.

– Жалеешь, что пошёл со мной тогда? – Мэйлинн опустилась рядом, сев на полы собственного плаща.

– Шутишь? – Бин открыл глаза и взглянул на лирру. – Ни одной секунды не жалел.

В данный момент Бин совершенно не лукавил – он действительно напроочь забыл свои душевные терзания, испытываемые в Найре.

– Кто бы мог подумать, что мы заберёмся так далеко... – полуприкрыв глаза, протянула Мэйлинн. – Я мечтала оказаться на палубе корабля с самого детства, с тех пор как кормилица стала читать мне сказания о древних лирийских мореходах.

– А я как-то о таком никогда не мечтал, – скривился Бин. – И теперь понимаю – почему.

– Всё ещё не легче? – участливо спросила Мэйлинн.

– Легче, – и это почти не было ложью. Бин устался на темно-сизое облако, медленно плывущее в сторону берега, и это тоже очень помогало – оказывается, в мире не всё ходит ходуном.

– Боишься? – вдруг спросила Мэйлинн.

Бин перевёл взгляд на её лицо. Она не издевалась, она не смотрела с унижительной жалостью – она просто интересовалась.

– Конечно, – слегка пожал плечами Бин. – Да я этого и не скрывал.

– Я тоже, – призналась Мэйлинн. – Сейчас, когда я на корабле, всё моё естество вопит от ужаса: что я вообще тут делаю? Как и зачем оказалась тут?

– Заливаешь!.. – недоверчиво возразил Бин.

– Нисколько! – голос Мэйлинн был совершенно искренен. – Меня ужасает отстранённость, неуправляемость, бездушность и бездумность окружающей меня стихии. Ведь ей абсолютно всё равно – есть мы, или нас нет. И, самое главное, мы ничего, ну почти ничего не можем с ней сделать. Лучшее, что мы можем – держать паруса по ветру. Мы – хрупкие былинки в руках неразумного дитя. И неясно, что он сделает с нами в следующей момент – отбросит в сторону, или сломает.

– Вот уж не подумал бы, что у тебя в голове такие мысли... – пробормотал Бин. – Посмотришь на тебя – так ты вся светишься от счастья.

– И это тоже, – тут же согласилась лирра. – Знаешь, это очень странно, но меня переполняет сразу и ужас, и восторг. И я сама не пойму – то ли я ужасно восторгаюсь, то ли восторженно ужасаюсь.

– Как всё сложно, – усмехнулся Бин. – Вот у меня всё гораздо проще. Я точно знаю, что будь моя воля – меня бы тут не было.

– А я вот наоборот – точно знаю, что была бы тут в любом случае, будь у меня такой выбор. Потому что это чувство ужаса мне... на самом деле оно мне нравится! – несколько удивлённо даже закончила Мэйлинн, словно открыв что-то новое для себя.

– Кол всегда говорил, что ты – необычная, – Бин почувствовал некую неловкость и снова вперился взглядом в облако.

– Да, я помню, – приснула Мэйлинн. – Несмотря на то, что он знал женщину с тремя грудями.

– Вроде бы даже с четырьмя, – Бин тоже рассмеялся. Эти воспоминания подействовали словно дуновение тёплого воздуха здесь, на холодной сырой палубе.

– Подумать только – мы в пути уже четыре месяца... – задумчиво протянула Мэйлинн. – Даже не верится. Это ведь – треть года! Ты очень скучаешь по дому?

– Даже не знаю... – Бин задумался и понял, что он на самом деле почти даже не вспоминает о своих родных. – Как-то некогда... Кто бы мог подумать, что со мной, простым парнем из трущоб, столько всего произойдёт! Что я побываю в таких местах, о которых большинство моих бывших приятелей даже не слышали.

– Что ты будешь путешествовать в обществе самого великого мага Каладиуса! – подхватила Мэйлинн. – Я и сама в это не могу иной раз поверить. Особенно по утрам, когда просыпаюсь и вспоминаю события прошедших дней. И тогда я ловлю себя на мысли: а правда ли всё то, что со мной произошло, или это всего лишь сон, и я по-прежнему живу в Наэлирро в одной комнате с Оливой?

– У меня тоже так бывает, – Бин следил глазами за медленным движением облака; тошнота, как будто бы, отступила. – Удивительно всё-таки. Если бы я попытался пройти испытание Гильдии в другой день, или если бы ты сбежала из замка на денёк раньше, или позже... Или если бы ты отправилась другой дорогой... Мы никогда бы не встретились, и ничего этого бы не было.

– Ну, если не считать, что тебя могли бы просто повесить, а просто представить, что вообще ничего этого бы не было – жил бы себе, как жил, работал бы на складах... Неужели такой расклад был бы хуже нынешнего?

– Конечно хуже! – горячо вскричал Бин. – Ничего себе! Конечно хуже!

– А чем? Жил бы себе спокойно, помогал бы отцу с матерью, следил бы, как растёт сестрёнка... А теперь? То пыль, то горы, то море, то гоблины... А уж сколько схваток пережил...

– Ну и что! Зато я чувствую, что живу полной жизнью! А главное... – Бин замялся, но затем, решившись, выпалил. – Главное, что в моей жизни теперь есть ты!

– Да уж – великое приобретение! – рассмеялась Мэйлинн. – Посчитай-ка, во сколько различных неприятностей я тебя успела втянуть за последние четыре месяца!

– Ради тебя можно стерпеть и не такое, – Бин чувствовал себя как человек, оскользнувшийся на остром скалистом гребне, и теперь скользящий вниз, всё наращивая скорость, в сонме камешков и облаке пыли. – Пусть будет что угодно – лишь бы ты была рядом! Знаешь, Мэй...

– Знаю, – быстро перебила его лирра. – И я очень ценю это. Ты мне тоже дорог, Бин. Очень дорог...

– Но... – горько продолжил за неё Бин.

– Это «но» не мною придумано. Прости, но я думаю, что будет лучше, если мы оставим всё, как есть. Я очень не хочу делать тебе больно, поэтому, прошу, не заставляй меня, – в глазах Мэйлинн стояла, дрожала набухающими слезами неизбывная боль. Она ведь была не глупа и не слепа, поэтому отлично видела, как относятся к ней Бин и Кол. И это заставляло её страдать снова и снова, изо дня в день.

– Забудь, Мэйлинн, прошу тебя! – в отчаянии, но не от того, что разбились его мечты, а от того, что ранил Мэйлинн, вскричал Бин. – Всё в полном порядке! Мы – друзья! Лучшие друзья! И я за тебя любого порву! Конечно, если смогу... – чуть смущённо добавил он.

– Спасибо, Бин, – просто ответила лирра и пожала его влажную прохладную руку.

Помолчали. После сказанного и подуманного сложно было подобрать слова для продолжения разговора.

– Интересно, а что будет потом? – наконец подал голос Бин, сглотнув кислую слюну. – Ну, когда мы доберёмся до Белой Башни?..

– Я не знаю, – Мэйлинн откинулась спиной к мачте и смотрела куда-то вдаль. – Я вообще не могу себе представить будущего. Мессир Каладиус по полочкам разложил наш путь до Башни, но даже он не может сказать, что ждёт нас там. И уж подавно у меня нет ответа на то, что будет после.

– Я не могу себе представить, что в какой-то момент каждый из нас просто возьмёт и пойдёт своей дорогой... – жалобно проговорил Бин. Рот всё наполнялся едкой, воняющей рвотой слюной, и юноша судорожно и тяжело сглатывал её до боли в кадыке.

– Но ведь это зависит только от нас, – лирра перевела взгляд на него. – Мы расстанемся только если сами того захотим.

– Или если так будет надо...

Или если я умру, – с тоской подумал Бин. Они вместе четыре месяца. Это – третья часть года. Если как следует посчитать, то это – примерно шестидесятая часть прожитой им жизни. Им и Мэйлинн. Но впереди у него – хорошо если полторы сотни таких частей осталось. А у Мэйлинн? Три сотни? Четыре? Проклятые боги!

– Всё будет хорошо, – Мэйлинн вновь взяла его за руку, но на этот раз не отпустила.

Так они сидели, держась за руки, и глядя в темнеющее от набегающих туч небо. В голове Бина звенел пустой металлический шар. Он заполнял собою весь мозг, и мысли просто отскакивали от него, не проникая в сознание. Холодная и отстранённая мысль пронеслась и исчезла – мысль о том, что скоро, когда этот шар исчезнет, ему, Бину, будет очень больно. До сегодняшнего дня он мог ещё греть себя безумными надеждами, что *что-то* может получиться, но сегодня были сказаны, точнее, недосказаны те самые слова, что разбились в прах все его надежды. И лишь милосердное оупение пока защищало сердце от режущей правды.

– И снова дождь, – проговорила Мэйлинн, когда тяжёлые холодные капли стали разбиваться о палубу. – Пойдём-ка внутрь!

Дождь снова смешался с огромными хлябками хлопьями снега, и довольно больно сёк по открытой коже, бросаваемый порывами ветра.

– Да, пожалуй, – Бин неуклюже поднялся. – Вроде мне уже заметно полегчало.

Ах, если бы это было так! Если бы всю оставшуюся жизнь единственной его проблемой была морская болезнь! Стиснув зубы, Бин поплёлся в каюту.

– Кажется, надвигается шторм! – крикнул им с мостика Шэд, указывая на приближающиеся тучи. – Проверьте, чтобы все ваши вещи были хорошенько закреплены! И, пожалуй, начинайте молиться тем богам, в которых веруете. А-ну рифить фор-марселя, бродяги! – гаркнул он матросам.

Глава 45. Шторм

Вскоре действительно стал заметно крепчать ветер, причём его порывы били как будто со всех сторон сразу, так что ветер создавал впечатление щенка, кружащегося в попытке схватить собственный хвост. Также стала подниматься волна, и корабль стал раскачиваться заметно ощутимее, что тут же было отмечено внутренностями Бина. Забившиеся в каюту путешественники сейчас совершенно не завидовали морякам, вынужденным управляться со снастями на пронизывающем ветру. А ещё было заметно, что всем им страшно. Даже Каладиусу.

Пол под ногами раскачивался всё сильнее. Конечно, пока ещё нельзя было сказать, что он ходил ходуном, но все понимали, что вскоре дойдёт и до этого. Все личные вещи, особенно те, что могли разбиться или причинить вред, были хорошенько замотаны в ветошь и упрятаны в довольно просторные рундуки, надёжно прикрученные к стенам и полу.

Все собрались в «большой комнате», то есть той части каюты, которая служила общей спальней для четверых мужчин. Несколько висящих на стенах ламп, визгливо поскрипывая, освещали пространство, однако была опасность, что вскоре их придётся гасить, поскольку масло угрожало выплеснуться, а тогда ситуация могла значительно усложниться. Хорошо, что в стену было вкручено несколько грубых подсвечников, так что в конце концов лампы всё-таки были погашены, а вместо них зажгли три свечи, которые, конечно, гораздо хуже разгоняли мрак, но зато не грозили пожаром.

— Подумать только, когда-то мне казалось, что в нашем рыдване слишком укачивает, — пытаюсь говорить шутливо, произнёс Каладиус.

— Да уж, как бы там ни трясло, а одно явное преимущество у него всё-таки было — он не мог утонуть, — откликнулся Варан.

— Ну, вообще-то мог, — попытался пошутить Кол. — Если бы мы вздумали переплывать океан на нём, то вряд ли отошли бы далеко от найрского порта.

Даже такая слабая и несмешная шутка пришлась весьма кстати. Боевой дух наших друзей сейчас едва ли можно было бы назвать высоким. Помимо воли они постоянно прислушивались к шумам за стенами — всё нарастающему вою ветра, мягким, но тяжёлым шлепкам волн по бортам, скрипам самого корабля.

— Да уж, кажется, шторм разыгрывается не на шутку... — прислушиваясь, пробормотал Кол.

Качка к тому времени стала столь сильной, что друзья, сидящие сейчас прямо на полу, на расстеленных спальнях мешках, были вынуждены то и дело напрягать мышцы и упираться в пол руками и ногами, чтобы не упасть. Бин, который не ел уже около суток и извергнул из себя всё, что мог, сейчас мучился от спазмов, приводивших к пустым рвотным позывам. Да что там Бин — похоже, что сейчас все присутствующие в полной мере ощущали тошноту и дискомфорт. И, судя по всему, это было лишь начало.

— Что ж, кажется, мы скоро узнаем, на что способно наше судно, — кривясь от усилившейся отрыжки, проговорил Каладиус.

— Шэд уверен, что всё будет в порядке, — заверил Кол.

Вообще-то Шэд ничего подобного не говорил, но это ли сейчас было важно?

— Не могу себе даже вообразить — как он будет находиться на палубе в самый разгар шторма? — проговорил Бин. — Да и все матросы... Управляться с парусами, вися над бушующим океаном...

— Им не впервой, — прокричал Каладиус. — Я всегда говорил, что моряки — это железные люди.

– Сегодня им лучше быть деревянными, – на этот раз пошутить попробовал Варан. – Потому что железо тонет в воде.

Однако на этот раз шутка получилась слишком уж мрачной, поэтому никто даже не улыбнулся.

Внезапный удар, и шхуна словно зарывается носом в воду. Корабль накренился так сильно, что никто не сумел усидеть на месте и все дружно покатались к переборке.

– Ассова задница! – воскликнул Кол. – Да что там вообще творится?

Сверху сквозь грохот и свист едва слышались зычные крики Шэда – он что-то командовал своим людям. «Нежданная» шла дальше, подобных эксцессов пока больше не происходило.

– Да уж, чувствую, весёлая нас ожидает ночка! – Кол перебирался обратно, морщась от боли в ушибленном локте.

– Хорошо, если только одна ночка, – мрачно ответил Варан.

– Будем думать о лучшем, друзья! – голос Каладиуса абсолютно не соответствовал оптимистичности фразы.

– А действительно! – вдруг встрепенулась Мэйлинн. – Давайте вспомним всё самое лучшее, что случилось в нашей жизни!

– В каком смысле? – Бина всё-таки вырвало – желудок нашёл где-то небольшой запас, не больше чайной ложки, но во рту было невероятно мерзко.

– Пусть каждый из нас расскажет по одной истории из своего прошлого, – предложила Мэйлинн. – Что-то, чего ещё никто не знает. Что-то хорошее, о чём мы с удовольствием вспоминаем.

– Мне как-то сложновато будет вспомнить подобную историю, – проворчал Варан.

– А ты попытайся! – парировала Мэйлинн. – Зато отвлечёмся от шторма и скоротаем время! Если хотите, я могу начать!

– Что ж, это неплохая идея, дорогая моя, – проговорил Каладиус. – Всё лучше, чем сидеть и дрожать от страха. Начинайте!

***

– Почему-то мне сейчас вспомнился один случай, – начала Мэйлинн. – Это было ещё до Наэлирро. Мне было лет пять, или чуть больше. Мы жили тогда в нашем летнем замке неподалёку от озера Прианон. Отца вечно не было дома, поскольку он был очень влиятельным сановником и вдобавок занимался продажей леса. Мы были втроём – я, мама и моя младшая сестрёнка...

– Ты никогда не рассказывала о своём детстве... – вдруг перебил её Бин с явным удивлением в голосе. – Я и не знал, что у тебя есть сестра...

– Это потому что ты глупенький, Бин, – рассмеялась Мэйлинн. – Я ведь говорила тебе, что у нас нельзя отдать девочку в Наэлирро, если она – единственный ребёнок в семье.

– А ведь верно... – озадаченно пробормотал Бин. – Я знал об этом, но почему-то не подумал, что это означает, что у тебя есть сестра. А почему ты о ней никогда не рассказывала?

– Я почти её не знала, – грустно ответила лирра. – Ей было меньше трёх лет, когда меня забрали в Наэлирро. И мы виделись крайне редко. По обычаю знатных лиррийских семей, детей отдают на воспитание кормилицам. Меня тоже воспитывала кормилица, и маму с папой я видела не чаще, чем раз в день, да и то не всегда. То же самое было и с Лиалинн...

– Твою сестру зовут Лиалинн? – снова переспросил Бин. Похоже, морская болезнь неблагоприятно сказывалась на умственных способностях.

– Да, так её зовут, – кивнула Мэйлинн. – Так вот, я видела Лиалинн едва ли два-три раза в неделю, и обычно не более часа. Это было тогда, когда наши кормилицы приводили нас к маме. Но чаще нас приводили по одной, чтобы не утомить маму.

– А разве маму могут утомить собственные дети? – потрясённо спросил Бин, чья мать, не жалуясь, вырастила трёх детей.

– Наверное, да, – печально ответила Мэйлинн. – Я не знаю, но у нас, лирр, так заведено.

– Как такое возможно? – Бин от возмущения даже забыл о своей тошноте.

– Успокойся, приятель, – мягко подал голос Варан. – Моя мама вообще продала меня в рабство.

– Что??? – глаза Бина едва не выскочили из орбит, да и остальные недоуменно уставились на Варана.

– По-моему, сейчас не моя очередь рассказывать счастливую историю, – сардонически ухмыльнувшись, сказал Варан, группируясь, чтобы не упасть от очередного крена корабля.

– Вы правы, – Каладиус, повидавший за свою жизнь всякого, первым взял себя в руки. – Продолжайте, моя дорогая.

– В то лето всё было не так, как обычно, – собравшись с мыслями, продолжила Мэйлинн. – Почему-то так вышло, что мы оказались все вместе в нашем замке. Папа не должен был никуда ехать, а мама гораздо меньше времени уделяла чтению. И в один прекрасный день папа предложил отправиться на озеро, чтобы половить рыбы с яхты. И мы отправились вчетвером – только родители и мы с сестрой. Даже кормилиц с собой не взяли. Мама приготовила сэндвичи – самые разные! Мы уложили их в две корзинки. А ещё взяли большую бутылку с парным молоком! С тех пор я узнала, что нет ничего вкуснее свежего коровьего молока!

Погода была просто чудесной. На небе не было ни единого облачка, и оно казалось таким бездонным, что кружилась голова. Если вы были на южном берегу Прианона, вы знаете, какая красивая там природа! Высокие зелёные холмы, которые выглядят плюшевыми – до того густая и мягкая трава покрывает их. Великолепные кипарисы горделиво тянут свои ветви к небу. То там, то здесь виднеются стада коров, задумчиво щиплющих травку, а также белые фермерские домики, издали похожие на кусочки сахара. Наш замок, стоящий на самом большом холме, синеющий на фоне синего неба.

Мы ехали по живописной дороге в открытом возке. Папа с мамой всё время о чём-то говорили, шутили и смеялись. Мы с сестрой плохо понимали, о чём они говорят, но смеялись тоже. Потому что нам было хорошо. Лиалинн тогда только начинала произносить свои первые слова, и говорила так уморительно, что мы все просто умирали от смеха. Она видела что-либо, например, яркую птицу, сидящую на ветвях, и говорила что-то вроде «Пичка», только у неё получалось намного смешнее. Это было действительно очень смешно, – Мэйлинн, рассказывая, смотрела вперёд неподвижным, невидящим взглядом, и было похоже, что она сейчас видела не тёмную, встающую на дыбы каюту, а то самое солнечное утро у берега Прианона. И сейчас она улыбалась – одновременно светло и грустно, а над нижними веками набухли, сверкая в тусклом свете свечей, слёзы.

– В общем, мы приехали к самому озеру, – продолжила Мэйлинн. – Там нас уже поджидала красивая белоснежная яхта. Два моряка-человека приветствовали нас и помогли взойти на борт. Затем они расправили белый-белый парус, и яхта медленно поплыла. Я не знаю – правда ли там всё было таким ярким и белым, но в моих воспоминаниях это именно так... – словно оправдываясь, проговорила Мэйлинн, а затем продолжила рассказ. – Озеро Прианон такое огромное, что противоположного берега не видно, и я представляла себе, что я плыву на настоящем корабле по настоящему морю.

– Я бы сейчас с удовольствием представил, что плыву на белоснежной яхте по озеру Прианон! – проворчал Бин.

– Ну так представляй себе на здоровье! – отозвался Кол. – И хватит уже перебивать Мэйлинн!

– Ничего страшного, – улыбнулась Мэйлинн. – Да, в тот момент я не так представляла себе путешествие по морю.

– Ничего, дней через десять всё будет иначе! – пообещал Каладиус.

– И вот, отплыв от берега, наверное, на целую милю, мы начали рыбную ловлю. И это было здорово! Оказывается, мой папа – отличный рыбак! Он вытаскивал каких-то больших розоватых рыб, которых матросы подхватывали сачками и бросали в большую лохань с водой, стоящую на палубе. Мама тоже выловила парочку рыб. Мне всё никак не удавалось забросить снасть, и отец долго и терпеливо объяснял, как это делать. Он положил свои руки поверх моих и раз за разом показывал движение, которое нужно сделать, чтобы забросить крючок. Я давно уже поняла, как это делать, но продолжала прикидываться дурочкой, потому что мне было страшно приятно чувствовать его руки поверх своих. Когда он говорил мне прямо на ушко, мои волосы шевелились от его дыхания и так приятно щекотали щеку.

В конце концов я стала забрасывать леску с крючком, и даже однажды смогла подсечь рыбину, но сил вытащить её не хватило. И тогда отец, бросив свою снасть, пришёл ко мне на помощь. Вместе мы вытащили здоровенную рыбину! Она так сильно была хвостом, что я так и не смогла взять её в руки. Моряки отправили её в лохань к остальным, но я всё равно отличала её от других.

Лиалинн стала просить, чтобы ей тоже дали забросить крючок. Отец согласился и дал ей одну из снастей. Не прошло и минуты, как Лиалинн забросила её в озеро! – рассмеялась Мэйлинн, и её смех смешивался с таящимися в груди рыданиями. Было видно, что и Бин, и Кол, да и остальные также очень растроганы её рассказом.

– В общем, потом у нас был пикник, – продолжила Мэйлинн. – А потом отец даже искупался, прыгнув в воду прямо с яхты. Он был такой сильный и смелый! Затем мы отправились назад к берегу и продолжили свой пикник уже там. Южный берег Прианона покрыт удивительным белым песком. И на этом теплом песке мы валялись, греясь на солнышке, затем бежали купаться, а затем грелись вновь. К тому времени наши моряки запекли на углях рыбу – ту самую, которую выловила я, и которую отличала от остального десятка рыб в лохани. Она была необыкновенно вкусной!

И лишь вечером мы направились обратно в замок. А на следующий день отец уехал в Латион. Он обещал, что приедет через пару недель и мы вновь отправимся на рыбалку. Но, увы, этого так и не случилось. А затем наступила осень, зима, а к началу весны родители отвезли меня в Наэлирро. Так и получилось, что за всю свою жизнь я провела с родителями лишь один полный день, – сквозь слёзы закончила Мэйлинн.

– Ваш рассказ был великолепен, дитя моё, – растроганно проговорил Каладиус. – Я совершенно забыл, где нахожусь!

Со стороны Бина слышалось частое хлюпанье носом, да и Кол подозрительно долго чесал глаз. Варан внешне оставался спокойным, но плотно стиснутые губы выдавали его чувства.

– Извините, что я расплакалась, – виновато проговорила Мэйлинн. – На самом деле это – одно из самых лучших моих воспоминаний, и я люблю вспоминать тот день.

– Приятно было узнать о тебе что-то новое, подруга, – хрипло проговорил Кол, но поскольку голос его предательски сорвался на последнем слове, он тут же быстро проговорил. – Ну что, Бин, теперь твоя очередь рассказывать!

– Меня мутит, – шмыгнув носом, проворчал Бин. – Может, я позже?

– Ладно, тогда я расскажу! – легко согласился Кол.

***

Кол задумчиво почесал переносицу.

– Вряд ли у меня получится рассказать так же здорово, как это сделала Мэйлинн, – заговорил он. – Да и история моя – совсем не из детства, потому что детство у меня было самое обычное, как у любого фермерского сына. Наверное, моё золотое время осталось в Седьмом. И я не такая тонкая натура, как наша подруга, так что, наверное, то, что я вспомню, не покажется для вас чем-то интересным или трогательным. Но вот сейчас я почему-то вспомнил именно этот случай, так что, наверное, именно он является одним из самых ярких моих воспоминаний.

– Ты уже напугал нас таким вступлением, – предупредил Варан.

– Ну это просто чтоб вы не ждали слишком многого. Итак, дело было почти в самом начале моей службы в легионе. Я был ещё зелёным соплежум, всего пару раз побывавшим в серьёзных делах. Однако, мои товарищи говорили, что из меня выйдет толк, потому что и руки, и голова оказались правильными концами вставленными в туловище. В общем, несмотря на то, что я был, наверное, самым молодым в своей центурии, отношение ко мне было нормальным даже со стороны ветеранов. Меня не гнобили, не заставляли выполнять какую-то чёрную работу, не унижали.

Мы стояли тогда на побережье Серого моря. А это, скажу вам, такая дыра, что будь у меня сейчас возможность оказаться там вместо этого корабля, я бы отказался. Представьте себе – унылые невысокие холмы, тянущиеся на лиги. И ни одного дерева, насколько хватает глаз! Один приятель-легионер толковал мне, что когда-то сами палатийцы вырубili здесь весь лес, чтобы продать его кидуанским корабелям. Уж не знаю – правда ли это, но если да, то тогда я вообще не представляю, что творилось в головах у этих кретинов.

И вот, вы не поверите, что для меня тогда самым сложным были не тяготы службы, не опасность нападения келлийцев, а именно это отсутствие деревьев. Когда взгляду не за что зацепиться. У меня даже пару раз случались странные приступы – мне казалось, что весь мир начинает переворачиваться вверх дном, и я соскальзываю с земли прямо в небо. И ухватиться не за что. В общем, тяжело привыкал. А ведь там жили люди! Местные рыбаки. Они строили себе странные дома из китовых рёбер, накрывая их китовыми и оленьими шкурами. А вместо дров они – не поверите! – жгли рыбу. Какая-то жирная рыба водилась там. Горела не то, чтобы очень, но получше местного кустарника, которым топились мы.

В общем, дело опять не в этом. Я постоянно отвлекаюсь на какие-то мелочи. Так вот, со скуки стал я иногда захаживать в соседнюю деревушку. Я уже не помню, как она называлась... По-моему, Пески... Да и деревушка – одно название. С десятков этих костяных домов, человек сорок жителей. Но была среди них девушка. Точнее, девушек там было две, но одна из них обратила на себя моё внимание. Звали её, как сейчас помню, Шика.

Не скажу, что она была красавицей. Бледная, тощая, с длинными черными волосами, вечно смазанными рыбьим жиром. Но что-то в ней всё-таки было, а главное – она оказалась доступной, что для такого неуверенного юнца, как я, было немаловажным плюсом. Конечно, я подозревал, что к ней ходила чуть не половина легиона, но она всегда умела показать, что для неё важен только я, и вот я этому верил. Отец её смотрел на это сквозь пальцы, поскольку легионеры здорово помогали ему и с продовольствием, и с другими вещами.

В общем, я похаживал к Шике, когда был свободен от нарядов и прочей дребедени. Таскал ей часть своего пайка, особенно если давали что-то вкусное. И так продолжалось, наверное, около месяца.

Пески, или как их там, располагались примерно в миле от нашего лагеря, или чуть больше. И вот однажды в лагерь прибежал взмыленный рыбак и сказал, что на деревню напали берсерки. Эти хитрецы высадились чуть дальше от деревни, чтобы мы не заметили их драккар, а затем по кромке моря добрались туда. Уж не знаю, что они там хотели грабить –

рыбаки сами едва сводили концы с концами. Наверное, это были просто какие-то отморозки, которым лишь бы грабить да убивать.

Короче, как сказал прибежавший рыбак, келлийцев было около трёх десятков. Тут же был скомандован сбор, и две полные центурии были направлены туда. Я, к счастью, был в одной из этих центурий.

Вы представить себе не можете, друзья, как я волновался! Сердце билось с такой силой, что я стискивал зубы, боясь, что иначе оно выпрыгнет прямо изо рта. А ещё мне казалось, что оно выстукивает мне «Ши-ка! Ши-ка!». В общем, я тогда был уверен, что по уши влюблён, и что не смогу жить, если с Шикой что-то случится.

Быстрым маршем мы добрались до деревни. Она не горела – да и что там могло гореть?! Келлийцы уже отступили. На берегу у деревни лежали с полдесятка порубленных тел. Я едва не сошёл с ума, но затем понял, что всё это – мужские тела. Однако в деревне никого не было, и стало ясно, что берсерки увели жителей в рабство.

Некоторые из наших стали говорить, что надо возвращаться. Что северяне уже ушли, и их не догнать. А если и догоним, то ещё не известно, как дело обернётся – вдруг их больше трёх десятков? Причём разделились мнения и двух центурионов. Они какое-то время спорили между собой, а затем один из них предложил добровольцам продолжить преследование под его командованием. И где-то около сотни человек согласились. Стоит ли говорить, что я был в числе первых!

Отправились дальше по следам. По дороге нашли ещё один труп рыбака. А вскоре увидели и сам драккар. Северяне уже отчаливали, так что мы никак уже не успевали. Стыдно вспомнить, но я, как идиот, бросился вдогонку, крича вслед уплывающим берсеркам, словно надеялся, что они вдруг разобидятся на мои детские обзывалки и повернут назад. Но этого, естественно, не случилось.

Я был просто уничтожен. Я даже не помню, как мы возвращались назад. Мои друзья, как могли, утешали меня, зная обо мне и Шике. Причём всем им хватило такта в тот момент не упоминать, что некоторые из них также знавали её довольно близко. Ну а я думал, что жизнь моя кончена и даже всерьёз подумывал о самоубийстве. Мне казалось, что это я виноват в том, что Шики больше нет.

Вернувшись в лагерь, я забрался в палатку и решил, что не выйду оттуда, пусть меня даже будут резать на куски. Я пропустил обед. Я пропустил построение. Мои друзья как-то там отмазали меня, потому что иначе, конечно, мне всыпали бы под первое число. А я просто лежал и пилился в серую парусину палатки. Пока не уснул.

Меня растолкал один мой приятель, Ферт, тот самый, кстати, что рассказывал про вырубленные леса. Он был лет на пятнадцать старше меня, и казался мне почти стариком, хотя я теперь понимаю, что я сейчас как раз примерно того же возраста. Но тогда я относился к нему, скорее, как к отцу. И вот он расталкивает меня и кричит, чтоб я вышел из палатки.

Я, конечно, наговорил ему много всяких слов, даже пытался заехать по морде, и в конце концов ему это надоело. Он просто схватил меня за шкуру и выволок наружу. Я орал и трепыхался, но всё было без толку. А потом я вдруг всё понял. Я увидел Шiku и её отца. Они стояли возле палатки центуриона второго ранга. Оказывается, по какому-то невероятному стечению обстоятельств они решили сегодня уйти в море на ловлю, поэтому, когда в деревне орудовали берсерки, их просто не было.

И вот тут, друзья мои, я наиболее за всю свою жизнь ощутил, что такое настоящее счастье. Как не лопнуло тогда моё сердце – до сих пор ума не приложу! Я ревел, как бык, когда обнимал мою Шiku, и думал, что никогда больше её не отпущу. Они с отцом, кстати, с тех пор и жили в самом лагере, пока мы там квартировали.

– И что – жили вы с ней долго и счастливо? – скептически осведомился Варан.

– Да вот, к сожалению, нет, – усмехнулся Кол. – Мне удалось оставаться в счастливом неведении всего пару дней, а потом я увидел, как она выходит из одной солдатской палатки, на ходу поправляя одежду. Она превратилась в настоящую походную жену для всего легиона. Не отказывала никому. Так что с тех пор я сперва люто её возненавидел, а затем, когда гормоны отыграли, мне стало как-то всё равно. Ходил к ней, так же, как и все. А потом нас перебросили восточнее, а она осталась с отцом там, в своих этих Песках. Что с нею случилось дальше – я не знаю.

– Н-да... Своеобразная, конечно, история, – крикнул Каладиус.

– Ну я предупреждал, – ухмыльнулся Кол.

– Да, от такой истории вряд липустишь слезу, – проворчал Бин.

– А по-моему, как раз от такой ипустишь, – заступилась за Кола Мэйлинн. – Мне кажется, что всё это очень печально.

– Тебе это только кажется, подруга, – возразил Кол. – Я думаю, что всё это смешно. Но уговор был рассказать случай, который помог испытать счастье, а я большего счастья, чем тогда, когда увидел Шику живой, в жизни, наверное, больше не испытывал. А теперь послушаем-ка Бина, а то ему, видишь ли, мои истории не по нраву! Пусть расскажет что-то такое, что заставит прослезиться меня!

– Ну это уж вряд ли, – ответил Бин. – Моя история очень простая и незамысловатая, как и вся моя жизнь. Так что, боюсь, вы будете разочарованы.

– Ну выбор у нас всё равно невелик, – подбодрил Кол. – Слушать либо тебя, либо ту преисподнюю, что творится снаружи. Лично я предпочитаю тебя.

– Ну ладно... – Бин на секунду прикрыл глаза, чтобы сосредоточиться.

Глава 46. Продолжение историй

– Повторюсь, что моей истории далеко до рассказов Мэй и Кола, – вновь проговорил Бин, явно стыдясь масштаба своего счастья в сравнении с собеседниками.

– Да рассказывай уже! – беззлобно прикрикнул на него Кол.

– Как-то мы с приятелями отирались в районе складов, – начал Бин. – Было мне тогда лет четырнадцать, или около того. Делать было нечего, был жаркий летний день, и мы играли в камешки рядом с одним из складов. Трое нас было. И вот видим – подъезжает здоровая подвода, гружёная какими-то ящиками. Лошадьми правит возница, а рядом на хорошем коне гарцует толстый мужик-южанин. Одет богато, хотя и довольно запылён и упрел порядком.

Подгоняет он подводу к одному из складов, и зовёт старшего грузчиков, чтобы те, стало быть, разгрузили. Но, глядим, слово за слово – и начали они препираться. Южанин чего-то кричит, старшой ему спокойно так возражает. Сразу ясно – не могут сойтись в цене. Прижимистый оказался мужик. В конце концов старшой махнул рукой, мол, сам разгружай, коли так, и ушёл обратно в тенёк. А купец так и остался – стоит, растерянный, глазами хлопает. А потом, видать, шок прошёл, как начал он кричать, грозить, да куда там! Наши мужики, коли им вожжа под зад попала, назад уж не отвернут.

И вот покричал-покричал купец, да криком-то делу не поможешь. А товар-то стоит, да на солнцепёке. И тут он видит нас, сорванцов. Глядим – подзывает. Ну, у нас самым авторитетным в компании всегда был Тёрни – он был постарше нас всех, смуглый, высокий, жилистый. Мы его все безоговорочно за вожака принимали. Короче, Тёрни пошёл не спеша так, вразвалочку, к этому мужику. А через пару минут уже свистит нам, подзывает.

Подошли мы, и Тёрни нам коротко объяснил, в чём дело. В общем, оказалось, что мужик этот – саррассанец, торговец сладостями. Уж не знаю, с какой такой радости не стал он, как все саррассанские купцы делают, по Труону товар перевозить, а выбрал сухопутный путь. Так он и оказался у Складов, а не на Доках. А, может, и специально к нам подался – у нас всё попроще, и подешевле, чем в Доках. В общем, оказался он тут, но из-за своей скарденности, как мы видели, сел в лужу.

И вот, в общем, предлагает он нам сделку. Мы разгружаем всю его подводу, а он нам за это пять фунтов шоколаду отвешивает! А я, сказать по правде, до тех пор шоколаду и не пробовал, даже не представлял – какой он на вкус. Короче, глаза у нас тут же загорелись, и мы, конечно же, согласились. Нам-то, мальчикам, чего надо? Конечно, сейчас я бы лучше денег потребовал, а тогда...

В общем, намаялись мы – будь здоров! Здоровенную такую подводу разгрузили втроём! Да и ящики там тоже тяжёлые – из толстых досок сбитые. Уж не знаю, сколько там внутри было того шоколаду, но сам ящик весил – мама, не горюй! Часа два тягали по самому солнцепёку. Да ещё и тащить надо было шагов за сто, а то и больше.

Короче, когда всё было кончено, мы дышали уже как загнанные лошади. Рубахи мы поскидывали, но и штаны были насквозь мокрые от пота. Но, самое главное, купец не обманул! Прямо при нас достал из штанин безмен и отвесил ровно пять фунтов шоколадных кругляшей, и даже, по просьбе Тёрни, разделил их поровну на три части. Это же получилось почти по два фунта на человека! Я не мог поверить, что держу столько шоколада сразу в руках!

С этими кулками мы втроём тут же бросились в тихое спокойное место. У нас неподалёку есть тихое арионнитское кладбище – уединённое место, заросшее деревьями. Там почти никогда не бывает людей. И вот мы любили там сидеть. И сейчас мы направились туда.

Было у нас там любимое дерево – яблоня, старая-престарая. Она уже почти не плодоносила – несколько мелких дичков на всём дереве, но зато была огромной, раскидистой, и в

её ветвях было очень удобно располагаться. Вот мы и залезли на эту самую яблоню втроём, чтобы насладиться шоколадом.

Положили в рот каждый по кругляшу, стали медленно рассасывать, наслаждаясь каждой секундой. Ничего вкуснее и слаще я в своей жизни ещё не пробовал! Мне казалось, что даже сахар не такой сладкий, каким был тот шоколад! Это было настоящее блаженство!

Но съев некоторое количество кругляшей, мы стали, конечно, наедаться. Опять же, они были такие сладкие, что очень хотелось пить, а воды не было. И вот мы стали закидывать в рот уже по два, по три кругляша, стали жевать их, а не сосать... И никто не хотел признаться первым, что он уже наелся. Мы словно отрабатывали сейчас за то, что таскали те коробки.

Мы, конечно, болтали между собой, и вот мой второй приятель, Тосс, что-то такое сказал, и как-то поддел Тёрни. И тот, недолго думая, возьми, да и швырни в него шоколадным кругляшом! А Тосс тут же запустил в него в ответ своим! И что тут началось! Мы начали швырять друг в друга шоколадом, крича и смеясь.

Я сам не знаю, как так вышло – я будто бы опьянел! Это было такое ощущение свободы! Вот ещё вчера ты даже не пробовал ни кусочка, а сегодня ты уже им швыряешься! Мы казались себе невероятно крутыми и очень богатыми. Я словно бы швырялся золотом!

Расшвыряв все свои запасы и вдоволь отсмеявшись, мы слезли с дерева. Каждый из нас старался делать вид, что его совершенно не интересует, что где-то тут, в траве под ногами лежат целые сокровища. Даже не оборачиваясь, мы пошли прочь с кладбища. Три придурка, возомнивших себя королями.

Но стоило нам отойти совсем недалеко, как разные мысли стали появляться у меня в голове. Сначала, конечно, это была жадность – я вдруг осознал, что добровольно выбросил очень дорогие штуки, причём дорогие не только в смысле их стоимости, а вообще. Но потом как-то запоздало пришла вторая мысль – ведь у меня есть две сестры, которые тоже никогда не пробовали шоколада, и их брат-идиот разбросал всё по кладбищу.

Мне стало ужасно стыдно, аж слёзы навернулись. Но не менее стыдно мне было показать своим приятелям, что я – совсем не такой крутой, как они, что я сломался. Поэтому я продолжал идти, однако, против воли шаги мои замедлялись. И тут я заметил другую вещь – мои дружки тоже шли всё медленнее и медленнее, и в их головах, похоже, творилось то же самое. Когда этот странный угар прошёл, каждый, судя по всему, переживал то же самое, но при этом боялся признаться остальным.

Так мы и шли – три идиота. И я понимал, что мы так и уйдём, потому что ни у кого не хватит смелости предложить вернуться. У меня, было, проскочила мысль вернуться потом, позже, и собрать всё, но от этой мысли стало ещё гаже. В общем, я не выдержал и сказал, что иду назад. Тосс, было, начал насмехаться надо мной, но я видел, как он обрадовался в душе. А Тёрни неожиданно меня поддержал, и вообще сказал, что мы вели себя как маленькие, и что лучше было эти шоколадки отнести родным.

И вот мы бегом вернулись под ту яблоньку и принялись собирать то, что смогли найти. Нашли, конечно, не всё, но многое. Благо, погода стояла сухая, а на кладбище было относительно прохладно из-за тени, так что кругляши были не потаявшие, а пыль очень легко было обтереть. Мы собрали всё в одну кучу, а затем поделили на троих прямо по счёту.

И вот я со своей долей добычи вернулся домой. Вы бы видели, как были счастливы мои сестрёнки! Как была счастлива мама, что у неё растёт сын, который уже способен заработать. И даже отец уважительно пожал мне руку в тот день – впервые в жизни! И мне кажется, что я в тот момент испытал даже больше радости, чем тогда, когда швырялся шоколадками в друзей.

– Зря на себя наговаривал, дружище! – воскликнул Кол. – Отличная история!

– Ты – молодец! – поддержала Мэйлинн. – Я всегда знала, что ты – добрый и щедрый!

– Ой, да ладно вам! – Бин покраснел от удовольствия, и поймал себя на мысли, что его тошнота почти прошла, настолько он увлёкся повествованием.

– Прекрасная история, юноша, – похвалил Каладиус. – И, я так понимаю, теперь моя очередь рассказывать?

– Мы все с нетерпением ждём этого, мессир, – ответил Варан. – Вот уж ваша история, наверное, и вовсе будет совершенно невероятной!

– Не могу поверить, что сам мессир Каладиус из собственных уст поведаёт мне одну из своих многочисленных историй! – воскликнула Мэйлинн и даже в порыве радости прижала руки к груди, за что, правда, тут же поплатилась, не удержав равновесия и завалившись на бок.

– Осторожней, подруга, – рассмеялся Кол и вновь вернул лирру в сидячее положение. – Поменьше восторгов! Ну что ж, мессир, мы все обратились в слух.

***

– Я надеюсь, вы понимаете, что в моем возрасте довольно сложно говорить о самом счастливом моменте в жизни, – даже Каладиус не избежал вводного слова. – Само понятие счастья истирается и метаморфозится за такое количество лет. Я могу сказать, что сейчас для меня счастье – вкусно покушать, хорошо отдохнуть, узнать что-то, ранее неведомое. Счастье вновь почувствовать себя живым спустя столько лет, благодаря вам, – маг взглянул на Мэйлинн. – Но вот понятие такого, глобального счастья – я более не могу его осознать. Это как вернуться к развалинам своего старого дома: ты знаешь, что он был тут, ты видишь его в своих воспоминаниях, но по сути – это всего лишь руины. Поэтому я прошу прощения, что мне придётся чуть изменить установленные правила. Я расскажу не самое счастливое воспоминание, поскольку такового у меня нет, и я буду неискренен. Я расскажу один из случаев, вспоминая о котором, я горжусь тем, что сделал.

Все молчали – никто не произнёс ни слова, ожидая, что перед ними сейчас распахнётся сама история. И они не ошиблись.

– Я был тогда на пике своего могущества. Великий маг Каладиус, перед которым склонялись даже августейшие особы и которого многие считали земным воплощением Асса. Да-да, друзья мои, вы станете смеяться, но в то время поразительно много людей думали именно так! Я не раз встречал свои изваяния в храмах Асса, и многие ассианцы падали на колени, видя меня. Мне было тогда немногим более трёхсот лет, но благодаря моей маленькой хитрости люди верили, что мне уже более шестисот. Вы можете посчитать, что было это чуть больше четырёхсот лет назад, в эпоху правления Конотора Второго Грозного, последнего короля Латиона из династии Тионитов.

Собственно говоря, я тогда был придворным магом короля Конотора. Хотя предостерегу вас от того, чтобы впасть в заблуждение при этих словах. Я был придворным магом, но я не был слепым слугой короля. Вы, возможно, знаете, сколько черных дел свершил этот монарх. Увы, некоторые из них и на моей совести. Но я твёрдо могу сказать, что ответствен за них лишь я. Если я свершил нечто, достойное ужасания, то сделал это по собственной воле, исходя из собственных соображений, а не по велению короля, которого сам я считал мелким и недостойным.

По большому счету, я был ещё и первым министром короля, его правой рукой и, если можно так выразиться, его головой. Ибо король Конотор, особенно в последние годы, не слишком-то дружил со своим разумом, живя в выдуманном им же самым кошмаре, где его окружали одни предатели и убийцы. Вы, возможно, знаете, что он казнил своего собственного сына, наследного принца Конотора, которому так и не суждено было назваться Коно-тором Третьим. Он же приказал удушить своих жену и дочь, подозревая их в изменах: одну – в личной, другую – в политической. Он казнил бы и меня, если бы посмел. Но он не смел.

Так оно всё и продолжалось. Королевство, несмотря на все мои старания, постепенно хирело и приходило в упадок. Голодные бунты, разбойничьи шайки, лжепророки и прочая дрянь следовали одно за одним. Эпидемии синивицы, оспы, чумы выкашивали целые города. И конца и края этому не предвиделось. Конотору на тот момент было всего сорок с небольшим, так что он легко мог прожить ещё пару десятков лет, доведя государство до полнейшего краха.

Я уже тогда понимал всё это. Я понимал, что необходимы перемены, но они невозможны, пока на престоле сидит это жирное чудовище. Однако, признаю, в тот момент я был полон собственных амбиций, весьма властолюбив и, кроме прочего, был совершеннейшим мизантропом. Меня вполне устраивала эта мерзкая кукла на троне до тех пор, пока ниточки от неё тянулись к моим пальцам. Поэтому я продолжал быть бесстрастным наблюдателем, свершая между делом необходимые мне дела.

Но вот как-то ко двору прибыл юный герцог Вилиодий из рода Пантатегов. Это был весьма знатный, но небогатый род, чьи вотчины простирались вдоль кидуанских границ. Юному герцогу минул двадцать один год, когда он трагически осиротел – его отец и мать погибли во время пожара в родовом имении. Герцог Вилиодий и его юная сестра, которой едва исполнилось пятнадцать, чудом выжили. И вот теперь юноша, который неожиданно стал наследником одного из самых громких имён королевства, решил приехать в столицу, чтобы женить сестру и устроить её будущее.

Брат и сестра появились при дворе и произвели весьма благотворное впечатление – оба молоды и красивы, оба, ещё не снявшие траур, скромны и благовоспитанны, весьма доброжелательны. Но я заметил ещё одну важную для меня особенность: молодой герцог был очень умён и любознателен. При первой же аудиенции у короля он столь интересно и страстно расписал красоты и достопримечательности западных земель королевства, что заинтересовал даже такое тупое животное, как Конотора. А когда мне случилось поговорить с ним четверть часа на последующем приёме, я пришёл в совершеннейший восторг от его живого ума. Молодой человек сразу же снискал мою симпатию, которая лишь усугубилась со временем.

Благосклонность, с какой юных герцога и герцогиню принимали при дворе, объяснялась так же ещё и тем, что всеми было отмечено, какой повышенный интерес проявил к юной девушке король. Уже при первой аудиенции он не сводил с неё глаз, а за первой последовали вторая, и последующие. Вскоре уже весь двор шептался, что Конотор вновь надумал жениться. Этот факт тут же иссушил нескончаемый поток воздыхателей и ухажёров. Вокруг брата и сестры образовался удивительный вакуум – с одной стороны они были окружены льстецами и подхалимами, с другой – никто не дерзал сблизиться с ними достаточно коротко, чтобы это могло быть превратно понято августейшим женихом.

Конечно же, я был исключением. Юный Вилиодий стал частым гостем в моем дворце. Мы говорили обо всём на свете – политике, экономике, науках, магии. Ему было интересно решительно всё, и это меня весьма подкупало в нём. Иногда компанию ему составляла сестра, но ей было не слишком-то интересно наше времяпрепровождение.

Я был абсолютно очарован молодым герцогом. Против воли я задумывался о том, насколько хорошим правителем бы стал этот юноша. Его взгляды на многие вещи отличались новизной и оригинальностью, а именно это, как я полагал, было необходимо гниющему королевству. Однако, Вилиодий весьма чутко реагировал на мои прозрачные намёки, тут же уходя от разговора. Вероятно, он не до конца доверял мне, потому что я-то видел, что под этой маской глубочайшей почтительности к королю скрываются определённые властные амбиции.

И тогда я решил подтолкнуть ситуацию, добавить катализатор, как говорят алхимики. Когда речи о грядущей женитьбе короля на герцогине Пантатег приняли почти официальный

характер, я начал действовать. Как-то за игрой в шахматы (а его величество ужасно любил эту игру и был непревзойдённым игроком – все мои тщания обычно сводились к тому, чтобы хотя бы добиться ничьей) я как-бы ненароком обмолвился о том, насколько популярны в народе герцог и будущая королева. Рассказал пару историй о том, как чернь выкрикивает их имена на площадях и пьёт за их здоровье в кабаках. Король, конечно, сделал вид, что его это нисколько не заинтересовало, да только я-то хорошо знал, в какую благодатную почву я бросаю свои семена сомнений.

Через пару дней я добавил масла в огонь, рассказав королю, что, якобы, кое-кто из придворных уже величает герцогиню «Вашим величеством». Тут он уже не сумел скрыть недовольства. И тогда я пустил свой главный шар – я с самым невинным видом сказал, что вокруг герцога Пантатега сплотилась весьма многочисленная кучка дворян, и что он довольно много времени проводит с ними.

Если бы я прямо в ухо королю завопил «Заговор!», я и то не достиг бы большего эффекта. Извращённый мозг последнего из Тионитов и так видел заговоры повсюду. И я понял, что теперь счёт пошёл на дни. Отныне король абсолютно убеждён в существовании заговора против него со стороны молодого герцога и его сестры, которую он едва не пригрел, как змею на груди. Но мне нельзя было действовать опрометчиво. Я понимал, сколь осторожен мой юный друг, и знал, что он будет действовать лишь тогда, когда окажется припёрт к стенке.

Я рисковал – с королём мог случиться очередной приступ ярости, во время которого он бы просто приказал арестовать обоих, а то и просто отравить. Но в большой игре нельзя без риска. И я победил. Король совершил тот самый шаг, которого я ожидал.

На следующий же день официально было объявлено о прекращении подготовки к предстоящей помолвке короля с герцогиней Пантатег. Когда Вилиодий, встревоженный и огорчённый, примчался во дворец, испрашивая аудиенции, ему было предсказуемо отказано, причём в самой холодной и пренебрежительной манере. Чуткие придворные тут же унюхали надвигающуюся бурю и поспешили разорвать все связи с опальной парой. Вилиодий, пробив во дворце почти до самого вечера, вернулся к себе ни с чем.

А дома его уже ожидал мой слуга, который тайно сопровождал его ко мне во дворец. Где я и объяснил юноше причину минувших событий, естественно, не упомянув ни словом, что стал первопричиной всего этого. Я нагнал на беднягу такой жути, что он готов был заплакать. Особенно он боялся за сестру, участь которой я расписал особенно черными красками. Я пообещал, что по прошествии двух суток оба они будут в королевской тюрьме, откуда, после множества пыток, унижений и издевательств, их ждёт лишь один выход.

И когда мне показалось, что я достаточно дожал свою жертву, я предложил ему спасение. Как вы уже поняли, оно состояло в государственном перевороте с целью захвата престола. Я обещал свою безусловную помощь в этом деле. Я знал, что моего авторитета будет более чем достаточно, чтобы разрешить все формальности, буде они возникнут.

Но, к моему изумлению, я увидел, что Вилиодий до сих пор колеблется. Причём теперь это уже нельзя было списать на осторожность. Значит, ему действительно претил подобный метод решения проблемы. Хотя, конечно же, можно понять, насколько страшила, хотя, возможно, и манила двадцатидвухлетнего юношу королевская корона. И в какой-то момент я даже немного запаниковал – я не ожидал подобной реакции. Неужели всё было напрасно, и я просто загубил ещё две юные жизни?

И тут на меня снизошло какое-то вдохновение. Не иначе, как сам Асс шепнул мне, что нужно сказать. С таким видом, будто открываю юноше страшнейшую тайну, я намекнул ему, что, возможно, несчастный случай, произошедший в его усадьбе и приведший к гибели родителей, не был таким уж случайным. Наивный юноша – ему даже не пришло в голову усомниться всей нелепости этой мысли, ведь он доверял мне всецело! Теперь он видел в

короле не только потенциального убийцу его и его сестры, но также и вполне реального убийцу его родителей. Начиная с этого момента, участь короля Конотора была решена.

Я взял бразды правления грядущим переворотом в свои руки. Сам нашёл людей – либо достаточно верных мне, либо недостаточно верных королю, сам отдал все необходимые распоряжения. Я понимал, что мало найдётся в мире заступников для нынешнего латионского короля, потому что слишком уж многие имели на него большой зуб.

Уж не знаю, есть ли среди вас достаточные знатоки древней истории, которые знают, что было дальше, поэтому вкратце расскажу и об этом. Ночью того же дня группа заговорщиков ворвалась в спальню короля. Его нашли под кроватью, трясущегося и захлёбывающегося слезами. Заговорщики обвинили его во всех грехах – реальных или мнимых (последних, впрочем, было пренебрежимо мало), и потребовали подписать отречение. По моему замыслу предполагалось, что король начнёт возмущаться, отказываться, угрожать, в общем, всячески вести себя так, что чьё-нибудь ранимое сердце не выдержит этого, и его просто прикончат. Но, увы, эта трусливая свинья тут же подписала бумагу, на лету целуя руки, которые её придерживали. Так он был отправлен в тюрьму.

А на следующее утро, как вы, возможно, знаете, он был найден в камере повешенным. Естественно было объявлено, что король покончил жизнь самоубийством, однако сейчас, спустя четыреста лет, я могу раскрыть одну из множества своих тайн. Той ночью к королю пришёл его придворный маг и первый министр. Пришёл в сопровождении двух дюжих молодцов, которые и препроводили его величество к Белому Мосту.

– Но зачем было убивать? – воскликнула потрясённая Мэйлинн, которая, возможно, единственная из всех знала официальную версию этой истории.

– Только два слова, дорогая Мэйлинн: гражданская война, – сейчас лицо Каладиуса казалось высеченным из тёмного холодного камня.

– Да, понимаю, – кивнул Варан. – Живой бывший король мог бы стать ядром притяжения для несогласных с новой властью. Пока он был жив, вместе с ним была жива и надежда вернуть ему трон. А подобные надежды – идеальное топливо для гражданской войны.

– Лучше и не скажешь, любезный Варан! – одобрил Каладиус. – Именно эти соображения и толкнули меня на этот поступок. И, надо сказать, в списке вещей, которых я стыжусь или которые причиняют мне душевные терзания, этот поступок находится где-то на последних местах. Я до сих пор считаю, что поступил правильно.

Ну а дальше всё было сыграно как по нотам. Как и ожидалось, после того, как я настоятельно рекомендовал кандидатуру молодого герцога Пантатега в качестве нового венценосца Латиона, Королевский Совет, а точнее тот огрызок, что остался от него после всех арестов и казней прошедших времён, без каких-либо возражений утвердил моего кандидата. Было очевидно, что среди коллегiantов Совета есть те, кто были бы сами не прочь примерить на себя корону Латиона, но возражать великому магу не хотелось никому.

Так и наступила новая эра в истории Латиона. К власти пришла новая династия, которая более двухсот лет правила государством. И если финал этого правления был печален, то начало было поистине прекрасно! Долгое и мудрое правление короля Вилиодия Первого Пантатега принесло долгожданный мир и покой на эту землю. Вилиодием Великим запомнили будущие поколения того щедедушного юношу, которого я едва ли не силой усадил на латионский трон...

Благоговейное молчание повисло в темной болтающейся каюте. Каждый из присутствующий ощущал, как он только что прикоснулся к самой что ни на есть истории Латиона, причём истории столь давней и столь славной, что она стала почти мифом, легендой. И вот, рядом с ними, дыша тем же вонючим воздухом, так же, как и они, кряхтя от постоянных толчков корабля, находилась главная из живых легенд – Каладиус. У всех было такое чув-

ство, что они коснулись древней реликвии, хранящей пыль столетий и прикосновения великих мира сего.

– Мессир, только ради одной этой истории я готов терпеть этот шторм, и даже благодарить его, – наконец проговорил Варан. – Я не могу выразить словами, какая для меня честь быть рядом с вами!

– А я так и вовсе не могу поверить, что это всё происходит со мной! – почти экзальтированно воскликнул Бин. – Я, простой голодранец из латионских трущоб видел и слышал такое, чего никогда не увидят и не услышат короли и маги нашего мира!

– Ну, довольно, довольно, – засмеялся Каладиус, шутливо подняв руку к лицу, словно закрываясь от этих похвал. – На самом деле, я вам тоже весьма благодарен за то, что оживили меня! Так приятно было после стольких сотен лет ощущения себя легендой, вновь почувствовать себя просто живым человеком! Поэтому, прошу вас, перестаньте глядеть на меня такими большими глазами! Давайте лучше послушаем, что расскажет нам достопочтимый мастер Теней.

– *Бывший* мастер Теней, – с улыбкой, но твёрдо поправил его Варан. – Нелёгкая же мне выпала доля – мало того, что моя жизнь и так бедна всякими приятными переживаниями, так теперь мне ещё нужно рассказывать свою историю после подобной истории мессира. Это всё равно, что жук-навозник приползёт к нам и расскажет, как увлекательно и интересно было скатывать шарик из навоза.

– Будет вам, дорогой Варан, – рассмеялся ассоциации маг. – Уверен, что такому интересному и многогранному человеку есть, что поведать о себе. Прошу, начинайте!

– Хорошо, но не потому, что согласен с вами, мессир, а только лишь потому, что считаю необходимым выполнить предложенное всем условие. Но не ждите ничего особенного – мой рассказ будет скучным и коротким, предупреждаю сразу!

***

– Моя жизнь бедна на радостные события, – продолжил Варан. – До пятнадцати лет я жил в семье, едва сводящей концы с концами, и самым большим счастьем для меня было, если я мог наесться до отвала, или же если нужно было вкалывать меньше, чем обычно. Потом я оказался в Гильдии, и вся моя жизнь закрутилась вокруг этого. Я признаю, что являюсь весьма честолюбивым человеком. Как только я попал в Гильдию, моей главной целью заключалась в том, чтобы стать мастером седьмого круга. На меньшее я был не согласен. Я принёс в жертву этой мечте всё своё личное время, все свои желания. Можно сказать, что в некотором смысле я уже в шестнадцать лет был стариком, поскольку меня не интересовали те вещи, какие обычно интересуют парней в таком возрасте.

Я никогда не общался с девушками, и считал, что мне это не нужно, поскольку никакая девушка не заменит уважение товарищей по цеху. Я не увлекался ночными посиделками в кабаках, поскольку вино туманит разум, а мой разум был необходим мне, чтобы двигаться вперёд. Я не мог позволить себе даже просто побездельничать денёк-другой в кровати, поскольку всё свободное время я уделял тренировкам, ведь я хотел быть лучшим из лучших.

Мастер Чёрный, мой наставник, хотя и радовался моим успехам, но частенько посмеивался надо мной, говоря, что мне нужно хоть один день побыть молодым, прежде чем навеки становиться стариком. Однако я лишь отмахивался от этих слов и, надо сказать, очень злился на них.

И я действительно стал лучшим из учеников, а затем и лучшим из подмастерьев. Вот-вот должна была исполниться моя мечта – я знал, что максимум через год я стану мастером первого круга. Мне хотелось получить звание мастера раньше, чем это удавалось кому бы то ни было до меня. Между прочим, мне это удалось.

Но получение звания мастера означало, что я выйду из-под опеки мастера Чёрного и перестану выполнять его приказы. И вот он решил, пока ещё имеет на это право, приказать мне побыть обычным семнадцатилетним мальчишкой, пока ещё была такая возможность. Я не знал точно – семнадцать лет мне было на тот момент времени, или восемнадцать. Я не знал дня своего рождения, потому что в нашей семье отмечать дни рождения было непозволительной роскошью. Так что, может быть, мне уже и стукнуло тогда восемнадцать, но скорее всего – ещё нет.

В общем, мастер Чёрный приказал мне в течение суток перестать быть подмастерьем и стать обычным человеком. Испробовать все прелести разгульной и беззаботной жизни, какой жило большинство моих сверстников. Я пытался возражать, хотя по уставу не имел права перечить приказам мастера. Но мастер Чёрный, после того как в кровь разбил мне губы за то, что осмелился возразить, объяснил, что нельзя стать истинным мастером Теней, не попробовав обычной жизни. Ведь чтобы быть Тенью, нужно быть точной копией того, что её отбрасывает. Так что приказ был дан, и моя задача была в том, чтобы исполнить его неукоснительно, предоставив на другой день полный отчёт того, что я попробовал и в чём преуспел.

И вот наступило утро дня моих испытаний. И первым моим испытанием – не повесте – было проваляться в постели до полудня. Было лето, светало рано, и я проснулся, как обычно, где-то в шестом часу утра. Солнце уже светило вовсю, и я едва не выскочил из кровати по давней привычке. Однако, вспомнив, что от меня требуется, остался лежать. Я пытался заснуть, но ничего не выходило. В итоге я, как последний болван, пролежал в кровати около шести часов, тупо пялясь в потолок. В общем, эта сторона беспечной жизни мне совершенно не понравилась.

Я так и не привык долго спать, и по сей день встаю не позже шести утра. Вообще, если бы боги спросили меня, какую физиологическую потребность я бы просил убрать у меня, я бы, не задумываясь, выбрал сон. Сколько раз я мечтал о том, чтобы иметь возможность не спать совсем! Каким бы великим человеком я стал!

Когда солнце поднялось достаточно высоко, чтобы приблизиться к полудню, я наконец выскочил из своего жаркого плена. Теперь мне надлежало отправиться к Докам и там провести несколько часов, лёжа на досках пристани и грея живот на солнце, как это делает огромное количество оболтусов, имитирующих поиск работы, а на самом деле просто отдыхающие с чистой совестью, пока их родные уверены, что они выискивают малейший шанс подработать.

Тут рассказывать вообще нечего. Более тупое занятие придумать сложно. И, глядя на этих юнцов, которые уже вполне бы могли быть состоявшимися людьми, но при этом предпочитают днями валяться, словно овощи, я был искренне поражён. Я не мог понять – неужели они ни разу не задумывались о том, зачем они вообще живут? Мне было так дико видеть людей, у которых в жизни нет никакой цели, что я едва сдерживался, чтобы не начать их просто избивать, пытаясь спровоцировать хоть на какое-то действие.

Когда рабочий день подошёл к концу, я наконец направился к следующему этапу моего задания. Их оставалось всего два – хорошенько погулять в кабаке и, прошу прощения, Мэйлинн, – познать женщину.

Надо сказать, что в тот раз вино мне совершенно не понравилось, хотя сейчас я кардинально поменял отношение к нему. Но тогда я через силу вливал себя стакан за стаканом, не чувствуя ничего кроме отвращения, и не только от вкуса самого вина, а ещё и от ощущения растекающейся по телу беспомощности. Все мои члены становились всё более вялыми, при каждом движении головы мир начинал бешено вращаться, вызывая тошноту.

Это было удивительное ощущение – одна часть моего сознания будто бы оставалась трезвой, всё видела и всё понимала, но – увы! – эта часть полностью потеряла контроль над

телом. И вот я с ужасом наблюдал, как при попытке взять стакан моя рука промахивается, задевает его и роняет. Я с ужасом гляжу, как вино течёт по столу прямо мне на штаны. Но с ещё большим ужасом я глядел на то, как другая часть моего сознания, которая захватила контроль над телом, пьяно хохочет над произошедшим.

В конце концов я одолел весь кувшин, хотя меня дважды вырвало, причём один раз – прямо в кабаке. Второй раз я успел выбраться наружу, и затем долго сидел, прислонясь к стене, воняющий вином и блевотиной. А ведь мне ещё нужно было... гм... пообщаться с женщиной. Короче, и этот опыт тогда показался мне ужасным, если не сказать – отвратительным.

Несколько протрезвев, я решил побыстрее покончить с последним заданием, чтобы уже поскорей окончился этот мерзкий день. Понятно, что о том, чтобы в таком виде найти себе девушку более или менее достойную, не приходилось и думать, да мне это было и не нужно. Я даже не испытывал ни малейшего возбуждения, или радости от того, что мне предстояло. Какое-то отвлечённое чувство, будто я шёл ловить рыбу.

Поскольку среди нас девушка, я опушу подробности последнего этапа. Скажу лишь, что недалеко от того кабака, где я выпивал, я наткнулся на дешёвую шлюшку. Я толком не разглядел ни лица её, ни фигуры. Да и вообще скажу, что данный этап оказался ненамного приятней других.

Вот так и окончился этот день. Не скажу, что он был самым счастливым в моей жизни, но то, что одним из самых необычных – это уж точно, – закончил своё повествование Варан.

– Да, дружище, ты не кокетничал, когда говорил, что не мастер рассказывать, – усмехнулся Кол.

– Я предупреждал, – пожал плечами Варан.

– Неужели так трудно быть обычным человеком? – любопытствовал Бин.

– Да нет, конечно, – ответил мастер Теней. – Но я тогда был максималистом и карьеристом. Для меня не существовало ничего кроме Гильдии. Возможно, именно это и было моей ошибкой, делало меня слабым. Наверное, как раз поэтому мастер Чёрный и дал мне такое странное задание. Я был заиклен, а, следовательно, слаб. Не то, чтобы после этого дня я тут же кардинально изменился, но, определённо, задумываться стал чаще. Да и со временем по крайней мере два занятия из тех четырёх стали мне в радость, – тонко улыбнувшись, закончил он.

– Ну, хвала богам! – воскликнул Кол. – Значит, ты не так уж сильно отличаешься от нас всех, простых смертных.

– Конечно нет! С возрастом становишься умнее. И менее спесивым, наверное.

– А шторм, однако же, не проходит, – проговорил Бин.

– А ты что думал – он закончится, как только мы кончим травить байки? – усмехнулся Кол. – А вдруг он затянется на пару недель?

– Да у меня все кишки в узлы перевяжутся за это время! – простонал Бин.

– Я предлагаю лечь спать! – сказал Варан.

– О, и это говорит человек, который ненавидит сон! – с иронией воскликнула Мэйлинн.

– Как оказалось, штормы я ненавижу ещё больше, – улыбнулся в ответ Варан.

– Да я ни за что не засну сейчас, – уныло проговорил Бин. – Может, ещё по истории?

– Я бы послушала ещё историй мессира! – тут же подхватила Мэйлинн. – Это всё равно, что читать учебник истории, только гораздо интересней!

– Что ж, – почесал лысый череп волшебник. – Поспать сейчас, действительно, удастся едва ли... Так что если вам хочется слушать воспоминания старика...

– Ещё бы! – воскликнул Кол. – Я не перестаю ругать себя за то, что мы раньше не додумались попросить!

– Ладно, ночь предстоит долгая, так что вы ещё запросите пощады! – шутливо предупредил маг. – Вы же знаете нас, стариков – стоит нам начать вспоминать молодость, и нас уже не заткнуть!

И, действительно, очень долго Каладиус рассказывал разные случаи из своей богатой на события жизни. Однако они не имеют отношения к описываемой нами истории, и будут со всеми подробностями изложены в свой черед и в иной книге, поэтому нам, читатель, придётся оставить наших друзей до утра.

Глава 47. Глаз дьявола

Шторм не кончился к утру. Ночью путешественники почти не сомкнули глаз – бесконечная качка измотала даже самых бывалых. Воздух в каюте был спёртым и явственно пах рвотой. Однако выйти наружу не рисковал никто. Через какое-то время в каюту, борясь с ветром, втиснулся один из матросов и спросил, не нужно ли чего. О еде думать никто не мог, специальные ночные горшки с плотно закрывающимися крышками просить вынести матроса было как-то неловко, поэтому Каладиус лишь вяло махнул рукой, показывая, что им ничего не нужно.

Было как-то не до разговоров. Все были усталые и хмурые. Мэйлинн и вовсе ушла в свою «комнату», вероятно, ей очень не хотелось, чтобы её стошнило на глазах остальных. Стоны путешественников перемежались стонами корабельных переборок. Свечи давно погасли, но новых никто не зажигал, так что в каюте была почти кромешная тьма. Собственно, всех это сейчас полностью устраивало.

Лишь ближе к вечеру ветер, кажется, стал стихать. Пол под ногами всё ещё очень качался, но уже хотя бы не вздыбливался и не брыкался, словно норовистый конь. Снасти были уже не так истошно, да и влажные шлепки волн стали, кажется, не такими тяжёлыми.

– Неужели кончается? – почти простонал Кол.

– Похоже на то, – держась за тощий живот, ответит Каладиус.

– Я уж думал, что не доживу, – кисло пробормотал Бин.

– Ты погоди ещё, – предостерёг Кол. – Рано радоваться. Кто его знает, этот ураган! Вдруг это просто передышка!

Но это была не передышка. А если и передышка, то довольно продолжительная. Уже через час волнение упало настолько, что можно было спокойно стоять на ногах, не ощущая себя эквилибристом. Да и ветер, насколько можно было судить, вполне уюмонился. Кол воспользовался случаем, чтобы выбраться подышать. Сквозь распахнутую дверь ворвался холодный просоленный воздух, и он показался таким вкусным и свежим на фоне миазмов, царивших внутри, что все, даже Бин, тут же ринулись вслед за Колом.

– Наконец-то выбрались, лежебоки! – послышался сверху усталый голос Шэда. – Я уж думал, вы решили не выходить до самой Саррассы.

– Да тут у вас как-то неуютно было, – ответил Кол.

– Это да, – согласился Шэд. – Помотало нас изрядно. Но корабль – это просто чудо! Насколько хорош, что меня прямо подмывает отправиться на поиски нового шторма, чтобы ещё раз насладиться тем, как эта белокрылая чайка играет с волнами!

– Прошу, не надо! – полушутливо, полусерьёзно воскликнула Мэйлинн. – Надеюсь, что больше мы ничего подобного не испытаем!

– Увы, но тут я вынужден вас разочаровать, госпожа, – помотал головой Шэд и его вымокшая борода поелозила по груди. – То, что было – это ещё цветочки. Можно сказать, Вастиней лишь разминался. Мы не попали ещё в то место, где особенно интенсивно сталкиваются тёплые и холодные потоки.

– Вы говорите о Доронском заливе, друг мой? – Каладиус стоял, привалившись на фальшборт и жадно вдыхал крутой от соли воздух.

– Точно так, мессир, – откликнулся Шэд. – Мало того, что там сходятся все воздушные и водные потоки, так они ещё попадают в эту своеобразную чашу, и перемешиваются там так, словно сам морской дьявол толчёт преисподнюю в своей ступе. Не случайно моряки, которым случалось ходить в Вастиней, дали этому месту весьма недоброе имя.

– Какое же? – любопытствовал Каладиус.

– Глаз дьявола, – мрачно проговорил Шэд. – А мы, стало быть, будем бельмом в этом глазу.

– Не хочется себе даже представлять, – поёжился Бин. – А ты что же – весь шторм там простоял, у штурвала?

– Ну я что-то не слышал, чтобы ты вызывался в добровольцы, – усмехнулся Шэд.

– И всё без отдыха? Почти сутки? – изумилась Мэйлинн.

– Не хочется отдыхать на дне, сударыня, поэтому лучше уж так. Потом отдохну.

– И как тебя только не смыло? – с наивным восторгом выдохнул Бин.

– Привязался.

Бин, было, усмехнулся, но затем понял, что Шэд не шутит. Более того, он увидел, что капитан и теперь ещё плотно привязан верёвками к штурвалу.

– Ну а сейчас что нас ждёт? – полюбопытствовал Варан.

– Лично меня ждут пара-тройка пинт эля, доброе мясо, а затем – минимум шесть часов сна! – блаженно потягиваясь, ответил Кошка. – Насколько я могу доверять своему чутью, следующий удар старины Вастиenea случится не в ближайшие сутки. Может быть, даже втихую подойдём к Глазу дьявола. Конечно, загадывать сложно, но, с другой стороны, не стал бы я шкипером, или же не проходил бы долго, ежели имел неверное чутье.

– Надеюсь, и в этот раз оно тебя не подведёт! – подытожил Кол.

– А что у нас с курсом? – осведомился Каладиус.

– На удивление – полный порядок! – отрапортовал Шэд. – Почти не ушли. Правда, на какое-то время потеряли берег, но сейчас уже вон он, опять виден, – шкипер размашисто махнул в сторону виднеющейся полосы суши.

– Что ж, не смеем больше вас задерживать, капитан, – серьёзно сказал Каладиус. – Спасибо вам за ваш труд, и теперь вы можете с чистой совестью отдохнуть не то что шесть, а хоть и все шестнадцать часов, ежели ваше чутье действительно не обманывает. Ведь вас есть кому заменить у штурвала?

– Да каботажничать, почитай, любой юнга сможет! – хмыкнул Шэд, пытаясь залезевшими непослушными пальцами распутать тугие узлы мокрых верёвок. – Дно тут глубокое, скал нет. А по парусам боцман не хуже справится. Эй вы, кашалоты, а ну давай отвязывай капитана! – рявкнул он матросам.

Несколько расторопных тут же бросились на помощь своему шкиперу. Провозившись некоторое время и поняв, что верёвки затянулись намертво, они просто разрезали узлы. Шэд нетвёрдой походкой медленно двинулся к лестнице на негнущихся ногах. Стало видно, что полы его плаща заиндевели и почти не гнулись, так же, как и его члены. Как и говорил недавно Каладиус, этот человек действительно был словно отлит из железа.

– Как же ты на таком холоде простоял столько времени? – в голосе Кола слышалось глубочайшее изумление.

– Ты спроси лучше, как я все эти сутки под себя ходил! – буркнул Шэд. – Спасибо Арионну, хотя бы большая нужда не приспичила. А то были бы у меня полные сапоги не только собственной мочи, но собственного дерьма! Прошу прощения, сударыня.

– Ничего, – задорно улыбнулась Мэйлинн. – Я тоже за эту ночь пролила на себя добрую половину своего ночного судна! А вас-то хоть дождём обмыло!

– И дождём, и волнами... А вы, погляжу, не из тех избалованных барышень, которые вечно подносят к носикам надушенные платочки, едва увидев таких, как я, – одобрительно ухмыльнулся Шэд, впервые удостоив Мэйлинн долгим взглядом. Поскольку на лире был глухой плащ, в ней нельзя было распознать воспитанницу Наэлирро. Кроме того, татуировку надёжно прикрывал сделанный в Лоннэ тонкий облегающий воротник телесного цвета.

– Ты даже не представляешь, дружище, насколько она не похожа на всех обычных девушек, которых ты когда-либо видел! – подтвердил Кол. У его глаз собрались смешливые морщинки.

– Да вы все тут – странный народ, уж не обижайтесь! – стоя уже перед спуском в трюм проговорил Шэд. – Иначе мы бы не были здесь сейчас, – и он почти ввалился в распахнутый люк.

***

Чутье не подвело Кошку – в последующие три или четыре дня океан хотя и нельзя было назвать спокойным, но даже по меркам Бина он казался вполне гостеприимным. Ветер был умеренным, однако приходилось постоянно манипулировать парусами, поскольку направление его менялось довольно часто и довольно резко. Однако для «Нежданной» это не было проблемой. Можно было много плохих слов сказать о двух рыжих братьях, что когда-то владели этим судном, но то, что у них был великолепный вкус на корабли – с этим поспорить не смог бы даже самый упёртый скептик.

Довольно неприветливой была погода – сырой холод, пробирающий, казалось, до костей. Каждое утро друзья выходили на палубу, скользкую от небольшой ледяной корочки, наросшей за ночь. В этой же ледяной корке были борта, снасти. Путешественники стояли у фальшборта, зябко дую в коченеющие ладони, и с восхищённым недоумением следили за матросами, которые уверенно и ловко взбирались по вантам на самые верхушки мачт, голыми руками, казалось, совершенно невосприимчивыми к холоду, крутили какие-то верёвки, вязали или развязывали узлы. Густые облака пара вырывались из их разгорячённых ртов, и тут же инеем оседали на взъерошенных бородах.

Команда, надо сказать, была совершенно под стать своему капитану – он, отлежавшись после бессонной борьбы со штормом, теперь вновь занимал своё место на мостике. Шэд выглядел в два раза толще из-за множества одежд, напяленных на него, но все прекрасно понимали, что и они не до конца спасают его от холода.

– Да уж, я как-то по-другому представляла себе морские путешествия, – призналась как-то Мэйлинн. – Я думала, что буду стоять у штурвала, тёплый ветер будет развеивать волосы, а вокруг будет сиять бирюзовое море. Но *такого* я себе не представляла!

– Ничего, ближе к Золотому Шатру будут вам и бирюзовое море, и тёплый ветер, – успокоил Каладиус. – Стоит пересечь Доронский залив, и с каждой лигой мы будем всё ближе к вашей мечте.

– Кажется, я уже больше не мечтаю быть покорительницей морей, – чуть виновато пролепетала Мэйлинн.

Действительно, здесь всё оказалось гораздо менее романтично, чем ей казалось. Холод, качка, опасность, но не щекочущая нервы, а тупо давящая собой, плюс к этому – одежда, насквозь пропахшая потом и даже мочой, отсутствие элементарных условий. Конечно, братья Трип и Кирп были, вероятно, небольшими привередами, и наверняка, будь у путешественников больше времени, они гораздо уютней обустроили бы каюту. Однако теперь приходилось терпеть, и это никак не вписывалось в те романтические картинки, которые когда-то Мэйлинн представляла себе.

А ещё плавание на корабле оказалось невероятно скучным занятием. Море вокруг было одним и тем же – свинцово-серым и неприветливым. Почти такое же серое небо нависало над морем и тоже не вызывало особых положительных эмоций. Берег был достаточно далеко, чтобы видеться лишь узкой темной полоской, поэтому и за ним наблюдать было крайне неинтересно. А на самом корабле не происходило вообще ничего. Точнее, там постоянно что-то происходило, но лирра довольно быстро перестала с интересом наблюдать за ловкими матросами, выполняющими манёвры с парусами. Это было интересно в первый, вто-

рой, может быть даже и десятый раз. Но к сотому разу стало столь обыденно, что Мэйлинн уже просто не обращала на это внимания. Да и долго находиться на палубе было не слишком-то приятно из-за сырого холодного воздуха. Так что лирра с ностальгией вспоминала их сухопутное путешествие, казавшееся теперь интересным и насыщенным событиями.

На третий день после окончания прошлого шторма ветер понемногу начал вновь усиливаться. Он не был штормовым, но и не предвещал ничего хорошего. Более того, он упорно теперь дул со стороны берега, так что приходилось удерживать корабль от того, чтобы ему не уйти в открытое море.

– Далеко ли ещё до залива? – спросил Каладиус Шэда.

– Ну, если будем идти с той же скоростью, думаю, дня через три увидим Зелёный мыс, – отозвался тот. – А за этим мысом уже будет залив.

– Ещё три дня... – огорчился Кол и удивился сам себе – он, оказывается, уже ждёт, не дожждётся, когда же будет этот самый Глаз дьявола – хоть какое-то разнообразие.

– Что, дружище, заскучал по штормам? – усмехнулся шкипер. – Тогда для тебя хорошая новость – кажется, скоро нас опять немного помотает.

– Спасибо, что обрадовал, – кисло ответил Кол.

И действительно – на исходе дня ветер вновь резко поменялся и задул, наоборот, в сторону суши. Более того, он стал гораздо сильнее, и вновь поднялась волна. Правда, «помогал» корабль в этот раз шторм недолго – к утру следующего дня он уже утих. Однако судно оказалось всего в паре кабельтовых от берега, так что Шэд срочно стал отводить корабль подальше.

Следующие два дня прошли относительно спокойно. Даже небо, казалось, стало светлее, чем прежде. И вот Шэд, в очередной раз отняв подзорную трубу от глаза, провозвестил:

– А вот и Зелёный мыс, господа! Часов через шесть мы будем в Доронском заливе!

– Ну привет, Глаз дьявола, – сквозь зубы процедил Кол – отчего-то внутренности вдруг стали холодными и тяжёлыми, и казалось, они свалились одной кучей в самый низ живота.

***

Глаз дьявола встречал гостей недобро – насупив брови-тучи, дыша леденящим ветром, толкая в бока тяжёлыми волнами. То, что происходило вокруг, уже вполне было похоже на шторм, а дальше, если верить чёрному горизонту, всё будет ещё хуже. Если не врут моряцкие байки, то ничего хорошего ждать не приходилось.

– Надобно решить, мессир, как пойдём дальше, – перекрикивая вой ветра, орал Шэд. – Или продолжим идти вдоль берега, и, если что, сможем сделать передышку и подлататься в Пранте, или же идём напрямую, чтобы по кратчайшей перерезать залив? Если повезёт – выиграем несколько дней.

– А если не повезёт? – с бровей мага стекали капли дождя, поскольку злобный ветер всё норовил содрать капюшон.

– Даже если что-то случится в кабельтове от берега, в такой шторм и при такой температуре воды у нас нет шансов, – Шэд судорожно стискивал штурвал, пытаясь обуздать мечущийся корабль. – Так что я бы рискнул напрямик!

– Ну вы же – капитан! – сверкнул глазами Каладиус. – За вами и последнее слово! Доставите нас живыми и невредимыми – вам почёт и уважение, а нет – так кто ж с вас спросит?

– Вы отличный наниматель, мессир! – расплылся в желтозубой улыбке Шэд.

– Я и сам так думаю, – Каладиус в очередной раз рывком натянул капюшон на голову, кивнул Шэду и направился вниз, сообщить своим спутникам итог разговора.

– Ассова задница, я бы всё отдал за то, чтобы пару деньков провести на неподвижной поверхности! – огорчённо проворчал Кол, услышав, что заход в Прант отменяется.

– И тем не менее, так будет лучше, – заверил Каладиус. – Во-первых, сэкономим несколько дней, а во-вторых, как уже говорил наш капитан, Доронский залив напоминает громадную чашу, в которую затягивает холодные и тёплые течения, и где всё это перемешивается в адскую смесь. Если мы не будем в неё углубляться, то, возможно, нас не так уж сильно потреплет.

– Но потреплет всё равно, – буркнул осунувшийся за эти дни Бин.

– Ну, этого не избежать! – ответил маг. – Однако капитан Шэд ручается за крепость судна. Если волны не будут высотой с грот-мачту, нам ничего не грозит.

– А что – бывают такие волны? – глаза Бина округлились.

– Надеюсь, что нет, – пожал плечами Каладиус. – Поэтому-то нам ничего и не грозит. Ну разве что пара новых синяков, да расстройство желудка.

– Ваши бы слова, да богам в уши! – Варан скептически закусил нижнюю губу.

– У нас всё равно уже нет выбора, – возразил Каладиус.

– Нежели? – мастер Теней обвёл присутствующих взглядом. – А почему бы не дойти до Пранта, и не переждать там две-три недели, пока Вастиней немного успокоится? От погони мы оторвались, и вряд ли они так легко отыщут нас снова.

– Какое замечательное слово – «вряд ли», – едко усмехнулся Каладиус. – Неужели мастера Теней все свои операции планируют, исходя из этого понятия?

– Мастера Теней не бросаются, очертя голову, туда, где их ждёт почти верная смерть, – огрызнулся Варан. – Любой риск можно разделить на оправданный и неоправданный. На мой взгляд, переждать ураган в порту, подвергаясь некоторой опасности быть выслеженными – это оправданный риск. Но лезть в самое сердце шторма, о котором слагают легенды – вот это, мессир, я называю неоправданным риском.

– А я называю это необходимостью, уважаемый! – повысил голос Каладиус. – То, что вы называете оправданным риском, на деле может стать для нас фатальным. Вы, как никто, ощутили на себе, что на нас уже ведётся полномасштабная охота. Вы думаете, Орден послал всего одну магиню, чтобы следить за вами? Я думаю, что на всю Паэтту сейчас наброшена тонкая стальная сеть. Пока ещё ячейки её довольно крупные, и хитрая и умная рыбка может выскользнуть сквозь них. Но скоро всё изменится, и, возможно, сама земля загорится у нас под ногами. В нашем случае – преступление потерять хотя бы один день!

– Так именно поэтому мы столько времени потеряли, наслаждаясь вашим гостеприимством в пустыне, затем – выхаживая умирающих в Лоннэ, а затем – вкушая запретные плоды в Найре? – на спокойном обычно лице Варана сейчас бушевал почти такой же шторм, что и за пределами корабля. – Почему тогда мы могли себе позволить ждать, а теперь вдруг – нет?

– Не думал, что мне придётся *вам* это растолковывать, – маг пронизывающе смотрел на охотника за головами. – Всё, о чём вы говорили, произошло *до того*, как мы узнали, что нас выследили. Тогда ещё мы обладали призрачной роскошью более свободно распоряжаться временем. Да и то я теперь жалею, что принял такое решение. Увы, я прожил на свете столько лет, прочёл столько книг, но не удосужился ничего узнать об этом проклятом Вастинее! Я допустил ошибку!

Все присутствующие на этой словесной дуэли с напряжением ожидали её разрешения. Все поворачивали головы то к магу, то к мастеру Теней, в зависимости от того, кто сейчас говорил. Тревога читалась на их лицах.

– А нет ли вероятности, что чуть позже вы и об этом вашем решении скажете то же самое? – глаза Варана сузились в две пылающие щёлочки.

– Конечно есть! – желваки ходили на скулах Каладиуса. – Глупо было бы отрицать, что случиться может всё, что угодно. Но я точно знаю одно – мы выходим против шторма во всеоружии! У нас – лучшее судно, великолепная команда, талантливый капитан. У нас есть

всё, чтобы победить стихию! Но мы гораздо более беспомощны в столкновении с Орденом, потому что даже не знаем, чего и когда нам ожидать. Если выбирать между врагом тупым и неумолимым, или же умным и неумолимым – я выберу первого!

– Прошу вас, довольно ссор! – не выдержала Мэйлинн. – Я понимаю, что нервы у всех сейчас на пределе, но не нужно вымещать на других свои злость и страх. Вы как-то сказали, мессир, что в этом путешествии я выбираю путь. Что-нибудь изменилось с той поры?

– Ничего не изменилось, – несколько неохотно проговорил Каладиус. Плечи его внезапно поникли – он понял, что Мэйлинн, скорее всего, выберет не его сторону.

– Ну тогда, может, позвольте мне решить, как нам поступить? – на этот раз лирра обратилась уже ко всем.

– Конечно, – обронил маг, а остальные довольствовались лишь кивком головы.

– Так вот, по моему мнению, мы должны... – Мэйлинн замолчала, словно собирая мысли в кулак. Она по очереди вглядывалась в лицо каждого из присутствующих, пытаясь что-то прочесть в них. На неё же смотрели глаза, в большинстве которых теплилась надежда на то, что она скажет именно то, что нужно. – Мы должны двигаться дальше, – наконец выдохнула лирра и опустила глаза, чтобы не встретиться с болью и разочарованием во взглядах друзей.

По каюте прошёлся вздох – у кого-то облегчения, но куда чаще – отчаяния; однако никто не проронил ни слова.

– Прошу простить меня, – обратилась лирра ко всем, кроме Каладиуса, поскольку все они надеялись на иные слова. – Но я доверяю мессире, и я доверяю капитану Шэду и этому кораблю. И, сказать по правде, я куда больше ужасаюсь перспективе попасть в руки Ордена, чем оказаться на дне. Уж простите, что я столь эгоистична.

Молчание продолжалось и становилось всё тягостней. Вытянувшиеся лица Кола, Бина и Варана красноречивее любых слов говорили о том, что творилось в их душе. Мэйлинн в отчаянии закрыла лицо ладонями, но не заплакала, а просто замерла, словно пытаясь отгородиться от всего окружающего.

– Пойду, подышу воздухом, покуда ещё есть возможность, – наконец нарушил молчание Кол.

Он запахнул плащ и вышел на палубу, где мощными тугими струями хлестал ливень. Других желающих последовать за ним не нашлось. Все впали в подавленное молчание. Даже Каладиусу, казалось, нечего сказать.

– Что, планы поменялись? – окликнул Кола Шэд.

– Да нет, – цепко хватаясь за любые подручные средства, Кол с трудом взобрался на мостик и встал рядом с капитаном, мёртвой хваткой вцепившись в поручень.

– Не бойсь, прорвёмся, – скупно улыбнулся Шэд.

– Думаешь, круто нам придётся? – почти жалобно спросил Кол.

– Да уж, солоновато – это точно! – подтвердил Шэд. – Ты только посмотри на горизонт! Словно в преисподнюю заглядываешь! Но мы выдержим, я уверен!

– Угу, – Кол уныло сплюнул прямо на палубу – всё равно смоем водой. – А почему не все паруса убраны? – вдруг спросил он. – Разве это не опасно?

– Так надо, – ответил Шэд. – Это – специальный парус, который называют штормовым стакселем. Его уберу в самом крайнем случае, если по-другому уже будет никак. Мне ведь предстоит бороться с волнами, а совсем без парусов это будет сделать весьма затруднительно.

– Что значит – бороться с волнами? – любопытствовал Кол, поскольку это позволяло немного отвлечься.

– Ну нужно будет править корабль так, чтобы он шёл носом к ветру. Тогда он станет рассекать волны форштевнем, и это позволит ему уверенней держаться и не заваливаться.

Другое дело, если большая волна ударит прямо в борт, особенно ежели мы будем в этот момент во впадине между волнами. Тогда судно может просто завалиться на бок, и даже киль не поможет.

– То есть, всё время, что мы будем идти сквозь шторм, тебе придётся быть на мостике?

– В идеале – да. Конечно, если шторм продлится слишком долго, мне нужно будет отдохнуть. На такой случай у меня есть помощник, которому я в этом деле вполне доверяю.

– А шторм может продлиться долго?

– Вполне вероятно, что его размеры покрывают весь Доронский залив, а это значит, что впереди нас ждут дня три хорошей болтанки. И это в лучшем случае, потому что при лавировании мы будем двигаться не по прямой.

– И скоро начнётся самое интересное? – Кол мрачно пялился в тёмную даль.

– Ну, час или два – максимум. Так что готовьтесь как следует. Проверьте все крепления, запаситесь пищей и водой. И задрайте всё, что сможете. А потом – просто молитесь.

***

Окна каюты были плотно закрыты привинченными к переборкам деревянными щитами, причём как снаружи, так и изнутри. Путешественники словно находились в осаждённом замке – наглухо закрытая дверь, окна, запасённые впрок продукты и вода... Хотя, скорее всего, еда вряд ли будет иметь большой спрос в ближайшие дни. Снова горели несколько свечей, плотно вставленных в ввинченные в стены металлические кольца, и вокруг них всё было забрызгано воском.

Шторм длился уже несколько часов, и сейчас все уже скучали по прошлому шторму. Друзья ощущали себя букашками, которых собрал в маленькую коробочку малолетний сорванец, а коробочку эту кинул себе в карман, после чего бросился играть с друзьями в салочки. Иногда казалось, что корабль просто встаёт на дыбы, и пассажиры, словно куклы, перекатывались от одного края каюты к другому.

Огромные волны, не менее двадцати футов высотой, обрушивались на палубу, перекачиваясь через неё и оставляя пенные следы. Снасти визжали и вопили так, словно в них запутались все обитатели преисподен сразу. И всё это перекрывал время от времени мощный голос Шэда.

Иногда капитан испускал почти нечеловеческие, леденящие душу вопли. Может быть, в этот момент он боролся со штурвалом, удерживая его так, что, казалось, вот-вот лопнут мышцы и сухожилия. Может быть, его с головой обдавала очередная ледяная волна. Может быть, это мокрые, твёрдые и тяжёлые, словно металлические тросы, верёвки до боли врезались в его тело, когда очередной порыв ветра или волна пытались сорвать его с палубы. Иногда эти крики сопровождали гулкие удары волн о борта, когда шхуну, как скорлупку, ветер разворачивал почти на месте, подставляя очередной волне беззащитный борт. Тогда шхуна кренилась на борт так, что иной раз даже черпала воду.

Всякий раз, слыша эти крики, у друзей обрывались сердца. Они напряжённо вслушивались, глядя вверх, словно могли увидеть капитана через толстые доски. И всякий раз от сердца отлегалось, когда через какое-то время, перекрывая рёв и грохот стихии, разносились крепкие матросские матюги, которыми Шэд костерил и небо, и море, и корабль, и самого себя. И вот уже корабль, словно чайка, взмывал на новой волне.

Лишь на пятый день этого ада ветер начал стихать, а качка – уменьшаться. К тому времени путешественники уже готовы были сойти с ума от более во внутренностях, недосыпа и ужаса. Воздух в каюте пропах потом, рвотой и нечистотами, а люди в ней были больше похожи на призраков самих себя. Ни у кого, казалось, не оставалось сил даже приподняться с липкого вонючего пола.

Но спустя два-три часа стало ясно, что шторм действительно сходит на нет. После нескольких дней, когда палуба подбрасывала людей, словно жарящиеся блинчики, сейчас она казалось почти неестественно неподвижной, хотя десять дней назад, когда началось их путешествие, куда меньшее волнение казалось им чрезмерным. Через какое-то время стали слышны стоны, и это был хороший знак.

Действительно, ещё через некоторое время начались шевеления, и сперва Кол, затем Варан стали медленно пытаться подняться. Вслед за ними, давя стоны, зашевелилась и Мэйлинн. Закряхтел, переворачиваясь на бок, Каладиус. Лишь Бин продолжал неподвижно лежать, раскинув руки и ноги.

Кое-как встав на ноги, шатаясь, точно пьяный, Кол добрался до двери. Ворвавшийся в каюту воздух оглушал своей чистотой и свежестью. Снаружи было довольно светло, хотя небо всё ещё было низким и серым. Кривясь от боли в кишках, Кол выполз наружу, хватаясь руками за переборку.

– О, вижу, вы живы! – голос Шэда вновь был бодр и радостен, словно ничего и не случилось. – Как там у вас, всё в порядке?

– Если не считать, что в каюте не осталось ни одного незаблѣванного и необоссанного уголочка, а меня сейчас стошнит собственными кишками, то – да, всё в полном порядке, – Кол с отвращением поскрёб отросшую щетину, слипшуюся от рвотных масс.

– Ну и славно! – воскликнул Шэд, словно не слыша едкого сарказма в голосе легионера. – Тогда принимайте поздравления – мы, кажется, прорвались!

– Так что – дьявольских штормов больше не будет? Я разочарован... – прохрипел Кол, кое-как взбираясь на мостик.

– Не разбивайте мне сердца, скажите, что это ещё не конец! – на палубе возник Варан, столь же помятый и небритый.

– Может быть и не конец, – не стал спорить Шэд. – Но хуже уже точно не будет... Госпожа!.. – округлив глаза, выдохнул он.

Мэйлинн выглядела просто ужасно. Полщеки закрывал большой кровоподтѣк от удара о переборку, свалившиеся в один грязный вонючий колтун волосы больше походили на спутанный от репѣв и навоза хвост крестьянской кобылы. Её шатало, а лицо было мертвенно бледно.

– Ничего, – прохрипела она. – Со мной всё будет в порядке. Одна хорошая стирка, горячая ванна – и я снова стану королевой красоты этого корабля!

– О, смею вас заверить, что даже сейчас никто из присутствующих не сможет у вас отнять этого титула! – рассмеялся Шэд. Ему определённо понравилось, что даже в такой ситуации лирра сохранила чувство юмора. – А как там мессир маг и тот юноша, которого вечно тошнит?

– Юноша вытошнил всё, что мог и его больше не будет тошнить до конца жизни, – оглядывая бескрайнее пространство шальными глазами, в проѐме двери возник Бин.

– Я бы на твоём месте не зарекался, приятель, – каркнул сверху Кол.

– А вот и я, – Каладиус пытался сохранять достоинство, но в его положении сделать это было весьма затруднительно, так что вскоре он перестал и пытаться, скрючившись, словно старик, и ухватившись за ноющую поясницу.

– Отлично, все в сборе! – воскликнул Шэд. – Должен вас обрадовать – ваш слуга, Пашшан, также в полном здравии и уже стал звездой нашего корабля, умудряясь готовить королевские блюда из вяленого мяса и сухарей.

– Рад это слышать, – слегка улыбнулся маг. – Ну и каков наш счёт? Как мы преодолели этот шторм?

– Лучше не придумаешь! – ответил капитан. – Я влюблѣн в этот корабль и охотно женился бы на нем, если бы нашѣлся в мире такой жрец, что совершил бы этот обряд! Шхуна

играючи проглатывала такие волны, перед которыми дрогнул бы иной линкор. Мы не потеряли ничего из такелажа. Единственная неприятность – одного из матросов смыло за борт.

– Это весьма прискорбно, – проговорил Каладиус. – И я готов оплатить компенсацию его семье.

– Его семья – это мы, так что можете оплатить компенсацию нам! – ухмыльнулся Шэд.

– За этим дело не станет, – Каладиус также взобрался на мостик и привалился к поручню. – Ну а что скажете насчёт курса? Я что-то не вижу берега.

– Это правда. Мы порядком ушли с курса, и нам пришлось довольно далеко уйти от берега. Он должен быть где-то там, – Шэд махнул рукой прямо по курсу. – Если мои расчёты окажутся верными, к ночи мы доберёмся до него. Если не увидим его до темноты, то придётся бросить якорь до утра, чтобы случайно не разбиться или не сесть на мель. Берега в этом месте будут очень низкими, дно – пологое, так что не стоит рисковать.

– Что ж, это хорошие новости! Я бы попросил вас прислать в нашу каюту нескольких матросов, чтобы привести там всё в порядок. О, боги, я отдал бы миллион золотых корон за возможность принять ванну!

– Что ж, я готов предоставить вам такую возможность и за гораздо меньшие деньги! – рассмеялся Шэд. – Завтра мы устроим банный день!

– Да вы просто волшебник, друг мой! – Каладиус расцвёл в улыбке. – До сих пор не могу нарадоваться, насколько нам повезло с вами!

Пассажиры постепенно оживали на свежем воздухе, который, кстати, не был уже так пронзительно холоден, как прежде. Всё-таки сказывалась близость пустыни Туум. Через некоторое время на палубе уже вовсю звучал смех, разговоры, перекличка. Прошла какая-то пара часов, и Каладиус объявил, что он смертельно голоден и требует, чтобы Пашшан как следует его накормил. И, что особенно отраднo, его хором поддерживали остальные, включая даже Бина. Всё напряжение последних дней выливалось в эту слегка неестественную весёлость, слегка истерический смех и слегка преувеличенную бодрость.

И вот, когда уже начало темнеть, сверху, из вороньего гнезда раздался радостный голос:

– Земля по носу!

Глава 48. Банный день

Несмотря на то, что увидеть землю с палубы в надвигающихся сумерках и без подозрительной трубы было невозможно, все тут же бросились к носу корабля. Шэд лишь легонько посмеивался, глядя на это со своего мостика.

– Сегодня встанем на якорь поближе к берегу, – сообщил он. – Надо отдохнуть и залечить раны.

– Вы не забыли о своём обещании, друг мой? – поинтересовался Каладиус.

– Конечно нет, мессир. Завтра вас ждёт если и не настоящая ванна, то, во всяком случае, возможность помыться.

– У меня внутри всё дрожит от радости так, словно завтра мой день рождения! – воскликнула Мэйлинн. – Неужели я наконец-то снова стану чистой? Мне кажется, у меня в волосах уже завелись крысы, не говоря о животных поменьше.

– Всегда есть способ решения данной проблемы, – ухмыльнулся Каладиус, проводя головой по своей гладкой голове.

– Нет уж, увольте, мессир, – рассмеялась лирра. – Возможно, если я тоже проживу лет семьсот, тогда подумаю об этом.

– Ловлю вас на слове, дорогая!

Как мы видим, настроение у всех было более, чем приподнятое. Все с нетерпением ждали завтрашнего дня. Когда путешественники вернулись в свою каюту, она была уже вымыта и выскоблена матросами, а также проветрена. Нельзя сказать, что это кардинально решило проблему запаха, но, однозначно, находиться там стало куда уютнее.

– Ну что ж, друзья мои, – провозгласил Каладиус, когда все, сытые и довольные, расположились в хорошо освещённой масляными лампами каюте, которая в кои-то веки не норовила отбить своим жильцам бока. – Вот мы и у Дорийского полуострова. Если верить капитану Шэду, Вастиней остался позади. Теперь нас ждёт приятный трёхнедельный круиз, и мы окажемся на месте.

– До сих пор не верится, что это закончилось! – покачал головой Бин. – Сколько раз за последние дни я думал, что Белый путь уже подстилается мне под ноги!

– Ты будешь вознаграждён за эти страдания завтра! – воскликнула Мэйлинн, пытаясь пятерней распутать скомканные в узлы волосы.

– Вы хоть понимаете, что мы с вами попали в весьма немногочисленную когорту людей, дерзнувших бросить вызов Вастинею! – в глазах Каладиуса светилась подлинная гордость. – Вы понимаете, что о нас должны были бы слагать легенды!

– Что-то вы стали честолюбивы на старости лет, мессир, – усмехнулся Варан. – Двести лет просидели, зарывшись в барханы, а теперь вдруг вам захотелось песен в вашу честь!

– Я давно не чувствовал себя таким живым, как сейчас, друг мой! – ответил на это Каладиус. – И особенно ясно я ощутил себя живым именно в последние дни, находясь на волосок от смерти. И теперь это чувство просто распирает меня изнутри!

– Очень хорошо вас понимаю, мессир, – согласился Варан. – Сам вот на досуге припоминал какие-то события своих прошлых лет и поражался – неужели когда-то они могли казаться важными для меня? Теперь они кажутся такими далёкими, словно... ненастоящими, что ли...

– Что уж говорить обо мне! – в приливе чувств воскликнул Бин. – Я вообще ощущаю себя так, словно двадцать лет до этого я прожил в каком-то ящике, и лишь сейчас меня вынули наружу.

– Да уж, подруга, ты знаешь толк в развлечениях! – весело глядя на Мэйлинн, рассмеялся Кол.

– Это да! – лицо Мэйлинн, опухшее с одной стороны от громадного синяка, расплылось в улыбке.

– И всё-таки мы – молодцы! – резюмировал Каладиус, и спорить с этим не стал никто.

– Ну что, а теперь, может, уже пора спать? – предложил Кол.

– Ещё бы! – подтвердила Мэйлинн. – Надо пользоваться случаем, пока тебя не швыряет по стенам вместе с собственной постелью!

– Это отличная мысль! – одобрил Каладиус. – Я – к себе, и чтоб до утра не будить!

– Разве что храпом, – усмехнулся Кол. – Да, Бин? – подмигнул он юноше.

– Да ты и сам храпишь не хуже! – с лёгкой обидой огрызнулся Бин и стал заворачиваться в вонючий спальный мешок. – Надо бы, кстати, завтра заодно и стирку устроить.

– Обязательно! – пообещал Кол, гася лампы.

***

Конечно, наступившее утро трудно было назвать погожим, однако, в сравнении с чередой предыдущих утр выглядело оно, несомненно, гораздо более выигрышно. Шхуна качалась на волнах меньше, чем в кабельтовом от берега. Было прохладно, но не слишком холодно. Небо было всё ещё покрыто облачностью, но это были уже не черные тучи. В общем, это было прекрасное утро!

Берег не поражал красотой или разнообразием. Низкий и пологий, он уходил в дымчатую даль, так и не меняя высоты. Это была типичная дорийская равнина. От той, по которой друзья путешествовали пару месяцев назад, она отличалась лишь цветом травы – теперь уже совсем пожухлой и словно припорошённой инеем. Взгляд мог зацепиться лишь за весьма редкие одинокие деревца, почти кустарники, уныло торчащие то там, то тут. Не было видно ни одной живой души – кочевники избегали селиться на самом берегу, а больше тут никто не жил, потому что дорийцы были весьма непредсказуемыми и неудобными соседями.

– Ну и где же обещанная ванна, капитан? – это был первый вопрос, который задал Каладиус, оказавшись на палубе.

– Ну я уже говорил, что технически это не совсем ванна, мессир, – уклончиво ответил Шэд. – Но возможность помыться я вам предоставляю. Поглядите-ка туда, – и он махнул в сторону недалёкого берега.

В паре десятков ярдов от кромки моря стояла импровизированная палатка из парусины размерами не более пятнадцать на пятнадцать футов. Очевидно, внутри горел огонь, поскольку из отверстия на макушке палатки выходил густой дым. Рядом с палаткой валялось несколько брёвен, и с полдюжину моряков занимались тем, что пилили и кололи их на дрова.

– Что же там такое? – полюбопытствовал Каладиус.

– Это, мессир, наша моряцкая баня. Как вы могли заметить, морякам редко выпадает возможность помыться, ежели море не располагает к купанию. И вот иногда мы устраиваем себе такой вот праздник жизни. Очень экономно – можно как следует попариться и обмыться, не имея огромного количества горячей воды.

– А где же вы набрали дерева для дров? – удивился Каладиус. – Ведь кругом – голая степь. Я вижу, что не те несчастные корявые деревца пошли на дрова!

– Вы снова правы, мессир, – кивнул Шэд. – Но тут всё проще простого. Понимая, что нам предстоит ужасный шторм, я ещё в Найре запасся кое-чем из дополнительного рангута, на случай, если что-то сломается. Но, поскольку моя красавица проглотила Вастиней, не закашлявшись, то теперь нам нет нужды тянуть лишний груз в Саррассу. Так что, когда будете париться, мессир, имейте в виду, что банька растоплена на лучшем мачтовом дереве во всём Загорье!

– Слышу, кто-то говорит про баню? – улыбка Кола с трудом помещалась в проем двери. – Эй, народ, вылезайте сюда! Будем париться! Да ещё и на земной тверди!

– Как здорово! – чуть не толкнув Кола, на палубу выскочила Мэйлинн. – Надеюсь, дамы вперёд?

– Всенепременно, сударыня! – галантно ответил Шэд. – Но баньке нужен ещё хотя бы часок, чтобы дойти, так что пока можете покушать тех волшебных блюд, что приготовил ваш повар. Кстати говоря, мой кок в последние дни ходит злой, как чёрт! Как бы не прирезал он вашего Пашшана, и не подал его нам зажаренным в яблочном соусе! – шкипер громко захохотал.

– Поверьте, друг мой, Пашшан не из тех людей, что позволяют подавать себя в яблочном соусе, – заверил его Каладиус.

Вскоре был подан завтрак, и впервые за много дней его разделил с пассажирами и сам Пашшан, поскольку до того времени он всё больше обретался на камбузе. Как и говорил Шэд, Пашшану удавалось творить чудеса из самых простых и непритязательных продуктов. Особенно счастлив был Каладиус – его желудок, наконец, полностью отошёл от пережитого шока, и теперь он вновь с наслаждением вкушал приготовленные баинином блюда, урча от удовольствия, словно кот.

После весёлого и сытного завтрака путешественники ловко спустились в шлюпку, которая уже билась о борт шхуны, и четверо матросов несколькими мощными гребками доставили их на берег. Друзья с наслаждением встали ногами на твёрдую почву и, несмотря на то, что земля была холодной, Бин и Кол тут же повалились на неё, перевернулись на спину, и, раскинув руки, умиротворённо уставились в проползающее над головами небо. У берега горел костерок, у которого тут же расположились все, кроме Мэйлинн. Она, прихватив с собой свежую смену одежды, вошла в палатку-баню.

Внутри было довольно темно, очень жарко и влажно. Посередине на круге из крупных булыжников стоял большой котёл, в котором парилась и булькала кипящая вода. Рядом стоял другой котёл, поменьше, в котором, судя по всему, была вода холодная. В нём плавал ковш. Большой котёл и камни дышали жаром. Очень сильно пахло дымом, так, что Мэйлинн даже закашлялась, однако подобная мелочь не могла её смутить. Она, не мешкая, принялась стягивать с себя вонючую одежду, кидая её прямо на землю.

Лирра провела в бане не менее трёх четвертей часа. Время от времени оттуда слышались её восторженные визги, когда она окатывала себя горячей или холодной водой, или плескала воду на раскалённые камни, чтобы добавить пару. Наконец она вышла – распаренная, красная и счастливая. На ней была свежая одежда, волосы, всё ещё перепутанные, но чистые, влажно блестели.

– Лучший день в моей жизни! – блаженно выдохнула она, плюхаясь у костра.

– Небось, всю воду выплескала, – добродушно проворчал Кол.

– Ещё натаскаешь! – показав язык, весело огрызнулась она. – Океан-то под боком!

– Чтобы хорошенечко расслабиться, сначала надо хорошенечко напрячься, – философски заметил Варан, глядя в полыхающие угли.

– Ну тогда, значит, пойдём напрягаться! – рывком вставая на ноги, воскликнул Кол. – А то попариться уж больно охота!

Мужчины, за исключением Каладиуса, встали и, прихватив ведра, бросились таскать воду в палатку. Затем пришлось подбросить ещё дров, и ждать, пока вода вновь закипит.

Прошла пара часов, пока все пятеро, включая Пашшана, расположились в бане. Кол тут же поддал парку, убеждая, что именно такой пар, вперемешку с дымом, лучше всего убивает всяких неприятных паразитов. Мэйлинн тем временем уже отправилась на корабль, чтобы заняться генеральной уборкой:

– Не хватало ещё, чтобы я, вся такая чистая, жила в этом свинарнике! – прокомментировала она.

Теперь же мужчины сидели, красные как раки и счастливые, как никогда. Отдуваясь от лезущего в нос пара пополам с дымом, они нахваливали парок, удивлялись синякам, полученным в ходе шторма, и травили всяческие байки, какие обычно травят мужчины в бане.

– А хотите испробовать легионерскую баню? – вдруг предложил Кол. – Как мы делали, когда стояли в Палатие.

– У вас там были бани? – удивился Бин. – Ты же говорил, что там деревья не росли!

– Да не там! – отмахнулся Кол. – Нас же потом перебросили к Скабею.

– И что же это за легионерская баня? – полюбопытствовал Варан.

– Кто хочет узнать – давай за мной! – воскликнул Кол и прямо голышом выскочил из палатки.

За ним, крича, выскочили остальные. На весьма прохладном воздухе их тела исходили паром. А затем все пятеро с душераздирающими воплями запрыгнули в студёный океан. Окунувшись раз или два, они, скукожившись, зарысали обратно в тёплую палатку.

– Вот это класс! – Бин дышал так, словно пробежал несколько миль, и голос срывался то ли от холода, то ли от восторга. – Я ещё так хочу!

– Только сперва надо как следует напариться вновь, – и Кол плеснул ещё один ковш на камни, так что пар на время вновь заполнил собой всё пространство.

После того, как напарились пассажиры, пришла очередь матросов. К тому времени, как все вымылись, солнце уже садилось за горизонт, поэтому было решено провести на рейде ещё одну ночь. Бин страстно мечтал провести эту ночь на берегу у костра, однако запас дров был истощён мытьём и последующей стиркой, так что эту идею пришлось оставить. Но хотя бы ужин был подан на берегу, что позволило продлить пребывание на твёрдой почве. Однако затем за друзьями пришла шлюпка, и они отправились обратно на борт.

***

Потянулись бесконечные дни морского путешествия. Как и предсказывал Каладиус, с каждым днём воздух становился всё теплее, небо – голубее, а вода – прозрачнее. Около недели потребовалось, чтобы обогнуть Дорийский полуостров, и теперь шхуна приближалась к пустыне Туум. На палубе уже вполне можно было находиться без верхней одежды, в одном лишь камзоле. Море было вполне спокойным.

Здесь, у берегов Дорийского полуострова, друзья встретили новый, 1712 год. Пашшан расстарался и приготовил особенно праздничный ужин, а Каладиус, тряхнув стариной, выдал вполне приличный фейерверк, пуская в небо множество огненных шаров и светящихся голубых сгустков.

Кстати, в один из первых дней нового года Шэд, сверившись с картами и инструментами объявил, что корабль проходит мимо мыса с несколько странным названием Южный Язык, который считался водоразделом Великого и Калуйского океана. Так что теперь крутые борта «Нежданной» ласкали уже относительно тёплые воды именно Калуйского океана.

Каждый проводил эту уйму свободного времени так, как ему хотелось. Мэйлинн, хотя и обмолвилась как-то в минуту душевной слабости, что не хочет больше быть мореходом, сейчас, когда окружающая её картина всё больше напоминала былые фантазии, вновь проводила много времени на палубе. Она частенько вертелась на мостике, где Шэд с удовольствием учил её вести корабль заданным курсом, определять координаты и читать карты.

Довольно быстро лирра назубок выучила название каждой снасти на корабле, и частенько сама бросалась на ванты, чтобы подтянуть ту или иную снасть, брать рифы или наоборот – добавить ещё парусов. Она перезнакомилась со всеми матросами и частенько перешучивалась с ними, сидя верхом на какой-нибудь грот-марса-рее.

Не забывала Мэйлинн и несколько книг, взятых ею из коллекции Каладиуса. Касались они, как правило, деятельности Ордена Лианы. Она по многу раз перечитывала одни и те

же страницы. В такие минуты она бывала задумчива, и даже подавлена. Но когда Мэйлинн чувствовала, что хандра берет над ней верх, она тут же захлопывала книжку и бежала на капитанский мостик. И уже через несколько минут её весёлый голос вновь звенел над просторами океана.

Кол, который, как мы помним, маялся в Найре и всё мечтал поскорее уйти в море, теперь маялся в море. Ему было невероятно скучно, и всё, что он выиграл от этой рокировки – возможность пялиться в потолок не фешенебельного номера, а скромной каюты. Ну иногда можно было посмотреть на проплывающий мимо берег, но там всё было до зевоты скучно и неинтересно. Эта часть побережья Паэтты было совершенно необитаема. Спасение он находил лишь в игре в кости со свободными от вахт матросами, Вараном и Пашшаном.

Бин пытался было быть поближе к Мэйлинн, но из этого ничего не вышло, поэтому он вновь был не в духе и на всех обижен, исподлобья глядя на то, как Шэд обхватывает своими лапищами хрупкие кисти лирры, лежащие на рукоятях штурвала, когда на шхуну вдруг налетает боковой порыв ветра и судно начинает уходить с курса. Юноша вполне оправился от морской болезни, но иной раз всё равно чувствовал тошноту, но на этот раз не от качки, а от ревности и разочарования.

Всякий раз, когда Мэйлинн окликала его, чтобы предложить тоже попробовать себя в роли моряка, Бин неизменно отказывался, причём делал это с преувеличенно несчастным видом. Однако лирре, похоже, надоело утирать его сопли, поэтому она, лишь слегка нахмурившись на мгновение, вскоре возвращалась к своим делам. Это задевало Бина ещё сильнее, и он обычно вообще уходил в каюту.

Каладиус неожиданно сделался весьма увлечённым натуралистом. По его просьбе моряки забрасывали с кормы сеть, нечто вроде трала, и периодически поднимали её на поверхность, после чего старый волшебник часами изучал пойманный улов – разглядывал рыб, так близко поднося к глазам, что, казалось, пытался посчитать чешуйки на их спинах, щупал, нюхал и иногда даже пробовал на вкус, облизывая языком. Всё это он аккуратно заносил в какие-то листочки, часть из которых, впрочем, вскоре терялась, так что матросы находили их потом по всему кораблю.

Взахлёб маг рассказывал об охоте на черепаховых акул, которые, как он уверял, во множестве водились в этих водах. Он настоятельно просил Шэда бросить якорь на денёк, чтобы устроить подобную охоту. Шэд неизменно отвечал, что Каладиус, конечно, босс, но в данном случае выполнить его просьбу невозможно, поскольку на «Нежданной» нет ни одного гарпуна. Каладиус огорчённо вздыхал, кивал головой, но на следующий день всё повторялось с точностью почти до реплик. Все подозревали, что маг просто дурачится таким вот причудливым образом, поэтому встречали начало этого диалога с улыбками, а через какое-то время – уже ждали его, словно обещанное театральное представление.

Варан, чьё тело слегка расслабилось от недостатка тренировок, теперь навёрстывал упущенное. Все матросы, разинув рты, ежедневно наблюдали за его упражнениями в фехтовании, словно за неким танцем. А Варан не давал себе спуска, и после часа или двух упражнений с мечом или кинжалом, он приступал к физическим тренировкам, приспособив под снаряды и тренажёры различные вещи, найденные на корабле.

Всё остальное время охотник за головами проводил в компании матросов, бросая кости, или играя в карты. Он вообще казался самым невозмутимым человеком на корабле, исключая разве что Пашшана, который, как мы знаем, вообще никогда не терял хладнокровия. Было видно, что Варан в немалой степени вновь обретает внутреннюю гармонию, сильно нарушенную его неудачной миссией.

Ради справедливости нужно упомянуть и Пашшана, хотя его времяпрепровождение почти целиком было посвящено приготовлению пищи на экипаж и пассажиров. Корабельный кок, который действительно сперва весьма ревниво и даже злобно поглядывал на Паш-

шана, постепенно примирился со своим положением, и теперь с интересом наблюдал за баинином, подмечая секреты мастерства, которыми Пашшан делился, не скупясь. Так что через какое-то время кок и баинин стали настоящими друзьями.

Так и продолжалось это путешествие. В восемнадцатый день месяца примииона «Нежданная» прошла мимо того места, где Анурские горы полоскали свои подошвы в океане. Здесь они были совсем невысоки, и напоминали скорее крупные холмы. Путешественники покидали Загорье, в котором провели почти треть года.

Теперь виды берега стали меняться. Осталась позади пустыня Туум с её нелюдимыми берегами. Здесь вдоль берега то и дело встречались рыбацкие деревушки, и даже довольно крупные населённые пункты. В море сновали сотни рыбацких лодок, шлюпов, небольших шхун. Перед путешественниками лежала Саррассанская империя, и не более недели пути оставалось до её столицы.

Дважды «Нежданная» вставала на якорь вблизи крупных селений, чтобы затариться свежими продуктами. Это были и всевозможные фрукты, и неизменное молоко для Мэйлинн, и мясо, и многое другое. Местные жители были весьма приветливы – рыбаки неизменно приподнимали в приветствии свои соломенные шляпы, когда шхуна проходила мимо их утлых лодок, а ребятишки на берегу, что-то крича, махали кораблю.

Так и наступил двадцать четвёртый день месяца примииона, когда в лучах поздней утренней зари на горизонте обрисовались причудливые башни, больше похожие на какие-то волшебные деревья. Это был Золотой Шатёр, столица могучей Саррассанской империи. Это было то самое место, куда направлялись наши герои.

Глава 49. Золотой Шатёр

С моря город был похож на иллюстрацию какой-то сказочной книги. Даже когда солнце высоко поднялось над горизонтом и потеряло красноватый оттенок, башни, возвышающиеся над домами, по-прежнему отсвечивали розовым. Каменные, а не дощатые причалы далеко убегали в лазурное море, и множество кораблей теснились у них. Украшением города казалась даже его крепостная стена, выложенная из мириадов разноцветных кирпичей. При этом она имела высоту шестьдесят футов и толщину – в тридцать футов у основания и двадцать – у вершины. Глядя на все эти сооружения, в голову приходило лишь одно подходящее слово – «колоссально».

Действительно, в Золотом Шатре всё было колоссально. Невероятных размеров веретенообразные башни с золотыми куполами на умопомрачительных высотах (самая высокая башня города имела высоту без малого четырёхста футов), грандиозных размеров крепостные стены, невероятной длины причалы, уходящие в море больше, чем на полмили. Дворец императора имел такие размеры, что внутри только лишь его тронного зала можно было отстроить небольшой квартал такого городка, как, например, Колион.

Путешественники, из которых никто, кроме Каладиуса, не видел раньше столицу великой империи, стояли на палубе, открыв рты. Да и Каладиус в очередной раз не смог сдержать восхищённого вздоха, взирая на протыкающие небо башни. Ниже башен гнездились белоснежные дома, утопающие в тропической зелени, и каждый из них пытался переплюнуть другой в кричащей роскоши. Это были богатые кварталы города. Они были хорошо видны с корабля, во-первых, потому что располагались на довольно высокой возвышенности, а во-вторых – потому что каждая такая вилла, как и всё в этом городе, страдала изрядным гигантизмом.

– На старости перееду сюда жить! – воскликнул Кол. – А я ещё думал, что не существует блаженных мест на земле!

– Их и не существует, – насмешливо заметил с мостика Шэд. – Ты погоди, вот причалим, тогда и увидишь – охота ли тебе тут будет поселиться!

– Не забывайте, дорогой друг, что мы прибыли сюда в разгар зимы, поэтому можем рассчитывать на приятные мягкие климатические условия, – заметил Каладиус. – А побывайте-ка тут летом! Уверяю вас, пяти минут хватит на то, чтобы проклясть всё на свете.

– Шатёр – очень двуликий город, – с неприязнью проговорил Шэд. – Такой же двуликий, как и жители, его населяющие. Если хотите знать моё мнение, то я этот город ненавижу и презираю.

– Вот как? – приподнял бровь Каладиус. – Ну, ненависть я могу понять, но презрение?

– Именно так, мессир, – Шэд, тряхнув головой, звякнул монетками, вплетёнными в бороду. – На мой вкус этот город жалок, поскольку он словно пытается пыжиться, как это делает шар-рыба, стараясь казаться больше, чем он есть на самом деле. И у меня создаётся впечатление, что это – едва ли не главная цель в его жизни. Для Шатра *казаться* – важнее чем *быть*.

– Я хорошо понимаю, о чём вы говорите, друг мой, – Каладиус пристально взгляделся в приближающийся город. – И, надо сказать, полностью разделяю вашу точку зрения. Одно время я прожил тут немало дней, и, выбравшись наконец, я уезжал с чувством, будто выбрался из протухшего фруктового варенья.

– Что же вас так отвращает в этом городе? – озадаченно проговорил Кол. – Совершенно не понимаю.

– Увидите в свой черед, друг мой, – пообещал Каладиус.

– И довольно скоро, – добавил Шэд. – Не пройдёт и часа, как мы причалим.

– Рад слышать, – откликнулся Каладиус. – Должен сказать, вы сослужили нам верную службу, капитан! И заслужили каждый медяк из положенной вам суммы.

– Весьма польщён, мессир, – улыбнулся Шэд. – И должен вам сказать в ответ, что вы были великолепными пассажирами! А, кроме того, моя совесть велит сказать, что обещанная вами награда – это, быть может, уже чересчур. Учитывая, какой корабль вы мне дали, можно сказать, что я ещё навеки останусь вашим должником! Стоит ли упоминать ещё и о деньгах? Стоит ли усугублять мой долг на ещё одну сотню золотых?

– Стоит, капитан! – отрезал Каладиус. – Впрочем, вы вправе отказаться от своей доли – воля ваша! Но зачем вы отказываетесь от доли своих людей? Не думаю, что они будут благодарны вам!

– Хорошо, – согласился Шэд. – Тогда так и поступим. Я отказываюсь от своей доли! Заплатите лишь то, что причитается моим людям – и будем в расчёте.

– Думаю, я поступлю правильно, если отдам вашу долю этим достойнейшим людям, – по палубе в ответ грянуло радостное «Ура!». – Эти молодцы показали себя настоящими героями, и достойны соответственной награды!

– Что ж, мессир, не буду учить вас, как распоряжаться вашими деньгами! – рассмеялся Шэд, и это усилило ликование матросов.

– А куда вы отправитесь дальше? – поинтересовался Кол у Шэда.

– Если я больше не буду вам нужен, то, думаю, мы с ребятами мотанём в Кинай, эту землю обетованную для всех моряков. Там можно будет дожидаться летней навигации в маленьких радостях, какие обычно скрашивают сухопутную жизнь морских волков.

– Нет, дальше наш путь будет лежать посуху, – ответил Каладиус на первую часть реплики. – В ваших услугах, капитан, мы более нуждаться не будем.

– Ну, мы пробудем в Шатре минимум дня три-четыре, – пожал плечами Шэд. – Нужно подготовиться к дальнейшему плаванию. Если что – разыщите нас в течение этого времени тут.

– Спасибо, будем иметь в виду! – кивнул маг.

Краткий остаток морского путешествия прошёл почти в полном молчании. Пассажиры чувствовали грусть, прощаясь с судном, которое больше месяца было их домом, и с которым они столько всего пережили. Пугала и предстоящая неизвестность, ведь именно сейчас начинались самые важные этапы их пути.

Наконец «Нежданная» филигранно пришвартовалась к каменному пирсу. Стукнули сходни, булькнул, уходя ко дну, якорь, полетели на сушу концы швартовых, где их тут же подхватили услужливые руки мальчиков, надеющихся урвать медяк-другой. Морское путешествие успешно завершилось.

***

В отличие от найрского порта, где всегда было не протолкнуться от людей, в порте Шатра ситуация была несколько иной. Быть может, от того, что он был раза в три больше, и не меньшее, а то и большее количество людей, чем в Найре, не создавало ощущения столпотворения. Но скорее всего разгадка была куда проще – в связи с зимним временем навигация почти везде прекратилась, поэтому не так много кораблей было пришвартовано сейчас в главном порте империи. Во всяком случае, идя по кажущемуся бесконечным каменному пирсу, друзья не так уж часто вынуждены были проталкиваться через скопления народа.

Позади несколько носильщиков на тележках везли багаж, в числе которого был и тот самый сундучок, доверху набитый банковскими бумагами. Несмотря на то, что людей на причалах было не так уж много, шум стоял, наверное, даже больший, чем бывал в Найре.

– Какие крикливые, однако, – морщась, заметил Бин, когда они проходили мимо очередной группы саррассанских моряков, громко и эмоционально что-то обсуждавших. Так

же громко кричали носильщики и грузчики, портовые мальчишки и торговцы, сборщики пошлины и стража. От этого крика у непривычного человека вскоре начинала болеть голова.

Было позднее утро, однако солнце уже пригревало так, что, довольно плотно одетые путешественники стали покрываться бисеринками пота. От моря шёл несколько гнилостный запах, присущий любому порту.

– Уф, поскорей бы добраться до места! – утирая лоб, выдохнул Кол. – А, кстати, мессир, что это за место? Куда мы вообще направляемся?

– К одному моему знакомому, – лаконично ответил Каладиус. – За ним числится должок, и я надеюсь, что он поможет нам на первых порах – обеспечит жильём и всем необходимым.

– Что за знакомый? – Варан видел, что Каладиус не особенно хочет распространяться на эту тему, но считал, что в данной ситуации он должен знать больше.

– Один купец, – чуть поморщился Каладиус. – Влип в неприятности по своей дурости, а я помог ему избежать наказания. Точнее, вообще сделал так, что его имя так и не засветилось. Думаю, он благодарен мне до конца своих дней.

– Надёжный человек? – не отставал Варан.

– Такой же надёжный, как вода, бьющаяся об этот пирс, – усмехнулся маг. – Но он страшный трус, и, думаю, ему хватит ума не перечить нам и делать всё, что мы скажем. Тем более, что от него требуется всего лишь жилище, не более того.

– Нам нужно привыкать быть максимально осторожными, – будто оправдываясь за минувший допрос, проговорил Варан. – Здесь мы уже довольно близки к Ордену.

– Ну вообще-то империя не водит особо тёплых отношений с лиррами, – возразил Каладиус. – Конечно, их здесь живёт куда больше, чем в Загорье, но здешние семьи не обладают ни политическим, ни финансовым влиянием. Так что, думаю, что пока мы не подойдём достаточно близко к Латиону и Санну – нам нечего особо опасаться.

– Однако для орденовских ищеек не нужно быть здесь политическими тяжеловесами, – не сдавался Варан. – Несколько ассасинов могут действовать независимо и незаметно. Когда мы покинули Найр морским путём, думаю, не нужно быть великими провидцами, чтобы понять, куда мы направимся, учитывая, что северные моря сковало льдом. Я бы строил наши дальнейшие планы исходя из того соображения, что именно здесь, в Золотом Шатре, нас могут поджидать.

– Мне кажется, что Варан прав, – поддакнул Кол, озираясь по сторонам так, будто уже ожидал увидеть парочку-другую ассасинов, поджидавших их.

– Мне тоже так кажется, – не стал спорить Каладиус. – Но особого выбора у нас нет. Шататься в поисках съёмного жилья мне не хочется. Пилион Барса – купец, к которому мы направляемся – повторюсь, тот ещё трус. От него не стоит ожидать ничего экстраординарного.

– Вам виднее, мессир, – было видно, что Варана не удалось убедить до конца.

– Если всё пойдёт, как я надеюсь, – попытался успокоить друзей маг. – То через пару дней мы, возможно, переберёмся в императорский дворец. Уж там нас никаким ассасинам не достать.

Между тем, они наконец дошли до конца пирсов и вступили на землю, точнее, на мощёную каменной плиткой площадь. Здесь толчея была уже более ощутима.

– Это ещё что? – воскликнул Кол, указывая на несколько больших металлических клеток, висящих на высоких каменных столбах.

Эти клетки были высотой около пяти футов и как раз такого размера, чтобы в них уместился человек, хотя он и не смог бы там распрямиться в полный рост. Большинство клеток были пусты, но в двух находились люди. Обнажённые, скрюченные люди.

– Боги, какой ужас! – побледнела Мэйлинн. – Кто эти несчастные, и почему они в клетках?

– Думаю, что это – либо преступники, либо беглые рабы, – нахмурившись, ответил Каладиус. – Скорее всего – второе. Вероятно, пытались бежать морем, спрятавшись на каком-либо корабле, но были пойманы и посажены сюда в назидание.

– Но это же варварство! – Мэйлинн сделала над собой усилие и заговорила тише. – И сколько они будут тут сидеть?

– Пока не умрут, – тихо проговорил Каладиус. – А затем – ещё немного.

Действительно, когда друзья подошли ближе, оказалось, что один из двух несчастных уже мёртв. Причём, вероятно, мёртв уже некоторое время, судя по запаху, который волнами расходился от клетки. Причина смерти была вполне очевидной – вероятно, несчастный просто разбил себе голову о прутья решётки, поскольку его лицо и лоб представляли собой кровавое месиво. Второй был ещё жив, но, вероятно, совершенно сошёл с ума, т.к. сидел неподвижно, вцепившись зубами в собственное предплечье и пытаясь высасывать кровь из ранок, глядя в никуда пустыми безумными глазами.

– Дикари! – Кол, не выдержав, сплюнул под ноги. – Без обид, Варан...

– Да какие тут обиды, – пожал плечами мастер Теней. – Это и правда бесчеловечно.

– Это действительно беглые рабы, – Каладиус кратко кивнул на висевшие под клетками деревянные таблички с надписью на саррасанском.

Вообще из всех людей, находившихся в этот момент в порту, лишь шестеро оторопело пялились на висящие клетки. Остальные равнодушно проходили мимо, разве что кто-нибудь недовольно морщился, когда новая волна трупного запаха ударяла в нос.

– Должен признать, что у моих соотечественников вообще крайне выражена эта странная, почти извращённая жестокость, – проговорил Варан, отводя взгляд от безумца, пытающегося утолить жажду собственной кровью. – Ремесло казней и пыток возведено здесь почти что в искусство. Надеюсь, вам не придётся увидеть здешние казни, потому что простое повешение или обезглавливание тут кажется скучным и неинтересным.

– Надеюсь, нам не придётся испытать это на себе, – мрачно буркнул Кол, и было не совсем ясно – шутит ли он. – Что-то мне всё меньше хочется жить тут на старости лет.

– Погодите, друг мой, не разочаровывайтесь так быстро, – бледно улыбнулся маг. – Дайте этому городу шанс, и он ещё сумеет вас весьма неприятно удивить.

– Звучит многообещающе, – криво ухмыльнулся Кол.

– И ждать осталось недолго, – посулил Каладиус.

Вонища... Не запах, не вонь, а именно вонища растекалась по прибрежным кварталам Шатра. В отличие от Найра, близкие к порту кварталы тут были заселены городской беднотой, и даже Бин, выросший в не самых благополучных районах Латиона, с ужасом взирал на окружающее.

Отвратительная, тошнотворная нищета выпрастывалась тут наружу сотнями различных проявлений. Изъязвленные лица прохожих – чуть ли не половина всех встреченных местных жителей, причём независимо от пола и возраста, были покрыты какими-то отвратительными язвами, разъедающими щеки, губы, покрывающими гнойниками полуобнажённые тела. Много было увечных, с заплывшими глазами, проваленными носами, странными ужасными шишками и наростами на лице.

– Что с этими людьми? – Мэйлинн инстинктивно прикрыла нос и рот тканью шарфа и испуганно жалась к магу.

– Сифилис, – коротко ответил Каладиус.

– Что – у всех? – Кол выпучил глаза.

– У очень многих.

– Но он даже у детей, – потрясённо протянул Кол, глядя на девочку лет семи, вяло сидевшую у окна, всё лицо которой было покрыто красными прыщиками.

– А что поделать, если его почти не лечат? Когда вокруг болеют все, заражаются и дети.

– Но почему власти не озаботились этим? – недоуменно спросила Мэйлинн.

– Потому что у них, на вершине Койфара, всё в порядке, – процедил маг. – Нет, они иногда пытаются браться за лечение, но делают это так, что лучше бы и не начинали. Единственный способ лечения, который тут применяется – ртутные притирки. От лечения умирает едва ли не больше людей, чем от самой болезни.

– Да не особенно, я думаю, они стремятся лечить, – сквозь зубы проворчал Варан. – Для властей это способ ограничивать численность населения города. Если бы не сифилис, Золотой Шатёр давно лопнул бы, подобно гнойнику, переполненный полчищами бедноты. Эти нищие плодятся с удивительной быстротой. Так что сомневаюсь, что кто-то когда-то возьмётся всерьёз искоренить эту проблему.

– Вот тебе и город из сказки! – брезгливо бросил Кол. – Пойдёмте поскорее, мне не терпится поскорей выбраться отсюда.

– И почему мы вообще пошли здесь? – подал голос Бин. – Неужели и жители богатых кварталов проходят тут, если идут из порта?

– Многие – да, – кивнул Каладиус. – Ведь для них это лишнее напоминание о том, как хорошо живётся им самим. Достаток не приносит удовольствия, если не наблюдать его противоположность. Но вообще из порта есть другой путь в центр, однако так будет гораздо короче.

Грязь, вонь, болезни – всё смешалось на этих улицах. Никто ни разу не озаботился вырыть хотя бы подобия сточных канав на этих и без того узеньких улочках, так что под ногами постоянно хлюпала зловонная скользкая жижа. Но был ещё один запах, густо переплетающийся с запахом гноя, гнили и нечистот – это был запах дыма дурной травы. Похоже, её тут курили все, кому исполнилось хотя бы двенадцать. Может быть, именно поэтому обитатели трущоб тупо и равнодушно смотрели на проходящую группу людей и носильщиками, которые по-прежнему катили тележки с кладью. Тем не менее, несмотря на это безразличие, Кол не выпускал из вспотевших ладоней рукоять меча, а Варан и Бин – рукояти кинжалов.

– Долго ещё? – по виду Бина казалось, что его вот-вот стошнит.

– Совсем недолго, – ответил Каладиус. – Не больше, чем десять минут.

Действительно, вскоре ноги путешественников ощутили небольшой подъем почвы, и стало заметно, что дорога, да и весь город, начинают взбираться на высокий гигантский холм, называемый Койфаром. Любопытно, что здесь не было, как в Латиионе, стены, отделяющей Старый город от Нового. Просто в какой-то момент нищих вокруг вдруг не стало, дороги стали заметно чище, а дома – заметно более приспособленными для жилья. И публика на улице стала куда более благовидной.

– Как же так? – изумился Бин. – Кварталы нищеты ничего не отделяет от кварталов богачей?

– Мы ещё не добрались до кварталов богачей, – ответил Каладиус. – И там, будьте спокойны, будет стена, за которую кого попало не пустят. Здесь пока живут люди, имеющие работу, и зарабатывающие достаточно, чтобы не гнить в трущобах, однако недостаточно для того, чтобы попасть в Сады Императора – так называют тут богатый центр города.

– А как же мы попадём туда? – поинтересовалась Мэйлинн.

– Пока – никак. Для того, чтобы пройти через стражу, нужно иметь грамоту, которой у нас пока нет. Я не хочу афишировать свой приезд, поэтому мне и понадобится помощь моего приятеля Пилиона Барсы. Он, хотя и весьма богатый человек, и живёт, конечно, на самом Койфаре, имеет здесь кое-какой бизнес. Вскоре мы доберёмся до его конторы, и тогда я пошлю ему весть. Он и пришлёт нам пропуск.

Действительно, вскоре Каладиус подошёл к неприметному домику без всяких вывесок и опознавательных знаков, и несколько раз осторожно стукнул дверным молотком.

– Чего надо? – дверь приоткрылась и через появившуюся щель блеснул чей-то слезящийся глаз.

– Мне нужно поговорить с твоим хозяином, – небрежно бросил Каладиус.

– Не понимаю, о чём... – начал было бубнить слезящийся глаз, но Каладиус резко перебил:

– Я не буду повторять в третий раз! Мне нужно срочно поговорить с твоим хозяином, болван! Если посмеешь возразить ещё раз, я вышибу дверь и вырву тебе язык! Открывай!

Дверь поспешно открылась, явив хозяина слезящегося глаза целиком. Он был крайне напуган и обескуражен.

– Но я говорю правду, господин! – залепетал он. – Хозяина...

– Я прекрасно знаю, что Барсы тут нет! – прорычал маг. – Мне нужно, чтобы ты нашёл его как можно скорее, и передал, что тот, кто держал глаза закрытыми, хочет с ним встретиться. Всё понял? Повтори!

– Тот, кто держал глаза закрытыми, хочет с ним встретиться, – послушно повторил Слезающийся глаз.

– Хорошо! Ступай! – поистине царственным жестом Каладиус указал в сторону вершины Койфара. – А мы обождём тут. И посторожим твоё... добро, – маг презрительно усмехнулся при последнем слове.

Человек стрелой выскочил на улицу и бегом помчался вверх. Каладиус же сделал приглашающий жест, и все, включая носильщиков с вещами, вошли в помещение.

Внутри оказалось почти совершенно пусто. Ворох тряпья на полу, служивший кроватью, один стул да огромный закрытый стол – вот и всё, что было в помещении.

– И что же он тут охранял? – недоуменно спросил Бин.

– Неважно, – бросив взгляд на носильщиков, ответил Каладиус. – Прошу простить за неудобства, но, надеюсь, это ненадолго.

В комнате было неуютно и стоял неприятный запах давно непроветриваемого помещения. Поскольку сесть было практически некуда, Бин и Кол уселись прямо на стол. Каладиус примостился на единственном стуле, а остальные уселись на сундуках и чемоданах. Носильщики, оставив вещи, вышли на улицу и уселись на корточках вдоль стены.

– Должен признаться, мой знакомый купчишка – один из самых крупных торговцев дурной травой в городе. У него несколько подобных... гм... контор, через которые он и реализует свой товар, – оглядывая комнату, объяснился наконец Каладиус. – Уверен, что где-то тут есть люк в полу, или ещё что-то в этом роде, за которым – помещение, под завязку набитое этой дрянью.

– Вы умеете заводить знакомых, мессир, – усмехнулся Варан.

– Мне кажется, это скорее они умеют заводить меня, – парировал Каладиус. – Я думаю, вы понимаете, что я не ищу подобных знакомств. Но тогда, когда этот самый Барса едва не оказался насаженным на кол, я решил спасти его, надеясь, что когда-нибудь это принесёт мне дивиденды. Как видите, я не ошибся.

– Стоило ли спасать жизнь торговцу смертью? – осуждающе воскликнула Мэйлинн.

– Почему нет? – возразил маг. – Даже если бы его казнили, его место тут же занял бы кто-то другой. Спрос всегда рождает предложение, дорогая. А этот, надо сказать, ещё не худший экземпляр. По крайней мере, в те времена он запрещал своим торговцам продавать траву детям.

Мэйлинн не ответила, но её насупленный вид давал понять, что она осталась при своём мнении.

Прошло не меньше часа. Несколько раз в дверь осторожно стучали, но, увидев, что им открывает совершенно незнакомый детина, тут же отправлялись восвояси. Наверняка, ещё большее количество потенциальных покупателей было отпугнуто четвёркой носильщиков, сидящих у входа. Наконец дверь отворилась без стука, и в комнату вошёл тот самый мужчина со слезящимся глазом.

– Господин Барса нижайше просит вас, господин, проследовать в его особняк, где он уже ожидает вас, – подобострастно проговорил он. – Вот пропускная грамота, которая поможет вам и вашим спутникам беспрепятственно пройти в Сады Императора.

Не благодаря, и вообще не отвечая, Каладиус резким движением выхватил протянутую бумагу и, сложив её вдвое, убрал за пазуху.

***

– Мессир! Не чаял увидеть вас вновь! Сколько лет прошло! – улыбка на немолодом, заплывшем жиром лице лысого саррассанца была насквозь фальшивой – в ней отчаянно сквозил страх. Вероятно, Пилион Барса не ждал от визита мага ничего хорошего.

– Я взял на себя труд посчитать на досуге, и оказалось – семнадцать, – сухо ответил Каладиус.

– Годы пощадили вас, мессир! – угодливо пропел Барса.

– Зато они полностью отыгрались на тебе.

Пилион Барса был весьма тучным мужчиной лет сорока пяти или пятидесяти. Несколько жиденьких прядок длинных волос липли к мокрому от пота черепу. Багровость кожи выдавала проблемы с кровяным давлением, а сильная одышка – с сердцем. Барса полулежал на разбросанных на полу подушках, и двое рабов всю работу опахалами, хотя в его покоях не было слишком уж жарко.

– Что сподвигло вас на то, чтобы вновь посетить наш прекрасный город?

– Не уверен, что это твоего ума дело, Барса, – резко ответил маг. – Лучше задай вопрос, чем ты можешь быть мне полезен?

– Чем недостойный вроде меня может быть полезен вам, мессир? – Колу показалось, или заплывшие глазки этого хряка как-то странно блеснули при этих словах?

– Мне нужно, чтобы ты поселил меня и моих друзей куда-нибудь в укромное место, подальше от лишних глаз. Какая-нибудь уединённая, покрытая зеленью вилла в пригороде. Скорее всего, она понадобится ненадолго, пока я не найду способ дать о себе знать императору.

– И это всё? – на лице Барсы читалось явное облегчение.

– Пока всё, – Каладиус не спешил разжимать тиски.

– У меня есть как раз то, что вам нужно, мессир! – зачастил Барса. – Замечательная зелёная вилла, в которой я теперь уж редко бываю, поскольку состояние здоровья не даёт мне выбирать из моего дворца. Она пару лет стояла необитаемой, но я сейчас же pošлю слуг, чтобы они привели её в порядок. А вы, дорогие друзья, побудьте пока моими гостями. Отобедайте, отдохните. Через несколько часов вы сможете отправиться туда.

– Что ж, отобедать я не прочь, – лицо мага слегка разгладилось, но лишь слегка. – Ну что, друзья, примем приглашение этого проходимца?

– Ну зачем вы так, мессир? – с видом оскорблённой невинности захныкал Барса. – Я – почтенный купец, почётный член купеческой гильдии Саррассы...

– Знали бы члены гильдии, что три короны из каждых пяти, что лежат в твоих сундуках, воняют дурной травой!

– Многие знают, – поджал губы Барса. – А деньги – они, знаете ли, не пахнут, мессир.

– В том-то и беда... Ладно, вели подавать обед!

Обед подали на открытой террасе, с которой открывался замечательный вид на море. Блюда были несколько непривычны для северных жителей, однако вполне вкусны, так что даже Каладиус морщился совсем немного, когда их поедал. Когда Барса предложил вина, Кол и Мэйлинн, естественно, решительно отказались.

– Если можно, я бы выпила молока, – это были первые слова, произнесённые лиррой в этом доме.

– О, юная госпожа, конечно же! – жирные щеки затряслись в такт кивкам головы. – Сию же минуту вам принесут молока! А ещё, ежели хотите, предложу вам отведать одно лакомство, которое с недавних пор весьма популярно у нас в стране.

Слуга принёс поднос, на котором стоял хрустальный графин, полный молока, а также другой сосуд, также хрустальный, в котором было нечто, очень напоминающее молоко, но с кремовым оттенком и, как выяснилось, очень густое.

– Наши кондитеры научились вываривать коровье молоко с сахаром, так что получается вот такое вот лакомство, – пояснил Барса. – Попробуйте, и вы подтвердите, что ничего вкуснее в жизни не пробовали.

Мэйлинн попробовала тягучую густую субстанцию. Она медленно-медленно стекала по стенке бокала в рот непрерывной струйкой, так, что когда лирра отняла бокал от губ, белая струйка потекла по подбородку. Вкус у лакомства был довольно необычный, и его можно было бы даже назвать приятным, если бы оно не было таким приторно-сладким. Вежливо кивнув, Мэйлинн салфеткой утёрла подбородок и отставила бокал в сторону, налив себе простого молока.

– Вам не понравилось? – Барса казался искренне огорчённым.

– Чересчур сладко, – ответила лирра.

– А вот по мне – самый раз! – улыбнулся толстяк. – Я в день съедаю не меньше двух фунтов!

– Это хорошо объясняет то, что ты теперь стал настолько толст, что не можешь выйти из собственного дворца! – едко заметил Каладиус.

– Зачем вы так, мессир? – Барса оттопырил слюнявую нижнюю губу.

– Ладно. Скажи лучше, что нового тут у вас произошло?

– За семнадцать-то лет? – усмехнулся Барса. – Уйма всего. Рассказывать – недели не хватит.

– Паториус всё ещё в тюрьме?

– В тюрьме! С тех пор, как вы его туда упрятали, мессир, – глаза Барсы хитро блеснули.

– Кто это – Паториус? – поинтересовался Кол.

– Один не в меру ретивый маг, – пояснил Каладиус. – Он пытался захватить власть в Саррасе. Я ведь говорил вам уже, что не так давно оказал императору Малилле важную услугу. Его придворный маг воспользовался юностью императора и, по сути, взял его в заложники в собственном дворце. Он правил от имени императора и готовил почву для того, чтобы самому назваться правителем.

– Пока не вмешался мессир, – по-детски хихикнул Барса.

– Да, я получил сообщение от одного старого приятеля из чернокнижников и решил размять старые косточки.

– Ничего себе – старые косточки! – угодливо воскликнул Барса. – Мессир навёл здесь такого шороха, что удивляюсь, как вообще город-то устоял на месте!

– Да, пришлось повозиться, – согласился Каладиус. – Паториус был крепким орешком, да к тому же его поддерживали многие некроманты. Славный был бой, но главное – мы победили. Кстати, как раз тогда я и спас этого торговца травкой от смерти.

– Я поставил не на ту лошадку, – сладко улыбнувшись, пояснил Барса. – В итоге я сколько-то денег ссудил некромантам, думая, что они окажутся у руля. Но я ошибся. Хвала богам! – быстро добавил он.

– Когда мы расследовали дело, и мне на глаза попался этот молодец (а тогда он действительно был молодцом – рослый, стройный, черноволосый и белозубый), меня сразило его искреннее раскаяние и желание заслужить прощение. И поскольку в казне почти не было денег, а юный торговец Барса неожиданно согласился пожертвовать императору аж две тысячи корон, я решил, что можно прикрыть глаза на его мелкое прегрешение.

– Не проходит дня, чтобы я не вознёс молитву за ваше здоровье, мессир! – воскликнул Барса.

– Вероятно, лишь твоими молитвами и живу по сей день! – фыркнул маг.

Дальше разговор перекинулся на дни сегодняшние, но ничего особенно интересного Барса так и не сообщил. В конце концов друзья вышли из-за стола, и, проведя ещё какое-то время в небольшом парке у фонтана, чтобы дать желудкам переварить пищу, стали собираться в путь.

– Я дам вам проводника, мессир, – шлёпая тапками по полу, Барса семенил вслед за магом. – Он проводит вас до места. Также возьмите мой паланкин, чтобы не бить ноги напрасно!

– Паланкин!.. – фыркнул Каладиус. – А что – обычного экипажа у тебя нет?

– Обычного экипажа? – воскликнул Барса так, словно оказался поражён в самое сердце. – Да за кого вы меня принимаете? За торговца рыбой?

– Ладно, бес с тобой! Но нас шестеро, а мне также нужно ещё доставить и мой багаж.

– О, не извольте беспокоиться! У меня есть такой паланкин, в котором и вдесятером будет не тесно! А вещи мои слуги доставят следом.

– Хорошо. Ну бывай здоров, Барса! Может, ещё свидимся, – никакого пожатия рук или чего-то подобного.

– Конечно свидимся, мессир! Уповаю на это всем сердцем! – кричал толстяк вслед уходящим друзьям.

– А почему вы не обратились за помощью к вашему другу-чернокнижнику, мессир? – с нескрываемой гадливостью спросил Кол, когда они шли по усыпанным белым песком дорожкам к поджидавшему их громадному паланкину. – Почему именно эта свинья?

– Он погиб, – на лице мага не дрогнул ни один мускул. – Тогда, во время восстания Паториуса.

***

Вилла и впрямь была шикарна. Громадная, как и всё в этой империи, она казалось, утопала в зелени. Даже сейчас, в разгар зимы, сады и парки виллы поражали буйством растительности. Кое-какие деревья даже цвели, на других висели плоды.

– Вот тут можно встретить старость! – восхищённо воскликнул Кол, пытаясь оценить масштабы этого места. – Настоящий императорский дворец!

– Вы просто ещё не видели императорского дворца, друг мой, – усмехнулся Каладиус.

– Неплохо же зарабатывают торговцы дурью! – заметил Варан.

– Что, решил сменить работу? – подначил его Кол.

– Да поздно уж, – в тон ему ответил Варан.

Каладиус приказал носильщикам остановиться у вычурных позолоченных ворот, и теперь друзья пешком шли по ровным и широким дорожкам, посыпанным мельчайшим гравием, вертя головами во все стороны и не переставая удивляться. Барса сказал, что дворец года два уже стоял необитаемым, но это, похоже, означало лишь то, что там не было его.

Наверняка, чтобы обслуживать такой дом и такой парк, нужны были сотни, если не тысячи слуг.

Широченная мраморная лестница не меньше, чем на двадцать ступеней, вела к входу во дворец.

– Да одного этого мрамора, должно быть, хватило бы для постройки средненькой такой башни Арионна! – присвистнул Кол.

– Да ещё и осталось бы, чтобы посыпать дорожки вокруг мраморной крошкой, – усмехнулся Варан.

– На этой лестнице можно было бы уложить на ночлег целую центурию! – продолжил восхищаться Кол.

– Похоже, кое-кто решил остаться здесь навсегда! – рассмеялась Мэйлинн.

– Да ну, почему сразу навсегда? – возразил Кол. – Ассова задница! А двери-то! Мне кажется, мы спокойно могли бы въехать в них на том огромном паланкине!

– Вполне возможно, Барса так и делал, – фыркнул Каладиус.

– А как они легко открываются! – Кол шёл первым, и сам распахнул дверь, не дожидаясь, пока её откроет слуга, а затем шагнул в прохладный полумрак. – Ого! Да тут...

– Ну чего ты замер на пороге? – проворчал Варан. – Заходи давай, потом будешь любоваться!

Кол, медленно повернувшись, сделал шаг навстречу друзьям. Из угла его рта стекала тоненькая струйка крови, а в груди торчала стрела.

Часть третья

Глава 50. Император

Кол пытался что-то произнести, но лишь кровавые пузыри вздулись на его онемевших враз губах. Совсем по-девчачьи взвизгнула Мэйлинн, когда легионер стал валиться на идущего следом Варана. Глаза Бина остекленели от ужаса почти так же, как глаза Кола.

– Засада! – крикнул очевидную всем вещь Каладиус. – Назад!

Однако Варан решил по-другому. Он понял, что сейчас нельзя отступать. Или, по крайней мере, не всем. Кто-то должен прикрыть, выиграть время. Поэтому рывком дёрнув на себя обмякшее тело друга, он почти бросил его в объятия Каладиуса, а сам, на ходу вынимая меч, рыбкой нырнул в проем дверей. И был прав – вторая стрела свистнула над его головой и расщепила дверной косяк буквально в двух шагах от мага. Не раздумывая ни секунды, вслед за мастером Теней в темноту дома ворвался Пашшан – его странноватый шест прошелестел, обретая свободу.

– Стой! – Каладиус цепко ухватил за рукав Бина, который, несмотря на смертельную бледность, решительно рванулся на помощь друзьям. – Выноси Кола! Мэйлинн! Помогите юноше!

Ещё секунду назад казалось, что Мэйлинн вот-вот упадёт в обморок, но теперь она вся вдруг как-то собралась, лицо её, уже почти размякшее от рвущихся рыданий, вновь стало сосредоточенным и жёстким. Вместе с Бином они перехватили безвольно висящее тело Кола из рук мага и, тяжело отдуваясь, поволокли его подальше от виллы.

Внутри тем временем шёл бой. Не было слышно ни единого крика – ни боли, ни ярости, но зато вдоволь было звона оружия – песни, которую пели мечи.

Каладиус, отступив назад настолько, чтобы полностью сойти с мраморной лестницы, вдруг застыл в несколько странной позе, словно гром небесный неожиданно настиг его – голова втянута в плечи, лицо опущено, судорожно напряжённые руки несколько разведены в стороны, на лбу вздулась вена, а лысый череп покрылся потом. Лишь губы его слегка шевелились, да быстро-быстро, почти с нечеловеческой быстротой мигали, открываясь и закрываясь, глаза.

Нападавшие, видно, оказались крепко скованы Вараном и Пашшаном, поэтому Мэйлинн и Бин беспрепятственно отволокли бесчувственного Кола шагов на сто, так что они оказались прикрыты от возможных взглядов врагов роскошными деревьями и кустарниками сада. Только здесь Мэйлинн наконец сделала знак опустить раненого на шелковистую, без малейших признаков увядания, траву и тут же принялась осматривать рану.

Было видно, что стрела глубоко вошла в тело центуриона – видимо, стрелявший стоял всего в нескольких шагах. Однако, к огромному сожалению лирры рана была не сквозной – наконечник находился где-то внутри грудной клетки, а это значило, что извлечь его будет очень и очень сложно. Судя по крови, тонкой струйкой, бегущей из уголка помертвевшего рта, было пробито лёгкое. Однако Кол ещё был жив – Мэйлинн различала едва заметное, хриплое дыхание.

Одним рывком – таким сильным, что голова дёрнулась на тонкой шее – лирра сорвала с себя фиал с целебным эликсиром. Однако самообладания хватило на то, чтобы не вылить его весь, без остатка, на пропитавшуюся кровью рубашку, из которой торчала чёрная стрела. Даже пальцы Мэйлинн сейчас не дрожали.

– Режь рубаху! – отрывисто скомандовала она Бину.

Нервы у парня находились в куда худшем состоянии, поэтому, распарывая ткань, он острием кинжала чиркнул по и без того залитой кровью груди центуриона. Но сейчас это было неважно. Плотная ткань хрустнула, расходясь, а дальше уже за дело взялись сильные пальцы лирры – Мэйлинн рванула разошедшиеся края, обнажив грудь Кола. Затем прямо

своим широким рукавом она аккуратно, стараясь не задеть древко стрелы, оттерла кровь, насколько это было возможно, учитывая, что та с каждым слабым толчком сердца вновь сочилась наружу. А вместе с ней из Кола по капле уходила жизнь.

Но, более или менее оттерев грудь Кола так, что края раны стали отчётливо видны, Мэйлинн осторожно капнула одну каплю прямо по древку. Капля, будто живая, пробежала по крашеному дереву и буквально всосалась в рану.

– Разожми ему зубы! – бросила лирра.

Бин кое-как просунул лезвие кинжала в судорожно сведённый рот и, не боясь поранить, несколько раздвинул ряды кроваво-белых зубов. Мэйлинн тут же капнула туда две капли. Почти сразу же тело Кола вдруг выгнулось дугой, но затем расслабилось. И стало видно, что эликсир сотворил своё животворное действие – лицо Кола всё меньше напоминало лицо покойника, а дыхание стало чуть глубже и ровнее, и исчез наконец этот жуткий булькающий звук.

Тем временем Каладиус наконец-то оживился. Он с трудом поднял голову, и большая капля пота упала с кончика его носа. Белки глаз покраснели, покрывшись сеткой лопнувших капилляров.

– Быстро вон из дома! – прогремел он искажённым от напряжения голосом, и тут же сам быстрым шагом направился к тому месту, где находились Бин и Мэйлинн. Видно, что ему было довольно тяжело двигаться, так что бежать он явно не мог.

Спустя небольшое время, из распахнутых дверей буквально вылетели Варан и Пашшан. И в тот же момент дверной проем перегородила стена пламени. Пара секунд – и неестественно жаркий и мощный огонь стал вырываться из окон первого этажа, затем – второго и третьего. Со стороны казалось, что внутри дома бушевал, сдерживаемый до поры, пламень, сравнимый с пламенем звезды, и в один момент преграда вдруг пала. Также было похоже, будто где-то в доме располагались гигантские меха, нагнетавшие мощные струи воздуха и добела раскалявшие пламя.

Из внутренностей дома доносились слабые крики. Возможно, это кричали нападавшие, но скорее всего это были крики слуг, волею жестокой судьбы оказавшихся внутри гибнущей виллы.

Варан и баинин приблизились к остальным. Оба были значительно поранены – множество крупных и мелких порезов испещряло их тела. В предплечье левой руки мастера Теней торчала стрела – словно он в последний момент успел закрыться рукой от выстрела. Оба едва держались на ногах, и тут же рухнули на траву, как только добрались до друзей.

– Что с Колом? – выдохнул Варан.

– Насколько я могу судить, у него задето лёгкое, – устало и как-то опустошённо ответил Мэйлинн. – И, самое плохое – я не представляю, как извлечь стрелу.

– Да, это – сарассанские стрелы, – Варан спокойно поднял пробитое стрелой предплечье, словно оно было не его собственным, чтобы продемонстрировать её торчащее окровавленное жало. – Видите, у них наконечники такой формы, что вынуть стрелу не получится.

– И как же быть? – в голос лирры вкралось лёгкое отчаяние.

– Обломите стрелу у оперения, – скомандовал Варан. – И приготовь свой эликсир – он сейчас ох как понадобится!

Пашшан ловким движением обломил оперение стрелы, надрезав древко кинжалом Бина. Тем временем Каладиус сунул в руки Мэйлинн флягу с водой, куда она немедленно влила целых четыре капли лиррийского эликсира.

– Приподнимите его, – всё так же спокойно и чётко командовал мастер Теней.

Бин и Пашшан приподняли тело Кола.

– Держите крепче! – с этими словами Варан вдруг резко ударил по обломку древка, вгоняя стрелу глубже. Мучительный стон сорвался с губ Кола, и судорога сотрясла всё его тело.

Струйка крови, тут же оросившая траву, подтвердила, что наконечник стрелы вышел из спины легионера. Затем Варан подцепил его своими железными пальцами и рывком вытянул всю стрелу из образовавшегося сквозного отверстия.

– Лей! – скомандовал Варан, но Мэйлинн не нужно было напоминать – она уже лила волшебное зелье в разверстую рану.

Каладиус к тому времени уже приготовил полосы ткани, оторванные от собственного плаща, и как только эликсир оказал своё обычное действие, остановив кровь, маг тут же стал туго запелёнывать грудную клетку Кола.

После того, как все манипуляции были завершены, легионера аккуратно положили на травку, и лишь после этого всех накрыло своеобразное оцепение и оцепенение. Никто не беспокоился пока даже о ранах двух бойцов и о стреле, торчащей из руки Варана. Все сидели неподвижно, словно пытаясь осознать всё, что произошло только что.

– С ним всё будет в порядке? – наконец прервал эту немую сцену Бин.

– Сложно сказать, – поморщился Каладиус. – Не будь у нас чудесного средства Мэйлинн, я бы сказал, что наш друг недолго задержится на этом свете. Но сейчас... Он – мужик крепкий. Надеюсь, поборется.

Мэйлинн открыто всхлипнула.

– Держись, Сан, – сдавленным голосом проговорила она, взяв Кола за холодную руку. – Ради меня!

– Теперь, мне кажется, самое время заняться и нашими ранами, – напомнил Варан.

– Вы правы, дорогой друг, – поспешно согласился маг.

К счастью, опасных ран у воинов не оказалось. Стрела пробила предплечье Варана навылет, повредив лишь мягкие ткани и, по-видимому, не задев никаких важных сухожилий, поскольку пальцы вполне сносно сгибались и разгибались, разве что мизинец пока слабо реагировал на усилия мастера Теней. Но сохранялась надежда, что удастся вернуть подвижность и ему, особенно с учётом лирийского эликсира.

Кроме того, у обоих было по несколько довольно сильных порезов на руках, и у Пашшана очень сильно было порезано бедро, но всего одна капля снадобья Мэйлинн остановила кровотечение и притупила боль в ранах.

– Кто там был, и сколько? – наконец спросил Каладиус.

– Трое. Лирры, – отрывисто ответил Варан, баюкая перевязанную руку.

– Ассасины... – прошептала Мэйлинн.

– Нашли, – скривился Каладиус.

– Не нашли, а их навели, – потемнел лицом Варан. – Этот жирный ублюдок дорого заплатит.

– Да, я этого от него не ожидал, – признал Каладиус. – Вероятно, они здорово прижали бедолагу.

– А как они вообще вышли на него? Стало быть, они были в курсе ваших прошлых взаимоотношений?

– Либо Барса был в курсе того, что нас ищут и решил подыграть, – пожал плечами Каладиус. – Скоро мы это узнаем.

– Эх, такой дом был... – пробормотал Бин, глядя на яркое гудящее пламя, на месте которого всего десять минут назад стоял прекрасный дворец.

– Могли они выбраться? – осведомился Варан.

– Исключено, – отрезал Каладиус. – Чары были наложены очень индивидуально. Как только вы покинули дом, огонь тут же отсек все возможные выходы. Выбраться не мог никто.

– Но там были сотни, если не тысячи слуг, – простонала Мэйлинн, до которой, похоже, это только что дошло.

– Простите, дорогая, но в данном случае я не мог поступить иначе. Нельзя было оставить ни малейшей лазейки. Ведь это – лирры-ассасины. Оставь им открытым хотя бы один выход из тысячи – и они обязательно выберутся!

– Мой путь к Башне слишком дорого даётся окружающим, – Мэйлинн прижала к лицу ладони, испачканные кровью Кола.

– Смерть всех этих несчастных целиком на моей совести, дорогая, – возразил Каладиус.

– Не целиком... – сквозь судорожно сцепленные пальцы доносились глухие рыдания.

– Признаться, меня сейчас интересует судьба лишь одного человека, – Варан коротко кивнул в сторону бездвижно лежащего Кола.

– Я думаю, нам нужно убираться отсюда, – несколько встревоженно проговорил Каладиус. – Пожар наверняка видно из города – такое пламя не утаить. Если у этих троих были сообщники, они могут весьма скоро нагрянуть сюда. Нам как можно быстрее нужно в город, чтобы добиться встречи с императором и поселиться в его дворце.

– Кажется, вы не хотели афишировать своё появление? – напомнил Варан.

– Оглянитесь вокруг, мой друг! Да я сейчас такую афишу нарисовал, что только слепой не разглядит! От моего магического выброса сейчас перетряхнуло всех магов в окрестности десятка лиг.

– Кроме того, нас ведь уже ждали, – тихо добавила Мэйлинн. – Значит, прятаться больше смысла нет.

– Вы абсолютно правы, дорогая. По крайней мере, во дворце императора мы будем в максимально возможной безопасности. Хотя и там я бы не назвал её абсолютной.

– Наш паланкин уже наверняка убрался, – проговорил Бин.

– Ничего! – отмахнулся Каладиус. – Не может быть, чтобы тут не было конюшен и каретных сараев! Уверен, что мы найдём, на чём нам выбраться отсюда.

И действительно, всего через какие-нибудь полчаса к месту, где лежал так и не приходящий в сознание Кол, подлетел экипаж, в который были впряжены две лошади. На козлах привычно сидел Пашшан. Раненого погрузили внутрь, туда же забрались Мэйлинн и Каладиус, а Бин с Вараном уселись рядышком с баинином. И карета быстро помчалась по гравиевым дорожкам к воротам.

К этому времени остов здания уже рухнул, превратившись в гору обгоревшего строительного мусора, но магическое пламя всё ещё продолжало жадно лизать то, что, казалось бы, никак уже не должно гореть. То и дело встречались полубезумные, до крайности напуганные люди – вероятно, слуги, которым повезло находиться не в здании виллы. Мэйлинн тешила себя надеждой, что таких будет большинство.

Выбравшись за ворота, карета помчалась по направлению к Золотому Шатру, оставляя позади громадный чёрный столб дыма.

***

Жирное лицо Пилиона Барса, обычно багрово-красное от проблем со здоровьем, сейчас приняло синюшно-фиолетовый оттенок, поскольку просто не могло побледнеть. Синие губы тряслись, не в силах вытолкнуть изо рта ни звука, кроме неких жалких подвываний. Глаза навывали, не мигая, смотрели на приближающегося мага, а с почти лысой головы градом катился холодный пот.

Каладиус в сопровождении Варана и Пашшана, словно смерч, двигался по коридорам роскошного дворца, сметая всё на своём пути. Было видно, что волшебник ужасно взбешён – он распахивал двери лишь силой магии, и те с грохотом ударялись о стены. Слуги и охрана

из тех, что дерзнули преградить путь троице, разлетались по сторонам, словно бумажные, причём ни Пашшану, ни Варану не пришлось даже напрячься. Барса, трясясь, слышал, как приближался этот разъярённый ураган.

– Барса, я уничтожу тебя! – прогремел Каладиус, добравшись наконец до скрючившегося на подушках купца.

– Мессир, пощады!.. – пропищал Барса, кое-как сумев заполучить контроль над своими голосовыми связками.

– Ты не заслуживаешь пощады, жирный мешок дерьма! – маг надвигался всё ближе, и глаза его, казалось, метали самые настоящие молнии. – Так-то ты оплатил мне за мою доброту? Дерзнул укунить руку своего хозяина?

– Меня заставили, мессир, – слёзы катились из глаз Барсы, когда он на четвереньках, волоча брюхо по гладкому полу, пополз навстречу Каладиусу.

И тут же предатель захрипел, поскольку невидимый обруч сдавил его необъятную шею, постепенно всё усиливая хватку. Барса забился на полу, рефлекторно пытаясь ухватиться руками за душащий его предмет, но лишь царапая холеными ногтями лоснящуюся кожу. Его лицо всё более синело, глаза ещё сильнее вываливались из орбит. Из рта высунился блестящий фиолетовый язык, с которого стекала струйка слюны. Барса бил босыми ногами (ибо мягкие тапочки давно слетели с них) по полу, корчился и хрипел.

И лишь когда сознание почти оставило жирное тело, Каладиус ослабил хватку – магическая удавка исчезла. Какое-то время Барса лежал неподвижно, но затем, видимо, пришёл в себя, поскольку начал судорожно дышать и надсадно кашлять, скомкавшись в позе эмбриона. Вскоре добавились и всхлипы – видимо, вернулись память и жалость к себе. И наконец стали различимы отдельные слоги, типа «ме», «не», «на», и тому подобные. При должном терпении и внимании их, наверное, можно было сложить во что-то вроде «мессир, не надо».

Маг и его спутники уселись на мягкие подушки, ожидая, когда Барса достаточно придёт в себя, чтобы продолжить разговор. Каладиус меланхолично отщипывал виноградинки от кистей, горой лежащих на блюде у ложа, Варан кончиком своего кинжала вычищал запёкшуюся кровь из-под своих ногтей, Пашшан же, как обычно, превратился в молчаливое и неподвижное изваяние.

Наконец Барса приподнял голову и мутным взглядом посмотрел на Каладиуса.

– Поговорим? – отправляя в рот очередную громадную янтарную виноградину, осведомился тот.

– Я всё скажу... – слова больно царапали смятое горло купца, отчего на глазах вновь выступили слёзы, но он всё-таки вытолкнул их из себя, и был преисполнен решимости и дальше выплёвывать из себя эти колючие, острые слова, лишь бы вымолить, выклянчить себе жизнь.

– Уж на этот счёт у меня нет никаких сомнений... – от этого голоса слегка поёжился даже Варан, не говоря уж о несчастном толстяке.

– Я не виноват, мессир... – рыдания сотрясали Барсу.

– Да, и именно поэтому один из моих друзей лежит сейчас при смерти в твоей прихожей! – прошипел Каладиус. – Ты – виноват, и ничто не искупит твою вину. Но ты можешь слегка облегчить свою участь, если расскажешь всё, как было. Но прежде ты должен послать своего человека во дворец императора вот с этим письмом. И жизнь твоя во многом будет зависеть от скорости ответа.

– Сию же секунду! – захлёбываясь слюной, залебезил Барса. Он кое-как поднялся на ноги и конвульсивно задёргал шнурок колокольчика.

Через некоторое время в залу осторожно вошёл слуга. Он опасливо смотрел на мага и бледностью лица мог соперничать с побелкой стен.

– Срочно доставить это письмо в императорский дворец! – Барса пытался говорить грозно, но у него это откровенно не получалось. – Передашь его лично министру Карсе и скажешь, что я нижайше молю как можно скорее передать его императору. Скажи, что это – вопрос жизни и смерти.

Слуга молча кивнул, буквально выхватил письмо из трясущейся руки Барсы, и с явным облегчением бросился вон из комнаты.

– Это всё тот же Карса? – походя спросил Каладиус. – Министр финансов?

– Именно он, мессир, – с готовностью закивал Барса. – Мы с ним – большие друзья.

– Что не лучшим образом характеризует его разборчивость, – отрезал Каладиус. – Человеку в его годах пристало бы лучше разбираться в людях.

– Вы правы, мессир, – понурил голову Барса.

– Ну что же, теперь расскажи, как ты опустился до такого предательства?

– Примерно две недели назад, или чуть больше, ко мне явились трое мужчин-лирр. Гурр их знает, как они пробрались во дворец. Они возникли в моей спальне прямо посреди ночи, и один из них приставил меч к моему горлу.

– Их было только трое? – быстро переспросил Варан.

– Я видел только троих, господин, – с готовностью ответил Барса.

– Хорошо, продолжай дальше, жалкий червяк, – как-то совершенно беззлобно сказал Каладиус.

– Один из них сказал, что в ближайшее время в Золотой Шатёр придёте вы, мессир, а с вами – ещё несколько человек, в числе которых будет юная лиррийская девушка. Они сказали, что вы можете обратиться ко мне за помощью, и что тогда я должен буду предупредить их голубем и ждать инструкций. Они сказали, что если я не выполню их требований, то... – Барса закатал широкий рукав своей шёлковой рубашки, и маг увидел тонкую мангиловую проволоку, обхватившую руку толстяка чуть выше локтя.

– О, пояс Шаттаба! – присвистнул Каладиус.

– Что ещё за пояс такой? – любопытствовал Варан.

– Да вот, извольте видеть, небольшой кусочек мангиловой проволоки с наложенными на неё чарами. Чары могут быть самыми различными. Что у тебя, Барса?

– Они сказали, что если я нарушу их приказ, моё бедное сердце будет с каждым днём биться всё медленнее, пока я не умру, – пролепетал купец.

– Да, вполне вероятно, – кивнул Каладиус. – Чаще всего накладывают именно деструктивные чары, влияющие на работу организма. А наши друзья были серьёзно подготовлены! Интересно, кому ещё они привязали такие вот пояски?

– А у вас так много друзей тут, мессир? – осведомился Варан.

– Совсем немного. Но, подозреваю, что наш дорогой Барса был не единственным, к кому наведались эти голубчики. Можешь вздохнуть спокойно, толстяк! Твои ночные гости мертвы, а это значит, что чары потеряли свою силу. Теперь это – просто обрезок очень дорогой проволоки, не более того. Можешь спокойно срезать его, вреда тебе не будет. Единственный, кого тебе теперь нужно бояться – это я.

– И я, – сверкнул зубами Варан.

– О, добрейшие господа, – заныл Барса. – Простите меня великодушно! Я – лишь слабая вошь, которую силой и запугиванием заставили предать своего благодетеля.

– Хуже. Ты – всего лишь слабый, жадный и трусливый человечиска, то есть худшее из всех известных мне животных, – подтвердил Каладиус. – И именно поэтому я не уничтожу тебя тут же. Глупо ждать от жабы, что она начнёт давать сладкое молоко, и не менее глупо убивать её за то, что она не может этого сделать. Я вижу, что у тебя были веские причины предать меня, поэтому ты останешься жив... Как минимум до тех пор, пока жив мой друг, – зловеще добавил маг, видя, как осветилось надеждой лицо Барсы.

– Я понял вас, мессир, – Барса неловко гнул спину, пытаясь низко поклониться, но кроме болей в пояснице мешал и бездонный живот. – Я приложу все усилия, чтобы ваш друг выздоровел. Все необходимые средства, лучшие врачи, лучшие сиделки – я обеспечу его всем необходимым! Я отдам ему лучшие комнаты своего дворца! Да что там – я отдам ему собственную комнату!

– Ещё чего! – пренебрежительно фыркнул Каладиус. – Ты – идиот, если думаешь, что мы останемся в твоей норе дольше, чем это будет необходимо. Здесь слишком воняет предательством...

– И немного – дерьмом, – театрально приняхавшись, добавил Варан, то ли намекая на то, что толстяк обделался со страху, то ли сравнивая его самого с куском дерьма.

– А пока нам действительно нужно положить куда-то нашего друга. Кроме того, ему необходима свежая одежда, а также его нужно отмыть от крови.

– А я бы с удовольствием принял ванну, потому что мои раны зудят от пота, – проворчал Варан.

– Всё будет, драгоценные господа! – заверил Барса. – И еда, и одежда, и комнаты, и ванна. Любой ваш каприз будет исполнен незамедлительно.

– Как только прибудет приглашение из дворца, немедленно – слышишь, *немедленно* дай мне знать, – прошипел Каладиус, и Барса только и смог, что кивнуть, да сглотнуть вязкую слюну.

– Пойдёмте, друзья мои, – обратился Каладиус к своим спутникам. – Воспользуемся гостеприимством этого прощелыги.

– Надеюсь, выйдет не так, как в предыдущий раз, – медоточивым голосом заметил Варан, отчего купец вновь сжался, словно ожидая удара.

***

Солнцеликий властелин и император Великой Сарраассанской империи Малилла, как официально звучал его титул, оказался человеком благодарным и незабывчивым. Как только министр финансов Карса передал ему письмо Каладиуса, он моментально приказал пригласить великого мага и его спутников во дворец. Более того, в бесстрастном и непроницаемом лице Малиллы близкие люди могли бы узреть признаки радостного волнения, так мало характерные для этого человека.

Великому императору было тридцать два года, из которых семнадцать он был хозяином самого крупного государства Паэтты. Не очень высокий, худощавый и прямой, словно стрела, смуглый и рано облысевший, отчего теперь он всегда наголо брил голову – император Малилла являл собой образец дикой мужской красоты. Яркие черные глаза, которые иногда пронзали взглядами не хуже копий, идеально ровные зубы, крупные золотые серьги и простой чёрный наряд, почти лишённый украшений и золотого шитья. Ну и неизменный кривой меч, который император носил на спине, как и все воины Сарраассы.

Император Малилла был неистов как в любви, так и в ненависти. Вопреки древним обычаям, он распустил гарем, в котором, по слухам, обитало не менее двухсот пятидесяти наложниц, и жил в браке с юной императрицей Газелли, которая была на девять лет моложе супруга, и в которой он не чаял души, так же, как и в двух своих сыновьях. Он был щедр и предан со своими друзьями, но беспощаден к врагам. Тот же Паториус, о котором речь шла чуть раньше, многое мог бы рассказать об этом. Достаточно сказать то, что в штате тюремщиков Паториуса официально состояли два чернокнижника, основной задачей которых было не дать умереть важному заключённому. А умереть было от чего, учитывая, в каких нечеловеческих условиях содержался бывший маг, и каким истязаниям он подвергался.

Властолюбивый и целиком уверенный в своём божественном праве быть самодержцем и даже деспотом, Малилла железной рукой правил империей. Пережив в отрочестве

унижения и предательство со стороны первого министра, он отныне всегда был настороже, пресекая любые попытки даже в мелочах ограничить его власть. Единственными людьми, которые безнаказанно могли сказать императору «нет» были его жена и сыновья.

При этом Малиллу нельзя было назвать беспокойным соседом – он всегда предпочитал дипломатию открытым конфликтам, и преуспел в этом. Самой явной своей удачей он считал, конечно, брак с кидуанской принцессой Газелли, но и с другими странами отношения у Саррассы были вполне ровными и дружескими, не чета тому, что было ещё каких-нибудь тридцать лет назад.

Народ же Саррассы души не чаял в молодом императоре. Да и что нужно простолыдину – чтоб мир был, налоги не душили, да хлеб родил. В последнем, конечно, Малилла был не властен, но всё остальное исполнял сполна. Потому-то старожилы с ворчливым недовольством вспоминали былые времена, те, что были до воцарения нынешнего властителя.

Таков был император Малилла, на аудиенцию к которому направлялись наши друзья.

Глава 51. Мангил

– Мессир, приглашение из дворца! – Барса так и светился усердием.

– Хм, всего четыре часа прошло, – удовлетворённо потянулся Каладиус. – Хороший знак. Значит, его величество не позабыл, чем мне обязан.

– Я так рад за вас, мессир, – залебезил Барса, кланяясь. – Вы будете приняты самим императором! Смею ли я просить вас об одной милости?..

– Конечно не смеешь, – презрительно фыркнул маг. – Но мне просто интересно узнать, о чём ты хочешь просить, так что – говори.

– Нельзя ли постараться не упоминать моё имя в связи со случившимися неприятными событиями, – то краснея, то бледнея пробормотал купец.

– Ах ты, жирный плут! – рассмеялся Каладиус. – Всё трясешься за свою жалкую жизнь?

– Что поделать, мессир, она у меня одна! – видя, что маг находится в хорошем расположении духа, Барса слегка осмелел.

Каладиусу и правда было отчего радоваться – Кол, похоже, не собирался умирать. Он по-прежнему не приходил в себя, но Мэйлинн объяснила, что это вполне могло быть следствием действия её эликсира. Однако же рана вполне закрылась отличными здоровыми струпами, хрипы и бульканья в груди почти совсем пропали, что могло свидетельствовать о заживлении лёгких. В общем, маг, который поначалу весьма пессимистично смотрел на перспективы легионера, теперь изменил свой прогноз на вполне оптимистичный. Ну и, конечно, добавлял бодрости духа столь скорый вызов из дворца.

– Это верно, она у тебя одна, старый выжига. Но не забывай, какой урон ты нанёс своим предательством мне и моим друзьям.

– Но и вы, с позволения сказать, причинили мне немалый ущерб, – в Барсе, похоже, проснулся расчётливый купец. – Одна вилла стоила минимум пятнадцать тысяч корон, а то и все двадцать. Да людишек моих пожгли, как мне сообщили, десятка три.

– Только три десятка? – бросив быстрый взгляд на помертвевшую Мэйлинн, переспросил Каладиус. – Я боялся, что счёт будет идти на сотни. Домина-то был немаленький.

– Да, и при других обстоятельствах, не скромничая, скажу, что легко могло погореть три-четыре сотни, – надулся от гордости Барса. – Но, как я уже говорил, дом стоял заброшенный, поэтому жила там лишь прислуга, которая убирала в комнатах. Да и многие из них разбежались, когда в дом проникли лирры.

– Так, может, ещё и выставишь нам счёт за понесённые убытки? – прищурился Каладиус.

– Ну что вы, мессир! – вновь затрясся Барса. – Я ведь понимаю, что во всём этом целиком и полностью моя вина!

– Вот и хорошо, что ты это понимаешь. Ладно, нам уже пора. Не хотим злоупотреблять твоим гостеприимством, – желчно добавил маг.

– Ну так как же моя просьба, мессир? – рискнул ещё раз напомнить Барса.

– Молись, чтобы мне не пришлось к слову рассказать о твоём предательстве, Барса. Потому что я не вижу причин, чтобы выгораживать тебя.

– Благодарю и на том, мессир, – по вытянутому лицу купца было видно, что он надеялся на большее.

– Прощай, Барса. Надеюсь, больше не свидимся, – бросил маг, садясь в экипаж.

Барса на это скорбно закрыл лицо ладонями.

***

– Драгоценнейший мой мессир Каладиус! – вопреки протоколу, император Малилла встал с трона и, распахнув объятия, направился к магу. – Не передать словами, как счастлив я, что вы почтили меня своим визитом! Клянусь небесами, что даже если бы возлюбленный отец мой вдруг воскрес из мёртвых и вошёл в эту дверь, я и то не был бы так рад его приходу, да простит он меня, слушая эти слова из чертогов великого Асса!

– Да продлятся ваши дни на этой земле во радость друзьям и к несчастью врагов, ваше величество! – слегка поклонился Каладиус. – Мне приятно, что вы по сей день испытываете ко мне столь тёплые чувства!

– Может ли быть иначе, дорогой друг? – Малилла порывисто обнял щедедушного мага. – Не в моих привычках забывать тех, кто дарил меня добром полными горстями! Я слишком хорошо помню, что если бы не вы, мой благородный друг, то сейчас меня не было бы тут.

– Вы преувеличиваете мои заслуги, ваше величество! – с явно ложной скромностью проговорил Каладиус.

– Ах, вы столь же скромны, сколь и велики, мессир! – воскликнул Малилла. – *Вы*, величайший из людей, когда-либо живших на этой земле!

– О, мои лучшие времена уже позади, ваше величество, – великого мага было просто не узнать – сама скромность.

– Многие столетия посрамлялись те, кто позволял себе подумать так, мессир! – это было словно некое соревнование в любезностях, где никто не хотел уступать. – И лучшим тому примером будет судьба того шелудивого пса, что посмел оскалить на меня свои зубы.

– Убеждён, что не проходит и дня, чтобы он не пожалел об этом.

– Старый шакал и сейчас, должно быть, спит и видит, как бы уничтожить меня, – потемнел лицом Малилла. – И я не виню его за это, ибо те испытания, что я посылаю ему ежедневно, не под силу вынести простому смертному.

– Великий муж жесток в бою, но милосерден после, – осторожно проговорил Каладиус.

– Милосердие – удел глупцов, мессир, – строго возразил император. – И я не свершу этой роковой ошибки.

– Что ж, признаюсь, я прибыл во дворец не затем, чтобы радеть о судьбе Паториуса. Он вполне заслужил своё нынешнее положение, – наконец-то Каладиус решил перейти к делу.

– Что бы не привело вас ко мне, досточтимый друг мой, я благословляю это, ибо вот вы, передо мной! – кажется, императора несло, и он никак не мог выскочить из колеи извечного южного словоблудия, но теперь Каладиус уже твёрдо направлял русло беседы своей железной волей.

– Всё это так, ваше величество, – продолжал маг. – Но дело, приведшее меня к вам, не слишком приятно и довольно щекотливо...

– Тем лучше для меня, дорогой друг! – вновь перебил император. – Ибо – видят боги! – я мечтаю о том, чтобы ваше дело оказалось хотя бы вполнину таким же трудным, как то, что привело вас в наш город семнадцать лет назад! Тогда я хотя бы отчасти смогу отплатить вам.

– Тогда вам повезло, государь, поскольку моё дело действительно весьма трудное.

– Хвала богам! – возликовал Малилла. – Ну так говорите же его скорее!

– Прежде всего, ваше величество, я бы просил разрешения представить вам моих друзей, – начал Каладиус.

– О, ваши друзья – мои друзья, мой милый друг! Вам нужно было не мешкая вести их сюда!

– С вашего позволения, ваше величество, один из моих друзей не сможет приветствовать вас, ибо всего несколько часов назад он был весьма тяжело ранен...

– Тяжело ранен? – вскричал Малилла. – Настолько тяжело?

– Настолько, что мы, хотя и уповаем на то, что он поправится, но полной уверенности у нас до сих пор нет, – печально ответил маг.

– Я сейчас же распоряжусь послать за моим личным лекарем, а также за магами, которые специализируются на врачевании! Не пройдет и часа, как они будут здесь. Ручаюсь, они могут вытащить с того света кого угодно!

– О, это было бы чудесно, ваше величество! – благодарно поклонился Каладиус. – Ибо мы уже сделали всё, что в наших силах, но нужно больше.

– Считайте, что это уже сделано! – в буквальном смысле – одно движение тонким пальцем, украшенным огромнейшим рубином, и кто-то из слуг опрометью бросился, чтобы вызвать врачевателей. – И сейчас же вашего друга перенесут в подходящие покои. А остальных, пожалуйста, пригласите сюда. Хочу узнать, у кого хватает дерзости нападать на моих друзей в моем королевстве.

Всё было сделано так, как повелел император. Несколько слуг на специальных носилках унесли Кола куда-то вглубь дворца, несмотря на протесты Мэйлинн и её друзей. Сами же они были препровождены в тронную залу.

– Позвольте представить, ваше величество, моих друзей, – проговорил Каладиус, когда его спутники столпились за его спиной. – Вот эта прекрасная госпожа – Мэйлинн из рода Айрига.

– Великая честь для меня, госпожа, приветствовать вас у себя, – галантно поклонился Малилла. – Вижу, вы принадлежите к лиррийскому народу.

– И не просто к лиррийскому народу, а к лучшей его части! – не дав Мэйлинн сказать ни слова, воскликнул Каладиус. – Род Айрига – один из знатнейших родов Латиона, а сама госпожа Мэйлинн – воспитанница Школы Наэлирро!

Друзья несколько опешили от того, что маг вот так вдруг раскрыл все карты – слишком уж привыкли они за последние месяцы тщательно хранить инкогнито Мэйлинн. Однако никто не поставил под сомнение действия Каладиуса – коль уж он решил играть в открытую, значит – так нужно.

– Вот это честь, госпожа магиня! – вновь поклонился император. – Нечасто ваши коллеги чтят меня своим присутствием. Но я не вижу знаменитого ошейника Наэлирро... – чуть смешался Малилла.

– Вот он, ваше величество, – на сей раз Мэйлинн успела перехватить инициативу. Она оттянула вниз эластичную ткань, прикрывавшую шею, и взглядам императора открылись замысловатые черные линии. – Я вынуждена скрывать этот знак, поскольку...

– Об этом будет сказано в свой черед, дорогая, – перебил её Каладиус. – Не стоит запустывать сейчас его величество.

– Хорошо. Я лишь хочу засвидетельствовать своё глубочайшее почтение величайшему правителю Паэтты, – присела в глубоком реверансе Мэйлинн.

– Обратите внимание на этого молодого человека, ваше величество, – Каладиус указал на Варана. – Ручаюсь, вам редко встречались более незаурядные люди. Он – ваш бывший подданный, волею злой судьбы оказавшийся в Латиионе, где стал самым знаменитым охотником за головами. Посвященные знают его под именем Варан.

– Я весь к вашим услугам, ваше величество, – изящно поклонился Варан. – Для меня – великая честь видеть вас.

– Я весьма рад знакомству, господин Варан, – вернул поклон Малилла. – Стало быть, вы представляете ту самую Гильдию Теней, о которой тревожным шёпотом говорит вся Паэтта?

– Многие называли меня лучшим её представителем, ваше величество, – блеснул зубами Варан.

– И вы не спорите с общественным мнением? – усмехнулся император.

– Я для этого слишком скромн, государь, – тонко улыбнулся Варан.

– Мне положительно нравится этот молодец! – воскликнул Малилла. – Ну а это кто рядом – стоит, не поднимая глаз?

– С вашего позволения, этого скромного молодого человека зовут Бин из рода Танисти, – представил Бина Каладиус. – И не смотрите, что он так скромен – под кроткой внешностью таится храбрый воин.

От подобной рекомендации несчастный Бин окончательно смешался, а император весьма уважительно проговорил:

– Рад приветствовать вас, господин Бин. Должно быть, вы действительно – великий воитель, ежели вас так характеризует сам великий маг Каладиус! И особенно отраднo видеть, что несмотря на свои исключительные качества, и несмотря на свою молодость, вы преисполнены скромности, которую столь редко можно встретить среди молодых людей.

– Я весь к вашим услугам, ваше величество! – кое-как выдавил из себя пунцовый Бин и, окончательно смешавшись, замолчал.

– Ну а это – мой давний и преданный слуга, баинин по имени Пашшан, – представил Каладиус последнего спутника. – Несмотря на то, что он почти не говорит на имперском языке – он стал для нас незаменимым товарищем. Я и сам не знаю, кто он больше – талантливый повар, великий воин или верный слуга. Лично для меня он давно уже – замечательный и добрый друг.

– Друг моего друга – мой друг, – слегка склонил голову Малилла. – Вам, мессир, очень повезло, что вы окружили себя столь великолепными людьми. Хотел бы я иметь хотя бы пару таких же друзей!

– Мы все здесь греем себя надеждой стать друзьями вашего величества, – поклонился Варан.

– Так и будет, господин Варан, так и будет. А пока, мессир, я бы хотел услышать историю о том, как и во имя чего столь удивительные люди собрались вместе.

– Именно это я и собирался поведать, ваше величество. Не рискну отнимать у вас слишком много времени, поэтому буду краток. Мы – присутствующие здесь, а также наш раненый друг, которого вы, ваше величество, также сочтёте весьма достойным человеком, ибо он в своё время был командиром когорты distinguished Седьмого Коррэйского легиона, а позже – паладином его величества, короля Латиона, – так вот, мы собрались вместе с одной единственной целью – разыскать Белую Башню.

– Если бы я услышал это из чьих-то иных уст, я бы решил, что надо мною жестоко насмеются, и судьба тех людей была бы незавидна, – чуть нахмурился император Малилла. – Но зная вас, мессир, я убеждён, что каждое слово, сказанное вами – сказано не впустую. Поэтому я не стану утверждать, что Белая Башня – вымысел старых, выживших из ума старух. Однако я не могу не спросить – откуда у вас такая странная цель, и как вы намерены этого добиться.

– Я могу ответить вам, ваше величество, откуда у нас такая цель, – сделала шаг вперёд Мэйлинн. – Всё дело в том, что я видела Белую Башню примерно полгода тому назад. Она явилась мне в очень сложный период моей жизни и стала путеводителем для меня и моих друзей.

– Дело в том, ваше величество, что Мэйлинн – необычная магиня, – чуть понизив голос, проговорил Каладиус. – И я бы просил, чтобы всё, что будет сказано здесь, осталось лишь между нами.

Слуги Малиллы были вышколены безупречно – не потребовалось даже малейшего знака повелителя, чтобы они тут же испарились из главной залы.

– Говорите, друг мой, – чуть наклонившись вперёд, негромко проговорил Малилла. – Моё сердце трепещет от нетерпения, предвкушая какую-то тайну.

– О да, повелитель, оно вас не обманывает, – Каладиус сделал несколько шагов к трону императора, и с каждым шагом голос его звучал всё тише и тревожнее. – Смеем заверить вас, ваше величество, что перед нами лирра, равной которой мир не рождал уже больше

семи тысяч лет! Госпожа Мэйлинн, воспитанница Наэлирро, так и не прошла перерождения, став, таким образом, единственной за всю историю мира. До неё Паэтта знала лишь одну подобную аномалию – принца Драонна.

– Основателя империи Тондрон... – почти одними губами прошептал Малилла.

– Именно так, повелитель, – кивнул Каладиус. – Теперь вы понимаете, сколь необычная гостья явилась сегодня в ваши покои! Вы заглянули сейчас за гобелен истории, где, сокрытая от человеческих взоров, вершит будущее сама Судьба.

Император молчал, лишь машинально крутя на пальце большой золотой перстень с неимоверных размеров бриллиантом, размером с голубиное яйцо. Его взор горел так, словно в черных зрачках его действительно отражался пламень Судьбы. Он сидел на троне, накренившись вперёд, словно вот-вот собирался сорваться с него прочь.

– Но именно эта исключительность и есть главное проклятие госпожи Мэйлинн, – продолжал Каладиус, и голос его уже мало был отличим от шёпота. – Дело в том, что за ней охотится древний и могущественный лиррийский Орден Лианы. Они хотят заполучить госпожу Мэйлинн, чтобы создать из неё совершенное и непобедимое оружие лирр против человеческой расы. Именно они послали трёх наёмных убийц-ассасинов, которые опасно ранили нашего друга Сана Броса, а также, пусть менее опасно, но изранили господ Варана и Пашшана.

– Да как они посмели! – потемнел лицом император. – В пределах моего государства есть лишь один человек, который может карать или миловать – и, насколько мне известно, это не кто-то из Ордена Лианы, о котором я, к слову, даже никогда не слышал. Совершив своё коварное нападение, они бросили вызов лично мне, сделавшись моими кровными врагами! Что же случилось с теми тремя негодяями?

– Они мертвы, ваше величество, – чуть пожал плечами Каладиус. – Я сжёг их вместе с виллой одного торговца, Пициона Барсы.

– А, так это тот самый пожар, о котором я наслышан? – воскликнул Малилла. – Значит, это ваших рук дело, мессир? А что вы делали там?

– Я хотел пожить там пару дней, пока не получится тайно дать знать вашему величеству о том, что я в городе и ищу встречи.

– Вы смертельно обидели меня, мессир, обратившись к какому-то вонючему купчишке прежде меня, – горящий взгляд императора наверняка прожёл бы две дыры в человеке пожиже, чем великий маг.

– Поверьте, государь, так было нужно, ибо я хотел сохранить инкогнито, чего у меня не вышло, – Каладиус не оправдывался, а объяснялся.

– Уж не виновен ли в нападении тот купец? – недобро прищурился Малилла.

– Нет, государь, он ничего не знал, – поразмыслив некоторое время, ответил Каладиус. От императора, однако, не укрылась кривая ухмылка, пробежавшая по лицу Варана.

– Что ж, ладно, – кивнул правитель. – Что было – то было. Главное теперь – обеспечить вашу безопасность, пока вы находитесь под моей защитой. И я клянусь здоровьем моих детей, что сделаю всё, что от меня зависит, чтобы защитить вас.

– Спасибо, ваше величество, именно об этом я хотел просить вас – позволить некоторое время жить в вашем дворце под охраной, пока мы не направимся в дальнейший путь.

– Так оно и будет, дорогой друг. Более того, я отряжу сотню своих лучших воинов, чтобы они сопровождали вас туда, куда вы направитесь дальше! – потеряв хладнокровие, Малилла хлопнул ладонью по подлокотнику трона.

– Боюсь, они скорее задержат нас, государь, – возразил Каладиус. – Я действительно хотел просить вас отрядить мне охрану, но, думаю, для нас будет достаточно всего двух десятков хорошо подобранных людей. Может быть, достаточно будет и дюжины, если они хотя бы приблизительно сравнятся в талантах с моими спутниками.

– Что ж, решено! – Малилла даже встал. – Я дам вам все полномочия, вы сможете выбрать любых людей, которые покажутся вам достойными. Но вы понимаете, друг мой, что эти люди не смогут сопровождать вас за пределами империи.

– Ничего страшного, ваше величество. Я всё понимаю. Никто не потерпит на своей земле вооружённого иноземного отряда. Пусть проводят нас до Дуондура, и это уже будет замечательно! Ведь Дак Анбур, насколько мне известно, подпадает под юрисдикцию вашего величества?

– Целиком и полностью! – подтвердил император. – А для чего вам нужно в Дуондур?

– А вот это, повелитель, как раз подводит нас ко второй моей просьбе. Для нашего путешествия необходим мангиловый куб, выковать который способны лишь дуондурские гномы. И вся загвоздка нашего предприятия, которая, собственно, и привела нас в ваш славный город – это мангил. Ведь ни одно государство мира, за исключением разве что Тондрона, не обладает такими запасами этого металла.

– Да уж, с этим сложно спорить, – самодовольно согласился Малилла. – Если хочешь иметь передовую школу магии – будь готов дорого за это платить. И сколько же мангила вам нужно?

– Немногим меньше тридцати трёх фунтов, – самым невинным тоном сообщил маг. – Если быть точнее, то тридцать два фунта и двенадцать унций.

– Что??? – несмотря ни на что, императору не удалось сохранить хладнокровия. Он был уверен, что сколько бы не запросил Каладиус, он сумеет лишь небрежно кивнуть, лёгким движением руки давая ему необходимое. Но запрошенное количество в разы превосходило любые ожидания саррассанского властелина.

– Именно поэтому я и прибыл сюда, государь, – развёл руками Каладиус. – Потому что нигде больше на Паэтте я не могу рассчитывать на то, чтобы добыть такое количество свободного металла. Должен сказать, что я имею при себе около девятнадцати тысяч имперских корон в долговых бумагах Главного имперского банка, так что вполне в состоянии купить большую часть необходимого мне мангила.

– Признаюсь, друг мой, что даже если бы вы запросили количество, впятеро меньшее того, что вам требуется, я и то оказался бы в затруднительном положении, – было видно, как нелегко даются эти слова Малилле. – А такое количество... Боюсь, единственным решением будет введение нового мангилового налога, и тогда, может быть, за пару лет что-то наскребём.

– Скажите, ваше величество, я могу говорить прямо, без экивоков? – твёрдо спросил Каладиус.

– Конечно, друг мой! Только так и должны вы говорить с человеком, которому сохранили власть и жизнь! – заверил император.

– Тогда спрошу прямо: какое количество мангила *вы* могли бы мне дать?

– Вы же знаете, друг мой – я не очень-то хорошо знаю, сколько и чего есть в моих сокровищницах, – пожал плечами Малилла. – Но убеждён, что речь будет идти не более, чем о пяти-шести фунтах. Может – семь. Я говорю только о слитках, ведь вы же не станете требовать, чтобы я плавил магические артефакты!

– Ни в коем случае, государь! – воскликнул Каладиус. – Но на эти пять-шесть фунтов я могу рассчитывать? С учётом, что я возьму их стоимость.

– Вы находитесь на волосок от того, чтобы обидеть меня вторично, дорогой друг! – предупредил император. – Я не возьму ни одной монеты с вас! В прошлый раз вы уехали, не получив никакой награды, поскольку страна была разорена и мне едва хватало средств, чтобы не дать ей рухнуть окончательно. Но сейчас Саррасса – богатейшее государство, и пришло моё время возвращать долг!

– Хорошо, государь, я не буду спорить. Значит, теперь мне нужно будет поговорить с главами Ордена чернокнижников – думаю, у них должны быть немалые запасы.

– Но явно недостаточные, – заметил Малилла. – Думаю, даже если они вытрясут все свои закрома, то не наберут и двадцати фунтов.

– Скорее всего, они не наберут и пятнадцати, но это уже что-то. Дальше будем собирать с миру по нитке, – вздохнул Каладиус.

– Я поговорю с торговцами, – решительно пообещал император Саррассы. – Особенно с Западной Торговой Компанией. Уверен, они всегда имеют запасы для контроля над рынком, которыми смогут поделиться.

– Но захотят ли? – с сомнением пробормотал Каладиус.

– Думаю, я смогу их уговорить, – вкрадчивым голосом проговорил Малилла и стало ясно, что вряд ли в Саррассе найдётся купец, способный перечить своему повелителю.

– Я буду вечно благодарен вам, ваше величество, – низко склонился Каладиус.

– Ну что вы! – император протянул руку и крепким рукопожатием подтвердил свою приязнь к магу. – Наконец-то я освобожусь от бремени неоплаченного долга! Сейчас идите отдыхать, друзья мои! Клянусь – не будь я императором Саррассы, ежели через две недели не достану вам необходимого количества магического металла!

Глава 52. Орден чернокнижников

Окрылённых надеждой друзей слуги препроводили в их покои в глубинах императорского дворца. Пока они шли запутанными коридорами, каждый из них с удовлетворением наблюдал то количество стражи, которое встречалось им. Стражники стояли у каждой двери, тройками прохаживались по коридорам, и, если выглянуть в широкие витражные окна – за ними тоже было полно стражи. Это не могло не радовать.

Также весьма обнадеживал приём императора и его обещания помочь с мангиллом. Каладиус уверял, что император Малилла – не из тех людей, что бросают слова на ветер.

Но самый лучший сюрприз ожидал уже в их покоях – Кол наконец-то пришёл в себя. Он пока не мог говорить, да и вообще был крайне слаб, но он, по крайней мере, смотрел на друзей осмысленным взглядом и даже пытался улыбаться. Медикусы и маги, хлопотавшие вокруг него, дружно восклицали о чуде.

– Могушественная магия поработала здесь, – глубокомысленно заявил главный маг-целитель. – Никогда не видел ничего подобного! Такое впечатление, что повреждённые ткани регенерируют. Ваша работа, мессир? – обратился он к Каладиусу.

– Ах, если бы, друг мой, – усмехнулся Каладиус. – Моего умения хватило лишь на то, чтобы кое-как его перевязать. Вот наша чудотворница, – указал он на Мэйлинн.

Пришлось рассказать о лирийском эликсире, отчего все присутствующие эскулапы пришли в крайнее возбуждение. Главный маг-целитель чуть ли не на коленях умолял Мэйлинн уступить ему несколько капель для исследования, и та уже почти уступила, не умея отказывать людям, однако в дело решительно вмешался Каладиус:

– Простите, дорогой коллега, но впереди нас ждут суровые испытания, и каждая капля будет дороже золота. Дифференциация столь сложного эликсира – дело нешуточное, и требующее огромного опыта и умения. И, боюсь, двух-трёх капель вам будет явно недостаточно, и вы станете просить ещё, и ещё. Поверьте, у меня тоже чесались руки в своё время, но я переборол себя. И сегодня в очередной раз восхвалил себя за это, потому что в противном случае мой друг мог быть уже мёртв.

– Что ж, мы не можем настаивать, мессир, – с явным огорчением ответил маг. – Но знайте, что сегодня наука потеряла очень много.

– Поверьте, коллега, весь путь науки – это череда одних сплошных потерь, – невозмутимо ответил Каладиус. – Если я что-то и понял за прожитую тысячу лет, то именно это.

Ловко припечатав придворного мага своим овечьими веками авторитетом, Каладиус вновь вернулся к постели Кола, вокруг которой кружком собрались все его друзья, наперебой что-то рассказывающие раненому преувеличенно бодрыми голосами.

– Что ж, друзья мои, отдыхайте и наслаждайтесь гостеприимством его величества, а я, пожалуй, проведу парочку старых знакомых.

– Но куда вы, мессир? – встревоженно воскликнула Мэйлинн. – Стоит ли подвергать себя опасности?

– Во-первых, дорогая, опасности в нашей компании подвергаетесь только вы, и каждый из нас по отдельности мало чем интересен Ордену. А во-вторых, я надеюсь, вы понимаете, что не каждый орешек, попадающий в рот нашим недругам, окажется им по зубам. Я думал, что недавно сумел доказать это. Уверен, дорогой друг, – обратился он к беспомощно улыбающемуся Колу. – Если бы вы видели то, что я сотворил, то подобное волшебство вас бы уж точно не разочаровало.

– Я пойду с вами, мессир, – Варан, слегка поморщившись, поднялся с мягкого кресла.

– Ни в коем случае, друг мой! – возразил Каладиус. – Вам нужен покой и отдых, ибо ваши раны, уверен, также весьма болезненны. Я бы взял с собой тебя, друг Пашшан, – обра-

тился он к баинину, в лице которого можно было разглядеть выражение верного пса, которого хозяин почему-то оставляет дома. – Но твоя рана на ноге будет беспокоить тебя. Кроме того, я не думаю, что мне грозит хоть малейшая опасность.

– Возьмите тогда хотя бы пару стражников! – непререкаемым тоном почти приказала Мэйлинн.

– Хорошо, дорогая моя, – рассмеялся маг. – Но лишь для того, чтобы не заставлять вас волноваться.

– А стоит ли вообще идти куда-то на ночь глядя? – с лёгким беспокойством спросил Варан. – Может быть, стоит подождать до утра?

– Когда я в Саррасе, я всегда стараюсь перемещаться по городу ночами, – ответил Каладиус. – Тише, прохладнее, да и запахи куда приятней. Не беспокойтесь за меня – я ведь не собираюсь покидать Сады императора! Только к башне чернокнижников – и назад!

– А не боитесь разбудить своих знакомых? – попробовала последний аргумент Мэйлинн.

– О, этого я боюсь меньше всего на свете, – хихикнул маг. – Оставайтесь, друзья мои, отдыхайте и набирайтесь сил! Через две недели, возможно, нам придётся отправиться в путь.

С этими словами Каладиус вышел из комнаты. Как и обещал, он обратился к первому же проходящему патрулю, состоящему из командира и двух подчинённых, и те, уже знавшие, сколь дорогим гостем является маг, без рассуждений направились за ним, лишь предупредив по дороге другой такой же патруль.

***

Был скорее поздний вечер, чем ночь, но на улице было уже совершенно темно. Зимняя южная ночь – внезапно обрушивающаяся густой чернильной темнотой, обволакивающая и заползающая в самые укромные уголки. На небе были видны лишь самые яркие звезды, поскольку земной свет затмевал свет далёких светил.

Сады императора прекрасны в любое время суток, однако именно ночью в них появлялось некое мистическое очарование, навевающее детские воспоминания о южных волшебных сказках, в которых мудрые могущественные джинны помогали ловким простолюдинам глумиться над могущественными визирями. Сотни разноцветных ламп, огней, факелов подсвечивали розово-белые стены особняков Койфара, придавая им поистине сказочный облик. Качающиеся ветви тропических растений наполняли окружающее пространство изменчивыми тенями, от которых в сладостной жути замирало сердце, заставляя снова и снова вспоминать всё тех же сказочных джинов.

Легендарный маг Каладиус весьма органично вписывался в окружающую мизансцену. Наверное, если бы он сейчас вдруг взлетел, размахивая полами своего плаща, это не вызвало бы никакого изумления ни у редких прохожих, ни у стражи. Ему не хватало лишь тюрбана, кои любили водружать на себя актёры, изображающие южных магов на площадях Латиона.

Однако сам Каладиус не слишком-то задерживался, чтобы полюбоваться на всё это великолепие. Он шёл размеренным шагом – не быстро, но и не медленно, и, казалось, был полностью погружен в свои мысли. Трое стражников позади него мягко шлёпали своими сандалиями по аккуратно выложенной брусчатке. Они несли факелы, от которых почти не было никакого проку, поскольку и широкие улицы, и шикарные особняки были щедро освещены.

Ноги сами несли мага по давно заученному маршруту от императорского дворца к Башне Кантакалла, самой высокой из всех высоченных башен города. Именно там многие столетия располагалась резиденция одного из самых могущественных магических орденов Паэтты – Ордена чернокнижников.

Каладиус помнил совсем другой вид кварталов Койфара. Тогда тоже была ночь, правда, куда более душная, и куда более тёмная, поскольку не была освещена таким изобилием огней. И огонь факелов тогда не умиротворённо подсвечивал засыпающие дома, а безумно метался, предвещая ужас. И тени, отбрасываемые трепещущими ветвями, походили на тени убийц с занесёнными кинжалами. А на ухоженных сейчас мостовых тогда была кровь. Кровь и тела. И ночь разносила окрест мученические вопли несчастных, погибавших или во имя юного императора Малиллы, или же во имя великого мага Паториуса.

И как всегда – магия в решающий момент уступила место простой грубой силе – стали и кулакам. И сам Каладиус, спешащий ко дворцу, держал в руках окровавленный меч, а на щеке засыхала россыпь мелких кровавых бисерин. А затем – горящий дворец, визги слуганок, округлившиеся, испуганные глаза пятнадцатилетнего юнца, когда с треском слетела с петель тяжёлая резная дверь. «Пойдёмте, ваше величество!» – сказал тогда Каладиус. – «Прошла пора прятаться, пришла пора царствовать!».

Справедливости ради, юный Малилла и не прятался вовсе. Он был пленён и заперт подручными Паториуса, который не ожидал такого поворота событий, и планировал позже решить судьбу августейшего пленника. Позже не получилось. Те, кому полагалось молча взирать на происходящее, неожиданно дали жёсткий отпор. Чернокнижники предали великую идею создания чародейского государства по типу Тондрона, предпочтя и дальше униженно лизать руку императоров. И теперь Паториус пожинал плоды своей беспечности.

Когда избитый, окровавленный маг был брошен к ногам этого заносчивого щенка, который вчера ещё скулил о пощаде, а нынче примерял под свой тощий зад древний трон императоров Саррассы, Паториус уже тогда прочёл в этих жестоких, злопамятных глазах свою судьбу. Мангиловые обручи, сковавшие запястья, грудь и шею мага, полностью лишали возможности ощутить *возмущение*, и маг-ренегат сейчас ничем не отличался от любого другого смертного, пускающего кровавые слюни и глядящего из-под опухших век.

А рядом стоял он – тот, кто поверг казавшегося всемогущим первого министра и придворного мага. Великий маг Каладиус, живая легенда, воплощённое могущество человеческой расы. Он должен был быть с ним – с запоздалым сожалением думал Паториус. Он, величайший маг за всю историю, мог бы стать прекрасным правителем – Паториус согласился бы играть вторую роль при нём, оставаться первым министром. Если бы подумать о нём раньше, предложить первым! Зная прошлые амбиции Каладиуса, он вполне мог бы согласиться. Но теперь поздно сожалеть, поздно молить о пощаде.

То, что пощады не будет – Паториус понял с первой секунды, едва увидев горящие глаза на бледном, осунувшемся лице нового императора. Или, точнее, нового старого императора, поскольку юридически Малилла властвовал уже почти пять лет – с тех пор, как почил его недалёкий отец. И вот теперь этот безусый щенок щерил свои зубы, собираясь впиться в горло матерому волку. Каладиус, надо отдать ему должное, убеждал юного императора проявить милость и не опускаться до пыток и истязаний. И Малилла пообещал это спешно отбывающему магу. Может быть, это была единственная клятва в жизни Малиллы, которую он даже не пытался исполнить...

Каладиус встряхнул головой, отгоняя тяжкие воспоминания. Воспоминания о потерянном друге – магистре Ордена чернокнижников Палланте, который как раз и позвал старого товарища на помощь. Когда-то, сотни три лет тому назад именно Паллант, тогда ещё молодой и амбициозный чернокнижник, немало способствовал честолюбивым планам Каладиуса стать членом величайшего ордена, поправить многовековые каноны, утверждавшие, что лишь выходцы из Саррассы могут примерить на себя чёрный ониковый перстень. Каладиус этого не забыл – в своё время Паллант стал магистром Ордена.

Ко времени восстания Паториуса Паллант был стареньким, благодушно доживающим свой век магистром. Как выяснилось – это было обманным ощущением, и Паториус глупо

попался на эту обманку. За что и поплатился. Но и Палланту не суждено было пережить ту страшную ночь – он и ещё два десятка чернокнижников погибли, удерживая нейтрализующее заклятие над дворцом. Их просто перерезали, словно цыплят, но главное сделать они всё же успели – не дали выскочке-Паториусу использовать заранее заготовленные разрушительные чары...

Каладиус вновь встряхнулся, пытаясь сбросить груз тяжких мыслей. Он поднял голову – башня Кантакалла громоздилась над ним, закрывая собой половину неба. Окна, начинавшиеся на высоте пятидесяти футов, были освещены. Иного волшебник и не ожидал – в башне чернокнижников всегда кто-то не спит. И Каладиус был уверен, что застанет там тех, кто ему нужен.

***

– Не обманывают ли меня мои глаза? – воскликнул дородный седовласый мужчина, чьи длинные волосы были схвачены в хвост, а борода аккуратно разделена на две пряди. – Мессир Каладиус! Какая честь для нас! Так вот чем можно объяснить, как я понимаю, тот магический выброс, что ощутили мы сегодня днём!

– Признаюсь, дорогой мой Алтисан, это действительно моих рук дело, – раскрывая объятия, рассмеялся Каладиус. – Что, сильно потрянуло?

– Да если бы башня Кантакалла рухнула мне прямо на голову, удар и то был бы менее ощутимым! – маг Алтисан крепко прижал к себе Каладиуса. – Вы по-прежнему чудовищно сильны, мессир! Мы – лишь жалкие котята, мячущие рядом с рыкающим львом!

– Полноте, мессир, не наговаривайте на себя напраслину! Пристали ли такие речи магистру Ордена чернокнижников!

– О, вы знаете, мессир, что я стал магистром не по своей воле и в силу... определённых трагических обстоятельств, – Алтисан состроил приличествующую теме мину. – Не проходит и дня, чтобы я не сожалел о безвременном уходе магистра Палланта и не скорбел о выпавшей мне тяжкой доле.

– Магистр Паллант прожил полную, насыщенную жизнь и оставил Орден в надёжных руках, дорогой друг, – проговорил Каладиус, усаживаясь в кресло у столика, на котором стоял кувшин с вином и фрукты.

– Лышу себя этой надеждой, мессир, – смиренно опустил очи Алтисан. – С какой же целью вы пожаловали к нам, дорогой мой Каладиус, ведь я знаю, что из простой любезности вы не покинули бы свою цитадель в пустыне?

– Вы правы, друг мой, – Каладиус с видом знатока отхлебнул вина, покатав его на языке и проглотил, многозначительно покачав головой. – Я прибыл сюда по делу. По весьма важному и, надо признать, довольно опасному делу.

– Мне донесли, что некто сегодня силой магического воздействия превратил в прах величественную виллу в пригородах, – Алтисан также налил себе вина и присел на другое кресло. – Теперь я понимаю, что это были вы. Что же заставило вас совершить такой мощнейший выброс?

– В том доме были убийцы, подсланные, чтобы убить меня и моих друзей, а также похитить одну лирру, которая путешествует в моем обществе. Я не стану ничего скрывать от вас, дорогой друг, поскольку мне потребуется ваша помощь.

– И что это были за убийцы, и для чего им та лирра? – расслабленная поза Алтисана не обманула Каладиуса – магистр напряжённо вслушивался в слова старого мага.

– Они – ассасины Ордена Лианы, – поставив недопитый бокал, проговорил Каладиус.

– Разве он ещё существует? – поднял брови Алтисан. – Последние упоминания о нём встречаются несколько сотен лет назад.

– И тем не менее, он существует и поныне. И продолжает лелеять свои замыслы. И сейчас он близок к их осуществлению, как никогда. Ибо со мной – лирра-аномалия.

– Что вы сказали, мессир? – Алтисану не удалось сохранить невозмутимость, он буквально выскочил из кресла. – Аномалия? Вы не ошиблись?

– Вы считаете, что я могу ошибиться? – чуть сдвинул брови Каладиус. – Поверьте, я всё перепроверил. Это ровно тот случай, что был описан в трактате «Леалирро паратея»²⁵ более трёх тысяч лет назад! Девушка-лирра, воспитанница Наэлирро, подготовленная всеми необходимыми эликсирами и положительно отзывавшаяся на них на протяжении всего курса, вдруг не проходит перерождения. В ней возникает парадоксальный антагонизм между обрётённым и сущим, который ваш покорный слуга купировал способом, также описанным в «Леалирро паратея». И теперь эта девушка таит в себе невероятную, сокрушительную мощь, которая, попав не в те руки, может принести немало бед.

– Так зачем же вы притащили её сюда? – от волнения Алтисан даже забыл вежество. – Не проще ли было... нивелировать данную проблему?

– Так нынче называют убийство? – жёстко бросил Каладиус. – Имейте в виду, мессир, – каждое слово мага падало, словно тяжёлый свинцовый шар. – Я не приемлю подобных способов решения проблемы, и не позволю кому бы то ни было причинить малейший вред этой девушке. Последние, кто попытался, золой развеялись по ветру.

– Бросьте, дорогой Каладиус, – фальшиво рассмеялся Алтисан, хотя на его покрытых седыми волосами щеках ходили желваки. – Ни к чему здесь ваши угрозы! Кто говорил об убийстве? Я оскорблён подобными инсинуациями. И вообще, прежде чем делать какие-то выводы, мне нужно ещё разбираться в данном вопросе. Прошу вас, попробуйте нашего вина, – магистр указал на бокал, стоящий рядом с Каладиусом. – Биррийское, урожай тысяча семьсот третьего года! Чудесный год, доложу я вам! Боги благословили его, дав столь необычайный виноград.

– Вино прекрасно, – согласно кивнул Каладиус, вновь беря бокал. Он и сам был не рад неожиданному повороту беседы, так что старался загладить возникшее недоразумение. – Оно напоминает мне урожай тысяча триста семьдесят шестого – те же оттенки мёда и муската, тот же мягкий вкус. Помнится, мы любили побаловаться бутылочкой-другой того биррийского с магистром Паллантом, когда он был ещё молодым, подающим надежды магом.

– Разумом я понимаю, но сердце отказывается осознать, что вы говорите о временах столь древних и славных, – воскликнул Алтисан. – Меня охватывает трепет, когда я представляю, из каких глубин времён пришли вы к нам, мессир!

Восхищение, высказанное магистром, было совершенно искренним, и Каладиус это чувствовал. Что ж, что ни говори, а маг пользовался в Ордене колоссальным уважением, что значительно упрощало его миссию.

– Мы живём в такие времена, друг Алтисан, что будущие поколения будут взирать на нас с благоговением и воспевать нас в своих песнях! – допив последнюю каплю великолепного вина, Каладиус без ложной скромности тут же наполнил бокал снова. – И у вас есть шанс приобщиться к истории, которая уже катится, подобно лавине.

– Что же я могу сделать для вас и вашей чудесной лирры? – Алтисан также долил себе вина. – Ведь речь пойдёт о ней, я всё верно понял?

– Вы необыкновенно проницательны, мой друг, – без тени сарказма проговорил Каладиус. – Я, правда, и сам ещё не представляю, что получится из всего этого, но задумка чертовски амбициозная! Моя юная протеже занимается поисками Башни, и я ей в этом всецело помогаю.

– Башни? – слегка озадачился Алтисан. – Что же за башню ищет эта юная лирра? И вы для этого прибыли в город башен? – магистр вглядывался в лицо Каладиуса и видел, что

пока находится на неверном пути. – Речь ведь идёт о какой-то особенной башне? Что-то... Ах! – вдруг Алтисана осенило. – Неужели вы... говорите о *Башне*?

– Именно так, друг мой, – кивнул Каладиус, наблюдая за собеседником поверх края бокала.

– Это... шутка, мессир? – от мысли о том, что над ним, магистром Ордена чернокнижников, может насмеяться кто-то, пусть даже сам Каладиус, у Алтисана кровь отлила от лица. – Ведь не может быть, чтобы вы всерьёз...

– А между тем, я говорю абсолютно серьёзно, – подтвердил Каладиус. – Мы ищем Башню.

– Ааа... – протянул Алтисан, начиная соображать. – Я правильно понимаю, что речь идёт о технике Биалла Пивилийского?

– О, вы весьма эрудированы, дорогой мой Алтисан! – и снова в похвале не слышалось ни капли иронии. – Именно так, мы пытаемся найти Башню по методу Биалла Пивилийского.

– Но все знают, мессир, что Биалл был сумасшедшим! – воскликнул магистр. – Всё, что он описал в своей книжонке – полнейший бред! И более поздние изыскания полностью подтвердили это!

– У меня иное мнение на этот счёт, друг мой, – мягко возразил маг. – И я всерьёз рассчитываю на успех, но есть одна маленькая загвоздка.

– Позвольте-ка угадаю! – хлопнул себя по коленке Алтисан. – Мангил? Насколько я помню, там требовалось какое-то совершенно запредельное количество мангила. Что-то около двадцати фунтов...

– Тридцать три, если точнее, – улыбнулся Каладиус.

– Тридцать три... – Алтисан медленно повторил число вслух, надеясь, что это добавит ему хоть каплю правдоподобности, но это не помогло. – Неужели вы рассчитываете, что Орден даст вам такое количество мангила??? Да у нас его столько просто нет! Уж не заставите ли вы расплавлять мангиловые артефакты?

– Конечно нет, дорогой друг! – Каладиус выставил перед собой руки, шутливо отмахиваясь от подобных обвинений. – Я претендую лишь на свободный мангил. Более того, я готов за него заплатить рыночную цену. Также обращаю ваше внимание, что некоторое количество обещал мне император, который взял под личный контроль эту ситуацию.

– Я понял, что вы хотите сказать этими словами, – слегка потемнел лицом Алтисан.

– О, ровным счётом ничего! – горячо заверил Каладиус. – Поверьте, я не стану вмешивать его величество в наши с вами личные дела. Но позволю себе заметить, что я – один из старейших членов Ордена и потому, согласно Устава, могу претендовать на особое ко мне отношение со стороны *нашей* организации, – Каладиус намеренно подчеркнул слово «нашей».

– У нас нет такого количества мангила, – прижатый со всех сторон, Алтисан опустил руки.

– А сколько есть?

– Нужно справиться у главного кастеляна, – нехотя проговорил магистр. – Думаю, что фунтов пятнадцать-двадцать. Но мы не можем отдать вам *весь* мангил, вы же это понимаете? – быстро добавил он.

– Абсолютно, друг мой! – заверил маг. – Вы, конечно, оставите себе целый фунт, или даже два!

От подобных слов Алтисан осёкся, на время лишившись дара речи.

– Но ведь это – крохи! Мы останемся без сырья на долгие месяцы! – наконец возопил он.

– А разве рудники Эллора больше не работают? – возразил Каладиус. – Спрос порождает предложение. Уверен, что вынужденный вакуум будет восполнен весьма скоро.

– Вы режете меня без ножа, мессир! – в отчаянии вскричал Алтисан.

– Поверьте, это не так больно, как тогда, когда режут ножом, – Каладиусу надоели уговоры и он решил, что пришла пора поднажать.

– Вы угрожаете мне? – смертельная бледность залила благородное лицо старого магистра.

– Я просто *предупреждаю* вас, мессир, – спокойно ответил Каладиус. – Его величество будет крайне недоволен, если решит, что его приказы исполняются недостаточно тщательно.

– Хорошо, – помолчав с минуту, и наконец взяв себя в руки, проговорил Алтисан. – Завтра я пришлю его величеству полный отчёт о состоянии наших мангиловых запасов, а также перспективный план их использования, чтобы подсчитать сальдо...

– Сейчас, – тихо, но чётко произнёс Каладиус.

– Что?.. – Алтисан решил, что не расслышал.

– Вы *сейчас* позовёте сюда главного кастеляна с его бумагами, дорогой друг, и мы вместе с вами оценим состояние ваших запасов, – Каладиус, не мигая, смотрел в глаза магистра, и тот не смог долго выдержать этот взгляд.

– Но главный кастелян спит! – это была слабая отговорка, но больше ничего на ум не пришло.

– Что крайне невежливо с его стороны, учитывая, что магистр бодрствует.

– Неужели дело не подождёт до завтра?

– Пожалуйста, друг мой, позовите его *сейчас*, – подчёркнутая вежливость Каладиуса пугала больше, чем раздражительность.

Поняв, что проиграл, Алтисан звякнул в колокольчик. Явился служка, которого тут же отправили за главным кастеляном. Ожидание его прихода затянулось почти на полчаса, и за это время в комнате магистра стояла гробовая тишина. Алтисан хмуро сидел, вертя в руках бокал, Каладиус же, откинувшись на спинку кресла, блаженно полуулыбался, поглядывая на портрет магистра Палланта, висящего среди череды портретов бывших магистров Ордена.

Наконец в дверь осторожно постучали, и в комнату вошёл главный кастелян, нёсший подмышкой толстую книгу.

– Скажите, дорогой друг, – обратился к нему Каладиус, видя, что Алтисан не склонен начинать разговор. – Сколь велики у Ордена запасы свободного мангила?

Кастелян недоуменно взглянул на молчащего Алтисана, но тот лишь мрачно кивнул, разрешая говорить.

– Девятнадцать фунтов и восемь с четвертью унций, – на всякий случай сверившись с книгой, ответил кастелян.

– Это просто превосходно, господа! – воскликнул Каладиус так, словно между ним и Алтисаном не было никаких размолвок. – Вы просто спасаете мне жизнь! Я думаю, что совершенно справедливым будет оставить для нужд Ордена два фунта... Нет... Во имя Первосоздателя – не будем мелочными, и положим на это все три фунта и восемь с четвертью унций!

От подобной «щедрости» лицо Алтисана вытянулось ещё сильнее. Кастелян, не очень понимавший, в чём дело, тем не менее, тоже стал бледнеть.

– Прошу вас, милейший друг, к завтрашнему дню отмерить шестнадцать фунтов мангила и предоставить его людям, которых я пришлю, – тоном, не терпящим возражений, обратился Каладиус к кастеляну. – Взамен я предоставлю вам векселя Главного имперского банка на сумму в двенадцать тысяч золотых корон. Я знаю, что это заметно превосходит рыночную стоимость мангила, но прошу – не берите себе в голову подобную чепуху! Считайте это взносом в великое дело Ордена!

Произнеся эту тираду, Каладиус легко поднялся с кресла и, сердечно распрощавшись с хмурыми магами, вышел. И лишь оказавшись на лестнице, он позволил себе облегчённо

выдохнуть. Хотелось надеяться, что с этой стороны неожиданностей и неприятностей уже не последует.

Глава 53. Недостающее количество

На следующее утро в покои путешественников пожаловал сам император. Первым делом он осведомился о здоровье Кола, и когда узнал, что тому гораздо лучше, попросил, чтобы его наконец представили лично. Кол чувствовал себя вполне неплохо – как обычно, чудодейственный эликсир делал своё дело, и доктора с удовлетворением замечали, что организм великолепно переносит болезнь, никаких следов сепсиса и иных сопутствующих проблем не было выявлено. Дыхание Кола оставалось свистящим и хриплым, но зато он теперь мог разговаривать шёпотом, хотя врачи весьма категорично запрещали ему напрягать дыхательную систему.

Тем не менее, когда в комнату вошёл император, Кол даже рефлекторно попытался встать, но из этого, ясное дело, ничего не вышло. Врачи, увидев это, встрепнулись и загалдели, словно стая испуганных галок. Однако император нимало не смутился, не смотря на то, какой фурор он произвёл. Весьма благодушно обратился он к выздоравливающему, уважительно отозвался о богатом военном прошлом Кола, а затем пожелал скорейшего выздоровления. Кол отвечал односложно, поскольку длинные предложения ему пока не давались – он просто задыхался на середине фразы.

В конце концов Мэйлинн, которая вела себя как настоящая сиделка, вежливо, но твёрдо попросила императора дать раненому покой. Малилла, привыкший чувствовать себя полновластным хозяином, тем не менее, безропотно удалился в соседнюю комнату, где его уже поджидал Каладиус.

– Я знаю, что вчера вы покидали дворец, – начал император. – Вы были в башне чернокнижников?

– Да, государь, – просто ответил Каладиус, поскольку фраза Малиллы и звучала не как вопрос, а как утверждение.

– Полагаю, речь зашла о мангиле? – осведомился император.

– В числе прочего, – кивнул Каладиус. – И мною был получен весьма положительный ответ от магистра Алтисана. Он предложил мне целых шестнадцать фунтов из запасников Ордена, не забыв упомянуть, что он остаётся верным слугой вашего величества.

– Да, чернокнижники – опора трона, – важно кивнул Малилла. – Я никогда этого не забываю. Шестнадцать фунтов – это огромное количество, поздравляю!

– И тем не менее, оно недостаточное, – скроил печальную мину маг. – Это – едва ли половина от того, что нам требуется.

– Что ж, – император поиграл перстнем на пальце. – По моему приказу были уточнены запасы казны. В данный момент мы располагаем приблизительно восемью с половиной фунтами мангила. Как я и обещал – все они ваши.

– Истинно царский подарок, ваше величество! – поклонился Каладиус. – Я в неоплатном долгу перед вами.

– Что вы, друг мой! – возразил император. – Я только ещё едва-едва начинаю отдавать свои долги! И поскольку вам требуются ещё восемь с четвертью фунтов, то, как я и обещал, я сегодня же соберу во дворце крупнейших торговцев мангилом. Думаю, что восемь фунтов – вполне реальная цель!

– Полагаю, что могу разделить вашу уверенность, государь, – подтвердил Каладиус. – Я не забуду вашей доброты.

– Полноте, друг мой! – Малилла взял руку мага в свои руки и весьма почтительно пожал её. – Прошу простить меня – государственные дела не ждут. Полагаю, вам будет интересно присутствовать на встрече с торговцами?

– Крайне интересно, – подтвердил Каладиус. – Но мне не хотелось бы широкой огласки. Пусть уж эти купцы не будут знать, кому потребовался металл.

– Вы можете присутствовать тайно, – предложил император. – Это же императорский дворец! Тут полно потайных мест.

– Думаю, я лучше проведу это время с большей пользой, – чуть подумав, ответил маг. – Надо бы восстановить кое-какие из сожжённых мостов. Лишь глупцы в моем возрасте плодят врагов без оглядки и на пустом месте.

– Что ж, воля ваша, мессир. Вечером я дам вам отчёт о том, чего удалось достичь.

– Если всё пойдёт как надо, – хитро улыбнулся Каладиус. – Меня не будет до утра.

***

– Мессир Каладиус... – от вчерашнего радушия магистра Алтисана не осталось и следа. Завидев гостя, он поморщился, словно случайно раскусил горькую жабу.

– Дорогой мой мессир Алтисан, да, это я, собственной персоной, – лицо Каладиуса, напротив, так и лучилось радостью.

– Разве вы не получили мангил? – устало спросил Алтисан. – Насколько мне известно...

– О, не беспокойтесь, мой добрый друг! Ваша посылка была доставлена точно и в срок!

– Мы, в свою очередь, получили переданные вами бумаги, – сухо известил Алтисан. Он вообще говорил неохотно, словно через силу – видно, обида на Каладиуса была велика.

– Мы говорим всё не о том! – огорчённо вздохнул маг. – Боюсь, вчера мы расстались не самым лучшим образом, и ваш сегодняшний приём говорит о том, что вы затаили на меня обиду.

– Да ну что вы, мессир! Как вы могли такое подумать? – лицо магистра выражала совершенно противоположные словам чувства, и он даже не пытался это скрыть.

– Прошу вас, дорогой друг, примите меня! Я принёс ленту мира, поверьте! Ничего я не хочу так, как восстановить добрые отношения с вами и Орденом, членом которого я являюсь.

– Станным, однако, способом вы строите добрые отношения, мессир, – пожаловался Алтисан, что для Каладиуса стало добрым знаком – он боялся, что магистр просто замкнётся. А раз так – ещё не всё потеряно!

– Ничего странного, друг мой. Вчера я должен был добиться своей цели, и, как вы могли заметить, я её добился. Цель оправдывает средства. Но сейчас, когда цель достигнута, я не вижу смысла продолжать вести себя, словно последняя свинья. Поэтому я пришёл к вам, чтобы поговорить по душам. И я с подарком!

– Что за подарок? – против воли заинтересовался магистр.

– Вы же знаете, что в императорском дворце очень богатые винные погреба. И угадайте, на какое сокровище я наткнулся там сегодня?

– Бьюсь об заклад, что это – то самое биррийское, урожая тысяча триста семьдесят шестого, о котором вы упоминали вчера! – вскричал Алтисан, и всякая обида вмиг слетела с его лица.

– Вы – провидец, мессир! – рассмеялся Каладиус и жестом иллюзиониста выхватил из широкого рукава плотно покрытую пылью бутылку.

– Это чудо, мессир! – на бледных щеках магистра заиграл румянец, а глаза заблестели, как у кота при виде сметаны.

– И, что самое приятное, она у меня не одна! – ещё две бутылки встали на стол рядом с первой.

– Ах, мессир, я готов ссориться ежедневно, если в качестве ленты мира мне будут подносить подобную красоту!

– Боюсь, в погребах императора осталось не более дюжины подобных бутылок, так что я могу поспорить с вами от силы четыре раза, – рассмеялся Каладиус, осторожно срезая сургуч, которым обильно было залито горлышко.

– Ах, вы такой шутник, мессир! – залился хохотом Алтисан. – Прошу, осторожней! Может, позвать слугу?

– О, во имя всех богов, дорогой Алтисан! – воскликнул маг. – Неужели вы думаете, что у вашего слуги тоже есть тысячелетний опыт откупорки винных бутылок?

– Я был бы крайне этому удивлён! – весело ответил Алтисан, с удовлетворением наблюдая, как аккуратно Каладиус извлёк пробку из горлышка. – Какой аромат! Подумать только – он томился под этой пробкой целых триста лет!

– Уверен, эти триста лет пошли вину только на пользу! – отметил Каладиус, разливая темно-рубиновую влагу по двум хрустальным бокалам.

– Какой цвет! – не переставал восхищаться магистр. – Должно быть, когда Первосоздатель глядел на зарю этого мира, она имела столь же благородный оттенок!

– Ну что ж, дорогой друг! – Каладиус протянул один из бокалов Алтисану. – Попробуйте и оцените, как знаток – прав я был вчера насчёт схожести вкусов?

Магистр чернокнижников осторожно, словно чашу с эликсиром вечной жизни, принял бокал из рук гостя и, закатив глаза, отхлебнул небольшой глоток. Затем он стал катать его по языку, нёбу, то задерживая, то вновь приводя в движение. И лишь через некоторое время, словно по какому-то внутреннему принуждению, он всё же проглотил вино.

– Я чувствую себя почти преступником, мессир, оттого что вздумал обижаться на вас из-за какой-то ерунды! – наконец проговорил он. – Вы же оплатили мне этим волшебным напитком! Мне так стыдно!

– Ну и как вкус? – улыбнувшись, осведомился Каладиус.

– Увы мне! – горестно воскликнул Алтисан. – Отныне любое вино будет казаться мне трактирной кислятиной!

– О, поверьте, в погребах его величества есть ещё вина, которые могут поспорить своим вкусом с этим великолепным напитком! И после я порекомендую вам наиболее достойные. Уверен, император пожертвует некоторое количество бутылок своему верному слуге!

– Вы просто возвращаете меня к жизни, мессир! – воспрянул духом Алтисан и вновь припал губами к бокалу.

Некоторое время все разговоры крутились только вокруг вин, и Алтисан показал себя истинным экспертом в этих вопросах. Удивительно – при всей своей любви к этому напитку, магистр не был пьяницей. Он ценил вино за вкус, букет, аромат, но не за хмель, которое оно несло. Тем не менее, пьянел он от этого не меньше.

Когда уже были прикончены две бутылки и откупорена третья, Алтисан дошёл до стадии безграничной любви и доверия к своему собутыльнику. Он уже пару раз предлагал Каладиусу «по дружбе» отдать остатки мангила, но великий маг, вежливо посмеиваясь, всякий раз отказывался. И вот разговор как-то сам собою перекинулся на предыдущего магистра Ордена.

– Жаль старика, – чуть заплетающимся голосом говорил Алтисан, сам разменявший уже полторы сотни лет. – Магистром он был отменным. Я ему не чета...

– Бросьте на себя наговаривать, любезный друг, – Каладиус уже также был навеселе, либо же успешно притворялся.

– Жаль, что погиб ни за что, – продолжал Алтисан.

– Почему это ни за что? – возразил Каладиус. – Он погиб за благородное дело!

– Благородное дело! – презрительно фыркнул Алтисан. – Свара между самыми талантливыми магами империи – это ли благородное дело?

– Защита своего сюзерена – вот благородное дело, – проговорил Каладиус, пристальнее взглядываясь в лицо собутыльника.

– Ах, кабы при этом не погиб бы ещё весь цвет Ордена! – вздохнул Алтисан.

– Они погибли не напрасно, и сами избрали свою судьбу.

– Я вот иногда задумываюсь... – обронил Алтисан и вдруг замолк, словно испугавшись едва не сказанных слов.

– Задумываетесь, не прав ли был Паториус? – подождав какое-то время, сам спросил Каладиус.

– Да! – неожиданно, похоже, даже для самого себя, воскликнул Алтисан. – Простите, мессир, я знаю, что Паллант был вашим другом, и вы лично участвовали в пленении Паториуса, но... Вы никогда не думали, что магистр Паллант, возможно, выбрал не ту сторону?

– Признаться, я так никогда не думал, друг мой, – покачал головой Каладиус.

– Неужели вас не прельщает идея великой державы, которой будут править мудрые и могущественные маги? – глаза Алтисана против воли загорелись. – Ведь вы могли бы быть великолепным правителем, мессир! Я, да и множество других магов, без раздумий пошли бы за вами!

– Уж не предлагаете ли вы мне очередной государственный переворот, мессир? – тон Каладиуса продолжал оставаться легкомысленным, но глаза смотрели уже холодно и серьёзно.

– Ну что вы, что вы! – всплеснул руками Алтисан. – Я просто рассуждаю.

– Неужели вам плохо живётся при нынешнем императоре? Кажется, он не обижает Орден и даёт вам множество вольностей.

– Ну вы же знаете, мессир, народную сказку про старика, который последней рваной сетью вытащил кувшин с запёртым джинном? Сначала он попросил новую сеть, затем – новый дом, затем – дворец...

– Да, людям свойственно хотеть большего, чем они имеют, – кивнул Каладиус. – Но разве вы не помните, чем окончилась эта сказка? Хитрый джинн обманул старика и убил его...

– В том варианте, который знаю я, джинн просто получил свободу, а старик остался со своей рваной сетью, – озадаченно проговорил Алтисан.

– Вашему старику повезло больше, чем могло бы повезти многим другим, – многозначительно проговорил Каладиус, и магистр прекрасно понял, что тот хочет сказать.

– Поймите правильно, мессир, я не на что такое не намекаю, – взволнованно заговорил Алтисан. – Не думайте, что в моих словах есть нечто большее, чем обычные хмельные застольные разговоры.

– Поверьте, друг мой, я ничего такого и не думаю, – ответил Каладиус. – Более того, не далее, как вчера я заверил его величество в преданности Ордена и лично его магистра. Но мне кажется, вы превратно понимаете идеи Паториуса.

– Что же там можно превратно понять?

– Моё мнение таково, что каждый в этом мире должен заниматься своим делом. Лекарь – лечить, булочник – печь хлеб, солдат – убивать. Маг не должен лезть в политику, ибо на то есть политики. Так же и государь не должен лезть в сугубо магические дела, ибо они всё равно недоступны его пониманию. Думаю, если каждый будет добросовестно заниматься своим делом и не пытаться лезть в дела других – тогда государство будет процветающим. Империя магов – это утопия. У вас либо не получится ничего, либо получится очередной Тондрон. В какой-то момент маги решат, что живые люди слишком опасны, своенравны, не так выносливы, и тогда некроманты станут заменять своих подданных гомункулами или зомби. Увы, мысли магов витают в столь дальних горних высях, что у них куда меньше общего с простыми смертными, чем у самого могущественного правителя. Поэтому для про-

столюдина правление магов никогда не обернётся ничем добрым, и не потому что правители будут целенаправленно жестоки. Просто для магов люди будут казаться не выше обычных домашних животных, лишённых разума.

– Какие мрачные картины вы рисуете, мессир, – пробормотал Алтисан.

– Поверьте человеку, который за свою долгую жизнь видел рождения и падения династий и целых государств. Человеческая природа ущербна, а маги – не более чем невероятно могущественные люди, то есть в некоторой степени они ущербны вдвойне.

– Любопытно слышать такие слова от мага, – невесело усмехнулся Алтисан.

– Поживите с моё, друг мой, тогда вы пересмотрите многие вещи.

– Да куда мне! Такие как вы, мессир, рождаются раз в эпоху, а то и реже. Вы в тысячу лет выглядите лучше и моложе меня, хотя я не дожил и до двухсот.

– Ну тогда просто поверьте мне на слово, друг мой. А что касается ваших мыслей о Паториусе, то мой вам дружеский совет: держите их при себе, если уж не можете от них избавиться! Поверьте, император Малилла не из тех людей, что будут лояльно относиться к подобным размышлениям. Не повторите судьбу пленённого мага, дорогой друг!

– Что вы, поверьте, что я никогда не подниму руки на нашего августейшего повелителя! – самым искренним тоном заверил Алтисан.

– Я верю вам, друг мой, и именно поэтому я до сих пор дружески разговариваю с вами, вместо того, чтобы предпринять меры.

В том, что Каладиус может предпринять меры, Алтисан не сомневался ни секунды. Он, магистр Ордена чернокнижников, перед которым в трепете склонялись весьма сильные маги этого мира, сам в свою очередь трепетал перед овечьей веками силой великого мага. Он тут же поспешил уйти подальше от скользкой темы к теме куда более приятной, и речь вновь зашла о вине и виноградниках. Под эти приятные разговоры показала дно последняя бутылка легендарного вина, после чего Каладиус стал собираться обратно.

– Оставайтесь, мессир, – предложил Алтисан. – Скоро подадут ужин, а затем мы сможем полюбоваться звёздами с вершины башни, а также обсудить множество интересующих меня вещей. Меня весьма занимает ваша лирра...

– Прошу извинить меня, дорогой друг, но мне уже пора. Вечером его величество обещал мне дать отчёт о прошедшем у него совещании глав крупных торговых компаний, ввозящих мангил.

– Много ли ещё вам требуется мангила?

– Восемь фунтов с четвертью.

– Неужели вы думаете, что у торговых компаний можно найти такое количество? – воскликнул Алтисан. – Они не держат больших запасов. Дорогой Каладиус, я уже предлагал, и предлагаю вновь – примите от Ордена те три с лишним фунта, что вы не взяли вчера. Вы правы – не пройдёт и трёх месяцев, как запасы будут пополнены...

– Не более, чем на треть, – перебил Каладиус. – Поверьте, я изучил примерные объёмы добычи мангила. Я скажу вам так, Алтисан – если уж возникнет острая необходимость, я приму ваш дар. У меня во дворце вполне можно найти два-три фунта мангила, и я планирую послать туда людей. Если всё пройдёт как надо, меньше чем через месяц этот металл прибудет в Шатёр. И будет незамедлительно передан Ордену.

– Поразительно – только великий маг Каладиус может хранить у себя дома три фунта мангила! – восхитился Алтисан. – Вы велики во всём, мессир!

– Вот только взять его с собой у меня ума не хватило, – с лёгкой горечью рассмеялся Каладиус.

В конце концов, после длительных прощаний, заверений в дружбе и всевозможных благодарностей за чудесно проведённый вечер, великий маг покинул башню Кантакалла. На

улице уже стемнело, так что приятный вечер гармонично завершился созерцанием сказочных пейзажей Койфара.

***

Представитель Западной торговой компании сидел, хмуро понутив голову. Вообще-то он совсем не привык, чтобы его отчитывали, как какого-нибудь зарвавшегося мальчишку. Однако сегодня всё было именно так.

Западная торговая компания являлась крупнейшей в Саррассе и одной из самых крупных на всей Паэтте. Под словом «западная» она стыдливо маскировала прилагательное «Эллорская», ведь упоминание этого мрачного и таинственного материка могло повредить бизнесу. А так – никто не будет задавать лишних и неудобных вопросов. Понятное дело, что весь мангил, который есть в мире, привозится из Эллора – во всей Паэтте, сколько ни копали, ничего нашли, хотя существовала теория, что в окрестностях озера Симмер вполне могут быть залежи драгоценной руды. Но, хотя все это и понимали, тем не менее, для душевного спокойствия клиентов было проще думать, что мангил пришёл не с побережья Эллора, от которого всего несколько дней пути до города Офа – столицы империи Тондрон, а с некоего аморфного Запада.

Западная торговая компания (или просто Компания, как обычно говорили саррасанцы, всегда точно понимая, о чём именно идёт речь) занималась не только мангилом. Значительную часть их оборота составляла торговля с Кидуанским государством, однако восемь фунтов мангила из каждых десяти, прибывающих в Саррассу, прибывали на кораблях, ходящих под флагами Западной торговой компании.

Собственно говоря, Компания была больше, чем просто торговой организацией. Управленческий аппарат Компании выполнял административные функции в колониях Эллора. Председатель Компании официально числился генерал-губернатором всех саррасанских колоний, но генерал-губернаторство это было весьма формальным, поскольку суровые и свободолюбивые колонисты-рудокопы не сильно-то прислушивались к мнениям людей «с материка», как они немного презрительно называли всех, кто приплывал с этого берега Загадочного океана. И к чести этих самых людей «с материка», им хватало ума принимать существующее положение вещей, пока это приносило барыши. А торговля мангилом приносила барыши сказочные.

Но мы отвлеклись от заседания при императоре. Началось оно весьма прозаично, с традиционных взаимных реверансов между властью и бизнесом. Но затем император Малилла внезапно озвучил цель, с которой он пригласил находящихся в зале четверых представителей компаний. Действительно, кроме представителя Западной торговой, тут присутствовали ещё три человека, однако их присутствие было в достаточной степени номинальным, ведь совокупный объем привозимого ими мангила был вчетверо меньше привозимого Компанией.

– Господа, не стану ходить вокруг, да около, поскольку у меня ещё много иных дел, – начал император. – Мне необходимы девять фунтов мангила. Когда я говорю «необходимы», я имею в виду необходимы в ближайшее время.

– Но, государь, – с некоторой даже снисходительностью в голосе заговорил представитель Компании. – У нас нет таких оперативных запасов. Практически всё, что мы завозим, мы привозим под реализацию, и сбываем тут же, а иной раз ещё и до того, как корабль с металлом прибыл в гавань.

Остальные коммерсанты одобрительным ворчанием подтвердили слова коллеги.

– Однако, господа, – правитель пока не выказывал признаков недовольства или нетерпения. – Я точно знаю, что кроме оперативных, у вас имеются также и резервные, стратегические запасы. Не нужно считать меня профаном в экономике, я знаю, как работает бизнес столь редких и ценных товаров.

– Гм, это так, повелитель, – досада промелькнула на лице представителя Компании. – Однако, во-первых, эти запасы не столь велики, как вы, должно быть, думаете, а во-вторых, осмелюсь пояснить, эти запасы потому и называют стратегическими, что используются они лишь в самом крайнем случае.

– Должно быть, господин аль’Шанта, вы не до конца уразумели, что когда что-то незамедлительно требуется вашему повелителю – это и есть тот самый крайний случай, – Малилла всё ещё говорил спокойно, но на его переносице появилась жёсткая, словно лезвие ножа, складка, слишком о многом говорящая тем, кто его знал.

– О, разумеется, я это понимаю, – несколько сконфуженно произнёс аль’Шанта. – Однако...

– Вы знаете меня уже больше десяти лет, – опасно прищурился император. – И до сих пор не знаете, насколько я не люблю слово «однако»?

– Государь, – окончательно смешался коммерсант. – Я не имел и в мыслях противоречить вам. Я лишь пытаюсь объяснить... Должно быть, мой скудный разум не в состоянии подобрать правильные слова...

– Тем не менее, когда речь идёт о предпочтениях для вашей Компании, вы бываете невероятно велеречивы и убедительны, – усмехнулся император. – Не забывайте, что благосостояние и вашей компании, и всех остальных также, – Малилла обвёл взглядом притихших купцов. – Целиком и полностью зависит от доброй воли императорской короны. Так же, как я возвысил вас над всеми другими, так же я могу и низвергнуть вас в мановение ока.

– Своего положения наша Компания добивалась тяжким трудом, государь, – голос аль’Шанты дрожал, но несправедливый упрёк, видно, глубоко его задел. – Мы верно служили ещё отцу вашему, а до того – его отцу, и отцу его отца... Мы целиком признаем благотворное влияние вашего величества, но справедливость призывает меня напомнить вам, что Западная торговая компания успешно существует уже больше восьми столетий.

– В этом мире рано или поздно всему наступает конец, господин аль’Шанта, – отчеканил Малилла, но тут же сбавил тон. – Поймите меня верно, господа, я вызвал вас сюда не затем, чтобы угрожать или ссориться. Боги мне свидетели, что лишь ваше непочтение заставило меня произносить столь неприятные слова. Но я хочу, чтобы вы твёрдо уяснили для себя одну простую вещь: мне *необходимы* девять фунтов мангила, и я *должен* их получить.

– Государь, я буду откровенен с вами, – представитель Компании был бледен от свалившихся на него угроз и обвинений, но старался сохранять твёрдость. – Компания имеет около четырёх фунтов стратегических запасов, необходимых для форс-мажорных сделок и контроля над рынком. Однако... – аль’Шанта поперхнулся, вновь употребив слово, которое император отнёс к числу своих нелюбимых. – Однако моё руководство никогда не пойдёт на то, чтобы целиком опустошить запасы. Кроме того, – поспешил добавить он, видя, как вновь темнеет лицом Малилла. – Кроме того, я уверен, что недостающих пяти фунтов уважаемые представители конкурирующих компаний всё равно не наберут.

Троица коммерсантов вновь заворчала со смешанным чувством уязвлённого самолюбия и благодарности. Собственно, это было очевидно – каждая из компаний вряд ли могла представить здесь и сейчас хотя бы по фунту мангила.

– Но, должен вам заметить, что уже через три или, в крайнем случае, четыре месяца мы ждём корабль с Эллора. По нашим подсчётам, он привезёт не менее восьми фунтов. Правда, на значительную часть его уже существует предзаказ...

– Если этот предзаказ исходит от Ордена чернокнижников, то можете быть спокойны... – начал было император.

– Он не от Ордена чернокнижников, государь, – мягко перебил коммерсант.

– Кто же мог разместить столь крупный заказ, если не они?

– Это коммерческая тайна, государь, – потупился аль’Шанта.

– В моем государстве не может быть от меня тайн, если они затрагивают мои интересы, сударь! – резко ответил Малилла. – И, мне кажется, я сам знаю ответ. Некроманты, не так ли? – по виду торговца император понял, что попал в цель. – Мне уже не раз докладывали, что в последнее время они стали чересчур активны. И я думаю, что всем станет лишь лучше, если они не получат этот заказ.

– Но, повелитель, сделка уже заключена... – пролепетал аль'Шанта.

– Придётся её расторгнуть, – отрезал Малилла. – Я вообще планирую попристальнее присмотреться к деятельности этой кучки некрофилов. Уж больно много жалоб на них в последнее время. Однако, это совсем иная проблема, которую я буду решать в другое время. Ваш корабль, господин аль'Шанта, придёт слишком поздно, так что мы можем рассчитывать на него лишь в той мере, что он сможет покрыть ваши... стратегические запасы.

– Но государь... – начал было аль'Шанта.

– Вы всё ещё смеете мне возражать? – голос императора грозным эхом раскатился по зале. – Верно ли я слышу, сударь?

Аль'Шанта с трудом поднял глаза на своего властелина, несколько секунд понаблюдал, как у того ходят желваки на бритом лице, и, не выдержав, опустил взгляд.

– Нет, повелитель... – едва слышно проговорил он.

– Тогда вот моё решение, – Малилла встал из-за стола и словно навис над своими подданными. – Вы продадите мне весь запас мангила, какой у вас есть. Слышите, *весь*! Я дам за него цену, на пять процентов превышающую рыночную. Кроме того, я вдвое снижу для ваших компаний ввозные пошлины на весь текущий год. На любые товары.

– Вы необычайно добры, государь, – низко поклонился аль'Шанта, так что выражение его лица осталось недоступно взору императора.

– Это так, – подтвердил Малилла. – Поэтому я жду от вас семь фунтов мангила. Насколько я понимаю, исходя из ваших же подсчётов, подобное количество вы вполне в состоянии найти. Оставшееся я, так и быть, раздобуду сам. Благодарю вас за сотрудничество, господа.

Поняв, что заседание окончено, купцы, кое-как поднявшись, на негнущихся ногах, засеменили к выходу, не забыв, конечно, поклониться своему императору. Тот же, в свою очередь, надолго задумался, застыв в своём кресле, глядя на дверь, закрывшуюся за коммерсантами. Сегодня он сыграл грубо, может быть, даже чересчур грубо. Но он покроет это будущими преференциями. А пока радовало то, что он сделал всё возможное, чтобы вернуть долг Каладиусу. Да, оставалось ещё около фунта мангила, которого не доставало до ровного счета, но Малилла был уверен, что без проблем раздобудет нужное количество. А мы-то знаем, что Алтисан обещал великому магу даже больше металла, чем требовалось.

Так что, можно было с достаточной уверенностью сказать, что одна из проблем, стоящих перед нашими друзьями, была решена. Нужное количество мангила было уже почти в их руках.

Глава 54. Врата Блантура

В последующую неделю у всех были свои дела: Каладиус занимался сбором мангила, представители торговых компаний ломали голову, как бы этот самый мангил предоставить, Варан взялся набирать вооружённый отряд для дальнейшего путешествия, Мэйлинн и Бин, словно две наседки, опекали выздоравливающего Кола, а Кол, соответственно, выздоравливал. И, надо сказать, дела эти продвигались с завидным успехом.

Действительно, сложно представить, какие бури разразились в главных офисах торговых компаний, но спорить с императором Малиллой не решился никто, даже великая и могучая Западная торговая. Не прошло и трёх дней, как неброско одетый человек в сопровождении целого отряда охраны принёс во дворец небольшой чемоданчик, прикованный к его руке тонкой, но прочной цепочкой. В чемоданчике лежало ровно семь фунтов мангила – ни граном меньше или больше. Кто какую лепту внёс в это общее дело, император не уточнял. Он лишь сердечно поблагодарил компании в лице подносителя, и заверил, что помнит все данные обещания.

Далее принесённый мангил был присовокуплён к находящимся под надёжной охраной двадцати пяти и трём четвертям фунтов, что уже находились в руках императора, или, наверное, лучше сказать – Каладиуса. Магу-таки пришлось навеститься в башню Кантакалла ещё раз, причём на этот раз его сопровождали, кроме охраны, ещё двое слуг, каждый из которых нёс в руках деликатно позвякивающие большие корзины. Результатом этого похода стало недостающее количество мангила.

Куда как интереснее проходили дни у мастера Теней. Каждое утро Варан спускался в один из тенистых внутренних дворики, иногда один, но чаще – в компании Пашшана, и проводил тренировочные схватки со стражниками дворца, которых направляли туда по личному приказу императора. Варан пытался выбрать лучших из лучших, ведь им, возможно, предстояло схватиться с лирийскими ассасинами. К сожалению, Варан всё чаще бывал недоволен результатами.

Нельзя сказать, что дворцовая стража проходила небрежный отбор – всё это были сильные, ловкие ребята. Но их навыки не подходили для той работы, которая их ожидала. Большинство из них привыкли работать группами по двое-трое бойцов, использовать копья и алебарды, в бою применять более прямолинейные, давящие тактики. Всё это могло не сработать в возможных заварушках. Поодиночке даже израненный Варан с лёгкостью побеждал почти любого соперника.

– Им не хватает скорости и непредсказуемости, – сквозь зубы рычал потный Варан, отделивая деревянным мечом очередного кандидата. – Здесь нам нечего ловить.

Пашшан тоже весьма неодобрительно наблюдал за происходящим, пусть сторонний наблюдатель и не заметил бы никаких эмоций на его лице. Он нечасто брал в руки шест – лишь трое или четверо претендентов оказались достаточно ловкими, чтобы одолеть однорукого охотника за головами. И не один из них не справился с хромающим баинином.

– Я понимаю, что это рискованно, но нам нужны настоящие подонки и головорезы, – утирая тряпицей пот, проговорил Варан. – Те, кто прошёл школу уличного боя, трактирных драк и коварных ударов. Можно, конечно, набрать и этих ребят, но тогда нам понадобится целая когорта, которая обступит нас своим боевым порядком. Тогда у них будет шанс остановить ассасинов.

Пашшан лишь кивнул на эту тираду – больше он ничего сделать не мог. Слово всё равно было за Каладиусом. Который, к слову сказать, не особенно проникся идеей Варана.

– Мы всё равно не станем пользоваться этим отрядом достаточно долго, – ворчливо возразил он. – После саррассанской границы пойдём одни. Не думаю, что на нас там нава-

лятся толпы врагов. В случае чего – хватит и обычной стражи. Много ли надо умения – помахать саблями или пиками. А набирать проходимцев с улицы – себе дороже. Сможете ли вы поручиться за них?

– Вы правы, мессир, – Варан чуть прикусил нижнюю губу, раздумывая. – Но лишь с одной стороны. А посмотрите-ка на это с другой. Отряд императорской стражи действительно не может пересечь границы сопредельного государства без угрозы вызвать политический скандал. А что насчёт полдюжины бравых ребят, не связанных присягой с его императорским величеством? Они ведь смогут путешествовать по всей Паэтте, так же, как и мы.

– Я крайне ценю ваше желание решать наши проблемы чужими силами, друг мой, но боюсь, что для того, чтобы охранить овец от волков, вы нанимаете тигров. Ну или пусть даже вы нанимаете волков, чтобы защититься от тигров – неважно. Просто я не могу себе позволить забивать голову ещё и тем, чтобы постоянно присматривать за теми, кто будет присматривать за нами.

– Понимаю, мессир, – криво усмехнулся Варан. – Вы и так уже несёте ответственность за одного подозрительного типа.

– Ну зачем вы так? – поморщился Каладиус. – К вам никто не относится с недоверием. Ну или уж точно – не я. Но десяток этих скользких ловцов удачи... Да пусть даже полдюжина – это слишком много новых и подозрительных личностей вокруг нашей юной спутницы.

– Вы думаете, что Орден может подослать кого-то?

– Конечно нет. Орден никогда не примет в свои ряды человека. Но они могут заплатить ста разным бродягам сто монет, чтобы те сделали своё дело. Поверьте, умереть от ржавого крестьянского ножа я мечтаю не больше, чем умереть от кинжала ассассина.

– То есть это ваше решительное «нет», мессир? – мрачно переспросил Варан.

– Именно так, дорогой друг. И не спешите за разрешением к нашей милой Мэйлинн, – быстро добавил маг. – Уж это-то точно не её прерогатива.

– Я вас понял, мессир, – разочарованно поклонился Варан и повернулся, чтобы выйти.

– Не забивайте себе голову ерундой, друг мой, – хлопнул его по плечу маг. – Подберите дюжину или две стражников потолковее, и этого будет довольно. Мы и сами по себе – несокрушимая дружина, не так ли?

– Узнаем, когда доберёмся до Башни, – Варан даже не улыбнулся. – И *если* доберёмся...

***

Кол полусидел на кровати и любовался павлинами через открытое окно. Его восхищала та непосредственность, с какой решались вопросы в королевском дворце – стоило ему лишь заикнуться медикусу, дежурившему у постели, что ему скучно целыми днями лежать и пялиться в потолок, как по приказу последнего пришла дюжина слуг, которые аккуратно подняли немаленькое ложе прямо вместе с лежащим на нём недоуменным Колом, и перенесли его к окну, повернув постель так, чтобы больной мог опершись на подушки, любоваться тем, что происходило за окном. Вообще-то за окном ничего интересного не происходило – там был сад, в котором время от времени прохаживались павлины, но даже это казалось дико интересным после нескольких дней разглядывания потолка.

Кол уже мог без посторонней помощи приподниматься, когда ему под спину подкладывались дополнительные подушки. Рана заживала удивительно быстро. Конечно, не настолько, насколько хотелось бы самому Колу, однако, он не жаловался, понимая, что тысячи и тысячи его собратьев умирали, умирают и будут умирать от подобных ран в походных госпиталях, стеная от боли и кашля кровью. Не всем же повезло сойтись с такой удивительной лирой, как Мэйлинн!

А вот и она, легка на помине! Сегодня почему-то без вечно сопровождающего её Бина. Увидев перестановки в комнате и Кола, блаженно улыбающегося её приходу, Мэйлинн приснула со смеху:

– Да уж, кажется, кто-то уже всерьёз решил, что он – император! Может, тебя теперь по всему дворцу будут таскать в твоей кровати?

– Бери выше, подруга! – радостно оскалился Кол. – Я планирую так добраться до самых островов Келли. Это будет чудо, а не путешествие!

Кол всё ещё говорил довольно слабо, с явной одышкой, однако вполне разборчиво, так что Мэйлинн не приходилось напрягаться, чтобы его расслышать.

– Да уж, – рассмеялась лирра. – Надо сказать мессире, что нам вновь понадобится рыдван, да только раза в два больше предыдущего!

– Это ещё зачем? – притворно удивился легионер. – Тут же полно слуг!

– Да, об этом я не подумала! – Мэйлинн с размаху плюхнулась на мягкую постель, подобрав под себя ноги. – Чем ты там любишься?

– Да вот, по-моему, между той вон парочкой павлинов что-то намечается, – слегка скривившись, Кол, тем не менее, поднял руку и указал куда-то в окошко. – И я вот всё гадаю – дождусь я, или нет.

– Фу, как не стыдно! – фыркнула от смеха Мэйлинн. – Болезнь не пошла тебе на пользу.

– А вот и неправда! – запротестовал Кол. – По-моему, я похудел фунтов на десять!

– Давно ли ты озаботился своей внешностью? – хитро прищурилась лирра. – Или это бурная личная жизнь павлинов так на тебе сказывается?

– Да я всегда тщательно следил за собой! – Кол изобразил величайшую степень оскорблённой невинности.

– То-то при первой нашей встрече от тебя воняло, словно из отхожего места! – и тут же, белозубо улыбнувшись Колу, Мэйлинн показала ему язычок, словно опасаясь, что он воспримет её слова всерьёз.

– Это точно, вонища была та ещё! – на пороге появился улыбающийся Бин.

– Уж кто бы говорил! – незамедлительно парировал Кол. – Сам-то тоже тогда не был одет, как саррассанский принц!

Действительно, Бин, который сейчас был переодет в достаточно богатую одежду, которую пожаловал ему император, словно преобразился. Его худоба и долговязость удачно скрывались просторными одеждами, отчего он казался сильным и мужественным. И симпатичным – тут же добавила про себя Мэйлинн. Загорелое лицо, светлые волосы, светлая мягкая бородка, которая наконец-то приобрела приличный вид, в том числе и благодаря стараниям дворцовых цирюльников. Но главное – выражение лица. Долгое время Мэйлинн не замечала в Бине никаких перемен, но теперь они все выскочили наружу, словно оттенённые новыми одеяниями. Бин больше не походил на испуганного подростка, каким он выглядел в их первую встречу. Теперь он действительно выглядел мужчиной.

Очевидно, что Бин и сам прекрасно знал, как эффектно он выглядит. Наверное, именно поэтому он был единственным из компании, кто так и не вернулся к своей собственной одежде. И сейчас он с самодовольным видом прошёл через комнату и аккуратно сел рядом с Мэйлинн так, чтобы она почувствовала тонкий аромат духов, исходивший от его чистых волос.

– Не вижу повода выглядеть плохо, если уж есть возможность выглядеть хорошо, – парировал он.

– А что ж ты, подруга, не вырядилась, как южная принцесса? – подмигнул лирре Кол.

– На мой вкус местные принцессы носят слишком мало одежды, – дёрнула плечиком Мэйлинн. Несмотря на довольно жаркую погоду, она, как обычно, была одета в свои походные одежды, закрывающие её с головы до ног.

– Хотел бы я на это посмотреть! – протянул легионер, прикрывая глаза.

– Смотри-ка лучше на павлинов! – дружески огрызнулась Мэйлинн, заливаясь смехом.

Так они перешучивались и подтрунивали друг над дружкой какое-то время, пока к выздоравливающему не заглянул на минутку Каладиус.

– А, любуетесь птичками? – вместо приветствия воскликнул он. Было заметно, что великий маг находится в приподнятом настроении. – Рад видеть вас в добром здравии, друг мой, и всех вас – в добром настроении. Завтра – первый день слидия, друзья мои! Я думаю, что нам пора подумать о том, чтобы покинуть это уютное и, несомненно, достаточно безопасное место.

– Уже? – приуныл Бин. – Я думал, мы задержимся тут на какое-то время.

– Ну, думаю, что около недели мы ещё пробудем, – согласился Каладиус. – Нужно как следует подготовиться к пути. Однако, главная задача уже выполнена – необходимый для куба мангил имеется у меня в полном объёме, так что надолго задерживаться смысла нет. Уже почти неделя прошла с того инцидента за городом – наверняка те, кто посылали убийц, уже знают о том, что произошло. Интересно знать, как они приготовятся к нашим последующим ходам...

– Но через неделю Кол вряд ли сможет отправиться с нами! – несколько растерянно произнесла Мэйлинн.

– А он и не отправится! – легко ответил маг.

– Это ещё как? – от недоумения и возмущения Кол произнёс это громче, чем следовало, отчего тут же сильно закашлялся.

– Не беспокойтесь, мой друг, я вовсе не собираюсь оставить вас за бортом, – Каладиус выставил вперёд ладони рук, словно отгораживаясь от самой мысли об этом. – Вы нагоните нас в Дуондуре, ведь там нам, возможно, придётся проторчать немало дней. Вы даже выигрываете от этого – будете и дальше наслаждаться цветочными ароматами и видом павлинов вместо того, чтобы сидеть в подгорном городе!

– И правда, чего это я огорчаюсь? – пробурчал Кол, хотя расстроенное лицо его красноречиво говорило об обратном.

– И когда же вы планируете выступить, мессир? – поинтересовалась Мэйлинн.

– Собственно, нам достаточно будет двух-трёх дней, чтобы собраться в дорогу. Варан уже заканчивает подбор команды, которая будет сопровождать нас до границ империи. Все необходимые припасы, а также лошадей и транспорт предоставит его величество. Так что, как видите, всё зависит от вас – как быстро вам надоеет нежиться на пуховых перинах.

– В таком случае придётся ждать долго, – буркнул Бин.

– Я тоже так думаю, – согласился Каладиус. – Поэтому выступим через неделю.

***

Неделя прошла как один день. Все, как могли, наслаждались последними денёчками в комфорте. Что ещё важнее, раны Варана и Пашшана практически затянулись за это время. У баинина остался довольно крупный шрам на бедре, но он совершенно не беспокоил при ходьбе, так что повар-воин вновь двигался своей текучей, плавной походкой. Варан также быстро оправлялся от раны в предплечье. Он уже потихоньку начинал тренировки с задействованием раненой левой руки, и был весьма доволен результатами. Правда, мизинец так и не обрёл былую подвижность, поэтому когда мастер Теней держал в обеих руках меч, мизинец левой руки слегка оттопыривался. Но это никак не мешало хвату, так что Варан не слишком-то горевал по этому поводу.

Настало утро отъезда. После завтрака и аудиенции у императора, где тот лично пожелал успешного пути, все зашли в комнату Кола. Неделя благотворно сказалась на самочувствии раненого – он уже мог вставать и даже понемногу прохаживаться по комнате, опира-

ясь на трость. Медикусы уверяли, что такими темпами через две-три недели он уже будет вполне в состоянии отправиться в путь.

– Вот и славно! – обняла его Мэйлинн. – Нам только около недели понадобится, чтобы такой оравой добраться до Дуондура. А сколько там пробудем – и вовсе неизвестно. Так что ты наверняка застанешь нас там.

– Я бы остался с тобой, друг, но могу понадобиться Мэй, – пожав руку, произнёс Бин. По парню было заметно, что он действительно не прочь был бы остаться.

– Да ладно, я отлично проведу тут время! – хорохорился Кол, стараясь не выпускать печаль наружу. – Когда ещё потом придётся понежиться на императорских постелях!

– Вы абсолютно правы, друг мой! – сопровождая слова рукопожатием, согласился Каладиус. – Никогда не надо спешить покинуть то доброе, что есть у нас. Поправляйтесь скорее, друг мой! Увы, в пути будет довольно скучно без ваших шуточек.

– Ничего, может быть, придут новые ассасины и нас развлекут, – проворчал Варан, дружелюбно кивая Колу.

– Вот, мессир, поглядите-ка! И нашлась мне замена! – усмехнулся Кол. – Ты, приятель, знатный весельчак!

– Да уж куда мне до тебя! – Варан хлопнул легионера по плечу. – Удачи! Возвращайся скорей!

– Доброго вам пути! Простите, что не выйду на крылечко, чтоб помахать платочком вам вслед – у меня другие планы. Пойду-ка, поваляюсь в кровати, да поем персиков! – улыбка Кола всё же вышла какой-то кривоватой.

– Везунчик! – с притворной завистью вздохнула Мэйлинн, но в глазах её блеснули набухшие слёзы.

– Ладно, долгие проводы – лишние слёзы, – объявил Каладиус. – Так что нам пора!

Во дворе путешественников ждал целый кортеж. Полтора десятка хорошо вооружённых стражников, тщательно отобранных Вараном, топтались вокруг двух больших экипажей. Два десятка великолепных скаковых лошадей – чистых саррасанцев – нетерпеливо ожидали седоков.

Но на этом подарки императора Малиллы не закончились. На бедре Бина и Каладиуса висели новенькие мечи. Клинки их были сделаны из сплава стали и мангила и зачарованы всего пару дней назад, так что теперь они были остры и крепки настолько, что ими, при должной силе, наверное, можно было бы разрубить и булыжник. Родной брат-близнец этих мечей, предназначенный для Кола, лежал поодаль, дожидаясь своего часа. Такой же меч во время утренней аудиенции был предложен и Варану, но тот отказался:

– Мой меч прошёл со мной через многое, государь, и теперь мы уже вполне можем друг другу доверять, – извиняясь, ответил он Малилле. – Прошу не гневаться на меня, но я бы предпочёл остаться при своём оружии.

– Это слова опытного воина, – нисколько не обиделся император. – Я прекрасно понимаю, что значит доброе оружие! Тогда, уважаемый, примите от меня хотя бы вот эту кольчугу. Она сделана гномскими мастерами, и невероятно прочная, хотя и лёгкая. Для тех, кто любит останавливать стрелы голыми руками, она будет весьма кстати, – усмехнулся Малилла.

– Это прекрасный подарок, благодарю вас, государь, – преклонил колено Варан, принимая серебристую кольчугу, сделанную из столь тонких колец, что она действительно была лёгкой и нисколько не стесняла движений.

– Таковую же кольчугу, но более подходящую для стройной женской фигуры, я предлагаю вам, прекрасная госпожа, – обратился император к Мэйлинн. – Она сделана из мангилового сплава и выдержит тяжёлый арбалетный болт, пущенный с пяти шагов. Надеюсь, она сослужит вам добрую службу!

– Не хотелось бы, чтобы пришлось применять её в деле, но, боюсь, не всё в этом мире происходит так, как нам хочется, – ответила Мэйлинн, принимая ценный дар. – Благодарю вас, ваше величество, за поистине царскую щедрость!

Пашшан, чьё умение владеть его странным шестом уже было широко известно во дворце, получил в дар от императора саррассанский кинжал весьма тонкой работы. Баинин молча склонился, выражая свою благодарность.

Так и началась последняя стадия их путешествия. До сих пор друзья, как правило, двигались в южном направлении, теперь же путь их лежал на север. Однако путь этот пока совершенно не казался сложным. Под копытами лошадей лежала Великая имперская дорога, по сравнению с которой стыдливо меркли даже широкие тракты Пунта. По этой дороге путешественникам надлежало двигаться почти до самой границы империи туда, где к Великой имперской примыкала дорога, которую прозвали Гномской. Эта самая Гномская дорога вела до отрогов Анурских гор, в которых трудолюбивые гномы пробили тоннель, ведущий к их подгорному городу Дуондуру.

Собственно, по отличным дорогам, пополняя запасы и отдыхая в частых постоянных дворах, всё путешествие до столицы гномов для столь громоздкой кавалькады должно было занять около недели или чуть больше, хотя иные гонцы императорской почты умудрялись добираться от Шатра до Дуондура за три дня.

Путешественники большую часть времени проводили в экипажах, исходя из соображений безопасности. Охранники, рассредоточившись на расстоянии примерно в две-три сотни футов во всех направлениях вокруг экипажей, неумоимо скакали рядом. Вокруг расстилась Саррасса – удивительная страна, щедрая на красоты, поэтому скучать было некогда. И хотя путешественники приближались сейчас к местности, которая была родиной Варана, он не выказывал ни малейшего волнения по этому поводу.

– Я мало что помню из своего детства, – пожал он плечами, на очередной удивлённый вопрос Мэйлинн. – Моё селение стоит довольно далеко от Великой дороги, так что туда мы не попадём при всём желании. Да и если бы даже попали – не уверен, что сумел бы его вспомнить и узнать.

– Неужели тебе не хотелось бы увидеть своих родных? – изумился Бин, который каждый день с грустью вспоминал оставленную семью. – Братьев, сестёр?

– Нет, – чуть задумчиво покачал головой Варан. – Я почти не помню никого из них. Для меня они теперь – чужие люди.

– Но как такое возможно? – воскликнул Бин.

– Когда я их покинул, я словно отсек от себя ту часть моей жизни. Словно захлопнул тяжёлую дверь. У меня была другая жизнь, и багаж из воспоминаний меня только тяготил бы. Уверен, Мэйлинн понимает, что я имею в виду.

– Почему это она должна это понять? – удивился Бин.

– Потому что у воспитанниц Наэлирро происходит то же самое, – с грустью в голосе пояснила Мэйлинн. – Как только мы впервые вступаем в ворота Школы, мы уже точно знаем, что, возможно, больше никогда не увидим своих родных. Когда лирра выходит из Наэлирро – она уже совсем не то, чем была тогда, когда туда пришла. И она – совсем не то, чем являются все другие, обычные лирры. Она – магиня, живущая в ином, не похожем на прежний, мире.

– Вот-вот, – подтвердил Варан. – У меня было то же самое.

Бин промолчал, но, видимо, он так и не сумел до конца понять и принять сказанное друзьями.

На девятый день от начала путешествия друзья наконец увидели конец пути. На фоне мощных Анурских гор выделялось грандиозное сооружение, похожее на огромную цитадель. Это были так называемые Врата Блантура – крепость, надёжно запиравшая вход в тоннель, являющийся преддверием Дуондура. Всё мастерство гномов-каменщиков материали-

зовалось в этих стенах и башнях. Сами гномы утверждали, что никакой армии и никакому оружию не под силу взять штурмом эту крепость. Гордо реяли серебристо-изумрудные стяги Дак Анбура на высоких башнях.

– Я даже несколько удивлён, что мы добрались без происшествий, – вглядываясь в надвигающиеся Врата проговорил Каладиус. – То ли мы оказались быстрее, то ли Орден оказался хитрее. Но можно ручаться за то, что ассассинам будет труднѐхонько пробраться в город гномов. Вы увидите, друзья, какая там красота! Большинство наземных городов Паэтты даже близко не могут сравниться с величием Дуондура!

– Не терпится увидеть! – глаза Мэйлинн горели нетерпением.

– Увидите, дорогая, уже скоро, – посулил маг.

Все без исключения путешественники сейчас скакали верхами, любуясь суровой красотой этого края. До Врат оставалось меньше мили, когда Варан, вглядевшись, озадаченно спросил:

– А почему закрыты ворота?

– Странно, – удивился Каладиус. – Насколько я знаю, днём гномы никогда не запирают ворот.

Дворцовая стража, видимо, хорошо знакомая с обычаями гномов, также растерянно переглядывалась между собой, время от времени перебрасываясь фразами. Только сейчас бросилось в глаза, что местность вокруг была совершенно безлюдна, хотя в обычное время множество купцов стремились в Дуондур за изделиями гномов.

– Что-то здесь определённо не так, – в глазах Каладиуса читалась тревога. – Но не может же быть...

За стенами крепости раздался какой-то звук – словно кашлянул горный великан, а через небольшое время послышался странный тихий свист. Причѐм доносился он откуда-то сверху.

– Требушет! По нам стреляют! – вдруг прокричал Варан, указывая вверх.

Теперь стало видно, что в небе появилась чѐрная точка, стремительно приближающаяся и увеличивающаяся в размерах. Действительно, это было каменное ядро, пущенное из требушета.

Глава 55. Заклинатели демонов

Гномы – меткие стрелки, поэтому ядро упало достаточно близко для того, чтобы предупредить, но достаточно далеко для того, чтобы кого-то задеть. Однако комья мёрзлой земли веером разлетелись на десятки футов.

– Какого Гурра?! – проревел Варан, пытаясь удержать коня, шарахнувшегося от каменной груды, рухнувшей в полусотне ярдов.

– Это явно не Орден – им ни за что не купить гномов! – прокричал Каладиус.

Путешественники кучкой сбились вокруг вставших экипажей.

– Мессир, позвольте узнать, в чём дело, – обратился к магу глава отряда охраны.

– Да, капитан, конечно. Возьмите с собой полдюжины солдат, и отправляйтесь на разведку. Мой вам совет – у вас с собой сигнальный рожок. Дуйте в него во всю мочь, когда будете двигаться к Вратам. Пусть гномы знают, что приближаются императорские гвардейцы!

Капитан молча кивнул, указал рукой на нескольких солдат и направил свою лошадь в сторону, откуда прилетело ядро. Он не преминул воспользоваться советом мага – через несколько секунд прохладный воздух предгорья прорезал чистый звук рожка. Он повторялся, наполняя собой пространство, отражался от гор.

Путешественники с тревогой следили за группой смельчаков, не менее пристально присматриваясь к крепости – не вылетит ли оттуда очередной снаряд. Однако до них вдруг донёсся ответный сигнал – глухой, словно сорванный хрипотой звук рога. Вскоре Варан заметил, как дрогнули крепкие ворота.

– Они отворяют! – воскликнул он.

– Добрый знак, – облегчённо выдохнул Каладиус. – Понять бы ещё, что это вообще было...

– Поймём, как только окажемся там, – резонно заметил Варан.

– И то верно! Двигаемся дальше! – крикнул маг, чтобы услышали все.

– А если это ловушка? – тревожно спросил Бин.

– Не из таковых гномы, – возразил Каладиус. – Они прямые и несгибаемые, словно древки копий. Коли война – так война, а уж юлить и бить исподтишка они не станут. Видно, недоразумение какое-то случилось, а какое – узнаем, как сказал мастер Варан, как только окажемся там. Вперёд!

Колонна вновь тронулась с места – кто-то неохотно, кто-то нетерпеливо. Вскоре стало видно, что из ворот вышли с десятков гномов, которые стали поджидать капитана стражи с его людьми. Когда те подъехали, стало видно, что у них завязался оживлённый разговор. Вскоре к этой группе подскочил и Каладиус, пустившего своего коня почти в галоп.

– Что происходит? – ещё с седла начал он. – С каких пор гномы встречают честных путников ядрами?

– Простить просим, ошибка вышла, – виновато прогудел наиболее рослый из гномов – вероятно, главный. – Не за тех вас приняли.

– И за кого же это вы нас приняли, любезнейший? – соскочив с коня, Каладиус, чтобы унять раздражительность и волнение, принялся яростно колотить по запыхавшимся полам своего плаща.

– Знамо за кого – за заклинателей демонов! – как о чём-то само собою разумеющемся ответил тот же гном.

– Заклинатели демонов? – замер, напрягшись, Каладиус. – А они тут каким боком?

– Да самым прямым, сударь, самым прямым! Хорошо, что наконец-то вы приехали! Значит, всё же получили сообщение-то? А мы уж думали, сгинули наши гонцы...

– Боюсь, уважаемый, нам потребуется более подробно всё разъяснить, потому что мы совершенно не в курсе того, что тут творится. Никаких сообщений мы не получали. Мы – простые путники и прибыли сюда по своим делам.

– Простые путники с таким-то царским эскортом? – усмехнулся в густую бороду гном. – Что ж, пусть будет так. Вижу, придётся нам хорошенько объясниться. Но не делать же этого на пороге! Милости просим вас во Врата Блантура! И ещё раз просим прощения, что так вышло. Узнав всё, вы, думаю, поймёте нашу... гм... нервность.

– Хорошо. Как зовут вас, друг мой?

– Барнур, начальник стражи. Ваше имя позвольте узнать, уважаемый? Я так понимаю, что вы тут главный?

– В некотором смысле, многоуважаемый Барнур, в некотором смысле, – чуть рассеянно ответил маг. – А зовут меня Каладиусом, быть может, кто-то из ваших старожилов вспомнит меня.

– Неужто тот самый Каладиус? – недоверчиво хмыкнул Барнур. – Или теперь ещё какой-то другой родился?

– Всё тот же, друг мой! – улыбнулся Каладиус. – Сам себе иной раз не верю, когда говорю, а между тем – так оно и есть.

– Ну и дела! – поскрёб бороду Барнур. – Что за мистические времена наступают! Коли так, мессир, то, быть может, совсем и неслучайно вы тут оказались. Глядишь, пособиете по старой дружбе-то.

– Как не пособить, дорогой Барнур, тем более, что я и сам с просьбой приехал!

– Ну вот и хорошо! Вот и ваши спутники поспели! Ну что, с вашего позволения – пройдемте внутрь, да закроем ворота. А там уж и объяснимся.

Действительно, взволнованные товарищи Каладиуса были уже рядом, настороженно поглядывая на вооружённых до зубов гномов.

– Всё в порядке, друзья! – крикнул Каладиус. – Произошло недоразумение, и любезный господин Барнур нам сейчас всё разъяснит. Будьте добры, проследуйте за нами в крепость!

– Итак, дорогой мой Барнур, – вновь заговорил Каладиус, когда позади затарахтели хитроумные механизмы гномов, запирающие ворота и опускающие решётку. – Я – близкий друг императора Малиллы, так что вы можете, и даже должны рассказать обо всём, что творится тут, под боком его величества, поскольку, клянусь вам, он ни о чём даже не догадывался, когда мы выезжали около недели тому назад.

– Ну мы послали гонцов дня три как, так что вы могли и не знать. Но есть у меня подозрение, – помрачнел Барнур. – Что перехватили наших посланников некроманты проклятые. Ну да мы подстраховались – нескольких послали тайными окольными тропами, только гномам ведомыми. Так что, наверное уж, через неделю-другую император будет в курсе. Кабы только поздно не было, – пробормотал он.

– Доблестные гномы, в своей собственной крепости, да и боятся кучки каких-то некромантов? – воскликнул Каладиус, словно сам не веря тому, что говорит.

– Да кучки-то нам бояться не с руки, – потрепал бороду командир стражи. – Ну а нука они зомбей своих притащат? Но хуже всего то, что нечисть завелась у нас в тоннелях – не иначе как заклинатели ворожат.

– Но коли так, то они должны быть где-то совсем уж поблизости, – задумчиво потёр подбородок маг.

– То-то и оно, что должны! – яростно хлопнул себя кулаком в ладонь Барнур. – Только ребята мои тут каждую былинку, считай, прошерстили, каждый камушек подняли – и никого не нашли.

– Значит, среди них есть кто-то весьма сильный, – потемнел лицом Каладиус. – Ну да ничего – и не таким крылья щипали! А расскажите, любезный друг, с чего они вообще к вам привязались-то?

– С недели три тому прибыл к нам купчѣнка один. Так, ничего особенного – торгаш да торгаш. Только вот привѣз он с собой почти фунт мангила и чертежи. И заказал из этого мангила сделать какую-то загогулину, и чтоб прям точь-в-точь, как на чертеже. Ну нам-то чего – наши мастера и не на такое горазды! Взялись, тем более, что он расплатился от души. Дело было нелѣгкое, так что велели ему через пару недель возвращаться за товаром.

А через пару дней – глядь – другой купчишка приезжает. И тоже – полные карманы мангила. И снова какую-то ковыряку заказывает по чертежу. Наши мастера и так, и так вертели бумажку – ну ни на что не похоже! Однако, как и первый, заплатил хорошо и вперед, так что взялись за дело.

– Дай догадаюсь, любезный, – встрял Варан. – Вскоре приехал еще такой же купец?

– Точно так, сударь. Всего же их четверо было. И все как на подбор: по виду – доходяги-доходягами, а денег – куры не клюют, да и мангила у каждого – чуть не по фунту. Но больше всего заело наших старших, что уж больно непонятные штуки они заказывают. Ну никакого назначения тем закорюкам не придумаешь! Наконец додумались отнести чертежи нашим рунных дел мастерам. До того, вишь ты, мы-то их по одному носили, и те только руками разводили. А теперь вот принесли все четыре нашему лучшему руннику. Тот взглянул – аж ахнул. Тут, говорит, не хватает еще одной детали, а так получится такой артефакт, что ни в сказке сказать... И главное, что после эти пять частей можно будет скрепить друг с другом даже безковки – там специальные пазы были предусмотрены. И вот, значит, кто-то эту штуку соберет, и станет она, как сказал наш рунник, что-то навроде линзы, или зеркала, которое станет магию в пучок собирать. Этак, он сказал, любой колдунишка хуторской может такими силами заправлять, что дома будет разносить, будто снопы соломенные. И что артефакт этот – из самой черной и поганой магии, что только можно вообразить себе. Сгодится и на поимку демонов в том числе. Да таких, что содрогнут саму землю до костей.

Ну и, понятное дело, работу мы тут же бросили, стали пятого ждать. И точно, не прошло и дня – заявляется. Мы его тут же за грудки, подпримяли малость... Говори, мол, кто, да зачем... Недолго тот брыкался – выложил всё, что знал. Правда, знал он немного. Обрались, говорит, к нему маги-некроманты, попросили об услуге. Дали чертѣж, дали мангил, денег дали, да еще и сверху присыпали, чтоб в накладе не остался. Что, да зачем – то ему было неведомо, само собой. Шавка обычная, одним словом.

Ну мы его, натурально, отпустили. Более того, по чести вернули все деньги, что дали нам все эти купцы за работу, а также сверху насыпали – за весь мангил. Сказали, чтоб отнес это всё своим нанимателям, да сказал, что мы разрываем заказ, и делать ничего не станем. Пусть, мол, извинится от нашего имени, и всё такое. Ушел он, конечно, но грозился и ругался страшно. Мол, маги так этого не оставят, и всё такое.

Надо сказать, что отреагировали некроманты быстро. Вечером, аккурат перед тем, как мы собирались ворота запирать, прискакал всадник. По виду на мага не похож – никаких там мантий и прочей дребедени. Но пальцы все – в мангиловых перстнях, а на шее цепь чистого мангила с каким-то камнем. Ну мы, конечно, сразу поняли, кто он и зачем.

Негоже, говорит, господа гномы так с клиентами поступать – обманывать их, да грабить. Отдайте, мол, хотя бы мангил наш, а еще лучше – не вставайте в позу, а сделайте, за что заплатили. Наши старшие специально для этой встречи прибыли к стенам Врат. А зачем вам эти штуковины надобны – спрашивают. То дело наше, а не ваше – отвечает некромант. Ваше дело – выковать всё чин по чину.

В общем, сколько-то они там препирались, да только наши-то старшие – не промах, их ни посулами, ни угрозами не возьмешь. Понял это некромант, разозлился. Вы, говорит, сами

не понимаете, в какое дерьмо вляпались. Скоро сами умолять будете, чтобы мы пришли и забрали наше. А нет – так придём, и силой заберём. И ускакал.

Спустя день в тоннелях молодой гном пропал. Причём не где-то в лабиринтах, а, почти-тай, чуть ли не в самом основном тоннеле. Поначалу особенно никто не спохватился, покуда через пару часов тело его не нашли. Искалеченное так, будто его сами горы своими зубами изжевали. Ну и пошло-поехало. Каждый день кто-то пропадает. Всё чаще молодёжь. Детей и вовсе из Дуондура теперь никуда не выпускаем. Наряды усилили, дежури́м постоянно в тоннелях. Да только куда там! И дня не проходит, чтоб кого-то не извели. А кто орудует – не знаем. Никто живой его не видел, а кто видел – рассказать уж не мог. Полагаю, демон какой-то, некромантами насланный.

Так вот мы и живём. Теперь великолепные Врата Блантура всё время заперты – нападения ждём. Купцов, что приезжали, ворочали назад, так что теперь уж и не ездит никто. За помощью к императору послали, да только когда она ещё придёт!

– Худые вести, – зауگریлся Каладиус. – Что-то не нравится мне всё это очень. Зачем некромантам такой мощный артефакт? Что они задумали? А ведь задумали что-то громкое – недаром же вот так вот, в открытую нападают. Значит, не боятся последствий. Неужто... – брови мага окончательно сошлись в одной точке над переносицей, и выглядел он мрачнее тучи.

Спутники мага были очень встревожены и мрачны. Дворцовые стражи и вовсе кипели негодованием – они никак не могли осмыслить, что кто-то смеет так нагло нарушать порядок в империи.

– В чём дело, мессир? – осведомился Варан.

– Да мысль одна нехорошая появилась... – нехотя ответил Каладиус. – Вспомнил кое-что. Надеюсь, напраслина. Вообще хорошо бы переведаться словечком с каким-нибудь некромантом, желательно поважнее. Что, любезный Барнур, когда обещались некроманты за своим вернуться?

– Да они точного-то времени не называли, мессир, – развёл руками Барнур. – Вот ждём их каждый день. Может, сегодня нагрянут. А может – через неделю. Кто их знает? Только сдаётся мне, что эти железки им позарез нужны, так что рано или поздно придут всё равно.

– Хотелось бы, чтобы рано, – пробормотал Каладиус. – Одно успокаивает – пока они тут не разберутся, дальнейших шагов не предпримут. Так, говорите, друг мой, дня три назад послали гонцов? – громко обратился он к начальнику стражи.

– Да, сегодня четвёртый день как, – подтвердил Барнур.

– Ага, значит уже скоро... – скорее самому себе отметил Каладиус. – Торопиться stanno, тут себя и покажут.

– Уж не задумали ли вы, мессир, на некромантов охотиться? – спросил Варан.

– Ну мы же обещали помощь господам гномам! – ответил Каладиус. – Тем более, что мне это и самому надо знать позарез. Боюсь, трон под его величеством императором сейчас шаток. Нам во что бы то ни стало необходимо захватить пленника.

– Да уж, и с чего это я подумал, что удастся тихо-мирно отсидеться у гномов? – усмехнулся Варан. – Не ассасины – так некроманты.

– Могу я попросить вас об одолжении, друг мой, – обратился меж тем Каладиус к Барнуру. – Вы видите, со мною юная госпожа. Не место и не дело ей оставаться тут. Не могли бы вы сопроводить её в Дуондур?

– Всенепременно, – неловко поклонился Барнур.

– Что? – вскинулась Мэйлинн. – Никуда я не пойду! Я с вами останусь!

– Прошу вас, любезная Мэйлинн, выслушать меня, – терпеливо обратился к ней Каладиус. – То, что случится здесь, может быть очень опасно. Но вы мало что можете тут сделать. Боюсь, ваш арбалет будет бесполезен. Возможно, оружие вообще не слишком много пользы

принесёт. А оставаясь здесь, вы будете отвлекать на себя моё внимание, которое мне очень может понадобиться. *Прошу вас*, – с мягким нажимом добавил он.

И лирра сдалась. Она опустила голову, лишь коротко кивнув магу.

– Господин Бин, – Бин страшно надеялся, что Каладиус не произнесёт этих слов, но предсказуемо ошибся. – Вам нужно будет сопровождать нашу дорогую Мэйлинн. Она не может оставаться одна, вы же понимаете.

Так же, как и Мэйлинн, Бин лишь скупно кивнул в ответ и повесил голову, но лицо его густо залила краска. Для него всё это вновь прозвучало как «выводите женщин и детей».

– Будьте начеку, мой юный друг! – совершенно серьёзно предупредил Каладиус. – В тоннелях сейчас небезопасно. Если встретите что-то неординарное – не вздумайте геройствовать! Ваша задача – выжить, чтобы защитить госпожу Мэйлинн.

– Я понял, – сурово кивнул Бин. Последние слова мага как-никак, но подсластили пилюлю.

– Я отправлю двух своих ребят с вами, – добавил Барнур. – Они и дорогу покажут, и защитят. Тут до Дуондура недалеко – чуть больше мили.

– Передайте всем магам, мастерам рун и зачарователям, – проговорил Каладиус. – Всем, кто знаком с магией. Пусть направляются сюда. Если будет нападение, то все они тут понадобятся. Хотя..., – замялся маг. – Нельзя оставлять город без защиты. Пусть двое из каждых трёх идут сюда, а остальные останутся в Дуондуре.

– Передадим, – кивнул Бин, хотя маг, скорее всего, обращался к гномам.

– Удачи, друзья мои! – Каладиус крепко пожал руку обоим. – Надеюсь, скоро свидимся.

С тяжёлым сердцем направились Бин и Мэйлинн вглубь гномьих тоннелей. Почему-то так получалось, что их тесный союз вдруг стал всё больше распадаться.

***

– Есть ли у вас голубь, чтобы послать императору? – резко спросил Каладиус.

Они стояли на стене – он, Варан, Пашшан и Барнур с парой гномов, вглядываясь вдаль. Стояла тишина – маг напряжённо о чём-то размышлял, и никто не хотел его отвлекать. Но вот молчание было прервано.

– Есть голубь, как не быть! – с готовностью ответил Барнур.

– Отлично. Позвольте мне послать голубя в Шатёр. Может быть, в итоге я окажусь лишь старым параноиком, дующим на воду... Видят боги – я бы хотел этого больше всего на свете. Но пусть уж лучше император позже посмеётся над моими страхами, чем я буду корить себя до конца своих дней.

– Спустимся вниз, мессир, – предложил гном. – Там – голубятня, там же – перо и бумага.

– Вы правы, – кивнул Каладиус и быстро зашагал к спуску.

Внизу ему быстро подали небольшую тонкую бумагу, какую обычно прикрепляли к лапке голубя, а также специальное тонкое перо. Подумав, Каладиус написал следующее:

«Ваше Величество! Хотел бы я ошибиться, но, боюсь, всё указывает на то, что вашей власти вновь угрожают маги. У меня есть серьёзные опасения, что некроманты готовят освобождение Паториуса и новый государственный переворот. Примите все необходимые меры. Усиьте магическую защиту дворца. Очень надеюсь, что вы можете верить черно-книжникам. Как только разужнаю всё определённое – сразу направляюсь к вам. С уважением – Каладиус»

Письмо было тут же убрано в специальное полое кольцо, которое было одето на лапку голубя.

– Я зачарую птицу, так что он доберётся до дворца всего за пару дней, – сообщил маг распорядителю голубями. – Хочу предупредить, что голубь, к сожалению, после этого умрёт.

– Делайте, что сочтёте нужным, мессир, – ответил тот. – Дело ведь особое.

– Вы правы, – Каладиус сделал пару пассивов над голубем и отпустил его.

Птица взвилась в небеса, маша крыльями с, казалось бы, невозможной скоростью. Мгновение – и голубь превратился в точку на небе, а затем и вовсе исчез из поля зрения.

– Некромантам его не перехватить, – удовлетворённо пробормотал маг, глядя в пустое уже небо. – Но что, во имя Первосоздателя, с чернокнижниками? Что Алтисан? Неужели старый дурак попался на удочку?

Каладиус мерил шагами двор крепости, бормоча про себя. Он раз за разом вспоминал тот разговор с магистром, когда Алтисан говорил об идеях Паториуса. Неужели Каладиус не распознал измену, и то, что он счёл пустой пьяной болтовнёй, на деле было чем-то бóльшим? Или же заклинатели демонов, как обычно, предпочитали действовать в одиночку? Судьба Малиллы сейчас во многом зависела от того, остались ли верны ему чернокнижники.

– Глупый старый Алтисан, – бормотал Каладиус. – Оставался бы ты со своей рваной сетью, потому что джинн, которого ты, возможно, держишь за хвост, окажется сильнее и хитрее тебя...

Через некоторое время Каладиус, видимо, на что-то решившись, резко остановился, развернулся и вновь направился к голубятне.

– Мне нужен ещё голубь, чтоб послать в башню Кантакалла, – сообщил он распорядителю.

– Слушаюсь, мессир, – гном без лишних разговоров бросился выполнять поручение.

Каладиус же, тщательно взвешивая, написал несколько слов.

«Любезный друг мой, с тревогой и прискорбием хочу сообщить, что, по всей видимости, против Его Императорского Величества некромантами готовится заговор с целью освобождения Паториуса и захвата власти. Его Величество знает о заговоре и уже принимает должные меры. Надеюсь, что наш Орден, как и в прошлый раз, станет опорой трона. Вскоре я вернусь, чтобы влиться в ряды защитников. Ваш верный друг, Каладиус»

Каладиус постарался, чтобы строчка «знает о заговоре и принимает должные меры» выглядела особенно красноречиво. Если, к несчастью, Алтисан причастен к заговору, то для него это может стать последней возможностью сделать верный выбор. Большого Каладиус сделать пока не мог.

Второй голубь умчался ввысь с той же невероятной скоростью, как и первый. Бедное животное не могло предположить судьбу, которая ожидала его вскорости. Но жизнь его должна была лечь на алтарь высокой политики, а в таких случаях мало кто считает и жизни человеческие, не то что голубиные.

– Что ж, – обратился Каладиус к своим друзьям, стоявшим неподалёку. – Теперь нам пока только и остаётся, что ждать. Ах, если бы поскорее всё решилось!

Глава 56. Штурм

Большую часть ночи Каладиус не мог уснуть. Он метался в неудобной постели, откровенно маловатой и излишне жёсткой для человека. Было нежарко, но маг сбросил одеяло, которое вечно опутывало ноги. Однако, уснуть не давал не дискомфорт. Каладиуса снедали мысли. Правильно ли он поступил, послав голубя Алтисану? Не спровоцирует ли он магистра тем самым, если тот действительно стал предателем? Не предпримут ли некроманты что-либо до того, как раздобудут свой артефакт?

Маг понимал, что ему нужно оставаться здесь, но едва сдерживал себя, чтобы не броситься в конюшню и не отправиться назад в Шатёр. До сих пор искание Башни оставалось процессом довольно вальяжным. Каладиус мог позволить себе передышки, а страшили его, если не считать преследования Ордена, чаще всего либо погодные условия, либо эпидемии, либо иные подобные вещи, не обладающие собственным разумом и волей. Теперь же история словно скручивалась в тугую петлю, пружину, которая вот-вот готова была распрямиться, ударив по всему привычному мирозданию.

Каладиус вновь и вновь рассуждал о случайности и предопределённости. Действительно – случаем ли было, что он оказался в Саррассе в разгар подобных событий? Что он оказался в Дак Анбуре именно сейчас – ни месяцем раньше, ни месяцем позже? Возможны ли такие случайности? Или он определён некими высшими силами всегда противостоять Паториусу и его пугающим идеям? А, может, Паториус здесь и вовсе не при чём? Мало ли, что задумали некроманты! Однако, что бы они не задумали – это было однозначно недобрым, а потому Каладиусу всё равно надлежало пресечь их поползновения.

И всё-таки, раз за разом прокручивая в голове одни и те же мысли, Каладиус всё больше утверждался в мысли, что он принял верные решения. Алтисану далеко до Паториуса – он не станет рисковать всем ради мифических идей. Даже если он и замешан каким-то образом в заговоре, скорее всего, он не пойдёт до конца, испугается теперь, когда заговор раскрыт. А недостаток смелости и авантюризма с лихвой компенсируется дальновидностью и осторожностью, что заставит Алтисана помочь императору в случае чего. В общем, ближе к утру Каладиус почти сумел себя успокоить и даже задремать.

Его выбросило одновременно и из сна, и из постели. Едва раскрыв глаза, Каладиус понял, что уже стоит, собравшись в сжатую, напряжённую стойку. Готовый к бою. Он уже понимал, что произошло – сработало одно из сторожевых заклятий. А это значило – дождались. Ложных срабатываний быть не могло – даже если бы какой-то шальной охотник вдруг забрёл в эти места, заклятие бы на него не среагировало. Оно чувствовало лишь тех, кто был наделён магической силой.

Ещё вечером, когда из Дуондура подтянулись полтора десятка магов (к сожалению, не слишком сильных и опытных – всё больше привычных к зачарованию оружия и нанесению рун, нежели к магическим схваткам), Каладиус совершил с ними рейд за стены, оставив в поле несколько артефактов, которые должны были помочь в бою. Своего рода – пристрелка, как это делают бомбардиры. Эти артефакты должны были усилить атакующие заклятия. Кроме того, конечно же, были наложены и охранные чары, одно из которых, как мы знаем, и сработало.

Каладиус был почти одет, так что сборы заняли минимум времени. Уже через минуту он выскочил из своей комнаты (гномы любезно уступили ему одну из комнат, в которой свободно могли уместиться десяток жильцов) и зычно крикнул:

– Подъем!

Тут же жилая башня наполнилась жизнью – множеством голосов, шорохов, стуков и звонов. Из дверей стали выскакивать гномы – полностью собранные к бою, видимо, даже

спавшие, не снимая доспехов. Появились и дворцовые стражи – столь же собранные, серьёзные, спокойные. Каладиус отыскал взглядом Варана и Пашшана – оба влились в живой поток, направляющийся во двор.

Было раннее утро. Солнце ещё не взошло, но тьмы уже не было. Всё вокруг было сине-сиреневого оттенка, но видно было уже хорошо – даже самый мелкий зубчик стены отчётливо выделялся на фоне светлеющего неба. При таком освещении хороший лучник со стены не промахнулся бы и на пару сотен ярдов.

Вскоре Каладиус смог оценить силы, которые оказались в его распоряжении. Кроме полутора десятков саррассанцев пехота мага состояла из пяти или шести десятков гномов. Ещё четыре десятка составляли его артиллерию – они уже направились к четырём требушетам, стоявшим посреди просторного двора, а также нескольким более мелким катапультам, расположенных на специальных башенках. Три десятка гномских арбалетчиков деловито взбирались на стены. И маги – пусть неумелые, но полные решимости и отваги. Конечно же, не стоило забывать также и Варана с Пашшаном, да и самого Каладиуса, стоившего, быть может, половины этой армии.

– Друзья мои! – Каладиус хотел бы обойтись без пафосной речи, но ему совершенно необходимо было дать последние указания. – Ну вот мы и дождались этого часа! Я знаю, что здесь собрались только самые храбрые люди и гномы, и ничто не поколеблет эту отвагу! – зычный рык полутора сотен глоток и стук оружия о щиты или прямо о каменную мостовую был ему ответом. – Но я хотел бы, чтобы вы знали одно. От нас сейчас зависит не только судьба славного Дак Анбура, но и судьба всей Саррассанской империи! А потому, друзья, предупреждаю сразу – мне жизненно необходимо захватить в плен хотя бы одного некроманта. А это значит, что кому-то из нас придётся покинуть эти неприступные стены.

Все стражники, как один, дружно выступили вперед.

– Благодарю, друзья! – воскликнул маг. – Но, может статься, что этого окажется недостаточно.

– Вы можете распоряжаться любым из нас, как сочтёте нужным, мессир! – от имени гномов гаркнул Барнур.

– Спасибо, храбрые гномы! И ещё одно: вам будет противостоять необычный враг. Это могут быть зомби, или даже демоны. Но помните – вы не должны устрашиться! Уничтожить зомби немногим сложнее, чем обычного человека! Снесите ему голову – и бес, сидящий в теле, вырвется и покинет наш мир. Против демонов поможет лишь зачарованное оружие или магия, так что не нужно бездумных жертв! Я хочу, чтобы, когда настанет день, мы вместе воспели славу этой битвы!

Всё-таки речь получилась пафосной, но это, видимо, было именно то, что хотели услышать воины, поскольку ликующий клич, не смолкая, сотрясал двор и стены крепости. А Каладиус, который сам себя назначил полководцем, спешно направился на стены, чтобы увидеть врага воочию.

Горы скрывали восходящее солнце, но небо за ними уже ярилось проступающим червлёным огнём. В красновато-сиреневых тонах предстала равнина пред глазами Каладиуса. И что-то чужеродное в ней – на самой границе земли и неба. Маг и его спутники напряжённо вглядывались вдаль, пытаясь понять, кто им противостоит.

Вскоре стало понятно, что численность врага ненамного превышает численность защитников – от силы три сотни... не людей, нет. Пока ещё этого было не разглядеть обычному глазу, но Варан уже видел странную, неестественную дёрганность движений большинства воинов, бредущих к крепости. Это были зомби – низшие демоны, силою некромантов заточенные в мёртвые людские тела. Да и не только людские – для этих целей вполне подходила любая раса.

– Эх, маловато нападающих, – бравурно воскликнул Барнур, вглядываясь в надвигающихся врагов. – О таких стычках легенды не помнят.

Однако под задорным боевым тоном чуткое ухо могло бы услышать страх. Славный воин боялся, вот и старался поднять дух себе и товарищам. Одно дело выйти против живого врага, пусть даже вдесятеро превосходящего. Другое – против этих богопротивных отродий, не ведающих ни страха, ни жалости. Но под ногами гнома был честный камень, сложенный в стену, а стена та зиждилась на вековых скалах, корнями уходящих вглубь земли, так что Барнур скорее умер бы, чем показал свой страх.

Каладиус до рези в глазах вглядывался в надвигающуюся массу, пытаясь определить, были ли там свободные демоны. Свободными они назывались, конечно же, весьма условно, поскольку также были подчинены воле пленивших их заклинателей, однако, они были достаточно сильны для того, чтобы существовать в этом мире без необходимости быть втиснутыми в мёртвую плоть. Это делало демонов многократно более опасными, поскольку они не были скованы брэнностью тела. Но призыв такого демона и управление им, к счастью, были по силам считанным единицам магов-некромантов.

Пока было похоже на то, что демонов среди нападавших не было, и это вселяло определённые надежды. Зато Каладиус уже различал самих некромантов – около двух десятков фигур, держащихся чуть поодаль. Вообще заклинателей демонов и не могло быть слишком много – эта секта была далеко не самой популярной, так что вряд ли общее количество их адептов по всей Саррасе перевалило бы за сотню. В данном случае это было неоспоримым плюсом. Другим плюсом было то, что маги волей-неволей должны были находиться поблизости.

Минус некромантии в том, что призвать демона и вселить его в плоть – лишь полдела. Для того, чтобы воля заклинателя была связана с волей пленённого демона, некроманту приходилось всегда быть неподалёку. Опытным путём было определено, что даже очень сильный заклинатель полностью теряет контроль, если зомби удалялся больше, чем на две с половиной мили. Вся заковырка была в том, что получить повторный контроль после этого было уже невозможно – такой зомби становился неуправляемым, что приводило к стихийному разрушению телесной оболочки меньше, чем через пару часов.

Зомби двигались издевательски медленно, поэтому прошло не менее часа, прежде чем они приблизились к крепости примерно на полмили. К этому времени лучи солнца уже золотили вершины Анурских гор – ещё немного, и оно покажется над равниной, на которой сегодня, вероятно, суждено было пролиться крови. Надвигающаяся армия мертвецов вдруг остановилась. К этому времени защитники крепости, изведённые долгим ожиданием, уже молились о том, чтобы сражение поскорее началось.

Из группы некромантов один выдвинулся вперёд. Лёгкая кираса поблёскивала в предсветных лучах. Он сделал всего пару десятков шагов по направлению к крепости, а затем также встал. Лица его было не разглядеть, но каждый, кто стоял сейчас на стене, кожей ощущал его взгляд. Каладиус ощутил, насколько силен был этот колдун. Пожалуй, он был одним из сильнейших, встречаемых когда-либо великим магом. А ещё у исходящей от него силы был какой-то странный привкус. Незнакомый и чуждый здесь, на Паэтте. Но, вероятно, весьма распространённый на Эллоре. Опасный соперник. Страшный противник.

– Мы пришли забрать своё.

Этот голос раздался так неожиданно, что вздрогнул даже Каладиус. Магия позволяла слышать тихий, чуть шипящий голос некроманта, хотя тот находился на расстоянии полумили от слушателей. Мозг терялся, пытаясь соотнести источник звука и сам звук, поэтому создавалось головокружительное ощущение, будто шепчет сам воздух вокруг. Это было жутко и Каладиус почти ощутил, как ослабели колени у его соратников. Нужно было вселить уверенность в их души, поэтому надлежало как следует постараться.

– Вы не получите ничего, кроме заслуженной кары за то, что дерзнули восстать против императора, – лицо мага застыло маской, а губы едва выговаривали слова, однако они вдруг громом небесным грянули над всей равниной, гулким эхом отражаясь от скал.

Это было вполне показательно. Увидев мощь своего союзника, воспрянули духом защитники крепости. Эмоций на лице некромантов, конечно, увидеть было невозможно, но можно ожидать, что они были потрясены. Однако, магический голос этого не выдавал:

– Представься, тот, кто бросает нам такие обвинения.

– С удовольствием, – пророкотало над равниной. – Я тот, кто сокрушил в своё время ренегата Паториуса. Я тот, кто не позволит никому вызволить его из темницы. Узнал ли ты меня?

– Ужель это старый ящер Каладиус вновь выполз из-под своего пустынного камня?

– Угадал. Может, теперь уберёшься подобру-поздорову?

– Вот ещё!

– И правильно. Потому что я всё равно не отпустил бы тебя. Для вас теперь есть лишь два исхода – умереть, или в кандалах предстать пред императором.

– Неужели тебе необходимо лезть не в свои дела, старик? – в голосе слышалось плохо скрываемое бешенство. – Оставь, отойди в сторону! Это – не твоя война.

– Странно, я был уверен в обратном, – громогласный голос Каладиуса напротив был расслаблен и даже насмешлив. – С тех пор, как я поверг Паториуса, эта война стала моей. С моей стороны будет невероятно глупо плюнуть на то, что дела рук моих вот-вот пойдут прахом.

– Думаешь, эти стены защитят вас? Старый глупец! Неужели ты думаешь, что мы пришли бы сюда, не будучи уверенными в победе?

– Думаю, что ваша самоуверенность не брала в расчёт моё присутствие.

– Твоё время осталось в прошлом, старик! Может быть когда-то ты и был велик, но с тех пор утекло немало песка в твоей пустыне.

– Что ж, приятно будет преподать пару уроков молодёжи! Может, начнём?

– Я тоже не вижу смысла говорить с тем, кто не способен понять, – некромант демонстративно повернулся и зашагал к своим.

– Ну что, похоже, началось, – проговорил Варан, получше перехватывая меч.

– Бомбардиры, готовься! – прокричал Каладиус, но это было излишним – наводчики уже кричали с башен свою белиберду, а расторопные команды требушетов, словно муравьи, сновали у своих гигантских машин.

Колыхнувшись, пришла в движение толпа зомби. Однако Каладиус прекрасно понимал, что не они станут решающей силой удара. Было бы верхом идиотизма считать, что две или три сотни зомби смогут разбить мощные зачарованные ворота и ворваться внутрь. Конечно же, у некромантов были какие-то сюрпризы. Оставалось лишь надеяться, что их сюрпризы окажутся менее удачными, чем те, что оставил вчера Каладиус и его помощники.

Гулко ахнул, вспарывая воздух, первый требушет, послав в небо трёхсотфунтовый валун. Воины на стенах зачарованно наблюдали за его полётом. Снаряд ударил в землю футах в двухстах впереди толпы зомби, пару раз подпрыгнул, но упокоился, не докатившись каких-то пятидесяти футов до передних рядов. Некроманты предусмотрительно рассредоточились в редкую цепь.

Второй, а за ним третий и четвёртый камни были выброшены. Они оказались более точны и нанесли определённый урон. Он мог бы быть и больше, но некроманты, вероятно, подали соответствующую команду, так что плотные ряды зомби стали рассыпаться.

– Ну что, мессии, наш выход! – обратился Каладиус к стоящим на стене гномским магам.

Те тут же среагировали, образовав неширокое плотное кольцо. Каладиус же, прикрыв глаза, воздел руки вверх. Когда он резко опустил их, ударив даже себя по бёдрам, земля неподалёку от того места, где шли враги, взорвалась фонтанами на протяжении сотен футов. Каладиус вновь использовал свою любимую стихийную магию. Рёв восторга пробежал по стенам – было видно, что многим зомби досталось весьма крепко – вряд ли от них остались хоть сколько-нибудь значительные куски. Хотелось надеяться, что свой конец нашёл и кто-то из некромантов.

В какой-то момент показалось, что победа будет столь простой, что большинство воинов останутся не то что без славы, а и вовсе без дела. Однако тут начали действовать некроманты.

Сначала они ударили стихийной магией – магией воздуха, если точнее. Это была довольно редкая форма магии, поэтому большинство присутствующих впервые видели её на деле. Маги словно бы сгущали воздух вокруг себя, а затем мощным рывком посылали этот скомканный до полувидимого состояния воздух в стены крепости. Эти сгустки ударили по верху стены, некоторые угодили прямо в зубцы. Брызнула каменная крошка, несколько арбалетчиков, которые до сих пор не могли вступить в бой из-за дальности врага, с воем отпрянули, прижимая руки к окровавленным лицам.

Но это была лишь разминка. В небе вдруг раздался клокочущий визг, заставляющий холодеть сердца. Все взоры обратились в посветлевшее небо.

– Дракон! – раздался истошный крик.

Но это был не дракон. Крупный демон, высотой в три человеческих роста, окрылённый мощными перепончатыми крыльями, камнем падал с небес во двор крепости. Раздались новые крики ужаса, арбалетки дали дружный залп по летающей твари, столь же точный, сколь и бесполезный. Демоны, сильные настолько, что способны существовать в своей оболочке в этом мире, были неподвластны обычному оружию. Болты не отскакивали от его кожи. Наоборот, все они воткнулись в плоть демона, однако тут же вывалились оттуда, словно не в силах удержаться в этой чужеродной материи. При этом в местах попаданий не осталось и следа.

Демон, словно уродливая хищная птица, рухнул на один из требушетов. Раздался треск и грохот, и громадная машина разлетелась на груды расщепленного дерева. Команда разлетелась в разные стороны, словно мячики. Одному из гномов, ошалело пытающемуся встать на ноги, демон снёс голову небрежным взмахом когтистой лапы. Затем одним быстрым прыжком он перебрался к соседнему требушету и принялся крушить его своими мощными передними лапами.

Несмотря на указания Каладиуса, несколько смельчаков всё же бросились на беснующуюся тварь, воинственно размахивая секирами. Увы, это было совершенно бессмысленное самоубийство. Простая сталь не причиняла бестии никаких видимых повреждений, да и не так-то просто оказалось невысоким гномам зацепить двадцатифутового монстра. Демон же был быстр и безжалостен.

– Проклятье! – сквозь зубы прошипел Каладиус. Теперь всё зависело главным образом от магов.

Волшебник заметил, что несколько гномских магов уже плетут какую-то невидимую вязь пассов, однако пока никакого видимого вреда их усилия демону не причиняли. Каладиус знал, что у гномов есть специальное заговорённое против нечисти оружие – огромный тяжёлый арбалет, стрелявший длинными оперёнными болтами, каждый из которых имел мангиловый наконечник, хранящий мощный заговор. Но попасть из этого оружия можно было лишь в неподвижную мишень – слишком уж тяжёл был арбалет даже для силачей-гномов. Значит, демона нужно обездвижить, хотя бы на время.

Забыв на время о том, что творится за стенами, Каладиус полностью сосредоточился на неистовствующем внизу монстре. Обезумевшая от жажды крови тварь тем временем молотила своими ручищами в дворовые постройки, которые разлетались жалкими кучами досок и щебня. Иной раз под его руку попадались гномы, но нечасто – воины уже поняли, что толку от них в этом бою нет никакого, и старались держаться подальше. Демон подбирался к третьему требушету, грозя оставить крепость без артиллерии.

Кулаки мага то сжимались, то разжимались, при этом пальцы складывались в самые странные фигуры. Каладиус крепко стиснул зубы, так, словно собирался искрошить их в мелкую пыль. Голова совершала резкие конвульсивные движения, по лысине стекал пот. Если бы внимание мага не было целиком сконцентрировано на демоне, он бы увидел мощного гнома, притаившегося шагах в тридцати от беснующейся твари с громадным арбалетом, который он силился навести на цель. Однако выстрелить гном не решался – перезарядка оружия была долгой, и этого времени демон стрелку мог уже и не предоставить.

И тут тварь взвыла. Её движения замедлились, словно на неё внезапно вылили целый чан патоки. Демон изо всех сил боролся со сковывающим его заклятием, но воля Каладиуса оказалась сильнее – вскоре колени гиганта подломились, и он рухнул на четвереньки. Медленно-медленно демон запрокинул вверх рогатую голову и взвыл в какой-то нечеловеческой тоске. Однако этот жуткий протяжный звук вдруг прервался влажным бульканьем – заговорённый болт вошёл монстру в грудь чуть ниже шеи. Тело чудовища стало медленно крениться на бок. В этот момент Каладиус обессиленно осел на камни, и его заклятие перестало действовать. Демон тут же забился в предсмертной агонии – ничто больше не сдерживало его тело.

Даже агония монстра была страшна – его кидало по двору, сминая хозяйственные постройки, обломки требушета, а также немногие тела гномов, погибших в неравной схватке. Но постепенно жизнь оставила демона и он, последний раз дёрнувшись, наконец застыл навеки.

– Мессир! – к Каладиусу уже подскочили Варан и баинин. Пашшан пытался поставить хозяина на ноги.

– Надо... атаковать... – прохрипел маг. Грудь его бурно вздымалась, будто он на своих плечах втащил на самую высокую башню крепости гнома в полном доспехе.

– Барнур! – тут же окликнул Варан.

Начальник стражи тут же оказался рядом.

– Мессир велит атаковать магов...

– Не гномы... – запротестовал Каладиус, вроде как понемногу приходя в себя. – Всадники... Дворцовая стража... Нужно захватить пленного.

– Но их меньше двух десятков! – воскликнул Варан. – А там ещё не меньше полутора сотен зомби!

– Подождём, пока зомби подойдут ближе, уничтожим их, а затем пустим всадников! – предложил Барнур.

– Нельзя ждать, – маг бессильно оперся о зубец стены, глядя на медленно приближающихся зомби. – Вдруг у них есть ещё демоны. Нужно бить сейчас, и бить по хозяевам, а не этим рабам. Уничтожим некромантов – зомби станут неопасны.

– Решено, – решительно заявил Барнур. – Я с моими ребятами выхожу, чтобы отвлечь зомбаков. Через некоторое время отправляйте кавалерию.

– Да маги сожгут нас до того, как мы приблизимся к ним на сотню ярдов! – в отчаянье воскликнул Варан.

– Не сожгут, – сцепив зубы, проговорил Каладиус. – Потому что я буду с вами. И ещё возьмём нескольких магов, кто сможет сидеть на лошади. Создадим нейтрализующее поле

и будем поддерживать его столько, сколько сможем. А затем будем уповать на быстроту и ловкость.

– Что ж, план не хуже других, – хмыкнул Варан.

Ухнули требушеты, и два снаряда пропахали борозды прямо в толпе бредущих мертвецов. С башен тявкнули катапульты, посылая россыпь камней поменьше, правда, пока без особого эффекта – большинство камней упало, не долетев до целей.

– У меня есть ещё запасной трюк, – пробормотал Каладиус, отступая от зубцов стены и стараясь сохранить равновесие.

– Да вы на ногах не стоите, мессир! – Варан ухватил мага за плечо. – Хорошо же вы станете нас прикрывать, когда свалитесь в обморок, едва выехав из ворот! Отдохните!

– И то верно! – поддержал Барнур. – Дайте моим ребятам размяться! Что нам эти две сотни мертвяков? Даже не вспотеем!

– Пусть маги зачаровывают болты на дальность! – приказал Каладиус, признав правоту Варана. – Арбалетчикам – целиться в некромантов! Авось кто-то и попадёт! А затем, мастер Барнур, выводите свой хирд и попробуйте занять чем-нибудь этих зомби.

– Будет сделано! – воскликнул Барнур, бросаясь выполнять приказы.

– Пойдёмте вниз, друг мой, – устало сказал Варану Каладиус, направляясь к лестнице. – Скоро придётся немного прокатиться.

– Вы просто мастер преуменьшений, мессир! – хохотнул мастер Теней, направляясь вслед за магом и аккуратно придерживая его за локоть, чтобы тот не упал, ибо Каладиуса заметно пошатывало – поединок с демоном стоил ему немало сил.

Тем временем заскрежетали, открываясь, ворота, и оттуда выступили пешие гномы. Плечом к плечу, щит к щиту. Гномы были вооружены небольшими одноручными секирами, грозным оружием в руках мастеров. Ходко и споро гномий хирд двинулся наперерез приближающимся зомби.

– Лошади готовы? – осведомился Каладиус. Он всё ещё несколько нетвёрдо держался на ногах, но был полон решимости.

– Да, мессир, – ответил Варан.

Саррассанцы уже выводили под уздцы лошадей, на ходу проверяя подпругу и лишний раз убеждаясь, что мечи легко выходят из ножен. Конный бой был не слишком-то привычен для них, но никто из воинов не выказывал ни малейшей тревоги. Также четверо гномов-волшебников переминались с ноги на ногу, хмуро глядя на лошадей. Гномий народ не любил лошадей, поэтому большинство вообще не умело держаться в седле. Эти же принадлежали к явному меньшинству, хотя сейчас, наверное, это их не слишком-то радовало.

– Нам нужно подгадать верное время для удара, – обращаясь ко всем участникам конной атаки, объявил Каладиус. – Не слишком рано, но и не настолько поздно, чтобы некроманты успели обрушиться на гномов. Нам, мессир, предстоит создать простейшую сферу нейтрализации магии, но вся штука в том, что держать её придётся как можно дольше. Так что старайтесь покрепче держаться в седле. А вы, господа, – обратился он к воинам. – Имейте в виду, что хотя бы один из некромантов должен остаться в живых, поскольку мне есть, что у них спросить. Хорошо бы взять того болтуна, но это уж как повезёт. Учтите, он, скорее всего, наиболее опасен из всех. Скорее всего напавший на нас демон – его рук дело. Так что если у вас возникнет хоть малейшее сомнение в вашей безопасности – убивайте его тотчас! Главное – добраться до некромантов, и тогда дело сделано. В ближнем бою вояки из них никомушны.

Все слушавшие кивнули головой, что им всё понятно.

– Ну что ж, – вздохнул Каладиус и вскочил в седло. – Наверное, довольно с нас прохладиться. А то, боюсь, сейчас некроманты ударят по хирду.

– Что ж, всем удачи! – взлетая в седло, воскликнул Варан.

– Всё будет хорошо! – приободрил Каладиус. – Просто не давайте себя убить.

– Не самое худшее из напутственных слов, – усмехнулся Варан, пуская коня рысью.

Кавалькада из двух с небольшим десятков всадников вырвалась из разверстых ворот, набирая скорость. Гномий хирд к этому времени утопал на добрые триста ярдов и уже почти подобрался к безмятежно бредущим зомби. До некромантов было чуть больше четверти мили – казалось бы, ерунда для добрых саррассанских скакунов. Но преодолеть эти четверть мили, увы, было суждено не всем.

Некроманты довольно быстро заметили новую опасность и моментально перегруппировались, готовые достойно её встретить.

– Начинается! – воскликнул Каладиус. – Мессире, наш выход!

Каждый маг сосредотачивается на *возмущении* по-своему. Так и сейчас – двое гномов воздели правую руку вверх, сжав кулаки, третий выставил вперёд короткий белый жезл, четвёртый даже привстал на стременах. Великий маг лишь набычил голову, да крепче вцепился в уздечку. Визуально ничего не изменилось. Да и по ощущениям Варан не заметил никакой разницы. Оставалось лишь надеяться, то заклятье работало.

И весьма скоро он убедился в этом. Кто-то из некромантов послал в приближающихся всадников очередную волну сжатого воздуха, такую же как те, что выбивали каменные брызги из крепостных зубцов. Но на этот раз смертоносные стустки врезались в невидимую преграду футов в пятидесяти впереди первых всадников. Кто-то из магов застонал, кто-то вскричал в полный голос; у одного из гномов носом хлынула кровь, но преграда выдержала.

Во всадников полетели и огнешары, и воздушные волны, и земляные торнадо, но всякий раз они безвредно разбивались о невидимую границу. Но с каждым разом маги всё тяжелее переносили эти удары. Вот, голова одного из них вдруг безвольно повисла, а в следующую секунду он свалился с лошади без сознания. Почти сразу же та же участь постигла и второго гнома. Ещё один, бледный как полотно, обхватил руками шею лошади и совершал немислимые усилия, чтобы просто удержаться в седле, не говоря уж о поддержании заклятия.

Конечно, основную часть защиты обеспечивал Каладиус, хотя и ему сейчас было крайне тяжело – из носа, ушей, уголков рта его сочилась кровь, а лицо напоминало восковую маску. Однако он ещё держался и, главное, удерживал заклятие. Но оно уже не могло прикрывать всех. Вот огнешар смёл одного из всадников вместе с лошастью. Второй всадник наткнулся на вздыбившуюся фонтаном землю и рухнул вместе с лошастью, оба безнадежно мёртвые.

Пара мелких демонов, чуть выше гнома, выскочили наперерез всадникам. Они совершали невообразимые прыжки, подсакивая чуть ли не на десять футов. Пара прыжков – и каждый из них оказался на крупе лошади позади всадников. Первый просто вцепился в спину саррассанца, буквально разрывая её на куски. Второй мощным хлопком двух ладоней сплющил череп другого воина, после чего, примерившись, перепрыгнул на следующую лошадь.

От этих двоих проблем могло возникнуть больше, чем от всех огнешаров вместе взятых, тем более, что демоны, похоже, плевать хотели на сферу нейтрализации. Вот один из демонов впился зубами в защищённый кольчугой загривок последнего из оставшихся магов, и они вместе слетели с лошади. Но на этом, наконец, расстояние между всадниками и некромантами исчезло. Воины, доскакавшие до заклинателей демонов, вступили в бой.

Вот один из некромантов отлетел в сторону, сшибленный лошастью, а вот упал второй с раскроенной головой – работа Варана. Пашшан не отстал от товарища, но он помнил нужду своего хозяина, поэтому посох ударил мага плашмя, прямо в переносицу. Тот упал, как подкошенный, лицо залила кровь.

Каладиус вялым движением вынул меч – подарок императора Малиллы – и рванул к ближайшему из двух демонов, который задними лапами терзал спину лошади, вцепившись передними ей в шею. Меч мага не был заговорён на убийство демонов, но он был сделан из мангилового сплава и имел руны на клинке, так что некоторый урон чудовищу он всё-таки нанёс. Из рассечённой на плече раны брызнула мерзкого вида бурая кровь, едко шипя на открытом воздухе. Демон взвизгнул и, бросив останки несчастной лошади, вскочил, чтобы встретить нового обидчика.

Маг сделал резкое движение рукой, словно пытался втолкнуть нечто раскрытой ладонью прямо в грудь демона. Иномирную тварь швырнуло и припечатало к земле. На коже её не было никаких отметин или повреждений, но монстр, несколько раз судорожно дёрнув лапами, затих. Секундой позже меч выпал из обессилевшей руки Каладиуса, а сам он привалился к шее лошади, скрюченными пальцами вцепившись в гриву, чтобы не упасть. Сегодня он сделал всё, что мог.

Варан в пылу боя даже не пытался узнать того из некромантов, кто вёл переговоры. С такого расстояния все они казались одинаковыми, так что теперь отличить одного от другого не представлялось никакой возможности. Мастер Теней использовал простое правило – если было слишком опасно бить плашмя, он бил насмерть. Чаще всего его чутьё подсказывало именно второе, так что он лишь однажды нанёс удар по затылку клинком плашмя одному из магов, когда тот отвернулся. Некромант рухнул на колени, и, крутанувшись, завалился на спину, и Варан увидел, что это – коротко остриженная женщина. Несмотря на то, что лицо её выражало крайнюю степень растерянности и дезориентации, она не потеряла сознание, поэтому Варану пришлось соскочить с лошади и размашисто садануть её носком сапога в висок. Заклинательница демонов отключилась.

Тем временем второй из демонов вдруг ошалело заверещал и запрыгал куда-то прочь от места сражения – видимо, был убит или лишён сознания некромант, управлявший им. Варан с мимолётным удовлетворением представил, как теряют волю и целеустремлённость зомби, дерущиеся сейчас с гномами, становясь лёгкой добычей для секир бородачей.

Потеряв около десяти всадников, атакующие всё-таки добились победы. Как и предрекал Каладиус, в ближнем бою, не имея достаточно времени или сил, чтобы сплести заклятье, некроманты оказались неважными вояками. Варан, утирая вспотевшее лицо рукавом, быстро оглядел поле боя, со жгучей радостью разглядев гордый силуэт баинина, скачущего на помощь своему хозяину. Каладиус делал неуклюжие попытки выпрямиться в седле, но получалось у него плохо. В конце концов его внутренности скрутил спазм и мага обильно вырвало кровью, после чего он почти рухнул на руки вовремя подбежавшего Пашшана.

Стало очевидно, что победа далась дорогой ценой. Восемь людей и двое гномов были мертвы, ещё двое воинов – ранены, не считая магов, одного из которых до сих пор не могли привести в чувство. Основная часть отряда, сопровождавшего путешественников, включая их доблестного капитана, были мертвы. Это была весьма дорогая и болезненная цена, но не заплатить её стоило бы ещё дороже. В конце концов, все эти люди знали, во имя чего они умирают.

Выжившие гвардейцы принялись осматривать тела врагов, определяя, кто из них мёртв, а кто лишь оглушён. Четверо или пятеро были не оглушены, а очень серьёзно ранены. Таких саррассанцы без лишних сантиментов добивали короткими ударами в шею. В итоге оглушённых оказалось всего трое – тот, кому Пашшан сломал нос своим посохом, ещё один маг и женщина, которую оглушил Варан.

Глава 57. Допрос

– Какая ирония судьбы, – Каладиус пинком перевернул тело одного из некромантов. – Ещё совсем недавно это был один из самых могущественных магов Саррассы, а теперь лежит, убитый, словно обычный легионер, простым ударом меча в лицо. Ну разве Судьба – не главная насмешница во вселенной?

– А вы уверены, мессир, что это – тот самый? – стоящий рядом Варан не особенно задумывался о превратностях судьбы, его больше заботили вполне практические вопросы.

– Уверен ли я? – смесь насмешливости и превосходства в голосе мага показала, что он уже вполне оправился от сражения. – Молодой человек, да я узнал бы его, даже если бы его изрубили на куски и истоптали калуянскими слонами! Я лишь не знаю его имени, но это – только до времени.

При этих словах Каладиус, обернувшись, недобро взглянул вслед ковыляющей троице некромантов, которых привели в чувство, связали и теперь вели по направлению к Вратам Блантура. Было видно, что пленные чувствуют себя очень плохо, но среди присутствующих не было никого, кто хотел бы их пожалеть.

– А как там наши доблестные гномы? – осведомился Каладиус, возвращаясь к своей лошади.

– Насколько я могу видеть – у них всё замечательно, – ответил Варан. – Сражение уже прекратилось.

– Ну что ж, тогда пора возвращаться, не так ли? Нас ждёт праздничный пир! – Каладиус слегка стукнул пятками в бока лошади, заставляя её двигаться.

– Что-то у меня серьёзные подозрения, что на этом пиру вас не будет, – пробормотал Варан, но маг его всё равно услышал и хищно ухмыльнулся.

Когда всадники проскакали мимо бредущих пленников, Каладиус даже не повернул головы в их сторону. Те, в свою очередь, подняли опухшие, окровавленные лица, но удостоились увидеть лишь спину мага. Поравнявшись с отрядом гномов, возвращавшихся после сечи с зомби, Каладиус замедлил коня.

– Ну как, друг мой Барнур, вижу, вы неплохо развлеклись? Рад видеть вас живым и здоровым!

– Спасибо, мессир! – на лице начальника стражи была свежая ссадина, а один из глаз заплыл, но выглядел он счастливым. – Оказывается, ничего особенного в этих зомбаках нет, разве что вонь. Спасибо за подсказку насчёт голов, а то пришлось бы дольше возиться.

– Многих потеряли? – окинул взглядом гномов, спросил Каладиус.

– Семерых, да раненых с десятков, – чуть помрачнел Барнур. – Особенно поначалу тяжело приходилось. Зато когда вы некромантов тех разделали, так и зомбаки словно отупели враз. Мыкались без толку, ручищи свои тянули, да только поделать уже ничего нам не могли.

– Что ж, главное, что всё закончилось хорошо, друг мой.

– А всё действительно закончилось, мессир?

– Для вас – да, – подтвердил Каладиус, имея в виду, конечно, не конкретно Барнура, а гномов вообще. – А после того, как я вернусь в Шатёр, всё кончится уже окончательно.

– Так вы покидаете нас?

– Как только улажу все дела здесь.

– Видал я этих некромантов, что вы пленили, – недобро оскалился Барнур. – Что станете делать с ними после того, как допросите?

– Поглядим, – мрачно бросил Каладиус, пуская коня вскачь.

***

Трудолюбивые гномы уже начали разбор завалов внутри крепости. Все тела погибших были аккуратно сложены вдоль одной из стен и прикрыты парусиной. Доски и бревна от порушенных машин и зданий стаскивались за стены и складывались в кучи для погребальных костров. Удивительнее всего было то, что несколько гномов под присмотром местных волшебников уже деловито разделяли тушу демона, с трудом отпиливая его рога, когти и клыки. Дело шло невероятно медленно, поскольку даже зачарованные орудия с трудом брали жёсткий роговой покров. Судя по замечаниям магов, это был ещё далеко не конец – планировалось извлечь и внутренности, и скелет. Магия гномов во многом замешана на алхимии, так что не приходилось сомневаться, что всему этому добру найдётся самое наилучшее применение.

Появление Каладиуса было встречено восторженными криками. Гномы хорошо понимали, кому они обязаны победой, и бурно выражали свою благодарность. Смертельно усталый, Каладиус тем не менее улыбался, хотя улыбка эта казалась слегка жутковатой из-за подсохшей крови, испачкавшей его губы и подбородок.

– Мы победили, друзья мои! – воскликнул он, не слезая покамест с лошади, чтобы выглядеть более внушительно. – Увы, победа далась дорогой ценой, – он бросил взгляд на прикрытые тканью тела. – Но все эти доблестные войны погибли не напрасно! Знайте, что сегодня мы, возможно, не дали свершиться одному из самых мерзких деяний, полностью изменившему бы всю историю мира.

Воодушевлённые гномы, тем не менее, слегка поникли головами, вспомнив о тех, кто сегодня погиб. Кроме семерых ратников, погибших в схватке с зомби, защитники крепости не досчитались ещё двенадцати гномов, двое из которых были маги, отправившиеся с Каладиусом. Одного из них насмерть изодрал демон, другой же так и не пришёл в себя после истощения. Судя по всему, у него случилось кровоизлияние в мозг от перенапряжения, вызванного излишне долгим удержанием заклатья. Не стоило забывать также и почти полный десяток разорванных в тоннелях, ведь они тоже были жертвами этой войны. Оставалось уповать на то, что с погибелью некромантов исчезнет и эта напасть.

Для гномов смерть каждого сородича – несчастье. Гномы и так были самой малочисленной расой Паэтты, а ведь ни люди, ни лирры никогда не старались целенаправленно истреблять их, поскольку не претендовали на подгорные владения воинов-кузнецов. Если племя лирр было в значительной степени истреблено губительными войнами, отгремевшими несколько тысяч лет назад, после чего так и не смогло восстановить былую численность, то гномы вымирали по самой естественной причине – их рождалось слишком мало.

Гномам была отпущена довольно длинная жизнь – бывали случаи, когда они доживали и до трёхсот лет, но то ли природа, то ли боги оделили эту расу своеобразным проклятием: гномские женщины крайне редко беременели. Даже самые искушённые гномские ведуньи и шаманы не могли найти какой-либо закономерности, позволяющей объяснить, почему лишь в одном случае из многих тысяч попыток семья гномов могла вдруг зачать ребёнка. Это никак не было связано с лунными циклами, как у людей и лирр (у гномских женщин вообще не бывало менструаций), никак не связано с окружающей средой (или же эту зависимость совершенно не удавалось проследить), и даже, как выяснили шаманы, никак не связано с благосклонностью высших сил, ибо подавляющее большинство их обрядов, проводимых над парами, или же каждым супругом по отдельности, в итоге пропадали втуне.

Так или иначе, но в Дак Анбуре сейчас проживало не более трёх тысяч гномов, а значит, что это, с мизерными поправками, и было общим количеством гномов в мире Паэтты. Все, и гномы в том числе, прекрасно понимали, к чему это ведёт. Если Арионн-Дарователь Жизни не сменит однажды свой гнев на милость, в довольно обозримом будущем гномы просто исчезнут с лица этого мира. Конечно, это был вопрос не столетия, и даже, быть может, не тысячелетия, но особо веселее от этого не становилось.

В общем, именно поэтому гномы уже многие и многие столетия сторонились войн. Будучи по натуре своей воинами, обожая блеск стали и звон мечей, они всячески старались избегать конфликтов, не участвуя в сражах людей с лиррами или людей с людьми. Когда-то давно они заключили соглашение с императорами Саррассы, что земли Дак Анбура войдут под протекторат Империи взамен тех богатств, которые могли предложить людям гномы. И их действительно старались не трогать, ибо никто не достиг в кузнечном деле и инженерии таких высот, как гномы. Так и получалось, что когда в наземном мире шумели войны, сотрясались троны и рушились государства, в подгорном Дуондуре царила тишина и покой. До недавних пор...

И вот теперь гномы готовились к погребальному обряду. В Дуондур послали гонца – оповестить родных, да и вообще всех жителей, кто захочет проводить погибших в последний путь. Каладиус предполагал, что Мэйлинн и Бин также будут в числе прибывших, так что решил, что уедет лишь после погребения. А пока же его ждало одно неотложное дело.

***

Все трое сидели в каком-то подвале, покрытые с ног до головы грязью, кровью, по-прежнему крепко скрученные верёвками. Рядом с каждым стояли по два гнома, держащие у их шей обнажённые клинки. Нос у первого был по-прежнему свернут на бок, хотя костоправство у гномов в крови, и они вполне могли бы исправить это, тем более, что сломанный нос, должно быть, причинял немало страданий его владельцу. Второй сидел, повесив голову на грудь, и не поднял лица, даже когда вошёл Каладиус. То ли был без сознания, то ли слишком подавлен. Женщина же, чья правая половина лица страшно опухла и имела синюшный оттенок, тем не менее сидела, выпрямившись, как струна, и с вызовом глядела на вошедшего мага.

– Гномы – невероятные умельцы, – начал Каладиус. – Меня всегда поражало, как причудливо они могут сплести магию и инженерию, создавая совершенно чудесные механизмы. Право же, я иногда задумываюсь – если в экваториальных мирах Сферы есть гномы, то каких высот мастерства они достигли там, в мирах, где нет магии? Я бы многое отдал, лишь бы взглянуть на это! А вы, коллеги?

– К чему этот балаган? – при этих словах на губах и ноздрях сломанного носа говорившего вздулись красноватые пузыри. Он вперил мутные от боли глаза в мага. – Неужели мы будем говорить о гномах?

– Мне представляется, что мы будем говорить о том, о чём захочу я, – куда девался отвлечённый, философский тон мага? Теперь он говорил сухо, жёстко, с явной угрозой. – А вы будете поддерживать этот разговор со всем тщанием, на какое способны. А о гномах я вспомнил вот почему. Не знаю, показали ли они вам, на каком прелюбопытнейшем изобретении вы сейчас сидите? Если нет, то я с удовольствием покажу.

При этих словах Каладиус взял один из железных стульев, такой же, как те, на которых сидели пленники, и с явным усилием придвинул его так, чтобы он стоял перед некромантами.

– Извольте видеть, уважаемые коллеги, – Каладиус вновь говорил тоном почтенного профессора, выступающего с кафедры. – С виду – почти обычный стул. Разве что тяжёл сверх меры и неудобен, что вы, должно быть, уже успели оценить. Но стоит нажать вот этот рычажок, вот тут, на этом столе...

Говоря эти слова, Каладиус действительно нажал на один из небольших рычажков, выступающих из поверхности стола. С жутким лязгом из сидения и спинки стула выскочили штыри. Правда, на сидении они были острыми, и длина их достигала двух дюймов, а вот в спинке штыри были более толстыми, с затупленными наконечниками и длиной не более дюйма. Глаза некромантов округлились. Даже тот, что сидел с опущенной головой, внезапно

поднял полные ужаса глаза на стоящий перед ними стул, оказавшийся орудием пыток. Значит, всё-таки был в сознании.

– Приятно видеть такой интерес среди понимающих людей, – усмехнулся Каладиус. – Как вы видите, стулья, на которых вы сидите, не так просты, как кажутся. Стоит мне нажать вот на эти рычажки, как точно то же произойдёт и с вашими сидениями. Снизу вы получите острый удар, который враз лишит вас, господа, права наименоваться мужчинами, да и вам, дорогая, подобное *проникновение* вряд ли принесёт много наслаждения. Но куда занимательнее эти тупые стержни, что со страшной силой выскакивают из спинки. Предусмотрительные гномы привязали вас к стульям таким образом, что хоть один из этих выскочивших штырей обязательно наткнётся на своём пути на ваш позвоночник. Увы, но должен вас огорчить – сила удара будет такова, что позвонок будет моментально раздроблен, а вслед за этим последует немедленный паралич. Так что, как видите, друзья мои, умереть вам тут не дадут, но планы на будущее сильно скорректируют.

Некоторое время Каладиус по очереди заглядывал в глаза каждому из узников, пытаясь прочесть их сокровенные мысли. И в каждой паре глаз он видел плещущийся страх, даже скорее ужас. Даже в глазах этой заносчивой дамочки, которую великий маг сразу определил как самый крепкий орешек.

– Рычажки соединяются со стульями при помощи несложного заклятия – ну не чудо ли? – умильным голосом продолжил Каладиус. – Одно нажатие – и не пройдёт и доли мгновения, как механизм сработает. Ах, как мне нравится это слово – механизм, – маг произнёс последнее слово по слогам, словно смакуя глоточками великолепное биррийское урожая тысяча триста семьдесят шестого года. – От него так и веет чем-то основательным, крепким, не столь аморфным, как магия. А нажму я на эти рычажки без промедления, как только почувствую, что кто-то из вас пытается манипулировать *возмущением*. А я это почувствую, вы же знаете. Надеюсь, мы целиком и полностью понимаем друг друга?

– Ты блефуешь, старый хрен! – словно сгусток крови, выплюнула женщина слова, постаравшись, чтобы они звучали как можно бесстрашней и презрительнее. Получилось, правда неважно.

– Правда? – добродушно прищурился Каладиус, словно дедушка, разговаривающий с любимой внучкой. – А давайте-ка проверим.

Душераздирающий визг, заглушивший лязг выскочивших стержней, взорвал воздух в подвале. Единожды дёрнувшись, безвольно обвис маг с поломанным носом, продолжая страшно и натужно визжать, словно заколотый хряк. Все остальные участники этого разговора замерли, превратившись в статуи Недоумения. Даже гномы с ужасом взирали на то, что случилось, вероятно, никак не ожидая подобного поворота событий.

Закапала кровь с сидения стула, а несчастный продолжал выть и визжать. Каладиус подождал для пущего эффекта ещё некоторое время, а затем сделал короткое движение пальцами. Голова сломанноносого неестественно резко и неестественно низко клонула вниз, уткнувшись подбородком в живот. Отвратительный хруст ломающихся позвонков и рвущихся мышц прозвучал оглушающе на фоне вдруг наступившей тишины.

– Он только мешал своими криками, – досадливо пояснил Каладиус остальным. – Свою функцию он выполнил, и больше мне был не нужен. У меня ведь остались вы двое, – и маг расплылся в жуткой в своей добродушности улыбке.

Звонящая тишина продолжала наполнять комнату пыток. Может быть, некроманты и хотели бы что-то сказать, но ужас сковал им язык. Лишь тихонько капало со стульев: кровь – с того, где сидело мёртвое уже тело, и моча – с двух других. Судя по выражениям лиц гномов, они бы тоже сейчас не прочь были обмочиться.

– Если вы думаете, что я разбирался в том, где тут какой рычажок, – глядя прямо в глаза женщине, проговорил Каладиус. – То вы – неисправимые оптимисты. Нажал первый попав-

шийся. Собственно, мне совершенно всё равно, кто из вас останется в живых. Предупреждаю, что следующий, кто подвергнется экзекуции, не будет лишён мук столь милосердно. С перебитым позвоночником и растерзанными гениталиями вы проживёте ещё много-много невыносимых недель. Вы всё поняли?

Клацая зубами, некроманты кое-как кивнули непослушными головами. Теперь они ни минуты не сомневались в том, что великий маг и не думал блефовать.

– Поговорим? – вальяжно развалился на стуле, по удобству ненамного отличающемся от железных орудий пыток, на которых сидели некроманты, предложил Каладиус, и дождавшись очередных неуклюжих кивков, продолжил. – Чтобы упростить вам задачу, говорить буду я. А вы лишь поправьте, если я где-то ошибусь. А вы, друзья мои, – обратился он к гномам. – Можете быть свободны. Мы тут управимся сами, не так ли?

Гномы, не скрывая облегчения, на плохо гнущихся ногах затопали к выходу. Никто из них не смел посмотреть на своих недавних врагов, к которым они, похоже, уже чувствовали жалость.

– Прежде чем мы начнём, недурно было бы познакомиться, – проводив глазами последнего из гномов, вновь заговорил Каладиус. – Меня вы знаете, а я вас – нет. Это несколько невежливо для людей, которые собираются ближайшее время провести в тёплой дружеской беседе. Как вас зовут, многоуважаемая госпожа?

– Марана, – кое-как выдавила заклинительница.

– Прекрасное имя! А вы, сударь?

– Ваир... – голос второго некроманта был слаб и плаксив.

– Итак, господа мои Марана и Ваир, предлагаю послушать мою историю. Она будет недлинной, и совсем не утомит вас, – предупредительно заметил Каладиус. – Вот как, по моему, обстояло дело. Орден некромантов решил вырвать из заточения благородного мученика Паториуса, уничтожить императора и предпринять вторую попытку построения великого магического государства. Для этого господам некромантам потребовался артефакт, способный сфокусировать неимоверную энергию, которая потребовалась бы для того, чтобы сокрушить непреступные застенки, в которых гниёт их будущий властелин. Чтобы не вызывать подозрения, артефакт решили заказать гномам через подставных лиц, по частям. Однако гномы заартачились, и вы решили силой принудить их. Ваши демоны сделали бы то, на что оказались неспособны никакие чары или грубая сила – открыли бы Врата Блантура. Далее под угрозой полного истребления вы заставили бы гномов закончить работу. Я ведь не ошибусь, если скажу, что для уничтожения темницы и оков Паториуса вам даже не нужно было бы возвращаться в Шатёр? Думаю, могущества артефакта хватило бы и для удалённого удара, – Каладиус даже не сделал паузы, чтобы дожидаться подтверждения своих слов, поскольку был целиком уверен в сказанном. – Уничтожение темницы Паториуса стало бы сигналом к началу восстания. Думаю, в Шатре у вас есть некоторое количество сторонников среди приближенных императора, а также среди магов, в том числе – и среди чернокнижников. Император был бы обречён, а Паториус стал бы правителем новой Империи, подобной Тондрону. Всё ли верно я сказал, ничего ли не упустил?

– Всё верно, – хрипло подтвердила Марана.

– Это хорошо, – удовлетворённо хрустнул костяшками пальцев Каладиус. – Но это, собственно, был ещё и не допрос, ведь пока говорил лишь я, и говорил вещи, мне хорошо известные. Не правда ли, господа, это сложно назвать допросом?

Оба некроманта рефлексивно сжались, словно ожидая удара. Что-то в тоне Каладиуса пугало до колик в кишках.

– Задавайте ваши вопросы, мессир, – почти прорыдал Ваир. – Мы ответим на все.

– Осмелюсь ли я просить вас, мессир, об одной милости? – сморщившись от собственного униженного тона, проговорила Марана.

– Отчего же не осмелитесь, дорогая моя? – маг вновь был – само добродушие. – Выкладывайте всё, как на духу!

– Я прекрасно понимаю, какая судьба ждёт нас в дальнейшем, – тело женщины сотрясала дрожь, но смотрела она прямо. – Малилла – злопамятный и жестокий человек. Когда мы попадём в его руки, боюсь, даже ваши остроумные сидения будут вспоминаться нам с ностальгией, – Каладиус усмехнулся при этих словах, давая понять, что целиком и полностью согласен со сказанным. – Поэтому у нас будет просьба к вам, мессир. Мы чистосердечно расскажем вам всё, что знаем, а взамен вы... – спазм сдавил горло Мараны, но, сделав усилие, она продолжила. – Взамен вы убьёте нас... Но не так! – быстро добавила она, дёрнув головой в сторону мёртвого товарища. – Честный удар мечом по шее – вот чего я прошу.

Ваир, опустив голову, заскулил. Стала заметна тягучая нитка кровавой слюны, свисавшая из его рта. Но даже он оказался не настолько малодушен, чтобы молить о пощаде, потому что понимал, что Марана совершенно права.

– Что ж, – медленно проговорил Каладиус, словно обдумывая сказанное. – Думаю, что я могу оказать вам такую услугу, потому что в душе я – человек не злобливый, что бы вы там себе не думали. И честно хочу сказать, что мне совсем не по душе то, что творит император с Паториусом. Поэтому я обещаю вам это. Вот этот меч, – маг вынул клинок из ножен. – Подаренный мне его величеством. Это – отличный меч, сегодня я смог ранить им демона. Он острее бритвы, и в умелых руках снимет голову столь же просто, как вы, мадам, снимали, бывало, изящную шляпку.

– Я никогда не носила шляпок, – огрызнулась Марана. – А что касается вашей доброты – о том ходит множество легенд, и каждая следующая леденит кровь сильнее предыдущей. Да и сами мы сегодня смогли в этом убедиться.

– И вот именно этого, госпожа Марана, я вам никогда не прощу, – лицо Каладиуса помрачнело, а глаза засверкали. – Не прощу того, что вы заставили меня сегодня вновь стать тем, кем я был несколько сотен лет тому назад, и кого, как я думал, уже давно сумел похоронить в самых дальних и темных уголках своей души. Много поколений родилось и умерло, не видя от меня и толики той жестокости, что я проявил сегодня. Даже при подавлении восстания Паториуса я был преступно, непростительно мягок, за что поплатился смертью близкого товарища.

– Так с чего же именно нам выпала такая честь узреть великого Каладиуса во всей мощи его гнева? – рот Мараны скривился в ухмылке.

– Всё очень просто. Меня вывела из себя та простота и непринуждённость, с какой вы явились вершить геноцид.

– Геноцид? – вскричала Марана. – Не слишком ли громкое слово?

– В самый раз! – отрезал Каладиус. – Ибо погибшие от ваших рук три десятка гномов для этого народа стали не меньшей, а может и большей потерей, чем гибель десятков тысяч людей в том же Лоннэе. В своей гордыне и тщеславии вы приблизили тот день, когда на Паэтте не останется ни одного гнома! Ибо если люди после мора родятся ещё охотней, подобно молодой поросли на вырубке, то гномы... Да зачем я вам это говорю? – вдруг оборвал сам себя маг. – Ведь вам же всё равно, не так ли?

– Какая мне, к Гурру, разница, что будет потом? – взъярилась Марана. – Я и раньше не чаяла дожить до того дня, а уж теперь – и подавно. И уж от кого бы я ещё услышала подобные нравоучения, как не от человека, которого прозывали Губителем народов!

– Вот именно так и должно быть, – Каладиус неожиданно не только не вспылал ещё больше, а, напротив, вдруг успокоился. – Именно от меня это и будет звучать нефальшиво. Будь у вас, госпожа Марана, в запасе несколько сотен лет, чтобы порассуждать об этом, вы бы поняли.

– У меня нет столько времени, – спор, похоже, полностью исцелил Марану от страха. – Да и лучше уж умереть, чем слушать эту вашу ерунду! Задавайте свои вопросы, да покончим с этим поскорей!

– Вы абсолютно правы, прошу меня извинить, – Каладиус вновь сел. – Итак, первый мой вопрос – кто тот маг, что говорил со мной?

– Его звали Каирна, он был нашим предводителем, – сухо ответила Марана.

– Он действительно был силён. Демон в тоннелях – его рук дело?

– Его, – Марана словно устала от разговора, и теперь говорила лишь необходимое.

– Надеюсь, теперь этот демон уберётся?

– Он исчезнет через несколько часов после смерти хозяина.

– Хорошо. Второй вопрос – много ли приспешников у вас в Шатре?

– Каирна говорил, что наших адептов собралось около семи десятков, а также некоторое количество чернокнижников и иных магов. Ну и во дворце.

– Это хорошо. Значит, у нас будет шанс одним ударом прихлопнуть почти весь ваш гадюшник. А среди близких к императору есть предатели?

– А как же! – усмехнулась Марана. – Министр морской торговли, помощник хранителя покоев, несколько шишек из военных... Всякую шуштуру из слуг и охраны я даже и не знаю, но они точно есть, и не один.

– Что ж, тогда такой вопрос, – Каладиус чуть замаялся. – Замешан ли в заговоре магистр Алтисан?

– Точно сказать не могу, но, кажется, нет, – Марана пыталась пожать плечами, но туго стянутые верёвки не слишком располагали к этому. – Каирна не слишком распространялся о чернокнижниках, но я точно знаю, что среди них есть наши сторонники. Однако, думаю, что будь среди них Алтисан, Каирна бы вряд ли умолчал об этом.

– Резонно, – вставая, проговорил Каладиус. – А могут ваши адепты предпринять что-то, не дожидаясь известий о вашей операции?

– Исключено, – Марана понимающе следила глазами за медленно приближающимся магом. – Я полагаю, допрос окончен?

При этих словах Ваир вновь заскулил.

– Вероятно, да, – мягко кивнул Каладиус, заходя чуть сбоку от пленницы и плавным движением извлекая меч. – Ах, нет! Чуть не забыл! Ещё одно... Этот ваш Каирна... Очень уж странными были его методы манипуляций *возмущением*. Я бы сказал, крайне редкие для Паэтты.

– Вы снова угадали, мессир, – Каладиус стоял так, что Маране было неудобно и больно так сильно поворачивать голову, поэтому она вновь расслабила шею, переместив взгляд на пустой стул с выпущенными шипами, всё ещё стоящий перед ними. – Каирна говорил, что он некоторое время провёл на Эллоре, и что, якобы, он даже был учеником одного из Герцогов. Не знаю, насколько это верно, но могущества у него было не отнять.

– Жаль, что не удалось перекинуться с ним словечком, – вздохнул Каладиус.

– Да уж, жаль... Глядишь, может быть он размазал бы тебя... – прошипела Марана, и тут Каладиус почувствовал то необъяснимое, что нельзя описать человеку, не владеющему магией, но что чувствует каждый, кто способен ощущать манипуляции с *возмущением*.

Неуловимый взмах клинка – и голова заклинательницы демонов глухо стукнулась о каменный пол.

– Ты тоже почувствовал? – почти дружески спросил Каладиус у Ваира, поднявшего на него затравленные глаза. – А, впрочем, она права – грешно было бы не попробовать!

Последний из оставшихся в живых некромантов раззявил было рот, но сказать уже ничего не успел.

Глава 58. На живца

Каладиус подслеповато шурился, выйдя из полутёмного подвала на зимнее солнце. Зима здесь, в северной Саррассе ощущалась, конечно же, сильнее, чем в Шатре, однако снег и здесь был нечастым гостем. Несколько подмораживало, и изо рта мага вырвалось облачко белого пара. Гномы, которых волшебник довольно бесцеремонно выпроводил наружу, переминались с ноги на ногу, насуплено глядя то на дверь, ведущую в подвалы, то на всё разрастающуюся толпу гномов, прибывающих на тризну по погибшим.

– Прошу прощения, друзья мои, но, боюсь, я там слегка намусорил, – глухой голос Каладиуса не вязался с шутливостью брошенных слов. – Не могли бы вы прибраться?

Гномы лишь молча кивнули, избегая смотреть мага в глаза, и тут же потопали вниз. Каладиус лишь тяжело вздохнул, опустив глаза. Слегка поморщился, увидев небольшое пятнышко крови на сапоге, прямо на самом носке. Пнул подмороженную землю, пытаясь стереть. Затем ещё, и ещё... Каладиус остервенело пинал ни в чём не повинную землю, хотя на обуви его уже не было и следа от кровавой капли...

Лишь через некоторое время маг сумел взять себя в руки. Судорожно выдохнув и проведя пальцами по глазам, он решительно двинулся дальше. Нужно было найти Мэйлинн, или кого-то, кто мог бы сказать, где она. Больше всего ему не хотелось сейчас встретить Варана с его пронизательным взглядом, и, конечно же, именно мастер Теней и встретился Каладиусу первым.

– Ну как там наши гости? – слегка улыбнувшись, спросил он, и тут же пристально взгляделся в лицо мага – видимо, что-то в нём поразило охотника за головами.

– Мертвы, – почти столь же мёртвым голосом отозвался Каладиус.

– Они хоть сказали то, что нужно? – естественно, Варан не стал восклицать и изумляться по этому поводу.

– Кажется, да... – несколько рассеянно ответил Каладиус, словно не до конца даже поняв вопрос. Его глаза шарили по толпе. – Вы не видели Мэйлинн, друг мой?

– Откуда вы знаете, что она здесь? – несмотря на вопрос, Варан не выглядел слишком уж удивлённым.

– Я и не знаю, – Каладиус вновь устало сжал виски пальцами одной руки. – Просто предположил. Где она, мне нужно с ней поговорить?

– Она сказала, что будет ждать вас в караульном помещении, – Варан подмечал все странности поведения мага, но ничего не говорил. – Сказала, что у неё есть крайне важное сообщение для вас. Сказала, что это связано с Орденом, но подробностей не сообщала.

– Тогда пойдёмте вместе, друг мой, – чуть качнувшись, Каладиус пошёл по направлению к караулке. – Там всё и узнаем.

– С вами всё в порядке, мессир? – позволил себе спросить Варан.

– Надеюсь, что да, – мастеру Теней показалось, или маг подавил судорожный вздох?

Войдя в караульное помещение, Каладиус тут же увидел Мэйлинн и её верного спутника Бина, сидящих за столом. Заметив мага, Мэйлинн широко улыбнулась и бросилась ему навстречу, словно они не виделись много-много дней. Неожиданно у Каладиуса на глазах заблестели слезы – впервые за много десятилетий, а то и столетий.

Это было так, словно он прикоснулся сжигаемым горячкой лбом к прохладному стеклу. Словно проснувшись малышом от какого-то жуткого кошмара, увидел склонившееся ласковое лицо матери. Словно кто-то тёплыми мягкими руками обхватил его заледеневшие ладони и тихонько дышал, отогревая их... Увидев Мэйлинн, Каладиус словно оставил за порогом всю кровь и грязь этого едва начавшегося дня. И, главное, он почувствовал, что давно минувшее не получило власть над ним; что Губитель народов и Сокрушитель королевств так и

остались в том далёком мрачном прошлом. Он омывался в тепле, струящемся из глаз лирры, купался в её ясной, радостной улыбке, и словно оживал вновь.

Заметив навернувшиеся слезы на глазах старика, Мэйлинн была очень тронута, хотя и не знала истинной их причины. Она решила, что он очень рад её видеть, что он переживает из-за прошедшего боя, что он волновался за неё. Наверное, отчасти и это было правдой.

– Мессир, я так рада вас видеть! – воскликнула она, бросаясь на шею магу.

– А уж как я рад, дорогая моя! – прошептал ей в волосы Каладиус, беспомощно ощущая, как крупные слезы текут по его щекам.

– Что с вами? – теперь лирра несколько встревожилась, вероятно, ощутив в маге какое-то внутреннее напряжение, и, конечно же, находясь в крайнем удивлении, увидев его плачущим.

– Всё замечательно, милая, – широко и свободно улыбнулся Каладиус. – Теперь всё просто замечательно.

– Я знаю, что вы допрашивали пленных некромантов, – не осознавая, лирра вновь наступила на больную мозоль. – Они уже рассказали всё, что нужно?

– Да, госпожа, они рассказали всё, что знали, – с некоторым усилием ответил Каладиус.

– И теперь вы должны ехать в Шатёр, да?

– К сожалению, да. Как я и предполагал, то, что мы видели – часть заговора против императора. Я должен помочь.

– Конечно! Заодно и поторопите этого лежебоку-Кола! – рассмеялась Мэйлинн, хотя в глазах её блеснули слезы от тревоги за друга, оказавшегося в этом осином гнезде.

– Уверен, что мы приедем вместе, дорогая! – преувеличенно бодрым тоном ответил Каладиус.

– Это будет замечательно! А что вы сделаете с пленниками? – спросила вдруг Мэйлинн.

– Ничего, – против воли опустив глаза, ответил Каладиус. – Они уже мертвы.

– Мертвы? – вскричала Мэйлинн, побледнев. – Как это?

– Это была их просьба, – заставив себя взглянуть в глаза лирре, ответил маг. – Если бы они попали в руки императора, то любая смерть показалась бы им сладким избавлением. Поэтому они рассказали мне всё при условии, что я после этого убью их. Не беспокойтесь, это была быстрая и безболезненная смерть.

Полуправда, хотя она и была во многом похожа на ложь, оказалась спасительной. Каладиус постарался не вспоминать о том, со сломанным носом. А также с перебитым позвоночником и истерзанной промежностью. Во всяком случае, Мэйлинн о нём знать не нужно. Она и так поникла головой и было видно, как подрагивают её плечики.

– Мастер Варан сказал, что у вас ко мне было какое-то неотложное дело? – поспешил сменить тему Каладиус.

– Да, очень важное дело, мессир, – лирра подняла встревоженное лицо. – В Дуондуре были ассасины...

***

Расставшись с товарищами, Бин и Мэйлинн двинулись за гномами, показывающими дорогу. Поначалу Бину казалось, что проводники были излишни – что такого сложного в том, чтобы пройтись милю или чуть больше по тоннелю? Но на деле оказалось всё совсем не так просто. То, что гномы называли «тоннелем», по сути было целой системой тоннелей, своеобразным лабиринтом, в котором легко могли бы заплутать захватчики, которым пришлось бы в голову напасть на столицу гномов. Многие ответвления и коридоры служили каким-то иным целям – возможно, были хранилищами, или чем-то ещё в этом роде. Основной тоннель был, конечно, освещён лучше, но Бин со всей очевидностью осознал, что не

будь впереди них нескольких уверенно шагающих гномов, не прошло бы десяти минут, как они заблудились бы здесь всерьёз и надолго.

Тоннель, ведущий в Дуондур, разочаровал Бина. Наслушавшись историй о умопомрачительных красотах города гномов, он ожидал чего-то большего, чем простые каменные стены, факелы и грубо обработанный пол. Однако, судя по всему, именно такова и была задумка строителей подгорного города – работа на контрасте.

Всё началось с того, что тоннель стал заметно расширяться. Если вначале расстояние от одной стены до другой едва ли превышало десять ярдов, то сейчас это была уже вся сотня. Точно так же всё выше становились своды, и теперь уже потолок пещеры был невидим, сокрытый мраком, сгущающимся кверху. Даже множество факелов не могли осветить всё это пространство целиком. Зато они хорошенько освещали великолепные громадные открытые ворота, покрытые вычурной резьбой, изображающей как руны, явно магические, так и фигуры каких-то гномов, животных, и даже людей.

– Что, дух захватывает, да? – добродушно ухмыльнулся один из гномов, когда Бин приостановился, разинув рот. – Это и есть Врата Блантура!

– А я думал, что это название крепости... – промямлил озадаченный Бин.

– Ну крепость называется в честь этих Врат. Когда-то лишь эти Врата защищали Дуондур, но один из наших древних правителей, Баррад Камнемогучий, решил построить крепость на входе в тоннели. Так она и стала наземным символом этих Врат, построенных самим Блантуром, основателем Подгорного Града.

– Как здорово! – воскликнул Бин. Несколько подавленная Мэйлинн на этот раз молчала, погруженная в свои мысли.

– То ли ещё будет, когда увидишь сам город! – улыбаясь, посулил гном.

И он не обманул. Даже Мэйлинн на какое-то время забыла о гложущей её печали и, распахнув свои огромные глаза, взирала на открывшееся величие.

Город гномов был прекрасен. Сам камень словно сверкал, струился светом, обретая совершенно немыслимые оттенки. Более того, сверху, с умопомрачительной высоты лился голубоватый дневной свет, распадавшийся благодаря призмам и зеркалам на сотни, тысячи лучей, омывающих Дуондур. Сама столица была построена в громадной, невообразимой в своих размерах пещере. Город был многоярусным, уходящим и вверх, и вниз. Причём на каждом ярусе располагались самые настоящие дома, а не просто норы, пробитые в породе. И дома эти не были сложены из кирпича, или даже каменных блоков. Каждый дом был вырублен из цельной скалы. Искусные зодчие придавали каждому зданию неповторимую форму, но в сумме это почему-то не порождало ощущения аляповатости и безвкусицы. Наоборот – дух захватывало от того, насколько всё здесь гармонировало в некоем едином ансамбле, воспевающем величие гномских мастеров.

Но более всего поражало другое. В центре пещеры возвышался своеобразный скалистый остров, на который были перекинута кажущиеся воздушными каменные мосты. И остров этот являлся словно колоссальным дворцом, высеченным в скале. Именно там жили правители Дак Анбура, и именно туда собирались Мэйлинн и Бин, чтобы встретиться с нынешним из них – Броко Молоторуки.

Для того, чтобы попасть на остров, нужно было подняться на несколько уровней вверх, туда, где располагались мосты, соединяющие со дворцом. Мэйлинн и Бин быстрым шагом двигались за своими провожатыми, хотя им то и дело хотелось остановиться, чтобы поближе рассмотреть очередное чудо гномского зодчества. Гномов по дороге встречалось совсем немного, и большинство из них были явно заняты какими-то своими делами, так что они мало обращали внимания на пришельцев. Но вот уровнем выше друзьям встретился небольшой отряд вооружённых гномов – вероятно, караульные.

– А, теперь всё понятно! – вдруг воскликнул командир отряда, пристальнее разглядев Мэйлинн.

– Что тебе понятно, Трэхпалый? – чуть насмешливо поинтересовался один из сопровождающих лирру, не очень понимающий, с чего это вдруг такая странная реакция.

– А то и понятно! – огрызнулся Трэхпалый. – Вы извините, сударыня лирра, только у меня для вас злая весть. Мы нашли вашего спутника в тоннелях часа три назад. Он мёртв...

– Как – мёртв? – обмерла Мэйлинн, пытаясь понять, о ком идёт речь. Неужели Каладиус или Варан?

– А ты ж, чугунная башка! – воскликнул всё тот же гном. – Да три часа назад госпожи и её спутников тут ещё в помине не было! Ты думай-то, что говоришь!

А ведь верно, – облегчённо вздохнула про себя Мэйлинн. Три часа назад они ещё не добрались даже до крепости.

– Ну я уж не знаю, были они тут, или не были, а только нашли мы, сударыня-госпожа, сородича вашего неподалёку от города, в тоннелях, – слегка обиделся Трэхпалый.

– Сородича? – от груди к животу Мэйлинн пробежала стремительная ледяная волна.

– Точно так. Делали обход, нашли в одном из боковых тоннелей очередной труп. Снова демонюка проклятый покуражился. Пригляделись поближе – а это и не гном вовсе! Самый что ни на есть лирр!

– Лирр? – побелевшими губами переспросила Мэйлинн. – То есть, вы хотите сказать – лирра-мужчина?

– Ну я так и сказал, – пожал плечами Трэхпалый. – Вот я и решил, что он с вами, потому как откуда ему ещё здесь взяться, ведь Врата же заперты! А он, судя по всему, не так давно был убит – вчера, ну или, в крайнем случае, позавчера.

– Где он теперь? – вскричала Мэйлинн.

– В кордегардии, в прозекторской, где ж ему быть! Туда сносим все трупы. Ну а дальше – печь. Уж не знаю – сожгли ли того лирра уже, или нет ещё...

– Нам нужно прямо сейчас попасть в кордегардию! – обратилась Мэйлинн к сопровождающим.

– Вообще-то был приказ... – начал всё тот же гном.

– Пожалуйста... – такая мольба была в голосе лирры, что гном, подумав, нехотя кивнул.

– Только придётся вертаться, – буркнул он. – Ладно, бывай здоров, Трэхпалый! Хотя... У меня будет к тебе задача – оповести всех наших магов, что им нужно собраться во дворце Молоторукого. К нам прибыл великий Каладиус, чтобы помочь разобраться с заклинателями. Когда мы вернёмся, госпожа всё объяснит.

И они, развернувшись, вновь направились к Вратам. Трэхпалый, задумчиво почесав подбородок под густой бородой, пробормотал:

– Ну дела... Кто ещё этот Каладиус, что он может отдавать такие приказы? Что-то намечается, чует моя борода... Ну пошли что ли, хлопцы! Сказано – сделаем.

Быстро добравшись до кордегардии, гномы справились насчёт тела лирры. Выяснилось, что его ещё не осматривали, так что труп по-прежнему лежал в прозекторской. Возникло небольшое препирание по поводу того, можно ли пустить туда посторонних, но сопровождающие гномы довольно быстро объяснили стражникам, кто они, эти посторонние, и *кого* они сопровождали.

– Уверен, что после того, как начальство узнает, что ты чинил им препятствия, – втолковывал Бронкор, тот самый гном, чьё имя мы до сих пор не упоминали. – Тебя не допустят даже чистить уборные в кордегардии.

– Ладно, проходите, – недовольно буркнул тот, к кому относились эти слова. – Если что, весь спрос с тебя, Бронкор!

– Да уж не с тебя же, – хмыкнул тот, отодвигая дюжего гнома плечом.

В прозекторской было темно, холодно и как-то сыро. По крайней мере, по спинам Мэйлинн и Бина пробежал озноб. Каменные столы вдоль длинного прохода, по счастью, пустовавшие. Лишь на одном лежало нечто, напоминающее грудю тряпья, измаранного пятнами крови. До крови прикусив губу, Мэйлинн заставила себя подойти к этому столу. Бронкор равнодушно скинул окровавленное полотно и осветил стол и то, что на нём лежало, факелом.

Мэйлинн судорожно втянула воздух сквозь стиснутые зубы. Бин побледнел. По виду то, что лежало на столе, напоминало человека, или скорее – куклу, с которой порезвился злой, склонный к садизму ребёнок. Некоторые кости, точнее их обломки, торчали наружу, все конечности были завернуты под неестественными углами, из распоротого живота свисали внутренности, а череп был расколот, словно лопнувшая тыква. Но несмотря ни на что было видно, что это действительно лирра.

– При нём было оружие? – борясь с тошнотой, спросила Мэйлинн.

– Ничего, – раздался сзади голос того самого гнома, что мешал проходу. – Ни оружия, ни денег, ни драгоценностей. Вообще ничего.

– Демон мог всё это забрать? – обернулась лирра.

– До сих пор все, кого находили, были при всём, что у них было, включая оружие.

– Ясно, – Мэйлинн сжала кулаки, чувствуя, как внутренности стягиваются в узел. – Мне нужно как можно скорее попасть к вашему королю.

– Хорошо, – кивнул Бронкор. – Только Брок Молоторукий – не король. Мы зовём его просто предводителем.

– Значит ведите меня к своему предводителю.

Позже Мэйлинн не могла вспомнить их обратный путь. Они шли мимо каменных чудес гномов, но лирра лишь пристально оглядывала тёмные углы, страшась увидеть там тающиеся тени. Все мысли её были лишь об том лирре, что лежал на каменном столе. В том, что это был ассассин, Мэйлинн не сомневалась ни на секунду. И он пришёл сюда не один. Ведь кто-то же унёс оружие. В прошлый раз, как сказал Варан, их было трое. Наверное, в этот раз могло быть столько же. Интересно, почему они не спрятали тело? Как глупо и неразумно!

Но затем Мэйлинн вдруг поняла, что, наверное, они именно и спрятали тело. Ведь для лирры подобное хитросплетение тоннелей вообще казалось чем-то невероятным, и, вполне возможно, ассассины и сами немало поплутали там. Так что, наверное, они были уверены, что тело их соратника надёжно укрыто этой сетью переходов. Интересно, а удалось им уже поникнуть в Дуондур? Знают ли они, что гномы разыскали труп?

В таком вот диком хороводе неотвязных мыслей и прошёл весь путь до дворца, так что единственное воспоминание, задержавшееся в памяти Мэйлинн – изящный каменный мост, по которому они переходили восьмисотфутовую пропасть. Бин, видимо, находился примерно в таком же состоянии, так что тоже не особенно оценил особенностей гномской архитектуры.

Внутреннее убранство дворца потрясало. Тончайшая каменная резьба, столь хрупкая, что напоминала изморозь на зимнем стекле; множество самоцветов, сияющих словно звезды в свете факелов и лучей дневного света, искусно пойманных огромными зеркалами. Камень самых разных оттенков и текстур создавал божественный хор, славящий своих создателей. Немало было и золота с серебром, но они участвовали в общем ансамбле не для кича, а лишь для того, чтобы усилить произведённый эффект. Каладиус был прав – даже заносчивый Золотой Шатёр был не более, чем слабым отзвуком этого величия и красоты.

Нигде гости не были остановлены или задержаны. Вероятно, благодаря предусмотрительности Бронкора стража была уже в курсе, равно как и сам предводитель гномов, наверняка давший распоряжение не чинить препятствий. Так или иначе, но вскоре Мэйлинн и Бин оказались в огромном зале, в центре которого стоял невероятных размеров трон, вырезанный из какого-то чёрного, как смоль, камня, в котором виднелись снежно-белые прожилки, отра-

жающие сияние окружающего света. Несмотря на чудовищную высоту трона, само сидение было сделано очень удобно и как раз под размеры гнома, так что всё остальное, по сути, было лишь спинкой сидения, уходящей, впрочем, в скрытое темнотой подсводье. В зале находилось несколько десятков гномов.

– Приветствую гостей нашего славного города, – прогудел гном, сидящий на троне.

Он был уже немолод – несколько белых прядей прочерчивали его длинную густую бороду. Корона, более напоминающая боевой шлем, венчала припорошённую сединой голову. Широкая грудь, казалось, вот-вот разорвёт кольчугу, а кулачищи были таких размеров, что, вероятно, гномам не пришлось особо напрягать фантазию, придумывая прозвище для их обладателя. Перед Мэйлинн и Бином восседал Броко Молоторукий собственной персоной.

– Приветствуем тебя, славный Броко, – поклонилась Мэйлинн. – Меня зовут Мэйлинн из рода Айрига, а мой спутник – Бин из рода Танисти.

Оробевший Бин при этих словах неожиданно для самого себя бухнулся на одно колено.

– У нас не принято преклонять колен перед кем бы то ни было, – обратился к нему Броко. – Даже перед предводителем. Встань, воин.

Смутившись, Бин неловко поднялся и крепко сжал рукоять меча. Ему было стыдно за свой прокол, и теперь он всячески пытался соответствовать титулу воина, коим его наградил гномий король.

– Чудные вещи слышал я, – как ни в чем не бывало продолжил Молоторукий. – Правда ли, что вы пришли к нам в обществе человеческого мага, именуемого Каладиусом?

– Это так, господин, – подтвердила Мэйлинн. – Мессир Каладиус действительно сопровождает меня в моем путешествии.

– И это – тот самый Каладиус, о котором сложено столько легенд в наземном мире?

– Это именно он, государь, – невольно оговорила Мэйлинн, но поскольку её никто не поправил, она решила, что такое обращение вполне применимо к предводителю гномов.

– Я был щетинистым юнцом, когда маг Каладиус посещал наш город, но я хорошо помню его, – непонятно, было ли это своеобразное предупреждение, или же просто констатация факта. – Я буду безмерно рад приветствовать его у себя. Какие же дела привели вас сюда?

– Прошу прощения, государь, но наши дела могут подождать, в отличие от ваших, – решительно произнесла Мэйлинн, вызвав одобрительные улыбки и кивки присутствующих.

– И какие же наши дела не терпят отлагательств? – улыбнулся также и Броко.

– Мессир Каладиус ожидает, что в ближайшие дни на Врата Блантура могут напасть некроманты. Он остался там, чтобы дать им бой и захватить пленных, ибо считает, что некроманты замыслили заговор против императора Саррассы. Он просил, чтобы в помощь ему были посланы двое из каждых трёх магов.

– Я преклоняюсь перед величием мессира Каладиуса, но не слишком ли он превышает свои полномочия, командуя моими солдатами и моими магами? – нахмурился Броко.

– Прошу прощения, государь, если я неверно выразилась, – ответила Мэйлинн. – Конечно же, мессир Каладиус не брал командование на себя. Но он – один из величайших магов этого мира. Уж если кто и справится с некромантами – так это он. Кроме того, мессир является членом Ордена чернокнижников, а также доверенным лицом императора Малиллы.

– Что ж, мы пошлём ему магов, – чуть подумав, ответил Броко. – Неразумно отталкивать руку человека, который хочет поднять тебя из грязи. Мы очень рассчитываем на помощь мессира Каладиуса. В свою очередь я сделаю всё, что потребуется ему. Ведь я верно понимаю, что вы прибыли сюда не только затем, чтобы оказать нам помощь?

– Всё верно, государь, но наше дело терпит, и я не хотела бы говорить о нём до прихода мессира. Однако есть ещё одно дело, которое касается лично меня и не терпит отлагательств. Однако, с вашего позволения я хотела бы поговорить о нём наедине.

– Что ж, – Брокко встал со своего сидения. – Пойдёмте, госпожа, поговорим наедине.

– Бин пойдёт с нами, – предупредила Мэйлинн.

– Как вам будет угодно.

Они вышли из зала в одну из небольших примыкающих комнат и плотно затворили двери. Гул голосов из тронного зала при этом совершенно исчез.

– Мы тут одни, и вы можете говорить без стеснения, госпожа Мэйлинн, – проговорил Брокко.

– За мной охотятся убийцы, – без обиняков начала Мэйлинн. – Они – лирры, как и я. Я думала, что ваш город будет надёжной защитой, но недавно узнала, что ваша стража обнаружила в тоннелях тело мужчины-лирры. Я видела его. Он – один из убийц. Однако они обычно не ходят поодиночке, кроме того, возле трупа не нашли ни оружия, ни иных вещей. Так что я думаю, что как минимум ещё один убийца где-то в Дуондуре.

– Чудные вещи поведали вы, госпожа, – с оттенком недоверия проговорил Брокко. – Вы говорите об убийцах, шатающихся по моему городу... Но ведь Врата Блантура закрыты уже несколько дней. Как же они могли попасть в тоннели?

– Я не знаю, государь. Быть может – сверху, по скалам?

– Сверху сюда могут проникнуть только зяблики, – отмахнулся гном. – Скалы до того круты и неприступны, что ни одно живое существо не способно спуститься по ним к входу в тоннель.

– Ну что я могу сказать? – пожала плечами Мэйлинн. – Сходите в кордегардию у Врат Блантура, и посмотрите на тело того, кого здесь не может быть.

– Не подумайте, что я вам не верю, госпожа! – тут же воскликнул Брокко. – Просто это всё очень странно и... невероятно. Но я понял вас. Прошу вас, вы можете оставаться во дворце. Ручаюсь, уж сюда-то не проберётся незамеченным никто и никогда!

– Спасибо за приглашение, государь, но мне кажется, что было бы правильней поступить иначе...

– Как же? Поднять по команде всех гномов и заставить обшарить весь город? Боюсь, юная госпожа, на это уйдёт прорва времени, но результата не будет – Дуондур слишком велик и сложно устроен.

– Я имела в виду не это, государь, – Мэйлинн пристально посмотрела в глаза гнома. – Я предлагаю изловить их на живца.

– Это вы, что ли, будете живцом? – изумился Брокко, да и Бин выпучил глаза от неожиданности.

– Именно так, – твёрдо сказала Мэйлинн. – У меня есть неоспоримое преимущество – они не могут меня убить, я нужна им живой. Есть и другое преимущество – я думаю, что им может быть неизвестно, что их сообщник найден, так что они не будут ожидать, что мы знаем о них. Я думаю, что они постараются захватить меня именно сейчас, пока рядом нет большей части моего отряда. Поэтому если я буду дожидаться появления мессира в вашем дворце, то мы упустим отличный шанс.

– И что же вы предлагаете?

– Эта операция должна быть исполнена очень тонко, потому что лирры, что ищут меня – хорошо обученные убийцы. Я хочу, чтобы нас с Бином отвели в какой-нибудь дом. Точнее, это должно быть два небольших дома, но имеющих сообщение друг с другом. Я поселюсь в одном, а Бин – в другом. Но затем он незаметно переберётся ко мне, и мы будем ожидать нападения. За нас – неожиданность.

– Ты хочешь сказать, что я – достаточная защита от ассасинов? – вскричал Бин.

– Я уверена в этом, Бин! Ты и сам не знаешь, на что способен, – Мэйлинн положила ему руку на плечо.

– Юноша прав, – заговорил Броко. – Не лучше ли поручить дело моим воинам?

– Не в обиду будет сказано, государь, но когда это гномы стали мастерами тайных засад? – улыбнулась Мэйлинн. – Нет, максимум – один гном у дверей, в качестве охранника. Он не вызовет подозрений у убийц, и они без труда обойдут его.

– А им не покажется подозрительным, что мы с тобой поселимся в разных домах? – попытался найти аргументы Бин.

– Я – юная дева, а ты – дылда великовозрастный! – фыркнула Мэйлинн. – Конечно им не покажется это подозрительным!

Бин сделался пунцовым.

– Но это очень опасно! – слабо возразил он.

– Именно поэтому это и сработает! – возразила лирра.

– А мне нравится, – неожиданно поддержал Броко. – Вы – весьма смелая девушка, госпожа Мэйлинн! Достойная спутница великого Каладиуса!

– Этот парень – тоже, – Мэйлинн хлопнула Бина по спине. – Он просто скромничает.

– Да уж, я вижу, что оружие у него знатное! – одобрительно хмыкнул Молоторукий.

– К этому оружию ещё бы воина познатней... – едва слышно пробурчал Бин, покрываясь краской.

– Значит, решено! – проговорила Мэйлинн. – Пусть нас отведут в такие дома, да так, чтобы мы подольше помаячили на виду. У моих дверей пусть оставят одного гнома понадежней. Ему нужно будет всё разъяснить. Пусть играет недотёпу до поры до времени. Ну а дальше мы сделаем всё, что нужно!

– Да уж, теперь я вижу, как вы это делаете, – рассмеялся Броко. – Мессир Каладиус, наверное, точно так же распоряжался моими бойцами во Вратах!

– О, до него мне ещё далеко, – усмехнулась в ответ Мэйлинн.

***

Бин осторожно вступил в полумрак комнаты, тихо прикрыв потайную дверь. Сердце бешено колотилось, мочевой пузырь вновь давил гнетущей тяжестью, хотя до этого Бин несколько раз уже забежал в нужник. Больше всего Бин боялся, что вот сейчас он войдёт, а они уже здесь, хотя логика подсказывала, что это никак невозможно, ведь этот дом определили для Мэйлинн только что. Проклиная всё на свете, он скользнул под широченную мощную деревянную кровать, положив рядом свой обнажённый меч. Сердце гулко стучало в ушах, груди, кончиках пальцев, да и вообще, пожалуй, во всём теле сразу.

Через несколько минут входная дверь отворилась и вошла Мэйлинн.

– Ты здесь? – чуть громче вдоха прозвучали её слова.

– Здесь, – так же тихо прошелестел он.

– Всё будет хорошо, – она присела на кровать. – Мы справимся.

– Угу, – промычал он.

– Главное – бить на поражение, – напомнила лирра, ложась под одеяло. – Никакого геройства!

– От меня уж точно геройства не дождёшься, – проворчал Бин, пытаясь не обращать внимание на всё усиливающееся желание отлить.

– Теперь – будем ждать, – Мэйлинн поворочалась в кровати, находя удобное положение.

Наступила тишина, которую почти не нарушали звуки снаружи. Вскоре из-за двери послышался старательный храп гнома, оставленного охранять Мэйлинн. Вообще, конечно, те, кто хорошо знал повадки гномов, вряд ли купился бы это, скорее наоборот, почувствовал

бы ловушку. Дело в том, что гномы, если надо, могли спокойно не спать несколько суток, и уж точно гном, уснувший на посту – явление в природе не встречающееся. Но оставалось надеяться, что ассасины не окажутся такими уж гномоведами. Сейчас же Бин вслушивался в этот мерный храп, который оказывал на него успокаивающее действие. Уж хотя бы мочевого пузыря на время уgomонился, и то хорошо!..

Бин не понял, отчего он проснулся. Более того, он даже не понял, когда уснул. Мысленно ругая себя последними словами, Бин, едва подняв голову, взглянул на меч. Хвала богам, во сне он не отшвырнул его от себя и не подмял – клинок лежал в разжатой кисти правой руки, готовый к удару в любой момент.

В комнате стояла тишина, разве что слышалось тихое сопение Мэйлинн, да по-прежнему ровно храпел гном-охранник. Но что же разбудило Бина? Напрягая слух, он вслушивался в тишину, но ни одного звука, вызывающего беспокойства, не слышал. Однако почему-то было очень беспокойно и снова очень хотелось помочиться. Стиснув зубы, Бин медленно и плавно сжал пальцы на рукояти меча. Что-то не так. В комнате не было никого, насколько он мог видеть из-под кровати, однако же его не оставляло ощущение, что они с Мэйлинн тут уже не вдвоём.

Бин едва сдержал вскрик, внезапно увидев пару изящных ног, затянутых в мягкие кожаные сапоги на мягкой подошве. Ловушка сработала! Мягким, кошачьим шагом владелец ног приближался к кровати. «Только бы не напрудить под себя!» – отчаянно подумал Бин, борясь с охватившей его дрожью, хотя ему скорее следовало бы беспокоиться за то, чтобы не нашуметь прежде времени.

Вдруг в его поле зрения появилась вторая пара ног, стоящих чуть поодаль. Второй ассасин плавно приблизился к входной двери, вероятно, прислушиваясь к храпу охранника. Двое! Как минимум, – прикусив до крови губу, подумал Бин. А ну, как появится третий, а то и четвёртый! С чего они вообще взяли, что ассасины всегда ходят по трое?

Время словно замедлило свой ход. Бин округлившимися глазами следил, как шаг за шагом пара мягких сапог приближается к самой кровати. Наверное, у этого ассасина в руках было какое-нибудь снотворное, или что-то в этом духе.

«Арионн всемогущий, помоги!» – взмолился Бин, обливаясь потом. Проклятая ладонь, сжимающая меч, стала потной и скользкой. «Могучий Асс, дай мне сил!» – неожиданно для самого себя Бин обратился к Чёрному Ассу. И третья мысль, вдогонку: «А ну как надую сейчас тут лужу, и ассасин меня тут же обнаружит!»

Эта мысль неожиданно насмешила. Бин представил, как ассасин неожиданно вступает в растекающуюся лужу, как озадаченно наклоняется, чтобы посмотреть, откуда она вдруг взялась... Представил комичную немую сцену, где они смотрят друг другу в глаза... И эти смешные образы вдруг придали сил: посмеявшись над врагом, уже не так его боишься. Ноги убийцы были уже почти у самой кровати, вполне в досягаемости клинка. Медлить больше не было никакого смысла.

Бин хотел взреветь, подобно яростному животному, льву, оглашающему рыком саванну. Вряд ли его крик был очень похож на львиный рёв, но на мгновение он, конечно, ошарашил врага. А заодно и разбудил Мэйлинн, если она действительно спала. Одновременно с криком, Бин что было мочи рубанул мечом по ногам ассасина. Зачарованный мангиловый сплав, отточенный как бритва, сделал своё дело – как ни неудобен был замах, но меч разрубил ногу пополам чуть выше щиколотки. Раздался крик боли, и ассасин рухнул на колени.

Обратным движением меча Бин чиркнул по второй ноге. Несмотря на то, что силы удара явно не хватало, меч оставил глубокую рану. Оттолкнувшись локтем, Бин выкатился из-под кровати под ноги падающему врагу, всей массой оттолкнув его в сторону. Получил болезненный тычок кинжалом куда-то под лопатку – видимо, ассасин успел уже выхватить

оружие. Спасибо гномам – дали отличную кольчугу, тонкую и прочную, которую он надел под одежду. Почти не глядя, Бин наотмашь рубанул мечом стоящего уже на четвереньках противника. Меч разрубил ключицу и глубоко засел в теле ассассина. Тот упал, вырвав рукоять клинка из рук Бина.

Мир вокруг Бина ходил ходуном, кружился, терялся в какой-то туманной мгле. Пытаясь встать, он одной рукой шарил, стараясь нащупать рукоять меча. Глаза же были обращены ко входной двери. Он видел, что второй ассассин неестественно медленно поднимает руку с кинжалом, словно собираясь метнуть его в Бина. Распахнулась дверь, свет уличных факелов брызнул в дом. В проёме стоял гном с секирой наготове. Но ассассин вдруг стал заваливаться прямо ему в руки, так что изумлённый гном подхватил его, словно кисейную барышню, упавшую в обморок. Кинжал бессильно чиркнул по металлическому нагруднику гнома, не оставив даже царапины. И тут Бин увидел, что в груди ассассина торчат два болта.

В пылу схватки он не слышал, как скрипнула кровать под стремительно вскочившей Мэйлинн. Он не слышал щелчков арбалета и глухих вскриков убийцы. Лишь сейчас он перевёл ошалелый взгляд на Мэйлинн, всё ещё держащую разряженный арбалет наведённым на павшего врага. Её расширившиеся огромные зрачки отсвечивали алым в свете уличных факелов. Лицо же было смертельно бледно.

– У нас получилось, – наконец опуская бесполезный арбалет, выдохнула Мэйлинн.

– Мне срочно нужно в сортир! – ответил ей на это Бин, бросаясь к дверям нужника.

Глава 59. Чистка

- Парень, да ты просто герой! – воскликнул Варан, подходя к Бину и протягивая руку.
- Что, не ожидал? – усмехнулся Бин.
- Да как тебе сказать...
- Ничего, – махнул рукой Бин. – Я и сам не ожидал. Да и хорош герой – едва не обмочил штаны!
- Герой – не тот, кто не боится, а тот, кто не бежит, несмотря на страх! – наставительно поднял палец Варан.
- Да о том ли вы вообще говорите? – наконец вскричал Каладиус. – Это было в высшей степени безрассудно, сударыня! Поверить не могу, что вы это сделали! Будь вы моей дочерью, я бы уже всыпал бы вам ремня!
- А по-моему, вы сейчас очень гордитесь нами! – улыбнулась Мэйлинн. – Ну признайтесь же!
- Горжусь, – лицо мага против воли расплылось в улыбке, хотя он и пытался сохранить суровый вид. – Однако это не отменяет того, что вы поступили просто глупо! Чудо, что всё окончилось так хорошо! А каковы были шансы? Уж наверное только вмешательство высших сил спасло вас!
- Так или иначе, а теперь мы можем какое-то время спать спокойно, – заметил Бин.
- Вы в этом твёрдо уверены, юноша? – спросил Каладиус. – Да, с этой группой покончено, и это чудо. Но где уверенность, что завтра не прибудет ещё одна?
- Предводитель Брокко сказал, что теперь ситуация с безопасностью Дуондура кардинальным образом изменится, – ответила Мэйлинн. – Отныне никто не попадёт в город без желания гномов. Врата Блантура, те, настоящие, будут зачарованы, и каждый незваный гость, проникнувший внутрь, тут же поднимет тревогу.
- И как же они будут определять незваных гостей? – поинтересовался Каладиус.
- Специальный гном будет ставить всем входящим в крепость особую руну. Она очень простая и рисуется краской хоть даже на ладони. И тот, кто пройдёт через Врата, не имея руны, и будет незванным гостем.
- Сложно что ли ассассинам будет нарисовать руну? – фыркнул Каладиус.
- Руну-то, может, и несложно, а вот нужное слово, которое мысленно произносит тот, кто наносит руну, они явно не будут знать, – видно было, что Каладиус задаёт почти те же вопросы, которые задавала сама лирра гномьему королю, так что отвечала она, наверное, тоже почти что словами самого Брокко.
- Не бог весть что, конечно, – магу было сложно избавиться от ворчливого настроения, вызванного рассказом Мэйлинн. – Но, может быть, это действительно хоть немного, да поможет.
- Обязательно поможет! – заверила лирра. – Кроме того, предводитель Брокко пригласил нас к себе во дворец. Туда никаким ассассинам не пробраться!
- Самоуверенность воробушка сгубила, – поморщился Каладиус. – Ну да ладно, ничего не поделать. Ехать мне всё равно нужно. Но теперь я решил, что поеду один. Думал взять с собой Пашшана, но мне будет спокойней, если он останется с вами. Да и так выйдет быстрее.
- И когда же вы выезжаете? – спросила Мэйлинн.
- Тотчас после тризны. Я бы уехал прямо сейчас, но это невозможно. Смерть этих гномов отчасти и на мне.
- Не говорите глупостей, мессир! – воскликнула Мэйлинн. – Да если бы не вы, то погибло бы гораздо больше! Мне уже рассказали о ваших подвигах.

– Тоже мне – подвиги... – скривился маг. – Это Бин совершил подвиг! А я... просто сделал свою работу...

– Почему вы так говорите? – в недоумении спросила Мэйлинн. – Вы словно злитесь на себя за что-то...

– Может быть... – тихо ответил Каладиус. Удар попал в цель. – Знаете, дорогая, я считаю, что главное во вселенной – гармония. Не общее счастье, а именно гармония. Чтобы доброго было поровну с худым. Так вот пока что моё сальдо не в мою пользу. Я принёс в этот мир столько зла, что мне ещё долго нужно творить добро, чтобы добиться баланса. Может быть, пока я творил зло, где-то по закону равновесия творилось добро, но только мне от этого не легче.

– Что с вами произошло, мессир? – Мэйлинн глядела прямо в глаза магу, словно пытаясь увидеть то, что сокрыто на самом их дне.

– Мы обречены на своё прошлое, юная госпожа, – вздохнув, ответил Каладиус. – Просто помните об этом всегда, когда будете принимать любые решения. Прошлого не изменить, и от него не убежать. Как бы ни хотелось... Но, пожалуй, мы опоздаем на тризну! – встрепенулся маг, радуясь уходу от тяжёлой темы. – Невежливо заставлять ждать себя! Пойдёмте!

Мэйлинн секунду смотрела вслед уходящему магу, а затем двинулась следом. Варан и Бин тенью последовали за ней.

К тому времени гномы уже собрались за стенами города, где были возведены огромные погребальные костры. Несколько сотен жителей Дуондура молча стояли вокруг них. Прибыл и сам Броко Молоторукий. Завидев Каладиуса, он поклоном приветствовал его и знаком попросил подойти.

– Теперь я вижу, что вы – тот самый Каладиус, который приходил в Дуондур ещё тогда, когда я был до смешного молод, – проговорил он. – Для нас большая честь принимать вас, мессир, и позвольте заверить, что признательность гномов не знает границ.

– Спасибо, государь Броко, – вернул поклон Каладиус. – Не стоит благодарностей. Это дело было личным и для меня. Но будьте уверены, что я попрошу вашей помощи и буду надеяться на её выполнение.

– Заранее обещаю вам, что выполню её, мессир. Надеюсь, вы сообщите мне её после тризны.

– Увы, государь, но сразу после тризны я должен буду на время покинуть вас. Мне нужно как можно скорее попасть в Шатёр.

– Да, знаю, – кивнул предводитель гномов. – Юная лирра рассказала мне о заговоре. Что ж, надеюсь, вы вскоре вернётесь. Пока же, можете быть уверены, я собственной жизнью гарантирую безопасность ваших друзей. Ни один убийца и близко не подберётся к ним, пока они под покровительством Дуондура.

– Благодарю, государь.

Поклонившись, Каладиус отступил на несколько шагов назад. Разговор с Броко пока нужно было закончить, потому что все ждали короля, чтобы начать обряд.

Гномий король (хоть гномы и не называли его так вслух, но каждому в глубине души этого хотелось) вышел вперёд, поближе к одному из сложенных костров и заговорил:

– Братья и сестры! Мы собрались тут, чтобы проводить наших соплеменников, а также храбрых людей из Саррассы, что положили свою жизнь за нас. Наши сердца болят от горя, мы помним каждое из имён тех, кто лежит на этих кострах, и мы никогда не забудем того, что они сделали для нас. Завтра мы будем тверды, и глаза наши будут сухи, но сегодня – плачь, свободный народ! Мы провожаем своих братьев!

Слёзы текли по морщинистым щекам Броко на его роскошную бороду. И также слёзы текли по лицам всех собравшихся здесь гномов. Никто не поднимал надгробного воя – вместо этого взвыли траурные рога, огласив окрестности своим надтреснутым, рыдающим зву-

ком. Глухо заворчали огромные барабаны, словно старые воины, клянущиеся отомстить. Всё нарастая, к грохоту барабанов присоединился мерный стук – это воины били секирами о свои щиты. Звук всё нарастал, удары были всё яростнее – в них гномы выплёскивали свою боль. И вдруг, словно по какой-то неслышимой команде, стук превратился – будто остановилось чьё-то огромное сердце. В тот же миг смолкли и барабаны, и рога. Наступила мёртвая тишина, такая же мёртвая, как уходящие в последний путь воины. Даже ветер не шевелил былинки.

И в этой звенящей тишине Броко поднёс горящий факел к первому из костров. Вместе с ним это сделали ещё несколько воинов. Постепенно огонь занялся, и тогда гномы перешли к следующему костру. Всего костров было три, и третий был специально сложен для павших сарраассанских воинов. И Броко подошёл к этому костру с не меньшим почтением и скорбью, и так же, шепча что-то себе в бороду, поднёс огонь к запальному хворосту. В этот момент звякнула сталь, освобождаемая из ножен. Оставшиеся в живых сарраассанцы в едином порыве выхватили мечи, воздев их вслед уплывающему дыму, в последний раз салютуя своим соратникам и своему командиру.

Слёзы градом текли из глаз Мэйлинн, и она крепко зажимала рот рукой, боясь, что её рыдания потревожат эту торжественную тишину. Плакал Бин, хотя он особо и не знал никого из павших – даже со стражниками он толком не познакомился. Со странно сведёнными чертами лица стоял Варан – что-то среднее между усмешкой и гримасой боли. Каладиус, насупившись сильнее обычного, глядел в разгорающийся огонь ближайшего костра. Невозмутимый, словно истукан, Пашшан, стоял рядом с хозяином, но глубокие складки прорезали его переносицу.

Вскоре загудело пламя, унося души воинов к чертогам Асса, где их уже поджидали их бывшие соратники, чтобы шумным пиром отпраздновать их возвращение домой. Пламя поднялось на высоту трёх человеческих ростов, опалая сухую траву и обжигая лица стоящих. И все продолжали стоять, зачарованно глядя в танцующий огонь, словно пытаясь прочесть в нём что-то необычайно важное.

Лишь когда обгоревшие бревна стали опадать, поднимая сонмы искр, гномы и люди стали понемногу расходиться. Вскоре осталось всего около трёх десятков гномов – скорее всего, родственники или близкие друзья погибших. Остальные, включая предводителя Броко, ушли в крепость.

Каладиус направился напрямик к конюшне, и вскоре вывел оттуда осёдланного сарраассанского скакуна.

– Хотели уехать не попрощавшись, мессир? – чуть надтреснутым голосом спросила поджидавшая неподалёку Мэйлинн.

– Долгие прощания – лишние слёзы, дорогая, – криво ухмыльнулся маг. – Да и к чему прощаться? Дней через десять, думаю, снова увидимся. А может и раньше.

– Вам обязательно нужно быть там? – скорее не спрашивая, а утверждая произнесла лирра.

– Да, – просто ответил Каладиус, вскакивая на лошадь.

– Что ж, тогда – удачи, мессир!

– Спасибо, – сухо кивнул маг, словно опасался произнести лишние слова и выказать свои чувства.

Затем он что-то шепнул, коснувшись головы коня, и тот, болезненно взоржав, встал на дыбы. По всему телу лошади прошла мучительная судорога, словно завибрировала каждая, даже самая маленькая и незаметная мышца. Если бы не густая чёрная шесь, было бы видно, как вся кожа животного немедленно покрылась сеточкой лопнувших капилляров. Маг зачаровал лошадь, чтобы она неслась без усталости с умопомрачительной скоростью. Учиты-

вая огромное количество почтовых станций вдоль Великой дороги, Каладиус рассчитывал покрыть расстояние до Шатра максимум за два дня.

Не говоря больше ни слова, маг слегка прищипорил коня каблуками своих сапог. Этого оказалось достаточно – скакун стрелой сорвался с места в галоп, каждым прыжком покрывая невероятные расстояния. Не прошло и минуты, как всадник с лошастью скрылись с глаз.

***

Конь Каладиуса влетел во дворец, едва не сбив с ног стражу. К счастью, его узнали и не предприняли никаких мер к задержанию. К счастью для стражи, конечно же, ибо маг был на взводе. Бросив коня у входа, он почти бегом взбежал по ступеням. Несчастное животное, крупно дрожа всем телом, издавало хриплые звуки, едва похожие на вдохи. Большие хлопья пены падали на чисто выметенную брусчатку. Слуги только выбежали, чтобы увести лошадь в конюшню, как она, издав короткое ржание, больше похожее на какое-то бляенье, рухнула наземь. Кровь сочилась из ноздрей, раскрытого рта, ушей и даже глаз. Пару раз дёрнувшись, злополучное животное издохло. Однако Каладиусу было, конечно, не до того – к этому времени он уже взлетел на второй этаж и стремительно шагал в направлении рабочего кабинета императора.

– Вы получили моего голубя? – вместо приветствия прохрипел задыхающийся маг, едва завидев императора, пишущего что-то за своим столом.

– Так это было голубь? – усмехнулся Малилла. – То, что рухнуло мне на руки, было больше похоже на кровавый изжёванный комок перьев. Его крылья были изломаны – он махал ими, словно колибри. Мощь ваших заклятий поистине потрясает.

– Значит, вы получили послание? – Каладиус был не расположен к шуткам, поэтому, протопав грязными сапогами по прекрасному ковру, рухнул на ближайшее кресло. – Тогда я не понимаю – почему не приняты меры безопасности? Я въехал во дворец, словно на городской рынок! Никто даже не пытался меня остановить!

– О, успокойтесь, друг мой! – император сделал лёгкий жест пальцами и к магу тут же подскочил слуга с подносом, на котором стоял бокал и графин с вином. – Все меры предосторожности приняты, уверяю вас! А то, что вас не остановили – это было личное моё распоряжение. Я ожидал вашего приезда, правда не так скоро. Надо полагать, вы загнали не одну лошадь, чтобы добраться сюда?

– Восьмерых, – хрипло ответил маг. – Но дело сейчас не в этом. Когда прилетел голубь?

– Вчера, чуть позже полудня, – на секунду задумавшись, ответил Малилла.

– Кто знает о том, что содержалось в письме?

– Лишь те, кто должен. Я не стал сильно распространяться на эту тему, понимая, что в моем окружении могут быть предатели.

– Они есть. Вы поступили мудро, ваше величество, – Каладиус залпом выпил второй бокал и тут же снова наполнил его доверху.

– Их имена? – в голосе императора лязгнул металл.

– Во-первых, помощник главного хранителя покоев, – маг, видимо, утолил жажду и теперь тянул вино длинными глотками. – Также министр морской торговли. Есть ещё несколько крупных военных чинов, но точнее мои осведомители сказать не смогли. Думаю, потянув за эти две ниточки, мы выйдем и на остальных.

– Шелудивые шакалы! – прошипел император. – Мы потянем не за ниточки – мы будем тянуть из них жилы, все по очереди. Я подвешу их за эти жилы на базарной площади, словно уличных кукол.

– Вы полностью доверяете капитану вашей личной стражи? – Каладиус пропустил мимо ушей эти угрозы, хотя наверняка знал, что император на это вполне способен.

– Настолько, насколько я могу доверять человеку, – ответил император. – Лишь немного меньше, чем вам.

– Этого достаточно, – кивнул Каладиус. – Пусть он возьмёт пару дюжин верных людей и немедленно арестует этих двоих. Но только осторожно – не хватало ещё поднять лишний шум. Также пусть проявят осторожность и в ином смысле – эти люди нужны нам для важной беседы.

– Не беспокойтесь, если будет нужно, этих двоих принесут к вам на руках, завёрнутых в шёлковые ткани. Но когда беседа будет окончена... – волчий блеск промелькнул в глазах Малиллы, и в волчьем же оскале сверкнули острые белые зубы.

– Вот и отлично, – Каладиус, допив вино, встал.

– А вы куда? – удивился император.

– Навестить друга, – по лицу мага было видно, что он не расположен к долгим объяснениям. – Не волнуйтесь, через два часа я буду у вас.

***

Башня Кантакалла была объята непривычным молчанием. Несколько смурных, насупленных адептов тенью проскочили мимо поднимающегося по винтовой лестнице Каладиуса, даже не полюбопытствовав – кто он и зачем. В конце концов потерявший терпение маг сам ухватил очередного пробежавшего мимо юношу за одежду и рыкнул:

– Где магистр Алтисан?

– У... у себя, – болезненно проблеял адепт, распахнув испуганные глаза.

Почти оттолкнув от себя напуганного юнца, Каладиус решительно двинулся знакомым маршрутом. Дверь в кабинет Алтисана – неслыханное дело! – была приотворена. Сквозь щель было видно, что пожилой магистр, замерев, стоит у окна. Каладиус не стал даже стучать. Он плавно толкнул дверь и та, не издав малейшего скрипа, отворилась полностью.

– Здравствуйте, друг мой, – тихим голосом проговорил Каладиус, входя в комнату.

Алтисан дёрнулся так, словно рядом с ним грянули в набатный колокол, и резко повернулся.

– Это вы, мессир? – растерянно проговорил он. – Я лишь вчера получил от вас голубя. Как вы оказались тут?

– Разве есть что-то невозможное для меня? – пожал плечами Каладиус и уютно устроился в роскошном кресле. – Как вы думаете, дорогой друг?

– Я... я думаю... нет... – промямлил Алтисан, нетвёрдыми шагами отходя от окна.

– И вы правы, – улыбнулся маг. – Помните об этом, когда будете отвечать на мой главный вопрос. Вы знали о заговоре?

И без того бледный Алтисан совершенно сошёл с лица.

– Клянусь, я ничего не знал! – заломив руки, отчаянно прошептал он. – Ваше письмо... шокировало меня...

– А как же тот наш разговор?

– Ах, мессир, я так и знал, что вы вспомните о нём! – Алтисан, словно обессилив, рухнул в кресло, стоящее напротив. – О, как я боялся этого, после того, как прочёл письмо. Что вы сочтёте меня изменником...

– А это не так?

– Клянусь вам в этом, мессир, всем, что имею! – в порыве магистр даже вскочил с кресла, впрочем, почти тут же рухнув в него вновь.

– Успокойтесь, друг мой, – несмотря на смысл произносимых слов, тон мага оставался холодным. – Я уже говорил вам тогда, и повторяю вновь: если бы я считал вас предателем, вы бы тут сейчас не сидели.

– Спасибо, мессир, – несмотря на то, что его вроде бы ни в чём не обвиняли, Алтисан поёжился от последних слов волшебника.

– Но вы же знаете, что измена угнездилась здесь, в этой башне? В *нашем* Ордене? – с нажимом произнёс Каладиус. Да, Алтисан был магистром Ордена чернокнижников, но сейчас было ясно, что главным теперь здесь был не он.

– Знаю, – едва слышно пролепетал Алтисан. И куда делся грозный и могущественный магистр наиболее авторитетного Ордена Саррасы?

– Надеюсь, вы предприняли меры?

– Я предпринял меры, – заговорил магистр. – Мною отдан приказ об аресте шестерых адептов. Сейчас они дают показания, так что, возможно, их количество возрастет.

– Надеюсь, вы не наделали из этого шума?

– Как только я получил голубя, всем, находящимся в башне, было запрещено её покидать. Те, кто находились за её пределами, могут войти, но также уже не смогут выйти. Я понимаю, что кто-то из наших людей имел сношения с некромантами. И понимаю, как важно, чтобы они ничего раньше времени не узнали.

– Мудрое решение, – одобрил Каладиус. – Сразу видно, что вы по праву занимаете пост магистра. Увы, я не разузнал у схваченных мною некромантов, где расположено их гнездо в городе – как-то вылетело из головы. Но, уверен, кто-нибудь из ваших изменников будет в курсе.

– Я вызову мессира Кассара – он занимается допросом схваченных. Уверен, он сумеет ответить на ваш вопрос.

– Зовите, – кивнул Каладиус, наливая себе вина.

Мессир Кассар, неприятного вида человек с голым бугристым черепом и глубоко посаженными маленькими глазками, больше походил на палача, нежели на мага. Видимо, ему не впервой было выполнять столь щекотливые задания для Ордена.

– Доброго дня, мессир Кассар, – Каладиус сразу же взял инициативу на себя. – Простите, у меня мало времени для светской болтовни, потому сразу перейду к делу. Сознались ли задержанные?

– Ещё бы не сознаться, мессир, – с неким самодовольством ответил Кассар, и Каладиус с неприязнью подумал, что ему, должно быть, очень нравятся его обязанности.

– Тогда сейчас меня интересует лишь два вопроса. И первый из них – вы можете уже сказать, сколько именно членов Ордена замешаны в заговоре?

– На данный момент нам известны двадцать два имени, – Кассар неприятно хрустнул пальцами. – Думаю, что это, скорее всего, исчерпывающий список.

– И эти двадцать два человека?..

– Семнадцать уже арестованы. Двое – убиты при задержании при попытке оказать сопротивление. Трех ищем. Они где-то в городе. Есть надежда, что они ещё не знают, что заговор раскрыт.

– Хорошо. Будем надеяться. И второй вопрос – известно ли вам, где находятся сейчас некроманты? По моим сведениям, их может быть около семи десятков.

– К счастью, мессир, и эта информация стала известна нам буквально час назад, – самодовольно ухмыльнулся Кассар. – Они скрываются на одном из складов Западной торговой компании, недалеко от порта.

– Значит, кто-то из компании с ними заодно? – Каладиус почувствовал, что у него слегка засосало под ложечкой – заговор оказывался шире, чем казалось вначале.

– Боюсь, там довольно много сторонников заговора. Но главным покровителем является один из руководителей компании – некто господин аль'Шанта.

– Я думал, что всковырнул небольшой холмик, а оказалось, что там – настоящий муравейник, полный огненных муравьёв... – прошептал про себя Каладиус. – Подумать только, какая угроза нависала над тронном, и никто ничего не замечал...

– Но вы появились как всегда вовремя, – расслышав последние слова, проговорил Алтисан.

– Хвала Первосоздателю, – ответил Каладиус. – Что ж, магистр Алтисан, как и семнадцать лет назад, нам с вами предстоит встать на защиту империи. Прошу, возьмите всех, кому можете доверять, и отправляйтесь во дворец. Создайте настолько мощную защиту, насколько сможете. А, впрочем, мне понадобится около трёх десятков адептов – вполне ожидаемо, что некроманты не захотят сдать сами.

– Всё сделаю, мессир, – Алтисан так и светился готовностью. – Когда прикажете выступать?

– Во дворец – немедленно, а в порт – по моему сигналу. В самое ближайшее время. А сейчас, извините, я должен спешить к его величеству.

***

– Когда вы сказали о свидании с другом, я думал, что речь пойдёт о господине Бросе, – завидев входящего Каладиуса, воскликнул Малилла.

– Вы разбили мне сердце, мессир, – раздался до боли знакомый голос, и Каладиус увидел Кола, встающего с кресла. – У вас есть ещё друзья, кроме меня?

– А, это вы, Сан! Рад видеть вас в добром здравии, – Каладиус лишь пожал руку Колу, и тут же переключился на занимающий его вопрос. – Государь, в ближайшее время во дворец прибудет магистр Алтисан со своими людьми, чтобы обеспечить вашу безопасность.

– А можно ли доверять магистру Алтисану и его людям? – прищурился император.

– Чуть меньше, чем мне, государь, – тонко улыбнулся Каладиус. – Среди чернокнижников действительно были предатели, но все они уже схвачены. Кстати, их допрос дал мне ответ на мучающий меня вопрос, так что для меня уже отпала надобность встречаться с вашими арестантами. Они ведь уже арестованы, ваше величество?

– Разумеется, арестованы, – волчьей улыбкой усмехнулся Малилла. – Их также допрашивают. А что же узнали вы, мессир?

– Местонахождение некромантов. Они прячутся на одном из складов Западной компании неподалёку от порта.

– Проклятье! – вскричал император, в бешенстве ударив кулаком в стену. – Да эта измена расплзлась, словно гангрена! Вы уже знаете, кто из Компании с ними заодно?

– Боюсь, их там больше одного, государь. Но стоит за всем некий аль'Шанта.

– Презренный скунс! – капельки слюны полетели с искривившихся губ императора. – Я ведь кормил его с руки! Что ему ещё было нужно???

– Боюсь, государь, власти и могущества никогда не бывает слишком много, – покачал головой Каладиус – Слыхали ли вы сказку о старике и джинне?

– К Гурру ваши сказки, мессир! – взревел император. – До них ли сейчас? Я тотчас пошлю солдат – арестовать этого жабьего выкидыша. Заодно и схватим этих проклятых заклинателей.

– Риск слишком велик, государь, – возразил Каладиус. – Семь десятков магов могут стать серьёзной проблемой. Предоставьте мне решить её по-своему.

– Делайте, что сочтёте нужным, мессир. А я пошлю арестовать аль'Шанту.

– Прошу вас, обождите немного! Это может наделать лишнего шума и вспугнуть некромантов. Дайте сперва мне покончить с этим делом, а уж затем... Этот торгаш никуда не денется.

– Полагаюсь на вас, друг мой, – немного успокоившись, проговорил Малилла. – Действуйте.

Лишь кивнув на прощание, Каладиус тут же стремительно вышел из комнаты. Во дворе он увидел Алтисана.

– Вы уже здесь, друг мой! – воскликнул великий маг. – Очень кстати! А привели ли вы тридцать магов, о которых я просил?

– Они все здесь, мессир. Ожидают ваших указаний, – Алтисан машинально поклонился.

– Пожалуй, я не стану брать все три десятка, – задумчиво проговорил Каладиус. – Для моих целей хватит и полдюжины, и так мы привлечём меньше внимания.

– Как вам будет угодно, мессир. Выбирайте любых.

– Благодарю, магистр. А вы, пожалуйста, рассредоточьте людей по всему дворцу. Пусть попеременно держат блокирующее заклятие. Да так, чтоб ни на мгновение дворец не оказался уязвим для магии!

– Сделаем, мессир, – Алтисан, повернувшись, сделал несколько распоряжений сопровождавшим его старшим адептам, и те бросились к своим людям, чтобы передать приказы.

Каладиус же, отобрав шестерых магов, направился к порту. Один из адептов служил ему провожатым, выбирая более короткий и укромный путь. Кроме того, он точно знал, какой именно склад нужен.

Быстрым шагом, поскольку маг не решился брать лошадей, дабы не привлекать излишнего внимания, они добрались до порта чуть больше, чем за час. Здесь было полным-полно народа, как, впрочем, и всегда. Нужный склад Каладиус узнал и сам – посреди всего этого многолюдья он был подозрительно тих и пустынен. Даже охранников не было видно.

– Это он? – на всякий случай уточнил маг.

– Да, мессир, – подтвердил адепт.

– Учтите, второго шанса у нас может не быть! – предупредил Каладиус.

– Это точно он, мессир, я уверен! – заверил чернокнижник.

– Хорошо. Мы нанесём лишь один удар, но он должен быть смертельным. Пожалуйста, постройте усиливающий контур и перебросьте силу на меня.

– Будет сделано, мессир, – ответили все шестеро и сразу же встали кружком, сосредоточенно опустив головы, привычно касаясь *возмущения*.

Каладиус, как и тогда, у виллы Барсы, встал лицом к складу и раскинул сведённые судорогой руки. Вздувшиеся вены пульсировали на руках, на лбу. Вновь, как тогда, трепетали его веки, как не могут они трепетать ни у одного человека. Хриплый шёпот – быстрая череда неразборчивых слов – придавал ему сходство с шипящей змеей, готовой к броску.

На этот раз силы было столько, что земля заметно содрогнулась, когда с адским рёвом над зданием взвилось пламя. Сила этого пламени была такова, что хлипкая крыша взлетела на полторы сотни футов вверх. Падая, она уже распадалась на отдельные доски и черепицу, которые, в свою очередь, ещё в воздухе вспыхивали от неимоверного жара. Пламя било в небо жирным жадным столбом, гудя, словно в доменной печи. Не прошло и минуты, как стены словно сложились внутрь этого громадного костра.

Вскоре занялись соседние здания, и через четверть часа пылал целый квартал. Люди в ужасе бежали кто куда, не понимая, что происходит. Каладиус, утерев обильный пот, прошептал:

– Неужели теперь наверняка всё кончено?

Глава 60. Казнь

Масштабы заговора действительно впечатляли. Общее количество тех, кто был арестован по подозрению в причастности к нему, достигло полусотни. Кроме двух десятков чернокнижников да двух десятков мелких сошек из числа дворцовой прислуги и работников Компании, в застенках оказалось и несколько весьма крупных фигур. Никого из некромантов взять не удалось. Скорее всего, все они погибли в страшном пламени, уничтожившем шесть портовых кварталов. К счастью, число случайных жертв оказалось небольшим – в результате пожара пропавшими без вести числились около сорока человек, главным образом, грузчики. Когда Малилле стали докладывать об этом, он лишь досадливо поморщился и жестом прервал докладчика:

– Это всё неважно. Переходите поскорей к делу, милейший.

По причине невероятной температуры в очаге возгорания, обнаружить хоть что-то, напоминающее человеческие останки, было просто невозможно. Схваченные представители Компании в один голос божились, что никто из некромантов ни под каким предлогом не мог выйти наружу, так что все они, однозначно, находились внутри злополучного склада. Скрепя сердце, Каладиус был вынужден этому поверить. Надо сказать, что в других кварталах, на которые пламя перекинулось позже, и было уже самым обычным, не магическим, сумели найти более трёх десятков обгоревших тел. Император распорядился выдать семьям всех пропавших во время пожара единократное пособие.

Допросы с пристрастием не приводили ни к каким новым результатам. Кажется, великому магу действительно удалось прихлопнуть всех изменников одним махом. Особенно радовало, что общество заклинателей демонов, если и не было уничтожено под корень, то значительно и на долгие годы ослабло. Можно было надеяться, что в довольно продолжительном времени люди смогут спать спокойно, не опасаясь всевозможной нечисти, призываемой в этот мир исключительно по прихоти и любопытству кучки маргиналов.

Уже на следующий день после разгрома заговорщиков Каладиус рассчитывал уехать обратно в Дуондур, благо Кол чувствовал себя вполне хорошо и, по его собственным заверениям, впрочем, подтверждаемым мнением медикусов, вполне мог осилить этот путь. Однако император решительно воспротивился его скорому отъезду, настаивая, чтобы Каладиус присутствовал на казни преступников.

– Прошу освободить меня от этой обязанности, ваше величество, – попросил Каладиус. – Прошли те времена, когда страдания людей доставляли мне удовольствие. Сейчас я нахожу это бессмысленным.

– Вы обязаны быть, мессир! – продолжал настаивать Малилла. – Ведь это вы – виновник их крушения и моего триумфа. Я хочу, чтобы вы были по правую руку от меня, когда эти мерзавцы взойдут на эшафот.

– Стоит ли казнить их так скоро, государь? Не лучше ли заточить их в темницу? Ведь смерть уже ничем поправить нельзя.

– А я и не хочу ничего поправлять! – резко возразил император. – И я не хочу, чтобы эти черви дышали одним со мной воздухом. Я не хочу тратить налоги моих добрых подданных на то, чтобы эти жалкие псы не дохли с голоду. Поскольку я уже узнал от них всё, что мне нужно, они мне больше не нужны.

– А как же сношение Компании с Тондроном? – эта мысль не давала покоя Каладиусу. – Во время штурма Врат Блантура среди некромантов был маг по имени Каирна, который утверждал, что его обучал колдовству один из Герцогов Гурра. А это значит, что он каким-то образом попал на Эллор, а затем вернулся обратно. Как и когда это было? Вряд ли искусство магии можно постигнуть за год. Стало быть, он отбывал в Тондрон уже давно.

– Если вам хочется, идите, поговорите с Шантой! – бросил император. – Меня эта магическая белиберда заботит мало.

Как, наверное, заметил внимательный читатель, император назвал заговорщика просто Шантой. Действительно, сразу же, как только стало известно о предательстве аль'Шанты, императорским указом он, равно как и весь его род, был лишён дворянского звания. Вместе с титулом, естественно, потерялась и приставка «аль». То же наказание коснулось и других дворян, замешанных в неудавшемся перевороте. Их семьи вместе с дворянским титулом теряли и большую часть имущества, фактически, обрекаясь своим повелителем на почти нищенское существование.

– Так и сделаю, – стиснув зубы, проговорил Каладиус, поворачиваясь, чтобы уйти.

– И поспешите! – вдогонку ему крикнул император. – Потому что завтра все они будут казнены!

***

Каладиус вновь спускался в тюремные подземелья, как делал бессчётное множество раз до того. Привычно осторожно ставил ногу на следующую ступеньку – лестницы во всех тюрьмах мира одинаково неудобны. Привычные запахи – сырости, немытых тел, страха и страданий; привычные тактильные ощущения – словно влажные, холодные пальцы липко касаются кожи. Привычное подавленное эхо узких длинных пространств. В последние дни прошлое стало слишком назойливо напоминать о себе.

Затрещал факел, расплёвывая горящую смолу, и кисть, держащую древко, обожгло. Каладиус лишь дёрнул рукой, но мозг его, казалось, даже не заметил произошедшего. Больше всего на свете волшебнику хотелось бы сейчас быть не здесь, не в темнице. Но некая возвышенная необходимость влекла его вниз по лестнице. Впрочем, как и всегда, – невольно подумалось ему. Ведь каждый раз, когда он спускался в казематы, он делал это не по собственной прихоти, а исходя из неких высших интересов. Это не мешало ему, впрочем, во имя этих интересов творить самые настоящие зверства.

Никто не сопровождал мага – он приказал стражнику оставаться наверху, справившись лишь о том, как найти нужную камеру. Может быть, Каладиусу хотелось побыть одному, собраться с мыслями. Может быть, ему не хотелось, чтобы стража видела его теперешнее выражение лица. А может – очередная высшая справедливость зывала к нему, требуя, чтобы всё, что будет услышано, осталось лишь между ним и человеком, который завтра перестанет существовать.

Ключ с лязгом провернулся в замке, а дверь визгливо и натужно отворилась лишь тогда, когда Каладиус как следует налёг на неё. Никакая смазка не могла надолго сохранить металл в этой отвратительной сырости – он ржавел быстро и безнадежно. В маленькой, не больше шести квадратных ярдов, камере, конечно же, не было никакого освещения – свечи и лампы узникам не полагались, а солнцу, пожелай оно сюда пробиться, пришлось бы сначала прорыть добрых сто футов твёрдой сарраассанской земли. Отвратительная вонища, источаемая большим жестяным ведром для нечистот, смешивалась со стойким запахом крови и рвоты.

На ворохе каких-то гнилых тряпок или одеял лежал человек. Он дёрнулся и застонал, когда маг вошёл внутрь, осветив небольшое пространство светом факела. Перед Каладиусом лежал аль'Шанта, вчера ещё – один из самых влиятельных людей СарраССы, а сейчас – переломанный, перекрученный кусок мяса, с пока ещё теплящейся внутри искрой жизни. Пальцы его были раздроблены, и напоминали сейчас чёрно-синюшные окровавленные колбаски, руки были сломаны и выше, и ниже локтя. Да и сам локтевой сустав был повернут под неестественным углом. Лишь ног не тронули палачи, чтобы завтра смертник мог сам взойти на эшафот. Каладиус, правда, весьма сомневался, что у того хватит на это сил.

Аль'Шанта поднял лицо – сплошную кровавую маску с заплывшими глазами, расплюснутым носом и разорванным ртом. Какой-то булькающий звук вырвался из его истерзанной плетью груди, и голова вновь упала на окровавленное тряпье.

– Вы можете говорить? – срывающимся голосом спросил Каладиус, но в ответ услышал лишь какое-то сипение.

Брезгливо подойдя ближе, Каладиус слегка наклонился, освещая лицо торговца. Под распухшими веками едва блеснули два замутнённых болью глаза.

– Аль'Шанта, мне нужно кое-что узнать, – более настойчиво заговорил Каладиус вновь. – Это очень важно. Пожалуйста, ответьте всего на один мой вопрос.

Узник продолжал лежать неподвижно, быстро и неглубоко дыша, так что воздух хлопотал в отбитых внутренностях и со свистом выходил из сломанного носа. Он, не отрываясь, смотрел на склонившегося над ним мага, хотя, скорее всего, просто не в силах был повернуть головы.

– Клянусь вам, аль'Шанта, если вы скажете мне то, что я хочу услышать, я добьюсь от императора смягчения вашего приговора. Вас казнят усекновением головы, как и подобает казнить людей вашего происхождения. Клянусь...

Какой-то странный звук зародился в истерзанном горле купца, и Каладиус не сразу понял, что это – смех. Всхлипывающий, булькающий, почти рыдающий – но смех. Поначалу маг решил, что узник просто сошёл с ума, но тот вдруг раззявил свой изорванный, беззубый рот. Отчаяние словно ударило Каладиуса под дых: у аль'Шанты больше не было языка...

***

Уже в десять часов утра кварталы Золотого Шатра огласились непрекращающимся барабанным боем и истошными звуками труб. Все, от мала до велика, отлично знали, что это означает. Наверное, Шатёр был единственным городом в мире, где самую широкую, одну из самых центральных площадей города (конечно, лежащую вне пределов стены, отделяющей мир избранных от черни) именовали Эшафотной. В дни, подобные сегодняшнему, даже это широкое пространство, которое в обычные дни было наводнено торговцами, не могло бы вместить всех желающих увидеть казнь.

Недвижимость на Эшафотной площади была одной из самых дорогих в нижнем городе. Но квартиры в домах, ежели когда-то и продавались, то тут же расхватавались чуть ли не вместе с руками. Правда, это касалось лишь тех квартир, чьи окна выходили на площадь. Счастливые домовладельцы в такие дни продавали места у окон желающим поглядеть на казнь иной раз и за серебряную корону – опять же, в такие дни, как сегодня. Во время обычных казней цена была, конечно, в десять, а то и двадцать раз ниже.

Казнь должна была состояться в полдень, и к этому времени, без преувеличения, добрая половина города стремилась попасть к месту её свершения. Понятное дело, такое количество людей не могла вместить никакая площадь, так что основной массе только и оставалось, что заполнить все прилегающие улицы и улочки, чтобы хоть почувствовать себя причастными к свершающемуся действию, если уж не поглядеть на него.

Озверевая от натиска толпы стража, стоящая сплошной стеной, то и дело тыкала в толпу тупыми концами копейных древков. В ответ летели проклятия и плевки, что, учитывая состояние здоровья значительной части собравшихся, могло иметь плачевные последствия для солдат. Большинство стражников замотали нижнюю часть лица тряпицей, оставив открытыми лишь глаза и уповав на то, что на сей раз сифилис, или какая другая зараза их минуют.

Раздолье было лоточникам и карманникам. И те, и другие самым бессовестным образом вытягивали сбережения из карманов зевак, только первые делали это куда артистичней вторых. Чего только не предлагалось собравшемуся люду – и толчёные зубы эллорских дра-

конов, помогающие при мужском бессилии, и невероятных размеров чёрный жемчуг, который пачкал руки сажей, а сам был не более, чем дешёвой стекляшкой. Предлагали нетупящиеся ножи, эссенции вечной молодости, качественные подштанники, которые специально шились для императорской армии, но по страшному блату достались торговцу с честными глазами. И это, конечно, кроме всевозможных лакомств, воды, вина, мяса и других яств, способных скоротать ожидание зрелища.

В общем, было видно, что население Шатра крайне любило подобные мероприятия, находя в них своеобразную отдушину от своей серой, унылой жизни. Кроме того, ничто так не бодрит, как созерцание ближнего, которому ещё хуже, чем тебе. И надо отдать должное императорам Саррассы – они всегда давали то, чего так алкал народ. Хлеб и зрелища, зрелища и хлеб – опираясь на эти два глиняных столпа, колосс империи вполне уверенно пробирался сквозь многие и многие века.

За четверть часа до полудня с новой силой взревела медь нагретых на солнце труб, возвещая появление императора и его свиты. Словно судорога прошла по многоликой толпе – все устремили лица в сторону широкой улицы, ведущей со стороны Койфара, по которой и должен был прошествовать августейший повелитель. С удвоенной силой заработали древками стражи, расчищая проход процессии.

Выход императора был эффектен, словно он с триумфом возвращался из тяжёлого похода, а не направлялся к месту казни своих подданных. Каждый из приближенных правителя стремился быть не просто здесь, но быть на виду, ведь никому не хотелось, чтобы на него пала тень подозрения. Наверное, единственными, кто открыто демонстрировал свою неприязнь происходящему, были Кол и Каладиус. На их вытянутых лицах за милю читались раздражение и гадливость. И это несмотря на то, что лошадь Каладиуса шла бок о бок с лошадью Малиллы, а Кол двигался хоть и чуть поодаль, но тоже в первых рядах.

Император выглядел благодушным и довольным. Он благосклонно кивал своим верноподданным, иногда даже приподнимая руку в приветствии. В ответ летели здравницы и восторженные крики, глаза людей горели неподдельным восторгом. Самое интересное, что значительная часть собравшихся даже не представляла, по какому поводу и кого здесь сегодня казнили. Большинство простолюдинов связывали это с пожаром в порту, но объяснения выдвигались самые разные и невероятные. Ясно было лишь, что казнят каких-то очень уж провинившихся преступников, а это значит, что чернь ждёт занимательное зрелище.

Заняв место на специальной деревянной ложе, пристроенной к одному из зданий на постоянной основе, император кивнул распорядителю казни. Тот воздел к небу церемониальный жезл, обитый кроваво-красным бархатом, и громко возвестил:

– Его императорское величество, солнцеликий властелин и император Великой Сарассанской империи Малилла повелевает начать экзекуцию! Ввести приговорённых!

Все взгляды обратились в сторону улицы, ведущей к тюрьме. Толпа подалась вперёд, и стражники вновь принялись восстанавливать порядок, не давая запрудить последний путь смертников. Через несколько томительных минут вдали послышался свист, вой и улюлюканье. Это означало, что повозки с осуждёнными приближаются к площади, а зеваки привычно злорадствуют над сидящими в этих повозках, от всей души уповая на то, что они никогда не окажутся на их месте.

Мерзкий шум толпы приближался, чуть опережая самих виновников этого своеобразного торжества. Вот уже даже знатные дамы, сидевшие в той же ложе, что и его величество, хищно подались вперёд, с нетерпением ожидая увидеть повозки с приговорёнными. И они наконец появились – несколько ползущих друг за другом обычных крестьянских телег, жидко застланных соломой, в которые были впряжены флегматично взиравшие на окружающий хаос волю.

Толпа же просто бесновалась. Самые ярые зрители уже даже принимали участие в действе – в несчастных смертников летели плевки, гнилые фрукты, комья грязи и даже камни. Наверное, не будь двойной цепи стражников, толпа в мгновение смяла бы несчастные повозки, превратив находящихся в них людей в кровавые лоскуты, ведь участвовать всегда интереснее, чем смотреть. Но стража не дремала, всю работу уже не древками копий, ибо это было теперь невозможно, а толстыми короткими дубинками, метя иной раз прямо в оскаленные зубы иступлённо вопящих морд. Однако обладатели этих самых морд будто бы даже и не обижались, воспринимая это как должное, как часть представления. Утирая разбитые губы, они набирали в рот побольше слюны, смешанной с кровью, чтобы выхаркнуть её в сторону медленно проезжавших телег.

Целый десяток телег въехал на площадь. К ним тут же бросились помощники палачей, подхватывая лежащие в них едва живые тела. Их пытались ставить на ноги, но мало у кого из допрошенных с пристрастием хватало сил – физических и душевных – чтобы на них устоять. Тогда помощники по двое обхватывали несчастного, словно перепившего в кабаке товарища, и волокли его ближе к ложе императора, где им надлежало выслушать приговор.

Хищное многоглазие толпы горело от предвкушения – такие массовые казни были редкостью, так что можно было ожидать увидеть поистине великолепное разнообразие способов лишения человека жизни. Надо сказать, что император Малилла в подобных случаях лично указывал – кого и каким способом будут казнить. Словно гурман, сладострастно выбирающий среди множества блюд наиболее искушающие, правитель Саррассы иногда мог часами засиживаться с пергаментом в руках, увлечённо записывая виды казней для предстоящей экзекуции.

И вот все приговорённые предстали пред глазами императора. Помощники придерживали их, стоящих на коленях, хотя многие почти в беспамятстве обвисли в руках подмастерьев-заплечников.

– Его императорское величество, солнцеликий властелин и император Великой Саррасанской империи Малилла обвиняет стоящих пред ним злодеев в величайшем преступлении, которое только может быть замыслено человеком – заговоре против своего правителя! – провозгласил распорядитель. – Я, аль'Корпа, императорский распорядитель казней, присягаю пред собравшимся здесь народом Саррассы в том, что все эти люди виновны в данном преступлении, и что вина их полностью доказана. Я обвиняю их в том, что они замыслили убить нашего великого императора и всю его семью, чтобы возвести на императорский трон злодея Паториуса.

При этих словах по толпе пробежали вздохи и ропот. Так вот, оказывается, что привело на эшафот столь разношёрстную компанию.

– Вы видите, почтенные граждане империи, что гниль измены глубоко поразила чудесный плод нашей великой державы. И сегодня мы с прискорбием, присущим всем человекомлюбцам, будем вынуждены иссечь эту дурную плоть, дабы она не поразила здоровую. Выслушайте же вы, добрые подданные его императорского величества, приговор вместе с этими несчастными, и посудите – мог ли он быть ещё хоть на толику мягче?

Толпа жадно замерла, готовясь услышать имена и способы казни. Хотя оборудование, заранее размещённое на площади, уже давало понять опытным горожанам, какого рода развлечения их ждут. Чуть ли не единственный из всех, кто глядел на эти страшные установки с недоумением, не понимая, каково их назначение, был Кол. И он многое бы сейчас дал, чтобы никогда этого не понять.

– Бывший дворянин, бывший министр морской торговли аль'Таура, повинный в подготовке мятежа против его императорского величества, приговаривается к лишению дворянского звания для него и всего его потомства до двадцатого колена, – продолжил распорядитель. – Он приговаривается к конфискации всего недвижимого имущества, а также выплате

штрафа в государственную казну в размере шестидесяти тысяч золотых корон. В случае неимения средств у обвиняемого, оные будут взысканы с его родственников, включая двоюродных и троюродных. Также осуждённый Таура приговаривается к смерти через Чахский Винт.

Примерно такие же обвинительные речи прозвучали и в адрес других высокопоставленных обвиняемых, включая аль'Шанту. Всех их ждал тот же Чахский Винт. Кол тщетно гадал, что из расставленных на площади пыточных орудий является этим самым Винтом, но с уверенностью ответить себе на этот вопрос не мог.

Следующими приговор зачитали магам-чернокнижникам. У каждого из них на шее был застегнут тонкий мангиловый обруч, блокирующий их возможность манипулировать *возмущением*. Все они, в отличие от того же аль'Шанты были пытаны не в имперских застенках, а в казематах башни Кантакалла, однако, судя по всему, от этого участь их не была более завидной. Сразу видно, что мессир Кассар был истинным мастером своего дела.

Приговоры, вынесенные магам, несколько разнились, в зависимости от положения, которое занимал изменник в иерархии Ордена. Четверо наиболее влиятельных были приговорены к сожжению на костре. Ещё тринадцать человек должны были подвергнуться казнью кислотой, остальных же император милостиво повелел четвертовать.

Мелких сошек из Западной компании приговорили к любимому простонародьем виду казни – их должны были бросить в толпу на растерзание. Это была лёгкая смерть, так что данный приговор являлся, по сути, не более, чем уступкой черни, на которую император пошёл сознательно. Дворцовые слуги частью должны были быть посажены на кол, а остальных приговорили к тому, чтобы заживо стереть им кожу. Услышав это, Кол решил, что ослышался, и что распорядитель, наверное, имел в виду «содрать кожу».

Одно только зачитывание приговора заняло почти час. К этому времени стало жарко, однако никто из зрителей (за исключением двух) ни за что не ушёл бы отсюда, даже если бы их заманивали прохладными бассейнами и замороженными фруктами. Вот-вот должно было начаться самое интересное.

Первыми к месту казни отвели приговорённых к сожжению. Четыре металлических столба, вбитых в землю, к которым цепями привязали несчастных, обложили хворостом так, что тот едва покрыл им щиколотки. Сухой толстый хворост практически не давал дыма, так что можно было не волноваться о том, что чернокнижники задохнутся в дыму – столь лёгкой смерти они позволить себе не могли. Но и количество топлива было явно маловато для того, чтобы разгулявшееся милосердное пламя прекратило мучения несчастных. Увы, они были обречены умереть от нестерпимой боли, когда нежаркий огонь будет глотать их ноги. Кроме того, нельзя было допустить, чтобы тело казнённого сгорело – он не был достоин священного обряда погребения. Обожжённый труп после скинут в ров за крепостной стеной, на поживу бродячим псам и шакалам.

Когда площадь огласили истошные, нечеловеческие вопли сжигаемых заживо, настала очередь тех, кого должны были освежевать. Их распластали на каких-то столах, накрепко привязав к ним. А затем заплечных дел мастера, вооружившись странными деревянными приспособлениями, напоминающими лопатки для снятия хлеба, приняли тереть их обнажённые тела.

Поначалу ничего особенного не происходило, но вскоре стало видно, что кожа начала краснеть – видимо, поверхность этих лопаток была достаточно шершавой. Вероятно, уже сейчас прикосновения причиняли боль, поскольку пытаемые уже кричали во весь голос. Но вскоре на коже выступила кровь, затем появились первые стёртые раны. Через какое-то тела корчащиеся, агонизирующие тела были покрыты сплошной кровавой кашей. Спустя довольно продолжительное время большинство из них могли лишь слегка вздрагивать, а затем и вовсе затихли, убитые болевым шоком.

Распорядитель казни не спешил начинать новые экзекуции, давая возможность зрителям рассмаковать каждый акт, насладиться видом мучимых людей. Начали пытку кислотой. Повергаемых ей распластали прямо на брусчатке, как следует привязав конечности к вбитым колышкам. Затем над ними повесили небольшие сосуды с кислотой. После того, как вентиль был открыт, кислота медленно, по капле, стала сочиться, падая на нижнюю часть живота жертвы, постепенно прожигая и сам живот, и кишечник. Умереть от кровопотери в данном случае надежды не было, а терявших сознание тут же приводили в чувство стоящие рядом палачи.

Посадили на кол слуг, поставив возле каждого из них пыточного мастера, задачей которого было контролировать положение тела, дабы казнённый не проткнул себе раньше времени какие-либо жизненно важные внутренности и не умер до срока. Эта казнь обещала быть одной из самых длительных.

И вот, наконец, настала очередь Кола узнать, что такое этот Чахский Винт. Жертв поставили стоймя и сжали их грудную клетку с двух сторон широкими деревянными досками. Доски скреплялись между собой кожаными ремнями, которые палачи стали медленно закручивать винтом с помощью деревянных колышков. Постепенно жертвы стали задыхаться, поскольку сжимаемые всё сильнее доски затрудняли дыхание. Однако, в конечном итоге смерть обычно наступала от перелома рёбер, одно из которых, если очень повезёт, могло впиться в сердце. Если не повезёт – жертва медленно умирала от внутреннего кровотечения.

Четвертование почти не заинтересовало толпу. Распорядитель это знал, поэтому из этого вида казни практически и не устраивали никакого шоу. Всё сделали быстро, чётко, по деловому.

Ну и, спустя примерно два с половиной или три часа после начала казни, кровожадная чернь дождалась наконец десерта – шесть кричащих от ужаса человек были брошены в толпу в разных местах площади. Зрители с восторженным воем набросились на несчастных. Кол с омерзением смотрел, какой нечеловеческой жестокостью искажались лица людей – стариков, женщин, даже детей, и как они старались хоть ногтем, хоть кончиком пальца зацепить уже мёртвое тело, чтобы как-то приобщиться к общему пиру. Как рвали, едва ли не зубами, и без того уже истерзанную плоть...

Теперь Кол до конца постиг смысл тех слов, что были сказаны ему тогда в порту Шэдом Кошкой. Может быть, природа людей везде и всегда одинакова, но сейчас Кол всей своей душой ненавидел эту страну, этот город и этих людей. Его тошнило от всего этого и он мечтал лишь о том, чтобы побыстрее покинуть эту жуткую площадь.

Однако Малилла встал со своего места лишь около шести часов вечера. К тому времени в живых оставалось разве что двое или трое посаженных на кол, чьи палачи оказались чересчур искусны, да подавало признаки жизни одно из ошкуренных тел. Вероятно, императору наконец наскучило зрелище. К тому времени, надо сказать, толпа заметно поредела. Людей всё ещё было очень и очень много, но было видно, что значительная часть их уже разбрелась по своим повседневным делам.

Особенно поразил Кола один момент, когда слуги принесли обед для императора и его свиты прямо сюда, в эту ложу, куда доносился запах крови и горелого мяса. При одном виде лакомств, лежащих на серебряных блюдах, Кол, никогда не страдавший от особой чувствительности, почувствовал такую непреодолимую тошноту, что, вероятно, лишь благодаря вмешательству самого Асса удержал в себе содержимое желудка. Сам же император, а также его приближенные вполне отдали честь трапезе. Придворные дамы откусывали своими белоснежными зубками куски хорошо прожаренного мяса, равнодушно поглядывая на обвисшие над пеплом тела, удерживаемые цепями на обжигающе горячих железных столбах.

– Как вы, друг мой? – взяв Кола за локоть, тихо спросил Каладиус, когда они спускались к поджидавшим лошадям.

– Неужели мы все – такие? – хрипло прошептал в ответ Кол.

– Как знать, друг мой, – словно думая о чём-то своём, проговорил маг. – Признаться, я за многие прожитые мною столетия так и не сумел постичь всех глубин нашей сущности. Но боюсь, что ответ на ваш вопрос может оказаться таким, что не понравится ни мне, ни вам.

– Я ненавижу этот мир, – скрипнул зубами Кол, кое-как вскакивая на коня.

Глава 61. Воссоединение

- Не терпится поскорее покинуть этот город... – ворчал Кол по дороге во дворец.
- Немного терпения, друг мой, – бледно улыбнулся Каладиус. – Завтра с рассветом мы уезжаем.
- А почему не сейчас? – Кол мало чем походил на капризного ребёнка, но в этот момент какие-то схожие нотки слышались в его голосе.
- Через час уже стемнеет.
- И что? – не унимался легионер. – Мы же поедем по Имперской дороге. Да по ней можно и в крошечной тьме ехать без проблем!
- Но всего через несколько часов придётся останавливаться на ночлег. Какой смысл?
- Не знаю, как вы, мессир, а я изо всех сил постараюсь сегодня не засыпать, – совершенно серьёзно проговорил Кол. – Боюсь, сегодняшний день обеспечил меня ночными кошмарами на несколько недель вперёд.
- Не думал, что вы столь впечатлительны, друг мой, – усмехнулся Каладиус.
- Я тоже не думал. Наверное, старею. Но это было... мерзко... – Кол скривился, будто в рот ему влетела жирная навозная муха.
- Нельзя не согласиться, – кивнул Каладиус. – В такие моменты как никогда разочаровываешься в человеческой природе. Так вы предлагаете выехать сейчас же, и ехать всю ночь?
- Если вам это не будет в тягость...
- Я проскакал из Дуондура в Шатёр меньше, чем за два дня, слезая с седла лишь на то время, которое требовалось, чтобы мне привели новую лошадь, – высокомерно ответил маг. – Меня не испугает ночной переход.
- Значит?... – Кол с надеждой взглянул на Каладиуса.
- Значит, по возвращении во дворец мы нанесём прощальный визит его величеству, и тотчас же отправимся в путь, – Каладиус улыбнулся, увидев, как просветлело лицо друга.
- Благодарю, мессир! – воскликнул Кол и непроизвольно прищиприл коня, словно пытался быстрее оказаться во дворце. Однако, он тут же был вынужден умерить свой пыл, ибо остальная кавалькада двигалась неспешно.
- Уже добравшись до дворца, Каладиус попросил у Малиллы срочной аудиенции. Император почему-то был в мрачном настроении, поэтому лишь хмуро кивнул в ответ. Поскольку точного времени для аудиенции назначено не было, Каладиус, едва сойдя с лошади и промочив горло стаканчиком вина, потащил Кола в кабинет императора.
- Малилла, не сняв пыльных сапог, лежал на мягком диване. Левая рука его локтевым сгибом закрывала почти всё лицо. Услышав стук в дверь и мягкие шаги, император нехотя убрал руку с лица и повернулся к вошедшим.
- Вы не в духе, ваше величество? – осторожно спросил Каладиус.
- Признаться – да, мессир, – Малилла пытался сдержать раздражение, но получалось плохо.
- Весьма странно, – продолжал маг, будто не чувствуя накапливающейся досады во взгляде правителя. – Я думал, вы будете в отличном настроении, избавившись разом от такого количества своих врагов.
- Вы считаете меня кровожадным варваром, не так ли? – император резко сел, вперив взгляд в стоящих перед ним людей. – Я знаю, что из вежливости вы в этом не признаётесь, но думаете именно так. Думаете, что я наслаждался сегодня, глядя на эти мучения.
- Признаться, у меня возникало такое ощущение, – не опуская глаз, проговорил Каладиус.

– Благодарю за честность мессир, – в тоне императора не чувствовалось и толики благодарности. – Но я и так это знал. Думаете, я не видел, с какой брезгливостью вы и ваш друг взирали на происходящее? Вы смотрели на нас, словно на кучку дикарей. Так, господин Брос?

– Прошу прощения, государь, – прокашлявшись, выпалил Кол. – Но это действительно выглядело дико. В Латионе уже давным-давно нет ничего подобного.

– Да уж куда нам до вас, – злобно усмехнулся император. – Но вы ничего не знаете, и ничего не понимаете! Вы глубоко заблуждаетесь, если думаете, что мне доставляет удовольствие смотреть на казни. Но это – мой долг!

Уж кто-кто, а Каладиус точно знал, что Малилла сейчас лукавил. Он знал, на какие муки император обрёк Паториуса, как он лично составлял сценарий для казней. Он знал, в какой культ возведены массовые казни здесь, в Саррассе, причём ещё задолго до нынешнего правителя. Так что Каладиус ясно осознавал, что Малилла в чём-то – почти маньяк. Но он понимал также, что император был продуктом той среды, в которой родился и вырос. Более того, маг вполне допускал, что сейчас император искренне верит в свои слова. Вполне характерная черта для многих маньяков – своеобразное раздвоение личности. Быть может, сейчас он даже жалеет этих несчастных. Но в какой-то миг демоны вновь одержат верх в его душе...

– Я не имею морального права судить вас, государь, – тихо проговорил Каладиус. – В своей жизни я убивал и мучил, и не всегда тех, кто этого заслуживал. Если ваши руки по локоть в крови, то у меня они в крови по самую макушку. Но если я и вынес из всего этого что-либо, так это лишь стыд и сожаление. Прошли сотни лет, но это по-прежнему гложет меня.

– Хвала богам, я не собираюсь жить так долго! – яростно воскликнул император. – Вы много сделали для меня, мессир, и я буду вечно вам благодарен за это, но я не потерплю нравоучений, пусть даже и от вас! Довольно об этом! Вы просили об аудиенции. Думаю, я не ошибусь, если предположу, что вы хотите испросить разрешения уехать немедленно из этого грязного варварского города? Не так ли?

– Да, это так, – спокойно кивнул Каладиус. – Мои здешние дела окончились ещё вчера, а в Дуондуре меня ждут дела иные, и, как вы знаете, неотложные. Я, тем не менее, отложил их на время, потому что вашему величеству грозила опасность. Опасности больше нет, и я хотел бы вернуться к своей главной миссии.

Император стоял, стиснув кулаки. Глаза его яростно сверкали, а ноздри раздувались, словно у горячего скакуна. Желваки ходили под тонкой кожей щёк. Однако, поистине нечеловеческим усилием воли Малилла вдруг заставил себя успокоиться.

– Простите мне, друзья мои, – негромко проговорил он. – Сегодня был очень тяжёлый день, и он иссушил мне душу. Я проявил недостойные государя злобу и обиду. Хотя должен был бы обнять вас и пожаловать вам дворянство, земли и богатства за верную службу.

– Мне они ни к чему, государь, – улыбнулся Каладиус. – В моей жизни всего этого было в избытке. Единственное, в чём я всегда испытывал недостаток – это в спокойствии и чистой совести. Потому и был излишне резок с вами, так как отношусь к вам с любовью и уважением, и хотел бы, чтобы вас минула та чаша, из которой я каждодневно вынужден пить горькую желчь. Простите старика, ежели чем-то оскорбил вас.

– О мессир! Прося у меня прощения, вы заставляете меня чувствовать себя жалким неблагодарным червём! Но я, вероятно, это заслужил. А вы, мужественный Сан Брос? Может быть, ваши чаяния будут более земными, и я хоть вас смогу наградить тем, чем может наградить император?

– Ваша дружба будет для меня драгоценнее всех наград, государь, – слегка поклонился Кол. – Кроме того, вы одарили меня великолепным мечом, который, уверен, послужит мне

на славу. Что же касается титулов, земель и золота... В дороге мне это ни к чему, а после... Я и сам не знаю, что будет после того, как мы найдём Белую Башню, но у меня предчувствие, что это полностью изменит мою жизнь.

– Станете таким же аскетом, как ваш друг? – усмехнулся Малилла.

– Не исключено, – совершенно серьёзно ответил Кол.

– Что ж, – император подошёл и протянул руку Колу. – Вот вам моя рука, как знак вечной дружбы, которую я питаю к вам. Вы всегда будете желанным гостем в моей стране. А вам, мессир, – Малилла пожал руку мага. – Я пожелаю удачи на вашем пути. И... Примириться с собой. Вы очень несправедливы к себе, друг мой. Поверьте – с вашим появлением мир стал лучше.

– Хотелось бы верить, – но в голосе Каладиуса звучало сомнение. – Что ж, спасибо вам за всё, государь. Может быть, когда-нибудь свидимся.

– Это будет самый счастливый день для меня, – поклонился Малилла.

Друзья вернули императору поклон, затем быстрым шагом вышли из дворца, повелев седлать им лучших лошадей. Не прошло и четверти часа, как они, дав шпоры коням, ускорили в сгущающуюся мглу.

***

Они действительно скакали всю ночь и большую часть утра, остановившись в придорожном трактире лишь когда солнце уже придвинулось к полудню. За всё это время друзья едва обмолвились несколькими фразами. Разговаривать совершенно не хотелось: любые темы, которые заводил тот или другой, казались какими-то натянутыми, неуместными и ненужными. В конце концов, со взаимного молчаливого согласия лошади были пущены почти в галоп, насколько это позволяла ночная темнота. За ночь путешественники уже дважды поменяли лошадей на почтовых станциях. Каладиус показывал зрителям бумагу с большой имперской печатью, и лошади находились незамедлительно, причём лошади отменные – из императорской почты.

Большой нужды спешить не было, поэтому маг, на счастье благородных животных, не прибегал к зачарованию. Теперешний галоп был попыткой убежать от нагоняющих чёрных мыслей. Однако, судя по мрачным лицам, скрытым темнотой, ни тому, ни другому этот побег не удался.

Дневное солнце и умиротворяющий равнинный пейзаж вокруг постепенно сделали своё дело, равно как и несколько бокалов отличного сарассанского вина, опрокинутых в трактире. Языки всадников понемногу развязались. Наконец-то Каладиус подробно рассказал о битве у Врат Блантура, а затем поведал со слов Мэйлинн то, что случилось в Дуондуре.

Кол с огромным интересом слушал рассказ мага. Иногда он одобрительно кивал, соглашаясь с действиями, предпринятыми Каладиусом во время сражения. С простодушным восторгом выслушал историю с демоном, несколько раз перебивая мага заверениями, что уж он бы в этой ситуации точно навалил в штаны. Конечно же Каладиус ни на секунду не поверил в эту клевету на самого себя, поскольку знал Кола, как облупленного.

Саму схватку с некромантами Каладиус помнил очень плохо, поскольку находился тогда почти на грани обморока. Так что здесь его рассказ был довольно скуден, и даже, быть может, оставил у Кола несколько превратное представление о том, что произошло. Со слов Каладиуса выходило, что они просто пришли, увидели, победили.

Отдушиной для Каладиуса стал разговор о том, что случилось в подвале гномьей крепости. До сих пор он держал это в себе – рассказать эту историю Мэйлинн маг считал невозможным, всё равно что позвать младенца на скотобойню. Да и Варан, при всём уважении, которое Каладиус к нему испытывал, не казался тем человеком, которому можно излить душу. При общении с мастером Теней всякий раз создавалось впечатление, что в каждой его

фразе есть какой-то второй, а то и третий смысл. Для утешителя такой собеседник явно не годился. А вот добродушный и прямолинейный Кол подходил как нельзя лучше.

Каладиус не утаил ничего. С почти эксгибиционистским наслаждением он вскрыл самые тайные мысли и ощущения, которые испытал в тот момент. Пожалуй, маг даже излишне самобичевал себя, но от этого неожиданно становилось легче.

– В этом нет вашей вины, мессир, – резюмировал Кол, когда маг завершил рассказ на отсечении голов пленников. – Это была необходимость.

– Вы никогда не задумывались, друг мой, что нет более разрушительного и страшного слова, чем необходимость? – спросил Каладиус. – Это слово удивительным образом оправдывает и защищает любые, самые кровавые дела. И разбойник, сажающий на нож припозднившегося путника в подворотне, и палач, вырывающий язык раскалёнными щипцами, и самый кровожадный тиран, подвергающий гонениям своих подданных – все они несут это скользкое слово, словно щит пред собою. Никто ни в чём не виноват, поскольку то, что они делали, они делали по необходимости. В том не было их свободной воли – они подчинялись слепому року, толкавшему их делать так, а не иначе. Не унижайте меня подобными словами. То, что было сделано, было сделано *мною*, а не какой-то там пресловутой необходимостью.

– Знаете, мессир, – Кол, чуть сощурившись, поглядел на мага. – Ни за что не пожелал бы прожить такое безумное количество лет, снедаемый подобными мыслями. Вы же словно сами казните себя каждый день!

– За двести лет отшельничества я, было, почти сумел примириться с собой, – горько усмехнулся Каладиус.

– Жалеете, что отправились в путь?

– Ничуть не бывало! – возразил Каладиус. – Сейчас мне кажется, что лучше быть терзаемым совестью живым, чем упокоенной бледной тенью самого себя.

– Отличные слова, мессир! – белозубо улыбнулся Кол.

Дальше разговор пошёл о том, что случилось в Дуондуре. Кол с гордостью и восторгом восклицал, когда маг поведал о решении Мэйлинн ловить ассасинов на живца:

– Вот уж совсем не благородная девица, не находите, мессир?

– Это точно, – с деланой ворчливостью отвечал Каладиус. – Сумасбродная девчонка, вот кто она!

– За это мы её и любим! – рассмеялся Кол. – Я думаю, мессир, что она – одна такая на свете. Таких больше нет, не было, и не будет. И дело не в том, что она – какая-то там аномальная лирра. Просто она... – Кол лишь раскрыл рот, но так и не смог выразить свою мысль. В конце концов он изобразил рукой какой-то неопределённый жест и вновь рассмеялся.

– Я полностью с вами согласен, друг мой, – так же смеясь, отвечал Каладиус. – Она – именно такая, как вы сказали. Другой и не удастся сделать то, что сделает она.

– Вы думаете, что мы найдём эту самую Башню? – посерьёзнел Кол.

– Я *убеждён* в этом, – не колеблясь, ответил Каладиус.

– Я тоже.

***

Путь до Врат Блантура занял немногим меньше недели. Безумный бег коней постепенно смирался их всадниками, по мере того, как из памяти изглаживались события недавних дней, так что последние дни пути всё больше походили на увеселительную прогулку. Однако быстрая езда будоражила кровь, поэтому саррассанские скакуны шли достаточно быстрым аллюром, благо почтовые станции попадались постоянно и периодически, так что сменные лошади не были проблемой.

Гномская дорога не слишком изменилась с тех пор, как Каладиус ехал по ней в последний раз – она была всё так же пуста и покинута. Лишь раз всадники обогнали подводу,

направляющуюся в сторону Дуондура. Может быть, это и не было связано с недавними событиями, а просто зима – не лучшее время для торговых вояжей, но скорее всего торговцы, напуганные нападением некромантов на гномов, решили переждать смутные времена подальше от Дак Анбура.

– Вот будет номер, если нас снова встретят каменным ядром! – полушутя воскликнул Каладиус, когда перед ними уже предстал во всём своём великолепии крепостной массив.

– Не думаю, мессир. Насколько я могу видеть, ворота открыты.

– И верно, – несколько погодя согласился маг. – Врата Блантура снова распахнуты для гостей.

– Не терпится всех увидеть, – Кол улыбался, не стесняясь признаться себе, что более всего он жаждет увидеть именно Мэйлинн.

– Немного терпения, друг мой, – понимающе улыбнулся Каладиус.

Через некоторое время два всадника, смирив бег своих коней, въехали в распахнутые ворота. Первым, кого они увидели, был скучающий гном, вырезающий ножом какие-то дудочки, или свистульки. Заслышав цокот копыт, он неспешно отложил недорезанную деревяшку и степенно поднялся на ноги.

– Ах, это вы, мессир Каладиус! – воскликнул он, взглядевшись в гостей. – Значит, вернулись наконец!

– Да, друг мой, – спешиваясь, ответил Каладиус. – Вернулся. Всё ли спокойно?

Этот гном был совершенно незнаком магу, но Каладиус вёл себя так, словно они действительно были добрыми друзьями. Было видно, что привратнику это польстило.

– Хвала богам, теперь всё спокойно! – улыбаясь, гном подошёл к всадникам. – Вы, должно быть, очень спешите в город. Позвольте, я поставлю руны вам и вашему другу. Без них вы активизируете наше защитное заклятие, – словно оправдываясь, проворчал он.

– Конечно, друг мой! – маг сам протянул правую руку тыльной стороной ладони вверх. – Мне радостно видеть, что безопасность города, а, следовательно, и безопасность моих друзей значительно возросли. Не было ли попыток прорваться в Дуондур тайком?

– Никак нет, мессир, – ответил гном. – Да у нас тут сейчас не сказать, чтобы не было отбою от гостей. За всё время, что Врата вновь открыты, не больше полудюжины купцов лишь и пожаловало. Перепугались людишки.

– Ничего, скоро всё наладится, – пообещал Каладиус. – Заговор некромантов рухнул, заговорщики понесли заслуженную кару. Вскоре купцы вернуться. Мир долго не проживёт без гномьей стали!

– Всё, мессир, можете идти! – гном несколькими росчерками нарисовал довольно небрежную руну на руке мага, но на мгновение по коже пробежали колючие мурашки – мысленно произнесённое стражем слово наделило руну волшебной силой. Та же процедура была проведена и с рукой Кола, но тот, конечно же, ничего не ощутил. – Сейчас я выделю вам провожатых. Эй, Бочка, Тарбур! Тащите сюда свои ленивые задницы и проводите мессира Каладиуса в город! – от громового голоса привратника, казалось, загудело само основание крепости.

Почти тут же из караулки выскочили два гнома, оправляясь на ходу.

– С возвращением, мессир! – воскликнул один. – Рады видеть! А я всё хотел сказать вам спасибо, ещё с того дня. Ведь кабы не вы, тот демонюка уходил бы меня в два счета!

– Я рад, что помог вам, друг мой, – улыбнулся Каладиус, но тут же заметно поморщился от боли, так как его узкая ладонь утонула в лапище то ли Бочки, то ли Тарбура.

– Куда давишь, дурачина? – заметив это, рывкнул привратник. – Не хватало ещё, чтобы ты своей заскорузлой лапой руку мессиру сломал!

– Простите, мессир... – перепугался гном, резко бросая руку мага.

– Ничего, друг мой, – против воли Каладиус потёр помятую правую руку левой, восстанавливая кровообращение.

– Веди уже гостей в город, недотёпа, – проворчал привратник. – Да постарайся не отдавать им ноги по дороге! И гляди, не заблудись в тоннеле! – с усмешкой закончил он.

Последняя фраза была тяжким оскорблением для любого гнома, так что Бочка (или Тарбур) моментально стал пунцовым, а борода аж затряслась от гнева.

– Пойдёмте, друг мой, – видя назревающий конфликт, вмешался Каладиус. – Расскажите мне по дороге, какие новости у вас тут случились после моего отъезда.

– Пойдёмте, мессир, – гном шумно выдохнул, будто кузнечный мех, и презрительно повернулся спиной к обидчику. – Не хватало ещё время терять на всяких пустозвонов!

– А на гномов сторожевое заклятие не распространяется? – через некоторое время поинтересовался Каладиус, обратив внимание, что у его провожатых нигде не видно начертанных рун.

– Нет, мессир, – охотно отозвался всё тот же гном, спасённый магом во время битвы с некромантами. – Оно отзывается только на иноплеменников.

– Понимаю, – кивнул Каладиус. – За пределами Дак Анбура во всей Паэтте живёт едва ли сотня гномов.

– И того меньше, мессир. Чуть больше пяти дюжин. Никогда их не понимал: разве уютно ходить, когда над тобою всегда – бездонное небо? То ли дело наш Дуондур с его крепким сводом и стенами. Тут чувствуешь себя в безопасности и покое.

– Каждому своё, друг мой, – философски заметил Каладиус. – Ну, расскажите-ка, какие новости у вас тут произошли в моё отсутствие?

***

Кол вертел головой во все стороны, не жалея шеи. Дуондур произвёл на него не меньшее впечатление, чем ранее на Бина и Мэйлинн.

– Нет, вот куда перееду жить в старости! – восклицал он, с почти детским восторгом оглядывая искусную работу гномов.

Каладиус добродушно посмеивался в ответ. Сам он бывал в Дуондуре ранее, но это было так давно, что память о чудесном городе порядком потускнела. Так что сейчас он был впечатлён немногим менее Кола.

Каждый встречный гном почитал своим долгом снять головной убор и низко поклониться проходящему магу. Почти никто не вступал в разговоры, в редком случае ограничиваясь простым приветствием, но Кол заметил, что почти каждый встречный какое-то время провожал их взглядами. Кажется, все без исключения жители подгорного города знали, кто перед ними, и чем они ему обязаны.

Никто не чинил путешественникам никаких препятствий. Дворцовая стража лишь взяла на караул, отсалютовав особыми алебардами, которыми вооружалась лишь личная охрана подгорного короля. В такой атмосфере почтительности маг и легионер добрались до тронной залы.

Броко Молоторукий вновь сидел на странном величественном троне гномов, окружённый двумя десятками своих подданных. Однако среди этой низкорослой бородатой толпы сразу бросились в глаза четверо людей (точнее, трое людей и одна лирра), стоящие подле трона. Было видно, что они вели какую-то беседу с предводителем гномов, которая прервалась при появлении новых лиц.

– Кол! – прозвенел в древней зале чистый, исполненный радостью голос Мэйлинн, и юная лирра, не стеснясь почтенного сообщества, бросилась навстречу другу.

Быстро пробежав ту сотню футов, что отделяла её от Кола, Мэйлинн с ходу бросилась ему на шею, крепко обвив её руками. К счастью, рана Кола затянулась настолько, что даже

такое испытание не причинило ему боли. Бывший центурион так крепко сжал в объятиях хрупкую худенькую фигурку, словно собирался переломить её пополам. Лирра что-то щебетала ему в ухо, заливаясь счастливым смехом, но он не понимал ни единого слова. Он просто был счастлив от того, что она снова была рядом. Минувшие три недели, прошедшие с тех пор, как они расстались, теперь казались ему вечностью. Он соскучился так, словно прошло не двадцать дней, а двадцать лет.

Следом подошли остальные. Мэйлинн наконец удалось отлепить от Кола, и он смог поприветствовать остальных друзей. Крепкие объятия от Бина. А в нём что-то изменилось, вскользь отметил Кол. Он словно бы повзрослел, или, скорее, возмужал. Долгое твёрдое рукопожатие Варана. Сейчас Кол относился к нему так же, как и к любому другому участнику их похода (исключая Мэйлинн, конечно же). И ему было чертовски приятно видеть своего бывшего недруга.

Пашшану Кол всего лишь кивнул, но не потому, что тот был слугой. Просто оба понимали, что именно так и надо. И Пашшан вернул ему такой же лаконичный кивок, так что Кол понял, насколько баинин рад его видеть.

Каладиуса приветствовали, конечно, более уважительно и сдержанно. Краткие объятия Мэйлинн и рукопожатия остальных, за исключением Пашшана. Баинину и его хозяину не понадобилось даже кивков, чтобы выразить взаимную радость встречи. Затем все направились к чёрному трону, где их поджидал гномий король.

Глава 62. Куб

Несколько позже, когда Каладиус и Брокко остались одни, разговор наконец зашёл о цели визита к гномам. До сих пор предводитель оставался в неведении на этот счёт, хотя нужно отметить, что он и не старался это узнать. Молоторукому было вполне довольно того, что Каладиус явился достаточно вовремя для того, чтобы спасти город гномов от заклинателей демонов.

– Я уже говорил, государь, что явился в Дак Анбур с важной целью, – проговорил Каладиус. – Настало время поговорить о ней.

– Я давно ждал этого разговора, мессир, – ответил Брокко. – Надеюсь, мы сможем вам помочь.

– Лишь вы и сможете, государь. Мне необходим куб из мангила, сделанный точно по чертежам, которые я предоставлю. И затем нужно будет покрыть его сигилами, точные начертания которых я предоставлю также.

– Гм, – задумчиво огладил бороду Брокко. – Мангиловый куб, покрытый магическими рунами... А позволено мне будет спросить, мессир, для чего он вам надобен? Не хочу вас обидеть, только вот не так давно к нам уже заходили маги, просящие сковать им мангиловую хреновину...

– Разумеется, друг мой, я скажу, для чего нужен мне этот куб! В этом нет никакой тайны. Этот куб нужен мне, чтобы перевезти в нём мощный артефакт, необходимый для поиска Белой Башни.

– Вы ищите Белую Башню? – Молоторукому удалось совладать с лицом, лишь брови несколько поднялись от удивления.

– Госпожа Мэйлинн ищет Белую Башню, – поправил Каладиус. – А я и остальные её спутники лишь помогаем ей по мере сил.

– И вы верите в успех этой затеи?

– Всем сердцем.

– Кажется, это самый необычный заказ, который давали нашим мастерам на моей памяти, – Брокко задумчиво поскрёб подбородок. – Что ж, я думаю, что сделанное нами изделие не послужит злу, а потому мы берёмся за дело!

– Благодарю, государь, – поклонился Каладиус. – Весь необходимый материал мы привезли с собой, а что касается оплаты...

– Не вздумайте больше ни разу заикнуться об оплате, мессир, после того, что вы для нас сделали! – перебил мага гном. – Мы сделаем это, чтобы хотя бы частично вернуть вам долг.

– Хорошо, – легко согласился Каладиус, понимая, что его возражения могут обидеть гномьего короля. – Спасибо, государь!

Брокко велел позвать главного кузнеца, а также главного мастера рун. Из личных покоев Каладиуса, которые были отведены ему ещё в тот самый день, когда он покинул Дуондур, принесли сундучок, в котором хранилась книга Биалла Пивилийского.

Подошедшие мастера с огромным интересом принялись разглядывать чертежи, сделанные в книге безумного философа.

– Эти чертежи – работа гномов! – с гордостью произнёс Прондур, главный кузнец Дак Анбура. – Никто не смог бы столь точно отобразить необходимый конструктор.

– И руны тоже начертаны рукою гнома! – поддержал главный мастер рун Дуин. – Глядите, какой сложный рисунок! Ручаюсь, что если сместить хоть одну линию на волос – сигил не обретёт силу!

– Вы правы, мастер, – подтвердил Каладиус. – Именно поэтому я и пришёл к гномским мастерам! Как считаете, вы сможете это сделать?

– Коли смогли наши предки, так сможем и мы! – залихватски ответил Прондур. – Не думайте, мессир, что с тех пор руки у гномов закоряжились!

– И в мыслях такого не было! – рассмеялся Каладиус. – А сколько времени займёт работа?

– Ну... – почесал затылок кузнец. – При всей кажущейся простоте работа очень тонкая. Ведь соединения граней должны быть бесшовными. А все углы и размеры нужно выдержать не менее точно, чем линии в рунах. И, сдаётся мне, тут не пристало работать несколькими артелям посменно. Лучше доверить эту работу одним мастерам, чтобы они сжились, сроднились с конструком.

– Это уж дело твоё, Прондур, как ты это сделаешь! – осёк кузнеца предводитель, видя, что тот ещё долго может говорить о любимом деле. – Тебе задали простой вопрос – как долго?

– Да уж, думаю, не меньше пяти дней, государь, – чуть задумавшись, выдал главный кузнец. – А верней всего положили бы вы мне на это всю неделю. Чтоб без спешки.

– Будет тебе неделя, – взглянув на кивнувшего в ответ Каладиуса, согласился Броко. – А что с рунами?

– Тут всё сложнее, государь, – Дуин, словно зачарованный, не сводил глаз с пергамента, испещрённого магическими знаками. – Вытравить один такой сгил, я полагаю, займёт не менее десяти часов. А их тут двадцать четыре, как я успел сосчитать.

– Двести сорок часов, – быстро прикинул Броко. – Значит, десять дней?

– Вы думаете, государь, что я смогу работать десять дней непрерывно? – усмехнулся Дуин. – Не более одного сгила в день, я думаю. Может, где-то получится два, ибо тут есть несколько относительно простых. Но никак не больше! Ежели не желаете, чтобы всю работу затем пришлось переделывать.

– Итого – двадцать четыре дня? – недовольно переспросил Молоторукий.

– Уверен, что управлюсь за двадцать, или даже быстрее, – мастеру рун не хотелось ударить лицом в грязь перед главным кузнецом, а также великим магом. – Буду стараться, как только смогу.

– Значит, на всё про всё уйдёт около месяца... Располагаете ли вы таким временем, мессир?

– Вполне, ежели это не будет злоупотреблением вашим гостеприимством, государь!

– О чём вы! – воскликнул Броко. – Будьте нашими гостями столько, сколько пожелаете! Это великая честь для нас! Кроме того, я весьма привязался к вашим друзьям, особенно к юной Мэйлинн.

– И неудивительно, государь! – улыбнулся Каладиус. – Я ещё не встречал человека, который бы не поддался её очарованию.

– Ну я – не человек! – гордо ответил Броко.

– И нечеловека – тоже, – рассмеялся маг.

***

Вновь воссоединившимся друзьям предстояло скоротать месяц в гномьей обители. Каждый, конечно же, предполагал делать это по-своему.

Каладиус первым делом решил усилить магическую оборону подгорного города от незваных гостей. Для этого он использовал давным-давно известную магическую методику, известную как «охранные тотемы». Простая и эффективная, эта методика позволяла охватить сторожевыми заклинаниями довольно большие пространства.

Смысл был крайне прост: необходимо было добыть свежий трупик любого мелкого животного или птицы, причём даже не обязательно было убивать их самому – достаточно, чтобы смерть наступила не более двух-трёх часов назад. Затем от трупа отделилась голова, которая, собственно, и становилась магическим стражем. Определённым образом заговорённая, эта голова помещалась в любое удобное место – чаще всего на возвышенности. При этом её даже можно было присыпать землёй для маскировки, поскольку, конечно же, тотем «видел» не обычным зрением. Одна такая голова покрывала круг радиусом до двухсот футов, в зависимости от силы и способностей заклинателя. Само же тельце оставалось у мага. Защищённое магией от разложения, оно начинало шевелиться, если в поле зрения тотема кто-то появлялся. Чаще всего просто начинали медленно сгибаться и разгибаться лапки или крылья.

Основное преимущество тотема было в том, что его относительно легко можно было «откалибровать». Так, например, даже новичок мог отсечь ложные срабатывания на животных, не обладающих сознанием. Давно были разработаны методы настройки тотема на представителей определённых рас. Конечно же, Каладиус сделал объектами поиска своих тотемов лирр.

Со странной увлечённостью зоолога-любителя, которую он проявил ещё во время путешествия на «Нежданной», Каладиус самоотверженно бросил все силы на поимку своих будущих тотемов. Уже через пару дней у него собралась неплохая коллекция из полутора десятков птиц, крыс и другой мелкой живности. Зачарование не требовало большого количества времени или сил, так что вскоре маг, повсюду сопровождаемый своим верным Пашшаном, принялся обходить окрестности Врат Блантура, расставляя свои магические секреты. Не до конца доверяя рунной системе охраны гномов, он спрятал голову ворона неподалёку от входа в тоннели. Здесь уже пригодились огромный опыт и сила мага – он сумел «научить» тотем не реагировать на Мэйлинн: хотя Каладиус и запретил лирре покидать Дуондур, но прекрасно понимал, что если ей что-то взбредёт в голову, то остановить лирру будет весьма проблематично.

Во время работы над тотемами Каладиус со некоторой грустью подумал, что вообще-то эта методика, как и множество других – простых и эффективных, была создана именно магом-некромантом. А теперь эта секта, возможно, более и не существует, и это сделал именно он, Каладиус. Сколько знаний не будет теперь получено лишь потому, что способы их получения окажутся чересчур грязными для большинства магов-чистоплюев? Конечно, со временем Орден заклинателей демонов возродится – ведь знания никуда не исчезли, и древние книги уже сейчас лежат в тайных логовах Ордена, ожидая новых адептов. Но на то, чтоб достичь былого могущества, у некромантов уйдут десятилетия, если не столетия. И на данном этапе великого мага это вполне устраивало.

Совсем иначе проводили время Кол, Варан и Бин. Первые двое – бывалые воины, оказались в месте, где веками производилось лучшее оружие на Паэтте. Оба пропадали в кузницах и оружейных гномов, наблюдая за процессом изготовления величайших клинков, а также любясь уже созданными. Бин, который не имел бурного боевого прошлого, тем не менее, как и все мальчишки, питал страсть к оружию, поэтому с удовольствием составлял компанию друзьям. Его, конечно, больше зачаровывала красота, нежели функциональность, и иногда приятели добродушно посмеивались над ним, когда он с простодушным восторгом восхищался каким-нибудь декоративным клинком, созданным лишь с целью внушать почтение, тогда как рядом лежал отличный меч, за обладание которым многие мастера клинка заложили бы душу.

Однако, кроме подтруниваний, ветераны щедро делились и знаниями, так что через какое-то время Бин уже мог безошибочно определять лучший меч в стойке. Варан всерьёз взялся за его обучение фехтованию, и это было нечто отличное от того, чему учил его Кол.

Простые и эффективные в массовом бою приёмы легионеров мало годились в схватке с ассасинами. Мастер Теней мог в этом помочь. Надо сказать, что и Кол без всякого предубеждения с удовольствием брал уроки у охотника за головами. С этого времени ни один день в Дуондуре не проходил без тренировок.

Бин действительно изменился. Наконец он поверил в то, что пытались внушить ему друзья – он понял, что он не трус. Конечно, Бин осознавал, что будет бояться всякий раз, встречаясь со смертью. С усмешкой он думал о том, что однажды он-таки обмочится от страха, а то и чего похуже. Но тогда, лёжа под кроватью Мэйлинн и глядя на мягкие сапоги лирийских убийц, он понял, что способен перебороть свой страх, когда на кону стоит что-то очень важное. Что можно бояться и сражаться одновременно, и одно другому не мешает, а, быть может, даже помогает. И это всё придало ему уверенности в себе.

Прошло уже больше семи месяцев с тех пор, как Бин впервые увидел Мэйлинн. И за эти семь месяцев он повзрослел больше, чем за минувшие семь лет. Кстати говоря, однажды Бин вдруг поймал себя на мысли, что ему ведь уже исполнился двадцать один год. Однако это случилось через четыре дня после их приезда в Дуондур, и тогда мысли юноши были заняты совсем другими вещами, так что он вспомнил о минувшем дне рождения лишь несколько дней спустя. Более того, ему вдруг почему-то совершенно не захотелось никому говорить об этом, хотя раньше Бин очень любил этот день, который ассоциировался у него с угощением и подарками. В итоге новоиспечённый гроза ассасинов совершенно легко позабыл о сем знаменательном событии, весь отдавшись тренировкам со старшими товарищами.

Мэйлинн, как это ни странно, также прониклась любовью к оружию, поэтому чаще всего проводила время в компании трёх своих рыцарей. Мы знаем, что лирра весьма неплохо владела оружием, что она успешно продемонстрировала в «Двух петухах», но, конечно же, Варану было ещё, чему её поучить. Так что Мэйлинн азартно взялась за тренировки, преуспев в этом больше, чем другие ученики мастера Теней. Кол был, конечно, сильнее и опытнее, но годы уже брали своё – в движениях не хватало быстроты и гибкости. Бину, говоря откровенно, пока не хватало ни сил, ни опыта, да и с быстротой не всё обстояло гладко. Мэйлинн же обладала молниеносной реакцией, каким-то почти сверхъестественным видением картины боя, а недостаток сил она компенсировала удивительной манерой, которую Варан прозвал «эластичной».

Понимая, что парировать мощный удар мастера Теней ей не по силам, Мэйлинн словно протекала сквозь него, пуская всю мощь атаки как бы вскользь. Для соперника эта тактика оказалась весьма опасной, поскольку зачастую неготовый к подобному противник просто терял равновесие от инерции своего же непогашенного удара. Уже дважды Варан получал весьма обидный удар плашмя по своей филейной части, не сумев удержаться на ногах после особенно сильных выпадов. Лирра ставила свой клинок под таким странным углом, что меч Варана лишь по касательной задевал его, а затем срывался дальше, таща за собой хозяина.

– Какая удивительная техника, – во время одного из первых поединков воскликнул Варан. – Это тебе преподавали в Наэлирро?

– Отчасти – да, – Мэйлинн даже не запыхалась. – Отчасти это приходит как-то само собой. Я словно чувствую, что ты сделаешь в следующий момент, и тело само выбирает позицию, которая позволит твоему удару стечь с моего клинка, став для меня безвредным. Наверное, это так теперь я чувствую *возмущение*. Как наши мужчины-лирры. Нам рассказывали, что самый величайший боец среди лирр, Волотон, мог драться одновременно с двумя десятками соперников, и ни один из них не мог даже коснуться его кожи клинком.

– Да уж, надеюсь, что нынешние ваши бойцы не так хороши, – проворчал Кол. – Иначе нам не поздоровится.

– Те, с кем мы переведались на вилле того толстяка, были, конечно, хороши, но не настолько, чтобы в секунду порубить нас с Пашшаном, – чуть презрительно фыркнул Варан.

– Скорее всего потому, что они были лучниками, а не фехтовальщиками, – пожала плечами Мэйлинн. – Или, возможно, просто вы с Пашшаном были слишком хороши! – лирра улыбнулась при этих словах так, что оставалось только догадываться – шутка это, или комплимент.

– Склонен остановиться на втором предположении, – усмехнулся Варан. – Ладно, довольно болтать! В позицию!

К тому времени, как вернулся из Шатра Каладиус, Мэйлинн уже настолько освоилась во владении клинками, что ей единственной Варан как-то предложил сразиться на настоящих, незатупленных мечах. Несмотря на горячие протесты Бина и Кола, Мэйлинн с удовольствием согласилась. Поединок длился всего минуту – такое условие поставил сам Варан, и за это время никто из фехтующих не получил ни малейшей царапины.

А вот уже во втором бою Мэйлинн смогла легко оцарапать предплечье Варана. Тот всё ещё считал, что ему нужно биться вполсилы. Конечно же, после этого лирра отбросила меч и кинулась к Варану, но мастер Теней с улыбкой отказался от помощи и предложил продолжить поединок. Действительно, царапина была совершенно пустяковой, даже крови пролилось всего несколько капель. Но для Варана это стало ценным уроком.

Теперь он нападал уже в полную силу, что всякий раз вызывало негодующие вопли наблюдавших за боем поклонников Мэйлинн, однако умений Варана не хватало, чтобы пробить странную текучую оборону Мэйлинн. Она будто заранее знала каждый его шаг, каждый удар, каждый коварный финт. Со стороны это было чем-то похоже на завораживающий танец – плавный и грациозный. Лирра словно перетекала с одного места на другое, ставя меч самым невообразимым образом. Казалось, каждый удар Варана должен выбить клинок из хрупких рук девушки, но вместо этого он лишь бессильно соскальзывал вниз, иной раз заставляя Варана открыться. Вскоре мастера Теней украсили ещё два пореза – на бедре и плече.

– Ты должна научить меня этой технике, – задыхаясь, выговорил Варан, отбрасывая меч в сторону и утирая лицо рукавом.

– Ты всех нас должна научить этой технике! – тут же добавил Кол. – Не хочу при встрече с ассасинами выглядеть столь же глупо, как выглядел сейчас Варан!

– Не уверена, что смогу объяснить, или показать... – чуть виновато ответила Мэйлинн. – Мне думается, что в этом моем умении явно подмешаны те крохи магии, которые остались мне доступны. Ведь весь фокус тут – просто подставить меч под нужным углом в нужное место. А этого я объяснить не смогу. Я сама не понимаю, как у меня это получается.

– Очень жаль, – разочарованно протянул Варан.

– Но, думаю, не так жаль, как то, что тебя отделала девчонка! – рассмеялся Кол.

– Поглядел бы я на тебя! – беззлобно огрызнулся Варан.

– Ну уж нет! – шутливо запротестовал Кол. – Я старенький, у меня вон какое пузико! Куда уж мне!

– Но вот тогда и помни об этом до того, как задевать тех, кто сильнее и моложе! – Варан скроил зверскую физиономию и показал другу кулак. Затем оба расхохотались, и к ним присоединились остальные.

В общем, как мы видим, скучать друзьям не приходилось. Конечно, несколько удручало отсутствие неба над головой, да довольно грубая и скудная еда из кладовых гномов. Правда, с последним неплохо выручал Пашшан, который, как обычно, мог сделать изысканное блюдо даже из обычной солонины и мочёных грибов. Так проходили дни, в течение которых гномы усердно ковали неподатливый мангил, придавая ему нужную форму, а затем – наносили таинственные руны на его поверхность.

Надо отдать должное Каладиусу – он почти не навещался ни в кузницу, где ковался куб, ни в мастерскую мастера рун. Он целиком и полностью доверял гномам и не хотел

путаться у них под ногами. То время, когда он не расставлял свои магические секреты, он чаще всего проводил в обществе Броко.

Прошло двадцать шесть дней из обещанных тридцати, когда Каладиусу доложили, что его заказ исполнен. К тому времени уже почти прошёл месяц весны²⁶ – как незамысловато жители Паэтты называли первый весенний месяц. Всё складывалось как нельзя лучше – именно так, как и рассчитывал в своё время Каладиус. Они подгадали таким образом, что в Латионе они окажутся в самое благословенное время – в разгар весны, когда было уже достаточно тепло, но не слишком жарко, когда природа уже просыпалась, и мир стремительно зеленел, но при этом ещё не было отвратительных кровососущих насекомых, омрачающих путешествие по густым лесам Санна, куда лежал дальнейший путь.

Когда друзья впервые увидели куб, они пришли в полный восторг. Идеально ровный, отливающий фиолетовым металлом, он казался больше, чем был на самом деле. От него словно исходило тёплое сияние. Каждую его грань, в том числе и ту, что служила крышкой, испещряли руны, или сгилы, как называл их Каладиус. Их было ровно по четыре на каждой грани. Они были разных размеров и расположены, казалось совершенно бессистемно. Но при этом эта бессистемность, вероятно, была лишь кажущейся, поскольку создавалось стойкое впечатление, что каждая руна была здесь строго на своём месте, и не могла быть нигде иначе.

– Что ж, друзья, – чуть дрожащим от волнения голосом объявил Каладиус. – Ещё один важный шаг позади. От Башни нас отделяет всего один артефакт.

– Голова Шуанна, – проговорила Мэйлинн.

– Именно, – подтвердил маг. – Значит, пора в дорогу.

Глава 63. Ночные бродяги

– Я слышал, вы покидаете нас? – прогудел со своего трона Брок.

– Да, государь, – ответил Каладиус. – Ваша работа исполнена, и исполнена на славу, так что теперь нам пора двигаться дальше.

– Знаете, мессир, я ловлю себя на мысли, что вот сейчас я постоянно гляжу на вас и ожидаю, что вы вот-вот рассмеётесь и объявите, что все эти ваши разговоры по поводу Белой Башни были всего только шуткой.

– Этого не будет, государь.

– Я понимаю. Может быть, мы можем ещё чем-нибудь вам помочь? Где вы собираетесь найти эту свою Башню?

– На Келлийском архипелаге.

– Ну так мы можем вам помочь попасть туда гораздо быстрее, а главное – без риска столкнуться с теми, кто пытается вас остановить! – воскликнул Брок.

– Я чего-то не знаю, государь? – усмехнулся Каладиус. – Гномы научились строить механизмы, которые летают по воздуху? Или открыли секреты телепортации?

– Ни то и ни другое, мессир. А между тем я ручаюсь, что вы будете на побережье Серого моря меньше, чем через две недели!

– Увы, до того, как мы прибудем к Серому морю, нам нужно побывать ещё в одном месте, дабы раздобыть артефакт, для которого ковался куб, – развёл руками Каладиус. – Однако, государь, меня снедает любопытство. Вы не расскажете, что за чудесный способ передвижения вы изобрели?

– С удовольствием удовлетворю ваше любопытство, мессир, – Брок самодовольно ухмыльнулся. – Как вы думаете, где кончаются границы Дак Анбура?

– Вопрос с подвохом, как я понимаю, – прищурился маг. – И очевидно, что те границы, что прочерчены на саррассанских картах, не будут являться верным ответом?

– Конечно нет, мессир. Знайте же, что Дак Анбур проходит под всеми Анурскими горами. Ещё наши далёкие предки испещрили твёрдые массивы гор многочисленными проходами. Со временем эти проходы слились в целую систему, которая покрывает собой весь Анурский хребет. То есть прямо из Дуондура мы с вами можем добраться до побережья Калуйского океана с одной стороны и до холодных вод Серого моря – с другой.

– Это очень любопытно, но я до сих пор не понимаю, как вы планируете преодолеть такое расстояние меньше, чем за две недели. Конечно, я понимаю, что ваши тоннели более прямые, чем наземные дороги, но не настолько же!

– Нашим предкам пришла в голову изумительная мысль – они проложили под горами металлическую дорогу, по которой пустили специальные вагонетки. Колеса такой вагонетки приводятся в движение ручным приводом, и двух гномов бывает достаточно, чтобы вскоре разогнать её до скоростей, недоступных ни одному экипажу. А поскольку металлическая дорога не даёт вагонетке сойти с курса, а кроме того она абсолютно ровная, то, разогнавшись, она может довольно долго ехать самостоятельно, пока гномы, приводящие её в движение, отдыхают. А поскольку на одной вагонетке вполне могут комфортно разместиться шесть взрослых гномов, то они могут поддерживать высокую скорость на всём протяжении пути. Так и выйдет, что максимум за десять дней вы пересечёте всю Паэтту от Дуондура до северного берега.

– Как умно сделано! – восхищённо воскликнул Каладиус. – Я, наверное, никогда не перестану преклоняться перед инженерным гением гномов! Мне ужасно хотелось бы увидеть эту вашу металлическую дорогу и проехать по ней, но – увы... Нам нужно в Санн...

– Не беда! – ответил Броко. – Вы можете проехать лишь часть пути, а затем выйти где-нибудь в Южном Латионе через один из наших секретных ходов. Оттуда доберётесь до Санна.

– В этом есть свой резон, – признал Каладиус. – Совершенно очевидно, что раз Ордену известно, где мы, и наверняка известно – куда мы направляемся, то и ждать нас будут именно на этом участке дороги. Если мы направимся в Санн из Южного Латииона, это здорово собьёт их со следа, учитывая, что магическими методами они отыскать нас не могут. Мы однозначно выиграли бы от этого шага, если бы не одно «но»...

– Что это за «но»? – удивился Броко.

– Лошади, – коротко ответил Каладиус. – Ведь я не ошибусь, если скажу, что ваши вагонетки не приспособлены для перевозки лошадей?

– Вы не ошибётесь даже если скажете, что наши тоннели не предназначены для этого! – Броко, как и все гномы, питал инстинктивное отвращение к лошадям.

– Вот видите, – пожал плечами Каладиус. – Мне кажется, будет довольно глупо проделывать долгий путь до Санна пешком!

– Эта проблема не так страшна, как вам кажется! Потому что лошадей можно раздобыть!

– Трястись на крестьянских лошадаках? – презрительно выпятил губу Каладиус. – Нет уж, благодарю покорно! Не говоря уж о том, что у нас ещё и полно поклажи.

– В пяти милях от нашего секретного выхода есть деревушка, называется Большие Розги. Там есть торговец лошадами. Мы ведём с ним дела – он заказывает у нас подковы, сбрую и много чего ещё.

– Деревенский торговец заказывает подковы у гномов? – искренне изумился Каладиус. – А что же – услугами местного кузнеца он брезгует?

– Вот видите, друг мой! – всплеснул руками Броко. – Разве это – не лучшая рекомендация для торговца? И это действительно так – этот парень торгует не абы какими кобылами. Он и сам – коннозаводчик. В том числе, разводит и племенных саррассанцев. Не хуже тех, что таскают на себе его величество Малиллу. У него же можно раздобыть и фургон, вполне приличный для того, чтоб ползать по латинскому бездорожью.

– Вы почти соблазнили меня этой идеей, государь, – рассмеялся Каладиус. – Если вы ещё пообещаете, что мне не придётся тащить на своём горбу тюки со своими вещами от Анур до этих ваших Больших Розг...

– Я отряжу с вами столько гномов, сколько потребуется, мессир! Если надо, они и вас на закорках дотащат!

– Благодарю покорно! – вновь расхохотался Каладиус. – Я уж как-нибудь сам.

– Ну вот и славно! – обрадовался Броко. – Того парня зовут Ланк. Ланк Дорни. Скажете ему, что прибыли от меня. Пусть даст вам лучших своих лошадей, а о цене пусть говорит со мной. Так и передайте ему, мессир! О цене пусть говорит со мной!

– Благодарю, государь! – чуть поклонился Каладиус. – Значит, так тому и быть! Объявлю своим друзьям, какое чудесное путешествие нас ожидает! Путешествовали мы и пешком, и верхами, и в экипажах, и даже на корабле... Но вот на вагонетках ещё не доводилось!

– Никому из людей ещё не доводилось, мессир! – многозначительно проговорил Броко.

– Невероятная честь, государь, – было видно, что маг по-настоящему тронут. – Что ж, пойду паковать вещи!

– Всего доброго, мессир!

***

Идея, предложенная Броко, нашла живейший отклик у спутников Каладиуса. Всем им не терпелось увидеть знаменитые гномские тоннели, о которых ходило много слухов, но

никто до сих пор не видел их своими глазами. Да и удивительная металлическая дорога гномов будоражила воображение. Что она собой представляла?

– Отправимся в путь завтра, – объявил Каладиус.

– А почему завтра, мессир? – воскликнула Мэйлинн. – У нас уже всё собрано, мы готовы. Почему бы не отправиться теперь?

– Признаться, мессир, и мне уже порядком надоели эти подземелья, хотя они, условно, прекрасны, – поддержал Кол.

– А как же ваша мечта поселиться тут на старости лет? – не упустил случая поддеть маг.

– Увы, мессир, – с преувеличенным раскаянием проговорил Кол. – Я понял, что комфортней чувствую себя по ту сторону земной тверди. Нужно родиться гномом, чтобы с удовольствием жить в подземных норах, пусть они и прекрасны, словно дворцы.

– Но сейчас уже довольно поздно, – попытался возразить Каладиус. – Если мы выедем прямо сейчас, то будем на месте уже поздним вечером.

– Переночуем в деревне! – воскликнул Кол. – Всё ж под открытым небом!

– Я так понимаю, что все думают так же? – Каладиус весело оглядел друзей – было видно, что и его заразило это нетерпение.

Все присутствующие выразили согласие – каждый с разной степенью эмоциональности, но все – одинаково твёрдо.

– Что ж, пусть будет так! – решительно сказал маг. – Пойду сообщу об этом королю. А вы собирайте багаж.

– Да всё уже собрано давным-давно! – радостно воскликнул Кол.

Несмотря на то, что по заверениям друзей всё давно уже было собрано, прошло не менее полутора часов, пока они на самом деле выдвинулись в путь. Шестеро гномов несли большую часть пожитков, поскольку гномы весьма сильны и выносливы. Однако, и за плечами путешественников висели внушительные дорожные мешки. Куб и иные тяжёлые вещи гномы несли на носилках по двое.

На прощанье гномий король подарил путешественникам кольчуги. Мы знаем, что у Мэйлинн и Варана уже были кольчуги, которые им пожаловал император. Теперь почти такие же появились и у остальных – крепкие, надёжные и лёгкие. Лишь Бин выбрал себе вместо кольчуги лёгкие доспехи. Ему очень хотелось соответствовать своему новому образу героя и храбреца, а кольчуга, надетая под простую одежду, не очень этому способствовала. Так что теперь юноша был одет в лёгкий кожаный доспех, обшитый пластинами гномьей стали – лёгкой и прочной. Это было не так удобно, как кольчуга, но, несомненно, куда более эффектно. Бин выглядел настоящим рыцарем с суровым выражением лица, мягкой бородкой, которая наконец-то приняла должный вид и светлыми волосами, покрывавшими плечи.

– Да ты просто красавец! – к неописуемой радости парня заметила Мэйлинн.

После непродолжительного блуждания по городу, компания оказались за его пределами. Отсюда на север тянулся широкий тоннель. Здесь, у входа, он был освещён факелами, но было видно, что дальше его заливают чернильная мгла. Тут же друзья впервые увидели гномью металлическую дорогу и вагонетки.

Металлическая дорога, надо признать, несколько разочаровала людей. Большинство из них представляли себе широкое ровное полотно из какого-нибудь сверкающего металла, чуть ли не излучающее собственный свет. Всё оказалось куда прозаичней – две тусклые линии металла, лежащие на огромном множестве резко пахнущих дёгтем деревянных брусьев, уходили в глубь тоннеля. Колеса вагонеток (также не удивляющих своим внешним видом) находились на таком расстоянии друг от друга, чтобы точно стоять на этих двух полосках.

– Мы поедem на этом? – разочарование, и даже страх сквозили в голосе Бина. – Мы же свалимся через сто шагов! Разве удержится эта колымага на таких узеньких полосочках?

– Не робей, парень! – ухмыльнулся один из гномов, укладывающий багаж на одну из вагонеток. – До сих пор ни разу не падали. Всё продумано! Увидишь, путешествовать на вагонетках куда удобней и приятней, чем на императорской карете!

– Хочется верить, – проворчал себе под нос Бин, но было видно, что слова гнома его мало переубедили.

Наконец кладь была погружена на вагонетки. Шестеро друзей разбились парами – по двое на каждую вагонетку. Их попутчиками стали гномы, которые также разбились парами. Наши друзья составили пары, несколько отличающиеся от обычного разделения – Бин, конечно же, тут же встал рядом с Мэйлинн, но в этот раз Варан оказался в паре с Колом, а Каладиус – с Пашшаном.

Поплевав на мозолистые ладони, гномы ухватились за длинные ручки, похожие на детские качели. Слаженно ухая, они стали качать эти ручки, и вагонетки с противным визгом тронулись с места. На передней части вагонеток были расположены два масляных фонаря, освещавших путь примерно на двадцать-тридцать футов вперёд.

Поначалу движение было не слишком быстрым, но вскоре вагонетки разгонялись так, что ветер стал свистеть в ушах. Надо сказать, что это было довольно страшно – несущиеся в черноту открытые со всех сторон телеги. Путешественники непроизвольно впились пальцами в простые деревянные сидения. Однако вскоре стало ясно, что опасность не так велика, как казалось вначале. Более всего поражала плавность хода – лёгкие толчки, сопровождавшиеся приятным стуком, когда колеса попадали на сочленения металлических полос, да лёгкая дрожь самих вагонеток. Никакой тряски, раскачки и тому подобного. Гном был прав – даже путешествуя по Имперской дороге на карете самого императора вряд ли удалось бы передвигаться столь плавно.

Не прошло и четверти часа, как друзья вполне освоились с новым видом транспорта и даже стали получать удовольствие. Смотреть тут, правда, было не на что – кругом тёмные стены тоннеля, но сама езда очень завораживала.

– Сомневаюсь, что даже лучший из саррассанских скакунов смог бы состязаться в скорости с этой колымагой! – прокричал Варан в ухо Колу, потому что ветер на такой скорости шумел очень даже прилично.

– Конечно не смог бы! – воскликнул один из гномов, размеренно нажимающий на рукоять рычага со своей стороны.

– А можно нам попробовать, друг? – спросил Кол.

– Отчего же нет? – усмехнулся гном. – Отдохнуть мы всегда не прочь!

– А ну-ка, взяли! – толкнув кулаком Варана в бок, с мальчишеским восторгом вскричал Кол.

Варана не нужно было просить дважды – он уже был на ногах и взялся за рычаг со своей стороны. Оглашая тоннель взаимными подначками и подбадриваниями, два друга принялись за работу. Заразившись их примером, вскоре Бин и Мэйлинн, хохоча, качали рычаг своей вагонетки. Даже Каладиус, несмотря на весьма почтенный возраст, не удержался от эксперимента.

В общем, путь прошёл в полнейшем веселье, и те два часа, которые он занял, пролетели незаметно, к некоторому огорчению друзей. Остановив вагонетки в условленном месте, гномы, ухватив вещи, повели путешественников к тайному проходу, который вывел их в укромное ущелье.

– Наконец-то небо! – воскликнул Кол, глядя в довольно хмурое весеннее небо Латина. Были уже сумерки, и вообще было довольно прохладно.

– Поздновато мы... – проговорил Варан. – Далеко ли до деревни?

– Миль пять, – ответил один из гномов.

– Часа два ходьбы... – прикинул Варан. – Будет уже совсем темень. Может быть, вы были правы, мессир, и стоило подождать утра?..

– Ну теперь-то уж поздно, – пожал плечами маг.

– Вообще-то тут чуть дальше, чем в миле отсюда есть наша сторожка, – вмешался один из гномов. – Можем переночевать там, а утром отправимся в деревню.

– Отличная идея, друг мой! – расплылся в улыбке Каладиус. – А мы поместимся там все?

– Да там три десятка гномов спокойно переночуют! – воскликнул тот же гном. – Уж чего-чего, а места там хватит.

– Ну ведите тогда, – кивнул Каладиус, вновь приободряясь.

***

Сторожка гномов оказалась весьма скромной и простой, но действительно просторной. Основная её часть располагалась под землёй, а на поверхности оставался, по сути, только вход, умело замаскированный в зарослях, так что гномам не приходилось беспокоиться насчёт незваных гостей.

Уставшие путники, едва отужинав, тут же легли спать. Гномы, выставив на всякий случай пару часовых, также улеглись прямо на полу.

Мэйлинн проснулась сразу и резко – словно от толчка. Она тут же села на своём ложе, непонимающе глядя вокруг. Сторожка была тускло освещена несколькими лампадками, и лирра увидела, что Каладиус также проснулся и уже стоит на ногах.

– Что это? – прошептала Мэйлинн.

– Вы тоже почувствовали, дорогая? – маг словно прислушивался к чему-то. – Неподалёку случилась мощная волшба. Кто-то только что очень серьёзно манипулировал *возмущением*.

– Магини? – кровь отхлынула от лица Мэйлинн.

– Нет, – лицо Каладиуса было очень мрачно. – Это не лиррийская магия. Всё гораздо хуже...

– Что значит – хуже? – вмешался Варан. Он тоже уже не спал, как и остальные, разбуженные диалогом лирры и мага.

– Это – магия Эллора, – глаза Каладиуса недобро блеснули в свете лампадок. – Магия Тондрона.

– Что это значит? – встревоженно прошептала Мэйлинн. Хотя в комнате уже никто не спал, она не решалась говорить в полный голос.

– Не знаю, – признался Каладиус. – Возможно, кто-то из некромантов, подобно нашему знакомцу Каирне побывавший в империи Гурра...

– А возможно?... – продолжил за мага Кол, видя, что тот замолчал.

– А возможно где-то неподалёку шастают Ночные бродяги...

– Что им нужно? – тихо спросил Кол.

– Кто знает? Много ли деревень тут в окрестностях? – спросил Каладиус у гномов.

– Поблизости – лишь Большие Розги, – крепко стискивая рукоять секиры, мрачно ответил один из них.

– Нам нужно туда! – воскликнула Мэйлинн. – Этим людям, может быть, ещё можно помочь!

– Это безумие! – горячо возразил Бин. – Это же – Ночные бродяги! Мы с ними ничего не сможем сделать! Их нельзя победить!

– В пределах Сферы нет существ, которых нельзя было бы победить, юноша! – строго ответил Каладиус. – Возможно, это не такое уж и безумие. У нас ведь есть преимущество – защитный кристалл, блокирующий поисковые заклятия. Если Ночные бродяги – те, о ком я

думаю, то они смотрят не обычным зрением, а магическим. Таким образом, они не смогут нас видеть, пока мы будем находиться под защитой амулета. Мы сможем подобраться к ним вплотную. А уничтожить, поверьте, можно любого.

– Тогда – вперёд! – воскликнула Мэйлинн. – Нельзя терять ни секунды.

Было уже далеко за полночь. От гномьей сторожки до Длинных Розг было больше трёх миль, так что, как бы не поспешали путешественники, а путь этот занял больше получаса. Кроме того, приходилось держаться плотной группой, чтобы не выйти за радиус действия охранного медальона Мэйлинн. За это время ещё дважды доносилось до мага эхо свершаемых заклятий. Что-то очень недоброе творилось в деревне.

Длинные Розги были деревней довольно крупной для этих мест, ведь, как мы знаем, восточный Латион явно не страдал от чрезмерной населённости. Но эта деревня была хорошо известна далеко отсюда благодаря «Конному хозяйству Ланка Дорни». Даже к латионскому королевскому двору поставлялись лошади от господина Дорни, так что здесь довольно часто можно было встретить то перекупщиков, то военных интендантов, а то и королевских конюших со свитой. Так что местные жители не жаловались на спрос на продукты. Богатый трактир, зажиточные дворы (хотя и было их всего два десятка) – таковы были Длинные Розги. По крайней мере, до нынешней ночи.

Сейчас деревня стояла, погруженная во мрак. Даже трактир на окраине был тёмным. Но главное – подозрительная, угнетающая тишина. Конечно, был ещё только конец месяца весны, так что многие птицы не вернулись в родные края из тёплых сарассанских зимовок, да и насекомые ещё не оккупировали окрестности, но такой тишины не бывает рядом с теми местами, где поселяется человек. Не вздыхали в хлевах коровы, не чесали свои щетинистые бока о стену сарая свиньи, не брехали от скуки дворовые псы. Лишь флюгер жалостливо поскрипывал на крыше трактира.

– Они ещё там? – вглядываясь в темень, прошептал Кол.

– Не уверен, но думаю, что там, – так же шёпотом ответил Каладиус.

– Как бы это проверить? – задался вопросом Варан.

– Вот, – Мэйлинн торопливо залезла за пазуху, и извлекла тот самый прекрасный кулон, который сделал для неё Каладиус. – Оденьте его, мессир.

– Зачем? – опешил маг. – А вы как же?

– Вы забыли, что у меня есть второй, собственный? – напомнила лирра. – Вы останетесь тут, а я, под прикрытием своего амулета, схожу и осмотрюсь.

– Ещё чего! – яростно зашептал Кол. – Никуда ты не пойдёшь! Давай свой кулон мне!

– Ничего не выйдет, – чуть насмешливо ответила Мэйлинн. – Во-первых, мой медальон – лиррийский, и он не сокроет человека...

– Это правда, – нехотя подтвердил Каладиус.

– А во-вторых, такой увалень, как ты, нашумит так, что услышат не только Ночные бродяги, но и сам Гурр у себя во дворце! – Мэйлинн била лёгкая дрожь, но она храбрилась изо всех сил. – Если мессир прав, то мне ничего не грозит – я умею двигаться абсолютно бесшумно.

– Не хочется признавать, но, похоже, госпожа Мэйлинн права, – промямлил Каладиус. – Слишком рискованно врываться в деревню всем скопом. Только прошу вас, дорогая, не нужно никакого безрассудства! Быстро осмотрелись – и назад!

– Так и сделаю, мессир, – кивнула Мэйлинн и, собравшись с духом, лёгким шагом направилась в сторону деревни.

Её не было всего пять или семь минут. Она вернулась, и глаза её были расширены от ужаса, а в лице не было ни кровинки.

– Это Ночные бродяги, – выдавила она из себя.

– Сколько их? – тревожно спросил Кол.

– Кажется, только трое... – губы лирры тряслись.

– Что они делают? – стараясь говорить спокойно, спросил Каладиус.

– Они стащили жителей деревни в одно место, а теперь... – Мэйлинн передёрнуло.

– Что? – Кол едва сдерживался, чтобы не перейти на крик.

– Они словно высушивают их... – Мэйлинн всхлипнула.

– Так, мы сейчас выступаем! – решительным шёпотом объявил Каладиус. – Постараемся спасти, кого ещё возможно. Но учтите, что никто точно не знает, кто такие Ночные бродяги, поэтому никто не знает, как с ними бороться. Так что позвольте начать мне! Не исключено, что сталь может оказаться бесполезной.

– Не наша, – похлопывая по своему клинку из мангилового сплава, ухмыльнулся Кол. – Вот бы что-нибудь сделать с темнотой.

– Что-нибудь сделаю, – пообещал Каладиус. – Ну, пошли! Каждая секунда может стоить жизни ещё кому-нибудь.

Плотно сбившаяся группа быстрым шагом направилась в деревню. Хвала богам, деревня была невелика, так что пройдя всего два первых дома, воины вышли на широкую дорогу, прорезавшую Длинные Розги. И вот на этой дороге аккуратно были уложены тела – более полусотни человеческих тел. А среди них бродили три зловещие фигуры в широких черных плащах, с головами, покрытыми капюшонами.

Как и предполагал Каладиус, Ночные бродяги никак не отреагировали на появление противника – они его попросту не замечали. Более того, они были заняты своим делом. Как раз в этот момент они склонились, протянув руки, к очередному телу, лежащему на дороге. Раздалось лёгкое шипение, и несчастный стал уменьшаться в размерах, словно кожаный мех, из которого выпускают воздух.

В этот момент Каладиус начал действовать. Два больших огнешара ударили в ближайшие дома. У мага не было времени и возможностей осветить поле грядущей битвы более изящными способами. Старые избы занялись тут же; особенно охотно занялись соломенные кровли, осветив пространство сполохами яркого пламени. Три фигуры в плащах встрепенились, растерянно уставившись на разгорающиеся дома. В этот момент их и атаковали.

Очевидно, что во время атаки кто-то выпал из-под защитного поля амулета. Издав странные звуки, чем-то напоминающие гусиный гогот, Ночные бродяги моментально приготовились к бою. Мэйлинн почувствовала, как по её коже пробежала колючая холодная волна – рядом начала вершиться ворожба, причём довольно сильная. Один из гномов, чуть замешкавшийся и отставший от Каладиуса и медальона, который дала ему Мэйлинн, вдруг словно бы сломался пополам. В животе его была огромная дыра, а сам живот, внутренности и одежда словно испарились. Гном умер, не издав ни единого звука.

Но в этот момент основная ударная группа достигла цели. Звякнули мечи, врезаясь в свои жертвы. Одного из бродяг отбросило ударом меча Кола. Этот удар оказался бы смертельным для обычного человека – сила была такова, что меч неизбежно рассёк бы грудную клетку, переломив даже кости. Но посланник Тондрона, вновь странно загоготав, почти тут же вскочил на ноги. Однако от удара и падения капюшон слетел с его головы, так что друзья впервые увидели Ночных бродяг воочию.

Черты его лица весьма слабо напоминали человеческие. Скорее они были похожи на наброски неумелого скульптора, который примерно обозначил глаза, рот, нос, уши, но не удосужился придать им реалистичную форму. Совершенно гладкая кожа, без складок, морщин, словно даже без пор, казалась какой-то фарфоровой, неживой. Непропорционально широкий рот, почти от уха до уха, широко распахивался, демонстрируя полное отсутствие зубов.

– Гомункул! – вскричал Каладиус.

Действительно, это был гомункул – страшное творение Драонна и его герцогов, жители континента, на котором изначально не жили никакие мыслящие существа. Гомункулы создавались черными магами Тондрона из неживой природы, поэтому они были почти неуязвимы для оружия. Вот и сейчас даже полумангиловый меч Кола не нанёс Ночному бродяге никакого особенного урона.

Ещё несколько ударов мечами и секирами обрушились на всех трёх гомункулов, но ни один из них не стал для чудовищ смертельным.

– Но как гомункулы могут существовать так далеко от Тондрона? – вскричал Каладиус, вгоняя в грудь ближайшего Ночного бродяги огнешар.

– Это всё, что вас сейчас волнует, мессир? – задыхаясь, крикнул Кол, отрубая руку одного из чудовищ.

На стороне наших друзей было преимущество – Ночные бродяги бились словно вслепую, до сих пор не видя своих противников. Магическое зрение зорче обычного и даёт больше возможностей, но сейчас оно явно подводило – простая пара глаз пригодилась бы гомункулам куда больше.

– Вижу! – вскричал Каладиус, взглядевшись во врага, опалённого его огнешаром. – Обруч на шее!

Действительно, на шее гомункула был виден мангиловый обруч с каким-то камнем, пульсирующим красным светом. Вероятно, именно вложенное в обруч заклятье не давало тварям погибнуть вдали от поддерживающей их чёрной воли.

– Рубите головы! – громовым голосом закричал маг. – Нужно лишить их ошейников!

– Вот это разговор! – удовлетворённо пробормотал Кол, наотмашь ударяя клинком по шее ближайшего гомункула.

Несмотря на то, что шея уродца казалась тонкой и тщедушной, перерубить её оказалось не так просто. Лишь повторный удар отделил наконец голову от тела. От этого же удара мангиловый обруч, кувыркаясь, отлетел в сторону, упав шагах в трёх от того, кто его носил. Движения обезглавленного тела сразу же стали какими-то вялыми, хаотичными. Ноги гомункула подломились, и он упал прямо на распластанные тела сельчан. Он, вроде бы, ещё пытался подняться, но становилось очевидно, что дух, запертый в этой грубой оболочке, быстро теряет над ней контроль. Не прошло и минуты, как тело гомункула замерло, словно брошенная кукла с оторванной головой.

Воодушевлённые товарищи Кола довольно быстро расправились и с двумя оставшимися врагами. Точно так же, стоило гомункулам лишиться обручей, как они весьма быстро выбывали из игры. Не прошло и пяти минут, как сражение было триумфально завершено.

Глава 64. Сеал

– Нужно помочь людям! – вскричала Мэйлинн, едва бой был закончен.

– Сперва ошейники! – возразил Каладиус. – Их нужно убрать подальше – они могут быть опасны.

– Горячий, зараза! – гном, подхвативший один из упавших ошейников, тут же выронил его, несмотря на то, что на его руках были надеты кожаные перчатки.

– Они стали нестабильны после потери тел! – встревоженно объяснил маг. – Ещё несколько минут, и они взорвутся. Подцепите их клинками и отнесите ярдов за сто от деревни!

Варан, Кол и Пашшан тут же исполнили приказ мага. Сам же он, а также Мэйлинн и остальные бросились к лежащим на дороге телам.

– Они живы? – с отчаяньем спросила лирра.

– Те, кого ещё не успели обработать – живы, – сквозь зубы процедил маг. – Обычное стазисное заклятие. Вероятно, гомункулам необходимо, чтобы во время ритуала жертва была жива и в сознании. Через пару часов очухаются.

– Что значит – обработать? – спазмы скрутили внутренности Мэйлинн, когда она взглянула на несколько усохших тел, видимых в свете горящих домов.

– Из них просто удалили всю воду, – с отвращением ответил маг. – Человеческое тело почти целиком состоит из воды, примерно на восемь десятых. Удалив всю воду, оставшееся можно свободно перевезти куда угодно.

– Например, в Тондрон, – мрачно проговорил подошедший Кол. – Задание выполнено, ошейники отнесли подальше. Они уже раскалились!

– Значит, скоро рванёт, – Каладиус склонился над одной из мумий, осторожно коснувшись рукой. – Тело сохранило структуру и плотность – оно не распадается под пальцами. Да, боюсь, что дальнейшая судьба этих несчастных очевидна – на кораблях Западной компании, или ещё каких-то других они отбудут в Тондрон.

– Но зачем? – спросила Мэйлинн. – Ведь тёмные маги научились создавать гомункулов из обычной глины и других материалов.

– Вероятно, они проводят какие-то эксперименты, – пожал плечами Каладиус. – Возможно, пытаются создать более совершенных гомункулов.

– Но зачем же такие сложности? – удивился Кол. – Не проще было бы перехватывать колонистов Эллора, и высушить их? Для чего посылать сюда свои отродья?

– Это было бы недальновидно, – покачал головой Каладиус. – Если колонии Эллора будут уничтожены, незачем станет посылать туда корабли. А это значит, что связь Тондрона с Паэттой на время прервётся.

– На время? – переспросил Кол.

– Я чувствую, что в последнее время Тондрон становится сильнее, – мрачно проговорил Каладиус. – Ведь Ночные бродяги появились у нас всего несколько десятилетий назад. В те времена, когда я был придворным магом, о них и слыхом не слыхивали, не то я бы уже тогда постарался бы разобраться с этой проблемой. Кто знает, может быть, при помощи этих тел они создадут более совершенных гомункулов, которым не потребуются мангиловые ошейники...

Словно для усиления драматического эффекта в этот момент раздался взрыв, и небо на мгновение озарила фиолетовая вспышка. Через некоторое время произошёл второй, а вслед за ним и третий взрывы.

– Да уж, похоже, всё очень плохо, – Кол потёр подбородок, оглядывая лежащие тела. – Многих они успели убить?

– Трудно сказать, – ответил ему Варан, который уже успел пройти вдоль рядов. – На первый взгляд – около двух дюжин.

– Тут ведь и дети тоже! – со слезами на глазах проговорила Мэйлинн, заметив неподвижное тело мальчика лет шести-семи. Очевидно, что он был не единственным.

– А где же животные? – озадаченно спросил Бин.

– Какие животные? – не понял Каладиус.

– Ну ведь говорят, что после визита Ночных бродяг в деревнях не остаётся даже кошек и кур... – пожал плечами Бин.

– Уверен, что это – байки, – отмахнулся Каладиус. – Как говорится, у страха глаза велики. Может, просто разбредается скот по окрестностям в поисках съестного, или дохнет от голода в хлевах. Ума не приложу, для чего могли бы понадобиться Тондрону животные. Не думаю, что из них можно будет создать разумных существ.

– Вообще-то черные маги создают разумных существ из обычной грязи под ногами, – возразил Варан.

– Они не разумны, – маг кивнул на лежащие тела гомункулов. – Их контролирует воля, заключённая в ошейнике. Гомункулы мало чем отличаются от тех зомби, которых творят некроманты. Но раз герцогам Тондрона понадобились ритуально замученные тела людей, значит, они надеются создать нечто принципиально иное.

– Надеюсь, с разгромом заговора в Саррасе поставки на время прекратятся, – проворчал Кол.

– Снизятся – однозначно, но полностью прекратятся – вряд ли... – покачал головой Каладиус. – Чёрная империя слишком глубоко проникла в наш мир, а мы этого даже и не заметили. Как бы в скором времени нам не пришлось расплачиваться за своё легкомыслие.

– Может, когда мы найдём Белую Башню, там будет ответ и на эти вопросы? – задумчиво проговорил Варан.

– Увидим, – коротко ответил маг. – А пока нужно перетащить этих несчастных в дома. Будет глупо, если они, избегнув смерти от Ночных бродяг, умрут от банального воспаления лёгких.

После того, как все жители злополучных Длинных Розг были перенесены в трактир, где их удалось разместить в главном зале, Каладиус распорядился собрать и захоронить все мумии.

– Но не лучше ли дать эту возможность самим жителям? – попытался протестовать Кол.

– Не думаю, что мы окажем им большую услугу, показав, во что превратились их родные, – возразил Каладиус. – Они даже не смогут узнать своих родственников.

Действительно, иссушенные трупы потеряли черты лица, превратившись, по сути, в обтянутые серой кожей черепа. Всего трупов оказалось девятнадцать. Все они были помещены в братскую могилу, наскоро выкопанную гномами неподалёку от деревни, где был обнаружен арионнитский погост. Своего павшего товарища гномы решили вернуть в Дуондур.

Уже занималась заря, когда несчастные селяне стали отходить от стазисного заклинания. Кол на своём опыте знал, насколько это неприятно, поэтому очень сочувствовал кряхтящим и стонущим людям. Он притащил большую бадью с холодной колодезной водой, и сейчас обносил ковшом проходящих в себя людей.

Вскоре раздались первые всхлипы, крики, а затем и плач. Ужас стазисного заклятия в том, что человек полностью осознаёт всё, что с ним происходит, но не может даже шевельнуться, лишь внутренние органы продолжают работу. Поэтому все без исключения прекрасно понимали, что с ними произошло. Особенно страшно кричали дети. Каладиус всерьёз опасался, не повредились ли жители Длинных Розг в рассудке.

Лишь спустя час к людям вернулась способность более-менее здраво рассуждать. Некоторые подходили к своим спасителям, чтобы поблагодарить их. У всех был абсолютно одинаковый затравленный взгляд, говоривший о том, что ночными кошмарами эти люди обеспечены до конца своей жизни.

Каладиус лично говорил с каждым спасённым, находя какие-то слова ободрения. Однако, главную утешительницу несчастные нашли, конечно же, в лице Мэйлинн. Девушка не скрывала слёз и готова была оплакивать каждую разрушенную судьбу. Особенно ластись к ней дети. Некоторые из них потеряли своих родителей и уже знали об этом, поскольку все живые находились сейчас в трактире. Две девочки-сироты, глядя на окружающих пустыми, невидящими глазами, сидели по обе стороны от Мэйлинн, прислонившись к ней сухими щеками.

Гномы ещё во время переноски тел указали Каладиусу на Ланка Дорни – ему посчастливилось оказаться среди выживших. Однако и его беда не обошла стороной – коннозаводчик не нашёл среди живых своего младшего сына, которому было шестнадцать. Тем не менее, господин Дорни сохранял видимость спокойствия, и даже помогал нашим друзьям по мере сил, обслуживая своих земляков.

– Благодарю вас, господин, – широкая, сухая ладонь торговца лошадьми крепко пожала руку мага. – Если бы не вы, черна была бы наша доля. Славен Арионн, что послал вас сюда.

– Вообще-то, мастер Дорни, нас послал не Арионн, а Брок Молоторукий, – спокойным, деловым тоном ответил Каладиус, стараясь, чтобы Ланк Дорни сохранял своё спокойствие и дальше.

– Гномий король? – в голосе торговца почти не чувствовалось удивление – он, как и прочие, был эмоционально выжжен дотла. – Для чего он послал вас?

– Он послал нас к вам. Сказал, что лучших лошадей, чем у вас, не сыскать и у императора Саррассы.

– Вам нужны лошади? – непонятно, насколько коннозаводчик улавливал смысл беседы – его лицо было неестественно спокойно, словно он напился макового молока. – Что ж, Брок не обманул вас. Будут вам лошади, столько, сколько нужно.

– Молоторукий просил передать, что все разговоры об оплате вы должны вести с ним, – несколько смущённо проговорил Каладиус.

– О какой оплате может идти речь, господин? – чуть просевшим голосом возразил Дорни. – Если бы не вы... – и он замолчал.

– Сожалею о вашей утрате, – понутив голову, сказал маг.

– Благодарю, – по лицу торговца пробежала судорога, но он совладал с собой. – Увы, много потерь выпало на мою долю в последнее время. Пару лет назад жена и старший сын преставились от алой лихорадки, теперь вот это... Дочка одна осталась теперь, да и та замужем, уехала в Хвостовье с мужем... – по мере этого скорбного рассказа глаза Ланка Дорни наполнялись слезами.

– Знаете, друг мой, – тихо сказал Каладиус, положив ему руку на плечо. – Я верю в то, что в нашей Сфере действует закон равновесия. Если вы понесли тяжкие утраты, то рано или поздно вам воздастся в чём-то ином.

– Да разве золото заменит ушедших? – силы покинули Ланка Дорни, и он тихо и горько разрыдался, закрыв лицо широченной узловатой ладонью.

– Я оставляю вас пока, – неловко пробормотал маг. – Поговорим позже.

– Утешать – не ваш конёк, мессир, – криво усмехнулся Кол, слышавший этот разговор.

– Каждому своё, – буркнул Каладиус и быстрым шагом вышел во двор, подышать утренним воздухом.

***

Ланк Дорни сам напомнил о разговоре.

– Сколько лошадей вам требуется? – спросил он, подходя к магу. Голос вновь звучал сухо, по-деловому.

– Шесть верховых и пара тяжеловозов, чтобы впрячь в фургон. Фургон, кстати, тоже нужен.

– Не вопрос, – кивнул торговец. – Если хотите, можем пройти прямо сейчас. Выберите сами, что вам нужно.

– Полагаюсь на ваш вкус, друг мой. Я мало что понимаю в лошадях.

– Хорошо. Будут вам лучшие лошади и отличный фургон. Вы выедете сегодня же?

Да, – почему-то отводя глаза, проговорил Каладиус.

– А... Ночные бродяги... Они могут вернуться? – выдавил Дорни.

– Маловероятно, – отрицательно покачал головой маг. – Я думаю, их не так уж много на Паэтте и сомневаюсь, что им для чего-то нужны именно жители вашей деревни.

– Впредь мы будем настороже, – пообещал торговец.

– Если что, знайте, что их уязвимое место – ошейник, который они носят, – Каладиус не стал говорить, что кучка селян ни за что не сможет уберечься от очередного нападения, учитывая, что прежде, чем они что-либо осознают, их уже обездвижит заклятие.

– Спасибо, мессир, – Дорни слышал, как обращались к Каладиусу его спутники и уже знал, что перед ним – маг.

– Не стоит благодарностей, – вновь пожимая коннозаводчику руку, ответил Каладиус.

Вскоре обещанные лошади и фургон были подведены к трактиру. Попрощавшись с селянами, друзья сели на лошадей, а гномы поместились в фургоне, положив туда также и тело своего товарища. Неторопливо кавалькада направилась к гномьей сторожке. Там гномы перегрузили весь скарб путешественников в фургон, после чего, распрощавшись, направились обратно к проходу в горах, унося тело убитого соратника.

– Просто удивительно, как мы умудряемся всякий раз попасть в самую заваруху, – проворчал Кол, когда конный отряд направился на запад.

– Это Башня, – серьёзно сказал Каладиус. – Она нас испытывает.

Когда друзья вновь въехали в Длинные Розги, Каладиус остановил коня и подошёл к трактиру, около которого до сих пор стояли, не расходясь, люди. Господин Дорни тоже был там.

– Друг мой, – обратился к нему маг. – Не подскажете, как нам ехать?

– Зависит от того, куда вам нужно, мессир.

– Нам нужно в Санн.

– Тогда двигайтесь по этой дороге на запад, до развилки. На развилке поверните налево. Эта дорога доведёт до Торрона. Оттуда двигайтесь к Варсу, ну а там уж рукой подать.

– А куда ведёт правая дорога? – мы прекрасно понимаем, насколько Каладиусу не хотелось проезжать в такой близости от Наэлирро.

– Правая ведёт к Сеалу. Оттуда, конечно, тоже можно добраться до Варса, да только крюк выйдет длиннее.

– Благодарю вас, друг мой, – откланявшись, Каладиус вернулся к друзьям и сел на лошадь.

– Нужно решать, как поедem, – объявил он после того, как лошади были пущены неспешной рысью. – Либо через Торрон, и тогда мы продефилируем чуть ли не под самыми стенами Наэлирро, либо дадим крюк через Сеал. И тот и другой путь опасны, поскольку многолюдны. Кроме того, в тех краях проживает много лиррийских семейств. Но другого пути нет. Мы не можем двигаться по бездорожью, а в Санн ведёт не так много дорог.

– Я думаю, лучше двигаться через Сеал, – предложил Кол. – Там большое количество проезжих, среди них проще затеряться. Торрон – слишком мелкий городишко. Там мы будем слишком приметны.

– Полностью согласен, – подтвердил Варан. – Однозначно – Сеал.

– Что скажете, дорогая? – обратился маг к Мэйлинн.

– По мне главное, чтобы подальше от Наэлирро, – нахмурилась лирра.

– Значит, решено. Помните, пока мы находимся в зоне действия амулета, нас нельзя обнаружить. Кстати, я не вернул его вам, дорогая... – Каладиус полез за пазуху, чтобы достать амулет.

– Не нужно, мессир, – быстро ответила Мэйлинн. – Меня защитит и мой кулон, а этот пусть останется у вас.

– Пусть будет так, – согласился маг. – Итак, едем в Сеал!

***

До Сеала добирались почти неделю. Из этих дней больше пяти дней ползли по убогому просёлку, пока не добрались до Великой имперской дороги. Удивительно, что Латион, вечно называющий себя преемником древней Кидуанской империи, в плане дорог далеко уступал большинству своих соседей. Чего в этом было больше – прижимистости, разгильдяйства, неприяательности – для великого мага так и оставалось загадкой, несмотря на то, что он стоял у руля этого королевства несколько столетий.

Ничего интересного за время путешествия не случилось. Редкие деревни, попадающиеся на пути, не вызвали особого желания остановиться в них на постой, хотя трактиры встречались. Однако чаще останавливались прямо под открытым небом, в палатках, заботливо уложенных в багаж гномами. На подходе был импирий, и ночи были хотя и прохладные, но не холодные. Снега не было уже давно, да и в южном Латионе он редко долёживал даже до месяца весны. Припасов также хватало, а мясо, молоко и хлеб покупали во встречных деревнях.

Наконец выбрались на Великую дорогу. С одной стороны, все вздохнули с облегчением, потому что просёлок вымотал все нервы и растряс все внутренности. С другой – тут было слишком многолюдно, непривычно многолюдно для тех, кто довольно долго путешествовал окольными тропами. Новый торговый сезон уже наступил, поэтому десятки подвод, сотни всадников, десятки сотен пеших сейчас брели в обоих направлениях по имперской дороге. С одной стороны, это давало возможность затеряться, но с другой – каждый встреченный мог оказаться врагом.

Как и встарь, Мэйлинн и Каладиус перебрались в фургон. Лирра никогда не снимала свой фальшивый воротник, скрывающий знаки Наэлирро, но всё-таки предпочитала не светиться лишний раз. Каладиус же чаще сидел на козлах, о чём-то глубоко задумавшись.

Когда до Сеала оставалось не более шести миль пути, случился небольшой казус, значительно подпортивший настроение нашим друзьям.

Кол обогнал очередную тяжело гружёную подводу – одну из нескольких в караване. Рядом с подводами медленно рысил человек на лошади: по всему видно – хозяин всего этого добра. Поскольку поток был довольно плотный, путешественники также ехали не слишком быстро, неспеша обгоняя тянущиеся повозки.

– А я вас знаю! – глянув на Кола, самым радостным тоном неожиданно воскликнул купец, приподнимая мягкую шляпу с маленькими полями.

– Очень сомневаюсь, – довольно недружелюбно ответил Кол, окидывая купца с головы до ног, но тоже приподнимая шляпу в приветствии.

– Да нет же! Точно знаю! – купец лучился счастьем и даже чуть понукал своего коня, принаравливая его к более быстрому шагу лошади Кола. – Я видел вас в Золотом Шатре.

– Никогда там не был, – брякнул Кол, и лишь затем подумал, что, собственно, ничего криминального в том, что он бывал в столице Саррассы, в общем-то, и не было.

– Ну как же! – словно бы даже обиделся купец. – Вы были на той казни, когда казнили тех изменников! Помните? Вы сидели неподалёку от императора.

– А! – Кол изо всех сил принуждал себя оставаться спокойным и любезным. – Так это вы, наверное, видели не меня, а моего брата-близнеца!

– Да, – хитро подмигнул купец. – И он сидел рядом с братом-близнецом того вон господина, – купец кивнул в сторону насупленного Каладиуса, который ехал шагах в сорока позади и напряжённо вглядывался в жизнерадостного купца.

– Точно, – кисло хмыкнул Кол. – В нашей семье близнецы – не редкость. Семейное проклятие, знаете ли...

– Куда путь держите, позвольте полюбопытствовать? – отсмеявшись не слишком смешной шутке Кола, вновь заговорил купец.

Кол оказался в затруднительном положении – с одной стороны, человек проявлял обычную дорожную вежливость насмерть заскучавшего путешественника, которому представилась возможность перекинуться словечком, поэтому, вроде как, грубить и скандалить повода не было. Более того, это могло вызвать ненужный шум и ненужное подозрение. С другой стороны, он ощущал себя словно пойманным с поличным вором, который точно не знает, что о нём известно стражникам, и оттого не знает – в чём признаться, а о чём умолчать.

– В Латион, – наконец буркнул он.

– Какое совпадение! – возрадовался купец. – Я тоже! Можем путешествовать вместе! Сэкономим на судне! Вы чем торгуете?

Озадаченный Кол пытался что-то ответить, как сзади вдруг раздался шум и проклятия. Обернувшись, он увидел, что у их фургона отвалилось колесо. Фургон, в общем-то, стоял и на трёх колёсах, но лошади, нагрузка на которых резко возросла, негодуя ржали и подседали на задние ноги.

– Рад был поболтать! – с облегчением воскликнул Кол, вновь приподнимая шляпу. – Приятного путешествия!

– Может быть, нужна помощь? – купцу не хотелось терять приятную компанию, и он сделал ещё одну попытку остаться.

– Сами управимся! – через плечо бросил Кол. – Езжайте, не задерживайте движение!

Разочарованный купец отдал приказ остановившимся было возницам, и сам вновь пустил свою лошадь шагом. Он то и дело оборачивался, словно надеялся, что поломку вот-вот устранят, и видные попутчики, водящие дружбу с самим императором, вновь окажутся в сетях его лести.

– Что за фрукт? – недовольно спросил Каладиус, слезая с козел. Подоспевшие уже Варан и Пашшан подняли колесо и прилаживали его на место.

– Сарраассанский купец, – поморщившись, ответил Кол. – Признал в нас почётных зрителей казни, сидевших рядом с императором, вот и решил, вероятно, сдружиться на всякий случай. Как удачно получилось, что у вас колесо соскочило!

– Если бы я ждал удачи, пришлось бы ждать очень долго, – ухмыльнулся Каладиус. – Я понял, что вас пора выручать, вот и пришлось пойти на небольшие жертвы.

– Великолепно! – просиял Кол. – Вы не представляете, как мне помогли! Он застал меня врасплох, я не знал, что говорить...

– Да уж, – проговорил подъехавший в своих блистающих доспехах Бин. – Как бы нам так застать тебя врасплох, чтобы ты во время привалов хоть на время бы затыкался?

– Ты всегда такой остряк, или только тогда, когда таскаешь на себе эти железки? – не нашёлся с ответом Кол.

Бин весело рассмеялся, с удовольствием поглаживая свою бородку. Особенно ему стало приятно, когда он услышал, как прыснула от смеха в фургоне Мэйлинн.

– Что будем делать с купцом? – придерживая колесо, пока его прилаживал Пашшан, осведомился Варан.

– В каком смысле? – не понял Кол.

– Он вас узнал. Может наболтать лишнего. А в городе вполне могут найтись люди, или лирры, которые сумеют сложить два и два.

– Ты что, собираешься убить мужика только за то, что он со мной поговорил? – ошарашенно спросил Кол.

– Да зачем же убивать! – поморщился Варан, словно услышал что-то оскорбительное. – Уверен, мессир может что-нибудь придумать.

– Что же, например? – ворчливо осведомился Каладиус.

– Ну, может быть, стереть ему память о нашей встрече. Или о том, что он видел вас во время казни.

– Это будет несколько негуманно, друг мой, – возразил маг. – Вы, должно быть, представляете человеческую память в виде этакого скрученного свитка, куда воспоминания заносятся строка за строкой? Увы, на деле всё не так. Наша память больше похожа на косметический сундучок столичной кокетки – в ней также творится полный беспорядок, или, можно сказать, порядок, понятный лишь его хозяйке. Поэтому я не смогу уничтожить только те воспоминания, которые захочу. Мне придётся действовать, словно взводу лучников, палящих в темноту, в надежде, что хоть одна стрела попадёт в цель. При этом несчастный может забыть многое.

– И что же – мы просто так его отпустим? – резко спросил Варан.

– Нет, давай лучше его убьём, а вместе с ним – ещё несколько десятков тысяч людей, что были на той треклятой площади! – взорвался Кол.

– Спокойно! – из фургона появилась голова Мэйлинн. – Мы не будем никого убивать, не будем никому стирать память, и вообще пусть этот несчастный едет своей дорогой. Вероятность того, что мы увидимся, можно свести к минимуму, если мы обождём ещё часок тут, на обочине. А в самом Сеале мы уже и не встретимся. Нам ведь и в город-то заезжать незачем – обогнём его по окружной дороге, и двинемся сразу на Варс.

– Ваш голос, дорогая, как всегда – голос мудрости, – проговорил Каладиус, вновь влезая на козлы, чтобы отогнать фургон к обочине. – Так мы и поступим!

Так они и поступили. Выждав для верности полтора часа, путешественники вновь отправились в путь. Через час с небольшим они достигли Сеала. Небольшой городок, играющий столь важную роль в связи двух могущественных держав, Сеал не выглядел внушительно. Невысокие стены, невысокие дома, да и сам городок невелик. Когда-то, в незапамятные времена, здесь стояла простая рыбацкая деревушка, но после того, как в неё упёрлась знаменитая Великая дорога, судьба этой деревушки изменилась раз и навсегда.

Зимой население Сеала было не слишком велико, но с весны по позднюю осень оно увеличивалось кратно – число приезжих и проезжих в несколько раз превосходило число самих жителей. К сожалению, это не шло городу на пользу, и за Сеалом закрепилась довольно сомнительная слава города грязи, воров и шлюх. Местные жители за долгие века разучились зарабатывать деньги физическим трудом. Кто-то содержал многочисленные постоянные дворы, харчевни, склады; кто-то сделал бизнес на водных перевозках; остальным же куда проще было заниматься более сомнительным родом занятий.

Никто из путешественников не горел желанием побывать в этом городке. Варан и Каладиус, каждый в своё время бывали там, и ни один из них не вспоминал те времена с ностальгией. Поэтому, как и говорила Мэйлинн, кавалькада, не доезжая до города, свернула на запад, чтобы по объездной дороге выбраться на Варский тракт.

Единственную остановку сделали у небольшого стихийного развала, где прямо с колёс, с лотков шла весьма бойкая торговля. Каладиус углядел что-то на одном из лотков, остановил фургон и направился к торговке. Они оживлённо поговорили с несколько минут, затем женщина что-то отсчитала в ладонь мага, и тот, довольный, вернулся назад.

– Что это у вас там, мессир? – спросил Кол, хотя все заинтересованно глядели на Каладиуса.

– Колечки, – улыбнулся маг.

Он раскрыл ладонь, и там действительно лежали полдюжины дешёвых тоненьких колечек, сделанных, возможно, из серебра, а возможно – из куда более дешёвого металла. На каждом колечке был прикреплён небольшой ярко-оранжевый камешек, не больше просового зёрнышка.

– Зачем вам эти безделушки? – неподдельно удивился Кол.

– Вы знаете, друг мой, как называют в народе эти камешки? – вопросом на вопрос ответил маг.

– Понятия не имею... «Деньги на ветер»? – отшутился Кол.

– Его называют «ведьмин камень», – наставительно произнёс Каладиус. – Потому что они хорошо поддаются наложению чар. Конечно, это чары, мало подходящие для боевых заклинаний. Скорее это симпатическая магия, как раз такая, какой обычно промышляют ведьмы – привороты, отвороты, наговоры...

– Уж не замыслили ли вы приворожить нашу Мэйлинн? – рассмеялся Кол.

– Да куда мне! – в том же тоне ответил Каладиус. – Но эти колечки могут оказаться нам полезны. Я зачарую их на то, чтобы чувствовать друг друга. Каждый из нас оденет такое, и, если с кем-то что-то случится, достаточно будет повернуть кольцо камнем внутрь, и все остальные тут же узнают об этом.

– С чего это вы вдруг этим озаботились, мессир? – прищурился Кол, вглядываясь в глаза мага.

– Просто так, – ссыпая колечки в карман, ответил волшебник.

Глава 65. По памятным местам

Поначалу дорога шла вдоль побережья озера Примион. Ей, конечно, было далеко до Великой имперской дороги, но на ней хотя бы не было ухабов и глубоких, наполненных грязной жижей, ям. В общем, вполне обычная для Латиона средней руки дорога.

Не слишком высокое качество тракта с лихвой компенсировалось окружающим видом. Блестящая, до самого горизонта расстилающаяся поверхность озера, даже сейчас, в не слишком-то ясную погоду, отливающая серебристой голубизной, высокие живописные холмы, которые вот-вот оденутся пушистым ковром зелёной листвы, стройные кипарисы, не терявшие свою тёмную зелень даже зимой. В общем, всё было именно так, как описывала Мэйлинн в своём рассказе, ведь это были места её детства.

Вообще, если быть точнее, то те места, где находился летний замок семьи Айрига, находились намного западнее, а дорога на Варс постепенно брала южнее, всё больше отдаляясь от чудесного озера, так что спутникам лирры не было суждено увидеть прекрасный голубой замок на вершине холма. Наверное, это было к лучшему – Мэйлинн и так захандрила, глядя на проплывающий мимо пейзаж. Быть беглецом и изгоем всегда тяжело, и подавно – когда тебе всего двадцать.

Однако все эти земли считались исконными лиррийскими владениями, так что, хотя дорога на Варс не была столь многочисленна, как имперская, но путешественников на ней было порядком, и среди них иногда встречались лирры. Мэйлинн теперь совсем не казалась носом из своего фургона, оглядывая окрестности сквозь узкую щёлочку.

Путешествие до Варса прошло так же спокойно, как и предыдущее. Здесь люди, передвигающиеся группами по шесть и более человек, не были такой уж редкостью, так что на наших путешественников внимания уделялось не более, чем любых других. Мэйлинн старалась сторониться посторонних глаз, но если всё же кто-то видел её, обычно окидывал лишь равнодушным взглядом – не более. К лиррам тут привыкли, а ошейника Наэлирро на Мэйлинн было не разглядеть. Останавливались в постоянных дворах – это было менее подозрительно.

На пятый день пути впереди показались стены Варса. В отличие от того же Сеала, Варс был весьма крупным городом, вторым по величине после Латиона. Он стоял на землях, испокон веков принадлежавших лиррам, и это было заметно в его архитектурном ансамбле. Если бы нужно было охарактеризовать общий стиль Варса одним словом, то лучше всего подошло бы «помпезность». Он был помпезен во всём. Город словно служил ареной для состязаний между лиррийскими и человеческими зодчими. Каждое здание словно стремилось перекричать другие. Всё это создавало давящую безвкусную мешанину, отчего город начинал выглядеть почти пугающе. Недаром Мэйлинн никогда не любила Варс, предпочитая ему куда более мелкий провинциальный Торрон.

– Здесь мы сделаем остановку, – объявил Каладиус. – Пополним припасы и отдохнём денёк. Это наша последняя остановка перед поисками Шеара.

– Не слишком ли опасно оставаться в этом городе? Тут ведь наверняка полно шпионов Ордена! – обеспокоенно спросил Кол.

– Варс – город большой, многочисленный, – ответил маг. – Если будем осторожны, то всё обойдётся. Найдём себе тихую гостиницу, переночуем, а на другой день отправимся на запад.

– Далеко ли отсюда до Наэлирро? – полюбопытствовал Варан.

– Миль двадцать пять, ежели по прямой, – ответил Каладиус. – По дорогам, конечно, выйдет длиннее.

– Это, значит, ты отсюда пешком до Латиона добралась? – со внезапным изумлением спросил лирру Бин. Конечно, он всегда это знал, но лишь сейчас он осознал, как далеко отсюда находился его родной город.

Надо сказать, что теперь, когда за плечами Бина лежали сотни миль пути, он уже не комплексовал перед Мэйлинн так, как это было в первые дни их знакомства. Сейчас он видел, считай, столько же, сколько и она, пережил несколько схваток, повидал многих великих людей и властителей этого мира. Но в эту секунду он вдруг на миг вспомнил то своё ощущение, когда он глядел на девушку, скорее даже девочку, которая уже побывала в стольких местах и даже умела читать по карте. Окидывая мысленным взором весь проделанный путь, и уже примерно представляя расстояния на карте, Бин вновь был до глубины души поражён железным характером его хрупкой подруги.

– Представь себе, отсюда и пешком! – усмехнулась Мэйлинн.

– А ты часто бывала в Варсе? – поинтересовался Кол.

– Не настолько часто, чтобы меня тут запомнили, – девушка тут же поняла, куда клонит легионер. – Приезжали иногда на выходные, развеяться. Иногда – для каких-либо практических занятий. Кстати, примерно год назад у нас была здесь трёхнедельная практика по медицине. Учились врачевать реальных больных, потому что в Школе получалось изучать болезни только в теории.

– Так ты ещё и лекарь к тому же? – удивился Бин.

– А что – это более удивительно, чем лучница или наездница? Я ведь уже объясняла – надо же было нашим преподавателям чем-то занять нас в течение четырнадцати лет обучения!

– Ну лучницей и наездницей ты себя показала отменной, – встрял в разговор Кол. – Что же ты не проявила свои таланты, когда меня подстрелили?

– Странно, – показала ему язык лирра. – А мне вот казалось, что это я стащила тебя с Белого пути тогда!

– Да я знаю, – тепло улыбнулся Кол. – Спасибо.

– Не за что, – вернула улыбку Мэйлинн. – А вообще в тот раз нас учили врачевать не раны, а болезни. Моя подопечная болела огневицей. Страшный жар, обмороки, сыпь по всему телу. Обычно болезнь не смертельна, но в моем случае у девочки были серьёзные осложнения. Я же сказала, что это была девятилетняя девочка? Ну так вот, она была дочерью дровосека, полусироткой, так как мать её умерла уже давно. И отец постоянно таскал её с собой в лес. А как заболела, стал лечить какими-то народными средствами – то болотный мох к вискам прикладывал, то мороженой клюквой натирал... В общем, когда она оказалась у сестёр-врачевательниц, с которыми сотрудничала Школа, то была уже почти при смерти. И вот меня назначили её выхаживать.

– И что с ней случилось? – в голосе Бина слышалось живое участие, вероятно, снова вспомнил свою любимицу-Нару.

– Я не знаю, – помрачнела лирра. – Мы уехали обратно в Наэлирро через несколько дней после её поступления. Состояние у неё было очень тяжёлое – она постоянно бредила и... – Мэйлинн поперхнулась. – Она называла меня мамой...

Голос лирры внезапно осип, а на глаза навернулись слёзы.

– Каждый раз, когда ей было особенно плохо, она, схватив меня за руку, всё повторяла: «Мамочка, я же не умру?», «Мамочка, обещай, что я не умру»... – рыдания спазмом сдавили ей горло. – И я всегда говорила ей, что она обязательно поправится... Иногда она говорила, как она рада, что я, то есть её мама, на самом деле жива, просила вернуться обратно к ним с папой... – слезы ручьями текли по щекам Мэйлинн. – После такого я убегала в какую-нибудь комнату и рыдала иногда часами, пока меня не разыскивала преподавательница, или кто-нибудь из сестёр-сиделок.

– А что же отец? – спросил Бин, судя по голосу, уже готовый обрушить на несчастного праведный гнев.

– Отец приходил так часто, как мог, – словно оправдываясь, зачастила Мэйлинн. – Но они были очень бедны, так что он почти всё время проводил в лесу. Я даже была у них дома – как-то занесла ему еды и немного денег. Это был даже не дом – они жили в подвале какого-то особняка. Вместо окон – небольшие отдушины под потолком, сырость и холод. Но даже при этом отец сперва отказывался принять деньги. Лишь когда я втолковала ему, что Анни потребуются лекарства, он согласился.

– Так малютку звали Анни? – хриплым голосом спросил Кол.

– Да, – большие прекрасные лиррийские глаза сверкали от слёз. – Её *зовут* Анни.

Кол совсем смутился, поняв, что сморозил глупость.

– Я уверен, что она поправилась и сейчас живёт, с благодарностью вспоминая тебя, – неуклюже попытался оправдаться он.

– Э, дорогая моя, – протянул Каладиус, внимательно вглядываясь в лицо лирры. – Я уже вижу, что вы хотите сказать! И вынужден сразу ответить – нет, мы не станем навещать эту несчастную девочку. Напротив, мы будем за тысячу шагов обходить все места, где вас могут узнать. Можете считать меня чёрствым сухарём, – теперь маг обращался будто бы ко всем присутствующим. – Но даже эта трогательная история не заставит меня передумать. Наш план предельно прост – находим гостиницу, отдыхаем, не показывая носа на улицу, затем так же тихо уезжаем.

– Но вы же говорили о том, что нужно пополнить запасы! – слабо возразила Мэйлинн.

– И этим займусь я лично, – отрезал Каладиус. – Не думаю, что у Ордена есть возможности, чтобы зацепить меня поиском, даже если я буду у них под носом. Я сделаю все необходимые распоряжения, а вы же все это время будете спать в своих кроватях, да так, чтобы все вы были в пределах двадцати четырёх футов от амулета.

По тону мага стало понятно, что никакие возражения приняты не будут. Мэйлинн вновь скрылась в фургоне, опустив полог так, чтобы никто не мог её увидеть. Её огорчённые друзья дали шпоры лошадям, надеясь, что быстрая езда разгонит хандру. И таким образом не прошло и получаса, как путешественники въехали в Варс.

Город встретил их обычным гомонящим гулом всех больших городов. Сотни людей, которым нет никакого дела до ещё нескольких новых горожан, въезжающих через ворота. Стражники, ленивыми взглядами оглядевшие фургон и всадников, и решившие, что тут всё в порядке и нет повода для остановок и досмотра. Обычная вонь городских улиц, где в причудливом букете смешивались запахи свежего хлеба, готовящейся еды, конского навоза и нечистот, а также множество других более или менее приятных запахов. Свою нотку вносила весна, приглушая обычное зловоние той свежестью, которую ни с чем нельзя спутать, и, вдыхая которую, каждый улыбается: «Весной пахнет!».

Варс был далеко не самым грязным из всех городов, что повидали на своём пути искатели Башни. По сравнению с теми же бедными кварталами Шатра он и вовсе мог показаться образцом чистоты и санитарии. Однако массивность и вычурность зданий, непропорционально больших по сравнению с не слишком широкими улицами, создавали ощущение какого-то сумрака и тяжести, едва ли не духоты. Здесь даже не было знакомых по другим городам бедных кварталов. Точнее, они были, но не выглядели привычными трущобами. Это были многоэтажные каменные домины, почему-то казавшиеся Бину куда более отталкивающими, чем его собственная хибара в Латионе. Создавалось впечатление, что эти толстые стены изнутри давили жильцов в их ничтожных квартирках и комнатушках, подобно стенам тюрьмы.

– Что-то мне кажется, что уж сюда я точно на старости лет не перееду, – проворчал Кол, разделяя общее впечатление от Варса.

Казалось, что тяжесть архитектуры непосильным грузом давила на жителей города. Почти не было улыбающихся, простодушных лиц, редко звучали задорные громкие голоса. Даже детишки, иногда попадавшие на глаза путешественников, казались озадаченными какой-то космологической неразрешимой проблемой. Столь же странным было выражение лиц и других местных жителей: они брели, глядя словно бы внутрь себя, с отрешёнными лицами людей, обременённых неподъёмным грузом проблем.

– Если проводить конкурс на самый унылый город мира, другим городам придётся попотеть, чтобы выиграть у Варса, – продолжал комментировать Кол. – Они что – вообще никогда не радуются? Да даже в поражённых сифилисом кварталах Золотого Шатра люди выглядели более жизнерадостно!

– Отчасти это, возможно, снобизм жителей второго по величине города королевства, – усмехнувшись, ответил Каладиус. – С одной стороны, их немного коробит, что они – не первые, с другой – они всё-таки больше всех остальных. Южная столица Латиона, как иногда называют Варс.

– Кто называет? – без особого, впрочем, интереса спросил Бин, хотя никогда прежде не слышал подобного определения.

– Наверное, сами жители Варса, – с ни с чем не сравнимым презрением столичного жителя фыркнул Кол.

– Не стоит насмехаться над славным городом, предоставившим нам временное пристанище! – впрочем, судя по тону Каладиуса это было очередной замаскированной издёвкой. – Зато всем известно, что Варс – город мануфактур! Промышленный центр королевства.

– Так вот чего они все такие замученные! – с видом человека, которого посетило величайшее озарение, воскликнул Кол. – Им бы побольше отдыхать!

– Увы, жизнь в Варсе очень дорога, – теперь уже без тени шутки ответил маг. – Жилье стоит очень дорого, ведь здесь что ни дом, то почти что хоромы. Да и всё остальное стоит заметно дороже, чем в том же Латионе, поскольку каждый старается раздобыть средства к существованию.

– Неудачное место, мессир, вы выбрали для пополнения запасов, – покачал головой Кол.

– Просто есть такие запасы, которые не пополнишь в другом месте, – уклончиво ответил Каладиус.

– Вон, поглядите-ка, – махнул рукой Варан, подъехавший ближе. – Кажется, вполне неплохое местечко, чтобы остановиться.

От улицы, по которой ехали путешественники, отходил переулок, заканчивающийся тупиком. Тупик этот образовывало здание, в котором по всем признакам можно было распознать постоялый двор средней руки. Главное, что народу поблизости от гостиницы не наблюдалось, да и само место выглядело тихим и уединённым.

– Согласен, – окинув местность цепким взглядом, ответил маг. – Неплохое расположение и, главное, тихо.

– А название-то какое, – с нехорошим смешком проговорил Варан, глядя на нахмурившегося Кола. – «Тройка лошадей»...

Мы помним, что у легионера, по его собственному убеждению, не сложились отношения с заведениями, поштучно отсчитывающими животных.

– Ну это всё же не «Четыре зайца», – буркнул Кол, вспоминая тот разговор с Вараном в таверне «Три кита». – Будем надеяться, что проклятье пало.

Сказав это, Кол сделал попытку рассмеяться, но получилось донельзя фальшиво.

***

Внешний вид гостиницы полностью соответствовал содержанию. Действительно, здесь было тихо, немногочленно и полно свободных номеров, правда, не страдающих излишними роскошествами, ну да на одну ночь, да ещё и после ночёвок в палатках, она вполне подходила. Памятуя о том, что никто из спутников не должен был отдаляться больше, чем на двадцать четыре фута от амулета, решили, что все мужчины будут спать в одной большой комнате, а Мэйлинн достанется комната на одного. Правда, пришлось смириться с тем, что комната лирры оказалась на первом этаже, а более дешёвые многоместные номера располагались на втором.

Справедливости ради нужно отметить, что, например, Пашшану не стоило опасаться заклятий поиска, учитывая, что вероятность того, что какая-либо из его вещей оказалась в руках Ордена, была практически нулевой. Также и Каладиус убеждал, что никакому магу не под силу зацепить его поисковым заклятием и, учитывая опыт и силу волшебника, не было оснований этому не верить. Кстати, именно поэтому Каладиус взял с собой баинина, и они вместе отправились в город «пополнить припасы», как выразился маг.

Кол, Бин и Варан остались втроем, коротая время за обычными картами. Впрочем, вскоре к ним присоединилась и Мэйлинн, которой не очень-то охота было сидеть в одиночестве.

– Как жаль, что мессир не взял меня с собой! – огорчённо проговорила она, плюхаясь на кровать рядом с Бином. – Я же тоже защищена от заклятий поиска! Накинула бы капюшон, никто бы не узнал меня.

– Незачем рисковать, – не отрывая глаз от своих карт, ответил Кол. – Всё-таки в Варсе ты периодически бывала. Всякое может быть. Случайный порыв ветра – и твоё лицо увидят именно те, кто видеть его не должен. Поскорей бы уж эта ночь прошла, да выбраться бы из этого города!

– Всё боишься, что три лошади принесут тебе новые неприятности? – сверкнул своими белоснежными искусственными зубами Варан.

– Да ничего я не боюсь! – раздражённо бросил Кол. – Просто не нравится мне этот город. И предчувствия какие-то нехорошие.

– Не беспокойся! – Варан с лёгкостью отбил все карты, брошенные под него соперниками. – Если бы нас засекли, то постарались бы взять ещё во время дороги – меньше шума. Раз мы благополучно въехали в город, стало быть – благополучно и выедем!

– Да, – мрачно проговорил Кол. – Только если они опасаются лишнего шума... А если нет? Тогда место для ловушки идеально – в этих четырёх стенах нас куда проще застать врасплох.

– Они уже пытались, – самодовольно ухмыльнулся Бин, вспоминая Дуондур. – И у них не получилось. Мне тоже кажется, что проще было бы справиться с нами хоть даже в той рощице, где мы ночевали вчера. А тут – двери, стены, окна со ставнями. У них ничего не получится.

– Надеюсь, вы правы, – однако весь вид Кола говорил, что друзья его ничуть не убедили.

– Я тоже думаю, что нам ничего не грозит! – подхватила Мэйлинн, очевидно, преследуя свою цель. – Мы защищены от поиска, Варс – огромный город с десятками тысяч людей и лирр. Найти нас просто невозможно. Да и даже если бы мы вышли на улицу...

– Мы не выйдем на улицу! – резко осёк её Кол. – Мессир велел ждать его здесь, этим мы и займёмся.

– Ты хочешь узнать, что случилось с той девочкой? – участливо спросил лирру Бин, видя, как она огорчена.

– Тут от силы час ходу до её дома, – тихо пробормотала Мэйлинн. – Я бы только туда – и сразу обратно!

– Прости, подруга, но ты никуда не пойдёшь, – решительно произнёс Кол и оглянулся, ища поддержки друзей.

– Это будет очень неразумно, Мэйлинн, – мягко проговорил Варан. – Да и бессмысленно. Сейчас она для тебя ещё жива. А представь, что ты придёшь туда и узнаешь, что она уже почти год как умерла? Не лучше ли оставить себе эту надежду?

– Они правы, – с тяжёлым вздохом сказал Бин и отвёл глаза.

Теперь, лишившись последней поддержки, Мэйлинн поняла, что разговор на этом исчерпан. Более того, она прекрасно понимала, что её друзья абсолютно правы, как это не печально.

– Ладно, – буркнула она. – Возьмите меня, что ли, четвертой! Сыграем по парам!

***

Каладиус и Пашшан вернулись, когда уже стемнело.

– Что это вы с пустыми руками, мессир? – приветствовал его Кол.

Друзья последние пару часов уже просто сидели, изредка перебрасываясь фразами. Карты осточертели всем, а заняться особо было нечем. Бин, было, предложил Варану выйти во внутренний двор, чтобы поупражняться на мечях, но Кол сразу же пресёк эту идею. Так они и сидели в одной комнате – в тишине и мрачном настроении.

– Совсем не с пустыми, – ответил Каладиус, окидывая взглядом картину всеобщего уныния. – Пришлось, конечно, поискать, но то, что нужно, я нашёл.

– И что же это? – в собеседниках проснулось любопытство.

– Узнаете в своё время, – улыбнулся Каладиус. – Хотя, надеюсь, не придётся.

– Эти тайны так уж необходимы, мессир? – сварливо спросил Кол.

– Увы – да, друг мой, – виновато развёл руками Каладиус. – Иначе я бы сказал. Ну что, не пора ли нам поужинать как следует? Нас сейчас как раз встретил хозяин и объявил, что ужин уже готов.

– Отлично, – лицо Кола чуть разгладилось. – Подкрепиться я не прочь.

– Пашшан, друг мой, будь добр – сходи, распорядись, чтобы ужин подали сюда, – попросил Каладиус, и баинин, молчаливо кивнув, вышел.

– А далеко ли отсюда до этого Шеара? – поинтересовался Кол, когда волшебник уселся за стол.

– По прямой – вдвое ближе, чем до Сеала, – ответил Каладиус. – Беда в том, что больше половины пути придётся продвигаться почти без дорог. Я очень опасаясь насчёт нашего фургона. Он, конечно, крепкий, да и тяжеловозов мастер Дорни дал добрых и выносливых, но, возможно, его придётся оставить.

– Что ж, пойдём налегке, – легкомысленно пожал плечами Бин. Теперь он уже чаще заговаривал во время подобных советов.

– Я тоже думаю, что ничего страшного не случится, – согласился маг. – У нас не так много вещей. Кое-что можно будет навьючить на тягунов.

– И что же – там, в Санне, действительно бескрайние леса? – несколько мечтательно спросила Мэйлинн. Она уже бывала в океане, но в безбрежных лесах пока ещё не приходилось.

– Ну, конечно там есть и дороги, и поля, и деревни, – отвечал маг. – Но в целом – да, можно сказать, что весь Санн – это один большой лес.

– А найдём ли мы дорогу к этому Шеару, если он давным-давно необитаем? – поинтересовался Варан.

– На этот счёт можете не волноваться, – кивнул Каладиус. – У меня есть карта – одно из моих сегодняшних приобретений. Не скажу, что она далась дешево, но зато теперь мы, надеюсь, не заблудимся.

В дверь постучались, а затем вошли слуги, несущие подносы с едой. Сопровождал их лично хозяин гостиницы.

– Не изволите ли ещё чего-нибудь? – с подобострастием любого хозяина постоянного двора осведомился он.

– Спасибо, друг мой, – ответил маг. – Если здесь всё, что было в заказе, то больше нам ничего не нужно.

– Если что – зовите в любой момент, – хозяин, раскланявшись, вышел.

От стоящих на столе подносов шёл дразнящий аромат, так что все, кроме Мэйлинн, тут же бросились занимать места. Лирра же осталась сидеть на кровати.

– А ты чего застряла, подруга? – удивлённо посмотрел на неё Кол.

– Да что-то не хочется, – вяло ответила Мэйлинн.

– Надо поесть, дорогая, – отчески проговорил Каладиус. – Перекусите немного, да отправляйтесь спать. Завтра встаём до зари.

– Пожалуй, я сразу пойду лягу, – вставая, проговорила лирра.

– Выпей хоть молока с хлебом! – заботливо предложил Бин.

– Спасибо, не хочется, – поглядев на глиняный кувшин, накрытый тряпицей, ответила Мэйлинн.

– Что ж, спокойной ночи, дорогая! – напутствовал её маг. – Отдохните хорошенько.

– И вам всем – спокойной ночи, – напоследок Мэйлинн улыбнулась друзьям. – До завтра!

– Она расстроена, – отметил очевидное Бин.

– Знаю, – кивнул маг. – Но по-другому было нельзя.

– Ладно, приступим к еде! – потёр ладони Кол. – Я, хотя и тоже несколько расстроен, но настроение у меня никогда не влияет на аппетит.

– А вы чем расстроены, друг мой? – удивился маг.

– У него предчувствие, – хмыкнул Варан, наполняя бокалы друзей вином. Дойдя до бокала Кола, он поднял взгляд на приятеля, и тот отрицательно покачал головой. Мастер Теней пропустил его стакан и стал разливать дальше.

– Что ж, – беря свой бокал, проговорил Каладиус. – Давайте выпьем за то, чтобы предчувствия подвели нашего дорогого друга!

– Отличный тост, мессир! – поднял свой бокал и Варан. За ним то же самое сделали Бин и Пашшан.

– А, Гурр с вами! – рассмеявшись, воскликнул Кол. – Налейте и мне, только немного! За такое грех не выпить!

– Вот это разговор! – обрадовался Варан, тут же плеская в кружку товарища багровой жидкости на пару пальцев.

Чокнувшись, приятели осушили свои бокалы, а затем воздали должное закуске.

Мэйлинн же, вернувшись в свою комнату, не зажигая свечей, какое-то время стояла у окна, глядя на тёмную улицу. Где-то вдали мерцал робкий свет уличных фонарей, но здесь, в переулке, не горели почему-то даже окна в домах.

Постояв так с четверть часа, Мэйлинн, похоже, наконец решила. Решительными движениями она достала свой верный арбалет, зарядила его, взяла ещё несколько болтов на всякий случай, а затем, тихонько отворив окно, выбралась наружу. Она примерно знала ту часть города, в которой находилась, и была уверена, что сможет найти дорогу к дому Анни – девочки, которая когда-то называла её мамой. Если всё будет хорошо, то через пару часов она вернётся обратно, и никто ничего не заметит.

Несмотря на позднее время, Мэйлинн не боялась нападений. При ней, кроме арбалета, был ещё и кинжал. Кроме того, она уже столько раз смотрела в лицо опасности, что была

уверена в том, что несколько уличных грабителей, даже если они действительно встретятся, не станут серьезной проблемой.

Выбравшись на скудно освещённые улицы, лирра быстрым шагом двинулась в сторону северной части города. На улицах было немногочисленно, но отдельные прохожие, а чаще – небольшие группы весело галдящих молодых людей, всё-таки попадались. Никто из них не обращал внимания на одинокую тень, укрытую в глухой плащ.

Вскоре Мэйлинн стала узнавать улицы, на которых бывала год назад. Сердце забилося сильнее – ещё четверть часа, и она будет на месте. Мэйлинн непроизвольно ускорила шаг. Она уже почти бежала, хотя внутри неё всё рос холодный комок страха. А что если Варан прав, и она встретит лишь безутешного отца? Чем ближе был заветный дом, тем больше смирала шаги лирра. Дыхание перехватило, но не от быстрой ходьбы, а от непомерного волнения. Что ж, пребывать в неведении оставалось не больше десяти минут.

Что-то ужалило лирру в ладонь – словно она случайно придавила ею осу. Мэйлинн подавила крик и подняла руку к лицу, словно бы действительно ожидая увидеть там кусачее насекомое, несмотря на середину весны. Но недоумение на её лице очень быстро сменилось ужасом. Мэйлинн поняла – кто, а точнее что укусило её ладонь. Это было кольцо. То самое колечко, полдюжины которых Каладиус купил у торговки близ Сеала и позднее роздал всем спутникам. Вместе с этим осознанием пришёл ответ от кольца – с Колом случилась какая-то беда.

Глава 66. Счастливым случаем

Сердце бешено билось в груди. Не жалея ног, не жалея дыхания Мэйлинн мчалась по темным улицам Варса. Иногда ей казалось, что она заблудилась, и паника подступала к горлу тошнотой, но, взяв себя в руки, лирра в конце концов всегда убеждалась в том, что бежит правильно. Какие-то фрагменты окружающей обстановки всплывали в памяти, подтверждая, что она уже тут проходила, просто мысли её были так заняты предстоящей встречей, что она почти не обращала внимания на то, что видела вокруг.

Хоровод мыслей бесновался сейчас в её голове. Безумная, отчаянная надежда на то, что баламут-Кол совершенно случайно повернул своё кольцо, не заметив этого. Чуть виноватая мысль о том, что её отсутствие, возможно, было замечено, и именно таким способом ей это дали понять. Мэйлинн успокаивала себя, как могла, мыслью о том, что пятеро вооружённых, опытных мужчин не дадут захватить себя врасплох. Ведь среди них каждый – герой, да плюс один из них – величайший маг современности. Но ощущение чего-то нехорошего продолжало свербеть в воспалённом мозгу. Нет, с отчаянием думала Мэйлинн, никто из её друзей никогда бы не повернул кольцо просто так, или случайно. Что-то стряслось!

Вот она, гостиница. Лирра замедлила шаг, принуждая сердце биться реже, а дыхание – успокоиться. Теперь спешить нельзя. Каждый шаг – словно по натянутой над пропастью верёвке. Арбалет, этот верный и старый друг (как ни ужасно это звучало), привычно и удобно лёг в ладонь. Ещё два болта – в другую руку, чтоб были наготове. Теперь – вперёд.

Лирры славятся лёгкостью шага. Когда нужно, лирра может проскользнуть незаметно почти где угодно. Сейчас было нужно. Буквально вжимаясь в шершавые стены домов, мягко ступая, Мэйлинн шаг за шагом приближалась к злополучной гостинице. Света нигде не было видно, правда, окна комнаты её друзей выходили на другую сторону. В окне комнаты Мэйлинн света, естественно, не было также. Комната казалась совершенно пустой, но лирра не спешила заглядывать туда.

Добравшись до окна своей комнаты, Мэйлинн осторожно сползла по стене, присев на корточки и облокотившись спиной о шершавую извёстку. Замерев, она стала прислушиваться к тому, что происходило в комнате. Все её чувства напряглись до недоступного человеку предела. Мэйлинн пыталась ощутить *возмущение*, почувствовать то, что невозможно ни увидеть, ни услышать.

Так она сидела без малейшего движения не менее двадцати минут. Ноги затекли, но Мэйлинн даже не шелохнулась. Сейчас она этого даже не ощущала, пытаясь почувствовать что-то. И наконец она была вознаграждена за своё терпение. Да, в её комнате кто-то был. Этот кто-то был так же нечеловечески терпелив, как и она, но он не ждал подвоха, поэтому, вероятно, позволил себе поменять позу. Он лишь слегка пошевелился, нога в мягкой подошве еле шаркнула по половицам, но лирре этого было достаточно.

Засада! И, вероятно, там не один противник. Если ассасины решили не изменять своим привычкам, то их там может быть трое. Значит, сигнал от кольца Кола не был ложным, и с её друзьями действительно случилась беда. Не давала покоя мысль – почему повернуть кольцо удалось лишь Колу? Но до поры Мэйлинн просто гнала её, заталкивала в самые глухие уголки сознания, не позволяя себе думать, что остальные её друзья могут быть просто мертвы. Да и Кол тоже...

Сейчас нужно было думать о другом. Нужно было разработать план действий. Если ассасинов в комнате больше одного, справиться с ними будет практически невозможно. Они ждут её, они – словно взведённые пружины. Их реакция обострена до предела. С одним бы она, возможно, ещё справилась бы, но... Мэйлинн до крови закусила губу, чтобы не застонать от безысходности.

Нужно отыскать друзей. Увы, простое заклинание, наложенное на кольца, исчерпывалось лишь оповещением об опасности. Чувствовать друг друга волшебные колечки не могли. Спутники Мэйлинн могли находиться сейчас как в тридцати шагах от неё, в своей собственной комнате, так и в нескольких милях отсюда. Сколько было нападавших? Все ли они тут? Слишком много вопросов...

Слабый оранжевый свет вдруг пролился из окошка, находившегося дальше от Мэйлинн, неподалёку от входа. Это не могли быть нападавшие – они не будут настолько безрассудны. Без малейшего шума Мэйлинн скользнула туда, хотя ноги онемели и отозвались колющей болью. Добравшись до окна, лирра осторожно заглянула в него.

Это был трактирщик. Он вошёл в свою, вероятно, комнату, держа в руке огарок свечи. Было видно, что он бледен, и что руки его заметно дрожали. В момент, когда в окно заглянула Мэйлинн, трактирщик непослушными пальцами пытался расстегнуть ворот рубашки. Вероятно, собирался укладываться спать.

Одного мгновения было достаточно, чтобы понять, что трактирщик, очевидно, в курсе произошедшего. Значит, необходимо пообщаться с ним. Мэйлинн не сомневалась, что он выложит всё, что знает. Оставалось только проникнуть внутрь, и это была проблема. Входная дверь наверняка заперта. Обнаружить открытое окно казалось маловероятным, учитывая, что ночь была весьма свежая. Малейший шум – и ассасины будут тут как тут.

Счастливый случай пришёл на помощь почти отчаявшейся девушке. Внезапно легонько звякнуло, открываясь, окно над её головой. Вероятно, трактирщику стало душно – то ли оттого, что случилось в его гостинице, то ли действительно чересчур натоплено было в помещениях, и вот он приоткрыл окно. Шумно глотнув свежего воздуха, хозяин вновь отошёл от окна и тяжело упал на постель. Слышно было, как он возится со шнурками, стягивающими рубашку. Затем, вероятно, так и не справившись с этим предметом одежды, он кое-как скинул тяжёлые башмаки и лёг. Зашуршало натягиваемое одеяло, скрипнула кровать – вероятно, трактирщик отвернулся к стене.

Он долго ворочался, вздыхал и даже постанывал. Всё это время Мэйлинн неподвижно сидела у приоткрытого окна, молясь лишь о том, чтобы его вновь не закрыли. Наконец трактирщик, похоже, успокоился и затих. Неясно – спал ли он, но Мэйлинн не могла больше ждать. Медленно распрямившись, так, что не издал ни малейшего шороха её плащ, она осторожно развязала его шнуровку и очень аккуратно сняла. Если при этом и был какой-то шум, то уж не туговатому уху трактирщика было его услышать.

Освободившись от мешавшего плаща, Мэйлинн медленно и осторожно стала приоткрывать оконную створку, надеясь, что петли не скрипнут, а усилившийся поток прохладного воздуха не побудит засыпающего мужчину встать, чтобы закрыть окно. Наконец, через несколько мучительно долгих минут окно было открыто настолько, что в него могла проскользнуть худенькая девушка вроде Мэйлинн. К счастью, окна гостиницы были расположены довольно низко, так что взобраться не составило никакого труда.

Только лирра, с её природной пластикой, грацией и мягкостью движений могла бы совершить всё это без шума. Оказавшись в комнате, Мэйлинн осторожно вынула кинжал из ножен и медленно приблизилась к кровати. Хозяин гостиницы лежал, отвернувшись к стене, мерно дыша. Похоже, действительно спал. Решающий миг настал.

Боясь, что трактирщик может поднять шум, Мэйлинн решила зажать ему рот ладонью. Однако, чуть поразмыслив, она решила, что её ладонь не станет серьёзной преградой для крика. Оглядевшись, девушка заметила какую-то тряпицу, лежащую прямо на полу, вероятно, что-то из одежды хозяина. Осторожно взяв её в руки, как следует скомкав в ладони, чтобы получился плотный валик, лирра резким движением прижала его ко рту спящего. Одновременно другая рука кольнула мужчину в шею острым кинжалом.

– Один звук – и ты труп! – яростно прошипела Мэйлинн, когда затрепыхавшийся трактирщик что-то замычал.

Тот, несмотря на сон, соображал быстро, потому что тут же обмяк и затих.

– Я уберу сейчас тряпку ото рта, – продолжала шептать лирра. – Но кинжал по-прежнему будет у твоей шеи. Даже если мне покажется, что ты слишком громко дышишь – я тут же перережу тебе горло! Всё понял?

Трактирщик молча кивнул. Секунду Мэйлинн ещё колебалась, но деваться было некуда, и она отняла импровизированный кляп от лица хозяина гостиницы.

– Лежи как лежишь! – приказала она. – Не двигайся, просто отвечай на вопросы. Тогда будешь жить. Понял?

Трактирщик вновь кивнул. Его тело сотрясала дрожь, судя по слабым хлюпаньям и шмыганиям носом, он плакал, но жизнь была дороже, так что Мэйлинн поняла, что тот не станет шуметь.

– Что случилось с твоими постояльцами?

К чести трактирщика, он не стал разыгрывать дурачка, не понимающего о чём идёт речь.

– Их унесли, – чуть слышно просипел он.

– Что значит «унесли»? – Мэйлинн едва сдерживала панику. – Они мертвы?

– Нет, – в животе трактирщика громко заурчало, он чувствовал, что вот-вот опростается прямо в постель. Говорить было страшно, но утаить – ещё страшней. – Они спали.

– Почему?

– Сонное зелье... – хозяин дышал тяжело и часто, горло пересохло, и язык едва ворочался во рту.

– Как оно попало к ним? – лирра чуть сильнее надавила на кинжал.

– Оно было в вине, – булькнул трактирщик.

– И кто же его туда добавил?

Несколько секунд хозяин молчал. Больше всего на свете ему сейчас не хотелось отвечать именно на этот вопрос. Видя эту заминку, Мэйлинн ещё чуть надавила на кинжал, судя по всему, проткнув кожу, потому что трактирщик судорожно втянул в себя воздух.

– Я... – давясь беззвучными рыданиями, выдавил он. – Меня заставили, милостивая госпожа, клянусь вам!

– Кто заставил? – лирра тоже вынуждена была заставить себя ослабить нажим кинжала.

– Лирры... Они угрожали убить меня и сжечь гостиницу. Потребовали, чтобы я подсыпал порошок, что они дали, в вино и молоко. Сказали, что просто заберут тех людей и оставят меня в покое.

– Сколько их было?

– Я видел семерых... Они прятались в подвале и ждали, когда подействует зелье. Затем подогнали фургон, погрузили туда тела и уехали.

– Сколько осталось в гостинице?

– Двое... Вас поджидают, – значит, хозяин уже понял, с кем разговаривает. – Вы бы видели, как они удивились, когда поняли, что вас нет! – трактирщик позволил себе хриплый смешок.

– Знаете, куда они увезли моих друзей?

– Точно не знаю, госпожа, – преданным шёпотом ответил хозяин. – Но очевидно, что куда-то недалеко.

– С чего ты взял?

– Когда ваших друзей грузили в фургон, я осмелился спросить, не нужно ли было накинуть на них что-то тёплое. Ведь они были без верхней одежды, а на улице холодно, особенно

когда лежишь неподвижно... Так вот один из лирр ответил мне, чтоб я не волновался, мол, не успеют замёрзнуть. Затем он прикрикнул, чтоб я не лез не в своё дело, и я отстал.

– Недалеко – понятие растяжимое... – прошептала Мэйлинн. – Что ещё ты заметил?

– Фургон у них был... необычный, – ответил, подумав, трактирщик. – Белый, с красной крышей. Словно...

– У Ордена сестёр-врачевательниц? – закончила за него Мэйлинн.

– Точно, – подтвердил хозяин.

– Где ближайший приют сестёр-врачевательниц?

– Четверть часа ходьбы отсюда. У Королевского пруда.

– Я знаю, где это, – кивнула Мэйлинн. – Как думаешь, они могли уехать туда?

– Очень может быть.

– Это всё, что ты можешь сказать?

– Да, госпожа, – трактирщик напрягся, поскольку окончание разговора сулило ему страшную неопределённость.

Мэйлинн задумалась. Что делать дальше – она понятия не имела. Броситься к приюту сестёр-врачевательниц, уповав на удачу? Но трактирщик тут же поднимет шум, и по её следу пустятся два ассассина. Попытаться убить ассассинов – почти непосильная задача, а кроме того, всё снова упирается в трактирщика. Конечно, можно его оглушить...

Трактирщик, затаив дыхание, ожидал окончания раздумий лирры. Живот урчал, не переставая, несчастный напрягался изо всех сил, чтобы удержать содержимое кишечника. Чем дольше затягивалось молчание, тем больше хозяин гостиницы начинал ощущать угрозу жизни.

– Хорошо, – наконец произнесла Мэйлинн, и хозяин дёрнулся, словно от удара. – Сейчас я уберу кинжал от твоего горла, встану, а затем ты закричишь.

– Что? – трактирщик решил, что ослышался.

– То, что слышал. Ты закричишь, что я здесь.

– Но, госпожа... – оторопело прошептал хозяин.

– Делай, как я сказала! – резко оборвала его Мэйлинн.

Она осторожно выпрямилась и, отойдя поближе к окну, взяла в правую руку арбалет, а в левую – кинжал. Навела арбалет на закрытую дверь. Сосредоточенно выдохнула. Палец удобно лёг на спусковой крючок.

– Давай! – шепнула она, и трактирщик заорал.

В этот крик он вложил весь ужас последних часов, что он пережил. Ничего разборчивого он не кричал, просто драл глотку в иступлённом рёве.

Мэйлинн не слышала приближающихся шагов – крик трактирщика всё ещё звенел в ушах. Дверь неожиданно резко распахнулась и на пороге возникла тень. Мэйлинн тут же выстрелила в неё, но тень, вооружённая мечом, отбила болт. Первый, потому что вслед за ним, спустя долю мгновения, полетел второй, и вот его отбить ассассин уже не сумел. Болт ударил убийцу в грудь, и тот замешкался на пороге, хватаясь руками за стены.

Но его тут же отбросил в сторону второй ассассин, врываясь в комнату. Мэйлинн выставила вперёд кинжал, понимая всю бессмысленность этого жеста. Трактирщик замолчал, боясь не только кричать, а даже дышать.

– Сдавайся, – на лиррийском языке произнёс ассассин. – Тебе не выстоять против меня.

Несколько секунд Мэйлинн неподвижно стояла, напряжённо держа перед собой кинжал. Затем она, словно обессилев, разжала пальцы. Клинок, звякнув, упал на пол. Закрыв лицо руками, девушка зарыдала, медленно осев на пол. Ассассин кошачьим шагом подошёл к ней, тут же ногой отпихнув кинжал в сторону.

– Ты сдаёшься? – спросил он.

– Сдаюсь, – сквозь слёзы прошептала Мэйлинн.

- У тебя больше нет с собой оружия?
- Больше нет...
- Позволишь обыскать тебя?
- Делай что хочешь, – устало произнесла лирра, вставая.

Ассассин тактично и профессионально провёл руками вдоль её тела, удостоверившись, что она нигде не прячет оружие. Нашёл два болта, заткнутые за пояс, отшвырнул их в сторону, к арбалету и кинжалу.

– Ничего из их вещей не тронь! – предупредил он трактирщика. – Всё сложи в одно место и запири. После мы заберём. Мне придётся тебя связать, – обратился он уже к Мэйлинн.

- Я не стану пытаться бежать или сопротивляться, – вяло ответила она.
- Будет лучше, если я тебя свяжу, – мягко, но настойчиво повторил ассассин.
- Как хочешь, – Мэйлинн сама протянула ему руки, которые он тут же крепко смотал

длинным поясом.

- Пойдём со мной, – пригласил ассассин. – Я отведу тебя туда, где твои друзья.
- А что же с твоим напарником? – спросила Мэйлинн.
- Считаю, что уже мёртв, – осмотрев тело товарища, ответил ассассин. – Ему уже не

помочь.

- Мне жаль, – искренне сказала Мэйлинн.
- Мне тоже. Оставь его здесь, человек, – обратился он к трактирщику. – Мы вернёмся

за ним позже.

- Хозяин гостиницы посмел лишь кивнуть в ответ.
- Пошли, – мягко увлекая за собой лирру, сказал ассассин.
- Мне бы одеться потеплей, – изображая неведение, проговорила та.
- Не замёрзнешь. Тут недалеко.

***

Догадки Мэйлинн оказались верны. Вскоре они достигли места, которое жители Варса называли Королевским прудом. Это действительно был широкий пруд, размером с небольшое озеро, с чистой прозрачной водой. В центре этого пруда был рукотворный островок с красивой беседкой, летом утопавшей в зелени жасмина и фруктовых деревьев. Берега пруда были окаймлены гранитом, а вниз вели широкие лестницы, уходящие прямо в воду. Королевский пруд был любимым местом отдыха горожан.

Однако застройка на его берегах была весьма плотной – место считалось престижным. Многие дома буквально нависали над водой, имея отдельные террасы, спускающиеся прямо к воде. Также на берегу пруда стояло здание, принадлежащее Ордену сестёр-врачевательниц. Этот Орден состоял преимущественно из лирр, хотя в него входили и люди. Идея этого Ордена состояла в помощи обездоленным, в первую очередь тем, кто был очень болен. Именно к этому зданию и направлялась Мэйлинн и её конвоир.

Однако лирра была очень удивлена, когда они прошли мимо. Неподальку от приюта стоял небольшой особнячок, поражающий своими карликовыми для Варса размерами – всего два этажа, да и в остальных измерениях он был совсем невелик. Особнячок был словно зажат между двумя куда более крупными и массивными домами. Мэйлинн поняла, что её ведут именно туда, в этот маленький особняк. И на этот раз она не ошиблась.

Ассассин постучал в дверь условным стуком, и ему тут же открыли.

- Взял? – спросил кто-то, невидимый в тени.
- Взял, – просто ответил конвоир лирры.
- А где Ваоллин?
- Мёртв, – бесстрастно ответил ассассин.
- Входите.

Мэйлинн в сопровождении двух ассасинов поднялась на второй этаж. Они попали в довольно просторную комнату, освещённую несколькими крупными канделябрами, каждый о пяти свечах. Навстречу им вышел довольно крупный для лирр ассассин с хорошо развитой мускулатурой. Почти тут же Мэйлинн увидела своих друзей, беспомощно лежащих на небольших кушетках. Они не были даже связаны – вероятно, лирры были весьма уверены в своём зелье. Ещё трое лирр сидели у стен, скрестив на груди руки, и внимательно смотрели на неё.

– Вот ты и здесь, – безо всякого злорадства произнёс встречающий её ассассин. – Позволь представиться, меня зовут Сайлионин. Я – главный среди тех, кого послали за тобой.

– Хорошо, – кивнула Мэйлинн. – Я пришла сюда, чтобы заключить сделку.

– Как любопытно! – одними губами улыбнулся Сайлионин. – Именно за этим мы тебя и искали. Стоило ли тогда бегать, скрываться, убивать своих братьев?

– У меня нет братьев, лишь сестра, – хмуро ответила Мэйлинн. – И друзья, которых вы похитили.

– И какую сделку ты хочешь заключить, Мэйлинн из рода Айрига? – впервые назвал её по имени ассассин.

– Вы отпустите моих друзей, не станете больше чинить им вреда, а я... Я пойду с вами, куда скажете.

– У умных людей мысли сходятся, – легко рассмеялся Сайлионин. – Я думал предложить тебе то же самое. Если бы ты захотела выслушать нас сразу, Ваоллин был бы жив...

– Я сожалею о том, что пришлось убить его и других. Так, значит, мы договорились?

– Конечно, – тут же согласился Сайлионин. – Твои друзья будут отпущены на все четыре стороны, если ты пойдёшь с нами.

– Хорошо. Пусть их доставят обратно в гостиницу, откуда их привезли. Пусть не тронут никаких вещей, принадлежащим им или мне. По возвращении ваших подчинённых мы направимся туда, куда вы скажете.

– Если мы сделаем то, о чём ты просишь, – осторожно переспросил ассассин. – Ты *поклоняешься*, что добровольно отправишься с нами, не попытаешься сбежать?

– *Клянусь*, что пойду с вами туда, куда вы скажете! – твёрдо повторила Мэйлинн, глядя прямо в глаза своим пленителям.

– Сделайте то, что она просит! – приказал Сайлионин.

Четверо ассасинов тут же бросились выполнять приказание. Они, разделившись на пары, осторожно подхватили Бина и Пашшана, и аккуратно понесли их вниз по лестнице. Затем они вернулись и за остальными.

– Через двадцать минут они будут здесь и сообщат об исполнении, – заверил Сайлионин. – После этого мы уйдём.

– А как я узнаю, что вы не обманули?

– Мы не обманем, – гордо ответил ассассин. – Нам это незачем. Главное – сдержи своё слово.

– Я своё слово сдержу, – вновь подтвердила Мэйлинн.

– Хорошо. Тогда проходи, располагайся.

– Если мы теперь друг другу доверяем, быть может вы развяжете мне руки? Вы же не боитесь, что я, безоружная, справлюсь с двумя такими бойцами, как вы? – чуть насмешливо спросила лирра.

Чуть замешкавшись, Сайлионин кивнул и сам лично подошёл, чтобы снять путы с запястий Мэйлинн.

– Спасибо, – проговорила та, проходя вглубь комнаты.

Оглядевшись, Мэйлинн направилась к окну. Ассасины чуть напряглись, но лирра лишь прикинула горячим лбом к холодному стеклу, меланхолично глядя на бликующую поверхность пруда.

– Как вы нас нашли? – спустя пару минут вновь заговорила она.

– Очень просто. Прилетел голубь из Сеала. Вас заметил один человек.

– Саррассанский купец, – тут же вспомнила Мэйлинн. – Так неужели вы содержите шпионов-людей?

– Иногда приходится, но в этот раз всё гораздо проще, – усмехнулся Сайлионин. – Этот человек, прибыв в Сеал, на всех углах принялся трубить о том, что повстречался с очень важными людьми, приближенными императора. В корчме, в которой он в очередной раз рассказывал эту историю, приписывая себе близкое знакомство с этими людьми, был наш лирра. Несложно было понять, о ком идёт речь. Розыски в Сеале результатов не дали, а затем свидетели подтвердили, что вы направились по Варсскому тракту. Собственно, мы это и предполагали. Ну а дальше всё просто – нас предупредили, мы вас ждали. Проследили до гостиницы. Осторожно обработали хозяина, заставили подмешать снотворное в вино и молоко. Да-да, – улыбнулся он. – Мы знаем о твоих предпочтениях.

– Почему снотворное? – спросила Мэйлинн.

– Проще и эффективней, чем магия, – пожал плечами ассассин. – Да и не нужно таскать с собой магинь. Тем более, сомневаюсь, что те магини, которые были в нашем распоряжении, смогли бы противостоять Каладиусу.

– Это точно, – злорадно усмехнулась Мэйлинн. – А вы знаете, куда мы направляемся?.. Направлялись... – тут же поправились она.

– Конечно знаем, – без тени высокомерия, лишь констатируя факт, ответил Сайлионин. – Вы идёте согласно тому плану, что был описан Биаллом Пивилийским в его безумной книжонке. А сейчас, вероятно, направляетесь в Шеар?

Мэйлинн закусила губу. Да, Орден действительно неплохо был осведомлён об их путешествии.

– А вы знаете, для чего я понадобилась Ордену? – задала она ещё один вопрос.

– Мы знаем лишь то, что нам нужно для выполнения задачи, – сухо ответил ассассин.

– Ну оно и понятно, – Мэйлинн вновь отвернулась к окну.

Комната погрузилась в молчание. Минуты медленно текли одна вслед другой.

– А здесь душно, – спустя долгое время проговорила Мэйлинн, распуская шнуровку ворота. Фальшивое горло, скрывающее ошейник, словно сдавливало горло настоящее. Резким движением лирра стянула его, явив ассассинам гордые черные обводы витиеватой татуировки. Аккуратно сложив, положила кусок телесной ткани на подоконник.

– Вернулись, – прислушавшись, проговорил Сайлионин. – Собирайся, пошли.

– Ещё немного времени, – попросила Мэйлинн. – Пусть все поднимутся сюда. Мне нужно кое-что сказать перед уходом.

– Хорошо, – Сайлионин выглядел слегка удивлённым, но выполнил просьбу.

Вскоре четверо ассассинов поднялись в комнату.

– Что ты хотела сказать? – спросил Сайлионин.

– Вы знаете, зачем Орден искал меня? – обведя всех взглядом, спросила Мэйлинн.

– Мы уже сказали, что нам это неизвестно.

– Так знайте – из меня хотят сделать спасительницу нашего народа, – звонким голосом провозгласила Мэйлинн. – Ту, что уничтожит людей и сделает Паэтту землёй для лирр.

Ассасины молчали, не выражая никаких чувств.

– Но что же сделала я? – продолжила лирра. – Я сбежала! Я устыдилась своей сущности! Я... – она схватила свёрнутый на подоконнике фальшивый воротник и швырнула его под ноги ассассинам. – Я выбрала вот это, потому что не хотела быть той, кто я есть! Но

теперь я думаю: а может быть так, чтобы я была неправа? И то, что мы сейчас стоим здесь, с вами, убеждает меня в этих словах. Я...

– Почему он горит? – вскричал один из ассасинов, указывая на брошенный Мэйлинн кусок ткани, который вдруг охватило пламя.

– Я не понимаю, что происходит! – с нотками паники в голосе воскликнула Мэйлинн, и вдруг вскочила на подоконник.

– Хватайте её! – воскликнул Сайлионин и сделал шаг, чтобы помешать лирре выпрыгнуть из окна.

Второй шаг он сделать уже не успел. Яркая фиолетовая вспышка пожрала полутьму комнаты, поглотив и тех, кто в ней находился. Затем раздался мощный взрыв. Взрывная волна упруго ударила Мэйлинн в грудь, толкнув её сквозь распадающееся стекло прямо в холодные воды Королевского пруда.

Глава 67. Санн

Чёрная вода охотно приняла лирру в свои ледяные объятия. Мэйлинн упала в воду спиной, отчего её слегка оглушило в дополнение к тому, что она получила от взрывной волны. В этом месте пруд был неглубок – около четырёх футов, или чуть больше, так что тело лирры погрузилось до самого дна, взметнув вверх облака глея. Мэйлинн не лишилась сознания, и глаза её оставались открытыми, так что она получила возможность лицезреть фиолетовое зарево над водой, а затем – дождь горящих обломков и битого стекла, сыпанувший сверху. По счастью, падающие куски были пока совсем некрупные, так что даже сравнительно небольшая толща воды предохраняла Мэйлинн от неприятных сюрпризов.

Слегка придя в себя и осознав, где она находится, Мэйлинн поспешила встать на ноги. Однако это оказалось плохой идеей – ноги лирры почти по колено вошли в зыбкое дно, так что даже встав, она толком не могла бы вздохнуть. Поэтому девушка резко оттолкнулась ногами и поплыла в направлении берега. Тело сводило от холода, промокшая одежда и надетая под ней кольчуга тянули ко дну. Хвала богам, что здесь было неглубоко! Окажись Мэйлинн в сотне ярдов от берега, вполне возможно, выплыть бы она уже не смогла. А так ей не пришлось даже работать руками. Пару раз оттолкнувшись от дна, лирра поднялась. Вода доходила ей почти до пояса. Неуклюже, борясь с мягким илистым дном, она побрела к ближайшему спуску к воде.

Вокруг нарастал шум переполошенного города – кто-то кричал, кто-то визжал, хлопали ставни и двери. Попасться на глаза зевакам Мэйлинн не желала – хотелось бы, чтобы Орден по возможности считал её мёртвой, хотя девушка понимала, что ей не удастся долго водить врагов за нос. Но ей нужно было время хотя бы до утра, чтобы покинуть город.

Осторожно, поминутно оглядываясь Мэйлинн, как ей хотелось думать, незаметно выбралась на городские улицы. Сначала она планировала на некоторое время укрыться в густой тени одного из домов, переждав весь этот гвалт, но вскоре поняла, что просто-напросто замёрзнет, если останется здесь хотя бы на несколько минут. Поэтому обождав, пока вода перестанет лить с неё ручьями, выдавая в ней участницу происшествия, Мэйлинн быстрым шагом направилась в сторону гостиницы. Ставшие тяжёлыми сапоги противно чавкали, ёрзая по ноге. Холод сковывал движения, она уже не чувствовала ни пальцев рук, ни пальцев ног, а зубы выстукивали какой-то невообразимый ритм. Чтобы согреться, Мэйлинн перешла на рысцу, а затем и вовсе побежала. Несмотря на то, что при быстром беге её, казалось, обдувал ледяной ветер, студивший кожу, внутри стало как будто теплее.

Когда лирра добралась до гостиницы, сил на конспирацию у неё уже не осталось. Она заколотила онемевшими руками и ногами в закрытую дверь, и продолжала бить пока та не открылась. Насмерть испуганный трактирщик ужаснулся, казалось, ещё больше, увидев Мэйлинн, да ещё в таком виде. Не говоря ни слова, лирра ввалилась внутрь, плечом толкнув в сторону остолбеневшего хозяина. В гостинице было божественно тепло, но для промёрзшей насквозь девушки этого было мало. Она бросилась на кухню, надеясь, что очаг ещё не остыл.

Очаг, к разочарованию Мэйлинн, был уже погашен, хотя в глубине ещё тлели угли. Но рядом стоял большой чан, в котором кипятили воду для нужд кухни и постояльцев, и вот он был ещё довольно горячим. Словно близкого друга, лирра обняла этот чан, пытаясь впитать всё его тепло без остатка. Вскоре потерявшие чувствительность конечности дали о себе знать жутким покалыванием, от которого слезы выступили на глазах Мэйлинн. Всё это время трактирщик стоял неподалёку, с немым ужасом глядя на свою постоялицу.

Через некоторое время Мэйлинн нашла в себе силы отлепиться от благословенного чана. Слезящимися глазами она взглянула на стоящего рядом хозяина.

– Где мои друзья? – язык ещё плохо повиновался, так что вопрос получился невнятным, однако трактирщик его понял.

– Здесь, сиятельная госпожа! – залебезил он. – Наверху, в своей комнате. Принесли их лирры назад. Они всё ещё спят, – глазёнки трактирщика забегали, поскольку он невольно напомнил девушке о своём предательстве.

Лишь кивнув в ответ, Мэйлинн тяжёлым, хлюпающим шагом направилась в свою комнату. Тут она первым делом скинула с себя всю одежду, а затем стала тереть себя полотенцем до тех пор, пока её кожа не покраснела и не стала нестерпимо гореть. Тогда лирра натянула сухую одежду, причём, поморщившись, натянула ледяную кольчугу, правда, поддев под неё две рубашки вместо одной. Сверху натянула тёплую куртку. Главной проблемой были сапоги – второй пары у Мэйлинн не было, поэтому она натянула несколько пар носков. После этого она вышла в коридор, направившись к лестнице на второй этаж.

– А я разжёл огонь в камине, – кланяясь, воскликнул хозяин, увидев её.

– Позже, – едва справившись с соблазном, буркнула Мэйлинн.

Она взбежала по лестнице и вошла в комнату друзей. Все они, до сих пор крепко спящие, были аккуратно уложены каждый на отдельной кровати. Подойдя ближе, Мэйлинн убедилась, что сон, хотя и очень глубокий, но был, тем не менее, вполне обычным, а значит – безопасным. Судя по всему, её друзьям пока ничего не угрожало, поэтому она, плотно прикрыв дверь, вернулась вниз.

– Где моё оружие? – спросила она у трактирщика.

– Всё тут, – с готовностью бросился он к своей комнате. – Я всё прибрал, как было велено. Всё тут.

Несмотря на то, что пальцы ещё не очень хорошо её слушались, Мэйлинн сразу же зарядила арбалет теми двумя болтами, что нашёл у неё ассассин. Также она сунула в ножны кинжал. Лишь после этого она направилась к камину, в котором уже жарко трещал огонь. Усевшись прямо на пол, Мэйлинн, зажмурившись, купалась в приятном, пахнущем дымом тепле, с наслаждением ощущая, как оно постепенно начинает расходиться по телу. Незаметно для себя, девушка так и заснула, уткнув лицо в руки, сложенные на подтянутых к груди коленях.

Проснувшись она почему-то уже в постели, где она лежала одетой и накрытой одеялом. Хотелось тут же вскочить, но в теле была страшная ломота и слабость, поэтому удалось лишь приподнять голову и оглядеться. Она лежала в той самой комнате, что сняли для себя её спутники, которые, к слову сказать, улыбающиеся, сидели тут же, глядя на неё.

– А вот и наш часовой проснулся! – шутливо прокомментировал Кол. – Неплохо же ты нас охраняла, подруга! Мы не только обезоружили тебя, но и, словно полено, перенесли на второй этаж, а ты даже не проснулась!

– Уж кто бы говорил! Сам-то вообще всю ночь провалялся в отключке! – вяло парировала Мэйлинн, пытаясь сесть. – Который час?

– Почти десять утра, – сверившись с карманным хронометром, ответил Каладиус. – Должен сказать, и удивили же вы нас, девочка. Мы тут уже перекинулись парой слов с хозяином...

– Как тебе удалось вызволить нас? – не стерпев, перебил старика Бин, видимо, будучи настолько взволнованным, что позабыл о своей робости перед волшебником.

– Хозяин рассказал о твоей схватке с ассассинами, – вторил ему Кол. – И сказал, что сперва они принесли нас, – при этих словах паладина Варан поморщился, словно испытывая унижение, что его, Мастера Теней, кучка лирр таскала по городу, словно бревно. – А через какое-то время вернулась и ты, мокрая и замёрзшая, какмышь.

– Что вы набросились на бедную девочку? – добродушно усмехнулся Каладиус. – Вот, дитя моё, выпейте это.

Он протянул ей глиняную кружку, в которой что-то ароматно дымилось. Какой-то травяной настой, который при первых же глотках словно сломал ледяные копыя, вонзившиеся Мэйлинн в горло и грудь. Чуть горьковатый и терпкий, одновременно он был сладким с небольшой кислинкой.

– Спасибо! – совсем другим голосом произнесла лирра лишь после того, как почти залпом отпила половину кружки. – Это великолепно! А как вы себя чувствуете?

– Мы-то, – криво хмыкнул Варан. – *Выспавшимися...*

В голосе мастера Теней сквозило неприкрытое презрение к себе.

– Да уж, нечего сказать, – вздохнул Каладиус. – Попались на детский трюк. Если бы не вы, дорогая... Кстати, а как вам удалось сбежать от ассасинов?

– Это моё кольцо, да? – с неприкрытой гордостью спросил Кол.

С каждым глотком отвара к Мэйлинн возвращались силы, но сейчас заветная кружка оказалась весьма кстати и по другому поводу. Мэйлинн сделала неспешный глоток, в этот момент размышляя – стоит ли говорить правду. Решила, что стоит.

– Так получилось, что меня не было в комнате, когда всё случилось, – глядя на друзей поверх глиняного края кружки, чуть виновато произнесла она.

– Ты всё-таки отправилась к той девочке? – с восхищением воскликнул Варан. – Так?

– Так, – кивнула Мэйлинн. – Но по дороге меня ужалило колечко, что дал нам мессир, и я поняла, что с вами случилась беда. Как так получилось, что только Кол сумел подать сигнал? – поспешила она перевести разговор в более безопасное русло.

– Да я вообще пить-то не собирался! – с досадой воскликнул Кол. – Но всё-таки сдался, и выпил полстаканчика. Вероятно, дозировка оказалась поменьше, потому что если эти молодцы повалились как дубы под топорами, то я терял сознание медленно. Я даже успел увидеть вбегающих в комнату лирр, только вот сделать уже ничего не мог...

– Главное ты всё-таки сделал, – успокоил его Варан. – Успел повернуть кольцо. И вызвать нашего ангела-хранителя, – без малейшей иронии добавил он.

– Но как же вам удалось вызволить нас, прекрасная госпожа? – хвала богам, Каладиус на время отставил разговор о самоволке Мэйлинн.

– Думаю, что трактирщик вам уже многое рассказал, – допив отвар, Мэйлинн осторожно поставила пустую кружку прямо на кровать рядом с собой, но Бин тут же заботливо подхватил её и поставил на стол. – Когда я вернулась, я сразу поняла, что в моей комнате засада. Мне удалось проникнуть в комнату нашего хозяина, который мне обо всём и рассказал, – Мэйлинн деликатно опустила такую незначительную деталь, как кинжал, приставленный к горлу несчастного. – Я не знала, что делать, и тут мне в голову пришёл план. Я вспомнила Длинные Розги и те ошейники гомункулов, которые взорвались. Также я вспомнила наш разговор, мессир, о моем амулете невидимости. Вы как-то обмолвились, что если кристалл лишит мангиловой цепи, то он тоже взорвётся. Вот я и решила попасть в плен, чтобы оказаться там, где они держали вас. Так и вышло – я пообещала им, что пойду с ними, если они вас отпустят, а затем незаметно сорвала с себя кристалл и спрятала его в свой фальшивый воротник. Когда я поняла, что кристалл вот-вот взорвётся, я вскочила на подоконник, и взрывная волна вынесла меня наружу. Ну а там по счастливой случайности оказался пруд.

– Нет, вы видали когда-нибудь подобного стратега, мессир? – вскричал Кол с такой гордостью, будто это была его личная заслуга.

– Увилл Великий по сравнению с ней – неразумный мальчишка! – в тон ему ответил Каладиус. – Так что же – все ассасины мертвы?

– Да, – перед внутренним взором Мэйлинн вдруг предстали лица тех, кого она убила этой ночью. Особенно укоряюще смотрел на неё Сайлионин.

– И что же – после этого ещё кто-нибудь усомнится в том, что наша экспедиция завершится успехом? – обводя присутствующих взглядом, осведомился маг.

– Да никто и не сомневался мессир! – ответил за всех Кол.

– Что ж, – Каладиус оценивающе посмотрел на Мэйлинн. – Я вижу, что наша юная спасительница уже вполне в состоянии идти, так что предлагаю не терять времени. Я думаю, что логово Ордена должно быть где-нибудь неподалёку от Варса, так что мы, возможно, и так потеряли уже непростительно много времени.

– Так вы ждали, пока я выплусь? – с удивительной смесью благодарности и негодования вскричала Мэйлинн.

– Это меньшее, что мы могли для вас сделать, дорогая, – тепло улыбнулся Каладиус. – Но теперь пора в путь! Лошади уже давно готовы! Позавтракать вы сможете в фургоне.

Компания, топоча сапогами (кстати, на ногах Мэйлинн уже были её высохшие сапожки), спустилась по лестнице, наскоро расплатилась с трактирщиком, буквально таявшим сейчас от облегчения, и вскоре уже направлялась к западным воротам Варса. Через несколько минут Варан подъехал к закрытому фургону, в котором находилась Мэйлинн, и спросил:

– Ну а что ты решила с девочкой? Может, уговоришь мессира сделать небольшой крюк? Вряд ли он сможет тебе отказать.

– Знаешь, я подумала, и решила, что ты прав, – на секунду выглянула лирра. – Пусть она останется живой.

Ничего не ответив, лишь улыбнувшись своей тонкой улыбкой, Варан слегка прищипнул лошадь, занимая своё место перед фургоном.

***

Спустя несколько часов путешественники были уже довольно далеко от Варса. Стояла сухая весенняя погода, отчего из-под копыт лошадей и колёс фургона поднимались мелкие облачка пыли. Было тепло – если ночи пока ещё были довольно прохладными, то днём весна целиком и полностью вступала в свои права.

Погони не было. Более того, отчего-то Мэйлинн не покидало ощущение, что её и не будет. Общение с ассасинами на многое открывало глаза. Выходит, её вели с самого начала, просто следя пальцем за письменами Биалла Пивилийского. Значит, если Ордену потребуется, он будет ждать их у обрушенных врат Шеара. Но и в этом Мэйлинн почему-то сомневалась.

– Я думаю, что не было никакой Белой Башни тогда, в Наэлирро, – мрачно сказала Мэйлинн, не обращаясь ни к кому конкретно. – Это был морок, наведённый Орденom специально для меня.

– Зачем им это было нужно? – возразил Кол. – Ведь ты же была у них в руках.

– В их руках была лишь заготовка для клинка, – тут же откликнулся Каладиус. – Чтобы выковать из заготовки добрый меч, с нею много чего нужно проделать.

– Так вы согласны со мной, мессир? – горькое разочарование слышалось в голосе Мэйлинн. Подсознательно она надеялась, что маг станет её переубеждать.

– Боюсь, что данное объяснение является наиболее логичным, дорогая, – словно извиняясь, ответил Каладиус. – Подозреваю, что Ордену необходимо было и ваше бегство, и все те трудности, что вы преодолели в пути. Можно сказать, чтоковка ваша уже завершена. Осталось закалить клинок, да приладить рукоять.

– Так что же – Орден бросает ассасинов на верную гибель? – потрясённо спросила лирра.

– Может быть – да, а может – и нет, – пожал плечами маг. – Увы, пока я не могу похватать тем, что прочитал их игру.

– Так всё напрасно? – от внутренней боли голос Мэйлинн ломался, в нём слышались рыдания. – Никакой Башни нет, и мы лишь отыгрываем сценарий, написанный для нас этой проклятой Лианой?

– То, что явленная вам Башня не была истинной, ещё не значит, что истинной Башни не существует! – наставительно проговорил Каладиус. – Я твёрдо верю, милая Мэйлинн, что мы найдём *вашу* Башню! Орден хитёр и коварен, но и мы тоже не лыком шиты! Любой сценарий можно изменить, любые ноты – переписать. Верьте, дитя моё, что мы сыграем эту партию по нашим партитурам!

Однако Мэйлинн продолжала оставаться мрачной. Более того, кроме внутренней подавленности вскоре стало очевидным и её физическое недомогание. Лирра беспрестанно шмыгала носом, а через некоторое время Каладиус, обеспокоившийся её самочувствием, обнаружил, что у девушки сильный жар. Ночное купание в весеннем пруду, а также прогулки в мокрой одежде, очевидно, не прошли бесследно.

– Нужно поднять вас на ноги к завтрашнему дню, – озабоченно проговорил маг. – Потому что завтра, скорее всего, нам придётся оставить фургон и двигаться дальше верхом. Не уверен, что в вашем нынешнем состоянии это будет просто.

– Я в порядке, – слабо возразила Мэйлинн, хотя от жара ломило глаза, а суставы, казалось, кто-то выкручивал, словно пытая.

– Ничего не в порядке! – не согласился Каладиус. – Но, к счастью, у вас есть я, то есть человек, который прожил в несколько раз больше всех вас, вместе взятых. Как вы понимаете, это стало следствием того, что я как следует поднатерел во врачевании. Мой секрет, – с удовольствием продолжал Каладиус, который, прямо скажем, любил поговорить о своих достоинствах. – Заключается в том, что я взял на вооружение не только лечебную магию, но и знания классической медицины, и секреты ведовства, коим промышляют народные знахари и ведьмы. Верьте мне, дорогая, к завтрашнему полудню вы сможете танцевать мазурку, ежели будет такое желание!

По настоянию Каладиуса был сделан недолгий привал, в течение которого маг носился по окрестностям, выискивая какие-то травки. Несмотря на то, что стояло лишь начало империя, и трава пока ещё даже не проклюнулась из-под земли, где-то через час волшебник вернулся, неся небольшую торбу, наполненную какими-то веточками, корешками и даже невесть откуда взявшимися буро-зелёными листочками. К этому времени уже кипел на костре котелок с водой.

С пришепётываниями, бормотаниями и даже присвистами, напоминающими птичьи трели, маг стал поочерёдно бросать в котелок то одно, то другое. Голос его при этом странно изменился, и походил больше на шёпот старухи. Бин, исподтишка наблюдавший за манипуляциями мага, мог поклясться, что готовящийся отвар пару раз менял цвет, а однажды над ним даже поднялся лёгкий сиреневый дымок.

Через некоторое время Каладиус резко вскочил, объявив, что уже можно трогаться в путь, поскольку все остальные процедуры он может проводить прямо на ходу. Перелив содержимое котелка в большую флягу, маг отдал его Пашшану, чтобы помыть. Бин с удивлением обнаружил, что все веточки и корешки, которые бросались в отвар, словно бы растворились в нём – котелок был совершенно пуст. Заговорщически подмигнув Бину, Каладиус забрался в фургон и завесил полотно.

– С ней всё будет в порядке, – успокоил Бина Кол, вскакивающий на свою лошадь. – Мессир своё дело знает.

– Не сомневаюсь, – кивнул Бин, также усаживаясь в седло. Пластины его доспехов гордо сверкнули в лучах вечернего солнца.

Примерно через полчаса маг выбрался из фургона из сел на козлы рядом с Пашшаном.

– Всё будет хорошо, – заверил он друзей. – А теперь предлагаю проделать ещё пару десятков миль до привала. Благодарение лиррам – выпались мы сегодня отменно.

Никто был не против, так что отряд двигался до глубокой ночи. Привал устроили в уютной лошине, где и уснули, наскоро перекусив.

Ранним утром, едва солнце встало достаточно, чтобы освещать дорогу, Каладиус поднял всех, обозвав их лентяями и лежебоками, и потребовал двигаться дальше. Единственная кого не коснулась утренняя побудка, была Мэйлинн. С тех пор, как Каладиус отправил её в фургон, девушка ни разу не показалась друзьям. Маг объяснил это глубоким сном, который навеивал его отвар. Так что, быстро позавтракав холодными остатками ужина, путешественники двинулись дальше. Впереди их ждал Санн.

Санн и Коррэй были, пожалуй, самыми странными государствами Паэтты. Небольшие, малозаселённые, сплошь покрытые болотистыми лесами, зажатые между двумя могущественными державами – Латионом и Кидуей – они существовали лишь благодаря неразберихе, возникшей после громкого падения Кидуанской империи, да чрезмерно раздутому эго местных князьков. Хотя, наверное, главной причиной их существования была их относительная никчёмность. Ни Кидуе, ни Латиону они были, по существу, не нужны, хотя последний и установил над ними протекторат.

На сегодняшний день эта странная прослойка между жирными боками двух великих государств существовала в каком-то своём особом мирке, сплетённом из воспоминаний о былых деньках, да презрительной снисходительности к «степнякам», коими жители дебрей именовали всех, кто не был вынужден раз в несколько лет высекать молодняк, прораставший на скудных полях и грозящий заполнить те лоскуты земли, что отвоевали люди у лесов. Кстати, в Санне, да и в Коррэе, проживало довольно много лирр, особенно из числа тех, что не хотели смириться с навязанным людьми образом жизни.

Формальный правитель Санна, коннетабль Шонн Легуа, за бокалом вина любил поговорить о тех временах, когда через Санн проходили широкие тракты, а среди реликтовых лесов стояли крупные города, славные ремёслами и науками. Одним из самых известных среди них был, конечно Шеар – жемчужина в короне Кидуанской империи. И, как это и бывает со всеми жемчужинами, когда короны идут под молот, эта оказалась расколота и растерзана во время Смутных дней.

Многочисленные гражданские войны, мор и голод привели в запустение некогда процветающие регионы. Захирели торные пути – мощные непокорные леса сожрали их за считанные годы. Массовый исход жителей из больших городов привёл к тому, что в течение жизни одного поколения названия, гремевшие на всю империю, оказались почти забыты. Совершенно неожиданно возвысился захолустный городишко Суэр, переименованный первым коннетаблем Санна в Санной.

Как мы видим по именованию правителей, власть в новом государстве полностью перешла под контроль армии, а скорее – полувоенных формирований, именующих себя Дружинами. Каждая такая дружина имела во главе конунга, владеющего феодем. Шестнадцать конунгов – по числу феофов – формировали Высший Совет, соправительствующий коннетаблю, избираемому из числа Совета пожизненно. Такой стиль управления не располагал к формированию сильной государственной власти, равно как и заросшая лесом земля не располагала к кипучей хозяйственной деятельности. Так и образовалось на карте Паэтты недоразумение с названием Санн, по соседству с ещё более отсталой страной, называемой Коррэй.

Коррэй даже во времена Империи был не более, чем одной большой лесозаготовкой. Во время Смутных дней артели лесорубов, беглые каторжники, да идеалисты-мечтатели сформировали здесь общинное государство, в котором не должно было быть ни богатых, ни бедных, ни королей, ни подданных. Однако такая идиллия продержалась недолго, захлеб-

нувшись кровью тех, кто пытался поднять её на знамя. В итоге образовалось ещё одно дремучее феодальное государство, получившее название в честь одного каторжника, провозгласившего себя герцогом этой земли. С тех пор династия герцогов Коррэйских властвует над небольшой кучкой подданных, да бесчисленными сонмами корабельных сосен.

После этого краткого экскурса в историю вернёмся назад в наши дни, к путешественникам,двигающимся по не слишком-то ухоженному тракту, ведущему из Варса в Санной. Он пролегал через многочисленные перелески, которые вскоре сольются в один могучий вечнозелёный океан. До границы Санна оставалось всего несколько часов пути.

Как и предрекал Каладиус, вскоре после полудня из-за полога фургона показалась немного заспанное, но вполне довольное лицо Мэйлинн. Её появление вызвало бурю приветственных криков.

– Как себя чувствуете, дорогая? – самодовольно спросил Каладиус.

– Так, словно лишь вчера родилась на свет, мессир, – сияя улыбкой, ответила лирра. – Вы – настоящий кудесник! Хотя, признаться, ваш отвар на вкус – невероятная гадость, – смеясь, добавила она.

– Ничто в этом мире не даётся даром, дитя моё, – с самым серьёзным видом ответствовал маг. – Но главное, что вы теперь абсолютно здоровы. И это весьма кстати, так как, если верить карте, ещё до сумерек мы будем вынуждены распрощаться с нашим фургоном.

– Наконец-то я смогу прокатиться верхом! – радостно воскликнула Мэйлинн.

– Ах, дорогая моя, как бы вам не пришлось ещё горько пожалеть о своём уютном фургончике! – полушутливо-полусерьёзно возразил Каладиус.

Дальнейшее путешествие прошло совершенно буднично. Действительно, наступили уже довольно глубокие сумерки, когда Каладиус, ориентируясь на одному ему известные приметы, скомандовал привал. Вокруг был уже самый настоящий саннский лес. Хвала богам, в это время года он не демонстрировал путешественникам другую свою достопримечательность – несметные полчища комаров и мошек. Но громадных, замшелых деревьев, многие из которых были такой толщины, что все шестеро друзей, взявшись за руки, не смогли бы объять их ствол, было в достатке. В уютной сени одного из таких великанов компания и заночевала.

На утро, после завтрака мужчины вытащили из фургона всё необходимое, навьючили это на тяжеловозов, а сам фургон откатали подальше от дороги, спрятав в зарослях орешника. Удивительная тишина стояла в лесу – большинство птиц ещё не вернулись с зимовки, поэтому некому было устраивать гвалт. Пахло прелью и хвоей. Снега не было уже даже в самых темных уголках. Бин даже обнаружил тонкие шерстинки будущей травы, пронзающие толстый слой опавших сосновых иголок.

– Нам туда, – сверившись с картой, Каладиус махнул почти строго на запад, тогда как дорога уходила на северо-запад.

– Не слишком-то уютно выглядит наш путь, – проворчал Кол, вглядываясь в темнеющую впереди чащу.

– А я предупреждал, – ответил маг. – Молите богов, в которых верите, чтоб чаща оказалась достаточно проходимой для лошадей.

– Вы просто мастер напутственного слова, мессир, – картинно вздохнув, Кол направил своего коня в направлении, указанном Каладиусом.

Глава 68. Затерянный город

По счастью, мрачные опасения мага пока что не спешили оправдываться. Громадные лесные великаны, росшие тут, верно, уже не одну сотню лет, сплетали мощный полог на головокружительной высоте. Сквозь эту мощную оборону с трудом пробивались солнечные лучи, так что внизу, у древних могучих корней, почти не было молодой поросли, обычно мешавшей путникам. А громадные папоротники и иные травы пока ещё дремали под одеялом прошлогодней хвои. Были места, где лошадей приходилось вести на поводу, но бо́льшую часть времени путешественники всё же проводили в седле.

Станным образом голоса друзей постепенно стихали, снижаясь почти до шёпота. Лес далеко разносил эхо, как-то неуютно звучащее в этой камерной тишине. Не то чтобы путешественники очень уж боялись преследования. Скорее, это был страх потревожить сам лес, который казался сейчас почти живым существом, таким древним чудовищем, задремавшим, но не уснувшим до конца.

Было довольно сумрачно, несмотря даже на ясный солнечный день, царствовавший где-то там, поверх тяжёлых мрачно-зелёных лап, сковавших, казалось, самое небо.

– Эти деревья, должно быть, куда старше меня, – со странной ноткой благоговения в голосе тихо проговорил Каладиус.

– А сколько вообще живут такие деревья? – поинтересовался Бин, в коем, как мы помним, было довольно много любознательности.

– Трудно сказать, – пожал плечами маг. – Некоторые, я думаю, живут и тысячи лет. Затем такой великан падает, ломая громадную просеку, которая тут же зарастает молодняком. Кому-то из них повезёт стать очередным таким вот долгожителем. Остальные – зачахнут в его сени.

В подтверждение слов Каладиуса друзьям несколько раз попадались такие вот прорехи в лесном покрове. Громадные стволы, из которых можно было бы срубить небольшую галеру, или несколько домов, подобных тому, в котором жил Бин, опутанные прошлогодними иссохшими ползучими растениями и мхами, лежали, словно надгробия самим себе, медленно изгнивающие, чтобы дать жизнь тем, кто придёт после них. Иногда такие великаны ломали ещё несколько соседних деревьев, так что образовывались нешуточные завалы, которые приходилось обходить по широкой дуге.

– Мне так и кажется, что в этих лесах непременно должны жить какие-то неведомые существа, – с лёгкой улыбкой проговорила Мэйлинн, но, против её воли, улыбка эта вышла слегка тревожной.

– Я бы не стал исключать этого, – кивнул Каладиус. – Даже во времена расцвета Империи эти леса большей частью были неизведанны. Что здесь творится теперь – ведомо лишь богам.

– Может быть, мессир, вы скажете, что лешие, болотницы и прочая нечисть – это не сказки? – недоверчиво воскликнул Кол.

– А Белая Башня – разве не сказка? – тут же парировал маг.

– Есть многое в этом мире, что многим покажется сказкой, – не преминул поддеть сконфузившегося друга Бин, вспомнив их разговор в той латионской гостинице на берегу Труона, название которой уже вылетело из его головы.

– И как же вы станете бороться с этими чудищами, если они нам повстречаются? – с кривой ухмылкой осведомился Кол.

– Есть средство, – невозмутимо отозвался Каладиус. – Мука из пережжённых костей петуха. В народе говорят – верное средство.

– Что – правда? – округлившимся глазами поглядел на мага Кол, пытаясь понять – не шутит ли тот.

Вместо ответа Каладиус сунул руку за пазуху, и извлёк оттуда пергаментный конвертик с начертанными на нём рунами. Он слегка потряс этот конвертик, так что стало слышно, что внутри него находится нечто сыпучее.

– Одно из ваших приобретений, мессир? – как ни в чём не бывало осведомился Варан.

– Одно из прочих, – подтвердил маг. – В Варсе есть шарлатаны, которые предлагают костную муку для отпугивания леших и слёзы дракона для лечения подагры. И я подумал – а вдруг они не врут?

– Так вы купили и слёзы дракона? – Кол смотрел на товарищей так, словно считал, что они его разыгрывают.

– Конечно нет, – презрительно фыркнул Каладиус. – Это – полная чушь. Драконы не плачут. Уж я-то знаю.

Откуда маг знал о том, что драконы не плачут, никому почему-то расспрашивать не захотелось. Даже любопытные Мэйлинн и Бин решили, что лучше будет сделать это в каком-нибудь другом месте.

– А если окажется, что кости петуха – такая же чушь, как слёзы дракона? – не унимался Кол. – Если ваши шарлатаны врут в одном, почему бы им не врать и в остальном?

– Если окажется так, то на этот случай у меня есть толчёный жемчуг, смешанный с лунной кровью девственниц! – на сей раз Каладиус не выдержал, и рассмеялся. – Не волнуйтесь, друг мой, костей петуха будет вполне достаточно. Поверьте, эти шарлатаны знают, когда и, главное, кого можно обманывать, а *кого* – нет.

– Да и чего ты вообще переживаешь, приятель? – усмехнулся Варан. – Какая тебе разница, чем отбиваться от несуществующих монстров?

– Да мне... просто денег жаль, – Кол и сам понял, как жалко прозвучало это оправдание, поэтому просто махнул рукой и замолчал.

На этом разговор сам собою затих. Лошади мягко подминали копытами толстый слой хвои, совершенно безучастные к потенциальной возможности встретиться с лешими. Каждый из всадников думал о чём-то своём. Некоторые везунчики – даже не о лесных чудовищах.

– Кажется, впереди просвет! – радостно воскликнул Бин, указывая вперёд.

Действительно, казалось, что где-то впереди брезжит свет. Да и деревья, вроде бы, казались уже не такими огромными, и росли они явно реже.

– Этого я и боялся, – хмуро бросил Каладиус, вглядываясь в даль.

– Чего? – с лёгким удивлением спросил Варан, непроизвольно хватаясь за рукоять кинжала.

– А почему, как вы думаете, посреди дремучего леса вдруг окажется большая прореха?

– Люди? – предположил Варан.

– Или болото, – поморщившись, ответил маг.

– Да, это кажется более вероятным, – вынужден был признать Варан. – И большое оно?

– Кто его знает? – сварливо ответил маг. – Приблизимся – увидим.

– У вас же карта... – напомнил Бин.

– Составленная сотни лет назад, – резко перебил Каладиус. – На ней никаких болот здесь не указано. Так что либо оно появилось позднее...

– Либо мы заблудились... – мрачно закончил за него Варан.

– Мы не могли заблудиться! – вскинулся маг. – Это абсолютно исключено!

– Давайте не ссориться раньше времени! – попросила Мэйлинн. – Вот доберёмся до этого болота, тогда и будем думать.

До болота они добрались раньше, чем многие на то надеялись. Уже во время бурного разговора друзья заметили, что почва под ногами лошадей стала более мягкой, проваливаясь под копытами всё глубже. Через какое-то время послышалось характерное чавканье, когда лошади переставляли ноги. Ещё через какое-то время мягкий мшистый дёрн стал сочиться бурой водой. Деревья росли всё реже и реже, и были они всё более неказистыми и корявыми. Гораздо больше было поваленных стволов, скрюченного, покрытого лишайником кустарника. Появились пока небольшие лужи в низинках.

И вот, наконец, стало ясно, что они уже больше не в лесу. Точнее, не совсем в лесу. Деревья росли, конечно, и тут – в основном на небольших возвышенностях, но их было гораздо меньше. Открытой воды почти не было видно, но от этого топь выглядела ещё опаснее.

– И что будем делать? – мрачно осведомился Кол, глядя на расстилающееся перед ними препятствие.

– Надо обходить. Лезть напрямик – безумие, – отозвался Варан.

– А далеко ли придётся обходить? Как велико болото? – задал риторический вопрос Бин.

– Как бы ни было велико, а соваться туда не стоит. На Белый путь я пока не спешу... – проворчал Кол.

– Далеко ли до Шеара? – спросил Варан Каладиуса.

– Ежели напрямик, да с той же скоростью, что мы шли, – чуть подумав, ответил тот. – Дня за три бы дошли.

– Будем надеяться, что болото невелико, – как можно более бодрым голосом сказала Мэйлинн. – Давайте уже двигаться куда-нибудь. Скоро начнёт темнеть.

Решили двигаться в южном направлении по краю трясины, по возможности забирая на запад, к Шеару. Увы, болото оказалось внушительным, а весенний паводок раздул его ещё больше. Стало ясно, что к концу этого дня обойти его не выйдет. Лошади уныло брели по чавкающей дрягве, словно переняв настроение своих седоков. Ближе к вечеру стало очевидно, что направление движения явно сменилось с южного на юго-восточное, а затем и на восточное. Каладиус, который поначалу всё сильнее хмурился, теперь, вроде бы, успокоился.

– Если новых сюрпризов не будет, то мы потеряем от силы день, – объявил он. – Как только достаточно стемнеет, нужно будет вставать на ночёвку. Не хватало провалиться сослепу в какую-нибудь вонючую яму.

Единственный плюс от болота заключался в том, что редкие деревья не могли заслонить солнца, так что здесь, на окраине топи было куда светлее, чем в глубине леса. Это позволило проехать несколько лишних миль, пока и здесь не стало достаточно темно, чтобы не различать предметов на расстоянии пары сотен футов.

– Привал! – скомандовал Каладиус. – И, пожалуйста, запасите побольше хвороста. Моим костям вредна болотная сырость.

Мужчины молча кивнули и отправились за дровами, хотя все поняли, что Каладиус боится не только сырости. Пашшан, тут же разведя костерок, принялся колдовать над ужином. Мэйлинн занялась лошадьми. Лишь маг, усевшись на какую-то корягу, задумчиво глядел на пляшущий огонь, покусывая нижнюю губу.

Валежника вокруг было навалом, так что трое мужчин быстро натаскали угрожающую кучу, так, словно они собирались сжечь на этом костре всех болотниц и леших на десяток миль в округе. Вскоре костёр запылал так жарко, что все были вынуждены отсесть от него на несколько шагов.

Лошади меланхолично ощипывали жухлую прошлогоднюю траву, но было видно, что подобный корм им совсем не по нутру. Увы, в ближайшие дни ничего иного путешествен-

ники предложить им не могли. Два мешка овса, взятые из фургона, решили припасти на чёрный день. Сами же хозяева лошадей поужинали простой, но сытной и вкусной пищей, которую приготовил баинин.

– Установим караул, – предложил Каладиус.

– Вы всерьёз опасаетесь лесных духов, мессир? – усмехнулся Кол, однако сейчас, когда вокруг была крошечная тьма, из которой иной раз доносились необычные звуки, даже его усмешка была явно натянутой.

– Кроме лесных духов, друг мой, леса полны и другой напасти – медведи, волки, разбойники, – Каладиус никак не хотел признавать, что он считает угрозу леших реальной.

– Да я не против, – тут же сдался Кол. – Могу первый караулить.

– Хорошо, – согласился маг. – Нас пятеро, будем дежурить по два часа...

– Нас шестеро! – запротестовала Мэйлинн. – Это что ещё за дискриминация такая? Мне кажется, что вы уже должны были понять, что я – не кисейная барышня.

– Хорошо, – улыбнулся Каладиус. – Нас шестеро, будем дежурить по полтора часа каждый. Госпожа Мэйлинн пусть дежурит последней.

– И только попробуйте меня не разбудить! – для верности лирра даже показала кулак сидящим у костра мужчинам, что вызвало всеобщий смех. – Учтите, я серьёзно! – отсмеявшись, добавила она.

Завернувшись в тёплые спальные мешки, все, кроме Кола улеглись спать, выбрав для себя места посуше и помягче. Кол же остался подбрасывать ветки в костёр, да следить за тем, чтобы никто не потревожил сон друзей. Чем, собственно говоря, он и занялся. Набросав хвороста в костёр, Кол уселся на корягу, оглядывая своих спящих спутников, в свете костра превратившихся сейчас в какие-то причудливые холмики, вместо мха поросшие грубой темной шерстью спальных мешков. То и дело Кол переводил взгляд на лошадей, которые, повесив головы, дремали, едва видимые в отблесках пламени. Это вселяло спокойствие – центурион надеялся, что в случае чего лошади учуют опасность раньше, чем он.

Отмерянные полтора часа, как ни странно, пробежали довольно быстро. Встав и сладко потянувшись, Кол осторожно растормошил Бина, который должен был сменить его на посту. Бин, недовольно ворча, выбрался из мешка, и Кол тут же нырнул в его тёплое гнёздышко.

Спустя некоторое время Каладиус проснулся от того, что Бин легонько, но настойчиво тряс его за плечо.

– Что – моя очередь? – без особого энтузиазма поинтересовался маг.

– Нет, мессир, – шёпот парня был тревожен, если не сказать – испуган. – Но вы должны кое-что увидеть.

С нехорошим ощущением маг выбрался из мешка и пошёл за Бином.

– Вон там, – Бин указал в сторону сокрытого темнотой болота.

Сначала Каладиус ничего не увидел – отчасти спросонья, отчасти из-за света костра, к которому привыкли глаза. Но, некоторое время всматриваясь в тьму, он наконец разглядел то, что показывал ему Бин. Несколько слабеньких бледно-зелёных огоньков,двигающихся над поверхностью болота ярдах в ста отсюда, или дальше – в темноте расстояние оценить было невозможно. Двигались огоньки довольно странно – то поднимались чуть выше, то опускались почти до самого уровня воды, они перемещались в разные стороны, иногда замедляясь, почти замирая, иногда – срываясь с места. При этом не было слышно каких-либо подозрительных звуков – ни всплесков, ни шлёпанья ног по воде.

– Что это, мессир? – Бин старался не подавать вида, но маг явственно ощущал, насколько ему страшно.

– Болотный газ, – как можно равнодушнее ответил Каладиус, резко поворачиваясь к огонькам спиной и возвращаясь к костру.

– Вы уверены, мессир? – Бин чувствовал, что маг что-то недоговаривает.

– Уверен ли я! – проворчал Каладиус. – Ещё бы! Я видел такое, и не раз. Болотный газ, который фосфоресцирует при взаимодействии с воздухом. Ладно, коль уж ты меня поднял, то иди, спи. Мне уж теперь всё равно не уснуть, да и очередь моя скоро наступит.

– Хорошо, – Бин вдруг испытал то самое детское чувство, когда хочется забиться под одеяло в иррациональной уверенности, что никакой беде тебя оттуда не достать.

Парень направился к мешку мага, но успел увидеть боковым зрением, как тот что-то вынул из-за пазухи. Внутренности Бина заledenели, и он поспешил залезть в шерстяной мешок. Обратив внимание на то, какой холодный ночью воздух, Бин зарылся в мешок с головой.

В оправдание парня хочется сказать, что до сих пор он хотя и встречался со странными, пугающими явлениями, такими как зомби или гомункулы, но все они являлись плодами рук человеческих, так что хотя и несли в себе печать потустороннего, легко объяснялись логически. Здесь же он впервые столкнулся с тем, что могли объяснить разве что народные сказки, с тем, что он привык считать чем-то несуществующим. Именно существование несуществующего пугало Бина куда сильнее, чем та потенциальная опасность, которую это самое несуществующее могло нести в себе. И сейчас с головой одеялом укрылся не Бин – победитель ассасинов, а Бин – маленький мальчик, наслушавшийся на ночь страшных сказок.

Тем временем Каладиус, подбросив в костёр щедрую порцию топлива, отошёл к тому месту, откуда они с Бином следили за огоньками. Маг, так же как и Кол, отметил, что лошади совершенно спокойны. Хотя для более знающего и опытного волшебника это не являлось однозначно успокаивающим фактором. Каладиус предполагал, что сущности, подобные лешим, вполне могут обладать симпатической магией, влияющей на низших существ. А может и не только на них. Кто знает – не способны ли они одурманить, околдовать человека? Маг крепче сжал в пальцах конвертик с пеплом, до рези в глазах всматриваясь в странную игру огоньков.

– Можно я тоже понаблюдаю за болотным газом? – раздался рядом тихий голос Варана, и маг вздрогнул от неожиданности, так как не слышал его шагов.

– Как вам будет угодно, друг мой, – взяв себя в руки, недрогнувшим голосом ответил Каладиус.

– А можно мне тоже пакетик? – с великолепной беззаботностью в голосе попросил мастер Теней.

– Ну, если вам так спокойней... – в тон ему ответил волшебник.

***

Блуждающие огоньки так и не побеспокоили путников этой ночью. Они даже не особенно стремились приближаться, хотя в какой-то момент времени их стало больше десятка. Всю эту ночь Каладиус и Варан пробыли бессменными часовыми. Всю эту ночь они, сидя почти на границе светового круга, шёпотом проговорили о самых разных вещах.

Утром Мэйлинн пыталась было устроить небольшой скандал из-за того, что её не разбудили в дозор, но узнав, что и Пашшан блаженно проспал всю ночь сном праведника, она немного успокоилась. А, узнав об огоньках, испытала смешанное чувство страха и любопытства.

– Ой, жаль, что я этого не видела! – воскликнула было она, но тут же сама себе возразила. – Нет! Не жаль! Я бы, наверное, умерла бы со страху!

Бин пристыженно промолчал. Он до сих пор ещё ощущал на своих кишках холодные липкие пальцы ночного страха.

– Давайте-ка быстренько позавтракаем, да в путь! – скомандовал Каладиус. – Если повезёт, то сегодня мы уйдём подальше это болота.

Слова мага оказались пророческими. Всю первую половину дня граница болот лежала по правую руку от путешественников, но вскоре она стала всё больше удаляться. Берег трясины плавно поворачивал к северу, тогда как отряд продолжал продвигаться на запад.

Этот, и последующие три дня были похожи один на другой. Вокруг путешественников вновь сомкнулись густые древние леса, хотя кое-где встречались и небольшие топи, которые также приходилось обходить. Иногда появлялась возможность пустить лошадей небольшой рысью, но чаще двигались шагом, и не только потому, что путь был неудобен. Нужно было беречь силы лошадей, которым, увы, сложно было найти себе корм в дремучем весеннем лесу. С водой было гораздо проще – путники то и дело натывались на весело журчащие ручейки, которым где-то суждено было, слившись, превратиться в одну из трясин подобной той, что повстречалась им недавно.

В целом никаких происшествий за время пути не произошло. Никаких неприятных встреч, никаких судьбоносных разговоров и решений. Только бесконечный серый лес, да такая же серая усталость, незаметно наваливающаяся на плечи путешественников. С каждым днём всё молчаливей были друзья, всё более вялыми и неохотными становились движения. Вскоре каждый уже ощущал определённую раздражительность – и в отношении этого унылого леса, и в отношении однообразной еды, да и в отношении друг друга.

Тягуче, если не сказать – тягостно длился очередной день путешествия. Шестой, если считать с того момента, как они свернули с тракта. Меланхоличным шагом брели лошади, понунив головы и, словно бы, потеряв всякую надежду дойти куда бы то ни было. Молча сидели всадники, также повесив головы, избегая даже смотреть друг на друга. Даже вечно неунывающая Мэйлинн поддавалась общему настроению и недовольно хмурилась, покусывая губы, да изредка раздражённо поглядывала на Бина, который от скуки грыз ногти.

– Может, хватит уже? – наконец не сдержалась она.

Бин зыркнул на неё сердитым взглядом, однако промолчал и грызть ногти тоже перестал. Кол сделал вид, что ничего и не заметил. Варан уже довольно давно ехал шагах в тридцати впереди отряда под предлогом разведки местности. По лицу Пашшана, конечно, ничего прочесть было невозможно, но Каладиус заметил, что баинин уже довольно давно вертит в руках перчатку, сминая, скручивая её, словно вымещая на ней всю свою досаду. Сам Каладиус ощущал одновременно и тревогу, и раздражение. Он чувствовал, что впервые с того момента, как их отряд выступил из его замка в пустыне Туум, между друзьями начался какой-то разлад. Все устали, и нервы у всех были на пределе. Однако, тут же сварливо подумал про себя Каладиус, надоело уже быть для них нянькой. Если они так раскисли из-за нескольких дней прогулки по лесу – что ж, тем хуже для них!

– Здесь дорога! – вдруг раздался ликующий голос Варана.

Действительно, отряд наткнулся на древнюю дорогу, вымощенную огромными каменными плитами. Даже всемогущий, казалось, лес не сумел уничтожить её полностью. Конечно, большая часть плит давно ушла под плодородный слой почвы и поросла травами, но кое-где непокорное творение рук человеческих всё ещё пыталось бороться за жизнь.

– Это дорога к Шеару! – воскликнул Каладиус. – Добрались!

Радостное возбуждение мгновенно смыло хандру последних дней. Раздались крики, смех, поздравления. Все снова были друзьями – не разлей вода, готовыми вместе на любые приключения и авантюры.

– Нам туда, – Каладиус махнул рукой вдоль дороги в юго-западном направлении. – Надеюсь, что город уже близко.

Город действительно был близко. Не прошло и часа, как он предстал перед путешественниками. Нельзя, конечно, сказать, что он предстал во всём своём величии, ибо величие это за минувшие века было значительно съедено лесом. Деревья-гиганты методично и неот-

вратимо рушили крепостные стены, башни, дома, дороги. Сейчас именно они доминировали над погибшим Шеаром, образуя вечнозелёный саркофаг над каменным остовом.

Однако даже сейчас было ясно, насколько велик в своё время был этот город. Его стены и башни до сих пор не утратили ещё могучей красоты, а кое-где среди деревьев виднелись и остатки величественных некогда зданий. Жемчужина в короне Кидуанской империи и сейчас ещё могла потрясти того, кому хватило мужества или безумия добраться сюда.

Увы, вскоре друзья увидели очередное препятствие на своём пути. Величественный барбакан, через который когда-то въезжали в Шеар гости, оказался обрушен, и обломки полностью засыпали вход. Пробраться в город, конечно, было можно и по этим обломкам, но вот лошадей провести уже было невозможно. Конечно, можно было поискать другие ворота, или же брешь в стене, но стоило ли тратить на это время?

– Пашшан, друг мой, – обратился Каладиус к баинину. – Тебе придётся остаться здесь с лошадьми. Справишься?

Баинин бесстрастно кивнул в ответ, хотя магу почувствовался лёгкий укор в этом кивке.

– Вот и хорошо. Друзья, возьмём с собой лишь самое необходимое. Я надеюсь, что поиски не займут больше двух дней.

Провизию и другие мелочи рассовали по вещмешкам, которые достались всем, кроме Кола. Как самый физически сильный, он должен был нести куб.

– Будьте осторожны, – напутствовал маг, когда они уже двинулись к завалу. – Мы не знаем, что такое Голова Шуанна, и на что она способна. Одно знаю, что для безвредной игрушки не потребовался бы мангиловый куб. Будьте всегда начеку! И не отдаляйтесь друг от друга.

С этими словами Каладиус первым начал карабкаться на завал.

Глава 69. Голова Шуанна

Жутковатым выглядел мёртвый город. Жутковатым, и неожиданно угрожающим. Обломанные колоннады походили на осколки зубов, полуразрушенные здания представлялись колоссами, застывшими в тщетной попытке ухватить проходящего мимо человека разверстыми пастьми дверных проёмов. Колеблющийся свет, протекавший сквозь ветви огромных деревьев, придавал видимость жизни этим скорбным лицам, взиравшим на рушащийся мир многоглазием окон.

Главная улица Шеара когда-то была довольно широка, однако сейчас пройти по ней было сложно из-за множества крупных и мелких обломков. Кое-где древняя мостовая была вспорота мощными корнями и стволами. Деревья виднелись даже в окнах некоторых домов – коварные партизаны, разрушающие стойко сопротивляющиеся здания изнутри. В давние времена город был велик и многолюден. Вдоль главной улицы тянулись разрушенные обломки древнего акведука, однако никто, даже Каладиус не поняли, что это. Наследники Кидуанской империи растеряли много знаний, часть из которых лишь теперь восстанавливалась по крупицам.

Незванные пришельцы, абсолютно чуждые в этом памятнике бренности бытия, осторожно ступали, стараясь не сломать ноги, и поминутно озираясь, словно ожидая нападения духов-хранителей мёртвого города. Наплевав на возможные насмешки, Варан вынул свой верный меч и теперь шёл, держа его наизготовку, словно уже видел перед собой готового напасть врага. Недолго думая, его примеру последовал и Бин. Остальные пока держали оружие в ножнах, но нервозность была заметна в движениях каждого.

Вновь нахлынула хандра и усталость, которые, казалось, отступили с тех пор, как была найдена Шеарская дорога. Раздражало абсолютно всё – камни, словно специально подкапывающиеся под ноги, шелест хвои над головой, эхо шагов, отскакивающее от полуразрушенных стен. Бина очень раздражало пыхтение Кола на долю которого выпала переноска тяжёлого куба, хотя сам он пыхтел и отдувался не меньше – словно даже воздух в Шеаре был разряженным.

Улицы города представлялись сейчас затейливыми лабиринтами, так что спутники мага довольно быстро перестали ориентироваться в пространстве. Может быть когда-то эти здания и поражали воображение своими формами и разнообразием, но теперь большинство из них были всего лишь грудями битых камней, похожих одна на другую.

– Далеко ещё, мессир? – голосом, в котором сквозило явное раздражение, спросил Кол. Ещё бы – с каждым шагом куб, казалось, становился всё тяжелее.

– Устали, друг мой? – отозвался маг. – Может, попросить уважаемого мастера Теней на время взять ваш груз?

– Я просто спросил – далеко ли ещё... – огрызнулся Кол. – Когда мне потребуется помощь, я об этом сообщу.

– А я – не мастер Теней, – неожиданно возразил Варан. – Сколько раз это нужно повторить, чтобы вы мне поверили?

– Я и не думал оскорбить вас, друг мой, – тут же воскликнул Каладиус. – Прошу простить.

– Однако, вы не ответили на мой вопрос, мессир, – ворчливо напомнил Кол.

– Ах, простите, – извинился маг. – На самом деле, я точно не знаю, поскольку не знаю, где находится артефакт...

– Вот это здорово, – как-то неуважительно фыркнул Бин. – И как же мы найдём его в этих развалинах?

– Не волнуйтесь, молодой человек – отыщем обязательно. Я думаю, что он сам найдёт нас в нужный момент.

– Ох уж эти ваши глубокомысленные фразочки! – вновь завёлся Кол. – Почему бы просто не сказать – я не знаю? Нет, нужно обязательно сказать что-нибудь этакое, якобы полное скрытого смысла!..

– Ну я так и сказал в самом начале, что не знаю, где находится артефакт, – уже резче ответил Каладиус. – Я думаю, нам нужно сделать привал, потому что наш друг разворчался сверх меры.

– Я не устал, – буркнул Кол и, набычившись, двинулся дальше. Однако через несколько шагов он подвернул ногу, едва не упал, и начал сыпать такими ругательствами, которых постеснялся бы последний выпивоха в придорожном трактире.

– Эй, приятель, попридержи-ка язык! – тут же сделал ему замечание Варан. – Если ты не заметил, здесь Мэйлинн.

– Давайте всё же остановимся на четверть часа, – лирра была не столько обескуражена оказавшимся столь разнообразным лексиконом Кола, сколько обеспокоена происходящим. – Колу нужно отдохнуть.

Психанув (по-другому и не скажешь), Кол швырнул на землю узел, в который был завязан куб, а затем плюхнулся рядом, потирая лодыжку.

– Осторожней, юноша! – с нотками закипающего гнева проговорил Каладиус. – Нам не хватало только сломать куб!

Кол яростно вскинул голову, окатив мага бешеным взглядом, но быстро взял себя в руки и пробормотал:

– Простите...

– Что-то нервишки у всех нас расшатались... – пробормотал Варан.

– Возможно, это не случайность, – тут же ответил Каладиус. – Может быть, конечно, это – всего лишь следствие усталости, но я склонен считать, что мы подпали под воздействие Головы Шуанна.

– Хотите сказать, она хочет нас поссорить? – встревоженно спросила Мэйлинн.

– Пока я не знаю, что сказать, так как понятия не имею, с чем мы должны столкнуться, – признал Каладиус. – Но если Биаллу Пивилийскому понадобился зачарованный мангиловый куб, чтобы защищаться от этой дряни, стало быть, там что-то серьёзное и... возможно, опасное.

– И что же вы, мессир, прикупили на этот случай? – с лёгким сарказмом осведомился Варан. – Сушёные кишки енота или слюну беременной селянки?

– На этот случай я не прикупил ничего, – резко ответил маг. – Никто не знает, что такое Голова Шуанна, поэтому никто не знает, как от неё защититься. В крайнем случае, использую мозги безмозглого человека...

– Мессир! – воскликнула Мэйлинн, тогда как кровь уже ударила Варану в голову, и он вскинулся, словно боевой конь.

– Простите, друг мой, – проведя ладонью по лицу, проговорил Каладиус. – Сам не понимаю, как я такое сказал.

– Это явно какое-то волшебство! – тут же добавила Мэйлинн, отчаянно надеясь, что мастер Теней проглотит обиду.

– Без обид, – кивнул Варан, хотя лицо его до конца так и не разгладилось. – Чувствую, нам предстоит весёленькая прогулка!

– Надо просто не разговаривать друг с другом! – предложил Бин.

– Что ж, попробуем, – с сомнением кивнул Каладиус. – Ну а как ваша нога, дорогой друг? – обратился он к Колу.

– Лучше, спасибо, – буркнул Кол, хотя теперь в его голосе было больше раскаяния, чем злости.

– Давай пока я понесу этот ящик, дружище? – предложил Варан.

– Я справлюсь, – вновь насупился Кол.

Он встал, напрягшись, закинул на спину завязанный в плотную ткань куб, поморщившись, когда острые грани впились в тело.

– Пойдёмте, что ли? – и, не ожидая остальных, двинулся вперёд.

– Судя по плану Шеара, – спустя некоторое время проговорил Каладиус, нарушив договор о молчании. – Не слишком далеко отсюда находятся стены древней Академии. На плане указано также хранилище Академии. Думаю, что артефакт может быть там.

Остальные промолчали. Никто даже не кивнул в знак того, что поняли. Сейчас путешественники совсем не походили на компанию друзей. Скорее это походило на группу каторжников, которых ведут к руднику, где те будут в трудах и беспросветности коротать остаток века. Разве что Мэйлинн, казалось, не подвергалась столь мощному ментальному прессингу. Она казалась уставшей и опечаленной, но злости и раздражения в её взгляде не было.

– Вы заметили, дорогая, что заклятие Головы Шуанна на вас, похоже, не действует? – обратил на это внимание и Каладиус.

– Да, возможно, – чуть растерянно ответила лирра. – А почему так?

– Возможно, вас защищает амулет, – после того, как Мэйлинн уничтожила свой защитный амулет, Каладиус вернул ей тот, что он сделал в своём дворце. – Либо артефакт просто не действует на лирр. А может у него просто нет власти над искателем Башни. Кто знает, может и Биалл Пивилийский не ощущал его воздействия.

– Башня, Башня... – вновь совершенно внезапно взъярился Кол. – Мы все тут рискуем своими жизнями, чтобы Мэйлинн нашла эту свою дурацкую Башню! Зачем, почему – этого никто не объяснит! Она и сама не знает, зачем она её ищет. Какие ответы она хочет получить?

– Эй, если помнишь, ты сам согласился сопровождать Мэйлинн! – тут же вскинулся Бин.

– И чего? Теперь подыхать тут всем, что ли? – злой огонь бился в глазах Кола. Он вновь остановился, и вновь довольно грубо бросил тяжёлый куб на землю. – А подумай-ка вот о чём, дружок. Если перед нашей святой Мэйлинн встанет вопрос – отказаться от поисков Башни или пожертвовать кем-то из нас? А? Как думаешь, что она выберет?

– Заткнись, Кол! – вскричал Бин, яростно сжимая кулаки.

– Вы поглядите на него! – искусственно рассмеялся Кол. – Думаешь, нацепил эти блестящие жестянки, и тут же стал рыцарем? Ещё раз прикажешь мне заткнуться, и я вколючу тебе эти слова обратно в глотку!

– Попробуй, и будешь иметь дело со мной! – прошипел Варан, направляя острие меча в сторону легионера.

– Ещё один благородный выискался! – оскаленные зубы Кола хищно сверкнули. – Давно ли сам мало чем отличался от обычного разбойника?

– Да замолчите вы!!! – слёзы катились по щекам Мэйлинн. – Вы что – не видите, что это что-то говорит вместо вас, стравливая вас друг с другом? – все действительно замолчали, но продолжали прожигать друг друга взглядами, исполненными ненависти. – Кол! – возвала лирра к легионеру. – Это же я – Мэйлинн! Мы с тобой шли сюда от самого Латиона, делили хлеб и кров... Ты вёз меня, бесчувственную, многие лиги, терпя страдания. Я люблю тебя... как брата, и никогда бы не пожертвовала тобой! Не воздвигли ещё такую Башню, которая бы стояла в моих глазах выше тебя!

Словно какая-то пелена спала со взгляда Кола. Он даже заморгал часто, так, словно только что очнулся.

– Прости меня, девочка моя, – едва сдерживая слёзы, пробормотал он. – Да как я мог вообще такое ляпнуть? Да пусть я тут же замертво упаду, ежели хоть на секунду мог подумать такое! Да я за тебя всю свою кровь отдам, по капельке, и при этом буду ещё и улыбаться! – теперь Кол плакал, не таясь. – И вы простите, друзья! Сам не знаю, что на меня нашло!

– Зато я знаю, – озабоченно ответил Каладиус. – Уверен, что это – проделки этой самой Головы! Ну хоть одно радует – значит, она всё-таки здесь.

– А мне вот как будто легче стало! – лицо Варана и впрямь прояснилось. – Как будто что-то давило на виски, а теперь отступило.

– И у меня такое же ощущение! – подтвердил Бин. – И злость вся куда-то делась...

– Возможно, это было испытание Головы Шуанна, – задумчиво произнёс маг. – И, надеюсь, мы его выдержали.

– И что – много ещё у него осталось таких испытаний? – осведомился Бин.

– Скоро узнаем... – посулил маг.

***

Где-то снова капала вода. Снега зимой было много, вот теперь он таял, и где-то подтекала крыша. Увы, Бин был слишком стар, чтобы счищать снег с крыши вовремя.

Пахло несвежим бельём, потом и мочой. С тех пор, как Бина вновь хватил удар, он уже больше не поднимался с постели. Тело больше его не слушалось, поэтому мочился он теперь непроизвольно, даже не замечая этого. Очевидно, обмочился и в этот раз, с беспомощной досадой подумалось Бину. Но поделать он ничего не мог. Мог лишь лежать и слушать, как стучат капли воды по гнилому полу.

На лестнице слышались шаги. Её шаги. Их он узнавал всегда, с тех самых пор, как они познакомились уже больше сорока лет назад, ведь они оставались неизменными всё это время. А вот его шаг изменился очень сильно – сначала стал грузнее, затем появилось шаркающее подволакивание, походка сделалась семенящей, неуверенной. Последние три года Бин почти не ходил. Когда случился первый удар, он почти полгода пролежал, не вставая. Арионн миловал – постепенно паралич почти прошёл, и господин Танисти, как называли его в лицо, или старый Танисти, как называли его за глаза, снова смог встать с постели и ходить, опираясь на узловатую палку. Тогда он ещё мог позволить себе спуститься на улицу, чтобы часами сидеть, греясь на солнышке, пока не придёт она.

Однако, несколько месяцев назад случился второй удар, и Бин чувствовал нутром, что после него он уже не встанет. Ясное ощущение того, что его жизнь по эту сторону Белого моста подходит к концу, уже не покидала больного, измученного старика. Теперь лишь и оставалось, что вспоминать прожитую жизнь.

Прожитую совсем не так, как ему мечталось. Точнее, поначалу казалось, что самые невероятные мечты его сбылись. Мэйлинн каким-то чудом полюбила непутёвого юношу, полюбила всем сердцем и связала с ним жизнь. Первые несколько лет Бин был на вершине блаженства. Но затем...

В какой-то момент Бин понял, что стареет. Понял это с пронизывающей очевидностью, словно ушат ледяной воды пролили за шиворот. Он видел это в мутных отражениях медных зеркал, в зыбкой поверхности воды в ведре, стоящем у входа, в неверном отражении окна. Это было так очевидно для него, так бросалось в глаза, что самой большой мукой для Бина стало то, что он не мог прочесть этого в глазах Мэйлинн. Лирра словно ничего не замечала, и это ранило больше всего. Если она действительно не видела его увядания, то это очень походило на предательство с его стороны. Если же видела, но не подавала виду, то это уже представлялось её предательством.

Бин мучился, но не смел задать вопроса. Он лишь искательно вглядывался в её прекрасные огромные глаза, но всё равно не видел в них ничего, кроме беззаветной любви. С тех пор жизнь Бина резко изменилась. Из неё, словно из прохудившегося меха, медленно, но неотвратно утекла вся радость. Сперва Бин мучил лишь себя, но вскоре стал мучить и её. Но на все его злые выпады Мэйлинн отвечала всё тем же тихим и любящим взглядом. И взгляд этот Бин больше не мог выносить.

От криков и ругани он довольно быстро перешёл к рукоприкладству. Благо миссис Танисти давно уже ушла по своему Белому пути, и ей не приходилось краснеть за сына. В первый раз это была всего лишь пощёчина. За что – Бин никак не мог вспомнить, как ни старался. Мэйлинн что-то сказала – что-то, не понравившееся ему. Одна-единственная пощёчина, за которую он долго и искренне просил прощения. А она лишь смотрела на него глазами, полными слёз и любви.

Вскоре от пощёчин Бин перешёл к более основательным мерам. Мэйлинн с разбитым в кровь носом, рассечённой губой или подбитым глазом снова молчала и глядела. Глядела, выворачивая душу, разрывая сердце. Она ни разу не ответила, ни разу не выбежала из дома. Она ни разу даже не подняла руки, чтобы защититься. Молча плакала и глядела на него. Всё теми же ненавистными любящими глазами.

Какое-то время казалось, что забвение можно найти в вине, но это предположение оказалось ложным. Забвение было слишком кратким, чтобы спасти положение. А с пьяных глаз взгляд Мэйлинн казался ещё невыносимее. Она унижала Бина своей неизменной любовью, заставляла его чувствовать себя самой жалкой из тварей. Это вызывало такую ненависть, что однажды он сломал ей руку табуретом. После, какое-то время он ухаживал за ней, мучимый запоздалым раскаянием. Но раскаяния надолго не хватило.

Второй попыткой заглушить эту боль стала дурная трава. С ней действительно стало несколько легче – и ему, и ей. Побои теперь были не такими частыми хотя бы потому, что всё больше времени Бин проводил в курильнях, лёжа на вонючих диванах рядом с такими же отбросами, как он. Несколько случайных связей с обитательницами этих притонов, мало чем отличавшихся от обычных шлюх, не принесли ни физического, ни морального удовлетворения. И этого он также не мог простить Мэйлинн.

Он не мог ей простить того, что с годами она практически не менялась, оставаясь всё той же юной красавицей, которую он полюбил когда-то, тогда как он с возрастом становился всё безобразней. Набрякшие веки, обвислые губы, неухоженная щетина на желтоватых, сморщенных щеках. Лысина, обрамлённая засаленными, полными перхоти волосами. И вот уже новое чувство зарождается в груди – ревность. Бин ревновал Мэйлинн ко всем и каждому, кто мог хотя бы бросить на неё взгляд. Бин ревновал к Мэйлинн, ведь она оставалась красивой, несмотря на синяки и ссадины, несмотря на два выбитых зуба и сломанную, плохо сросшуюся руку.

Бину хотелось бежать, бросить здесь и эту жалкую лачугу, и лирру, с которой он не мог сочетаться браком, но почему-то не находил смелости и просто выставить её за дверь. Боялся остаться один. Но и бежать куда-то, в неизвестность, на старости лет Бин тоже боялся. За этот страх он тоже мстил Мэйлинн, как умел...

И вот теперь он слышит эти шаги, сводящие его с ума. Он слышит тихонько открывшуюся дверь. Он чувствует, как шевельнулся затхлый воздух в комнате. Она подходит к нему и безропотно начинает стягивать обоссанное одеяло. Бину хочется назвать её последними словами, хочется плюнуть ей в лицо, но с дряблых губ срываются лишь всхлипывающие хрипы. Внезапно в мозгу словно взрывается огненный шар. Новый удар – последнее, что успевает осознать Бин Танисти, а затем приходит долгожданное избавление...

***

Кто бы мог подумать, что когда-нибудь Кол станет скучать по сточным канавам? А вот теперь, взглянув на зловонную клоаку, проходившую неподалёку от излюбленного трактира, где он так любил глушить разбавленное пойло, выдаваемое трактирщиком за исключительное вино, Кол вдруг почувствовал нечто вроде ностальгии. Что ни говори, а валяния в канаве подразумевали предварительное упивание до бесчувствия, а вот именно этого бывшему центуриону и не хватало.

Кол не пил уже девять дней, одиннадцать часов и сорок две... нет, уже сорок три минуты. И, кажется, был уже на пределе. Но пить пока было никак нельзя. Проклятый договор связывал его по рукам и ногам. Мокрые делишки, конечно, дурно пахли, но за них неплохо платили, а деньги были очень нужны. Вот и сейчас Колу необходимо было выследить и выжать всё необходимое из какого-то паршивого купчишки. Договор однозначно указывал, что до тех пор, пока это необходимое не окажется у заказчика, Кол не должен пить ничего крепче воды. А Тан Горбун шутить не любил.

Плёвое, как казалось вначале, дело внезапно стало сложным. Вероятно, кто-то напел купчишке о назревающих неприятностях, и теперь он носа не казал из своего дома. Более того, разорился на парочку мордovorотов, постоянно околачивающихся у входа. Кол часами, словно голодная акула, кружил вокруг заветного дома, но пока подобраться так и не смог. Действовать с шумом тоже не хотелось, хотя двое подручных, шестёрка Горбуна, давно уже предлагали совершить банальный налёт. У Кола на этот счёт были другие мысли – хотелось умереть спокойно, в пьяном угаре, захлебнувшись собственной рвотой, а не подохнуть с ножом в кишках.

Сегодня Кол вновь стоял, прислонясь к прячущейся в тени стене дома, делая вид, что увлечён разговором с двумя дуболомами, хотя больше, чем их тупые байки, его мучало только одно – желание выпить. Кола заметно потряхивало, и это забавляло его подельников, должно быть, довольно уязвлённых тем, что их поставили в подчинение этому забулдыге. Однако тяжесть кулаков и крутой нрав бывшего паладина были известны слишком многим, чтобы рисковать высказывать ему эти претензии в глаза.

– Он вышел! – один из дуροшлёпов только что в охотничью стойку не встал, нарушая все мыслимые правила конспирации.

– Вижу, идиот, – прошипел сквозь зубы враз собравшийся Кол. – Не пались ты, встань как стоял!

Действительно, вероятно, дела погнали купчишку из дому. Он вышел, подозрительно оглядываясь, но на улице было слишком многолюдно, чтобы Кол с его компанией привлекали много внимания. Что-то сказав двум верзилам, дежурившим у двери, купчишка, втянув голову в плечи, быстро засеменил по улице. Мордovorоты двинулись за ним.

Кол задумался. Что нужно было делать дальше? Если бы он знал, о чём именно идёт речь, можно было бы наведаться в покамест пустой дом. Но так как проклятый Горбун не озаботился тем, чтобы объяснить, что, собственно, Колу нужно, ограничившись стандартным «он знает, о чём речь», то данный, более безопасный, вариант пролетал. Оставалось двигаться за купчишкой, в надежде, что у того хватит глупости сунуться в какие-нибудь безлюдные, или слишком уж толерантные к разного рода делам улочки.

Похоже, фортуна решила сегодня улыбнуться Колу во весь рот, полный гнилых зубов. Купчишка, похоже, направлялся в Крысиный конец – место, куда опасались заглядывать даже парни вроде Кола. Посадить на нож там могли за один косой взгляд, но чаще даже такого повода не требовалось. Но зато там обитали самые отморозенные барыги, готовые толкать всё, что только существует в этом мире – от относительно безобидной дурной травы, до запрещённого на всей Паэтте кашаха – сильнодействующего наркотика, добываемого из широких листьев кустарника, растущего на юге Кидуи. В самой Кидуе, а также Саррасе за

распространение кашаха единственным наказанием была смертная казнь. В Латионе закон был чуть мягче, но каторжные работы многим казались не лучшей альтернативой смерти.

Неужели этот пройдоха промышляет кашахом? – размышлял про себя Кол, осторожно, смешиваясь с толпой, следуя за целью. Странно, Колу всегда казалось, что у Тана Горбуна хватало мозгов не связываться с этой дрянью.

Да, вот он – Крысиный конец, переулок, заканчивающийся глухим тупиком. Теперь нужно действовать быстро, пока купчишка не добрался до тех, к кому направляется, а то можно лишиться численного перевеса. Уже не таясь, на ходу вынимая любимый кистень, Кол прибавил шаг. Его подручные с удивительной синхронностью скопировали его действия (разве что вместо кистеня они предпочитали длинные ножи с широким толстым лезвием, которым при необходимости можно было не только колоть, но и рубить).

Купчишка, поминутно оглядывающийся, заметил их довольно быстро. Оружие в их руках не оставляло пространства для воображения и не допускало никаких разночтений относительно их намерений. Истошно крикнув, купчишка бросился бежать. Он был сухопарым и ещё совсем не старым, так что при желании мог бы уйти далеко. Так что во что бы то ни стало его нужно было остановить.

Кол бросился бегом, на бегу раскручивая кистень. Телохранители купчишки встали в стойку, достав внушительных размеров кинжалы – настоящие мачете. Ну теперь всё должно было решить умение и минимальное численное превосходство.

– Берите этих, а я за клиентом, – не сбивая дыхания, бросил Кол двум топочущим рядом подручным.

Он чуть-чуть сбавил ход, давая возможность парочке вырваться вперёд. И тот, и другой отлично знали своё дело. Каждый набросился на своего соперника, звякнула сталь, в первой сшибке не пустив ничьей крови. Кол, совершив своеобразный пирует, пронёсся между врагами, нанеся удар кистенём. Тот, на чью голову должен был прийтись этот удар, успел среагировать, отступив на шаг, но именно это было и нужно Колу. Он пронёсся дальше, набирая темп, стараясь настигнуть давшего стрекача купчишку.

Адреналин, кипевший сейчас в жилах Кола, довольно успешно заменял собой алкоголь, так что дрожь в конечностях унялась, а в голове прояснилось. Кол чувствовал, что, несмотря на начинающуюся одышку, он вскоре сумеет догнать жертву – до него оставалось не больше полусотни шагов.

И тут удача изменила бывшему центуриону. На крики купчишки из одного из домов выскочило с полдюжины вооружённых отморозков. Не иначе – те самые, к кому он направлялся. Кол быстро сориентировался и тут же, остановившись, бросился бежать назад, где звенели клинками четверо сражающихся.

Увы, за ним бросились в погоню и нагнали довольно быстро. Кол, поняв, что ему не уйти, резко остановился и, прижавшись спиной к стене, принялся раскручивать кистень. Пара новых врагов бросилась на помощь телохранителям торговца, остальные приблизились к загнанному в угол Колу. Подручные легионера, завидев приближающуюся к своим противникам подмогу, вмиг забыли обо всём и бросились бежать. Одному из них, правда, это не удалось – нож впился ему в спину аккурат там, где располагалась почка, и он рухнул, как подкошенный. На него тут же набросились все четверо врагов, затыкая его кинжалами.

К Колу пока близко никто не подходил – бешено вращающийся кистень внушал врагам должное уважение. Кол, уже понимая, что отсюда ему, скорее всего, не выбраться, тем не менее, всё пытался отыскать хоть какую-то лазейку. Он выискивал брешь в рядах противника – кого-то слабого, который не выдержит натиска. Увы, к разочарованию центуриона никого похожего он не находил. Более того, Кол заметил, что те четверо, что кромсали тело его незадачливого спутника, уже бегут на помощь остальным. Он был обречён.

И тут появился купчишка, о котором, признаться, Кол уже и позабыл. И, как выяснилось, совершенно напрасно, потому что теперь этот негодяй вернулся, держа в руках большой легионерский арбалет. Конечно же – заряженный. И вот теперь надежды совсем не осталось. Почему-то ярость вдруг покинула Кола, а взамен неё пришла вязкая, липкая апатия. Кто бы мог подумать, что центурион Брос будет стоять и безучастно смотреть, как в него будут стрелять из арбалета, словно в привязанного барана на бойне! А вот так оно и вышло. Худо прожил ты жизнь, легионер, а умер и того хуже!

С пяти шагов не промахнулся бы и ребёнок. Резкая боль в боку, и Кола отшвыривает к стене. Даже если бы он сейчас захотел удержаться на ногах – ничего бы не вышло. Мгновенная слабость растеклась по телу, беспомощная, головокружительная слабость. Кол всегда надеялся, что умрёт безболезненно, желательно – во сне. Увы, это у него не вышло. Было очень больно, легионера вырвало кровью. Он лежал щекой прямо на грязной земле, поэтому видел лишь пыльные ботинки своих убийц. С ним поступили так же, как и с его незадачливым подельником – стали тупо и методично тыкать ножами, пока Кол не истёк кровью. До тех пор, пока ни наступило благословенное небытие, было больно. Очень больно...

***

Земля была главным проклятием того богами забытого уголка, в котором суждено было родиться Варану. Твёрдая, словно гранит, и почти такая же бесплодная. И, тем не менее, поколения жалких, несчастных людей продолжали с маниакальным упорством возделывать её и радоваться тем жалким крохам, что она давала взамен.

Варану было сейчас то ли пятнадцать, то ли шестнадцать – ни он, ни его родители не помнили дня его рождения, как и дней рождений всех его братьев и сестёр. Вообще-то, конечно, его звали не Вараном, и, обращаясь к нему, отец называл какое-то другое имя, но мальчишка никак не мог расслышать – какое именно. Почему-то в голове засело именно это странное прозвище.

Измождённый, покрытый потом и пылью Варан с отчаянием обречённого вбивал в землю заступ. Именно так начинался здесь сельскохозяйственный цикл – сначала землю нужно было разбить заступом, «поднять», как это называл отец, а уж затем пройти по ней ещё раз мотыгой, чтобы сделать комья земли хоть чуть-чуть мельче. Затем приходила очередь тяжёлой деревянной бороны с металлическими наконечниками. Сверху к ней были приторочены два довольно внушительных валуна, чтобы бороны по возможности глубже вгрызалась в землю. Варан и его старшие братья таскали её, истекая потом и дыша, словно умирающие лошади. И только потом в землю сыпали овёс. Это была единственная зерновая культура, выживавшая в этих краях.

Варан ненавидел свою жизнь. Ему смутно казалось, что он рождён для чего-то иного, хотя откуда взялись такие мысли – он понять не мог. Отец его, дед, прадед, да и все остальные пращуры жили и умерли именно здесь. Не исключено, что кто-то – с тем самым заступом в руках, который в данный момент держал он. Сейчас, втыкая своё затупленное орудие в землю, Варан всякий раз представлял, что он наносит ей страшные кровотокающие раны, терзает, убивает её медленно и жестоко. Ему нравилось думать, что земля страдает от каждого его удара. Возможно, только это и заставляло его продолжать.

Его отец всегда твердил о том, как им повезло, что неподалёку есть источник с небольшим озерцом, ведь это позволяло жить, не уповая лишь на милости природы, а поливать скудный урожай тогда, когда это было нужно. У Варана было собственное мнение на этот счёт. Главным образом потому, что это «неподалёку» располагалось более, чем в четверти мили от их надела. Для самого Варана и его братьев это означало, что чуть позже, когда с перекапыванием будет покончено, большая часть их дня будет посвящена изматывающим

походам к озеру и обратно с двумя кожаными вёдрами в руках. Путь туда был, если не считать жары и мух, довольно сносным – вполне можно считать это прогулкой. А вот путь обратно...

Два ведра, по два галлона каждое, очень быстро начинали мучительно резать ладонь тонкими кожаными ремешками, а чуть позже – оттягивать руки всё возрастающей тяжестью. Несмотря на то, что водоносы несколько раз останавливались, чтобы передохнуть, до поля они добирались совершенно измученными. Вылив воду на ненасытную землю, они тут же отправлялись обратно. К моменту, когда они вернутся в следующий раз, определить место, которое было полито, будет уже невозможно.

Жаловаться отцу было бессмысленно. Во-первых, полив был необходим – хочется того, или нет. А во-вторых – на любые жалобы и нытье отец, не забыв предварительной затрепщины, разглагольствовал о том, как он, будучи «совсем ещё сопляком, не то что вы, детины», делал всё то же самое, что и они. И с этим нельзя было поспорить, поскольку это было чистой правдой. И вот это ужасало Варана более всего – в отце он видел всю свою дальнейшую судьбу. Прожить всю жизнь прикованным невидимыми цепями к этой богами проклятой земле, заслужив, разве что, право не так сильно вкалывать, ежели удастся разжиться достаточным количеством таких же обречённых сыновей. Нет, такой судьбы Варан не желал.

Кроме того, с некоторого времени парень не мог погасить в себе всё растущей ненависти к отцу. Он всегда несколько презирал своего родителя за ту тупость, узколобость и смиренность судьбе, что присуща всем людям его склада. Никто в округе не назвал бы отца Варана тупицей или безынициативным. Он всегда хлопотал, он лез из кожи, чтобы сделать жизнь своих домочадцев хоть капельку лучше. У него всё спорилось, и общественное мнение считало его одним из самых толковых людей в империи. Его ставили в пример, к нему прислушивались, на него равнялись... Лишь потому, что не могли понять то, что давным-давно понял Варан. Отец был туп, потому что не мог вообразить себе никакой иной жизни, кроме этого жалкого существования. Отец был безынициативен, потому что никогда не пытался сделать и полшага, чтобы сбежать отсюда.

Но ненависть пришла гораздо позже – меньше года назад, когда отец убедил маму продать старшую дочь невесть каким ветром занесённым сюда купцам из Латиона. Он убеждал, что это единственный способ пережить неудачный год – засуха убила почти все посевы. Мать долго рыдала, сопротивлялась, но в итоге сдалась. Как обычно, ведь отец для всех был непререкаемым авторитетом.

Купцы, которые остановились у того самого озера, чтобы дать передышку лошадям, жадными глазами глядели на юную семнадцатилетнюю красавицу. Варан, сопровождавший отца вместе с ещё одним братом, чуть младше его (отец боялся, что его надуют, и таким образом хотел придать себе весомости и солидности), на всю жизнь запомнил эти похотливые взгляды. До сих пор он иногда вскакивал ночами в холодном поту, потому что видел во сне, как эти жирные свиньи лапают нежные груди его сестры, мусолят её своими толстыми слюнявыми губами.

Отец тогда, при возвращении от купцов, не переставая говорил, объясняя сыновьям, что та серебряная корона, что он выручил за их сестру, позволит всему семейству пережить этот год. Но Варан почти не слышал его – перед его глазами всё ещё стояло лицо сестры, её широко раскрытые, бесслёзные глаза, сведённый судорогой рот, из которого не донеслось ни одного рыдания. Перед глазами стоял один из купцов, приобнявший свою новую рабыню, а пальцы его при этом, словно живя собственной жизнью, уже мяли и крутили её сосок прямо через тонкую ткань одежды. Отец тогда сразу же отвернулся, предпочитая делать вид, что ничего не видит. А вот Варан не смог отвернуться и смотрел на гнусную улыбку толстяка, на маслянистый взгляд, которым он пробежал по открытой шее его сестры, и на эти мерзкие пальцы, похожие на жирных гусениц, облепивших грудь девушки.

Нахлынувшие вновь воспоминания так разгорячили юношу, что он стал лупить заступом ещё сильнее. И вот древнее, отполированное руками поколений дерево рукояти не выдержало и разлетелось. Некоторое время Варан лишь неподвижно глядел на лежащий заступ, держа в руках обломок рукояти. Затем его губы вдруг расплзлись в усмешке, в которой сквозили и облегчение, и злоба, и ожидание предстоящей расплаты. Отбросив обломок, и даже не подняв сам заступ, Варан не спеша двинулся к дому.

Завидев его, отец сначала словно не поверил глазам. Действительно, такого явного неповиновения он ещё не видел и не ожидал.

– Эй! – он снова как-то назвал Варана по имени, но почему-то тот вновь не разобрал – как именно. – Ты почему это тут прогуливаешься? Ты где должен быть сейчас?

– Заступ сломался, – небрежно, как о чём-то не достойном внимания, ответил Варан, проходя мимо отца в дом.

От такой наглости отец даже оторопел. Именно поэтому он упустил момент, когда наглеца можно было ухватить за плечо или ударить.

– И где же он? – единственное, что пришло ему сейчас на ум.

– Да валяется где-то, – безразлично бросил Варан, принимая к кувшину с водой.

Вот теперь отец взъярился. Влетев в дом, он схватил отпрыска за плечо и дёрнул на себя. Кувшин выпал из рук Варана, разлетевшись на кучу черепков и обдав его ноги тёплой водой.

– Что ты сказал? – взревел отец, рывком поворачивая Варана к себе лицом.

– Я сказал, что он где-то валяется, – Варан дёрнул плечом, пытаясь скинуть отцовскую руку, но та крепко вцепилась, сжимая до боли.

Бунт так явно читался в лице парня, что отец сразу всё понял.

– Да я тебя... – ещё сильнее стискивая плечо, заорал он, наклоняясь так близко, что Варана окатила волна неприятного запаха из его рта.

– И что ты сделаешь? – презрительно скривившись спросил он, демонстративно морща нос и отворачиваясь.

Отец Варана всегда предпочитал слову дело. Вот и здесь он не стал много разглагольствовать. Смачно, с оттяжкой он влепил блудному сыну крепкую отцовскую оплеуху. Настолько крепкую, что мир поплыл перед глазами Варана, а ухо, на которое пришёлся основной удар, просто взорвалось от боли. Варана отшвырнуло к стене, и он больно ударился коленом. Однако, несмотря на это, он тут же встал, слегка пошатываясь, и, стараясь не дать волю слезам, продолжал смотреть ненавидящим взглядом на отца.

Второй удар пришёлся именно в глаз. Отцовский кулак впечатался в глазницу, отчего Варану показалось, что его глаз тут же вытечет наружу. Также ему показалось, что он сейчас потеряет сознание, тем более, что от удара он здорово приложился затылком к стенке, но и это ощущение оказалось ложным.

– Ну что, хватит с тебя? – поинтересовался отец, подойдя к скорчившемуся на полу сыну.

Собрав последний остаток сил, Варан плюнул, стараясь попасть на башмаки отца. Не попал, а вот этот самый башмак тут же со всей силы вмазал ему по рёбрам. Варану показалось, что хруст разнёсся по всему дому. На этот раз боль была такой, что он действительно отключился.

И пришёл в себя, лежащим в кровати. Рядом сидела заплаканная мать. Неподалёку были видны лица его сестёр и братьев, встревоженно и сочувственно глядящие на него. Отца в комнате не было.

И мать, и братья долго пытались разговорить молчаливо лежащего Варана. Умоляли помириться с отцом, сожалели, укоряли, устрашали. Варан молчал, глядя в одну точку на

потолке. В конце концов его оставили в покое. Дел было слишком много, чтобы тратить время на взбунтовавшегося подростка.

Ночью дом затих, если не считать более или менее громкого храпа, доносившегося из разных комнат. Выждав ещё какое-то время, Варан, морщась от боли, стискивая зубы, чтобы не застонать, осторожно встал с кровати. Медленно, крадучись, он пробрался на кухню. Критически оглядел кухонные ножи матери. Выбрал один, казавшийся наиболее крепким и острым, и так же тихонько пошёл к комнате отца. По большому счету, он мог бы и не таиться. Даже если бы Варан одел на ноги кованые сапоги с бубенчиками, вряд ли он сейчас кого-нибудь разбудил в доме. Уставшие от праведных трудов домочадцы спали сладко и крепко.

Подойдя к спящему отцу (они с матерью спали в отдельных комнатах, так как отец не выносил чьего-то присутствия в спальне), Варан некоторое время смотрел на его лицо с чуть раскрытым ртом, откуда доносился сиплый храп. Он пытался понять – как же он относится к этому человеку? Нож был сжат в ладони, но Варан не спешил заносить его над жертвой. Он честно пытался найти в себе хотя бы каплю любви.

Отец что-то пробормотал и повернулся на бок, лицом к стоящему у кровати юноше. Конечно же, он не проснулся, но Варана вдруг охватил какой-то непонятный страх. Страх быть застигнутым с ножом у постели родного отца. В нём появилась уверенность, что вот сейчас отец откроет глаза, и, поняв всё, на этот раз просто зашьёт сына до смерти.

В эту же секунду, не дав возможности разуму заглушить зов рефлексов, Варан неловким, размашистым движением всадил нож в шею, чуть пониже уха. Всадил почти по самую рукоять. Отец забился в кровати, захрипел, но так и не открыл глаз. А Варан смотрел, не отрываясь. Смотрел, покуда последние судороги агонии не затихли. Лишь после этого он осторожно вышел и так же тихо покинул дом.

Варана нашли уже утром. Избитый мальчик со сломанными рёбрами не смог уйти достаточно далеко, чтобы его не обнаружили фермеры-соседи на лошадях. Его грубо схватили, не церемонясь и не заботясь о переломах, и потащили обратно к отчему дому. Выбежавшая из дома, растрёпанная и зарёванная мать, воя, вцепилась ему в волосы и мотала его головой, словно пытаясь оторвать её от плеч. Её оттащили братья, но лишь затем, чтобы повалить Варана на землю и пинать ногами, покуда он снова не лишился сознания.

Тащить отцеубийцу в ближайший город, где был имперский суд, никому и в голову не пришло. Здесь, на этой забытой богами земле, были свои порядки и своё правосудие – скорое и беспощадное.

Варан очнулся уже тогда, когда его распластали на земле, раскинув руки и ноги, и привязывали их к колышкам, вбитым в землю. Поняв, что его ожидает, Варан попытался сопротивляться, но это было совершенно бесполезно. Вскоре он лежал, окидывая небольшую толпу местных жителей обезумевшим от ужаса взглядом и хрипло выл, умоляя о пощаде. Он видел кучу камней, лежащую неподалёку, камней, которые вскоре расплющат его кости и разmozжат мышцы. Он видел свою мать и братьев с сёстрами, стоящих несколько поодаль.

– Мама! – крик-рыдание вырвался из беззубого, полного крови рта, искажённый разорванными губами и сломанной челюстью.

Мать услышала его. Она дёрнулась, словно её ударили по щеке. Станным, пустым взглядом поглядела на распростёртое тело сына. Затем она молча направилась к куче камней, не глядя, взяла оттуда первый попавшийся, и с горестным криком бросила его в Варана. Камень ударился о землю, не задев приговорённого к казни. Но другие участники оказались куда более меткими...

***

Даже в это время года на Келлийском архипелаге нежарко и ветрено. А море такое, словно оно вообще никогда не видало синего неба. Недаром его прозвали Серым. Полумесяц

никогда не был обитаемым островом, и дело было, конечно, не в климате. И даже не в том, что на этой каменистой тверди могли вырасти разве что карликовые деревца да мох. Просто место было нехорошее, неуютное. Среди зеленоватых от времени скал, где гулял пронизывающий ветер, завывая и взметая пыль, даже обычным людям ощущалось присутствие чего-то, выходящего за грань их понимания. Присутствие магии.

Всё то время, что путешественники пробыли на острове, каждый из них кожей ощущал влияние этого места. Все были подавлены и растеряны, а уж он, величайший маг современности, ещё более прочих. Там, где другие слышали лишь шорох сползающего щебня, он слышал грохот падающих валунов. И это страшно действовало на нервы.

Как и силуэт Башни, маячивший над островом. Трудно было оценить её размеры, потому что они словно менялись в зависимости от угла зрения. Она была похожа на мираж – удалялась, стоило попытаться подойти ближе. Иногда она казалась эфемерной и невесомой, иногда – незыблемой, словно скалы, окружающие её. Она была здесь уже довольно много дней, с тех пор как все описанные Биаллом процедуры были проведены. Но Башня до сих пор оставалась недоступной, поэтому Мэйлинн целыми днями проводила в странной медитации, словно выключенная из этого мира, пытаясь придать Башне материальность.

Если верить подсчётам, оставалось ждать совсем недолго – может, всего несколько часов. Что будет дальше – Каладиус не знал. Слишком неземным, невероятным казалось то, что происходило сейчас. Однако одно он уже ощутил совершенно точно: эта Башня – только для Мэйлинн. Это чувствовалось, это ощущалось, словно чей-то шёпот, вгрызающийся в мозг. Башня, такая величественная, такая прекрасная, такая могущественная – она не для него. Не он постигнет её суть, не он войдёт в эту дверь. Это сводило с ума ещё больше.

Но особенно убивало то, что Каладиусу постоянно чудилась некая манящая издёвка в этих эманациях Башни. Так улыбается юноше неприступная красавица – холодно и отчуждённо, но где-то, на самой грани восприятия намекая, что в этом мире на самом-то деле не существует ничего абсолютно неприступного.

Мысль о том, чтобы завладеть могуществом Башни, неотступно поселилась в голове мага. Соединив свою силу с мощью Башни, Каладиус мог бы стать богом. Конечно, не равней Ассу и Арионну, но достаточно могущественным, чтобы стать локальным божком этого мира. И, произнося мысленно эти слова, Каладиус ни в малейшей мере не кривил презрительно губы. Это лишь неудачники прячут свою беспомощность под маской максимализма – мол, для меня либо всё, либо ничего. Каладиус неудачником не был. Быть богом целого мира – это уже немало.

Возможно, Башня просто играла с ним в игры. Заставляла поставить на кон всё, без обещаний выигрыша. Но даже если так – неужели мизерный шанс победы не стоит игры? Неужели лучше обречь себя на дальнейшее существование, отравляемое вопросом «а вдруг?»?

Каладиус прожил много лет, пережив огромное количество людей – более или менее знатных, более или менее достойных. Наблюдая, как умирают негодяи, и как умирают святые, Каладиус так и не увидел между этими смертями особой разницы. Понятия между добром и злом порою столь размыты, что запутавшиеся вконец злодеи творят добро, а хорошие люди напропалую вершат черные дела. Разве этот мир способен быть добрым, или злым? Разве это – не просто нравственные категории, придуманные слабыми моралистами в тщетной попытке обезопасить себя от Справедливости? Потому что в мире существует лишь Справедливость, и порою она крайне жестока.

И именно эта Справедливость убеждает сейчас великого мага отринуть шелуху пустых понятий, подняться над ней. Чтобы стать новым богом, нужно перешагнуть через свою самость, принести искупительную жертву. Пусть шансы невелики, но пока они есть – силь-

ный будет бороться ради них. Слабый же спрячет голову в глупый туман красивых слов. Он, великий маг Каладиус, никогда не будет слабым!..

...Прошло некоторое время, и он с леденящей безнадежностью понял, что проиграл. Башня обманула его, и теперь она уходила. Уходила, освободившись от той невидимой нити, что тянула её в этот мир. Так значит – вот, что ей было нужно! Избавиться от того, кто держал её, кто тянул, подобно тому, как рыбак тянет лесу с заглотившей крючок глубоководной рыбиной. Всё – леса порвана, рыба сорвалась. Ах, как же, оказывается, легко оболванить даже такого опытного старика, как он! Великий маг Каладиус – не более, чем глупое и самоуверенное орудие убийства!

Для остальных пока что ничего не изменилось. Они не ощущали изменения в *возмущении* так остро, как он. Башня будет уходить так же медленно, как возникала, так что первые сомнения у них зародятся не раньше завтрашнего дня. Причём не из-за Башни.

Мэйлинн сидела в той же позе, что и все предыдущие дни. Колени подтянуты к груди, руки – на коленях, подбородок – на сложенных руках. Красивые лирийские глаза закрыты, потому что смотрит Мэйлинн теперь лишь вглубь себя. Лирра неподвижно сидела целыми днями, и к этому все уже успели привыкнуть. Однако, время от времени она словно пробуждалась от своего сна, и тогда, устало улыбаясь, она подходила к костру, и даже иногда проглатывала несколько ложек той похлёбки, что в последние дни варил Пашшан, испытывающий дефицит ингредиентов.

Наверное, этим вечером друзья Мэйлинн ещё ничего не заметят. Но следующим утром – уже наверняка. Никогда девушка не медитировала так долго. И тогда всё станет ясно.

Нет, возможно они и не обвинят ни в чём Каладиуса. Маг поступил очень аккуратно, даже бережно. Он просто остановил и без того едва бившееся сердце – медленно и плавно, словно погрузил лирру в вечный сон. Она умерла незаметно даже для самой себя. Тело её продолжало выглядеть живым – ветер развеивал отросшие за время путешествия волосы, трепал одежду, так что создавалась иллюзия, что девушка дышит.

Да, если нужно, он сумеет объяснить друзьям естественную причину смерти их любимицы, напустив в разговор столько сложных слов, что даже такой проныра, как Варан, не сможет придраться. И да – он будет горевать вместе со всеми, убиваться по Мэйлинн совершенно искренне...

Но всё это претило великому магу Каладиусу, едва не ставшему богом одного из миров Сферы. Теперь, когда надежда на это медленно истаивала, неужели оставался хоть какой-нибудь смысл в дальнейшем его существовании? Неужели и самая жизнь теперь не станет для него нестерпимой пыткой? Прозабывать, влачить существование, ощущать свою слабость и беспомощность? Ну уж нет!

Маг тихонько встал и осторожно пошёл к сидящей на огромном валуне Мэйлинн. Друзья проводили его слегка удивлёнными взглядами, но не более того. Всем им сейчас нелегко, рядом с таким ураганом мощи, что бушует на острове. Радует лишь то, что с каждым днём этот напор будет утихать. Хотя, учитывая то, что вскоре предстоит узнать его спутникам, Каладиус очень сомневался, что им будет хоть какое-то дело до всех Башен мира. Что ж, каждый из них волен будет выбрать собственный путь. Может быть, кто-то последует и за ним.

Сев рядом с казавшейся такой живой Мэйлинн, Каладиус несколько минут смотрел на бушующее вдалеке море. Позади громоздилась Башня. Как и Мэйлинн, она казалась живой, хотя на самом деле уже была не здесь, не в этом мире. Посмотрев на спокойное, сосредоточенное лицо лирры, маг нежно улыбнулся ей. Неплохой финал для их путешествия. Очаровательная ирония судьбы, если подумать.

Закрыв глаза, Каладиус сосредоточился на биении своего сердца. Это было чуть сложнее, чем останавливать сердце другого человека – рассудок упорно сопротивлялся этому. Но он был великим магом Каладиусом, для которого почти не было ничего невозможного...

***

Они упали все одновременно, словно подкошенные невидимой косой. В первую секунду к Мэйлинн пришёл даже не страх – изумление. Четверо её спутников лежали, не шелохнувшись. И вот тут ей стало действительно страшно. Бросившись к Бину, лежащему ближе всего, она, к своему облегчению, вскоре убедилась, что он жив. Бин словно спал, однако ни торможение, ни несколько звонких пощёчин ничего не дали. Да, Бин спал, но глубокий сон его мало чем отличался от смерти. Очевидно, что то же самое было и с остальными.

– Они уснули, – раздался вдруг мелодичный женский голос.

Мэйлинн резко вскочила, почти рефлекторно вытаскивая кинжал из ножен. Обернувшись, она увидела странную женщину. По её лицу невозможно было прочесть её возраст, да и на человека она походила лишь отдалённо. Её огромные, как у лирр глаза были ага-тово-чёрными. Почти прозрачная кожа, казалось, светилась изнутри, просвечивая тончайшее платье, свободно висевшее на ней. Однако именно это выдавало ещё одну странность существа – оно было абсолютно бесполо. Не было ни женской груди (не было даже сосков), ни иных признаков, выдающих в ней особь женского пола, равно как и мужского.

– Кто ты? – вскричала Мэйлинн, выставя кинжал вперёд, а другой рукой спешно скидывая арбалет с ремня. – Что ты с ними сделала?

– Я – Шуанн, – ответила странная женщина. – А они попали в мир грёз.

– Верни их немедленно! – теперь Мэйлинн навела на невозмутимую собеседницу ещё и заряженный арбалет.

– Разве это самое важное теперь для тебя? – бесстрастно спросила та, что назвалась Шуанном. – Не затем ли ты пришла сюда, чтобы взять мою Голову?

Сама постановка вопроса прозвучала так абсурдно, что Мэйлинн вдруг опустила оружие.

– Прости, – проговорила она, испытывая иррациональное ощущение, что всё это – сон. – А я думала, что Шуанн – мужчина.

Ничего глупее, наверное, сказать было невозможно, но Мэйлинн сейчас это не заботило.

– Я могу принимать множество обликов, – всё так же спокойно отвечала женщина. – Но разве это сейчас важно?

Шуанн, словно учитель, наталкивала Мэйлинн на верный ответ. Чувствуя лёгкое головокружение, лирра целиком отдалась абсурдности этой ситуации.

– Да, это неважно, – подтвердила она. – Я действительно пришла за твоей Головой. Но как мне взять её, раз ты – живая?

– Вопрос не в том – как, вопрос в том – зачем, – возразила бесполой женщина.

– Я ищу Белую Башню, – словно примерная ученица, ответила Мэйлинн.

– Это так, – кивнула Шуанн. – И именно поэтому моё волшебство тебя не коснулось. Ты получишь мою Голову, если решишь, что она тебе действительно нужна.

– Конечно нужна! – тут же воскликнула Мэйлинн. – Ведь без неё я не найду Башню!

– А ты уверена, что тебе это нужно?

– Конечно уверена! – без тени сомнений ответила лирра.

– Но ты не знаешь, что ждёт тебя, когда Башня явится тебе! – резонно заметила Шуанн.

– Ну и что! Всё лучше, чем нынешняя неопределённость! – возразила Мэйлинн.

– Ты меняешь одну неопределённость на другую... Не кажется ли тебе это довольно странным? Чем тебя не устраивает твоя нынешняя жизнь? У тебя есть всё, чтобы прожить её счастливой.

– Но я не знаю, кто я! – с горечью воскликнула лирра.

– Ты – это ты, – без намёка на насмешку проговорила Шуанн. – Разве этого недостаточно?

– Для меня – нет, – Мэйлинн упрямо смотрела на собеседницу.

– А если я скажу, что твоя встреча с Башней может настолько кардинально изменить твою жизнь, что ты уже больше не будешь собой? – всё так же спокойно спросило существо.

– Этого не случится! – самоуверенно воскликнула Мэйлинн.

– Возможно, – кивнула Шуанн. – Но возможно и иное. И возможность эта весьма высока.

– Тут уж всё будет зависеть от меня! – гордо вскинулась лирра. – А в себе я уверена.

– Ты уверена, что в сердце твоём не живёт зло? – женщина пристально взглянула в глаза Мэйлинн.

– Уверена, – против воли та потупилась.

– Твой путь окроплён кровью многих людей, – строго сказала Шуанн. – И многие из них умерли от твоей руки.

– Это было необходимо, – теперь Мэйлинн совсем смешалась, утратив свой уверенный тон.

– Это было необходимо *тебе*. Но так ли уж это было необходимо этому миру? А что если эти люди положили свои жизни, чтобы попытаться не дать тебе принести в мир большое зло?

– Это невозможно... – растерянно пробормотала Мэйлинн, но вдруг взяла себя в руки. – Это невозможно! – уже твёрдо проговорила она, глядя полными слёз глазами на Шуанна. – Я достаточно знаю себя, чтобы быть уверенной, что я неспособна принести большое зло в этот мир!

– Уверенность, достойная уважения и смеха, – всё с той же бесстрастностью произнесла женщина. – Хорошо, тогда второй вопрос. Твои спутники. Ты знаешь, что каждый из них способен предать тебя, хотя двое уверены, что их снедает любовь к тебе, третий считает себя связанным словом чести, а четвёртый ищет способы искупить былые грехи? Но именно это и станет причиной их предательства. Кто-то предаст из ревности, кто-то – из себялюбия, а кто-то – из жажды власти.

– Они никогда не предадут меня! – уверенно возразила Мэйлинн. – Это невозможно.

– Жаль, что тебе не дано увидеть те грёзы, которые сейчас сковывают их разум! – впервые с начала разговора губы женщины словно слегка искривились в усмешке. А может быть, Мэйлинн это только показалось.

– Мне всё равно, какие видения ты насылаешь на них! – гневно воскликнула лирра. – Я *знаю*, что никто из них никогда не предаст меня.

– Это не видения, – возразила Шуанн. – Это – вероятности. Они переживают сейчас множество жизней, каждая из которых *могла бы*, или ещё *может* случиться.

– Ещё раз повторю, что мне плевать на это! – уже довольно грубо ответила Мэйлинн.

– Значит, ты окончательно решила, что пойдёшь до конца? – не теряя самообладания, спросила Шуанн.

– Окончательно! – Мэйлинн не колебалась ни секунды. – Если хочешь меня отговорить, найди аргументы посерьёзней.

– Я не хочу тебя отговаривать. Я хочу лишь убедиться в твоей уверенности.

– О, поверь, уверенности у меня – хоть отбавляй! – со злостью ответила лирра.

– Что ж, – кивнула Шуанн (Мэйлинн показалось, или жест получился немного печальным?). – Тогда иди за мной.

Мэйлинн послушно двинулась вслед за женщиной. Через некоторое время они вошли в какое-то подземелье. Там не горели ни факелы, ни иные светильники, но проход почему-то всё равно был освещён бледным светом, подобным тому, которым светилась кожа Шуанна.

Наконец они пришли в какую-то комнату. В центре её стояла каменная тумба, на которой лежал странный череп. Мэйлинн сразу поняла, что этот череп мог бы принадлежать сопровождавшей её женщине – та же странная форма черепа, те же огромные глазницы.

– Бери, – махнула рукой в сторону тумбы Шуанн.

Ощущая чудовищную неловкость, Мэйлинн осторожно взяла в руки Голову Шуанна. Иррациональность происходящего кружила голову.

– Я провожу тебя обратно, – сказала та, чей череп лирра держала в руках.

– А как же ты вернёшься обратно? – задала очередной глупый вопрос Мэйлинн.

– Это не твоя забота, – ответила Шуанн. – Когда будет нужно, я вернусь сам.

В полном молчании они прошли обратный путь, вновь выбравшись на поверхность. Шуанн сопровождала лирру до того места, где до сих пор лежали спящими её друзья. Мэйлинн, осторожно развязав куб, открыла его и, выдохнув, словно перед прыжком в воду, опустила череп на дно куба. Шуанн бесстрастно следила за этим. И исчезла, как только захлопнулась крышка.

Глава 70. Кинай

Очнулись мужчины столь же внезапно, как и уснули. Нужно было видеть их потерянные лица, расширенные от ужаса глаза. Вероятно, в первые секунды они вообще не понимали, где находятся, считая это очередным видением в хороводе грёз, насланных на них Шуанном. Было заметно, что всё виденное ими вполне можно было бы назвать кошмарами.

– Не понимаю, что происходит... – прохрипел Кол, перекатываясь на живот и пытаясь привстать.

– Всё в порядке! – поспешила заверить Мэйлинн. – Ваши кошмары окончены!

– Хотелось бы быть в этом уверенным... – Варан тоже сделал попытку встать, но она также оказалась безуспешной.

– Я нашла Голову Шуанна и спрятала её в куб, – объяснила Мэйлинн. – Это сняло заклятие, и вы очнулись.

– Так это были только сны? – в голосе Бина слышались одновременно и истерические нотки, и явное облегчение.

– Всего лишь сны, – подтвердила лирра. – Их наслало существо по имени Шуанн.

– И вы видели его, дорогая? – натужно кряхтя, Каладиус кое-как сумел сесть.

– Оно явилось мне, – с какой-то неожиданной стыдливостью проговорила Мэйлинн. – Кажется, пыталось отговорить от поисков Белой Башни. Но в итоге само показало, где находится эта Голова, и исчезло, как только я закрыла куб.

– Вероятно, это существо каким-то образом воздействовало на наш разум, проецируя в него видения, – Каладиуса даже передёрнуло, видимо, вспомнил что-то из этих видений.

– И что же – когда мы прибудем к месту, ящик придётся снова открыть? – с нескрываемым содроганием спросил Бин.

– Да, но я уверен, что такого больше не повторится, – маг попытался вложить в свои интонации максимум уверенности. – На данном этапе его видения были либо испытанием, либо своеобразным предостережением... – Каладиус неожиданно замолчал, вероятно, вновь вспомнив что-то из увиденного.

– Да уж, не хотел бы я пережить это снова... – проворчал Кол, которому к тому времени уже удалось встать на ноги. – Сам не понимаю – как, но я прожил за это время не одну жизнь. И каждая была паршивей предыдущей. А смерть – и того хлеще.

– Причём, когда мне виделась одна моя жизнь, я не помнил всех других, – поддакнул Варан. – А теперь вот отчётливо помню каждую... Интересно, этот Шуанн специально подбирал самые мерзкие варианты?

– Скорее всего, – пожал плечами Каладиус. Видимо, его грёзы также не отличались особой приятностью.

– А знаете, что самое жуткое? – Бин был единственный, кто продолжал сидеть на земле, и теперь было видно, что его бьёт крупная дрожь. – А что, если мы так и не проснулись?

На мгновение такой ужас накрыл лица спутников Мэйлинн, что она почувствовала горячую жалость к ним. То, через что им пришлось пройти, было просто чудовищным.

– Поверьте, вы проснулись! – тут же воскликнула она. – Теперь всё хорошо, и мы снова вместе! И, главное, мы можем наконец выбираться из этого города!

– С радостью сделаю это! – Кол попытался поднять куб, но тот пока ещё был ему не по силам. Легионер, охнув, вновь осел на землю.

– Кажется, нам придётся какое-то время ещё побыть тут, – неохотно проговорил Каладиус. – Мы слишком слабы, чтобы двигаться дальше.

– А я словно до сих пор чувствую боль от тех ран, что мне наносили всякий раз в этих кошмарах, – потирая грудь, проворчал Кол.

– Да уж, – болезненно поморщившись, согласился Варан. – Мне кажется, я больше никогда не лягу спать. А ну как приснится снова!

Наступила тишина. Мэйлинн участливо смотрела на друзей, которые, кажется, вновь впали в какое-то сомнамбулическое состояние, оставшись наедине со своими мыслями. По мрачным, сведённым судорогой боли лицам она видела, как им сейчас нелегко. Хотелось что-то сказать, чтобы отвлечь их от этих кошмаров наяву, но ничего не приходило на ум. Поэтому лирра просто сидела молча, вместе с остальными. Ей тоже было о чём подумать.

– Давайте уже выбираться отсюда, – спустя некоторое время подал голос Кол. – К Гурру этот проклятый город! И как тут люди жили?

– Хорошо жили, не тужили, – поднимаясь на ноги, ответил Каладиус. – Город был большой и величественный, и – попрошу заметить – многолюдный. А Голова Шуанна, наверняка, была мощно укрыта, так что не могла вредить.

– А вы говорили о экспедиции Латионской академии, – припомнила Мэйлинн. – Интересно, а как они-то справились? Ведь среди них не было ни одного истинного искателя...

– Подробности экспедиции мне неизвестны, – развёл руками маг. – А домысливать не хочется. Будет любопытно – спросите об этом своего приятеля в следующий раз, когда выпустите из куба.

– Обязательно, – хмыкнула Мэйлинн, давая понять, насколько ей интересна судьба научной экспедиции.

Обратный путь к заваленным воротам занял на удивление гораздо меньше времени. После добровольного заточения Шуанна Шеар превратился в обычный заброшенный город. В нём стало как будто бы даже светлее. И не возникало больше ощущения этой одуряющей духоты. Путешественники даже начали крутить головами, разглядывая местные достопримечательности. Кол тоже шагал вполне бодро – вопреки законам природы куб с Головой внутри казался легче, чем раньше.

Бодро дошагав до завала, друзья без особых проблем перебрались на другую сторону, где их встретил Пашшан. Баинин флегматично сидел у небольшого костерка, обстругивая своим кинжалом ветки, а затем бросая их в огонь. Каков был смысл данного действия – осталось загадкой для всех, поскольку баинин, как обычно, был безгласен.

– Ну что, друзья, – Каладиус ещё больше оживился, увидев своего слугу в столь созерцательном благополучии. – Предлагаю сегодня уже никуда не отправляться – Пашшан разбил вполне уютный лагерь. Переночуем здесь, а завтра – в обратный путь.

Против воли, все несколько приуныли, вспомнив, что им предстоит обратный путь через саннские леса. Тому же Бину до сих пор иногда ночами мерещились зеленоватые огоньки во тьме.

– А нужно ли нам возвращаться? – вдруг спросил Кол.

– Неужели ты наконец-то определился с местом, в котором хочешь встретить старость? – рассмеялся Варан.

– Да уж не здесь – это точно! – отмахнулся Кол. – Я о другом. Нужно ли нам назад в Латион?

– Но таков наш план, – не понимая, к чему ведёт центурион, осторожно возразил Каладиус. – Добраться до Сеала, нанять парусную лодку и спуститься на ней по Труону до Серого моря.

– Верно, таков был план, – хитро улыбнувшись, согласился Кол. – Но тогда, когда мы его составляли, мы ещё не были знакомы с Шэдом Кошкой!

– А причём тут Шэд? – озадаченно спросил Бин.

– А ты напряги-ка мозги, железный человек, – с ехидцей предложил Кол, вновь подтрунивая над другом за его помпезный боевой наряд. – Что мы знаем о нашем приятеле Шэде?

– Что он сейчас должен быть в Кинае! – за Бина ответил быстрее соображающий Варан.

– Верно! – ухмыльнулся Кол. – А это значит, что примерно в десяти днях пути от нас стоит великолепное судно с отличным капитаном на борту!

– Если он ещё там... – с сомнением проговорил Каладиус, хотя по его лицу было видно, что данная идея задела его за живое.

– А куда ему деться? – беззаботно ответил Кол. – Он же говорил нам, что пробудет в Кинае до летней навигации. Если я правильно понимаю, она наступит примерно через месяц. Вряд ли Кошка снимется с якоря, не вылакав предварительно весь запас вина в городе.

– Но разве до Киная всего десять дней пути? – непонимающе спросила Мэйлинн. Насколько она помнила карту, город располагался гораздо дальше.

– На самом деле, в этом наш предприимчивый друг приблизительно прав, – подтвердил Каладиус. – Конечно, если двигаться туда посуху, то путь займёт минимум вдвое больше времени, но есть ведь куда более быстрый и удобный путь – по воде! Отсюда мы за два-три дня доберёмся до Среднего Пальца. На побережье Залива Дракона полным-полно рыбацких деревень, где можно будет нанять небольшую шхуну или фелуку. И тогда, действительно, примерно за неделю или дней десять мы окажемся в Кинае.

– А если окажется, что Шэд уже уплыл? – не то, чтобы Бин был против этого плана, скорее он просто боялся поверить своему счастью.

– Наймём любой другой корабль! – с великолепной беспечностью воскликнул Кол.

– Должен сказать, что мои нынешние финансовые возможности заметно уступают тем, что были в Найре, – заметил Каладиус. – Не уверен, что наберу необходимую сумму.

– Что ж, – у Кола был готов ответ на всё. – Продадим вот хоть этот мой меч! За эти деньги, ручаюсь, мы сможем совершить несколько кругосветных путешествий вокруг Паэтты, да ещё и посетить колонии Эллора.

– Подарок императора? – забеспокоился Бин, вероятно, боясь, что его могут лишить замечательных доспехов, подаренных гномами.

– Если понадобится – то да! – пожал плечами Кол. – Я не так уж и держусь за все эти красивые игрушки.

– Должен заметить – исключительно ради восстановления справедливости – что это не просто красивая игрушка, а весьма эффективное оружие! – ввязался в разговор Варан, но по его улыбающемуся лицу было видно, что он сделал это лишь чтобы подзадорить Бина. – Лучше продадим доспехи нашего юного паладина, а то, неровен час, он ослепит нас солнечными зайчиками, которые во все стороны разлетаются от его брони.

Все расхохотались, и даже Бин, не удержавшись, рассмеялся.

– Так что же мы решаем? – осведомился Кол.

– Решение, как обычно, за нашей милой лиррой, – тонко улыбнувшись улыбкой старого казуиста, проговорил Каладиус.

– Я думаю, что идея Кола – просто отличная! – без обиняков заявила Мэйлинн. – Этот путь представляется мне более безопасным и – чего уж греха таить! – более комфортным. Я – за!

– Что ж, я тоже – не против, – засмеявшись, кивнул маг.

– Ну, старина Шэд, жди гостей! – вскричал Кол, светясь от радости.

– Да уж, кто бы мог подумать, что наше путешествие подходит к финальной стадии... – проговорил маг с лёгкой мечтательностью в голосе.

Однако его реплика неожиданно произвела совсем не то действие, на которое он рассчитывал. Какой-то грустью подёрнулись вдруг лица присутствующих. Может быть, отчасти виной тому были грёзы, насланные Шуанном, но, скорее всего, проблема была в другом. Никто не знал, что будет, когда они достигнут цели. Сейчас, пока они в пути, в поисках – у них есть эта самая Цель, которая определяет их бытие, делает их единой командой, почти

семьёй, и весьма чётко планирует их действия. Но что будет тогда, когда этой Цели не станет?..

– Ладно, чего скисли? – через некоторое время встряхнулся Кол. – Давайте, что ли, ещё раз обсудим Биновы доспехи!

– Да иди ты к Гурру! – беззлобно огрызнулся Бин.

Этого было достаточно, чтобы весёлость вновь вернулась к друзьям. Остаток вечера прошёл в пустой болтовне – старались не допустить даже минутной тишины, чтобы не вернулись воспоминания о том, что пришлось пережить сегодня. Больше всех теперь уж, конечно, доставалось Бину и его злосчастным доспехам, но стоило ему дойти до определённой точки кипения, как острословы тут же перекидывались на того же Кола, в красках описывая, как он на старости лет станет восстанавливать Шеар, чтобы поселиться в нём, или на Каладиуса, фантазируя на тему того, какие ещё снадобья он закупил от самых идиотских напастей, какие только могли прийти в голову собеседникам. Проще всех было Пашшану, поскольку любые насмешки отскакивали от него, словно стрелы от каменной статуи, да Варану, который каким-то образом умудрялся не создать вокруг себя ни одного объекта для насмешек.

Никто не хотел засыпать в эту ночь, но это всё-таки было необходимо. В конце концов, распределив часовых, друзья улеглись. Трудно сказать – кто из них действительно сумел уснуть, а если сумел – то что видел во сне. В эту ночь никто не потревожил путешественников, и, тем не менее, они с огромным облегчением встретили утро. Быстро собравшись и наскоро перекусив, друзья были готовы к продолжению пути.

– Ну что ж, – вскакивая на коня, провозгласил Каладиус. – Направляемся на северо-запад.

***

Сплошные леса продолжались практически до самого Залива Дракона. Постепенно они стали переходить в гористое редколесье, поскольку берег Залива был скалистым. Может быть, как раз за счёт постепенного подъёма уровня поверхности, путь искателей Башни больше не преграждали обширные болота. По мере приближения к побережью всё чаще попадались лиственные деревья, пока что невыигрышно выглядевшие на фоне вечнозелёных сосен. Да и они тоже изменились. Место кряжистых многовековых великанов постепенно занимали стройные изящные корабельные сосны, каждая из которых казалась уже готовой мачтой.

Путешествие не представляло никакой особой сложности. Через какое-то время путешественники наткнулись на остатки древней дороги, ведущей как раз куда-то в сторону Залива. Каладиус пояснил, что во времена древней Империи на побережье стояло несколько довольно крупных городов, где проживали купцы и люди, занимавшиеся морским промыслом. Вероятно, эта дорога, едва угадывающаяся посреди бушующего леса, как раз и спешила от одного мёртвого города к другому, словно до сих пор не зная, что Кидуанской империи нет уже много столетий. Так или иначе, а она заметно облегчила путь.

Кроме того, дорога оказалась не такой уж мёртвой. Здесь, в западном Санне путникам впервые попались какие-то населённые пункты. Это были небольшие деревушки, скорее даже хутора, стоявшие вдоль древнего Шеарского пути. Жило в них совсем немного людей, изредка встречались и лирры. Жители, как правило, промышляли рубкой леса и бортничеством. С почти суеверным ужасом взирали эти люди на группу всадников, двигавшихся с юго-востока – из земель, в которые даже местные жители предпочитали не соваться.

Тем не менее, путешественникам удалось приобрести у хуторян кое-какой нехитрой пищи – в большей степени вяленого оленьего или кабаньего мяса. Но зато удалось впервые

за много дней накормить лошадей хотя бы сеном. Увы, но овса в этом лесном краю было не достать – земледелие здесь было не в ходу.

Однако, сам факт того, что они вновь попали в обжитые земли, не мог не радовать друзей. Мрачный лес казался уже не таким мрачным, да и на самом деле, как мы уже отмечали, по мере приближения к побережью он действительно редел. Искатели Башни, конечно, даже не заметили, как они покинули территорию Санна и оказались в вольной Кидуе, Владычице морей, как часто называли её не только сами кидуанцы, но и жители других государств.

Вскоре древняя дорога словно постепенно выползла из-под слоя почвы. Было видно, что за этим тут следят, не желая потерять столь важное наследие прошлого. Появились более крупные деревни, а самое главное – ополья, хранившие следы земледелия. Ещё незасеянные полосы обработанной земли неожиданно грели душу путешественников, радовавшимся этим нешироким просторам, словно дети. Леса порядком надоели всем, даже Мэйлинн, которая, как мы помним, мечтала их повидать.

Ну а затем появилось и море. Как и предполагал Каладиус, отряд добрался до побережья Среднего Пальца меньше, чем за три дня. Здесь леса несколько тушевались, встречая отпор гранитных скал, окаймлявших море. Кое-где они ещё пытались подобраться вплотную, но чаще отступали, оставляя незанятой полосу шириной до лиги. И вот эту полосу основательно заселили люди. Кабы не скалистый пейзаж и явственный запах моря, могло бы показаться, что путешественники вновь в Северной Саррасе или Южном Латионе.

Двигаясь по вполне обычной просёлочной дороге, к концу дня отряд прибыл то ли в большое село, то ли в маленький городок, стоящий на самом берегу залива и носящий имя Даррак. В нём оказался даже небольшой постоялый двор, который, правда, был скорее харчевней, в которой от случая к случаю можно было снять комнату. Но даже этому друзья были очень рады, ведь до того они десять дней спали на голой земле.

Стол в трактире оказался вполне приличный, изобилующий дарами моря, в том числе и устрицами, которых воспитанница Наэлирро Мэйлинн так любила кушать когда-то давным-давно. А вот постель явно подкачала – в гостинице оказалось полным-полно клопов. Даже Кол, который поначалу твердил, что его, как бывалого legionера, никакие клопы и прочие вши не напугают, в итоге был вынужден капитулировать. Остаток ночи компания практически в полном составе провела на первом этаже, в общей зале, прямо за столами. Мэйлинн уютно свернулась клубочком и спала в углу на широкой скамье. Кол и Бин, два её верных паладина, спали рядышком на грубых лавках, сидя за столом. Варан, не стягивая сапог, закинул ноги на столешницу, а сам прислонился спиной к стене, да так и уснул, сидя на лавке. Каладиус долго ворчал и ворочался, но в конце концов решительно встал и направился обратно в свою комнату. Вероятно, он применил какое-то заклятие, отпугивающее клопов, потому что назад так и не вернулся. Пашшан же невозмутимо уснул, сидя за столом, и не выказывая никаких претензий судьбе.

На следующее утро, раздосадованные и разбитые, путешественники без аппетита съели завтрак, а затем направились на поиски судна, которое доставит их в Кинай. Кол объявил, что поплывёт туда пусть даже в бочке, лишь бы не возвращаться в этот клоповник. К счастью, такая отчаянная мера не потребовалась – у побережья стояло сразу несколько небольших корабликов с убранными парусами. Благодаря неглубокой посадке, им не было нужды уходить дальше в море. Парочка и вовсе стояла возле самодельных деревянных причалов – по сути, обычных настилов, уходящих на дюжину футов в море. Остальные болтались примерно на том же расстоянии, но, очевидно, чтобы добраться до них, потребовалось бы либо намокнуть, либо прибегнуть к какой-либо лодчонке, что казалось довольно смешным.

Хозяина лёгкой фелуки с нацарапанным на борту гордым названием «Молния» друзья нашли почти сразу. Точнее, он сам, завидев странный отряд, поспешил навстречу. Эта фелука

приглянулась как раз тем, что по виду вполне свободно могла нести с десятков людей, а кроме того – была более-менее ухоженной и стояла как раз у импровизированного причала.

– Чего изволят господа? – осведомился он, видимо, сразу учуяв выгоду.

– Не добросишь ли нас до Киная, отец? – осведомился Кол.

– Отчего ж не добросить, коли в цене сойдёмся! – ухмыльнулся рыбак, обнажив изрядно прореженные зубы.

– За этим дело не станет, – заверил Кол. – Видишь наших лошадей? Любая из них станет твоей!

– Неплохо! – присвистнул рыбак. Даже несмотря на то, что он разбирался в лошадях не больше чем в фортификации, одного взгляда хватало, чтобы понять, что эти лошади – не простые.

– Более чем, – усмехнулся Кол. – Но мы даже сдачи не потребуем. Одно лишь условие – ты поможешь нам продать остальных лошадей, а также поможешь запастись продуктами.

– Договорились! – рыбак протянул сухую, мозолистую ладонь и неожиданно крепко стиснул руку легионера. – Рад приветствовать вас на борту «Молнии». Можете поверить – она полностью оправдывает своё название! Не успеете оглянуться, как будем в Кинае! Меня можете звать Стаком.

– Отлично, капитан Стак, – проговорил Каладиус. – Когда отчаливаем?

– Коли не слишком спешите, я бы предложил уйти на закате, – Стак поскрёб щетину на шее обломанным почерневшим ногтем. – Тогда будет отлив, и нам это здорово поможет. Здесь из-за скал не больно-то ветрено, так что отпадёт необходимость работать вёслами.

– Договорились, – кивнул Каладиус. – Значит – на закате.

– А что же вы – каждый вечер отводите свои корабли от берега? – поинтересовалась Мэйлинн.

– Это ещё зачем, юная госпожа? – смягчая грубый голос, спросил капитан – очевидно, ему очень польстило, что его посудину назвали кораблём. Да и больше напоминающая девочку лирра, конечно, вызывала симпатию.

– Ну как же... – пожала плечами Мэйлинн. – А отлив?

– Да ничего особенного! – усмехнувшись, махнул рукой Стак. – Поваляются на брюхе несколько часов. Заодно и можно будет, коли что, осмотреть днище. Дно тут галечное, так что, небось, не увязнут.

Теперь стало ясно, почему судёнышки были пришвартованы таким странным образом – крепко привязаны к нескольким вбитым в дно залива брёвнам, причём с нескольких сторон. Это позволяло не опасаться, что прилив утащит фелуку в море, или наоборот – выбросит на берег.

Тем временем Стак направился в городок, держа на поводу всех лошадей. Пашшан на всякий случай отправился с ним.

– Ну и что же мы будем делать до вечера? – поинтересовался Варан.

– Нужно разобраться с припасами, – ответил Каладиус. – Я не очень-то доверяю гастрономическим вкусам местных моряков. Уверен, если надо, они с удовольствием будут жевать собственные сапоги. Так что, как только вернутся Пашшан с нашим капитаном и нашими деньгами, я планирую пройтись по бакалейным лавкам.

– А я планирую поспать, – зевая, проговорил Кол. – Погода – изумительная. Вид – замечательный. Отойду сейчас подальше от построек, да прикорну прямо на бережку. Уверен, это будет славно! Никаким клопам сюда не добаться!

– Гляди, как бы крабы тебе чего не отстригли, – усмехнулся Варан.

– Ага, – подхватил Бин. – Или чтоб чайки не поклевали!

– Уж если кому бояться чаек, так это тебе, дружище! – усмехнулся Кол. – Они ведь любят блестящее...

– Да ну тебя! – Бина, кажется, уже начали доставать эти постоянные шуточки про его доспехи, но, конечно, пока ещё не настолько, чтобы от них отказаться. Ему были приятны взгляды, которыми провожали его люди.

– Но вообще мысль неплохая! – одобрительно кивнул Варан. – Я бы тоже поспал бы по-человечески, а то после нынешней ночи у меня всё тело ломит.

– Что ж, идите, – усмехнулся Каладиус. – Думаю, что вон за той скалой будет вполне уютное местечко. А я подожду возвращения нашего капитана здесь – ночью я вполне выспался. Как отоспитесь – возвращайтесь сюда. Да глядите – не проспите! – со смехом закончил маг. – Опоздавшие пойдут в Кинай пешком!

***

Вечер был прекрасен. Небо окрасилось в нежные розово-фиолетовые тона с яркими золотыми разводами перистых облаков. Всё это великолепие отражалось в мелко рябщем зеркале моря, и временами начинало казаться, что никакого горизонта вовсе нет, а прибрежные скалы удивительными глыбами просто висят в этом фантазмагорическом пространстве.

Море уже отступило от кромки на фут, и Бину, который неподвижно сидел на берегу, любуясь окружающей красотой, казалось, что он может даже увидеть этот неспешный бег воды. Однако из этой отстранённой созерцательности его вывел окрик Кола, который уже топал по дощатому настилу на палубу «Молнии»:

– А ты что – никуда не собираешься?

В какую-то долю мгновения Бину страшно хотелось ответить «нет». В груди защемило от желания вечно сидеть на берегу этого моря, созерцая закат, и больше никуда не спеша. Однако, он лишь вздохнул, поднялся с гальки и направился к фелуке. Им предстояло плыть как раз туда, где багряно-золотое солнце уже целовало край моря.

Вскоре выяснилось, что капитан Стак нисколько не преувеличивал, расхваливая мореходные качества своего судна. Поначалу парус довольно беспомощно трепетал, ловя скудные крохи ветра, но само море несло фелуку к западу. А затем, когда щит прибрежных скал остался позади, ветер задул сильнее, и паруса наполнились жизнью.

Фелука была невелика, и из команды у неё было, кроме самого Стака, всего двое моряков – долговязый молодой малый и второй, по возрасту, вероятно, не моложе самого Стака. Оказалось, что это – двоюродный брат капитана, а долговязый – сын этого самого брата. Оба хорошо знали своё дело и ловко управлялись с парусом. Сам Стак спокойно стоял у руля, улыбаясь чему-то своему.

Путешествие было спокойным и лёгким. Залив Дракона хорошо защищён от штормов и сильных ветров, так что это плавание можно было бы назвать обычной прогулкой. Друзьям только и оставалось, что, развалясь на палубе, считать пролетающих над ними чаек или любоваться красотами берега.

А полюбоваться было на что. Немного суровый, но всё равно прекрасный пейзаж – скалы вперемешку с лесом, да полоса прибоя. Кое-где со скал падали небольшие водопады, искрясь в лучах солнца. Довольно много рыбацких деревень встречалось по пути, и множество рыбацких лодок и других судов ежедневно попадались на глаза.

Капитан Стак вёл своё судно неподалёку от берега – иногда в каких-нибудь сотне шагов от него, благо дно тут было глубоким. Лишь однажды на некоторое время пришлось потерять берег из виду – когда судно покинуло Средний Палец. По правую руку лежал широкий проход, образующий Нижний Палец залива, и вот пока фелука пересекала его, вокруг было настоящее открытое море. Но Стак хорошо знал своё дело и не позволил своему судёнышку сбиться с курса.

Так прошли восемь дней, а после полудня девятого «Молния» достигла гавани Киная.

– Давай-ка в порт, милейший! – обратился к Стаку Каладиус.

– Что вы, ваша милость! – усмехнулся тот. – Таким как я туда путь заказан. Власти не терпят, чтобы мелочь вроде моей «Молнии» вертелась перед бушпритами *настоящих* кораблей, – капитан произнёс слово «настоящих» с такой интонацией, что было непонятно, чего в ней больше – горечи, сарказма или почтения. – Уж не взыщите, но я смогу высадить вас только здесь, в этой гавани за городом.

– Что ж, и на том спасибо, – кивнул Каладиус. – Вы отлично выполнили наш договор и честно заслужили награду.

– Спасибо, ваша милость, – расплылся в открытой улыбке Стак. – Вы тоже – отличные наниматели! В накладе я точно не остался.

– Ну вот и славно! – подытожил маг. – Ну что, лежебоки, пора собирать вещи! Да приведите себя в порядок – мы ведь прибыли не куда-нибудь, а в Кинай, столицу древней Империи!

Глава 71. Старые знакомые

«Молния» скромно пришвартовалась к небольшому деревянному причалу. После недолгого прощания путешественники сошли на берег. Эта пристань была специально предусмотрена для таких вот рыбацких судёнышек как «Молния», без которых город не мог обойтись, но которые не должны были «вертеться перед бушпритами настоящих кораблей», как выразился Стак. Здесь было довольно многолюдно, и одуряюще пахло рыбой, но искатели Башни за время скитаний успели привыкнуть и не к такому.

По правую руку невдалеке высились стены Киная. Живая река текла по дороге к воротам. В эту реку влились и наши друзья. Вокруг слышалась громкая речь с довольно сильным кидуанским акцентом – певучим и мягким. Однако эти громкие возгласы почему-то не раздражали так, как крикливая речь саррассанцев. Наоборот, через какое-то время путник словно сам заражался этой экспрессией и приподнятым настроением, и начинал говорить громче, отчаянно жестикулируя при каждой реплике.

Кинай, однако, несколько разочаровал спутников Каладиуса, которые раньше тут не бывали. Бин с лёгким огорчением понял, что Кинай ничем не отличается от Латиона – парень словно бы вернулся на родные улицы. Казалось бы, древний город, столица легендарной Кидуанской империи, Кинай должен был бы потрясать гостей с первого взгляда, однако этого не происходило.

Одной из причин, конечно, являлось почти полное разрушение Киная во времена Смутных дней. Тогда от города осталось, по сути, лишь пепелище. Позже город был отстроен на том же месте, сохранив за собой то же название, но, по сути, это был совершенно новый город, так что, положив руку на сердце, Кинай был куда моложе и Латиона, и того же Варса, и уж, конечно, Золотого Шатра.

Однако, были и другие причины. Второй, не менее значимой, было полнейшее равнодушие жителей к какой бы то ни было помпезности. В отличие от Золотого Шатра, который выглядел, словно разодетый в шелка и золото франт, задирающий свой нос, и глядящий на всех свысока, Кинай скорее походил на зажиточного буржуа, который одет в строгий однотонный сюртук, но из очень качественной ткани. Кинайцы с какой-то поразительной легкомысленностью относились к великой истории своего города, особо никак и не выпячивая её.

Надо сказать, что кидуанцы вообще были довольно равнодушны к тому факту, что когда-то их государство занимало большую часть Паэтты. Они словно и не отождествляли себя с былой империей, что, в частности, позволило Латиону присвоить себе звание наследника Кидуанской империи на основании доводов, которые даже сами жители Латиона часто считали притянутыми за уши. Однако, к удовлетворению последних, жители Кидуи никак не реагировали на подобную узурпацию, так что, спустя множество поколений, к этой мнимой наследственности как-то привыкли, и она вызывала вопросы и споры разве что в учёной среде.

Так или иначе, но, как уже говорилось выше, Кинай немного разочаровал наших друзей. Толкотней на улицах, простотой отделки домов, да и общей нечистоплотностью, присущей любому городу, он походил на Новый город. Только тут ещё и пахло морем и рыбой, а также толпа была куда разнородней. Легко выделялись в толпе разряженные саррассанцы; также не составляло особого труда узнать чопорных палатийцев, развязных латионцев и провинциальных пунтийцев. Да и лирры попадались довольно часто.

– Поглядите! – выпучив глаза, Бин, забыв о приличиях, тыкал пальцем куда-то вперёд.

Там, шагах в пятидесяти шёл, возвышаясь над всеми на целую голову, чёрный как смоль житель Калуи. Короткие, туго стянутые в колечки волосы были покрашены в ярко-оранжевый цвет. Толстогубый рот был слегка приоткрыт, обнажая белоснежные на фоне эбе-

новой кожи зубы. Также выделялись и белки глаз. На калуянце был странный наряд – туника, сплетённая из великого множества тонких ленточек разных цветов. Наверное, в таком наряде было бы не жарко в джунглях Калуи – он неплохо укрывал от солнца, но давал возможность ветру охлаждать тело.

– Что ты тычешь пальцем, как деревенщина? – шикнул на Бина Кол, который, конечно, тоже никогда до этого не видел черных людей, но сумел сохранить невозмутимый вид.

К счастью, в Кинае жители настолько привыкли к самым разным приезжим, что выходка Бина не произвела какого-то особого впечатления. Но сам парень, конечно, густо покраснел. Мы помним, насколько он болезненно относился к своему имиджу, а образ рыцаря, разевающего рот при виде диковины, явно не соответствовал тому представлению, которое Бин пытался составить у окружающих о себе.

Какое-то время отряду пришлось пробираться через многолюдные улицы, иногда даже расталкивая густую толпу. Пару раз приходилось спешно вжиматься в стены, когда мимо проносились всадники, не слишком-то заботящиеся о безопасности прохожих. В какой-то момент Бин понял, что, несмотря на внешнюю похожесть, Кинай всё-таки отличался от Латиона какой-то развязностью, суматохой, даже некоторой бестолковостью. Но удивительным образом это почему-то не портило город, а наоборот – придавало ему своеобразный колорит.

– Площадь Примирения! – выдохнула вдруг Мэйлинн, когда они вышли на довольно широкое пространство, окаймлённое двух- или трёхэтажными домами.

Действительно, оглядевшись, даже Бин узнал эту площадь, о которой впервые услышал в тот памятный день, когда они с Мэйлинн шли по жаркой пыльной дороге, унося ноги от разъярённых жителей Пыжей. Уникальная особенность этой площади была заметна сразу: два храма – не слишком высокая стройная башенка арионнитов, как обычно, стилизованная под белоснежный рог единорога, и приземистый даже на фоне окружающих невысоких домов храм Асса, резко выделяющийся черным цветом камней. Расстояние между этими двумя храмами не превышало и сотни шагов. Теперь, побывав в Кинае, Бин понял, что только в этом городе могло возникнуть такое удивительное соседство: в городе, где каждый жил, не уча жить других.

Однако, не слишком приметный памятник, к которому непроизвольно направилась Мэйлинн, всё же говорил, что не всегда жители славного Киная отличались подобной толерантностью. Памятник Ирвину Кинайскому, тому самому, что стал основоположником протокреаторианства, и который был жестоко убит на этом самом месте.

На постаменте стоял человек, воздевший лицо к небу и раскинувший в стороны руки. А по рукам его, оплетая тело, вились с одной стороны черные, а с другой – белые ленты, то ли связывая Ирвина, то ли поддерживая его под руки. Эти черные и белые ленты были похожи на две толпы прихожан, что разорвали тело несчастного богослова. Они словно тянули его руки каждые в свою сторону. И лишь две тоненькие ленточки, каждая со своей стороны, протянулись друг к другу, соединившись на груди Ирвина как раз в области сердца. Именно так в его сердце родился образ Первосоздателя. В месте переплетения чёрной и белой лент возникла небольшая золотая Сфера – последний компонент триединства протокреаторианства.

Как мы знаем, Мэйлинн была протокреаторианкой, поэтому для неё созерцание этого памятника играло важную роль. Подойдя к самому постаменту, лирра молча застыла, вглядываясь в исполненное муки лицо Ирвина Кинайского, пытаясь понять – были ли то муки боли, либо муки творения. Через несколько секунд и Каладиус, так же исповедующий веру в Первосоздателя, встал рядом с ней. Остальные друзья остались в нескольких шагах позади, но каждый из них был впечатлён величием и трагичностью фигуры богослова.

Постояв у памятника несколько минут, Каладиус легонько тронул Мэйлинн за руку, и та, словно очнувшись от какого-то транса, кивнув, двинулась вслед за магом. Остальные

направились за ними, не смея нарушить мыслей, которыми, надо думать, наполнилась сейчас голова лирры.

Кинай был большим городом, и, хотя путешественникам не пришлось пересечь его полностью, тем не менее, до порта они добрались лишь спустя пару часов. За это время они остановились, чтобы перекусить в одном из трактирчиков, где смогли также немного передохнуть. Но наконец знаменитый кинайский порт открылся их взорам.

Так уж вышло, что нашим друзьям пришлось увидеть все крупнейшие порты Паэтты, причём – в последовательности от меньшего к большему. Сперва они увидели замечательный порт Найра, который поразил их размерами и количеством кораблей. Но затем он померк в их сознании, затенённый величием порта Золотого Шатра. Однако, теперь они наконец смогли увидеть ту гавань, что по праву считалась первой на всей Паэтте.

Город был построен так, что находился на некоторой возвышенности относительно побережья и порта, так что тот был виден сейчас, как на ладони, что ещё больше усиливало впечатление.

Небрежность, и даже неряшливость Киная в полной мере проявлялись и в его порту. Тут не было величественных сооружений, не потребовались даже белокаменные пирсы, уходящие в море на целую милю, благо дно здесь, где Залив Дракона плавно перетекал в Загадочный океан, было глубоким и обрывистым, так что даже большой галеон мог, не опасаясь, подойти чуть ли не к самому берегу. Однако порт Киная по своим размерам вряд ли уступал небольшому городку. Это действительно был город в городе, со своей жизнью, обитателями и порядками. И он был полон кораблей. Колу это напомнило виды птичьих базаров, которые он видел во времена службы в Палатие. Только здесь всё пространство было заполнено не жирными тушками чаек и тупиков, а прекрасными парусниками.

– И как нам тут отыскать «Нежданную»? – приуныл Бин, оглядывая необозримое пространство, занятое судами.

– Не так уж и сложно, – ответил Каладиус. – Обратимся к начальнику порта. Пара монет – и он подробно разъяснит, где нужно искать.

Как выяснилось, попасть на приём к начальнику кинайского порта было делом почти невозможным. Это был человек, своими полномочиями и рангом ненамного уступавший самому дюку Даини Корскому, правителю Кидуи. Однако, оказалось, что это и не нужно – уже через несколько минут предприимчивый Кол привёл с собой одного из комиссаров порта, и тот, завидев горсть серебряных саррассанских корон в ладони мага, согласился не только рассказать, но и показать, где искать шхуну. Задачей комиссаров порта было взимание платы за швартовочное место, таможенные сборы, проверки, а также вся логистика грузов, проходивший через эту великую гавань. Поэтому штат комиссаров был весьма велик, а вот жалование было довольно скромным (по мнению самих комиссаров, конечно). Так что несколько серебряных монет стали бы весомой прибавкой, ради которой стоило потрудиться.

Сбегав в ближайшее здание комиссариата, и пробыв там не менее четверти часа, наш комиссар вернулся и объявил, что знает, где пришвартована «Нежданная» капитана Шэда Кошки.

– Это примерно в получасе ходьбы отсюда, – заверил он.

Правда, идти пришлось всё-таки несколько дольше. Лавируя между грудями ящиков и тюков, а также скопищами людей, путешественники шли вдоль причалов, отыскивая нужный. Наконец комиссар указал на очередной причал, сказав, что шхуна пришвартована именно к нему, только куда дальше. Конечно причалы Киная не уходили на тысячи ярдов в море, как в Шатре, но тоже были довольно длинными, а «Нежданная», как выяснилось, стояла почти в самом конце.

– О! Старая знакомая! – воскликнул Варан, безошибочно узнавая обводы корабля, на котором ему пришлось столько всего пережить.

До недавнего времени тому же Варану, как человеку абсолютно сухопутному, казалось, что все корабли совершенно одинаковы на вид. Однако теперь он понял, что это не так. Те два с лишним месяца, что он провёл на «Нежданной», сделали её неповторимой и особенной в его глазах, так что теперь он вполне верил, что любой капитан способен узнать свой корабль даже по небольшому фрагменту.

Бину почему-то казалось, что когда они подойдут к шхуне, на палубе непременно будет стоять Шэд, и он устроит им бурную сцену приветствия, а затем они, расправив паруса, отправятся в открытое море. Однако, на палубе ошивались лишь двое каких-то типов, и никого из них Бин не помнил. Видимо, и остальные были немного озадачены.

– Эй, приятель, а где ваш капитан? – доброжелательно окликнул Каладиус одного из матросов.

– А тебе что за дело? – едва удостоив мага взглядом, буркнул тот.

– Ты что, не знаешь, кто перед тобой, дурачина? – немедленно вспыхнул Варан.

– Да мне что за дело? – теперь матрос уделил им больше внимания, обведя долгим наглым взглядом и, словно случайно, положив руку на рукоять широкого ножа, висевшего у пояса. Его приятель приблизился к нему, готовый помочь в случае чего. Дело принимало неожиданный и странный оборот.

– погоди! – Кол ухватил Варана за руку, когда тот уже потянул её за спину, чтобы выхватить меч. – Наверное, Шэд набрал новичков в команду, они нас не знают. Сейчас всё выяснится.

– Так вам нужен Шэд? – со странной усмешкой спросил моряк.

– Вот именно, – процедил Варан, не сводя с него пронизывающего взгляда. – Тебя об этом и спрашивали, болван!

– Так ищите его на берегу! – злобно рассмеялся второй матрос. – Наверняка глушит вино или в «Корвете», или у «Матушки Кипси».

– Спасибо, – через силу бросил Кол, отворачиваясь.

– Эти таверны тут неподалёку, – услужливо проговорил комиссар, всё ещё бывший рядом. – Могу проводить... – он произнёс это с такой интонацией, что стало ясно, что в продолжении этой фразы должно быть что-то вроде «за дополнительное вознаграждение».

– Спасибо, сами найдём, – проворчал Варан, ещё не отошедший от перепалки с матросами.

С лёгким разочарованием на лице комиссар поклонился друзьям и зашагал к берегу. Остальные, естественно, направились в ту же сторону.

– Странно как-то всё это... – пробормотал Кол.

– Мне не понравилось, каким тоном они говорили о Шэде, – проговорила Мэйлинн. – Разве так говорят о капитане?

– Думаю, когда он вернётся, то наведёт порядок, – нехорошо осклабился Варан. – Шэд не из тех, что позволяют насмехаться над собой.

– Всё-таки морякам нужно море, – глубокомысленно заметил Каладиус. – От долгого пребывания на суше они ржавеют и портятся.

– Ну тогда мы – как раз то, что им нужно! – усмехнулся Кол.

***

Таверну «У матушки Кипси» было легко узнать по большому деревянному щиту, на котором весьма натуралистично была изображена моложавая женщина с двумя кружками в руках, причём кружки эти, как и груди женщины были явно излишне гипертрофированы. Но, должно быть, именно это и привлекало сюда посетителей, хотя вывеска – увы! – без-

можно врал: и кружки в заведении были обычных размеров, и сама «матушка» Кипси была уже полной старухой за шестьдесят. Однако она и по сей день сама стояла за стойкой, обслуживая клиентов, и даже просоленные морские волки притихали, когда на них обрушивался сдобренный отборными матюгами праведный гнев Матушки, как звали её клиенты, независимо от их возраста.

Войдя в заведение и оглядевшись по сторонам, Кол испытал ощущение дежавю. Как и в ту памятную ночь в Найре, Шэд Кошка сидел в темноватом углу, прислонившись спиной к стенке, а рядом стояла большая глиняная кружка. Правда, в отличие от прошлого раза, сейчас за столом с Шэдом сидели ещё двое. Кол тут же узнал обоих – это были матросы «Нежданной», причём один из них – тот самый, что остался ещё из команды «Залётной».

– Похоже, что-то в этом мире никогда не меняется! – улыбаясь во весь рот, воскликнул Кол, подходя к столу. За ним прошествовали остальные, цветущие не менее широкими улыбками (за исключением Пашшана, разумеется).

– Какими ветрами? – подсказывая с места, вскричал Шэд. – Кол! Ах ты, старый бродяга! И вы, мессир! Госпожа Мэйлинн... Бин, Варан... И ты тут, старина Пашшан? Как вы очутились в этой дыре? Ведь, помнится, у вас были совсем иные планы...

– Да вот, мимо проходили, решили заглянуть, поглядеть, как тут поживает наш пьянчуга-капитан! – захохотал Кол, усаживаясь на лавку, благо, места за столом было предостаточно.

– Да вот, как видишь, поживаю помаленьку... – отчего-то сконфузившись, проговорил Шэд.

– Вот и славно! Замшел уже тут, поди, на берегу-то! – Кол в избытке чувств даже ткнул товарища кулаком в ребро. – Но я тебя обрадую: для тебя вновь есть работёнка! Как в старые добрые времена!

– Работёнка? – по какой-то причине Шэд мрачнел всё больше.

– Мозги-то, я смотрю, совсем проржавели! – хохотнул Кол. – Ну да ничего – мы это быстро поправим. Давай-ка, поднимай свою задницу, да пойдём на «Нежданную»! Будем готовиться к отплытию.

– На «Нежданную»?.. – на Шэде просто не было лица, он прятал глаза, избегая смотреть на старых друзей.

– Кстати, тебе не мешает как следует пообщаться с этими новичками, что ты набрал, – проворчал Варан. – Грубияны те ещё! У меня так и чесались руки, чтобы их проучить!

– Да я... – смешался Шэд. – Просто... Так вышло... Тут такое дело... – лепетал он, не находя нужных слов.

– Корабль больше не ваш? – проницательно спросил Каладиус, глядя в упор на несчастного капитана.

– Да... – даже несмотря на густую бороду было видно, что Шэд здорово покраснел.

– Как?.. – выпучил глаза Кол. – Что значит – не твой?.. А чей же?

– Барра Кальмара... – печально проговорил Кошка.

– Это что ещё за хмырь? – Кол был весьма озадачен и, не переставая сыпал вопросами, тогда как остальные, напротив, хмуро умолкли.

– Да есть тут один... – поморщился Шэд. – Полуторговец, полуконтрабандист, полупират... В общем, ублюдок тот ещё. Прибыл с юга с месяц назад, случайно увидел мою «Нежданную». Ну и узнал корабль. Сказал, что он принадлежал его друзьям...

– Братишкам Трипу и Кирпу? – вспомнилось Колу.

– Им самым, – кивнул Шэд со скорбным лицом. – Стал требовать корабль себе. «Как память о лучших друзьях», – с гримасой процитировал он.

– И что – ты отдал? – в один голос вскричали сразу Бин, Кол и Варан.

– Вот ещё, – фыркнул Шэд. – Я не слишком-то доверяю излишне сентиментальным людям. Отказался, конечно...

– И что?

– Этот ублюдок имеет тут связи повсюду... – процедил Шэд. – У меня тут же начались неприятности. Для начала комиссариат порта арестовал мою ласточку «до выяснения обстоятельств», только вот что это за обстоятельства – мне так и не объяснили. Затем троих моих парней подрезали в заварушке, которая началась буквально на ровном месте. Потом и на меня напали, когда возвращался в гостиницу ночью. Еле отбился... А Кальмар, подонок, чуть ни каждый день ко мне подходит, и мило так просит: «Отдай, да отдай». Мол, всё равно ведь моим будет...

– А почему не обратился к властям? – нахмурившись, спросил Кол.

– Ну ты скажешь! – усмехнулся Шэд. – И что я им скажу? Вот, мол, этот негодяй, Барр Кальмар, который отваливает вам часть своих барышей, хочет забрать корабль у меня, которого вы знать не знаете, и которому даже нечем вас отблагодарить???

– Да, не самые убедительные аргументы, – вынужден был признать Кол. – Так как же корабль оказался у него?

– Проиграл... – скривившись, словно от боли, признал Шэд. – В какой-то момент допекло всё, пришёл к нему сам и говорю: «Давай сыграем на «Нежданную». Ты победишь – забирай корабль. А коли я выиграю – оставь меня в покое». Тогда это казалось неплохим вариантом. Я всегда считал себя везунчиком. Кости меня любят... Но, как выяснилось, не кости Кальмара... Подозреваю, что в них вообще свинец, или что-то в этом роде.

– А что же ты не потребовал другие кости? – удивился Бин.

– Как же... Потребуешь тут, когда за спиной стоят пятеро мордоворотов! – невесело усмехнулся Шэд. – Пришлось играть с тем, что дали.

– И давно ты остался без корабля? – участливо спросила Мэйлинн.

– Да уж больше недели... Команду распустил на вольные хлеба. Хорошо ещё, что никто не пошёл под начало Кальмара! Эти двое недоумков, – кивнул он на сидящих рядом матросов. – Вообще не захотели уходить, решили со мной остаться. Верные... – с горечью улыбнулся капитан. – Остальные, насколько я знаю, пока тоже ничего не нашли путного. Пропивают остатки ваших золотых.

– Но нам нужен этот корабль... – растерянно проговорила Мэйлинн.

– Ну что сказать? – пожал плечами Шэд. – Договаривайтесь с Кальмаром.

– Это не дело! – шмякнул кулаком о стол Кол. – Надо возвращать нашу красавицу!

– И что ты предлагаешь? – усмехнулся Шэд. – Напасть на Кальмара? Тогда мы будем молиться, чтобы нас скрутили местные власти, потому что любая другая перспектива окажется куда хуже.

– Есть способ лучше, – хитро улыбнулся Каладиус. – Мы отыграем корабль обратно!

– Если бы это было можно! – горестно возразил Шэд. – У меня нет ничего, что было бы интересно Кальмару. Да и даже если бы и было – я ведь уже говорил, что у него кости мошеннические.

– Тем лучше для нас! – азартно воскликнул маг. – Значит, он будет излишне самоуверен! А уж что предложить – позвольте нам об этом позаботиться! Ведите нас к этому Кальмару! А людей своих пошлите, пусть собирают команду. Всех, кого смогут отыскать. Пусть они направляются на пристань и ждут нас. В ближайшее время нам придётся спешно отплыть.

– Вы уверены в том, что делаете, мессир? – боясь поверить своему счастью, спросил Шэд.

– Вполне, – подмигнул маг. – Просто нам позарез нужен этот корабль.

– Что ж... Хорошо! – Шэда словно подменили – уныние и пьяная тоска сменились задором и оптимизмом. – Вы слышали, черти? Дуйте, ищите наших, да поскорее! Через час чтобы все были неподалёку от «Нежданной»!

Не дожидаясь дополнительных указаний, оба матроса вскочили с лавок и тут же исчезли.

– Ну ведите нас, друг мой! – демонстративно хрустнув костяшками пальцев, проговорил Каладиус.

***

Комната, куда ввели Шэда и его друзей, была средних размеров и хорошо освещённая, но клубы дыма, заполнявшие её, визуально делали её меньше и темнее. С полдюжины людей сидели за широким дощатым столом, на котором стояли подсвечники, бутылки и кое-какая снедь. Пятеро мужчин и девушка-лирра сгрудились у входа. Пятеро, поскольку Пашшан остался в таверне, дабы присматривать за кубом.

– Глядите-ка! – пробасил жирный, темнокожий человек с широкими усами и небольшой бородкой, терявшейся на фоне огромного многослойного подбородка. – Да это никак опять Шэд – Драная Кошка! Зачем пожаловал на сей раз? Хочешь заложить свои сапоги за пару медяков? Извини, брат, благотворительностью не занимаемся.

Дружный хохот поддержал эти всплески остроумия, хотя Варан заметил, как настороженно сверкнули глаза присных Кальмара, оценивая вошедших.

– Я хочу назад свой корабль, – без обиняков сообщил Шэд, становясь напротив Барра так, что их разделял лишь стол.

– А я хочу, чтобы моё пузо не мешало мне видеть своего мальчика, когда я ссу, – осклабился Барр. – Скажи, обидно, что не все наши мечты сбываются? И кто это тут с тобой?

– Это – мои друзья. Им нужно срочно выйти в море, поэтому они обратились ко мне.

– Вы, как я вижу, люди порядочные, – обратился к путешественникам Кальмар. – На кой ляд вам вообще знаться с этим неудачником? Если вам нужен корабль – я готов это обсудить. За определённую плату доставлю вас хоть к Гурру на завтрак.

– Не взыщи, но я лично побоялся бы отправляться в море с таким грузом на борту, – вызывающе парировал Кол.

Неожиданно Кальмар не рассвирепел, а, напротив, расхохотался. Видимо, его лишний вес не был причиной его комплексов.

– А ты мне нравишься, приятель! – хлопнул Барр по столу ладонью. – Мне такие ребята всегда нужны! Если тебя это интересует.

– Меня – не интересует, – качнул головой Кол и замолчал, уступая инициативу Шэду.

– Я предлагаю снова сыграть, – спокойно сказал Кошка, не спуская взгляда с толстяка.

– Сыграть? – жирные щеки Кальмара заходили ходуном от смеха. – Что нужно тебе – это я знаю. Но вот чем *ты* можешь заинтересовать меня?

– Смотри сюда, – вместо Шэда вновь ответил Кол, обнажая свой меч.

Тут же все, включая самого Кальмара, выхватили свои клинки, приняв обороняющиеся позы. Однако, Кол преувеличенно медленно положил свой меч на стол.

– Вот этот меч, – проговорил он. – Если ты знаток, то увидишь, что это – чертовски хороший меч.

– Меч хорош, – издали оглядывая оружие, задумчиво проговорил Кальмар. – Но он не стоит моего корабля.

– А ещё два таких же? – осведомился Кол.

Пират крепко задумался, переводя взгляд с меча на Кола и обратно.

– Не интересует, – наконец проговорил он. – Корабль останется моим, и это без вариантов. У вас нет ничего, что могло бы меня заинтересовать.

– Неужели? – неожиданно мягким, грудным голосом спросила вдруг Мэйлинн. – А как насчёт меня?

– Мэй!.. – вскричал было Бин, но тут же осёкся под взглядом лирры.

– А что – ты? – с явно деланным равнодушием спросил Кальмар. – На кой мне нужна какая-то соплячка? Сказки тебе, что ли, на ночь буду читать? Да и лирра ты, ежели ты ещё не заметила...

– Во-первых, не такая уж и соплячка, – ласково улыбнувшись, проговорила Мэйлинн всё тем же томным голосом. – Скоро мне исполнится двадцать один. А что лирра – я знаю. Ну так тем и интересней. Скажи, у тебя когда-нибудь было с лиррой?

– Не было... – осипшим внезапно голосом проговорил Кальмар.

– Ну вот... – Мэйлинн сделала несколько шагов к столу. – Разве тебе это не интересно? Кроме того, я тоже могу рассказать немало сказок... ночью... – обольстительнейшая улыбка окончательно вскружила голову жирному сластолюбцу.

– Один бросок, – хриплым от похоти голосом просипел Кальмар, уже не сводя глаз с фигурки лирры. – Без права отыгаться. Если побеждаешь – забираешь себе корабль. Если побеждаю я... – гнусная улыбка искривила его губы. – Если побеждаю я, мечи и девка – мои.

– Договорились, – едва замешкавшись, кивнул Шэд. – Прикажи принести кости.

– Зачем? – хищно осклабился Кальмар. – Они всегда при мне, – он достал из-за пазухи мешочек с костями.

– Я тебе не доверяю, – прямо сказал Кошка.

– А вот это уже твои проблемы. Или бросай – или проваливай.

– Кости твои, и первый бросок – за тобой.

– Ничего не имею против, – Барр, не глядя, высыпал содержимое мешочка себе в ладонь и, торжествуя глядя на Шэда, метнул кости на стол.

– Одиннадцать! – воскликнул один из шестёрок Кальмара. – Отличный бросок, босс!

– Сам знаю, – высокомерно бросил тот. – Ну что, Драная Кошка! Твой черед.

Шэд, не ответив на оскорбление, спокойно подобрал оба костяных кубика, бросил их в одну из пустых кружек, стоящих на столе, потряс и метнул. Первый кубик упал, показывая пять точек, другой же, отлетев дальше, ударился о бутылку и, отскочив, упал на пол.

– Никому не шевелиться! – воскликнул Кальмар, предостерегающе поднимая руку с обнажённым оружием. – Полк, ну-ка наклонись, погляди, чего там.

Один из громил, взяв со стола подсвечник, наклонился, отыскивая пропавший кубик.

– Шестёрка... – с некоторым недоумением проговорил он.

– Я победил! – воскликнул Шэд, торжествуя.

– Это ещё почему? – тут же вскинулся Кальмар. – У нас поровну!

– По всем правилам в данном случае побеждает тот, кому не принадлежат кости! – вмешался Кол.

– Я ничего не знаю о таких правилах, – высокомерно ответил Кальмар. – Здесь правила мои. Будем бросать снова.

– Это нечестно! Ты испытываешь наше терпение! – с гневом вскричал Шэд.

– Неужели? – насмешливо спросил Кальмар. – И что вы сделаете? Убьёте меня? Вам не выйти из порта – комиссары пустят вдогонку за вами весь кидуанский флот. Если не устраивают условия – проваливай, и не мешай мне отдыхать!

– Хорошо, – Шэд обернулся к друзьям и Каладиус легонько кивнул в ответ. – Ещё один бросок.

– Теперь твой черед делать первый ход! – по жесту Барра тот самый Полк протянул кости Шэду.

Возразить на это было нечего, так что Кошка принял кубики, бросил их в кружку и, как следует потрянув, сделал ход.

– Семь! – удовлетворённо проговорил Кальмар, хотя и без него все видели шестёрку и единицу, выпавшие на костях. – Что ж, милочка, надеюсь, вам по нраву крупные темпераментные мужчины.

Мэйлинн на это ничего не ответила – её лицо было напряжено, а глаза расширились от ужаса. Бин стоял, сцепив зубы и крепко стискивая рукоять меча. Кол нервно тербил свой рукав, кусая губы. Варан внешне был абсолютно спокоен, но в глазах его читалась готовность в любой момент обнажить меч. Лишь Каладиус оставался совершенно, абсолютно невозмутим.

Кальмар медленно и театрально сгрёб кости в свои необъятные, заплывшие жиром ладони, для виду пару раз потрянул ими и бросил. Кубики ударились о поверхность стола, несколько раз подскочили и замерли.

– Три? – словно не веря своим глазам, скорее спросил, чем сказал Шэд.

– Что??? – Кальмар был настолько самоуверен, что даже не глядел на стол, и теперь он оторопело подался вперёд, чтобы самому увидеть то, во что он, казалось, не мог поверить.

– Один плюс два, – усмехнувшись, проговорил Шэд. – Надеюсь, ты умеешь считать, Кальмар? Ты проиграл! Корабль – мой!

Больше не контролируя собственную ярость, Кальмар вскочил на ноги. Скамья, на которой он сидел, отлетела назад и ударилась о стену. Было видно, что он готов напасть, но, поглядев на пятерых мужчин и девушку, стоявших напротив с руками, сжимающими рукояти мечей, он всё-таки передумал. Нутром, видно, почуял, что эти незнакомцы не из тех, перед которыми можно просто так махать оружием.

– Пошёл ты к Гурру! – яростно прошипел он Шэду и резко направился в сторону выхода. Его смуглое лицо пошло какими-то пятнами, придав ему вид больного проказой.

– Эй, Кальмар, стой! – самым милым тоном, на какой был способен, окликнул его Шэд. – Пока ты ещё не убежал рыдать в подушку, пожалуйста, подмахни вот это.

И он протянул толстому пирату лист пергамента. Каладиус жестом фокусника тут же извлёк из кармана небольшую чернильницу и перо, и подал их задыхающемуся от злости Кальмару. Несколько секунд тот тупо смотрел на письменные принадлежности, но затем всё-таки взял их и быстро поставил свой росчерк внизу документа так, что даже порвал пером лист. Затем, бросив перо прямо на пол, он протопал к двери и захлопнул её за собой так, что на столе упало несколько бутылок. Оторопевшие подручные Кальмара, словно очнувшись, бросились за ним, оставив наших друзей в полном одиночестве.

Глава 72. Серое море

– Ваши импровизации становятся всё опасней и непредсказуемее, милочка! – с явной досадой воскликнул Каладиус. – Что это ещё за фокусы?

– Ну вы же заверили нас, что всё будет как надо, – с самым невинным видом ответила юная проказница. – Так что я подумала, что всё равно ничем не рискую.

– Ничем не рискую?! – вскричал маг. – Я что, по-вашему, похож на шулера? Или вы думаете, что я ежедневно упражняюсь в искусстве подтасовывать кости?

– Но ведь так или иначе вы бы не оставили корабль этому мерзкому толстяку! – возразила Мэйлинн. – А это значит, что и со мною бы ничего не случилось. Да и что мне угрожало, когда рядом со мной такие рыцари, – и она лукаво взглянула на до сих пор бледного Бина, который тут же понял этот очередной намёк на его внешний вид.

– Поймите, дорогая, – не попадаясь на уловки лирры, совершенно серьёзно продолжал Каладиус. – Здесь проблема была куда глубже, чем вопрос о том, кому достанется корабль, или... простите... вы... Ясное дело, что мы бы этого не допустили. Меня тревожит ваша всё возрастающая легкомысленность, ваши всё более отчаянные поступки, которые в один прекрасный момент могут поставить под удар всех нас. Вы, конечно, искательница Башни и всё такое... Но вы ведь – не бессмертная...

– Всё это понятно, – неожиданно прервал излияния мага Шэд. – Но давайте пожурим Мэйлинн по дороге. Нам необходимо как можно быстрее добраться до «Нежданной» и отчалить.

– Вы опасаетесь, что у Кальмара может смениться настроение? – осведомился Каладиус, но, тем не менее, безропотно направился к двери.

– Этого я как раз не опасюсь. В этом я практически уверен. Я опасюсь того, что оно может смениться слишком быстро. Если нам повезёт, у нас есть час или два, пока он почувствует раскаяние за то, что отдал нам корабль. Если к тому времени мы успеем уйти достаточно далеко, то я буду крайне рад.

Быстрым шагом компания друзей направилась к порту, однако Каладиус, даже страдая от одышки, не прекращал делать внушения лирре. Та кивала с раскаянием, но нельзя было наверняка сказать – искренним или показным.

– Как тебе вообще это в голову пришло? – возмущённо воскликнул Бин, дождавшись, пока маг на некоторое время замолчит, переводя дыхание.

– Да как-то вот пришло, – улыбнулась Мэйлинн. – Я сразу увидела, какими глазами он на меня глядел, вот и осенило. Я же видела, что наш план срывается. Не думаю, что у меня были серьёзные поводы для беспокойства.

– Ну когда я выкинул семёрку, ты, мне кажется, немного струхнула, – хмыкнул Шэд.

– Разве что совсем чуть-чуть, – хихикнула лирра, словно позабывшая тот страх, который она испытала в тот момент.

– А если бы жирный пройдоха выбросил больше, чем я? – поинтересовался Шэд.

– Пришлось бы драться, – буднично ответил Кол и перевёл взгляд на Каладиуса. Тот лишь хмуро кивнул в ответ.

– Не понимаю, куда мы так несёмся, когда бумага уже у нас... – пропыхтел Бин.

– Это – всего лишь бумага, – отмахнулся Шэд. – Кальмар как подписал её, так же легко и разорвёт в клочья. И вряд ли кому-то здесь мы сможем доказать, что шхуна наша по праву. Так что наша главная задача сейчас – как можно скорее добраться до порта.

– Жаль, не взяли куб с собой, – посетовал Кол. – Не пришлось бы делать крюк.

– Кубом нельзя было рисковать, – возразил Каладиус. – Вдруг бы случилась заваруха! Ничего, лишние четверть часа ничего не решат.

– А давайте-ка лучше разделимся! – предложил Шэд. – Пусть кто-нибудь отправится с Колом за вашим грузом, а остальные всё-таки должны поспешить к кораблю. На нём – люди Кальмара, так что прежде, чем отправиться, нужно будет потратить некоторое время на уборку.

– Здоровая мысль! – поддержал Кол. – Мы с Бином отправимся в таверну, а остальные пусть дуют сразу на причал.

– Не заблудишься? – усмехнулся Варан.

– Ну в случае чего – ты же меня спасёшь! – вернул усмешку Кол.

– Брошу ради этого все свои дела! – мастер Теней хлопнул Кола по плечу.

– Будет лучше, если с господином Бросом пойду я, – проговорил Каладиус. – Я ориентируюсь в городе и найду дорогу. А Бин пригодится вам у корабля.

Таким образом группа разделилась надвое. Каладиус и Кол направились к таверне «У матушки Кипси», чтобы забрать оттуда Пашшана и оставленный на его попечение куб, а остальные продолжили быстро шагать по направлению к порту.

Наступал вечер, хотя солнце висело ещё довольно высоко в небе. Ещё не дойдя до места, где была пришвартована «Нежданная», друзья с радостью заметили небольшую группу людей – около полутора десятков человек. Это была прежняя команда шхуны, с радостным возбуждением галдящая, словно стая галок на амбаре. При виде своего капитана они разразились приветственными криками. Было видно, как они рады возможности вновь поднять паруса на шхуне, что стала для них вторым домом.

– Боги благоволят нам, дети мои! – громовым голосом воскликнул Шэд, потрясая над собой подписанной Кальмаром бумагой. – Наша несравненная «Нежданная» вновь полностью в моем распоряжении. Кто готов сейчас же выйти в море?

Даже такое неожиданное предложение было встречено очень радостно – у большинства присутствующих подошли к концу те запасы золота, что щедро были выделены Каладиусом в Золотом Шатре, так что на суше многих держали разве что неоплаченные счета в портовых трактирах, да случайные подружки, которые, возможно, и не хватятся своих пропавших ухажёров, в отличие, конечно, от трактирщиков, без сомнения, навсегда запомнивших своих должников.

Шестеро матросов из команды Кальмара с напряжённой тревогой стояли у фальшборта неподалёку от трапа, в течение всего этого времени с неприятным удивлением разглядывая всё пребывающих членов старой команды. Чувствуя численное превосходство за противником, они вели себя настороженно и не вызываяще, однако вооружены были все до зубов.

– Есть ли среди вас, парни, хоть кто-то, кто умеет читать? – насмешливо осведомился у них Шэд, по-хозяйски поднимаясь по трапу.

Матросы оскорблённо заворчали – понятное дело, что читать умели все.

– Тогда поглядите, что это тут у меня написано? – развязно подойдя вплотную к агрессивным вооружённым людям, Шэд, не глядя, ткнул бумагу чуть ли не в лицо первому попавшемуся моряку.

– Барр передаёт корабль обратно Шэду Кошке... – недоуменно прочитал тот. – Но...

– Подпись узнаешь, болван? – рявкнул на него Шэд. – Или приказания твоего капитана для тебя уже ничего не значат?

Спесь в значительной мере слетела с кальмаровых подчинённых. Властные нотки в голосе Шэда, а также бумага с характерной подписью их хозяина возымели своё действие.

– Но официальное разрешение... – пробормотал один из них, видимо, поумнее остальных.

– Специально для такого умника как ты, – из-под густой бороды Кошки мелькнула сардоническая ухмылка. – Я не поленился зайти в комиссариат порта. Штемпель видишь?

Возразить больше было нечего. Треугольный штемпель комиссариата, а также закорючка подписи одного из комиссаров убеждали, что администрация порта официально признает сделку.

– В общем, друзья мои, – радушно улыбнулся Шэд. – Давайте-ка, ноги в руки – и проваливайте с *моего* корабля. Даю вам четверть часа. Припозднившихся будем провожать пинками. Мне некогда ждать – мы сейчас отчаливаем.

Вероятно, мир слишком резко перевернулся в глазах матросов, так что они совершенно растерялись. С почти комичной покорностью они развернулись и направились собирать свои скудные пожитки. Старая команда тем временем уже поднялась на палубу, продолжая оглашать окрестности радостными возгласами.

– И куда же мы плывём, позвольте полюбопытствовать? – весело осведомился Шэд у Мэйлинн. – Мне, конечно, всё равно, но...

– Знаешь Полумесяц на Келлийских островах? – вопросом на вопрос ответила та.

– Никогда там не был, если ты об этом, – пожал плечами Шэд. – Но слышать – конечно слышал.

– Не проблема добраться туда? – спросила лирра.

– Да какие проблемы? – с великолепной самоуверенностью хмыкнул Шэд. – Разве после Вастинея вообще можно говорить о каких-то проблемах? Кроме того, для меня ещё один важный плюс – оттуда рукой подать до Найра, где меня ждёт моя «Мурена».

– Капитан, трюм почти пуст, – подошёл боцман. – Припасов не хватит и на пару дней.

– Не страшно. Зайдём в Шайтру, там запасёмся всем необходимым. До неё не будет и двух дней пути. В крайнем случае, попостимся немного – после зимовки это будет даже полезно!

– Что-то Кола и мессира до сих пор нет... – проговорил Бин, подходя к разговаривающим. – Не случилось ли чего?

– С мессиром Каладиусом? – уточнил Варан. – Разве с ним может что-то случиться? Тем более, когда рядом Кол и Пашшан.

– Вообще-то не так давно его заграбастали ассасины, – огрызнулся Бин. Было заметно, что он всё ещё нервничает – то ли от пережитого во время игры в кости, то ли ещё по какой-то причине.

– И больше такого не повторится, – заверил Варан. – Да вот и подтверждение моим словам!

Мастер Теней указал в сторону причала, по которому, действительно, бодрым шагом приближались Кол, несущий за плечами узел с кубом, и следом за ним – баинин и маг.

– Ну значит сейчас спровадим наших куманьков на берег, и можно сразу подымать якоря, – удовлетворённо проговорил Шэд, любовно поглаживая румпели штурвала, словно ему не терпелось отправиться в море. Хотя, очевидно, именно так оно и было.

Как раз в это время, словно по заказу, на палубе показались хмурые матросы Кальмара с небольшими узелками в руках. Не поднимая глаз, они быстро прошагали к трапу, словно палуба жгла им ноги, и спустились на пристань. Лишь тут они позволили себе несколько ненавидящих взглядов, но не более того. Затем, не оборачиваясь, они направились в сторону города и быстро растворились в толпе.

– Ну что, можно отплывать? – появляясь на палубе, тут же осведомился Кол.

– Ну, если у вас тут нет никаких дел, то у меня – и подавно! – сверкнул зубами Шэд. – Ну что, обезьяны! – радостно крикнул он. – Не забыли ещё, как паруса ставить? А ну, подымай якоря, щучьи дети! К дьяволам этот растреклятый Кинай!

***

– Как в старые времена! – улыбаясь, воскликнула Мэйлинн, вдыхая свежий морской воздух.

Так же хлопали паруса над головой, так же мягко покачивалась палуба под ногами, даже чайки, кружащиеся над мачтой, были словно теми же самыми. И даже Бин был удивлён тем, как приятно было вновь оказаться на этом корабле, вдохнуть этот терпкий запах соли, дерева, смолы и дёгтя. А главное, что, несмотря ни на что, все они по-прежнему были вместе.

Казалось, что корабль стоит на месте, а Кинай медленно уплывает от него. Отсюда, с моря, он выглядел даже величественнее, чем с суши. Несмотря на то, что «Нежданная» всё ещё была в Заливе Дракона, расстояние между двумя берегами было таким, что противоположного берега было не разглядеть, так что вполне можно было считать, что они находятся в водах Загадочного океана.

– Капитан! – раздался несколько встревоженный голос с кормы.

Шэд обернулся. Один из матросов показывал в сторону порта. Капитану не понадобилась даже подзорная труба, чтобы понять, что так беспокоило его моряка. Две крупные трёхмачтовые шхуны под всеми парусами шли из Киная в том же направлении, что и «Нежданная». Казалось бы, ничего особенного в этом нет – мало ли, какому кораблю потребуется выйти в море? Однако, слаженность их действий, скорость, с которой они двигались, внушали смутные опасения.

– Проблемы? – осведомился Кол, вглядываясь туда же, куда смотрел Шэд.

– Надеюсь, что нет, – сквозь зубы процедил капитан, но его вид явно противоречил этому сдержанному оптимизму.

– Думаешь, наш приятель Кальмар очухался? – Кол подошёл к фальшборту и, опершись о него, даже наклонился вперёд, стараясь получше рассмотреть корабли, словно это как-то могло помочь.

Каладиус и Варан, которые не находились на мостике, услышав тревожные возгласы, немедленно подтянулись к остальным.

– Что за шум? – поинтересовался Каладиус.

– Да ничего такого, мессир, – с видимым усилием вновь поворачиваясь лицом по курсу корабля, проговорил Шэд. – Скорее всего, просто какие-то шхуны, которые спешат по своим делам.

– Кальмар? – словно и не слыша предыдущей фразы, спокойно спросил Каладиус.

– Я думаю – да, – признал Шэд. – Как я и предупреждал, он, скорее всего, пересмотрел нашу сделку. Правда, я надеялся, что он остынет, узнав, что мы уже отплыли...

– Они нас догонят? – равнодушно осведомился Варан.

– Трудно сказать... – Шэд слегка поморщился. – «Нежданная» – отличное судно, но, скорее всего, оно проигрывает в скорости тем кораблям. Можно попробовать тянуть их за собой, в надежде, что им надоеет за нами гоняться...

– А если нет?

– Ну... Возможно, нам удастся тащить их на хвосте до Шайтры, но дальше... У нас нет припасов, и нам в любом случае придётся зайти, чтобы пополнить запасы еды и воды. Ну а там уж... Конечно, они не станут нападать в порту, но когда мы отойдём на достаточное расстояние...

– Ну, значит, и нет нужды тащить их за собой, – проговорил Каладиус. – Давайте стряхнём их.

– Давайте сперва убедимся, что это те, о ком мы думаем, – рассмеялась Мэйлинн. – А то ещё потопим каких-нибудь законопослушных торговцев.

– А никто и не говорит о том, что мы будем их топить, – Каладиус внимательно вгляделся в лицо лирры. – Я сказал «стряхнём».

– Ну так, значит, мы будем их ждать? – спросил Шэд и, получив утвердительный ответ, закричал: – Рифить грот, идём на кливере.

Начались томительные минуты ожидания. Лишившись почти всех парусов, «Нежданная» обиженно сбавила ход, практически легла в дрейф. Преследователи (если это действительно были преследователи) продолжали мчаться, не убирая ни одного паруса. Вскоре расстояние стало заметно сокращаться. До таинственных судов было ещё больше мили, но теперь уже было видно, что они догоняют.

– И каков же план? – поинтересовался Шэд. – Если это – действительно ребята Кальмара, то они пойдут на абордаж, а людей у них явно больше.

– Значит, постараемся не допустить абордажа, – спокойной улыбнулся Каладиус. – Прошу не забывать, что с вами – довольно опытный и способный маг.

– Что ж, мессир. Вручаю в ваши руки судьбу своего корабля.

– Не беспокойтесь. Вы только определите – по нашу ли душу тут эти суда.

– Скоро это станет ясно, – сквозь зубы процедил Шэд, до боли вглядываясь в приближающиеся шхуны.

– Это точно посудины Кальмара! – спустя примерно десять минут воскликнул Шэд. – Вон его штандарт на мачте. Э, глядите-ка, нам что-то семафорят!

Действительно, между кораблями было теперь не больше трёх кабельтовых, так что острый глаз моряка вполне мог разглядеть то, что творится на палубе. И Шэд увидел, что на носу стоит матрос с ярко-красными флажками в руках и машет ими, передавая какое-то сообщение.

– Сдайте... корабль... добровольно... – презрительно скривив губы, цедил Шэд, вглядываясь в семафорища. – Никто... не пострадает... Всех... отпустят... на берег...

– Вот вам совет, друг мой, – усмехнулся стоящий рядом Каладиус. – Никогда не садитесь играть в кости с прохиндеями. У них невозможно выиграть.

– А может, мессир, вместо нравоучений уже сделаете что-нибудь? – было слышно, что капитан слегка нервничает. Да и на лицах всех присутствующих читалась тревога.

– Ещё несколько рано, друг мой, потерпите, – успокаивающе проговорил маг. – Пусть подойдут ближе.

Когда расстояние между преследователями и добычей сократилось до кабельтова, Каладиус, видимо, наконец решил, что уже пора. Спокойно подойдя к фальшборту он, словно задумавшись на секунду, вдруг сформировал в паре футов от своих ладоней огнешар диаметром никак не меньше ярда. Огнешар висел над морем, словно небольшое солнце, издавая лёгкое шипение. И тогда маг словно толкнул его в сторону ближайшего корабля.

Всем известно, что стихийная магия очень сложно контролируется – чаще всего можно задать лишь направление её действия, не более того. Именно поэтому огнешары не пользуются большой популярностью у опытных магов. Но сейчас перед Каладиусом и не стояла задача сжечь вражеский флот. Столь крупный магический снаряд не обладал ни высокой скоростью, ни дальностью. Пролетев не больше сотни ярдов, он с оглушительным треском взорвался над поверхностью воды, естественно, не причинив никакого вреда вражеским судам, до которых он просто не добрался.

Однако, показательное выступление оказалось весьма действенным. Теперь расстояние между судами было такое, что даже подслеповатый Кол с удовлетворением наблюдал, какая суeta поднялась на обеих палубах, как замельтешили матросы, бросаясь на ванты. На обеих шхунах принялись судорожно рифить паруса, в то время как шкиперы, наверняка, словно оглашенные, крутили штурвалы, пытаясь совершить практически невозможные манёвры. Будь их воля, они бы крутанули корабли вокруг мачтовой оси, лишь бы их курс максимально расходился с курсом «Нежданной».

– Может ещё разок? – азартно воскликнул Шэд. – Со второго раза, быть может, удастся попасть?

– Я и не старался попасть, капитан, – возразил Каладиус. – И, насколько я вижу, одного раза вполне достаточно.

Действительно, обе шхуны со всей возможной расторопностью ложились на другой галс, стараясь, чтобы дуга разворота прошла как можно дальше от опасного судна.

– Что ж, – удовлетворённо проговорил Шэд. – Насколько я понимаю, претензий к нам больше нет. Полагаю, вполне пора поднять паруса.

– Вполне пора, – согласно кивнул Каладиус, поворачиваясь спиной к посрамлённым врагам.

***

«Нежданная» продолжила своё победоносное плавание. Через какое-то время бежавшие вражеские суда исчезли из поля зрения, а ещё немногим позже – истёрлись и из памяти. Был красивый закат, вокруг расстиралось море, пусть пока не безбрежное, но берег постепенно истаивал вдали. Путешественникам предстояло пересечь устье Залива Дракона. По ту сторону Залива уже лежали земли Палатия, и там, на противоположном берегу стоял довольно крупный город Шайтра, куда корабль и направлялся.

Погода и ветер благоприятствовали путешествию, так что уже следующей ночью впереди, у самого горизонта, показалась небольшая мерцающая звезда – маяк Шайтры. А уже наутро город был всего в нескольких милях прямо по курсу.

Шэд объявил, что стоянка продлится не меньше восьми или десяти часов, поскольку планировал запастись припасами до самого Полумесяца. Он предложил друзьям погулять по городу, но все дружно отказались. Сейчас, когда цель казалась столь близкой, не хотелось рисковать попасть в какую-нибудь очередную историю. Никто из путешественников даже не сошёл с корабля, дабы постоять на твёрдой земле, или, точнее, досках причала. Даже Бин уже совершенно спокойно переносил плавание, тем более, что невысокие волны, казалось, ленились толкать корабль в бок. Когда на палубе стало слишком шумно от носильщиков, затаскивающих ящики, корзины, тюки и бочки, друзья просто ушли в каюту.

Ближе к вечеру погрузка была завершена и «Нежданная» отправилась дальше на север.

– Представляете, – без особого, впрочем, энтузиазма объявил друзьям Кол. – Ведь через какое-то время мы будем плыть мимо тех самых мест, где прошла моя славная боевая юность!

– Тебе не терпится их увидеть? – поинтересовался Бин.

– Да сказать по правде, глаза бы мои не видели этих унылых берегов до конца жизни! – однако, лёгкие ностальгические нотки всё-таки звучали в голосе легионера.

– Ну ты нам сообщи, когда будем проплывать мимо, – ухмыльнулся Варан. – Чем Гурр не шутит – может, разглядим там на берегу твою рыбачку!

– Да пошёл ты! – Кол нисколько не обиделся, и даже рассмеялся. Всё-таки места, связанные с юностью, всегда вызывают особый трепет сердец.

Однако, до безлесых берегов северного Палатия было ещё очень далеко. Сначала необходимо было преодолеть широкий, словно размазанный по западному берегу Палатия залив Алиенти, а затем обогнуть похожий на громадную голову какого-то ящера полуостров Лионкай. Именно на северном побережье Лионкай и нёс свою службу Седьмой Коррэйский. Но до тех пор предстояло не меньше трёх недель провести в море.

Надо сказать, что несмотря на то, что шхуна рассекала сейчас воды Загадочного океана, ничего особенного или тем более загадочного с путешественниками так и не случилось. Наступил месяц арионн²⁷, так что каждый новый день был, казалось, теплее и ласковее, а

также длиннее предыдущего, даже несмотря на то, что «Нежданная» забиралась всё дальше на север. Друзья с головой погрузились в корабельную рутину.

В большинстве своём каждый вспомнил свои былые дела – Мэйлинн снова много времени проводила на капитанском мостике; Бин, когда не дулся, находился рядом с ней, и со временем настолько заинтересовался искусством управления кораблём, что даже, казалось, перестал ревновать; Варан вновь изводил себя многочасовыми тренировками с мечом; Кол большей частью либо отсыпался, либо играл в карты или кости с командой. Пашшан, естественно, кашеварил, причём в данном случае никто не интересовался его чаяниями и намерениями. Каладиус же снова впал в чудачества, устроив охоту за какой-то таинственной медузой, которая, по его словам, обитала лишь только в этих широтах и нигде более.

Маг, выражаясь фигурально, объявил настоящую войну этой королевской медузе, как он её называл. Перво-наперво он назначил награду в три золотые сарраассанские короны тому матросу, кто выловит и предоставит ему эту тварь. Тем самым он, к вящему неудовольствию Кола, враз лишившегося половины партнёров по играм, обеспечил членам команды постоянный досуг в свободное время. Иной раз на палубе было не протолкнуться от каких-то склянок, кружек, кувшинов и даже бочек, в которых печально трепыхались отловленные матросами медузы. Каладиус с наслаждением возился у этих ёмкостей, классифицируя каждую пойманную особь и, как обычно, записывая что-то в свои листочки, которые позже ветер гонял по всей палубе и уносил в море.

К обоюдному сожалению всех (а в игру включились даже Мэйлинн и Кол, заключившие пари по поводу того, удастся ли магу захватить в плен эту загадочную королевскую медузу) таинственная обительница глубин так и не попадалась. Каладиус постоянно объяснял, что нужно опускаться глубже, что Шэду давно необходимо было приобрести водолазный колокол; он мог в течение получаса произносить монологи о объекте своей охоты, причём делал это с такой преувеличенной серьёзностью, что она оказывалась невероятно утомительной. Мэйлинн подозревала, что все эти чудачества Каладиуса – не более, чем его попытка поднять боевой дух. И это было нелишне – изматывающая монотонность плаванья, когда не нужно бороться со штормами, не нужно отбиваться от нападавших пиратов, а нужно лишь целыми днями глядеть в небо, в конце концов могла сильно подпортить всем настроение. А так ежедневный заряд бодрости был гарантирован всем.

Был восемнадцатый день месяца арионна, когда «Нежданная», перевалив западную оконечность Пеленского мыса, вошла в воды Серого моря. Нельзя сказать, что это сразу стало заметно по цвету воды, но лишь потому, что и до тех пор вода давным-давно не отличалась лазурью. Она словно подчёркивала, что мореплаватели приближаются к самому настоящему северу – суровому и неприступному. По цвету она скорее походила на расплавленный свинец и казалось, что корабль даже вязнуть стал в этих медлительных волнах.

Но прошла ещё неделя, прежде чем шхуна достигла побережья, на котором когда-то базировался легион Кола. Конечно, с тех пор никаких следов от их лагеря не осталось – в краю, в котором нет дерева, а печи топят рыбой, деревянные постройки не простояли, естественно, и недели после того, как их покинули обитатели. Увы, но Кол так и не смог определить – какая из множества мелких рыбацких деревушек, расположенных на побережье – та самая. Все они были одинаково малы и унылы.

Серое море и правда было довольно беспокойным. То ли из-за близости вечных льдов Тайтана, то ли из-за своей узости и протяжённости, но волны здесь практически всегда были довольно высоки и достаточно сильно раскачивали корабль. Конечно, людям, пережившим Вастиней, нынешнее волнение на море казалось совершеннейшим пустяком, однако, для всякого, не имеющего подобного опыта, путешествие по водам Серого моря представлялось довольно утомительным занятием.

А так гораздо больше тот же Бин, например, переживал насчёт келлийских берсерков. Наслушавшись многочисленных рассказов Кола, он представлял себе этаких кровожадных бородачей, истребляющих всё живое на своём пути. Кроме того, у него сложилось такое впечатление, что в Сером море буквально протолкнуться невозможно от драккаров северян. Однако до сих пор ни один из них почему-то не появился в зоне видимости «Нежданной». Конечно, Бина крайне радовало это обстоятельство, но он не смог сдержать своего удивления по этому поводу.

– Да рано ещё, – лениво ответил Шэд, как обычно, стоящий за штурвалом на мостике. – Ты погляди, море какое негостеприимное ещё. Это на юге уже весна заканчивается, а тут, я тебе скажу, на некоторых северных островах до сих пор лежит снег. Так что я думаю, что не сильно ошибусь, если скажу, что во всей западной части Серого моря «Нежданная» – единственное судно. Конечно, когда подойдём к устью Труона – там движение поактивней будет, но там обычно келлийцев не бывает. Но даже если мы их вдруг и встретим – нам не о чем беспокоиться.

– Это как? – не понял Бин. – Разве они не нападают на все суда?

– Нападают, да не на все, – загадочно улыбнулся Шэд. – Кое-кого они не трогают. Меня, например.

– То есть ты в милости у северных варваров? – удивился Бин.

– Ну, у них, конечно, множество кланов, и не во все я вхож, но с самыми крупными у меня, скажем так, вполне деловые отношения, – не переставая улыбаться, пояснил Шэд.

– Деловые? – не понял Бин.

– Контрабанда, – не стесняясь, пояснил Кошка. – Келлийцам ведь тоже нужна еда, утварь, оружие. Или ты думаешь, что у них там на островах за время их куцега лета сильно много чего успевает вырасти?

– Но как же?.. – растерялся Бин. В его голове не укладывалось, что Шэд торговал с врагами всей цивилизованной Паэтты. – Но они же враги...

– Пунт не воюет с Островами, – отрезал Шэд. – У них размолвка с Палатием – так это их личное дело. Если хочешь знать, то корни-то этой вражды растут с этого берега, а не с того. Да, среди келлийцев полно отмороженных банд, которые промышляют грабежами. Но в целом – они вполне дружелюбные ребята. И, если хочешь знать, очень порядочные.

Всё смешалось в голове Бина. С детства ему рассказывали байки об ужасах, творимых на севере лютыми берсерками с Келлийских островов. Также немало он успел послушаться от Кола о тех сражениях, в которых побывал легионер в своё время. А тут вот стоит перед ним вменяемый вроде бы человек и говорит совершенно противоположные вещи. В конечном итоге Бин просто отошёл от капитана, решив, что его мировоззрение не нуждается в столь кардинальной реформации. Главное он услышал – варваров можно, вроде бы, не бояться.

Путешествие продолжалось. Как раз в первый день лета «Нежданная» проходила мимо широчайшей дельты Труона. Здесь великая река разбивалась на десятки рек, одна из которых, основная, имела ширину почти в милю. Цвет воды в этом месте был несколько темнее из-за ила, приносимого совместными усилиями Труона и Алийи. Примерно в двух днях пути отсюда, на слиянии этих двух великих рек стоял Шинтан, куда первоначально планировали попасть путешественники. Однако теперь, когда у них была собственная шхуна, они просто прошли мимо, двигаясь дальше на восток.

Почти весь дистритий²⁸ «Нежданная» бежала вдоль северного побережья Паэтты. В какой-то момент она пересекла Анурский залив, из которого брали своё начало Анурские горы, и где кончались земли Палатия и начинался Северный Пунт. В восемнадцатый день дистрития Мэйлинн отпраздновала свой день рождения в тесном кругу друзей. А пять дней спустя впереди показались очертания Полумесеца – того самого острова, к которому стремились наши друзья.

Глава 73. Полумесяц

Внешне остров выглядел совершенно обычно. Пологая каменистая прибрежная полоса постепенно превращалась в нагромождение невысоких серых скал, которые, судя по всему, покрывали собой основную часть острова. Очень уж высоких гор или скал видно не было – Полумесяц был довольно плоским и безлесым. Он казался совершенно негостеприимным с этими своими скалами, похожими на сваленные в кучу обломки гигантской горы. Или башни – невольно подумалось Бину, и от этих мыслей внезапно пробрал озноб.

– Я не знаю здешнего дна, – обратился к Каладиусу Шэд. – Поэтому близко подходить к острову я бы не рискнул. Если здесь столько же подводных камней, как возле других островов архипелага, то мы лишь угробим мою ласточку. Будем высаживаться на шлюпках.

– Вы высадите *нас* на шлюпках, капитан, – возразил маг. – А сами отправитесь в Найр, где пробудете примерно с месяц. После чего вернётесь за нами обратно. Вы должны быть здесь на сорок второй день, считая от нынешнего.

– Но мы можем... – начал было Шэд, но Каладиус нетерпеливо перебил его.

– Нет, вы сделаете так, как я говорю. Ваша помощь нам не потребуется, а наше дело здесь не терпит посторонних глаз.

– Понял, мессир, – Шэд был несколько уязвлён, но не собирался спорить – клиент всегда прав. – Значит, мы оставляем вас здесь с запасом продуктов, а сами отбываем в Найр. Ровно через сорок два дня возвращаемся обратно и забираем вас отсюда.

– Теперь всё верно, – кивнул Каладиус. – На шестой день увилья корабль должен стоять здесь же.

– Он будет здесь, – пообещал Шэд.

Матросы сустились, подтаскивая к борту провизию и другие вещи, которые нужно было доставить к берегу. Внизу уже тёрлась о бок «Нежданной» шлюпка, на которой четверо матросов принимали мешки и бочки.

– Я не знаю, есть ли тут пресная вода, – озабоченно проговорил капитан. – Мы оставим вам большую часть нашего запаса, но этого все равно не хватит на месяц.

– Тут есть вода, – уверенно ответил маг.

– С чего вы взяли?

– Я знаю, что здесь больше месяца прожил человек, у которого не было и толики тех запасов, что погружают сейчас на шлюпку. Однако же, он выжил. Питался рыбой и водой. Полумесяц достаточно велик, так что уверен, что там есть источники воды.

– Как знаете, – пожал плечами Шэд и направился командовать погрузкой.

Кол, Бин и Мэйлинн стояли, опершись на фальшборт и глядя на остров, лежащий в сотне ярдов от корабля. Что-то гнетущее было в этом виде, так что настроение у троицы было не слишком-то боевым, хотя, казалось бы, надо радоваться – они у цели. Вдруг налетел резкий порыв северного ветра, и стало достаточно прохладно, хотя был чуть ли не самый разгар лета.

– Ледяное дыхание Тайтана... – глубокомысленно заметил Кол, запахивая свою куртку поплотнее.

– Да уж... – ворчливо ответил Бин. – Поверить не могу, что ещё год назад я знать не знал ни о каком Тайтане, а теперь вот трясусь от его ледяного дыхания. А далеко он отсюда?

– Много-много дней пути на север, – ответила Мэйлинн. – Хвала Арионну, он достаточно далеко, а не то бы нам понадобились зимние вещи.

– И как тут живут эти келлийцы? – недоуменно спросил Бин. – Холод и камни...

– Не все острова Келли такие, – заметил Кол. – Говорят, там есть и леса, и озера. Они даже как-то умудряются возделывать землю, хотя и в малых количествах. Но ты прав – я тоже

не могу понять, как можно добровольно жить среди этих скал? Наверное, от этого берсерки такие жестокие...

Бин припомнил свой разговор о келлийцах с Шэдом, но промолчал. Собственно, их судьба сейчас заботила его куда меньше собственной.

– Что-то мне не улыбается плыть на шлюпке по таким волнам... – как-то тоскливо проговорил он. – Да и остров мне совсем не нравится... Такое ощущение...

– Ощущение как тогда, когда мы проходили неподалёку от Симмера, да? – перебил Кол.

– Тоже чувствуешь? – поёжился Бин. – Ну, пожалуй, не совсем такое – нет такого ощущения ненависти, исходящего от этого места. Но всё равно очень неприятно. Ты тоже чувствуешь? – спросил он Мэйлинн.

– Ещё бы... – буркнула та. – Мессир говорил, что здесь – место силы. И эта сила... Она не злая – нет. Она просто чуждая нам. И её здесь много.

– Тяжеловато придётся жить здесь долгое время... – поморщился Бин.

– Если хочешь – отправляйся в Найр с Шэдом! – с искренней горячностью предложила Мэйлинн. – Это – моё дело, а своё ты уже исполнил!

– Ну тебя!.. – обиженно буркнул Бин. – Никуда я не отправлюсь. Я с тобой с самого начала, и буду до конца!

Мэйлинн не стала настаивать, чтобы не обидеть парня ещё сильнее. Она понимала, что никто из тех, кто прибыл с ней, не отступят и не уйдут. Но это почему-то не подбадривало, а наоборот – огорчало.

Тем временем матросы на шлюпке в три захода отвезли на берег припасы, которые выделил Шэд, и теперь вернулись за пассажирами.

– А ты пожалел-то нам продовольствия! – шутливо обратился к Шэду Кол. – Решил сам всё сожрать?

– Отдал почти всё, что есть, – возразил Шэд. – Сами будем на голодном пайке до Найра. Но ты не переживай – эти воды полны рыбы. Её тут столько, что она разве только сама на берег не выпрыгивает. Я там положил вам кой-какие снасти – займёшься рыбалкой.

– О, я люблю рыбачить! – обрадовался Бин.

– Ну вот и отлично! Тут тебе будет полное раздолье! – заверил Шэд. – Ну что – милости прошу на шлюпку! Долгие проводы – лишние слёзы.

– И то верно, – Кол крепко пожал руку капитану. – Скоро свидимся! Удачи!

– И тебе. Смотри поосторожней, Бин! Если ты свалишься в воду в этом доспехе, то мы тебя уже не достанем!

– Да пошёл ты! – беззлобно огрызнулся Бин и также пожал Шэду руку.

– Удачи, Мэйлинн! Уффф... – Шэд протянул лирре руку, но она, проигнорировав этот жест, крепко обняла капитана.

– И тебе, Шэд! Возвращайся!

– Обязательно! – улыбнулся Кошка. – Пожалуйста, поосторожней, мессир! Не замочите плащ!

– Я спускался по верёвочным лестницам тогда, когда ваш прадед в пятом колене ещё не умел ходить, юноша! – фыркнул маг и, действительно, довольно ловко спустился в шлюпку.

– Твоей стряпни мне будет не хватать больше всего, друг Пашшан! – капитан пожал руку баинину, который в ответ лишь кивнул и улыбнулся.

– Не подхвати ревматизм! – усмехнулся Шэд Варану, последним спускавшемуся в шлюпку. – Не спи на голых камнях!

– Не волнуйся, – сверкнул зубами Варан. – Я думаю, что я тут вообще не усну.

После таких своеобразных прощаний шлюпка направилась к берегу, танцуя на волнах. Не прошло и четверти часа, как она заскребла брюхом по камням. Матросы выскочили прямо

в пенящуюся воду и подтащили шлюпку к самому берегу, так что путешественники почти не замочили ног. Затем моряки оттолкнули судёнышко обратно и погребли к шхуне.

Друзья, стоя на берегу, смотрели, как команда «Нежданной» при помощи блоков затягивает шлюпку обратно на борт. Затем послышался лязг цепей – шхуна поднимала якоря. Распахнулись паруса, и корабль, медленно набирая ход, стал уходить. Шэд Кошка, стоя на мостике, махал рукой оставшимся на берегу, а те махали ему в ответ.

– Ну что – пора бы начать обживать, – через несколько секунд проговорил Каладиус. – Как справедливо заметил наш друг: долгие проводы – лишние слёзы. Предлагаю сразу же отправиться на поиски аномалии. Если верить моим ощущениям – она не слишком-то далеко.

– Охотно верю, – проворчал Кол. – У меня ощущение, будто мой мозг скребут металлической щёткой.

– Оставим припасы прямо здесь? – несколько растерянно спросил Бин.

– Естественно, – пожал плечами маг. – На этом острове нет никого, кроме нас. Кстати, весьма приятное для меня ощущение.

– Да уж... – согласился Кол. – Я тоже от этого поотвык как-то. Не нужно оглядываться постоянно... Ну что – потопали?

– Потопали! – кивнул Варан. – Ведите, мессир! Где там эта ваша аномалия?

– Я думаю, что наша милая Мэйлинн чувствует её острее меня. Пусть ведёт она.

– Хорошо, – кивнула лирра и тронулась в путь по засыпанному каменной крошкой пляжу в сторону скал.

Вскоре оказалось, что передвижение по этим скалам – то ещё удовольствие. Не говоря уж о риске упасть или сломать ногу, было очевидно, что люди мало подходят для такого занятия. Лёгкая Мэйлинн справлялась не в пример лучше, но остальные, даже Варан, довольно быстро приуныли.

– Должен быть другой путь, – пропыхтел Каладиус, кое-как взбираясь на очередной обломок. – Ни за что не поверю, что Биалл Пивилийский вот так вот занимался тут скалолазанием. Как по-вашему, дорогая, далеко ли до этой аномалии?

– Трудно сказать, – пользуясь передышкой, Мэйлинн уселась прямо на слабо нагретый солнцем валун. – Я чувствую, что она недалеко, но сколько это – сто футов, или тысяча ярдов – я понять не могу. Я знаю только, что нам туда, – она махнула рукой к северо-востоку.

– Сплошные скалы... – проворчал Кол, тяжело дыша. – Как тут пробираться с кубом?..

– *Должен быть* другой путь! – решительно повторил маг. – И вместо того, чтобы заниматься тут вредной для моего сердца акробатикой, предлагаю вернуться к берегу и поискать какой-нибудь проход в этих проклятых скалах!

– Но мы уже столько прошли... – слабо возразил Варан, хотя, оглядываясь назад, становилось ясно, что они преодолели не более сотни ярдов с тех пор, как взобрались на скалы.

– Даже если мы доберёмся до аномалии таким образом, – резонно заметил Бин. – Мы потом не перетащим туда все наши пожитки.

– Также верно, – согласился Варан. – Однако, добравшись до аномалии, мы сможем вернуться обратно по тому проходу, который, по-вашему, должен существовать. И не потратим несколько дней, бегая вдоль берега.

– Вон там... – внезапно изменившимся голосом проговорил Каладиус, указывая на скалу, возвышавшуюся над остальными примерно в тысяче футов отсюда.

– Что? – тут же напряглись остальные, ожидая увидеть какую-то опасность.

– Это место – там, – казалось, Каладиус даже побледнел, хотя минуту назад он был красным от непомерных физических нагрузок.

– Откуда вы знаете, мессир? – удивлённо спросила Мэйлинн.

– Я... видел это место... – нехотя выдавил из себя маг. – Тогда... в Шеаре, когда...

Он не закончил, но все и так прекрасно поняли, о чём речь. А Каладиус действительно узнал ту самую скалу, тот высокий валун, на котором сидела и медитировала Мэйлинн. На котором они умерли вместе, с остановившимися сердцами.

– Но это очень далеко... – заметил Кол. – Такими темпами мы и до темноты не доберёмся.

– Поэтому я и говорю, что нужно вернуться, – уже более настойчиво проговорил Каладиус. – Теперь мы знаем, куда нам нужно, а это значит, что мы примерно можем понять, где искать проход. Если вернёмся сейчас, то у нас останется ещё час или два до темноты, чтобы попытаться найти хотя бы место для ночёвки.

– Возвращаемся! – решительно кивнула Мэйлинн, поднимаясь на ноги. – Мессир прав – нужно действовать более разумно.

Обратный путь не занял меньше времени, но, как и говорил Каладиус, до темноты оставалось ещё несколько часов. Более того, в это время года и на этих широтах солнце вообще весьма неохотно уходило за горизонт, так что полной тьмы здесь сейчас не наступало. Наскоро перекусив заранее приготовленной на корабле пищей, друзья с новыми силами направились вдоль кромки скал в восточном направлении, пытаясь найти тот проход, что помог древнему философу достичь места *«вспучивания»*.

Примерно в миле от того места, где они высадились, их ждала удача.

– Ручей! – воскликнул Варан, раньше всех увидевший блеснувшее серебро воды.

– Быть может, вот он и проход? – обрадовался Кол. – Ведь ручей, в отличие от нас, не может лазать по скалам. Значит, он пробил себе удобное русло.

– Вполне вероятно, – удовлетворённо согласился Каладиус. – Сейчас мы это и узнаем.

Подойдя к небольшому ручью, друзья первым делом отметили, что он действительно течёт, судя по всему, примерно с той стороны, где, словно ориентир, возвышалась скала. Более того, ручей действительно не сочился сквозь камни, а за долгие века пробил себе вполне уютный жёлоб. Конечно, берега его были чересчур круты, так что приходилось смириться с тем, что придётся идти по щиколотку в ледяной воде. Но это казалось куда меньшим злом, чем карабканье по отвесным скалам.

Другим приятным открытием было то, что вдоль берега ручья каким-то образом умудрялись расти карликовые деревца и небольшие кустарники. Они могли послужить в качестве топлива, поскольку тех дров, что выделил Шэд, вряд ли хватило бы и на несколько дней. Хотя, конечно, сложно было ожидать от этой чахлой растительности, что она сможет обеспечить огнём и теплом полностью. Возможно, путешественникам предстояло перенять опыт палатийских рыбаков, что топят очаги сушёной рыбой. Правда, для этого рыбу сначала нужно было наловить и засушить.

– До темноты ещё довольно далеко, – проговорил Варан. – Может быть, прямо сейчас отправимся и посмотрим, куда ведёт этот ручеёк?

– Хотел предложить то же самое, – поддакнул Каладиус. – До скалы – не больше полумили, судя по всему. Я бы хотел уже сегодня оказаться на месте.

Идея была встречена одобрительно – каждый хотел поскорее увидеть то самое место, к которому они так долго стремились. Варан первым вошёл в ручей и довольно бодро зашлёпал по нему. Дно было покрыто камнями, среди которых попадались и довольно крупные, но всё же идти было вполне удобно, хотя и довольно скользко.

Ручей иногда изгибался, чтобы обогнуть наиболее неподатливые скалы, так что путь оказался длиннее, чем напрямик. Вскоре путешественники почувствовали, как леденящий холод сковывает их ступни – хотя вода пока не проникла в сапоги, но и без того пальцы на ногах уже начало ломить от холода. К сожалению, выбраться из воды практически не было возможности – жёлоб, по которому тёк ручей, был довольно узкий и покатый.

Однако, ещё одна удача поджидала наших друзей выше по течению. Когда до высокой скалы оставались считанные сотни футов, ручей вдруг привёл их в довольно уютную ложбинку, поросшую мхом и кустарниками. Она была невелика, и со всех сторон окружена скалами, что хорошо защищало её от ветра. Но самое удивительное, что в одном месте скалы, нависая, образовали нечто вроде неглубокой пещеры или грота, так что достаточно было пары кусков парусины, чтобы превратить его во вполне сносное жилище.

– Кажется, я знаю, где мы будем жить! – восхищенно воскликнул Кол. – Это же – настоящий горный дворец! И стены мощные, и крыша над головой, и ковры повсюду!

– Думаю, что именно здесь останавливалась экспедиция из Латиона, – отметил Варан, который уже успел исследовать грот. – Тут следы кострища. Даже кое-что осталось ещё.

К радости друзей там нашлась довольно приличная куча хвороста. Суровый климат Полумесяца сохранил это дерево от тления – оно лишь иссохлось, став похожим на человеческие кости. Также осталось несколько одеял или чего-то подобного, но годы обратили их в отвратительную труху. Но даже её путешественники не спешили выбрасывать – она вполне пригодилась для растопки.

– Это просто какой-то трактир «У Белой Башни», – продолжал восхищаться Кол. – Интересно, это кто-то так специально задумал?

– Сложно сказать, – пожал плечами Каладиус. – Может, на то была воля богов. Может – воля случая. Ведь по приданиям Башня может возникать в любом месте. Наверное, для этого даже не обязательно было искать аномалию. Так что – может быть, эта ложбинка здесь находится просто так. Может быть, что-то случилось со скалой, что стояла на этом месте раньше – небесный камень когда-то разнёс её вдребезги, или же вода и солнце сделали своё дело... Но мне всё-таки приятнее думать, что для всего этого, – Каладиус обвёл широким жестом окружающую ложбину. – Была чья-то воля.

– Ну что, отправимся дальше? – с лёгким нетерпением предложила Мэйлинн. – Судя по всему, до места не больше десяти минут ходьбы.

– Вы правы, дорогая, – согласился маг. – Только дайте мне хотя бы пять минут, чтобы слегка согреть мои несчастные ноги.

Возразить тут было нечего – Мэйлинн и сама уже не чувствовала пальцев на ногах. Поэтому не пять, а все пятнадцать минут путешественники, скинув сапоги, яростно тёрли свои ступни, пытаясь вернуть в них жизнь.

– Я прямо ощущаю близость силы... – проговорила лирра, когда все уже вновь обулись и были готовы следовать дальше. – На меня словно навалилась целая гора шерстяных тюков.

– Могу представить, – буркнул Варан. – Мне и то не по себе... Да и навевает неприятные воспоминания об одном знакомом демоне...

– Должен предупредить, – вновь изменившись в лице, проговорил Каладиус. – Что следующие недели могут стать для нас самым тяжким испытанием за всё это время. Провести столько дней рядом с аномалией – это будет очень тяжело. Нам нужно постараться сохранить... себя... – словно поперхнувшись, закончил маг.

– Сохраним, – пытаюсь не терять оптимизма, бодро ответил Кол. – Не для того почти год ноги били, чтобы сейчас всё испортить!

Вновь войдя в ледяную воду ручья, искатели Башни побрели дальше.

– Это оно... – выдохнул Каладиус, когда, спустя некоторое время они вышли к тому месту, где брал начало ручей.

Идеально круглый амфитеатр, образованный скалами, имел диаметр не меньше пятидесяти ярдов. Точно в центре этого амфитеатра бил небольшой источник, вода которого и превращалась в тот самый ледяной ручей. Очевидно, что источник и был той самой аномалией, потому что дыхание силы было таково, что даже не обладающие чувствительностью к магии люди ощущали его почти как бесплотный ветер на своём лице.

А Каладиус с холодящей сердце болью узнал *то самое* место. Вот он, этот валун, на котором медитировала Мэйлинн. Вот тут он поднимался, чтобы сесть рядом с ней в тот последний час. Башня... Тогда она висела тут, над этим амфитеатром, но казалась куда больше него. Неужели то, что он видел, возможно? Неужели он способен убить Мэйлинн ради призрачной надежды стать богом?

– Ну что, пора идти за нашим приятелем Шуанном? – не подозревая, как глубоко ранили мага эти слова, воскликнул Кол, пытаясь говорить максимально бодро, хотя голос его явственно дрожал.

– Д-да... – словно просыпаясь, рассеянно ответил маг. – Надо возвращаться. Перенесём самое необходимое для ночлега в ложбину, а остальное перетаскаем позже. Обряд начнём завтра утром.

***

Ночь прошла беспокойно. От скал тянуло холодом, а от аномалии – силой. И то, и другое одинаково мешало уснуть, а если сон всё же приходил, то был тревожным и неглубоким. Скучный костёр, который могли себе позволить путешественники, не слишком-то грел, и не слишком-то освещал. Так что к утру все были в значительной степени разбиты и раздражены.

Куб с Головой Шуанна был принесён в ложбинку ещё вечером, так что было решено, что Мэйлинн и Каладиус, а также официальный носитель куба Кол отправятся к аномалии, чтобы начать ритуал призыва Башни, а остальные займутся делами. Бин сразу же вызвался на рыбалку, соответственно на Варана и Пашшана выпала задача по перетаскиванию припасов к месту стоянки. Позже к ним должен будет присоединиться Кол, а крупные вещи перенесут уже все вместе, когда ритуал будет закончен.

Перекусив остатками вчерашнего ужина, все направились каждый по своим делам.

Глава 74. Ритуал

– Мне остаться с тобой? – поставив мангиловый куб на каменистую землю в нескольких шагах от источника, спросил Кол, обращаясь, конечно же, к Мэйлинн.

– Не нужно, спасибо, – мельком взглянув на Каладиуса, ответила та. – Возвращайся к остальным. Мы скоро вернёмся.

Молча кивнув, Кол поспешил подальше от этого места. Лучше уж таскать тяжёлые ящики по щиколотку в ледяной воде, чем стоять здесь дольше, чем нужно.

– И что теперь? – буднично спросила Мэйлинн. Она бессчётное множество раз представляла себе этот момент, но сейчас никаких эмоций по этому поводу не испытывала.

– Нужно извлечь Голову Шуанна и поместить её, вероятно, рядом с источником, – столь же сухо ответил маг. – Никаких особенных указаний о дальнейшем Биалл не даёт. Вероятно, Башня объявится и так, если достаточно этого хотеть и достаточно в это верить. Ну а затем потребуются сорок дней медитации. А может и не потребуются – это мы уже увидим.

После этих слов оба, тем не менее, остались молча стоять. Никто не сделал даже шага к кубу. Внутри каждого из них сейчас шла борьба с собственными страхами – а вдруг весь этот путь окажется напрасным? Сейчас, пока крышка куба ещё не открыта, это, по крайней мере, не так. Сейчас можно продолжать убеждать себя, что всё будет так, как они и ожидают.

– Прошу, дорогая, – хриплым и срывающимся от волнения голосом произнёс наконец Каладиус. – Куб должны открыть вы.

Мэйлинн буквально заставила себя сделать первый шаг. Ноги были слабыми и мелко тряслись – то ли от пронизывающей воздух магии, то ли от волнения, то ли от страха остаться в дураках. Но второй шаг оказался легче первого, а каждый последующий – легче предыдущего. К мангилowому кубу подошла уже уверенная в себе девушка. Словно кто-то шепнул на ухо Мэйлинн подбадривающие слова.

Легко наклонившись, лирра открыла куб и взяла покоящуюся там Голову Шуанна. Замерла на мгновение – видно, ожидала, что странная бесполой женщина, говорящая о себе в мужском роде, тут же объявится рядом. Но ничего подобного не произошло. Голова продолжала оставаться просто странным, нечеловеческим черепом. И именно этот череп Мэйлинн положила на самом краю источника. Затем, повинувшись какому-то наитию, она окунула ладонь в воду и окропила ею Голову Шуанна.

Словно судорога прошла по самой ткани бытия. С глухим стоном рухнул на колени Каладиус, больно расшибив их об острые камни. У Мэйлинн во рту появился привкус крови, а перед глазами побежали тёмные пятна, однако она удержалась на ногах.

– Да уж... – прохрипел Каладиус, стоя на четвереньках. – Вот это мы постучались в двери к богу! Последний деревенский колдун в Саррасе почувствовал сейчас *взрыв в возмущении*... Ничего подобного никогда не испытывал...

– Магистры Лианы, значит, тоже почувствовали? – едва ворочая непослушным, словно онемевшим языком, спросила Мэйлинн.

– Ещё бы, – скривил губы волшебник. – Они хоть сами и не маги, но *возмущение* чувствуют хорошо. И уж они-то, в отличие от остальных, сразу поймут, в чём дело.

– Примчатся сюда?

– Может быть... А разве теперь это важно? – взглянув снизу вверх на Мэйлинн, спросил маг.

– Вы правы, уже не важно, – кивнула она и мягко осела на землю, так как ноги держали неважно.

Так они сидели некоторое время, то ли думая каждый о своём, то ли вообще ни о чём не думая.

– Она появится? – едва разлепила спёкшиеся губы Мэйлинн.

– Если верите – обязательно появится, – убеждённо проговорил маг.

Они вновь сидели, не шевелясь. Постепенно у Мэйлинн стала кружиться голова. Она кружилась всё сильнее и сильнее, и в конце концов лирра просто упала навзничь, распахнув свои огромные глаза.

– Она здесь... – почти одними губами прошептала Мэйлинн.

Каладиус, который тоже испытывал головокружение, также мягко завалился на спину. И увидел. Пока это было скорее какое-то дрожание воздуха, как это бывает в жаркий день. Это ещё не было похоже на Башню, но что-то определённо нарождалось сейчас в небе над островом.

– Я знал... – по сухим щекам Каладиуса скатывались слёзы, которых он не замечал.

Теперь они неподвижно лежали и смотрели, как густеет над ними воздух, постепенно приобретая черты исполинской Башни, рядом с которой даже Главный храм Арионна в Латиионе казался бы детской игрушкой. Прошло больше часа, когда Башня проявилась настолько, что уже не нужно было вглядываться, чтобы увидеть её очертания.

Мэйлинн лежала, почти не мигая, и глядела на неё. Станным образом у лирры исчезли все вопросы, которые она хотела задать магу. Она теперь уже сама знала, что будет дальше, и что ей нужно делать.

– Нам можно пока уйти, – нехотя вставая, проговорила Мэйлинн. – Сегодня Башня будет открываться весь день. А затем я начну ритуал *единения*.

Каладиус и Мэйлинн словно бы поменялись ролями. Теперь он глядел на неё с немим восхищением и удивлением человека, понимающего, что рядом с ним находится кто-то, кому ведомо куда больше, чем ему. Некоторая растерянность появилась в его взгляде, тогда как взгляд Мэйлинн, напротив, стал совершенно безмятежным и отстранённым.

Все четверо мужчин, включая Бина, стояли на побережье, до сих пор ошалело глядя, как над островом постепенно возникает гигантский фантом.

– Получилось! – завидев Мэйлинн, воскликнул Кол, но в голосе его почему-то прозвучали вопросительные нотки.

– Получилось, – кивнула лирра.

Отсюда, с побережья, Башня выглядела ещё грандиозней. Интересно было бы взглянуть на неё с корабля – как бы это выглядело? Башня покрывала бы собой почти весь остров? А, может, она и не видна была бы никому, кроме них?

– Какая здоровая... – не скрывая благоговения, проговорил Бин. – И откуда она тут взялась?

– Насколько я теперь поняла, Башня всегда здесь, в нашем мире, – проговорила Мэйлинн, и все взгляды тут же оказались прикованы к ней. – Я не очень понимаю, что это значит, но, похоже, Башня прячется в промежутках между секундами.

– Как это? – озадаченно спросил Кол.

– Я и сама не знаю, – несколько растерянно ответила Мэйлинн. – Просто вот эта формулировка словно сама пришла ко мне.

– Возможно, я понимаю, что это значит, – улыбнулся Каладиус. К нему, похоже, возвращалась былая уверенность. – Башня прячется не только, и не столько в пространстве. Она прячется во времени.

– Вам, наверное, кажется, мессир, что вы всё понятно объяснили... – буркнул Кол.

– Что ж... – усмехнулся маг. – Вот вам пример. Вы видите здесь Биалла Пивилийского?

– Конечно нет, – не понимая, к чему клонит волшебник, ответил Кол. – Он давным-давно умер.

– Но он был здесь, – продолжал Каладиус. – Возможно, стоял ровно на том же месте, на котором сейчас стоите вы, друг мой. И единственное, почему мы его не видим – это разница

во времени. Так и Башня. Она, вероятно, может перемещаться не только в пространстве, но и во времени. Поэтому её и не было видно, хотя она, опять же, стояла тут около пяти тысяч лет назад.

– Боюсь, я всё равно ничего не понял, – махнул рукой Кол. – Да, собственно, это и не моего ума дело. Главное – у нас получилось! Признаюсь, что всё это время, хотя я и верил Мэйлинн, и верил в успех, но где-то в уголке сознания всё равно жила малюсенькая мыслишка: а вдруг ничего не получится?

По лицам присутствующих было видно, что подобная мысль посещала не одного Кола. А лицо того же Бина выражало такое изумление, словно он до сих пор не верил в происходящее.

– Так, значит, Башня уже тут? Или, как и у того философа, она ещё ненастоящая? – поинтересовался Варан.

– Она – настоящая, но не материальная, – пояснила Мэйлинн. – Я всё равно ещё ничего не понимаю пока – ведь если она материализуется полностью – она же раздавит половину острова... Или, может, она просто уменьшится со временем?

– Что ж, – проговорил Каладиус. – Лишь время ответит на наши вопросы. А пока – нам придётся научиться жить рядом с этим чудом. Чем скорее мы перестанем обращать на неё внимание, тем лучше. Так что – не заняться ли нам делом?

С этим трудно было не согласиться, так что все дружно принялись за перетаскивание вещей. Даже Бин бросил свою снасть (кстати, на берегу уже билось несколько довольно крупных рыб). И даже Мэйлинн взялась помогать, хотя было видно, что мысли её уже где-то не здесь. Она против воли постоянно поднимала голову, глядя на густеющий силуэт Башни. Каждая попытка её разговорить оканчивалась полнейшим фиаско. Если речь касалась Башни, то она ещё могла фокусироваться на вопросах и что-то отвечать, в остальных же случаях она отвечала невпопад, а то и вовсе будто бы не слышала вопросов.

– Вам будет лучше отправиться к источнику, дорогая, – наконец мягко предложил Каладиус. – Я вижу, что Башня уже зовёт вас к себе. Мы тут справимся и без вас, а ваш труд теперь будет куда тяжелее нашего.

Благодарно кивнув, Мэйлинн молча направились вверх по ручью. Друзья с некоторой печалью смотрели ей вслед. У Бина сердце и вовсе разрывалось – ему казалось, что лирра не просто уходит от них ближе к Башне, а уходит из их жизни, что её дорога теперь будет лежать отдельно от их дорог. Никогда ещё Мэйлинн не казалась такой чуждой, такой отстранённой. У Бина ещё с того разговора на берегу возникло неприятное ощущение, будто для неё они теперь стали существами более низшего порядка, словно бы домашними животными, которых безумно любишь, но не считаешь ровней себе.

Оставленный Шэдом скарб переносили в течение всего дня. Практически даже не делали передышек, словно пытаясь тяжёлой работой заглушить сосущую душу тоску. Тоска эта усугублялась всё нарастающим дискомфортом, который Каладиус объяснил настоящим штормом в *возмущении* – настолько мощным, что даже обычные люди очень остро его чувствовали. Разговаривать совершенно не хотелось – прозрачный силуэт Башни настолько довлел над всеми, что невозможно было избавиться от отвратительного ощущения, будто над островом нависла гигантская подошва великана, готовая вот-вот опуститься и раздавить всех людишек-муравьёв, что попадутся под неё.

До сих пор, когда Кол представлял себе этот день, он всегда видел его в более радужном свете. Ему представлялось, что от Башни будет исходить умиротворяющая, тёплая энергия, которая бальзамом будет литься на иссечённую временем душу легионера, привнося в неё покой и благодать. Но на деле всё оказалось не так. Тревожные эманации Башни, напротив, словно бередили старые раны, неотступно преследуя Кола. Ему вспоминалось очень похожее ощущение – когда под плотными слоями окровавленных бинтов жутко зудела зажива-

ющая рана, и не было никакой возможности её почесать. Так и сейчас – нечем было унять этот зуд в душе. Башня неожиданно предстала в образе врага, отбирающего у него самое дорогое, что было в жизни – Мэйлинн.

Варан молча таскал тяжёлые ящики, лишь поскрипывая зубами. Башня словно смотрела на него, не отрываясь, и это выводило из себя. Почему, если она такая Белая, как говорила Мэйлинн, – почему она такая жестокая? Почему Варан боролся с искушением пасть на колени и начать каяться, словно перед судьёй? Она словно давала понять, что он – лишний на этом острове. Все, собравшиеся тут, были героями, и лишь он, мастер Теней – злодеем. Хотелось бросить на землю этот треклятый ящик и надрывно, брызжа слюной, что-то орать прямо в лицо этой Башне. Что – Варан не знал, но хотелось бы что-то гордое и очень обидное. Если дальше будет только хуже – лучше бы ему было уплыть с Шэдом...

А Каладиус сражался с собственной памятью. Ему казалось, что все присутствующие, включая и находящуюся где-то у источника Мэйлинн, знают, *что* видел он тогда, в Шеаре. Что все с насмешливым злорадством ждут, когда же он попытается, словно площадной карманник, утащить у лирры её заслуженную награду. Более того, в нём сейчас словно спорили два человека, один из которых убеждал, что ему, Каладиусу, всё равно суждено поступить так, как он поступил тогда, в своих грёзах. Суждено, потому что такова его природа, природа великого мага, созидавшего своё величие на смертях и страданиях других. Другой Каладиус пытался спорить, чуть не плача от досады на то, что ему никто не хочет верить. Он убеждал, что сон, явленный ему Шуанном – не более, чем козни древнего демона-искусителя, и что он ни за что не причинит зла никому из тех, кто находится здесь. Но первый Каладиус лишь хохотал, слушая эти речи, хохотал горьким, разочарованным смехом.

К несчастью, под вечер работа была окончена – основная часть грузов была перенесена в новое жилище. Уже был остервенело вырублен почти весь кустарник неподалёку от пещеры, чтобы чуть позже стать топливом для костра. Уже было наловлено достаточное количество рыбы, чтобы устроить пир для всего экипажа «Нежданной». Волей-неволей пришлось сесть, чтобы отдохнуть. И остаться наедине со своими мыслями...

***

На следующее утро Башня казалась уже вполне материальной. Она не была ослепительно белой, как представляла себе Мэйлинн, и какой она видела её в то утро в замке Наэлирро; скорее цветом она напоминала известняк. Однако, лирра уже и не питала себя иллюзиями на этот счёт. То, что она видела из окна – было не больше, чем мороком, созданным магиями. Теперь она знала по себе, какими ощущениями сопровождается явление Башни. В тот раз ничего подобного не происходило.

Мэйлинн не могла отдать себе отчёт – спала ли она этой ночью? Она пребывала в странном состоянии, словно её душа несколько оторвалась от тела. Нет, она не видела себя со стороны, но она словно бы не ощущала своё тело, не идентифицировала его с собой. Она не знала – холодно ли ей, или жарко, хочет ли она пить или есть, или, может быть, спать. Она едва осознала, что сидит на высокой скале, глядя на серые волны вдалеке.

Но, что удивительно, мысли её при этом не были запредельно возвышенными и неземными. Она думала о самых разных вещах – вспоминала детство, учёбу в Наэлирро, свой путь к Башне. Её заботили, казалось, совсем незначительные вещи – например, она пыталась вспомнить вкус того лакомства, которым потчевал её толстяк Барса в Шатре, прежде чем предать их ассассинам. Она пыталась вспомнить черты лица Нары – сестры Бина. Вспоминала, как пахло яблоками на крыльце той пунтской гостиницы, где Кол почти признался ей в любви... Всё это слабо подпадало под определение медитации, как её понимали в том же Наэлирро, однако поделаться с собой Мэйлинн ничего не могла. Она даже сидела спиной к Башне.

Что будет, когда Башня откроет ей свои врата? Войдёт ли она внутрь, или Башня сама войдёт в её душу? Узнает ли она тут же все тайны, которые сейчас сокрыты от неё за семью печатями? Излечится ли она от своего недуга? Станет ли магией, или останется простой лиррой? Что будет дальше, когда Башня исчезнет? Эти вопросы постоянно вертелись в голове Мэйлинн, но – странное дело! – не вызывали у неё какого-то беспокойства или нервного возбуждения. Эти вопросы казались совершенно спокойными, не вызывающими бесконечного зуда. Всё откроется само собой, – словно бы нащёптывала ей Башня. Ты всё узнаешь в свой черед. Почему-то этого было совершенно достаточно.

Дни для Мэйлинн текли совершенно незаметно. Вроде бы, наступил уже жаркий²⁹, но для лирры все дни слились в один. Она не могла отличить один восход, который встречала, когда он окрашивал розовым её левую щеку, от любого другого. Она с трудом осознавала само понятие времени. Иногда Мэйлинн словно пробуждалась от своих грёз, и тогда она спускалась со своей скалы, чтобы пойти в лагерь и отведать незамысловатой еды, приготовленной Пашшаном, и представляющей, главным образом, рыбу в различных видах. Когда наступала ночь, она также обычно уходила в лагерь, если ночь не была достаточно тёплой для того, чтобы уснуть, сидя на том же камне. Друзья её никогда не тревожили, даже если она не приходила ночевать, хотя в их глазах читалась боль и беспокойство. Но даже этого Мэйлинн сейчас почти не замечала.

В этом плане остальным повезло меньше. Каждый день на острове был для них пыткой – время тянулось, словно дни стали вдвое длиннее обычных. Хвала богам – с каждым днём, вроде бы, давление Башни несколько уменьшалось, или же они к нему адаптировались, но настроение у всех всё равно было паршивейшим. Каждый уже сожалел, что они так быстро перенесли все припасы, так как заняться теперь было решительно нечем.

Кол и Бин почти весь день проводили у берега, рыбача. Шэд был прав – рыбы в окрестных водах было невиданно много, так что отловленная ранее рыба валялась повсюду на камнях. Её даже не забирали в лагерь – ждали, пока она подсохнет на солнце, чтобы можно было попытаться использовать её в качестве топлива. Лишь самые жирные рыбыны удостоивались почётно́го права стать обедом или ужином.

Варан каждый день уходил куда-то вглубь острова, тренируясь в лазании по скалам, изнуряя себя различными тренировками. Кроме того, друзья подозревали, что Орден Лианы ещё может себя показать, так что мастер Теней отыскивал возможные укрытия для засад.

Пашшан же и Каладиус почти не выходили из лагеря. Пашшан либо занимался готовкой, либо, прикрыв глаза, лежал часами на мшистой земле. Каладиус же обычно сидел с открытыми глазами, прислонясь к скале, и о чём-то размышлял, причём по сдвинутым бровям и плотно сжатому рту становилось очевидно, что мысли эти – не самые радужные.

День бежал за днём, и на острове ровным счётом ничего не происходило. Ну а ночи приносили обрывчатые, скомканные сны, которые выветривались из памяти поутру, но оставляли привкус чего-то неприятного и тоскливого.

– Скоро там эта Башня материализуется? – этот вопрос Бин каждый день адресовал магу, и его всегда выводило из себя равнодушное пожимание плечами, являющееся единственным ответом.

– Мэйлинн опять сегодня не пришла ночевать... – вновь заговорил Бин, даже не пытаясь скрыть раздражения. – Она изводит себя...

– Всё с ней будет в порядке, – на сей раз маг снизошёл до ответа. – Она – искательница Башни и сейчас она больше принадлежит ей, нежели этому миру.

– Какого Гурра нужно было вообще искать эту Башню? – Бина, похоже, было уже не остановить – ему приспичило выплеснуть накопившееся.

– Послушай, приятель, – Кол лежал у костра, поигрывая срезанной веточкой кустарника. – Мне кажется, что ты сегодня не в духе. Но не нужно портить настроение всем. Башню

искала Мэйлинн, а не ты. Ты мог выбирать – быть с нею рядом, или уйти. Коль предпочёл первое – не ной.

– Конечно! – вскинулся Бин. – Тебе бы хотелось, чтобы я ушёл, да? Тебе не на что надеяться, понял?

– Так же, как и тебе, – Кол старался говорить спокойно, но в груди уже клокотал подступающий гнев. – И речь совсем не о том. Сейчас я хотел лишь сказать, чтобы ты заткнулся и пошёл ловить рыбу. Твоё нытье осточертело всем.

– Правда? – Бин яростно вскочил на ноги. – Мне кажется, или кто-то сегодня нарывается больше обычного?

– Тебе не кажется, – Кол смерил парня холодным яростным взглядом. – Ты действительно сегодня нарываешься больше обычного.

– Прекратите. Оба! – резко сказал Каладиус. – Пока я тут, я не допущу драк. Друг мой, – обратился он к Варану. – Захватите, пожалуйста, сегодня с собой на прогулку нашего славного Сана. А вы, юноша, ступайте ловить рыбу. Дрова кончаются, и скоро нам придётся испробовать жечь её.

Все трое, включая Варана, тут же направились прочь из лагеря. Кол с Вараном – переговариваясь и посмеиваясь, Бин – яростно сопя.

– Ещё больше трёх недель... – чуть ли не простонал Каладиус. – А силы уже на исходе... Может быть, у нашей милой Мэйлинн получится ускорить процесс?..

***

Они дрались уже третий раз за неделю, поэтому Варан просто стоял рядом, даже не пытаясь разнять Бина и Кола. Собственно, дракой это назвать было сложно, поскольку более сильный, массивный и опытный Кол сейчас уже сидел верхом на воющем парне, тыча его лицом в каменную крошку пляжа.

Варан прекрасно понимал, *что* они никак не могли поделить, но ему это было безразлично. Мэйлинн почти не интересовала его как девушка, хотя была хорошо сложена и красива. Может быть, он просто лучше умел контролировать свои чувства. И благодарил за это Асса – ведь иначе он мог бы сейчас выглядеть столь же глупо, как и эти двое.

– Ну что, довольны с тебя? – часто дыша и не ослабляя хватки, прошипел Кол.

Бин в ответ мог лишь что-то неразборчиво кричать плачущим голосом. Камни под его лицом были измазаны кровью.

– То-то же, – напоследок ещё раз посильнее ткнув соперника лицом в гальку, Кол встал и отряхнул руки. – Мне надоело, что каждый мелкий хорёк учит меня жить.

– Урод! – горестно крикнул Бин и, схватив обломок камня побольше, метнул его в Кола, попав в бедро.

– Ах ты!.. – Кол не сдержался и пнул Бина в рёбра. Тот вновь завалился.

– Хватит вам уже, – лениво и равнодушно проговорил Варан. – Выпустили пар – и будет. Пойдёмте лучше искупаемся.

– И то верно, – Кол демонстративно повернулся к поверженному врагу спиной и, на ходу сбрасывая одежду, пошёл к кромке воды.

– Я убью тебя... – размазывая кровавые сопли, прошипел Бин.

– Подрасти сперва, – насмешливо пропел Кол, сбрасывая остатки одежды и, громко пыхтя, вбежал в довольно-таки холодные волны.

***

Кол угрюмо смотрел на бликующую на солнце зеленовато-серую воду. В последние дни отношения с Бином дошли чуть ли не до открытой войны. Несколько мордобоев, постоянные оскорбления и угрозы со стороны юнца. Нравоучения от Каладиуса, насмешки от

Варана, и – почти полное равнодушие от Мэйлинн. Точнее, она просто не замечала помятого лица Бина, того, что он сидит отдельно от всех... Кол понимал, что именно это мучает парня сильнее всего.

Любовь Бина к Мэйлинн приняла болезненные, мучительные формы. Он изводил сам себя то ревностью, то осознанием того, что Мэйлинн относится к нему лишь как к другу или брату, но не больше. Наверняка, это всё были проделки Башни – именно она подталкивала Бина к необдуманным словам и поступкам. Иногда у Кола складывалось ощущение, что он всё ещё спит, сражённый заклятием Шуанна, и всё это – очередной кошмар.

Он и сам любил Мэйлинн, и не боялся себе в этом признаться. Не боялся, в первую очередь, потому, что всегда чётко осознавал недостижимость своей мечты. И, судя по всему, вполне смирился с этим. Бин, к сожалению, так и не сумел. И теперь мучал и себя, и окружающих.

Они не дрались из-за Мэйлинн с той стычки на Колионской дороге. Это надо же – ведь уже почти год минул с того момента! Год, который должен был спаять их сильнее кровных уз. Однако, на деле оказалось всё не совсем так. В тот раз они поговорили, и конфликт, вроде бы, был исчерпан. Как оказалось – не до конца. Может, сейчас тоже нужно поговорить? Вот он, Бин, сидит футах в ста пятидесяти от него, тоже делает вид, что ловит рыбу. Но захочет ли он разговаривать?

Кол решил всё же попробовать. Встав, он, не спеша, словно прогуливаясь, направился к Бину. Тот сидел, уставившись на ходящий ходуном поплавок, и упорно делал вид, что не замечает подходящего Кола.

– У тебя клюёт, – дружелюбно начал Кол.

– Сам знаю! – Бин с такой злобой дёрнул удилище, что Кол был почти готов увидеть лишь одну оторванную рыбку голову на крючке. Почти так и вышло – крючок, вероятно, разорвал рыбине губу, так что оба рыбака увидели лишь мелькнувшее серебристое тело.

– Поговорим? – как ни в чём не бывало спросил Кол, подсаживаясь рядом.

– О чём? – буркнул Бин.

– О Мэйлинн.

Отлично – как обычно, это волшебное слово моментально привлекло к себе внимание Бина.

– А что с Мэйлинн? – как можно равнодушнее спросил Бин, вновь отворачиваясь к морю.

– Я знаю, что ты очень переживаешь за неё, – начал Кол, пытаясь подбирать слова. – Мы все за неё переживаем, но уверен, что всё будет в порядке. Осталась всего пара недель, а может и меньше, и всё это кончится.

– Вот именно... кончится... – словно от резкой боли, скривился Бин. – Наши пути разойдутся...

– Совсем не обязательно! – возразил Кол. – Отправимся вместе назад, в Латион. Вернёшься к семье, такой весь возмужавший, в сверкающих доспехах, – Бин уже давно не надевал свои доспехи, но Кол всё равно не упустил случая подпустить небольшую шпильку. – И, может быть, приведёшь с собой молодую невесту!

– Не говори ерунды! – Бин неосознанно повторил любимую фразу Мэйлинн. – Какая она мне невеста?

Однако, с удовлетворением отметил Кол, главного он всё-таки добился – сердце Бина против его воли немного оттаяло. Пусть он сам понимал абсурдность слов Кола, но до конца искоренить безумную надежду так и не смог.

– Ты когда-нибудь говорил ей, что чувствуешь? – прямо спросил Кол.

– Пытался как-то... Не стала слушать... – Бин вновь помрачнел.

– Я тоже как-то пытался... – признался Кол. – И тоже – мимо.

– Ещё бы, – не скрывая злорадства, усмехнулся Бин.

– И знаешь, что я скажу тебе, парень, – Кол проглотил эту ухмылку. – Я от неё отказался. Не перестал любить – нет. Но я прекрасно понимаю, что мои шансы равны нулю. Туда-сюда – скоро мне стукнет сорок. Сколько я ещё смогу удержать себя от рассыпания? Десять лет? Я не хочу, чтобы она видела, как я превращаюсь в слабоумную развалину. Нет уж! Знаешь, что я решил? – Кол доверительно наклонился поближе к Бину. – Как только мы покинем этот остров – я пойду своей дорогой. Отдельной от вас и, главное, от неё. Направлюсь на поиски того места, где встречу свою скорую старость.

Бин взглянул прямо в лицо Колу. Было видно, что его проняло. Он глядел, словно не понимая, как у Кола может хватить духу оставить Мэйлинн.

– Но почему? – только и спросил он.

– Я – одиночка, – пожал плечами Кол. – Не знаю, почему это я вдруг решил, что это не так. Хотя, может быть у нас и найдётся общая дорожка с Вараном или мессиром, но уж точно – не с Мэйлинн. А вот ты можешь попытаться счастья. Ты ещё молод, и у тебя впереди много счастливых дней.

– Нет... – выдохнул Бин, вспоминая свои шеарские кошмары. – Я знаю себя – мне не быть счастливым с ней. Даже если она меня полюбит – я сам испорчу своё счастье... Знаешь, что я чувствую? Я никогда не буду с Мэйлинн, но если и ты откажешься от неё – мне станет легче.

– Ну ты даёшь, брат!.. – усмехнулся Кол. – Так что же – поклянёмся на крови?

– Не нужно, – мотнул головой Бин. – Твоего слова мне достаточно.

– Значит – мир?

– Мир.

Они даже не стали жать друг другу руки. Просто сидели, глядя на море. Затем Кол встал, выбрал несколько плоских камешков, и стал пускать их по воде. Правда, из-за волн получалось очень плохо. Однако же, Бин вдруг тоже поднялся и присоединился к другу. Так они и стояли молча, бросая камни в воду.

Глава 75. Найти цвет

Начался увиллий. До обозначенного Биаллом Пивилийским срока оставались считанные дни. Если всё пойдёт по плану, то Башня явит себя в четвёртый день увиллия, ну или, может быть, в пятый. В любом случае, на фоне более чем месяца, прожитого в этом кошмаре, этот срок заставлял сердце петь от радости.

Что любопытно, в последние дни Башня действительно стала уменьшаться в размерах, так что можно было предположить, что когда она материализуется окончательно, то вполне поместится в том идеально круглом кратере, в центре которого сейчас бил источник, с лежащим на берегу странным, нечеловеческим черепом. Но главное было даже не это – с уменьшением размеров Башни словно снижалось то давление, что она оказывала на островитян.

Кол и Бин больше не ссорились. Вообще-то их отношения более или менее наладились ещё после того разговора на берегу, но сейчас они, похоже, вновь вернулись в прежнее русло. Друзья избегали глядеть друг другу в глаза, вероятно, стыдясь всего, что сделали и наговорили, но в присутствии остальных они, вроде как, немного осваивались и могли говорить между собой так, словно ничего и не было.

А возможно, причину тому стоило искать в переменах, произошедших с Мэйлинн. Лирра словно очнулась от своей дремоты. Теперь она иногда приходила в лагерь даже посреди дня, причём даже не для того, чтобы поесть осточертевшей всем рыбы, а просто – посидеть рядом с друзьями. Она по-прежнему мало говорила, но хотя бы смотрела теперь уже не сквозь людей. И особенно радовалась она присутствию именно Кола и Бина. Только рядом с ними она иногда могла коротко рассмеяться, вспоминая какие-то минувшие моменты. И смотрела она на них нежно-нежно, словно на любимых старших братьев. Правда, более внимательные Варан и Каладиус читали в этой нежности какую-то тоску и даже ностальгию, словно Мэйлинн неосознанно для самой себя прощалась в душе с чем-то важным.

Кол был прав – высушенная жирная морская рыба действительно могла гореть, хотя огонь был не слишком сильным, а уж запах и вовсе с непривычки сшибал с ног. Но непривычных здесь уже не было. Вид у наших путешественников, конечно, был тот ещё – и Бин, и Кол обзавелись достаточно окладистыми бородами. Варан и Каладиус мужественно продолжали бриться, хотя даже мастер Теней уже позволял себе по нескольку дней ходить со щетиной. Счастливчиком был Пашшан, поскольку у него, как и у большинства представителей его народа, борода и усы почти не росли.

Серьёзной неприятностью стала короткость северного лета. Сейчас, в начале увиллия, ночи были уже ощутимо холодными, да и днём больше не было слишком уж жарко. Друзья спали, крепко прижимаясь друг к другу, натягивая на себя все одеяла, попоны и другое тряпье, что выделил им Шэд. Теперь, когда Мэйлинн приходила ночевать регулярно, она неизменно ложилась между Колом и Бином, согреваясь от их тел. Наверное, это было нелегко – всю ночь проводить, обнимая любимую девушку и зная, что твоя любовь не взаимна. Но оба мужественно терпели эту пытку и ради Мэйлинн, и ради себя.

***

На сороковой день после призыва Башни у берега острова стояли корабли. Четыре довольно крупных судна подошли к Полумесяцу под покровом ночи, и сейчас находились не более, чем в миле от берега. Заметила их, конечно, Мэйлинн, которая, как только достаточно рассвело, отправилась на свой медитационный камень.

Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться – чьи это корабли. Орден Лианы наконец вырастил свою мессию. Вероятно, именно сейчас, по их мнению, Мэйлинн была готова к тому, чтобы начать освобождение соплеменников.

Башня тоже уже казалась совершенно обычной. Сейчас она твёрдо стояла на земле, да и на ощупь была совершенно твёрдой, как и положено быть камню. Но Мэйлинн чувствовала, что Башня ещё не готова её принять. Может быть, всего через несколько часов, но не сейчас. А сейчас нужно было решать другую проблему. Надо сказать – проблему вполне ожидаемую. Мэйлинн, конечно, и раньше осознавала, что Лиана не оставит её в покое. Можно сказать, что она была абсолютно уверена, что её преследователи появятся здесь, и почти уверена в том, что появятся сегодня. Так и случилось.

– Они здесь! – быстро вернувшись в лагерь, воскликнула она.

Несмотря на то, что большинство обитателей лагеря ещё спали, никому из них не пришлось объяснять – кто это «они». Во-первых, сам тон лирры не допускал разных толкований, а во-вторых, «Нежданную» ожидали только послезавтра.

– Я знал, что они придут, – прошипел сквозь зубы маг, и по лицам остальных было понятно, что они тоже ожидали чего-то подобного. – Много их?

– Четыре корабля. Пока ещё они далеко от берега. Я не знаю, сколько там лирр, – кратко ответила Мэйлинн.

– Надо думать, что притащили всех, кого могли... – проворчал Кол, спешно протирая глаза. – Теперь они не могут допустить промаха.

– Что будем делать? – спросил Варан.

– Драться – что же ещё! – немедленно ответил Бин. Он уже натягивал на себя доспехи, которые больше месяца пролежали в мешке. – Я не позволю им причинить вред Мэйлинн!

– Думаю, что Мэйлинн тут единственная, кому они не собираются причинить вред... – пробормотал Кол, плеща себе ледяную воду из ручья в лицо. – Уж она-то им нужна целой и невредимой.

– Я не отдам её им... –лицо Бина выражало странную смесь отчаяния и отваги. Он был решительно настроен сделать всё возможное, чтобы помешать Ордену, но прекрасно понимал, что его усилия, вероятно, окажутся напрасными.

– Никто и не собирался, – ответил Варан. – Однако, думаю, что у них там будет пара десятков ассасинов, а также несколько магинь, не говоря уже об обычных воинах. Нам не выстоять. Мессир, вы сможете что-то сделать?

– Что-то – смогу, – сквозь зубы процедил Каладиус. – Только этого будет явно недостаточно. Вы правы – у них там наверняка несколько боевых магинь. Пусть каждая из них гораздо слабее меня, пусть даже они все скопом окажутся слабее, но... У них есть громадное преимущество – практика. Меня же вы, образно говоря, вытащили из старой кладовки, где я пылился последние двести лет. Те фокусы, что я демонстрировал до этого, на сегодняшний момент – это предел моих возможностей. Для боевых магов не станет особенной проблемой применить контрзаклинания. Если там одна-две магини – я справлюсь. Но если их там пять или больше – я смогу лишь красиво умереть.

– Ну это-то мы все сможем, – поморщился Варан. – Однако, с этим лучше погодить.

– А Башня – она нам никак не поможет? – с робкой надеждой спросил Бин.

– Маловероятно, – покачал головой маг. – Она здесь не для этого. Единственная, кому она могла бы помочь – это Мэйлинн, да и то для этого обряд должен быть завершён, а это, как я понимаю, пока не так. Башня очень могущественна, но она – иномирна. Сомневаюсь, что ей есть дело до того, что тут скоро произойдёт.

– Значит, будем биться по старинке, – Варан вернулся из пещеры со мечом в одной руке и кинжалом – в другой. – У нас доброе оружие и отличные доспехи – спасибо их величествам

Малилле и Броко. Лично я не собираюсь умирать, прежде чем не уничтожу хотя бы полторы дюжины засранцев.

– Боюсь, что рассчитывать нам больше не на что, – согласился Каладиус. – Наш корабль придёт лишь послезавтра, да и проку от моряков было бы немного. За нас будет играть местность – даже ловкие лирры вряд ли обойдут нас через эти скалы. Им останется двигаться так же, как и нам – по руслу ручья. В этом наше преимущество – несколько умелых бойцов вполне смогут удерживать русло от значительных сил.

– Я нашёл несколько укромных мест, где можно было бы укрыться, а затем совершать вылазки, – заметил Варан. – Можно бить с тыла.

– И если бы нас было бы хотя бы пара дюжин – это было бы отличной идеей, – парировал Каладиус. – Но нас лишь шестеро. Мы не можем позволить распылить силы.

– Однако, я мог бы выждать в засаде, а затем неожиданно ударить по тем же магиям, – продолжал упорствовать Варан. – Глядишь, успею положить парочку – всё вам полегче будет!

– Нам нужно постараться победить, и при этом не погибнуть! – произнёс Каладиус, хотя и сам понимал, насколько абсурдно это звучит. – Я – против!

– Но, мессир! – неожиданно вступился за друга Кол. – Посудите сами – чтобы охранять русло, много людей не нужно, иначе мы рискуем попасть на мечи друг к другу. Если мы с Пашшаном возьмём на себя русло – там как раз есть отличный поворот, защищённый от стрел, где мы сможем поджидать гостей чуть ли не по одиночке. Вы, очевидно, расположитесь на возвышенности, чтобы применять свою магию – на камне Мэйлинн, например. Мэйлинн укроется в лагере, а Бин будет её защищать. Тогда Варан вполне может провернуть свой план!

– Почему это я останусь в лагере? – возмутилась Мэйлинн. – Я вполне способна за себя постоять!

– Я тоже! – лицо Бина было пунцовым. – Надоело прятаться за вашими спинами!

– Не кипятитесь так! – усмехнувшись, примирительно замахал руками Кол. – И на вашу долю врагов хватит. Ведь вы же не думаете, что мы с Пашшаном будем такими жадными, что расправимся со всеми?

Грусть слышалась за этими преувеличенно легкомысленными словами. Действительно, все присутствующие прекрасно понимали, что Кол и Пашшан смогут лишь на время задержать наступление и, насколько возможно, проредить ряды врага. Но рано или поздно Мэйлинн и Бин всё равно вступят в битву. Когда в прямом и переносном смысле падёт первый рубеж обороны.

Именно сейчас впервые с неотвратимостью стала очевидна неизбежность гибели пятерых из шести, что вместе искали Башню. Сердце Бина болезненно сжалось – он всё это время изводил себя мыслями о том, что будет *потом*, а вот теперь вдруг оказалось, что никакого «потом» уже не будет.

– Тебе, дружище, доверяю самое главное – её, – глядя в упор на Бина, проговорил Кол. – Сделай всё, что сможешь, а затем, если получится, ещё капельку.

– Всё сделаю, – сухо проговорил Бин. Отвага и ярость, наполнившие вдруг его сердце, изгнали тоску и страх.

– Везёт тебе, парень, – тихо сказал Кол, обнимая Бина. – Ты будешь с ней до конца.

– Только давайте не будем хоронить себя прежде срока! – преувеличенно бодрым тоном воскликнул Каладиус. – Господин Варан, если вас не затруднит, пробежитесь к камню Мэйлинн и оцените обстановку.

Мастер Теней, кивнув, бросился исполнять приказ. Мэйлинн тем временем подошла вдруг к Колу и крепко его обняла, словно маленькая девочка, которая ищет защиты у отца. Всё-таки она до последнего дня искала опоры именно у Кола, подумалось Бину, но теперь

эта мысль не вызвала привычной горечи. Пройдёт всего несколько часов, и смерть уравнивает их шансы.

– Мы справимся, девочка, – ласково прошептал в тёмные волосы Кол. – Не для того сюда топали, чтобы помереть. Может, Башня твоя ещё поспеет...

Но Мэйлинн молчала, лишь плечи её вздрагивали от рыданий.

– Корабли уже встали на якорь футах в пятистах от берега, – доложил вернувшийся Варан. – Спускают шлюпки. Народу, судя по всему, в гости собирается не меньше сотни.

– Приятно, что они так уважительно к нам относятся, – криво усмехнулся Кол. – Скоро будут здесь?

– Если будут расторопными – максимум, через полчаса, – ответил Варан. – Так что я, пожалуй, уже побегу на позицию. Всем удачи, и – до встречи!

Сверкнув зубами, Варан махнул рукой и уже собирался исчезнуть, как его остановил крик Мэйлинн:

– Стой!

– В чём дело? – несколько непонимающе обернулся Варан.

– Ты не попрощался, – лирра бросилась в объятия мастера Теней. – Будь осторожнее! Не рискуй понапрасну!

– Понапрасну – не буду! – усмехнувшись, заверил Варан.

Уйти не прощаясь – не вышло, хотя, судя по всему, охотник за головами на это очень рассчитывал. Так что после объятий Мэйлинн он тут же попал в медвежьи объятия Кола, а вслед за ними – Бина. Бин, казалось, начисто забыл всю свою былую неприязнь и недоверие к мастеру Теней. Он прощался горячо и искренне, словно с братом. Каладиус и Пашшан лишь крепко пожали Варану руку. Ещё раз улыбнувшись напоследок, мастер Теней исчез за выступом скалы. И лишь после этого лицо его на короткое мгновение исказила гримаса боли и щемящей тоски. Но теперь уже было поздно оплакивать что-либо. Варан отлично понимал, что он в последний раз видел своих друзей. Более того, он понимал, что ему суждено умереть в одиночестве, не имея напоследок даже утешения увидеть ставшие такими родными лица.

– Вот оно – моё искупление... – прошептал он, крепче перехватывая меч. – И пусть сожалеют те, на кого оно падёт.

Тем временем тихое отчаяние овладело лагерем. Бледный, как смерть, Бин в очередной раз вынимал клинок из ножен, словно проверяя – не заржавел ли он за последние несколько секунд. Кол, казавшийся внешне очень спокойным, сидел, держа обнажённый полумангиловый меч на коленях. Мэйлинн в очередной раз проверяла спусковой механизм арбалета. Дюжина болтов была воткнута в землю у её ног, хотя лирра прекрасно понимала, что вряд ли успеет перезарядить оружие хотя бы раз. Каладиус был крайне сосредоточен – даже губы несколько шевелились. Возможно, готовил какие-то заклинания. Один Пашшан, как ни в чём не бывало, сидел у потухшего костра и кинжалом остругивал веточку. Его боевой шест стоял рядом.

– Я отправлюсь на камень Мэйлинн, – объявил Каладиус. – Возможно, получится подготовить пару сюрпризов. Хвала богам – здесь такое количество *возмущения*, что и ребёнок сможет выкинуть что-нибудь этакое... – мессир умышленно «забыл» о том, что из этого источника будет черпать не только он.

– Удачи вам, мессир! – Кол, поднявшись, протянул магу руку. – Для меня было огромной честью пройти этот путь с вами!

– Это было честью для меня, Сан, – мягко улынулся маг. – Благодарю вас за то, что вспомнили обо мне. Это было славное приключение!

– Оно ещё не закончилось, мессир, – вернул улыбку Кол.

– Прощайте, мессир, – Бин тоже пожал руку Каладиусу, возможно, чуть ли не впервые за всё это время.

– Прощайте, славный юноша! Из вас вышел настоящий паладин! И я буду спокоен, зная, что между мною и моими врагами стоите вы.

– Я сделаю всё, что смогу, – сурово проговорил Бин. – И постараюсь сделать ещё чуть больше.

– Прощай, друг Пашшан! – баинин, конечно же, не мог первым подойти к хозяину. – Я рад, что ты был со мною до конца! А твоя стряпня – это вообще было нечто! Чёрный Асс, должно быть, потирает руки от радости, что сегодня получит такого знатного повара!

Пашшан сказал всего несколько слов на баининском, но это показывало, насколько он тронут моментом, ведь обычно он обходился лишь жестами. В ответ на реплику Баинина Каладиус усмехнулся, а затем прижал верного слугу к груди.

– Ну а вы, госпожа... – начал маг, обращаясь к лирре.

– Мессир, спасибо вам за всё и простите! – слёзы, которые Мэйлинн более или менее успешно сдерживала после ухода Варана, брызнули вновь, а сама она бросилась на шею к магу.

– Да за что же прощать тебя, доченька? – враз размякшим голосом спросил маг. – Всю свою никчёмную жизнь я прожил лишь только ради одного этого дня! Спасибо тебе за это!

Поцеловав Мэйлинн в лоб, Каладиус решительно отстранился от неё и зашагал по ручью на свой боевой пост.

– Ну что, пойдём, что ли? – словно нехотя спросил Кол у Пашшана.

– Побудьте ещё немного, – взмолилась Мэйлинн. – Мессир подаст знак, когда они будут на берегу.

– Ну хорошо, – несколько устало улыбнулся Кол, вновь усаживаясь на своё место.

Вслед за этим наступило неловкое молчание. Никто не знал – что сказать. Хотелось сказать, наверное, слишком много, гораздо больше, чем это было возможно. Поэтому все четверо просто сидели и смотрели друг на друга, словно пытаясь запомнить напоследок. Во всяком случае, это касалось Кола, Бина и Мэйлинн. Пашшан смотрел куда-то в пространство, а может быть – в вечность.

Так и прошли последние минуты затишья – в молчании, робких улыбках и пронзительной грусти в глазах. И вот наконец раздался окрик Каладиуса – враг высадился на побережье. Определить нужное место высадки было несложно – за более чем месячное пребывание островитяне оставили достаточно следов своей деятельности на берегу, так что шлюпки правили прямо туда, где в море бежал ручеек. Он и сейчас не исчез, хотя Башня казалась уже совершенно материальной. Однако вода продолжала упрямо бежать прямо сквозь кажущиеся такими настоящими камни кладки.

– Ну что ж, – театрально покряхтывая, поднялся Кол. – Вот теперь нам точно пора. Ну что, до встречи?

Глаза Мэйлинн (в какой уже раз?) наполнились слезами. Она подошла и порывисто обняла бывшего паладина. Обняла – и замерла, будто боясь отпустить.

– Прорвёмся, подруга! – срывающимся голосом заверил Кол. – Ты, главное, береги себя!

Мэйлинн вдруг, словно неожиданно даже для самой себя, крепко поцеловала Кола прямо в губы. Это не был поцелуй любви, и это было очевидно, но сердце Кола, тем не менее, встрепыхнулось так, словно собиралось выскочить из груди.

– Не будем прощаться, Кол! – сквозь слёзы улыбнулась Мэйлинн.

– Не будем, Мэй, – возможно, впервые за всё время Кол назвал её этим детским сокращённым именем. – Всё будет хорошо.

С видимым усилием оторвавшись от лирры, Кол шагнул к Бину:

– Удачи, дружище! Задай им перцу!

– Обязательно, – голос Бина сорвался, по щеке поползла слеза. – Как же удачно я всё-таки выбрал тогда канаву!

– Это точно! – усмехнулся Кол, и они стиснули друг друга в настоящих братских объятиях.

Пашшан лишь молча поклонился лирре и Бину и, улыбнувшись, последовал за Колом.

– Может, пойдём к мессире? – предложила Бину Мэйлинн. – А то сидим тут, как мыши в мешке...

Бин молча кивнул, и они направились к Каладиусу. Взобравшись на скалу, которую мужчины между собой называли камнем Мэйлинн, лирра поглядела на берег.

***

Орден Лианы был представлен всем своим цветом – высшие магистры, магини – все, кто из века в век нёс мечты о лиррийском мессии. Стой Мэйлинн ближе, она наверняка узнала бы среди прибывших и лорда-ректора Наэлирро, и нескольких своих преподавателей. Сразу семь магинь были в составе экспедиции. Три из них не могли передвигаться самостоятельно, у одной не было рук, а ещё одна была полностью покрыта какой-то гноящейся коростой. Остальные внешне казались совершенно нормальными – то ли были недостаточно сильны, то ли их изменения просто не были видны стороннему наблюдателю.

Все оставшиеся в распоряжении Ордена ассасины были сейчас здесь – двадцать девять испытанных, закалённых в боях воинов. Плюс – Магистрат настоял, чтобы состав отряда был усилен полусотней солдат-пехотинцев, каждый из которых в бою мог стоять двух, а то и трёх обычных человеческих бойцов. Наступало то самое событие, ради которого и существовал Орден Лианы, так что магистры зашли сразу со всех козырей. Было крайне необходимо взять мессию живой, а зная, кто сопровождает её, лучше было подстраховаться.

Пелиан, Верховный магистр Ордена Лианы, стоял на берегу Полумесяца, и ветер раздувал его пурпурный плащ. Волны лизали его сапоги – магистр не потрудился отойти подальше от моря. Его внимание было сейчас сосредоточено, в первую очередь, на величественной Башне, внезапно выросшей посреди дикого острова, а во вторую – на трёх фигурках, стоящих на вершине одной из скал. Усиленное заёмной магией зрение легко выделяло среди них её – будущую мессию. Рядом, очевидно, стоял великий маг Каладиус. Кто был третьим – совершенно неважно. Скорее всего, этот щенок Танисти – кому же ещё быть?

Миниатюрное, но от этого не менее грозное войско Пелиана уже готовилось к бою. Те магини, что не могли самостоятельно передвигаться, должны были остаться на побережье и обеспечить магическую поддержку тем, кто отправится в пекло. Даже не будучи магом, Пелиан каждой порой кожи ощущал сейчас бушующие вокруг потоки магии. Это позволяло рассчитывать на усиление возможностей магинь. А уж боевого опыта всем им было не занимать.

Пехотинцы выстроились в привычное им каре, но сейчас двое офицеров усиленно спорили о чём-то. Вероятно, пытались решить задачу о том, как в подобном боевом порядке пройти по руслу ручья. Ассасины, словно боевые псы, рассыпались по берегу и сейчас ожидали начала в расслабленных позах. Но Верховный магистр точно знал, что это – обманная расслабленность. Остальные магистры Ордена стояли неподалёку от него, уйдя от полосы прибоя, и ждали его действий.

– Создайте мне усиленный канал, – не оборачиваясь к магиням, бросил Пелиан.

Секунду спустя воздух внезапно кольнул губы, словно их коснулась сосновая ветка. Заклинание действовало.

– Я хочу говорить с Мэйлинн из рода Айрига, – тихо и размеренно проговорил магистр, но голос его разнёсся над скалами.

– Я говорю с тобой, – через некоторое время пришёл ответ. – Кто ты?

– Меня зовут Пелиан, я – Верховный магистр Ордена Лианы, – с достоинством представился предводитель. – У меня к тебе предложение, Мэйлинн.

– Слушаю, Пелиан, – Мэйлинн, вероятно, специально опустила обязательное в таких случаях обращение «магистр».

– Ты уже знаешь, что ты – особенная, – начал Пелиан. – Ты знаешь, что о тебе было написано множество веков назад в лирийских пророчествах. Ты – мессия нашего народа. Ты можешь освободить нас от ига людей. Тебе нужно лишь пойти с нами. Соглашайся – и твои спутники останутся живы и невредимы. Мы доставим их на Паэтту.

– Я не знаю, о каком иге людей говоришь ты, Пелиан. Я пришла сюда в сопровождении пяти мужчин. Все они – люди. И от них я видела лишь добро, тогда как твои посланцы то и дело пытались нас уничтожить.

– Не *вас*, – терпеливо объяснил магистр. – Тебя бы они не тронули.

– Пусть так, – согласилась Мэйлинн. – Но я не хочу стать вдохновителем новой войны между лиррами и людьми. Эта война не принесёт ничего хорошего ни нам, ни им.

– Эта война вновь сделает нас хозяевами этого мира, как это было до прихода сюда людей.

– Я и так считаю себя хозяйкой этого мира – я могу идти, куда мне вздумается, делать, что посчитаю нужным, – Мэйлинн сейчас словно забыла о тех неприятностях, что стряслись с ней в восточном Латионе и Лоннэе. – Ну а даже если это и не так – я не хочу быть владычицей искалеченного, едва живого мира.

– Грядут тяжёлые испытания, – вдруг вклинился в разговор спокойный, мудрый голос Каладиуса. – Тондрон поднимает голову. Пройдёт совсем немного времени, и, возможно, уже при жизни ваших детей, Чёрная империя вторгнется в наши земли. И что же вы будете делать с ними без людей?

– Не твоего ума это дело, старик! – резко ответил Пелиан. – Не встревай в разговор, который тебя не касается. Твой век – в прошлом, так же, как и век людей. Будущее – за нами.

– Если это будущее ты связываешь со мной, то, боюсь, тебе придётся разочароваться, – в голосе Мэйлинн слышался металл. – Я достигла своей цели. Теперь я принадлежу не вам, а Башне, и лишь она ведаёт, какая судьба меня ждёт.

– То, что ты отыскала Башню, лишь подчёркивает твою избранность, Мэйлинн. От неё ты получишь невиданную силу, так что весь мир преклонится пред тобой.

– Я искала Башню совсем не за этим, – возразила Мэйлинн. – Что бы ты не говорил – моё слово твёрдо. Я никуда не пойду с вами.

– Но разве у тебя есть выбор? – казалось, магистр был даже несколько озадачен. – Ведь ты либо пойдёшь с нами добровольно, и тогда дорогие тебе люди останутся жить, либо отправишься с нами в кандалах, а твои спутники останутся гнить на этом острове.

– У нас, у людей есть поговорка, – неожиданно послышался многократно усиленный голос Бина. – Не дели шкуру неубитого медведя. А то у меня есть сомнения – такой ли ты хороший воин, как болтун.

На какое-то мгновение лирры, стоящие на побережье, замерли. Желваки вздулись на скулах Верховного магистра. А где-то за одной из скал у русла ручья, неслышимый ни врагами, ни Бином, Кол восхищённо воскликнул: «Ай, молодец!».

– Ты всё слышал, Пелиан, – раздался насмешливый голос Мэйлинн. – Мне больше нечего тебе сказать. Я не пойду с тобой. Заставь меня, если сможешь!

Немного помолчав, Верховный магистр махнул рукой магине, что поддерживала заклинание. Усиленный канал исчез. Все, не сводя глаз, глядели на Пелиана.

– Начинаем, – коротко приказал он. В голосе слышалась нескрываемая досада.

***

– Молодец, девочка, – прошептал Кол, услышав последние слова Мэйлинн. – Я в тебе и не сомневался. Ну что, друг Пашшан, кажется, сейчас начнётся!

Баинин лишь молча поглядел на него в ответ и поудобнее перехватил свой боевой шест. Несколько минут прошли в томительном ожидании. И вдруг в стороне берега что-то грохнуло, и раздались крики ужаса и боли.

– Как пить дать – мессир сработал! – удовлетворённо воскликнул Кол. – Судя по всему, им это не очень-то понравилось!

Крики быстро стихли и вновь наступила тишина. Затем – новый грохот, но на этот раз уже ближе. Загудели скалы, отражая звук. Похоже, Каладиус бил уже не по побережью, а пытался попасть в русло ручья. Значит, воины пришли в движение.

– Слышишь? – через некоторое время шепнул Кол, и Пашшан кивнул в ответ.

Лирры, конечно, были более ловкими, чем люди, но полсотни пехотинцев не могли бесшумно двигаться по узкому и неудобному руслу ручья. Так что два воина, находящихся в засаде, слышали приближающийся топот, шарканье и плеск воды. Внезапно что-то страшно зашипело в стороне берега, словно тысячи разъярённых змей. Вновь редкие крики оттуда, но сейчас Кол уже не обращал на них внимания. Он полностью сосредоточился на подступающих противниках. Судя по звукам, до них оставалось всего несколько десятков шагов.

Место, в котором засели Пашшан и Кол, действительно было крайне удачным. Ручей делал здесь резкий поворот, огибая очень уж неподатливую скалу. За этим поворотом друзья и поджидали врага. Кол укрылся за скалистым выступом, готовый разить любого, кто приблизится. Пашшан, которому нужно было чуть больше пространства для манёвра, стоял как раз за поворотом, готовясь встретить тех, кто прорвётся через Кола. В теории всё выходило совсем несложно – вряд ли лирры, какими бы ловкими они ни были, смогут пройти в этом месте даже по трое. При должном везении вполне можно уложить пару десятков, прежде чем кого-то из них двоих ранят. Ну а дальше... Дальше отдуваться придётся Бину, Каладиусу и самой Мэйлинн.

Вновь какие-то звуки раздались со стороны берега, но Кол отмечал их лишь самым краешком сознания. Всё его внимание было приковано к приближающимся шагам. Всего несколько секунд – и начнётся.

Двое лирр осторожно прошли мимо него, держа в руках короткие клинки. Кол, вжавшись в тёмный карман скалы, пропустил их мимо себя. Пусть будет и Пашшану с кем поиграть. Лишь когда третий проходил мимо, Кол, страшно гаркнув, наотмашь рубанул его по спине. Меч из сплава не знал преград, легко рассекая и лёгкий доспех, и плоть, и кости. Тут же в дело вступил и Пашшан, орудуя своим смертоносным оружием.

Зарубив ещё нескольких наступавших, Кол был вынужден отступить – не такая уж удобная оказалась позиция, да к тому же под ногами теперь лежало несколько порубленных тел. Легионер молнией перескочил ручей, уходя к Пашшану. Баинин тоже поработал славно – четыре мёртвых тела обагрили кровью воду ручья.

– А не так уж все и страшно, да? – усмехнулся Кол, мимоходом утирая пот. – Почти десяток положили, и ни одной царапины!

Пашшан хищно усмехнулся, напряжённый, словно пружина.

Лиррийские пехотинцы отступили, потеряв девять бойцов. Очевидно, что засевший противник был им не по зубам – и вооружён, и защищён куда лучше. Первый раунд остался за защитниками. Однако было очевидно, что так долго продолжаться не сможет.

Лирры продолжили тем, с чего нужно было, вероятно, начинать – в ход были пущены ассасины. Они возникли внезапно – сразу трое, и тут же набросились на двух бойцов. Вот здесь Колу и Пашшану пришлось туго. Кол не преминул мысленно отблагодарить гномов за отличную кольчугу, которую те подарили – она уже успела принять на себя пару весьма чувствительных ударов.

К сожалению, вслед за первой троицей ассасинов выскочили ещё двое, а за ними – ещё. Лирры явно не планировали биться по законам рыцарской чести. Защитникам удалось уложить троих, но остальные напирали. Шаг за шагом друзья отступали, пытаясь отразить град сыпавшихся на них ударов. Кольчуги пока спасали от серьёзных ран, но как долго это могло продолжаться – неизвестно.

Ситуация становилась критической. Ни о каком нападении речи идти уже не могло – сил и внимания хватало лишь на то, чтобы постараться не пропустить максимальное количество ударов. Однако и тот минимум, что достигал цели, мог оказаться решающим. Шаг за шагом защитники отступали к лагерю. Вот особо удачный выпад Пашшана вывел из строя ещё одного ассасина, но это было скорее исключением.

Проклятые ассасины всё-таки нашли, чем ещё можно удивить. Четверо или пятеро не пошли по проторённой дорожке, а взобрались на скалы и незамеченными сумели обойти Кола и баинина. И вот теперь они, словно стервятники, соскочили, перекрыв путь идущему чуть позади Колу. Пашшан обрушился на них с удвоенной яростью, высвободить друга из кольца уже не мог.

– Отступай, друг, – Кол уже изрядно вымотался, махая мечом, поэтому понимал, что его минуты сочтены. – От тебя будет больше пользы там...

Однако Пашшан, сурово насупив брови, продолжал изящно и без видимой усталости наносить удары по ассасинам, отвлекая их от Кола. Увы, это уже не могло помочь...

Первый, достаточно лёгкий удар пришёлся Колу по затылку. Уследить за всеми окружающими его лиррами он, конечно, не мог. Кол не почувствовал боли, да и сам удар ощутил едва-едва. Тем сильнее было его удивление, что мир вдруг поплыл перед глазами. Пытаясь опереться о скалу, Кол неловко переступил ногами и на мгновение открылся, опустив клинок.

Однако этого мгновения оказалось достаточно. Сильный, веерный удар лирийского меча оставил глубокую кровавую полосу через всё лицо легионера. Инерция удара крутанула Кола, и он налетел сразу на два вражеских клинка. Один бессильно скользнул по добротной кольчуге, зато второй вспорол яремную вену. Кровь густой, тягучей массой выплеснулась на искромсанный плащ бывшего паладина, и Кол ничком рухнул прямо в ручей. До лагеря оставалось меньше сотни футов.

Пашшан, видя, что другу уже ничем не помочь, вновь стал медленно и методично отступать по руслу ручья, даже не заметив, что сам ручей почти иссяк...

***

Сказав последнюю фразу, Мэйлинн поняла, что разговор окончен. Дальше будут говорить лишь мечи и магия.

– Сейчас начнут, – подтвердил её мысли Каладиус.

Действительно, на побережье началось движение – пехота пыталась решить дилемму между боевыми порядками и особенностями местности. Магини растянулись рядком, вероятно, что-то готовя. За себя Каладиус не боялся – пока рядом стоит Мэйлинн, по нему не станут бить магией.

– Попробую что-нибудь сделать, – с некоторой тенью сомнения проговорил маг. – Хотя сомневаюсь, что мне позволят...

Он замолчал, сосредоточиваясь. И вдруг берег под ногами пехотинцев буквально взорвался мириадами мелких камней. Это выглядело весьма впечатляюще, но, как стало ясно весьма скоро – не весьма действенно. Опытные магини, не успев заблокировать само заклинание, достаточно успешно блокировали его действие. Вероятно, были выставлены какие-то магические щиты, потому что оказалось, что для большинства пехотинцев удар Каладиуса

окончился лишь испугом. Судя по всему, были, конечно, и жертвы, но их было совсем не так много, как хотелось бы.

— Ну вот, боюсь, и всё... — мрачно пробормотал маг. — Свой фактор неожиданности я использовал. Вряд ли они дадут мне что-то ещё сделать.

— Но это же не означает, что не нужно пытаться! — заметила Мэйлинн.

— Ну разумеется!

Маг снова замер на несколько секунд, и на скалы в районе русла ручья обрушился новый удар. Увы, как и предсказывал Каладиус, он был малоэффективен. Магини, которым не было нужды отвлекаться на атаки, целиком сосредоточились на защите, и, надо сказать, весьма в этом преуспели. Удар Каладиуса, который должен был бы раскрошить скалы и обрушить их на головы наступающих, разве что сбил пыль. Худшее, что могло ждать после него наступающую пехоту — чих.

— Хорошо же... — прошипел сквозь зубы Каладиус. — Попробуем иначе...

На сей раз ему потребовалось больше времени на сосредоточение. Более того, на лице его выступил пот — было видно, что маг вложил в заклинание множество сил, и это давалось ему нелегко, несмотря даже на бушующие вокруг Башни потоки *возмущения*. Однако результат был более чем впечатляющим. Прибрежная полоса моря словно вскипела за считанные мгновения. Точнее, она именно вскипела, выбросив в воздух громадное облако пара. Каладиусу удалось довольно точно локализовать место выброса, так что обжигающий пар ударил в спину стоящим на берегу магистрам и магиням. Увы, но все магини успели закрыться. Однако закрыть всех остальных они не смогли. Несколько фигурок, корчась от мук, рухнули на прибрежные камни, на которых уже кристаллизовалась морская соль. Каладиус сожалел, что с такого расстояния не может слышать их воплей.

— Ну хоть что-то, — удовлетворённо проговорил он, хотя, если честно, радоваться было особо нечему.

— Пехота уже близко... — тревожно проговорила Мэйлинн. — Вот-вот доберутся до Кола...

— Я знаю, — больше Каладиусу сказать было нечего.

— Так сделайте же что-нибудь! — с тихим отчаянием воскликнула лирра.

— Если бы я мог... — не теряя хладнокровия, возразил маг. — Даже если допустить, что магини прощляпят мой удар, на что я, если честно, не надеюсь, то очень велик шанс зацепить наших. Стихийная магия очень неточная, вы же знаете, дорогая. Там мы уже ничем помочь не можем. Буду пробовать бить по берегу.

Несмотря на видимую усталость, Каладиус действительно продолжил магическую бомбардировку побережья, впрочем, без всякого видимого успеха.

До сих пор не давал о себе знать Варан, и мага это радовало. Всё-таки хорошо, что на этом месте оказался именно хладнокровный мастер Теней. Любой другой, даже бывалый Кол, наверняка провалил бы всё дело. Всё, что он смог бы — красиво умереть в бесплотной попытке сделать хоть что-нибудь. Мало у кого хватило бы терпения, хладнокровия и понижения боя. У Варана всего этого было в избытке. Он выжидал свой единственный шанс из многих тысяч тех, что были против него. Если честно, то Каладиус вообще сомневался, что такой шанс у Варана будет, однако кроме надежды у них, собственно, уже ничего и не оставалось. В то, что Варан мог сбежать или переметнуться на сторону врага, Каладиус не верил ни на секунду.

Внезапно что-то неуловимо изменилось вокруг. Казалось бы — всё оставалось таким же, как прежде, но маг остро чувствовал вызывающе мощное искажение бытия. Он тут же понял, что произошло.

— Башня! — это слово Каладиус и Мэйлинн произнесли одновременно и с почти одинаковыми интонациями.

Действительно – настал тот самый миг. Башня материализовалась в этом мире полностью. С того места, где стояла троица, ручей не был виден, сокрытый громадой Башни, но Каладиус был уверен в том, что он больше не течёт. Незыблемость камня преградила путь воде.

– Идите туда, дорогая! – воскликнул маг. С камня Мэйлинн не было видно входа в Башню, но Каладиус не сомневался, что лирра без проблем его отыщет. Возможно, он был виден лишь ей.

– А как же вы? – в отчаянии воскликнула Мэйлинн.

– Мы выполнили свою миссию! – без всякого пафоса ответил маг. – Главное свершилось. Идите в Башню – она не выдаст вас им!

– Я не могу... – лирру словно раздирало на части, одна из которых рвалась свершить то, ради чего она прибыла сюда, а другая не решалась бросить обречённых друзей.

– Если вы не пойдёте сейчас, наша смерть может оказаться напрасной, – сурово проговорил Каладиус.

Вообще сознание Мэйлинн сейчас, даже против её воли, всё больше заполнялось Башней. Она словно слышала сейчас успокаивающий, наполненный мощью голос. Слов она пока не понимала, но сами интонации внушали уверенность, что Башня признала её достойной, что она готова принять её, подчиниться её воле.

Что-то иномирное проявилось в её лице, глаза словно бы засветились каким-то мягким светом. Мэйлинн, мягко ступая, направилась вниз, к подножью *своей* Башни, которая хоть и не была Белой, как ей представлялось, но, тем не менее, была прекрасна.

Какой-то резкий, неприятный звук, возникший где-то на самой границе её восприятия, внезапно вывел Мэйлинн из транса. Оказалось, это кричал Бин, указывая куда-то рукой. Лирра подняла голову и увидела тонкие ловкие фигуры, достаточно свободно перепрыгивающие по верхушкам скал. Ассасины...

Несмотря на близость Башни, та, прошлая Мэйлинн, на какое-то время словно вернулась. Острая тревога за Кола пронзила сердце, и Мэйлинн бросилась к пересыхающему руслу ручья, чтобы попытаться хоть чем-то помочь. Арбалет и меч были отброшены ещё там, на скале, но лирру это совершенно не волновало. Кроме того, уголком зрения она заметила, что Бин и Каладиус мчатся ей на подмогу. Башня словно вздохнула – печально, но понимающе. Этот немой укор болью прошёлся по телу Мэйлинн, но она не остановилась.

И вскоре увидела медленно отступающего Пашшана, с нечеловеческой скоростью вращавшего своим шестом и отбивающегося отседавших ассасинов. Кола рядом не было. И Мэйлинн сразу поняла – почему.

Словно что-то взорвалось в сознании лирры. Она поняла, что не в состоянии вынести мысль о том, что её друг уже мёртв, а вскоре будут мертвы и другие. И с невероятной ясностью она поняла, что в её силах всё изменить. Она стояла спиной к Башне, но чувствовала её каждой клеточкой своей кожи. Более того, она чувствовала всю ту колоссальную, неземную мощь, которая содержалась в Башне, и которую она готова была дать лирре. Если бы Мэйлинн была магиней, то сейчас в её власти было бы практически всё. Все самые невероятные мифы о Дайтелле на фоне этого представлялись бы глупыми историями о ярморочных фокусах. Если бы она была магиней...

– Мессир! – воскликнула она, пытаясь остановить мага, который уже промчался мимо неё, чтобы помочь своему слуге. – Снимите печать!

Каладиус остановился, как вкопанный. Он сразу понял, о чём она говорит. Медленно, словно нехотя, повернулся к ней.

– Я не могу... – проговорил он. – Я не знаю, что будет, если печать падёт... Ваше тело давно должно было погибнуть...

– Я знаю, что делаю! – резко оборвала его Мэйлинн. – И я требую, чтобы вы сняли печать!

– Не могу! – лицо мага словно окаменело.

– Делайте, что я говорю! – гнев исказил лицо лирры. – Делайте, или я прокляну вас!

– Но...

– Сделай это, глупый старик! – одним рывком Мэйлинн оказалась рядом с Каладиусом и схватила его за ворот. Её глаза сейчас горели почти не метафорическим огнём. – Ты должен! Я всё исправлю!

Мгновение, которое показалось обоим вечностью, Каладиус смотрел прямо в глаза Мэйлинн. Вероятно, он прочёл в них нечто, что наполнило его сердце одновременно глубокой печалью, но и решимостью. Ничего не говоря, он прикрыл глаза, словно вслушиваясь во что-то, происходящее внутри лирры.

Судорога прокатилась по телу Мэйлинн. Каждая мышца, каждый орган, каждый нерв словно обожгло огнём. Хриплый крик, больше похожий на вой раненого зверя, вырвался из её груди. Но одновременно с этим пришло ощущение беспредельной мощи. В это мгновение Мэйлинн была самым могущественным магом из когда-либо живших или живущих. Наверное, она была почти богиней.

Оттолкнув обмякшего Каладиуса, Мэйлинн шагнула вперёд. Ей не требовались ни слова, ни жесты, ни даже мысли. Магия стала самой её сутью. Скалы, окружавшие наступавших, вдруг словно взорвались изнутри. Каменные осколки безжалостно секли лирр, превращая их в бесформенные куски мяса, при том, что ни один осколок не задел ни Пашшана, ни подбежавшего к нему на подмогу Бина. Смертный стон пронёсся над скалами – они словно вторили стонам десятков умирающих.

Второй удар Мэйлинн был не менее сокрушающим, и так же никак не проявился в её действиях. Она всё так же неподвижно стояла, глядя в пустоту, а в этот момент прибрежные скалы вдруг стали резко удлиняться, превращаясь в какие-то подобия каменных змей или копий. Эти копия, быстро увеличиваясь в размерах, тянулись к оставшимся на берегу лиррам. Опытные магини среагировали молниеносно, но на этот раз силы были слишком неравны. Лишь лёгкое дрожание воздуха вокруг каменных змей обозначило лопающиеся, рвущиеся магические щиты. А через несколько мгновений камни с жадным чавканьем вонзились в воющих лирр. Они были словно живыми, настигая даже тех, кто пытался бежать. Несколько магистров бросились в воду, надеясь уплыть, но через несколько секунд из моря взметнулись острые, словно иглы, скалы, и беглецы, подобно каким-то гротескным гигантским насекомым, оказались просто нанизаны на них.

Вот так за какие-то полминуты на острове, как и прежде, осталась лишь одна лирра. Хотя, конечно, вставал закономерный вопрос – а была ли она всё ещё лиррой? Очевидно, это была уже не та Мэйлинн, что около года назад спасла Бина от разъярённых колонов, и даже не та, что сорок дней назад высадилась на Полумесеце.

Все присутствующие с немим ужасом взирали на это сверхъестественное существо. Каладиус, так и не поднявшись на ноги, даже отвернулся, словно от Мэйлинн исходило невыносимое для его глаз сияние. С ужасом, смешанным с тоской, глядел Бин. Меч выпал из его руки, и парень, не мигая, смотрел на лирру. Даже Пашшану изменила его извечная невозмутимость – в его глазах читался страх. Что они видели – Мэйлинн не понимала. Ей казалось, что сама она нисколько не изменилась.

Но вдруг очередная судорога скрутила её тело, и новая, всемогущая Мэйлинн тут же поняла, что это значит. Тело едва справлялось с тем новым, что поселилось в нём. Будь Мэйлинн сейчас всё той же лиррой, она бы решила, что умирает. Но новая Мэйлинн, конечно, не могла умереть. Но вот лишиться этого тела – запросто. А между тем, у неё оставалось ещё одно неисполненное дело.

Благодаря своим вновь открывшимся способностям Мэйлинн точно знала, что Варан жив и здоров. Точно так же, как она точно знала, что Кол – мёртв. И она точно знала, что воскресить его невозможно, поскольку это противоречило той логике бытия, что была вложена в него Первосоздателем. Но... Теперь в её распоряжении была вся мощь Башни, поэтому она точно знала, что делать.

Голубоватая вспышка на мгновение озарила то место, где лежало тело Кола. Этого никто не видел, но оно вдруг оказалось окутанным мягким голубым сиянием, а затем неожиданно исчезло, словно его и не было. Более того, исчезли даже пятна крови на камнях.

Каладиуса передёрнуло – он ощутил, что сейчас свершилось нечто, лежащее за гранью основ этого мира, нечто, чего даже он, великий маг Каладиус не мог не только свершить, но даже и постичь. Словно само бытие надорвалось в этом месте. И надрыв этот был так силен, что рикошетом ударил и по нему тоже. Уже проваливаясь в странную, словно потустороннюю пустоту, маг нашёл в себе силы повернуть голову. Он успел увидеть, как Мэйлинн вдруг исчезла, повернувшись лицом к Башне. К Чёрной Башне...

25.07.2016 – 31.03.2017

Глоссарий

Абсолютный Покой – состояние, которое предшествовало началу сотворения Сферы.

Алая лихорадка – очень опасная болезнь, сопровождающаяся жаром и кожными высыпаниями. Может завершиться смертью.

Алийа – одна из трёх великих рек Паэтты. Берет начало в озере Симмер, а затем вливается в реку Труон в месте, где был построен город Шинтан.

Алый Суд – один из судов Латиона, специализирующийся на делах свободных сословий. Назван так по цвету мантий судий.

Аномалии – места уплотнений, завихрений *возмущения*. В этих местах *возмущение* настолько сильно, что возникают либо так называемые места силы, либо, в исключительных случаях, сущности-аномалии.

Анурские горы – горный хребет, пересекающий Паэтту с севера на юг. Анурские горы довольно невысоки, но очень скалистые и труднопроходимые. Для перехода через них имеются два перевала – Танийский и Делианский перевалы. Земли, лежащие восточнее Анурского гор, называются Загорьем.

Анурский залив – залив на севере Паэтты. От него начинаются Анурские горы

Арионн (Белый Арионн) – один из двух братьев-антагонистов, хранителей Сферы. Бог-созидатель, ассоциирующийся с Добром. Символом его является Белый Единорог, поэтому храмы в его честь строятся в виде башен, напоминающих белый рог единорога. Арионнитство – самый распространённый культ на Паэтте.

Арионн (месяц) – один из месяцев календаря Паэтты, соответствующий нашему маю.

Асс (Чёрный Асс) – второй брат, сын Неведомого; бог-разрушитель, ассоциируется со Злом. Ассианство чаще всего исповедуют воины, а также многие другие, чьё ремесло связано с разрушением.

Ассасины – отряд воинов-лирр, подчиняющийся Ордену Лианы.

Ассий – последний месяц паэттанского календаря, соответствующий нашему декабрю. Месяц с самыми долгими и темными ночами, потому и назван в честь бога Асса.

Баинины – племена, населяющие оазисы пустыни Туум.

Бараканд – сущность-аномалия, возникшая в мире Паэтты на материке Эллор. В материальном обличье предстаёт в виде гигантского орла. Сумев искушить лиррийского принца Драонна, сподвиг его создание империи Тондрон – империи зла и магии.

Баун – сын первого императора Тондрона Драонна, отец Гурра

Башня Кантака́лла – одна из множества башен Золотого Шатра. В ней располагается резиденция Ордена чернокнижников.

Белая Башня – мифологический объект, который, по преданиям, является лишь достойным, и способен дать ответы на любые вопросы. По мнению мага Каладиуса, цвет Башни определяется помыслами искателя, так что кто-то с темными устремлениями смог бы отыскать Чёрную Башню. Считается, что Белая Башня может быть своеобразным аватаром Арионна.

Белый Мост – по преданию арионнитов и протокреаторианцев, Белый Мост отделяет мир живых от мира мёртвых. Ассианцы тоже используют это понятие в разговорах, хотя официально ассианство не разделяет данную концепцию.

Белый Путь – путь, который, по мнению арионнитов и протокреаторианцев предстоит пройти каждой душе от своего мира к царству Арионна. Этот путь могут преодолеть лишь достойные. Остальные, как считается, просто упадут с него, доставшись Хаосу. Ассианцы не разделяют концепцию Белого пути, считая, что подручные Асса уносят души к его чертогам, где им предначертаны вечный пир и веселье.

Белый Суд – один из судов Латиона, ведающий делами высших сословий. Назван так по цвету мантий судий.

Берсерки – так жители Паэтты, особенно палатийцы, называют северян, жителей Келлийских островов.

Биа́лл Пивили́йский – древний философ, эзотерик и богослов, исследующий феномен Белой Башни. Считается одним из немногих, кому удалось воочию наблюдать Башню. Описал свои опыты в труде «Искания Белой башни»

Бурый Суд – один из судов Латиона, ведающий делами низших сословий.

Варс – город, расположенный на юге Латиона. Самими жителями города Варс позиционируется как вторая столица королевства. Поскольку в городе испокон веков соседствовали лирры и люди, архитектура его получилась весьма эклектичной и помпезной. Неподалёку от Варса находится Школа Наэлирро

Вастиней – название тёплого течения, проходящего вдоль западного побережья Паэтты, а также название ураганного ветра, дующего в тех краях осенью-зимой. Вастиней настолько разрушителен, что редкие суда решаются выходить в море в эту пору.

Великая имперская дорога – широкий, мощёный торговый тракт, который проходит от столицы Саррассанской империи Золотого Шатра до латионского города Сеала, лежащего на берегу озера Прианон. По этому пути идут купеческие караваны. Вдоль дороги расположено огромное количество постоялых дворов, почтовых станций и трактиров, так что путешествие по Великой имперской дороге является лёгким, приятным и безопасным.

Великий океан – один из океанов, омывающих Паэтту. До сих пор неизвестно, что лежит по ту сторону Великого океана и где он оканчивается. Одни учёные утверждают, что там лежит ещё один, неизведанный пока материк. Но большинство сходится к тому, что мир

Паэтты имеет шарообразную форму, так что по ту сторону океана лежит побережье западное побережье Эллора. Есть, правда, и такие, которые уверены, что за Великим океаном мир Паэтты обрывается.

Весёлый квартал – один из кварталов так называемого Нового города в Латионе. Называется так из-за несчётного количества увеселительных заведений самого разного рода, компактно расположенных в нём.

Возмущение – термин, которым объясняется существование магии в мирах, подобных Паэтте. Считается, что после создания Сферы Арионн и Асс расположились на её полюсах, поскольку были совершенно противоположны друг другу. Но между ними возникла некая сила, которая и называется *возмущением*, поскольку она стала возмущать само бытие. Чем ближе миры находятся к полюсам Сферы, тем больше величина *возмущения* в них, и наоборот – на экваторе Сферы *возмущение*, вероятно, равно нулю. Кроме того, из-за постоянных вмешательств Хаоса в *возмущении* возникают завихрения – аномалии.

Врата Бланту́ра – название ворот, построенных основателем гномского подгорного города Дуондура Блантуром. Позже так стали называть и крепость, отстроенную гномами, чтобы защищать вход в тоннели, ведущие в Дуондур.

Гвардия паладинов – особая гвардия личной охраны королей Латиона. Набирается из наиболее достойнейших воинов королевства вне зависимости от их сословной принадлежности. Паладины считаются элитой вооружённых сил Латиона.

Гильдия Теней – тайная закрытая организация, охватывающая королевство Латион и некоторые соседние с ним страны. Гильдия Теней выполняет грязную и тяжёлую работу для тех, кто готов за это платить. Состоит из нескольких цехов: воры, телохранители, наёмные убийцы и охотники за головами. Гильдия – жёстко иерархичная организация. Прошедшие отбор претенденты сначала становятся учениками какого-либо мастера, пока не получают звание подмастерья. Сумевшие проявить себя подмастерья станут мастерами первого круга. Всего же кругов семь, причём мастеров седьмого круга может быть лишь четыре, по количеству цехов Гильдии. Возглавляется организация Командором, который является непрерываемым руководителем.

Глаз дьявола – так моряки прозвали Доронский залив, поскольку в сезон окончания осени – начала зимы там властвует Вастиней. Геометрия залива значительно усугубляет его разрушительную силу, так что пересечь Доронский залив во время буйства Вастиней почти равносильно самоубийству.

Гномий король – так неофициально называют правителя Дак Анбура. Официально его титул звучит как «предводитель гномов», поскольку уже давно формальным сувереном Дак Анбура является император Саррассы. Однако гномы продолжают именовать своего правителя королём, во-первых, из самолюбия, а во-вторых, потому что императоры Саррассы практически никогда не вмешивались в дела подгорного народа.

Гномская дорога – ответвление от Великой имперской дороги, ведущее к Дуондуру.

Гномы – один из трёх народов, населяющих Паэтту. Самый малочисленный и, увы, вымирающий. Гномы очень редко приносят потомство, поэтому со временем эта раса воинов-кузнецов может вовсе исчезнуть с лица Паэтты.

Гоблины – неразумные животные, перемещающиеся на двух конечностях, живущие в Симмерских болотах. Часть из них подпадает под влияние демона Симмера, приобретая нечто похожее на коллективный разум. В иных случаях представляют опасность лишь для плохо вооружённых людей и при наличии существенного численного превосходства.

Голова Шуанна – странный артефакт неизвестного происхождения. Представляет собой череп неизвестного существа, предположительно – демона. С этим артефактом тесно связана некая сущность, предстающая в виде женщины, не обладающей первичными половыми признаками. При том, что Шуанн – это мужское имя. Голова Шуанна является одним из необходимых элементов для поиска Белой Башни, если верить Биаллу Пивилийскому.

Гомункулы – создания Драонна и его Герцогов. Поскольку на Эллоре не жили разумные расы, чёрный император создал себе подданных из глины и других материалов, с помощью магии. Гомункулы способны жить лишь в Тондроне, поблизости от Бараканда и черных императоров, поскольку их жизнь целиком поддерживается магией.

Гурр – правитель империи черных магов Тондрон. Лирра-полукровка. Сын Бауна, внук первого императора Тондрона, лиррийского принца Драонна.

Дайтёлла – самая могущественная из ныне живущих лиррийских магинь, живущая уже около двух тысячелетий. Живёт затворницей где-то на юго-западе Палатия. Полностью парализована – не может ни моргать, ни даже дышать, за счёт чего приобрела свою невероятную мощь. Отдалилась от мира и не принимает участия в событиях на Паэтте уже многие столетия.

Дак Анбур – государство гномов. Юридически является доминионом Саррассанской империи. Место компактного проживания гномов, которых на Паэтте осталось очень мало. Основная часть этого государства находится под массивом Анурских гор.

Даррак – небольшой рыбацкий городишко, лежащий на побережье Среднего Пальца Дракона

Двенадцать Герцогов – сподвижники императоров Тондрона. Были созданы Драонном и Баракандом из двенадцати лирр, что прельстились посулами Драонна. Души их были магически изменены, так что они стали бессмертными демонами. Среди Двенадцати Герцогов есть одна Герцогиня. Двенадцать помогали Драонну создавать империю тёмных магов, а также – гомункулов, поскольку на Эллоре не обитали люди или другие разумные существа.

Делианский перевал – один из двух перевалов через Анурские горы. Находится на территории Саррассанской империи. Через него проходит Лоннэйский торговый тракт.

Десятка – мелкая железная монета Латиона, равная одной десятой доррина.

Дистри́тий – один из месяцев календаря Паэтты. Соответствует нашему июню. Назван в честь императора Древней империи Дистрита Златоглавого. Дистрит – самый известный

и почитаемый император Древней империи. Считается, что его правление стало золотым веком империи.

Доки – один из районов Латиона, находящийся на берегу Труона. Здесь располагаются торговые склады и многое другое. Поскольку через Доки проходит торговля Латиона с такими богатейшими странами, как Саррасса и Палатий, то Доки считаются более благополучным и богатым районом, чем Склады.

Дор – серебряная монета Латиона. В одном доре – сто дорринов.

Дорийская порода лошадей – лошади, которых разводят кочевники-дорийцы. Считаются весьма неприхотливыми и выносливыми. Очень распространены на Паэтте. По скорости и выносливости, правда, уступают саррассанским лошадям.

Дорийские набеги – едва ли не ежегодно происходящие набеги дорийцев на южный Пунт. Особенность в том, что правительство Пунта оказывает лишь пассивное сопротивление, не пытаясь наносить превентивные удары. По мнению Кола, это свидетельствует о том, что данные набеги выгодны королю Пунта. Дорийцы, как правило, редко убивают пунтийцев или жгут их дома. Чаще всего всё обходится взиманием дани.

Дор'ия – страна, населённая кочевниками-дорийцами. Формально во главе Дории стоит великий хан, но по сути власть принадлежит ханам множества кочевых орд, что перегоняют скот и совершают набеги. Номинальной столицей является город Саин.

Дорон – третья из великих рек Паэтты. А если говорить о размерах – то даже вторая, после Труона. Истекает из Анурских гор и впадает в Великий океан.

Доррин – мелкая медная монета Латиона. Сто дорринов составляют один дор, а сто доров – латор. Правда, среди бедноты Латиона в обиходе больше железные деньги – трёшки, пятёрки и десятки.

Драонн – лиррийский принц, уплывший со своими подданными на Эллор во время войны лирр и людей. Там он встретился с сущностью, именуемой Баракандом, который сумел превратить Драонна в единственного за историю мира лирру-мага. Однако, эта магия была чёрной, так что Драонн стал воплощением зла. Вместе со своими подручными – Двенадцатью Герцогами, он создал на Эллоре империю чёрных магов.

Древняя империя – империя, существовавшая ещё до Кидуанской империи, много тысяч лет назад. О ней известно не так много – в большей степени, мифы и легенды. Подобно тому, как Кидуанская империя погибла во времена Смутных дней, Древняя империя также погибла в результате политических катаклизмов. От этой империи остался древнеимперский язык – мёртвый язык, на котором говорят лишь единицы учёных.

Дружина – феодальное полувоенное образование в Санне. Дружины играют роль политической элиты, выбирая из своей среды конунга, который будет феодем, подчинённым Дружине. Всего в Санне 16 феофов, следовательно, и 16 конунгов. Эти конунги образуют Высший Совет, который, по сути, и управляет государством. Один из членов Совета назначается коннетаблем, формальным главой Совета.

Дуондур – подгорная столица королевства гномов Дак Анбура. Невероятное по масштабности и красоте сооружение, выдолбленное в массивах Анурских гор. Попасть в него можно через тоннели, вход в которые надёжно охраняет крепость Врата Блантура. Существуют и истинные Врата – они заграждают путь из тоннелей в сам город.

Дурная трава – слабый наркотик растительного происхождения. Употребляется в виде курения. Распространён на всей Паэтте.

Дюк – титул правителей княжества Кидуа.

Жаркий – один из месяцев календаря Паэтты, соответствует нашему июлю.

Загадочный океан – один из четырёх океанов мира Паэтты, омывающий материк с запада. Назван так потому, что по рассказам моряков в нём часто происходят загадочные явления – свечения в глубине вод или в небе, над поверхностью воды. Так же считается, что в нём обитают глубоководные чудовища – драконы, левиафаны и прочие. Также именно этот океан отделяет Паэтту от мистического Эллора, что тоже могло стать причиной такого названия.

Загорье – общее название земель, лежащих западнее Анурских гор.

Залив Дракона – очень обширный залив на западе Паэтты. Напоминает след лапы трёхпалого дракона, отсюда такое название. Три ответвления Залива называют Пальцами Дракона – Верхним, Средним и Нижним. Побережье Залива принадлежит нескольким государствам: Кидуе, Санну, Коррэю и Палатию.

Западная торговая компания – крупнейшая на Паэтте морская торговая компания, построившая свой бизнес, главным образом, на торговле с эллорскими колониями. Главный, хотя и не единственный источник дохода – мангил. Руководители Компании (как обычно её называют, сразу понимая, о какой именно компании идёт речь) являются весьма влиятельными людьми. Штаб-квартира Компании расположена в Саррасе.

Заречный квартал – один из кварталов Латиона, расположенный по другую сторону Труона. Крайне богатый и респектабельный район.

Звёздная Кобылица – в мифологии дорийцев божество, породившее мир. Создав звезды, из их света она создала своего сына – Пламенного жеребца, который стал прародителем всех живых существ, в том числе и людей.

Знак Наэлирро – все девочки-лирры, поступающие на обучение в Наэлирро, получают особый знак – татуировку в виде ошейника. Каждая татуировка – уникальна, её выполняет гном, который передаёт этот дар по наследству прямому родственнику, или же специально взятому на обучение ученику. История знака восходит к временам основания Школы. Во времена войны между лиррами и людьми, когда впервые были набраны ученицы Школы лиррийской магии, все они были рабынями людей. И тогда основатели Школы, сняв с них рабские ошейники, как память о них приказали сделать знаки, которые бы напоминали лиррам о жестокости людей и не позволили бы им больше одеть никаких иных ошейников.

Золотой Шатёр – столица Саррассанской империи. Когда-то именовалась просто Шатром, но склонные к роскоши и сибаритству императоры добавили прилагательное «Золотой». Город стоит на побережье Калуйского океана. В центре города расположен огромный холм – Койфар, на котором отстроены кварталы для знати.

Зомби – получаемые путём магических практик существа, у которых тело мёртвого человека (или любого другого разумного существа), в которое помещается специальным образом, отловленный низший демон, который не может существовать в нашем мире без телесной оболочки. Более сильные демоны могут существовать и сами по себе. Зомби послушны своему создателю, не нуждаются в еде и отдыхе, хотя и не могут существовать долгое время. Созданием зомби занимается орден некромантов.

Имперский язык – язык Кидуанской империи, на котором сейчас говорит большинство жителей Паэтты.

Импі́рий – один из месяцев календаря Паэтты, соответствующий нашему апрелю. Назван в честь Кидуанской империи.

И́рвин Кина́йский – философ и богослов, живший в Кинае. Является основателем протокреаторианства – религии, объединившей культы Асса и Арионна. Был жестоко убит за свои проповеди. На сегодняшний момент протокреаторианство по-прежнему является самой малочисленной из официальных конфессий на Паэтте.

«Искания Белой Башни» – название труда Биалла Пивилийского, в которых он рассказал о методе поиска Белой Башни.

Кала́диус – легендарный маг, считающийся одним из сильнейших человеческих магов за всю историю Паэтты. В последние столетия отошёл от дел, так что теперь считается почти легендой, или даже мифом. Приложил руку ко многим ключевым событиям Паэтты за последние семьсот лет. Долгое время был придворным магом при дворе латионских королей.

Календарь Паэтты – цикл, состоящий из 12 месяцев, в каждом из которых по 30 дней. Сутки Паэтты равны 24 часам, подобно земным, и также делятся на 60 минут.

Калу́йский океан – океан, омывающий Паэтту с юга. Назван в честь материка, который лежит по другую его сторону.

Ка́луя – материк, лежащий южнее Паэтты. На данный момент изведена лишь его северная часть, поскольку дальше начинаются непроходимые и весьма опасные джунгли, в которые не рискуют забираться даже местные жители. Население Калуи – чернокожие люди, сильные и свободолюбивые, так что поработить их так и не получилось. Как правило, калуянцы не покидают родных краёв, так что встретить кого-то из них на Паэтте – большая удача.

Каша́х – весьма тяжёлый психотропный наркотик растительного происхождения. Запрещён во всех государствах Паэтты. Во многих за его распространение следует смертная казнь.

Келлі́йский архипелаг – острова, лежащие на севере от Паэтты и отделённые от неё Серым морем. На более крупных и южных из них проживают люди, которых на Паэтте назы-

вают северными варварами или берсерками. Поскольку природа островов Келли не слишком-то приспособлена для земледелия, основными видами деятельности келлийцев являются скотоводство, охота, торговля и морской грабёж.

Кидуа – крупное княжество, лежащее на западе Паэтты. Издревле славится своими мореходными традициями. Кидуанские мореходы были первооткрывателями практически всех земель вокруг Паэтты. Именно Кидуа в своё время стала ядром для формирования Кидуанской империи, однако после её распада в значительной степени утратила своё превосходство над другими государствами.

Кидуанская империя – великая империя, существовавшая несколько тысяч лет назад на большей части территории Паэтты. Со временем империя ослабла и стала подвергаться набегам народов, живших на севере Паэтты, а также на Келлийских островах. Это спровоцировало мощный политический кризис, приведший к тому, что теперь называется Смутными днями. В результате империя раздробилась на множество самостоятельных королевств, одним из которых стала Кидуа.

Кинай – столица Кидуи. Портовый город, известный своей либеральностью и богатством. Кинайский порт – самый большой на всей Паэтте.

Койфáр – холм, на котором построены богатейшие кварталы Золотого Шатра, в частности, знаменитые Сады Императора.

Колио́н – небольшой городок, расположенный западнее Латиона.

Колоны – название лично свободных земледельцев на Паэтте. Некоторые из колонов имеют даже собственные земли, но большинство арендует их у сеньоров, то есть является имущественнозависимым сословием. Те, кто попадают в личную кабалу к сеньорам, называются крепостными.

Комиссариаты – учреждения в Кинайском порту, созданные для упрощения процедуры оформления прибывающих и отбывающих судов, выполняющие функции таможи, фискальных и логистических органов.

Коннетабль – титул главы Санна. Коннетабль выбирается Советом Конунгов (Высшим Советом) из числа членов Совета – конунгов. Должность коннетабля является пожизненной (в случае, если Совет не решит сместить его по каким-либо соображениям), но не наследственной.

Конунг – владелец феода в Санне. Военачальник, возглавляющий местный феодальный конструктор, называемый Дружиной. Дружинники выбирают конунга из числа себя.

Корона – название монеты в Саррассе. Саррассанские короны бывают золотыми, серебряными и медными.

Коррэй – небольшое герцогство, лежащее западнее Латиона, среди густых лесов. Слабозаселённое и не имеющее стратегической ценности. Коррэй, так же как и Санн, является доминионом Латиона.

Крепостные – личноезависимое население Латиона, т.е. земледельцы, лично принадлежащие сеньорам. По сути своей крепостничество мало чем отличается от рабства, однако сеньор не имеет права убить своего крепостного без веской причины, а также нанести ему иной тяжкий вред. Кроме того, крепостные вправе обладать имуществом.

Латио́н – одно из государств Паэтты. Латион является достаточно мощным королевством, как экономически, так и в плане силовой мощи. Жители Латиона считают своё государство правопреемником Кидуанской империи, хотя никаких юридических оснований под этим не имеется.

Латио́н (город) – столица одноименного государства. Стоит на реке Труон.

Латионская Академия Высоких Наук – академия, занимающаяся изучением магии и смежных с нею наук.

Ла́тор – крупная золотая монета Латиона. В одном латоре – сто доров или десять тысяч дорринов.

Лиррийский мессия – по легендам народа лирр – лирра-аномалия, которая изменит баланс сил на Паэтте, уничтожив, или сильно ослабив людей. Такой аномалией мог стать Драонн – единственный из мужчин-лирр сумевший стать магом, но он оказался на другом материке и стал императором Тондрона. Такой аномалией, по мнению магистров Ордена Лианы, являлась Мэйлинн Айрига.

Лирры – один из трёх народов, населяющих Паэтту. Лирры отличаются от людей как внешне (гораздо более крупные глаза, удлинённые пальцы, а также слегка заострённые кончики ушей), так и внутренне. Например, лирры живут заметно дольше людей, гораздо более ловки и проворны. Но главным отличием народа лирр от всех других народов является то, что магия у них доступна лишь женщинам. Более того, за эту магию лиррам приходится расплачиваться очень жестоко – при *пробуждении*, как они это называют, девушка-лирра претерпевает значительные физические трансформации, можно сказать – увечья. Чем сильнее будут эти увечья, тем больший магический потенциал будет у магини. Лирры заселяют, как правило, юго-западную часть Паэтты и чаще живут довольно обособленно от людей.

Лоннэ́й – столица государства Пунт. Тихий, почти провинциальный городок.

Лоннэ́йский торговый тракт – торговый путь, который начинается в Лоннэе, а затем проходит через Дорию и пустыню Туум в Саррассу, сливаясь с Великой имперской дорогой. В пустыне Туум проходит через крупные оазисы, что даёт возможность редким путешественникам и купцам пополнять запасы воды и отдыхать от зноя.

Маги́ня – так называют лиррийских женщин, владеющих магией.

Манги́л – магический металл, добываемый в местах наибольшего скопления силы. Предполагается, что залежи мангила могут быть и рядом с Симмером, и, возможно, у других мест, где расположены мощные аномалии в возмущении, но пока что мангил добывается лишь в Эллорских колониях, относительно неподалёку от мест обитания Бараканда. Мангил обладает уникальными магическими свойствами – очень хорошо зачаровывается и не теряет

зачарования. Кроме того, он гораздо крепче железа. Поскольку мангил дефицитен и весьма дорог, часто используются мангиловые сплавы.

Мастер Теней – звание, которое получают прошедшие испытания члены Гильдии Теней. Звание мастера можно получить лишь по рекомендации своего мастера-наставника, и никак иначе. До получения звания мастера соискатель сначала проходит стадии ученичества и подмастерья. Став мастером, член Гильдии может продолжать расти по иерархической лестнице с мастера первого круга до (теоретически) мастера седьмого круга. Мастеров седьмого круга в Гильдии всего четверо – по числу цехов. Они подчинены непосредственно Командору, который является вершиной иерархии Гильдии Теней.

Мессир – официальное титулование магов на Паэтте.

Месяц весны – один из месяцев календаря Паэтты, соответствует нашему марту.

Месяц дождей – один из месяцев календаря Паэтты, соответствует нашему октябрю.

Месяц жатвы – один из месяцев календаря Паэтты, соответствует нашему сентябрю.

Найр – портовый город в северном Пунте. Один из крупнейших международных портов. Позиционируется как город развлечений.

Наэлирро́ – замок, в котором уже многие сотни лет существует Школа лиррийской магии (собственно, это и есть дословный перевод слова с лиррийского). В Наэлирро девочки-лирры готовятся стать магинями, проходя специальный курс занятий, а также принимая специальные эликсиры, минимизирующие риски смерти подопечных во время *пробуждения*. В Школу принимают только тех девочек-лирр, у которых есть хотя бы одна сестра, поскольку лирры не слишком плодовиты, а магини и вовсе становятся бесплодными. Принимают девочек в возрасте шести лет; никогда – раньше, и исключительно редко – позже этого срока. Исключение из Школы происходит на следующий день после *пробуждения*, лишь в исключительных случаях, когда увечья магини слишком сильны, её могут оставить на некоторое время для восстановления.

Неведомый – по верованиям арионнитов и ассианцев – создатель Сферы, отец Асса и Арионна. Кто он таков – никто не знает. Считается, что Неведомый стал импульсом движения в бесконечном Абсолютном Покое, породив нашу Сферу. Однако, по мере расширения Сферы в ней стал нарастать Хаос, поэтому, дабы предотвратить гибель своего творения в Хаосе, Неведомый покинул пределы Сферы, остановив её расширение, а также запечатал её 24 рунами от распространения Хаоса. Протокреаторианцы не согласны с данной концепцией, считая, что Неведомый не мог покинуть Сферу, что он – и есть Сфера, а также – Арионн и Асс.

Новый город – один из районов Латиона, где, в основном, обитают низшие слои населения. Назван так потому, что возник гораздо позже, из разросшихся вокруг древнего Латиона посадков. Когда они были обнесены крепостной стеной, и возник этот обширнейший район.

Ночные бродяги – таинственные сущности, иногда замечаемые на ночных дорогах Паэтты. С их появлением связывают исчезновения людей. До некоторых пор считались неуловимыми.

Орден Лианы – древний лирийский орден, созданный для поиска лирийского мессии. Орден очень тайный, так что его состав, а также количество участников – неизвестны. Известно, что у них имеются хорошо подготовленные боевые отряды ассасинов. Членами Ордена, естественно, могут быть только лирры.

Орден некромантов – в давние времена Орден некромантов отпочковался от саррассанского Ордена чернокнижников. Чернокнижники всегда искали вопросы на главные вопросы бытия – жизнь и смерть. Некроманты пошли дальше, пытаясь постичь грань между жизнью и смертью, постичь саму смерть, научиться ею управлять. В результате их магических практик было открыто множество страшных и удивительных вещей – призывы демонов, создание зомби... Однако, некоторыми заклинаниями, созданными в своё время некромантами, до сих пор пользуются многие маги Паэтты. Самое распространённое – зачарование животных, особенно лошадей и почтовых голубей, для придания им большей скорости и выносливости. В какой-то момент чернокнижники открестились от Ордена некромантов, и с тех пор он существовал на самой грани законности.

Орден чернокнижников – древний саррассанский орден магов, один из самых влиятельных и почитаемых на Паэтте. Чернокнижники пытались найти ответы на самые фундаментальные вопросы бытия, что привело многих из них на тёмную сторону. Но в целом Орден чернокнижников являлся опорой императорского трона, что, отчасти, способствовало долголетию Саррассанской империи, которая пережила свою соседку и соперницу – Кидуанскую империю – на многие и многие сотни лет.

Оф – таинственная столица империи черных магов Тондрона. Оф возник вокруг дворца императора Драонна, который, в свою очередь, был построен в той самой скале, на которой свил своё гигантское гнездо Бараканд. Оф мало похож на привычный город. В большей степени он похож на гигантскую ферму по производству гомункулов.

Палатий – государство на севере Паэтты. Основа экономики Палатия – торговля. Палатий – аристократическая, или даже скорее олигархическая монархия. Правит государством король, но эта должность хотя и пожизненная, но не наследуемая. После смерти короля нового выбирает Палата Гильдий, в которую входят представители крупнейших торговых гильдий страны. Все законы государства принимаются на заседании Палаты Гильдий, но подписывает их король.

Пальцы Дракона – так называются три небольших залива, ответвляющиеся от Залива Дракона. Называются они Верхний, Средний и Нижний Пальцы.

Парадокс Создания – парадокс, возникший сразу же после создания Сферы. Сфера, не являющаяся больше Абсолютным Покоем, находящаяся в движении, тут же подверглась воздействию Хаоса, причём чем больше усложнялась или увеличивалась Сфера, тем больше Хаоса в ней становилось. В Парадоксе Создания заложен и финал Сферы – в какой-то момент она будет разрушена, уничтожена распространяющимся Хаосом и, вероятно, вновь исчезнет, растворится в окружающем Покое.

Па́ториус – весьма могущественный сарраассанский маг. Одно время принадлежал к Ордену чернокнижников, но после того, как попытался поднять мятеж против императора, чтобы создать ещё одну империю магов, чернокнижники отвернулись от него и заняли сторону законной власти. Потерпев поражение, был заключён в особую магическую темницу, где с тех пор подвергается постоянным истязаниям.

Паэ́тта – один из материков мира, который мы также называем миром Паэтты. Все организованные государства людей расположены именно на этом материке.

Первосоздатель – последователи Ирвина Кинайского считают, что Неведомый, создавший Сферу и двух братьев-богов Асса и Арионна, никуда не делся после этого. Что он и есть – сама Сфера. Более того, Арионн и Асс – не являются самостоятельными богами, а лишь ипостасями того же Неведомого, которого Ирвин назвал Первосоздателем. Таким образом возникла новая религия – протокреаторианство, которая исповедует единого в трёх ипостасях (Сфера, Арионн и Асс) бога – Первосоздателя.

Поволье – одна из колоний, находящихся на восточном побережье Эллора. Принадлежит Латyonu. В эллорских колониях проживают, в основном, рудокопы, добывающие мангил – отчаянные и смелые люди, не страшась ни тяжкого труда, ни близости империи черных магов.

Полумесяц – самый восточный из островов Келлийского архипелага. Именно на нём Биалл Пивилийский, если верить его книге, сумел призвать Белую Башню.

Последняя битва – согласно верованиям жителей Паэтты, через какое-то время (когда сгорят последние Руны, запечатавшие Сферу Создания) Хаос в Сфере начнёт преобладать, искажая и поглощая бытие. Чтобы этому противостоять, братья Арионн и Асс будут вынуждены сойтись в Последней битве, в которой им обоим суждено погибнуть, а вместе с ними погибнет и Сфера, вновь став частью Абсолютного Покоя.

Постре́мий – один из месяцев календаря Паэтты, соответствующий нашему ноябрю. Название его является адаптированным переводом, происходящим от латинского слово *postremus* – последний. В оригинале название этого месяца происходит от древнеимперского слова, также означающего «последний». Этимология слова не совсем ясна – то ли его название означает «последний месяц осени», то ли в древнейшие времена этот месяц считался последним в году, а ассий, первый месяц зимы, вообще выводился из календаря и считался месяцем Асса, самым тёмным месяцем года.

Пояс Шатта́ба – магический артефакт, представляющий собой зачарованную мангилую проволоку, надеваемую в виде браслета чаще всего на руку. Позволяет удалённо контролировать того, на кого он надет. Чаще всего может по магическому приказу нанести урон носителю, вплоть до летального.

Прайно́н – город в северном Пунте, где расположена одна из резиденций королей. Собственно, больше ничем особенным городок непримечателен.

Прант – портовый город в Пунте. Расположен в устье Дорона. Не является крупным, или стратегически важным портом. Чаще всего принимает мелкие рыбацкие или торговые суда.

Прианон – огромное озеро в южном Латионе. Славится чистотой своей воды. Именно в нём берет своё начало река Труон.

Примион – один из месяцев календаря Паэтты, соответствует нашему январю. В данном случае название является адаптированным переводом. В оригинале оно звучит иначе и происходит от древнеимперского слова «первый». Поэтому при переводе было использовано латинское слово "primus" – первый, поскольку это соответствует аналогии с Древней империей.

Приречье – так пунтийцы называют земли, лежащие севернее Дорона. Любопытно, что к южным, дорийским землям они такое название не применяют.

Пробуждение – мистический процесс, происходящий с некоторыми девочками-лирами, когда они становятся девушками. В этот момент некоторые из них претерпевают изменения, приобретая магические способности, но расплачиваясь за это телесными увечьями. Чем сильнее будет изувечено тело, тем сильнее получится магия. Однако, не все были способны пережить это, многие умирали. Для того, чтобы сделать процесс *пробуждения* более контролируемым и безопасным, в Наэлирро используют специальные эликсиры, которые дают своим воспитанницам, начиная с шестилетнего возраста. Удивительно, но с появлением Школы Наэлирро случаи стихийных *пробуждений* стали крайне редкими.

Протокреаторианство – одна из трёх официальных религий Паэтты. Название происходит от слова Первосоздатель – адепты этой религии называют того, кто, по их мнению, создал Сферу. Протокреаторианцы считают, что Первосоздатель един в трёх ипостасях – сама Сфера, Арионн и Асс.

Пунт – одно из государств Паэтты, лежащее в так называемом Загорье, то есть восточнее Анурских гор. Сельскохозяйственная страна, известная мягким климатом и высокой плодородностью почв. Является одним из главных поставщиков сельскохозяйственной продукции.

Пятёрка – железная монета в Латионе, равная половине доррина.

Руны (печати Сферы) – по господствующему среди теологов мнению, Неведомый, прежде чем покинуть Сферу, запечатал её двадцатью четырьмя рунами, дабы предотвратить распространение Хаоса. Каждые 4 тысячи лет одна из Рун сгорает, тем самым, давая Хаосу больше возможностей. Это ведёт к постепенной деградации всего в Сфере с каждой новой Руной, поскольку влияние Хаоса усиливается.

Сады Императора – общее название самого уважаемого квартала Золотого Шатра, расположенного на вершине Койфара, где расположен дворцовый комплекс императора, резиденции наиболее богатых граждан, а также другие важные здания, включая башню Кантакалла.

Саин – номинальная столица Дории, резиденция великого хана. Но, по сути, город населён только в зимнее время. Летом дорийцы кочуют ордами, поэтому Саин стоит почти пустой. Однако, если происходят сборы всех орд, или какие-то другие важные события, вроде коронации великого хана, то происходят они именно в Саине.

Санн – государство на западе от Латиона и являющееся его доминионом. Официально именуется воеводством Санн. По сути, в государстве действует военная демократия. Санн слабо населён, поскольку большую часть его занимают дремучие леса и болота.

Санно́й – столица воеводства Санн. Во времена Кидуанской империи назывался Суэр. Мелкий городок посреди лесов.

Сарра́сса – империя, раскинувшаяся на юге Паэтты. Самое древнее из государств Паэтты, существовавшее ещё до Смутных дней. Очень богатое и одно из самых влиятельных государств Паэтты.

Саррасса́нская порода лошадей – лучшая порода лошадей. Саррассанские лошади очень выносливы и быстры, поэтому их предпочитают воины, курьеры и знатные люди.

Сеа́л – небольшой город на южном берегу озера Прианон. Стал популярен, когда саррассанцы провели к нему свою Великую имперскую дорогу. С тех пор Сеал превратился в перевалочный пункт – сухопутные караваны здесь переключались на ладьи, и через Прианон и Труон перевозились в Латион и Палатий.

Седьмой Коррэ́йский легион – легендарный латионский легион, прославленный во многих сражениях. Назван Коррэйским потому, что в своё время квартировал в Коррэе, во времена Санно-Коррэйского конфликта. С тех пор название и закрепилось, стало легендой.

Серое море – море, отделяющее Паэтту от Келлийского архипелага. Называется так потому, что почти всегда беспокойно, а воды его почти никогда не бывают голубыми.

Си́ммер – древний демон, сущность-аномалия, подобная Бараканду. Только если Бараканду повезло стать в материальном мире гигантским орлом, имеющим возможность перемещаться хотя бы в узких границах аномалии, то Симмер оказался озером. Именно поэтому он не сумел подчинить себе никаких государств или великих магов. Будучи очень могущественным в пределах своей аномалии, он теряет это могущество по мере удаления от неё. Умеет управлять сознанием как высших разумных существ, так и гоблинов, проживающих в Симмерских болотах.

Си́ммер (озеро) – второе по величине озеро Паэтты. Расположено среди болот, называемых Симмерскими, окружено лесами. Всегда считалось довольно гиблым местом – люди вокруг него никогда не селились. Очевидно, это связано с тем, что это озеро является материальным воплощением демона Симмера. Из озера вытекает меньшая из трёх великих рек Паэтты – Алийа.

Сини́вица – смертельная болезнь, распространённая, в основном, на западе Паэтты. Самый явный симптом – сине-фиолетовые пятна, выступающие по всему телу, которые через некоторое время превращаются в язвы, источающие гной. Смертность от синивицы очень высока и в периоды эпидемий достигает 60-70%. Смерть наступает от обширных внутренних кровотечений и поражения внутренних органов.

Скабей – небольшой городишко на севере Палатия, возле которого произошло довольно крупное сражение между берсерками и объединёнными силами Палатия и Латииона.

Склады – один из кварталов Нового города Латииона. В нём располагаются купеческие склады, служащие в качестве перевалочного пункта.

Слидий – один из месяцев календаря Паэтты, соответствует нашему февралю, но имеет в составе те же 30 дней, что и другие месяцы. Назван в честь древнего полубогородарного человеческого мага Слидия, жившего в эпоху третьей Руны Кда, и заложившего многие основы человеческого магического школы.

Смена Эпох – происходит при сожжении очередной Руны. На Паэтте кроме общего летоисчисления ведётся более удобное в повседневной жизни исчисление от Смены Эпох. Так, например, Мэйлинн встретила Бина в 1711 год от смены эпох, что соответствует 21711 году от Сотворения Сферы.

Смутные дни – период серьёзного политического кризиса, потрясшего Кидуанскую империю. В результате ослабшая империя подверглась нападению северных народов, что ещё более усугубило центробежные процессы в самой империи. В конце концов в результате тяжёлых междоусобных войн Кидуанская империя пала, распавшись на несколько государств. Однако ещё на протяжении десятилетий дела в них шли неважно, так что этот период также относят к Смутным дням.

Сосредоточение – набор определённых практик, позволяющих почувствовать возмущение и управлять им. В Школе Наэлирро преподаётся как отдельный предмет.

Старый город – старые кварталы Латииона, респектабельный район города. Можно сказать – историческая часть города.

Студёный океан – северный океан мира Паэтты. Лежит между островами Келли и ледяным континентом Тайтаном. Большая часть его покрыта льдами. Зона плавучих льдов начинается практически у северных берегов островов Келли.

Сущности-аномалии – весьма могущественные сущности, возникшие из аномалий в *возмущении*. То ли под воздействием Хаоса, то ли по иным причинам в потоках *возмущения* со временем возникали уплотнения – аномалии. Небольшие аномалии становились местами силы в тех местах, где они возникали. Более мощные иногда обретали сознание и даже псевдоматериальность. Некоторые сущности становились такими мощными, что поглощали свои миры, становясь местными божествами. В мире Паэтты обитают две сущности-аномалии – Симмер и Бараканд. Оба достаточно могущественны, но связаны локализованностью своих аномалий.

Сфера Создания – область бытия, созданная в небытии Вечного Покоя сущностью, известной как Неведомый или Первосоздатель. Включает в себя всю совокупность миров, одним из которых является и мир Паэтты. Считается, что в полюсах Сферы находятся Арионн и Асс, и это создаёт *возмущение* в Сфере, которое воспринимается, как магия. *Возмущение* гораздо сильнее у полюсов Сферы, и сходит на нет по мере приближения к экватору.

Соответственно, в мирах близь экватора Сферы магия может совсем не ощущаться жителями этих миров.

Сфера Создания обречена на гибель, поскольку в ней всё сильнее проявляется влияние Хаоса – неизбежного спутника бытия. Считается, что Сфера погибнет во время Последней битвы Арионна и Асса. Эта битва произойдет, скорее всего, после сгорания последней Руны, когда окончательно падут оковы Хаоса. Если считать, что число рун – 24, и эпоха каждой длится 4000 лет, то выходит, что Сфера просуществует порядка 96000 лет. Однако, многие учёные ставят под сомнение данные сроки, считая, что концепцию Рун нужно либо модернизировать, либо вообще кардинально пересматривать.

Тайтан – ледяной материк на севере мира Паэтты. Находится очень далеко от Паэтты. Те немногие экспедиции, что сумели вернуться оттуда, рассказывали о невероятном холоде, который там царит. Очевидно, что выжить в таких условиях ничего не может, поэтому Тайтан считается абсолютно необитаемым.

Танийский перевал – северный перевал через Анурские горы. Через него проходит Танийский тракт, соединяющий Латион и Пунт. Из-за близости Симмерских болот тракт теперь находится в запустении, а сообщение между государствами практически прервано.

Тондрон – империя черных магов. Создана лиррийским принцем Драонном, который попал под влияние сущности по имени Бараканд. Помощь в создании империи ему оказывали Двенадцать Герцогов – демоны, созданные Баракандом из лирр, последовавших за Драонном. Вместе они создали империю и населили её гомункулами, созданными из глины и других элементов. Империя Тондрон – единственное государство (если его можно так назвать), располагающееся не на Паэтте, а на Эллоре. Рядом с Тондроном соседствуют колонии людей с Паэтты, но империя пока не спешит этому мешать.

Торрбон – довольно крупный купеческий город на юго-западе Латиона, расположенный относительно недалеко от Варса. Также в относительной близости от Торрбона находится замок Наэлирро.

Трешка – мелкая железная монета Латиона, равная трети доррина.

Труон – самая крупная река Паэтты. Берет своё начало в озере Прианон и впадает в Серое море. В качестве притока имеет реку Алийю.

Туум – огромная пустыня, расположенная в южной части Загорья. Относится к территории Саррассанской империи. В пустыне Туум проживают племена баининов, обитающие в оазисах.

Увиллий – один из месяцев календаря Паэтты, соответствующий нашему августу. Назван в честь одного из величайших королей Латиона Увилла Великого, или Увилла Завоевателя, который сумел восстановить порядок на территории нынешнего Латиона после Смутных дней, а также расширил пределы государства.

Хаос – неперсонифицированная сила в Сфере Создания. В отличие от Арионна и Асса не является ни богом, ни его антиподом. Хаос – следствие и неизбежный спутник создания. Поскольку сама Сфера возникла как противоположность Абсолютному Покою из движения, инициированного Неведомым, она неизбежно с самого первого момента своего существо-

вания стремилась к Хаосу. Попыткой нивелировать Хаос было создание двух антагонистов – Асса и Арионна, которые должны были взаимно уравновешивать друг друга, тем самым не умножая Хаос. Однако из этого ничего не вышло, так что со временем Хаос в Сфере усиливается, влияя на процессы, происходящие в ней.

В частности, считается, что именно воздействием Хаоса можно объяснить возникновение аномалий в *возмущении*. Также Хаос привнёс случайность в существование Сферы. Согласно концепции арионнитов и ассианцев Сфера до времени относительно защищена от Хаоса Рунами, которыми её запечатал Неведомый, но с каждой сгоревшей Руной Хаос будет усиливаться, неся свою разрушительную суть во всё, что было создано.

Одновременно Хаос воспринимается верующими жителями Паэтты в качестве некоего подобия нашего ада – те души, что не могут добраться до обители Арионна или чертогов Асса, падают в Хаос, где и исчезают. Что происходит с ними там – на этот счёт мнения сильно расходятся.

Центурион второго ранга – командующий когортой, в отличие от просто центуриона, командующего центурией. В книге Кол часто именуется просто центурионом, но это сделано исключительно для сокращения, поскольку известно, что легионер Сан Брос в своё время командовал когортой, т.е. был именно центурионом второго ранга.

Армия Латии строится по принципу, сходному с армией древнего Рима – основу его составляют легионы, в которые входит обычно от 5000 до 6000 человек. Легионы делятся на когорты, в каждой из которых обычно порядка 500 человек, а те, в свою очередь, делятся на центурии (сотни). Центурии могут делиться на манипулы в зависимости от поставленной задачи. Деление на манипулы было непостоянным, так что в одном случае манипула могла состоять из пары десятков бойцов, а в другом – из полусотни.

Цех Воров – один из четырёх Цехов Гильдии Теней. Цех Воров традиционно считался низшим в иерархии Гильдии, хотя среди его мастеров бывали весьма талантливые и удачливые воры, о которых слагали легенды. Как видно из названия, основным занятием для членов данного Цеха были воровство, иногда грабёж, добывание конфиденциальной информации и т.п.

Цех Наёмных убийц – элита Гильдии Теней. Как правило, туда попадали лучшие из лучших – мастера, обладающие не только силой, но и мозгами. Способность проникать везде, хитроумность, с какой мастера этого Цеха исполняют свои задания – всё это снискало им славу и уважение среди других Цехов Гильдии. По негласной традиции Командорами Гильдии чаще всего становятся именно главы Цеха Наёмных убийц.

Цех Охотников за головами – ещё одна весьма уважаемая фракция Гильдии Теней. Охотники за головами – мастера отслеживать цель, как бы глубоко она не спряталась. Всё это создаёт своеобразный ореол вокруг охотников за головами. Данный Цех по престижу и почтительности, проявляемой к нему, вполне может соперничать с Цехом Наёмных убийц.

Цех Телохранителей – довольно узкоспециализированный Цех Гильдии Теней, который предоставляет услуги по защите богатых клиентов от нападений. По неписанному кодексу чести Гильдии, если она взялась защищать клиента, то уже не может взять контракт на его уничтожение. Хотя в некоторых исключительных случаях Цех Телохранителей берет на себя право разорвать контракт. Также крайне редко, но всё же случались случаи, когда охраняемые Цехом люди всё равно погибали, вроде бы по естественным причинам. Участие Наёмных убийц в этих случаях никогда не было доказано, но многие Телохранители

инстинктивно недолголюбивают членов остальных Цехов, считая их работу грязной и неблагородной, в отличие от собственной. Поэтому Цех Телохранителей стоит несколько особняком от остальных Цехов Гильдии.

Чёрный Суд – один из четырёх судов Латиона, который судит магов и представителей духовенства. В его состав также входят достаточно могущественные маги, в том числе и из лирр, а полномочия его простираются настолько широко, что Суд этот пользуется дурной славой в Латионе. Даже люди, не имеющие никакого отношения к магии, вздрагивают при упоминании Чёрного Суда. Называется он так по цвету мантий судий.

Шайтра – небольшой город в Палатие, расположенный на северном берегу Залива Дракона.

Шеар – город, ныне затерянный в лесах Санна. Когда-то был одним из самых известных городов Кидуанской империи – городом учёных, философов, культурным центром империи. Однако, после Смутных дней Шеар пришёл в запустение и довольно был заброшен, после чего саннские леса довольно быстро скрыли его от людей. Именно в Шеаре, в хранилище древней Академии, содержался могущественный артефакт под названием Голова Шуанна.

Шинтан – столица королевства Палатий. Расположен на слиянии двух рек – Труона и Алийи. Столица торгового государства, Шинтан является конечной точкой длинного торгового пути, проходящего с юга на север Паэтты – начинающегося в Золотом Шатре, затем по Великой имперской дороге идущего до озера Прианон, а дальше – через озеро и по реке Труон. Палатий ведёт также и разветвлённую морскую торговлю с Кидуей и Пунтом, однако шинтанский порт достаточно невелик, поскольку морские суда не могут добраться до города.

Эллор – самый крупный и таинственный материк мира Паэтты. Именно там была создана ужасная империя Тондрон. Кроме того, вероятно, *возмущение* на Эллоре несколько плотнее, чем на Паэтте, и даже имеет некоторое иное свойство, так что многие опытные маги могут даже распознавать по отзвукам манипуляций с *возмущением* эллорскую магию. Возможно, это связано с Баракандом – мощной сущностью-аномалией, находящейся на Эллоре. Во всяком случае, на материке проживают магические существа, не встречаемые более нигде в мире – например, драконы. Также только на Эллоре пока разведаны залежи мангила. Если он и есть на других материках, то пока ещё не был найден.

Благодарности

Огромное спасибо:

Елизавете "Nimphaterra" Косс – моему первому читателю, корректору, редактору, а также – моей лире и музе!

Максу Фомину – моему "фанату" и надсмотрщику, который буквально допинал меня до завершения этой книги.

А также – спасибо всем моим родным и друзьям. За всё!